

Егор Холмогоров

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Материалы к учебному пособию

Предуведомление

В декабре 2022 года я пообещал начать работу над книгой-руководством-учебным пособием по всемирной истории с русской точки зрения. С тех пор эта работа идет достаточно продуктивно и вызывает значительный интерес моих читателей.

Однако обстоятельства настоящего времени таковы, что жизнь любого известного русского интеллектуала может в произвольный момент прерваться вследствие ударов украинских террористов. Это потребовало от меня предпринять определенные страховочные меры, а именно я собрал в этом файле все значимые материалы, прямо или косвенно связанные с проектом учебника – начиная от краткого конспекта и заканчивая публикациями более проработанного уровня. Тексты расположены так, чтобы читатель, пусть и не без пробелов, смог получить ощущение целостного нарратива, целостного рассказа об исторических событиях. В каждом случае из имевшихся в моем распоряжении текстов выбирались максимально «нарративные». Часть этих материалов уже опубликована в открытом доступе, часть не публиковалась никогда.

В случае любого негативного развития событий всякий русский человек доброй воли, прочитавший эти 60 листов (2,5 млн. знаков) авторского текста сможет восстановить большинство смысловых узлов предполагаемого пособия (особенно в части древней и русской истории) и, при желании, написать собственное, опираясь на его идеи. Так же в случае внезапной преждевременной кончины я даю разрешение на свободное распространение и свободную печатную публикацию этих материалов, оставляя приоритет за издательством «Книжный мир» Дмитрия Лобанова.

Разумеется, данный текст не лишен огромных пробелов и существенных недостатков, особенно в нем чувствуется практически полное отсутствие ссылочного и библиографического аппарата. Бог даст, я продолжу совершенствовать этот текстовый резервуар и библиографией в той или иной форме он будет снабжен. Вообще, по мере появления новых материалов он будет обновляться. Так же предполагается второй том, который будет

содержать более частные тексты – статьи и рецензии по темам, которые в более общем ключе обсуждаются в данном, первом томе.

Желаю глубокоуважаемым читателям интересного чтения, испрашиваю их молитв, сам молюсь о нашей общей русской победе.

Обсудить проект можно в телеграм на канале: https://t.me/uchebnik_holmi

Поддержать проект финансово можно переводом на карточку:

4276 3800 5886 3064

Егор Холмогоров

18.05. 2023

СОДЕРЖАНИЕ

I. ОСНОВЫ

Какие учебники истории нам нужны?

Смысл истории. Основные теоретические положения

Взгляд на всемирную историю. Проспект учебника

II. ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

1. Движущие силы истории
2. Спор о происхождении человека
3. Древнейшие люди
4. Протоцивилизации верхнего палеолита
5. Мезолит и неолит. Две стратегии выживания
6. Ранние неолитические культуры
7. Металлургия, развития власти и собственности
8. Древние арии и их соседи
9. Бюрократические цивилизации Древнего Востока
10. Древний Египет. Нация против пустыни
11. Месопотамия. От городов к Империи
12. Долина Инда. Цивилизация торговых штампов
13. Индоевропейская экспансия. Западное направление
14. Индоевропейская экспансия. Восточное направление
15. Эра колесниц
16. Арии в Индии
17. Арии в Иране
18. Арии на Ближнем Востоке
19. Хеттское царство
20. Египетская империя Нового царства
21. Критская цивилизация
22. Коллапс бронзового века
23. Ассирийская империя
24. Осевое время
25. Древнегреческая цивилизация

26. Эллинистический мир
27. Римские завоевания
28. Римская Империя
29. Имперский Китай
30. Соединение ойкумен: «шёлковые пути»

III. МЕСОПОТАМСКАЯ ИМПЕРИЯ: ОТ КИША ДО АССИРИИ

1. Шумеры и семиты
2. Империя Ашшура
3. III династия Ура. Цари Шумера и Аккада
4. Царство Хаммурапи. «Чтобы сильный не притеснял слабого...».
5. Ассирия. «Логовище львов».

IV. ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ. СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИИ

1. Битва с пустыней
2. «Девять луков»
3. Корабли и золото
4. Изгнание гиксосов
5. «Египетский Наполеон» и создание империи
6. Устройство Египетской империи
7. Религиозный переворот Эхнатона и его последствия
8. Закат египетской империи

V. ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ

1. Спарта
2. Фемистокл. Черты к историческому портрету
3. Эллинизм и оптимизм. О типе древнегреческой культуры

VI. РИМ. ЯЗЫЧЕСКИЙ И ХРИСТИАНСКИЙ

1. Отягощенные Римом. Свет и тени древней Империи
2. Мученики против магов. Гражданская война в Римской Империи

VII. ВИЗАНТИЯ

1. Существовала ли Византия?
2. Антивизантийский миф
3. Что такое Византия
4. Повседневность чуда

5. Царство святых и империя чиновников

6. Категории византизма

VIII. ВИЗАНТИЙСКИЙ МИР

1. Вселенские соборы

2. Тьма, пришедшая на Средиземное море

IX. НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ. ЛЕКЦИИ

1. Происхождение славян

2. Славяне на Дунае

3. Рождение Руси

4. Русь на пути к крещению

5. Становление русской нации

6. Русь в эпоху «Слова о полку Игореве»

7. Катастрофа XIII века. Монгольское завоевание

8. Возвышение Москвы

X. РУСЬ ГОСУДАРЕВА

1. Дмитрий Донской и эпоха Куликовской битвы

2. Иван III и становление Русского национального государства

3. Иван Грозный и его эпоха

4. Борьба за Дикое поле

5. Битва при Молодях и её историческое значение

6. Смуты и её преодоление

7. Судьба Западной Руси и воссоединение Малороссии

8. Хованщина

XI. ПЕТРОВСКИЙ ПОВОРОТ

1. Пётр Великий и Ужасный

2. Истоки Северной Войны. Россия и Мир-система в XVI-XVIII веках

3. Полтавская баталия

4. Призрак Мазепы

XII. ОТЕЧЕСТВОЛЮБЦЫ

1. Наполеон над Европой

2. 1812. Первая Отечественная

3. Николай I. Русская контрреформация

4. Александр III. Венценосный славянофил

5. Николай II. Царь-победитель

XIII. ПОД КРАСНОЙ ЗВЕЗДОЙ

1. От великих потрясений к великой Победе

2. Послевоенный СССР

3. «Перестройка» и распад СССР

XIV. РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

1. Русское национальное самосознание

2. Категории русской цивилизации

3. Призрак русской неудачи. О климатической теории академика Милова

4. Почему Россия - не Азия

5. Византизм и русскость

6. Лестница в Небо. Русская шатровая архитектура и наследие преп. Иосифа Волоцкого

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ПОСОБИЕ ДЛЯ ПЯТИКЛАССНИКОВ

1. План пособия

2. Что такое история?

3. Древние люди

4. Охотники на мамонтов

5. Первобытные искусство и религия

ПРИЛОЖЕНИЕ II. КАК СТАТЬ ИСТОРИКОМ БЕЗ ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ

ПРИЛОЖЕНИЕ III. ПРОЛЕГОМНЫ КО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

ПРИЛОЖЕНИЕ IV. СПОР О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

КАКИЕ УЧЕБНИКИ ИСТОРИИ НАМ НУЖНЫ?

В середине декабря 2022 года Владимир Путин поручил Министерству просвещения проработать вопрос об объединении школьных курсов истории и всеобщей истории и сделать так, чтобы история России изучалась в контексте мировой истории.

У части нашей патриотической общественности это решение вызвало глубокую обеспокоенность. Только удалось хотя бы немного прочистить преподавание русской истории от самых замшелых мифов, немного исправить оставшиеся с советских времен враждебные характеристики некоторых царей, заложить хотя бы минимальный набор патриотических смыслов – и вот, все дело насмарку. Наверняка это заговор глобалистов.

Вписанная в глобальный, что значит в нынешних условиях – глобалистский, контекст русская история будет растворена и выброшена на обочину. Как горько отметил один замечательный русский историк, немало сделавший для того, чтобы русская история в школе преподавалась качественно: «Если дело с историческим образованием пойдет дальше по этому пути, следующие поколения будут уезжать из России сразу после окончания школы. Вот что бывает, когда русская история для этих "стратегов" от образования совсем не своя...».

Но есть у этого решения и немало сторонников среди безусловных патриотов. И их взгляд на ситуацию прямо противоположный – нам не русскую историю нужно глобализировать, а наоборот – русифицировать всемирную, чтобы весь исторический курс от древнейших охотников на мамонтов и до СВО был россиецентричным.

Если мы будем на уроках русской истории давать патриотическую прививку, а на уроках всемирной истории будет идти все та же глобалистская западническая пропаганда, то наш школьник будет считать, что история России – это такое краеведение, а вот если кто хочет быть современным и участвовать в глобальных процессах – то ему это все не сдалось – учи про Перикла, Меровингов и Наполеона.

Наша задача состоит в том, чтобы перепрошить всю картину нашей преподаваемой в школе всемирной истории, закрутить её вокруг России, а не ограничиваться закуточком – пусть и самым патриотическим.

Кто же прав в этом споре? Приведет ли объединение русской и всемирной истории в школе к лучшим или к худшим результатам? Ответ на этот вопрос прост: зависит от идеологии и мотивации исполнителей.

И вот тут, увы, расклад следующий – в теории конечно правы те, кто выступает за русификацию всемирной истории. Действительно, без грамотного исправления всемирноисторической перспективы мы нормального русского гражданина не сформируем.

На практике же есть все основания для опасений. Те, кто будет такие учебники и курсы официально писать превратят рассказ русскому школьнику о всемирной истории в сагу о сияющем Западе и отсталой, убогой, никому не нужной России. Преодоление так называемого евроцентризма будет заключаться в том, что нас сделают отсталыми не только по отношению к Европе, но и по отношению к Китаю, Индии и даже Черной Африке. А заодно еще и будем виноваты перед ними, поскольку мы частично европейцы.

Мне попала на глаза некая «концепция преподавания истории России», которую сейчас рассылают по образовательным учреждениям, то ли для апробации, то ли уже в качестве действующего стандарта и руководства для преподавателей.

Из этого удивительного документа мы узнаем, к примеру, что XVI-XVII века, цитирую: «стали временем, когда вполне определенно проявились особенности исторического развития России».

Дальше из текста концепции преподаватель должен узнать и донести видимо до школьников, что все особенности исторического развития России» сплошь отрицательные. Что вообще особенность России – это плохо. Хорошо, когда Россия во всем похожа на Запад. А если, не дай Бог, что-то особенное, значит это фактор отсталости и путь в тупик.

Для начала нам сообщают, снова цитирую: «Московское государство ввиду расположения на периферии Европы и отсутствия выхода к морским торговым путям оказалось слабо вовлечено в общеевропейские социально-экономические процессы».

И периферийные мы, и отсталые, и слабо вовлеченные... При этом в чем состояли социально-экономические процессы в Европе в XVI-XVII веках? Никакой промышленной революции еще не было. Никакого аграрного переворота еще не было. Новое в экономике этой эпохи заключалось в развитии общемировой торговли. Участвовала ли Россия в этой мировой торговле? Еще как участвовала. Сперва главными контрагентами были, как и везде на севере Европы голландцы, а с 1553 года на русский Север, в Холмогоры, а затем Архангельск, пришли англичане развернувшие с Россией масштабную и разнообразную торговлю, которая стала их выигрышным

билетом в конкуренции с Испанией и Португалией – оказалось, что торговать с Россией может быть так же выгодно как торговать пряностями или грабить новооткрытую Америку. Из России в Европу через руки английских и голландских купцов уходили тонны «мягкого золота» - пушнины. Не только и не столько предмета роскоши, сколько, в условиях тогдашней промерзающей Европы, практически безальтернативного источника сбережения тепла.

У России было достаточно влиятельное место в мир-экономике XVI-XVII веков, и отсталым или, даже, периферийным его назвать нельзя. То есть перед нами не исторические факты, а внушаемая, навязываемая вопреки историческим фактам концепция отсталости и периферийности России.

Дальше еще интересней. Периферийность и неучастие в мировой экономике оказывается привело нас к крепостничеству. Снова цитирую:

«Здесь, как и в ряде государств Восточной Европы, законсервировались и получили дальнейшее развитие крепостнические тенденции, во многом обусловленные особенностями геополитического положения страны».

И снова перед нами речекряк. Очевидно, что составители имеют в виду так называемое «второе издание крепостничества», которое охватило ряд регионов Восточной Европы от Австрии до Польши – и наше крепостное право иногда подверстывают к нему же.

Однако ни о какой «консервации» крепостнических отношений, ни о какой связи их с периферийным по отношению к мировой торговле положением речь вести не приходится.

Наоборот, в той же Польше, - это самый яркий пример, развитие жесточайшего крепостничества было связано с прямой вовлеченностью в мировой и европейский рынок. Польша вела по Висле через Данциг-Гданьск масштабную торговлю зерном, рожью, обеспечивая продовольствием всю Северную и значительную часть южной Европы. Контролировали эту торговлю голландцы, они платили польским магнатам хорошие деньги и смогли интегрировать их в мировой рынок.

Эта интеграция имела для Польши два весомых последствия. Во-первых ужесточение крепостного права, которое в восточных регионах Польши, то есть в нашей Малороссии и Белоруссии приобрело характер порой напоминавший плантационное рабство. Нигде холоп не был настолько золопом, как в Речи Посполитой XVII века. Французский инженер Боплан, выпустивший в 1650 году во Франции карту и описание «пустынных земель именуемых Украиной» так описывал положение малороссийских крестьян

побуждавшее их к побегам и восстаниям: «Они принуждены отдавать своему господину все, что тому вздумается потребовать; неудивительно поэтому, что эти несчастные, закрепощенные в таких тяжелых условиях, никогда не могут ничего скопить. Но это еще менее важно чем то, что их владельцы пользуются безграничную властью не только над имуществом, но и над жизнью своих подданных; вот как велики привилегии польского дворянства, которое живет словно в раю, между тем как крестьяне пребывают как бы в чистилище».

Вторым следствием той же интеграции Польши в мировой рынок стало усиление польских магнатов и ослабление до полного ничтожества королевской власти. Польское дворянство, получая большие доходы напрямую от зерновой торговли не могло получить от короля ничего ценного, а потому не считала себя необходимым ему подчиняться. Привилегии панов все расширялись и расширялись и в итоге государство в Польше практически умерло, а затем было добито ударами соседей, в том числе России. Кстати, это добивание в наших учебниках совершенно недопустимо называть разделами Польши – Россия никогда никакую Польшу не делила, она возвращала свои западно русские земли. Нигде в 1772-1795 годах Россия не присоединила к себе ни клочка собственно польских земель. Польшу делили Пруссия и Австрия, Россия воссоединяла русские земли.

Как видим, усиление крепостничества в «ряде государств Восточной Европы» было связано не с их периферийностью и оторванностью от мировой экономики, а с прямо противоположной вещью – с убийственной интеграции в неё. Именно такой интеграции и не допустили русские цари – они сохранили контроль над внешней торговлей, они не допустили, чтобы внешние капиталисты разрушили русский социум. Развитие русского крепостничества не имело ничего общего с восточноевропейским – оно не преследовало цель повысить товарность сельского хозяйства за счет рабского труда. Оно ставило своей задачей погасить подвижность населения чрезвычайно расширившейся державы, поскольку эта подвижность подрывала основы главной военной силы страны – дворянства, которое оставалось в своих разоренных смутным временем поместьях без рабочих рук.

Иными словами, в Восточной Европе второе издание крепостничества было связано не с невписанностью в мировую экономику, а напротив – с чрезмерной вписанностью. Мировой капитализм породил хлопство в Польше так же, как он породил рабство в США.

Дальше еще страннее. «На фоне этого, подобно ряду европейских государств, политическое развитие России пошло по пути формирования абсолютистской

модели власти». То есть на фоне отсталости от Европы и периферийности в России стал формироваться абсолютизм, подобно «ряду европейских государств». Что же это были за отсталые и периферийные страны, где возобладал абсолютизм? Их список хорошо известен: Испания при Габсбургах, Англия при Тюдорах и первых Стюартах, Франция при Бурбонах. Не странный ли список отстающих? Не находите?

Получается, что концепция противоречит сама себе. Сперва нам сообщается, что у России наметились особенности развития, особый путь, выразившийся в ее якобы отсталости от Европы. А потом выясняется, что политическое развитие России шло так же, как у передовых стран Европы. Интересная «отсталость», да и с ведущим к ней «особым путем» как-то не клеится.

Ну и такой приговор Русскому Царству, снова цитирую: «К концу XVII в. Московское государство подошло державой, простиравшейся от Киева и Смоленска до берегов Тихого океана, с неограниченной властью монарха, юридически оформившимся крепостным правом и очевидным экономическим, военно-техническим и научным отставанием от стран Западной Европы».

Бедные мы глупые неандертальцы безнадежно отставшие от прогрессивных кроманьонцев на своем особом пути. Правда, при этом, каким-то удивительным образом усвоившие результаты произошедшей в Европе в XVIII веке военной революции, разбившие с помощью полков нового строя поляков и бивавшие в чигиринских походах турок, что в то время в Европе мало кому удавалось.

Понятно, что если нашему школьнику и студенту будет систематически внушаться идея, что особый путь, цивилизационный суверенитет России – это отсталость, то и в самом деле сбудется прогноз, что наши молодые люди получив диплом, а иногда и аттестат, бежать задрав штаны на Верхний Ларс.

Но вот на что обратим внимание. Эта западническая пропаганда тезиса о российской отсталости особенно эффективно действует на тех, кто ничего не знает о втором издании крепостничества и самоколонизации Польши, о месте России в мировой торговле, о европейском абсолютизме, о развитии военного дела в Европе XVII века. То есть предпосылкой успешности пропаганды тезиса об отсталой России является как раз изоляция изучения истории России и истории остального мира, когда никому не придет в голову сопоставить современников – Людовика XIV и Алексея Михайловича или соотнести прокатившиеся практически одновременно осуждение и казнь Карла I в Англии, Фронду во Франции и соляной бунт в России.

То есть честное и грамотное изучение всемирной истории как раз от пропаганды отсталости России наших школьников избавило бы. Но тут, как всегда, вопрос кадровый.

Причем просто честных, нерусофобских кадров тут, увы, не хватит, поскольку против России и русского самосознания играют не только отдельные либеральные интеллигенты с бубнежкой про отсталость на русском особом пути. Играет сама структура преподавания всемирной истории, доставшаяся нам даже не от советского времени, а еще от XIX века.

Против нас играет, как выражаются любители иностранных слов, большой исторический нарратив.

Нарратив этот состоит в следующем – в древности жили великие народы – греки и римляне (к ним позднейшие исследования добавили еще предисловие в виде древнего востока. Но принципиально это ничего не изменило). Римляне создали великую Римскую Империю, на которую в ходе великого переселения народов напали северные варвары – преимущественно германцы – и ее разрушили. После разрушения Римской Империи на ее руинах царили темные века, но через них постепенно пробивалась молодая и бурная жизнь Западной Европы, которая развивалась, развивалась и дошла до крестовых походов, ренессанса, реформации, научно-технического прогресса, французской революции – и так до дедушки Ленина (в советском варианте) и гей-парадов (в нынешнем). Сбоку от цветущей Европы зачахла упадочная Византия, господствовал все более консервативный ислам, погружались в отсталость Индия и Китай, а Россия была никому не интересной периферией, которой придал немного блеска лишь Петр I, прорубив окно в Европу.

Мы это с вами слышали столько раз, что кажется даже невозможно себе представить, что картина всемирной истории может быть нарисована как-то по другому – если говорить без всевозможной фоменковщины.

И нетрудно увидеть, что эта картина, на уровне учебника истории 6 класса программирует на русофобию и на ту самую идею российской отсталости. Русофобом становятся в 6 классе на уроках истории. Я не шучу.

В этот момент наш ребенок открывает книжку на обложке которой обязательно изображены какой-нибудь красивый средневековый замок из часослова герцога Беррийского или откуда-нибудь еще, прекрасные дамы в прекрасных платьях.

Дальше он изучает салическую правду, меровингов, Карла Великого, борьбу императоров и пап, крестовые походы, Жанну д'Арк, Ренессанс. Интересная,

увлекательная, красивая – по крайней мере на картинках, жизнь... По сути – расширенная история Франции, к которой Россия и русские не имеют практически никакого отношения.

Не случайно у нас с таким энтузиазмом хватались за редкие мостики с «настоящей Европой» вроде Анны Ярославны королевы Франции – мол и мы чуть-чуть рядом постояли.

Обходились не только без Византии, которая рассматривалась как заведомо обреченный пережиток древности. Советские и постсоветские учебники ухитрялись обходиться даже без викингов, рассматривая их только как внешнюю угрозу «настоящей Европе».

Что в результате получалось – 6 класс в плане изучения истории возраст самый опасный, поскольку в голове школьника практически не оседает конкретная информация. Оседает обобщенный образ, составленный из картинок, заголовков, отдельных фраз. Оседает на подсознательном уровне, как некий неясный отпечаток.

И вот что отпечатывается: после гибели Рима столбовая дорожная всемирной истории проходит в Западной Европе, где цветет большая пышная жизнь, к которой история Руси-России, которую мы изучаем в том же шестом классе на уроках российской истории, не имеет вообще никакого отношения.

Так наша школьная история утверждает тезис западника и латинофила Петра Яковлевича Чаадаева: «Мы никогда не шли вместе с другими народами, мы не принадлежим ни к одному из известных семейств человеческого рода, ни к Западу, ни к Востоку, и не имеем традиций ни того, ни другого. Мы стоим как бы вне времени, всемирное воспитание человеческого рода на нас не распространилось».

Все эти размышления в умах нашей полуобразованной западнической интеллигенции, в конечном итоге, сварились в компот, который точнее всего охарактеризовал Достоевский в образе Смердякова: В двенадцатом году было на Россию великое нашествие императора Наполеона французского первого, отца нынешнему, и хорошо, кабы нас тогда покорили эти самые французы: умная нация покорила бы весьма глупую-с и присоединила к себе. Совсем даже были бы другие порядки-с».

Вот уже лет двести все песни нашей либеральной интеллигенции являются лишь вариациями этой бессмертной мелодии. Вспомним, к примеру, недавние запалачки Тамары Эйдельман – ныне иноагента – которая

печалилась, что территория России не была оккупирована римлянами и не входила в Римскую Империю, а потому не приобщилась к цивилизации.

Характерное для наших либералов сочетание тоски по оккупации и элементарного невежества – часть будущей территории России – Боспорское царство – в состав империи входила.

То есть наш школьный курс истории нужно лечить. Лечить именно на уровне большого исторического нарратива. И, прежде всего, в тех отделах, которые касаются средневековья и проходятся сегодня в шестом классе.

Центром нашего рассказа о средневековье должен быть не Запад, а Римская Империя – Византия. Собственно средневековый период – это эпоха между 476 годом, когда не «пала Западная Римская империя», а было устранено разделение империи на Западную и Восточную и восстановлено единство императорской власти под верховенством императора в Константинополе и 1453 годом, когда Константинополь пал под ударами турок, а православное царство отошло Москве – Третьему Риму.

Вот это тысячелетие, в течение которого события мировой истории вращались вокруг Константинополя, с которым взаимодействовали и западные народы, и мир ислама, и эфиопы, и монголы, и даже далекие китайцы, связанные со Средиземноморьем великим шелковым путем, и должно быть в центре нашего исследования и изучения.

Эту империю на Западе принято было называть «византийской». Первоначально в этом не было никакого умаления. Византий – название греческого города на месте которого был построен Константинополь. Его начали употреблять сами же имперские писатели, следовавшие литературной традиции аттицизма, которая исключала употребление новых слов, которых не было у великих греческих классиков – Геродота, Фукидида и Ксенофонта. Поэтому Константинополь называли Византием, его жителей – византийцами, а русских, к примеру, тавроскифами – то есть крымскими скифами. Это словоупотребление перешло в Италию в эпоху ренессанса и там закрепилось. Но постепенно понятие «Византия» и в самом деле начало наполняться на западе отрицательным смыслом – она изображалась как упадочная империя, обреченная на гибель, в противоположность великому Риму и расцветающему западу.

Картина, впрочем, получалась странная. Римская Империя просуществовала от императора Августа до Ромула Августа 500 лет. А так называемая упадочная Византия – тысячелетие. И все это время она боролась с

множеством врагов, отвоевывала у них потерянные земли, развивала высочайшую культуру, изумительную систему права, и невероятной духовной глубины богословие и философию. И оставалась объектом завистливых взглядов и с Запада и с Востока.

Единственные, кто, пожалуй, не смотрел на Константинополь с завистью, но с почтительным восхищением, были русские. В отличие от франкоцентричной истории, к византиецентричной истории мы имеем самое непосредственное отношение. Сперва славяне, а потом Русь развивались на границах Империи, а затем и в её границах, приобрели от нее грамоту и слово Божие, получили в наследство богатейшую культуру. В русских храмах молились за римских императоров, за исключением моментов, когда те отпадали в ересь – унию с латинским западом. Москва как могла поддерживала средствами империю и её храмы на заключительном этапе их мучительно заката, но и тогда воспринимала Константинополь с огромным уважением.

Иными словами, история Византии – это _наша_ история, в отличие от истории франков и англов. И рассказывая нашим школьникам всемирную историю мы должны рассказывать прежде всего о пути от первого Рима ко второму и от второго к третьему.

Нам скажут, но Константинополь пал, а Запад развивался дальше и изобрел много замечательных вещей – компас (ой нет), печатный станок (ой, тоже нет), паровую машину (что-то я тоже слышал разные версии) и права человека.

Однако даже если восхищаться Западом и считать принесенную им модель прогресса однозначным добром, все равно нужно смотреть исторически. Из того, что некое явление впоследствии развилось и разрослось отнюдь не следует, что оно изначально находилось в центре истории. Мы не выдвигаем на первое место Древний Рим эпохи царей и первых консулов в аванс за будущую Римскую Империю, мы все-таки уделяем особое внимание классической греции и Александру Македонскому, хотя в будущем Риму суждено захватить и превзойти Грецию. Точно так же история Запада до позднего средневековья это история периферии Римской Империи – Византии, а центром по крайней мере для самого себя Запад сумел стать только по методу крокодилчика из анекдота: - Крокодилчик, ты папу съел? Съел. Ты маму съел? Съел. Ты сестренку съел? Съел. Так кто же ты теперь? Сиротаааа.

Для России же рассказ о всемирной истории обязан базироваться именно на идее Третьего Рима, идее преемственности от Рима и Византии, помещающей

нас в центр истории. Протягивающей нити из прошлого именно к нашим предкам и их великим деяниям.

А в отношении остального мира этот принцип единства имперской истории должен дополняться принципом множественности цивилизаций, принципом многолинейного исторического развития.

Этот принцип был вкладом в сокровищницу мировой исторической мысли сделанным именно русскими – великим русским мыслителем, философом и естествоиспытателем Николаем Яковлевичем Данилевским.

Его книга «Россия и Европа» заложила основы цивилизационного подхода в исторической науке, остающегося одним из основных и по сей день. Всемирная история есть история развития нескольких крупных исторических миров – цивилизаций, каждая из которых обладает собственным оригинальным культурно-историческим типом, оригинальным художественным стилем и стереотипами поведения. Каждая цивилизация создает большую культуру, которая дает ответы на полноту человеческих вопросов о бытии. Но содержание этих ответов значительно различается.

Одни из цивилизаций дали свой исторический плод и ушли в прошлое. Другие продолжают существовать. У некоторых, возможно, всё еще впереди – Данилевский верил в то, что славянская цивилизация во главе которой стоит Россия еще не сказала своего главного слова. Только совокупным историческим движением цивилизация и творится всемирная история и Запад не может и не должен присваивать себе звание единственной цивилизации и заставлять всех идти за собой в одну сторону, заведомо оказываясь в отстающих, и называть это прогрессом.

«Прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях» - подчеркивал Данилевский.

Именно цивилизационный подход должен господствовать в объяснении истории. Еще раз об этом неустанно напоминал Александр Солженицын, в своей Гарвардской речи и последовавших выступлениях указавший Западу, что тот не должен мнить себя распорядителем судеб человечества.

«Человечество развивается не единым потоком, а отдельными областями, отдельными культурами, у которых свои закономерности в развитии. Это впервые было отмечено Николаем Данилевским в XIX веке в России, потом, на переходе к XX веку, Николаем Трубецким, но не было усвоено до тех пор, пока эту же идею провёл Освальд Шпенглер, а за ним Арнольд Тойнби. Поскольку

эти культуры, эти огромные, часто замкнутые, миры развиваются не по единой команде и не по единому закону по всей Земле — то в разное время они возвышаются, усилиются, потом, наоборот, ослабляются. Современное усиление ислама, исламского фундаментализма — яркий пример этого феномена... Могут быть вспышки и других культур: восточных, дальневосточных, может быть даже африканских... В этом разнообразии мира состоит его высшая красота» .

Изучать всемирную историю без последовательно проведенного цивилизационного подхода, ограничиваясь лишь пересчетом вшей в складках платьев французских королей, недопустимо.

Однако ни в коем случае нельзя допустить, чтобы цивилизационный подход был использован против России и русской истории. Чтобы русская цивилизация потерялась для нас в толпе иных. Это может привести только к пропаганде раскола России например по религиозным границам между православием, исламом, буддизмом и так далее.

Поэтому римско-византийско-русская ось истории для нас обязана быть центральной и стоять на первом месте.

Безусловно, исправление «вывиха шестого класса» - это главная задача при переработке наших курсов истории, но далеко не единственная.

Например, рассказывая о древнем мире нам нужно гораздо больше внимания уделять тому, что происходило в степях Южной России, соединявших Европу и Азию. Именно там, на территории будущей России, обитали индоевропейцы, изменившие весь ход мировой истории. Сформировались уникальные традиции кочевой металлургии, так ярко отразившиеся в ставшем культовым объектом наших дней Аркаиме. Именно отсюда отправились на восток, в Индию и Иран арии, а на запад — предки греков, римлян, кельтов и германцев. Наконец, именно здесь, в лесной зоне, остались как в убежище, чтобы потом из этого убежища распространиться на всю северную Евразию славяне. У школьника, на сей раз в пятом классе, не должно оставаться впечатления, что в то время как в Шумере и Древнем Египте развивалась цивилизация у нас была периферийная пустота.

Говоря о средневековье мы, поставив в центр Византию, должны уделять большое внимание викингам — участникам процессов формирования Древней Руси, событиям в кочевой Великой Степи между Китаем и Русью, поскольку именно этими событиями определялась судьба цивилизаций. Нужно привлечь внимание учащихся к сложному комплексу отношений вокруг

Великого Шелкового Пути и его морского близнеца – красноморско-индоокеанского торгового пути. Очень важно исправить традиционную в наших учебниках недооценку цивилизации Ирана, и зороастрийского – эпохи Ахеменидов и Сасанидов, и исламского. С учетом того, что Иран для России издревле был и важным торговым партнером и порой союзником, и остается таковым и по сей день, понимать место Ирана в истории очень важно.

Кстати, раз уж упомянули державу Сассанидов. Важнейшая задача любого исправления картины истории – это реабилитация первого тысячелетия нашей эры. Той эпохи, которая была окрещена западной историографией «темными веками». Простите, ребята, но это у вас там на краю света были темные века и величайший император Карл Великий не умел писать. В Восточном Средиземноморье не давала сожрать себя варварам и развивая великую культуру существовала Римская Империя – Византия. На Востоке расцветали Сассанидский Иран, а затем Арабский халифат. Китай, раньше Европы попавший под власть варваров раньше от них и освободился и достиг великолепий при династии Тан.

То есть представление о некоем мнимом всемирноисторическом провале, случившемся в I тысячелетии нашей эры – это удел недоучек.

Многое следует переоценить и в истории Европы, которая, конечно, остается важной составляющей всемирноисторического процесса. Прежде всего, нам необходимо отказаться от восторженного, почти пионерского тона в отношении того маршрута западноевропейской цивилизации, который Александр Солженицын назвал «орбитальным путем». Позволю себе еще одну цитату:

«Этот орбитальный путь был: Возрождение — Реформация — Просвещение — физические кровопролитные революции — демократические общества — социалистические попытки. Этот путь не мог не совершиться, коль скоро Средние Века когда-то не удержали человечества, оттого что построение Царства Божьего на Земле внедрялось насильственно, с отобранием существенных прав личности в пользу Целого. Нас тянули, гнали в Дух — насилием, и мы рванули, нырнули в Материю, тоже неограниченно. Так началась долгая эпоха гуманистического индивидуализма, так начала строиться цивилизация на принципе: человек — мера всех вещей и человек превыше всего».

Все наши учебники строятся на восторге перед Ренессансом, на восторге перед Реформацией, на восторге перед веком Просвещения. Все эти этапы рассматриваются как безусловное благо. Лютер и даже Кальвин, равно как и

Елизавета I английская в наших учебниках правы, а император Карл V Габсбург или его сын Филипп II – заведомо неправы. Так называемая Нидерландская революция, на деле волна чудовищного разрушения церквей, статуй и икон и захват власти немногочисленной кальвинистской сектой – это прогрессивное событие. Такими же прогрессивными событиями оказываются английский великий мятеж с казнью короля, который мы, в отличие от самих англичан, зовем «революцией». И разрушительная французская революция. Напротив, консервативных сил Европы для наших учебников не существует или они оказываются врагами.

Соответственно смысл истории России состоит в том, чтобы все теснее сливаться с этим европейским «прогрессом», отрезая от себя с мясом все, что в нас есть самобытного, ориентированного на идеалы духа, а не материи.

И когда сегодня оказывается, что европейский прогресс – это давно уже регресс, это система мероприятий по торможению Западом развития остального мира ради удержания собственного господства. Когда последней стадией ренессанса и реформации оказываются культ трансгендерных туалетов и уничтожение социально-биологической основы человечества – семьи. И когда Россия активно выступает против всего этого – и в идеологии, и в геополитике, и в экономике, и в культуре, то получается, что мы выступаем против хода истории, как мы сами своим школьникам его изложили.

И не удивительно, что многие уехавшие уезжают именно для того, чтобы, как им кажется, оказаться «на правильной стороне истории». Мы не научили их тому, что правильная сторона истории – это наша, русская сторона. Что быть надо на ней – вместе с Русью, с её святыми и вместе с Богом.

Именно такой образ истории в школе и вузе нам нужен. Но способны ли будут его сформировать наши «кадры»? Вот это пока довольно сомнительно.

СМЫСЛ ИСТОРИИ

Основные теоретические положения

Понятие об истории в нашем сознании неразрывно связано с идеей движения. Историей мы называем не ту ситуацию, когда время прошло, а в имеющемся положении вещей ничего не изменилось. Историей мы именуем изменение существующего положения вещей – оно может быть сознательным или несознательным, быстрым или очень-очень медленным, едва заметным.

Причиной изменения служит противоречие. Существующее положение вещей нас почему-то не устраивает и должно быть изменено, для чего и требуется движение. В чем же состоит то основное противоречие, которое вынуждает людей к историческому движению?

Основное противоречие истории – это противоречие между данными человеку фактами его физической жизни, окружающей его действительностью, полной несовершенства, голода, страданий и смерти, и ощущаемой человеком в самом себе идеальной природой, призывающего его к могуществу, ведению, и даже бессмертию. Внешние обстоятельства мира предстают перед нами как единственная возможная данность, но эта данность разительно противоречит сознаваемой нами в самих себе идеальной заданности.

Стремление человека к более совершенному бытию, желание исправить жизнь в себе и вокруг себя, в соответствии со своей идеальной природой и составляет сущность исторического движения. Такое движение к совершенству может быть только несовершенным, так как наши несовершенство и ограниченность – такие же несомненные факты, как и наше нежелание примиряться с этими несовершенством и ограниченностью. Однако именно эти несовершенные движения к совершенству и составляют живую ткань истории.

Эти движения совершаются при помощи создаваемых человеком суперструктур. Наш интеллект имеет возможность вообразить и структурировать в уме социальные, материальные, идеальные объекты, которые значительно сложнее окружающей их среды. А затем человек обладает способностью воплощать эти объекты в действительности. Так возникают суперструктуры, то есть структуры, которые значительно сложнее своего окружения. Для того, чтобы выжить и развиваться дальше, такие

суперструктуры вынуждены усложнять окружающий их мир. Должны подводить фундамент под свое существование. В этом смысле история строится не «снизу», а «сверху».

При помощи солидарной социальной организации, технологий, искусства, идеологий люди приводят мир в соответствие со своим идеальным представлением. Культуры и цивилизации (выступающие в качестве своего рода суперструктур над суперструктурами) задают ценностное направление этих изменений и их стиль. Обычно цивилизации охватывают огромные территории на которых параллельно или последовательно присутствуют несколько народов и государств, связанных цивилизационным единством, или же мощные империи, выступающие как политическое оформление цивилизаций.

Начиная с Н.Я. Данилевского, впервые введшего представление о множественности цивилизаций, их базовый список остается более-менее постоянным, подвергаясь лишь некоторым уточнениям. Мы можем выделить ясно различимые в историческом процессе и современности следующие цивилизации.

Древние: Египетская; Месопотамская; Раннеиндоевропейская, Финикийская, Античная (греко-римская). Древние и архаичные, не достигшие полного раскрытия: Балканская неолитическая, Индская, Майя, Ацтеки, Инки. Древние, сохранившиеся до наших дней: Индийская, Китайская, Иранская (в синтезе с исламской). Возникшие в средневековье: Византийская, Русская (филиацией связанная с Византией), Исламская, Западная, Японская.

Может быть вопросом обсуждения существование в прошлом и настоящем «малых» и пограничных цивилизаций: крито-минойской, иудейской, скифской, эфиопской, корейской, буддийской в Юго-Восточной Азии, кельтской, балкано-славянской, тюркской, закавказской, а также продолжающийся в современном мире генезис латиноамериканской цивилизации.

Многообразие цивилизаций обеспечивает значительную степень многолинейности исторического развития,

Религия позволяет приблизиться к источнику формирующей цивилизацию идеальных представлений. Религия выступает в качестве сакральной вертикали, определяющей облик цивилизаций. Но существуют и религии, далеко выступающие за цивилизационные границы (однако и они не утрачивают вполне признаков своего происхождения).

В сфере человеческого духа идет постоянная борьба между собственно религиозной тенденцией – восстановить связь с изначальной духовной основой бытия, подчинить человека высшему, и тенденцией магической – стремлением подчинить реальность, в том числе и духовную, воле и желаниям человека.

Уже семья, простейшая изначальная ячейка человеческого общества, является, в действительности, довольно сложной суперструктурой, осуществляющей вскармливание, воспитание и поддержку людей в ходе их исключительно долгого, попросту несопоставимого с животным миром, периода взросления, сопровождающегося беззащитностью и потребностью в обучении.

Суперструктурная интеграция семей и надсемейных общин вокруг общих целей и ценностей на общей территории ведет к формированию народов, этносов, объединенных безусловной взаимной поддержкой (особенно против внешних сил), языком, представлением об общем прошлом и будущем и выразительным набором элементов культуры.

Народы выступают основой для политических суперструктур – от простых вождеств и ранних государств полисного, племенного или территориального типа, до больших империй и национальных государств. Государственная власть присваивает себе право организовывать совместную деятельность людей и мобилизовать их ресурсы для целей далеко выходящих за пределы интересов жизнеобеспечения самих этих людей. Причем власть осознает за собой право не спрашивать – хотят люди участвовать в этой совместной деятельности или нет. Такие государства разрастаются от общин, до целых стран (географических пространств на которых проживает один народ или группа совместно живущих народов) и, далее, групп стран, раскиданных, порой, на многих континентах.

Некоторыми исследователями постулируется существование своего рода осевой империи, учение о которой восходит к пророчествам библейской книги Даниила. Эта империя возникает в Вавилонии и Ассирии, продолжается в Персидской империи, затем в возникших в результате завоеваний Александра Македонского государствах. Мощным продолжением этой имперской традиции выступает Римская Империя в обличье трех Римов – собственно первого Рима, второго, нового Рима – «Византии» и третьего Рима – Российского царства. В рамках политической традиции этой имперской суперструктуры ей приписывается миссия сохранения мира от абсолютного

зла. Разумеется, другие державы, претендующие на имперский статус, такое видение оспаривают.

Государства рассматривают себя как суперструктуры, преобразующие окружающую действительность в соответствии с лежащим в их основе принципом и, во имя этого принципа, имеющими право осуществлять власть не только над отдельными людьми, но и над целыми народами. Осуществление этого права приводит к войнам, поскольку одним из базовых свойств народов (этносов) является взаимное отталкивание на основании языка, культуры и ценностей, образа жизни, наконец – психологии. Стремление государств включить те или иные народы в качестве строительного материала для своих суперструктур вызывает сопротивление. Источником сопротивления является и конкуренция государств за контроль над одними и теми же народами и странами.

Именно совершенствование средств войны, вооружений, является магистральной дорогой научно-технического прогресса. Новые виды вооружений значительно изменяют структуры социального контроля в общества и задают новые типы человеческого поведения.

Мы можем выделить следующие ключевые этапы развития военных технологий, существенно влияющие на поведение людей, причем в каждом этапе можно выделить статичную и мобильную фазы. Этап архаического оружия, вместе с фазой боевых колесниц. Этап железного оружия, вместе с фазой тяжеловооруженных всадников. Этап огнестрельного оружия вместе с фазой танков и самолетов. Этап атомного оружия, мобильная фаза которого пока может быть только предположена.

Технический прогресс в других областях меняет, прежде всего, доступные для людей экономические горизонты – совершенствование производства и хранение продукции, совершенствование транспортной инфраструктуры, расширение доступа к энергии, мануфактурное и машинное производство потребительских товаров и средств производства, расширение локальной и мировой торговли.

Явления технического и научного прогресса имеют тенденцию к унификации, особенно в военной сфере, под влиянием конкуренции человеческих обществ. Сходные стадии прогресса предполагают и определенное сходство задаваемых ими поведенческих моделей. Но никогда и нигде эта унификация не является абсолютной, а прогресс, взятый сам по себе, в отрыве от его идеальных целей, не может рассматриваться как смысл и содержание истории.

Экономическая история человеческих обществ представляет собой соревнование двух типов экономики. Экономика жизнеобеспечения нацелена на удовлетворение базовых потребностей домохозяйств в сохранении и продолжении рода. Тенденцией этой экономики на протяжении столетий являлось превращение любого прироста ресурсов в демографический рост. Противостоящая экономике жизнеобеспечения политическая экономика, напротив, отчуждала не только излишки, но и часть необходимых ресурсов на реализацию суперструктурных проектов – улучшение инфраструктуры, поддержание политических суперструктур, религиозный культ. Иногда эти затраты «возвращаются» в экономику жизнеобеспечения, долгосрочно улучшая состояние домохозяйств, но во многих случаях такой прямой связи не наблюдается.

Многие тысячелетия своей истории цивилизации, базировавшиеся на аграрном производстве, находились в своего рода «мальтузианской ловушке». Экономический рост почти без остатка поглощался демографическим ростом, вызывавшим экономическое перенапряжение. Малейшее ухудшение экономических условий вело к эко-социальному кризису, демографическому и политическому коллапсу.

В последние столетия характер экономических процессов существенно изменился. Сегодня рост экономики (по крайней мере в развитых странах) значительно опережает демографический рост. Несмотря на взрывной рост населения планеты в последние столетия оно значительно отстает от возможностей экономики их прокормить. Это во многом связано с трансформацией экономики жизнеобеспечения в экономику комфорта, произошедшей во многих обществах – дополнительные ресурсы расходуются теперь не на увеличение населения, а на улучшение (действительное или мнимое) качества жизни. Первоначально такая переориентация была связана с успехами медицины, обеспечившими гораздо лучшую выживаемость детей и большую продолжительность жизни взрослых. Однако сегодня экономика комфорта приводит во многих случаях к полному отказу от деторождения в развитых странах. Происходит замещение их населения мигрантами из беднейших стран. Таким образом, возможно предположить, что экономика комфорта не стала действительно новым явлением, а является смягченной формой всё того же эко-социального коллапса.

Большую роль в истории играют вне-национальные и вне-государственные суперструктуры, такие как религиозные и парарелигиозные движения, ордена и секты, торговые и финансовые сообщества, иногда тесно связанные с

диаспорами, транснациональные корпорации, идеологические течения. Для этого типа суперструктур характерно отсутствие связи с полнотой интересов конкретных человеческих сообществ, стран и народов. В этом их сила, позволяющая оперировать на огромных пространствах, концентрируясь на одном виде деятельности, но в этом же их, так как интересы наднациональной суперструктуры могут прийти в противоречие с интересами государства, страны и народа и оказывать на них разрушительное воздействие.

Одни и те же в исходном состоянии суперструктуры могут приобретать различный характер в зависимости от выбора между транснациональностью и национальностью. Например Христианская Церковь трансформировалась в римо-католичество в транснациональную корпорацию, имеющую собственные политические притязания, в то время как в Православии она сохраняет связь с политической почвой в виде «осевой империи» и с конкретными народами в их жизни и политическом устройстве.

Имеет ли история свою цель и свой конец? Нет, если подразумевать под концом истории некое идеальное состояние человеческих обществ, исключающих необходимость стремиться к чему-либо существенному. Или если представлять этот конец как некий переход в сверхчеловеческое состояние, для которого движущее историю основное противоречие будет неактуальным. Однако такой переворот невозможен – те недовольства, которые терзают человека, будут терзать и любого полученного эволюционным процессом или скачком «сверхчеловека». Сущностный характер истории не изменится. Поэтому, целью человеческих обществ является сопротивление «концу истории», одна из попыток которого была провозглашена на наших глазах. Такой конец был бы для человека лишь тупиком.

В то же время можно предположить, что история катастрофически конечна. Во всяком случае, в это верили представители большинства религий на протяжении многих тысячелетий. Их воззрения предполагали катастрофическое разрушение мироздания и воссоединение людей со своей абсолютной духовной природой, разлученность с которой и является для нас источником исторического недовольства.

Зачастую это представление сочетается с представлением о суде – индивидуальном и над целыми народами, в ходе которого будет подведен итог истории и оценен вклад каждого. Обретут благобытие не все, а только те, чья жизнь соответствовала ценностям этого благобытия. Этот суд иногда называют Страшным, но, в известном смысле, он является и утешительным,

так как именно он окончательно вырвет историю, как личную, так и коллективную, из тисков бессмысленности, освободит её от незначимости перед лицом вечности.

Безусловно, ожидание такого суда – вопрос веры. Однако именно вера, как мы показали выше и постараемся показать ниже, является одной из основных исторических сил. Попытка исключить её из нашего исторического познания равна была бы отказу от самой сущности истории.

Общий взгляд на всемирную историю

Перспектив учебника

Каменный век

Древнейшие известные нам орудия, изготовленные человеком, несут на себе признаки чисто человеческого интеллекта: целесообразность, представление об алгоритме последовательных действий, существование развитой социальной и культурной памяти, мало того – стремление к красоте. Древнейшие орудия обнаружены и на территории России от Дагестана до Кубани и Приазовья. К самым первым этапам человеческой истории относятся такие фундаментальные явления человеческой жизни как семья, социальная солидарность, строительство домов, изготовление одежды, религиозные представления.

Жизнеобеспечение ранних человеческих популяций было напрямую связано с хозяйственной эксплуатацией травяного биотома – экосистемы из трав, в частности злаков, и питавшихся этими травами копытных животных. Люди охотились на копытных, занимались собирательством. Плейстоценовые оледенения, расширявшие тундро-степную зону с её мегафауной, были, несмотря на низкие температуры, благоприятны для древних охотников и собирателей.

Особенно значительный культурный скачок произошел в период последнего по времени оледенения – археологи обозначают эту эпоху как верхний палеолит. Сформировался современный генотип человека, люди широко расселились по планете, заняв все экологические ниши. Начало оформляться многообразие человеческих культур и языков.

В приледниковых тундростепях будущей России - от Сибири до Поволжья, Придонья и Поднепровья, а также в Центральной и Западной Европе, возникли долговременные сложные поселения, опиравшиеся на эксплуатацию мегафауны с помощью охоты и (не исключено) первых экспериментов по одомашниванию. Появилось искусство, свидетельствующее о полном раскрытии возможностей человеческого интеллекта. О том же говорит и появление таких орудий, как лук, действие которых опирается на знание законов механики. По сути, можно говорить о верхнепалеолитической цивилизации.

Неолитическая революция

Окончание ледниковой эпохи привело к глубочайшему экосоциальному кризису и исчезновению этой цивилизации. Выжившие человеческие популяции выработали две стратегии реагирования на кризис. Первая - мезолитическая – приспособление к существованию в лесной и приморской среде с переходом к индивидуализированной охоте, рыболовству и собирательству морепродуктов. Вторая – неолитическая с формированием вокруг человеческих поселений искусственного травяного биома из одомашненных растений (прежде всего – злаков) и животных (прежде всего – копытных).

Неолитическая стратегия жизнеобеспечения позволила обеспечить значительный прирост населения и создание в VIII-VII тыс. до н.э. обширных постоянных поселений – протогородов (таких как Иерихон в Палестине, Чатал-хёюк и Гебекли-тепе в Малой Азии) в которых стало возможно поддержание значительных групп населения не связанных непосредственно с производством продовольствия – ремесленников, жрецов и шаманов, воинов, политических лидеров.

Появилась возможность выделения сектора экономики, ориентированного не на жизнеобеспечение домохозяйств, а на религиозные, престижные, стратегические цели больших человеческих групп. Политические лидеры («вожди») путем усиленной самоэксплуатации и раздачи богатств приобретают право на управление общественным сектором экономики и контроль за цепями обменов.

Самостоятельные неолитические центры сформировались на Ближнем Востоке, в Юго-Восточной Азии и в Центральной и Южной Америках, однако наибольшее значение на первых порах имел ближневосточный, эволюция которого предопределила развитие большей части Евразии и Северной Африки. В VI тыс. до н.э. неолитические земледельцы Ближнего Востока через Малую Азию передвигаются в Европу, осваивая её по средиземноморскому и придунайскому маршруту. Возникает массив неолитических культур в которых осваивается производство керамики и происходит «революция вторичных продуктов» - изготовление молочных продуктов, вина, одежды из шерсти, использование тяглового скота для пахоты и транспорта, внедрение колеса. На средиземноморском атлантическом побережье Европы возникает зона мегалитических построек. Важнейшим культурным скачком становится освоение на Балканах добычи и выплавки меди, используемой не только для украшений, но и для изготовления орудий труда и оружия.

К IV тыс. до н.э. на Ближнем Востоке и в Европе образуется обширный массив энеолитических (медно-каменных) культур, стоявших на пороге цивилизации. В них, в частности, появляется простописьменность (культура Винча на Балканах). Заметную роль в этом континууме играла Культура Кукутень-Триполье, на территории будущей Юго-Западной России, для которой были характерны огромные аграрные поселения.

Обитавшие в южнорусских степях потомки палеолитических охотников Сибири усвоили от неолитических культур земледелие и скотоводство и самостоятельно одомашнили коня и освоили всадничество (днепро-донецкая, хвалынская, самарская, ямная культуры). Великая Степь становится пространством особого, скотоводческо-кочевнического варианта хозяйственно-культурного развития. На основе этих степных культур, носивших яро выраженный воинский соревновательный характер (этот облик культуры выразился в монументальных курганных погребениях) развились язык и культура древних индоевропейцев.

Экосоциальный кризис конца IV тыс. до н.э. связанный с засушливостью климата приводит к исчезновению энеолитических культур Европы и Северной Африки. В Европе происходит «великое переселение народов» - индоевропейцы западной и восточной групп заселяют уже не только степную, но и лесостепную и лесную зоны.

На территории Русской равнины распространяется индоевропейская культура шнуровой керамики. С другой стороны, разворачивается движение индо-иранских групп в степь, на огромном пространстве от медных рудников Донбасса (катакомбная культура), до Хакасско-Минусинской котловины (афанасьевская) возникает феномен кочевой металлургии.

Становление первых цивилизаций

Сжатие энеолитических культур приводит к выделению обществ, продолживших вести интенсивное сельское хозяйство в долинах великих рек – Нила, Тигра и Евфрата, Инда, где оформляются бюрократические цивилизации, основанные на централизованном управлении ресурсами при помощи письменных документов.

Деятельность царей и жрецов этих государств интерпретируется как служение божеству. Возникают первые национально-территориальные государства (Египет), города-государства (Шумер), формируется имперская традиция (Аккад, Вавилон и далее). Осуществляются грандиозные инфраструктурные

проекты (ирригация, судоходные каналы) и создаются магико-религиозные сооружения (пирамиды, зиккураты). Формируются письменные литературы, официальная историография, кодифицированное право.

Во взаимодействии с древневосточными цивилизациями на Севере Евразии развиваются культуры бронзового века. В начале II тыс. до н.э. индо-иранцы синташтинской культуры изобретают легкие боевые колесницы, становящиеся грозным оружием древности. Через андроновскую культуру в Средней Азии индо-иранские народы расселяются в Индии и Иране, формируются авестийская и ведийская религии и начинается оформление оригинальных иранской и индийской цивилизаций.

Колесничные воинские группы приходят на Ближний Восток, подрывают старые государства и создают новые – Митанни, касситскую Вавилонию-Кардуниаш, гиксосов в Египте.

Освоение египетской цивилизацией колесниц приводит к появлению египетской империи нового царства. В тесном взаимодействии со степняками развиваются держава Хеттов и микенская цивилизация в Греции, находящаяся так же под влиянием ханаанейской цивилизации Крита. Принесенные афанасьевской культурой бронзовая металлургия и колесничное дело динамизируют развитие Китая, где формируется оригинальная собственная цивилизация династий Шан-Инь и Чжоу.

Конец II тыс. характеризуется драматическими изменениями в жизни евразийских культур. В центральной Европе, где существовала густая сеть обменов медью, оловом и бронзовыми предметами, разрабатывается более тяжелый вариант бронзового вооружения. В то же время происходит религиозный переворот, связанный с почитанием солнечного диска и переходом к обряду трупосожжения (освобождение от плоти и вознесение души?), выразившийся в формировании культуры полей погребальных урн. Возможно отдаленным отражением этого мировоззренческого поворота оказываются религиозные реформы фараона Эхнатона в Египте. Новые военные технологии и религиозные идеи приводят к грандиозному сдвигу, именуемому исследователями «коллапсом бронзового века». Микенские греки завоевывают Трою, движением северных племен уничтожается Микенская Греция, «народы моря» уничтожают цивилизацию хеттов, ряд торговых городов Сирии и Леванта, подрывают могущество египетской цивилизации.

Рубеж II-I тыс. до н.э. характеризуется деградацией большинства старых цивилизаций, «темными веками», разрывом сети «бронзовых обменов». В

этом контексте происходит освоение менее зависимой от обмена и дающей оружие большую поражающую мощь железной металлургии. В этот период в Средиземноморье активно развивается финикийская торговая колонизация, на Северо-Западе Африки возникает Карфаген превращающийся в могущественную державу.

В Палестине, в противостоянии с ханаанейцами-финикийцами и народами моря – филистимлянами выковывается Израильское царство, религиозной основой которого является основанный на божественном откровении пророку Моисею монотеизм.

Осевое время

Первой империей железного века становится Ассирийская империя, в которой внедряются передовые военные технологии и создается система родов войск. В то же время ассирийцев характеризует крайняя жестокость ведения боевых действий. После падения Ассирии недолгий период господства мидийского и нововавилонского царств сменяется установлением Персидской империи под властью династии Ахеменидов, сумевшей создать хорошо управляемое большое имперское пространство от Восточного Средиземноморья до границ Индии и Средней Азии.

В степной зоне Русской Равнины, Южной Сибири и Средней Азии устанавливается господство ираноязычных скифских племен, совершающих походы на Ближний Восток, отражающих ответные вторжения Персидской империи. Скифы доводят до совершенства древние индоевропейские традиции степного искусства и курганных погребений.

Начало железного века становится эпохой становления в Восточной Европе на основе культур, продолжавших индоевропейскую традицию шнуровой керамики, прото-славянской языковой и культурной общности, первые следы которой многие исследователи видят в поморской археологической культуре (высказываются, впрочем, и другие точки зрения).

Праславяне находились в тесном взаимодействии со скифским миром. Их предков, в частности, усматривают в союзном со скифами народе неvroв (милоградская археологическая культура). Синтез милоградской и поморской культур - зарубинецкая культура так же часто рассматривается как православянская, хотя на этот счет высказываются и другие точки зрения.

Начало «железного века», распространение в I тысячелетии до н.э. железной металлургии, знаменовалось изменениями не только в экономике и военном деле, но и в духовной жизни цивилизаций. Наступает т.н. «осевое время». Основой мировоззренческого сдвига становится понимание противоречия между реальностью и идеальным, сакральным порядком бытия и стремление привести действительность в соответствие с идеалом.

На смену магическому мышлению и культу жизни силы приходит приоритет идеи и нравственных принципов. Заложены были основы для становления многих мировых религий – учения пророков Ветхого Завета, укрепляющих монотеизм, а также буддизма и зороастризма. В Индии, Китае и Древней Греции развиваются своеобразные философские традиции.

Развитие древнегреческой цивилизации имело огромное значение ввиду её исключительных культурных достижений, заложивших основы для всех цивилизаций Западной Евразии – гомеровский эпос, произведения поэтов и трагиков, философов и историков. Особенно важным было влияние заложенного в греческую культуру соревновательного принципа, пронизывающего все сферы человеческой деятельности – науку, литературу и искусство, спорт, военное дело, политику. Масштабным явлением стала древнегреческая колонизация, в результате которой в VIII-VI вв. до н.э. появились, в частности, поселения эллинов в Крыму и Северном Причерноморье. На этом пространстве, доходившем до устья Дона, оформились как классические полисные демократии (Херсонес), так и монархии (Боспорское царство).

Противостояние греческих государств стремившейся подчинить их Персидской империи выявило военное превосходство рационализированной эллинской военной организации, основанной на идее сплоченного хорошо управляемого строя воинов, над древневосточной. Появляется идея обратного завоевания эллинами Персидской империи, осуществленного в ходе завоевательных походов Александра Македонского (334-324 гг. до н.э.).

Единой империи в результате македонского завоевания в итоге не возникло, но они привели к синтезу персидского имперского начала и высокой античной культуры – эллинизму, распространившемуся в той или иной мере на большинство народов Европы, Азии и Северной Африки. Возникает плюралистичная мировая система с интенсивными культурными и экономическими обменами. В Индии под значительным эллинистическим влиянием формируется древнейшая империя Маурьев. Одним из заметных

государств эпохи эллинизма стало Боспорское царство на будущей территории России.

Римская Империя и её мир

В то время как в большей части Западной Европы в железном веке господствует культура кельтов, оказывающей огромное влияние на германцев и славян, в Италии, на периферии высокоразвитой культуры этрусков, возникает феномен Рима, индоевропеоязычной группы италиков, впитавших этрусские и греческие влияния. Римская республика, сумев найти во внешней экспансии выход из конфликта между патрицианской аристократией и массами плебеев добилась к началу III столетия до н.э. военного господства над Италией.

Борьба Римской республики и Карфагена за господство над Западным Средиземноморьем (264-146 гг. до н.э.) привела к установлению полной гегемонии Рима над всем эллинистическим миром, превращению его в устойчивую империю, создавшую свой политический и культурный порядок на огромном пространстве.

Сильной стороной Империи был «Римский мир», не нарушавшийся ни внешними нашествиями, ни значительными гражданскими войнами больше двух столетий. В условиях этого мира на всем пространстве империи распространялась античная цивилизация, действовала римская система права, совершеннейшая для своего времени. Освоение греко-римской культуры сопровождалось усвоением римской идеи, представлением о всемирно-исторической миссии империи. Римская латинская культура не была настолько блистательной, как греческая, но дала яркие фигуры и в ораторском искусстве, и в поэзии, и в историографии, широко развивались наука, инженерное дело, строительство.

Формировался образ единого цивилизованного мира, подчиненного принципам права, гуманности и необременительной власти императоров, которые после Августа и до Диоклетиана правили на основе системы «принципата», то есть сохранения институтов республики при сосредоточении главных республиканских полномочий в одних руках. Императорская власть в первые столетия Империи чаще всего не была наследственной и опиралась на идею усыновления лучшего с императора Веспасиана (воцарился в 69 г. н.э.) и до Марка Аврелия (ум. 180 г. н.э.) подавляющее большинство императоров

рассматривались и современниками и потомками как исключительно достойные люди.

Римская империя не была бюрократической - штат чиновников в ней был ничтожен. Основные функции на местах исполняли наместники, часть из которых отправлялась императором, а часть – сенатом. А опорой управления на местах служили курии, городские самоуправления, отвечавшие за сбор налогов и общественное благоустройство в том числе имуществом своих членов.

Однако в себе самой Римская Империя несла семена глубокого кризиса. Выдающийся русский историк-антиковед М.И. Ростовцев полагал, что политический монополизм Римской Империи негативно сказался и на экономике Средиземноморья, в которой снизился уровень здоровой конкуренции, и на обществе, и на культуре.

Рим рос благодаря завоеваниям, когда война кормила сама себя и обеспечивала своей добычей возможность дальнейших войн. Однако к началу II века н.э. количество доступной добычи катастрофически снизилось. Поддерживать и армию, и политическую власть, и экономику приходилось за счет внутренних ресурсов. Империя оказалась слишком дорога в обслуживании, её подданные зачастую разбегались (в Египте развернулось целое движение анахоресиса – бегства в Дельту Нила). Должности членов курий превратились в настоящее крепостное право и куриалы предпочитали не иметь законных детей, чтобы не оставлять им тягостные должности. В результате основа местного самоуправления – курия – коллапсировала.

При этом империя не способствовала демографическому росту. Любопытным аспектом проблемы стало то, что сформировавшаяся в Средиземноморье еще в доримское время аграрная цивилизация сократила в своем рационе потребление белка. Большие стада коров и быков стали редкостью. По сравнению с римскими легионерами кельтские и германские подростки казались великанами. На постэллинистическом Востоке население продолжало расти. Но на покоренном Римом Западе население постепенно сокращалось, особенно драматическим оказалось воздействие Антониновой суммы во II веке н.э. Впечатляющие римские сооружения, по сути новое поколение мегалитов, - акведуки, амфитеатры, выложенные камнем дороги, строились для пустеющих стран. На границах Империи начало формироваться плотное варварское кольцо из народов, преимущественно германских, которые хотели воспользоваться частью её благополучия в качестве добычи, дани или платы за наемничество.

Причерноморские регионы будущей России, включая Крым и устье Дона, непосредственно входили в состав Римской Империи. При тесном взаимодействии с нею развивались предки славян, ведшие интенсивный обмен с Империей по «янтарному пути», начинавшемуся на территории современной Калининградской области. В славянской киевской археологической культуре, продолжившей ряд традиций более ранней зарубинецкой культуры, развивается самобытный художественный стиль украшений с эмалью.

Политическое оформление Римской Империи при императоре Августе (27 до н.э. – 14 н.э.) сочеталось во времени с оформлением мировой религии – Христианства, проповедь которого началась в I веке н.э. на всем пространстве Империи. Преодолев гонения, инициированные сторонниками язычества и оккультных учений, Христианство стало к началу IV века ведущей духовной и идеологической силой Римской Империи. Император Константин установил в 313 г. теснейший союз Империи с Церковью. Константин переосновал Римскую империю сделав её столицей Новый Рим – Константинополь (на месте древнегреческого города Византия).

Становление могущественных империй происходило и в ареалах других цивилизаций. Для этих империй была характерна установка на то, что идеальный божественный миропорядок может через посредство политической власти монарха стать основой для земного мироустройства. Высшим выражением имперского принципа была идеология Восточной Римской Империи, которую русский мыслитель Константин Леонтьев назвал византизмом. Державы Сасанидов в Иране, Маурьев, Кушан и Гуптов в Индии, династии Цинь и Хань в Китае также основывались на имперском принципе.

После недолгого периода Цинь, базировавшегося на прагматической философии школы фацзя (легизма), в период Хань сформировалась сложная структура бюрократической империи, опиравшейся на конфуцианский канон. Образованное чиновничество было опорой государства и общества, хотя его цели и интересы регулярно сталкивались с интересами армии и двора, вокруг которого группировались служившие лично императору евнухи. Между цивилизациями на разных концах Евразии установились со II в. до н.э. постоянные связи – Великий Шелковый Путь и морской путь от Египта до Китая по Индийскому Океану.

Однако развитие ведущих мировых цивилизаций приводило и к активизации их «варварского» окружения. Германские племена начали давление на

границы Римской Империи, в Великой Степи кочевые державы хунну на Востоке и гуннов на Западе наносили удары по Китаю и Риму соответственно.

Военно-политический коллапс династии Хань в Китае (220 г.) и период Троецарствия стали прологом к переселению хунну в Китай и длительному периоду господства кочевников, преодоленному только к 581 г. с воцарением династии Суй. Китай столкнулся с проблемой, которая не раз и не два трагически предопределила характер его истории – центральной власти не хватало сил для удержания контроля над многочисленными регионами и их элитами, в результате чего империя распадается. Однако в силу культурной однородности китайской цивилизации постоянного закрепления отдельных государств в самостоятельные этно-культурные общности не происходит. Сила цивилизационной и политической традиции приводит к восстановлению китайского государства.

Западная Римская Империя, стала жертвой «великого переселения народов», спровоцированного натиском гуннов на германцев-готов, создавших потеснившее славян сильное государство в Северном Причерноморье. Гуннское нашествие нанесло готам чудовищный удар, запустив разрушительное готское нашествие на Империю. И оно же высвободило из под власти готов славянские племена. Традиция Западной Римской империи в 476 г. прервалась навсегда – её инсигнии были отосланы в Константинополь.

Восточная Римская Империя (часто называемая «Византия», что не совсем точно), опираясь на наследие эллинизма и развитие православного христианства продолжила свой исторический путь, оставаясь самым развитым государством средневековья. Она просуществовала более тысячелетия упорно защищая свои границы, культуру и духовные принципы. В частности - православие, монашество и иконопочитание, легшее в основу исключительного по значению искусства. И для Запада, и для Востока именно Византия с её блестящей столицей Константинополем оставалась Империей как таковой, продолжением Рима, на протяжении большей части средневековья. Важной частью византийского имперского пространства являлся регион Северного Причерноморья, в частности Крым.

Начиная с I Вселенского собора в Никее, собранного императором Константином, на вселенских соборах началась выработка доктрины Православия – были отвергнуты арианство, принижавшее божественную природу Христа и отвергавшее учение о Боге-Троице, несторианство, преувеличивавшее Его человеческую природу, монофизитство и

монофелитство, преуменьшавшие человеческую природу, иконоборчество – отрицающее изобразимость Христа и духовный смысл священных изображений.

В этих богословских трудах, длившихся с IV по IX век оформилась доктрина Православного Христианства, учащего о том, что воплощением, крестной смертью и воскресением Христа человек возведен на высшую высоту – возможность приобщиться к абсолютному Богу, отвергнув грех. Зародившееся в египетской и сирийской пустыне монашеское движение охватило всю Империю, - аскетические подвиги монахов и их твердость в вере стали осью восточнохристианского общества.

Восточная Римская Империя пережила исторический расцвет при императоре Юстиниане (527-565 гг.) при котором были отвоеваны у германцев Северная Африка, Италия и даже часть Испании. По инициативе Юстиниана созданы были и грандиозный собор Святой Софии и не менее грандиозный Кодекс Законов. Достижения Юстиниана были бы еще большими, если бы не обрушившаяся на мир Великая Чума, за которой последовали массовые переселения славян на значительно опустошенную территорию Империи.

Развитие славянской этно-лингвистической общности происходило в теснейшем экономическом, политическом и культурном взаимодействии с Византией. Славянство окончательно оформилось на Русской равнине к рубежу I тыс. до н.э. Ему пришлось пережить трудные эпохи владычества готов и гуннское нашествие, однако с V века славяне начинают масштабную демографическую и переселенческую экспансию, занимая Восточную и Центральную Европу, которые были в значительной степени опустынены великим переселением народов.

Часть славян в VI-VII вв. поселилась на территории Империи, приходя и как мирные поселенцы и как завоеватели. Другие расселились по Восточно-Европейской (Русской) равнине сохраняя с Византией тесные связи. Кульминацией славяно-византийского взаимодействия стало создание славянской азбуки святыми Кириллом и Мефодием (860-е гг.).

Значительные усилия Римской Империи, начиная с III века приходилось затрачивать на противостояние с Сасанидским Ираном, создавшим мощную державу с зороастрийской религиозной традицией под властью шахиншахов. Именно Иран первым сделал в военном деле ставку на тяжеловооруженных всадников, перенятую затем Восточной Римской Империей и Западной Европой. Противостояние Рима и Ирана носило как геополитический и религиозный, так и геоэкономический характер.

Сасаниды пытались, в частности, прервать прямые торговые связи Римской Империи с Китаем и Индией (в Индии периоды возникновения крупных империй – Маурьев, Кушан, Гуптов, сменялись политической раздробленностью, так как основой общества оставалась не столько политическая, сколько кастовая система). Империя, в свою очередь, стремилась опереться в борьбе против Ирана на кочевые народы евразийской Великой Степи, в частности на достигший большого могущества в VI веке Тюркский каганат (Эль).

Высшего напряжения противостояние Империи и державы Сасанидов достигло в начале VII века, когда персы захватили Иерусалим, а персо-аваро-славянская коалиция осадила в 626 г. Константинополь. В результате ответного наступления императора Ираклия (610-641) Сасанидам было нанесено серьезное поражение, а захваченный ими в Иерусалиме Святой Крест был возвращен. В этой борьбе обе державы были значительно истощены и не смогли сдержать натиска арабов, вдохновленных новой религией – исламом.

Трансформация имперских миров и появление Руси

Начиная с хиджры пророка Мухаммеда в 622 г. ислам дал арабам не только новую религию, но и чувство сплоченности (асабии), обеспечивавшее военное превосходство даже над такими высокоразвитыми державами как Римская и Иранская. Арабы сокрушили и завоевали Иран, навсегда отторгли от Римской Империи Сирию, Палестину, Египет и Северную Африку, подчинили себе Испанию. Арабская держава – Халифат, после периода «праведных халифов», на который приходится максимум завоеваний, попала под власть довольно светской по своему характеру династии Омейядов, сделавшей своей столицей бывший римский Дамаск. В 750 г. Омейядов свергла династия Аббасидов, идеология которой носила более выраженный религиозный характер и была связана с массовым обращением подданных в ислам, переставший быть исключительно арабской религией.

На Ближнем Востоке и в Средиземноморье сформировалась новая исламская цивилизация, сдвинувшая исторические границы прежних. На Востоке волна исламских завоеваний достигла Индии, значительная часть которой была подчинена мусульманским правителям, встретившим, однако, ожесточенное сопротивление защищавших индуизм воинов-раджпутов. На территорию будущей России ислам начал распространяться через Дербентские ворота,

превращаясь в одну из традиционных религий местного населения Кавказского региона и Поволжья.

В Средней Азии экспансия арабов натолкнулась о сопротивление находившейся на пике своего могущества китайской империи Тан. В конце VI века Китай после периода варварского правления был объединен под властью недолговечной династии Суй, развернувшей активную внешнюю политику за счет сверхэксплуатации подданных. Это привело к скорому падению Суй и воцарению династии Тан, синтезировавшей китайские и ряд кочевых традиций. Своего расцвета достигла конфуцианская бюрократия, отбор и карьера в которой осуществлялись на конкурсной основе по результатам экзаменов. Империя Тан сумела подчинить Корею, разгромить остатки Тюркского каганата и установить контроль над среднеазиатским участком Великого Шелкового пути. С появлением в регионе арабов началась длительная борьба за контроль над путем, города и страны не раз переходили из рук в руки. В период восстаний Тан выпустила из своих рук контроль над Средней Азией, владения империи начали атаковать могущественный Тибет и Уйгурский каганат, однако в IX веке Китай восстановил свою западную сферу влияния. Попытки правительства монополизировать торговлю солью привели к мощному восстанию под руководством Хуан Чао (874-884) и падению империи Тан в 907 г. с очередным распадом империи.

Арабская экспансия привела к прерыванию складывавшихся веками коммуникаций по Средиземному морю. Торговые пути между Востоком и Западом в значительной степени сместились на Северное море, Балтику и реки Русской равнины. Западная Европа, находившаяся во власти созданных германцами варварских королевств, прежде, в большинстве своем, признававших верховный суверенитет Империи, оторвалась от Константинополя, пытаясь сформировать при Карле Великом (768-814) собственную империю. Каролинги отбили натиск арабов на южную Францию, начали сопровождавшуюся христианизацией экспансию на язычников-саксов и западных славян, а также разгромили аварский каганат, побудив обитавших на Дунае славян переселиться на Русскую равнину, где они создали политическое образование правитель которого носил доставшийся в наследство от авар титул «каган».

На северных морях, во многом в качестве реакции на смещение торговых путей началась военно-пиратская активность скандинавских народов – викингов, атаковавших государства Северной Европы и достигших в своих плаваниях Америки. Викинги грабили города и монастыри, заселяли

захваченные земли (Данло в Англии, побережья Ирландии, Нормандия), создавая агрессивные государства, такие как герцогство Нормандское (правитель которого Вильгельм в 1066 г. окончательно покорил с переменным успехом сопротивлявшееся норманам англосаксонское королевство на Британских островах) или Нормандское королевство на Сицилии. Норманские вторжения существенно изменили социально-политическую структуру Западной Европы – на смену попыткам возрождения римских традиций в державе Карла Великого пришла феодализация, местные правители взяли на себя полноту военной власти, сооружая замки и окружая себя вооруженными слугами, так как только это позволяло отразить атаки викингов.

Развитие восточно-славянских племен получило с перемещением торговых путей мощный экономический импульс. Заинтересованность в защите своей независимости и пользовании экономическими выгодами от путей «из Варяг в Греки» и «из Варяг в Персы» привела к тому, что восточные славяне, во взаимодействии с частью викингов – варягами и близкими к ним финно-угорскими племенами создали государство Русь во главе с княжеской династией Рюриковичей. Сложившаяся в IX в. в Ладоге и Новгороде древнерусская государственность к концу IX века включила в себя Киев, провозглашенный новым государственным центром, и многие другие земли. Началась интеграция восточнославянских и близких к ним племен в единую древнерусскую народность.

Возникшее сверху, как политическая надстройка над новыми торговыми путями, Древнерусское государство быстро обрело твердую почву политически интегрировав восточнославянское население Русской равнины, защитив его от внешней экспансии со стороны как викингов, так и степных кочевников, освободив от дани варягам и хазарам. При князе Святославе (964-972) Русь приступила к собственной широкой имперской экспансии на Русской Равнине и в Причерноморье.

Древняя Русь развивалась в теснейшем взаимодействии с Восточной Римской Империей, достигшей после торжества Православия над иконоборчеством в 843 г. расцвета под властью Македонской династии (867-1056 гг.). В этот период Империя отразила натиск могущественного Болгарского царства, начала отвоевание своих территорий у Арабского Халифата, большие успехи были достигнуты в обращении в Православие славянских народов, достигла расцвета ориентированная на античные образцы культура.

Центральным событием в истории взаимодействия Древней Руси с Восточной Римской стало принятие Христианства на Херсонесе в 988 году князем Владимиром и его дружиной, а затем и крещение всего народа.

Русь вошла в ареал восточно-римской (византийской цивилизации), ускорив тем самым своё культурное и политическое развитие. Освоение наследия Византии стало основой для становления оригинальной русской цивилизации. Уже при Ярославе Мудром в Киеве и Новгороде создаются Софийские Соборы, в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона провозглашается идея единства и особого достоинства Русской Земли и русского народа.

Военная поддержка со стороны Руси сыграла важную роль в максимальном территориальном расцвете Империи при императоре Василии II (976-1025). Однако за периодом расцвета восточно-христианских государств последовала эпоха натиска тюркских народов.

Со второй половины XI века на Русь начинается натиск половцев, а значительная часть Малой Азии попадает под власть тюрок-сельджуков в результате битвы при Манцикерте во время которой часть восточно-римской элиты предала своего императора Романа IV Диогена. Это предательство стало результатом противостояния военной и бюрократической групп в верхушке Империи, ослабившего её после прекращения Македонской династии. Воцарившемуся в 1080 г. Алексею Комнину, создателю новой династии, пришлось вести тяжелую борьбу с сельджуками, сицилийскими норманнами, печенегами, предпринявшими со всех сторон натиск на Империю.

С кочевыми вторжениями столкнулась, на другом конце ойкумены, и китайская империя Сун. Она образовалась в 960 г. после периода хаоса, последовавшего за падением Тан, и стало эпохой необычайного экономического расцвета. По сути Сунский Китай пережил первую в истории аграрно-промышленную революцию. Расширена была площадь пахотных земель, введены новые сельскохозяйственные культуры и новые методы обработки земли, необычайно расширилась металлургия, в которой началось применение каменного угля. Китайские инженеры в эпоху Сун изобрели порох и наборные литеры, описали компас (изобретенный ранее), основой финансовой системы стали бумажные банкноты. Население страны за два столетия практически удвоилось. Китайские морские торговцы контролировали пространство в Тихом и Индийском океанах вплоть до Восточной Африки. При этом сунский двор был раздираем спорами между ортодоксальными конфуцианцами и сторонниками "нового политического курса" (синьфа), продолжавшего идеи школы легизма (фацзя). Новый

политический курс предполагал, что государство будет управлять развитием экономики. Конфуцианцы реагировали на это утверждениями, что если старые законы были обременительны, то новые будут еще тяжелее.

Основную часть военных усилий Сун затрачивала на борьбу с кочевым монголоязычным народом киданей, столетиями бравшим с Китая значительную дань. При помощи чжурчженей империя Сун разгромила государство киданей Ляо, однако в 1127 году чжурчжени захватили столицу империи Кайфын вместе с действующим императором и создали свою империю Цзинь. Власть китайской династии Сун удержалась на юге страны.

Запад против Империи

Для большинства средневековых цивилизаций было характерно сохранение имперского принципа – Византия, Арабский халифат, династии Тан и Сун в Китае, Тюркский каганат в степях. Исключением стала Западная Европа, защищенная с появлением Руси от ударов кочевых народов. В отсутствии необходимости поддерживать сильные имперские структуры для защиты от степной угрозы там закрепилась система феодализма. В X-XI вв. в Германии была предпринята очередная попытка воссоздания Западной империи под властью Саксонской династии Оттонов, создавших Священную Римскую империю и безуспешно стремившихся к формированию геополитического и династического дуализма с Восточной Римской Империей. Оттонам удалось остановить набеги венгров, последнего кочевого народа, сумевшего прорваться вглубь Центральной Европы, на Придунайские равнины.

Однако деятельность императоров была в значительной степени парализована активностью римских пап, добивавшихся монополизации духовной и политической власти. Опираясь на «клюдийское» монашеское движение папство сумело создать теократическую систему, превосходившую по власти светских государей и подрывавшую власть императора. Папство подавляет не только власть западных императоров, символом чего стала борьба папы Григория VII против императора Генриха IV и папы Иннокентия IV против Фридриха II Гогенштауфена, но и других крупных светских правителей – в частности создателя англо-французской державы Генриха II, авторитет которого был подорван борьбой с архиепископом Томасом Беккетом. Пика авторитет папства достиг при Иннокентии III (1198-1216) Опираясь на авторитет папства в Западной Европе укреплялись национальные

королевские династии, независимые городские общины (коммуны), объединения интеллигенции (университеты).

В этих условиях демографический подъем Западной Европы вылился в романо-германскую экспансию на кельтские и славянские земли – Уэльс, Ирландию, Чехию, Польшу, а также в движение «крестовых походов», направленное сначала против мусульман Ближнего Востока, затем против язычников и «русских схизматиков» в Восточной Европе. Уже с начала XI века успешно развивалась христианская реконкиста Испании. В 1096 г. крестоносцы захватили Иерусалим, получив поддержку со стороны и Восточно-Римской Империи и со стороны Руси, посланцы которой приветствовали возвращение христианам статуса Святого Города. Однако последующие крестовые походы имели всё более выраженную тенденцию наступления на позиции Восточной Римской Империи и Православия. В 1204 году в ходе 4-го похода, направляемого торговцами Венеции, западные рыцари захватили и варварски разграбили Константинополь, подорвав жизнеспособность восточно-римской цивилизации и заложив фундамент экономического могущества Запада.

Политическая раздробленность захватила и Русь, в которой разрастание княжеской династии Рюриковичей привела к обособлению отдельных кланов, опиравшихся на свои территориальные домены и оспаривавших власть в Киеве, Новгороде и Галиче. Последним периодом единения и могущества Древней Руси стало правление Владимира Мономаха (1113-1125) – выдающегося полководца, политика и писателя, организатора «крестовых походов на половцев». Его сыновья и внуки при участии других княжеских кланов схлестнулись в ожесточенной борьбе за ключевые княжеские столы.

В ходе этой борьбы стремился ко все большему обособлению Новгород, добившийся установления фактической олигархии опиравшейся на вечевой строй. Новгород, с одной стороны, все больше вовлекался в Балтийско-североморскую международную торговлю, а с другой – осваивал богатства бескрайних лесов Северной Руси. В то же время Новгород продолжал нуждаться в военной защите и в поставках хлеба из южных районов Руси, закономерно оказавшись в зависимости от владимиристо-суздальских князей.

Князья этой земли, Андрей Боголюбский и Всеволод сохраняли и укрепляли единое государство на основе идеалов православной цивилизации, здесь формируется своеобразный художественный стиль и политическая традиция, которая станет убежищем для русской государственности в следующий период. Противостояние отдельных ветвей рода Рюриковичей и связанных с ними городских центров, ослабляло военную мощь страны, но не могло

изменить уверенности современников в необходимости единства Русской Земли – этот взгляд ярко выразился в «Слове о полку Игореве» (1185 г.). Сохраняла свою целостность и влияние Русская Церковь.

В XIII веке цивилизации Евразии были потрясены экспансией созданной Чингисханом великой державы монголов. Нанесен был страшный ущерб Руси, оказавшейся в вассальной зависимости от одной из частей монгольской державы – Улуса Джучи («Золотой Орды»). Часть русских земель была захвачена Литвой и их культурное и политическое развитие на много столетий было оторвано от остальной Руси, а они подвергнуты религиозной латинизации и культурной полонизации.

Однако, благодаря деятельности Александра Невского (годы жизни: 1221-1263), Северо-Восточная Русь сохранила политическую субъектность перед лицом экспансии как с Запада, так и с Востока.

Утратили свой суверенитет государства Китая, Средней Азии, Ирана и Ближнего Востока. Казнен последний багдадский халиф. Удар, нанесенный монгольскими завоеваниями, значительно подорвал потенциал суверенного развития попавших под их каток цивилизаций и ослабил их перед лицом последовавшей экспансии Запада.

Западной Европе удалось избежать разгрома благодаря усилиям Руси по сдерживанию монгольских завоевателей, зато её купцы, прежде всего из итальянских городских республик Генуи и Венеции, использовали возникновение трансконтинентальной кочевой державы для расширения своих торговых сетей. Важнейшей статьёй доходов этих сетей была работоторговля, значительную долю в которой составляли пленники, угнанные с Руси.

В XIII веке Западная Европа переживает расцвет – создаются величайшие готические соборы, в университетах достигают расцвета богословские школы, в частности – томизм, большим влиянием на духовную жизнь пользуются монашеские ордена, в особенности францисканский. Во многом этот расцвет достигнут благодаря ограблению Восточной Римской империи в результате 4-го крестового похода и торговой экспансии в монгольский мир. Финалом эпохи крестовых походов становятся альбигойские походы против еретиков Южной Франции, и деятельность французского короля Людовика Святого (1226-1270), сумевшего окружить французскую монархию ореолом святости (во многом за счет выкупа захваченных в Константинополе священных реликвий) и превратить Париж в центр западнохристианского мира.

Однако это превосходство имеет свои границы – уже в 1261 г. правителям ромейско-греческой Никейской империи удается отвоевать Константинополь. В 1282 г. при поддержке византийцев жители Сицилии восстают против брата Людовика Святого - Карла Анжуйского, предпринявшего попытку создания под властью папства могущественной средиземноморской империи. Национально-территориальный принцип начинает доминировать над династическим.

В 1302 г. французский король Филипп Красивый арестовывает папу Бонифация, в 1307 подвергает разгрому орден тамплиеров, тесно связанный с международной финансовой деятельностью, в 1309 начинается т.н. «авиньонское пленение пап» в тесной зависимости от французской монархии. В течение длительной столетней войны (1337-1453) между Францией и Англии борьба за династическое наследование перерастает в противостояние двух наций. Символом французской нации в этой борьбе становится простая крестьянская девушка, Жанна д'Арк.

Становление наций и колониальных держав

Одним из последствий установления трансконтинентальных связей стала «Черная Смерть» - эпидемия чумы, охватившая Евразию в 1346-1353 гг. и значительно подорвавшая демографический потенциал западноевропейской цивилизации. Погибло от четверти до трети населения Западной Европы. Пережила коллапс экономическая система средневековой Западной Европы - значительно сократились и подорожали трудовые ресурсы. На попытку увеличения податей крестьяне ответили массовыми восстаниями. В этих условиях значительная часть землевладельцев вынуждены были перейти к интенсивному хозяйству, стать "капиталистами поневоле".

Разочарование в западнохристианской доктрине в связи с кризисом цивилизации в чумную эпоху привело к распространению идей Ренессанса, то есть секуляризации сознания, обращения к античному язычеству. За Ренессансом последовала Реформация – попытка изменить западнохристианскую доктрину в соответствии с принципами секулярного разума.

На смену попыткам создания трансграничных держав в Европе пришло оформление централизованных национальных государств – Франции, Англии, Испании, напротив, в Италии и Германии сохранилась раздробленность.

Обозначился значительный подъем славянских государств – Польши, Чехии, в связи с ослаблением демографического давления из Германии. Польско-литовской унии удается в 1410 г. разбить тевтонских рыцарей при Грюнвальде, а в Чехии с начала XV в. разворачивается антинемецкое гуситское движение.

Национальное государство сложилось и в России, его центром стало Великое княжество Московское, усиление которого происходило при поддержке Русской Православной Церкви и дружественном сочувствии возрожденной Византии.

Последний духовный и культурный взлет Восточной Римской Империи связан с утверждением на церковных соборах идей паламизма, не только обобщавших практику православного монашества, но и утверждавших идею единения человека с Богом в противоположность отчуждающему влиянию торжествующего на Западе рационализма. Показательно, что идейный оппонент св. Григория Паламы (1296-1359) – Варлаам Калабрийский был одной из ключевых фигур стоявших у истоков западного ренессанса.

На Руси паламизм приобрел практическую форму в деятельности организатора общежительных монастырей преп. Сергия Радонежского (1314-1392), оказавшего огромную помощь московским князьям в их объединительной политике. Москва не только собрала значительную часть русских земель, но и остановила экспансию великого княжества Литовского, а также продвинулась на Север. Большую роль в освоении русского Севера сыграли монастыри, созданные учениками преподобного Сергия. Нанеся первое поражение Золотой Орде на Куликовом поле в 1380 году, через сто лет Россия при Иване III освободилась от ордынской зависимости полностью.

К концу XIV века монгольский мир распадается. В Китае на смену монгольской династии Юань пришла национальная династия Мин, страна переживает новый период расцвета. Морские экспедиции во главе с адмиралом Чжэн Хэ охватывают всю Юго-Восточную Азию и Индоокеанский бассейн. Однако недоверие конфуцианской бюрократии ко всему, что не связано с сельским хозяйством и традиционной ученостью, - в частности к торговле, привело к сворачиванию китайского океанского эксперимента.

Попытки амира Тимура (1336-1405) сохранить кочевую империю на Среднем и Ближнем Востоке не удалась – всё большую роль в этом регионе и на Балканах, в пустоте, оставленной после подрыва Западом Византии, играла могущественная держава Османов, военная мощь которой опиралась во многом на огнестрельное оружие. «Пороховыми империями» стали так же

Иран и держава Великих Моголов в Индии, созданная потомком Тимура – Бабуром (1483-1530).

Османской империи не только удалось в 1453 г. захватить Константинополь, окончательно уничтожив Восточную Римскую Империю (Византию), но и подчинить балканские православные народы, на столетия оказавшиеся под исламской властью. Большинство из них, впрочем сохранили свою православную идентичность. Длительной была борьба между османами и империей Габсбургов за контроль над Средиземноморьем, перелом в которой был достигнут лишь после победы над турками при Лепанто, одержанной в 1571 г. соединенным католическим флотом под командой дона Хуана Австрийского. Однако еще в 1680 году австрийцы с трудом отбили натиск османов на Вену.

Распространение огнестрельного оружия, а также более совершенных приемов кораблестроения и навигации, изменило характер и направление экспансии великих держав.

С 1418 г. начинается деятельность португальского инфанта Энрике Мореплавателя по систематическому проникновению на Юг Атлантического океана вдоль берега Африки. Богатство внутренних районов Африки золотом было к тому моменту хорошо известно, правитель Мали Манса Муса, совершив хадж в Мекку, привез туда такое количество золота, что надолго обрушил цены на этот металл. Португальцы стремились так же к Индии и её пряностям, составлявшим один из важнейших предметов морской торговли еще с античности. Необходимо было обойти прочную монополию на торговлю с Востоком, установленную венецианцами.

Эксперименты португальских мореплавателей по поиску комбинации из ветров и течений, подходящих для проникновения в Индийский океан увенчались успехом – в 1488 Бартоломеу Диаш проник в Индийский океан, а в 1498 Васко да Гама достиг Индии. Португальцы начали выстраивать в Индийском океане свою точечную морскую империю уничтожая суда конкурентов и принуждая всех торговать только на португальских кораблях. Европейские торговцы проникли далеко в Азию, подвергая ограблению Индию, разлагая Китай и пытаясь оказать влияние на Японию, которая в 1640 г. при сегунах рода Токугава сумела на двести лет закрыться от внешних влияний.

В другом направлении развивалась экспансия Испании в 1492 г. завершившей реконкисту Иберийского полуострова у арабов и начавшей изгнание инорелигиозных элементов, прежде всего евреев. Попытка поддержанного

испанскими королями Христофора Колумба найти путь в Индию пересекая Атлантический океан в западном направлении привела к открытию в 1492 и завоеванию западноевропейцами Нового Света.

Цивилизации Центральной и Южной Америки были значительно географически разобщены, их взаимодействие не носило такого многоуровневого характера как в Старом Свете. Значительно более беден был фонд доступных к одомашниванию растений и, особенно животных – здесь не появилось ни всадничества, ни колеса. Поэтому к прибытию испанцев американские цивилизации находились на уровне древневосточных цивилизаций III тыс. до н.э., создав во многом сходные культурные и социальные формы. В результате европейской экспансии они рухнули, оставив завоевателям наследие в виде фонда одомашненных растений (маис, томаты, картофель, какао, табак и т.д.) и обрывки сведений о своей культуре. Демографическому потенциалу коренных американских народов был нанесен чудовищный удар принесенными из Европы болезнями, впрочем там, где индейцы не попали в зону англосаксонской колонизации они выжили и определили генетический облик большинства латиноамериканских народов. Покорение и ограбление нового континента, уничтожение сформировавшихся на нем самобытных цивилизаций, демографический геноцид индейцев при помощи болезней значительно обогатили Запад.

В лидеры западного мира вырвались страны, наиболее успешно практиковавшие морской колониализм – сперва Испания, затем Голландия и Англия. Началось оформление мировой капиталистической системы в которой политические и идеологические цели государств были подчинены достижению экономической прибыли. В поисках прибыли колониальные державы устанавливали контакты со всеми частями света, вели разведку новых территорий («великие географические открытия»), навязывали им неэквивалентный торговый обмен, ослабляли государственность, а затем политически порабощали, вводили рабовладение и западную культуру.

Третий Рим в мире секуляризма и революций

Глобальная экспансия Запада была синхронизирована с трансформацией его религиозного и культурного кода. Происходит отказ от базовых принципов осевого времени и имперской идеологии, когда земной порядок осмыслялся как слепок с идеального, небесного, осуществляемый при помощи императорской власти. На смену этому мировидению приходила идея

хилиазма, установления «царства Божия на земле» без посредничества государства и Церкви, при помощи совокупности (а чаще всего – толпы) рядовых людей.

Если для итальянского Ренессанса был характерен титанизм, культ выдающегося, но, по сути, уже обезбоженного человека, то для наступившей в 1517 году с выступлением Мартина Лютера эпохи реформации стала характерной ставка на толпу простых людей, устанавливающих «царство святых» на земле по своему разумению. Именно в этой парадигме действовали многочисленные протестантские секты – анабаптисты, кальвинисты-гугеноты, нидерландские гёзы, английские пуритане, бросившие вызов как Католической Церкви, так и государственному порядку.

Их оппонентом выступала Габсбургская империя, опиравшаяся на новые экономические возможности, предоставлявшиеся покорением Нового Света и сосредоточением в руках одной династии огромных владений. Однако несмотря на колоссальный потенциал, опору на идеи контрреформации и поддержку развернувшего свою деятельность с 1540 г. ордена иезуитов, Габсбурги к середине XVII века потерпели поражение, проиграв в Тридцатилетней войне (1618-1648). Всеевропейская империя Габсбургов превратилась прежде всего в австрийскую империю, сдерживавшую натиск турок-османов, а затем осуществлявшую экспансию на славянский мир и Венгрию.

К середине XVII века политическая мысль Европы нашла временный выход из конфликта с радикальным хилиазмом в идеологии классицизма и рационализма, предполагавшей постоянство осмысляемых с секуляристских позиций законов мироздания, требующих государственной целесообразности и подчинения власти.

В политической сфере это привело к формированию в ведущих европейских странах абсолютистских режимов, символом которых стала власть кардинала Ришелье (1624-1642), а затем «Короля-Солнца» Людовика XIV (1643-1715) во Франции, впрочем не преуспевшего в установлении торговой гегемонии. В военной – к «военной революции» и созданию регулярных армий в ходе Тридцатилетней войны. А в экономической – к политике меркантилизма, то есть государственного надзора за развитием производительных сил и укреплением финансов. Однако в XVIII веке этот классицистический рационализм был вновь подорван революционным хилиазмом, который на сей раз, в идеологии т.н. «Просвещения», выступал уже от имени мнимых «естественных законов» и «естественных прав человека».

Основными выгодополучателями нового глобального экономического порядка оказались протестантские торговцы Голландии и Англии, которые создали систему захвата испано-португальской колониальной добычи (пиратство) и открыли для себя новые рынки, в частности Россию.

Однако Россия оказалась страной на которой западная модель колониализма не сработала. Государи Всея Руси сделали свой религиозный и цивилизационный выбор, отвергнув флорентийскую церковную унию с Западом, а после падения Константинополя, в 1453 году захваченного турками-османами, провозгласили принятие византийского имперского наследия.

При Иване III двуглавый орел становится символом России. Была сформулирована идеология Москвы как Третьего Рима. В 1547 году Иван Грозный венчается первым русским царем. А в 1589 году царствующий град Москва удостоился учреждения патриаршества.

Правительство русских царей, начиная с Ивана III и Ивана Грозного, установило строгий контроль за активностью западных купцов, торговый баланс был для России неизменно положительным. Российское государство создало управленческий механизм, основанный на сочетании царского самодержавия, эффективной бюрократии, надежной военно-служилой корпорации боярства и дворянства, и, наконец, народного самоуправления.

Экономические связи с западным миром стимулировали превращение России грандиозную евразийскую империю. Русские землепроходцы менее чем за 70 лет прошли от Западной Сибири до пролива между Азией и Америкой. Присоединив Поволжье, Урал, Сибирь, выйдя к Тихому Океану.

Россия реализовала как призвание великой православной державы, так и свой внешнеторговый потенциал. По итогам деятельности Российского государства в XVI-XVIII веках разрушительная угроза кочевых империй для цивилизаций Европы и Азии была устранена.

Важнейшей составляющей этой деятельности было освоение Дикого Поля, сопровождавшееся борьбой с работорговыми набегами Крымского ханства. В ходе этого военно-колониационного движения Россия, применяя засечные черты, освоила черноземные лесостепи и степи, территории Придонья, Донецкого бассейна и Слобожанщины, а в XVIII веке вышла на освоение земель Новороссии.

Мощь Российского государства оказалась такова, что императивом политики стран Центральной Европы стал курс на сдерживание, геополитическую

изоляцию России и недопущение её выхода к морю, ярко проявившийся в ходе Ливонской войны (1558-1583) давшей первые образцы масштабной русофобской пропаганды. Попытки подорвать Россию, соединив внутреннюю Смуту после превращения династии Рюриковичей и внешнюю интервенцию - не удались.

Россия вышла из Смуты 1604-1613 гг. обновленная с династией Романовых значительно более успешно, чем Западная Европа из Тридцатилетней войны (1618-1648), в то время как Китай династии Мин в то же время погрузился в смуту, результатом которой стало манчжурское завоевание (1644).

Эффективность Российской имперской государственности позволила стране одной из первых воспользоваться уроками Тридцатилетней войны и создать при Алексее Михайловиче армию «нового строя», которая помогла начать решение исторической задачи возвращения из состава Речи Посполитой захваченных ею русских православных земель.

Эксплуататорская политика польской аристократии, привязанной к мировому капиталистическому рынку, вкупе с религиозным гнетом католицизма и униатства привели к восстанию Богдана Хмельницкого в результате которого Малая Русь воссоединилась с Россией на Переяславской Раде 1654 г. Россия смогла отстоять большинство сделанных по итогам Рады приобретений, включая Киев, в войне с Речью Посполитой и Османской Турцией.

Абсолютизм и "Просвещение"

Россия в XVII веке представляла собой самобытную цивилизацию и империю, успешно решавшую свои геополитические задачи, с динамично развивавшейся экономикой и складыванием внутреннего рынка. Идеологической основой этой империи было служение православной вере.

В то же время соседство и взаимодействие с Западом накладывало на Россию свой отпечаток. Секуляризация сознания, упадок религиозной веры, ставшие следствием распространения идеологий Ренессанса и Реформации, становились в Западной Европе доминантой культурного сознания. Религиозная вера подменялась рационалистическими доктринами «просвещения», которые, наряду с развитием науки, стимулировали скептицизм и нравственный релятивизм. Эти доктрины транслировались Западом и на остальной мир, провоцируя кризис традиционных цивилизаций. Следствием этого влияния стали как церковный раскол в России начавшийся в

1654 г. так и запрос на радикальные культурные реформы, осуществленные Петром Великим.

Петровские реформы, продолжившие создание регулярной армии и положившие начало русскому морскому флоту, ставили своей задачей встраивание России в западноевропейскую дипломатическую систему. Таким образом Петр стремился решить стоявшие перед страной геополитические задачи.

Победы над Швецией обеспечили России прочные позиции на Балтике, обозначили превосходство над Речью Посполитой, которое к концу XVIII века, при Екатерине II, приведет к разделам этого государства и возвращению в состав России исторических русских земель. Военно-технический рывок позволяет России успешно наступать и на слабеющую Османскую державу, во второй половине столетия добившись присоединения Крыма и начав освоение земель Новороссии.

Западные державы признают провозглашенный в 1721 году имперский статус России (при этом, по сути, царское достоинство, принятое еще в 1547 году, было равным императорскому) и рассматривают её как важного участника европейского концерта. В то же время, доминантой внешней политики ряда европейских стран, прежде всего – Англии и Франции, становится вытеснение России из Европы, исключение её из европейской системы.

В ходе петровских реформ русское самодержавие во многом превратилось в европейский абсолютизм. Культурные реформы, которыми сопровождалась вестернизация, проводились в откровенно оскорбительной для представителей русской православной цивилизации манере и привели к расколу между высшим европеизированным слоем империи и остальными сословиями, сохранившими, в целом, традиционную русскую культуру.

Этот раскол привел к ужесточению крепостного права, разрушительным восстаниям, наподобие пугачевщины (1773-1775). Еще более опасным оказалось то, что образованная на западный манер часть общества России стала интеллектуальной заложницей западных идеологических веяний, категорически несовместимых ни с русским самодержавием, ни с православием, ни с традиционными основами русской цивилизации.

В XVIII веке произошло установление колониальной гегемонии Европы над остальным миром, причем среди европейских стран на первое место вышла Англия, в которой еще в середине XVII века, в ходе Великого Мятежа,

сопровождаясь казнью короля, установилась власть торговцев и предпринимателей.

В ходе семилетней войны 1756-1763 гг. Англия прикрылась в Европе Пруссией от соединенной коалиции России, Австрии и Франции, а за океаном захватила у Франции Канаду и владения в Индии. Британское господство в Индии стало основой для безусловной торгово-экономической гегемонии англичан в следующие столетия. Одну из основ этой гегемонии составили работоторговля и эксплуатация рабского труда. Пользуясь избытком капиталов, Англия смогла совершить значительный рывок в экономическом и техническом прогрессе, осуществив промышленную революцию. Активно развивая свою промышленность за протекционистским барьером, остальному миру Англия проповедовала идеологию свободной торговли, то есть открытости перед английскими товарами.

Независимость США (1775-1783), а затем Французская революция (1789-1794) стали политической манифестацией идей эпохи «Просвещения», отрицавших религиозность, традиционные ценности, богоустановленность власти монархов. Попытки монархов использовать просвещенческие идеи в своих интересах, проводя политику «просвещенного абсолютизма», как Екатерина II в России, Иосиф II в Австрии, Фридрих II в Пруссии, конечного успеха не принесли.

Казнь во Франции революционерами-якобинцами Людовика XVI в 1793 г. и антицерковная кампания сопровождавшаяся разрушением церквей и монастырей стали наглядной манифестацией развития принципов «Просвещения». После установления господства этих идей внутри Франции она начала их вооруженный экспорт вовне в серии революционных войн. Могущественным сдерживающим фактором для революционной экспансии Франции оказалась Российская Империя.

Реакцией Франции на сопротивление стало установление диктатуры Наполеона Бонапарта, который в 1804 году был провозглашен императором. Наполеоновская империя была попыткой навязать базовые принципы Французской революции (хотя и в умеренном по сравнению с якобинством виде) всей Европе, а за нею и миру. Была предпринята попытка построить Европу без границ и наций под единым универсальным законодательством и властью.

Консерватизм, национализм, социализм и "Большая игра"

Французская революция бросила вызов традиционному мировоззрению и национальным ценностям многих стран и народов. Ответной реакцией стал подчеркнутый интерес к самобытности, выразившийся в культурном течении романтизма. Оппонентом революционной идеологии стал европейский консерватизм (Бёрк, де Местр, Карамзин, Ф.Г. Мюллер).

Доминирующей идеологией XIX-XX веков становится национализм, то есть принцип соответствия политического и этнокультурного устройства государств, установка на соответствие государства и нации, достигаемое либо за счет культурной унификации граждан посредством образования и общей идеологии, либо за счет разделения многонациональных государств и колониальных империй. Национализм выступает как в революционной, так и в консервативной форме в зависимости от стоящей перед ним задачи – освобождение от династических и колониальных империй или же утверждение национальных империй и государств. В любом случае, защита своей культурной самобытности, языка, национальной гордости становится ведущим мотивом в самосознании народов и в Европе и далеко за её пределами.

Именно под знаменем защиты самобытности как России, так и народов Европы Россия вступила в Отечественную Войну 1812 года, а затем сокрушила наполеоновскую державу, обеспечив себе на несколько десятилетий положение гегемона Европы.

Это положение России совершенно не устраивало Англию. XIX век превращается в эпоху «Большой игры», глобального геополитического противостояния Англии и России. При этом Россия выступала, особенно подчеркнуто в правление Николая I (1825-1855), как защитница традиционного консервативного порядка Европы. При этом Россия предпринимает попытки по освобождению православных народов из под власти Османской империи.

В противоположность России Англия инициировала многочисленные революционные и сепаратистские движения во всем мире, поддерживая и независимость Латинской Америки от Испании, и объединение революционным путем Италии, и антиправительственные движения во Франции, Германии, России. Апогеем первого этапа «большой игры» стала Крымская война 1853-1856 гг., когда против изолированной России выступила коалиция из Англии, Франции, Сардинии (Италии), и Турции, поддержанная

Австрией и Пруссией. Россия, однако, продемонстрировала свою неприступность.

В XIX веке происходило освоение результатов промышленной революции как в Европе, так и за её пределами. Железнодорожный бум в Германии, пропагандистом которого был виднейший идеолог развития производительных сил и оппонент «свободной торговли» - Фридрих Лист, содействовал её объединению под властью Пруссии, осуществленному Бисмарком (1870). Германия превратилась в ведущую промышленную державу Европы, бросившую вызов Англии.

Железнодорожный бум в США предоставил преимущество промышленному Северу над рабовладельческим Югом в ходе гражданской войны 1861-1864 гг. Используя свои географические и экономические преимущества США к концу XIX века вышли на позицию ведущей промышленной державы мира. Одним из результатов этого процесса, связанного с массовой колонизацией "Дикого Запада" стал геноцид индейцев Северной Америки. Отказалась от самоизоляции и перешла к стремительным западным реформам и Япония, превратившаяся к концу XIX века в развитую милитаристскую державу, поддерживаемую Англией против России.

Россия в XIX веке испытывала бурный экономический и культурный подъем. В ней создавались новые отрасли промышленности и строились железные дороги. Освобождение крестьян от крепостной зависимости предоставило экономике новые возможности, создав свободный рынок труда. В конце XIX века в стране развернулась бурная индустриализация, сопровождавшаяся строительством уникального трансконтинентального пути – Транссиба (1891-1916).

Благодаря освоению бакинских нефтепромыслов Россия превращалась в первую в мире энергетическую сверхдержаву. К началу XX века Россия стала одним из активных участников мирового промышленно-технического рывка, занимая передовые рубежи в электроэнергетике и электротехнике, радиотехнике, авиастроении, металлургии и нефтедобыче.

В культуре русская цивилизация переживала обращение к своим истокам. Отечественная война 1812 года вызвала мощный патриотический подъем. При Николае I правительство провозгласило устами министра просвещения графа Уварова идеологическую программу «Православие. Самодержавие. Народность» и широко поддержало исследования русской истории, древнерусской письменности и художественной культуры. Дальше правительства идут мыслители-славянофилы, провозглашающие идеи не

только национального достоинства русских, но и самобытности русской цивилизации.

В эпоху Великих Реформ русский национализм и идеи славянофилов проникают в широкие круги русского общества, что, в значительной степени, было связано с польским восстанием 1863 г., в ходе которого польские националисты попытались не только установить независимость собственно Польши, вошедшей в состав России после наполеоновских войн, но и вновь захватить земли Западной Руси. Польское восстание пользовалось широкой поддержкой как в правительственных кругах Западной Европы, так и в среде левых и либеральных деятелей.

Энергичные мероприятия виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева привели к масштабному русскому возрождению в Западном Крае и к подъему русского национального самосознания в России в целом. Идеология возрождения русского начала в Империи и русификации окраин, выдвинутая Муравьевым, нашла продолжение в мероприятиях императора Александра III.

При официальной поддержке развивается русский стиль в архитектуре. Переживает свой золотой век русская литература, которая в творчестве Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Тютчева, Достоевского, Толстого, переживает обращение к историческому, народному началу и, в то же время, поднимает с небывалой остротой вечно тревожащие человека темы.

Однако существование созданной в результате петровских реформ российской интеллигенции в западном идеологическом контексте приводило её ко все более острому конфликту с правительством и консервативной частью общества обращаясь к традициям русской цивилизации. Интеллигенция шла либо по пути реформистского западничества, провозглашения неполноценности России по сравнению с могущественной Европой, либо по пути революционного радикализма, то есть курса на полное разрушение российской государственности, как несоответствующей радикальным революционным задачам.

Революционное направление нашло выражение в кампании террора против Российского государства, осуществленной народолюбцами и приведшей к убийству императора Александра II 1 марта 1881 г. Эта кампания была частью мировой террористической кампании, осуществлявшейся революционными террористами – социалистами и анархистами в конце XIX века. В результате этой кампании погибло немало монархов, президентов и министров.

Социализм становится новой доминантой радикального рационализма, перехватив пальму первенства у революционного «просвещения». Созданное капитализмом имущественное неравенство в сочетании с провозглашенным в революционную эпоху гражданским равенством породили идею насильственного принудительного установления экономического равенства путем обобществления имуществ и процесса производства.

Наиболее научнообразную форму придали социализму Карл Маркс и Фридрих Энгельс, бывшие, в то же время, яростно русофобски настроенными англо-германскими публицистами, но не менее популярны были другие социалистические направления (в частности – анархизм), одни из которых провозглашали ставку на насильственную социальную революцию, а другие – на участие в буржуазном демократическом процессе и изменение положения трудящихся путем реформ.

Образованная на западный манер интеллигенция считала актуальной для России западную политическую повестку и добивалась свержения самодержавия, установления в России парламентаризма, проведения социалистических преобразований. Однако это западнически настроенное общество было лишь тонкой прослойкой над океаном крестьянской России, сохранявшим традиционное видение социальной иерархии. Интеллигенция боролась с властью, пытаясь взбунтовать народ, однако результатом этого бунта мог быть лишь взрыв анархии и насилия.

Опасность революционных экспериментов для российского общества вскрыли события 1905-1907 годов, ответом на которые стали реформы П.А. Столыпина, призванные создать из крестьянина ответственного консервативного гражданина. Однако эти реформы преждевременно прервались из-за убийства премьера в августе 1911 и с началом Первой мировой войны.

Великая мировая война

Мировая война стала результатом накопления противоречий между европейскими колониальными державами, осуществившими, в условиях гегемонии Запада к концу XIX века, полный раздел мира. Они столкнулись с необходимостью его передела в связи с усилением промышленных Германии США и ослаблением могущества Англии. Узел геополитических, экономических, идеологических и культурных противоречий был таким тугим, что разрубить его казалось возможным только с помощью войны.

На протяжении XIX века Россия противостояла Британии в глобальной «большой игре», достигавшей высшего напряжения в Азии. Своеобразной была и реакция России на колониальный раздел Африки и попытки англичан осуществить предложенный Сесилем Родсом проект грандиозной железнодорожной магистрали от Южной Африки до Египта.

Ради этого строительства была развязана агло-бурская война, в ходе которой англичане впервые применили против мирного бурского населения концлагеря).

Поддержав становление независимой Эфиопской империи, нанесшей в 1896 решающее поражение в битве при Адуа итальянским колонизаторам, Россия создала для себя возможность заблокировать британские проекты, в то же время не вовлекаясь сама в колониальные захваты.

Англии, в свою очередь, удалось заблокировать движение России на Дальнем Востоке и установление её контроля над Манчжурией и Кореей, столкнув Россию с Японией. Неудачный ход войны на фоне инспирированной в России революции 1905 г. привел к утрате Россией флота на Тихом океане и заключению невыгодного для России мира.

Однако вскоре России пришлось отодвинуть конфликт с Англией на второй план из-за масштабных противоречий с Германией, стремившейся превратить Россию в аграрный придаток своей индустрии. Кроме того, планы Германии по установлению полного контроля над Турцией противоречили геополитическому вектору России на возвращение византийского наследия – Константинополя. Германская экспансия создавала угрозу и России и Англии, не говоря о Франции, и стороны, казалось, отложили противоречия и образовали антигерманский союз Антанту.

Своеобразной прелюдией к войне стали революционные выступления в Турции, Иране, Китае, разворачивание антибританской деятельности в Индии, окончательное уничтожение турецкого господства в Европе в ходе балканских войн. Всюду интеллигенция колоний и полукolonий усваивала европейские принципы национализма и накладывала их на политическое положение своих стран. Особенно значимым явлением стала Синьхайская революция в Китае, покончившая с господством манчжурской династии. Китай погрузился в длительный период междоусобиц и внешних вторжений, но национальный принцип неизменно торжествовал в идеологии соперничающих партий.

Ход Первой мировой войны 1914-1918 гг. обманул ожидания всех воюющих сторон – стремительные действия России в Восточной Пруссии и Галиции

сорвали план Германии по сокрушению Франции. Однако война приобрела затяжной характер. Несмотря на ряд неудач, Россия справлялась с ведением боевых действий лучше, чем её союзники и к началу 1917 русская армия стояла на территории двух из трех сопредельных противников – это позволяло строить конкретные планы по занятию Константинополя. Однако ни противника Германию, ни «союзников» Англию и Францию, ни «третьего радующегося» - США победа России не устраивала. Были приложены значительные усилия по раскачиванию внутривосточного положения в стране, приведшие к свержению в феврале 1917 г. императора Николая II и последующему убийству его и его семьи в июле 1918.

Новые прозападно ориентированные революционные власти оказались бессильными справиться с разгулявшейся в отсутствие традиционного монархического порядка революционной стихией, на которую наложилась активизация деятельности сепаратистов. На фоне развивающейся анархии власть в октябре 1917 г. перешла к наиболее радикальной группе, к тому же поддержанной Германией, – большевикам, выдвинувшим популистские лозунги: немедленное прекращение войны и немедленная раздача крестьянам земли.

Большевистский переворот и заключенный в марте 1918 г. Брестский мир, справедливо оценивавшийся оппонентами большевиков как национальная измена, предсказуемо привели к разжиганию гражданской войны (1918-1922), сопровождавшейся сперва германской интервенцией, а затем и интервенцией стран Антанты.

В этой войне «белые», опиравшиеся на ограниченные ресурсы окраинных областей и разобщенные по фронтам пытались отстоять идеал «единой и неделимой России». Красные же, опираясь на государственный центр с его запасами и используя безудержный террор по классовому признаку, провозглашали борьбу за дело «мировой революции».

Победа красных в боевых действиях в гражданской войне стала лишь прелюдией к их столкновению с массовыми крестьянскими и матросскими восстаниями в 1921 году, результатом которых стало принятие большевиками политики НЭП-а, - временного отказа от уничтожения рынка и мелкой частной собственности. На месте уничтоженной в огне революции Российской Империи был создан, по инициативе Ленина, СССР – федерация, предусматривавшая право выхода из нее республик

Даже выход России из войны и установление власти большевиков не помогли Германии одержать победу. В ноябре 1918 г. Германия вынуждена была

капитулировать. Версальское мироустройство после Первой мировой базировалось на демонстративном унижении Германии и игнорировании интересов России. Были разделены Австро-Венгерская и Османская империи, однако целый ряд возникших на их месте государств оказался лишь ограниченно дееспособным.

Золотой век послевоенной капиталистической олигархии, восторжествовавшей над древними монархиями, закончился, однако крахом спекулятивного рынка и началом в 1929 году Великой Депрессии. США сумели преодолеть последствия депрессии лишь при помощи значительного полевения экономического и политического строя, создания контролируемой государством рыночной экономики в результате «нового курса» Рузвельта.

На фоне экономических потрясений, начала антиколониального движения в странах Востока, особенно заметного в Индии и Китае, обострялся страх западных элит перед возможностью распространения в мире коммунизма. Этот страх предопределил в ряде стран ставку на фашизм, радикальную массовую националистическую идеологию, предусматривавшую противостояние коммунизму. В 1922 году в Италии пришел к власти Муссолини, в 1933 канцлером Германии стал Адольф Гитлер.

В 1936 году националисты и коммунисты схлестнулись в гражданской войне в Испании, в которой фашистские и коммунистические силы поддерживали близкую себе сторону. Итогом войны, впрочем, стало установление в Испании режима генерала Франко, который, как Салазар, правивший с 1932 г. в Португалии, тяготел скорее к католическому консерватизму, чем к фашизму.

Взгляды Гитлера характеризовались крайней степенью расизма, реваншизма и русофобии. Наличие у него планов по расширению «жизненного пространства» немцев на Восток позволяли западным элитам строить расчеты на столкновение Германии и СССР, однако в реальности перевооружившаяся Германия атаковала прежде всего сам Запад, что не противоречило планам США, стремившимся потеснить Англию и закрепить гегемонию Америки в качестве спасительницы Европы.

В сентябре 1939 после атаки Германии на Польшу Англия и Франция были вынуждены вступить во Вторую мировую войну против Германии. Ведшая завоевательную войну в Китае с 1937 года Япония, союзница Германии, в 1941 году напала на США и Великобританию, с одной стороны предоставив Рузвельту легальный повод вступить в войну, а с другой фактически разрушив европейские колониальные империи в Юго-Восточной Азии.

СССР в 1920-30-е годы характеризовали разноречивые процессы.

Во-первых, разрушение старого общества – уничтожение храмов и гонения на Церковь, репрессии против сторонников старого строя и национальной интеллигенции, разрушение исторических памятников, пропаганда исторического нигилизма, навязывание «комсомольской морали» с распадом брака и легализацией аборт, наконец – уничтожение всего строя русской крестьянской жизни в ходе коллективизации и массовый террор 1937-1938 гг., призванный обеспечить сохранение власти Сталина в условиях беспощадных чисток в партийных и военных верхах.

Во-вторых, строительство нового общества – форсированная индустриализация, в ходе первых пятилеток призванная компенсировать пропущенное после революции десятилетие, создание новых отраслей промышленности и системы планового управления, ликвидация малограмотности, строительство партийно-чекистской модели государства с высокой социальной мобильностью.

В-третьих, для советского режима с середины 1930—х были характерны попытки обосновать историческое преемство нового от старого, ставшие особенно заметными ко второй половине 1930-х: русская классическая культура стала массовой культурой нового социалистического государства, русские исторические герои стали примером и образцом для подражания граждан страны социализма.

Патриотический аспект эволюции советского общества стал сюрпризом для германских агрессоров, начавших 22 июня 1941 г. поход на СССР. Стратегия Гитлера базировалась на расчете, что граждане СССР не захотят поддерживать власть большевиков, а национальные окраины взбунтуются против русских. Однако Россия развернула против захватчиков народную войну, сорвавшую нацистский блицкриг. Героическая оборона Ленинграда, Севастополя, Сталинграда, победы на Курской Дуге, под Киевом, в Белоруссии похоронили надежды Третьего Рейха на мировое господство. Сокрушив гитлеризм и взяв в 1945 г. Берлин русский народ приобрел самосознание Народа Победителя.

Россия в "Американском мире"

В наступившем в результате Второй мировой войны «мире по-американски», Советский Союз занял особое место, обеспеченное его пространственной и военной мощью. Попытки администрации США навязать России свою гегемонию опираясь на ядерный шантаж закончились в августе 1949 года, когда СССР создал собственное ядерное оружие. Ядерный паритет окончательно сформировал атмосферу Холодной войны, которая носила во многом противоречивый характер. Выступая как непримиримые идеологические противники и два геополитических гегемона, СССР и США, в то же время, фактически сотрудничали в деле демонтажа старых европейских колониальных империй, прежде всего британской и французской.

В послевоенные годы СССР проводил курс на осуществление собственного глобального проекта, основанного на русском патриотизме, экономическом изоляционизме и гибком расширении сферы влияния. Самым крупным внешнеполитическим успехом этого периода стал союз с Китаем, в котором установилась власть Коммунистической партии. Однако русский патриотизм и большевистский интернационализм не смогли долго гармонично сосуществовать в рамках советского режима – в 1949-1950 гг. большинство сторонников «русской альтернативы» в советском руководстве были по приказу Сталина уничтожены в ходе т.н. «ленинградского дела».

После смерти Сталина отказ от жесткого репрессивного режима и хрущевская «оттепель» сочетались с принятием концепции потребительского социализма, требованиям которого советская экономика мало соответствовала. В то же время в науке и технике СССР демонстрировал исключительные успехи – в октябре 1957 был запущен первый искусственный спутник земли, а 12 апреля 1961 Юрий Гагарин совершил первый космический полет.

СССР стал активным субъектом глобальной политики, наряду с США активно демонтируя мировую колониальную систему, но сопровождая это опасными конфликтными жестами в адрес Вашингтона, апогеем которых стал Карибский кризис в октябре 1962 г. и придя к конфликту с Китаем.

В эпоху Брежнева (1964-1982) советский курс стал более стабильным. Внутри страны – последовательная реализация принципов социального государства (коррелирующая с американским проектом построения «великого общества» и социал-демократической политикой в Европе). Во внешней политике – курс на равноправный диалог и сотрудничества с Западом, и, в то же время, возрастание экономической интеграции благодаря нефтегазовому экспорту. Одновременно – полный разрыв с Китаем, безоговорочная ориентация на Запад.

В общественной мысли СССР идет фактический отказ от коммунистической идеологии и разворачиваются споры почвенников, - сторонников возрождения самобытного пути России, и западников-диссидентов, настаивающих на капитуляции перед американизмом. Характерным примером этого спора стало идейное противостояние почвенника Александра Солженицына и западника академика Сахарова.

Бурную трансформацию переживает в 1960-е годы сам Запад. Символом этой трансформации становится «красный май» в Париже 1968 г. в ходе которого был нанесен смертельный удар режиму генерала де Голля, стремившемуся сохранить ориентацию на национальные ценности, противостоявшему евроинтеграции и американской гегемонии. Над остатками консервативного сознания получает доминирование леволиберальная идеология с её пропагандой сексуальной свободы, антирасизмом, доходящим до расизма-наоборот, отрицанием традиционных для Запада ценностей.

Эта идеология, наложившись на традиционное для Запада стремление перестроить мир, приводит к либеральному интервенционизму во имя «прав человека». В то же время начинается деградация национальных государств и переход власти в руки транснациональных корпораций. Западные страны захлестывает волна миграции, меняющая расовый, национальный и религиозный состав их основного населения.

Именно в такой атмосфере происходит падение коммунистической власти в Советском Союзе. Стремящаяся к интеграции с Западом коммунистическая бюрократия не смогла найти для изменений другой парадигмы, кроме диссидентской идеологии полной капитуляции в Холодной войне, каковая и была осуществлена в политике Горбачева (1985-1991) и Ельцина (1991-1999). Вместе с СССР прекратила существование территория исторической России, а русский народ оказался в положении разделенного и преследуемого, подвергаемого в ряде стран (Прибалтика, Украина) систематическому геноциду.

Эта самоликвидация советского коммунистического режима резко контрастировала с политикой властей коммунистического Китая, которые смогли перейти к рыночной экономической модели, промышленному росту, определенному плюрализму, сопровождающемуся акцентом на национальных ценностях. Проводившему эту политику Китаю в начале XXI века удалось выйти на позицию мирового экономического лидера.

Конец «конца истории»

Трансформацию России Запад воспринял как свидетельство своего торжества в Холодной войне и установления своей глобальной гегемонии. Популярной стала концепция «конца истории», увенчивавшая мировой исторический процесс западным либерализмом. На практике этот либерализм выражался в 1990-2010-е годы в цепочке американских интервенций и проводимых при подстрекательстве США революций как на постсоветском пространстве, так и в других странах.

Очевидной целью стало стремление сдерживать самостоятельное многолинейное развитие других цивилизаций, не допуская для них возможности опередить Запад. В Европе таким же инструментом сдерживания индивидуального развития наций стал ЕС, приобретающий все более жесткие тоталитарные формы. Идеологическим фундаментом этой политики стало разрушение самих основ человеческой социальности – семьи, родства, представлений человека о своей идентичности и поле, национальной гордости.

Сопrotивление этой политике наблюдается как на самом Западе, так и за его пределами, но именно Россия по объективным причинам обречена была это сопротивление возглавить, будучи незападной цивилизацией, но, в то же время, разделяя с классическим Западом ряд европейских культурных ценностей. Провозглашаемая Западом новая идеология категорически несовместима была и с ценностями традиционной русской цивилизации, в частности с православием и другими традиционными религиями.

В правление Владимира Путина начавшемся в 1999 г. Россия достигла ряда успехов как в экономическом развитии, так и в укреплении государственности и возрождении национального самосознания. Была одержана победа над международным терроризмом, укреплен вертикаль власти, переломлены негативные демографические тенденции, достигнуты успехи в борьбе с бедностью. Несмотря на попытки властей следовать западной "мультикультуралистской" повестке и даже репрессии против части русского патриотического движения, русское национальное самосознание восстанавливалось и приобретало нормативный для общества характер. Не удивительно, что именно Россия бросила вызов гегемонии Запада, попытавшегося в процессе расширения НАТО на Восток превратить Украину в анти-Россию и поставить под угрозу само дальнейшее существование России.

Воссоединение с Россией в 2014 году Крыма в ходе событий Русской Весны, а в 2022 – ряда регионов Новороссии и начало Специальной Военной операции на Украине означают для мировой истории рубеж, после которого глобальный диктат Запада стал невозможен. Все больше держав-цивилизаций – Китай, Индия, Иран, Турция, даже традиционный союзник Вашингтона – Саудовская Аравия, дистанцируются от западной гегемонии, перестают играть по навязанным Вашингтоном правилам.

Восстановление тотального американского диктата и навязывание миру западной идеологической повестки уже вряд ли будет возможно без тотального военного разрушения планеты. Да и в случае такого разрушения вряд ли состоится.

ОЧЕРКИ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

Движущие силы истории

Движущей силой всемирной истории является постоянно ощущаемое человеком противоречие между данностью нашей жизни, по большей части скорбной и убогой, и наши идеальным представлением об этой жизни и нашем в ней предназначении, включающем могущество, ведение и даже притязание на бессмертие. Постоянно переживая этот конфликт человек способен на нечто большее, чем просто приспособливаться к меняющейся среде – он способен переделывать действительность в соответствии со своими замыслами, интересами и ценностями.

Именно из этой способности человека возникает феномен суперструктур, то есть таких социальных структур (вместе со связанными с ними материальными вещами, культурными образами и идеями), которые сложнее окружающей их действительности. Чтобы выжить и развиваться суперструктуры вынуждены усложнять реальность вокруг себя, подводя себя надежный фундамент. Историю движет реализация этого свойства суперструктур – опережающая сложность, которая в ответ на тот или иной вызов среды не упрощается, а усложняет среду, приводя её в соответствие с собой.

Спор о происхождении человека

Первой глобальной суперструктурой, действующей в течение всей истории является человеческий разум. Происхождение жизни и разума является предметом мировоззренческих баталий.

Религиозная картина происхождения человека, зафиксированная в Священном Писании, рисует картину того, как сотворенный могущественным, стоящим в центре вселенной, призванным к возделыванию Эдемского сада и соединению всего тварного мира с

Богом, человек в результате грехопадения утратил все эти свойства и стал слабым, одетым в «ризы кожаные» отягощающей плоти, смертным, вынужденным в поте лица отвоевывать у земли пропитание. Грехопадение, преступление Каина, Всемирный Потоп и рассеяние народов и языков при попытке людей построить Башню до небес – таковы рисуемые в Библии этапы этого нисхождения и утраты человеком своих изначальных сил.

Эти этапы можно воспринимать как отзвук реальной истории, можно – как емкие символы, но рисуемая ими картина однозначна: основные идеальные свойства изначально присущи человеку, но в результате духовной катастрофы они затемнились, его жизнь стала отягощена материей. Но сохранившееся ядро этой человеческой природы – разум, бессмертная душа, смутное сознание Бога, вызывают то смутное или явное недовольство своей жизнью, которое и побуждает человека стремиться к материальному и духовному ее улучшению, так сказать восстановить связь с Богом и вернуться в Эдем.

Эволюционная картина (которую не следует отождествлять с научной, так как эволюционизм сам по себе это мировоззрение, а не наука), представляет начало жизни и разума прямо противоположным образом. В результате спонтанного развития лишенной разума материи, неорганические вещества оформились в органические, затем в клетки, клетки скооперировались в растения и животных, в результате чего из одного из животных, обезьяны, выработался человек, обладающий разумом.

Эта история кажется оптимистичной – не потеря, но обретение, не катастрофа и восстановление, а непрерывное движение вперед. Но только объяснить в этой логике почему человек испытывает движущее историей недовольство собой, почему он не ощущает себя высшим во вселенной существом (каковым по этому учению является), а напротив, с глубокой древности сознает существование высшего чем он сам, стремится к индивидуальному бессмертию. Эти свойства и стремления противоречат логике эволюционного

процесса и человек должен был бы в этой логике считаться не его вершиной, а опасной ему угрозой. Объяснить происхождение такого странного существа в эволюционной логике окажется, не прибегая к софистике, довольно трудным делом.

Современная научная археология не дает достаточного количества привязок для интерпретации в её рамках библейской картины происхождения человека (определенные зацепки есть, но они недостаточно масштабны). В то же время её совпадение с эволюционистской картиной, в рамках которой она формировалась и осуществляла отбор материала и построение концепций, так же является мнимым.

Уже древнейшие орудия и следы действия человека говорят о полноценном человеческом интеллекте, который способен планировать свою деятельность, воображать незримый будущий результат, передавать информацию о технологиях благодаря коллективной и индивидуальной памяти, и даже стремиться к красоте создаваемых орудий. В истории мы видим совершенствование технологий, но не эволюцию сути орудийной деятельности.

В рамках суперструктурной теории мы можем дать совершенно иную интерпретацию развития человеческих технологий и даже, возможно, внешнего облика человека. Речь идет не об усложнении снизу-вверх, а о деятельности суперструктуры – разума, по овладению своим окружением – телесной оболочкой, материальной средой, экосистемой, в которой он должен функционировать. Отбор, который, несомненно, включал автоселекцию (то есть подбор и улучшение свойств, нужных для самого себя) позволил как создать удобное для разума тело, так и технологически развитую удобную для него среду.

Разум не «развивается» от простого к сложному, а прорезается, овладевает и самим собой и тем, что вне его. Древнейшая история человечества представляла собой именно

такое восстановление контроля первоначально потерянного во враждебном материальном мире разума над своей внутренней и внешней средой.

Древнейшие люди

Той средой, в которой люди были должны первоначально обеспечивать себе пропитание был саванно/степной травяной биом, экосистема, в которой существовала теснейшая связь между злаками и копытными животными, поддерживавшими растительный баланс, не давая травяным пространствам зарастать лесами. Высшие хищники не создавали значительной нагрузки на эту систему и человек легко встроился в этот биом, используя сразу две хозяйственных стратегии – собирательство, в котором видную роль играли злаки, и охота, объектом которой были, прежде всего, именно травоядные копытные.

Хозяйственная и социальная культура, которую сформировали люди, соответствовала именно такой пищевой стратегии. Каменные орудия делали для людей возможными действия, которые недоступны их конечностям. Они позволяли быстро разделывать мясо, получать жир, добираться до мозговой кости. Люди рано начали строить жилища, защищавшиеся как от ветра, так и, во все большей степени, от холода. Освоение огня позволило улучшить энергоснабжение мозга, так как на переваривании пищи экономилась значительная часть энергоресурсов организма.

Базовой социальной структурой для человеческого общества стала семья, союз мужчины и женщины по воспитанию очень долго взрослеющих детей. Сам факт чрезвычайно долгого взросления человеческих детей, несомненный с самого начала человеческой истории уже представляет непреодолимый разрыв между человеком и любым животным и этот факт носит именно суперструктурный характер, такой способ жизни слишком сложен даже для людей, не говоря уж о внечеловеческом мире.

Семьи либо рассредотачивались в поисках пропитания, либо собирались в общины, которые устраивали масштабные загонные охоты, религиозные празднества, свадьбы – решать те задачи, которые для малой семьи были в принципе неразрешимы. Мы можем предположить, что такая рассредотачивающаяся надсемейная община была древнейшей формой человеческой организации.

Уже в древнейший период люди широко расселились по Старому Свету от Испании и Юга Африки до Индонезии. Человеческое присутствие, отражающееся в крайне архаичного облика орудиях, широко засвидетельствовано последними раскопками на территории России – в Дагестане, а также в Приазовье и на Кубани. Распространение людей активно шло всюду, где господствовал комфортный для их жизнеобеспечения травяной биом – злак и копытные, проникновение же в леса и другие среды требовало гораздо больших усилий.

Наступление ледниковых периодов (московского и валдайского, разделенных очень теплым микулинским межледниковьем) отнюдь не было для людей катастрофичным, как это часто изображают. Напротив, холодная засуха, которую приносили оледенения, угнетающе действовала на леса, зато способствовала разрастанию травяного биома - степи и тундростепи, в которой в небывалом доселе количестве расплодились копытные от диких лошадей, благородных и северных оленей до шерстистых носорогов и величавых мамонтов. Хозяйственная эксплуатация этого биома была для людей наиболее предпочтительна, а с суровостью холодного климата боролись осваивая кожевенное ремесло и шитье одежды, строя удобные вместительные дома, покрытые шкурами, поддерживая огонь.

Скорее всего в этих сообществах уже вырабатывалась профессиональная специализация – выделялись люди, которые лучше других владели тем или иным навыком – каменных дел

мастер, кожевник и т.д. Налаживался обмен с другими группами, носивший не столько коммерческий, сколько ритуальный характер.

Для первых этапов ледниковой эпохи мы уже имеем надежные археологические данные о ценностях и верованиях этих людей (это не значит, что до того момента ценностей и веры не было, вероятней просто археологические данные еще не найдены). Они поддерживали родичей и соплеменников даже при получении ими тяжелой инвалидности. Они погребали покойников, обставляя погребение ритуалами, указывающими на веру в недолжность смерти и вечную жизнь. Они создавали первые архитектурные конструкции из каменных плит и кругов сталагмитов, которые поздние разовьются в культуру мегалитов. Они практиковали охотничью магию с культом пещерного медведя.

Протоцивилизации верхнего палеолита

Антропологи и генетики эволюционисты все более удревяют происхождение того типа человека, которого мы называем «человеком разумным». Его генетическая история, которую удобно проследить по у-хромосомным гаплогруппам, передающимся только по мужской линии, показывает масштабные расселения все более ветвящихся человеческих групп. Был заселен не только Старый Свет, включая Австралию. Представители трех широко распространенных в северной Евразии охотничьих групп заселили Америку – это были представители группы С (Сунгирь, Костенки), Q (Афонтова гора под Красноярском), и R (Мальта).

Любопытно, что у представителей группы R в Евразии (индоевропейцы) и в Америке (хоупвеллская культура) проявляются сходные культурные черты, строительство больших погребальных курганов (маундов), это свидетельствует о том, что многие важнейшие культурные черты оформились именно в палеолите.

Человеческие группы, расселявшиеся по планете, были сравнительно небольшими, но общая численность людей

значительно возрастает, они начинают делиться на кровнородственные кланы, этносы с их культурным своеобразием, начинают оформляться современные языки, в частности – ностратический праязык, которые приурочиваются лингвистами к приледниковой степной зоне.

Именно приледниковая тундростепь с невероятным изобилием крупной охотничьей добычи, обеспечила значительный рост человеческих популяций в верхнем палеолите. Вместо почти отсутствующего леса начали активно использоваться орудия из кости и рога (включая выправленные мамонтовые бивни), достигли необычайного совершенства технологии обработки камня.

По вполне обоснованному предположению, мамонтовая кость использовалась даже в качестве музыкальных инструментов. Такие инструменты были найдены на стоянке Мезин в Черниговской области.

Был изобретен лук, первое истинно человеческое оружие, базирующееся не на продолжении действий конечностей, а на понимании принципов механики и баллистики.

Основываясь на надежных источниках мясной пищи и доступных злаках люди основали долгосрочные поселения, основным строительным материалом которых стала мамонтовая кость, и, тем самым, впервые вышли на уровень протоцивилизации. По берегам рек, прежде всего Дона, раскинулись долгосрочные поселения, использовавшиеся, возможно, не одно тысячелетие. Большие прочные дома были построены из мамонтовой кости. Многочисленные находки каменных и костяных венер свидетельствуют о развитии искусства.

«Цивилизация охотников на мамонтов» раскинулась по побережьям рек Русской равнины. Её особенности отразили масштабное поселение в Костенках (Воронежская область), богатое погребение в Сунгире (Владимирская область).

По обоснованному предположению М.В. Аниковича отношения человека и мамонта на Русской равнине в этот период невозможно описать как охоту. Систематическая массовая охота на мамонта очень скоро привела бы к опустошению экологической ниши.

Если же продуктивное использование мамонта продолжалось длительное время, то это значит, что обитавшим на Русской равнине племенам удалось выработать способы неконфликтной эксплуатации мамонтов, близкой к частичному одомашниванию.

Так же высказываются обоснованные предположения, что соседняя западноевропейская «мадленская» культура уже в этот период добилась приручения лошадей. Возможно, тогда же произошло полуприручение северного оленя. Несомненно именно в верхнем палеолите происходит одомашнивание собаки. Культуры приледниковой зоны верхнего палеолита выработали, по сути, схемы симбиоза с мегафауной, особенно с мамонтами.

Эти оседлые охотничьи сообщества имели уже определенную политическую структуру – власть вождей, территориальное членение, связывающие общину ритуалы.

Самым выдающимся достижением протоцивилизаций верхнего палеолита было развитое изобразительное искусство. Стены палеолитических пещер покрылись красочными рисунками, изображавшими зверей или схватки зверей с охотниками, дома украсились резьбой по камню и мамонтовой кости, изображавшей женщин-предков, тела верхнепалеолитических охотников покрыли многочисленные украшения – нашивки на одежду, бусы, браслеты.

Чувство красоты существовало изначально, но теперь это чувство начало выражаться в зримых образах других существ, прежде всего животных на которых шла охота.

Люди брали идею видимого ими существа и переносили эту идею в изделия своих рук – живопись пещер (Альтамира, Ласко, Капова пещера на Урале), мелкую пластику (Костенки, Мальта в Сибири),

окрашенные рельефы (о существовании в верхнем палеолите монументальной скульптуры часто забывают).

Произошла своего рода миметическая революция (от греческого «мимесис» - подражание, в каком-то греки видели главную особенность искусства). Это была значимая новая манифестация человеческого разума, которую, в связи с предполагаемым «удревнением» homo sapiens, больше невозможно объяснить биологическими причинами. Проявилась способность видеть другого как другого, фиксировать его идеальный образ и воспроизводить снова, причем улучшая какие-то черты, тем самым стал доступен принцип приведения реальности в соответствие с идеей.

Представляется несомненным существование в этот период развитой религиозной культуры, связанной с верой в существование духовного мира – шаманизм, система инициаций. Однако возможно, что взгляд на мир стал более языческим, чем прежде. Образ высшей небесной сущности начал заменяться одушевлением данных в ощущениях явлений природы.

Мезолит и неолит. Две стратегии выживания

Настоящей катастрофой для первой волны протоцивилизаций стало окончание оледенения. Изобильный травяной биом тундростепи был уничтожен, животные отступили на север и начали вымирать, освоенное пространство было затоплено водой и зарастало лесом, существование в котором прежним способом, при помощи массивной охоты и масштабного собирательства злаков было невозможно. Верхнепалеолитические великие культуры разрушились, традиции высокого искусства прервались, а сами разросшиеся человеческие сообщества были либо обречены на вымирание, либо должны были избрать новую стратегию.

Первой из этих стратегий, реализованных в лесной зоне в эпоху мезолита, стало приспособление человеческих групп к

существованию в гораздо менее комфортной для них лесной и водной (приречной и приморской) среде. В постоянное употребление входит лук, как оружие индивидуальной охоты, широко распространяется специализированное рыболовство, позволяющее вести столь же массовый промысел, каким прежде была охота, побережья покрываются высокими мусорными кучами из раковин собранных моллюсков. В повседневный обиход входит лодка. Основным строительным материалом, разумеется, становится дерево.

Многие охотничьи популяции передвигаются к северу, вслед за уходящими животными, в частности носители гаплогрупп N заселившие крайний север Евразии и R1, следы присутствия которых в мезолите обнаруживаются в Архангельской области (культура Веретье X век до н.э.). Территория будущей России и Европы становится на несколько тысячелетий пространством действия таких охотников и рыболовов, некоторые из которых вышли за полярный круг и продолжили там охоту на северных оленей, а также освоив промысел арктических морских животных. У таких сообществ сохранились элементы былой приледниковой культуры.

Другая стратегия выживания в кризис распространилась на юге, прежде всего - на Ближнем Востоке, где травяной биом был вытеснен опустыниванием. Здесь, преимущественно в предгорьях, до которых сжалось пригодное для ведения хозяйства пространство, началась реализация неолитической стратегии. Сущность неолитической стратегии жизнеобеспечения, верность которой мы сохраняем и по сей день, состоит в искусственном поддержании травяного биома как основы жизнеобеспечения.

Люди окружают себя специально сформированной средой из злаков и копытных, для создания которой применяются навыки селекции, выработанные ранее при усовершенствовании самих себя, выработке лучших форм орудий, возможно – при полуприручении некоторых видов в верхнем палеолите.

Созданный человеком, возделываемый им и полностью ему подчиненный травяной биом из злаков и копытных, с добавлением ряда других растений и плодовых деревьев становится той основой, опираясь на которую могут развиваться цивилизации.

Этот переход был назван австралийским археологом Гордоном Чайлдом «неолитической революцией», однако зачастую трактуется неверно, как скачок в технологиях или как переход к производящему хозяйству. Производством люди занимались на протяжении всей своей истории, никакого принципиально революционного технологического рывка в неолите не произошло. Хотя, несомненно, имелось еще более яркое проявление важнейшего свойства человеческого ума – способности к долгосрочному планированию своей деятельности. Теперь между заготовкой и конечным результатом проходило не несколько часов, не несколько дней, а несколько месяцев и цена ошибки была чрезвычайно высока.

Но сущность переворота состояла именно в искусственном поддержании целого биома и его переносе, в том числе в те географические и климатические среды, которые были для него не оптимальны. Вместо того, чтобы жить там, где имелись соответствующие условия, люди начали перемещать свою жизнеобеспечивающую среду вместе с собой.

Чтобы читателю был понятен размах переворота, пусть он представит себе, что у него появилась возможность носить с собой всюду печатный станок, который печатает самые настоящие и принимаемые во всех магазинах деньги, производство которых, однако, требует определенных физических усилий и навыков. При этом время от времени наступает дефицит бумаги и краски и тогда можно вылететь в трубу – аналогом таких дефицитов были регулярно наступавшие на фоне перенаселенности климатические изменения с аридизацией или, реже, избыточной влажностью климата. Кроме того, к «деньгам» липнут в большом количестве бактерии – сельскохозяйственный биом становится источником

бесчисленных эпидемий, сотрясавших (и до сих пор сотрясающих) цивилизованные общества.

Связь появления земледелия с переносом целого травяного биома имела, разумеется, не везде. Великий русский ученый Н.И. Вавилов сформулировал учение о центрах происхождения культурных растений. В Старом Свете эти центры скорее всего были между собой связаны (хотя отрицать возможность самостоятельного возникновения земледелия в Восточной и Юго-Восточной Азии не приходится).

При этом большинство злаков было приручено на Ближнем Востоке (исключения – рис в Юго-Восточной Азии, просо в Китае и овес в Средиземноморье). В Новом Свете культурные растения, несомненно, возникли независимо, но злаков среди них не было и переноса на культурную почву целостного травяного биома не произошло, хотя бы потому, что американские копытные (а именно северная Америка считается родиной лошади) к концу палеолита полностью исчезли, в результате гиперохоты или по каким-то иным причинам. Злаков в американском земледелии почти нет, центральную роль играют травы и клубневые. Несопоставимо более скудными являются и возможности одомашнивания животных - из копытных для одомашнивания в Америке оказались лишь ламы и альпаки.

Ранние неолитические культуры

Создав вокруг себя искусственный биом стало возможным поддерживать существование обширных человеческих поселений, протогородов и городов, опиравшихся на эту искусственную жизнеобеспечивающую среду. Первоначальной зоной "неолитической революции" стал район т.н. Плодородного полумесяца. Район плодородных предгорий как бы полукольцом охватывающий Междуречье Тигра и Евфрата и прилегающие к нему пустыни.

Вокруг возникших в этой зоне протогородов формируются первые ближневосточные неолитические микроцивилизации – «микро», поскольку у довольно недалеко расположенных друг от друга по нашим меркам культур вырабатываются совершенно несходные культурные и хозяйственные типы.

Иерихон – первый в истории настоящий город со стенами и башней. Чатал-Хёюк, с налипающими друг на друга строениями, погребением обмазанных глиной черепов, и культом быка и владычицы зверей. Гебекли-тепе с многочисленными скульптурами животных.

Распространение керамики, помимо обеспечения удобными емкостями для хранения и приготовления растительной пищи, в определенном смысле дисциплинирует и ограничивает культуры, в пределах которых керамические традиции схожи (что очень облегчает работу археологам).

Новые климатические потрясения, связанные с финальными стадиями ледника, - прорыв в Атлантику ледникового озера Агассис (конец VII тыс. до н.э.), приводят закату ближневосточных неолитических микроцивилизаций. Земледельческие культуры начинают через Малую Азию передвигаться в Европу, попутно осваивая молочное скотоводство, которое является настоящим переворотом в жизнеобеспечении – впервые живое существо употребляет молоко живого существа другого вида, причем делает это во взрослом возрасте, для чего нужна особая генетическая мутация, имеющаяся не у всех народов.

Разворачивается вторая фаза «неолитической революции» - революция вторичных продуктов. Теперь люди не только возделывают и переносят свой искусственный биом, но и создают вещи и отношения в принципе невозможные в естественной среде – изобретаются плуг и колесо, быки и лошади используются для пахоты и транспортировки, шерсть овец и коз для создания пряжи и шерстяной одежды, наряду с молоком употребляются творог, сыр и

т.д., из винограда делается вино по образцу освоенного еще в палеолите пива из зерновых.

Земледельцы расселяются на Балканах и занимают Европу двумя потоками – вдоль Средиземного моря (культура импрессо) и по Дунаю (культура линейно-ленточной керамики). На пути они встречаются с носителями мезолитических культур и, так или иначе, происходит взаимное обогащение носителей двух жизненных стратегий – земледельцы осваиваются в лесной среде, однако искусственно меняя её выкорчевкой и выжиганием лесов.

Металлургия, развитие власти и собственности

На Балканах начинает развиваться металлургия, формируется богатейшая Балкано-Карпатская Металлургическая Провинция (БКМП). Погребения владык племен-металлургов, похороненные в Варне (Болгария) усыпаны золотом с головы до полового члена, на который надевался специальный золотой футляр. По сути в этой зоне можно говорить о появлении протоцивилизации, к концу существования которой появляется даже протописьменность.

В это время начинает формироваться выраженная социальная стратификация, причиной которой становится не накопление излишков, которые захватывают вожди, а напротив – усиленная самоэксплуатация политически амбициозных лидеров ведет к появлению излишков и политической экономики, основанной на излишках. Члены общин, стремящиеся достичь признания соплеменниками, работают гораздо больше, чем нужно для собственного обеспечения, и создают богатства, которые пускаются на раздачи в духе распространенного у индейцев потлача. Самоэксплуатация и создаваемый ею прибавочный продукт, разительно отличались от модели поведения большинства, которое стремилось минимизировать свои трудовые усилия.

Путем такой самоэксплуатации лидеры получают доступ к власти вождей, стараются закрепить ее по наследству (с другой стороны,

наследственные вожди вынуждены поддерживать свой статус раздачей богатств). Вожди монополизировали посреднический обмен с другими общинами и племенами и увеличивают свои богатства, они предводительствуют в войнах и захватывают большую добычу (которой конечно тоже делятся), теперь за них работают обращенные в рабов пленники.

Идет интенсивное взаимодействие между религиозными и политическими статусами. В одних случаях вождь становится жрецом и мистическим центром общины, в других жрецы получают политическую власть, в третьих светская и религиозная власть сосуществуют. Но, в любом случае, наряду с охотничьими культами и культами плодородия оформляются политические культы – бог или боги определенной общины покровительствуют прежде всего ей и сплачивают её членов в единое целое. Община считает для себя необходимым служить прежде всего этим своим богам, хотя обычно признает факт существования чужих.

Рядом с БКМП, пользуясь её продукцией на территории Южной России формируется Трипольско-Кукутеньская неолитическая культура (V-III тыс. до н.э.) с огромными поселениями-городами, которые время от времени сжигаются жителями. При её посредстве осуществляется передача технологий земледелия и скотоводства жителям степей – носителям мариупольской, среднестоговской и ямной археологической культур – ранним индоевропейцам.

Древние арии и их соседи

Обитавшие в Великой Степи наследники группы R, некогда объединявшей сибирских охотников верхнего палеолита, усвоили от соседей-трипольцев основные идеи первого и второго этапов неолитической революции. Земледелие в климате Восточной Европы на том уровне технологий было малопродуктивным, а вот возвращение выведенных крупных копытных в грандиозный травяной биом Великой Степи, диета, основанная на молоке,

передвижение на повозках - всё это создавало образ жизни идеально соответствующий степным просторам.

Древние индоевропейцы приручили или (если верна "мадленская гипотеза") возродили приручение лошади, сделав её тягловым и верховым животным. Корова, из которой можно "выдоить всё, что пожелаешь" и лошадь оказались естественно в центре индоевропейского религиозного культа. Большую роль в этом культе, наряду с молоком, играл напиток "хаома", приносивший видения. Приверженцы этого культа первоначально именовали себя "усердствующими" - или *аруа* (отсюда "арии") и мыслили себя как сплоченную группу (весьма обширную) противопоставленную остальным.

Индоевропейцы сохраняют чрезвычайно воинственный охотничий тип культуры верхнего палеолита. Большие стада представляли собой богатство, которое возможно было отнять и которое следовало охранять. А значит нужна их вооруженная защита. Нужны крепкие парни, которые будут готовы неумолимо защищать стада или отнимать стада у соседей. Сословие воинов (кшатриев), как и сословие жрецов-мудрецов (брахманов) рано выделяются в специальные социальные страты. Представление о мире у ариев приобретает трехфункциональный характер. Один аспект связан с мудростью и религией, второй с войной и гневом, третий - с экономической деятельностью и богатством.

Еще одной характерной чертой древних индоевропейцев стали сложные погребальные ритуалы при похоронах своих предводителей и создание масштабных погребальных сооружений – курганов, внутри которых, зачастую, заключены не менее масштабные мегалитические структуры. Эта черта была связана с ранним выделением в ариев развитого представления о царской власти.

Чрезвычайно рано у индоевропейцев начала развиваться металлургия. Они в числе первых освоили выплавку меди, далее

бронзы (сперва с примесью мышьяка, а затем олова). Значением металлургии для пастухов, постепенно переходивших к кочевничеству, было весьма велико - медные и бронзовые орудия и оружие служили долго, в отличие от каменных и количество инвентаря, который требовалось перевозить с собой со стоянки на стоянку, резко сокращалось.

Если источником экономического влияния на индоевропейцев была Балкано-Карпатская Металлургическая Провинция, то интенсивным источником культурного и социального влияния была загадочная майкопская археологическая культура северных предгорий Кавказа. Для её вождей сооружались огромные курганы, требовавшие работы больших масс людей в течение многих сотен человекочасов. Эти курганы начинены обширным золотым инвентарем, происхождение которого во многом загадочно, а хозяйственный облик майкопской культуры до конца не ясен. Нельзя исключать того, что майкопские вожди занимались работоторговлей с культурами Ближнего Востока.

Индоевропейские скотоводческие группы раскинулись на широком пространстве Восточной Европы и Западной Азии от Южного Буга и до Енисея. Однако группа чрезвычайно плавно переходила в другую, так что археологам сегодня с трудом удается выделить их отличия друг от друга. Сперва Мариупольская культура, затем Среднестоговская культура с развитым коневодством, огромная Ямная культурно-историческая общность. Именно от этой общности начинается исход индоевропейских народов по всем радиусам Европы и Азии. В восточноевропейской степи ямная общность перешла в Катакомбную и Срубную общности и Бабинскую культуру.

Мир ариев в степной зоне России просуществовал несколько тысячелетий, с IV по II тыс. до н.э., выделил из себя несколько индоевропейских общностей, заселивших Западную и Восточную Европу, Индию и Иран, а степное пространство досталось в наследство потомкам ариев - скифам и сарматам.

Именно нашествию индоевропейцев приписывается конец «мирных пронизанных феминистским духом и эгалитаризмом» неолитических культур «Старой Европы» в теории литовско-американского археолога феминистки М. Гимбутас. Археологическими данными гипотеза о мирных культурах энеолита не подтверждается. Неолитические народы постоянно воевали между собой, их поселения, в том числе и в местностях крайне далеких от зоны проживания индоевропейцев, были хорошо укреплены и на них находятся следы военных конфликтов.

В то же время нет оснований сомневаться в том, что определенные группы ариев переселялись на Запад. Курганы ямной культуры обнаружены в значительном количестве на Венгерской равнине, являющейся крайне западной точкой Великой Степи. В последующие эпохи по тому же пути прошли гунны и сами венгры - и те и другие сделали Венгрию базой своих нашествий на Европу, так что нельзя исключать, что для ямников это зона так же получила значение базы для дальних походов. Но прямых доказательств этого нет - археологический инвентарь ямных курганов в Европе довольно скуден, хотя в нем есть и украшения из золота и серебра, и следы повозок, и даже сосуд со сгоревшими семенами конопли. Доминирующая в них гаплогруппа - R1b.

Однако решающая роль индоевропейцев в падении балканских неолитических культур ничем не доказана. Напротив, существуют такие феномены как Усатовская археологическая культура, представляющие собой мирный синтез ямников и трипольцев.

Более вероятно, что неолитическая протоцивилизация Балкан и Европы была погребена экосоциальным кризисом, связанным с невозможностью прокормить возросшее население. Спровоцировала этот кризис, вероятно, засуха, которая охватила не только Европу, но и Сахару и Ближний Восток. Важной частью экосоциального кризиса наверняка были массовые эпидемии.

Вполне вероятно гипотеза, что перенаселенные трипольские поселения с большим количеством скота стали гигантскими инкубаторами бацилл, в которых сформировались древнейшие штаммы чумы. Гигантские зернохранилища трипольцев стали идеальной кормовой базой для неисчислимых крыс, распространительниц крысиных блох.

Исследователи все чаще задаются вопросом: не были ли регулярные сожжения трипольских протогородов мерой дезинфекции - превентивной, или, что более вероятно, послеэпидемической. Возможно и многие другие необъяснимые вторжениями коллапсы дописьменных культур связаны с эпидемиями, следы которых чаще всего археологически неразличимы.

Системный кризис "Старой Европы" на рубеже IV-III тыс. до н.э. привел к «первому великому переселению народов», активными участниками которого стали индоевропейцы. Однако они вряд ли были его первопричиной. Падение энеолитической протоцивилизации Балкан было, скорее всего, частью общего кризиса энеолита, сжавшего пространство распространения протоцивилизаций до 2-3 зон, в которых порог цивилизации был перейден благодаря созданию сверхэффективных бюрократических структур.

Бюрократические цивилизации Древнего Востока

На Востоке иссушение климата в V-IV тыс. так же привело к кризису неолитических культур. Настоящую катастрофу пережили, в частности, неолитические культуры Сахары. Неолитические земледельцы вынуждены были к сжатию в долины великих рек – Нила, Тигра и Евфрата (Междуречье), Инда. Здесь, зажатые со всех сторон пустынями и горами сконцентрировались большие массы земледельческого населения перед которым стояла задача выжить. Для выживания требовалось создать еще более сложные суперструктуры, которые будут поддерживать большие

интенсивные аграрные комплексы на малой площади, на которой доступна вода.

Решением этой задачи стало формирование сложных бюрократических государств. Эти государства базировались не на просто политической власти, а на тщательном контроле, учете и перераспределении ресурсов (иногда централизованном). Политический сектор экономики, направленный на решение общих задач, начал превалировать над жизнеобеспечивающим сектором. Одним из секторов этой политической экономики стало поддержание ирригационных систем, но сами эти системы были не причиной, а следствием развития бюрократических цивилизаций.

Развитие письменности стало важнейшим условием успешного функционирования этих цивилизаций. А поскольку письменность открывала дорогу к фиксации исторических фактов в хрониках, то эти хроникальные цивилизации стали «суперзвездами» позднейшей историографии, отодвинув бесписьменные как бы за пределы истории.

Бюрократические цивилизации были реализованы в двух основных формах. Национально-территориальное государство в Египте и города-государства трансформировавшиеся в Империю в Месопотамии. Точный социальный характер индской цивилизации, из-за нерасшифрованности её письменности, нам неясен.

Древний Египет: нация против пустыни

Египетский вариант государственности значительно старше шумерского. Объединивший Верхний и Нижний Египет фараон Нармер (Мина) правил около 3000 г. до н.э. С тех пор египетская государственная традиция сохранялась непрерывно в течение трех тысячелетий.

Египет был древнейшим национально-территориальным государством, где на единой территории, находящейся под единым

управлением господствовала единая культура, принадлежащая единому этносу, говорящему на одном языке. Это государство управлялось фараоном, сочетавшим функции царя-вождя, жреца и управляющего хозяйством «большого дома» (фараон переводится как большой дом) – царского дворца, сосредоточения бюрократической вертикали. Царю подчинялись как писцы, так и вельможи, чрезвычайно гордившиеся исполнением возложенных на них поручений

Для египетского варианта бюрократического государства с самого начала характерен высокий уровень политической централизации и культурного единства, подкреплявшегося значительной степенью ксенофобии по отношению к внешнему миру. Один из ключевых образов египетской политической риторики - образ победы фараона над "девятью луками", символизирующими окружающие долину Нила варварские народы.

Строительство пирамид было связано с особенностью мифологической интерпретации египтянами своего экологического положения. Египет был изолированной речной долиной на которую со всех сторон наступала пустыня, ассоциировавшаяся с зловредным богом Сетом, убившим символ жизни – Осириса. При этом в Сета превращался истощивший свои жизненные силы солнечный диск – Атум. Помещение мистической фигуры – царя-фараона в специально усиливавшую его свойства гробницу-пирамиду поддерживало силы Атума, не давая ему деградировать до состояния Сета. Именно это сложное строительство, а не разливы Нила, сдерживало, в сознании египтян эпохи древнего царства, наступление враждебной пустыни на Египет.

Поддержание египетского большого проекта, несмотря на обильные ресурсы, обеспечивавшиеся Нилом, доставалось не без труда. На смену Древнему царству (XXVII-XXII вв. до н.э.) его централизацией и большими проектами пришел хаос междинастического периода с распадением государства на отдельные враждебные области – номы. Однако политическое единство страны неизменно

восстанавливалась, а завоевать её извне долгое время оказывалось невозможным никому. Для Среднего царства (XXI-XVII вв.) были характерны другие общественные проекты, нежели пирамиды, - освоение Фаюмского оазиса, строительство дворцов.

Месопотамия. От городов к Империи

Для месопотамского варианта бюрократических цивилизаций был характерен дуализм двух культурных традиций. Традиции семитов, живших в северной и центральной Месопотамии в племенных обществах с выраженной властью царей, и традиции шумеров, живших в южной Месопотамии в огромных для той эпохи городах, основывавшихся на сверхинтенсивном земледелии. Шумерские города понимали себя как уделы божеств и управлялись жреческой бюрократией, а их простое население превратилось по сути в трудовые армии. Обладая небывалыми в истории запасами зерна шумеры развернули широкую обменную сеть, получая взамен на зерно отсутствовавшие на юге Междуречья металлы, камень и дерево. Теснейшими были экономические связи Шумера с Индской цивилизацией (Меллухой), причем Шумер выступал, по всей видимости, импортером, а Индская цивилизация - экспортером товаров.

Первоначально шумеры признавали гегемонию семитских царей Киша, затем, при царе Урука Гильгамеше (XXVII в. до н.э.), ставшем эпическим героем, возобладали сепаратистские тенденции. Шумерские города вели частые войны друг с другом, их правящая элита из жреческой становилась олигархической, все более остро стоял социальный вопрос. Это противостояние привело к завоеванию семитами и созданию Империи во главе с царем Акаде Шаррумкеном (Саргоном Древним - 2316 — 2261 до н. э.), создавшим мощную профессиональную армию из лучников.

Ряд авторов, прежде всего К.В. Малофеев в его труде «Империя», опираясь на библейскую традицию, заложенную в Книге Даниила в

видении о статуе из золота, серебра, меди и железа, рассматривают созданную Саргоном Империю как родоначальницу большой имперской традиции, идущей через Вавилонию, Ассирию, Персию, македонские завоевания эпохи эллинизма до Рима, Византии и России. Оснований отвергать подобный взгляд в качестве историософской конструкции - нет. Все указанные империи так или иначе осознавали свою связь друг с другом и устанавливали между собой прямое или косвенное преемство.

Первая цивилизованная империя была сравнительно непрочной, так как представляла лакомую добычу для окрестных варварских народов, к тому же развитые шумерские города вели борьбу против власти аккадцев. После падения Аккада держава была восстановлена как «царство Шумера и Аккада» под верховенством шумерской III династии Ура. Царство Ура впервые основало правосудие на кодифицированном письменном законодательстве. Кроме того в нем был реализован масштабный проект военно-бюрократической экономики.

В условиях постоянной угрозы со стороны варваров-горцев все храмовые хозяйства были объединены царем Шульги (2094 — 2046 до н. э.) в единую централизованную бюрократическую сеть, осуществлявшую контроль и перераспределение ресурсов, а население было объединено в трудовые отряды. Широко распространенный миф о царстве Ура как о некоем тоталитарном государстве – ошибочен, речь идет о чрезвычайной военной экономике. Однако эксперимент не дал эффекта – царство пало под ударами расселившихся по его территории восточnoseмитских кочевников-амореев и соседнего, враждебного к империям Междуречья, царства Элам, на юге современного Ирана.

Аморейцы постепенно захватили власть в шумерских городах. В Месопотамии установилось нечто вроде "феодализма" аморейских династий и племенных вождей, находившихся в зависимости от более сильных правителей (таких как северомесопотамский правитель Шамши-Адад). Верховная гегемония принадлежала

правителям Элама. Это положение отразилось в том числе и в Библии, в рассказе об Аврааме и его битве с эламитами и подчиненными им сеннарцами и хеттами в долине Сиддим.

От длительного периода эламского господства Междуречье освободил один из семитских властителей – Хаммурапи (1793 — 1750 года до н. э.), правивший в Вавилоне. Хаммурапи в результате долгой дипломатической и военной борьбы подчинил себе и изгнал эламитов, восстановил единое государство и традицию письменного законодательства. Его стела законов стала самым известным (хотя и не первым по времени) законодательным сводом Древнего Востока. Вавилон надолго превратился в центр Междуречья.

Долина Инда: цивилизация торговых штампов

Цивилизация в долине Инда (расцвет - во второй половине III и начале II тысячелетий) возникла по тому же алгоритму – аридизация климата, сжатие аграрного населения вокруг рек, появление больших управляемых при помощи бюрократии городов.

Индская цивилизация по-прежнему остается для нас «молчащей». Археологические данные показывают, что она имела высокоразвитые города с канализационными системами (впрочем по настоящему крупных, столичного уровня городов известно только три, они известны как Хараппа, Мохенджо Даро и Ракхигархи), развитую аграрную и торговую экономику, в которой большую роль играло мореплавание.

Все города индской цивилизации периода её расцвета очень похожи, что свидетельствует о культурном единстве на огромной площади, однако единой государственности не ощущается. Возможно индское общество было разделено на города-государства, как и шумерская цивилизация, однако выраженной олигархизации в ней видимо не произошло. Ничего подобного роскошным погребениям шумерской знати на Инде нет. Здесь общество было очень эгалитарным, все имели примерно равный

уровень жизни. От кого защищались индские города высокими стенами, от соседей, или от внешних варваров, так же пока не ясно. Теория об уничтожении этой цивилизации вторжением ариев очевидно необоснованна – если они и уничтожили её, то только уже в упадочном состоянии.

Индская письменность носила достаточно примитивный характер, главный источник по которому нам известна эта письменность - торговые печати, найденные преимущественно в Месопотамии. Очевидно, они обозначали информацию о товаре. Литературных текстов индской цивилизации, хотя бы нерасшифрованных, нам не известно. В этом отношении индская цивилизация была гораздо архаичней синхронных египетской и месопотамской. В то же время современными российскими учеными, наследниками традиций расшифровщика письменности майя Ю.В. Кнорозова, предпринимаются усилия по расшифровке индских знаков.

К середине II тысячелетия бюрократические цивилизации первой волны начали приходить в упадок. Старые государства гибнут под ударами новых народов, военные технологии которых прямо или косвенно связаны с инновациями, выработанными на Севере Евразии индоевропейцами.

Индоевропейская экспансия. Западное направление

Величайшей загадкой истории древних индоевропейцев является то, что в одну и ту же эпоху (хотя и весьма протяженную - IV-II тыс. до н.э.) на одной и той же территории Восточной Европы (хотя и весьма обширной) сосуществовали носители двух подгрупп гаплогруппы R1 - R1a и R1b. В разных культурных традициях доминировала одна из этих групп. R1a: Среднепестовская, Шнуровой керамики, Срубная, Абашевская, Синташтинская, Андроновская. R1b: Афанасьевская, Ямная, Катакомбная, Колоколовидных кубков.

При этом ареалы этих культур частично перекрывали друг друга, а основные элементы хозяйственного и культурного типа - молочное

скотоводство, коневодство, активное использование повозок, курганные погребения, индивидуальные погребения, выделяющие прежде всего воинов, - совпадали. С учетом того, что две гаплогруппы разделились еще в верхнем палеолите, такое тесное сосуществование общностей с давно разошедшимися мужскими родственными линиями выглядит довольно загадочно.

Напротив, совершенно абсурдны попытки последователей «фоменко от палеогенетики» А. Клёсова сочинить некий тысячелетний конфликт между "ариями" и вымышленными "эрбинами". Если бы такой конфликт и в самом деле имел место, то весь ареал сосуществования и соприкосновения двух групп был бы буквально завален артефактами, говорящими об их враждебности. Между тем, ничего подобного не наблюдается.

"Первое великое переселение народов" на рубеже IV и III тысячелетий вовлекло представителей обеих групп в движение в лесную и лесостепную Европу. Однако их маршруты оказались различными. Представители гаплогруппы R1b, исходно связанные с ямной культурой, двинулись с Балкан и Придунавья в Средиземноморье. Они сформировали культуру (или, вернее сказать - общность) колоколовидных кубков. Представители этой общности, в которых исследователи обычно видят итало-кельтов расселились по западному Средиземноморью, Иберийскому полуострову, Атлантическому побережью Франции и Испании.

Южнее Пиренеев носители погребения носителей этой культуры принадлежали преимущественно к группам неолитических земледельцев, то есть она выглядела автохтонной. А вот северней Пиренеев подавляющее большинство представителей этой культуры были однозначно представителями группы R1b, индоевропейцами. Не исключено, что некоторые элементы возникшей в Испании культуры были усвоены индоевропейцами на пути на Запад.

Характерными признаками этой культуры являются колоколовидные кубки, активное использование лошади, включая

жертвоприношение коней, развитая медная металлургия. Именно индоевропейцы принесли в Западную Европу развитую медную и бронзовую металлургию. Воины этой культуры были по преимуществу лучниками. Переселявшиеся на Запад индоевропейцы принесли с собой свою мегалитическую традицию - строительство менгиров, каменных стел, увековечивавших покойного. А свои погребения представители этой культуры зачастую размещали в мегалитах предшествующего населения - дольменах, поэтому в какой-то момент принимались археологами за их строителей, хотя на деле были их разрушителями.

Ранее в регионе, занятом культурой колоколовидных кубков, проживали староевропейские группы, активно строившие грандиозные мегалитические сооружения, исполнявшие функции кладбищ и святилищ. Зона распространения мегалитов очень четко коррелирует с приморскими зонами Средиземноморья и Атлантики. Мегалиты появляются в таких далеких и вряд ли пригодных для развития высокой культуры регионах, как Оркнейские острова. Для строительства таких мегалитов как храмы острова Мальта или Стоунхендж нужна мобилизация усилий больших человеческих сообществ. Однако никакой "культуры мегалитов", деятельностью которой можно объяснить происхождение этого типа памятников.

Это отсутствие связи между географией мегалитов и выраженной неолитической культурой тем более загадочно, если учесть, что распространение мегалитов четко коррелирует с морским побережьем, при том, что атлантическое побережье никогда не было слишком комфортно для плавания. Еще удивительней, что культура колоколовидных кубков распространялась преимущественно в географической зоне "старых мегалитов", тоже по морю. Можно было бы предположить некий культурный синтез, однако именно в этой географической зоне произошло по сути полное замещение неолитического населения групп G и I на группу R1b. Некоторые авторы говорят о произошедшем в Западной Европе настоящем геноциде.

Похоже на то, что культура колоколовидных кубков и её носители распространялись именно там, где видели предшествующую мегалитическую цивилизацию, наработки которой обеспечивали им определенные ресурсы. Тут можно смутно уловить сходство с позднейшей стратегией римлян (прямых потомков этой культуры), которые расширяли свою империю именно там, где находили достаточно развитые цивилизации "на прокорм". А там, где имели дело с варварами - ничего сделать не могли.

Другая часть индоевропейцев, носители гаплогруппы R1a, в период заката энеолитических культур, начала продвижение по лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. К 2900 г. до н.э. оформляется культурная общность шнуровой керамики (она же боевых топоров). Началось её взаимодействие со "староевропейской" (гаплогруппа I2) культурой шаровидных амфор. Синтез этот был, видимо, недобровольным - в Кошице (Словакия) найдено погребение массово убитых ударами по черепу представителей культуры шаровидных амфор. Причем как мужчин, так и женщин. А в захоронении в Эйлау (Германия), напротив были обнаружены массово убитые индоевропейцы культуры шнуровой керамики. Продвижение шнуровиков, таким образом, носило характер завоевания не в меньшей степени, чем продвижение культуры колоколовидных кубков.

К числу важнейших шнуровых культур на Русской равнине относились среднеднепровская и фатьяновская культуры, вторая из которых раскинулась на пространстве от современных Смоленска и Москвы до Казани и Чувашии (в последней открыт знаменитый Балановский могильник, который иногда даже выделяют в отдельную Балановскую культуру). Культуру шнуровой керамики небезосновательно рассматривают как предковую для славян, балтов и значительной части германцев. Тот факт, что половина русских и по сей день имеет гаплогруппу R1a вероятно говорит о том, что с момента расселения по Русской равнине "шнуровиков" генетический состав населения здесь принципиально не менялся.

Характерными приметам этой общности стали сосуды с рисунком, выдавленным при помощи шнура, а также шлифованные каменные (реже - медные) топоры ладьевидной формы. Если в хозяйственной культуре колоколовидных кубков центральное место занимала лошадь, то для культур шнуровой керамики тоже место занимала корова. Это была культура перемещающихся по лесам молочных скотоводов, по всей видимости не употреблявших говядины (как и арии известные по письменным источникам). Практиковалось, в доступном в лесной полосе объеме, и земледелие, для которого особенно интенсивно использовались плодородные поймы рек Русской равнины.

Примечательной чертой этого культурного круга стало активное распространение украшений из янтаря, широко распространенного у берегов Балтийского моря. Янтарные вещи "шнуровики" брали с собой, в том числе, и в далекие переселения.

Социальный строй "шнуровиков" был патриархально родовым. Для фатьяновской культуры характерны обширные родовые могильники в центре которых помещались мужские погребения с богатым инвентарем. В последний путь глав семейств снаряжали с оружием, орудиями труда, пищей в сосудах, медными и янтарными украшениями.

С продвижением фатьяновцев в лесостепи и степи Поволжья и Приуралья ряд исследователей связывает возникновение Абашевской культуры и происходящей от той Синташтинской. Если эта гипотеза верна, то состоялось своего рода "возвращение в степь" покинувших её лесных восточных индоевропейцев из группы R1a.

Индоевропейская экспансия – восточное направление

Передвижение индоевропейской "арийской" общности на Восток было одной из эпичных драм истории бронзового века, породивших немало интересных феноменов, часть из которых отразились еще в древних "Ригведе" и "Авесте", а часть становится известна только в

наши дни, благодаря достижениям археологии. Это передвижение стало одной из осей всемирной истории, принеся на Восток новые военные технологии и полностью изменив его этнокультурный облик, оно тем более интересно, что практически все его этапы проходили на территории исторической и современной России.

С падением неолитических культур Европы в лесную зону передвинулись отнюдь не все индоевропейцы и даже, возможно, не большинство их. Значительная часть представителей как группы R1b, наследников ямной и катакомбной культур, так и группы R1a, сформировавших в XVIII-XIII веках до н.э. срубную культуру (археологически выглядящую прямым продолжением ямной и катакомбной, хотя этногенетически это, очевидно, было невозможно) продолжала жить в степях Восточной Европы. Одним из центров срубной культуры стала долина реки Бахмут, именно там раньше всего были найдены её памятники.

В степи вернулась и часть представителей лесной культуры шнуровой керамики, фатьяновцы, к которым современные исследователи возводят абашевскую археологическую культуру. Именно в этой культуре представителей группы R1a обоснованно усматривают прямых предков "ариев" в узком смысле слова, то есть индоиранцев.

Арии жили в степях постепенно переходя к настоящему кочевому скотоводству, строительству легких боевых колесниц и осваивая кочевую металлургию. Металлургия была для степных кочевников настоящей находкой. Во-первых, она освобождала от необходимости иметь значительные запасы камня, - бронзовые вещи служили дольше, а в случае порчи - поддавались переплавке. Во-вторых, кочевники легко могли передвинуться в направлении источников сырья, прежде всего меди.

Для представителей срубной культуры характерна была эксплуатация медистых песчанников Донецкого кряжа (Бахмут) и Приуралья (Каргалы). Добыча велась не только для себя, но и на

экспорт широко расходившийся по степи, а в некоторых случаях и за её пределы. В Каргалы в обмен на медь поставлялись огромные стада крупного рогатого скота. От необходимости самостоятельно заготавливать продовольствие тамошние металлурги были избавлены.

Основателями кочевой металлургии были индоевропейцы, представители афанасьевской культуры (определена гаплогруппа R1b), еще в конце IV начале III тыс. до н.э. сдвинувшиеся по евразийской степи далеко на Восток, в район Алтая, Хакассии и Западной Монголии. Афанасьевцы, возможно, положили начало народу тохар, игравшему значительную роль в Центральной Евразии.

С кочевнически-металлургическим технологическим синтезом был связан феномен Абашевско-Синташтинской культурной общности (конец III начало II тыс. до н.э.), продвигавшейся с Востока Европы через Поволжье на Урал, а затем в Южную Сибирь и Центральную Азию.

Металлургические фактории синташтинской культуры были в последние десятилетия открыты археологами на Южном Урале, где наибольшую известность приобрел Аркаим. Синташтинцы строили круглые в планировке укрепленные поселения, на которых велось интенсивное медное металлургическое производство.

Синташтинские поселения имеют все признаки централизованного планирования и высокого уровня инженерной мысли, предполагающих высокий уровень управленческой организации.

Впервые так далеко на севере возникает протогородская цивилизация, причем опирающаяся не на земледелие, а на скотоводство и металлургическую индустрию.

Погребения синташтинцев содержат богатый инвентарь, причем особым богатством и воинским убранством – захоронения с оружием и колесницами, отличались погребения тех, кто могут быть идентифицированы нами (по захоронению с ними орудий труда) как мастера – металлурги и плотники-колесничники. Захоронения с

символами политической власти выглядят гораздо скромнее. Большую роль в погребальном ритуале играло жертвоприношение коня.

Именно к синташтинцам исследователи на основе археологических материалов относят изобретение колеса со спицами легкой двухколесной боевой колесницы, которая стала ведущим оружием конца бронзового века.

Мы почитаем Митру...
Он правит колесницей
С высокими колёсами,
Небесной, пролетая
Со стороны восточной

Так говорится в Яштах, одной из древнейших частей Авесты.

На таких колесницах синташтинские герои выдвигались в сражения со своими таинственными врагами, защита от которых и требовала столь укрепленных поселений.

От кого защищались арии на южном Урале? Одновременно с их движением с Запада на Восток археологами фиксируется противоположное движение с востока на запад других кочевых металлургов, загадочных представителей сейминско-турбинского транскультурного феномена (конец III нач. II тыс.). Представители этой группы передвигались с Востока, с Алтая, на Запад по таежной зоне, граничившей со степью, активно используя речные пути.

Неизвестны поселения или захоронения этой группы - только кенотафы (ложные ритуальные захоронения) и клады, а также следы столкновений с другими группами. Найдено несколько могильников с большим количеством убитых представителей абашевской культуры и следами сейминско-турбинского оружия, в частности - Пепкинское коллективное погребение.

Есть все основания говорить о сейминско-турбинском нашествии в результате которого абашевское население было разгромлено,

рассеяно или, частично, инкорпорировано завоевателями. А синташтинская культура приобрела вид передовых укрепленных форпостов ежеминутно готовых к нападению.

"Визитной карточкой" сейминцо-турбинцев стала их исключительно яркая бронзовая металлургия, основанная на сплаве меди и олова (арии использовали в основном мышьяковистые бронзы). Они использовали тонкостенное литье для изготовления втульчатых копий имевших специальные крюки для стаскивания воинов-ариев с их колесниц. Особенно сильное впечатление производят кинжалы с навершиями в зверином стиле. Яркий, фантастичный облик сейминско-турбинских изделий значительно контрастирует со сдержанным, классичным обликом металлургии ариев. Зато он находит прямое продолжение в столь же замысловатой китайской металлургии бронзового века.

Одни видят в представителях этой общности финно-угров, другие тюрков, третьи – двинувшуюся в обратном направлении с Востока на Запад группу афанасьевцев-тохар. Так или иначе, движение сейминцо-турбинцев на Запад обозначено почти исключительно оставленными ими самобытными вещами и следами их расправ над другими племенами, ни имени, ни генетического материала, ни каких-то иных этнических привязок они не оставили. На Западе эти воинственные, но, видимо, немногочисленные группы растворились в местном населении, а на Востоке их наследием вероятно стала китайская бронзовая металлургия.

С прекращением нашествия сейминцо-турбинцев синташтинская культура трансформируется в андроновскую, раскинувшуюся на огромном пространстве Южной Сибири и Средней Азии от Волги до Енисея и Амударьи. Поселения андроновцев были относительно постоянными, сочетающими земледелие и скотоводство. "Наибольшую долю в стаде данных археологических памятников Верхнего Приобья имело место разведение крупного рогатого скота для получения как мяса, так и молока. Второе место в стаде занимает лошадь, по всей видимости, с мясным, молочным и транспортным

направлением. И третье место в стаде андроновцев занимает мелкий рогатый скот, с преимущественно овчинно-шубным направлением разведения этого вида домашнего животного" - так характеризуется структура стад одной из северных андроновских групп. Популярная гипотеза, что у андроновцев начало преобладать отгонное скотоводство не находит сегодня подтверждения.

Сложная городская организация и фортификация синташтинских времен утрачиваются, хотя укрепление поселений с устройством специальных проездов для колесниц сохраняется.

В андроновцах основательно видят индо-иранцев ариев накануне их вторжения в Индию, Иран и на Ближний Восток. Именно их быт, судя по всему, отражен в иранской "Авесте" и индийской "Ригведе". Во всех индоиранских вторжениях исключительную роль играла боевая колесница, дававшая ариям стратегическое преимущество над противниками.

Впрочем, это преимущество не использовалось для создания великих империй. Свободолюбивые индивидуалисты арии в большинстве регионов скорее разрушали старые политические структуры, а новые структуры, созданные самими индоевропейцами, формировались довольно медленно. На первых порах наибольшую политическую выгоду от принесенного ариями военного переворота получили те древневосточные цивилизации, которые сумели быстро освоить колесницы и пустить их в дело.

Эра колесниц

Колесницы иногда называют "танками древности", но это, конечно неверно, танками были боевые слоны. До персов, оснастивших колесницы косами, они не использовались в качестве прямой ударной силы. Колесницы позволяли армиям проходить значительно большие расстояния, стремительно вступать в бой и стремительно из него выходить. Основой колесничного "экипажа" были возница и воин, оснащенный луком или метательными

дротиками. Иногда к ним добавлялся щитonosец, прикрывавший их от атак врага. Благородный воин прибывал в битву на колеснице и осыпал врага стрелами и дротиками. Зачастую битва выливалась в поединки таких лучников на колесах.

Гомер в "Илиаде" так описывает колесничную битву:

"Сами вожди совокупно вошли в колесницу Тидида;
Нестор немедленно в руки приял блестящие вожжи,
Коней стегнул, и пред Гектором быстро они очутились.
В Гектора, прямо летящего, дрот Диомед устремляет;
И в него не попал; но его браздодержца-клеветра,
Сына Фебея почтенного, смелого Эниопея,
Коней браздами гонящего, в грудь поражает у сердца:
В прах с колесницы он пал, и отпрянули в сторону кони
Бурные; там сокрушилась его и душа и могучесть.
Гектору сердце стеснила жестокая скорбь о вознице;
Но его наконец, невзирая на жалость о друге,
Бросил и смелого окрест возницы искал; и не долго
Кони нуждались в правителе; скоро достойный явился:
Архептолем, Ифитид бесстрашный; ему он на коней
Быстрых взойти повелел и бразды к управлению вверил.
Сеча была б, совершилось бы невозвратимое дело,
В граде своем заключились бы, словно как овцы, трояне;
Но увидел то быстро отец и бессмертных и смертных.
Он, загремевши ужасно, перун сребропламенный бросил
И на землю его, пред конями Тидида, повергнул:
Страшным пламенем вверх воспаленная пыхнула сера;
Кони от ужаса, прянув назад, под ярмом задрожали;
Пышные коней бразды убежали из старцевых дланей;
С сердцем трепещущим он провещал к Диомеду герою:
«Друг Диомед, оборачивай к бегству коней быстроногих.
Или не чувствуешь ты, не тебе от Кронида победа!"

Изобретенные ариями синташтинской и андроновской культур боевые колесницы произвели на Ближнем Востоке военную

революцию, создав новые возможности для войн и формирования больших империй. При этом сами арии в своем движении в Индию и Иран не создавали государств имперского типа, да и вообще сколько-нибудь значительных политических объединений. Их продвижение в эти страны напоминало не завоевание, а медленную перекочевку, которая, конечно, не обходилось без боевых столкновений как с местными обитателями, так и друг с другом (войны велись из-за скота). Однако "разрушение индоариями хараппской цивилизации" оказалось мифом, её города пришли в упадок значительно ранее. В Иране, напротив, эламская цивилизация существовала еще много столетий после появления иранцев.

По мере продвижения индоиранской общности на юг она распадалась, причем произошла не только этнокультурная и цивилизационная, но и религиозная дивергенция.

Арии в Индии

В Индии, вероятно еще на самом севере, в Пенджабе, на общей арийской основе сформировалась ведийская религия с её упором на жертвоприношения и почитание богов-девов главным из которых был воин-колесничий Индра. Постепенно образы индийских божеств приобретают всё более чувственный, «скульптурный» характер – в индийском пантеоне появляются божества местных народов. Религиозная система приобретает метафизический характер, в её центре становятся представление о законе дхармы и колесе перерождений – сансары. Трехфункциональная индоевропейская схема: брахманы-кшатрии-вайшьи дополнилась четвертой низшей варной шудр, а затем началась трансформация варн в кастовую систему «джати». Превалирование кастовой структуры общества над политической и идеологическими системами станет характерной особенностью индийской цивилизации.

Другими её особенностями, выработавшимися по мере освоения тропиков долины Ганга стало ослабление одной из частей арийской диады – коневодства, при сохранении роли молочного скотоводства. Из кочевых скотоводов индийцы превращаются в земледельцев-рисоводов. В военном деле вместо коня и колесницы всё большую роль приобретает боевой слон. Формируются многочисленные небольшие политические структуры – царства, правителями некоторых из которых являются представители легендарных Солнечной и Лунной династий, а также республики (ганы или сангхи) – то есть системы коллективного господства представителей высшего слоя – раджанья – над остальными подданными.

Внутри этих политических объединений и между ними разворачивались конфликты, такие как ставший основой сюжета грандиозной «Махабхараты» конфликт двух ветвей лунной династии, Пандавов и Кауров, за власть над царством Куру. Конфликт привел к грандиозной колесничной битве на священном поле Курукшетра. Современные исследователи датируют эту битву, XIII-XII вв. до н.э., то есть она была относительно синхронна происходившей на другом конце ойкумены троянской войне. И та и другая война воспринимались потомками как окончание целой исторической эпохи великих царств и наступление новой – железного века или кали-юги.

Арии в Иране

Расселение ариев по Иранскому нагорью было, видимо, еще менее драматичным. Они занимали пустующие области и ассимилировали местное население, постепенно переходя от скотоводства к земледелию, требовавшему в Иране сложной ирригационной модели.

Развитие иранской религии, авестийской, происходило в направлении прямо противоположном ведийскому. Сокращалась роль жертвоприношений и жречества, из древних богов отдавалось

предпочтение не дэвам, а их противникам ахурам, не имевшим такого яркого чувственного облика, как дэвы. На первое место выдвигались этические представления о правильных поступках. Мир начинает представать как столкновение двух духовных сил, двух этосов, в котором важно занять правильную сторону. Всё это ведет авестийскую религию к оформлению в учении Заратустры.

Важное значение для формирования этого дуализма имело всё более выраженное противопостояние между двумя иранскими мирами – собственно Ираном, перешедшим к земледелию, и Тураном, Средней Азией, областью обитания иранских племен, сохранивших древнеарийский кочевой образ жизни (саками, массагетами и т.д.). Если большая часть контактов индоариев с Тураном была прервана в процессе продвижения на юго-восток Индии, то Иран и Туран представляли собой единое относительно непрерывное географическое пространство и это вело к росту взаимного напряжения, которое в конечном счете привело к неудачным массагетским войнам Кира Великого и скифским войнам Дария Великого.

Арии на Ближнем Востоке

Продвижение арийских колесниц в зону классических древневосточных цивилизаций носило иной характер. Здесь не было массовых переселений народов, однако отчетливо ощущается влияние арийских боевых групп, военных специалистов с конями и на колесницах, которые динамизируют окружающие высокие цивилизации варварские народы и побуждают их к грабительским войнам и завоеваниям.

Именно по такой модели на месте классической Вавилонии Хаммурапи возникло касситское царство, а в Северной Месопотамии – хурритское царство Митанни. Несколько рискованным, но не лишенным смысла сравнением будет сказать, что эти далекие походы небольших конно-колесничных арийских

групп через высокие горы чем-то напоминают будущие походы викингов, в ходе которых тоже возникали политические структуры более сложные, чем структуры самих скандинавских обществ.

Судьбу Вавилонии изменили обитавшие на западе будущего Ирана касситы, чья этническая идентичность до конца не прояснена, но, в целом их облик и язык мало напоминает степной арийский. Однако касситы усвоили технологии использования боевых колесниц, с помощью хеттов свергли династию наследников Хаммурапи в Вавилоне и установили в XVI в. до н.э. полное господство над страной.

Политическая структура именованного Кардуниаш нового государства была рыхлой, страна была разделена на области, управляемые касситскими «домами». При этом касситы создали в Кардуниаш-Вавилонии правильную систему налогообложения. Расцветают частная собственность на землю, долговое рабство – то есть всё то, с чем старались бороться представители шумерской политической традиции. Под властью касситов Вавилон превратился в крупнейший торгово-олигархический центр Востока.

Роль ариев в формировании государства Митанни более ясна. Создавший Митанни народ хурритов, родственник урартам, в XVII в. до н.э. спустился с гор и занял области северной Месопотамии и Сирии с их значительными торговыми городами. Предводительствовали хурритами цари, имена которых носят однозначно индоевропейский (и даже уже – индоарийский) характер. Туишератта - *tvesa-ratha* - мощная колесница. Шаттиваса - *satī vaṣa* - добывающий трофеи. И так далее. Эти цари в своих клятвах призывают индоарийских богов – Митру, Варуну и Индру.

В соперничающем с Митанни Хеттском царстве, индоевропейской группе, отделившейся от основного потока в глубокой древности и переместившейся в Малую Азию, а потому не знавшей ни коневодства, ни колесниц, сохранился трактат по коневодству, написанный митаннийцем Киккули с использованием

индоарийской лексики. Маршрут прихода индоариев в Сирию определить трудно – возможно они передвигались через север иранского нагорья на Запад, но вероятен и маршрут из южнорусских степей, через Кавказ и Закавказье на юг.

Митанни, как предполагают историки, было такой же рыхлой политической структурой, как и арийские государства Индии и Ирана, представляя собой, по всей видимости, конфедерацию общин под главенством митаннийского царя. Большую роль играло сословие колесничих – марианна – вне зависимости от того, связано ли это слово с древнеиндийским «марья» - муж, или имеет хуррито-урартскую этимологию, речь идет о той же социальной группе, которая в Индии именовалась кшатриями.

С усилением Египта Нового царства и Хеттского царства государство Митанни стало объектом их военной экспансии, однако продолжало сохранять видное место в геополитической иерархии Древнего Востока, пока в XIII в. до н.э. не было разгромлено ассирийцами.

Еще одна орда завоевателей смешенного происхождения, вооруженная арийскими военными технологиями – гиксосы в XVII в. до н.э. вторглась в Египет ослабленный смутами по завершении эпохи Среднего царства. Вооруженные колесницами и составными луками гиксосы захватили значительную часть Египта, создали свое государство со столицей в Аварисе в дельте Нила, и установили его коммуникацию с Азией, частью которой стало переселение в Египет семитского рода потомков Авраама, будущих евреев.

Присутствовал ли в этом нашествии этнический индоевропейский компонент или дело ограничилось использованием арийских технологий усвоившими их соседними народами? Данных для того, чтобы надежно установить этот факт у нас нет. Но если даже индоевропейцам хеттам понадобилась помощь митаннийцев для развития коневодства, то вряд ли гиксосы быстро освоились с коневодством и строительством колесниц без внешних консультантов.

Уже в XVI веке фараоны из фиванских династий освоили оружие гиксосов и начали их изгнание. Около 1550 г. до н.э. фараон Яхмос взял Аварис и покончил с гиксосским господством.

Продвижение ариев в зону цивилизаций Древнего Востока на несколько столетий затормозило развитие централизованных бюрократических империй. Однако как только эти империи, прежде всего египетская и хеттская, а затем ассирийская освоили новые военные технологии они сумели превратить их в фактор своего геополитического превосходства.

Хеттское царство

С наступлением эры колесниц на Ближнем Востоке образовался своеобразный блок между, с одной стороны, государствами, созданными при участии выдвинувшихся далеко на запад индоарийских колесничных групп - государством касситов Кардуниаш и хуррито-арийским царством Митанни, а с другой - державой хеттов. Эти силы, конечно, могли и враждовать, но, несомненно, осознавали свое родство, противостоя и семитам Вавилонии и Сирии, и Египту, который в этот период был захвачен гиксосами, владевшими индоарийскими колесничными технологиями. Мы не знаем, входили ли гиксосы в неофициальный "индоевропейский альянс", но ничего невероятного в этом не было бы.

Хетты, самоназвание - "несили", были, наряду с лувийцами, индоевропейской группой раньше прочих оторвавшейся от общеиндоевропейской общности. Их культура не имеет никаких признаков общности с ведо-авестийской культурой индоариев Южного Урала и Средней Азии. Напротив, в ней немало общего с европейскими культурами, в частности - культ бога громовержца Тархунта (хетты начали называть его на хурритский манер - Тешубом), аналогичного Перуну-Зевсу-Юпитеру. Можно предположить, что хетты/несили и лувийцы были пионерами

индоевропейского движения на Восток в эпоху первого переселения народов, после падения неолитических культур. В этом случае их маршрут в Малую Азию шел с Балкан. Нельзя исключать и их движения через Кавказ и связи, в этом случае, с майкопской культурой.

Хетты заняли металлоносные районы Малой Азии и создали там небольшие царства, между которыми шла ожесточенная борьба, в которой сперва лидировал город Пурушханда, затем лидерство перешло к городу Канишу, в котором находилась большая колония ассирийских купцов. Опиравшаяся на Каниш ассирийская торговая сеть охватывала всю Малую Азию. Ассирийцы привозили необходимое для бронзы олово, доставлявшееся из Афганистана, а взамен вывозили медь и серебро.

Эта торговля усилила Каниш и его царь Анитта начал осуществлять завоевательные походы, подчиняя соседние города, в частности Пурушханды, царь которой в знак покорности преподнес Анитте железный трон и железный скипетр. Если интерпретация этого отрывка надписи Анитты верна, то Пурушханда была ранним центром железной индустрии, которая позднее будет развиваться в хеттском царстве. Сохранившийся до наших дней кинжал самого Анитты был, впрочем, бронзовым.

Однако династия Анитты долго не удержалась на вершине. Её сменила династия Лабарны (1650-1620 до н.э.) (Табарны - его имя и имя его жены Тавананны стали наследственными царскими титулами царя и царицы хеттов), при котором произошла значительная индоевропеизация культуры и общества - на смену староассирийскому в деловой письменности пришел индоевропейский хеттский язык. С преимущественным влиянием ассирийских купцов тоже, по всей видимости, было покончено.

Преемник Лабарны, Хаттусили I, успешно воевал в Сирии, причем в его анналах упоминаются колесницы: "И свои боевые колесницы в страну города Уммая я повернул. И на месте этого города я посеял

сорную траву. И я взял у них быков и овец" . Может показаться, что хетты лидировали в развитии колесничного дела, некоторые авторы даже приписывают им первенство в изобретении колесниц перед индоариями.

Однако недоразумение разъясняет окончание тех же анналов: "А царя города Хассувы и царя города Хахха я впряг, как упряжных быков, в колесницу". Очевидно - колесницы времени Хаттусили I были не легкими конными колесницами со спицами, а широко распространенными и на Востоке, и в Европе, и в евразийской степи повозками с впряженными быками.

Однако приход передовых групп индоариев, влившихся в состав касситов и хурритов-митаннийцев очевидно динамизирует хеттов. Они осваивают коневодство и настоящие колесницы. Царь Мурсили (1620-1594) вместе с касситами совершает поход на Вавилон. Хеттам достается богатая добыча и множество рабов (по некоторым признакам они массово приносили пленников в жертву громовержцу), а касситам - статуя вавилонского бога Мардука. Вскоре касситы, наверняка апеллируя к этой статуе, установят полное господство в Междуречье.

После убийства Мурсили у хеттов начался династический кризис, который попытался остановить царь Телепину (1525-1500 до н.э.), введший закон о престолонаследии (иногда с чрезмерной натяжкой именуемый "Конституцией Телепину"). Суть закона Телепину была проста - он вводил право майората, преимущество старшего сына царя от старшей законной жены. Закон во многом напоминает тот, который был принят Павлом I в 1797 г.

Высокая правовая культура в целом отличает хеттскую цивилизацию делая её в этом отношении сравнимой с римской. Характерной скорее для греко-римской системы, чем для Ближнего Востока, является и трехступенчатая политическая система хеттов: царь-табарна, совет-сенат-тулия, народное собрание-панк, игравшее особенно активную роль в годы войны и имевшее право даже

обвинять царя. Эта система идентична той, которая присутствовала в Риме в эпоху царей.

Другим примером родства Российской Империи и Хеттской державы, на сей раз совершенно несомненным является двуглавый орел. Этот символ перешел к хеттам от шумеров (именно так выглядел орел Анзуд, спутник шумерского бога войны Нинурты) через ассирийских купцов, активно использовавших этот символ в печатях своих колоний. Образ двуглавого орла широко распространился в хеттской Малой Азии. Видимо там он и сохранился до средних веков, когда вошел в герб династии Палеологов, откуда был воспринят Россией (а также Австрией). Герб России, таким образом, достался не столько от хеттов, а от шумеров и ассирийцев, но через хеттское посредство.

Первый расцвет державы Хеттов совпал с ослаблением Египта, завоеванного гиксосами. А возвращение мощи Египта и начало его имперской экспансии совпало с упадком хеттской державы, среднехеттским периодом, контуры которого историкам практически не ясны. С возрождением Египта, изгнанием гиксосов и освоением египтянами колесничных технологий "индоевропейской коалиции" на Ближнем Востоке пришлось значительно потесниться.

Египетская империя Нового царства

Гиксосское завоевание Египта не соответствует шаблонным представлениям о варварских завоеваниях. Египетская культура продолжала развиваться. При гиксосском фараоне Апопи были записаны математический «папирус Ринда» и сборник египетских сказок «папирус Весткара». Активно развивались связи с крито-минойской цивилизацией, искусство которой оказывает решающее влияние на гиксосские памятники. Большинство египетской знати управлявшей областями-номами устраивало правление гиксосов, бывшее необременительным.

Однако Египет, бывший первым национально-территориальным государством в истории имел развитую традицию национальной независимости и ксенофобии. Борьбу против господства чужеземцев возглавили фараоны нома Уасет (Фивы) в котором почитался бог Амон.

Египетская сказка рассказывает, как владыка гиксосов Апопи прислал за много сотен километров к Секененра, правителю Фив ультиматум с требованием уничтожить священный пруд с гиппопотамами, так как: «Они не дают сну прийти ко мне ни днем, ни ночью, так как крики их наполняют ухо». Мы не знаем, чем закончились переговоры о гиппопотамах, но общий итог известен – обнаруженная археологами мумия Секененра вся покрыта ранами, череп проломлен гиксосской секирой. Очевидно правитель Фив все-таки начал войну с захватчиком в которой пал.

Мумия фараона Секененра со смертельными ранениями на черепе. Мумификация была начата уже после начала разложения - тело фараона долго пролежало на поле боя после гибели.

Дело Секененра продолжил его брат – Камос, который заявил придворным, что не хочет больше делить власть над страной с иноземцами:

«Я же сижу вместе с азиатом и кушитом, и каждый человек располагает частью своей в Египте... Опускается человек, будучи задавленным повинностями на азиатов... Я хочу освободить Египет и уничтожить азиатов». Египетские вельможи стали спорить со своим фараоном: «Нам спокойно с нашей частью Египта... Средняя часть Египта с нами... Возделываются для нас их лучшие земли. Быки наши пасутся в зарослях Дельты. Полба доставляется нашим свиньям... Он владеет землей азиатов, мы владеем Египтом». Но «расстроили они сердце его величества». Камос был решительно настроен воевать: «Я сражусь с азиатами и наступит благополучие. Если же [я паду], вся земля с плачем

прославит меня, могучего правителя... Камоса, защитника Египта».

Камос начал войну против гиксосов, которая была доведена до успешного завершения Яхмосом, его племянником, сыном Секененра. Аварис был осажден и взят египетскими судовыми ратями. Овладев колесничным боем египтяне начали захват гиксосских владений в Азии, а затем обрушились на державу Митанни и союзные ей мелкие сирийские царства. Фараон Тутмос I совершил несколько крупных походов в Азию и первым из владык Египта дошел до Евфрата, «перевернутой воды», текшей в обратном чем Нил направлении. Овладение колесницами позволило Египту начать строить собственную империю.

В правление «египетского Наполеона» Тутмоса III (1479-1425 до н.э. – хронологии у разных авторов различаются в пределах 50 лет) завоевания египтян в Сирии достигли максимума – царь совершал в Азию ежегодные походы, лично возглавляя войско.

При Мегиддо, смелым прорывом своих колесниц через горы, он застал врасплох и разгромил большую коалицию сирийских царьков. В добычу Тутмосу достались 924 боевых колесницы, включая две позолоченных, принадлежавших правителям Кадеша и Мегиддо. Затем Тутмос начал войны против Митанни, используя как колесничное войско, так и флот. Египетские корабли появились на Евфрате.

«Я пришел и даю тебе видеть пределы всех земель,
И вся вселенная зажата в твоём кулаке...
Даю я видеть им твоё величество молодым быком,
Храбрым, направляющим рога, и нет сопротивляющихся ему.
Даю им видеть твоё величество витязем,
Подымающимся на спине пораженного им.
Даю я видеть им твоё величество львом,
И ты делаешь их трупами в долине их.
Даю я видеть им твоё величество владыкой крыла,

Схватывающим то, что он видит по желанию своему.
Даю я видеть им твое величество шакалом юга,
Владыкой бега, бегуном, обходящим Египет»
- так восхваляет Тутмоса III посвященный ему гимн.

Египетская империя простиралась от Ливии и Эфиопии до Евфрата. На Переднем Востоке сформировалась своеобразная система международных отношений (в "дипломатическую кухню" которой можно заглянуть благодаря архивам Амарны) в центре которой находились держава фараонов, и формально равноправные, но, по сути, признававшие её первенство державы Митанни, Хатти, Кардуниаш (Вавилон).

Эти державы стремились укрепить связи с Египтом односторонними династическими браками, отправляя в гарем фараонов дочерей своих правителей. Попытки взамен получить хотя бы обычную девушку из Египта, которую можно было бы выдать за принцессу, оставались тщетными – фараоны подчеркивали свое превосходство. Искали расположения египетских владык и Крит (Кефтиу), и Ассирия. На пике своего могущества фараоны получали дань со всех сторон света.

Однако на пике расцвета египетской империи её потряс глубочайший религиозно-идеологический кризис. Фараон Аменхотеп IV (1353-1336 до н.э.) начал религиозную реформу, приведшую к полному запрещению культа и даже упоминания старых богов. Прежняя религия была заменена культом солнечного диска – Атона и фараона как сына и земного исполнителя предначертаний небесного божества. Фараон переименовал себя в Эхнатона (любезый Атому) и перенес столицу из Фив, где сильно было жречество местного бога Амона, в новый город Ахетатон. Натуралистическая, сконцентрированная на фараоне как личности и его семье, религия Эхнатона контрастировала с традиционным религиозным мировоззрением египтян, в частности она совершенно лишена была этических элементов, выражавшихся в текстах «Книги Мертвых».

Правительство Эхнатона практически забросило управление имперскими областями Азии, где начало усиливаться влияние державы Хеттов, пережившей мощный расцвет. Столицей новохеттского царства была Хаттуса, оно занимало центральную и восточную часть Малой Азии и Сирию. Хеттские цари уже контролировали железоделательное производство, в том числе и оружейное, тщательно защищая свою монополию от соседей. Важную роль в хеттской политике играли взаимоотношения с западными соседями – лувийской Арцавой (в состав которой, вероятно, входила Троя), с которой шли непрерывные войны, и Аххиявой, Микенской Грецией, отношения с которой были до времени относительно мирными.

Царь хеттов Суппилулиума развернул атаки на державу Митанни, выступавшую после побед Тутмоса III в качестве младшего партнера Египта. В четырех тяжелейших войнах, которые проходили при сравнительной пассивности наблюдавшего за ними Египта, царство Митанни было практически разгромлено, превратившись в хеттского вассала. Захвачен был хеттами и ряд египетских владений в Сирии. «Знай же, о царь, мой господин, что все земли царя, моего господина, были захвачены» - резюмировал в письме Эхнатону один из немногих проегипетски настроенных правителей, итоги развала ближневосточной империи Египта. Другим претендентом на митаннийское наследство оказался усиливавшийся Ашшур, правитель которого Ашшур-убаллит I, занимавший должность ишшиакума (своего рода дож Ашшура) осмелился во внешних сношениях именовать себя царем и даже «братом» Эхнатона.

После смерти Эхнатона Египет погрузился в глубокий династический и политический кризис, связанный с попытками пересмотреть результаты реформы. Такой пересмотр произошел при юном фараоне Тутанхатоне, вернувшем себя имя Тутанхамон (1341-1323 до н.э.). После ранней смерти юноши-фараона его вдова попыталась обратиться к хеттскому царю Суппилулиуме, чтобы тот прислал своего сына ей в качестве мужа.

Однако план хеттско-египетской унии не удался – власть захватил видный военачальник Хоремхеб окончательно проклявший Эхнатона и изгладивший его имя. При Хоремхебе начались попытки Египта отвоевать свою империю в Сирии, продолжившиеся при унаследовавшем престол другом военачальнике – Рамсесе I, его сыне Сети I и внуке Рамсесе II.

Правивший 66 лет (1279-1213 до н.э.) Рамсес II провел всю жизнь в войнах, прежде всего с хеттами за Сирию. Он во многом повторял подвиги Тутмоса III, но с гораздо меньшим успехом. В 1274 до н.э. Рамсес в битве при Кадеше, где с обеих сторон столкнулись огромные колесничные армии, оказался в окружении хеттов на своей колеснице и с трудом вырвался из опасной ситуации, приписав себе множество подвигов.

И пустил тогда его величество коня вскачь,
и врезался в гущу врагов поверженных хеттских,
и был он один, и никого не было с ним;
и стал он осматриваться,
и увидел, что окружен и отрезан от дороги двумя тысячами
пятьюстами колесницами

со всеми лучшими воинами жалких поверженных . хеттов
И с воинами многих стран, которые воевали вместе с ними, -
Арцавы, Масы, Пидасы, -
и было их трое на колесницу, и действовали они все как один.
И не было военачальника с его величеством,
не было с ним ни колесничего, ни воина, ни щитоносца.
Его войско и его колесничие бежали,
и не остался с ним ни один, чтобы сражаться
Две тысячи пятьсот колесничих, окружавших меня,
распростерлись пред конями моими,
ни один из них не поднял руки на меня.
Сердца их утратили мужество от страха передо мною,
руки их обессилели, они не могли натянуть тетиву,
не нашлось у них сердца, чтобы взяться за копья.

Итогом множества войн Рамсеса стало заключение в 1258 г. до н.э. договора о мире, разграничении сфер влияния и союзе с хеттами. Две державы заключили союз, скрепленный браком фараона с дочерью хеттского царя Хаттусили III, который, возможно, даже лично сопровождал свою дочь в Египет. Такой односторонний брак показывал, что Египет по-прежнему рассматривается как старший партнер в союзе.

Рамсес II сдвинул центр Египта на север, ближе к сирийско-средиземноморской торговле, построив столицу Пер-Рамсес в дельте Нила. Период после заключения хеттско-египетского союза считается эпохой расцвета Восточного Средиземноморья, в частности финикийского города Угарита.

Причиной исчерпания хеттско-египетских противоречий было, вероятно, усиление Ассирии, угрожавшее прежде всего хеттам. Бывшая прежде «сухопутной Венецией», торговые сети которой специализировались прежде всего на торговле металлами, Ашшур в XIII веке до н.э. начал трансформироваться в военную державу, расширяясь за счет слабевшего царства Митанни. Ишшиакум Адад-нирари I принял титул царя. При Салманасаре I (1274-1245 до н.э.) ассирийцы окончательно разгромили Митанни, подчинив всю северную Месопотамию.

Сын Салманасара Тукульти-Нинурта I (1244-1207 до н.э.) разгромил касситскую Вавилонию и захватил статую Мардука, приняв титул «царя Шумера и Аккада». Ассирийцы воевали с хеттами, осуществляли натиск на горные районы Малой Азии и Кавказа, в частности на Урарту и Наири (прото-Армению).

Тукульти-Нинурта попытался не только по титулу, но и по существу выйти из положения «дожа» в купеческой республике Ашшура. Для этого он перенес столицу из Ашшура в город Кар-Тукульти-Нинурта (Торговая Пристань Тукульти-Нинурты), не только выступавшего как царская резиденция, но и пытавшегося перехватить ашшурскую торговлю. Однако ашшурская олигархия сделала ставку на сына

царя, который объявил отца сумасшедшим, низложил и убил. Так были посеяны первые семена конфликта между торговой олигархией и военной монархии, раздиравшего Ассирию более чем полутысячелетия.

Сформировавшаяся новая геополитическая конфигурация – Египетско-хеттский союз против Ассирии, контролирующей Вавилонию, была, однако, вскоре разрушена нашествием так называемых «народов моря», ставших самым ярким событием так называемого «коллапса бронзового века».

Критская цивилизация

Греция находилась на маршруте движения неолитических земледельцев из Малой Азии в Европу. Культуры прото-Сескло и пре-Сескло (VII тыс. до н.э.) в Фессалии рассматриваются как предковые для неолитической культуры импрессо, носители которой в VI тыс. до н.э. заселили и «неолитизировали» большую часть европейского Средиземноморья. В то же время, большая часть Греции для неолитических культур подходила плохо – из-за каменистой малоплодородной почвы. Большую часть неолитической и энеолитической эпох ни материковая, ни островная Греция значительной исторической роли не играли. После кризиса энеолитических культур, в эпоху первого переселения народов на севере Греции даже фиксируется исчезновение культурного слоя более чем на 700 лет – 4000-3370 гг. до н.э.

Ситуация изменилась в бронзовом веке, когда перевозки меди и олова запускают механизм обменов Европы, Средиземноморья и Малой Азии с цивилизациями Передней Азии и Египта. В III тыс. до н.э. переживает расцвет культура Кикладских островов, создатели которой достигли больших успехов в кораблестроении и мореходстве – кикладские корабли достигали не только Адриатики, но и Балеарских островов в Испании. Мрамор, обсидиан, изделия из них стали основными статьями кикладского экспорта.

Изящно-примитивная кикладская скульптура из мрамора вызывает в наши дни особенное восхищение своим сходством с модернистской скульптурой. Торговля была сопряжена с пиратством и военными конфликтами, о чем свидетельствуют мощные стены и башни кикладских протогородов. Древнегреческая письменная традиция считала обитателей Кикладских островов «карийцами» и приписывала изгнание их с островов царю Крита Миносу.

На Крите по меньшей мере с VII тыс. до н.э. развивались неолитические культуры. Однако в начале III тысячелетия на Крите появляются энергичные новопоселенцы, принесшие с собой культуру бронзового века. Происхождение этих пришельцев обычно связывают с древней Анатолией, а культурные и религиозные связи указывают на Ханаан (будущую Финикию из которой Зевс, согласно мифу, похитил мать критского царя Миноса – Европу). Палеогенетические исследования критских захоронений показывают у-гаплогруппы J-1, J-2, G, связанные с Малой Азией и Кавказом и характерные для неолитических земледельцев.

В сельском хозяйстве Крита формируется «средиземноморская триада» - злаки, оливки, виноград, последние два члена которой позволяют изготавливать экспортные продукты – масло и вино. Развиваются металлургия и гончарное производство с помощью гончарного круга. Стремительно растет население. Крит втягивается в сеть торговых обменов, созданную кикладскими мореходами.

С XIX в. до н.э. развитие критских обществ приобретает качественно иной характер. В Кноссе, Малии (оба – северо-восток острова) и Фесте (юг) возникают ранние дворцы, которые объединяют функции общественных хранилищ, ремесленных мастерских, религиозных и политических центров. К каждому из дворцов ведет особая система дорог, из чего делают вывод, что они были самостоятельными политическими центрами. Для ранних дворцов характерны мощные улицы, развитые дренажные системы, включая водопровод.

Появляются многочисленные печати, которыми закупоривались сосуды с вином и благовониями, развивается иероглифическое письмо, а затем линейное письмо А. Это письмо не расшифровано, так как неизвестен язык крито-минойцев, однако многие иероглифы интуитивно понятны. Характерно, что крито-минойцы не заимствовали систему письменности ни у кого из соседей – египтян или аккадцев, импортировав принцип письма, но не технику.

В критских дворцах развивается великолепная полихромная керамика, для которой характерны сложные гибкие линии, на позднем этапе переходящие в натуралистические изображения цветов и обитателей морских глубин. Керамика становится одной из статей экспорта – Крит включается в сеть торговых обменов в Восточном Средиземноморье, торгует с Египтом, ханаанскими торговыми центрами Библом и Угаритом, критские изделия находят на Евфрате.

Между 1700 и 1600 годами «старые дворцы» постигает череда катастроф (исследователи их обычно приписывают землетрясениям, но нельзя исключать и внешние или внутренние вооруженные конфликты), которая приводит не к гибели культуры, а к восстановлению и «великолепному веку» критской цивилизации, продлившемуся примерно полтора столетия – 1600-1450 гг. до н.э.

Остров, по всей видимости, охвачен единой политической системой с центром в Кноссе, к которому сходятся все дороги. В Кноссе строится огромный двух-трех этажный дворцовый комплекс с многочисленными складами и мастерскими. Менее ясен его административно-политический статус, который в оценках разных исследователей колеблется от дворца абсолютной восточной монархии, до жреческого теократического центра.

Позднейшая греческая историческая традиция описывает Крит как монархию, возглавляемую царем Миносом, который правит, опираясь на законы, получаемые после совещаний с самим Зевсом. Рядом с Миносом стоят его братья Сарпедон и Радамант

(характерно, что Фестский и Малийский дворцы не прекращают своего существования), а для осуществления власти за пределами Крита Минос отправляет своих сыновей.

Дворцовое хозяйство управлялось при помощи бюрократической документации, ведшейся на нерасшифрованном линейном письме А. Была ли это традиционная монархия или жреческая, в которой царь исполнял прежде всего сакральные функции, а Кносский дворец, соответственно, был не столько резиденцией, сколько храмом и сосредоточением общественной жизни – споры об этом продолжаются.

Фестский диск. Источник вдохновения для бесконечного количества сумасшедших. Содержит все тайны вселенной и откровения богов. Реальная дешифровка невозможна в виду уникального характера памятника. Музей Ираклиона. Фото автора.

Миносу приписывается создание талассократии – морской империи, простиравшейся на всю Эгеиду и запуская свои щупальца в Адриатику, Италию и на Сицилию. Минос построил огромный флот, состоявший из парусно-гребных судов, уничтожил пиратство в Восточном Средиземноморье. Критские дворцы не имели оборонительных сооружений, хотя в предыдущие эпохи фортификация существовала. Остров был надежно защищен его флотом.

Также Минос изгнал с Эгейских островов, в частности – с Киклад, карийцев – первых создателей морских коммуникаций Эгеиды, выведя туда критские колонии. Крит сосредоточил в своих руках морскую торговлю и закономерно ввел в обиход деньги – медные слитки в форме растянутой бычьей шкуры.

Культ быка был одним из основных в критской религиозной жизни, унаследовавшей традиции неолитических религий Ближнего Востока (Чатал-хёюка, Халафской культуры) и т.н. «Старой Европы». В честь божества-быка устраивались опасные игры, изображенные на фресках Кносского дворца.

Огромную роль на Крите играл символ двулезвийного топора, лабриса, тесно связанный с бычьим культом (в феминистской мифологии почему-то превратившийся в символ женской самодостаточности).

Наряду с ним огромное значение имел культ Великой Богини, носивший хтонический оттенок. Отправлением женского культа занимались жрицы, платья которых, открывающие грудь, приобрели критской культуре в XX веке немало поклонников.

Религиозная процессия. Фреска Кносского дворца. Обратим внимание на соотношение реально сохранившейся фрески (внизу) и реконструкции.

Критские религия и искусство были в значительной степени мифологизированы первооткрывателем Кносского дворца Артуром Эвансом. Значительная часть наших представлений о Крите создана его фантазией – форма критских колонн, внешний вид дворцов, назначение помещений. Осматривая Кносский дворец и его фрески всегда надо обращать внимание как на подлинные участки фресок, так и на участки реконструированные.

В некоторых случаях ошибки Эванса сегодня очевидны – он разместил фрагменты пола бассейна с изображением рыб на стене, создал фантастическую фигуру «Принца с лилиями», скомпилировав её из совершенно различных изображений – юноши-воина или участника игр с быком и... женского головного убора. Произвольно вымышленный образ зажил своей собственной жизнью.

В науке и околонучных мифологиях XX века сформировался образ критской цивилизации имеющий крайне мало общего с действительностью. На основании «кокетливых» изображений жриц с открытой грудью она была объявлена матриархальной и феминистской в духе построений Марии Гимбутас. На основании сохранившихся ярких красок фресок – жизнерадостной. На основании образов цветов и животных – близкой к природе. На

основании отсутствия военных и боевых сцен – миролюбивой и гуманистической.

Этот образ критской цивилизации покоится на многих натяжках и заведомых ошибках. На ритонах из порта фестского дворца – Агия Триада, изображены и сцены кулачного боя, и бык, поднявший на рога участника состязания, и воин, предстоящий перед военачальником. На фресках острова Фера, контролировавшегося Критом, изображены юные кулачные бойцы.

Мало того, открытые Спиридоном Маринатосом фрески Феры - Акротири, содержат изображения воинов, батальные сцены, а центральный сюжет иногда трактуется как изображение возвращения критского флота из похода в Ливию (хотя, возможно, перед нами мирная праздничная процессия на воде, наподобие венецианского "обручения дожа с морем").

Возможно, критское искусство было менее милитаризованным, чем искусство других древневосточных цивилизаций (а Крит минойской эпохи относится именно к Древнему Востоку, а не к индоевропейскому миру или античной Европе), но совсем мирным и, тем более феминизированным его назвать невозможно.

Предполагать матриархат на основании чувственных изображений женщин с напряженными сосцами так же несколько поспешно. Женское жречество, несомненно, играло большую роль в критском обществе, как играло оно её в обществе шумерском, однако ни о каком матриархате в Шумере говорить не приходится.

Возможность существования на Крите священной проституции относится к числу наиболее табуированных при анализе крито-минойской цивилизации. Определенные особенности восточного крыла Кносского дворца, который со времен Эванса интерпретируется как «покои царицы», современные исследователи иногда трактуют как «бордель», в котором жрицы занимались священной проституцией.

Наконец, что особенно существенно, пропагандисты «жизнерадостного и гуманного» критского искусства и облика цивилизации как правило игнорируют целый пласт археологических свидетельств, связанный с человеческими жертвоприношениями на Крите, причем речь идет не только об убийстве пленников, обычном для многих культур этой эпохи, а о детоубийстве, сопровождавшемся каннибализмом.

В 1979 г. в подвале дома в Кноссе археолог Питер Уоррен (один из ведущих специалистов по эгейским культурам) нашел вперемежку с костями животных человеческие кости, принадлежавшие детям. Из 371 кости на 79 обнаружилось надрезы, сделанные режущими и пилящими инструментами. Характер надрезов показывал, что с этих детских костей срезали мясо. Причем на большей части костей отсутствовали следы термической обработки, что давало основания для допущения, что мясо поедалось сырым. Попытки других исследователей переинтерпретировать жуткую находку Уоррена с помощью предположения, что мясо отделялось от плоти для вторичного погребения оказались не слишком убедительным – ничто в контексте находки не указывало на погребение, зато слишком многое – на кухню и скотобойню.

К этой находке подтянулся целый ряд других, свидетельствующих о распространенности на Крите человеческих жертвоприношений.

«В 4,3 милях к югу от Кносса, в состоящем из четырех залов святилище Анемоспилия (первые раскопки здесь были проведены Дж. Сакелларикасом в 1979 г.) была обнаружена еще одна находка, свидетельствующая о принесении человеческих жертв. При осмотре западного зала дворца археологи нашли три скелета. Первый принадлежал 18-летнему юноше, лежащему на правом боку на алтаре в центре комнаты со связанными ногами и бронзовым кинжалом в груди. Возле алтаря когда-то находилась колонна, вокруг основания которой располагался сток, по-видимому, предназначенный для того, чтобы в него стекала кровь жертвы.

Исследование костей погибшего молодого человека показало, что он умер от потери крови».

А дальше было не трудно вспомнить обильный материал греческой мифологии, который характеризовал Крит как весьма жуткое место. Именно на Крите существовал культ Диониса Загрея, который был растерзан и съеден титанами. Жертвоприношение сына приписывалось внуку Миноса Идоменею.

Наконец, самому царю Миносу приписывалось установление жуткой дани с эллинских городов, - юноши и девушки, скармливавшиеся минотавру в Лабиринте. Исследователи долгое время стремились уйти от буквального прочтения мифа, предполагая, что речь идет о порабощении греческих подростков и принуждении их к работе в критских храмовых хозяйствах, об участии в играх с быком и т.д.

Однако, судя по всему, самое буквальное прочтение мифа было наиболее точным – присланные из порабощенных Миносом городов юноши и девушки приносились в жертву божеству-быку и Великой Богине в Кносском дворце – «Лабиринте». А нежные дамы, изображенные на дворцовых фресках, вполне возможно были участницами жертвоприношений и поедательницами детской плоти.

Матерью Миноса, напомним еще раз, миф называет финикийскую царевну Европу. Тем самым указывается на связь критской и ханаанейской цивилизации, в которой, на всем пространстве от Тира и Угарита до Карфагена, детские жертвоприношения были чем-то само-собой разумеющимся. Крит, по всей видимости, может быть поставлен в ряд этих культур. Были ли человеческие жертвоприношения столь же широко распространены в неолитических цивилизациях VII-IV тыс. до н.э., которым приписываются почитание Великой Богини и «матриархальная» идеология и которые, якобы, разрушили жесткие вторжения

«патриархальных индоевропейцев»? Вопрос, ответ на который нуждается в дополнительных уточнениях.

Среди причин гибели крито-минойской цивилизации обычно указывают катастрофическое извержение вулкана на острове Тира (Санторин). Энергичным пропагандистом этой гипотезы был выдающийся греческий археолог Спиридон Маринатос. Он отстаивал свою гипотезу вопреки точке зрения Артура Эванса и это надолго заблокировало её продвижение в научном сообществе. Звездный час Маринатоса настал в 1967 г., когда он, будучи убежденным греческим националистом, открыто поддержал право-консервативный переворот «черных полковников» в Греции и его лидера Георгия Пападопулоса.

Назначенный руководителем греческой археологии, Маринатос смог приступить к масштабным раскопкам на Тире и достиг блистательного успеха – открыл минойский город Акротири, «эгейскую Помпею» с сохранившимися домами, великолепными фресками, сохранность которых значительно лучше критской. Раскопки Маринатоса позволили представить жизнь крито-минойской цивилизации значительно более полно.

В 1974 г., вскоре после падения «черных полковников», Маринатос при загадочных обстоятельствах погиб при обрушении раскопа на Тире. Нарисованная Маринатосом картина чудовищного взрыва вулкана Санторин нашла научное подтверждение.

В результате взрыва вулкана произошел колоссальный выброс пепла, засыпавшего Крит, находящийся в 120 км. Пепел на несколько лет парализовал критское сельское хозяйство. В образовавшуюся гигантскую кальдеру от вулкана хлынули воды Эгейского моря и это породило огромное цунами высотой от 100 до 200 метров, обрушившееся на северное побережье Крита. В этом цунами наверняка погиб критский флот и были принесены значительные разрушения дворцам и поселениям. Было бы соблазнительно

увидеть тут небесную кару за характерное для Крита ханаанское нечестие.

Одна проблема – «маринатосовская катастрофа» может быть хронологически определена от 1610 до 1525 г. до н.э. В то же время критские дворцы существовали значительно дольше. Их уничтожение пожарами относится к 1450 г. до н.э. В XV веке у египетских фараонов – Хатшепсут, Тутмоса III, и до Аменхотепа II, появляются критяне с дарами, изображенные на фресках. Они не похожи на беженцев или представителей мира, только что пережившего катастрофу, напротив – они приходят с обильными дарами.

Таким образом, после «маринатосовской катастрофы» крито-минойская цивилизация продолжала существовать и находилась на высоком уровне. Впрочем, возможно, цепкая хватка талассократии Миноса над Эгеидой ослабела и это позволило микенским грекам в конечном счете высадиться на острове, сжечь дворцы и создать на их месте собственное царства.

Поздний период Кносса характеризуется появлением грекоязычных табличек с линейным письмом Б. На этих табличках присутствуют многочисленные идеограммы с изображением колесниц. А сами таблички оказались списками колесничного инвентаря. Крит прочно вошел в ареал ахейской микенской цивилизации.

*****

Следующие разделы очерков проработаны в гораздо меньшей степени, однако для полноты картины предлагаю читателям и их.

Коллапс бронзового века

Критская и, особенно, микенская цивилизации выступали посредниками между бронзовыми культурами Европы, с их развитой металлургией, и цивилизациями Ближнего Востока. Однако в XII веке до н.э. происходит труднообъяснимый сбой. Значительная часть бронзовых культур Европы – и западной и восточной, исчезает, в том числе и на территории Русской равнины. На хеттов, Финикию и Египет обрушивается нашествие «народов моря», представителей европейских бронзовых культур, в том числе шекелеш (сикулы?), шардана (сарды?), тереш (тиррены-этруски?), в которых принимают участие и ахейцы и данайцы – микенцы. Египет с трудом отразил несколько волн нашествий. В Сирии и Леванте уничтожен древний финикийский город Угарит, появляется область, заселенная филистимлянами. Хеттское царство уничтожается. На границе Европы и Азии, Черного и Средиземного морей уничтожается в результате масштабной войны, отразившейся в гомеровском эпосе, Троянское царство, контролировавшее этот узел международных связей. А вскоре и сами ахейские царства гибнут видимо под натиском дорийцев, тоже грекоязычных индоевропейцев, с севера, в Греции начинаются темные века. В Центре Европы прекращает существование развитая индоевропейская культура полей погребальных урн – не исключено, что именно её коллапс мог послужить толчком ко всем последующим событиям.

Историки не могут выделить единую несомненную причину «коллапса бронзового века». Одни называют засуху, другие, напротив, похолодание климата, третьи предполагают эпидемии (трудноуловимый археологически фактор, который может иметь огромное значение), четвертые вулканическую активность (ранее уже уничтожившую критскую цивилизацию). Наконец, важным фактором может быть военно-технологический скачок с переходом к военным технологиям железного века. Само железо было освоено позже и, видимо, в Анатолии, но литые доспехи и шлемы, прочные бронзовые мечи, копья и стрелы давали то самое военное

преимущество, которое вскорости обеспечит железо (в раннем железном веке доспехи еще долго останутся бронзовыми). С этим связана высокая сокрушительность набегов народов моря, но все-таки не абсолютная для развитых цивилизаций – египтянам удалось с ними справиться, хотя египетская цивилизация после этого удара начала клониться к закату.

Период после троянской войны практически по всей ойкумене можно считать периодом культурного и исторического затишья. Исключение - финикийская цивилизация, которая как раз после стресса, принесенного народами моря, достигает расцвета и экспансии. Финикийцы учатся строить большие корабли (возможно под влиянием народов моря) и широко раскидывают сеть своих торгово-промышленных колоний: Карфаген, колонии на Сицилии, Сардинии, побережье Испании, то есть как раз в тех регионах, откуда вышли «народы моря». Очевидно, что между движением «с запада на восток» в эпоху народов море и «с востока на запад» в ходе финикийской цивилизации существует прямая связь, но характер её еще не вполне прояснен.

Фактически финикийцы создают в Средиземноморье и на его границах первый мир-экономику, интегрирующий морские и сухопутные перевозки, ориентированный на максимизацию прибыли. Интересно, что финикийская торговая экспансия начинается на руинах «бронзового» мира и обеспечивает прямые поставки на Восток редкого компонента бронзы – олова, уничтожая посреднические возможности большинства племен Европы. В финикийских городах-государствах купцы впервые выходят на передний план как политическая сила и там формируются полноценные олигархии. В библейской и современной консервативной традиции к финикийцам-ханаанеям принято относиться с отвращением, как к носителям мрачных религиозных культов, связанных с человеческими жертвоприношениями и как к представителям наиболее выраженного торгово-спекулятивного духа.

Ассирийская империя

С IX века на Ближнем Востоке начинается активная экспансия Ассирии. Развившаяся из города, который поставлял в Месопотамию металлы опираясь на свои многочисленные торговые колонии в Малой Азии, Ассирия в начале I тыс. до н.э. превратилась в милитаризованную империю. При Ашшурнацирапале II (884-859 до н.э.) в его дворце в Кальху определяется ассирийский монументальный художественный стиль, основанный на монументализме и сверхчеловеческом героизме. Завоевательные войны ассирийцы ведут в честь своего городского божества Ашшура. Одним из главных направлений походов ассирийцев становится Финикия, города которой цари стремятся обложить данью.

Наивысшего могущества Ассирийская империя достигает при Тиглатпаласаре III и его преемниках. Ассирия превращается в первую в истории настоящую завоевательную империю. Её армия – первая армия железного века, разделенная по родам войск – есть пехота, есть инженерные войска, есть всадническая кавалерия (позаимствованная у степняков, возможно киммерийцев и скифов), есть колесничные войска, есть разведка, есть осадные орудия. Для вооружения этой армии широко используется железо, поскольку связи Ассирии с малоазиатской металлургией восходят к глубокой древности. Фактически все последующие великие армии являлись лишь подражанием ассирийской.

Ассирийская имперская технология строилась на крайне жестоком подавлении подвластных народов – сперва массовом терроре, затем переселении на другой конец империи в попытке создать единое имперское население. Ахиллесовой пятой Ассирии оказались попытки её царей контролировать «центр мира» - Вавилон, олигархия которого совершенно не собиралась подчиняться правилам милитаристской империи. Бесчисленные восстания Вавилонии подточили силы Ассирии и предопределили её падение,

в котором сыграли свою роль и захватившие Вавилонию халдеи, и иранское Мидийское царство. Ашшур и Ниневия, столицы Ассирии были захвачены и разгромлены с не меньшей жестокостью, чем ассирийцы громили столицы своих противников.

Особая роль в ассирийскую эпоху принадлежала вторгшимся с территории Южной России скифам. Скифские всадники-лучники наводили ужас на жителей Ближнего Востока, однако заключенный со скифами союз на время поддержал господство Ассирии, однако затем скифские вожди были перебиты мидийцами. Скифская цивилизация в Великой Степи во многом загадочна. Она имела крайне незначительный земледельческий фундамент и непонятный нам скотоводческий. При этом курганы скифских царей, открытые русскими археологами, поражают воображение обилием золота и драгоценностей. Завоевательных походов, за исключением ближневосточного в VII веке скифы также не совершали, так что одной добычей это изобилие объяснено быть не могло. Очевидно экономическая роль скифов в коммуникациях, проходивших через Евразию в этот период еще не до конца прояснена.

Осевое время

Начало железного века характеризуется не только военно-технологическим поворотом, резко повышающим убойную силу оружия и уровень защищенности того, кто им обладает, но и мировоззренчески-религиозным и философским поворотом, который философ Карл Ясперс назвал «осевым временем». Возможно железная военная революция и религиозно-философская революция напрямую связаны между собой, так как железо, как показали крайности ассирийских завоеваний, остро поставило вопрос об этическом ограничении насилия. Не случайно в оборот входит золотое правило этики: «чего себе не хочешь, того и другим не делай», сменившее более архаичный принцип «зуб за зуб».

Если до этого в течение многих столетий господствовало магическое представление о том, что сакральное имманентно существу, сосредоточено внутри царя, общины, магического ритуала, представляет собой силу, которой следует овладеть, то теперь осознается трансцендентность сакрального и сущего. Должное, идеальная природа, теперь не отождествляется с тем, что дано в окружающей действительности. Изначальное противоречие, движущее человеческую историю, рефлексивируется и сознательно оформляется.

Высшее начало теперь запредельно либо в нравственном, либо в метафизическом смысле, а чаще всего – в обоих сразу. Нравственный закон и закон бытия начинают восприниматься как соотносимые между собой, а этическое поведение мыслится теперь как путь к достижению святости и божественности. Однако этическое поведение не ограничивается индивидом. Государство, политическая организация, выступает в эпоху осевого времени как инструмент доступа своих подданных и граждан к истинному бытию и нравственному поведению.

Прежде правитель был сосредоточением магических жизненных сил общества, теперь он – учитель, наставник, служитель, открывающий своему народу дорогу к благобытию и нравственному поведению.

Поступай нравственно и достигнешь божественного. Таков общий знаменатель учений «Осевого времени» от греческих мудрецов и философов до еврейских пророков, от Заратустры до Будды и Конфуция.

В период тесного сосуществования древних евреев с финикийцами ханаанеянами строгий монотеистический характер религиозного учения пророка Моисея был во многом забыт. После периода иудейского завоевания Ханаана и отражения народов моря – филистимлян, начался период осуечения, еврейские царства Иудея и Израиль (особенно второе) все глубже втягивались в ближневосточное язычество и мелкую политику.

Пророческое движение, провозглашавшее строгий монотеизм, пошло наперекор этой тенденции. Пророки были не только религиозными учителями, но и политиками, публицистами, поэтами. Их центральным принципом был абсолютный приоритет служения Единому Богу над любыми личными или политическими расчетами. А за отказом от богослужения в их учении следовало в том числе и военно-политическое наказание. Бесчисленные несчастья, преследовавшие еврейский народ в период ассирийских и вавилонских завоеваний, укрепили в народном сознании эту пророческую мысль: либо безоговорочное служение Богу, либо несчастье и гибель. С этой мыслью народ Израилев дошел до порога Нового Завета.

Поразительную трансформацию проделала религиозная мысль древних арийцев. Религиозные идеи иранцев и индийцев начали развиваться в прямо противоположном направлении. Индийцы стали поклоняться божествам-дэвам, приняв концепцию сансары, цепи перерождений, которая зависит от совершения ритуалов-жертвоприношений. Иранцы, напротив, начали поклоняться врагам дэвов – ахурам, а дэвов начали рассматривать как демонов.

Заратустра установил в иранской религии четкую полярность между добром и злом, между следованием по пути творца, верховного ахура, Ахура-мазды и следованием пути демона-уничтожителя сущего, Ангро-манью (но не будем забывать, что зороастризм это не строгий монотеизм и признает семь аспектов божественности, амеша спента, и даже других божеств – Митру, Анахиту). Жизнь и нравственное поведение человека в зороастризме становились частью великой метафизической войны добра и зла, в которой добро призвано (но не predetermined) победить.

Зороастрийская этика во многом оформила программу Персидской империи Ахеменидов. Персия выступала во многом наследницей древних притязаний Элама, территорию которого заняли персы. За ярким периодом завоеваний Кира Великого, покорившего и Мидию, и Вавилонию, и Финикию, и Лидийское царство в Малой Азии, и

греческие города (Египет покорил его сын Камбиз), последовал период смут, из которого империя вышла обновленной при Дарии I, создавшем первую в истории прочную империю, поддерживавшуюся не страхом и жестокостью, а порядком и авторитетом власти. Основой империи было именно зороастрийское нравственное учение, требовавшее безусловной честности. На него накладывались грамотная инфраструктурная, финансово-налоговая и региональная политики. Противостояние дэвам было важной составляющей персидской имперской идеологии и предопределило, в частности. Конфликт с греками – классическими дэвопоклонниками.

Для воззрений индийского религиозно-этического реформатора Сиддхартхи Гаутамы (Будды Шакьямуни), напротив вся реальность как таковая является уделом страданий, а следовательно - злом. Страдание вызывается колебанием дхарм, то есть течением бытия как таковым. А победа над страданием возможна только с выходом из бытия, выходом из круга перерождений, достижением нирваны.

И зороастризм и буддизм были положены в основание арийских империй. Зороастризм – империи Ахеменидов, а затем Сасанидов, а буддизм – державы Маурьев при Ашоке. Однако если зороастризму была суждена длительная политическая история на родине, то буддизм был вскоре вытеснен из Индии, его взгляд на мир начал казаться слишком пессимистичным и нигилистичным. Возродился реформированный индуизм, закрепивший в Индии весьма своеобразную кастовую систему (надстроенную на игравшей важную роль у древних индоевропейцев трехфункциональной варновой моделью: мудрецы-жрецы, воины-правители, экономические производители). Кастовая система надолго вытеснила в Индии политику и политическую систему как таковую.

Весьма оригинальной, лишь в малой степени соприкасающейся до времени с остальной ойкуменой была политико-идеологическая система Китая. Китайская цивилизация испытала поздний расцвет бронзового века при первых династиях Шан-Инь и Западная Чжоу.

Сами бронзово-колесничные технологии были, возможно, перенесены восточными ариями (возможно велика роль афанасьевской археологической культуры, прототохар), однако нет основания сомневаться в изначальном культурном и этническом своеобразии китайской цивилизации. И бронзовая индустрия и военные технологии изначально приобрели в ней исключительное своеобразие.

Главной исторической проблемой Китая стало то, что имперская, по сути, государственность охватило множество политических и экономических региональных структур, тяготевших к распаду, так как Китай был лишен той жесткой географической формы, которую имели Египет или Месопотамия. Царство быстро распалось, так как его части передавались в управление родственникам вана или другим региональным правителям и военачальникам. Драма воссоединения и разделения на многие тысячелетия составила один из основных сюжетов в истории Китая.

После распада даже внешнего единства царства Чжоу около 770 г. до н.э. в Китае настали периоды «весен и осеней» (Чунцю) и «борющихся царств» (Чжанго). В эти периоды зародились своеобразная китайская философия, школы которой решали задачи соединения политических задач и долга с космической гармонией. Эти философские школы поддерживались прежде всего группами чиновников, оказывавших влияние на государственные дела.

Базовой для Китая стала школа Конфуция, перенесшего на политику этические принципы патриархальной семьи – сыновняя почтительность, следование традициям, исполнение долга, церемониальность, стремление к нравственной безупречности (это очень важное слово, конфуцианского благородного мужа должно быть именно что не в чем упрекнуть).

Семейной ориентированности конфуцианства противостояла природная ориентированность даосизма, понимавшего «дао» - путь прежде всего как соответствие текучей природной энергии,

внутренней силе вещей. Наилучший способ существования состоял в верном улавливании направления жизненного потока.

Наконец, самой беспощадной китайской философской школой было учение последователей Шан Яна – фацзя (легизм). В центре легистского подхода стоит государство и его эффективность, которой должно быть принесено в жертву все остальное. Централизация государства, подчинение всех семейных и общинных связей государству (в противоположность конфуцианству), ограничение региональной автономии – таковы были принципы легизма, который сыграл важнейшую роль в оформлении первой централизованной китайской империи Цинь. Именно советам Шан Яна царство Цинь обязано было возвышением и обретением гегемонии над другими китайскими царствами, которая при Цинь Шихуанди превратилась в абсолютную имперскую власть, начавшую новую эпоху в истории Китая с тщетной попытки полностью истребить конфуцианство, ставившего семью и общество выше государства.

Древнегреческая цивилизация

Особую роль в период Осевого времени сыграло развитие греческой цивилизации. Здесь формируется философия, то есть система интеллектуального объяснения мира. За несколько столетий греческая мысль проходит путь от назидательных изречений первых мудрецов, через поиск материальной и смысловой первоосновы мироздания до учения Платона об идеях, то есть вечных образцах всех вещей, которые действительно существуют в божественном Едином, в то время как материальные вещи лишь подражают им. Противоречие между идеями и реальным миром, мучащее человека, может быть снято через идеальное политическое устройство во главе которого стоят философы, способные узреть Единое, которое и есть Благо. Альтернативой учению Платона стало учение его ученика Аристотеля, стремившегося изучать реальные

вещи, устанавливая их типологию и закономерности, и строить логические связи. Соответственное место учения о едином типе идеального государства Аристотель ввел систему трех этически «правильных» типов государства – монархия, аристократия, полиция, которым соответствуют три неправильных – тирания, олигархия, демократия.

Культурные достижения греков имели исключительное значение для всех цивилизаций, связанных со Средиземноморьем и Европой. Заселив небольшие и малопродуктивные горные долины на Юге Балканского полуострова, западе Малой Азии и в Эгейском море греки выработали оригинальный тип политического устройства – полис. Их города государства основывались не на бюрократическом управлении, а на самоуправлении, а основой социального и культурного процесса был *агон*, то есть постоянное соревнование во всех сферах деятельности – искусстве, спорте, политических речах, предпринимательстве. Формируется общество с установкой на индивидуальный успех путем к которому является проявление гибкого и изобретательного интеллекта – хитроумие, образцом которого служит национальный герой эллинов Одиссей.

В период великой греческой колонизации в VIII-VI вв. до н.э. греки заселили побережья большей части Средиземноморья и Причерноморья. Они создавали не просто торговые посты, а полноценные аграрные колонии, ведущие тот же образ жизни, что и метрополии. В зону этой колонизации вошли и земли будущей Южной России, где появились Ольвия, Херсонес, Пантикапей в Крыму (вокруг которого образовалось Боспорское царство, охватившее Крымское и Черноморское побережья вокруг Керченского пролива). В III в. до н.э. в далеком устье Дона появился торговый форпост Танаис. Греческие колонии в Южной России находились в сложном политическом, экономическом и культурном переплетении с обитавшими в южнорусских степях скифами, а затем – сарматами. Характерно, что скиф Анахарсис был единственным не-эллином, включенным в греческий канон «семи мудрецов».

Большинство греческих полисов отказались от монархии, в них установилась власть аристократии, а затем – богатых торговцев и купцов, часто прикрывавшихся демократическими институтами. Для слома власти аристократии они зачастую использовали передачу власти в одни руки – тиранию. Дальше всего по пути демократизации зашли Афины. напротив дорическая Спарта сохраняла и укрепляла атмосферу древнего индоевропейского воинского союза во главе с двумя царями. Спарта была главной военной силой Эллады, по сути неформальным её гегемоном. Именно там была доведена до совершенства тактика фаланги – массивированного сомкнутого строя дисциплинированных бойцов, вооруженных железным оружием и бронзовыми доспехами.

Греция находилась на западной периферии Персидской империи, многие из греческих полисов были персидскими подданными, другие – готовы были изъявить такое подданство. «Мидизм» (то есть ориентация на Персию) был чрезвычайно распространенным в Греции политическим течением. Однако претензии Афин на морскую военную и торговую гегемонию вместе с позиции Спарты, выступавшей как «сторож» Эллады привели к успешному отражению персидского вторжения. Греко-персидские войны (499-449 гг. до н.э.) доказали военно-техническое превосходство греков как на суше, так и на море и способствовали выработке идеи превосходства эллинов над варварами.

Победа над Персией привела к формированию Афинской морской державы, в которой демократический полис (на самом деле, скорее диктатура лидера демоса – Перикла) осуществлял беспощадное господство над своими «союзниками» и стремился поставить всю Элладу под свой экономический и политический контроль. Гегемония Афин не могла не вызвать противодействия Спарты, разгорелась длившаяся 27 лет война в которой Афины потерпели сокрушительное поражение. Победа Спарты была достигнута во многом благодаря поддержке Персидской империи. Затем персы атаковали уже спартанскую гегемонию и добились

дипломатическим путем того, чего столетие ранее не добились военным (царский мир 387 г. до н.э.).

Военное превосходство греков, впрочем, сделало чрезвычайно популярной среди них мысль использовать это превосходство для захвата и ограбления Персии. Такой поход мыслился как грандиозное предприятие, которое объединит враждующих эллинов. Однако осуществить его на практике удалось не грекам, а Македонии – полуварварскому государству на северной границы Эллады. Его царь Филипп развил идею греческой фаланги, создав из македонских крестьян неприступную и непобедимую македонскую фалангу, вооруженную длинными копьями-сариссами, держать которые один человек мог с большим трудом – это уже было не объединение граждан, а военная машина, действовавшая как единое целое. Второй македонской новацией стала ударная кавалерия, - всадники-гетайры держали длинные тяжелые сариссы и на скаку наносили противнику удары огромной силы.

С помощью этой военной машины Филиппу удалось сломить сопротивление в Греции и подчинить её своему господству, а его сын Александр Македонский разгромил Персидскую Империю и захватил её столицы и крупнейший город Востока – Вавилон. Ученик Аристотеля Александр мечтал о создании всемирной монархии, в которой западные и восточные народы будут объединены в целое под его властью и благодаря идее эллинской культуры. Александр охотно приближал к себе персидских аристократов и явно стремился к персо-греческому синтезу.

Эллинистический мир

Однако жизнь великого завоевателя, одного из демиургов всемирной истории, оказалась исключительно короткой, в том числе потому, что он сам подорвал свое здоровье излишествами. В последовавших за этим десятилетиях войн ни одному из полководцев Александра (диадохов) не удалось удержать его

империю целиком. Возник целый ряд эллинистических царств. Держава Селевкидов, в целом воспроизводившая Персо-Месопотамскую империю. Держава Птолемеев, основой которой был Египет. Ряд небольших царств в географически раздробленной Малой Азии: Пергам, Вифиния, Понт, Армения, где большую роль играла персидская знать. В систему эллинистических государств входило и Боспорское царство на территории будущей России, хотя македонцы туда никогда не вторгались. Сама Македония и соседний с нею Эпир стремились влиять на ситуацию в Греции.

В Средней Азии расширялась Парфия, бывшая иранской реакцией на греческое завоевание – в итоге она поглотила державу Селевкидов без остатка. На Востоке Средней Азии сформировалось оригинальное Греко-Бактрийское царство, ставшее транслятором греческих идей и культуры на Индию, где в качестве реакции на македонское завоевание сформировалась сильная держава Маурьев. Фактически эта держава представляла собой часть эллинистического мира. Селевк I уступил Чандрагупте Маурье огромную пустынную территорию западней Инда взамен получив несколько сотен боевых слонов, ставших ударной силой селевкидской армии, в частности в грандиозной оборонительной битве с вторгшимися в Малую Азию кельтами (галатами) в 275 г. до н.э.

Внук Чандрагупты Ашока создал огромную державу, объединившую (хотя и поверхностно) большую часть Индийского субконтинента. Однако его чрезмерное покровительство буддийской общине истощило казну, а вскоре империя начала приходить в упадок. Северо-Западные регионы Индии были завоеваны греко-бактрийцами, на смену которым вторгся из Средней Азии иранский народ кушанов (тохары, наследники древней афанасьевской культуры), создавший объединившее северную Индию и Среднюю Азию царство, культура которого также была в значительной степени эллинизированной. Еще во II в. н.э. кушаны поддерживали дипломатические сношения с Римом.

Для эллинистических государств было характерно господство греческой культуры и образа жизни. Под покровительством царей создавались новые города, масштабные культурные памятники – Александрийская библиотека, Фаросский маяк, Пергамский алтарь. Если архаическая Греция эпохи колонизации испытала настоящий расцвет культурного творчества, то эллинизм был эпохой расцвета греческой цивилизации – науки, инженерной мысли, градостроительства, экономики и торговли.

На Восток прибыло довольно много греческих переселенцев, нанимавшихся в армию, а также игравших роль политической и культурной элиты. Массы населения оставались восточными, однако они находились под более или менее интенсивным влиянием греческой культуры. Однако культурная пропасть между завоевателями и завоеванными в большинстве случаев так и не была преодолена. Когда в 217 г. до н.э. обученные сражаться фалангой на греческий манер египтяне сыграли решающую роль в победе Птолемея над Селевкидами в битве при Рафии, они немедленно взбунтовались и попытались свергнуть чужеземную династию, что серьезно подорвало могущество эллинистического Египта.

Не состоявшаяся величайшая империя породила довольно пестрое плюралистичное политическое сообщество, объединенное общностью цивилизации и сравнительно мирными отношениями между его членами. Конфликты редко превращались в «тотальные» войны. Получает широкое развитие туризм и возникает канон из 7 чудес света от Вавилона до Олимпии, с которым должен ознакомиться каждый образованный человек.

Римские завоевания

Пестрый мир эллинистического восточного Средиземноморья был обречен на довольно скорое завоевание в результате событий на Западе Европы. Здесь развивались культуры железного века.

Гальштатская, протокельтская, основанная на сложной бронзовой, а затем железной металлургии. Латенская, создателей которой уже однозначно можно называть кельтами и которая заняла к концу III века до н.э. большую часть Западной Европы – от кельтских вторжений страдали Италия, Греция, малая Азия. На севере Италии расцветала во многом загадочная культура этрусков, политическую основу которой составляли союзные городские общины. А Западное Средиземноморье контролировал Карфаген, самая выдающаяся из финикийских колоний, с олигархической властью, детскими жертвоприношениями и мощнейшим флотом. Среди этих сильных соседей терялся маленький италийский городок Рим, которому, однако, суждено было подчинить их всех и сойтись с Карфагеном в смертельной схватке.

Развитие Рима шло на перекрестье нескольких культурных влияний. Этруские влияния сформировали первоначальную социальную структуру Рима. Греческое влияние из Южной Италии – придало легкий налет эллинизма. Карфаген долгое время был для Рима надежным торговым партнером. Наконец кельтские вторжения, в ходе которых Рим был захвачен и сожжен, вынудили его превратиться в военную державу, которая в течение IV-III веков установила контроль над всей Италией, связав завоеванные общины сложной сетью союзнических отношений. Римляне создали новую модель пехоты железного века, в которой воины были сильны не только сомкнутым строем, но и сами по себе. Римские тактические единицы – манипулы и когорты гибко перестраивались, могли действовать и сами по себе или объединяясь вместе.

Параллельно с завоеванием Италии в Риме шла напряженная внутренняя борьба. После свержения царей, связанных с этруским миром, была установлена республика, в которой шла напряженная борьба между патрицианской олигархией, контролировавшей высший орган власти – сенат, и требовавшими политического участия плебеями. Сенату удалось политически инкорпорировать плебеев, сохранив свое господство, и этим было положено начало

устойчивой и высокоэффективной римской республиканской системе, сочетавшей сенатскую олигархию, демократическое воздействие народных собраний и трибунов, и почти монархическую власть, разделенную между двумя избираемыми на год консулами.

Отразив попытку эллинистического царя Пирра помешать завоеванию греческих городов Южной Италии, Рим вступил в затяжной конфликт с Карфагеном, первоначальной ставкой в котором была Сицилия. Освоив мореплавание Рим нанес Карфагену поражение в первой пунической войне (264-241 гг. до н.э.). Потребовала от Рима напряжения всех сил и не раз ставила его на грань гибели вторая пуническая война (218-201 гг. до н.э.) в ходе которой карфагенский полководец Ганнибал Барка полтора десятилетия разорял Италию и разгромил несколько римских армий. Однако упорством римлян и успешными действиями Сципиона Африканского в Испании и Африке над Карфагеном была одержана безоговорочная победа.

По результатам второй пунической войны Рим стал военным гегемоном всего Средиземноморья. Этот статус был подтвержден успешными войнами с Македонией и Селевкидами – римляне стали фактическими хозяевами Греции и завоевали Македонию. В течение столетия Рим завоевал, превратил в вассалов или вынудил признать свою гегемонию все государства эллинистической системы. В 146 г. до н.э., в ходе начавшейся по знаменитому требованию Катона Старшего третьей пунической войны, Карфаген был разрушен. В том же году римляне разгромили Ахейский союз в Греции и разрушили Коринф, обратив Грецию в провинцию Ахея.

Авторы позднейшего времени усматривали в конфликте Рима с Карфагеном не только геополитическое, но и духовное измерение. Карфагенская религия требовала обильных человеческих жертвоприношений. Римская религия (хотя такие жертвоприношения в ней тоже встречались в чрезвычайных ситуациях) была чрезвычайно абстрактной, далекой не только от

чувственных культов востока, но и от осязаемых образов греческих мифов. Римляне поклонялись прежде всего своим предкам и Риму как политической и исторической идее. Установление римской власти было, тем самым, важным шагом к «расколдовыванию мира», очищению от наиболее грубых проявлений язычества, без которого вряд ли было возможно прочное распространение Христианства, происходившее именно в Римской Империи.

Сами Римские авторы смотрели на торжество над Карфагеном с гораздо большим скептицизмом. Они рассматривали его как причину падения римской доблести, развращения патриархальных нравов, воцарения роскоши и начала внутренних конфликтов, раздиравших Рим столетие между выступлением Тиберия Гракха с проектом земельной реформы (134 до н.э.) и установлением императорской власти Октавиана Августа (27 до н.э.).

Период гражданских войн доказал, что мощи Рима соседям нечего противопоставить. Был покорен пытавшийся бросить вызов римлянам Понт, боровшийся с римлянами 30 лет царь Митридат Евпатор вынужден был покончить с собой на получившей имя в его честь горе в Пантикапее-Керчи. Помпей Великий покончил с отравлявшими жизнь Средиземноморья киликийскими пиратами. Юлием Цезарем была завоевана Галлия и судьба кельтской цивилизации была решена. Август после победы над Антонием и Клеопатрой подчинил Риму Египет. В имперский период при императоре Клавдии началось завоевание Британии, Траян завоевал Дакию за Дунаем и Месопотамию. Однако при императоре Адриане Империя перешла к обороне.

Римская Империя

Сильной стороной Империи был «Римский мир», не нарушавшийся ни внешними нашествиями, ни значительными гражданскими войнами больше двух столетий. В условиях этого мира на всем пространстве империи распространялась античная цивилизация,

действовала римская система права, совершеннейшая для своего времени. Освоение греко-римской культуры сопровождалось усвоением римской идеи, представлением о всемирноисторической миссии империи. Римская латинская культура не была настолько блистательной, как греческая, но дала яркие фигуры и в араторском искусстве, и в поэзии, и в историографии, широко развивались наука, инженерное дело, строительство.

Формировался образ единого цивилизованного мира, подчиненного принципам права, гуманности и необременительной власти императоров, которые после Августа и до Диоклетиана правили на основе системы «принципата», то есть сохранения институтов республики при сосредоточении главных республиканских полномочий в одних руках. Императорская власть в первые столетия Империи чаще всего не была наследственной и опиралась на идею усыновления лучшего с императора Веспасиана (воцарился в 69 г. н.э.) и до Марка Аврелия (ум. 180 г. н.э.) подавляющее большинство императоров рассматривались и современниками и потомками как исключительно достойные люди.

Римская империя не была бюрократической - штат чиновников в ней был ничтожен. Основные функции на местах исполняли наместники, часть из которых отправлялась императором, а часть – сенатом. А опорой управления на местах служили курии, городские самоуправления, отвечавшие за сбор налогов и общественное благоустройство в том числе имуществом своих членов.

Однако в себе самой Римская Империя несла семена глубокого кризиса. Выдающийся русский историк-антиковед М.И. Ростовцев полагал, что политический монополизм Римской Империи негативно сказался и на экономике Средиземноморья, в которой снизился уровень здоровой конкуренции, и на обществе, и на культуре.

Эллинизация Востока, проводившаяся тамошними государствами, прекратилась – иранский мир консолидировался в виде грозного

врага римлян, Парфии. Внутри завоеванного Римом в республиканский и имперский период пространства шла, конечно, романизация, обращение народов в античную культуру, но в целом античный мир вынужден был перейти к обороне от варварского окружения по всему периметру своих границ.

Рим рос благодаря завоеваниям, когда война кормила сама себя и обеспечивала своей добычей возможность дальнейших войн. Однако к началу II века н.э. количество доступной добычи катастрофически снизилось. Поддерживать и армию, и политическую власть, и экономику приходилось за счет внутренних ресурсов. Империя оказалась слишком дорога в обслуживании, её подданные зачастую разбегались (в Египте развернулось целое движение анахоресиса – бегства в Дельту Нила). Должности членов куриий превратились в настоящее крепостное право и куриалы предпочитали не иметь законных детей, чтобы не оставлять им тягостные должности. В результате основа местного самоуправления – курия – коллапсировала.

При этом империя не способствовала демографическому росту. Любопытным аспектом проблемы стало то, что сформировавшаяся в Средиземноморье еще в доримское время аграрная цивилизация сократила в своем рационе потребление белка. Большие стада коров и быков стали редкостью. По сравнению с римскими легионерами кельтские и германские подростки казались великанами. На постэллинистическом Востоке население продолжало расти. Но на покоренном Римом Западе население постепенно сокращалось, особенно драматическим оказалось воздействие Антониновой суммы во II веке н.э. Впечатляющие римские сооружения, по сути новое поколение мегалитов, - акведуки, амфитеатры, выложенные камнем дороги, строились для пустующих стран. На границах Империи начало формироваться плотное варварское кольцо из народов, преимущественно германских, которые хотели воспользоваться частью её благополучия в качестве добычи, дани или платы за наемничество.

Имперский Китай

Сходная ситуация сформировалась и на другом конце ойкумены, где после кратковременной Империи Цинь установилась прочная власть империи Хань. Власть при Хань принадлежала конфунцианцам, гонимым Цинь Шихуанди, они создали сложную систему бюрократического управления, обеспечивавшую господство тем, кто сдавал экзамены по основным конфуцианским книгам, хотя влияние даосов и легистов тоже сохранялось.

В Великой Степи по границе Китая начало формироваться варварское окружение, постепенно сложившееся в первую степную кочевую державу Хунну, раскинувшуюся на огромной территории. При помощи набегов кочевые всадники хунны, бывшие прекрасными лучниками, стремились принудить китайцев к выплате значительной дани. И всей мощи китайских армий оказывалось недостаточно для их отражения. Цинь Шихуанди предпринял попытку строительства первого варианта Великой Китайской Стены для защиты от хуннов, китайские армии неоднократно наносили хуннам поражения, подкупали их с помощью династических браков, однако воевать приходилось снова и снова.

Особенностью истории Китая, до времени в гораздо меньшей степени присутствовавшей в жизни Римской Империи, было обилие социальных восстаний. Оно было связано с тем, что китайская цивилизация рано полностью установила господство над всем пространством по рекам Хуанхэ и Янцзы. Между отдельными политическими единицами – царствами и провинциями, не существовало резких этнических различий. В результате войны, восстания, даже сепаратистские движения никогда не осуществлялись во имя особых культурных и этнических групп. Там, где на Западе или Ближнем Востоке кипели войны между народами и странами, в Китае бушевали народные восстания.

На рубеже нашей эры Китай столкнулся с серьезным социальным кризисом – обезземеливанием основных налогоплательщиков, крестьян. В Риме аналогичный кризис к попыткам реформ братьев Гракхов, которые провалились из-за сопротивления Сената. А вот в Китае похожие реформы удались, благодаря энергичному правителю Ван Ману, захватившему власть и проведшему реформы, упразднившие частную собственность. Заодно были огосударствлены основные промыслы. Экономика погрузилась в хаос, в стране начались мятежи, столица была разрушена.

Восстановленная в итоге власть династии Хань уже была лишь слабым подобием прежней. В ней шла борьба конфуцианской бюрократии и евнухов, которых императоры приближали к себе, с тем, чтобы иметь лично преданных исполнителей своей воли. Все большую популярность в народе приобретало даосское учение Тайпинцзинь говорившее о том, что грехи правителя приводят к утрате Небесного мандата. Последователи этого учения начали восстание «желтых повязок» для того, чтобы восстановить истинный Вечный мир и власть Неба. Империя фактически пала под ударами повстанцев, но те были разгромлены силами крупных землевладельцев, которые вскоре разделили страну на три части.

Началась история Троецарствия (220-280 гг. н.э.) - царства Вэй, во главе с хитроумным полководцем и поэтом Цао Цао, царства Шу во главе с благородным Лю Бэем, которому помогали его побратимы Чжан Фэй и Гуан Юй, и царства У во главе с мудрым Сюнь Цюанем, которому служил хитроумный и удачливый Чжугэ Лян. Чтение романа об этих героях стало любимым времяпрепровождением китайцев, интересующихся политикой и войной. В конце периода единство империи было восстановлено династией Цзинь, однако на Китай обрушились завоевательные войны хунну. Разбитые в степи они начали переселяться на территорию Китая, чтобы служить его правителям наемными воинами и, в конечном счете, захватили страну и контролировали её больше столетия.

Соединение ойкумен – «шёлковые» пути

Между Римом и Китаем, двумя империями на двух краях ойкумены, протянулись торговые пути. Великий Шелковый Путь, протянулся через Ближний Восток, Среднюю Азию и Синьцзян. Индийский морской путь, подчинявшийся ритмам индоокеанских муссонов, через канал от Нила до Красного моря, впервые построенный фараонами и поддерживаемый Ахеменидами, Птолемеями и римскими императорами, шел по Красному морю на Йемен, втягивая в торговую активность Эфиопию и Восточную Африку. Из Йемена корабли шли в Западную Индию, контролируемую Кушанами, из которой начинался еще один путь в Китай по долине Инда через Бактрию. Важным ответвлением этого пути был Путь Благовоний, шедший из Восточной Африки и Северной Аравии и средиземноморскую Газу.

В этой грандиозной торговле Рим выступал преимущественно импортером, а Индия и Китай – экспортерами. Главными статьями римского импорта выступали китайский шелк (позволявший избавиться от паразитов), аравийские благовония (ослаблявшие отвратительные запахи) и индийские специи (глушившие отвратительные привкусы в пище). Не трудно заметить, что римляне импортировали прежде всего то, что позволяло справиться с отравлявшими жизнь фактами повседневности. В ответ римляне поставляли в Индию и Китай золото и серебро в римских монетах, а также вино. Утверждения, что индокитайская торговля довела римскую экономику до истощения, приведя к вымыванию драгоценных металлов – действительности не соответствует. Единая торговая ойкумена сохранялась до самих арабских завоеваний в VII веке.

МЕСОПОТАМСКАЯ ИМПЕРИЯ. ОТ КИША ДО АССИРИИ.

Шумеры и семиты

Современные читатели, интересующиеся историей, чаще всего заморожены формулой американского ученого Стэнли Крамера – «история начинается в Шумере». Шумерам приписывается вся заслуга в изобретении цивилизации, письменности, государства, а семиты предстают кочевыми варварами, ставшими старательными учениками шумеров. Как показали в последние десятилетия исследования археологов, лингвистов и историков, такая «паншумерийская» картина истории древних цивилизаций не верна.

Месопотамия была разделена на два больших культурно-исторических региона – семитский Север и шумерский Юг, причем именно на севере развитие цивилизации шло нормативным путем, в то время как шумерская цивилизация развивалась очень специфично, продуктивно в одних отношениях и довольно искаженно в других.

Шумеры юга Месопотамии, народ, этнолингвистические связи которого с другими до сих пор установить не удалось, обитали в чрезвычайно плодородной аллювиальной долине, созданной илом Евфрата, Тигра и рек спускавшихся с Иранского нагорья. Эта долина постепенно наступала на море, отодвигая все дальше и дальше воды Персидского залива. Она позволяла собирать исключительно высокие урожаи, однако лишь при масштабных ирригационных работах, которые не под силу были не только отдельной семье, но и соседскому коллективу.

Формой расселения шумеров стали многолюдные города-муравейники, численностью в 50 и даже в 100 тысяч человек (все население земли в ту эпоху составляло примерно 7 миллионов человек) между которыми практически не было сельских поселений. Жители этих городов были приписаны к большим коллективным

хозяйствам и должны были исполнять свой долг земельными работами на строительстве каналов, пахотой и севом, рыбной ловлей (игравшей огромную роль в хозяйстве шумеров), уходом за скотом, ткачеством, гончарством и т.д. Продукты труда горожан собирались на централизованные склады, где тщательно учитывались (и это стимулировало развитие письменности), после чего выдавались каждому по установленной норме.

Коллективизация домашнего хозяйства заходила так далеко, что при раскопках шумерского города Урука археологи не обнаружили в домах даже очагов – пища, по всей видимости, тоже выдавалась с централизованных кухонь. Во второй половине IV века в городах Шумера массово распространяются так называемые «скошенные чаши», емкостью 0,8 литров, совершенно единообразные по форме, они производились в огромных количествах в специальных мастерских. Изображение такой чаши символизировало дневной рацион работника.

В Шумере не было частной собственности, рынков, частной торговли. Понятие частного дома и частного хозяйства в этом «человейнике» было весьма условным. Соответственно не было и предпосылок для полноценного развития семьи – дети были связаны с матерью, а вот статус отца, зачастую, был невысоким. Зато в шумерских городах царила «священная» проституция во славу богини плодородия Инанны.

Заведовала этими огромными «колхозами» бюрократия, которая первоначально была сменяемой в течение коротких сроков и даже, возможно, избиралась по жребию. Чиновники получали зарплату в виде выделяемых для их пропитания земельных наделов, однако на первых порах не выделялись из числа других горожан богатством. Во главе бюрократии стоял ensi – своего рода «мэр» города, главной функцией которого было представлять всю общину перед лицом божества. Шумерские города мыслили себя как домохозяйства того или иного бога, созданные ради его обслуживания. Языческая религия шумеров была в высшей степени материалистичной –

сперва божества понимались как внутренняя сила вещей, например Инанну понимали как дух наполненных кладовых, затем религия политизировалась – богов начали мыслить прежде всего как правителей принадлежащих им городов (Якобсен 1995).

Наряду с ensi важную роль в шумерской бюрократической иерархии играл lugal (“большой человек”) – чиновник, заведовавший военными силами города и бравший на себя командование на войне. Постепенно, смотря на семитских царей, бывших военными предводителями, в понятие lugal шумеры начали вкладывать идею царственности. Теперь «энси» старался объявить себя «лугалем», на время войны, а потом и на постоянной основе.

Границы шумерского города считались установленными божеством, а значит – неприкосновенными, поэтому даже в случае конфликтов города как правило не захватывали друг друга, а лишь добивались признания от соседей своего первенства. Большинство шумерских городов были объединены в своего рода конфедерацию, центром которой считался храм бога Энлиля в городе Ниппуре, в пользу которого городские бюджеты делали значительные отчисления. Иногда предполагается, что этот шумерский союз был способен и на осуществление больших проектов, таких как строительство канала Итурунгаль, соединившего бассейны Тигра и Евфрата. Итурунгаль был главной артерией Шумера (части страны были связаны между собой, прежде всего, по воде) и появление такого сооружения, соединявшего транспортные и мелиоративные функции, было для своего времени настоящим чудом света. Еще большим чудом было бы осуществление такого грандиозного проекта усилиями рыхлой конфедерации, но, по всей видимости, инициаторами этого грандиозного проекта были владыки аккадского города Киша, чьи семитские политические традиции резко отличались от шумерских.

Киш был политическим и культурным центром северной семитской Месопотамии, уровень развития которой по настоящему начал осознаваться учеными только в последние десятилетия, когда выдающийся ассириолог Игнас Гельб выдвинул концепцию «кишской

цивилизации» (Gelb 1981, Gelb 1992). Эта цивилизация была увенчанием северомесопотамского, «семитского» пути развития.

Цивилизация Севера развивалась более органичным путем, чем шумерская, но ни в чем ей не уступала. Здесь тоже шла интенсивная урбанизация и появлялись большие города, например город на месте которого сейчас расположено селение Тель Брак на северо-востоке современной Сирии, уже в середине IV тысячелетия до Р.Х. занимал площадь в 56 гектаров, а вместе с окрестными сельскими поселениями – 130 гектаров, его населяло около 15 000 человек. Однако города вырастали среди обширного и многочисленного сельского окружения, и расположены были на достаточно большом расстоянии друг от друга.

Поскольку основой сельского хозяйства Севера было естественное орошение плодородной почвы, основной формой землепользования была индивидуальная обработка земли в соседской общине, располагавшая к развитию частной инициативы и собственности. Большое внимание уделяли семиты международной торговле – основные торговые маршруты древности, тянувшиеся от далекого Афганистана, обильного драгоценными камнями, в Малую Азию, обильную металлом, тянулись через Северную Месопотамию и Сирию.

На этом обширном привольном пространстве, живущем в согласии с природой, организация общества структуры тоже носила естественный характер – большая патриархальная семья во главе с авторитетным предводителем, в которой власть и собственность передаются по наследству, политическая организация в виде племен из которых вырастали первичные государственные структуры во главе с царем, который мыслился прежде всего как военный вождь и справедливый судья.

Пространство, подчинявшееся царю было достаточно большим, а для присмотра за такой территорией власть должна была быть единоличной и сильной. Этот образ жизни находился в гармонии с

религией семитов, ещё сохранявшей остатки памяти о Небесном Отце. Эти народы поклонялись небесным божествам, ассоциируя их со светилами и звездами, возносящимися над бескрайним пространством и освещающими весь мир.

Находившиеся на перекрестье торговых путей, города северной Месопотамии первыми в истории осваивали ранние формы письменности, выработавшей из использования для маркировки цилиндрических печатей и применения счетных жетонов-токенов, означавших тот или иной тип предметов (коз, шкуры, сосуды с зерном и т.д.), для лучшей сохранности информации жетоны складывались в особые «конверты» - полые глиняные шары, а их содержание отпечатывалось и на конверте тоже... Именно из этой практики и развилась позднейшая письменность. Первая известная науке глиняная табличка с архаическими письменами происходит именно из города Киша и датируется приблизительно 3500 годом до Р.Х.

Развитие цивилизации Севера было во многом задержано давлением с юга. В период между 3500 и 3200 годами на Севере начинают появляться в большом количестве поселения носителей шумерской археологической культуры «Урук» и в то же время развитие многих северных городов прервалось. Очевидно перенаселенный Шумер искал решения своих проблем в колонизации, которую ученые определили как «урукская экспансия» (Algaze 2008). Однако около 3200 года опустели, а частично и были разрушены уже шумерские поселения (Козырева 2016: 68). Семитам, очевидно, удалось дать отпор шумерским миграциям и именно после этого «сжатые» на узком пространстве шумеры ответили на демографический вызов созданием сверхколлективистской модели общества.

Древнее Междуречье стало, таким образом, ареной соприкосновения, сотрудничества и соперничества двух различающихся почти до противоположности культурно-исторических типов. Северного, семитского, где доминировали

небесная религия, патриархальная царская власть, семейственность и чувство собственности, и южного, шумерского, где сверхпродуктивное земледелие позволило создать своего рода бюрократический коммунизм внутри городских общин-муравейников, объединенных в своего рода союз. Север вырабатывал идею Власти, Юг – практику управления. Этим двум идеям суждено было встретиться, чтобы породить Империю. Однако путь к встрече был долгим, трудным и, порой, чрезвычайно кровавым.

Так или иначе над Месопотамией установилась власть царей Киша. В позднейшей исторической традиции, «Шумерском царском списке», говорилось: «Ejer a-ma-ru ba-ur3-ra-ta nam-lugal an-ta ed3-de3-a-ba Kicki nam-lugal-la» – «после того как потоп смыл страну и царственность была вновь ниспослана с небес, Киш стал местом престола». Идет ли тут речь именно о библейском Всемирном Потопе, или о каком-то запоминающемся наводнении в истории Месопотамии, одно несомненно – позднейшие историки царства Шумера и Аккада полагали, что его история началась не в Шумере, а северней, в регионе, который позднее получит название Аккада, где и располагалось царство Киша.

Как полагает финский ассириолог Симо Парпола: «Археологические свидетельства сделали совершенно очевидным тот факт, что в раннединастический период территория Верхней Месопотамии находилась под контролем политической силы, которую можно сравнить с Аккадской династией, появившейся позднее. Подъем этой империи, которую совершенно очевидно можно отождествить с 1-й династией Киша шумерского царского списка, совпадает с периодом исключительно благоприятных климатических условий.... Она существовала достаточно долго, чтобы распространить свой язык, письменную систему, культуру и административные институты на всю территорию, находившуюся под ее контролем» (Цит по: Козырева 2004: 24-25).

Археологи при раскопках Киша обнаружили объект, соединяющий черты дворца и крепости, первый в мире укрепленный замок, на сценах которого были помещены боевые сцены. Среди погребений, обнаружено царское погребение с колесницей (а вот человеческих жертв в этом погребении не было, - почитавшим вышних богов семитам они претили). Стало понятно, что Киш играл совершенно особую роль в политическом развитии Месопотамии и не случайно позднейшие правители боролись за титул «царя» или «лугалья» Киша.

Видимо этот город стал своего рода точкой смычки, в которой северный и южный типы месопотамской цивилизации смыкались и обменивались идеями и образами, в частности на юг начала просачиваться северная идея царской власти, царственности. Киш был центром политического процесса в Месопотамии, её первой имперской столицей. Он оказывал политическое влияние на такие важнейшие северные городские центры как Мари, расположенный вверх по Евфрату важный торгово-перевалочный пункт между Месопотамией, Сирией и Ираном, и могущественное государство Эбла.

Раскопки Эблы в центральной Сирии (недалеко от Алеппо) итальянскими археологами в 1970-х годах стали одной из важнейших сенсаций в науке о Древнем Востоке последних десятилетий. Внезапно перед учеными открылась мощная, высокоразвитая и грамотная держава, созданная семитскими племенами, далеко за пределами аллювиальных долин Шумера. Протяженность территории Эблы составляла минимум 200 километров, намного больше, чем у шумерских городов. В основе ее экономики лежало не земледелие, а скотоводство и производство шерсти. Как выразился И. Гельб: «Эбла — империя, построенная на спинах пастухов» (Gelb 1981).

Киш, как полагал Гельб, был центром этой обширной северно-семитской цивилизационной структуры, охватывавшей, с одной стороны, Эблу и Мари, с другой город на месте современного Абу

Салабиха, пограничный между шумерами и семитами. Для входивших в состав этой общности городов характерны общая календарная система, схожая письменности, включая орфографию, и, по всей видимости, им было присуще и политическое единство, по крайней мере в определенный период. Входили в кишитское политическое единство и по меньшей мере часть городов Шумера. В XXVI веке до Р.Х. царь Киша Месилим в качестве покровителя и суверена определил границу шумерских городов Лагаша и Уммы и поставил в память об этом стелу.

«Кишитское государство» от верхнего моря до нижнего, которому покорялись города от севера Сирии до юга Шумера, стало своего рода зародышем той империи о которой мечтали последующие властители Междуречья, Саргон Аккадский и его последователи. Позднейшая аккадская лексика, обозначавшая идеи, связанные с властью, вся отсылала к топониму Киш: *kiššūtu* – «власть», *kašāšum* – «властвовать, владеть», *kiššatum* – «всеобщность, вселенная». Очевидно, что в мировоззрении позднейших аккадцев Киш играл роль сходную с той, которую для Европы будет играть Рим.

Среди владык Киша потомкам особенно запомнились двое, включенных в «Царский список» не только именами, но и примечаниями об их славных деяниях. Этана – «пастух, тот, что взошел на небеса, что утвердил все страны». Этому легендарному правителю приписывали полет на орле на небо, чтобы получить для жены «растение рождения». Подружившись с орлом, которого спас из ямы, куда того скинула змея, Этана отправился на небеса. Этот полет, в ходе которого царь испытывает ужас от отдаления всех земных объектов, когда земля становится не больше борозды, а море – как миска с похлебкой, был описан в большой поэме, записанной на глиняных табличках, и долгое время ученые были уверены, что поэма заканчивается гибелью и падением Этаны, но вот нашлись недостающие обломки и выяснилось, что путешествие закончилось благополучно и боги оказали герою честь.

Другим царем Киша, надолго запомнившимся потомкам, оказался Эн-Мебарагесси, «тот, что поразил оружие страны Элам». Существование этого царя, считавшегося легендарным, внезапно было подтверждено шумерской надписью: «Мебарагеси лугаль Киша». Именно этому царю приписывают строительство храма Энлиля в Ниппуре. Так что похоже, что организаторами выдающихся объединительных деяний в Шумере стала не «коалиция мэров», а все-таки цари Киша. Возможно не только храм Энлиля, но и канал Итурунгаль построены именно по воле кишских владык. На эту мысль наводят и обстоятельства возникновения того сепаратистского движения, которое привело к падению власти I династии Киша, по крайней мере как это понимает «Шумерский царский список».

Последним царем Киша, властвовавшим и над Шумером был Агги, сын Эн-Мебарагеси. Против него взбунтовался правитель Урука Гильгамеш, ставший позднее главным героем шумерской эпической традиции. Гильгамеш отказался принимать участие в проводимых Агги ирригационных работах, причем ослушался бюрократической верхушки Урука – старейшин, обратившись напрямую к народному собранию, которое поддержало своего правителя в желании воевать с Кишем, вместо того, чтобы подчиняться его воле.

Собрание мужей города Урука

Гильгамешу отвечает:

«О стоящие, о сидящие!

За военным вождем идущие!

Бока осла сжимающие!

Кто для защиты города дышит? -

Перед Кишем главы не склоним,

Киш оружием сразим!».

Гильгамеш превращается из «эна» – правителя-жреца в «лугалья» – военного вождя с притязаниями царя, побеждает Аггу, берет его в плен, однако, по всей видимости, в конечном счете его освобождает.

Этот эпизод, описанный в поэме «Послы Агги» (Афанасьева 1997: 204-206), знаменует не только торжество шумерского сепаратизма над империей Киша, но и общие изменения в общественном строе шумеров. Вместо чиновников-бюрократов, управляющих теократическими «колхозами» всё чаще появляются властные герои, которые стремятся к войне, удовлетворению своих амбиций, обогащению. Шумерские города воюют как с семитскими соседями, так и друг с другом и защищаются гигантскими стенами, наподобие той, которую велит строить Гильгамеш в посвященной ему знаменитой эпической поэме. Судя по её тексту, Гильгамеш превратил свою власть в источник безудержной эксплуатации.

Стену Урука Он возносит.

Буйный муж, чья глава, как у тура, подъята,

Чье оружие в бою не имеет равных,—

Все его товарищи встают по барабану!

По спальням страшатся мужи Урука:

«Отцу Гильгамеш не оставит сына!

Днем и ночью буйствует плотью:

Гильгамеш ли то, пастырь огражденного Урука...

(Я открою тебе сокровенное слово 1981: 123)

Однако если Гильгамеш ставил своей целью прославиться и оставить о себе память в тысячелетиях, то большинство шумерской бюрократии воспользовалось освобождением из под власти империи Киша в других целях. За несколько поколений эта бюрократия превращается в олигархию. Былые земельные пожалования, дававшиеся городским чиновникам в качестве «зарплаты», становятся наследственными владениями, объектами купли-продажи, их размеры расширяются и служат для увеличения богатств элиты. Энси и лугали стараются превратиться в наследственных царей, утопающих в роскоши.

Характерным символом наступившего нового времени стали «царские» гробницы Ура в XXV столетии. Они поражают своей исключительной роскошью, - золотое оружие и женские головные

уборы, изумительной тонкости ювелирные украшения, а главное – десятки слуг, принудительно или добровольно последовавших в могилу вслед за лугалем. Север, напомним, человеческих жертвоприношений над гробом царя не знал. Трупы в царской гробницы уложены так, как если бы погребенные были участниками пиршества.

Роскошные пиры элиты становятся главной темой шумерских изображений этой эпохи:

«В середине III тыс. до н.э. городская элита Южной Месопотамии отличалась от остального населения не только одеждой и украшениями, домашней и хозяйственной утварью, но также традициями питания и питья... Одним из самых любимых сюжетов иконографии становится изображение пирующих... Это могли быть одеты в парадные одежды мужчина или женщина или семейная пара. Они изображены сидящими рядом на резных стульях, держа в руке чашу с напитком. Рядом с пирующими стоят высокие столики с едой (мясо и фрукты) и кувшины с вином или пивом. Слуги подают еду и питье пирующим, стоящие неподалеку музыканты развлекают их музыкой и пением. О высоком статусе участников пира свидетельствует... и напиток. Это чаще всего не пиво, а вино. Обычные для предшествующего периода большие кувшины с пивом, из которых одновременно несколько человек могли пить через специальные длинные трубочки, вытесняются изображениями высоких сосудов с узкими горлышками, из которых слуги наливают вино в высокий узкий бокал, который пирующий держит в руке» (Козырева 2016: 105-106).

Можно представить себе как воспринимали рядовые работники, по прежнему питавшиеся из «скошенных чаш» эти пиршества недавних чиновников. По подсчетам С.А. Нефедова, нормы продовольствия, получаемые работниками, стали к XXIV веку до Р.Х. ниже прожиточного минимума – семья с одним ребенком могла получить

в год 179 килограммов ячменя, а прожиточный минимум составлял 200 кг (Нефедов 2008: 68).

Ещё хуже было то, что система «долга», которая использовалась для организации шумерской коллективной экономики, теперь была превращена в технологию безжалостной эксплуатации. Если раньше работник был должен всему трудовому и городскому коллективу, по сути городскому богу, то теперь его рассматривали как должника перед вышестоящим начальством: не выполнил норму – утяжелил свое положение. При этом никакого своего хозяйства и имущества у жителей шумерских городов не было, по сути они оказались на грани порабощения.

В этот момент Шумер оказался разделен на две большие группы, в значительной степени противостоящие друг другу. Одна, западная, возглавлялась городом Уром, другая, восточная, городом Лагашем (Нгирсу). Правители Лагаша, как мы можем судить, больше чтили старые шумерские традиции. Основатель лагашской династии Ур-Нанше изображается не на пиру, а с корзиной на голове, руководящим строительными работами, как и положено было настоящему энси. Его внук Эанатум, принимая на время войны титул «лугалья», вел войны с большинством соседей – Уром, Уруком, Уммой, Кишем. Что осталось к тому моменту от прежней кишской империи – мы не знаем, видимо – не много, однако Эанатум, одержав победы на севере, присвоил себе и титул «лугаль Киша».

Однако эта военная экспансия, в сочетании с развитием олигархии, привела к кризису и Лагаш. Энси Энметена (судя по его надписям не потомок Ур-Нанше, а выборный правитель), осознав складывающееся кризисное положение, провел «возвращение к матери» (ama.ar.gi4) – единовременное списание задолженностей, списание процентов за зерно, очистил долговые тюрьмы, «вернул детей матери и матерей детям» (Цит по: Козырева 2016: 114). Эта реформа в чем-то напоминала «сисафхию» - реформу, которую два тысячелетия спустя провел в Афинах древнегреческий мудрец и законодатель Солон.

Однако реформы Энметены дали лишь временный эффект – вскоре власть оказалась в руках неспособного Лугальанды, которого горожанам пришлось низложить и сделать новым энси Уруинимгину, который провел широкомасштабные реформы. Он постарался искоренить явления, которые вели к расхищению городского имущества элитами, в частности семьей предыдущего лугалья, уменьшил всевозможные сборы, провел всеобщую амнистию, коснувшуюся даже заведомых преступников: «жители Лагаша, те, кто жили в долгах, те, кто пользовались фальшивой мерой, воры и убийцы – от всех он очистил тюрьму и свободу их установил» (Цит по: Козырева 2016: 115).

Уруинимгина подчеркивал, что вернул землю от незаконно расхитивших её коррупционеров в пользование богам Конечной целью своего правления Уруинимгина считал установление социальной справедливости как форму служения богу: «Чтобы сироте и вдове сильный человек никакого зла не причинил, он заключил с богом Нингирсу этот договор» (Цит по: Козырева 2016: 115).

Трудно сказать, какие последствия имели бы эти реформы в Лагаше, если бы не последовавшая вскоре военная катастрофа. Коалиция западношумерских городов избрала своим предводителем главу города Уммы Лугальзагеси, бывший, судя по текстам, сыном колдуна. Он был провозглашен в Ниппуре от имени бога Энлиля «царем Урука и царем страны».

Лугаль-загеси начал осуществлять широкую завоевательную политику. Он взял и разгромил старую имперскую столицу Киш, покончив с правившей в ней династией. Энлиль «положил к его ногам все земли от востока до запада» и новый царь прошел «от Нижнего моря вдоль Тигра и Евфрата до верхнего моря» (Цит по: Козырева 2016: 115). Обрушился правитель Уммы и на старого врага своего города – Лагаш, он взял город и сжег множество лагашских храмов, совершив ужасное святотатство (раньше шумеры всегда

почитали богов других городов – возможно дело было в колдовском происхождении нового царя).

«Нет вины на Уруинимгине, лугале Нгирсу; на Лугальзагеси, энси Уммы, пусть возложит эту вину его богиня Нисаба» - жаловался глава поверженного Лагаша, возмущенный совершенным святотатством (Цит по: ИДВ 1983: 2014). Под угрозой Лугальзагеси Уруинимгина бежал на север, к новому царю, восстановившему Киш, которого звали Шаррумкеном. Это был Саргон, будущий основатель империи. Громя Киш и сжигая храмы Лагаша сын колдуна не осознавал какую силу он разбудил.

Империя Ашшура

Мы до обидного мало знаем о человеке, которому суждено было стать основателем империи – Саргоне Древнем (приблизительные годы правления – 2334-2279 до н.э.). Для поколений и поколений жителей Междуречья его имя стало легендой – Саргону посвящали статуи, воздавали почести как божеству, в его честь называли себя ассирийские цари, его надписи переписывались прилежными писцами, о его деяниях, действительных и мнимых, создавались дидактические, приключенческие и даже политико-полемические поэмы.

Однако достоверной информации об основателе Ашшурской Империи дошло до нас не так много. Мы даже не знаем было ли ему имя Шаррукен (царь истинен) тронным, как думали долгое время, или же принадлежало ему от рождения, к чему склоняются многие современные исследователи (Schraamp 2016). Различается и количество лет правления, приписываемых ему разными версиями шумерского царского списка – 40 (самая ранняя версия), или же 54, 55 или 56.

Однако все легенды и предания связанные с Саргоном энергично настаивают на одном – великий царь был простого происхождения, не принадлежа ни к царскому роду, ни к аристократии, и получил

власть поднявшись с самых низов. «Правление Урука было упразднено и царская власть была перенесена в Аккад. В Аккаде Саргон, чей отец был стражник, виночерпий Ур-Забабы, стал царем, при котором Аккад был построен» - сообщает Шумерский царский список.

Более развернуто и поэтично излагает версию о происхождении создателя Империи вавилонское сказание о Саргоне. В этом рассказе не трудно уловить общие мотивы с легендами о происхождении основателя Рима – Ромула и с библейским рассказом о происхождении пророка Моисея.

Я - Шаррукен, царь могучий, царь Аккада,
Мать моя - жрица, отца я не ведал,
Брат моего отца в горах обитает,
Град мой - Ацупирану, что лежит на берегах Евфрата.
Понесла меня мать моя, жрица, родила меня в тайне.
Положила в тростниковый ящик, вход мой закрыла смолою,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
Акки, водонос, багром меня поднял,
Акки, водонос, воспитал меня, как сына.
Акки, водонос, меня садовником сделал.
Когда садовником был я, - Иштар меня полюбила,
И пятьдесят четыре года на царстве был я.
Людьми черноголовыми я владел и правил,
Могучие горы топорами медными сравнял я,
Я поднимался на высокие горы,
Преодолевал я низкие горы,
Страну морскую трижды осаждал я.
Дильмун победил я.....
В Дуранки великий я вошел и поселился...

(Перевод И.М. Дьяконов. Я открою тебе сокровенное слово. с. 249)

Другая вавилонская поэма заходила еще дальше и рассказывала чудесную сказку о возвышении Саргона из которой до нас, к сожалению, дошло только начало. Верховные боги Шумера Ану и Энлиль решают упразднить власть Киша и избирают для этого Шаррукена, сына некоего Лаипума и жрицы. Шаррукен приходит во дворец царя Киша Урзабабы, чтобы доставить жертвы, но царь делает его своим слугой-виночерпием.

И вот однажды царский виночерпий видит сон в котором богиня Инанна окунает его с головы до ног в кровавую реку. Царь выспрашивает его об этом сне и возмущается – ему самому богиня в снах окрасила кровью лишь палец. Урзабаба решает погубить Шаррукена и дает поручение главе плавильщиков – когда Шаррукен принесет царскую бронзу для переплавки – толкнуть его в плавильную печь. Однако Инанна является юноше и не позволяет ему переступить порог плавильни, требуя пройти очищение после сна.

Через 15 дней, очистившись, Шаррукен предстает перед испуганным царем Урзабабой и тот изобретает другой способ избавиться от него – он направляет слугу к властителю Урука Лугальзаггеси с письмом-табличкой, содержащей, по всей видимости, просьбу убить Шаррукена. Однако по каким-то причинам Лугальзаггеси не понял приказания (возможно свою роль сыграла жена Лугальзаггеси) и вместо Шаррукена обрек на смерть какого-то княжьего сына. Продолжение поэмы, к сожалению, утеряно, но мы можем предположить, что после ряда испытаний Шаррукен займет трон царя Киша вместо Урзабабы (может быть свергнув его, но всего вероятней – царь сам осознает тщетность борьбы с предопределением богов) и разгромит Лугальзаггеси.

Итак, мы должны исходить из факта, что Шаррукен считался уроженцем «Шафранного города» Ацупирану, располагавшегося, по всей видимости, на территории современной Сирии на Евфрате, происходил из восточных семитов и начал свое восхождение со службы царю Киша Урзабабе. Киш, как мы знаем из других

источников, был разгромлен и подчинен гегемоном Шумера Лугальзагеси, правившим в Уруке.

Допустимо предположение, что Шаррукен возглавил народное движение за восстановление свободы Киша и стал его царем. Его власть простерлась на Север Нижней Месопотамии, он совершил поход на Запад, в Сирию к «Верхнему морю», и создал могущественную державу. Столицей этой державы Саргон избрал город Аккад, находившийся, как предполагают исследователи, в припадении в Тигр реки Диялы. Возможно сам город существовал и до Саргона, но именно он придал Аккаду блеск имперской столицы – эта черта, учреждение нового города специально для столицы позднее не раз повторится в истории Империи.

Разумеется, коалиция шумерских городов-государств под гегемонией Лугальзагеси не могла не смотреть с тревогой на возникшее на месте Киша могущественное Аккадское царство. Легенды связывают начало конфликта с тем, что Лугальзагеси отказал посватавшемуся «низкородному» Саргону, современный исследователь Мартин Пауэлл (Powell) полагает, что свою роль в возникновении конфликта сыграл энси Лагаша Уруинимгина, который выразил свою лояльность Саргону. Когда Лугальзагеси подверг Лагаш беспощадному разгрому, Уруинимгина составил пространную жалобу о грехах шумерского владыки и, вероятно, бежал на север под защиту Саргона. Так или иначе, между Аккадом и Уруком началась война.

Саргон сокрушил шумеров и взял в плен 50 правителей включая царей Урука, Ура и Уммы. Победенный Лугальзагеси был проведен в медных оковах через ворота храма Энлиля в священном Ниппуре – царственность была у него отобрадена и передана Саргону. Однако Лугальзагеси не только не был казнен, но и, возможно, вернулся к исполнению своих обязанностей энси Лагаша, пребывая в должности даже при преемнике Саргона Римуше. В документации другого сына Саргона, Машиштусу, упоминается как царский

приближенный и Уруинимгина. К покорившимся Империя была мягка.

Однако шумерам было непросто смириться с утратой независимости. На следующий год против Саргона вновь поднялся юг во главе с энси Ура. Царь Аккада победил его, затем по каналу Итурунгаль дошел до мятежной Уммы, далее ему покорился Лагаш, и войско Саргона дошло до Нижнего моря, Персидского залива, в котором ритуально омыло оружие.

С гордостью подчеркивал царь, что к этому моменту он сражался в 34 битвах и что под его властью находится теперь огромное пространство от Верхнего до Нижнего моря, самая обширная держава тогдашнего мира. Однако к этой державе Саргон сделал и еще прибавления, он совершил поход вверх по Евфрату к Кедровым горам и Серебряным горам, подчинил царства Мари и Эблу, вторгся в Элам, на юго-западе Ирана и привел его к покорности, подчинил всю верхнюю Месопотамию. Позднейшая поэма приписывала ему даже поход вглубь Малой Азии, который Саргон якобы предпринял посоветовавшись с купцами и воинами, однако скорее всего тут легенда смешала его с позднейшими царями Ассирии.

Держава Саргона и сейчас покажется не маленькой – современный Ирак, Сирия, Ливан, кусочки Ирана и Турции, для древности же, знавшей перед этим только небольшие племенные объединения, города государства и их непрочные коалиции, она покажется и вовсе фантастически огромной. Как же владыке Аккада удалось собрать и удерживать такую державу?

Прежде всего, Саргон создал сильную профессиональную армию, без которой Империя невозможна. «5400 мужей ели перед ним свой хлеб» – говорится в одной из царских надписей. Современные исследователи довольно единодушно трактуют это выражение как говорящее именно о создании войска, которое не было народным ополчением, не занималось ничем, кроме войны и учений, было предано лично царю, и от него лично получало свое

вознаграждение. Это войско, как говорит еще одна надпись, было, по всей видимости, сведено в 9 отрядов-полков, значит численность полка составляла 600 человек. Постоянная армия Империи была для своей эпохи внушительной силой, тем более, что её наверняка дополнило и сильное народное ополчение. Она имела своих генералов, офицеров, систему складов и планирования воинских маршрутов, включавшая в себя измерение дорог. На окраинах Империи появляются гарнизоны и создаются крепости.

Войско Саргона не было похоже на вооруженные копьями и щитами, одетые в плащи с медными бляхами, однако состоявшие по сути из крестьян «фаланги» шумеров. Объединив вокруг себя семитский Север, где преобладали свободные земледельцы и полукочевые пастухи, Саргон создал легковооруженную армию, действовавшую рассыпным строем. Секретом этой армии был мощный составной семитский лук. Этот композитный лук современные исследователи считают военно-технической инновацией, предопределившей успех Аккада в создании империи. Поток метких стрел из таких луков наводил ужас на отряда шумеров и заставлял их разбегаться. Рядом с лучниками действовали копейщики и воины с боевыми секирами – все оружие выдавалось с царских складов. На воинах был минимум одежды и только на голове – медный шлем. Даже царь был одет легко и гордился своим луком.

Однако Саргон опирался не только на голую военную силу. Он и его преемники постарались внедрить целостную систему имперского управления. Она строилась, прежде всего, на разделении гражданского и военного управления из которых военное было главенствующим. Саргон постарался назначить энси шумерских городов своих приближенных аккадцев, однако столь жесткая схема подчинения не удержалась при следующих царях аккадской династии – шумерскими городами правили энси-шумеры, а аккадскими городами – царские родственники и свойственники.

Н.В. Козырева выделяет следующие черты имперского управления покоренными территориями: «разрушение городских стен в

завоеванных городах; выплата дани; обязанность содержания членов царской семьи и военных отрядов; возведение царских стел на завоеванных территориях; конфискация части земли в пользу «короны» для распределения этих земель в качестве служебных наделов между служащими «короны»; использование царских датировочных формул на местах; принятие и признание на местном уровне царских чиновников» (Козырева 2007, 29). Еще одной важной технологией власти было назначение Саргоном своих дочерей жрицами важнейших шумерских храмов – эту политику продолжили и его преемники. Начали использовать владыки Аккада и такую характерную для раннего имперского управления технологию власти, как перемещение и сосредоточение покоренного населения (Weiss, Courty).

В Империи появились зачатки единого административного документооборота: «Вся документация носит единообразный характер... Таблички аккадского периода изготавливались из хорошо перемешанной глины, им придавали строго прямоугольную форму, линии строк аккуратно прочерчены, все знаки написаны старательно и красиво, общее впечатление строгой организации письма. Язык табличек, главным образом, староаккадский. Шумерская клинопись была приспособлена для семитского языка» (Козырева 2007, 30).

Саргон создал не только военную и политическую организацию, но и идеологию и пропагандистскую технологию империи. В его надписях прославляются милость богов, даровавших царю власть, мощь войска, богатство государства. Вот что говорилось в надписи, которую потом столетиями старательно копировали вавилонские писцы:

«Саргон, царь Киша, одержал победу над городами в тридцати четырёх сражениях до самого моря и разрушил их стены. Он заставил суда из Мелуххи, суда из Магана и суда из Дильмуна причалить в бухте Аккаде. Саргон, царь, простёрся перед Даганом и вознёс ему молитву; и он Даган даровал ему верхнюю землю, а именно Мари, Ярмути и Эблу, вплоть до

Кедрового леса и до Серебряной горы. Саргон, царь, которому Энлиль не позволил иметь равных, — 5400 воинов ежедневно едят перед ним хлеб. Кто когда-либо сотрёт эту надпись — пусть Ан сотрёт его имя; пусть Энлиль лишит его семени; пусть Инанна ...».

Начал Саргон и установление имперской титулатуры. Первоначально он принял титулы «царя Аккада» и «лугаля Киша». Однако писцы Саргона, записывая титул *lugal Kish* перестали употреблять шумерский классификатор /Ki/, обозначавший конкретное место. Хотя титул продолжал записываться традиционными шумерскими символами, но по-аккадски он теперь читался как *sar kissatim* – царь множеств, повелитель вселенной. Эта версия императорского титула оказалась настолько популярной, что спустя тысячелетие его по-прежнему будут использовать цари Ассирии.

Огромное значение придавали Саргон и его преемники внешнеэкономическим связям империи. Сосредоточение разнообразных богатств в единой системе имперской торговли стало важной целью. Империя Саргона поставила под свой контроль товарные потоки из Дильмуна (Бахрейна), Магана (Оман или южный берег Ирана) и Мелуххи (цивилизации долины Инда, как раз в эти столетия переживавшей свой расцвет. С другой стороны, осуществилась мечта о прямом доступе к кедром Ливана, серебру Тавра, меди окружавших Месопотамию гор. Теперь доступ ко всем разнообразным ресурсам одновременно был получен в центре империи.

Вавилонская поэма «Проклятие Аккада» так описывает великолепие первой столицы Империи времен внука Саргона – Нарам-Сина, к правлению которого относится высший расцвет Аккада. В этом отрывке намечен неоднократно с тех пор появляющийся в мировой литературе идеал «имперского мира» – разнообразие, изобилие, мир, спокойствие чужеземных стран и довольство народов,

собираение многообразия народов, стран и богатств вокруг единого центра.

Дабы, словно птицы диковинные в небе,
Чужеземцы вокруг сновали,
Дабы жители Мархаша подчинились
Дабы обезьяны, слоны могучие, буйволы -
Звери невиданные -
На улицах просторных друг друга толкали бы, -
Псы породистые, сторожевые псы, козлы каменные,
Овцы горные длинношерстные, -
Инанна пречистая ночи не спала...
В те дни она житницы Аккада золотом наполнила,
Зернохранилища сияющие серебром наполнила.
В склады зерновые медь очищенную, олово,
Пластины лазуритовые собирала грудями,
В ямах силосных запечатывала...
Барабаны деревянные бьют.
Из города - звон литавров,
Пред городом флейты поют.
Гавань, где суда у причала, ликования полна.
Все чужеземные страны спокойны.
Все чужие народы довольны.
А владыка града, Нарамсуэн, пастырь,
Словно солнце на светлом престоле Аккада,
Сияя, восходит,
Града стена, словно гора, до небес доходит.
А ворота града, подобно Тигру,
Когда он в море вливается,
Инанна пречистая створки их широко распахнула,
И в Шумер добро само лодками потекло.
Марту, жители гор, те, что зерна не знают,
Отборных быков, горных козлов туда приводят.
Мелухиты, жители черных гор,

Диковины стран чужедальних привозят.
Эламиты и субарейцы, словно вьючные ослы,
Добро несут.

Однако за «имперский мир» царям аккадской династии приходилось тяжело сражаться. Привыкшей за тысячелетие жить в своих независимых ни от кого городах государствах и не делиться ни с кем плодами своих высокоразвитых храмовых хозяйств, шумерской верхушке не нравилось владычество Аккада. Даже если в Империи не было никаких межэтнических трений (а источники их не фиксируют), высокоорганизованному, но узкому уму шумеров не нравились ни размах семитской империи, ни её иерархичность и властность.

Ещё при жизни Саргона его империя сталкивается с восстаниями и мятежами, которые станут проклятием Юга Междуречья на весь Ассирио-Вавилонский период. Шумерские города составляли сетевую структуру, основанную на олигархически-коммерческих принципах, - такие структуры не раз еще проявят себя в истории и на страницах этой книги. С территориальной империей такие структуры ощущают особую несовместимость. Поэтому шумеры будут восставать против Аккада и Вавилона, Вавилония – против Ассирии, будут гибнуть люди, сноситься стены городов, однако мятежи будут вспыхивать вновь и окончательно решить проблему южномесопотамского сепаратизма не смогут даже персы.

«Все старейшины Страны возмутились против него и осадили его в Аккаде, но Саргон вышел из города, нанес им поражение, учинил им разгром» - сообщается в таком своеобразном источнике, как вавилонские omīna (предсказания) о последних годах создателя Империи. Против сына Саргона – Римуша (2278-2270 до н.э.) снова вспыхнуло восстание шумеров во главе с неким Каку, принявшим титул «лугаль Ура». Восстал против Аккада и семитский город Казаллу. Римуш подавил восстание с чрезвычайной жестокостью – его надписи описывают умерщвление и взятие в плен 90 тысяч человек. По сути Римушу приходилось заново доказывать силой

свою власть над страной – совершать походы не только в Шумер, но и в Элам, и на Север – это был недостаток ранних моделей имперской организации, когда народы и города были лояльны не столько к державе, сколько к личности правителя, тем более такой харизматичной, как Саргон.

Держава Саргонидов еще, в значительной степени, покоилась на личной харизме правителя, а ни Римуш, ни правивший после его смерти (существовала легенда, что царя забили придворные каменными печатями) брат Маништушу (2269-2255) видимо яркой харизмой правителей не обладали. Маништушу отразился в источниках прежде всего активной политикой по скупке на царское имя земель в шумерских городах, укрепляя экономическое влияние царя.

Может возникнуть вопрос – не слишком ли дорогой была цена «имперского мира», если за него приходилось платить расправами над десятками тысяч людей, и, по сути, повторением завоевания? Не разрушала ли такая имперская модель производительных сил страны? Ответ на этот вопрос дать довольно просто. Шумер был тогда самым населенным местом на земле, население крупнейших шумерских городов достигало 100 тысяч. А из покаранных Римушем 90 тысяч, конечно, отнюдь не все были казнены.

При этом имеющиеся в нашем распоряжении данные об экономике Империи Аккадского периода показывают, что уровень жизни среднего человека значительно вырос.

«Общий уровень жизни городского населения в этот период, по-видимому, был заметно выше, чем раньше. Явно расширился круг горожан, которые имели доступ к металлам и драгоценным камням... Импортные материалы, по видимому, распространялись сверху вниз, сначала среди тех городских слоев, которые примыкали к элите, и со временем все более широких... Во многих городских домах и в погребениях этого времени найдено большое количество предметов из металлов

(сосуды из меди и бронзы, украшения из золота и серебра) и полудрагоценных камней (цилиндрические печати из лазурита, бусы из стеатита, лазурита, хлорита, кварца и др.... В правление династии Аккада круг лиц, которые желали и могли приобретать предметы роскоши (металлы, камни, рабы), по видимому значительно расширился» (Козырева 2016, 145, 148).

Если экономика городов-государств Шумера была по своей сути олигархическим коммунизмом, при котором большинство общинников работало от зари до зари за скошенную чашку с кашей, в то время как богатство было уделом узкого круга лугалей/энси и чиновничьей олигархии (которая и поднимала мятежи против Саргона и его преемников), то при Аккадской династии на юге начали распространяться северные модели экономических отношений – возможность частной инициативы, работы на себя, возможность вступить в войско и получить добычу или участвовать в царских работах. Поэтому большинству жителей Шумера Империя оказалась выгодна – они получили возможность развить свою частную инициативу в богатом, изобильном и мирном государстве, но за этот имперский мир приходилось сражаться.

Внук Саргона Нарам-Син (2254-2218) принял власть в ситуации, когда Империя могла показаться распадающейся, принявшей лишь формальный характер. Однако в этом решительном человеке как бы возродилась харизма его деда и в следующих веках Саргона и Нарам-Сина потомки прославляли вместе как образец настоящих царей.

Нарам-Сину пришлось снова завоевывать свою державу, причем на сей раз одновременно восстали северные аккадские города, во главе с Кишем, которому прежде Саргон оставил широкую автономию, южные города во главе с царем Урука, причем в эту коалицию вошла даже храмовая столица Шумера – Ниппур. Отложились и земли в Северной Месопотамии и Сирии – Мани и Эбла, Элам, Маган, жившее в горах Загроса племя лулубеев.

Царь сперва окружил Аккад новыми высокими стенами, а потом повел войны за восстановление империи. В своих надписях он упоминает время, когда «четыре стороны света разом поднялись на него и он совершил девять победоносных военных походов за один год». Сперва Нарам-Син и подверг репрессиям мятежный Киш, укорив его за неблагодарность к деду, который освободил древнюю столицу и её жителей и вернул им славу. Затем последовали семь войн с Амар-гиридом, царем Урука, прежде чем была одержана окончательная победа. Всего в своих войнах с сепаратистами Нарам-Син взял в плен трех царей, 13 высших военачальников, 23 правителя города, 1212 военачальников и 137 400 простых воинов.

Нарам-Син принудил к миру и покорности Элам, сокрушил царя Магана, срыл с лица земли непокорную древнюю Эблу. На стеле, посвященной победе над горным племенем лулубеев, дело происходит на освещенном солнцем высокогорье - царь стоит в рогатом шлеме, сжимая в руках верный лук, рядом лежит пронзенный стрелой враг и складывающая руки в просьбе о пощаде женщина, а внизу верное войско – копьеносцы и лучники, поднимающиеся в горы. В этой стеле есть нечто неуловимо схожее с Колонной Траяна, которые прославят подвиги императора в битве с варварами в будущем.

Вернув себе власть над всем пространством империи, Нарам-Син задумался о её административном и идеологическом укреплении. В подчиненные области начало назначаться больше имперских чиновников, а многими из них стали управлять царские родственники.

Поскольку титул «царя Киша» был скомпрометирован мятежом самого города Киша, Нарам-Син ввел другой, более пышный имперский титул – *sar kibaratim arba'im* - «царь четырех стран света». Как отмечают современные исследователи этот титул имел космологическое значение, означая не просто весь мир, а мировые оси, по каждой из которых царь совершил победоносные походы. Нарам-Син, таким образом, не ограничился намеком на

вселенскость своей власти, как это сделал Саргон, а обозначил себя как владыку мира прямо.

Дерзнул он и на большее – единственный из месопотамских правителей до и после он провозгласил себя богом. Перед царским именем начало ставиться определение и обозначение божества. «Бог Нарам-Син могучий, бог Аккада, царь четырех стран света» выводили писцы.

Тем самым всякое посягательство на власть царя становилось святотатством и самообожествлением Нарам-Син хотел добиться прочного мира. Однако тем самым царь бросал вызов всему устоявшемуся мировоззрению как шумеров, так и семитов – обожествление людей ни для тех, ни для других не было характерно. Семиты, следуя первоначальной религии, мыслили царей лишь как могущественных слуг Бога, Который их возвышает и свергает, шумеры же понимали правителей как управдомов при богах – владельцев городов, в совет которых теперь требовал включить себя Нарам-Син.

Одна из дошедших до нас надписей описывает принятие Нарам-Сина в число богов как удовлетворение советом высших шумерских богов, составившим своеобразную «небесную республику», правившую Шумером, просьбы жителей Аккада об обожествлении Нарам-Сина.

«Нарам-Син, великий царь Аккада, когда четыре стороны света восстали против него, любовью богини Иштар победил в девяти битвах в один год и взял царей, которые восстали против него, в плен. Поскольку он спас свой город от опасности, жители его города обратились с просьбой к богине Иштар в Эанне, богу Энлилю в Ниппуре, Дагану в Туттуле, Нинхурсаг в Кеше, Эа в Эриду, Сину в Уре, Шамашу в Сиппаре и Нергалу в Куте с тем, чтобы он (Нарам-Син) был сделан богом их города. Они построили в Аккаде храм ему».

Очевидно именно с возмутительной «гордыней» Нарам-Сина и связана была закрепившаяся за ним в вавилонской письменности двойственная репутация – великого царя и нечестивца, особенно ясно выразившаяся в поэме «Проклятие Аккада», где «царю четырех стран света» приписывается разрушение храма Энлиля в Ниппуре, за которое Аккад был покаран скорым разрушением царства и нашествием варваров.

Для храма Экура - но он не гора, где рубят кедры! -
Топоры огромные он отлил.
Секиры обоюдоострые заточил.
К корням ею он лопаты приставил -
Основанье Страны он всколыхнул.
К ветвям его он топор приставил,
И храм, словно воин убитый, шею к земле склонил.
И всех стран чужедальних шеи к земле склонились
Трубы дренажные он сорвал -
Хлынул поток дождей небесных.
Сорвал деревянную обшивку ворот -
Уничтожена мощь Страны.
Во вратах, где зерно не срезают, зерно он срезал, -
От рук Страны зерно отрезал.
Во врата Благоденствия топором ударил -
Благоденствие чужедальних стран уничтожил.

Сам Нарам-Син полагал, что он не разрушает храм в Ниппуре, напротив, он распорядился его обновить перестроить, расширить и улучшить. Однако что-то в его действиях оскорбило ниппурских жрецов Энлиля. Мари Ливерани полагает, что дело в архитектурной перестройке храма, после которой статуи и действия жрецов стали видны публике, нарушая жреческую тайну.

Покой священный для сновидений,
Что света не видел, люди увидели.
Сосуды священные богов Аккад увидел.
Статуи лахама, что у главного входа во храм стояли,

Те, что запретного не совершали, -
А Нарамсуэн огню их предал.

Но возможно на репутации Нарам-Сина сказались и то, что вместе с расширением храма он начал добиваться почитания в нем себя как божества. Нарам-Син открывает ряд великих правителей, которые вместе с военными подвигами и мощью вошли в историю с печальной репутацией нечестивцев. В этом с ним будут сходны иконоборцы Лев Исавр и Константин Копроним, отменивший патриаршество и сбрасывавший храмовые колокола Петр Великий («Храм - не гора, где рубят кедры» могло бы прозвучать и для него).

Так или иначе, Нарам-Син вошел в историю как великий завоеватель и восстановитель порядка, и как правитель, осмелившийся в гордыне посягнуть на святыни и провозгласить себя богом. К концу его правления над Аккадом нависла грозная опасность. Новосозданной Империи пришлось пережить то, с чем ей теперь регулярно придется сталкиваться – нашествие варваров. С севера, с гор начинает передвигаться на месопотамские равнины дикое племя гутиев, которое открыло настоящую охоту на цивилизованных жителей Аккада.

Нелюдей, несметные орды,
Гутиев, что не знают запретов,
Поведением - люди, да разуменьем - собаки,
Обликом - сущие обезьяны,
Их Энлиль из гор вывел!
Словно полчища саранчи покрыли землю,
Руки, словно сети-ловушки, по приказу его
Над полями простерли.
Из-под руки их ничто не уходит.
Их руки никто не избегнет.
Гонцы по дорогам больше не ходят.
Перевозчики через реку не перевозят.
Коз прекрасных Энлилевых из загонов угнали,
Подпасков с ними вместе погнали.

О причинах кризиса Аккадского царства высказываются разные точки зрения. Популярна в частности климатическая теория. Аккад опирался на силу земледельцев пояса с естественным орошением и семитских пастухов, именно они создавали ту силу аккадского войска, которая позволяла держать в руках богатый и мятежный шумер и держать открытыми дальние торговые магистрали. Его расцвет был порожден чрезвычайно благоприятным климатом в XXIV веке до н.э., однако к концу правления Нарам-Сина влажность сменилась засухой – сильными ветрами, несшими большое количество пыли и превращавшими пашню в пустыню. Неурожаи ослабляли опорную зону Аккада, пастухи-амореи, пастбища которых превратились в пустыни, надвинулись на земледельцев, за добычей спустились оголодавшие горцы...

При всей ограниченности подобных климатических объяснений, несомненно, что сжатие экологической ниши обостряет внутренние проблемы, в данном случае они явно ослабили власть пастушески-земледельческого Аккада над опиравшимся на большие коллективные хозяйства Шумером.

Сын и преемник Нарам-Сина Шаркалишарри (2217-2193), имя значит - царь над царями, не унаследовал гордости и амбиций своего отца. Он не принял титула «царя четырех стран света» и короновался в Ниппуре, приняв старый титул «царя Киша», а в строительных надписях подписывался как «царь Аккада». Царь провел жизнь в оборонительных походах, отражая гутиев и эламитов, шумерские города продолжали платить ему дань, однако, похоже, лишь потому, что его власть была необременительной.

Обстановка этих последних десятилетий отразилась в письме военного-губернатора Ишкун-Дагана к светскому правителю Лугаль-ра:

«Проводи полевые работы и выпасай скот! И, пожалуйста, не говори: «Гутии! Я не могу проводить полевые работы». Ты можешь поставить моих стражников через каждые пять верст и

начать пахоту. Когда солдаты подают дымовые сигналы, они могут отразить атаку для тебя, а ты тем временем можешь загнать скот в город...».

Дальше губернатор клянется именем Шаркалишарри, что если лугаль потеряет скот, то он заплатит из собственного кармана, да еще и получит «на орехи» от самого губернатора.

Шаркалишарри оказался последним правителем аккадской династии. После его смерти государство распалось и более чем на полстолетия было захвачено гуттями. Восстановили его шумерские владыки III Династии Ура.

Как подчеркивает Бенджамин Фостер, невозможно назвать созданное Саргоном политическое образование иначе, чем «империей»: «Если под империей подразумевать большое многонациональное государство с центром и провинциями, возглавляемое правителем, который представляет себя, как нечто поважнее жизни, с последовательно централизованным характером администрации своих владений, политические достижения Саргонидов могут быть названы империей....» (Foster).

Саргону и Нарам-Сину удалось заложить самую имперскую форму – охватывающее разнородные регионы и народы большое государство, управляемое харизматическим царем, опирающееся на постоянную армию и бюрократию, выстраивающее четкие отношения контроля между центром и периферии, превращающее свою столицу в средоточие богатства и великий мировой город, обеспечивающее имперский мир и благосостояние, к которому становится причастно большее число людей, чем прежде. Саргон и Нарам-Син остались в веках как эталон царственности (хотя второй и с не вполне однозначной репутацией), и столетия спустя в царстве Мари на Евфрате их духам делались приношения.

Наконец, именно Аккад сыграл решающую роль в конструировании пространства исторической памяти и мышления в категориях империи, без чего имперская традиция оказалась бы попросту

невозможной. «Нет сомнений, что после падения Аккад стал двигателем для осмысления в текстах истории, царственности и власти» – подчеркивает Пётр Михайловски.

III династия Ура. Цари Шумера и Аккада

«A-ba-am3 lugal a-ba-am3 nu lugal» – «Кто был царем? Кто не был царем?» – изумлялся автор «Шумерского царского списка» анархии, наступившей после падения Аккадского царства под ударами гутиев. На восемьдесят лет страна Шумера и Аккада погрузилась в период смуты – царями Аккада провозглашали себя некие Лулу, Дуду, Шу-Дурул, сами имена которых выдавали варварское происхождение. Этим лжецарей, по всей видимости, совсем не заботило управление страной и главное, чего они ждали – это дани со стороны энси покоренных шумерских городов.

Одним из таких энси, добившихся большого могущества, был правитель Лагаша Гудеа. Он пришел к выводу, что несчастья Шумера связаны с недостаточным почитанием богов и пренебрежением справедливостью.

Гудеа откупался от гутийских царьков данью, а сам затеял строительство храма главному богу Лагаша – Нингирсу. Дело благочестия осознавалось правителем как обновление социума и космоса – правитель выступает своего рода продолжателем своего отдаленного предшественника социального реформатора Уруинимгины. Гудеа ритуально очистил свой город «Опасных колдунов... женщин, произносящих заговоры, из города он вывел». Строительство храма осуществлялось добровольно – «ремень не бил, плеть не била». «Он устранил в этом храме вражду, почтил справедливость Нанше и Нингирсу; сироте имущий ничего не причинял, вдове сильный ничего не причинял». В надписях, посвященных строительству храма, правитель описывал воцарившийся в городе ритуальный «мир Нингирсу»:

«Энси в своем городе всех, как одного человека, сделал чистыми, «ном» Лагаша, как дети единой матери, становится един сердцем... мать с сыном не бранилась, сын матери своей не дерзил; рабу, заслужившему побои, хозяин его не наносил удара по голове; если рабыня совершит проступок, ее хозяйка ни за что не ударяла по лицу».

Нельзя не согласиться с Н.В. Козыревой, считающей Гудеа «одной из самых выдающихся личностей в истории древней Месопотамии» (Козырева 2016, 158). И дело не только в том, что от него сохранилось множество надписей, изображающих его статуи и замечательные гимны. Дело в том, что начиная с его правления идея справедливости станет одной из ведущих в месопотамском обществе, что позднее так ярко отразится в Законах Хамураппи, а стало быть и ляжет в фундамент идеологического порядка Империи.

Однако ближайшее будущее оказалось связано с другой политической программой. Правитель города Урука, по рождению – рыбак, подобно Саргону поднявшийся из низов, Утухегаль возглавил выступление против гутиев и разгромил их царька Тиригана. Свою миссию правитель видел именно в восстановлении царства и независимости Шумера:

«О владычица, львица битвы, прекрасная видом в странах, Энлиль послал меня восстановить царство Шумера и его независимость, будь мне помощница» - обращается он в поэме к Инанне. Нет сомнений в том, что это было национальное восстание шумеров и аккадцев («черноголовых») против поработивших их варваров. «Жалящий змей гор, насильник против богов, унесший царственность Шумера в горы, наполнивший Шумер враждой, отнимавший супругу у супруга, отнимавший дитя у родителей, возбуждавший вражду и распрю в стране» – такое обвинение вождю гутиев вкладывает в уста Утухегалья поэма.

Освободителю Шумера, принявшему титул «Царь Урука, царь четырех стран», не суждено было стать основателем династии, восстановившим блеск державы Аккада. Когда он осматривал строящуюся плотину, она обрушилась под ним и Утухегаль утонул (для любых спекуляций о том, что его конец был не случайным, у нас нет достаточных данных). Власть перешла к правителю Ура Ур-Намму (2112-2095 до н.э.), вероятно его близкому родственнику – брату, сыну или приемному сыну. Ур-Намму перенес государственный центр в Ур и принял императорский титул: «Царь Ура, Царь Шумера и Аккада». Его преемник Шульги прибавил к этому и аккадский титул «царь четырех стран света».

Ур-Намму удалось преобразовать федерацию шумерских городов, которую создал Утухегаль, в единое централизованное государство, он заботился о возрождении производительных сил страны, цари III Династии постоянно создавали новые и реконструировали старые каналы.

По своим размерам Царство Шумера и Аккада, именуемое нами сегодня «III династией Ура», было гораздо меньше, чем империя Саргона. Оно охватывало лишь районы аллювиальной долины Нижней Месопотамии и не стремилось захватить ни Север Месопотамии, ни Сирию. Первому царю приходилось и дальше воевать с варварами-гуттями, причем в одном из таких сражений Ур-Намму на 18 году своего царствования был смертельно ранен и его смерть стала предметом множества гимнов-плачей, говоривших о внезапной трагической перемене судьбы и неисповедимости суда богов.

Страна Шумера и Аккада была разделена на 18 провинций, совпадавших с областями крупнейших городов, во главе этих провинций стоял гражданский правитель «энси», обязанный выполнением повелений царя и строжайшей отчетностью. Рядом с ним стоял военный губернатор «сагина» – отвечавший за войска, гарнизоны и оборону провинции. Характерно, что «сагина»

назначались обычно из аккадцев, считавшихся лучшими воинами, чем шумеры».

Единственным направлением постоянной экспансии стали горы Загроса, с жившими там племенами гутиев, субареев, лулубеев и сильной, достаточно цивилизованной страной Элам. При преемнике Ур-Намму – Шульги (2094-2047 до н.э.), вдоль восточных границ собственно царства Шумера и Аккада, была создана периферийная пограничная полоса, тянувшаяся с севера на юг вдоль всей восточной границы, соприкосавшейся с опасными горами. В этой пограничной зоне были расположены военные поселения, жители которых сочетали занятия земледелием и скотоводством с охраной границ. Так впервые в истории была создана модель пограничной «черты», которая не раз осуществится впоследствии, например в виде русских казачьих «линий» на Кавказе и в Степи.

В царстве Шумера и Аккада была последовательно развита идеология, выработана идея царственности как постоянной мистической силы, непрерывно присутствующей в истории. Именно при царях III династии Ура появилась первая версия «Шумерского царского списка», начинавшегося с ниспослания царственности с небес, от верховного бога Ану (под которым обычно подразумевался оттесненный в сознании языческих народов Истинный Бог) в город Эреду и продолжавшийся до нынешних царей. Менялось место престола, случались периоды смут, но царственность никуда из мира не уходила.

Себя цари Ура возводили к шумерскому герою царю Урука Гильгамешу, современные исследователи не исключают того, что род Утухегалья и Ур-Намму и в самом деле восходил к этому знаменитому предку. Напротив, существование Аккада и царство Саргона, в период III династии практически игнорировались. Одним из популярных сказаний о Гильгамеше не случайно стала песня о его восстании против царя Киша Агги. Здесь сказывалось существование все-таки подспудного напряжения между шумерской и аккадо-семитской традициями.

Эпоха III династии была периодом своего рода «шумерской реакции», носившей характер если не этнического, то культурного национализма. Фактически III династия Ура воссоздала державу Саргона как обширное территориальное владение, но по шумерским правилам, в рамках шумерской культурной психологии и образа жизни. И не случайно, что, в отличие от эпохи Саргона, до нас не дошло ни одного упоминания о мятежах шумерских городов против царей, вступившему на престол преемнику не приходилось отвоевывать страну заново.

Шумерский язык был провозглашен официальным языком, на нем велась вся документация, хотя большинство жителей страны уже говорили по-аккадски. Систематизированы были литературно-мифологическая традиция и «теологические» представления о богах, храмы которых были обновлены и украшены. Шульги, при котором царство достигло наивысшего расцвета, подобно Нарам-Сину повелел обозначать себя как «бога», этой традиции последовали и его преемники. В этом, впрочем, не было претензии на равенство с небесными божествами – царь мыслился как своего рода служебный «бог», власть которого распространяется на всю страну, а смысл его должности в посредничестве между небесными богами и людьми.

Восхваление могущества царей было важной составляющей шумерской культуры этого периода, каждый, кто знакомился с новыми поэмами (а они не столько читались, сколько, прежде всего, пелись хором) должен был усвоить образ великого и заботящегося о государстве царя, мощь которого проявляется и физически, и умственно и нравственно. Предметом одной такой поэмы стали события седьмого года царствования Шульги, «года, когда царь совершил путешествие туда и обратно между Уром и Ниппуром в один день».

Развитие инфраструктуры и строительство безопасных и удобных дорог было одной из важнейших задач правителей древности. На шестом году своего правления Шульги построил такую дорогу между

своей столицей Уром и религиозным центром Шумера Ниппуром, что и отметил в своей годовой датировке, а на следующий год решил лично испытать это «скоростное шоссе», доказав всем его удобство и безопасность. Расстояние между двумя городами составляет 161 километр, так что путь туда и обратно занял бы 322 километра, за сутки это расстояние возможно пробежать со скоростью 13 километров в час, если не останавливаться. Даже если придворные льстецы немного растянули понятие «дня», то все равно очевидно, что царь продемонстрировал недюжинные качества атлета.

Марш-бросок в оба конца, который позволил царю поучаствовать в двух священных празднествах, должен был вызвать у слушателей гимна удивление мощью и скоростью государя, который преодолевает огромное расстояние несмотря на плохую погоду.

Подобно соколу Ниншаре, я взлетел
Направившись из Ниппура в свой город.
В тот день ревела буря, ураган поднялся,
Южный ветер боролся с северным,
А молнии с семью ветрами заполнили небо,
От рёва бури земля дрожала.
Ишкур рычал во глубине небес,
А ветры неба сковали воды на земле,
Крупинки града, мелкие и крупные,
Секли мне спину.
Я, царь, не уstraшился, не выказал тревоги,
Как юный лев, я продолжал свой путь,
И, как осёл степей, я нёсся быстрым шагом,
Как жеребёнок, мчался я один...
Подобно Уту, вечером спешащему в свой дом,
Так я прошёл огромный путь.
И с удивлением взирали на меня солдаты храбрые мои.

Наряду с физической силой гимн прославляет разум и мудрость царя:

Я как писец, обученный Нисабой,
Доблести и мужеству моим
Равны мои познания,
Я соперник его вечных слов.
Влюблённый в справедливость,
Я презираю зло,
Слова вражды я ненавижу.

В гимне не случайно подчеркивается роль царя как писца. Для системы управления III династии Ура необходимо было многочисленное сословие грамотных людей. Нужны были тысячи и тысячи тех, кто будет учить, записывать, распределять. Грамотность становилась массовой, а значит массовой становилась и школа. И в самом деле, школы в Шумере, а затем Вавилонии были повседневным явлением, а их программа – широкой и очень хорошо продуманной, тем более, что шумеро-аккадскую письменность трудно назвать простой. Управленческие потребности царей Шумера и Аккада сыграли в становлении массовой школы в Междуречье и развитии шумеро-аккадской литературы решающую роль. И царь не случайно предстает в гимнах как предводитель не только воинов, но и писцов.

Еще одним новаторским аспектом политики царей III династии Ура, стало стремление обосновать власть на прочном правовом фундаменте. Ур-Намму решил ввести в стране единое законодательство. Датировочная формула третьего года его правления гласит: «год, когда Ур-Намму установил правосудие в стране».

Археологами найдены большие фрагменты кодекса Ур-Намму, начинающиеся с провозглашения: «воистину установил справедливость в Стране, воистину он изгнал зло, насилие и раздор». Царь устранил подати с торгового и сухопутного судоходства, создав единое транспортное и экономическое пространство, восстановил торговлю с Маганом, утвердил единую систему мер и весов. Наконец он провозгласил традиционные

принципы социальной справедливости: «Сирота не был отдаваем во власть богатого, вдова не была отдаваема во власть сильного, человек сикля не был отдаваем во власть человеку мины...».

Сами законы Ур-Намму довольно просты. Главная их цель – сформулировать определенные правовые правила, основанные на нравственных принципах общества, и превратить их во всеобщую норму жизни государства и справедливого суда. Суд теперь вершился не по обычному праву общин, а царскими судьями, для которых и нужно было сформулировать основные законы. В этих законах совершенно нет жестокости и казуистики (напротив, они зачастую мягче законов Хамураппи). Для своей эпохи они вполне гуманны и целесообразны:

«Если человек совершит убийство, он должен быть убит... Если раб женится на рабыне (или наоборот) и затем становится свободным, он (она) не должен оставлять семью... Если мужчина нарушает права другого и лишает девственности жену молодого человека («гуруша»), то этот мужчина должен быть убит... Если человек оставил свою жену, не бывшую прежде замужем, он должен уплатить одну мину серебра... Если человек возвел на другого человека обвинение в колдовстве и подверг его испытанию Рекой и бог Реки очистил его, то тот, кто подверг его испытанию, должен уплатить три сикля серебра... Если человек другому человеку оружием конечность повредил, он уплатит десять сиклей серебра... Если чья-либо рабыня сочла себя равной своей госпоже бранила ее, она (госпожа) натрет ей рот 1 ка соли... Если человек поле другого человека воде дал затопить он отмерит (хозяину поля) три гура ячменя за каждый ику поля».

Иногда Законы Ур-Намму исследователи приписывают царю Шульги, если это и так, то сын явно считал, что исполняет волю и продолжает дело отца и речь идет о совместном законодательном творчестве двух царей.

Инициативе самого Шульги принадлежит вызывающая гораздо больше споров реформа – царь, правивший долгие 48 лет, на 21 году своего правления решил изменить социально-экономическую систему царства, предельно централизовав управление экономикой и потоками ресурсов. Все ресурсы страны были поставлены под жесточайший письменный учет. Каждая экономическая транзакция, включая выдачу туши умершего барана на пропитание собакам, проверялась и перепроверялась.

От III династии Ура остался огромный массив письменных документов, превышающий 100 000 единиц (а это ведь до нас дошла даже не большая часть документации). Такой фантастический объем документации появится вновь только в централизованных государствах нового времени и можно сказать, что Царство Шумера и Аккада стало их прообразом.

Правила взаимоотношений центра и провинций были жестко стандартизированы. Была создана система обязательных платежей (bala): каждая провинция была обязана выплачивать раз в несколько месяцев строго установленную часть ресурсов: зерно, скот, рыбу, тростник, шерсть, керамику, деревянные балки, кожаные мешки. Нормы обязательных выплат были огромны, достигая в богатейших провинциях, как Лагаш, половины урожая.

Заплатив свой взнос, провинция получала, в свою очередь, право получить от центра не достающие ей ресурсы. В эпоху, когда общенационального рынка еще не существовало, цари III династии пытались решить проблему единства экономической системы страны при помощи грандиозной системы перераспределения. С этой целью в 10 километрах (полчаса на лодке по воде) от сакрального центра Шумера – Ниппура был построен, специальный логистический центр – Пузриш-Даган, пришедший на смену более скромному центру в Эсагдане. Пузриш-Даган принимал и перераспределял ресурсные потоки из провинций и «поставки с чужих земель», то есть с пограничной линии на востоке, откуда шел, прежде всего, скот. Это и был, прежде всего скотоводчески-

кожевенный центр, где изготавливались обувь, мешки, доспехи, другие кожевенные изделия, оружие. О том как функционировал другой логистический центр рядом с Ниппуром, Душабара, отвечавший за зерно и текстиль, мы, к сожалению, знаем гораздо меньше.

В центре экономической системы стояло царское хозяйство. Фактически III династия Ура решила перенести на всю страну систему бюрократического управления храмовыми хозяйствами, существовавшую в шумерских городах государствах. Трудовые армии зависевших от этого хозяйства работников – «гурушей» (младцев) и «нгеме» (рабынь), трудились день и ночь за паёк - чашку с едой, их постоянно проверяли по спискам, тщательно отмечали «трудодни», в случае побега вылавливали и возвращали на место. Обычным был и «маневр» трудовыми армиями по стране.

«Гуруши» заняты были и на инфраструктурных работах, как рытье каналов и строительство храмов, и на бурлацкой работе, и в рыбной ловле, ткачестве, ремесленных работах. По сути они обеспечивали огромное царское хозяйство всем необходимым. Шумер и Аккад, «дом Энлилия», превратились в храмовое хозяйство, модель которого Шульги перенес на большую даже по современным меркам страну.

Хотя было бы неправильно понимать дело так, что в царских слуг было превращено все население – большинство подданных царей Шумера и Аккада оставались частными лицами – совершали торговые сделки, делали займы, владели рабами и т.д. От эпохи III династии дошло немало частных контрактов и судебных решений.

Картина огромного бюрократически управляемого хозяйства, в котором за паек трудятся массы бесправных людей, и в самом деле выглядела бы удручающе. В XX веке многие авторы, особенно в СССР сознательно или бессознательно проводили параллель между политикой III династии Ура и гугаговским социализмом большевиков.

Благодаря одному из виднейших не только отечественных, но и мировых шумерологов И.М. Дьяконову представление о типичной тоталитарной деспотии III династии Ура, обреченной на крах из-за громоздкой бюрократической системы и неэффективной плановой экономики кочует без всякой критики из учебника в учебник и из одной популярной книги по истории в другую.

«При тогдашнем уровне развития производительных сил, с одной стороны, и средств насилия – с другой, удивительно не то, что урская царская “псевдолатифундиальная” каторжная система рухнула, а то, что она смогла при всей своей дорогостоящей громоздкости и бюрократичности вообще просуществовать около ста лет» - вбивал гвоздь в крышку шумерского гроба Дьяконов (ИДВ, 288).

Картина того, как отряд ткачих бросают бурлачить, напоминала советским научным работникам их собственные поездки «на картошку». Сравнение Шульги и Сталина стало настолько популярно, что чешский ассиролог Людек Вачин провел сопоставление торжественной поэзии о Сталине и гимнов в честь Шульги и полагает, что параллелизм очевиден (Vacin 2011, 124-129).

Лишь в последнее время этот историографический штамп исследователи начали ставить под сомнение (Крих 2015). С одной стороны, он расходится с тем, что мы узнаём из публикуемых во все большем объеме источников. «Гуруши» не были столь уж бесправны, их пайки значительно варьировались, причем в зависимости не только от выработки трудодней, существовали пособия для нетрудоспособных. В работники царского хозяйства многие шли добровольно, так как в условиях перенаселенности это давало лучшие жизненные шансы. Централизованное хозяйство, хотя и огромное, отнюдь не подавляло весь частный сектор и перераспределение ресурсов в его рамках не уничтожало и не подменяло торговлю. Тезис о заведомой «неэффективности» принятой III династией Ура бюрократической системы экономического управления так и вовсе выводился из тезиса

либеральной экономической теории о том, что для экономического планирования у людей недостаточно информации и потому «невидимая рука рынка» решит лучше. Итоговое военное поражение III династии Ура выдавалось за якобы predetermined его централизованной экономической моделью крах.

В самом ли деле Шульги создал «тоталитарное государство», обреченное на неизбежную гибель?

Датировочная формула 21 года правления Шульги гласит: «Год, когда бог Нинурта, великий управитель бога Энлиля, провозгласил оракул в доме Энлиля и Нинлиль, и бог Шульги, царь города Ура, привел в порядок поля и расчеты дома Энлиля и Нинлиль». Энлиль считался верховным богом Шумера, так что реформа касалась всей страны. А громовержец Нинурта, считался у шумеров богом войны, так что сама реформа, видимо, была связана с военной необходимостью.

И в самом деле, первые 19 лет правления Шульги имеют исключительно мирные обозначения годов. А потом бросается в глаза резкая милитаризация: в 20 году «граждане Ура были обязаны службой копейщиков». Начиная с 21 года, после реформы, «мирные» датировочные формулы Шульги сменяются исключительно воинственными.

Что же произошло на 20-й год правления Шульги, когда «граждане Ура были обязаны службой копейщиков»? Обычно эта формула трактовалась как сообщение о создании постоянной армии. Однако немецкий ассириолог Хартмут Вайцолдт обратил внимание на то, что к мобилизации граждан столицы – Ура царь мог прибегнуть только в случае крайней опасности. Об этом говорит и указание на их оружие – копья, которыми оснащались старинные шумерские ополчения. В регулярной армии Шумера, по саргоновской традиции, воевали лучники и мечники, которым выдавалось оружие со складов, но не копейщики. То есть положение страны оказалось настолько серьезным, что даже граждан столичного города пришлось призвать

в вооруженное по старинке ополчение на защиту отечества. Враг пришел откуда-то с Северо-Востока, из гор Загроса, что очевидно из дальнейшего направления ответных походов царя.

За этим обозначающим ситуацию крайней опасности обозначением года следует вышеупомянутая хозяйственная реформа, представлявшая собой мобилизацию экономики. По всей видимости, централизация, проведенная царем Шумера и Аккада преследовала более ограниченные и прагматичные цели – это была тотальная мобилизация шумерского общества в интересах создания военной экономики и укрепления обороноспособности Империи.

В подобных военных экономиках, которые создавались в XX веке даже в самых либеральных странах, повсюду есть общие черты – централизация, бюрократизация, принудительное управление рабочей силой, контроль потребностей граждан включая «карточную систему» и т.д. «Царский» сектор не столько поглощал экономику Шумера целиком, сколько выступал в качестве ВПК – военно-промышленного комплекса, призванного обеспечить управляемость и обороноспособность страны.

23-й год, обозначен как «год, когда божественному Шульги, царю, была дана верховная власть от Энлиля». Шульги официально был провозглашен абсолютным властителем страны и возведен в божественное достоинство. Его воля стала непререкаемой. Никто из жителей страны не должен был сомневаться в том, что повеления царя – это повеления божества. Вслед за экономической консолидацией последовала консолидация идеологическая.

Остаток жизни Шульги проводит в непрерывных войнах. Годы называются почти исключительно в их честь. Вот только некоторые:

21 год: «Год, когда Дер был разрушен». 24 год: «Год, когда Кахрар был разрушен». 27 год: «Год, после года, когда Шульги, сильный человек, царь четырёх стран света, уничтожил Симуррум во второй раз». 37 год: «Год, когда Нанна и царь Шульги построили стену страны». 37 год: «Год, когда царь Шульги уничтожил Шашрум

(Ашшур)». 45 год: «Год, в котором Шульги сильный человек, царь Ура, царь четырёх стран света, разбил предводителей Урбилума (Арбелы), Симуррума, Луллубума и Кархара в одну кампанию».

Казалось бы, Шульги превращается в завоевателя. Но по сути эти походы были не завоеваниями, а скорее превентивными войнами против агрессивных кочевников Севера и Запада и против горцев Загроса и Элама. 44-й год правления Шульги обозначен: «Год, когда Симуррум и Луллубум были разрушены уже в девятый раз». То есть девятикратные военные походы так и не привели к замирению вражеской горной страны – ситуация, узнаваемая по истории южных рубежей России в XIX веке.

Причиной действий Шульги было не стремление к экспансии, а ведение активной обороны. Чтобы не быть вынужденным вновь отбиваться силами столичного ополчения, царь предпочел нападать на врагов на их территории, для чего, несомненно, потребовалась профессиональная армия, содержавшаяся на средства царского хозяйства. Походы на врагов следовали ежегодно.

«Это не значило, что царь подчинил эти территории раз и навсегда, точнее будет сказать, что он совершал на них набеги, лишая их военной и рабочей силы, скота, драгоценных материалов и политической стабильности. Таким образом, он повергал эти земли в хаос. – отмечает Людек Вачин, - В конечном счете царство Ура получало двойную выгоду от его набегов, как экономическую, так и политическую. Теперь уже Шульги представлял постоянную опасность для своих соседей, принося тем самым центру своей державы большую безопасность» (Vacin 2011, 86).

Дестабилизация окружения для того, чтобы обеспечить свою безопасность станет основой стратегии многих великих держав вплоть до сегодняшнего дня. Однако решения Шульги были слишком прямолинейны. Вместо того, чтобы разделить враждебных соседей и столкнуть их лбами, как это практиковала, к примеру, византийская стратегия, он делал всю боевую работу сам. Его союзы

оказались крайне ненадежны - на 30-м году царствования царскую дочь в жены взял энси города Аншан в Эламе, а уже в 34 году вспыхнула война и «Аншан был разрушен». Царь четырех стран света пытался в одиночку выпить океан

При III Династии Ура одна из первых империй попала в ловушку, в которой с тех пор окажется ни раз и не два: её богатство, комфорт, развитый образ жизни превращали её в приманку для варварского окружения. Вокруг империи образуется варварская периферия, которая хотела бы эксплуатировать её в своих интересах. Чтобы отбиться империи приходится либо вести превентивную войну, либо огораживаться защитными стенами и валами - и то, и другое требует мобилизации огромных ресурсов.

Цари III династии Ура использовали оба пути – они совершали ежегодные походы на Север и на Восток в горы, и они построили защитную стену между реками Евфрат и Тигр, которая должна была преградить путь натиску амореев – кочевников-семитов с Запада. Впервые «стена страны» появилась еще при Шульги. Его второй преемник (внук или младший сын) Шу Синн возобновил её в качестве грандиозного двухсоткилометрового сооружения, перекрывавшего путь в Междуречье. «Отдаляющая диданов» - так, в честь одного из угрожавших аморейских племен, называна в царской датировке стена, на которую возлагалась надежда отделить варварство от цивилизации.

С тех пор подобная стена не раз появится в жизни больших держав – Великая Стена Цинь-Шихуанди, «Адрианов вал» Рима, и так вплоть до современных надежд Америки «Стеной Трампа» защититься от экспансии из Мексики. Самым эффективным из такого рода препятствий оказалось, однако, не сооружение из камня или кирпичей, а русская Засечная черта, бывшая лишь опорной точкой на пути экономической, военной и демографической экспансии России в варварские степи. Империя не обороняется только тогда, когда наступает.

Царь Шульги практиковал агрессивную превентивную оборону против варваров. Но перенаселенный Шумер при нем, как ни парадоксально, не имел технической возможности наступать и выплескиваться в окружающее пространство, осуществлять его колонизацию. Образ жизни и хозяйство шумеров были слишком тесно связаны с аллювиальной долиной, высокими урожаями зерна, передвижением по каналам – в зоне естественного орошения шумеры ощущали себя как рыба, выброшенная на берег, и были к ней совершенно не приспособлены, в отличие от семитов. Лишь в пограничной полосе восточнее Тигра Шульги удалось создать колонизированную периферию шириной примерно 100 километров, жители которой охраняли страну и поставляли центру скот. Однако в целом царство III династии Ура, несмотря на перенаселенность, стало не субъектом шумерской экспансии, а, напротив, - объектом аморейской семитской колонизации.

Кочевые племена проникали в Междуречье все глубже и глубже. Поскольку выпасать скот на выжженной аллювиальной равнине было делом бесперспективным, амореи из пустухов начали превращаться в разбойников, перехватывавших шумерские коммуникации, грабивших лодки и караваны, или в наемников, которым приходилось платить за то, что они охраняли страну от своих же соплеменников. Первым активно начал использовать аморейских наемников в своем войске наследник Шульги – Амар-Син (2046-2038 до н.э.), однако эта стратегия использования «федератов», как назовут позднее охранные войска из варваров в Риме, имела лишь ограниченный успех, следующему царю Шу-Сину (2037-2029 до н.э.) пришлось все-таки строить стену.

Вавилонская «Хроника Вейднера», довольно своеобразный, можно даже сказать – псевдоисторический, документ, представляющий историю Шумера и Аккада как цепь грехов царей перед божеством Вавилона Мардуком пишет о преемнике Шульги: «Амар-Син уменьшил подношения волов и овец на праздновании Акиту в Эсагиле. Было предсказано, что его забодает вол, однако умер он от

„укуса“ своей обуви», то есть, по всей видимости, был ужален змеей. Возможно в этом сообщении отразился реальный факт – экономика начала истощаться и, чтобы оплачивать услуги наемников, Амар-Син вынужден был сократить расходы на храмовый культ. Сил шумерской цивилизации не доставало, чтобы противостоять наседавшим со всех сторон многочисленным варварам.

При третьем преемнике царя Шульги – Ибби-Сине (2018-2004), провинция за провинцией начали уклоняться от выполнения централизованных поставок, переподчиняясь аморейским вождям, нарушившим имперские коммуникации. Рост сепаратизма выражается в источниках через отказ от использования общеимперской системы обозначения лет. На 2-м году Ибби-Сина прекращает использовать его датировки Эшнунна на севере Аккада, на 5-й – Лагаш, на 7-й – Ниппур. Значительная часть шумерских областей предпочли власть вождя амореев Напланума. К 9-му году государство как единая хозяйственно-административная система, по всей видимости, распадается.

На 6-м году правления Ибби-Син, уже не решавшийся использовать титул «царь четырех стран света», отправил на север страны военачальника с семитским именем Ишби-Эрра, чтобы закупить 10 миллионов литров ячменя для начинавшей голодать после отпадения Лагаша столицы – Ура. Военачальник исполнил поручение, приобретя зерно сравнительно недорого и свез его для хранения в небольшой город Исин, затребовав у царя 600 барж для перевозки продуктов. Однако Ибби-Син сообщил, что барж у правительства нет и не предвидится и предложил Ишби-Эрре самому найти их, чтобы исполнить поручение, а в ответ пообещал заплатить за зерно двойную цену. Как мы видим из этого примера, подорвана была не производственная (зерно в одном месте, а серебро в другом по-прежнему имеется), а именно сеть коммуникаций, перерезанная амореями. Однако Ишби-Эрра, в итоге, предпочел распорядиться оказавшимися в его руках

ресурсами по другому – он провозгласил себя лугалем Исина и основал самостоятельную царскую династию.

Последние годы правления Ибби-Сина даже его датировочные формулы звучат надрывно-трагично:

17-й: «Год, когда амореи, этот мощный южный ветер из далекого прошлого, из неизвестных стран, предстали перед царём Ура Ибби-Сином». 20-й: «Год, когда Энлил в своём великолепии закрыл чужие земли для царя Ура Ибби-Сина». 22-й: «Год, когда царь Ура Ибби-Син, по приказу богов, обезопасил Ур и [Урук?], пострадавшие от ураганов, которые потрясли весь мир». 23-й: «Год, когда глупые обезьяны из чуждых земель выступили против царя Ура Ибби-Сина». 24-й: «Год, когда царь Ура Ибби-Син...».

Голодающий Ур, инфляция в котором составляла 6000% (вместо 225 литров ячменя за один сикль серебра стало возможно купить менее 7 литров), был взят войском старого врага – правителя Элама и его союзниками-горцами, которых пропустили к Уру захватившие юго-восток Шумера амореи. Ибби-Син был уведён в оковах в плен, город Ур, страна и царство разрушены.

Несмотря на трагический конец III династии Ура, ни в коем случае нельзя утверждать, что этот эксперимент по выработке имперской матрицы управления оказался бесплодным. Эта династия предприняла попытку создать могущественное государство, опираясь не только на харизму завоевателя и военную администрацию, как это делали цари Аккада. Цари III династии Ура решили сплотить страну общими законами, единой административно-хозяйственной системой, последовательной инфраструктурной деятельностью, общей идеологией, и общей культурой, для чего было подчеркнуто значение шумерского начала, несмотря на то, что в повседневной жизни оно было вытеснено семитским. Таким образом, именно III Династия наметила первые контуры того, что позднее приобретет характер современного государства.

Недостатки «урской модели» были продолжением её достоинств. Не обладая другим образцом успешной администрации, кроме шумерского города-государства, цари Ура попытались расширить применимость этого образца с небольшого округа города-храма на масштабную территориальную державу. Разумеется, при таком расширении шумерская система обнажила свои узкие места. И это, была, прежде всего, не сверхцентрализация, а то, что С.Б. Переслегин назвал «транспортной теоремой»: провинция отпадёт от государства, если информационная и транспортная связность между центром и провинцией станет существенно меньше, чем связность внутри провинции или между провинцией и зарубежным центром управления. Тысячелетиями история Империи определялась в значительной степени тем, как она на том или ином этапе справлялась или не справлялась с угрозами, вытекающими из «транспортной теоремы».

Несмотря на все старания царей Ура создавать качественные и безопасные скоростные дороги и каналы, инфраструктурная связанность страна была еще слишком низкой, чтобы общеимперская система перераспределения ресурсов работала эффективно, особенно в условиях нарушавшего коммуникации варварского вторжения. В конечном счете, нарушение противником коммуникаций подорвало экономический фундамент страны.

Шумер III династии Ура попал в классическую ловушку варварского окружения, с которым другие великие державы столкнутся не раз и впредь. Империя представляла для окрестных варваров более ценную добычу, чем они для нее, а не расширяясь, она была вынуждена использовать все более дорогостоящие средства для самозащиты. III династия испробовала целый ряд таких средств, которые впоследствии станут классическими, однако их успешность оказалась весьма ограниченной к падению Царства Шумера и Аккада.

Однако стремление царей Ура дать своему народу общую идеологию, культуру и право, развить образование и обеспечить

коллективную безопасность не должны игнорироваться. А возникшая в историографии «черная легенда» о III династии Ура, основанная на опрокидывании в прошлое образа коммунистической модели в СССР, Китае и других странах, совершенно безосновательна и не выдерживает проверки фактами.

В отличие от империи Аккада, против державы Ура, граждане не бунтовали, а после её падения поэты сочинили не один плач о красоте погибшего города и державы. Вряд ли эта жалость была неискренней.

От тех дальних дней, когда была сотворена Страна,
О Нанна, люди, что смиренно пошли по стезе твоей,
Ныне плачи о доме разбитом твоём к тебе несут, пред тобою
творят.

Черноголовые, что тобою покинуты, пусть они молятся тебе
ныне!

Город, что был тобою разрушен, пусть обратит к тебе плачи.

Нанна, да воссияет

Во славе твой возвращенный на место город!

Подобно сияющей звезде, да не будет он загублен, пред
тобою жить да будет.

Пусть люди дом твой снова построят.

Пусть молитвы и жертвы тебе приносят,

Тебе, Нанна, царю Ура тому, кто всех стран владыка.

Эламитская оккупация Ура продолжалась 7 лет, после чего чужеземцев изгнал царь Исина Ишби-Эрра (2017-1984 до н.э.). Узурпатор счел время подходящим, чтобы утвердить свою царственность на месте разрушенной III династии Ура. Период династии Исина характеризуется подражанием III Династии Ура в политических и идеологических традициях, но в державе гораздо меньших масштабов.

Н.В. Козырева указывает на такие черты нового царства: «Преимственность в характере царской титулатуры («царь четырех

сторон света»), обожествление царей Исина, создание гимнов в честь царей Исина в традициях царских гимнов периода Ур III, использование шумерского языка в канцелярии и при составлении царских надписей и гимнов, следование урским традициям в изобразительном искусстве. Попытки сохранить прежнюю систему централизованного управления хозяйством в рамках государства Исин... Восстановление разрушенного города Ура» (Козырева 2007: 42).

Династия Исина была попыткой сохранить традицию династии Ура в пределах ограниченного, «постимперского» государства с реалистичным для той эпохи масштабом управления. Какое-то время она была успешной, хотя царство не включало в себя даже всего Шумера (Лагаш и Умма не подчинились). Законы исинского царя Липит-Иштара (1934-1923 до н.э.) регулируют найм, аренду, охраняют частную собственность. Для Исина была характерна уже не сверхцентралистская экономика, а частновладельческие экономические отношения.

В военной сфере цари Исина постепенно начали опираться на наемников-амореев. Царь Ишме-Даган (1953-1934 до н.э.) даже освободил людей храмового хозяйства Ниппура от воинской службы, очевидно рассчитывая на наемников. Эта ставка на чужеземное войско обернулась для шумеров исторической катастрофой.

«Вскоре амореев в войсках различных царств Двуречья оказалось так много, что вакиль амуррим (начальник западных) стало официальным воинским званием всякого крупного военачальника... - отмечает И.М. Дьяконов, - В 1932 г. до н.э. аморей Гунгунум, потомок Напланума, вероятно находившийся на службе у Липит-Иштара, царя Исина, захватил власть в маленьком, но стратегически важном городе Ларсе, в месте, где канал Итурунгаль соединяется с Евфратом, и объявил себя царем Шумера и Аккада. Вслед за ним в течение двух поколений аморейские наемники захватывают по всей Месопотамии город за городом» (ИДВ, 292).

Шумерская государственность навсегда сходит с исторической сцены. Начинается период господства семитских племен, создавших свои державы и свой мировой город, имя которого стало не просто географическим названием, но символом. Вавилон.

«Чтобы сильный не притеснял слабого...». Царство Хаммурапи

«Нет ни одного царя сильного самого по себе: десять или пятнадцать царей следуют за Хаммурапи, господином Вавилона, столько же за Рим-Сином, господином Ларсы, Ибаль-пи-Элем, господином Эшнунны, Амуд-пи-Элем, господином Катны; двадцать следуют за Ярим-Лимом, господином Яхмада» – так характеризовалась в дипломатической переписке внешнеполитическая обстановка в Междуречье в эпоху от падения III династии Ура до возвышения Вавилона (Шарпен 2013, 66).

Этот период в истории древней Месопотамии чем-то напоминает «темные века» после захвата варварами западной части Римской Империи. Высокоорганизованное государство рухнуло, а на его останках роились небольшие семитские племенные группы. Вожди аморейских племен захватывали шумерские и аккадские города и провозглашали себя царями. В распоряжении каждого из этих царьков находилась незначительная территория, а это побуждало их выстраивать отношения взаимной зависимости, которые в чем-то напоминают позднейшую феодальную иерархию.

Во главе этой пирамиды стоял правитель Элама, государства на юго-западе Иранского нагорья, давнего врага царства Шумера и Аккада. После того как эламиты захватили и разорили Ур, их тень несколько столетий нависала над Междуречьем – они диктовали свою волю вождям, князьям и царькам. Эта гегемония эламских суккаль-махов (как именовали правителей страны) нашла отражение и в Священном Писании.

В 14-й главе книги Бытия, где рассказывается о том как царь Элама Кедорлаомер совершил поход в Ханаан и сокрушил царей Содома,

Гоморры и других ханаанских правителей взбунтовавшихся против него после двенадцати лет эламитской власти. Вместе с несколькими другими царями, среди которых упоминается «Амрафел, царь Сеннаарский», которого отождествляют с вавилонянином Хаммураппи, он сразился с ханаанцами в долине Сиддим и победил их, а царьки Содома и Гомморы упали в смоляные ямы и погибли.

Победоносный для эламитян, впрочем, имел драматичное и мистическое окончание:

«И пришел один из уцелевших и известил Аврама Еврея, жившего тогда у дубравы Мамре, Аморреянина, брата Эшколу и брата Анеру, которые были союзники Аврамовы.

Аврам, услышав, что Лот сродник его взят в плен, вооружил рабов своих, рожденных в доме его, триста восемнадцать, и преследовал неприятелей до Дана; и, разделившись, напал на них ночью, сам и рабы его, и поразил их, и преследовал их до Ховы, что по левую сторону Дамаска; и возвратил все имущество и Лота, сродника своего, и имущество его возвратил, также и женщин и народ.

Когда он возвращался после поражения Кедорлаомера и царей, бывших с ним, царь Содомский вышел ему навстречу в долину Шаве, что ныне долина царская; и Мелхиседек, царь Салимский, вынес хлеб и вино, — он был священник Бога Всевышнего, и благословил его, и сказал: благословен Аврам от Бога Всевышнего, Владыки неба и земли; и благословен Бог Всевышний, Который предал врагов твоих в руки твои. Аврам дал ему десятую часть из всего» (Быт. 14, 12).

Отец Авраама Фарра был выходцем из города Ура, переселившимся в сирийский Харран. Возможно причиной его ухода был именно разгром Ура эламитянами, и вот, его благословенному сыну предоставилась возможность рассчитаться с врагами. Отец Ветхозаветной Церкви Авраам в это времени был главой (сейчас

сказали бы «шейхом») одного из кочевавших по Сирии и Палестине семитских родов, достаточно сильным, чтобы нанести поражение в ночной вылазке сильному вражескому войску.

«Большая часть территории Ближнего Востока в первые века II тыс. представляла собой единое политическое пространство, отдельными областями которого управляли разные аморейские династии. Эти династии, стоявшие у власти большинстве крупных городов Сирии и Месопотамии, были объединены не только общностью языка и культуры, но и реальными родственными связями и представлением об их общем происхождении и общих предках. Поддержанию этой общности способствовали постоянные дипломатические контакты, переписка между правителями и периодически заключающиеся междинастические браки. Внутри этой группы аморейских правителей существовала жесткая иерархия и шла постоянная борьба за лидерство, время от времени переходившая в военные конфликты» - отмечает Н.В. Козырева (Козырева 2016, 210).

В первой половине XVIII века до н.э. на политическом небосклоне аморейского мира Двуречья возли две ярких звезды, принадлежавшие к одному аморейскому роду, входившему в состав племени бенъянимитов – Шамши-Адад и Хаммурапи.

Правитель города Терка на территории современной Сирии, Шамши-Адад создал могущественную державу на севере Месопотамии, захватив, в частности, древний торговый Ашшур, важный город в среднем течении Евфрата Мари, столь же важный город на Тигре Экаллатум, ставший его столицей, и многие другие земли. Благодаря своим победам царь смог контролировать главную торговую магистраль древнего Двуречья – «оловянный путь» по которому шло олово – бесценный стратегический материал, позволявший создавать бронзовое оружие и орудия. Именно Шамши-Адад традиционно ставится во главе списка ассирийских царей, некоторые из которых принимали его имя – его держава послужила

для последующих владык Ассирии образцом. Однако сама по себе она оказалась непрочной и распалась сразу же после его смерти.

Совсем другая судьба ждала дело, начатое отдаленным родичем и союзником Шамши-Адада – вавилонским царем Хаммурапи. Вавилон был небольшим городком в Аккаде, недалеко от старинного центра Империи – Киша. Водворившаяся в нем аморейская династия оказалась искусными администраторами – они укрепляли свое хозяйство, шаг за шагом присоединяли окрестные земли, включая Киш и другой знаменитый старинный город Сиппар. В этой династии возможно, наверное, увидеть отдаленное сходство с первыми московскими князьями. К моменту воцарения Хаммурапи Вавилон уже был влиятельным политическим центром, за правителем которого «следовали» полтора десятка мелких царьков.

Однако великой будущности ничего еще не предвещало – первые 17 лет правления Хаммурапи провел верным союзником могущественного Шамши-Адада, затем участвовал в долгих дипломатических играх сильнейших владык Междуречья, пытаясь закрепить свою власть над несколькими важными городами на Евфрате. Он действовал в союзе с правителем Мари Зимри-Лимом и могущественным владыкой Ларсы на юге Шумера – Рим-Синном.

Дворы вели между собой активную переписку, часть которой дошла до нас в архивах царства Мари, и даже регулярно одалживали друг другу войско, так как профессиональных опытных воинов никому не хватало. «Войско моего господина, которое он отправил к Хаммурапи, не захватит ли это войско Хаммурапи, не погубит ли его, не отправит ли его на гибель? Не будет ли насильно удерживать у себя?» – спрашивали оракула жрецы Мари.

Однако в конечном счете эта игра престолов привела вавилонского царя к великим делам – он бросил вызов владыкам Элама и начал освободительную войну против них. Быть может, если отождествление Амрафела из библейского рассказа о Сиддимской

битве с Хаммурапи имеет основания, вавилонянин на примере одержанной Авраамом победы наглядно увидел, что эламитяне совсем не так непобедимы, как кажутся. Впрочем, чтобы победить Элам вавилонскому царю потребовалось напряжение всех сил.

«Вражеское войско разбило лагерь в городе Упи и находится сейчас там. Отряды ополчения Хаммурапи расположились напротив в ожидании битвы. Они наблюдают друг за другом... Хаммурапи объявил всеобщую мобилизацию у себя в стране. Он созвал войско из тамкаров (купцов) и всех остальных мужчин, вплоть до освобожденных рабов, и держит его наготове. Для того, чтобы получить еще одно войско, он отправил к Рим-Сину своих высокопоставленных сановников» – писал марийский дипломат своему владыке (Шарпен, 69-70). Из этого рассказа видим, что Хаммурапи бросил на чашу весов всё, если продолжить нашу (пусть и несколько вольную) аналогию с московскими князьями, это была его Куликовская битва.

Царь Ларсы Рим-Син, связанный с эламитами родством и торговыми отношениями, оставил Хаммурапи без помощи и войска не прислал, эламиты взяли Упи и подошли к Вавилону. «Прекратите ваши распри и приходите! Я собираюсь начать осаду Вавилона» – такой приказ разослал эламский владыка по всему Двуречью. Однако вавилонский царь не терял надежды – он уповал на божественную помощь: «Хаммурапи обеспокоен тем, что враг – да призовет его к ответу Шамаш! – многочислен. Однако он знает, что, если на то есть повеление божества, войско в несколько тысяч человек сможет с успехом противостоять могущественному врагу, даже если он выставит войско в 40 000 человек» (Шарпен, 72).

Поддержку Хаммурапи оказал правитель Мари Зимри-Лим. Оба властителя принесли клятвы не заключать с эламитами сепаратного мира и потребовали от всех своих подданных принести клятву верности. При поддержке Зимри-Лима Хаммурапи заключил союз и с могущественным сирийским царством Халаб. Эламиты внезапно

обнаружили, что больше не могут хозяйничать в Месопотамии и раздавать города правителям по своему произволу.

30 год своего правления Хаммурапи обозначил как год победы в своей великой освободительной войне, всемерно подчеркивая своё благочестие: «Могущественный Хаммурапи, любимец Мардука, благодаря выдающейся мощи великих богов победил войско Элама, который поднял на войну всю свою страну... Он укрепил основания Шумера и Аккада» (Шарпен 78).

В итоге Хаммурапи разыграл блестящую военно-дипломатическую комбинацию. Нашествие эламитов разрушило влиятельное царство Эшнунны и расчистило дорогу Вавилону, а затем Хаммурапи изгнал эламитов и предстал перед Шумером и Аккадом как освободитель, наконец-то избавивший страну от гегемонии врагов, некогда разрушивших царство Ура.

Хаммурапи стал самым сильным властителем Месопотамии и немедленно решил этим воспользоваться, начав волну завоеваний, которые давались ему удивительно легко – очевидно после свержения эламитского господства Страна Шумера и Аккада сама стремилась жить под властью единого царя.

Первым Хаммурапи обрушился на предавшего его и не приславшего войск царя Ларсы Рим-Сина. «После того, как великие боги вырвали из этой страны когти эламитов, я оказал много милостей человеку Ларсы, но он не сделал ничего хорошего мне в ответ... Ныне я пожаловался Шамашу и Мардуку, и они мне постоянно отвечали «да»: я не напал без согласия божества» – писал Хаммурапи.

После длительной осады «вавилонское войско вошло в Ларсу и взяло крепость. Это произошло утром. А Рим-Сина вывели живым» – сообщала реляция, видимо указывавшая на то, что вавилонский царь был милостив к побежденным, и в самом деле в своих законах Хаммурапи назовет себя «пощадившим Ларсу».

После победы над Ларсой, Хаммурапи провозгласил себя «царем Шумера и Аккада» и «царем, который заставляет сосуществовать в

мире четыре стороны света». На статуе царя был высечен двуязычный шумеро-аккадский гимн в его честь:

Царь, чьи деянья для Мардука приятны,
Воздвигни свою власть на четыре стороны света,
День да воссияет, твое да прославится имя,
Бесчетные люди за тебя да молят.
Для тебя пусть ниц падут,
Да велят хвалить твою великую доблесть,
Почитают тебя великим почтеньем...

(Я открою тебе сокровенное слово, 248)

В последующие годы Хаммураппи распространил свою власть на север Месопотамии, а затем обрушился и на своего недавнего союзника царя Мари Зимри-Лима, причем не только взял его столицу, но и разрушил ее: «когда он захватил Мари и окрестные поселения, когда он разрушил их стены и превратил страну в холмы и руины».

Мы не знаем точно, какие причины привели к столь решительному разрыву недавних союзников, возможно разгадка таится в титуле, который Хаммурапи принял после этой победы: «царь всей страны амореев». Аморийский мир издревле раздирала вражда двух племенных групп – биньяминитов (людей юга), к которым принадлежали Шамши-Адад и Хаммурапи, и бинсимъалитов (людей севера), к которым принадлежал Зимри-Лим. Очевидно владыка Вавилона решил покончить с племенным противостоянием и навести порядок не только в царстве Шумера и Аккада, но и в переплетшейся с ним полукочевой стране амореев – имперская власть должна была быть одна и для земледельцев, и для скотоводов. Для этого и потребовалась расправа над Мари и её царем, который иначе стал бы центром притяжения для своих соплеменников, в противоположность Хаммурапи. Завоевание должно было принести имперский мир:

«Он победил в сражении войска Мари и Мальгиума; он покори́л Мари и его область, а также различные города страны Субартум, страны Экаллатума, всю совокупность Бурунжума и страну Замалькум, от берегов Тигра и Евфрата и дал им сосуществовать в мире под своей властью» (Шарпен, 92).

«Можно ли считать державу Хаммурапи империей? – задается вопросом французский ассириолог Доминик Шарпен, - Современное определение империи предполагает сочетание трех условий: этнолингвистическое разнообразие, территориальная протяженность, существование сильной централизованной личной власти. Этим критериям царство Хаммурапи в той или иной мере удовлетворяет...» (Шарпен, 103-104).

Горы и равнины служить заставил,
Величие силы своей в поздние дни прославил!
Царь Хаммурапи, воитель могучий,
Побивающий супостатов, на противников наводнение,
Повергающее вражескую землю.
Гасящий супротивных, подавляющий мятежных,
Открывающий лоно гор недоступных...

Гимны воспевали вавилонского царя как завоевателя, но при всем при том, Хаммурапи не был великим завоевателем в том смысле, в котором ими были Саргон или Шульги. Его держава не была столь уж огромна, освободив Шумер и Аккад от власти Элама, он не стал совершать ответных походов в эту страну, непрочной и была его власть на севере. Царство Хаммурапи образовалось как бы само собой из напряженных усилий по освобождению от эламитского ига, а города Шумера и Аккада сами, без особенного сопротивления, покорялись освободителю, который был не столько военачальником, сколько незаурядным дипломатом.

Однако несмотря на скромные военные успехи в последующие столетия Хаммурапи вспоминали не реже, чем завоевателя Саргона. И причина здесь в том, что вавилонский царь решил основать свою

империю на новом прочном фундаменте – фундаменте права. Мы вспоминаем Хаммурапи не столько как воина, сколько как законодателя, о законах которого слышал, наверное, каждый школьник.

Разумеется, законы издавали и до Хаммурапи, например первые цари III Династии Ура. Хаммурапи продолжал традицию защиты правителями Шумера и Аккада справедливости, заложенную еще много лет назад реформатором Уруинимгиной в Лагаше. Однако Хаммурапи первый решил положить письменный закон в само основание государственности и провозгласить благосостояние народа и социальную справедливость, выражаясь сегодняшним языком, национальной идеей.

«Чтобы сильный не притеснял слабого, чтобы оказать справедливость сироте и вдове, чтобы в Вавилоне — городе, главу которого вознесли Анум и Эллиль, и в Эсагиле — храме, фундамент которого прочно установлен, точно небеса и земля, — судить суд страны, выносить решения страны и притесненному оказать справедливость, я начертал свои драгоценные слова на своем памятнике и установил перед своим, царя справедливости, изображением...».

Хранящаяся сейчас в Лувре знаменитая стела Хаммурапи, на которой был записан царский кодекс, была не просто средством письменной фиксации законов. Вавилонский царь сделал законы публичными и доступными каждому, кто сможет прочесть их, человеку:

«Угнетенный человек, который обретет судебное дело, пусть подойдет к моему, царя справедливости, изображению, пусть заставит прочитать мой написанный памятник, пусть он услышит мои драгоценные слова, а мой памятник пусть покажет ему его дело, пусть он увидит свое решение, пусть успокоит свое сердце...».

Хаммурапи обязал будущих царей Вавилонии следовать своему кодексу и даже подтвердил свои слова проклятиями, которые должны обрушиться на ослушника боги.

«Царь, который будет в стране, пусть хранит справедливые слова, которые я начертал на своей стеле; пусть не изменит законы страны, которые я установил, решения страны, которые я решил; пусть не отвергнет моих указов. Если этот человек будет иметь разум и сможет справедливо управлять своей страной, то пусть относится с почтением к постановлениям, которые я начертал на своей стеле, и пусть эта стела укажет ему стезю и направление, закон страны, который я установил, решения страны, которые я решил, и пусть он справедливо управляет своими черноголовыми, пусть разбирает их тяжбы, пусть решает их решения, пусть истребит в стране преступников и злых, пусть улучшит положение своих людей».

Законы Хаммурапи выросли из реальных насущных потребностей страны и из обширного опыта царя в качестве администратора и судьи. Дошедшая до наших дней часть обширной переписки Хаммурапи показывает его как справедливого правителя, который сам в повседневной судебной практике следовал принципу «чтобы сильный не притеснял слабого»:

«Шамаш-хасиру, Син-Мушаллиму и товарищам их скажи: так говорит Хаммурапи.

Уруш-мубаллит, старшина «Западных» (то есть наемников-амореев), поместил стражу на поле, которое держит плотник Идин-Нана, что между Забнатумом и Эгиккирумом, которое прежде Ирра-каррад ограбил у Идин-Наны. Уруш-мубаллиту я написал настоятельно, чтобы он убрал стражу, которую он поместил на поле Идин-Наны. А вы же сами уберите стражу, которую Ураш-мубаллит поместил на поле Идин-Нана, и поле подтвердите за плотником Идин-Наной».

Законы Хаммурапи вытекали из той обстановки, которая сложилась в Вавилонии к расцвету его царства. «Аморейское средневековье» привело к развитию вместо коллективных храмовых хозяйств системы частной собственности и частноправовых отношений. Вместе с развитием частного контракта развивалось и ростовщичество, которое станет настоящим средоточием вавилонской жизни в последующие столетия и сделает имя этого города нарицательным. Простые люди запутывались в тяжелых долгах и зачастую попадали или продавали себя в долговое рабство. Вавилонские цари неоднократно за время своего правления списывали долги, издавая «указы о справедливости» и неукоснительно следя за их исполнением (что интересно, такая мера не приводила к схлопыванию кредитного рынка, в долг продолжали давать). Неоднократно такие указы издавал и Хаммурапи.

Однако царь решил пойти дальше – он задумал ввести систематическое регулирование кредита, процентных ставок, базовых цен найма, наследственного права, равно как и других несправедливостей, жертвами которых становились его подданные. Не случайно текст самих законов начинается словом «отныне» - перед нами, строго говоря, не «кодекс», то есть обобщение существующего права, а «новеллы», наподобие тех, которые будет издавать другой великий законодатель Империи – Юстиниан: новые постановления, которые должны установить более справедливый порядок, нежели тот, который имел место доселе. При этом большое внимание уделено в законах защите простого человека от злоупотреблений чиновников и судей.

Одно из первых постановлений законов направлено прямо против коррумпированных судей:

«Если судья разобрал дело, вынес решение и изготовил документ с печатью, а затем решение свое изменил, то этого судью следует изобличить в изменении решения, которое он постановил, и исковую сумму, имевшуюся в этом деле, он должен уплатить в двенадцатикратном размере; кроме того, в

собрании его должны согнать с его судейского кресла, и он не должен возвращаться и заседать вместе с судьями в суде».

Специальная статья была направлена против командиров, использующих профессиональных воинов не по назначению.

«Если сотник или десятник забрал добро редума, притеснил редума, отдал редума в наем, предал редума сильному в суде или забрал подарок, который царь дал редуму, то этот сотник или десятник должен быть убит».

В Вавилонии при Хаммурапи существовала поместная система – воины, делившиеся на два разряда «редум» («погонщики», вероятно - тяжеловооруженные) и «баирум» («ловцы» – вероятно легковооруженные), получали за свою службу небольшой участок земли для прокормления – «ильк». Хаммурапи очень тщательно охраняет поместье от разграбления и злоупотреблений – его нельзя передать или передать, тот, кто взял поместье, но не пошел на войну – должен быть казнен. Царь вводит даже систему социального страхования воинов на случай плена, удивительно сходную с той, которая появится в Русском царстве в XVI веке для обеспечения дворянского конного ополчения:

«Если редум или баирум в крепости царя был взят в плен, и после него его поле и его сад отдали другому, и тот нес его службу, то если он вернулся и достиг своего поселения, ему должны вернуть его поле и его сад; только он сам должен нести свою службу.

Если сын редума или баирума, который был взят в плен в крепости царя, в состоянии нести службу, то поле и сад должны быть отданы ему, пусть несет службу своего отца. Если сын его мал и он не в состоянии нести службу своего отца, то третья часть поля и сада должны быть отданы его матери, и пусть его мать растит его».

Какого бы предмета не коснулся Хаммурапи в своих законах: ограничение ростовщичества, защита от лжесвидетельства,

урегулирование семейных споров, взаимоотношения купцов и приказчиков, разрешение форсмажорных погодных обстоятельств, предотвращение обмана в торговле, - всюду мы видим стремление решить дело разумно и гуманно, в интересах защиты слабейшего:

«Если человек взял деньги у тамкара (купца-предпринимателя) и тамкар этот прижимает его, а ему нечем заплатить долг, и он отдал тамкару свой сад после опыления и сказал ему: “Финики, сколько их будет в саду, ты заберешь за свое серебро”, то тамкар не должен согласиться; только хозяин сада должен забрать финики, сколько их будет в саду, и серебро с его процентами, согласно его документу, он должен уплатить тамкару, а остальные финики, которые будут в саду, должен забрать только хозяин сада».

При этом судьи должны отклонять людей от необдуманных злых поступков, которые они готовы были бы совершить:

«Если человек захотел отвергнуть своего сына и сказал судьям: “Я отвергну своего сына”, то судьи должны рассмотреть его дело, и если сын не нанес отцу никакой обиды, за которую полагается отвергнуть от наследства, отец не может отвергнуть своего сына от наследства. Если он нанес своему отцу тяжкую обиду, за которую полагается отвергнуть от наследства, то в первый раз они судьи должны отвести его намерения; если же он двукратно нанес тяжкую обиду, то отец может отвергнуть своего сына от наследства».

Если цари Аккада продемонстрировали значение для создания Империи воинской доблести и завоевательного напора, цари III династии Ура – значимость сложного бюрократического управления и идеологии, то Хаммурапи заложил своим царствованием новую опору имперского порядка – право и справедливый суд. Хотя династия Хаммурапи правила вавилонским царством не очень долго и уже в последние годы правления царя у его державы начались внешнеполитические проблемы, память о нем удержалась более

чем на тысячелетие. Его кодекс переписывался вавилонскими и ассирийскими писцами до самого конца эры клинописи, копировались его надписи и гимны, о «временах Хаммурапи» вспоминали писцы и цари, вплоть до последнего вавилонского царя Набонида.

Наследием Хаммурапи были, однако, не только его законы, но и его столица. Именно этот царь сделал Вавилон центром всей Месопотамии, а в какие-то моменты, казалось, и всей вселенной. Парадокс в том, что о том как выглядел Вавилон при Хаммурапи мы почти не знаем, так как его остатки оказались скрыты от археологов горизонтом грунтовых вод. Но несомненно, что именно с династии Хаммурапи Вавилон начал мыслиться как политический и экономический центр Двуречья, страна всё чаще называлась не «Шумером и Аккадом», а «Вавилонией».

А вот репутация развращенного города ростовщиков и блудниц, «блудницы Вавилонской» укрепилась за городом за период долгого правления династии, сменившей на престоле потомков Хаммурапи – речь идет о касситах.

Варварские нашествия не раз и не два становились для империй источником катастроф. Гутии, потом амореи подрывали государственность и разрушали её. Очередной варварской волной, накрывших Междуречье было вторжение касситов, как и гутии – горного племени, жившего северо-восточней Месопотамии. Однако если гутиев вавилоняне называли «неразумными», то о касситах такого сказать было нельзя. Эти варвары были носителями передовой военной технологии, изменившей политическое и культурное лицо Евразии – запряженной конями легкой боевой колесницы.

Военно-технологический переворот первоначально произошел среди ариев – индо-иранских племен, обитавших на территории современной России в степях от среднего Дона до Приуралья. Арии изобрели удобную конскую упряжь – удило и уздечку, произвели

селекцию диких лошадей, создав сильного и выносливого коня, в совершенстве освоили бронзовое литье, опираясь на металлургическую провинцию Приуралья – в частности стали изготавливать опасные бронзовые наконечники стрел и прочные защитные панцири. Остатки городов синташтинской археологической культуры, такие как Аркаим, и сегодня поражают воображение и будят фантазию (не будем спорить – иногда чрезмерную). Арии создали оригинальную цивилизацию, общество которой было разделено на три сословия-варны – мудрецов брахманов, воинов-колесничих кшатриев и трудящихся вайшьев.

Перенаселенная степь выбрасывала волны бывших до времени непобедимыми арийских групп в сторону богатых древневосточных областей. Многие ученые допускают, что именно вторгшиеся пришельцы основали в Китае его первую государственную династию Инь-Шан. Арии покорили былую хараппскую цивилизацию в долине Инда и основали на её месте новую, индийскую (сегодня некоторые ученые отрицают катастрофическое завоевание, как не находящее подтверждения в археологии, но завоевание, вероятно, и не было катастрофой – появление непобедимых колесничих заставляло окрестные народы покориться). На иранском нагорье местные народы полностью приняли арийскую идентичность, даже имя страны отныне стало «Иран». В Египет вторглись гиксосы, которые несомненно освоили арийские военные технологии, которые у них, в свою очередь, переняли египтяне. В Малой Азии образовалось царство хеттов, говоривших на индоевропейском языке, а на севере Месопотамии находившееся под арийским влиянием царство Митанни.

Касситы не были арийским племенем, хотя среди имен их божеств некоторые исследователи усматривают индоевропейские соответствия. Однако они быстро научились у ариев военным технологиям и использовали их для покорения Вавилонии. Они, как и ранее амореи, стали предлагать себя местным династам в качестве эффективных воинов-наемников, а затем начали устанавливать

свою власть. В Ханейском царстве в северном течении Евфрата воцарился некий Каштилиаш.

Около столетия касситы атаковали Вавилонию, подтачивая жизненные силы царства наследников Хаммурапи. Ослабление государства повлекло за собой сепаратизм – вспыхнуло с трудом подавленное восстание в Ларсе, затем дальний юг Шумера отделился под властью «молчаливой» Приморской династии (от нее до нас дошло очень мало документов). В 1595 году до н.э. хеттский царь Мурсилис вторгся в Вавилонию, разгромил царство, уничтожил династию, разрушил город и увез из главного храма – Эсагилы статую бога Мардука, которую оставил... в касситской Хане. Очевидно, что если касситы и хетты и не были соплеменниками, то ощущали определенное родство.

Вскоре касситы подчинили себе Вавилонию и их вождь Агум II стал новым царем. Он именовал себя «Светлый потомок бога Шукамуны, царь касситов и аккадцев, царь обширной страны Вавилона...». Титула «царя Шумера и Аккада» или «царя четырех стран света» касситские правители не принимали. Однако в своей идеологии касситские цари рассматривали себя как прямые продолжатели Хаммурапи.

В касситский период большими завоеваниями цари не занимались, внешнеполитическое значение Вавилона падало по сравнению с Египтом нового царства и государством хеттов. Невозможно без снисходительной улыбки читать уговоры царя Кадашман-Энлиля обращенные к фараону Аменхотепу III с просьбами если не заключить действительный династический брак, то прислать хотя бы любую египтянку, которую можно выдать за царевну: «Какую-нибудь прекрасную женщину по своему сердцу, ее и пришли! Кто скажет: «Она-де не дочь царя?» Ты же, чтобы только не присылать, не прислал ее.... Почему брат мой (и) одной женщины не прислал?».

Однако несмотря на эту приниженность, касситская Вавилония оказалась довольно устойчивой, просуществовав 450 лет. Связано

это было с тем, что касситы провели принципиальную реформу источников существования государства. Место царского хозяйства заняло налогообложение. «Государственная бюрократия пришла к выводу о необходимости отказа от старой системы содержания крупного государственного/царского хозяйства и государство окончательно перешло на взимание налогов и повинностей с сельского населения в качестве основного источника государственных доходов» (Козырева 2007, с. 75).

В результате государство стало прочнее, завися в своем обеспечении напрямую от сборов населения, а не от царского хозяйства, которое могло быть подорвано войнами и нашествиями. Но при этом значительно усилились процессы, которые можно сопоставить с западноевропейскими феодализмом и капитализмом. Огромные земельные массивы были переданы царским приближенным, общество разделилось на два сословия – крупных землевладельцев и богатых горожан с одной стороны, неполноправное сельское население, обложенное всевозможными повинностями с другой.

«Уцелевшие указы касситских царей показывают, что они были либеральными правителями, и отсутствие каких-либо упоминаний о беспорядках и мятежах вполне можно отнести на счет этого либерализма» – с явным одобрением пишет британский ассириолог Генри Саггс (Саггс 2012, 76). Впрочем, причины этого либерализма, как показывает И.М. Дьяконов были весьма прозаичны: «у завоевателей не было ни кадров, ни традиций для ведения сложного хозяйства; поборы взимались, вероятно, в порядке стихийных набегов на земледельческое население» (ИДВ т.1, 436). «Либеральная устойчивость» касситского государства была устойчивостью возросшей энтропии – государство было слабо, почти себя не проявляло, отдав страну на произвол новосозданных царскими пожалованиями «феодалов».

Не будучи кровно связаны со страной, касситы при царе Куригальзу Старшем строят собственную столицу – Дур Куригальзу. А сам Вавилон и ряд других городов – Сиппар, Ниппур, Урук, Ур,

превратились в самоуправляющиеся привилегированные, по сути – экстерриториальные по отношению к государству центры, освобожденные от налогов и повинностей. В них активно развиваются ремесло и торговля, в особенности работорговля, на которой воротилы делали большие состояния, (ИДВ т. 1, 440) а также их неизменный спутник – ростовщичество. Впервые же в истории в Вавилонии вводится золотой стандарт, вместо распространенного ранее серебрянного, соотношение золота и серебра было в этот период 9:1.

Хаммурапи решил основать государство на принципах права и социальной справедливости, а разработка законодательства и установление справедливого суда стали одним из главных имперских управленческих инструментов. При касситах изменилась схема финансирования государства – вместо царского хозяйства стало использоваться налогообложение. Первоначально эта инновация была сопряжена со слабостью государства, но позднее она станет источником силы и устойчивости. Наконец, впервые империя породила столицу, которая превратилась в космополитический мировой город. Впрочем этот опыт трудно признать удачным, так как государство самоустранилось ипустило развитие города на самотек, по сути уступив его ростовщической олигархии. Вавилон не случайно в библейской традиции превратился в апокалиптический образ корысти и разврата.

Разумеется, вавилонские олигархи не могли быть патриотами, а потому государство всё больше ослабевало, становилось неконкурентоспособным по сравнению с Египтом, державой хеттов, и особенно с усиливавшейся Ассирией, которая проделала эволюцию обратную той, которая произошла с Вавилоном. Из города-государства торговцев Ассирия превратилась в военную империю. В XIII веке до н.э. старые враги эламиты и новые – ассирийцы подвергли Вавилон опустошительным набегом, ситуация повторилась в XII веке – вновь разгром ассирийцами, сопровождавшийся эламским вторжением. Именно ассирийцам

суждено было впервые в истории показать что такое империя во всем её грозном великолепии.

«Логовище львов». Ассирия

Ассирия стала первым имперским государством, память о котором непрерывно сохранялась последующие тысячелетия. Историки и археологи XIX века с изумлением открывали для себя Саргона Аккадского, Нарам-Сина, вели споры о том, тождественен ли мельком помянутый в Книге Бытия Амрафел блистательному Хаммурапи, стелу законов которого они наши в Сузах. Зато ассирийские цари – Тиглатпаласар, Саргон, Синнахериб, Ассархадон упоминались в библейских книгах, а греческие историки сохранили о них если и не четкие в изложении фактов, то вполне ясные в историософском смысле сведения:

«Изначала власть (*imperium*) над племенами и народами находилась в руках царей, которых возносило на такую высоту величия не заискивание перед народом, а умеренность (*moderatio*), признаваемая в них людьми благомыслящими (*inter bonos*). Народы не были связаны тогда никакими законами: решения правителей заменяли законы. В те времена было более в обычае охранять пределы своих владений (*imperii*), чем расширять их: для каждого царство его ограничивалось пределами его родины. Царь ассирийский Нин, движимый жаждой власти (*imperii*), первый изменил этому древнему обычаю, как будто прирожденному всем народам. Он первый начал вести войны с соседями и покорил еще не привыкшие к сопротивлению народы до самых пределов Ливии. Были, правда, и в более древние времена царь египетский Везосис и Танай, царь Скифии: первый из них дошел походом до Понта, второй - до Египта. Но воевали они не с соседями, а в далеких странах и, довольствуясь победами, искали не власти (*imperium*) для себя, а славы для своих

народов. Нин же стремился к господству и сделал покоренные им обширные области своим постоянным владением. Покорив ближайших соседей и тем самым увеличив свои силы, он более смело приступил к покорению других, и так как каждая предшествующая победа служила ему орудием для последующей, он в конце концов подчинил себе народы всего Востока» – сообщал Юстин в кратком изложении «Истории Филиппа» Помпея Трога.

Первоначально практически ничего не предвещало столь блистательного будущего. Ашшур был небольшим городом на севере Междуречья, в долине Тигра. Он входил в состав государств Аккада, а затем Ура. Основной специализацией города была торговля, прежде всего с Малой Азией – ассирийские торговцы образовывали крупные торговые колонии в малоазиатских областях, вывозя оттуда металлы – медь и олово, а взамен привозя окрашенные шерстяные ткани из Шумера и Аккада. Забирались торговые связи купцов Ашшура, оседлавшего проходившие по северу Месопотамии магистральные торговые пути, и намного дальше, в Афганистан, откуда везли металлы и полудрагоценный лазурит. Большую роль в экономике ассирийских купеческих поселений играло ростовщичество.

Первоначальный Ашшур представлял собой торговую республику, наподобие полисов Финикии, Древней Греции, средневековых Италии и Нидерландов. Решающую роль в управлении играл совет старейшин, составлявший типичную олигархию влиятельных купцов. Высшими должностными лицами были «укуллум» заведовавший администрацией и судом и «ишшиакум» – верховный жрец, аналог шумерского «энси».

Для внешних договоров использовался термин «алум Ашшур» (народ Ашшура), а исчисление лет велось не по годам правления царей, которых у Ашшура тогда и не было, а по годам «лимму», особых чиновников, избиравшихся по жребию именно для обозначения года. Даже когда в Ассирии установится монархия, этот

счет лет не будет изменен, - царь будет становиться «лимму» в первый год своего царствования, а затем ими будут назначаться советники по старшинству. Нетрудно здесь увидеть сходство с тем, как в Риме годы будут обозначаться по именам консулов даже в императорский период.

При таком начале меньше всего можно было ожидать того, что Ассирия разовьется из торгово-ростовщической республики в территориальную военную империю, ведь даже ставшая Империей Римская республика была государством земледельцев, а не торговцев. Однако влияние Аккада очевидно навсегда предопределило имперскую идентичность Ашшура. Один из его первых правителей принял имя «Шаррумкен» (Саргон, Истинный царь), как и основатель Империи, а его сын называл себя Нарам-Син, как и сын основателя.

В позднейшем ассирийском эпосе сохранилась большая поэма о том, как Саргон Аккадский совершил поход в глубь Малой Азии, чтобы защитить обижаемых торговцев. Поскольку правитель Аккада таких дальних походов на северо-запад не совершал, то историки резонно предположили, что в памяти ассирийцев два Саргона слились в одного. Позднее один из величайших царей-завоевателей Ассирии вновь примет имя Саргона, а его династия получит у историков название Саргонидов – Аккадская империя как бы возродится в новом облике.

Но первоначально до этого было далеко. Сперва Ашшур попал под власть Шамши-Адада I. Хотя он был скорее не «царем Ашшура», а царем захватившим Ашшур, этого амбициозного аморейского владыку ассирийцы запомнили и включили в свои царские списки вместе с его кочевыми предками – «царями, живущими в шатрах». После развала державы Шамши-Адада Ашшур был включен в вавилонское государство Хамураппи, а затем на долгие столетия попал под власть хурритского государства Митанни.

Однако правители Ассирии сумел воспользоваться ослаблением хурритов в связи с победами над Митанни, одержанными Египтом, они начали отправлять в Египет прямые посольства и писать фараонам как равные субъекты международных отношений. А затем и вовсе стали подписываться «царь» (хотя по внутриассирийским порядкам по прежнему оставались жрецами-«ишшиакум»). Ашурбаллит I (1353-1318 до Р.Х.) сумел использовать в пользу Ассирии усиление державы хеттов, напавших на Митанни. Сперва он навязал Митанни свое покровительство, а затем освободил её от вторжения хеттов, правда оставив значительную часть территории бывшего сюзерена, в частности – Ниневию, за собой. Начала Ассирия играть значительную роль и в судьбах своей сестры-соперницы, Вавилонии. Именно Ашурбаллит I впервые поставил царем этой страны ассирийского ставленника.

Ададнерари I (1295-1264) завершил оформление на месте бывшей торговой республики великой военной монархии. Он первым добился, что его избрали годовым чиновником «лимму» и первый начал титуловаться старым имперским титулом Междуречья – «царь множеств» (происходящим, напомним, от титула «царь Киша»).

Однако ассирийская монархия и после этого осталась весьма специфичной по своей идеологии. Царем Ашшура считался бог Ашшур – это от его имени велись войны, от его имени совершались завоевания. Все завоевания ассирийцев осмыслялись ими через концепцию священной войны, царь же понимался лишь как инструмент божества.

«Движущей силой экспансии стало стремление бога Ашшурпа главенствовать над остальными божествами... На ассирийских рельефах того времени изображены сцены битвы, в которых царя сопровождает бог, парящий над ним в своем крылатом солнечном диске. Когда Ашшур поднимает свой лук, стрела царя, готовая к выстрелу, лежит на теитев. Если лук царя не стреляет, лук Ашшура также бездействует» – отмечает датский ассириолог Йорген Лессёэ [Лессёэ 2012, 156].

При коронации царей и во время новогодних празднеств провозглашали «Ашшур – царь! Имярек – наместник Ашшура!». Так никогда и не сумевшие избавиться от положения преклодного инструмента языческой теократии, цари Ассирии были связаны множеством ритуальных ограничений – они постоянно гадали, защищались от осквернения, много постились.

Однако таково было положение ассирийских царей только внутри ашшурского общества. В качестве военачальников и владык Империи они играли совершенно другую роль. Международного признания ассирийские цари добились благодаря полной аннексии царства Митанни. «Да, уничтожив моего союзника, ты стал великим царем!» - признавал хеттский царь Хаттусилис III. Однако еще полтора столетия (1300-1150) шла «война за хурритское наследство» между ассирийцами и хеттами, за это время ассирийцы пять раз теряли контроль над значительной частью Верхней Месопотамии и снова его восстанавливали.

При Тикульту-Нинурте I (1233-1197) ассирийцам удалось не только подчинить всю Верхнюю Месопотамию и сокрушить «43 царей» Наири (будущей Армении), но и завоевать Вавилонию и увезти оттуда статую главного вавилонского бога - Мардука.

«Я надвинулся на Каштилиаша, царя страны Кардуниаш, чтобы сразиться с ним. Я нанес поражение его войску, поверг его воинов. Посреди этой битвы я схватил Каштилиаша, царя касситов, попрут ногами его царственную шею, как если бы это была подставка для ног. Закованного, плененного привел я его пред лицо Ашшура, господина моего. Я стал господином всей страны Шумера и Аккада, утвердил границу моей страны у Нижнего моря, на востоке» – писал ассирийский царь в своей надписи.

Характерно, что став владыкой империи Тикульту-Нинурта исключил из своего титула слова «ишшиакум Ашшура». Очевидно, что царь хотел избавиться от давления ашшурской торговой олигархии и

править независимо от неё. Тукульти-Нинурта, первый ассирийский император стал жертвой придворного заговора, объявлен сумасшедшим, низложен, а затем убит. Его город был заброшен.

Наступил период упадка Ассирии, который сопровождался восстановлением могущества Вавилона, освобожденного ассирийскими усилиями из под власти касситов. Преемники царя-завоевателя не только признали вновь независимость Вавилона, но и вернули ему статую Мардука. Такое странное в истории Ассирии явление, как добровольная капитуляция перед Вавилоном повторится не раз и не два. Это не должно удивлять – торгово-ростовщические олигархии обоих городов действовали как правило заодно, сопротивляясь попыткам монархии наступать на их привилегии и доходы. Олигархии выступали против царей и поддерживавшей их военно-служилой знати единым фронтом. Все шесть столетий существования ассирийской империи эта схватка военной империи и торгово-ростовщической олигархии не прекратится, пока, в конечном счете, не погубит Ассирию.

Не прошло и столетий – могущество ассирийских владык расцвело вновь. Власть получил Тиглатпаласар I (1114-1076) – выдающийся завоеватель. Он победил протоармян-мушков, перед этим уничтоживших державу хеттов, дошел с походами до Черного моря, захватив месторождения свинца, железа и меди, покорил то, что осталось от царства хеттов, вторгся в Сирию и Финикию и даже поплавал на корабле, поохотившись на дельфина, затем обрушился на Вавилонию и смог подчинить её себе, хотя и ненадолго. Однако при его жизни Ассирию вместе со всем ближневосточным регионом постигла катастрофа – нашествие арамеев.

Арамеи были группой полуварварских кочевых семитских племен, которые вышли из пустыни между Месопотамией и Ханааном. Так же как тысячелетие назад амореи, они начали передвигаться на территории цивилизованных государств, занимать пустые пространства между городами, нарушать коммуникации и разбойничать, при этом оставаясь неуязвимыми для армий

тогдашних царей. Фактором, усиливавшим амореев было, возможно, создание верблюжьей конницы. Тиглатпаласар I совершил против амореев 28 походов, однако окончательной победы так и не добился – после его смерти арамеи захватили Сирию и создали там свои царства, прорвали ассирийскую оборону по Евфрату и затопили междуречье, а еще одна их группа – халдеи начала захват Шумера и Вавилонии. Большая часть Ближнего Востока, включая саму Ассирию, была арамеизирована. Арамейский язык стал всеобщим повседневным языком, а его носители и получили у античных авторов наименование «сирийцы».

Однако ассирийская монархия так же показала свою живучесть. Ассирия сохраняла статус сверхдержавы Ближнего Востока более 600 лет. Эти столетия она провела, конечно, в мерцающем режиме – то её огонь пылал ярко, то едва теплился. Держава была со всех сторон окружена врагами, от которых она была вынуждена отбиваться в периоды слабости и которых не удавалось до конца покорить при усилении. Но никому так и не удалось оспорить у Ассирии её титул.

Ассирийцам так и не удалось отстроить систему «имперского мира» при котором подчинение империи представлялось бы покоренным народам выгодней мятежа. Связано это было в значительной степени с «беспочвенностью» их империи, ведь крупнейшие экономические и сакральные центры – Ашшур и Вавилон власти царей по сути не подчинялись, располагая широким иммунитетом и привилегиями. Вместо создания института имперского гражданства, как в Римской Империи, приравнивавшей постепенно всех к римлянам, ассирийским царям приходилось добиваться по сути порабощения покоренных. Цари Ассирии вели бесконечную войну без опоры на тыл.

«Непомерность этой задачи по сравнению с ограниченными ресурсами коренной Ассирии заставляла царей компенсировать эту слабость крайним напряжением военной деятельности и устрашением соседей, но так и не позволяла им

прочно освоить завоеванные области. – отмечает А.А. Немировский, - Поэтому для Ассирии типична перманентная военная экспансия, многократные покорения одних и тех же территорий и борьба со столь же непрерывными восстаниями. Отсюда вытекала и исключительная даже для того времени жестокость ассирийцев при карательных походах.

В результате империя существовала в характерном «пульсирующем» ритме утраты и приобретения территорий; правление каждого царя зачастую начиналось с подавления мятежей, вызванных смертью его предшественника. Трижды (начало XII в., начало X в., первая половина VIII в. до н. э.) Ассирия теряла львиную долю захваченных земель, а потом вновь возвращала их. При этом в целом масштаб ассирийских завоеваний медленно, но неуклонно расширялся, и росла площадь окончательно покоренной территории: с начала IX в. до н. э. из ассирийского подчинения уже никогда не выходила Верхняя Месопотамия, с конца VIII в. до н. э. (и до времен крушения Ассирии) — Сирия» (Всемирная история т. 1., 289-290).

Через столетие «темных веков» Ассирий начала возрождаться как великая военная держава. Царь Ададнерари II (911-891) разгромил арамейские княжества в верхней Месопотамии и подчинил их себе, а главное добился «восстановления боевого духа и престижа Ассирии» (ИДВ т. 3 2004, 346). Арамеи слились с прежними аккадоязычными ассирийцами и составили ядро ассирийской армии. Его сын Тукульти-Нинурта II (890-884) и внук Ашшурнацирапал II (883-859) начал ассирийское завоевание Сирии.

Ашшурнацирапал II был выдающимся полководцем, дипломатом и политиком знавшим, чего он хочет и не знавшим жалости на пути к достижению своей цели. Он совершал походы по всем стратегическим направлениям, собирал богатую дань металлами и скотом, основывал ассирийские укрепленные пункты и военно-

торговые колонии. Старые ассирийские торговые колонии, оставшиеся, видимо, еще с прошлого тысячелетия служили поддержкой для наступавшей ассирийской армии. Впервые за 200 лет Ашшурнацирапал достиг «Верхнего» Средиземного моря и совершил ритуал омовения оружия. «Я прошел вдоль Ливана, я прошел к Великому морю страны Амурру. В Великом море омыв своё оружие... Я принял подать царей морского берега: Тира, Сидона, Библа..., что внутри моря, из серебра, золота, свинца, меди, сосудов бронзовых, пестрых тканей, полотна, большого и малого зверя, стволов клена и боксита – писал ассирийский царь на стеле, высеченной рядом с рельефами египетских фараонов.

Методы ведения войны Ашшурнацирапалом отличались исключительной жестокостью. «Я взял город, перебил множество воинов, захватил все, что можно было захватить, отрубил головы бойцам, сложил напротив города башню из голов и тел, сложил башню из живых людей, посадил людей живьем на колья вокруг города, юношей и девушек его сжег на кострах».

Подобные сцены переживались из царских надписей на рельефы и росписи его дворца в новой столице – Кальху (Нимруде), где впервые во всей полноте раскрылся уникальный имперский стиль в искусстве: мускулистые тела царей и закованных в броню воинов, погони за побежденными врагами, схватки с дикими зверьми на охоте, бег колесниц, штурмы городов, увод пленниц, крылатые гении и изумляющие по сей день пятиногие крылатые быки-шеду, призванные создать иллюзию движения. Если у других народов имперский стиль создавался путем приспособления выработанной уже образности под имперскую идею, у ассирийцев искусство сразу родилось как имперское с брутально-милитаристским оттенком.

«Военный характер Ассирии обусловили и ее природа и ее история. – отмечал Б.А. Тураев, - Население здесь не было поставлено в необходимость употреблять все свое время на водяные сооружения и земледельческие работы — частые дожди и обильные реки избавляли его от этого, но зато

примыкающие горы с их богатой фауной, с их дикими быками и, особенно, львами, бичем скотовода, выработали из ассирийцев неустрашимых охотников, и их цари оставили нам немало изображений, указывающих, что они ставили свои охотничьи подвиги едва ли много ниже военных. Ассирийская тактика указывает на то, что военной школой у них была охота: они действовали натиском, старались окружить, неприятеля, могли вести только наступательную войну» (Тураев 1935 т. 2, 56-57).

Однако не были ли ассирийские жестокости художественным преувеличением в соответствии с особенностями национальной психологии? На такое подозрение наводит тот факт, что после каждого похода, который якобы заканчивался всеобщим истреблением, уничтожением и разграблением, стертая с лица земли область восставала вновь и вновь – откуда-то брались воины и экономические ресурсы для сопротивления.

С этим сопротивлением столкнулся сын Ашшурнацирапала II – Салманасар III (858-824), попытавшийся осуществить широкомасштабную имперскую политику. Ему снова удалось поставить в зависимость от себя Вавилонию, а вот в Сирии он столкнулся на масштабное сопротивление, возглавленное царями Дамаска и Израиля и поддерживаемое Египтом, чрезвычайно опасавшимся усиления Ассирии. Взяв Алеппо, Салманасар столкнулся с войсками коалиции у города Каркар, где в 854 году до Р.Х. произошла грандиозная битва. В своих надписях ассирийский царь сообщил о победе, однако его огромная армия вынуждена была из Сирии отступить.

Однако в этот момент в действие вступила ассирийская тайная дипломатия. Нечестивый царь Израиля, поклонявшийся Ваалу Ахав внезапно вышел из коалиции и погиб в битве с царем Дамаска Ададидри. Самого Ададидри один из его приближенных придушил мокрым одеялом и в Дамаске, опорном царстве антиассирийской коалиции начались смуты. Сын Ахава – Иорам был свергнут в

результате дворцового переворота, который по благословению пророка Елисея осуществили почитатели Истинного Бога.

«Елисей пророк призвал одного из сынов пророческих и сказал ему: опояшь чресла твои, и возьми сей сосуд с елеем в руку твою, и пойдя в Рамоф Галаадский. Придя туда, отыщи там Ииуя, сына Иосафата, сына Намессиева, и подойди, и вели выступить ему из среды братьев своих, и введи его во внутреннюю комнату; и возьми сосуд с елеем, и вылей на голову его, и скажи: «так говорит Господь: помазую тебя в царя над Израилем» (4 Царств 9, 1-3).

В результате переворота была казнена и нечестивая Иезавиль, дочь царя Тира и вдова Ахава, виновная в введении ваалопоклонства и смерти многих пророков Божиих. Все жрецы Ваала в Израиле были истреблены, а идолы ханаанского божества – сожжены.

«И собрал Ииуй весь народ и сказал им: Ахав мало служил Ваалу; Ииуй будет служить ему более. Итак созовите ко мне всех пророков Ваала, всех служителей его и всех священников его, чтобы никто не был в отсутствии, потому что у меня будет великая жертва Ваалу. А всякий, кто не явится, не останется жив. Ииуй делал это с хитрым намерением, чтобы истребить служителей Ваала....

И вошел Ииуй с Ионадавом, сыном Рихавовым, в дом Ваалов, и сказал служителям Ваала: разведайте и разглядите, не находится ли у вас кто-нибудь из служителей Господних, так как здесь должны находиться только одни служители Ваала. И приступили они к совершению жертв и всесожжений. А Ииуй поставил вне дома восемьдесят человек и сказал: душа того, у которого спасется кто-либо из людей, которых я отдаю вам в руки, будет вместо души спасшегося.

Когда кончено было всесожжение, сказал Ииуй скороходам и начальникам: пойдите, бейте их, чтобы ни один не ушел. И поразили их острием меча и бросили их скороходы и

начальники, и пошли в город, где было капище Ваалово. И вынесли статуи из капища Ваалова и сожгли их. И разбили статую Ваала, и разрушили капище Ваалово; и сделали из него место нечистот, до сего дня. И истребил Ииуй Ваала с земли Израильской...

И сказал Господь Ииую: за то, что ты охотно сделал, что было праведно в очах Моих, выполнил над домом Ахавовым все, что было на сердце у Меня, сыновья твои до четвертого рода будут сидеть на престоле Израилевом».

На «черном обелиске» Салманасара III, торжественном триумфальном памятнике, поставленном в Кальху, царь Израильский Ииуй изображен коленапреклоненным перед властителем Ассирийской Империи. С него начинается ряд израильских и иудейских правителей, которые старались жить с Ассирией мирно. Как правило это были правители, служившие истинному Богу, и пророки – Елисей и Исайя настраивали царей не входить в конфликт с Ассирией, не слушать подстрекательств со стороны египтян и вавилонян. Несмотря на всю жестокость ассирийцев, пророки уже в них увидели ту Империю, существование с которой Церкви будет становиться все более органичным.

В последние годы жизни старого царя, в 827 г. до Р.Х. против него поднялось восстание, возглавленное недовольным отстранением от власти сыном. Охватившее крупнейшие городские центры Ассирии, включая Ашшур и Ниневию, это восстание явно преследовало интересы торговой олигархии, в то время как Кальху, где была сосредоточена военно-служилая знать, остался верен царю.

При Шамшиададе V (823-811), его вдове-регентше Шаммурамат (Семирамиде) и Ададнерари III (810-783) чрезвычайно усиливается царство Урарту, расположенное северней Ассирии. Оно на век займет место главного военного противника Империи. С другой стороны, Ададнерари III наконец удалось подчинить Дамаск, упрочив господство в Сирии и придвинув зону ассирийского влияния

вплотную к границам Египта. Однако затем наступает очередной сорокалетний упадок в ходе которого «урартом, чье именование страшно как тяжелая буря» была захвачена большая часть ассирийских владений, а многие областеначальники повели сепаратистскую политику В 760-750-х годах до Р.Х. страну раздирала многолетняя гражданская война, из которой её вывел выдающийся военачальник и реформатор Тиглатпаласар III,(745-727), введший важные административные и военные новшества. Ассирия в очередной раз доказала свою жизнеспособность.

Причиной устойчивости ассирийского великодержавия стала великолепная военная организация, качество которой в течение столетий непрерывно росло и достигло пика совершенства после военных реформ Тиглатпаласара III. Ассирийские цари возродили традиции Саргона Аккадского и создали профессиональную армию, которая содержалась за казенный счет. Войны получали с царских складов бронзовые доспехи и шлемы, сложные и далеко бьющие луки, а затем и стальные мечи. С начала железного века ассирийцы первыми широко внедрились стальное оружие, обеспечивавшее превосходство.

Солдатам стали платить за службу не только из военной добычи, но и регулярное жалование. Они не обрабатывали землю и не занимались хозяйством, отвлекаясь от военного дела. Боевая выучка таких профессионалов стала на недостижимую высоту по сравнению с иррегулярными войсками других стран. Также впервые в армии появились специальные саперные части. Их задачей стало строительство коммуникаций и сооружение осадных валов и штурмовых машин – таранов на колесах. Благодаря развитию военно-инженерного дела ассирийцы стали гораздо быстрее брать штурмом города – «отсидеться» за крепкими стенами и переждать нашествие захватчиков удавалось теперь не многим.

Поменялись стратегия с тактикой. Задачей ассирийской армии считалось полное уничтожение войск противника в результате стремительных ошеломляющих ударов. Секретом, который

позволил наносить такие удары, стало появление кавалерии. До ассирийцев лошади использовались только запряженными в колесницах. Ассирийцы же впервые освоили военное всадничество. Если колесницы были широко распространены к тому моменту по всему цивилизованному миру, то кавалерия оказалась ассирийским новшеством. Сперва лошади применялись только для скоростной транспортировки – воины садились на них по двое и армия передвигалась намного быстрее. Затем начали применяться конные лучники и копейщики, хотя их ударная сила была еще далека от совершенства, так как держаться на крупе коня им приходилось при помощи колен – ни стремян, ни седла (ассирийцы ограничивались попоной) не существовало.

Наконец, ошеломляющим ударам ассирийской армии способствовала высоко поставленная разведка. По всей видимости впервые в истории военная разведка была поставлена во главу угла всей военной политики. Службу разведки возглавлял, как правило, лично наследник престола. Ассирийские агенты собирали сведения, сеяли смуту в тылах врага, наконец – проводили тайные операции по устранению вражеских правителей. Мы уже видели как ассирийцы преодолели сопротивление Дамаска, а в ходе войн Ассирии с Эламом правители этого вечно враждующего с месопотамской Империей государства на юго-западе Ирана не раз и не два внезапно умирали загадочной смертью.

Впечатление, возникавшее у современников от ассирийской армии передано в библейской книге пророка Иоила, где она уподобляется саранче:

«Как утренняя заря распространяется по горам народ многочисленный и сильный, какого не бывало от века и после того не будет в роды родов. Перед ним пожирает огонь, а за ним палит пламя; перед ним земля как сад Едемский, а позади него будет опустошенная степь, и никому не будет спасения от него. Вид его как вид коней, и скачут они как всадники; скачут по вершинам гор как бы со стуком колесниц, как бы с треском

огненного пламени, пожирающего солому, как сильный народ, выстроенный к битве. При виде его затрепещут народы, у всех лица побледнеют. Как борцы бегут они и как храбрые воины влезают на стену, и каждый идет своею дорогою, и не сбивается с путей своих. Не давят друг друга, каждый идет своею стезею, и падают на копья, но остаются невредимы. Бегают по городу, поднимаются на стены, влезают на дома, входят в окна, как вор» (Иоил 2, 2-9).

Доведший ассирийскую армию до совершенства Тиглатпаласар III пришел к власти после смуты в ходе которой предыдущая царская династия пала. В противостоянии олигархической и военно-служилой партий он решительно выбрал сторону второй, однако решил организовать армию и империю так, чтобы вместо периодических грабительских набегов Ассирия теперь осуществляла прочное господство над покоренными землями.

Вместо обложения покоренных стран данью, которую переставали выплачивать при первом же кризисе, Тиглатпаласар начал практиковать в отношении покоренных «причисление к людям Ассирии». Ассирийская империя стала назначать в покоренные царства своих наместников, имперских чиновников ассирийцев, а сами царства дробить и превращать в небольшие по размерам и неспособные к сепаратистскому мятежу провинции. На пике расцвета империи таких провинций было более 60. Там, где у власти оставались местные правители-данники, ассирийцы прирезали им территории друг друга тем самым сея враждебность и лишая возможности договориться о выступлении против центральной власти. Именно Ассирия первой применил принцип «разделяй и властвуй».

Если страна бунтовала, то ассирийцы подавляли бунт. Но вместо былого вырезания под корень всего народа начала применяться политика «нацаху» – вырывания с корнем. Восставший народ стали депортировать в другой конец Империи. Например, после взятия ассирийцами столицы Израильского царства Самарии, покаранной

Господом за нечестие, колена Израилевы были переселены в верхнюю Месопотамию, а на их место водворены люди из Вавилонии и с Иранского нагорья, которые впоследствии образовали народ самаритян.

На новых местах жительства переселенцы отрывались от своих корней, со временем принимали культуру метрополии и становились полноправными подданными царей Ашшура. Депортированному народу разрешалось взять с собой движимое имущество, имперские чиновники помогали на новом месте завести хозяйство и облагали налогами. Переселенных охотно принимали в ассирийскую армию, порой они могли сделать неплохую карьеру. Целью такой политики переселений было сделать Империю более единообразной, так, чтобы ее части состояли не из разных народов, а из разных географических областей. В этих условиях первенствующим языком империи становился арамейский, так как из языка-посредника между переселенцами он постепенно начал превращаться в официальный устный, а затем и письменный язык.

Впрочем, такая стратегия создания имперского этноса путем механического перемешивания народов таила подводные камни, которые и погубили в конечном счете Ассирию. Собранная из представителей разных народов армия сокрушала врагов, отважно дралась за победу и добычу, но не была устойчива в обороне родной земли, потому что этой родной земли у неё не было. Первоначальный этнос ассирийцев растворился в конгломерате сперва арамейцев, а затем и множества иных народов. Но пока Ассирия одерживала победу за победой эта опасность не ощущалась.

Тиглатпаласар III совершил походы в Иран, создав, в частности, провинцию Парсуа, административное управление в которой превратится в лабораторию государственности для персов с их будущей империей. Ассирийцы отвоевали у Урарту Сирию, а затем обрушились на самую опасную горную страну – столица Урарту Тушпа была осаждена ассирийцами, но устояла. В Сирии и Финикии

ассирийский царь дошел до Газы, подойдя вплотную к границам Египта. Наконец, Тиглатпаласар III увенчал свое правление освободив Вавилонию от натиска халдеев и сам «коснулся рук Мардука», стал вавилонским царем под именем Пулу.

При Тиглатпаласаре III Ассирия становится первой «сверхдержавой» в истории человечества, «от Верхнего моря, где закат солнца, до Нижнего моря, где восход солнца».

Однако мощь этой державы подтачивала изнутри борьба между военно-служилой имперской аристократией царя и войска и торгово-ростовщической олигархией городов. Эти две силы имели не только несовместимые интересы, но и несовместимые этические принципы. Вавилон был ростовщической столицей и мировым финансовым центром, олигархический Ашшур контролировал крупнейшую торговую сеть тогдашнего мира.

В то же время ассирийская знать целиком была проникнута идеей служения. Ассирийские военачальники, чиновники и вельможи были помещиками, полностью зависевшими от расположения и наград царя. Земля, которой их награждали была разбросана по стране – никаких огромных латифундий, рабочие руки получались из числа переселенных пленников. Все чиновники связаны были священной присягой царю, включавшей обязательство доносить о заговоре, мятеже и злоупотреблении. И ассирийские чиновники и в самом деле информировали царя о провинностях друг друга, даже таких как пьянство.

Вавилоно-Ашшурскую олигархию и Ассирийскую Империю отличало принципиально разное отношение к ростовщичеству. В Ассирии, на землях, контролируемых царем, ростовщичество было по сути искоренено. «Заклад личности в обеспечение ссуды теперь, в отличие от предшествующего периода, практикуется весьма редко. В имеющихся текстах не удастся так же обнаружить крупных ростовщиков, подобных поздневавилонским» (ИДВ 2004 т. 3, 377).

Разумеется, ассирийские цари не могли не смотреть с неприязнью на привилегии олигархов Вавилона и Ашшура и стремились их ограничить. Те же воспринимали Империю только как удобный инструмент для обогащения своего слоя, а любые попытки заставить их капиталы служить Империи воспринимали враждебно.

Сыр Тиглатпаласара III, Салманасар V (727-722) пробыл царем всего 5 лет. Он отменил крупные налоговые льготы Вавилона, Ашшура и Сиппара, стремясь включить эти олигархические центры в состав государства. Ответом стал мятеж еще одного торгово-олигархического центра, Тира, центра «ханаанского нечестия» и служения Ваалу. Тир отложился от Ассирии и царю пришлось вести трудные действия на море. Одновременно, наущаемый Египтом, отложился от Ассирии и царь Израиля Осия, за что был наказан осадой и взятием Самарии и переселением израильтян в Ассирию.

«И заметил царь Ассирийский в Осии измену, так как он посылал послов к Сигору, царю Египетскому, и не доставлял дани царю Ассирийскому каждый год; и взял его царь Ассирийский под стражу, и заключил его в дом темничный. И пошел царь Ассирийский на всю землю, и приступил к Самарии, и держал ее в осаде три года. В девятый год Осии взял царь Ассирийский Самарию, и переселил Израильтян в Ассирию, и поселил их в Халахе и в Хаворе, при реке Гозан, и в городах Мидийских... И поступали сыны Израилевы по всем грехам Иеровоама, какие он делал, не отставали от них, доколе Господь не отверг Израиля от лица Своего, как говорил чрез всех рабов Своих, пророков. И переселен Израиль из земли своей в Ассирию... (4 Царств гл. 17)».

Однако сам Салманасар V не увидел наказания Израиля, так как был убит заговорщиками за покушение на права олигархических городов. «На Ашшур – город имеющий вольности, древний священный город, прославленный богом Ашшуром, его владыкой в целом мире, и жители которого не ведают принудительных работ и повинностей, - Салманасар, не боящийся вседержителя, поднял к

своей же беде свою руку, наложил на его граждан принудительные работы и повинности и обращался с ними как с бедняками... влодыка богов в гневе своего сердца низложил его...».

Сменивший его Саргон II (722-705) принял имя основателя Империи, но, возможно, не имел прямых прав на престол, принадлежа к младшей ветви династии. Это был выдающийся правитель и государственный деятель, династия которого правила Ассирией последнее столетие, вплоть до её конца. Однако ценой его успехов стал компромисс с олигархией. Анналы Саргона начинаются с декларации капитуляции перед городскими олигархиями.

«Я удовлетворил Сиппар, Ниппур, Вавилон и Барсиппу, изменив для них законы; я отменил несправедливости, которые все признавали в этих законах. Я восстановил владение городами Ур, Ларса, Куллаб.... Законы Шумера и города Харран, которые потеряли значение с древних времен, я возродил и дал свежие силы забытым обычаям. Великие боги вознаградили меня за мое постоянство и покорность, они даровали мне владычество над всеми царствами; они восстановили их подчиненность...». Война с мятежным олигархическим Тиром не случайно также закончилась миром.

Главным достижением Саргона II стало использование удара, который нанесли враждебному Урарту вторгшиеся из Причерноморских степей через Кавказ киммерийцы. Они разгромили урартов и повернули вглубь Малой Азии, не затронув Ассирии, чем царь воспользовался, чтобы захватить большую часть урартских земель и ираноязычную Мидию. Царь Руса I покончил с собой, заколовшись кинжалом, царство Урарту было разграблено и превратилось в послушного вассала при ассирийских царях. Нанес ассирийский царь поражение и Фригийскому царству во главе с его могущественным царем Мидасом. Долгую борьбу ассирийцы выдержали с вождем халдеев Мардук-апалиддином, стремившимся стать царем Вавилонии. В конечном счете Саргон изгнал халдея и

воцарился в великом городе сам, а сына женил на знатной вавилонянке.

Анналы Саргона дают настоящую картину Ассирийской Империи времен её расцвета.

«С первого дня моего царствования не было повелителя надо мной; никто не видел меня побежденным в бою или в битве. Я сокрушал мятежные земли подобно соломенному стогу, я поражал их как чума; я обнаруживал их непроходимые леса; я стирал их различия. Через извилистые долины, неприступные как игла, я прокладывал себе путь. Пользуясь благоволением и могуществом великих богов, моих повелителей, я двинул своим армии и победил врагов. Я управлял землями от Крита, что находится посреди Моря Заката до границ с Египтом и страной мушков; обширной Финикией и всей Сирией... и над страной Кардуниаш... над страной Бит-Якин, что на берегу моря у границ с Дильмуном. Я получал от них дань, я поставил своих наместников над ними, я покорил их своей власти».

Однако примирительная позиция Саргона II в отношении олигархии была в большей степени вынужденной, он продемонстрировал это основав новую столицу, Дур-Шаррукин с огромным дворцом, пирамидой и крепкими стенами по которым в ряд могли скакать не задевая друг друга 7 колесниц. Своим наследником и главой разведслужбы он назначил сына – Синаххериба, имя которого означает «Син [бог луны] приумножил братьев», то есть он явно не был старшим из сыновей. При этом Синаххериб был яростным противником Вавилона и олигархии, главой военной партии.

Саргон погиб при незначительном походе на Табал в Киликии. Его тело не было найдено и такая загадочная и внезапная смерть владыки вселенной потрясла современников. Синаххериб вопрошал оракула: «В чем грех отца моего?», а пророк Исая в Иудее, как полагают некоторые библеисты, отозвался на это внезапное сокрушение великого царя словами о падении Денницы. Он дал

«пророчество о Вавилоне, которое изрек Исаия, сын Амосов» (Саргон был, напомним, и царем Вавилона):

«Как упал ты с неба, денница, сын зари! разбился о землю, попиравший народы... А говорил в сердце своем: «взойду на небо, выше звезд Божиих вознесу престол мой и сяду на горé в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему». Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней... Все цари народов, все лежат с честью, каждый в своей усыпальнице; а ты повержен вне гробницы своей, как презренная ветвь, как одежда убитых, сраженных мечом, которых опускают в каменные рвы, — ты, как попираемый труп, не соединишься с ними в могиле» (Ис. Гл. 14).

Пророк Божий Исаия сыграл решающую роль в том, что наследник Саргона – Синаххериб не разорил Иудейское царство. Он предупреждал благочестивого царя Иерусалима Езекию, что нельзя верить льстивым подстрекательствам египетского фараона и вавилонского царя Меродах Валадана, Мардук-апалиддина, халдейского вождя, захватившего Вавилонию после смерти Саргона, и предсказал, что не от Ассирии, а от Вавилона грозит подлинная опасность Иудее: «придут дни, и всё, что есть в доме твоём и что собрали отцы твои до сего дня, будет унесено в Вавилон; ничего не останется, говорит Господь» (Ис. 39, 6).

Когда Езекия, не послушавшись пророка, выступил против Ассирии и помог восставшему народу свергнуть проассирийски настроенного царя города Экрона, Синаххериб начал поход в Сирию и Ханаан. Египетская армия, выдвинувшаяся на помощь восставшим была разгромлена, не взяв финикийский Тир царь усилил царя его вечного соперника – Сидона. А затем начал осаду и разгром иудейских городов. Осада одной из иудейских крепостей – Лахиша нашла отражение в барельефах на стенах царского дворца в Ниневии.

Ассирийская армия пришла под стены Иерусалима, причем ассирийцы, впервые в зафиксированной письменно истории, решили использовать против иудейского царя пропаганду.

«И сказал Елиаким и Севна и Иоах Рабсаку: говори рабам твоим по-арамейски, потому что мы понимаем, а не говори с нами по-иудейски, вслух народа, который на стене. И сказал Рабсак: разве только к господину твоему и к тебе послал меня господин мой сказать слова сии? Нет, также и к людям, которые сидят на стене, чтобы есть помет свой и пить мочу свою с вами. И встал Рабсак, и возгласил громким голосом по-иудейски, и сказал: слушайте слово царя великого, царя Ассирийского! Так говорит царь: пусть не обольщает вас Езекия, ибо он не может спасти вас; и пусть не обнадеживает вас Езекия Господом, говоря: «спасет нас Господь; не будет город сей отдан в руки царя Ассирийского». Не слушайте Езекии, ибо так говорит царь Ассирийский: примиритесь со мною и выйдите ко мне, и пусть каждый ест плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьет воду из своего колодезя, доколе я не приду и не возьму вас в землю такую же, как и ваша земля, в землю хлеба и вина, в землю плодов и виноградников».

Однако по слову пророка Исайи, за то, что ассирийский военачальник похулил Бога Израилева и посмел сравнить его с языческими идолами, на ассирийское войско обрушился гнев Господень:

«Так говорит Господь о царе Ассирийском: «не войдет он в этот город и не бросит туда стрелы, и не приступит к нему со щитом, и не насыплет против него вала. По той же дороге, по которой пришел, возвратится, а в город сей не войдет, говорит Господь. Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего». И вышел Ангел Господень и поразил в стане Ассирийском сто восемьдесят пять тысяч человек. И встали поутру, и вот, всё тела мертвые. И отступил, и пошел, и

возвратился Сенахирим, царь Ассирийский, и жил в Ниневии» (Ис. 37, 33-37).

Езекии пришлось дорого заплатить за мир с Ассирийской империей. «И послал Езекия, царь Иудейский, к царю Ассирийскому в Лакис сказать: виновен я; отойди от меня; что наложишь на меня, я внесу. И наложил царь Ассирийский на Езекию, царя Иудейского, триста талантов серебра и тридцать талантов золота. И отдал Езекия все серебро, какое нашлось в доме Господнем и в сокровищницах дома царского. В то время снял Езекия золото с дверей дома Господня и с дверных столбов, которые позолотил Езекия, царь Иудейский, и отдал его царю Ассирийскому» (4 Царств 18, 14-16). Однако мир между Империей и Церковью в Царстве Иудейском был заключен. Езекия «оказался единственным царем, который не был убит или смещен со своего трона во время вавилонско-палестинской кампании Синаххериба» (ИДВ т. 3, 474).

Помня о потрясшем их армию грозном чуде Господа, ни Синаххериб, ни его наследники, совершая великие и дальние походы больше никогда не поднимали руку на Иудею, до самого конца истории Ассирии сохранившую независимость, хотя и уплачивавшую, несомненно, значительную дань.

Совсем иная судьба постигла «блудницу Вавилонскую». Синаххериб разгромил Мардук-апалиддина и старый враг Ассирии умер в бегах. Создав при помощи финикийцев флот на Тигре и Евфрате (вспомним, как Петр Великий построит флот на Дону, чтобы бороться за Азовское и Черное моря), ассирийцы совершили рейд в удаленные земли Элама и на острова Персидского залива. Так как сам царь явно гнушался вавилонским престолом, он посадил управлять непокорным мировым финансовым центром своего сына и наследника Ашшур-надин-шумми.

Однако вавилонские сепаратисты привлекли на свою сторону не только халдеев, но и старого врага Империи – Элам. Эламиты вторглись в Вавилонию, наследник царя был схвачен и погиб в

плону. Когда разъяренный ассирийский царь вторгся в Вавилонию, чтобы отомстить за сына, между ассирийцами и коалицией вавилонян и эламитов состоялась в 691 году грандиозная и жестокая битва, которая закончилась вничью. Однако в дело вступила ассирийская разведка – в Эламе началась смута и два года спустя Синаххериб вступил в мятежный Вавилон.

На этот раз он решил не ограничивать кару непосредственными виновниками и обрушился за мятеж и гибель наследника на весь олигархический город. Синаххериб понял, что Вавилон окончательно сделал ставку против Ассирии, стремится к основанию собственного государства ростовщиков и обеспечивающих им силовое прикрытие халдеев, поэтому он попытался покончить с этим опасным центром, разъедавшим целостность и подрывавшим могущество Империи.

Уцелевшие вавилоняне были депортированы, статуя Мардука вывезена в Ашшур, город сожжен и разрушен, обломки строений сброшены в Евфрат, русло которого изменили, чтобы накрыть им руины великого города, превратив их в болото. «Дабы в грядущие времена никто не мог найти даже место этого города, я залил его водой». Земли вокруг Вавилона были разданы кочевым племенам в награду за верность Ассирии.

Смысл поступка Синаххериба, жестоко расправившегося с международным центром финансовой олигархии был понятен не многим. Со стороны его действия выглядели как немотивированная жестокость и кощунство, ведь речь шла о «священном городе». Поэтому царю пришлось пойти на уступки – он назначил наследником, вопреки очередности, своего сына от вавилонянки Асархаддона.

Последние годы своего царствования Синаххериб провел укрепляя и украшая Ниневию, старинный город, сделанный им новой столицей. Вокруг Ниневи были разбиты парки с иноземными растениями, с собранными со всех концов Империи, в город был

проведен акведук с чистой горной водой. Очевидно после того как несколько попыток ассирийских владык построить столицу с нуля – Кар-Тикульту-Нинурта, Кальху, Дур-Шаррукин, не удались, Синаххреб решил опереться на уже существующий старый город, который, однако, не был так тесно связан с олигархией как Ашшур или Вавилон. Ниневия осталась столицей до самого конца Ассирии и именно с этим городом ассоциировалась Империя в последнее ее столетие.

Именно там «когда он поклонялся в доме Нисроха, бога своего, то Адрамелех и Шарецер, сыновья его, убили его мечом, а сами убежали в землю Араратскую. И воцарился Асардан, сын его, вместо него» (4 Царств 19, 37). Ассирийский источник уточняет, что царь был убит «между шеду и ламасу» - божествами охранителями, то есть расправа над ним была изощренным святотатством. Была ли причиной заговора ревность связанная с назначением наследником Асархаддона, или же убийцы выполняли заказ олигархии – доподлинно неизвестно, но есть все основания предполагать второе.

Синаххериб удостоился характерной посмертной враждебности либеральных историков, подсознательно или вполне осознанно ассоциирующих себя с Вавилоном. Библейская традиция не дает для таких выводов никаких оснований, напротив, вразумленный чудом Божьим горделивый Синаххериб сделал верный вывод из случившегося с его войском под стенами Иерусалима и Иудея осталась одним из немногих автономных княжеств на территории его Империи. Расправа Синаххериба над Вавилоном вполне объяснима была как преступлениями вавилонян, так и общей несовместимостью имперской и олигархической идей.

Предпоследний великий царь Ассирии Асархаддон (681-669) пытался совмещать воинственную политику своего отца с уступками вавилонской олигархии. Он начал на государственные средства восстановление Вавилона, вернул на место его жителей и произвел реституцию их земель. Но, в отличие от Саргона II, проклинавшегося

своего предшественника Салманасара, Асархаддон стремился не бросить никакой тени на Синаххериба – восстановление Вавилона было объявлено милостью богов, сжалившихся над городом и простивших его преступления.

Асархаддон остался в истории как один из наиболее могущественных правителей Ассирии. Русский поэт-символист и профессиональный историк Валерий Брюсов дал своего рода краткий реферет его правления в замечательном стихотворении:

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе.

Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величием упоен,
Я, вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

На первый взгляд загадкой представляется расправа над Сидоном, дотоле лояльным к Ассирии финикийским городом, на который Синаххериб делал ставку в борьбе с олигархическим Тиром. Сидону не с чего было восставать против Ассирии, поэтому можно предположить, что лояльный к олигархической партии Асархаддон расправился с ним в угоду Тиру. Сидон был разрушен и на его месте была основана военная колония Дур-Асархаддон. Царя же Тира Асархаддон, напротив, щедро наградил за лояльность, уделив часть взятой в Сидоне добычи и заключив с ним торговый договор. Здесь мы можем уловить как олигархия прямо начала влиять на политику

Империи и влиять неудачно – вскоре Тир взбунтовался в тылу у войск Империи, подкупленный египтянами, и часть военных сил пришлось уделить на его осаду.

Асархаддону пришлось столкнуться с новыми угрозами Империи – в Азию вторглись воинственные и жестокие скифы, которые подорвали господство Ассирии в Иране. При их поддержке от Ассирии отделилась Мидия во главе с царем Хшатритой. Однако ассирийский царь сумел обернуть возникший кризис в свою пользу. Он лично встретился с царем скифов Партатуа и выдал замуж за него свою дочь. Мидию это вернуть не помогло, но лояльность воинственных скифов надолго обеспечила северные границы Империи, развязав Асархаддону руки на других стратегических направлениях.

Главным из этих направлений стал Египет. При Асархадоне иноземная держава, а не просто племена царей-пастухов и не народы моря. Впервые вторглась на территорию тысячелетиями изолированного Египта и подчинила его. Завоевание Египта облегчалось тем, что там правил эфиопский фараон Тахарка, который нравился далеко не всем египтянам. Ассирийцы решили сделать ставку на правителей нома Саис в дельте, Нехо и Псамметиха, ливийцев родом, однако страстных сторонников возрождения самобытной египетской культуры. На первых порах ставка сыграла, но при преемнике завоевателя Саисские фараоны отделились от Ассирии и стали её врагами.

Асархадон умер во время очередного похода в Египет, оставив страну на пороге серьезного кризиса. Царь хотел оставить свой престол сыну вавилонянки Шамашшумукину и тем самым укрепить ассирийско-вавилонский дуализм, в котором Империя должна была служить олигархии. Однако военно-служилая ассирийская знать решительно воспротивилась такому решению. Наследником был назначен ассириец Ашшурбанапал, первоначально воспитывавшийся для должности жреца. Для Шамашшумукина был предназначен автономный трон Вавилонии.

Но двоевластие было еще более опасно для страны. Адад-шум-уцур, жрец и астролог, предупредил Асархаддона о неизбежных последствиях его ошибки: «Ты облек одного своего сына царскими одеждами и передал ему власть страны Ашшур. Своего старшего сына ты назначил на царствование в Вавилоне... То, что царь, мой господин, сделал с юными царями, нехорошо для страны Ашшур» (Цит по: Белявский 1971, 34)

Не только чиновники внутри страны, но и внешнеполитические партнеры Ассирии должны были принести клятву, что при смене власти они поддержат Ашшурбанапала. Клятва с циничной деловитостью оговаривала все возможные варианты развития событий, даже такие, которые в другом государстве сочли бы обсуждать неприличным и святотатственным:

«[Вы клянетесь], что, если Асархаддон, царь Ассирии умрет, когда его сыновья будут еще малы, и чиновник или придворный убьет Ашшурбанапала, наследника трона, и вступит во владение царством, вы не будете заодно с ним и не станете его слугами, а разорвете с ним отношения и станете его врагами, что вы схватите и убьете его и таким образом сделаете так, чтобы сын Ашшурбанапала, наследника престола, занял трон Ассирии» [Цит по: Лессёэ 2012, 192-193].

Ашшурбанапал (669-627) был настоящим интеллектуалом на троне. Он очень много читал, сам писал стихи и молитвы, редактировал свои анналы. В Ниневии в своем дворце он собрал огромную библиотеку в которой сконцентрировал подавляющее большинство интеллектуальных богатств Шумера и Аккада, Вавилонии и Ассирии за два тысячелетия – одно это деяние оправдывает существование Ассирийской империи в глазах потомков, так как без этой библиотеки мы не знали бы ни Эпоса о Гильгамеше ни многих других творений вавилонской литературы первого ряда.

Царь не был полководцем, зато, занимая в молодости должность начальника разведки, он оказался очень дельным дипломатом и

стратегом, умевшим выпутываться из тупиковых ситуаций. Однако его талантов оказалось мало для того, чтобы спасти Ассирийскую империю от гибели – слишком уж много было у нее врагов, и египтяне, и отпавшие мидяне, и халдеи, и Элам, и продолжавшая точить нож вавилонская олигархия. Пока царю хватало сил «разруливать» сложные проблемы, Ассирия держалась на плаву, а потом резко рухнула.

Первые полтора десятилетия Ашшурбанипал правил огромной державой от Эфиопии до Мидии, его вассалами признали себя Лидия и Фригия, боявшиеся киммерийцев, и Мидия, боявшаяся скифов.

А затем точно какая-то могущественная рука начала обрушивать империю кирпичик за кирпичиком. Отделился оказавшись под властью Саисской династии Египет. Взбунтавалась Мидия, мятеж которой удалось подавить только вмешательством скифов, ставших фактическими хозяевами страны. Началась новая схватка с эламитянами. Наконец в 652 году последовал давно ожидаемый удар в спину от Вавилонии и брата Шамашшумукина, который предпочел верность своему народу по матери, а не по отцу.

Организовать мощную и сплоченную коалицию против Ассирии у вавилонян не получилось, все, чего они смогли добиться – это выделить сокровища вавилонского храма Эсагила для очередной оплаты вторжения эламского войска. После трехлетней осады Вавилон в 648 году был взят Ашурбанапалом, неверный и мятежный брат поджег свой дворец и бросился вместе с семьей в огонь. Уничтожения города победителем не последовало – император сам, под именем Кандалану, воцарился в Вавилоне, казнив только своих противников. После чего сосредоточился на мести Эламу – эламские цари один за другим свергались, умирали при загадочных обстоятельствах. Голова одного из них украшает дерево в царском саду на рельефе, изображающем пир Ашшурбанапала и его жены. В конечном счете Элам был сокрушен и аннексирован Ассирией. В

числе других вассалов Элама принес присягу Ассирии и вождь персов Кир I, дед создателя персидской империи Кира II.

По случаю победы Ашшурбанапал отпраздновал своего рода триумф – в колесницу на которой он направлялся в Эмашмаш, главный храм Ниневии, вместо лошадей были впряжены пять пленных царей: эламские Таммариту, Умманигаш III, Паэ, Умманалдаш III и арабский Уайтэ. Потом побежденные цари были посажены в клетки у ворот Ниневии на потеху прохожим.

«К 640 г до н.э. Ассирия достигла наибольшего территориального протяжения за всю свою историю, но все это могущество держалось в значительной степени на союзе со скифами и возможности использовать их. Тревожным симптомом было падение боеспособности ассирийской армии, раз за разом грома одни и те же области, она оказывалась неспособной покорить их» - отмечает А.А. Немировский (Всемирная история т. 1, 301).

Последовавший коллапс Ассирии на глазах у одного поколения не вполне ясен для нас, так как не освещен в источниках. Можно предположить, что решающим фактором, убившим империю, стал разрыв ассирийско-скифского союза. Возможно, он последовал за заговором в результате которого Ашшурбанапал был отстранен от ассирийского престола, замененный сыном Ашшурэтилилани, хотя под именем Кандалану он остался номинальным царем Вавилона. Скифы рассеялись по всей империи, грабя всё, что им попадалось под руку и сея смерть и разрушение. В книге пророка Иеремии нашло отражение это нашествие:

«Вот, Я приведу на вас, дом Израилев, народ издалека, говорит Господь, народ сильный, народ древний, народ, которого языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что он говорит. Колчан его – как открытый гроб; все они люди храбрые. И съедят они жатву твою и хлеб твой, съедят сыновей твоих и дочерей твоих, съедят овец твоих и волов твоих, съедят виноград твой и

смоквы твои; разрушат мечом укрепленные города твои, на которые ты надеешься. Но и в те дни, говорит Господь, не истреблю вас до конца» (Иер. 5, 15-18).

После смерти Ашшурбанапала за ассирийский престол началась многосторонняя война, пользуясь которой мятеж поднял халдейский военачальник Набопаласр, назначенный править приморскими областями Шумера вместо верного соратника умершего царя – Билибни. Халдеи захватили Урук, а затем им подчинился Вавилон, чья олигархия реализовала давнюю мечту – сменить ассирийское господство на халдейское. Ассирийская империя фактически распалась а её обломки делили между собой два союза – Египетской-Ассирийский и Вавилонско-Мидийский. Заманив в ловушку вождей скифов и перебив их на пиру, царь Мидии Киаксар чрезвычайно усилился и обрушился на Ассирию, для которой Мидия была фактически слабоохраняемым тылом.

В 614 году мидяне разгромили Ашшур, на осаду которого вавилоняне намеренно опоздали, так как не хотели участвовать в разгроме священного города. Встретившись на развалинах Ашшура Киаксар и Набопаласар заключили союз, поженив своих детей – вавилонского царевича Навуходоносора и мидийскую принцессу Амитиду. Императорский престиж и титул остались у Набопаласара, создавшего недолго просуществовавшее Нововавилонское царство.

А два года спустя союз халдеев и мидян был подкреплен кровавым разгромом Ниневии. Падение столицы Ассирии произвело огромное впечатление на тогдашний мир. Безжалостный приговор «городу кровей» прозвучал в книге пророка Наума:

«Ниневия со времени существования своего была как пруд, полный водою, а они бегут. «Стойте, стойте!» Но никто не оглядывается. Расхищайте серебро, расхищайте золото! нет конца запасам всякой драгоценной утвари. Разграблена, опустошена и разорена она, — и тает сердце, колени трясутся; у всех в чреслах сильная боль, и лица у всех потемнели. Где

теперь логовище львов и то пастбище для львенков, по которому ходил лев, львица и львенок, и никто не пугал их, лев, похищающий для насыщения щенков своих, и задушающий для львиц своих, и наполняющий добычею пещеры свои и логовища свои похищенным?»

Пророк в связи с гибелью Ниневии указывает на противоречие между купцами и военачальниками, которые рассеиваются как саранча при опасности, и считает причиной катастрофы грехи и злобу Ассирии на прочие народы.

«Начерпай воды на время осады; укрепляй крепости твои; пойди в грязь, топчи глину, исправь печь для обжигания кирпичей. Там пожрет тебя огонь, посечет тебя меч, поест тебя как гусеница, хотя бы ты умножился как гусеница, умножился как саранча. Купцов у тебя стало более, нежели звезд на небе; но эта саранча рассеется и улетит. Князья твои — как саранча, и военачальники твои — как рои мошек, которые во время холода гнездятся в щелях стен, и когда взойдет солнце, то разлетаются, и не узнаешь места, где они были. Спят пастыри твои, царь Ассирийский, покоятся вельможи твои; народ твой рассеялся по горам, и некому собрать его. Нет врачевства для раны твоей, болезненна язва твоя. Все, услышавшие весть о тебе, будут рукоплескать о тебе, ибо на кого не простиралась беспрестанно злоба твоя?».

Но был в Священном Писании и другой взгляд на Ниневию. В книге пророка Ионы рассказывается о том, что Господь велит пророку идти в Ниневию и проповедовать её жителям покаяние. Он стремится скрыться от гласа Божия (возможно из ненависти к Ассирии), плывет на корабле и попадает во чрево кита, после чего, раскаявшись, отправляется в Ниневию и проповедует покаяние, сумев достучаться до сердец жителей города. Погибель Ниневии не свершается, а пророк возвращается в Иерусалим. Возможно, зная об исторической судьбе Ниневии, это избавление города следует толковать

аллегорически – как сохранение укрепленной ассирийцами Империи, хотя и в новых обликах и под властью новых народов.

Ассирия сыграла в истории огромную роль. Прежде всего впервые в истории возникла трансрегиональная сверхдержава, осуществлявшая власть над множеством разнородных стран и народов. Основой этой сверхдержавы была высокопрофессиональная армия, готовая к постоянным войнам и победам. Большую роль играл развитый административный аппарат и система территориального управления при помощи деления страны на мелкие подоточные центры и управляемые чиновниками провинции. Впервые в истории была широко и разнообразно применена деятельность спецслужб.

Ассирия впервые столкнулась с тем, что делать с этническим многообразием империи, и предложила свой ответ – переселение, перемешивание, создание нового имперского народа путем насильственного слияния прежних. Ответ этот оказался не слишком удачным, поскольку у этой смешанной массы не было никаких оснований драться за империю как за свою родину, стало очевидно, что без государствообразующего корневого народа империи не устоять.

Показал ассирийский пример и то, что, как позднее выразится Наполеон, «на штыке нельзя сидеть». Ни сверхнасилие, употребляемое ассирийскими царями, ни демонстративная жестокость, не могут обеспечить лояльности и подчинения. Ассирия наживала новых и новых врагов, восстания против неё вспыхивали вновь и вновь, и, в какой-то момент, у державы просто не хватило сил, чтобы справиться со всеми угрозами. Под давлением бесчисленных враждебных коалиций Ассирия рухнула, поскольку не смогла обеспечить действительно «имперского мира» для завоеванных стран и народов.

Однако Ассирия оставила и еще один урок – несовместимость в одном имперском организме военно-служилого и торгашески-

олигархического начала, представленного в Ассирии альянсом влиятельных купеческих олигархий Вавилона Ашшура и Тира. Не давая по настоящему укрепиться империи, подрывая власть императоров, убивая неудобных, олигархия, в конечном счете, довела Ассирийскую державу до краха, рассчитывая найти для себя более удобное пристанище в Нововавилонской империи халдеев. Однако сроки существованию этого государства были с самого начала отмерены крайне ограниченные, по сути оно послужило лишь переходной ступенью на пути от Ассирии к Персии.

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ. СУДЬБА ЦИВИЛИЗАЦИИ

Битва с пустыней

Страна была создана объединением двух регионов, Верхнего Египта, где орошаемые разливами Нила земли составляли узкую полосу среди пустынь, и Нижнего Египта – широкой дельты реки с её заливными лугами.

Цари Верхнего Египта покорили Нижний, однако господство одной части страны над другой не было установлено – напротив, египтяне во всем искали равновесия. Каждое из царств имело своего визиря, свой чиновничий аппарат, фараон включал в свое тронное имя титул «nsw-bity» - «тростниковый и медовый», что и означало «царь Верхнего и Нижнего Египта». Фараоны вместе или порознь использовали две короны: «хеджет» – белую корону Верхнего Египта и «дешрет» – красную корону Нижнего Египта, соединенная корона называлась «пшент».

Однако слово «дешрет» означало у египтян не только и не столько красный цвет, и тем более не зеленую дельту Нила, оно означало окружающую страну красную пустыню и враждебные варварские земли, зону хаоса, соотносившуюся с богом пустыни Сетом. Так что, возможно, красная корона была, на самом деле, не «коронай Нижнего Египта», а короной, которой египетские цари пользовались, чтобы магически заклясть и подчинить себе враждебный внешний мир, будь то пустыня, или дельта. «Магия сильнее любого оружия в мире земном» - считали египтяне.

Таким же средством магического заклинания пустыни стали и величественные пирамиды, сооружавшиеся к западу от столицы объединенного Египта – Мемфиса, сооруженной на границе Севера и Юга. Египтяне называли этот город «Анх-Тауи» — «Жизнь двух земель» и «Мехат-та-уи» — «Объединяющий две земли». А от его имени «Хут-ка-Птах» - «храм души бога Птаха» образовалось греческое слово Αἴγυπτος – Египет (сами египтяне называли свою

страну Кемет - Черная). Ролью Птаха считалось примирение враждующих богов Хора (изображавшегося в виде сокола сына Осириса, бога Нижнего Египта) и Сета (изображавшегося в виде собаки бога Верхнего Египта).

Казалось бы, бог победивших южан должен был стать общим богом страны, но произошло обратное – фараоны принимали имена в честь Хора, а про Сета практически позабыли. Так произошло потому, что Хор и его отец Осирис были связаны с оживлявшим страну водным началом, а Сет был божеством угрожавших гибелью стране и цивилизации пустынь.

Огромные пирамиды сооружались с большим напряжением сил трудового народа и мобилизацией возможностей централизованной власти фараонов (слово «фараон» восходит к египетскому «per-añ», «великий дом», иносказательному обозначению высшей власти в том же роде, в котором мы употребляем выражения «Кремль» или «Белый Дом»). Их целью было, по мнению российского египтолога Р.А. Орехова, помочь пустыне-Сету возродиться из своего деградировавшего состояния до полноты солнечного божества Атума.

«Атум (букв. «полнота»), теряя свою целостность, начинает стареть и деградировать. На последнем этапе этого перерождения появляется Сет..., ночное божество пустыни в образе собаки или лисицы, персонифицирующее тьму, засуху и хаос. Сет должен вернуться к своему изначальному состоянию, т.е. к тому времени, «когда ещё не была основана земля», и месту, где зародилось мироздание, чтобы снова стать Атумом, трансформировавшись в абсолютную полноту... В этом ему должна была помочь пирамида, где он мог накопить силы и обрести состояние полноты» (Орехов 2014, 15).

Смерть фараона описывалась как слияние плоти царя с солнцем: «поднялся бог к горизонту своему, царь Верхнего и Нижнего Египта... вознесся в небеса и воссоединился с солнцем; божественная плоть слилась с создавшим ее» – говорилось в «Повести о Синухете». И

магической целью пирамиды было усилить эффект от слияния могущественного фараона с солнцем, так, чтобы стимулировать возрождение Сета из своего пустынного облика в полноту Атума.

«Девять луков»

«Египет в эпоху Древнего царства не проводил активной внешней политики; огромные материальные и людские ресурсы были направлены преимущественно на возведение грандиозных царских памятников» (Орехов 2014, 415). Разумеется, при таком восприятии мира, египтяне рассматривали чужеземные народы не как братьев и не как объект интереса, а как части деградировавшего «сетева» пустынного пейзажа.

Характерной чертой египетского мировоззрения была крайняя ксенофобия по отношению к внешнему миру. Одним из ключевых образов египетского самосознания был образ «девяти луков» – символизировавший окрестных варваров, которых покорил и изгнал фараон. Девять луков изображались на сандалиях фараонов, подножиях царских статуй, подножиях тронов (например сохранившегося золотого трона Тутанхамона), символизируя, что властитель попирает своих врагов. Белокожие ливийцы, чернокожие кушиты-нубийцы, бородатые азиаты-семиты изображаются на египетских памятниках преимущественно в качестве пленников и данников – связанные и униженные они проходят перед фараоном или он восседает на них.

Однако миссией фараона было не покорить чужеземцев и продиктовать им свой порядок, а «изгнать девять луков». «Что до Девяти Луков, я увел их с их земли и их границ; принадлежат они мне. Вожди их и народ их пришел ко мне с мольбой. Я выполнил задуманное Господином Всего Сущего, божественного повелителя богов. Возрадуйся, о Египет, до высот небес, ибо я правитель Юга и Севера на престоле Атума. Боги установили меня царем над Египтом, победителем, дабы изгнать врагов из стран их...» - писал фараон

Рамсес III с трудом отбившись от варварского нашествия «народов моря» и ливийцев.

Интереснейший памятник древнеегипетской письменности представляют собой «тексты проклятий», относящиеся к периодам Древнего и Среднего царств. На необожженную глину наносили имена названия вражеских народов, после чего горшки обжигали, а затем в ходе особого ритуала их разбивали. Со временем имена врагов стали писать не только на сосудах, но и просто на глиняных табличках или бирках. Затем бирки разламывали и закапывали в районах государственной границы. Для обостренно-магического восприятия действительности египтянами была характерна вера, что те, в отношении которых совершался данный ритуал, причислялись к убитым. Предполагалось, что благодаря ритуалу они заранее обречены на смерть.

«Всякий мятежник этой страны... всякий муж, всякий кастрат, всякая женщина, всякий иноземный князь, всякий нубиец, всякий заговорщик, всякий союзник, всякий, кто связан с этим из какой-либо чужеземной страны, которые будут восставать в странах... когда те поднимут мятеж и будут замышлять дурное, призывая к грабежам всякими злыми речами южной и северной земель вечно» – гласило одно из подобных проклятий (Шапуленко 2009, 109).

Отношение египтян к чужеземцам и, в особенности, перед жителями граничившего с Египтом Ханаана было смесью страха и отвращения. В поучении одного из царей, Ахтоя III своему сыну Мерикара (в этом тексте ощущаются мотивы, перекликающиеся с трактатом «Об управлении Империей» императора Нового Рима Константина Багрянородного) сказано так:

«Смотри, вбит пограничный столб для азиатов. Я установил границу на востоке.... Там находятся поселения, полны они лучшими людьми со всей земли до границ ее, чтобы отражать азиатов... Подл азиат, плохо место, в котором он живет - бедно

оно водой, трудно проходимо из-за множества деревьев, дороги тяжелы из-за гор. Не сидит он на одном месте, ноги его бродят из нужды. Он сражается со времен Гора, но не побеждает, и сам он не бывает побежден. Не объявляет он дня битвы, подобно грабителю, страшатся они вооруженных отрядов».

Даже в эпоху Нового царства, когда имперские притязания фараонов были максимальными и египтянам принадлежала власть над значительной частью Палестины и Сирии, которые они называли «Речену», царские чиновники, надзиравшие за делами покоренных территорий, именовались «глаза царя Верхнего Египта, уши царя Нижнего Египта в мерзкой стране Речену».

Корабли и золото

Отчуждение от внешнего мира касалось у египтян, впрочем, только сухопутных границ, проходивших по пустыне. Совсем иначе складывались отношения Египта с мореплаванием. Основная часть мирных и военных перемещений по стране осуществлялась по воде. Хор и Осирис считались связанными с водой, в одном из мифов Сет убивает Осириса коварно заперев его в деревянном гробу и пустив вплавать до ханаанского города Библа, где египтяне приобретали множество финикийских товаров и, прежде всего, хороший кораблестроительный лес.

Египетское кораблестроение, использование весел, руля и паруса, хорошо известны нам по многочисленным росписям в гробницах фараонов и вельмож. Интенсивная торговля шла у Египта с Ханааном/Финикией, регулярно отправлялись экспедиции по Красному морю в экзотическую страну Пунт на Африканском роге, так что на этом море даже появились пираты.

В гробнице фараона V династии Сахура изображен рассказ о морском походе на Сирию из которого привезены были пленники и

даже диковинные сирийские медведи. Тот же фараон отправил, по его рассказу, грандиозную морскую экспедицию в страну Пунт.

Показательна египетская «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» – египетский вельможа попадает в шторм на Красном море, его корабль гибнет, сам он, ухватившись за бревно, спасается на необитаемом острове, где встречает загадочного Змея, который говорит: «Не бойся, не бойся, малый, не прячь лицо твое. Достиг ты меня. Вот бог, дал он жизнь тебе, принес он тебя к острову этому... Наполнен он вещами всякими прекрасными. Вот проведешь ты месяц за месяцем всего четыре месяца на острове этом, и придет корабль от родных берегов. Команда там, знакомая тебе. Отправишься ты с ними к родным берегам...». И правда, спустя четыре месяца появляется спасительный корабль – высокая плотность судоходства для той эпохи.

Фараон Рамсес III, при котором Египет давно прошел пик своего могущества однако с гордостью писал в своем завещании, возможно не столько излагая действительные факты, сколько изображая взгляд египтян на то, как должны идти дела: «Я построил большие ладьи и суда [конвоя] перед ними, укомплектованные многочисленной командой и многочисленными сопровождающими воинами; на них их начальники судовые с уполномоченными царя и начальниками для того, чтобы наблюдать за ними. Причем суда были нагружены египетскими товарами без числа...»

Особое внимание уделялось египтянами золоту, что было обусловлено магическим солярным культом – солнечный металл считался плотью царя, а следовательно и плотью Ра-Атума, составной частью титулатуры фараона было «золотое имя».

«На границах Египта и соседних с ним Аравии и Эфиопии есть место, где находятся большие и многочисленные рудники. Там добывается золото с великими мучениями и тратами... Ведь сама природа, я думаю, ясно показывает, что золото тяжело производится, трудно сохраняется и требует величайших стараний, применение же его

служит равно как на радость, так и на горе». - рассказывает греческий историк Диодор Сицилийский.

Когда Египет выходит в эпоху Нового царства на арену большой мировой политики, золото превращается в один из важнейших его внешнеполитических инструментов. Во внешнеполитическом архиве фараонов, найденном в египетской деревне Тель-Амарна на месте несостоявшейся столицы – Ахетатона, сохранились многочисленные письма их внешнеполитических партнеров, которые иначе как попрошайничеством не назовешь.

«И относительно золота, золота многочисленного, как только возможно многочисленного... теперь быстро, в течение этой жатвы... пришли его, чтобы я мог завершить работы, которые я осуществляю...» – писал касситский царь Вавилонии Кадашман-Эллиль фараону Аменхотепу III. Ему вторит правитель хурритского царства Митанни Тушратта: «Пусть мой брат пришлет золото больше, чем моему отцу, потому что в стране моего брата золото так же обильно, как пыль» (Межгосударственные отношения 1987, 66).

При этом финансы и торговля развиты были в Египте очень незначительно – там не развилось ни ростовщичества, ни кредита, ни спекуляции, торговцы не стали никогда сколько-нибудь влиятельным сословием. Весь внешний обмен был сосредоточен преимущественно в руках государства и представлял собой приобретение добычи, сбор дани или обмен дарами.

Изгнание гиксосов

Казалось, Египту так и суждена была жизнь в самоизоляции, которая при благоприятных обстоятельствах могла привести к рождению эгоистичной морской державы. Однако историческим обстоятельствам суждено было ненадолго «вытащить» Египет на арену имперского строительства. Египет был завоеван азиатами и на какой-то момент стал частью «аморейского мира».

Произошло это в конце среднего царства, когда страну настиг очередной распад и кризис. А вопреки нашим представлениям о Египте как о неподвижной стабильной цивилизации, большую часть истории страны на троне менялись династии, зачастую устранявшие предшественников насильственно, фараоны становились жертвами заговоров, периоды сильной централизованной власти, именуемые нами Древним и Средним царствами, сменялись распадом страны на отдельные области и воюющие друг с другом небольшие царства.

«Воистину: чужеземной землей стала страна. Номы разгромлены. Варвары извне пришли в Египет... Нет больше нигде египтян... Не едут больше люди на север в Библи сегодня. Что нам делать для получения кедров нашим мумиям, ведь в саркофагах из них погребались «чистые» и бывали набальзамированы маслом их кедров вельможи вплоть до Кефтиу [Крита]... Смотри! Каждая чужеземная страна [говорит]: «Это наша вода! Это наши поля!» Что вы можете сделать против этого? Ведь все склоняется к упадку» – говорится в «Речении Ипувера», описывающем кризис Среднего Царства.

Ипувер упрекает фараона за то, что это он не соблюдает правду и потому виноват в постигшем страну безвластии:

«Когда мы погибали, я не находил тебя... Разум, Познание и Правда с тобою. А смуту вместе с шумом междоусобия ты рассылаешь по стране... Разве существует пастырь, желающий смерти своему стаду?»

В эту смутную пору Нижний Египет и стал объектом проникновения племен из Ханаана, которые в позднейшей литературе получили название «гиксосы», «цари-пастухи». Их племенной состав был пестрым, хотя основу составляли семиты-ханаанеяне, но к ним присоединились и какая-то часть индоевропейских колесничих, а также хеттов и митанийцев-хурритов. Скорее всего именно с гиксосами попали в Египет и древние евреи, а фараоном, сны

которого разгадывал сын патриарха Иакова – Иосиф Прекрасный был именно владыка гиксосов.

Хотя пытавшийся пересказать для греков историю Египта жрец Манефон изображал вторжение гиксосов как жестокое и разрушительное завоевание, скорее всего речь идет о процессе того же типа, который за несколько веков до того был характерен для аморейского вторжения в Месопотамию. Кочевые племена во главе со своими вождями постепенно проникали в Египет, захватывали под пастбища часть земли, разбойничали, а потом и забирали в свои руки власть. В конце концов владыка гиксосов основал свою династию в Аварисе, столице в восточной части дельты Нила. Там почитался ханаанский Ваал, которого египтяне отождествили с Сетом.

Преимуществом гиксосов первое время была их более совершенная военная техника. Прежде всего – это усвоенные у индоевропейцев навыки коневодства и владение боевыми колесницами, затем сложный лук, бронзовые кольчуги и шлемы, мечи и кинжалы. Принесли гиксосы в Египет акаадский и аккаадскую клинопись, *lingua franca* древнего мира.

Владычество гиксосов в дельте Нила и среднем Египте было непосредственным, составляя одну державу с их владениями в Ханаане. Верхний Египет находился от царей-пастухов в даннической зависимости, напоминающей ту, которая связывала Русь и Золотую Орду. Египет напрямую или косвенно был втянут в большой «аморейский мир», который ранее уже породил империю в Вавилоне.

Египетская сказка рассказывает, как владыка гиксосов Апопи прислал за много сотен километров к Секененра, правителю Фив ультиматум с требованием уничтожить священный пруд с гиппопотамами, так как: «Они не дают сну прийти ко мне ни днем, ни ночью, так как крики их наполняют ухо». Мы не знаем чем закончились переговоры о гиппопотамах, но общий итог известен –

обнаруженная мумия Секененра вся покрыта ранами, череп проломлен гиксосской секирой, наподобие тех, что находят археологами. Очевидно правитель Фив все-таки начал войну с захватчиком в которой пал.

Дело Секененра продолжил брат – Камос, который заявил придворным, что не хочет больше делить власть над страной с иноземцами: «Хотел бы я знать, что это за сила моя, когда один властитель в Аварисе, а другой в Куше, я же сижу вместе с азиатом и кушитом, и каждый человек располагает частью своей в Египте... Опускается человек, будучи задавленным повинностями на азиатов... Я хочу освободить Египет и уничтожить азиатов».

Египетские вельможи были настроены довольно коллаборационистски и стали спорить со своим фараоном: «Нам спокойно с нашей частью Египта... Средняя часть Египта с нами... Возделываются для нас их лучшие земли. Быки наши пасутся в зарослях Дельты. Полба доставляется нашим свиньям... Он владеет землей азиатов, мы владеем Египтом. Вот когда придет тот, кто причалит и будет действовать против нас, тогда мы будем действовать против него». Но «расстроили они сердце его величества». Камос был решительно настроен воевать, в его ответах звучит та энергия, благодаря которой создается имперская мощь: «Я сражусь с азиатами и наступит благополучие. Если же [я паду], вся земля с плачем прославит меня, могучего правителя... Камоса, защитника Египта».

В гневных угрозах, которые Камос адресует царю гиксосов Апопи, переплетаются традиционная египетская ксенофобия, требующая освободиться от власти варваров, и стремление завладеть богатствами азиатов, которое и приведет египтян к империи: «Твой рот слишком узок, чтобы сделал ты меня правителем зависимым, так как ты властитель лишь для умоляющих тебя... Властитель Речену, мерзкий руками, тот, кто замыслил злые дела в сердце своем, но не выпали они на долю ему... Я не позволю, чтобы попирали ты землю мою, а я бы не был на тебе. Да сгинет сердце твое, мерзкий

азиат!.. Дань всякая прекрасная из Речену, захватил я её всю. Я не оставил и малости для Авариса из-за зла его. Азиат, исчезни! Да сгинет сердце твое!».

Хотя Камосу не удалось захватить Аварис, его дело продолжил племянник, сын Секененра фараон Яхмос, основатель Нового царства и XVIII династии. Он не только изгнал царей-пастухов из Египта, но и совершил первые египетские захваты в Ханаане. Его сын Аменхотеп I создал для Египта колониальное владение в Нубии, которым отныне управлял специальный чиновник: «царский сын Куша и начальник южных областей». А следующий фараон Тутмос I совершил несколько крупных походов в Азию и первым из владык Египта дошел до Евфрата, «перевернутой воды», текшей в обратном чем Нил направлении.

«Он взял границы земли в свое владение. Сокрушил обе крайние части ее своим могучим мечом, ища сражения, но не нашел никого, кто противостоял бы ему. Он проник в долины, которых его предки не знали. Не видели их те, которые носили двойную диадему коршуна и змеи... Южная граница его достигает до этой земли [Нубии], северная же до перевернутой воды, которая течет вниз по течению реки, идя вверх по течению. Подвластны ему острова великого круга [океана], вся земля — под его ногами» - было сказано в одной из надписей Тутмоса I.

Египетский «Наполеон» и создание империи

Строительство Империи продолжил внук Тутмоса I – Тутмос III. На двадцать лет он был отстранен от власти мачехой, энергичной дочерью Тутмоса I Хатшепсут, царицей-фараоном, при которой завоевания почти прекратились, зато усилилась власть жрецов фиванского бога Амона, развернулось строительство и продолжились экспедиции в Пунт.

Получив власть после смерти узурпаторши и приказав сбить её имя со всех надписей, Тутмос III начал систематическое завоевание

«страны Речену», Сирии и Палестины или, по-библейски, Ханаана, практически ежегодно вторгаясь в неё с большим войском. За первые 20 лет своего правления, которые нам известны лучше всего, «египетский Наполеон» совершил 16 походов.

В битве при Мегиддо (на том самом месте, где по «Откровению» св. апостола Иоанна Богослова состоится последняя битва, «армагеддон», когда цари земные попытаются сразиться против вновь пришедшего Спасителя) Тутмос III разбил большую антиегипетскую коалицию из 300 правителей, князьков и царьков во главе с властителем города Кадеша.

По египетским представлениям фараон обязан был лично быть военачальником и героем, проявляя безупречную храбрость, поэтому, вместо того, чтобы двинуться к городу в обход, Тутмос избрал опасный путь через горные теснины, где голова колонны могла быть атакована всеми силами врага, пока не подтянулся её хвост. «Да не скажут они, эти враги, омерзительные для Ра: «Его величество пошел по другой дороге, испугавшись нас»» - заявил фараон и лично повел войска. Маневр завершился для египтян благополучно и вот уже фараон во главе своей армии пошел на колеснице в атаку на врагов: «Стал одолевать их его величество во главе своего войска, и когда они увидели, что его величество одолевает их — побежали они в беспорядке к Мегиддо с устрешенными лицами. Они бросили своих лошадей и свои колесницы из золота и серебра. И подняли их в этот город, втаскивая за их одежды... И вот, если бы войско его величества не предалось грабежу имущества врагов, — они захватили бы Мегиддо в тот час».

Фараон издал приказ для войска, разъяснявший важность взятия города: «Все владетели всех северных чужеземных страны заперты в нем и овладеть Мегиддо — это значит взять тысячу городов». Началась семимесячная осада, в результате которой «владетели этой страны приползли на животах, чтобы поклониться мощи его величества, чтобы испросить дыхание для своих носов». Царь Египта обязал побежденных платить дань и получил огромную добычу,

включая 924 колесницы (среди которых две отделанных золотом колесницы правителей Кадеша и Мегиддо), множество бронзовых доспехов, золота и серебра, пленников, скота и пшеницы.

После первой оглушительной победы фараон продолжил завоевание «мерзкой страны Речену», появляясь в ней с войском практически ежегодно. Египетский флот подчинял фараону финикийские города на побережье, перехватывая их торговые коммуникации и обеспечивая египетскому войску крепкий тыл: «все гавани, в которые прибывал его величество, были снабжены прекрасными хлебами... оливковым маслом, благовониями...». Тутмос III впервые задал тот формат организации геополитического пространства, который впоследствии реализует себя в средиземноморских морских державах, где государи одинаково уверенно оперировали как сухопутной армией, так и флотом.

Подчинив Ханаан Тутмос III начал прямую войну против главного геополитического противника Египта – хурритского царства Митанни. Впервые в истории между собой напрямую столкнулись две великие державы. Египтяне дошли до крупного города на Евфрате Кархемыша, где одержали победу над войском Митанни, а затем переправились через реку. Корабли для переправы были привезены из Финикии, из Библа. Теперь египетское войско, проплывшее по «перевернутой воде», хозяйничало там, где раньше простирались владения царей Междуречья.

Тутмос III совершил еще несколько походов против Митанни и их союзников на Евфрате и в северной Сирии и в итоге безоговорочное господство Египта в Передней Азии было признано безоговорочно. Митаннийцы ограничились своими притязаниями и старались теперь числиться лучшими друзьями Египта. Египет при Тутмосе III и его ближайших преемниках Аменхотепе II, Тутмосе IV и Аменхотепе III превратился в господствующую над Ближним Востоком и Восточным Средиземноморьем Империю.

Устройство египетской империи

Панораму этой империи на пике её расцвета, в царствование фараона Аменхотепа III (он походов практически не совершал, предпочитая получать дань и строить храмы), рисует один из египетских гимнов:

«... Слова, сказанные Амоном, царем богов:
Сын мой от плоти моей, возлюбленный Небмаатра,
Образ мой живой, создание моего тела,
Рожденный мне Мут, госпожой Ишеру в Фивах,
Владычицей Девяти Луков,
Вскормившей тебя народов главой единственным!
В радости сердце мое, когда вижу твою красоту.
Сотворил я чудо для Величества твоего:
Вновь ты молод,
Чтобы сделал я тебя Солнцем Обеих земель.
Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо свое к югу:
Сделал так, что окружили тебя вожди Куша поверженного,
Принеся все дары свои на спинах своих.
Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо свое к северу:
Сделал так, что страны до концов Азии пришли к тебе,
Принеся все дары свои на спинах своих.
Отдают они тебе себя и детей своих,
Моля тебя о даровании им дыхания жизни.
Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо свое к западу:
Дал тебе схватить Чехенну, нет им спасения!
Построена крепость эта во имя Величества моего,
Окруженная стеной великой, что достигает небес,
Заселенная сыновьями князей лучников Нубии.
Сотворил я чудо для тебя, повернув лицо к восходу
солнечному:
Сделал так, что пришли к тебе земли Пунта,
Со всеми цветами благоуханными своих просторов,
С прошением мира твоего и дыхания жизни, что ты даешь...».

Египетская держава простиралась не только на Куш, Ливию, Сирию и Палестину. Дары, которые фараоны рассматривали как дань, присылали правители Кипра, Крита (Кефтиу), а также Ассирии и царства Хеттов, искавшие в Египте поддержку против своего старого врага Митанни.

Ассирийский царь своими подарками подчеркивал, что Египет теперь воспринимается как сверхдержава, на которую стремились ориентироваться ассирийцы, чтобы ослабить зависимость от Митанни. Прислали послов с «данью» и хетты, воевавшие с хурритами и искавшие в лице Египта сильного союзника. С учетом того, что хеттский царь прислал 36,5 килограммов серебра, которое было в его стране в изобилии, зато высоко ценилось в Египте, принять его дары за дань было не трудно.

Сами цари Митанни, равно как и касситские цари Вавилона начинают обращаться к фараонам в предельно подобострастных, порой унижительных выражениях. С этими странами Египет связывали односторонние династические браки – их цари отправляли своих дочерей в гарем фараона, а вот в обратном им категорически отказывали. В ответ на свою лояльность соседи выпрашивали у Египта как можно больше золота.

Владыки Египта считали себя властителями островов Восточного Средиземноморья («Теперь я послал моему брату 80 талантов меди. Осталось 70 талантов меди... Теперь я произвел для своего брата много меди и... корабли... я построю» - писал правитель Кипра на острове которого имелся египетский полпред - рабицу), а судя по находкам микенской керамики в египетских городах, влияние фараонов распространялось и на материковую Грецию. Еще ни одно государство в истории не протягивало нитей влияния настолько далеко, чему способствовало господство Египта не только над сухопутными, но и над морскими коммуникациями.

Причиной таких успехов фараонов стала созданная ими мощная армия. Египтяне освоили заимствованное у гиксосов передовое

вооружение – колесницы, луки, бронзовые доспехи и мечи, однако дали это оружие в руки армии, организованной на характерный для них бюрократический манер.

Ядро армии составляли профессиональные солдаты, обучавшиеся своему ремеслу с детства. Их поддерживали «молодцы», набираемые по воинской повинности, предполагавшей призыв каждого десятого. «Начальник писцов воинов» выбирал наиболее крепких и физически пригодных: «Я набирал молодежь моего господина, я записывал бесконечные цифры, я заменял ветеранов новобранцами из молодых поколений».

Большую роль в войске играли и иноземные воины, как наемники, так и призванные из среды покоренных народов по военной повинности: нубийцы, ливийцы, азиаты и даже представители племени «шардана», которое отождествляется с жителями Сардинии.

Основу войска составляла пехота, превращавшаяся в условиях речной войны в Египте и Нубии в судовую рать. Среди пехотинцев выделялись подразделения своего рода «спецназа» – «храбрецы царя», выполнявшие наиболее рискованные и ответственные задания.

В битвах на просторах Азии на первый план вышли колесницы, на которых сражались прежде всего знатные воины, за счет которых упряжка и снаряжалась. «Продает он вещи свои от отца матери его, чтобы купить себе колесницу: дышло — за 3 дебена, колесницу — за 5 дебенов. Он спешит пуститься рысью на ней...»

Египтяне изобрели легкую двухколесную колесницу, запряженную в двойку лошадей. В колеснице помещались два воина – возница-щитоносец и лучник или копейщик. Эта колесница была очень подвижной, а иногда, как можно судить по изображениям фараонов, в ней ехал и вовсе один человек, поводья привязывались к поясу, а воин стрелял из лука, получался практически боевой «скутер».

Разумеется, такая мощная военная машина, укомплектованная большим количеством людей, жаждавшая побед, добычи и рабов не могла не желать от фараонов походов и завоеваний, стремилась, чтобы её возглавляли победители. Сами фараоны XVIII и XIX и XX династий всегда подчеркивали свой статус как военачальников, воинов-героев, лично участвуя в боевых действиях и бравирюя с риском для жизни своим бесстрашием. Большую роль в жизни страны играл генералитет, а некоторые выдающиеся военачальники, как Херихор и Рамсес I становились фараонами не будучи царского происхождения.

По своей эстетике и ценностям Египет Нового царства был военной монархией, отчасти даже «бонапартистского» типа. Впрочем этот тип появился задолго до Бонапарта, вспомним римских солдатских императоров или правивших в X веке Новым Римом военачальников, как Никифор Фока, Иоанн Цимисхий и Василий Болгаробойца. Создатель гимна Тутмосу III буквально заворочен мощью царя-завоевателя, носящей животный по сути характер:

«Я пришел и даю тебе видеть пределы всех земель,
И вся вселенная зажата в твоём кулаке...
Даю я видеть им твоё величество молодым быком,
Храбрым, направляющим рога, и нет сопротивляющихся ему.
Даю им видеть твоё величество витязем,
Подымающимся на спине пораженного им.
Даю я видеть им твоё величество львом,
И ты делаешь их трупами в долине их.
Даю я видеть им твоё величество владыкой крыла,
Схватывающим то, что он видит по желанию своему.
Даю я видеть им твоё величество шакалом юга,
Владыкой бега, бегуном, обходящим Египет»

(Цит по: Матье 1961, 201).

Еще одним свидетельством имперского расцвета Египта стало возвышение значения имперского города. Греки называли Уасет,

древнюю столицу Египта, словом «Фивы», по аналогии с одним из городов Эллады. Сами египтяне же именовали её Ниут-ресет – Южный город, или даже просто Ниут – Город, так же, как будут называть свою столицу граждане Ветхого и Нового Римов.

Египтяне воспевали Уасет не только как единственный город истинной власти, не только как имперский центр силы, но и как владычицу прочих городов на земле.

«Сильнее Уасет всех городов
Она дает своей победой землю владыке единому,
Хватающая лук, держащая стрелу,
Не сражаются вблизи неё, ибо велика её сила,
Каждый город возвеличивается в имени её,
Она — их владычица, более могучая, чем они».

Фивы приобрели выдающееся значение еще в эпоху Среднего царства, когда именно вышедшие оттуда XI и XII династии обеспечили расцвет страны. Тогда же Амон-Ра, верховный бог Фив начал утверждаться в качестве главного египетского божества. Причем Амон был по преимуществу политическим богом, богом фараонов, с милостью которого соотносились военные победы и политические свершения (Павлова 1984). В период же Нового царства фиванский культ Амона «начал обретать масштабы общегосударственного, имперского, а впоследствии и вселенского божества» (Всемирная история т. I, 121).

Если Шумер, Аккад и Вавилония стремились создать универсальное государство, на все части которого простираются универсальный порядок и справедливость царя, то египетскую империю скорее можно назвать колониальной.

В соответствии со старыми египетскими предубеждениями завоеванные земли рассматривались прежде всего как источник дани и материальных благ. Приношение иноземцами дани фараону – постоянный мотив росписей гробниц чиновников Нового царства. Художники старательно изображают этнические особенности

жителей Сирии, негров-нубийцев, ливийцев, пришельцев из страны Кефтиу (Крита), тщательно вырисовывают и своеобразие получаемых от них предметов. Бесчисленное множество получаемых Империей даров оказывается в центре эстетического восторга живописцев новоегипетской эпохи.

Завоеванные Сирия и Палестина по прежнему рассматривались как «мерзкая страна Речену», власть в которой оставлена была в руках местных владетелей на условиях изъявления ими покорности и выплаты дани. Подданные правители отправляли в Египет в качестве заложников своих сыновей, но нет никаких свидетельств того, что египтяне активно стремились распространять среди них свою культуру и привязать ханаанеян к своей империи иначе, нежели силой. Несколько больше делалось для приобщения к египетской культуре Нубии, контроль над которой был в целом более плотным.

Покоренные земли Азии были разделены на три провинции: Амурру, Упи и Ханаан. Поставленный над ними чиновник – «рабицу» числился «глазами и ушами царя», однако реальных административных полномочий над завоеванными странами не имел. В его распоряжении находились египетские гарнизоны в завоеванных землях, которые можно было пустить в случае угрозы интересам фараона, но в мирный период рабицу был скорее надзирателем и даже, временами, доносчиком, чем управителем. Фактически его полномочия были более всего похожи на полномочия «полпреда», а в Египте он подчинялся не напрямую царю, а особому административному учреждению: «Дому писем царя». Иногда рабицу назначался не из природных египтян, а из выдвинувшихся местных правителей, которые, получается, контролировали сами себя.

Религиозный переворот Эхнатона и его последствия

Египтяне, несомненно, ощущали рост внутреннего напряжения между своей традиционной ксенофобией и закрытостью перед

пустынным «миром Сета» и сложным разнообразным миром, который для них открылся после реконквисты у гиксосов и создания своей Империи. Такое государство нуждалось в новой универсальной идеологии, которую естественно было искать в традиционном для Египта культе Солнца.

«Из-за огромного наплыва иноземных рабов, торговцев и знатных людей, случившегося во времена XVIII династии, Египет стал многонациональной страной. – отмечает британский египтолог Николас Ривз, - Настороженность египтян по отношению к иноземцам... постепенно пошла на спад. Со временем, многие из них вступили в браки с коренными жителями и начали стремиться к интеграции в египетское общество... Как Амон, так и Ра были чисто египетскими божествами, и они в эти новые интернациональные времена уступали дорогу богу, не связанному ни с одной конкретной местностью. С ростом популярности солнцепоклонничества, Атон начинает вносить все больший вклад...: как универсальный символ, видимый во всех странах, он, очевидно, считался более подходящим выражением «имперской» силы, с которым царь сливался в единое существо в момент смерти. Придание Атону статуса нового, универсального бога империи... означало усиление власти царя» (Ривз, 50-51).

Возможно влияние культа Атона постепенно росло бы и становилось официальной имперской религией. Однако с египетской империей случилось непредвиденное – она попала в руки фанатика, помешанного на самообожествлении и стала жертвой царского эксперимента, который, в конечном счете привел к иконоборчеству и богоборчеству. В Аменхотепе IV провозгласившем себя Эхнатом (Полезным Атону) не трудно увидеть предтечу византийских императоров-иконоборцев, а в чем-то даже якобинцев и большевиков с их сухим рационализмом, культом абстрактного

«Верховного Существа», в конце концов, - богоборчеством и террором.

Получив власть молодой фараон решительно начал укреплять культ Атона как единственного божества Империи. Он перенес столицу в новый город Ахетатон (Горизонт Атона) спланированный так, что солнце должно каждое утро восходить от царской гробницы. Гимны солнечному диску, оживляющему природу, одинаково светящему для всех стран и народов и в самом деле могли создать ощущение универсального имперского пространства.

«Ты Ра, ты достигаешь пределов. Ты подчиняешь дальние земли сыну, любимому тобою... Чужеземные страны, Сирия, Куш, Египет каждому человеку отведено тобою место его. Ты создаешь все, что потребно им. У каждого своя пища, и каждому отмерено время жизни его. Языки людей различаются меж собою, несхожи и образы их, и цвет кожи их, ибо отличил ты одну страну от другой. Ты создал Нил в преисподней и вывел его на землю по желанию своему, чтобы продлить жизнь людей подобно тому как даровал ты им жизнь, сотворив их для себя, о всеобщий Владыка, утомленный трудами своими, Владыка всех земель, восходящий ради них, диск солнца дневного, великий, почитаемый! Все чужеземные, далекие страны созданы тобою и живут милостью твоею, ведь это ты даровал небесам их Нил, чтобы падал он наземь, и вот на горах волны, подобные волнам морским, и они напоят поле каждого в местности его. Как прекрасны предначертания твои, владыка вечности! Нил на небе для чужестранцев и для диких животных о четырех ногах, а Нил, выходящий из преисподней, для Земли Возлюбленной».

На фресках возникшего при Эхнатоне амарнского стиля расцвели цветы, зазеленели травы, защебетали птицы, в них стало много живого прелестного натурализма. Особенно выделялись изображения царской семьи – первые годы фараон изображался с какой-то даже нарочитой утрированностью, как человек с

вытянутым лицом, непропорциональной фигурой, выпуклым животом, как конкретный индивид, а не идеальный тип, подобно предшественникам. Затем изображения Эхнатона смягчились, но акцент начал делаться на царской семье – вот царь и царица Нефертити с аппетитом едят шашлыки и цыпленка, вот фараон ласкает дочурок, а вот слишком нежно для парадных изображений обнимает жену.

Казалось бы Египет нашел прекрасную философию и идеологию – поклонение Природе и Жизни во всех её прекрасных проявлениях, освобождение от страха смерти и загробного воздаяния, сковывавшего египтян прежде. И вот он простой и понятный символ этой торжествующей Жизни – Солнце. Не случайно Эхнатон так нравится многим прогрессивным исследователям последних столетий – в его деятельности чувствовалось созвучие философским доктринам Просвещения. Впрочем, не менее охотно Эхнатона провозглашают «родоначальником монотеизма».

Однако если приглядеться внимательней, фараон требовал поклоняться не единому Богу, не солнцу, не природе, не жизни, а... самому себе. Везде в религиозных текстах Эхнатона проводится мысль, что единственным возлюбленным сыном Атона и его воплощением является сам царь, все милости, на самом деле, исходят только от него. Теряющий границы приличия натурализм амарнского искусства в изображении царя имеет целью подчеркнуть – воплощением правящего миром божества является не абстрактный фараон по должности, а вот этот вот конкретный человек, именно он является богом этого мира. От подданных требовалось восхищаться его личностью и любить его самого, а не почитать его сан, по сути Эхнатон выступил как лжемессия.

Раньше в Книге Мертвых покойный клялся перед Осирисом: «Я не творил несправедливого относительно людей. Я не делал зла. Не делал того, что для богов мерзость. Я не убивал. Не уменьшал хлебов в храмах... не исторгал заупокойных даров у покойников. Я не уменьшал меры зерна, не убавлял меры длины... не увеличивал

весовых гирь, не подделывал стрелки весов», то новая религия Эхнатона стояла вообще вне нравственных координат.

В текстах эпохи солнцепоклоннического переворота не было и намека на нравственное начало и веру в жизнь после смерти. Они ограничиваются любованием прекрасными проявлениями живой природы, забывая о страданиях и смерти, которые всегда рядом с человеком. Несправедливость и несовершенство мира Эхнатоном полностью игнорировались.

«Его Диск создал космос... и поддерживает его существование, но похоже, что он не проявляет никакого сострадания к своим творениям. Он дает им жизнь и средства к существованию, но делает это с безразличием. Ни один текст не говорит нам о том, что он слышит мольбы бедняка, или помогает больному, или прощает грешника... Сострадающий бог не отвечал задачам Эхнатона» – отмечает американский египтолог Дональд Редфорд (цит по: Ривз, 152).

Эхнатон забирал у своего народа веру в божественную помощь, в защиту в повседневных делах, в загробное воздаяние и справедливый суд и вместо этого предлагал любоваться цветочками, зверушками и своими публичными ласками с Нефертити.

Желая остаться единственным божеством, Эхнатон начинает настоящую богоборческую кампанию. Сначала началось гонение на Амона фиванского и его имя. Фараон приказал сбить имя Амона с множества царских надписей, включая картуши с именем собственного отца – Аменхотепа III. Запрещен был даже иероглифический знак бараньей головы, ассоциирующийся с Амоном. Придворные в массовом порядке заменяют в своих именах Амона на Атона.

Имена старых богов начали убираться из официальных надписей, из числа иероглифов даже был изгнан знак игральной доски «мн», так как он использовался при написании имени Амона. Слово «бог» начало уничтожаться в любых сочетаниях. Иероглиф, обозначавший

слово «бог» был удален из письма. Вместо него начало употребляться слово «властитель» и «владыка». Себя и Солнце фараон начал величать исключительно «царями», так что уже и не было понятно, кто является главным и первичным – еще солнечный диск или уже сам фараон. Новая практика насаждалась средствами террора – запрещенные знаки и имена богов владельцы стирали даже с личных вещей, таких как баночки для косметики или памятные скарабеи. Наличие крамолы преследовалось даже в личных вещах, а наказание было достаточно серьезным.

На парадном уровне Эхнатон оставался могущественным владыкой Империи Солнца. На 12-й год его правления была устроена торжественная церемония приема дани в Ахетатоне. Прибыв на площадь в золотых носилках и нежно обнявшись с Нефертити царь созерцал скованных ханаанеян, и эфиопов, следующих за мужчинами женщина-пленниц, ему несли все новые и новые подношения ливийцы, островитяне-средиземноморцы, сирийцы, эфиопы. Царь принес большие жертвоприношения Солнцу и наградил вельмож золотыми ожерельями. В гробнице одного из сановников – Рамоса изображена сцена, как ласкаемый Солнцем огромный фараон восседает на троне подпоркой для которого служат связанные пленные эфиопы и азиаты и награждает солнечным ожерельем своего слугу.

Однако погруженный в дела своей реформации Эхнатон совершенно не занимался делами империи. Он был убежден, что раз он единственное воплощение правящего миром Солнца, то и власть его над миром будет устанавливаться сама собой. Фараон не совершил ни одной военной кампании, его дипломатическое вмешательство было ограниченным. На Ханаан наступала держава Хеттов, привлекавшая при мощи изменнической агентуры на свою сторону все больше вассальных правителей. Пытавшийся противостоять антиегипетским тенденциям правитель Библа Риб-Адди был, в конце-концов изгнан из своего города. «Знай же, о царь, мой господин, что все земли царя, моего господина, были

захвачены» - резюмировал один из немногих проегипетски настроенных правителей, итоги развала ближневосточной империи Египта.

Эхнатон продемонстрировал весь путь угрожающего империи религиозного самоубийства. От самообожествления правителя, через космополитический универсализм и рационализм, разрыв с традицией, до безбожия и террора, внутренней смуты и распада Империи.

Закат египетской империи

Как низко пала египетская империя после Эхнатона показывает изменническое письмо, которое его дочь Анхесенамон, вдова Тутанхамона, отправила к правителю враждебных хеттов с просьбой прислать себе в мужа хеттского царевича: «Мой муж умер. Сына я не имею. Но у тебя, как говорят, сыновей много. Если бы ты дал мне из них одного твоего сына, он стал бы мне мужем. Никогда я не выберу моего слугу и не сделаю моим мужем... Я боюсь такого позора». Хеттский царь не сразу, но поверил просьбе и отправил в Египет одного из сыновей, который, однако, был убит враждебной партией.

Новым фараоном стал выслужившийся из генералов Хоремхеб, окончательно восстановивший культ старых богов и проклявший Эхнатона и его преемников. Ставший императором полководец потеснил хеттов в Сирии и умер, не оставив детей и передав престол другому военачальнику – Рамсесу I, основавшему XIX династию. Преемники Рамсеса – Сети I и Рамсес II с переменным успехом сражались с хеттами пытаясь восстановить империю в Сирии.

Рамсес II совершил подвиг в битве при Кадеше, когда был с небольшим отрядом застигнут внезапным хеттским наступлением и вынужден был какое-то время сражаться практически в одиночку и сокрушил множество врагов. «Его величество убивал их там, где они находились, и они падали перед его лошадьми. Его величество был

один, не было другого вместе с ним. Его величество низвергал врагов этого побежденного князя страны хеттов, и они падали один за одним в воды Оронта. Победил я все страны, я единственный, когда бросило меня мое войско и мои колесницы» – эта история делает честь самому фараону-богатырю, но никак не дисциплине его войска.

Выдающийся строитель, Рамсес II создал новую столицу Пер-Рамсес, в восточной части дельты Нила, так, чтобы в случае чего быстро добраться с войсками в Ханаан, война за который шла два десятилетия. В отличие от Ахетатона этот эксперимент удался. Это был своего рода египетский Петербург, столица не в глубине страны, а на рубежах имперского действия.

Впрочем, Рамсес II оказался не только отважным воином, но и разумным дипломатом. Он заключил с хеттами мир на принципе status quo: «И вовеки не вступит великий князь страны хеттов на землю египетскую, чтобы захватить имущество ее, и вовеки не вступит Рамсес II, великий правитель Египта, на землю хеттскую, чтобы захватить имущество ее». Казалось бы, заключение такого равноправного договора означало, что египетской империи больше нет, что она признала равенство между собой и хеттской державой.

Однако через 13 лет после заключения договора Рамсес II вступил в брак со старшей дочерью царя Хаттусилиса III, который лично прибыл в Египет, чтобы отпраздновать это событие. «Смотрите! Наша страна бедствует, а владыка наш Сутех гневается на нас. – предполагает египетская надпись речь Хеттского царя, - Небо не дарует нам дождь. Все страны, объединившись, сражаются против нас. Соберем же все достояние наше, и пусть дочь моя старшая будет во главе его. Принесем мы дары благому богу, царю Верхнего и Нижнего Египта..., которому дана жизнь, чтобы дал он нам мир и мы могли бы жить». В египетской традиции этот брак рассматривался не как союз равных, а как признание хеттами зависимости из-за голода, накрывшего их страну и заставившего просить Египет о поставках зерна. Так, дипломатическими маневрами и экономическим

преимуществом, Рамсес II добился того, чего не смог добиться войной – укрепления имперского престижа и признания хеттами египетского первенства.

Прошло, впрочем, меньше столетия и державу хеттов снесло половодье «народов моря» в списках которых можно разглядеть ахейцев, данайцев, филистимлян, шарданов, ликийцев, тирсенов-этрусков и сикулов. Это вторжение уничтожило наряду с хеттами царство Арцава, Трою, финикийский Угарит и должно было погубить и богатый Египет. Тем более, что наряду с этим заморским набегом, чем-то напоминающим нашествие норманнов на средневековую Европу, дельту Нила накрыла и волна массовой миграции ливийцев, которые переселялись в дельту Нила спасаясь от засухи и голода. Казалось, что под таким соединенным давлением, напоминающим позднейшее Великое Переселение Народов, подорвавшее силы ветхого Рима, египетская держава, потерявшая вновь всякую управляемость, падет.

Однако фараону Рамсесу III (он был страстным подражателем Рамсеса II, хотя и не был его потомком) в последний раз удалось восстановить мощь Египта во всем её блеске. «Была страна Египетская брошена на произвол судьбы, и каждый человек был сам по себе. Не было главы у них долгие годы. Была страна Египта во власти вельмож в виде отдельных уделов» - жаловался фараон в своем завещании. Но при сильном правителе страна возродилась и смогла отразить как заморский набег, так и нашествие мигрантов:

«Сделал я так, чтобы вырастил Египет молодое поколение много-численное в качестве слугителей дворца, вельмож, воинов, много-численных колесничных... Расширил я все границы Египта. Я ниспроверг тех, кто вторгался в них со своих земель. Поразил я дененов [данайцев] на их островах, были превращены чекеры и филистимляне в пепел... Ливийцы... осели в Египте. Достигли они Великой реки по обеим ее сторонам, и грабили они города... И вот я поразил их, истребив

разом. Я ниспроверг... повергнув их в кровь, сделав из них горы трупов. Заставил я их уйти до границы Египта».

В итоге Рамсес III рисует своего рода утопию хорошо устроенного государства, впервые в истории давая образ имперского мира, который потом трансформируется в притчу о «девственнице с золотым блюдом»:

«Покрыл я всю землю фруктовыми садами зеленеющими и позволил народу отдыхать в их тени. Дал я, чтобы шла женщина Египта без боязни в то место, куда она хочет, без того, чтобы посягали на нее чужеземцы или кто-либо в пути. Дал я пребывать в праздности войску и колесничным в мое время... Не испытывали они страха, ибо не было мятежей в Сирии и схваток в Куше. Их луки и их оружие мирно покоились на складах, тогда как они насыщались и пили с радостью. Их жены были с ними, и дети их при них».

Впрочем, это уже был, по сути, не имперский мир, а оставшееся на его руинах национальное государство, «Египет для египтян», который продержался недолго. Если Рамсесу III и удалось обеспечить безопасность страны, то при его преемниках, которых звали тоже Рамсесами, вновь возникла смута. При Рамсесе XI жрец Амона Херихор объявил себя по сути правителем в Фивах от имени бога Амона.

Херихор отправил своего служителя Унамуна за священным Кедром в Библ, однако тому пришлось выслушать унижительный отказ от финикийского правителя: «Если бы правитель Египта был владыкой моей страны, а я его слугой, то он не посылал бы серебро и золото, говоря «сделай поручение Амона»... Что же касается меня, я тоже, я не твой слуга, так же как я не слуга пославшего тебя». Имперское могущество испарилось, а сама страна стала добычей то одного, то другого внешнего завоевателя. Хотя Египет сохраняла свой сепаратистский настрой так ярко проявлявшийся и в ассирийской, и

в персидской, и в македонской и римской империях, и даже под властью ислама.

СПАРТА

Как бы не относиться к экс-премьеру Великобритании Борису Джонсону, несомненно одно — человек он образованный. Он может цитировать наизусть «Илиаду» на языке оригинала, — не только первую строчку, которую помнят многие, но и немало следующих. Поэтому заявление, в котором Джонсон сравнил Россию с древней Спартой, а Запад — с древними Афинами, заслуживает, как минимум, внимания в качестве знаменья определенного сдвига в восприятии нашей страны в западном общественном сознании.

«Я читал историю Фукидида о Пелопоннесской войне», — похвастался Джонсон в интервью «Sunday Times». — «Это очевидно, что Афины с их демократией, открытостью, культурой и цивилизацией были аналогами США и Запада. Россия для меня была закрытой, злобной, милитаристической и антидемократической, как Спарта».

Фраза, хотел того Джонсон или нет, звучит весьма многозначительно. Тридцатилетняя Пелопоннесская война между Афинским морским союзом и руководимым Спартой Пелопоннесским союзом, втянувшая в свою орбиту весь эллинский мир, Сицилию, Карфаген, Македонию и Персию, закончилась сокрушительным поражением Афин и абсолютным триумфом Спарты. Истощенные наземной оккупацией Аттики и потерявшие в сражении при Эгоспотамах свой флот, Афины вынуждены были капитулировать, принять в город спартанского военного надзирателя-гармоста, ограничить флот 12-ю кораблями, распустить Морской союз, отказаться от демократии, срыть Длинные стены между городом и его гаванью — Пиреем.

Если накладывать эту аналогию на современность, то Борис Джонсон предсказывает, что США вынуждены будут распустить НАТО, передать России свои авианосцы и подводные лодки, ликвидировать ядерное оружие и систему ПРО, заменить

нынешнюю «демократию» властью «друзей Путина» под надзором российского посла, сходная же участь ждет и Британию (а вдруг её вообще постигнет участь города Платеи?). Аналогия выглядит для Запада не то чтобы вдохновляюще.

Впрочем, заметим для порядка, что Джонсон говорит о временах своей молодости, когда под Россией имелся в виду Советский Союз, у которого было куда больше характерных для антиспартанского мифа черт — не только милитаризм и закрытость границ, но и упор на равенство граждан, в сочетании с реальным олигархическим правлением ограниченного круга избранных, ожесточенное отрицание материального богатства и фактический запрет на денежные накопления.

Кажется ли Джонсону Спартой современная Россия — неизвестно. Если да, то нам это должно быть во многом лестно. Спарта была одним из самых знаменитых и славных государств в мировой истории, спартанская легенда надолго пережила этот малочисленный город и, до сих пор, чрезвычайно популярна. Спартанская военная организация считается одной из самых эффективных в истории. Сократ, Платон, Ксенофонт считали спартанское государственное устройство идеалом.

Античный ритор Исократ утверждал, что «лакедемоняне наилучшим образом управляют своей страной потому, что они как раз и являются наиболее демократичными. И при избрании должностных лиц, и в повседневной жизни, и во всех остальных занятиях мы можем видеть, что равенство в правах и обязанностях у них имеет гораздо большее значение, чем у других» (Isocr. Areop. 61).

Спартанцы долго были гегемонами Эллады и большую часть своей истории одерживали победы (над Афинами — всегда), будучи покорены лишь силой Рима, который формально признал Спарту независимым городом — союзником римского народа. Предание о царе Леониде и его 300-х спартанцах и понятие «лаконического высказывания» стали достоянием мировой культуры. Так что в

логике антикизирующего дискурса Джонсон сделал России шикарный комплимент.

Спарта на весах политического мифа. Апелляции к античности нормативны для классической европейской политической культуры, и хорошо, что кому-то еще хватает образования к ним прибегнуть. Противоположение военизированной и милитаризованной Спарты с её негибаемыми воинами, выражающимися предельно лаконично, и демократических, культурно утонченных Афин, в которых расцветают искусства, литература и философия — это одна из фундаментальных «осей» в восприятии нами древней Эллады.

Нельзя не отметить, что Джонсон своим заявлением одним махом существенно повысил место России в этой антикизирующей координатной сетке. Лет двести назад его предшественники по посту сравнили бы нас с дикими ордами из ледяной Тартарии, лет сто назад они сравнили бы нас с деспотическим персидским царством, угрожавшим эллинской свободе.

И тут вдруг Спарта — то есть один из двух идеологических и символических полюсов внутри эллинского мира, то есть, на самом деле, единой и культурной духовной системы с Афинами. По Джонсону, Россия оказывается одним из аспектов европейской цивилизации, да, мрачным с точки зрения лондонских либералов, но неотъемлемым и, по сути, неуничтожимым — представить Элладу, где есть только Афины, но нет Спарты, попросту невозможно.

В XIX веке спартанское наследие закрепила за собой Германия (обзор историографии Спарты см. Печатнова 2001). Немецкие антиковеды, начиная с К. О. Мюллера, восхваляли Спарту как пример по настоящему хорошего государственного устройства, как воплощение духа эллинской цивилизации, как «идеальный полис» (оценка Якоба Буркхардта). В немецких оценках той эпохи со Спартой, впрочем, соперничала в популярности античная Македония, и царь Филипп был популярней Ликурга.

На Британских островах сперва господствовал тот же подход, воспринятый от крупнейших историков и философов античности, как правило, высоко оценивавших Спарту. Парламентарий-тори Уильям Митфорд в своей «Истории Греции» (начала выходить в 1784) превознес Спарту и с отвращением писал о демократических Афинах.

Однако затем английские вехи сменились — Джордж Грот, еще один МР и основатель Либеральной партии, в 1846 году опубликовал ставшую чрезвычайно популярной «Историю Греции», в которой уничтожал всякое положительное значение образа Спарты, зато превозносил эллинскую демократию и Афины. Английский радикальный либерал ухитрился превозносить не только умеренных демократов типа Перикла, но и крайнего, Клеона, в самой античности получавшего исключительно отрицательные оценки. Именно Грот во всю мощь развернул напрашивавшуюся параллель между демократическими, торговыми и мореходными Афинами, и либеральной, торговой и мореходной Англией.

Напротив, проспартанские симпатии в Германии укреплялись, достигнув вершины в эпоху «Третьего рейха» в работах одного из крупнейших немецких антиковедов Гельмута Берве (впрочем, Берве ухитрился одновременно превозносить афинского вождя демократии Перикла, рассматривая его как афинского *fuhrer*).

Образ Спарты в немецкой историографии к тому моменту приобрел своеобразную законченность. Считалось, что спартанцы, дорийцы — это ветвь арийцев, сохранившая в первозданной чистоте древние нордические идеалы и порядки, а потому находившаяся на ступень выше прочих эллинов. Что спартанцы были обществом, в котором на первом месте стояли идеалы мужества, понимания свободы как долга, безусловной дисциплины. Они были одушевлены панэллинским национальным чувством, стремлением к свободе и независимости, подняли Элладу на борьбу с персами и были вождями в этой борьбе.

В Спарте развилось чрезвычайно гармоничное общество, суровое, но исполненное идеалов равенства между гражданами и высокого уважения к женщине, так контрастировавшего с забитым положением женщин в «просвещенных» Афинах. Понятно, что Спарта тут декорировалась под национал-социалистический идеал, но, впрочем, и дизайн последнего делался во многом «под Спарту». Если римские ассоциации прочно захватила Италия Муссолини, то Германия видела себя новой Элладой, но, конечно, спартанского, а не афинского образца.

Понятно, что крушение Третьего Рейха стало и временем крушения престижа Спарты. Понятное дело, что победившие западные либералы воспринимали Спарту как синоним фашизма, только уже с отрицательным знаком. «Застойный олигархический племенной режим, исключительно враждебный по отношению к личности» — так характеризовал Спарту австро-британский философ и ультралиберальный идеолог Карл Поппер.

Не отставали от них и советские коммунисты, видевшие в спартиатах жестоких эксплуататоров поработанных илотов (впрочем, еще в дореволюционной русской историографии античности, создававшейся либеральной профессурой, невозможно найти никаких следов проспартанских симпатий). Апокрифическая традиция сохранила, между тем, высказывание Сталина в передаче французского писателя Андрэ Мальро: «У нас есть и Спарта, и Византия. Когда Спарта, это хорошо» (Цит по: Андреев 2014: 272). Из формулы видно, что советский вождь не понимал ничего в Византии, но на очарованность спартанской легендой его хватало.

Исследователями, работавшими в послевоенный период, было справедливо обращено внимание на теневые черты Спарты. Её общество покоилось на беспощадной террористической эксплуатации мессенских илотов, эллины поработили эллинов и жили в постоянном страхе перед восстанием — спартанское общество было обществом постоянной военной тревоги. Вопреки тезисам о равенстве всех спартиатов, на деле у власти стояли одни и

те же роды, из поколения в поколение получавшие ключевые места в спартанском «сенате» — герусии, а затем и захватившие в безраздельное владение важнейший институт Спартанского государства — эфорат. Обращено было внимание на то, что, в то время как Афины создавали блестящие произведения литературы, искусства, театра, спартанское общество оказалось немым. В архаическую эпоху Спарту прославил ряд выдающихся поэтов и музыкантов — Фалет, Терпандр, Алкман, Тиртей, Хилон, и даже Клейтагора — поэтесса-«лесбиянка» (в смысле, последовательница поэтической традиции Сафо). Однако в классическую эпоху Спарта полностью онемела, сосредоточившись исключительно на военно-политическом господстве. Она производила лишь гремевшие по всей Элладе звонкие лаконические афоризмы её полководцев.

Однако как бы не раздувался черный миф о Спарте, демонизировать её до конца так никогда и не удавалось. Позитивное восприятие Спарты, её идеализация и романтизация, слишком крепко были вшиты в самую плоть древнегреческой литературной и интеллектуальной традиции. Можно было сколько угодно сгущать краски и разоблачать, но читатель всё равно встречал икону спартанского воспитания у Плутарха, ему все равно не избежать было высокой оценки спартанского государственного устройства Сократом, Платоном, Ксенофонтом, Аристотелем.

Наконец, ничего нельзя было поделаться с царем Леонидом и его 300 спартанцами — то есть с образцом идеального подвига и абсолютного самопожертвования ради отечества, закрепившимся в сознании любой из культур европейского круга. Можно было сколько угодно рассказывать, что держала персов у прохода довольно большая греческая армия, отпущенная Леонидом лишь после того, как враги зашли с тыла; что с каждым спартанцем было несколько илотов (но вот ведь что удивительно — эти рабы не сбежали к персам, а умерли рядом с господами); что, в конечном счете, никакого стратегического значения эта жертва не имела, а настоящую победу одержал афинский в своей основе флот при

Саламине. Но всё это — лишь мышинное покусывание грандиозной легенды, равных которой человечество знает не так уж и много.

Спартанцы — одни из немногих безоговорочных героев современной массовой культуры. Вышедший в 1962 году прекрасный исторический фильм «300 спартанцев» вдохновил художника Фрэнка Миллера на создание графического романа, в свою очередь вдохновившего Зака Снайдера на фильм «300» — малоисторичный, но впечатляющий художественными решениями мужской блокбастер, которому толерантные критики до сих пор припоминают «сексизм, расизм, милитаризм и гомофобию».

Но что же, все-таки, нам следует знать о реальной древней Спарте, и насколько сопоставление с нею современной России уместно и справедливо?

Равные, но малочисленные. Спарта в области Лаконика (или Лакедемон) на Пелопоннесе была одним из древнейших государств Эллады, восходящих еще к Микенскому периоду. Именно с похищения у царя Спарты, светловласого Менелая, его жены прекрасной Елены и началась Троянская война. Кстати сказать, наследницей Спарты была именно Елена, дочь царя Тиндарея, так что у войны были и очевидные политические причины — Менелай не хотел, чтобы троянцы в будущем предъявили права на его царство. Война завершилась благополучным возвращением Менелая в Спарту, где его с Еленой посещал Телемак, разыскивая своего отца Одиссея.

Коллапс крито-микенской цивилизации, по всей видимости, под воздействием экологических катастроф, привел к постепенному проникновению в Элладу дорийских племен с Севера. В последующей традиции это движение отразилось как «возвращение Гераклидов» (то есть сыновей Геракла) и «дорийское завоевание», что не находит археологических подтверждений — расселение шло небольшими группами, и довольно мирно. Дорийцы говорили на другом диалекте того же греческого языка, что и ахейцы, но имели

гораздо более архаичную социальную организацию. Там, где дорийцы составляли правящий слой, как в полисах Крита или Спарте, еще греческие авторы отмечали архаичность социальных установлений, выражавшуюся в таких феноменах, как мужские союзы.

В Лаконике дорийские жители Спарты на Эвроте оказались в окружении гораздо более многочисленного, смешанного дорийско-ахейского населения, не имевшего политических прав, однако обязанного воевать и подчиняться законам — периэков («окрестживущие»). Спартиаты составляли как бы высший правящий слой этого Лаконского государства, организованный в единую гражданскую общину. Эта структура чем-то напоминала взаимоотношения патрициев и плебеев в раннем Риме. Но никаких существенных конфликтов спартиатов и периэков на протяжении большей части спартанской истории не отмечено, последние не вели борьбу за равноправие, что, как ни парадоксально, пошло Спарте скорее не на пользу, а во вред, если сравнивать её историческую траекторию с Римом.

Совсем иначе сложились отношения Спарты с соседней Мессенией. Столкнувшись с теми же земельным голодом и перенаселением, что и другие полисы Древней Греции, Спарта ответила на них не массовой высылкой колоний в далекие заморские земли — Италию, Сицилию, Причерноморье (впрочем, единственная спартанская колония, Тарент в Италии, оказалась чрезвычайно успешной), а военной мобилизацией и завоеванием соседей, таких же греков, мессенцев. В ходе двух «Мессенских войн» (VIII–VII вв. до н. э.) спартиаты то одерживали громкие победы, то терпели жестокие поражения, но, в конечном счете, они сумели полностью подчинить мессенцев, превратив их в бесправных илотов.

В ходе этой борьбы и выработались специфические особенности государственного, социального и военного устройства Спарты, которые возводились к легендарному законодателю Ликургу, хотя

окончательный вид им придал живший в середине VI века эфор Хилон, считавшийся одним из «семи мудрецов».

Спартиаты были превращены в замкнутую общину-сословие профессиональных воинов, если не сказать рыцарский орден. Это сословие было основано на поместном принципе. Каждому из них выделялся участок земли — клер, к которому было прикреплено некоторое количество илотов. Илоты были обязаны кормить хозяина, обеспечивать ему средства на вооружение, сопровождать его на войне. По сути, перед нами поместный принцип, изобретенный на древнем Востоке, и успешно применяемый и в Византии, и в Османской империи (тимар, с коего кормились сипахи), и в России с её поместной дворянской конницей.

Особенностью спартанского полисного варианта этой поместной системы было строжайшее равенство всех её участников, прописанное в законе и поддерживаемое обычаями. Все клеры были равными по размеру. Никто, включая царей, не мог иметь больших материальных средств, не мог позволить себе никакой роскоши. Архаичный инструмент мужских союзов был возрожден к новой жизни, чтобы создать сословие воинов.

«Брить усы, посещать сисситии и повиноваться законам» — за исполнением этих требований ликургова закона обязывались неукоснительно следить вступающие в должность ежегодно высшие должностные лица Спарты — эфоры. (Plut. Cleom. 9)

Все мужчины до очень зрелого возраста должны были проводить время вместе, на воинских упражнениях, в казармах, и на сисситиях — застольях, где на равных началах они вкушали самую грубую пищу, собранную вскладчину. «Каждый сотрапезник приносил ежемесячно медимн [52,5 литра] ячменной муки, восемь хоев [23 литра] вина, пять мин [2 кг] сыра, две с половиной мины [1,2 кг] смокв и, наконец, совсем незначительную сумму денег на покупку мяса и рыбы» — сообщает Плутарх. (Plut. Lyc. 12)

Это было довольно весомое требование, которое подрывало гражданское равноправие бедняков, «ведь участвовать в сисситиях людям очень бедным нелегко, между тем как участие в них, по унаследованным представлениям, служит показателем принадлежности к гражданству» — скептически замечал в «Политике» Аристотель, ко времени жизни которого кризисные элементы спартанского строя показали себя со всей очевидностью. (Arist. Pol. II. 6. 21)

Из собранных продуктов для участников сисситий готовили так называемую «черную похлебку», которую прочие эллины признавали абсолютно несъедобной. Впрочем, если спартиаты хотели полакомиться, то все возможности были в их руках — удачная охота, и на столе во время трапезы появлялась дичь. Так закон при помощи голода буквально подталкивал непрерывно упражняться в боевых искусствах.

Юношей с детства растили как маленьких волчат. Вместо услужливых рабов-педагогов, как в иных полисах, ими занимался старший наставник-педоном из числа граждан, который имел право беспощадно наказывать их. То же право имел над всеми детьми спартиатов и каждый взрослый спартанский мужчина. Главное, чему учили маленьких спартиатов — это воинские упражнения и физическая культура, хоровое пение и навыки лаконической речи — сжатой, точной и ироничной, а вот письмо, напротив, осваивалось ими лишь в минимальной степени.

Еще юных спартиатов учили воровству. В спартанских обычаях был заложен принцип — оставлять детей полуголодными, предоставив им возможность добывать себе пропитание кражей — с кухонь сисситий, или даже с храмовых алтарей. При этом пойманным воришкам полагалась порка, но не за сам факт кражи, а за то, что попались. Ряд источников рассказывает и о таком, возможно существовавшем в действительности обычае, как криптои, — молодые спартиаты с короткими мечами скитались по стране и по

ночам нападали на идущих по дороге илотов. В этих жестоких играх оттачивались навыки и изобретательность будущих воинов.

Женщин, вопреки традициям других эллинских полисов, в Спарте рассматривали, прежде всего, как будущих матерей, призванных рожать хороших воинов, и как полноправных домохозяек, которые должны обеспечить мужчинам достойный тыл. С точки зрения «прогрессивных» эллинов в Афинах, державших женщин взаперти, как домашний скот, или за прялкой, а публично в то же время предававшихся педерастии, положение женщин в «реакционной» Спарте выглядело вызывающе — спартанки имели право наследовать имущество, передавая его дальше своим детям; не имея права голоса, они, однако, смело высказывали мнения по всем вопросам — Плутарх даже намеревался составить труд «Изречения спартанок». Вместо прядения, коим могут заниматься и рабыни, «Ликургов закон» требовал от женщин заниматься физическими упражнениями, которые позволят им лучше подготовиться к материнству. В связи с этим иногда даже говорится о «спартанской гинекокрации» (Андреев 2010: 489). И снова архаические институты, включая даже рецидивы группового брака, были поставлены на службу идее укрепления касты воинов, содействия максимальному увеличению деторождения.

Малочисленность, «олигантропия», была главным проклятием и ахиллесовой пятой Спарты — численность «равных» гораздо быстрее сокращалась войнами, чем восполнялась рождением и воспитанием новых поколений. При этом, в отличие от римлян, спартанцы так и не решились на интеграцию в свою общину «свежей крови» из периеков. Напротив, они с предельной жестокостью исключали из числа «равных» тех, чье хозяйство оказалось разорено, и кто обеднел настолько, что не мог содержать себя как воинов. В результате с 10 000 человек численность спартиатов сократилась за V век до н. э., прежде всего — эпоху Пелопоннесской войны, до 1000. По мере сокращения числа спартиатов, превращения их из общины в замкнутую правящую касту, каждый

очередной демографический удар военного поражения был всё более болезненным. Когда в битве с фиванцами при Левктрах в 371 году погибло 400 из 700 участвовавших в ней спартиатов, то само по себе вполне ординарное военное поражение оказалось тем камешком, который привел к обвалу спартанской гегемонии в Элладе. Однако и до, и после этого события престиж Спарты в эллинском мире стоял на недосягаемой высоте — это и приводило в изумление, как столь малочисленному городу удалось победить многочисленные Афины и держать в подчинении множество эллинских полисов.

Магия лакедемонского щита. Секрет Спарты был в том, что «ликурговы законы» поставили на первое место не человека, а государство, превратив общину спартиатов в единый военный лагерь, связанный строгой дисциплиной, беспрекословным послушанием младших старшим и подчиненных начальникам. По сути, это общество рассматривалось как социальный аналог греческого военного строя пеших воинов-гоплитов — фаланги, в противодействии которым спартиаты считались долгое время непобедимыми мастерами. Впрочем, вполне вероятно, что фаланга впервые и была внедрена именно в Спарте (Андреев 2014: 203 и далее).

Как главным принципом фаланги была абсолютная сплоченность строя прикрывающих друг друга щитами воинов, так и главным принципом спартанской «общины равных» (*homoioi*) были сплоченность, взаимная поддержка, равенство условий жизни, чуждость всякой материальной корысти.

Таков был спартанский идеал, предписанный в сочинениях главного поэта Спарты Тиртея, на которых воспитывался каждый спартанский юноша. Основные мотивы поэзии Тиртея — отдача всего себя Отчизне, предпочтение героической смерти трусливой жизни, необходимость соблюдения строя и товарищеской поддержки, особая честь тем, кто встает в первый ряд фаланги и принимает на

себя главный удар. Всё это сложилось в своеобразный спартанский «кодекс бусидо»;

«Вражеских полчищ огромных не бойтесь, не ведайте страха,
Каждый пусть держит свой щит прямо меж первых бойцов,
Жизнь ненавистной считая, а мрачных посланниц кончины —
Милыми, как нам милы солнца золотые лучи...

Воины те, что дерзают, смыкаясь плотно рядами,
В бой рукопашный вступить между передних бойцов,
В меньшем числе погибают, а сзади стоящих спасают;
Труса презренного честь гибнет мгновенно навек...

Ногу приставив к ноге и щит свой о щит опирая,
Грозный султан — о султан, шлем — о товарища шлем,
Плотно сомкнувшись грудь с грудью, пусть каждый дерется с
врагами,

Стиснув рукою копье или меча рукоять!»

(Tyr. fr.8 (Нумерация Тиртея по: Poetarum elegiacorum...))

Фактически именно в Спарте, благодаря Тиртею, был разработан канон воинского патриотизма, который стал нормой в последующие века, вплоть до сегодняшнего дня. Правило «с ним или на нем», которое задавала своим сыновьям каждая спартанская мать, подавая им щит, было огромным стратегическим преимуществом спартанской армии над противниками.

«Да, хорошо умереть для того, кто за землю родную

Бьется и в первых рядах падает, доблести полн...

Будем за эту страну с отвагою биться и сгинем

За малолетних детей, жизни своей не щадя!»

(Tyr. fr.6)

В архаическую эпоху и эпоху железа бегство с поля боя было скорее нормой, нежели исключением при ведении боевых действий. Один бесстрашный герой мог обратить в бегство огромную толпу, так как каждый в этой толпе мог ценить свою лично жизнь куда больше, чем победу над врагом. Именно так, скажем, выжил в Битве при Кадеше

египетский фараон Рамсес II, окруженный множеством хеттских воинов, — никто не захотел рискнуть своей лично жизнью ради того, чтобы сокрушить вражеского царя, стоявшего на своей одинокой колеснице. И это позволило Рамсесу, храбро атакуя врагов, дожждаться своих.

«Превосходство одиночного бойца над массой представляется нам, при ближайшем исследовании, не слишком сказочным», — отмечал выдающийся русский военный теоретик А. А. Свечин. — «Герой — человек большой силы, духа и тела, развитой с молодости соответственным воспитанием, обладатель прочной репутации, которая заставляет простых смертных, каждого в отдельности, чувствовать себя совсем маленьким и бессильным в сравнении с ним, обладатель дорогого, блестящего, крайне редкого предохранительного вооружения, делающего его неуязвимым для гнущихся и ломающихся копий и мечей простых смертных, которые сделаны из такого плохого металла, что нуждаются чуть ли не после каждого удара в ремонте, герой, появляющийся на украшенной колеснице и держащий в руках дротик, метнув который, он, наверное, способен умертвить любого рядового бойца со слабым неметаллическим панцирем — такой герой, разумеется, был ужасен, наводил панику на рядовую массу, не сплоченную в одно целое, не имевшую чувства взаимной выручки. Если рядовой боец не уверен в поддержке своих соседей, то у него, при столкновении с героем, только одна мысль, что тот, кто будет бежать последним, героем будет достигнут и убит, и, чтобы не быть этим последним, каждый заранее пятится, и масса бежит. Секрет успеха героя заключается в отсутствии сплоченности массы, что дает руководящее значение инстинкту самосохранения отдельных личностей. Ахиллес, разгоняющий один 50 греческих дружинников — герой, но Ахиллес, который один бросился бы против взвода кирасир, был бы дурак». (Свечин 2002: 41).

Спартанская фаланга исключала индивидуальный героизм, но требовала героизма в строю и, в еще большей степени, отсутствия

всякого проявления трусости в строю. Ахилл против спартанской фаланги не продержался бы и минуты. Презрение к обращающим врагу тыл трусам воспитывалось в Спарте и идеологическими средствами, поэмами Тиртея, и законами Ликурга, введшими правило атимии, жесточайшего гражданского бесчестья, обрушивавшегося на каждого отступившего. Особенным позором считалось бросить в ходе бегства щит.

Главный артефакт архаического спартанского искусства, обнаруженный современными археологами, — многочисленные свинцовые вотивные фигурки воинов с круглыми щитами, на которых изображены розетка или коловрат. Очевидно, эти фигурки посвящали Артемиде Орфии воины перед походом во имя благополучного его завершения. Эти фигурки остались одним из самых ярких свидетельств оригинального искусства, расцветавшего в Спарте в архаическую эпоху.

Отсюда, из культа щита, и происходит переданное Плутархом предание о матери-спартанке, которая, подавая щит сыну, произнесла: «С ним или на нём», то есть сражаться до конца, или быть убитым. Не совсем верно, что это означает требование непременно победить, но это означало ни в коем случае не бежать — при бегстве с поля боя первым бросался щит. Циничный жизнелюб Архилох так воспевал своё дезертирство;

«Носит теперь горделиво саиец мой щит безупречный:

Волей-неволей пришлось бросить его мне в кустах.

Сам я кончины зато избежал. И пускай пропадает

Щит мой. Не хуже ничуть новый могу я добыть».

(fr 5. Перевод В. В. Вересаева. Эллинские поэты 1963: 206)

Понятно, что при столкновении с таким образом мотивированными противниками, спартиаты, не способные бросить щит и готовые скорее умереть, чем бежать, превращались в чудо-воинов. Чтобы усиливать чувство ответственности спартиатов за свой город, закон

предписывал Спарте не иметь каменных стен, поскольку лучшие стены — это мужи.

Сталкиваясь со спартиатами, сражающимися в пурпурных одеждах, с бритой губой и длинными распущенными волосами, вооруженными начищенными до блеска медными щитами, на которых со временем появилась устрашающая буква «Λ», представители других полисов не сомневались в том, что высшей ценностью для этих воинов является их честь, а не жизнь, а потому ополчения врагов, состоявшие из крестьян и ремесленников, как правило, начинали разбегаться под спартанскими ударами. Спартанская фаланга, поэтому, не случайно оказалась главной военной силой в Элладе.

Именно непревзойденная многими столетиями мощь спартанской армии и сделала её гегемоном сначала Пелопоннеса, где возник возглавлявшийся Спартой Пелопоннесский союз, а затем и всей Эллады. Спарта победила своего главного противника на полуострове — Аргос, а прочие города, среди которых особенно выделялся торговый Коринф, поспешили стать союзниками, тем более что спартанцы не требовали никаких денежных взносов и почти не вмешивались во внутренние дела союзников.

Значимой политической чертой спартанской гегемонии была абсолютная непримиримость к тираническим режимам. Спартанцы свержали тирании (а это, как правило, были более или менее террористические диктатуры демагогов, направленные против аристократии и в интересах низших слоёв) повсюду, где их находили — в частности, свергли тиранию Писистратидов в Афинах.

Демократия, впрочем, тоже не пользовалась спартанской благосклонностью, всюду они поддерживали аристократические и олигархические режимы «лучших людей». Собственно, и Пелопоннесская война, сокрушившая Афины, началась после того, как афинская политика агрессивного «экспорта демократии» превратилась в настоящую тиранию над значительной частью

Эллады, и у Спарты со всех сторон начали искать защиты от деспотизма Перикла, не уступавшего персидскому. Спарта выступила в роли защитницы свободы эллинских государств и эту афинскую тиранию сокрушила.

От жертвы царя к коррупции полководцев. Политическое устройство самой Спарты было весьма своеобразным. Оно соединяло монархические, аристократические и демократические элементы, впервые подав античным философам мысль о преимуществах «смешанного государственного устройства». Спартанцы свято чтит законы, и не было в мире более законопослушных и исполнительных граждан, нежели они.

В управлении государством определенную роль играло собрание народа — апелла, значительную часть дел решал аристократичный сенат — герусия, подлинная же власть принадлежала коллегии эфоров, избираемых на недолгий срок, но имевших почти неограниченные полномочия. Сначала эфоры были демократическим по духу учреждением — на эту должность мог быть избран любой, но, постепенно, количество реально допускавшихся к ней лучших семейств сокращалось.

Ну, а главное, Спарта, практически единственная в Греции, сохранила историческую традиционную царскую власть, — ею правили два царя из родов Агиадов и Еврипонтидов, выполнявшие роль военных вождей и сакральных жрецов. До полновластия им было, конечно, далеко, а реальные правители государства — эфоры, старались держать два рода в постоянной вражде, но все-таки мистическое значение монархии в Лакедемонии было удержано. Этим и воспользовался царь Леонид при совершении своего знаменитого подвига. Предсказание Дельфийского оракула гласило:

«Либо великий и славный ваш град чрез мужей-персеидов
Будет повергнут во прах, а не то — из Гераклова рода
Слезы о смерти царя пролиет Лакедемона область».
(Herod. Hist. VII. 220)

Леонид сознательно шел сам и вёл свое небольшое войско на жертву, отобрав в него исключительно взрослых мужчин, уже оставивших после себя сыновей, а потому нуждавшихся лишь в высшей услуге государству — героической смерти. Фермопильское сражение было не столько мужественным подвигом воинов, преградивших врагу дорогу (в этом смысле, оно, как известно, оказалось неудачным), сколько сакральным жертвоприношением царя за свой народ, и в этом смысле, безусловно, увенчалось успехом.

Только Спарта была той моральной силой, которая могла бросить вызов могущественной Персидской империи, рассматривавшей Элладу как беспокойную, бунтарскую собственную окраину. Большинство эллинов считали, что та или иная форма подчинения персам сулит немалые экономические выгоды, а потому не слишком рвались сопротивляться. В Афинах отчаянно боролись антиперсидская и проперсидская партии, причем к последней принадлежали могущественные аристократы Алкмеониды — народные слухи утверждали, что даже после победы греков в Марафонской битве Алкмеониды дали врагам знак щитом, чтобы те поспешили высадиться у города.

Одна лишь Спарта вообще не рассматривала возможности подчинения восточной империи. Персидских послов, потребовавших «земли и воды», сразу же сбросили в колодец и предложили принести царю землю и воду оттуда. Впрочем, и среди спартанцев имелись определенные персофильские настроения, но на уровне частных лиц, в основном связанных с царскими родами.

На сторону персов перешел, и стал царским сатрапом отстраненный царь Демарат, а возглавлявший греков в ходе персидской войны спартанский регент Павсаний, победитель при Платеях, в итоге запутался в интригах с персами так, что был осужден эфорами. В поисках спасения он припал к алтарю храма Афины Меднодомной, пытаясь воспользоваться правом убежища, но пришедшая к храму

его мать Феано первая положила у дверей святилища кирпич — предатель был замурован и умер от голодного истощения.

Павсания сгубил тот же порок, который, как и предсказывал заранее Тиртей, однажды сгубил и всю Спарту — корыстолюбие. Всё Ликургово законодательство было заточено под то, чтобы не дать имущественному неравенству разорвать ряды общины равных и подорвать её единство. Спартиатам было запрещено заниматься любыми приносящими выгоду предприятиями, были запрещены под страхом смерти золотые и серебряные деньги. Внутри Спарты в ходу были очень неудобные и громоздкие железные бруски, сколько-нибудь приличная сумма которых сразу становилась видна всем окружающим.

Вопреки широко распространенному мифу, спартанцы не практиковали «ксенеласию», то есть регулярные изгнания иностранцев, но их государство было очень закрытым. Себе Спарта оставляла власть, пользоваться же денежными выгодами спартанского порядка предоставляла союзникам, прежде всего — Коринфу.

Однако низость человеческой природы брала своё. Аристотель видел в идеале абсолютной бедности главную стратегическую ошибку Ликурга, который сделал государство «бедным денежными средствами, а частных лиц корыстолюбивыми». Все сколько-нибудь значительные спартанские военачальники, выйдя на международную арену, немедленно оказывались коррумпированы.

Павсаний, какое-то время бывший самым могущественным человеком в Греции, стал брать деньги у персов. Царь Плистоанакт и эфор Клеандрид были подкуплены Периклом во время похода на Афины в 446 году (когда афиняне обнаружили в отчете Перикла пробел в десять талантов, на вопрос, куда потрачены деньги, стратег ответил: «На нужное дело»). Победитель Афин Лисандр превратил своё положение самого сильного человека в Греции в источник непрерывного обогащения. Его соратник Форак был казнен эфорами

за присвоение денег. Гилипп, сын вышеупомянутого Клеандрида, прославивший себя разгромом афинян на Сицилии, оборудовал себе дома специальный тайник, в котором хранились золото и серебро. Когда у него нашли 300 талантов, он был вынужден бежать из Спарты, в которой был приговорен к смерти. Каждый влиятельный спартиат старался заполучить пост гармоста — могущественного спартанского наместника в других полисах. Гармосты чудовищно обогащались за счет подчиненных городов и создавали тайные «счета» у посредников — менял и торговцев.

Ксенофонт, ученик Сократа, так влюбленный в Спарту, что предпочел её своему отечеству Афинам, писал с горечью в своей «Лакедемонской политике»:

«В прежнее время лакедемоняне предпочитали жить скромно, дома, в союзе с согражданами, чем быть наместниками по городам и развращаться лестью. В прежнее время они боялись показать деньги, а теперь некоторые даже гордятся своими приобретениями. В прежнее время для того и не допускались иностранцы и запрещалось выезжать гражданам, чтобы у них не явилось легкого отношения к своим обязанностям, а теперь, как мне известно, лица, считающиеся первыми в государстве, добиваются того, чтобы их наместничество на чужбине не прекращалось... Потому-то прежде эллины ходили в Лакедемон и просили их предводительства против обидчиков, а теперь эллины большей частью составляют союзы — для того, чтобы не подпасть под их власть».

(Xen. Resp. Lac. XIV)

Коррупция в сочетании с олигантропией, вызванной желанием богатых и сильных сосредоточить в своих руках как можно больше земель, и подорвала силы Спарты, утратившей панэллинскую гегемонию. Однако даже в эпоху упадка Спарта оказалась единственным греческим полисом, который не удалось покорить македонцам — на пике своего могущества Филипп II отобрал у Спарты значительную часть Лакедемона, но на сам город идти не

решился. Когда Александр Македонский потребовал от греческих городов вручить ему верховную власть ради победы над персами, то отказали только спартанцы, сообщив, что «им от отцов завещано не идти следом за другими, а быть предводителями».

С переменным успехом Спарта сопротивлялась македонскому владычеству всю эллинистическую эпоху, а её цари Агис IV и Клеомен III попытались провести антиолигархическую реформу — раздел земель, увеличение количества граждан путем их приема. Но, с помощью македонского царя Антигона Досона, враги Спарты из «Ахейского союза» изгнали Клеомена, но независимость Спарты снова осталась нетронутой. Последним всплеском спартанского величия было правление Набиса (враги называли его «тираном», но доказательств, что он не принадлежал к спартанскому царскому роду — нет), который мужественно сопротивлялся Ахейскому союзу и римлянам, но был, в итоге, побежден.

В 188 году до н. э. Спарта была включена в Ахейский союз, а ликурговы порядки уничтожены. Впрочем, уже в 146 году до н. э. римляне, добив своих недавних союзников-ахейцев, формально вернули Спарте свободу, восстановили ликурговы порядки, но Спарта была уже туристической достопримечательностью — со всей ойкумены съезжались туристы, чтобы посмотреть, как порют попавшихся на воровстве в соответствии с ликурговой системой мальчиков.

Спарта после Спарты. Но и после заката Спарта осталась «местом силы» для эллинской и византийской цивилизации. На горах рядом со Спартой раскинулась средневековая Мистра, столица Морейского деспотата, последняя цитадель византийской цивилизации — город великолепных архитекторов и иконописцев, философов, богословов и историков. Жители Мистры прославились своеобразным подвигом — когда деспот Феодор I продал Морею около 1400 года рыцарям-госпитальерам, не рассчитывая более удержать турок-османов, то жители Мистры возмутились и заставили Феодора вернуть

латинянам деньги назад и вернуться к власти, после чего Морея еще 60 лет сохраняла свободу православного государства.

Деспотом Мореи был и царь-мученик Константин XI, последний Палеолог, павший в 1453 году на стенах Константинополя. А дочью последнего деспота Мореи, Фомы, была Софья Палеолог, родившаяся в Мистре около 1455 года, ставшая женой Ивана III и принесящая Византийское наследие на Русь — последние великие князья и цари из рода Рюриковичей были, в некотором смысле, спартанцами.

Спарта прожила долгую и великую историю, её победоносная армия наводила ужас в Элладе и за её пределами, а «ликургова конституция» рассматривалась как идеал многими древними философами. Сократ в Ксенофоновых «Воспоминаниях» советует Периклу завести в Афинах спартанские порядки, а в «Критоне» называет Крит и Лакедемон самыми благоустроенными государствами. Платон положил в основу своего идеального государства именно спартанский опыт.

Безусловно, Спарте многого не достало, чтобы стать Римом Эллады. Она не сумела превратить Пелопоннесский союз в такую же прочную, объединенную гражданством структуру, как Латинский союз. Спарта вообще явилась слишком граждански закрытым полисом, в котором правящая элита оказалась сбита в непрерывно теряющую численность касту — у спартиатов не получилось построить иерархию союзных и подчиненных государств и народов, которая позволила бы им реально выстроить империю. Строясь на господстве спартиатов над мессенскими илотами, такими же эллинами, Спарта не могла стать полноценным центром национальной сборки всей Эллады. Её патриотизм, как и у прочих эллинов, носил местный, партикуляристский характер. Наконец, на примере Спарты стало очевидно, что культивация искусственной бедности — ложная стратегия сохранения равенства, так как она не ведет ни к чему, кроме корыстолюбия и разнузданной коррупции.

Но, все-таки, Спарта оставила и Элладе, и всем европейским цивилизациям немало возвышенных примеров. Это безусловная любовь к Родине — первая в истории последовательная разработка идеологии патриотизма. Стратегия вооруженного консерватизма, охраняющего свободу (в смысле полисного суверенитета) против тиранического «экспорта демократии». Способность сохранять верность монархическим принципам и идее сакрального царства в совершенно антимонархической среде классической Эллады. Принцип уважения к закону и традициям. Высокое положение женщины без феминистской бесовщины. Регулярный воинский строй и дисциплина. Лаконическая речь и остроумие. Всё это спартанское наследие — ценное и до сего дня.

Но главное историческое достижение спартанцев — это, конечно, выработка фермопильского идеала — идеала стойкого воина, который не поддается панике, не отступает при первом поражении, готов до конца защищаться, в том числе и в безнадежном положении. Лучшими боевыми качествами современные армии и наиболее выдающиеся в воинском отношении нации обязаны именно этому спартанскому образцу. И прежде всего это касается, конечно, России и русских.

Вот чего на современном Западе совершенно не понимают, и это столь проявилось в фильме «300». Основные подвиги Леонид и его воины совершают в фильме на первом этапе сражения, когда их еще довольно много, и они защищают удобный узкий проход. Когда же персы обходят спартанцев с тыла, то современному кино-Леониду хватает отваги и воинского искусства лишь на то, чтобы затеять с Ксерксом переговоры, неудачно попытаться убить его броском копья, после чего пасть под ливнем персидских стрел.

Между тем, подвиг настоящих 300 спартанцев только с момента окружения и начался. Развернув свою фалангу, Леонид дал персам последний бой, не закончившийся и после его собственной гибели.

«В этой схватке варвары погибали тысячами — сообщает Геродот. — За рядами персов стояли начальники отрядов с бичами в руках, и ударами бичей подгоняли воинов все вперед и вперед. Много врагов падало в море и там погибало, но гораздо больше было раздавлено своими же. На погибающих никто не обращал внимания. Эллины знали ведь о грозящей им верной смерти от руки врага, обошедшего гору... Большинство спартанцев уже сломало свои копья и затем принялось поражать персов мечами. В этой схватке пал также и Леонид после доблестного сопротивления, и вместе с ним много других знатных спартанцев... Много пало там и знатных персов; в их числе... два брата Ксеркса. За тело Леонида началась жаркая рукопашная схватка между персами и спартанцами, пока, наконец, отважные эллины не вырвали его из рук врагов (при этом они четыре раза обращали в бегство врага). Битва же продолжалась до тех пор, пока не подошли персы с Эпиальтом. Заметив приближение персов, эллины изменили способ борьбы. Они стали отступать в теснину и, миновав стену, заняли позицию на холме... Здесь спартанцы защищались мечами, у кого они еще были, а затем руками и зубами, пока варвары не засыпали их градом стрел, причем одни, преследуя эллинов спереди, обрушили на них стену, а другие окружили со всех сторон». (Herod. Hist. VII. 223)

Уже окруженные, уже обреченные, спартанцы вступили в жестокое сражение, в котором истребили тысячи персов (современные историки утверждают, что 20 тысяч), в котором до последнего дрались мечами, зубами и руками, и лишь после этого, очень дорого продав свои жизни, пали все до последнего человека, покрыв себя не увядающей в веках славой.

И вот здесь-то создатели «300» и приоткрыли нам всю уязвимость американского «супергероизма». Вместо великого исторического сражения отважного отряда в соотношении 1:1000 при потерях противника 20:1, короткое и невыразительное опереточное самоубийство супергероев, способных действительно драться

только с надежно прикрытым тылом. О том, чтобы кино-Леонид и кино-спартанцы могли продержаться в безнадежном сражении целый день, не может идти и речи, это немыслимо, это просто отсутствует в горизонте голливудского мышления и, в значительной степени, американского мышления вообще.

Теперь достаточно сравнить это с образом стойкости, культивируемым в русской воинской культуре — от самоубийственной атаки в тыл Батыя отряда Евпатия Коловрата и «злого города Козельска» до безнадежного сопротивления «котлов» 1941-го, день за днем выжиравшего отведенное на операцию «Барбаросса» время.

«В воле вашего величества бить русских правильно или не правильно, но русские не побегут!» — якобы сказал Фридриху Великому фельдмаршал Кейт во время Семилетней войны. Самому Фридриху пришлось сделать после Цорндорфа аналогичное резюме: «русского солдата мало убить, его надо еще и повалить». Вскоре при Кунерсдорфе Фридрих лишился, казалось бы, уже гарантированной победы именно благодаря невероятному упорству русских солдат, засевших на высоте Шпицберг.

Именно «спартанская» повышенная сопротивляемость, нечувствительность к деморализации и панике, проявляющаяся на лучших страницах русской военной истории, и является одним из тех факторов, которые обеспечили России её великодержавие и исключительную роль в мире.

ФЕМИСТОКЛ

Черты к историческому портрету

Фемистокл был и остается одной из крупнейших фигур древнегреческой истории. Отец-основатель афинской демократии, виднейший организатор побед эллинов в греко-персидских войнах, сыгравший исключительную роль в Саламинском морском сражении, оставивший по себе громкую посмертную славу, он остается героем популярной культуры и в наши дни – от советской детской литературы («Герой Саламина» Л.Ф. Воронковой (1975)), до голливудских фильмов («300 спартанцев» (1962), «300: Расцвет Империи» (2014)).

При всем том, «Фемистокл всегда оставался фигурой дискуссионной; и черты его личности, и основные мероприятия в политической сфере воспринимались как современниками, так и потомками то позитивно, то негативно» - констатирует И.Е. Суриков . Историческая репутация политика никогда не была однозначной, в ней сочетались восхищение его хитроумием, огромными услугами, оказанными им родным Афинам, и неприятие характерного для Фемистокла имморализма.

Античная традиция о Фемистокле

Первый подробный письменный рассказ о Фемистокле дает «отец истории» Геродот в VII, VIII и IX книгах своего труда. Большая часть известий Геродота – это рассказ о хитроумных предложениях и поступках Фемистокла, нацеленных на победу над персами или на собственную выгоду. Образ Фемистокла у Геродота соткан из противоречий. С одной стороны, он указывает на его ум и большой вклад в победу над персами в Саламинском сражении. С другой – постоянно подчеркивает своекорыстие и коррумпированность политика (подкуп военачальников эвбейскими деньгами (Геродот.

История. VIII, 4-5), вымогательство взятки с жителей Андроса и других островов (Геродот. История. VIII, 111-112)), стремление даже участие в патриотической борьбе элинов обратить не только к собственной выгоде, но даже к налаживанию отношений с персидским царем (переписка по поводу моста на Геллеспонте (Геродот. История. VIII, 109-110). Фемистокл у Геродота склонен к обману, пропаганде, манипуляциям и стремится обратить даже неблагоприятные обстоятельства в свою пользу.

«Фемистокл предстает государственным мужем «одиссеевского» склада, т.е., если так можно выразиться, «хитроумным», основывающим свои успехи на смекалке и хитрости, а не на простой и мужественной силе. Геродотовский Фемистокл оказывается в некотором роде воплощением афинянина по преимуществу, чье поведение разительно контрастирует с тем, что было характерно для большинства спартанских персонажей историка» .

«История» Геродота создавалась вскоре после смерти Фемистокла в 459 г. до н.э. Около 446 г. до н.э. поселившийся в Афинах и сблизившийся с кругом Перикла Геродот уже читал выдержки из неё афинянам. Двойственный, с выраженными нотками осуждения портрет Фемистокла вероятно соответствовал ожиданиям афинского общества, которым старался соответствовать историк, - ведь Фемистокл рассматривался не только как архитектор афинского великодержавия, но и как осужденный и изгнанный враг отечества.

Совершенно иначе выстроена характеристика Фемистокла у Фукидида. Этот автор смотрит на Фемистокла глазами сторонника умеренной демократии, отставного афинского политика и стратега. Главным деянием Фемистокла, о котором подробно говорит Фукидид, является создание афинского флота и постройка стен вокруг Афин, Длинных Стен и стен вокруг Пирея, обеспечивших афинской морской державе высокую степень защищенности от угрозы с суши. «Фемистокл впервые высказал великую мысль о том, что будущее афинян на море...» (Фукидид. История. I, 93, 4).

Прибегнув к обычной для себя хитрости и, в то же время, серьезно рискуя, Фемистокл выигрывает для афинян время, необходимое для строительства стен. Так же Фукидид подробно рассказывает о бегстве Фемистокла из Аргоса через Керкиру и царство молоссов в Персию, после того как разоблачение в Спарте проперсидской деятельности Павсания поставило под угрозу и его самого. В этом рассказе Фемистокл дважды ищет помощи у недругов – у царя молоссов Адмета и у персов – и оба раза удачно.

Несмотря на то, что рассказ Фукидида касается скользкого сюжета – превращения выдающегося эллина в слугу персидского царя, в оценке Фемистокла Фукидидом нет ни одной негативной ноты. На фоне характерной для историка эмоциональной сдержанности, она звучит просто восторженно.

«Фемистокл был чрезвычайно одарен от природы и заслуживает в этом отношении, как никто другой, величайшего удивления. Даже полученное им образование ничего существенного не прибавило к его природным дарованиям. Отличаясь выдающейся остротой ума, он был величайшим мастером быстро разбираться и принимать решения в непредвиденных обстоятельствах текущего момента и, кроме того, обладал исключительной способностью предвидеть события даже отдаленного будущего. За что бы он ни брался, всегда у него находились подходящие слова и выражения, чтобы объяснить другим свои действия, и даже в той области, с которой он непосредственно не соприкасался, умел тотчас найти здравое суждение. По ничтожным признакам Фемистокл прозревал, предвещают ли они что-либо хорошее или плохое. Короче говоря, это был человек, которому его гений и быстрота соображения сразу же подсказывали наилучший образ действий» (Фукидид. История. I, 138, 2-3).

Как отмечает Харийс Туманс: «эта характеристика превосходит те славословия, которые Фукидид посвящает Периклу... Фемистокл под пером Фукидида оказался не просто чрезвычайно одаренным человеком, но именно таким, который «как никто другой»

заслуживает «величайшего удивления». Вот это «как никто другой» как раз и означает, что его Фукидид ставит его выше Перикла, и видимо, выше всех остальных политиков тоже» .

По мнению Туманса, в характеристике Фемистокла Фукидидом происходит освобождение от нравственных оценок. «Критерием в данном случае является то, что мы сегодня называем «эффективностью». Фемистокл и в самом деле был политиком в высшей степени «эффективным» и всегда добивался поставленных целей – невзирая на средства. Именно это и стало причиной восхищения Фукидида. Теперь нетрудно найти мировоззренческие основания данной позиции – они содержатся в идеологии софистов, хорошо представленной в текстах Платона. Ведь именно софисты возвели на пьедестал критери «эффективности», освободив его от всех моральных ограничений и провозгласив смыслом своей деятельности достижение власти и богатства любыми средствами» . По мнению исследователя, Фемистокл был проводником идеологии греческой модернизации, бросившим вызов Спарте, и именно этим объясняется его высокая оценка Фукидидом.

Вне зависимости от влияния идей софистов на Фукидида, очевидно, что для его восторженной оценки Фемистокла необходимы были более прагматические причины. На наш взгляд Фукидид смотрит на Фемистокла как на отца афинской военно-морской программы и морской геополитической стратегии, как на автора антиспартанского внешнеполитического курса Афин, который считает безусловно верным. Подробный же рассказ о бегстве Фемистокла в Персию и почетном приеме его там понадобился Фукидиду для того, чтобы подчеркнуть необходимость для Афин разумность налаживания добрых отношений с персидскими царями, за благосклонность которых в то время боролись спартанцы и афиняне в обоих случаях во главе с менявшим сторону Алкивиадом. Параллель между персидскими приключениями Фемистокла и Алкивиада у Фукидида вполне прозрачна. Указывая на пример Фемистокла, Фукидид пытается дать понять афинянам, что в примирении с укрывшимся у

сатрапа Лидии Тиссаферна Алкивиадом и использовании персидской помощи нет ничего постыдного.

Краткие характеристики Фемистокла, даваемые авторами конца V и IV вв. до н.э. имеют значение для оценки того, как эта фигура воспринималась разными слоями афинского общества. Лисий характеризует Фемистокла восторженно, как «отличавшегося красноречием, умом и деятельностью» (Лисий. Речи. II, 42). Аристотель в «Афинской политике» характеризует Аристида и Фемистокла как «предстателей народа», которые «возведением стен они распоряжались совместно, хотя и не ладили между собой», причем подчеркивает, что Фемистокл считался «искусным в военных делах» (Аристотель. Афинская Политика. 23, 3). В то же время, утверждение «Афинской политики» о том, что Фемистокл был инициатором реформы Эфиальта, направленной против власти Ареопага, очевидно анахронично и недостоверно.

Огромное значение для реконструкции биографии Фемистокла имеет его жизнеописание, составленное греческим эрудитом и философом-моралистом Плутархом из Херонеи и, в не меньшей степени жизнеописание его многолетнего соперника Аристида. Это самый полный свод биографических данных о Фемистокле, достоверность которого, впрочем, является проблематичной. «При использовании данных Плутарха перед исследователями... всегда встает проблема аутентичности этой информации. В отличие от Геродота и Фукидида, которые были лично знакомы с людьми, еще заставшими в Афинах Фемистокла, херонейский биограф был отделен от своего героя более чем полутысячелетним временным промежутком» .

Разумеется, херонейский писатель был субъективно честен. Он сообщает имена своих источников: Фаний Лесбосский, Неанф и Симонид (Плутарх. Фемистокл. 1), Стесимброт (Плутарх. Фемистокл. 2), Аристон (Плутарх. Фемистокл. 3), Клидем (Плутарх. Фемистокл. 10), Феопомп (Плутарх. Фемистокл. 19) и другие. Однако эти источники Плутарха до нас не дошли или дошли в обрывках, поэтому

оценить степень их достоверности как в целом, так и в том, что касается Фемистокла, чаще всего затруднительно.

В то же время, относительно ранней деятельности Фемистокла сведения Плутарха, зачастую, уникальны и нам остается лишь, с большей или меньшей степенью критичности, полагаться на их достоверность.

При этом необходимо учитывать, что акцент моральной оценки у Плутарха серьезно смещается по сравнению с Геродотом и Фукидидом, если старые историки единодушно, хотя и с разным знаком, ведущей чертой Фемистокла считают изворотливый и беспринципный, временами – корыстный, ум, то для Плутарха на первое место в его характере выходит честолюбие, стремление к славе и забота о своем «имидже». Характерен такой передаваемый Плутархом анекдот: «Глядя на выброшенные на берег моря тела, он увидел на них золотые браслеты и ожерелья; он сам прошел мимо, а своему другу, шедшему с ним, показал на них, проговорив: «Возьми себе, ведь ты не Фемистокл»» (Плутарх. Фемистокл. 18). «Геродотов» Фемистокл в данной ситуации несомненно придумал бы способ получить выгоду любой ценой, «плутархов» — жертвует корыстью ради славы.

В чем же был секрет Фемистокла, обеспечивший ему популярность и при жизни, и после смерти? Какие черты этого афинского политика уготовали ему ключевую роль на повороте истории – в греко-персидских войнах? И почему, несмотря на исключительные услуги, оказанные им Афинам и Элладе в борьбе против персов, Фемистокл потерпел крах как политик и закончил жизнь царским сатрапом в побежденной им Персии, а его исторический образ в античности как бы двоиится?

Начало карьеры

Большинство афинских политиков V века, вне зависимости от их политической ориентации, были представителями старинных

богатых аристократических родов. Фемистокл принадлежал к аристократам из рода Ликомидов, но его ветвь рода была захудалой, а мать, возможно, не была гражданкой Афин (Плутарх. Фемистокл. 1). Он родился и вырос в сельской Аттике (что будет контрастировать с антикрестьянскими и проторговыми тенденциями его политики). Его образование и особенно «светскость» стояли не на должном уровне, как указывает Плутарх, рассматривающий это, впрочем, как результат свободного выбора Фемистокла в пользу предметов служащих для развития ума (Плутарх. Фемистокл. 2)

«Не приходится сомневаться в том, что Фемистокл был не только не похож на большинство аристократических лидеров своего времени, но и в определенной степени отчужден от них, воспринимался представителями евпатридской знати как *homo novus*, человек не вполне равного с ними статуса» .

В этом социальном разрыве кроются, по всей видимости, причина многих нестандартных поведенческих стратегий Фемистокла – корыстность, вызванная тем, что ему приходилось сколачивать себе состояние политикой, склонность к тому, что сегодня назвали бы «пиаром», примеры чего приводит Плутарх (Плутарх. Фемистокл. 5). В то же время, Фемистокл выступал на афинской политической сцене как политик-популист. «Он погрузился в общественные дела, усерднейше трудясь на пользу друзьям и ради славы. Постоянно участвовал он в частных тяжбах, часто посещал народные сходки. Без него не обходилось ни одно сколько-нибудь важное дело: быстро находил он решение, коротко и ясно излагал его» (Корнелий Непот. Фемистокл. 1). «Народу Фемистокл нравился, как потому, что на память называл по имени каждого гражданина, так и потому, что оказывался беспристрастным судьей в делах частного характера» (Плутарх. Фемистокл. 5).

И.Е. Суриков предполагает, что политическую карьеру Фемистокл начал как сторонник Алкмеонидов – знатного рода, настроенного проперсидски и продемократически . Однако, вскоре отошел от них заняв резко антиперсидскую и антиспартанскую позицию. Этим

отказом от ориентации на другие державы, бескомпромиссной установкой на величие самих Афин и отличалась фемистокловская линия в политике, постепенно привлекая к нему симпатии афинян.

Около 493 года до н.э. Фемистокл был избран архонтом-эпонимом – фактическим годичным главой Афин и привлек внимание граждан содействовав постановке трагедии Фриниха «Взятие Милета», посвященной неудаче ионийского восстания против персов, ставшего началом греко-персидских войн. Эмоциональный шок от представленной трагедии эллинского города Милета разгромленного персами был столь велик, что проперсидская партия (вероятно Алкмеониды) добилась наложения на Фриниха штрафа (Геродот. История. VI, 21). Причастность Фемистокла к этой постановке можно предположить как из того, что она была поставлена в год его архонтства, так и из его дальнейших тесных связей с трагиком Фринихом, совместно с которым в 476 г. до н.э. он поставил прославляющую саламинскую победу трагедию «Финикиянки» (Плутарх. Фемистокл. 5).

Главным делом архонтства Фемистокла, было начало работа по переносу морского порта Афин из неудобного Фалера в идеально расположенный Пирей (Фукидид. История. I. 93.3). Это стало отправной точкой создания афинской великой морской державы.

В конце 490-х Фемистокла ненадолго оттеснил с первых ролей прибывший из Херсонеса Фракийского Мильтиад, одержавший блестящую победу при Марафоне. Фемистокл был глубоко уязвлен этим и говорил, что трофей Мильтиада не дает ему спать (Плутарх. Фемистокл. 3). Однако Мильтиад вскоре оказался под атакой проперсидски настроенных Алкмеонидов, лидер которых Ксантипп выступил с публичным обвинением в адрес Мильтиада. Недавний победитель был отвергнут афинянами, обвинен в сознательном введении граждан в заблуждение, осужден и умер.

В этот период на первый план политической жизни Афин выходит вражда Фемистокла и Аристиды. Аристид был приверженцем и,

возможно, политическим наследником Клисфена, проведшего демократические реформы после изгнания тиранов (Плутарх. Аристид. 2). Он сыграл крупную роль в организации Марафонской победы – не только поддержал инициативу Мильтиада, но и уступил ему свой день командования, подав пример прочим стратегам (Плутарх. Аристид. 5).

Жизнь и характер Аристида приобрели ему прозвище Справедливого и репутацию беспристрастного человека, которую тот неоднократно демонстрировал и в отношениях с Фемистоклом. И Аристид и Фемистокл называются у Аристотеля «защитниками демоса» (Аристотель. Афинская Полития. 23, 3), есть немало свидетельств их сотрудничества и взаимной помощи. Аристид, бывший принципиальным сторонником справедливости в политике, выступил против Фемистокла тогда, когда тот стал захватывать диктаторскую власть в городе. К тому же, Аристид, сторонник сухопутного, гоплитского пути военного развития Афин, был противником морской программы Фемистокла. Противостояние двух политиков, постоянно противодействовавших друг другу, стало неотъемлемой частью античной исторической традиции начиная с Геродота (Геродот. История. VIII. 79). Аристиду приписывается высказывание: «афиняне до тех пор не будут в безопасности, пока не сбросят их обоих — и Фемистокла, и его самого — в пропасть» (Плутарх. Аристид. 3).

Плутарх приписывает эту враждебность обстоятельствам личного характера – любовному треугольнику, якобы разделившему обоих политиков еще в молодости (Плутарх. Фемистокл, 3). Однако в этом ритуализованном многолетнем противостоянии проглядывает нечто большее – характерный для эллинского мышления архетип борьбы, агона, соперничества во всех областях жизни – от поэзии, риторики и спорта, до политики. Фемистокл и Аристид явно выбрали друг друга в качестве соперников политического состязания. В традиции они выступают вместе, как своего рода политические близнецы –

безупречно чистый и справедливый герой Аристид и хитроумный политический трикстер Фемистокл.

Одним из ключевых мотивов традиции о Фемистокле и Аристиде являются моменты откладывания вражды, вроде описанного Плутархом в «Моралиях»: «Однажды он [Аристид] был отправлен в посольство вместе с Фемистоклом, хоть они и враждовали. "Давай, Фемистокл, — сказал он, — оставим нашу вражду на границе, а когда будем возвращаться, тогда, если хочешь, подберем ее опять"» (Плутарх. Моралии. 186b). В результате, если составить каталог эпизодов, где в античной традиции Фемистокл и Аристид появляются одновременно, тон они чаще сотрудничают, несмотря на вражду, чем вредят друг другу. Однако не стоит подменять реальную политическую борьбу литературными мотивами – в реальности Фемистокл добился изгнания Аристида в результате остракизма, вероятно по обвинению в «мидизме», то есть персофильстве.

В повседневность афинской политики остракофорию ввел именно Фемистокл. До него этот инструмент практически не работал, а вот в 480-е годы Фемистокл с помощью остракизма убрал с афинского политического небосклона практически всех своих соперников: остракизму были подвергнуты Гиппарх сын Харма – лидер сторонников тирана Гиппия, Мегакл из рода Алкмеонидов, Ксантипп (отец Перикла) и, наконец, Аристид.

С помощью остракизма Фемистокл установил в Афинах своё демократическое по форме и авторитарное по содержанию правление. Разумеется, он и сам подвергался опасности быть изгнанным, но, как правило, его расчет был точным.

В 1937 году американскими археологами на северном склоне Акрополя был обнаружен колодец, ставший, по сути, мусорной свалкой. И в этом колодце – 190 остраков с выведенным четырьмя красивыми почерками именем «Фемистокла». Немедленно появилась теория, что в 482 году, когда решался вопрос об

остракизме Аристиды, некая олигархическая группа готовила «вброс бюллетеней» против Фемистокла, но по каким-то причинам операция не удалась.

Современные исследования, однако, позволили выдвинуть другую, гораздо более реалистичную версию. Все черепки отличаются изысканной круглой формой и четким написанием имени одинаковым почерком. Они приготовлены заранее. Казалось бы фальсификация несомненна. Однако позднее найдены были другие черепки, в том числе известны и случаи когда серии острака против разных лиц написаны одинаковым почерком.

Это привело И.Е. Сурикова к выводу, что в Афинах существовал рынок остраков. Владельцы керамических мастерских выгодно сбывали бой во время остракизма – выбирали самые красивые черепки, обычно донца, писали на них имена наиболее вероятных кандидатов и продавали их.

«Вероятно, что первоначально в мастерской были надписаны остраконы против обоих «кандидатов», но черепки, направленные против Аристиды, полностью разошлись: не будем забывать, что ведь именно он был изгнан в 482 г. до н.э., т.е. получил наибольшее количество голосов. После окончания остракофории 190 остраконов, оставшихся нераспроданными, были унесены с Агоры и выброшены в колодец на северном склоне Акрополя (возможно, неподалеку находилась мастерская, где они были изготовлены)» .

Фемистокл и греко-персидская война

«Результат этой серии остракизмов был очевиден. Афиняне выбрали себе своего «Черчилля» не после, а до того, как начались военные действия, поэтому им и удалось вовремя вооружиться» – такую оценку борьбе Фемистокла за политическую гегемонию в Афинах дает Н.Дж.-Л. Хэммонд в «Кембриджской древней истории» .

Вождю демоса удалось не только изгнать оппонентов, но и добиться от афинян знаменитого решения о перенаправлении доходов с Лаврийских рудников на строительство кораблей. Причем предлогом Фемистокл выставлял не столько войну с персами, сколько необходимость войны с соседней Эгиной. «Эта-то вспыхнувшая тогда война с Эгиной и спасла Элладу, заставив Афины превратиться в морскую державу» (Геродот История. VII. 144).

«При этом, кстати, был учрежден важный для последующей истории Афин институт триерархии: суда оснащались и укомплектовывались не государством, а наиболее богатыми членами гражданского коллектива». В короткий срок Афины отстроили сильнейший в Греции флот – 200 триер и Фемистокл был готов встретить врага во всеоружии.

Большинство греческих государств добровольно или из страха подчинилось персам. Некоторые активно выступали в качестве персидских союзников. На сопротивление решилось лишь меньшинство греческих полисов – самых сильных и развитых – Спарта, Афины, Коринф, то есть те, кому действительно было чего терять. На стороне персов стоял даже Дельфийский оракул, рассылавший по греческим городам угрожающие пророчества о бессмысленности сражений с персами.

Обычно в тот же ряд угрожающих дельфийских становятся и два приводимых пророчества афинянам. Одно, о необходимости бегства:

Что ж вы сидите, глупцы? Бегите к земному пределу,
Домы покинув и главы высокие круглого града.
Не устоит ни глава ни тело пред гибелью страшной,
И ни стопа, и ни длань, и ничто иное средь града
Не уцелеет. Но все истребит, и град сей погубит
Огонь и жестокий Арей, что стремится колесницу сириян...
(Геродот. История. VII. 140)

Второе – о «Деревянных стенах»:

...Лишь деревянные стены дает Зевес Тритогенею
Несокрушимо стоять во спасенье тебе и потомкам.
Конных спокойно не жди ты полков или рати пехотной
Мощно от суши грядущей, но тыл обращая,
Все ж отступай: ведь время придет и померишься силой.
Остров божественный, о Саламин, сыновей своих жен ты
погубишь
В пору ль посева Деметры даров, порою ли знойною жатвы.
(Геродот. История. VII. 141)

Обычно эти пророчества, особенно первое, рассматриваются как проперсидские. «Членами Дельфийской амфикионии, светской организации этого святилища, были в основном племена северной и центральной Греции, которым предстояло первым испытать вторжение, да и вообще их политика носила непротивленческий характер. Это не означает, что они желали персидской оккупации. Скорее, политики и жрецы взвесили шансы той и другой стороны и поставили на Персию» .

Гражданским подвигом Фемистокла традиционно считается то, что он предложил иную, не проперсидскую интерпретацию дельфийских пророчеств. «Фемистокл советовал афинянам готовиться к морской битве, так как «деревянные стены» и есть корабли. Толкование Фемистокла понравилось афинянам гораздо больше, чем объяснение толкователей оракулов, которые были против приготовлений к битве на море и вообще советовали даже не поднимать руки на врага, но покинуть Аттику и поселиться где-нибудь в другой стране» (Геродот. История. VII. 143).

Однако можно предложить и другую интерпретацию этих событий. Если присмотреться к обоим пророчествам внимательней, то нетрудно увидеть в них полное совпадение со стратегией программой Фемистокла.

Его основной план состоял в сопротивлении персам на море в Саламинском проливе – откуда и пророчество про деревянные

стены в котором внезапно всплывает Саламин. А запасным планом был уход афинян в Великую Грецию, которая издавна привлекала внимание Фемистокла, даже дочерей своих назвавшего Италией и Сибаридой. Очевидно политик рассматривал переселение Афин в Италию как вполне перспективный вариант и именно им угрожал не желавшим сражаться при Саламине спартамцам: «Мы немедленно с женами, детьми и челядью отправимся в италийский Сирус. Город этот уже с давнего времени наш, и по изречениям оракула мы должны там поселиться» (Геродот. История. VIII. 62).

Можно выдвинуть гипотезу, что дельфийские пророчества Афинам отражают не столько проперсидскую, сколько, напротив, фемистокловскую тенденцию. Нельзя исключать, что, фактический правитель Афин добился от жрецов пророчеств которые мог толковать в соответствии со своими замыслами дать морское сражение при Саламине или покинуть Афины вовсе и всем народом перебраться в Италию.

По инициативе Фемистокла принимается постановление об эвакуации женщин и детей в Трезен, а стариков и материальные ценности на Саламин, боеспособные афинские граждане мобилизуются на корабли, амнистируются все изгнанные при помощи остракизма. Помимо упоминаний об этих постановлениях (Геродот. История. VII. 143-144; Демосфен. Речи. XIX. 303; Плутарх. Фемистокл. 10-11) археологами была открыта надпись на мраморной плите в городе Трезене, куда эвакуировались женщины и дети . После долгой дискуссии о подлинности этого эпиграфического памятника исследователи приходят к мнению, что речь идет о своего рода мемориальной исторической реконструкции на основе подлинных источников, имевшихся у её составителей .

Перед общей угрозой для Афин ему пришлось фактически свернуть режим своей личной власти и согласиться на досрочное возвращение всех изгнанных остракизмом. Вернулись и Аристид, и Мегакл, и Ксантипп.

Из похода греческого флота на север, к мысу Артемисий, ярко характеризуют Фемистокла эпизод с эвбейской взяткой, которую он роздал греческим военачальникам за защиту острова утаив значительную её часть (Геродот. История. VIII, 4-5) и попытка вести пропаганду среди ионийских греков, составлявших значительную часть персидского флота, или посеять недоверие к ним у персов (Геродот. История. VIII. 22). Геродот отмечает провал этой пропагандистской операции Фемистокла, вскрывшийся в Саламинском сражении: «Немногие ионяне по призыву Фемистокла бились без воодушевления, большинство же сражались мужественно» (Геродот. История. VIII. 84).

Борьба Фемистокла за то, чтобы греческий флот дал сражение персам в нужное время и в нужном месте подробно описана Геродотом. Уже в древности отдавали должное тому одиссеевскому беспринципному хитроумию, с которым Фемистокл манипулировал действиями нерешительного спартанского командира Эврибада и даже самим персидским, верившим посланнику Фемистокла Сикинну (Геродот. История. VIII. 75). Кстати, сам факт этого доверия, повторившегося вновь в связи с известием Фемистокла о мосте на Геллеспонте (Геродот. История. VIII, 109-110) заставляет высказать предположение, что Сикинна персы видели в своем стане не впервые, Фемистокл находился на связи с Ксерксом постоянно и манипулировал информацией достаточно искусно. Ведь даже после катастрофы при Саламине, царь ему снова поверил, а сам афинский политик, в конечном счете, нашел почетный приют в Персии.

Победа при Саламине стала вершиной политической карьеры Фемистокла и точкой её перелома. После неё он своей активной политикой нажил себе могущественного врага в лице спартанской олигархии из-за вопроса о восстановлении афинских стен.

Лакедемоняне сделали наивно-коварное предложение всем греческим полисам и, в первую очередь, Афинам отказаться от восстановления стен, жить, как и Спарта, опираясь на мужество своих воинов. Это делало Спарту, обладавшую великолепной

полевой пехотой, но неспособную брать города, фактической хозяйкой Афин.

Чтобы отклонить угрозу Фемистокл сам отправился в посольство и отвлекал лакедемонян до тех пор, пока афиняне построили стены на достаточную высоту. Таким образом афинянам удалось восстановить паритет со Спартой, теперь они были защищены на суше и господствовали на море.

Тем самым Фемистокл посеял семена Пелопонесской войны, с одной стороны необычайно укрепив морское могущество Афин, с другой – защитив город, Пирей и связь между ними стенами, с третьей – разгневав Спарту. Его действия диктовались последовательной морской программой.

«Фемистокл хотел возвести стены настолько высокие и толстые, чтобы враг не смел даже и помыслить о нападении на них, и для охраны их было достаточно горстки людей и даже инвалидов; всех же остальных граждан можно было посадить на корабли. Действительно, Фемистокл особенно заботился о флоте, как мне кажется, оттого, что персидскому войску, по его мнению, легче напасть на Элладу с моря, нежели с суши. Поэтому и Пирей в его глазах был важнее верхнего города, и он непрестанно советовал афинянам в случае неудачи на суше спуститься в Пирей и оттуда на кораблях сражаться против любого врага» (Фукидид. История. I. 93).

Однако в годы после Саламина у Фемистокла, по всей видимости, оставалось всё меньше власти. Пережившие изгнание аристократы (роды Алкмеонидов, Филаидов и Кериков) создали политическую коалицию против Фемистокла. Несмотря на свой военный талант он больше не получил ни одного военного назначения. «Он не сыграл абсолютно никакой роли ни в Платейском сражении, ни в операциях греческого флота в Эгеиде в 479 — 478 гг. до н.э., повлекших за собой основание Афинско-го морского союза. В связи с этими событиями мы встречаем имена совсем других людей: Аристида, Ксантиппа, Кимона, Миронида» .

Именно Аристид и Кимон заложили основы Афинского морского союза, а Аристид очень справедливо распределил взносы союзников, которыми распорядились Афины. Это резко контрастировало с поведением Фемистокла, который при освобождении от персов греческих островов отличался одиозным взяточничеством и требовал с освобожденных те суммы, которые раньше они платили персам (Геродот. История. VIII, 111-112).

Противники воспользовались морской программой Фемистокла и развили её, в то время как у самого Фемистокла, по преданиям был другой план, гораздо более авантюристический и в его духе аморальный. Он хотел поджечь флот остальных эллинов на зимней стоянке и оставить Афины абсолютным морским гегемоном Эллады, единоличным хозяином моря (Плутарх. Фемистокл. 20).

Вместо реальной власти Фемистокл получил лишь пост представителя Афин в Дельфийской амфикионии, хотя и на этом посту он проявил инициативу и сумел заблокировать опасное для Афин предложение Спарты по санкциям против персофилов – фессалийцев и аргосцев (Плутарх. Фемистокл. 20). Опасаясь, что тем самым в амфикионии получат перевес союзники Спарты, Фемистокл сорвал эту меру. «Главным образом этим Фемистокл навлек на себя вражду спартанцев; поэтому они и стали оказывать большой почет Кимону и выдвигать его как политического соперника Фемистокла» (Плутарх. Фемистокл. 20). Фемистокл превратился для Спарты во врага №1. И это обрекло его на политическую катастрофу.

Закат карьеры: от демагога до сатрапа

Постепенно Фемистокл стал в Афинах анахронизмом. Он постоянно и неуместно напоминал о своих заслугах, а при этом новых побед не одерживал, поскольку был фактически отстранен своими противниками от командования.

Плутарх ярко очерчивает политический закат Фемистокла: «Так как уже и сограждане из зависти охотно верили разным наветам на Фемистокла, ему приходилось поневоле докучать им в Народном собрании частыми напоминаниями о своих заслугах. «Почему вы устаете, — сказал он недовольным, — по несколько раз получать добро от одних и тех же людей?» Он навлек на себя неудовольствие народа также и постройкой храма Артемиды, которую он назвал «Лучшей советницей», намекая этим на то, что он подал городу и всем эллинам самый лучший совет, и к тому же построил этот храм близ своего дома в Мелите...» (Плутарх. Фемистокл. 22).

Ставший военным и политическим лидером Афин Кимон сын Мильтиада Фемистокла ненавидел и в 372 году дело дошло до остракизма. Остракизм был удобным способом добиться заочного осуждения изгнанника, который не имел права вернуться на судебный процесс по своему делу.

Впрочем, некоторыми исследователями высказывается точка зрения, что причиной политической катастрофы Фемистокла стала не столько враждебность аристократии, сколько усталость афинского демоса от своего вождя. «можно с доверием отнестись к сообщениям древних авторов, которые отмечают возросшее (вместе с ростом влияния) самомнение Фемистокла, что перестало нравиться народу. Хотя обвинения в адрес Фемистокла чаще всего звучали в ареопаге, членом которого он был, немалую роль в ослаблении позиций Фемистокла и его изгнании мог сыграть и демос» .

Так случилось и с Фемистоклом. Он был обвинен спартанцами в связях с их бывшим регентом Павсанием – победителем при Платеях, затем нарушившим спартанские законы и перешедшим на сторону персов. Хотя прямых доказательств персидских связей Фемистокла не было (с другой стороны, своей перепиской с Ксерксом сам политик хвастался непрерывно, записывая её себе в подвиги), спартанцы добились начала его преследования и он был осужден на смерть и конфискацию всего имущества.

Из полноправного изгнанника по остракизму Фемистокл разом превратился в гонимого отовсюду беглеца. Его имущество в Афинах было описано и составило огромную сумму в 100 талантов.

Фукидидом ярко рассказывает о бегстве Фемистокла сперва на Керкиру, затем в Эпир, в царство молоссов, и, наконец, в Персию, описывая новые его хитроумные стратегемы. Перед своим врагом царем молоссов Адметом он предстает, держа царского ребенка на руках (Фукидид. История. I. 136). Будучи пригнан вместе с кораблем к стоянке афинского флота, он шантажом вынуждает корабельщика запретить матросам сходить на берег и тем самым инкогнито Фемистокла удается сохранить (Фукидид. История. I. 137).

В конечном счете Фемистокл оказывается при дворе персидского царя. Афинянин очень удачно вписался в персидскую элиту и смог вполне удовлетворить свои автократические замашки, правя на положении сатрапа городами Магнезией (данной «на хлеб»), Лампсаком («на вино») и Миунтом («на приправу») (Фукидид. История. I. 138).

Фемистокл пробыл в Персии 6 лет и умер в 659 году своей смертью, будучи 65 лет от роду. Легенду о его самоубийстве, чтобы не идти в поход на Грецию сочинили задним числом, чтобы как-то примирить в своем сознании тот факт, что герой Саламина изгнанный эллинами закончил свою жизнь персидским сатрапом в варварской стране. Гробница его находилась в Магнесии, но в Афинах ходила легенда, что прах был тайно перенесен на родину и показывали безымянную могилу в Аттике, видную только с моря.

Парадокс Фемистокла начавшего антиперсидским политиком в Афинах, а закончившего персидским сатрапом проливает, на наш взгляд, свет на всю систему отношений эллинских государств и Персии. Представление о несовместимости двух враждебных и культурно полярных миров, возникающее из знакомства с идеологическими манифестами эллинской интеллигенции, несколько односторонне.

С точки зрения самих персов, Эллада даже на вершине своего могущества была похожа на сепаратистскую окраину империи. Фемистокл, как успешный полководец и дипломат, не избегавший хитроумных игр с двойным дном (которые в позднейшей традиции были облагорожены до военных хитростей), вряд ли видел противоречие между принципиальной враждебностью к персам в качестве афинского политика, и успешной карьерой при персидском дворе в качестве эмигранта. Система греко-персидского дуализма предполагала гибкую смену ролей.

Кем же был Фемистокл?

Популярность Фемистокла в Греции, Риме и в наши дни связана с тем, что именно в этом политике наиболее ярко воплощались характерные черты эллинского духа: хитроумие, предприимчивость, находчивость, изобретательность в самых сложных ситуациях и умение никогда не сдаваться. Эти черты переплетались с беспринципностью, самомнением, самолюбованием и корыстью, однако все эти свойства так же считались в общем и целом характерными для греческого менталитета.

Если Аристид, «дуальный соперник» Фемистокла (если верить традиции) отличался скорее набором качеств, который мы бы сегодня назвали «римским» – справедливость, верность слову, неподкупность, то организатор Саламинской победы был живым воплощением национального героя – Одиссея и этим привлекал симпатии как при жизни, так и посмертно.

Не принадлежа к влиятельным аристократическим кланам, Фемистокл был вынужден делать карьеру как политик-популист, опираясь на сочувствие афинского демоса, постоянно навязывая себя ему в качестве советника и спасителя. Ему приходилось враждовать со всеми знатными участниками афинской политики и вытеснять их посредством остракизма, так как в случае союза он вынужден был бы согласиться на роль младшего партнера.

Единственной своеобразной поддержкой Фемистоклу была его дружба-вражда с Аристидом, так как наблюдение за этим агонем усиливало у демоса интерес к обоим политикам и они как бы подпирали друг друга.

Невозможно не согласиться с Л.П. Маринович: «Происходившие из аристократии политические лидеры пытались служение демократии сделать ступенью к собственному возвышению. Эта несоединимость объективных условий и личных побуждений неизбежно приводила к конфликту между государством и политиком, что в классический период, когда гражданская община уже была достаточно едина и сильна, почти всегда завершалось падением личности» .

В конечном счете, усталость демоса оказалась для Фемистокла роковой и уничтожила его как политика, создав первую арку в развивавшемся и дальше (Алкивиад, Сократ) сюжете о неблагодарности афинян к величайшим из своих граждан.

ЭЛЛИНСТВО И ОПТИМИЗМ

О типе древнегреческой культуры

1. Над чем плакал Гераклит?

Стимулом к написанию этого размышления стало чувство острого несогласия, испытанного автором, когда он как-то раз, будучи в гостях у друзей-философов, стянул с полки, пока те хлопотали по хозяйству, «Очерки античного символизма и мифологии» А. Ф. Лосева, и обнаружил там ни с чем не сообразные, на его взгляд, рассуждения выдающегося философа и антиковеда о политической позиции Гераклита Эфесского.

«Полное презрение философа к политической жизни, увеличенное еще тем, что фактически-то философ участвует в этой жизни и страдает о ней. “Плачущий”, “темный” — всё это эпитеты Гераклита настолько же яркие и выразительные, насколько и древние. Пессимизм “политического” настроения Гераклита ясен до конца» — писал автор (Лосев 1993: 787).

Говоря о Гераклите, Лосев пытается всеми силами приписать ему аполитичность и презрение к политической жизни. И это при том, что сам же он приводят факты интенсивной политической вовлеченности последнего. Трактат Гераклита был посвящен, по всей видимости, не космосу, а полису. Философ, по одним источникам сложивший с себя царскую власть в пользу брата, а по другим — уговоривший отказаться от власти тирана Меланкома, обличал эфесцев, что они изгнали лучшего из них — Гермодора. Именно Гераклиту принадлежит знаменитая апофегма: «За закон народ должен биться, как за свои стены».

Лосев дает этому изречению какое-то нарочито извращенное истолкование: «Эти две “политические” мысли Гераклита можно понять лишь как проповедь воздержания от всяких новшеств, ввиду бесполезности и тщетности всяких человеческих попыток создать

что-нибудь помимо закона всеобщей необходимости» (Лосев 1993: 785). Возникает закономерный вопрос: зачем биться как за собственные стены полиса, то есть героически и жертвенно, за закон всеобщей необходимости, который и так неумолимо действует?

Нет никаких оснований, след за Лосевым, приписывать Гераклиту космополитически-пессимистическое мировоззрение. Да и «семь мудрецов» до-досократиков, были практическими законодателями или тиранами. Из постоянно фигурирующей во всех перечнях семи мудрецов четверки один лишь Фалес Милетский не занимался политикой. Трое остальных были законодателями, как Солон, политиками, как Биант из Приены, или тиранами, как Питтак из Митилены (впрочем, формально Питтак был законодателем-эсминетом, сложившим в срок свою власть, поэтому причисление его к тиранам справедливо оспаривается). В списках мудрецов фигурировали и коринфский тиран Периандр, и спартанский эфор Хилон, и тиран Линда на Родосе Клеобул.

Считать архаических мудрецов и Гераклита аполитичными космополитами-пессимистами, как это делал А. Ф. Лосев, нет решительно никаких оснований. Молодой философ, работая над своими очерками о социальной природе платонизма незадолго до ареста, который приведет его на Беломорканал, находился под некритическим обаянием идей «Рождения трагедии из духа музыки» Фридриха Ницше, место которой в нашем понимании эллинства нуждается в обсуждении.

Концепция «эллинского пессимизма» — один из самых успешных мифов в гуманитарной культуре последних полутора столетий. Если ницшеанский сверхчеловек попал в крайне неуютный политический контекст, то «пессимистичные» греки долгое время владычествовали над нашим пониманием античности практически безраздельно.

Для Ницше мир греков — это не мир просветленной классической ясности холодных мраморных статуй, не мир меры и гармонии, а

мир глубочайшего пессимизма и ужаса перед бытием. Существование — мучительно, тело — тюрьма, мир — бессмыслен.

«Ходит стародавнее предание, что царь Мидас долгое время гонялся по лесам за мудрым Силеном, спутником Диониса, и не мог изловить его. Когда он, наконец, попал к нему в руки, царь спрашивает, что для человека наилучшее и наипредпочтительнейшее. Упорно и недвижно молчал демон; наконец, принуждаемый царем, он с раскатистым хохотом разразился такими словами: “Злополучный однодневный род, дитя случая и нужды, что вынуждаешь ты меня сказать тебе то, чего полезнее было бы тебе не слышать? Наилучшее для тебя вполне недостижимо: не родиться, не быть вовсе, быть ничем. А второе по достоинству для тебя — скоро умереть”» (Ницше 1990: 66).

Аттическая трагедия, рождение которой осмысливает Ницше — это синтез дионисийского начала, которое отталкивается от ужаса перед бытием и преодолевает его через экстаз, через безудержный порыв плоти и забывшегося духа к беспредельности, и аполлонического начала — начала сна и видений, преодолевающих боль бытия через создание удвоенного, лучшего и ясного мира. В трагедии дионисийский экстаз разрешается в ясность аполлонических образов. Происходит их синтез. Этот трагический синтез, с точки зрения Ницше, лучше всего выражен Эсхилом, затем Софоклом, а вот находившийся под влиянием софистов и Сократа с их рационализмом Еврипид — это разрушение трагедии, уход в рационализм и психологизм от исходных онтологических основ.

Тема Аполлона и Диониса нас сейчас интересует меньше, а вот тезис об уникальном эллинском пессимизме, которым проникнуто все греческое мироощущение, важен тем, что представляет собой классический случай *культурологической мнимости*, которой, однако, отдают обильную дань даже лучшие знатоки эллинских древностей.

Ницшеанская проблематика дионисизма и эллинского пессимизма нашла горячую поддержку в русской гуманитарной традиции. Обширное исследование посвятил ей Вячеслав Иванов. Постоянно выражал поддержку этому взгляду и А. Ф. Лосев. «Концепция Ницше, несмотря на явный импрессионизм и шопенгауэрианство, является замечательным явлением человеческой мысли, с небывалой глубиной проникшей в затаенные истоки и корни античной души» (Лосев 1993: 34).

Единственным отечественным исследователем, попытавшимся всерьез бросить вызов концепции эллинского пессимизма, был А. И. Зайцев, показавший в своей без преувеличения революционной работе «Культурный переворот в Древней Греции», что, несмотря на присутствие пессимистических элементов в греческом мировидении, не они, а как раз жизнеутверждающая струя в мироощущении эллинов периодов архаики и классики, и их агонально-оптимистический настрой, составляют уникальную сущность древнегреческой цивилизации (Зайцев 2000: 91-105).

Однако этот подход А. И. Зайцева оказался так и не «переварен» наукой об античности — слишком уж сильное обаяние созданного Ницше мифа. Не так давно, в великолепной книге И. Е. Сурикова «Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры» тезис Ницше, хотя и с некоторыми оговорками, был снова повторен одним из лучших в России знатоков античности.

Автор не просто подчеркивает продуктивность ницшеанского взгляда на античность: «Несмотря на все ошибки и передержки, в этом что-то есть!» (Суриков 2012: 117) — и с этим трудно спорить, поскольку открытие иррациональной, дионисийской стороны эллинской цивилизации является впечатляющим исследовательским прорывом. Но ведь сам же Суриков и указывает, что «в Дельфах девять месяцев в году почитался Аполлон, а остальные три месяца — Дионис. Очевидно, сами греки не мыслили этих двух начал в отрыве друг от друга» (Суриков 2012: 118).

Однако далее Суриков пространно поддерживает именно тезис о глубочайшем пессимизме, присущем эллинам, ссылаясь на знаменитые строки несчастного в своей судьбе аристократа Феогнида — «Лучшая доля для смертных — на свет никогда не родиться...», и на приписываемую поэту-крестьянину Гесиоду теорию циклического упадка, якобы изложенную им в «Трудах и днях» (о том, справедливо ли такое приписывание, мы скажем в дальнейшем). И делает вывод: «Архаический период, казалось бы, был временем игры молодых сил, бурного развития, движения вперед. А в настроениях греков этого времени обнаруживаемый самый черный пессимизм» (Суриков 2012: 128).

Проявления же оптимистического мировоззрения, выражающиеся в «реалистическом жизнелюбии Архилоха», находятся в основном «у некоторых авторов V в. до н. э., периода высшего расцвета эллинской цивилизации сразу после побед над персами», тогда-то только и можно встретить «представление о прогрессе и исторический оптимизм» (Суриков 2012: 130).

2. Труды и дни как средство против упадка

Насколько справедливо отождествление *исторического оптимизма* с понятием *прогресса*? Такая постановка сразу же, вольно или невольно, выдает носителя европейской просвещенческой парадигмы, только для которой и характерно видеть лучшую жизнь во все приближающемся, но никогда не наступающем будущем, и относить оптимизм к надеждам на это будущее. Однако именно такой взгляд совершенно не был характерен для эллинов. Песню про «прекрасное далеко» они бы попросту не поняли.

Однако, представление об историософии циклического упадка, которое приписывается эллинам подавляющим большинством авторов, основано на явном недоразумении и невнимательном чтении текстов. Над сознанием европейских исследователей

господствовала основная интуиция западного восприятия времени как однонаправленного поступательного потока. Желание увидеть у Гесиода последовательное поступательное движение в одном направлении сбивало с толку даже таких проницательнейших исследователей как А.Ф. Лосев, обнаруживший у поэта «теорию пяти веков человеческой истории, из которых каждый последующий был, по Гесиоду, хуже предыдущего» (Лосев 1977: 23).

Если внимательно вчитаться в «Труды и дни», то никакой однозначной картины *поступательного регресса* мы не увидим.

Действительный регресс наблюдается между «золотым» и «серебряным веком». В первом случае: «Жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душою, / Горя не зная, не зная трудов. И печальная старость / К ним приближаться не смела» (Hes. Opp. 112-114. Здесь и далее перевод В. В. Вересаева. Эллинские поэты 1963). Во втором: «После того поколенья другое, уж много похуже, / Из серебра сотворили великие боги Олимпа. / Было не схоже оно с золотым ни обличьем, ни мыслью... Жили лишь малое время, на беды себя обрекая / Собственной глупостью: ибо от гордости дикой не в силах / Были они воздержаться, бессмертным служить не желали...» (Hes. Opp. 127 sqq).

Третье поколение нельзя назвать в чем-либо нравственно ниже второго, мало того, оно не обвиняется в каком-либо богохульстве, из-за которого Зевс вынужден был скрыть под землей второе поколение. «Третье родителю Крониду поколенья людей говорящих, / Медное создал, ни в чем с поколеньем несхожее прежним. / С копьями. Были те люди могучи и страшны. Любили / Грозное дело Арея, насильщину. Хлеба не ели. / Крепче железа был дух их могучий. Никто приближаться / К ним не решался: великою силой они обладали» (Hes. Opp. 143-148). Медное поколение отличается от серебряного в худшую сторону лишь меньшим почетом, воздаваемым потомками.

Зато между третьим и четвертым поколением, поколением легендарных эллинских героев, Гесиод открыто подчеркивает улучшение человеческой породы. «Снова еще поколенья, четвертое, создал Кронион / На многодарной земле, **справедливее прежних и лучше** (δικαιότερον καὶ ἄρειον), — / Славных героев божественный род. Называют их люди / Полубогами: они на земле обитали пред нами. / Грозная их погубила война и ужасная битва» (Hes. Opp. 157-161). Поколение гомеровских героев населяет теперь острова блаженных: «Трижды в году хлебодарная почва героям счастливым / Сладостью равные меду плоды в изобилье приносит» (Hes. Opp. 172-173). Любопытно, кстати, что с этим четвертым поколением блаженных Гесиод не сопоставляет никакого металла.

«Землю теперь населяют железные люди. Не будет / Им передышки ни ночью, ни днем от труда и от горя, / И от несчастий. Заботы тяжелые боги дадут им» (Hes. Opp. 176-177). Положение людей железного века отнюдь не является точкой предельной деградации космоса и человеческого рода, после которого должна наступить гибель космоса – нет вообще никаких признаков того, что космосу грозит конечная гибель. Напротив, поэт провидит некое улучшение, связанное, вероятно, с новой сменой поколений волей Зевса: «Если бы мог я не жить с поколением пятого века! / Раньше его умереть я хотел бы иль позже родиться» — восклицает Гесиод (Hes. Opp. 174-175). Иными словами, вслед за пятым, железным веком поэтредполагает лучший шестой, так же, как после мрачного третьего медного века последовало улучшение в четвертом веке героев.

Приписывать Гесиоду историософский пессимизм и теорию прогрессирующего упадка, наподобие индуистских «юг», нет никакой возможности. Он пессимистично оценивает свою эпоху и предвидит в её ходе и в самом деле ужасающую нравственную деградацию человека, но хотел бы родиться в будущем, когда Зевс сотворит лучших людей, нежели нынешние. Пессимистичность Гесиода сравнительно с Архилохом или Эсхилом состоит лишь в том,

что переход от одного этапа к другому, независимо от улучшения или ухудшения, оказывается связан с творческим актом демиурга.

Мало того, А.Ф. Лосев совершенно справедливо отмечает «прогрессистский» характер историософии гесиодовой же «Теогонии». «Мировая история начинается с бесформенных стихий (Хаоса, Земли, Тартара, Эроса) и всех их порождений, выливается сначала в бесконечную производительность сына Земли, Урана, укрощение этой плодовитости сыном Урана и Земли, Кроносом, и заканчивается отстранением от мировой власти Кроноса с его братьями, титанами, ввиду их неразумного упорства и эгоизма, и воцарением Зевса. У Гесиода промелькивает даже республиканско-избирательный мотив, поскольку владыкой мирового царства Зевс становится не сам по себе, но в результате выборов среди богов. Зевс, по Гесиоду, является олицетворением мирового разума и воли, побеждает неразумные и стихийные силы титанов и Тифона и является родоначальником олимпийских богов и земных героев - победителей страшных земных стихий и учредителей всеобщего разумного порядка» (Лосев 1977: 25).

Даже у греческих философов, приписывать которым исторический циклизм считается чем-то само собой разумеющимся, мы не находим однозначной теории упадка, «золотого века» и «вечного возвращения». В «циклическом мифе» диалога Платона «Политик», после того, как предоставленный самому себе и лишенный попечения богов и демонов космос деградирует и вырождается, едва не подвергнувшись самоуничтожению, демиург вновь берет направление движения космоса в свои руки.

Однако «цикла» не происходит, поскольку на сей раз движение космоса идет совсем иначе — вместо опекающей заботы богов-покровителей наступает время заботы людей о самих себе, время культуры. Если в предыдущем цикле самодвижущийся космос, согласно Платону, едва сам себя не загубил, подмешивая к немногому добру всё больше зла, то в новом цикле на пути деградации демиург ставит человеческую культуру:

«Когда принявший нас в свои руки и пестовавший нас даймон прекратил свои заботы, многие животные, по природе своей свирепые, одичали и стали хватать людей, сделавшихся слабыми и беспомощными; вдобавок первое время люди не владели еще искусствами, естественного питания уже не хватало, а добыть они его не умели, ибо раньше их к этому не побуждала необходимость. Все это ввергло их в великое затруднение. Потому-то, согласно древнему преданию, от богов нам были дарованы вместе с необходимыми поучениями и наставлениями: огонь — Прометеем, искусства — Гефестом и его помощницей по ремеслу, семена и растения — другими богами. И всё, что устрояет и упорядочивает человеческую жизнь, родилось из этого: ибо, когда прекратилась, как было сказано, забота богов о людях, им пришлось самим думать о своем образе жизни и заботиться о себе, подобно целому космосу, подражая и следуя которому мы постоянно — в одно время так, а в другое иначе — живем и возвращаемся».

(Plat. Polit. 274b-d. Перевод С. Я. Шейнман-Топштейн. Платон 1994).

Ну и совсем уж нелепо, как нередко делается, приписывать отцам истории некое «отсутствие чувства истории», непонимание линейного хода времени и т. д. Для первых греческих историков характерно своеобразное понимание истории, но заключается оно отнюдь не в циклизме, а в понимании истории как *события*, а не процесса.

История понимается Геродотом, Фукидидом, Ксенофонтом, Полибием и другими, как сцепление и взаимодействие во времени людей и вещей, а не как единомысленное по временной шкале изменение того или иного объекта. Крупнейшие исторические труды греков посвящены именно реконструкции того или иного «события» — войны греков и персов у Геродота, Пелопонесской войны у Фукидида, завоевания Римом Средиземноморья у Полибия.

Полибию часто приписывали разработку якобы «циклической концепции» истории, на основании содержащегося в VI книге его «Истории» рассуждения о круговороте форм государственного устройства. Сама идея круговорота форм правления заимствована им у Платона, но... сам Полибий отрицает фатальность этого круговорота. Идеал для него — Римская республика с её смешанным государственным устройством, в котором политические формы — монархия, аристократия и демократия — в надлежащей пропорции смешаны и, за счет этого, сохраняется прочность политического тела.

Рим, чуждый политическим коловращениям, и получает господство в Средиземноморье, а «коловращающиеся» греческие полисы не в силах этому противостоять. Не случайно, поэтому, что понимание истории как «процесса» появляется только у римлян, поскольку в центре их исторического мышления лежал единый исторический субъект — Рим, римский полис.

3. Одоление слепой надежды

Были ли эллины однозначными пессимистами в оценке настоящего? С одной стороны — несомненно. Взглянем на строки Семонида Аморгосского, которые могут считаться настоящим манифестом эллинского пессимизма:

«По воле, мальчик, Зевса тяжкогромного
Конец приходит к смертному. Не сами мы
Судьбу решаем нашу. Кратковечные,
Как овцы, мы проводим жизнь, не ведая,
Какой конец нам бог готовит каждому.
Бесплодно мы мятемся и, однако же,
Все тешимся надеждой. Кто в ближайший день
Ждет радости, а кто — в далеком будущем.
Но каждый ждет — пора придет желанная,
Получит много-много он богатств и благ.
Один же между тем печальной старостью

До времени сражен. Болезни тяжкие —
Удел других. Те, Аресом повержены,
Низводятся Аидом в землю черную.
Те в море ураганом настигаются
И в яростных пучинах волн пурпуровых
Находят смерть, хотя б могли пожить еще.
А те в петле кончают жизнь злосчастную
И с солнцем расстаются волей собственной.
Нейдет из бедствий мимо ни единое.
Но тысячи страданий, зол и горестей
Повсюду стерегут людей. По-моему,
Ни к бедствиям стремиться нам не нужно бы,
Ни духом падать, раз они настигли нас».

(Перевод В. В. Вересаева. Эллинские поэты 1963: 269-270).

На первый взгляд, перед нами — несомненное свидетельство глубочайшего пессимизма эллинского мироощущения.

Однако присмотримся повнимательней — родившийся в VII веке до н. э. на острове Самосе поэт пишет о своих современниках. И что же он видит вокруг себя? Всеобщую прельщенность благими *надеждами*. Все чего-то ждут. Злодейка-жизнь подстерегает со всех сторон эллинов, и они мучительно гибнут в столкновении с нею, но продолжают надеяться. Иными словами, настроением соотечественников Семонида был как раз не пессимизм, а необоснованный оптимизм.

В поэтической эпитафии Феофилы, дочери Гекатея из Пантикапея, которую каждый может увидеть в лапидарии Керченского музея, есть такие строки: «...у твоего отца, Гекатея, осталось одно лишь имя погибшей, образ твой он видит в камне, несбыточные же его надежды нечестивая похоронила Мойра» (Цит по: «Мировое наследие европейского Боспора» 2016: 333). Здесь поэт посягает даже на богиню, порицая за нечестие в разрушении человеческих надежд. Отца несчастной Феофилы утешают тем, что её «не руками

темными обнял Аид, а Плутон лампадой зажег для тебя брачные светочи, приняв тебя в свадебный чертог возлюбленной и супругой» (Там же). Впрочем, это уже выражение не классической эпохи, а мироощущение северопонтийских греков рубежа эр. Центральная роль категории надежды — несбыточной и разбитой надежды в осмыслении эллинами человеческой жизни, очевидна и здесь.

По всей видимости, склонность к тщетным надеждам, своего рода самопрельщенность плодами собственного воображения, была фундаментальной чертой национального характера эллинов, заставлявшей их двигаться вперед, отправляться за тридевять морей, ввязываться в рискованные предприятия, и... вынуждавшей, зачастую, переживать горькие разочарования.

Так нам становится лучше понятна формула знаменитого хора из «Антигоны» Софокла, прославляющего человека, который «σοφόν τι τὸ μηχανόεν τέχνας ὑπὲρ ἐλπίδ' ἔχων» («в мудрость искусство возвел, превыше бессильных надежд») (Soph. Antig. 365-366). Это своеобразный полемический выпад Софокла против эсхилова Прометея, который, в числе прочих своих даров людям, называет лишение их дара предвидения, которое титан подменил надеждой: «τυφλὰς ἐν αὐτοῖς ἐλπίδας κατώκισα» («Я их слепыми наделил надеждами») (Aesch. Prom. 250).

Нет, возражает Софокл, если хочешь улучшения в своей судьбе, то не жди его ни от круговорота космоса, ни от бега времени, не живи надеждой, а делай — паши, лечи, плыви, говори, врачуй — в этом и состоит мудрость. Смерти не избежать, но мастерство и добродетель сделают прочие беды в жизни нестрашными. Сильней человека силы в мире нет, особенно если он творит благо.

Даже сам подбор слов — мудрость («софистика»), изобретательность («механика»), искусство («техника»), противопоставляемых Софоклом надежде, говорят сами за себя.

Итак, *надежда*, ἐλπίς, для одних эллинских поэтов — утешение, приглушающее тревогу и скорбь человека, не могущего предугадать

своей судьбы, источник и оптимистического подъема, и самых горьких разочарований, приносимых «нечестивой Мойрой». Для других — пустое и бесплодное самоослепление, которое не должно быть присуще подлинно сильному человеку, хозяину собственной участи, у него эти бесплодные надежды заменят мудрость, изобретательность и искусность.

Как бы мы ни смотрели на греков — как на народ, склонный к лихорадочному самообману (наверное, классический пример такого трагического самообмана — это сицилийская экспедиция афинян), или же, как на народ, твердо и осознанно ищущий решения своих проблем на путях науки, техники и искусства, в любом случае трудно принять ницшеанский миф об эллинской культуре оцепеневшей перед «древним ужасом» и согласившейся, что лучше смерть, чем такая жизнь.

4. Древний ужас пессимизма

Впрочем, даже если бы среди дошедших до нас письменных памятников Эллады большинство выражали пессимистическое мироощущение, значимо было бы не это, а, напротив, наличие в произведениях эллинов и в их жизненной практике мощной оптимистической струи, веры в собственные силы и возможности человека, героического желания удостоиться лучшей доли.

Методологически неверна и сама постановка вопроса, при которой пиковые достижения эллинской цивилизации в период высшего расцвета, для которого характерен исторический оптимизм, отбрасываются как несущественные и нетипичные для эллинской культуры, в то время как за основу берется некий пессимистический фундамент, якобы открытый Ницше.

Напротив, эллинский оптимизм составляет то своеобразие, которое характерно для древнегреческой цивилизации сравнительно с предшествовавшими и одновременными ей цивилизациями Востока и Запада.

Именно этот оптимизм составляет то уникальное наследие, которое передано эллинами цивилизациям средиземноморского круга — римской, византийской, западноевропейской (и производной от неё американской), русской, отчасти даже исламской. Задача истории же состоит не только, и даже, быть может, не столько в том, чтобы устанавливать типичное и закономерное, сколько в том, чтобы отыскивать и объяснять уникальное.

Середина XIX века, когда Ницше постигал премудрости эллинской словесности, знала тексты древнегреческой культуры, но ещё не знала ближневосточного контекста её. Ницше не читал, и не мог читать пессимистических ламентаций восточных литератур, просто потому, что они были открыты и переведены позднее.

По всей видимости, Ницше не был знаком с «Беседой разочарованного со своей душой»: «Мне смерть представляется ныне / исцеленьем больного, / исходом из плена страданья... Мне смерть представляется ныне / Торной дорогой, / Возвращеньем домой из похода / Мне смерть представляется ныне / Домом родным / После долгих лет заточенья» (Поэзия и проза древнего Востока 1973: 99-100). Папирус был впервые опубликован К. Р. Лепсиусом в 1859 году, за 13 лет до выхода работы Ницше об эллинском пессимизме, но до моды интеллектуальной, моды на египтологию, в Европе было далеко.

Не могли дойти до немецкого филолога-философа ни «Песнь арфиста», ни жуткие в своем пессимизме и прадионисийстве вавилонские тексты о схождении Иштар в преисподнюю. «Экклезиаста» Ницше, сын пастора, конечно, читал, но как священный текст христианской Библии, коей так мало симпатизировал, а не как памятник сопоставимой с греками восточной культуры.

А ведь встретиться Ницше чудовищная по своему пессимизму аккадская «Беседа господина и раба», и, быть может, он усомнился бы на её фоне в своеобразии пессимизма эллинов:

«Раб, будь готов к услугам!» — «Да, господин мой! да!» — Он говорит: «Благодеяние моей стране я хочу сделать». — «Так сделай, господин мой! Сделай! Человек, который оказывает благодеяние своей стране, найдет благодеяние себе в чаше Мардука». — «О, раб! Благодеяние стране моей я не хочу оказать». — «Не оказывай, господин мой! Не оказывай! Подымись на холмы разрушенных городов. Пройдись по развалинам древности и посмотри на черепа людей, живших раньше и после: кто из них был владыкой зла, и кто из них был владыкой добра?»

«Раб, будь готов к моим услугам!» — «Да, господин мой! да!» — «Теперь, что же хорошо?» — «Сломать шею мою и шею твою и кинуть в реку, это хорошо. Кто столь высок, чтобы взойти на небо, и кто столь велик, чтобы заполнить землю?» — «О, раб! Я хочу тебя убить и заставить тебя идти передо мной». — «Воистину, только 3 дня будет жить господин мой после меня»... (Цит по: Тураев 1935: 145)

Ницше не читал, и не мог по объективным причинам читать произведений литературы майя, где всё тот же пессимизм выражен весьма красочно. Вот, к примеру, майяское «Поучение дочери»:

«Теперь, когда ты начинаешь смотреть на все, окружающее тебя, будь осторожна. Здесь жизнь такова: здесь нет счастья, нет удовольствия. Здесь есть сердечная боль, мучения, усталость. Здесь зарождаются и растут страдания и горе. Здесь, на земле, место многих воплей, место, где наша сила истощается, где мы все хорошо познаем горечь и разочарование. Здесь дует ветер, острый, как обсидиан, он веет над нами... Говорят справедливо, что земля — это место мучающего удовольствия, тяжелого счастья» (Кинжалов 1991: 103).

Впрочем, это безысходное поучение заканчивается совсем не выводом, что лучше бы вовсе не родиться или поскорее умереть, а напротив — обоснованием необходимости жить, от которого отец сможет перейти к воспитательным поучениям:

«Старейшины всегда говорили: «Чтобы мы не ходили все время стеной, чтобы мы не были постоянно наполнены горечью, Бог дал нам смех, сон, пищу, нашу силу и выносливость, наконец, действие, благодаря которому люди размножаются. Все это услаждает жизнь на земле, чтобы мы не стонали беспрестанно. Но даже, если бы это было так, если бы было верно, что здесь только лишь страдания, то разве должны мы всегда бояться? Должны ли мы жить постоянно в слезах?» (Кинжалов 1991: 103-104).

Пессимистическая оценка наличного бытия — это общее место практически всех мировых культур древности. Никакого выдающегося и особого пессимизма эллинам на этом фоне совершенно не присуще.

«Рассматривая соотношение оптимистического и пессимистического начала у греков, не следует забывать об общем преобладании пессимистического взгляда на жизнь в целом у древних народов» — справедливо отметил А. И. Зайцев (Зайцев 2000: 104).

5. Оптимистическая трагедия

Своеобразие эллинского мирозерцания заключается как раз в том, что прямо противоположно пессимизму — в культе героя, который бросает вызов неизменному и полному пессимизма закону бытия. Специфически греческой является не идея рока, а образ человека (или сверхчеловека), который бросает вызов року и, мало того, торжествует над ним.

Впрочем, «Рок», тем более так называемый «слепой рок», как категория античного мировоззрения и трагедии, является классической переводческой мнимостью, на что вполне определенно указал В. Н. Ярхо.

«Понятие “мойра” начинает впоследствии обозначать отрезок времени, достающийся на этом свете каждому человеку и

неизбежно завершающийся смертью, то есть определяет его жизнь как “долю” в самом непосредственном смысле этого слова. Поскольку же никому не дано знать заранее, какова будет продолжительность его жизненной “доли”, то понятие “мойры” исключает всякую предопределенность, не говоря уже о фатализме, чуждом древнегреческому сознанию.

В гомеровских поэмах, в частности, осознание героями своей смертной природы нисколько не мешает раскрытию их огромных жизненных сил и неукротимой индивидуальной активности... Поскольку же человек является тоже элементом “космоса”, то и его “мойра” оказывается втянутой в причинно-следственные связи, на которых основывается мироздание, но это опять же ни в какой мере не лишает человека собственной активности и ответственности за свое поведение» (Ярхо 2000: 309-310).

Реальная история аттической трагедии развивается в направлении, прямо противоположном тому, в котором она развивалась в изложении Ницше. Не от трагического пессимизма к рационалистическому оптимизму, а от веры в человеческие силы и жизнеутверждения — к скептическому разочарованию в разумности и нравственном порядке жизни, — и это разочарование ищет выхода в экстазе и чудесах.

Эсхил создает исключительно оптимистические трагедии. «Мировоззрение Эсхила оптимистично» (Суриков 2012: 135). Трилогия о Прометее, от которой до нас дошла лишь самая мрачная из трагедий — «Прометей прикованный», заканчивается освобождением Прометея Гераклом, и торжеством прометеевской идеи: только возвышение человеческого рода сделает устойчивым царство Зевса, исключит повторение им судьбы Урана и Крона.

Ницше это, конечно, интерпретирует, как вынужденный союз олимпийского бога Зевса и древнего титана Прометея, как манифестацию хтонического, хаотического начала, заключенного в титанах. Но если бы это было и так, то сам Эсхил рассматривает этот

прорыв титанического начала не столько как прорыв древнего ужаса, сколько как прорыв древней силы, которая вливается в человека и делает его богоподобным.

Нет ни рока, ни предопределенности, ни следа пессимизма в вершине эсхиловской трагедии — «Орестее».

«В тех случаях, когда «мойра» относится у Эсхила не ко всему мирозданию, а к жизни одного человека, она, несомненно, обусловлена его собственным поведением. Наиболее ясно это видно из двух реплик в диалоге Клитемнестры с Орестом («Хоэфоры», ст. 910 сл.). Ища спасения от смерти, Клитемнестра пытается снять с себя обвинение в мужеубийстве:

«Сын мой, в этом виновата мойра! —

Тогда и эту смерть уготовила тебе мойра»,—

отвечает Орест. По существу дела, Клитемнестра не имеет никаких оснований ссылаться на судьбу: она сама изменила мужу, сама, своей рукой, нанесла ему три смертельных удара, сама, обогрившая кровью Агамемнона, кощунственно похвалялась над трупом своей победой. Да и Орест, хоть он и получил приказ от Аполлона, представлен у Эсхила человеком, проходящим долгий путь колебаний и размышлений, прежде чем решиться на матереубийство. Следовательно, если и можно говорить об их судьбе, то только в том смысле, что объективная необходимость торжествует через целиком субъективное поведение людей» (Ярхо 2000: 310).

«Орестея» заканчивается оправданием сына-мстителя и избавлением от гневных Эриний (обладающих, кстати, совершенно комическими чертами), торжеством человеческой справедливости над хтоническими законами крови. Для того культурного контекста, в котором находились тогдашние эллины в еще не окончательно провозглашенном ими варварским мире, это был, конечно, просто-таки розовощекий победительный оптимизм. Вся онтологическая структура падшего (а грек в пределах материи другого и не знает)

мира настроена против человека, но его дух и его ум торжествуют над роком.

Если Эсхил — творец оптимистической трагедии, оптимистической даже по внешним обстоятельствам, то уже Софокл — творец нравственной трагедии. Трагедия Эсхила, как мы уже сказали выше, повествует о том, что безысходную ситуацию можно переломить героическим усилием. Даже в безысходной ситуации предпочтительней быть героем, не склоняющимся перед случайными обстоятельствами:

«Много в природе дивных сил,
Но сильней человека — нет.
Он под вьюги мятежный вой
Смело за море держит путь;
Кругом вздымаются волны —
Под ними струг плывет».

(Soph. Antig. 332-337. Здесь и далее в переводе Ф. Ф. Зелинского: Софокл 1990).

Знаменитое «антропоцентрическое» начало первого стасима «Антигоны» — это заявление еще гомеровского и эсхилевского «прометеевского» оптимизма. Разум человека силен и торжествует над множеством внешних обстоятельств, над землей, зверями, морем, ветром. Над всем, кроме смерти. Однако отнюдь не констатация неизбежности встречи с Аидом является финальной точкой этого рассуждения, а напротив — выражение радости по поводу успехов медицины и гигиены, благодаря которым:

«Благодолен! Бездолен не будет он в грозе
Грядущих зол; смерть одна
Неотвратна, как и встарь,
Недугов же томящих бич
Теперь уж не страшен».

(Soph. Antig. 360-364)

Человек оказывается хозяином своей судьбы, поскольку, как возражает эсхиловскому Прометею Софокл, его мудрость, механика и техника — превыше бессильных надежд. И ими он пролагает себе путь как к добру, так и ко злу — здесь звучит прямо-таки библейский мотив древа познания:

«Кто в мудрость искусство возвел,
Превыше бессильных надежд,
Тот путь проторил и к добру и к худу».

(Soph. Antig. 365-367)

Добро — это нравственный закон, божественный и людской, в противоположность злу — чисто человеческому приказу Креонта, самоослепленного гордыней рационального общественного блага. Никакой «предопределенности» тут нет. Сила духа Антигоны торжествует над «внешним роком», представленным Креонтом и его рационалистически узкими псевдозаконами, а затем уже внутренний рок, имеющий силу воздаяния, торжествует и над самим Креонтом:

«Кто Правды дочь, Клятву, чтит,
Закон страны, власть богов, —
Благороден! Безроден в кругу сограждан тот,
Кого лихой Кривды путь
В сердце дерзостном пленил:
Ни в доме гость, ни в вече друг
Он мне да не будет!»

(Soph. Antig. 368-374)

Но ни о какой слепоте этого рока тут говорить не приходится. Да и ни о каком пессимистическом конце — тоже. Пессимизм — это к Шекспиру. Гамлет не торжествует над Клавдием. Антигона торжествует над Креонтом. Закон богов, которому она осталась верна, торжествует над измыслившим человеческое нововведение Креонтом. Никаким «слепым роком» тот «*πότης δυσκόμοτος*», на который сетует Креонт в своих последних словах, конечно, не

является. Это заслуженная кара за его преступления, за тираническую гордыню побудившую его поставить свое частное понимание общего блага выше всеобщего природного и божественного закона:

«Человеку сознание долга всегда —
Благоденствия первый и высший залог.
Не дерзайте ж заветы богов преступать!
А надменных речей беспощадная спесь,
Беспощадным ударом спесивцу воздав,
Хоть на старости долгу научит».

(Soph. Antig. 1348-1354)

Если давать этому социально-политическую интерпретацию, то «Антигона» окажется полемикой против чисто человеческого рационализма самовлюбленной и успешной афинской демократии эпохи Перикла с её торжеством человеческого закона над божественным. Это наглядный ответ той политической философии главенства «позитивного права», которую выразил Перикл в беседе с Алкивиадом (донесенной до нас Ксенофонтом в его «Воспоминаниях о Сократе»): «Законы — это все то, что народ в собрании примет и напишет с указанием, что следует делать и чего не следует» (Хен. Мет. I, 2, 42). Алкивиаду с его эристикой не составляло, конечно, никакого труда разрушить эту чисто земную теорию, не основанную на божественной истине.

Кстати, реальный сюжет трагедии «Перикл» развивается гораздо трагичнее и в куда большей степени подчиняясь логике пресловутого рока, чем сюжет «Антигоны». Перикл униженно льет слезы перед народным собранием, чтобы умолить его оправдать свою любимую Аспасию, начинается Пелопонесская война, и весь блестящий «морской план» Перикла рушится, разбитый божьей карой — чумой. И сам «Олимпиец» (нет ли и тут трагического поворота, Перикл в данном ему прозвище как бы дерзает ровняться с богами, и покаран за эту безумную дерзость) сначала теряет двух

законных сыновей от афинянки и остается без наследника, а затем умирает сам. Незадолго до смерти Перикл снова со слезами просит экклесию даровать его сыну от Аспазии права гражданства, и его просьбу удовлетворяют. Но именно Перикл-младший оказывается тем несчастливым стратегом в битве у Аргинусских островов, который сперва одерживает победу, а потом не успевает подобрать тела погибших (проблема упокоения или неупокоения тела — центральная в «Антигоне»). Его вместе с другими военачальниками приговаривают за святотатство к смерти, при протестах единственного человека — Сократа. Тем самым афинская толпа убивает как последних способных военачальников, так и последний шанс на победу над Спартой — и Афины, золотые Афины, созданные Периклом, терпят сокрушительный разгром от Спарты, над ними сгущается мрак.

Исторический сюжет содержит гораздо больше элементов настоящего Безжалостного Рока, чем сюжет мифологический, сюжет любой аттической трагедии. Поводом к пессимизму для грека была жизнь, а не миф.

Наиболее соответствует ницшеанскому образу дионисической трагедии тот, кого Ницше более всех обвиняет в разрушении трагедии, в рационализме, в психологизме, в антидионисизме — Еврипид. Именно у него через бытовые характеры, образы, через умные разговоры и изощренные интриги рвется на сцену безудержный и неостановимый хаос. Именно Еврипид из всех греческих трагиков наиболее пессимистичен, наиболее подвержен влиянию «древнего ужаса», именно для него по-настоящему «нет выхода». Нет, поскольку тьма и древний ужас таятся в самом человеке. Человек в своей природе и есть его страшная судьба, и поэтому «Идите, подруги, и рабской вкусите доли. От судьбы не уйдешь никуда» (Eur. Нес. 1295). Здесь царит безжалостная «ἀνάγκη».

Ницше, безусловно, прав, обвиняя Еврипида в двуличии. И в самом деле, его глубочайший хтонический пессимизм соединяется с

игровым оптимизмом, с его коронным приемом *deus ex machina*. Метафизическая трагическая развязка заменяется нахождением человеческого счастья.

«В старой трагедии чувствовалось в конце метафизическое утешение, без которого вообще необъяснимо наслаждение трагедией; чаще всего, пожалуй, звучат эти примиряющие напевы из иного мира в “Эдипе в Колоне”. Теперь, когда гений музыки бежал из трагедии, трагедия в строгом смысле мертва: ибо, откуда мы могли бы теперь почерпнуть это метафизическое утешение? Стали поэтому искать земного решения трагического диссонанса; герой, после того как он в досталь был измучен судьбою, пожинал в благородном браке, в оказании ему божеских почестей заслуженную награду. Герой стал гладиатором, которому, когда он был основательно искалечен и изранен, при случае давали свободу. На место метафизического утешения вступил *deus ex machina*» (Ницше 1990: 125).

И в самом деле, во многих трагедиях Еврипида всё идет к неотвратимому страшному финалу, и вдруг вмешивается божество, и наступает нечто близкое к хэппи-энду. Звучит стандартный еврипидовский эпилог (даже любопытно, почему, высмеяв в «Лягушках» еврипидовские прологи, Аристофан не сделал предметом насмешки идентичные эпилоги этого трагика, сделанные, зачастую, методом «копипаста»), такой, как, к примеру, в «Андромахе» (см. почти дословные повторения в «Оресте» и «Медее»):

«Многовидны явленья божественных сил,
Против чаянья, много решают они:
Не сбывается то, что ты верным считал,
И нежданному боги находят пути;
Таково пережитое нами».

(Eur. Andr. 1284 sqq).

Все логические и нравственные законы — ничто, весь высший рок, основанный на нравственном воздаянии, тоже ничто. Боги могут вмешаться в любую самую запутанную интригу и принять самое неожиданное — в том числе и нелогичное и безнравственное решение. Это софистика — да. Но это и есть самая настоящая и нутряная хтоника, разрывающая мир, обесмысливающая борьбу, лишаящая смысла агон, обесценивающая все лучшие «эсхилевские» черты греческого духа.

Ницше в своем «антиклассицизме» в прочтении греков является, как ни странно, заложником ненавистного ему Еврипида. Именно «Вакханки», с их безудержным, жестоким, нечеловеческим и античеловеческим дионисизмом, и являются настоящим источником вдохновения великого немца, — вдохновения, которого он никогда не нашел бы у Эсхила.

6. Условие «греческого чуда»: нелетальный агон

Ключевой образ греческой культуры и аттической трагедии — это никак не всеобщая обреченность, и не рок, а *агон*, то есть борьба, схватка, столкновение.

Гераклит говорит с нами именно об этом: «Война — отец всего и всего царь; одним она определила быть богами, другим — людьми; одних она сделала рабами, других — свободными». Вдумаемся — не только рабов и свободных распределил Полемос, но и людей, и богов, каждого в свой ранг, возводит Война. Даже такие космологические статусы устанавливаются (и переустанавливаются) через агон.

Всесильный и абсолютизированный рок если и нужен трагику, то, прежде всего, для того, чтобы выставить против героя абсолютного противника и дать ему возможность одержать победу (физическую или, чаще, нравственную) в этой борьбе.

А. И. Зайцев в исследовании об источниках греческого чуда не случайно поставил именно «агонический», состязательный характер греческой культуры на первое место в числе причин, по которым греки в короткий срок заложили основу десятка других культур и поставили себя на недосыгаемую культурную высоту. Он опирается при этом на идеи Якоба Буркхардта и... Фридриха Ницше, развивавшего тему агона в одном из набросков, не получивших, в отличие от «Рождения трагедии», мировой славы (Зайцев 2000: 116-117).

Центральная роль агона в жизни эллинов может считаться сегодня общепризнанным положением, которое практически не может быть оспорено. Агональное начало пронизывает всю греческую культуру — не только спорт, но и политику, и это порождает, в частности, демократию, философию — что, в свою очередь, порождает диалектику, театр — что порождает трагедию и комедию. Приобретение чести и славы в агоне создает невероятную конкуренцию талантов и амбиций, которая в короткий срок выдвигает массу лучших, талантливейших и интереснейших.

Грекам, помимо прочего, удалось сделать культурное творчество невероятно интересным для широкой публики. Чтобы оценить это, достаточно сравнить их с римлянами: там, где римская толпа наслаждалась кровавыми убийствами, там греки с замиранием следили за движением логоса и мелоса в трагедии.

Важнейшая, исторически революционная черта греческого агона — его *нелетальный* характер. Если понимание агона как основополагающей категории древнегреческой цивилизации сегодня общепринято, то на эту качественную характеристику именно эллинского духа мало обращают внимание.

Варварское состязание — это, как правило, смерть или моральное уничтожение одного из участников, это игра на выбывание — «королевская битва». Не будем забывать о крайней замороженности римлян цирком и амфитеатром, бывших, по справедливому

замечанию А. Ф. Лосева, высшей квинтэссенцией римской идеи и римского эстетического чувства, синтезом идеи абстрактной вселенской власти и конкретной кровавой жестокости (Лосев 2002: 50-62).

Римляне были поистине упоены жестокостью звериных травль и гладиаторских боев, мучение христиан в годы гонений воспринималось ими, как одна из форм этого наслаждения. Что интересно, так же воспринимали дело и многие христиане — публичные мученичества они рассматривали как состязание с язычниками и демонами, в которых носители истинной веры одерживают блистательную победу.

В постантической, полуварварской Европе поединок ритуализуется в турнире, а потом, в ренессансную эпоху, обращается вновь в совершенно варварскую по сути дуэль. В наши дни летальная агональность сублимирует себя в кинематографическом насилии, в компьютерных играх. Из всех видов спорта наиболее привлекательны для публики те, которые балансируют на грани насилия — со стороны самих участников, или со стороны болельщиков.

Убийство в эллинских играх, включая такие самые опасные состязания, как панкратий, каралось лишением победы. О таких случаях рассказывает Павсаний, приводя случаи панкратистов Аррахиона на Олимпийских, и Кревги на Немейских играх: оба погибли в схватке — и оба были увенчаны, а их противник обещен (Paus. VIII, 40). Выразительна и история Клеомида из Астипалеи, убившего в кулачном бою на Олимпиаде соперника, и лишённого судьями победы (Paus. VI, 9).

Образ туповатого кулачного бойца, который лишился в поединках бровей, век и носа, становился предметом насмешек. Ещё у Гомера единственным из всех атлетов язвительной характеристики удостоен кулачный боец Эпей. Напротив, эллины никого не ценили столь

высоко, как бойцов, которые побеждали на играх, никого не поранив (Шанин 1979: 62-71).

У греков сформировался выраженный культурный *запрет на убийство соперников*, несогласных, и даже политических конкурентов. Особенно ярко это проявилось в Афинах, где возник такой удивительный инструмент политической борьбы, как остракизм, то есть изгнание голосованием опасного гражданина, устранявшее его из жизни полиса, но, при этом, не предполагавшее его уничтожение и предусматривавшее возвращение (Развернутое детальное исследование: Суриков 2006).

Один из немногих случаев, когда греки отошли от принципа нелетальности в дискуссии — это случай с Сократом. Причем, похоже, Сократ сам сознательно вел к этому дело именно для того, чтобы раз и навсегда отбить охоту казнить за слова и мысли. Афиняне ещё осудили на смерть за его нечестивые мнения «атеиста» Диагора с Мелоса, но он сумел бежать и благополучно закончил свои дни в Коринфе.

Этот острый героический дух агона — борьбы и соперничества — в сочетании с негласным запретом на убийство соперников, и дал тот изумительный культурный взрыв, равного которому не было в истории и по сей день. Распространив на большинство сфер агона принцип нелетальности, эллинам удалось создать мощнейший выброс творческой энергии, который когда-либо знало человечество. В этом порыве энергия практически не могла быть израсходована на уничтожение конкурента — правила игры это запрещали, а, значит, требовалось добиться его превосходения.

В агоне нет ничего пессимистического — само начало борьбы подразумевает возможность победы. Начало агона уже является успехом. Если ты борешься, значит, ты жив, ты сущ, и ты почти победитель. Как говорится в исцитированном стихотворении Архилоха:

«Сердце, сердце! Грозным строем встали беды пред тобой.
Ободришь и встретишь их грудью, и ударим на врагов!
Пусть везде кругом засады — твердо стой, не трепещи.
Победишь — своей победы напоказ не выставляй,
Победят — не огорчайся, запершись в дому, не плачь.
В меру радуйся удаче, в меру в бедствиях горюй.
Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт».

(Archiloch. fr 128. Перевод В. В. Вересаева. Эллинские поэты
1963: 217)

7. Стратегемы коллективного Одиссея

Мираж «греческого пессимизма», на мой взгляд, — это случившаяся из-за особенностей европейского восприятия в XIX веке, путаница *фигуры* и *фона*. На фоне европейского прогрессизма и оптимизма позитивистской эпохи, эллинский пессимизм казался Ницше «фигурой». В то время, как на реальном фоне тотального пессимизма большинства высоких культур I тыс. до н. э., «фигурой» были именно греческий оптимизм, греческая агональность.

Можно привести вполне конкретные геополитические и геоэкономические объяснения такого мирозерцания. Греки были народом-смертником — заброшенным на каменистую и скалистую землю, где почти ничего не растет, где человек обречен выцарапывать у земли не только хлеб, но и воду, драться с соседями до смерти за каждый кусок земли. Рядом с соседними великими цивилизациями — египетской, вавилонской, персидской, финикийской, развивавшимися в гораздо более благоприятных условиях, положение греков было практически безнадежно.

Тем не менее, греки заселяли Средиземноморье и Причерноморье, торговали, воевали, дали отважный отпор персидскому нашествию, и, в итоге, политически подчинили себе Восток (впрочем, уже после «внешней» политической сборки в руках македонских царей), а потом культурно подчинили политически восторжествовавший над

ними Запад. Люди с принципиально пессимистическим отношением к жизни ничего подобного сделать бы не смогли.

Греки представляли, как люди с бешеным темпераментом, с нечеловеческой энергией, исключительно высоким тонусом — хитроумными Одиссеями, способными придумать что угодно, и выкрутиться из любой катастрофы. За это они, собственно, и были востребованы как наемники и советники по всему Востоку, и на этом исключительно хорошо зарабатывали. Это были Янки при дворе восточных Артуров.

Особенностью эллинской психологии был неустанный поиск способа так или иначе добиться желаемого, добиться своей цели, — чем более хитроумный, тем лучше. «Одиссея» не случайно оказалась одним из двух столпов эллинского самосознания. Эта поэма — каталог способов, «стратегем», с помощью которых хитроумный царь Итаки переламывает складывающиеся неблагоприятные, а порой даже фатальные обстоятельства.

Совершенно невозможно себе представить, чтобы какая-то другая произвольная группа солдат, оказавшаяся далеко от своей родины, потеряв сначала главнокомандующего и заказчика, а потом и всех командиров, сумела бы выбраться из абсолютно безнадежных обстоятельств так, как это сделали десять тысяч, о которых рассказал «Анабасис» Ксенофонта. Это могли сделать только люди, выросшие в культуре, где все было пропитано уверенностью в том, что безвыходных ситуаций не бывает, и что за свою жизнь следует сражаться до конца.

Сравним стоящие рядом две стратегемы из сборника Секста Юлия Фронтиня. Римскую и греческую. В первой очевиден моральный пафос, стойкое нравственное решение (которым так хочется тыкнуть всем любителям массовых расстрелов и прочего разброса щепок), во второй — классическое одиссеевское хитроумие с элементом манипуляции:

«Когда Кв. Фабия сын убеждал пожертвовать немногими людьми, чтобы занять удобную позицию, тот сказал: “А не хочешь ли ты быть в числе этих немногих?”»

Ксенофонт ехал на лошади, а пехотинцам приказал занять какой-то холм. Слыша, что кто-то из них ворчит, что легко, сидя на коне, давать такое трудное поручение, он соскочил, посадил на коня рядового и сам бегом направился к намеченному холму. Солдат не мог вынести позора создавшегося положения и под смех товарищей сам сошел с коня. Ксенофонта все с трудом упростили вновь сесть на коня и сохранить свои силы для присущих полководцу обязанностей» (Front. Strat. IV, 6, 1-2).

Римская история, особенно ранняя, покрытая эпической патиной, это история *поступков*. Морально значимых решений и жестов отважных людей.

Греческая история, — это история *стратегем*, способов, с помощью которых те или иные политики и полководцы, полисы и армии, достигли своих целей — власти и победы.

Нет ничего невозможного, нельзя отчаиваться, всегда нужно бороться и изобретать решения. Об этом говорили эллину и эпос, и ораторы, и историки, и лирические поэты, и трагики, и комики.

Пессимизм был очень поздним плодом греческой мысли, по существу, негативная оценка и социальной реальности, и онтологии была порождена развитием философской рефлексии и, как раз, антимифологического начала. Лишь возникающее разделение идеи и материи по-настоящему разделило миф и логос, а материи и мифу дало целиком негативную окраску. И трагедия в этом, право же, не повинна.

Подлинный оптимизм трагического духа дал весьма своеобразный ответ на наступление пессимизма и хтонической «еврипидовщины» в виде развития древне-аттической комедии. Наследником эсхиловского крестьянского «марафонского» духа, превозносящим «агон», воспевающим человека в качестве исполненного

титанической силы существа, властвующего над землей и заставляющего считаться с собой богов, является, конечно же, не декадент Еврипид, а его агрессивный литературный оппонент — Аристофан.

8. Наследник трагического оптимизма: Аристофан

Современники Сократа могли бы сказать не раздумывая: Аристофан — Эсхил нашего времени. Только его оружием, вместо возвышенного пафоса, стала гиперболизированная насмешка, а место трагических мифов заняли острые политизированные истории. Но почти все эти истории об одном — о том, как оказавшись перед лицом рока, человек вступает с этим роком в борьбу и побеждает.

В. Н. Ярхо назвал Аристофана «великим художником-утопистом», заметив, что «ни в одной из своих комедий Аристофан не мог предложить реального выхода из войны» (Аристофан 2000: 919). Странно требовать от комика конкретного, практически применимого решения политических проблем. Старая аттическая комедия гротескна и фантастична.

Но сущность аристофановской комедии — именно в поиске рецепта, поиске стратегемы для разрешения трудной ситуации. Сама эта трудная ситуация описывается в категориях пропповского анализа волшебной сказки как *недостача*. Герой изыскивает тот или иной гротескный способ — стратегему, чтобы эту недостачу устранить — в большинстве известных нам аристофановских комедий этой недостачей является отсутствие мира, война...

Герой с помощью волшебного помощника — навозного жука — поднимается на небеса и освобождает богиню Мира (Тишину). Разве это не классическая волшебная сказка — герой с волшебным помощником освобождает принцессу и женится на ней?

Практически все аристофановские комедии — это истории изящных гротескных стратегем.

В «Ахарнях» уставший от войны земледелец Дикеополь находит выход в своем сепаратном мире со Спартой.

Во «Всадниках» Никий и Демосфен находят способ освободить старикашку-Народ от презренного крикуна пафлагонца-кожевника Клеона при помощи еще более наглого проходимца Колбасника.

В «Осах» Бделиклеон успешно придумывает способ отвлечь своего отца Филоклеона от страсти по посещению судебных заседаний, устроив домашнее судилище над собаками.

В «Мире» крестьянин Тригей, откормив навозного жука, взлетает до небес и освобождает богиню Мира.

В «Птицах» хитроумные Писфетер и Эвелпид придумывают способ уморить олимпийских богов голодом и отнять у них господство (басилею) над миром.

В «Лисистрате» мир достигается с помощью знаменитой сексуальной забастовки афинянок.

В «Женщинах на празднике Фесмофорий» Еврипид избегает смерти от ненавидящих его женщин, отправив на женский праздник переодетым своего защитника — Мнесилоха.

В «Лягушках» Дионис возвращает на землю в Афины лучшего трагика, совершив поход в Аид и устроив там состязание Эсхила и Еврипида.

В «Женщинах в народном собрании» стратегемой, устраняющей все беды, становится гротескное правление женщин.

В «Плутосе» недостача устраняется возвращением богу богатства зрения.

Таким образом, из серии дошедших до нас аристофановских комедий только в одной отсутствует явная стратегема — Стрепсиад в «Облаках» предпочитает хитроумному плутовству грубое прямое

действие, поджигая школу Сократа. Впрочем, нет ли стратегемы и в этом отсутствии стратегемы? Ведь в этой комедии простодушие и добронравие Стрепсиада противопоставляются изощренной риторике и шарлатанству Сократа?

9. Марафонцы жалят ос

Чтобы понять дух аристофановской комедии, необходимо понять расстановку сил в афинском полисе эпохи расцвета и упадка демократии.

В этом полисе сталкивались и соперничали два мощных элемента — независимые землевладельцы-крестьяне, бывшие основой гоплитского ополчения, вошедшего в легенду благодаря подвигу марафонских бойцов, и бедняки-феты, составлявшие основу казавшегося непобедимым после Саламина афинского флота. Первые обеспечили Афинам силу и независимость, вторые — господство и великодержавие.

Земледельцы успешно умели управлять собой, своим домохозяйством (ойкосом) и своей жизнью, могли сами себя защитить купленным на свои деньги оружием. Для них демократия была продолжением их самоуправления, вынесенного за пределы их хозяйства, высшей формой самоуправления во имя целей, превышающих частные.

Феты собой управлять не могли, защитить себя сами тоже не могли. Зато они могли эффективно выступать в качестве винтиков в составе создаваемой и управляемой афинским государством, начиная с Фемистокла, военной машины, которая в принципе не могла иметь «частного» измерения. Они были экипажем триеры, её гребцами, и могли реализовать себя только в едином целом, каким была афинская триера.

Крестьянин значил что-то и сам по себе, феты значили что-то только все вместе. Первому государство нужно было как высшая форма

кооперации. Вторым — как начальное условие кооперации. Для них демократия была формой существования, подчиненного принципу «улья». Выбранный Аристофаном для его комедии о бедняках-гелиах, зарабатывающих работой в судебных присутствиях, образ ос далеко не случаен.

И не случайно, что Бделиклеон в «Осах», для того, чтобы спасти отца — Филоклеона от пребывания в этом улье, обращает его мысли к дому, ойкосу, где он может сам единолично быть судьёй для своих домашних. И здесь в гротескной форме судебной комедии сталкиваются два идеала полиса. Полис как *содружество независимых домохозяйств-ойкосов*, и полис как *улей*.

Крестьяне отчуждали от себя часть своего капитала для достижения совместных целей. Феты нуждались в отчуждении капитала от других для создания структур, в рамках которых только и возможно было достижение и их частных целей. Не случайно восхождение моряков-фетов началось с того, что государство начало расходовать на флот средства с Лаврийских рудников, до тех пор разделявшиеся между гражданами. «Фетская» демократия развилась на экономической основе, независимой от частных хозяйств, составлявших полис граждан.

Весь V век до н. э. Афины, из республики гордых марафонских бойцов, ненадолго отложивших плуг, чтобы отстоять свободу своей Родины, превращались в республику ос, роящихся вокруг тех или иных не принадлежащих им средств, зависимых от успехов Афин как своего рода виртуальной державы, отделенной от своей аграрной экономической основы. На смену первой форме свободных средств, направленных на развитие этой державы, — лаврийским деньгам, пришла новая — по сути, присвоенные деньги союзников, фонды Делосского морского союза и дань-форос, которой были обложены союзники, степень независимости которых постоянно снижалась.

Ни сельское хозяйство, ни ремесло, ни торговля, не могли дать тех капиталов, которые позволяли перикловым Афинам одновременно

сооружать Парфенон, платить беднякам деньги на посещение театра — теорикон, платить один, а затем три обола гелиастам, да еще и воевать с восставшими данниками-союзниками, такими как Самос. Всё это могло предоставить лишь данничество того же самого типа, что обеспечивало могущество старинных держав Востока. В период расцвета демократии Афины по своей экономической модели мало чем отличались от враждебной им Персидской империи, кроме того, что царем был не единоличный представитель рода Ахеменидов, а «Народ Афинский — старикашка глупенький», направляемый благородными, как Перикл, или хитроумно-фанатичными, как Клеон, демагогами.

Потомок марафонских бойцов, аттический крестьянин, составляя большинство граждан Афин, но не живя никогда в городских стенах, ведя своё хозяйство на земле, не был и выгодополучателем от функционирования этой виртуальной осиной державы. Всё, что у него было, обеспечивал себе он трудом собственных рук и рук своих рабов (ну, или, по крайней мере, так ему казалось).

Зато, когда началась грандиозная война со Спартой, вошедшая в историю как Пелопонесская, именно этому крестьянину пришлось платить по счетам, выписанным не им. Военный план Перикла строился на оставлении сельской Аттики в полное разорение спартанцам, и на сосредоточении военных действий на море. Крестьянин сидел, запертый в четырех стенах, по сути, чужого ему города, и смотрел, как спартанцы год за годом выжигают его поля, вырубают его оливы, разрушают его усадьбу и подсобные постройки. В нём копился гнев, который в шутовской форме и выразил Аристофан.

Крестьянин Аристофана не объект насмешки, а её субъект. Не его высмеивают, не над ним насмехаются, а он насмехается и, в конечном счете, торжествует. В этом отличие афинского комедиографа от практически всей прочей мировой литературы, неразрывно связанной с городской культурой и потому высокомерно насмехающейся над «мужланом». Но нет у

Аристофана и пасторального умиления простоватым мужичком. Крестьянин Аристофана может быть и прост, но хитер, смекалист, энергичен и умеет добиваться своего.

10. Находчивые крестьяне в борьбе за мир и демократию

Дошедшее до нас творчество Аристофана начинается с «Ахарнян» — ядовитого изображения нравов афинской экклесии, которую дурит всяк кому не лень, переходящего в историю мятежа простого крестьянина — Дикеополя, заключающего со Спартой свой индивидуальный, сепаратный мир. Война может быть и нужна периклову дружку, полководцу Ламаху, но Дикеополю она ни к чему. И вот он прикупает у спартанцев самый прочный — тридцатилетний мир, несмотря на возмущение стариков-ахарнян, пытающихся побить его как предателя (нельзя сказать, что Аристофан не понимал всей провокационности такой постановки вопроса).

Еще грубее юмор «Тишины» («Мира») — смысленый виноградарь Тригей, отчаявшись добиться мира от людей, откармливает навозом огромного жука, на котором добирается до небес, где обнаруживает, что богиня Мира заточена в пещере. Несмотря на все ухищрения, сдвинуть камень, закрывающий пещеру, не удастся до тех пор, пока за дело не берутся собраты Тригея — земледельцы. Совместным порывом поселяне вызволяют Тишину (что соответствует событиям 421 года, когда Афины и Спарта наконец-то заключили «Никиев мир», как и предсказывал Аристофан — тридцатилетний). Помогающий им бог Гермес подводит своеобразный политический итог всем событиям войны, разоблачая милитаристскую политику радикальной демократии, начиная с Перикла, превратившую независимых земледельцев «марафонцев» в придаток безличной и без-хозяйственной машины демократии:

«К вам, хозяевам, почтенным земледельцам, речь моя.
Слушайте, чтоб знать и помнить, как погибла Тишина.
Начал Фидий злополучный, первый он нанес удар,

А затем Перикл. Боялся он невзгоды для себя.
Ваших прихотей страшился, ваши зубы злые знал.
Чтобы самому не сгнубуть, в город он метнул пожар...

А когда собрался в город, кинув нивы, сельский люд,
Невдомек, что продают их здесь и там одной ценой.
Сад растоптан виноградный, и маслин родимых нет, —
И на болтунов с надеждой стал глядеть бедняк. А те
Знают, что для них находка — нищий и без сил народ,
И дрекольем двуязычным прочь прогнали Тишину.
Та частенько возвращалась, нашу родину любя,
А они купцов союзных, словно яблоню в саду,
Обколачивали палкой с визгом: «Он Брасиду друг!»
Вы ж бросались на опадки и скулили, как щенки».
(Aristoph. Pax. 603 sqq)

Впрочем, будет неточным считать Аристофана только лишь выразителем крестьянского гнева. Поэт не столько отражает, сколько формирует его, пытается воспитать сознательность аттического крестьянина, внушить ему мысль, что не враги-спартанцы являются его главными врагами, а подстрекающие войну и гражданскую смуту демократические демагоги, подобные Клеону. В «Ахарнянах» его целью является не просто выразить желание Дикеополя, но и перетянуть на свою сторону жителей дема Ахарны, в наибольшей степени пострадавшего от разорительных спартанских нашествий.

Аристофан противопоставляет стратегии «улья», проводимой демократическими демагогами, когда концентрируемая дань направляется на «общее дело» и, как подозревает Аристофан, по большей части оседает в карманах демократических элит, своего рода земледельческую имперскую утопию. Господство Афин над союзниками должно выражаться в том, что те будут содержать в богатстве и сытости афинских крестьян.

Погляди же, ведь мог бы ты быть богачом! Все могли бы вы
быть богачами,

Если б эти молодчики “я за народ” не дурачили вас, как попало.

И тебе, господину стольких городов, властелину от Сард и до Понта,

Ничего не давали, щепотку одну, да и ту по крупинке бросают, словно капают маслом на шерсти клочок, чтобы только не помер ты вовсе.

Им на пользу, на радость твоя нищета. Почему? Объясню тебе тотчас:

Чтобы хлыст укротителя ты признавал, чтоб по первому крику и зову:

«Эй куси их, куси!», словно бешенный пес на врагов господина кидался.

А хотели бы честно народу помочь, легче легкого было бы это: Городов, островов, приносящих нам дань, будет с тысячу, будет и больше.

Если б было приказано каждому взять на хлеба два десятка афинян,

Двадцать тысяч из граждан могли бы прожить в изобилии и в жареных зайцах.

От столов не вставать и венков не снимать и коврижкой с мёдом кормиться.

Вот достойное родины нашей житье, вот награда бойцам марафонским!

(Aristoph. Vesp. 698 sqq)

Если представить себе аристофанову утопию (очередную из множества его утопий) осуществленной, то нетрудно представить себе картину превращения Афин в своего рода морскую Спарту, в которой покоренные города и острова исполняют роль крепостной прислуги – мессенских илотов, а афиняне – роль «гомеев» спартиатов.

11. Аристофан против «развратителя юношества»

Кампания Аристофана за мир увенчалась, в конечном счете, успехом. После гибели Клеона был заключен Никиев мир, который мог бы стать долгосрочным, если бы не активная деятельность ученика Сократа Алкивиада, сперва сколотившего направленный против Спарты союз Афин и Аргоса, затем пропагандировавшего закончившуюся катастрофой сицилийскую экспедицию, а, перейдя после осуждения (согласимся — несправедливого) на сторону Спарты, причинившего Афинам неисчислимыя беды.

Однако и трагическая гибель Сократа, и разжигание войны, а затем и предательство Алкивиада — это всё наше послезнание. На тот момент, когда в 423 году Аристофан ставил в театре Диониса свои «Облака», и до злодейств и предательств учеников Сократа — Алкивиада, Крития, Ксенофонта, сделавших неизбежным его осуждение, и до самого осуждения, превратившего Сократа в мученика философии, было ещё очень далеко.

Тем более поразительна для нас та жесточайшая расправа, которой Сократа подвергает в финале «Облаков» Стрепсиад, сжигая его Мыслильню. Разве противники радикальной демократии Аристофан и Сократ не единомышленники? Разве они оба не критики власти непросвещенной толпы? Откуда такое противоречие, едва ли не более острое, чем с Клеоном?

Аристофан и Сократ были критиками радикальной демагогии с прямо противоположных позиций. Аристофан — с позиции истинной земледельческой демократии «марафонцев»-домохозяев, которые управляют сами собой, не поддаваясь воле черни и уговорам демагогов. Сократ — с позиции аристократического управленческого специализма — управлять должны те, кто к этому пригоден и этого достоин, представители меньшинства.

«О демократизме Аристофана можно заключить и по тому, что он преследует известных олигархов столь же язвительно, как и ненавистных ему демагогов; он бранит постоянно софистов и их

учения, которые находили наиболее приверженцев не в простом народе, а именно между аристократами; он издевается над «золотой молодежью» Афин... Вся комедия «Облака» посвящена критике Сократа... учениками которого были главным образом молодые люди высших классов» (Соболевский 1957: 88).

Сократ был воспитателем поколения «сыновей», которые стали ощущать себя выше, умней, подготовленней, пригодней к власти, нежели отцы. Эту опасность «педократии» Аристофан вышучивает уже в «Ахарнянах», предлагая создать два суда, один для стариков, другой для молодых:

«Но когда беззубым старцам не даете вы уснуть,
Разделите хоть процессы: чтобы дряхлых стариков
И глухие, и слепые обвиняли старики,
А мальчишек толстозадых — словоблуд Алкивиад.
Чтобы впредь и обвиняли и карали бы в судах
Стариков — седые старцы, молодого — молодежь».
(Aristoph. Acharn. 715 sqq)

При оценке «Облаков» исследователи давно уже сходятся в ожесточенном споре — зачем Аристофан искажил облик Сократа, выставив его шарлатаном, натурфилософом и софистом. Почему Сократ из «Облаков» занимается изучением комариного писка, «парит в пространстве, мысля о судьбе светил», в то время как Сократ в представлении его учеников Платона и Ксенофонта пренебрегает натурфилософией и ведет речь исключительно о благе и нравственности?

Глаза на «Облака» автору этих строк раскрыла постановка в античном театре на Херсонесе. Этот театр — единственное известное мне место в мире, где по настоящему любят и умеют ставить Аристофана. И вот, увидев наконец-то «Облака» в театре, в ходе спектакля, продуманного постановщиком и прожитого актерами, понимаешь то, что гораздо труднее заметить, только лишь читая текст.

История Стрепсиада — этой драма отношений отца и сына на фоне разорения некогда зажиточного аттического крестьянства. Стрепсиад — классический представитель любимого Аристофаном старого «марафонского» идеала:

«Чудесной, тихой жил я жизнью сельскою,
В уюте, и в достатке, и в спокойствии
Средь пчел, вина, оливок и овечьих стад.
Тут в жены взял племянницу Мегаклову,
Родню Кесиры, важную, надутую.
Женился, спать пошел с ней, от меня землей
Воняло, сеном, стойлом и достатками.
От барышни — помадой, поцелуями,
И Афродитой пахло, и расходами».
(Aristoph. Nub. 44-52)

Имена Мегакла и Кесиры указывают на принадлежность жены Стрепсиада к роду Алкмеонидов, знаменитыми представителями которого были Перикл и Алкивиад. Таким образом, перед нами не столько конкретная житейская история, сколько символическое обобщение: новое поколение афинян — плод совокупления крепкой крестьянской косточки и аристо-демократической элиты. Эта двойственность, как выразился бы Л. Н. Гумилев — химеричность нового поколения проявляется даже в имени Фидиппида. Одна часть его имени отсылает к родовой традиции, вторая к увлечению золотой молодежи конными ристаниями. Пройдет несколько лет, и тройная победа упряжек, принадлежащих Алкивиаду, в Олимпии ознаменует своеобразный пик этого афинского безумия:

«Позднее сын вот этот родился у нас,
Ох, у меня и у любезной женушки.
Тут начались раздоры из-за имени.
Жене хотелось конно-ипподромное
Придумать имя: Каллиппид, Харипп, Ксантипп.
Я ж Фидонидом звать хотел, в честь дедушки.
Так спорили мы долго; согласясь потом,

Совместно Фидиппидом сына нáзвали.
Ласкала мать мальчишку и баюкала:
“Вот вырастешь, и на четверке, в пурпуре,
Поедешь в город, как Мегакл, твой дяденька”.
Я ж говорил: “Вот вырастешь, и коз в горах
Пасти пойдешь, как твой отец, кожух надев”».
(Aristoph. Nub. 60-72)

Увлечения молодого Фидиппида скачками грозят вконец разорить отца, и тогда тот пытается найти стратегему в виде обучения сына новомодным наукам в сократовой «Мыслильне», чтобы не платить долгов:

«Рассказывают, там, у этих умников,
Две речи есть. Кривая речь и правая.
С кривою этой речью всяк, всегда, везде
Одержит верх, хотя бы был кругом неправ.
Так, если ты кривым речам научишься,
Из всех долгов, которым ты один виной,
Не заплачу я и полушки ломаной».
(Aristoph. Nub. 112-118)

Отказ сына вынуждает Стрепсиада идти учиться в Мыслильню самому, и перед ним разворачиваются шутовские картины «школы». Однако вся нарочито сатирическая натурфилософия — это не подлинное занятие аристофанова Сократа. Исследования трубногo гласа, раздающего из комариного зада — это мошенничество, способ запутать и заморочить Стрепсиада, чтобы отказать ему, обладателю грубого и прямого мужицкого ума, в приеме в ученики.

А вот когда Стрепсиад после собственного неудачного обучения все-таки слезами и уговорами приводит своего сына, то Сократ тут же набрасывается на него с восторгом упыря и никакими облаками голову не морочит, а начинает сразу внушать свою специфическую подрывную этику, риторику и эристику, которую Фидиппид первым

делом использует и в самом деле для неуплаты долгов, а затем — против отца же, обосновывая кривой речью право бить отца.

Эта картина совпадает с главным позднейшим обвинением против Сократа — что он развращает юношество. Аристофан хочет сказать, что может быть для вас, старичков, Сократ прикидывается чудаком, парящим в эмпириях, чтобы вы не лезли в его дела, а за юношами он охотится как хищник.

«Облака» — это комедия о провалившейся «стратегеме» — поиск способа не платить долги увенчивается успехом, но последствия этого успеха ужасающи. В итоге старик вынужден признать: «Я денег тех, что задолжал, не должен был зажимать» (Aristoph. Nub. 1463-1464). Стрепсиад, по сути, теряет сына (которого, несмотря ни на что, явно любит). Причем крестьянин сам виноват в его развращении.

Дело, конечно, не столько в самом Сократе — нет оснований сомневаться, что базовые принципы его философии переданы Платоном и Ксенофонтом вернее, чем Аристофаном, — сколько во всем духе «новизны», разрушавшем старую самообеспечиваемую и самоуправляемую демократию, возводившем новое общество, в котором и законом, и кредитом управляет софистическая риторика. Сократ был для Аристофана лишь одним из строителей этого нового мира, против которого Стрепсиад находит, впрочем, лишь одно конечное средство, лишь одну контрстратегему, — прямое насилие.

12. Консерватизм кулацкого поэта

Аристофановская комедия, после того, как трагедия Еврипида выродилась в хаотичный пучок бесчеловечных интриг, оказалась последним прибежищем центрального элемента греческого мироощущения — идеи агона.

Аристофан присвоил оружие противника. Еврипид, идя по стопам софистов, начал вводить в свои трагедии словопрения, так сказать, овнешняя борьбу, которая до того была скрытым стержнем

трагедии. Но именно в аристофановской комедии агон и стал формальной частью сценического представления. Здесь две борющиеся силы сходятся друг с другом в безжалостной схватке, и из них лишь одна выйдет победителем.

Впрочем, победитель в формальном агоне не всегда побеждает в большом агоне, который представляет собой комедия в целом. Скажем, если в софистическом агоне «Облаков» побеждает Кривда, то в агоне комедии как целого Стрепсиад все-таки берет верх над Сократом.

Именно аристофановская комедия с её агонем — политизированная, похабная, грубоватая и интеллектуально утонченная, оказалась последней твердыней старого аттического духа, трагического оптимизма, который породил эсхиловскую и софокловскую трагедию. Никакого пессимизма, никакой низкой оценки человеческого существования ни в старой трагедии, ни в аристофановской комедии не было. Напротив, там есть идея человеческой нравственной воли и высшей справедливости, которые в содружестве противостоят и слепому хаосу, и развращающему бегу времени.

Аристофан был родоначальником консервативной сатиры. Сатира исходно была именно консервативным жанром, оружием консерваторов против зарвавшихся, напыщенных и плутивых новаторов. Здоровый крестьянский смех прогонял пустословие нововведений. Два величайших сатирика всех времен и народов были консерваторами — Аристофан был лучшим публицистом крестьянской партии в Афинах, Свифт был горячим тори. Лишь в середине XVIII века партии обновления удалось вырвать из рук консерваторов оружие смеха, появился «прогрессивный» юмор Вольтера и его последователей. Но и после того, понять сатиру Гоголя невозможно без его «Выбранных мест», как и наоборот....

Можно только подивиться смелости Адриана Пиотровского в 1934 году, сразу после коллективизации, выпустившего полный

комментированный русский перевод комедий Аристофана, каждая из которых — готовый «кулацкий манифест», заточенный против радикальной демократии, чего переводчик практически не скрывал в своих комментариях. Пиотровский подчеркивал, что «Античность интересует меня только потому, что даёт возможность понять современность» (Аристофан 2000: 945). Впрочем, вряд ли этот перевод вменялся Пиотровскому в вину при его уничтожении в 1937 году, скорее всего, переводчик, сын Ф. Ф. Зелинского, жившего к тому времени в Варшаве, стал жертвой «польской операции» НКВД. Впрочем, начало оттепели привело к неожиданному всплеску интереса к Аристофану в Советском Союзе. В 1953 году «Всемирный Совет Мира» объявил 1954 год — «Годом Аристофана». Вероятно, свою роль тут сыграло нашумевшее заявление ставшего премьером Г. М. Маленкова на XIX съезде партии: «Нам нужны советские Гоголи и Щедрины» (впрочем, Маленков лишь повторял за Сталиным). Запрос на сатиру породил и спрос на величайшего в истории сатирика — за несколько лет вышли новое издание полного перевода комедий сатирика, призванное заменить отреченного Пиотровского, посвященный Аристофану юбилейный сборник статей (Аристофан 1956), монографии В. Н. Ярхо (Ярхо 1954), В. В. Головни (Головня 1955), С. И. Соболевского (Соболевский 1957). Всё это поразительно коррелировало со сравнительно «прокрестьянской» политикой Маленкова, проводившейся в недолгие годы его властвования и закончившейся с началом хрущевских экспериментов. Эти эксперименты знаменовали и резкое падение интереса к Аристофану (представилось, как аттический комедиограф высмеивает попытки вырастить Кукурузу до небес), чьи пьесы перестали ставиться на советской сцене, а их автор на долгие годы превратился в предмет изучения лишь для узких специалистов.

13. Битва хитрости с хаосом

Трагедия и комедия не «примиряют» с безнадежной жизнью, но преодолевают чувство пессимистической обреченности. Пессимизм

был плодом софистического, а затем сократического рационализма, так сказать, самопожирания идеи «человеческого закона», оторванного от небесной справедливости. Такой закон оказался неосуществим (как и предупреждал Софокл в «Антигоне»). И именно поэтому его сторонникам жизнь, не подчиняющаяся их воле и разуму, стала казаться лишенной смысла.

«Эллинский пессимизм» — это пессимизм ребенка, который обижен на то, что вещи и взрослые люди вокруг не подчиняются его замыслам и желаниям и не укладываются в его кругозор. Его центральной категорией является ἔλπίς — надежда, которая, одновременно, и побуждает эллина к действию, и скрывает от него безнадежность и опасность этого действия, и жестоко обманывает. Наложившись на исходный «восточный» пессимизм, из круга которого в какой-то момент вырвалась греческая культура, освободившись от надежды — разоблачив её как ложную категорию, как самообман, этот пессимизм и дал гремучую смесь гностицизма и манихейства, которым оказались больны и греческая философия, и всё позднеантичное мировоззрение. Эту-то смесь упадочных идей и принял в восторге за квинтэссенцию эллинского духа Ницше.

Так появился образ унылых, вечно несчастных греков, которые, однако, преодолевая свою унылость, почему-то развивают сумасшедшую активность, хотя никакого смысла в этой активности не видят. С этим странным, абсурдным образом пора бы уже распрощаться.

При всех своих недостатках, «классический» образ античности в чем-то ближе к оригиналу, чем хтонический «ницшеанский». Точнее, ошибка классицизма была совсем не там, где её увидел Ницше. Классицисты заблуждались, приписывая грекам слишком гармоничный характер.

«Пластичность» и устремленность к равновесию греческой культуры были не следствием изначальной внутренней уравновешенности, а,

напротив, — обузданием слишком мощного аффекта, слишком яркой жажды деятельности, и слишком фантастичной мечтательности. Эллины более, чем кто-либо из народов древности, были склонны к самообману и ложным надеждам, и к связанной с ними лихорадочной активности. Замечая сами за собой эту черту, они, однако, не только, и не столько подвергали себя пессимистической самокритике, сколько научились нейтрализовать этот свой аффект через последовательное проведение в культуре принципа умеренности. И, что не менее важно, осуществляли технологизацию своего аффекта. *Мудрость* посредством *искусства* превращала мечты и прельщения в конкретные *стратегемы*, с помощью которых эллин достигал своих целей и торжествовал над *хаосом*.

Не случайно именно битва с хаосом и его воплощениями становится главной темой скульптурного украшения греческих храмов и алтарей — вспомним подвиги Геракла, украшающие метопы храма в Олимпии, и битву лапифов с кентаврами, украшающую его западный фронтоны — и она же становится одной из тем для метоп Парфенона наряду с амазономахией и гигантомахией, последняя станет позднее темой Пергамского алтаря.

Мы не поймем и остроты переживания греками своего отличия от варваров, если не учтем, что это было не только противопоставление свободы рабству, но и противопоставление хитроумного и деятельного оптимизма статичному пессимизму.

Эллинской стихией были не уныние и печаль, а питаемая преодолением слепых надежд напряженная борьба — агон (причем за пределами собственно военной сферы — *нелетальный агон*), который мудрость преобразовала в искусную стратегему, направленную на достижение победы.

Большая степень веры в возможности и могущество человека вряд ли была возможна в дохристианском мире, где ещё не прозвучала благая весть о победе Распятого и Воскресшего над Адом.

ОТЯГОЩЁННЫЕ РИМОМ

Тени и свет древней империи

В историческом сознании европейских цивилизаций именно Рим является Империей с большой буквы, Империей как таковой. Занимая лишь 28-ю строчку в перечне обширнейших из когда-либо существовавших империй и колониальных держав, Рим был, и, скорее всего, останется первым по продуцируемой нашим воображением политической и эстетической мощи, наиболее ёмким символом имперского начала.

«Государство как ценность, как Империя, как синтез духовного и королевского, как путь к “сверхмиру”» — буквально захлебывается Юлиус Эвола в восторге «языческого империализма», чтобы тут же проклясть «мещанскую убогость общества рабов и торговцев» (Эвола 1990: 12). Насколько этот монументалистский имперский пафос соотносится с жизнью? В самом ли деле империя — это мир, порядок, спокойствие, процветание, как думают одни, или же это война, гнет, жестокость и неизбежный упадок, а вся мировая история — это пепел империй, как полагают другие?

В историческом феномене Рима мы найдем основания как для одного, так и для другого ответа. Но если Рим и впрямь стал империей на все времена, то это, на мой взгляд, случилось потому, что ему удалось стать больше, чем империей. Рим стал колыбелью Спасения. Как написала в далеком IX веке константинопольская монахиня-гимнограф Кассия:

«Августу единоначальствующу на земли,
Многочалие человеков преста;
И Тебе вочеловечшуся от Чистыя,
Многобожие идолов упразднися,
Под едином царством мирским гради быша,
И во Едино Владычество Божества языцы вероваша.
Написашася людие повелением кесаревым,

Написахомся, вернии, Именем Божества,
Тебе, вочеловечшагося Бога нашего.
Велия Твоя милость, Господи, слава Тебе » .

Удобной ли, и безопасной для Младенца была эта колыбель? Забудем ли о том, что родившийся в Империи во время переписи повелением кесаревым, Спаситель (и тысячи его одногодков) был совершенно беззащитен перед резней, устроенной вассалом Августа Иродом, а воля римского прокуратора так и не смогла остановить незаконную казнь. Языческий Рим был и тенью, и светом, главное, не перепутать эти цвета, и не принять одно за другое.

Империя железного века

Ту революцию, которую произвело железо, в истории лучше всего выразили слова библейского персонажа Ламеха, отца Тувалкаина, который был по легенде первым ковачом оружий из меди и железа. Ламеху приписываются такие слова: «Я убил мужа за язву мне и отрока за рану мне, если за Каина отомстится всемеро, то за Ламеха в семьдесят раз всемеро» (Быт 4:18-24).

За этой формулой скрывалась жутковатая реальность, которую создало распространение железного оружия. Теперь «за око» можно было взять голову, а «за зуб» — вынуть всю челюсть. Даже один воин, вооруженный железным оружием и закованный в железный доспех, мог противостоять десятку вооруженных обычным оружием и победить их. Отряд солдат в полном вооружении был способен держать в рабстве тысячи человек.

Казалось, что с наступлением Железного Века открылась эпоха неконтролируемого насилия. И в самом деле, первым делом на Ближнем Востоке возникли жестокие военные империи — Ассирийская и Нововавилонская. Народы теперь сгоняли с места, порабощали, убивали. В эту эпоху стало возможно возведенное в промышленный масштаб рабство. Но железное оружие недолго

оставалось уделом немногих народов. Быстро его освоили многие народы Евразии. И возникла та ситуация, которая описана знаменитой евангельской формулой: «Взявший меч от меча и погибнет». Взявшись за оружие, лучше подумать, точно ли ты выйдешь из этой схватки живым и здоровым?

С веком железа начинается эпоха Осевого Времени, уникальный период в истории религий и философии, когда на всем протяжении — от Древней Греции до Китая, практически одновременно возникают величественные религиозные и философские учения — философов в Греции и Китае, мудрецов-брахманов и Будды в Индии, Заратустры в Персии, библейских пророков в Палестине. Этот величественный ряд развития религиозного закона завершается открытием пути Благодати, с пришествием в мир Иисуса Христа.

Что было общего у всех учений Осевого Времени в социально-метафизическом плане, если не касаться их истинности? Общим было, прежде всего, открытие трансцендентного. В эту эпоху был обнаружен и зафиксирован разрыв между сущим и должным; обнаружено, что человек живет в мире совсем не так, как хотел бы, и не так, как чувствует себя достойным. Люди поняли, что лучшая жизнь где-то там, и она требует определенной связи, определенного пути, определенного перехода от нашего, теперешнего состояния, к какому-то иному.

Каждое из учений Осевого Времени видело этот переход по-разному, но, вот что интересно, — вплоть до явления Христианства каждое из этих учений было высоко политизированным, усматривало именно в реорганизации гражданского общежития определенную дорогу к иным мирам.

Вспомним, какую роль сыграло в Китае конфуцианство; вспомним, что буддизм долгое время опирался на военное сословие кшатриев и власть династии Маурья; что два величайших греческих мудреца, Платон и Аристотель, учили о государстве, то есть полисе; что еврейские пророки предлагали средства нравственного очищения

«избранного народа» как религиозно-политической организации. По логике Осевого Времени, путь к священному может быть открыт только через упорядочение мирского и его выстраивание по определенным идеальным образцам.

Как отмечает Ш. Эйзенштадт, общим для имперских и феодально-имперских цивилизаций Осевого времени «было восприятие посюстороннего мира в целом, и политической сферы в частности, как арены, где может быть осуществлена попытка соединить трансцендентное и земное, т. е. где можно достичь спасения» (Айзенштадт 1997: 25).

В итоге все многообразие политических форм Осевого времени свелось к двум. Либо перед нами священная Империя, как в Китае, Индии, Персии, Риме, позднее арабском Халифате, религиозный и социальный центр которой, чаще всего связанный с ролью императора, является своеобразной точкой связи неба и земли. Либо перед нами греческий и раннеримский полис, то есть свободный союз рабовладельцев.

Вот как объясняет связь генезиса греческого полиса с железным веком историк А. И. Зайцев:

«В Греции железо становится сравнительно дешевым и начинает преобладать над бронзой при производстве оружия и важнейших орудий около 1000 г. до н. э. Использование железных сельскохозяйственных орудий резко поднимает производительность труда в сельском хозяйстве. С другой стороны, намного упала стоимость максимально эффективного при тогдашнем уровне техники и общественной организации оружия — набора вооружения тяжелого пехотинца-гоплита. В итоге рядовой общинник оказался способным приобрести это вооружение на доходы с земельного участка, обрабатывавшегося его семьей при помощи рабов. Так у коллектива привилегированных землевладельцев появилась возможность, используя новое оружие и новую тактику фаланги гоплитов, создать военную силу, способную

держат в повиновении превосходящее число безоружных рабов и неграждан и отстоять общину от посягательств извне... В результате около 800 г. до н. э. в Греции (а вскоре, видимо, также и в Италии) появляются первые полисы. На какое-то время военная мощь оказалась совместимой со сравнительно слабым государственным аппаратом, с отсутствием слишком резкого неравенства внутри сравнительно широкого привилегированного гражданского коллектива...» (Зайцев 2000: 59-60).

Железное оружие позволяло одному держать в рабстве многих, а это открывало путь к господству и для частного человека. Рабы и илоты могут обеспечить человеку досуг, который он может потратить на культурное развитие и соперничество с другими людьми, как это и делали греческие рабовладельцы в период культурного подъема Эллады.

Эта особенность военной организации создавала в греческих полисах достаточно специфичную ситуацию — возможность ведения свободной частной жизни и преобладание соревновательного аспекта в отношениях между членами одного общества над солидарным («агональный» характер греческой цивилизации). Именно эта частная свобода, возможность быть, в некотором смысле, собственным символическим центром мира, была основным условием создавшего эллинскую цивилизацию «греческого чуда».

Не столько демократический строй, сколько уважение к частной жизни лежали в основе греческого социального мировоззрения: «Основным началом демократического строя является свобода... — говорится в знаменитой «речи Перикла» у Фукидида. — А одним из условий свободы является — по очереди быть управляемым и править... Второе начало — жить так, как каждому хочется». «Предоставление свободы каждому жить по его желаниям», как отмечает Аристотель, характерно не только, и даже может быть не столько для греческих демократий, сколько для тираний.

Античный «частный человек» был, если так можно выразиться, «священным царем» для самого себя и для своих рабов. Именно отсюда столь важная, символическая роль рабства, для греков и римлян — гораздо более существенная, чем реальный вклад рабов в экономику. Рабовладение было не только средством обеспечения экономической независимости для благородного досуга, но и своеобразной метафизической миссией человека античности. Господин может направлять раба, значит, рабство душеполезно для обоих. Эллинский рабовладелец был «путем» и для себя, и для своих рабов.

Атмосфера «греческого чуда» в её первоначальном виде могла сохраняться сравнительно недолго. Греки могли защитить себя от купавшейся в золоте персидской монархии, могли проникать в нее как наемники, но по-настоящему конкурировать с нею они не могли. В войне за гегемонию в Элладе Афины, Спарта и Фивы попросту истощили друг друга, и в итоге недолгий расцвет классической Греции сменился эпохой эллинизма, когда Македонские цари, усвоив греческую военную технику и начатки цивилизации, создали, однако, монархию восточного образца, и за счет этого синтеза сокрушили Персидскую империю.

На какое-то время эллины стали хозяевами почти всего Средиземноморья. И сформировалась своеобразная система масштабного и паразитического эллинства. В фактических рабов и данников греков были превращены не отдельные люди, а уже целые древние царства и народы. Посреди старинной восточной социальной структуры были разбросаны греческие полисы, с их эллинским образом жизни и частной свободой, только расцветшей от утраты свободы политической. В эпоху эллинизма начался удивительный синтез восточной священной монархии и эллинской полисной свободы. Александр Македонский, Птолемей, Селевк Никатор, Деметрий Полиоркет и многие другие были священными царями для покоренных варваров и... героями для эллинов, подобными победителям олимпийских игр и мусических

состязаний. Именно героическое начало служило тем мостом, который позволял полису и империи на востоке сосуществовать в режиме взаимодополнения.

Впрочем, сосуществование это было весьма недолгим, поскольку с Запада уже надвигался новый народ, который, как и греки, обладал преимуществом полисного устройства, но по своему политическому таланту, военной организации и целеустремленности превосходил и греков, и персов, и любые другие народы. Речь, понятно, о римлянах, ставших любимыми сынами Железного века.

Путь Цинцинната

Римляне, как и греки, были частными рабовладельцами, полностью разделявшими античный взгляд на раба и господина. Но ячейкой господства для них был не «ойкос», домохозяйство, как для греков, а семья, *familia*. Подлинным центром мироздания для каждого римлянина был *pater familiae*, патриарх большой семьи, наследовавший поколениям и поколениям своих великих предков. В фамилию включались не только рабовладелец и рабы, но и сыновья, внуки, племянники, наемные работники, и, наконец, «клиенты», бедные граждане, отдавшие под покровительство «патрона» и за это обязанные ему преданно служить.

Соответственно, и римская политическая система была гораздо более патриархальной и устойчивой. В ней не было непрерывного политического мельтешения, характерного для политической жизни греческих государств, причем не только демократических, но и олигархических.

Римом управлял Сенат — собрание глав самых могущественных фамилий. Поскольку пропуском в Сенат служило исполнение государственных должностей — магистратур, то римляне отдавались государственной деятельности с полной самоотдачей. Тем более что личная религия римского патрициата была своеобразным историческим культом предков. Особым правом патриция

(человека, у которого есть предки) было право на восковые маски предков, которые выставлялись на всеобщее обозрение во время похорон кого-то из знатных членов рода. Глядя на эти маски, передававшие портретное сходство со всем натурализмом, каждый римлянин мог оценить — сколь древен, славен и велик был род того или иного человека.

Римляне не тратили времени и фантазии на то, чтобы развивать свою мифологию, искусство, устраивать олимпиады, и достаточно поздно и неохотно взялись писать стихи. В большинстве областей культуры дарования римлян были весьма ограниченными. Их всепоглощающей страстью был сам Рим, его величие и сила. Римляне первые в истории создали последовательную историческую мифологию, первыми поставили в центр своего самосознания не космос, а полис. Там, где греки сочиняли рассказы про Леду и Лебедя, про Геракла и Авгиевы конюшни, и не могли разобраться, мифом был афинский царь Тесей, или реальностью, там римляне создали развитое историческое предание, которое и было единственным для них интересным мифом.

«В центре его стояли не боги, не космос, не человечество, а Рим, римский народ, его история, в которой неразрывно переплелись божеское и человеческое, и которая была нормативом того, что есть и должно быть. В отличие от народов, мифологизировавших историю, римляне историзировали мифологию... История Рима, города, возникшего по предначертанию богов, организованного по подсказанным богами законам, такова была идея римского мифа» — отмечала Е. М. Штаерман (Штаерман 1975: 47–48).

Римское мировидение было, таким образом, мировидением Осевого Времени, но только там, где другие народы искали разрешения вечных вопросов бытия на пути религиозной метафизики, там римляне попытались решить вопрос оружием и человеческой доблестью. Герой, посвящающий жизнь или жертвующий жизнью ради величия Рима, вот образ «философа» и «пророка», как он виделся в Лациуме. Там, где грек побеждал в

состязании, там римлянин предпочитал победить в битве — в культурной перспективе это, несомненно, был шаг назад от характерного для греков нелетального агона, но в политической области это было шагом вперед (или, по крайней мере, казалось таковым до времени).

Естественно, что народ с такой колоссальной энергией и колоссальной уверенностью в благодетельности создаваемого им политического порядка, народ, в котором каждый частный человек со всей энергией и предприимчивостью частного человека стремился служить *res publica* и совершенствовать в себе гражданские добродетели, был долгое время попросту непобедим.

В отличие от Спарты, Рим никогда не был гиперколлективистским обществом. Напротив, это было полисное общество, уважавшее частного человека, если он хорошо служит Отечеству. Идеалом римлянина навсегда остался Цинциннат, которого прямо от плуга призвали к власти диктатора, чтобы разбить врагов, и который после победы вернулся назад к своему хозяйству. Впрочем, никогда нельзя забывать, что реальный исторический контекст деятельности Цинцинната был тесно связан с борьбой патрициев, на стороне которых выступал этот славный муж, и плебеев.

В Риме шла отчаянная борьба за аграрный закон, который стремились провести плебейские трибуны, предусматривавший раздел общественной земли — то есть земель, отнятых у побежденных врагов, между всеми гражданами. Сенаторская олигархия, к которой принадлежал и Цинциннат, отчаянно противодействовала принятию этого закона, поскольку всеми благами завоеванных земель пользовалась именно она. *Ager publicus* составлял основу ее могущества. А посему консулы отменяли голосования, стремились постоянно собрать армию и увести ее из города — туда, где власть трибунов не имела силы. Олигархический режим поддерживался патрициями и зависимыми от них клиентами.

Даже внешние войны не вызывали у народа приливов патриотизма. Напротив, считавшие войну манипулятивным средством для приостановки нормального гражданского политического процесса и оружием усиления консульской власти, трибуны раз за разом запрещали воинский набор. А когда войска все-таки собирались, то ссылаясь на их отсутствие, Сенат запрещал вносить законы.

В ходе этой борьбы совершенно одиозной среди плебеев личностью стал Цезон Квинкций — блестящий представитель римской золотой молодежи, герой многих войн и отчаянный ненавистник трибунов и их аграрных проектов. «Он в одиночку сдерживал натиск трибунов и неистовство народа. Под его предводительством с форума нередко прогоняли трибунов, расталкивали и обращали в бегство толпу; сопротивлявшихся избивали и выгоняли, сорвав с них одежду...» — пишет Тит Ливий (Liv. III.11).

Трибуны привлекли Цезона к суду, добавив к обвинениям в хулиганстве еще и показания о том, что он в стычке толкнул некоего плебея, и тот упал, а затем умер. Цезона бросили в тюрьму, откуда патриции выкупили его за крупную сумму под поручительство, и он бежал в Этрурию.

«У отца Цезона безжалостно отобрали все деньги; распродав свое имущество, он довольно долго жил, точно в ссылке, в заброшенной лачуге где-то за Тибром» (Liv. III.13). Как звали отца Цезона? Его звали Луций Квинкций Цинциннат. Образ сенатора, почти нагим пашущего маленький клочок земли и живущего в лачуге — это не история о «простоте нравов», а драматический эпизод в фактически гражданской войне, раздиравшей тогда Рим.

Назначение Цинцинната диктатором встречено было плебеями без всякого энтузиазма и, в общем, скорее даже со страхом. «Сбежалась также большая толпа плебеев, смотревших на Квинкцию без всякой радости и полагавших, что власть его чрезмерна, а сам он будет пострашнее этой власти» (Liv. III.26).

Победив врагов, Цинциннат вернулся в Рим, где своей властью обеспечил голосование, обвинившее в лжесвидетельстве Марка Вольсция Фиктора — того самого, который раньше обвинил Цезона в убийстве своего брата. После этого Цинциннат диктаторскую власть с себя сложил. Это произошло на 16-й день, хотя диктатора избирали на полгода. Но своими 16-ю днями Цинциннат распорядился в пользу своего сословия и против своих личных врагов весьма эффективно.

Двадцать лет спустя, совсем уже стариком, Цинцинната вновь назначили диктатором с тем, чтобы он расправился с вожаком плебеев Спурием Мелием. Мелия зарезали, как жертвенное животное, прямо перед народной толпой, несмотря на все его мольбы и призывы к народу. «Толпу, растерянную и взбудораженную случившимся, диктатор велел созвать на сходку, где объявил, что казнь Мелия законна, даже если тот и неповинен в стремлении к царской власти, ибо он не явился к диктатору по вызову начальника конницы» (Liv. IV.15).

Ставший в веках образцом истинного римлянина, Цинциннат не был ни лубочным крестьянином из легенд, ни простодушным солдатом. Это был уверенный в себе энергичный и безжалостный политик, служивший тому пониманию Рима, которого придерживалась сенатская аристократия. Этот принцип патрицианское меньшинство проводило с гораздо большей решительностью, нежели это делали аристократы Афин, и потому Рим гораздо дольше сопротивлялся примитивной демократизации, диктатуре плебса, в результате чего смог создать гораздо более эффективное политическое устройство.

Римляне высоко ценили, по словам Тацита, свободу «думать, что хочешь, и говорить, что думаешь». Однако, если эллинистическая свобода к тому моменту давно уже выродилась в свободу частного человека, то римская свобода так и осталась свободой гражданина, совокупностью определенных прав, свободой, требовавшей некоей публичной манифестации.

Поэтому длительный кризис Римской республики в I веке до нашей эры привел не к установлению монархии по эллинистическому образцу, к которой, быть может, стремился Цезарь, а к формальному восстановлению республиканского строя императором Августом. Созданная Августом Империя была механизмом, соединявшим потребности огромной мировой державы, которая, разумеется, могла ориентироваться только на идеал восточной священной монархии, и полиса с его традиционной частной свободой.

Власть Августа никогда не была властью восточного царя, — это была власть частного человека, почитаемого как спасителя республики за его исключительные заслуги. Огромная власть, которой он пользовался, принадлежала ему в силу его *auctoritas*, и была вручена ему народом — в собственных народа интересах. Формально это частное лицо обладало в Риме лишь властью народного трибуна, и иногда Август избирался консулом. А вот за пределами Рима и Италии, в провинциях, Августу принадлежала верховная военная власть, *imperium*, которая, собственно, и была основанием Римской Империи.

Однако говорить только о достижениях Рима, и восхвалять его языческую империю было бы некорректно. Рим был не только прекрасен, но и чудовищен, а за его торжество Средиземноморье заплатило ужасную цену.

Упадок и разрушение как неизбежность империи

«Траян построил каменный мост через Истр, и я не в силах должным образом выразить свое восхищение этим его деянием... Мост имеет двадцать опор, сложенных из четырехгранных каменных блоков; в высоту над основанием они имеют сто пятьдесят футов и в ширину шестьдесят, отстоят друг от друга на сто семьдесят футов и соединены арками. Как можно не удивляться издержкам, понесенным на них, и тому искусству, с каким каждая из них была

установлена на такой глубокой реке, имеющей столько водоворотов и столь илистое дно...

В силу того, что в этом месте река с большого открытого простора попадает в узкий проход, сужается в своем течении, а затем снова разливается еще более широким потоком, то именно здесь она становится особенно бурливой и глубокой, что значительнейшим образом увеличивает трудность сооружения моста.

Это только подчеркивает величие замысла Траяна, хотя мост и не приносит нам никакой пользы, ведь опоры его стоят просто так, не обеспечивая возможности для прохода, как будто они были возведены лишь для того, чтобы доказать, что не существует ничего, чего не дано совершить человеческой природе.

Траян построил мост, потому, что опасался, что, когда река Истр замерзнет, римляне, находящиеся на той стороне, могут подвергнуться нападению, и хотел, таким образом, с помощью моста облегчить к ним доступ. Адриан же, напротив, боялся, как бы он не оказался легким средством переправы в Мезию для варваров, если они перебьют охрану моста, и разрушил его пролеты». (Dio Cass. LXVIII, 13).

Этот пассаж Диона Кассия как нельзя лучше выражает ту смысловую картину, которая волей-неволей формируется у читателя работы русского историка-антиковеда М. И. Ростовцева «Общество и хозяйство Римской Империи» — одной из вершин исторической науки в XX веке (Ростовцев 2000; Ростовцев 2001).

Приводимый Ростовцевым огромный нарративный, эпиграфический, археологический материал, заключенный в рамки широких и, порой, весьма остроумных обобщений автора, подталкивает к выводу, что если не смотреть на всемирную историю через очки безальтернативности и безусловного преклонения перед римским наследием, то придется, пусть и нехотя, признать, что Римская Империя была бесполезным, если не сказать — регрессивным явлением в мировой истории. Она затормозила

развитие средиземноморского мира на многие сотни лет, обрекла наиболее развитую часть человечества на ужас темных веков, а богатые и цветущие регионы Передней Азии и Африки на покорение варварами, успешно пребывающими там до сих пор и по-прежнему разрушающими всё вокруг себя.

Если опираться на картину, рисуемую Ростовцевым, то тёмные века были не столько результатом «упадка и разрушения Римской Империи». Тёмные века были неизбежным следствием самой Римской Империи — римского завоевания Средиземноморья, организации этой империи, и ее последующего неизбежного краха, утянувшего с собой на столетия западную цивилизацию и навсегда отодвинувшего Средиземноморье в исторические аутсайдеры. Разумеется, на эту проблему возможен совсем другой взгляд, как у Анри Пиренна, связывавшего происхождение тёмных веков не с внутренним кризисом империи, и не с германскими нашествиями, а с уничтожением арабами коммуникативной функции Средиземноморья. Однако, скорее всего, перед нами констелляция факторов, при котором без «фактора Ростовцева» до «фактора Пиренна» и вовсе не дошло бы дело.

Кроме того, никогда нельзя забывать о том, что великий русский историк античности был либералом до мозга костей, одним из активных членов партии кадетов, а значит, смотрел на мир сквозь определенные идеологические шоры, — его Римская Империя, самоистощаясь, порождает ужасную «военную революцию» — здесь невозможно не увидеть параллели с Российской империей, которая закончилась большевистской революцией, последовательным и убежденным врагом которой был Ростовцев. Без этих осознанных и неосознанных параллелей понять способ осмысления Ростовцевым античности невозможно. Но это не значит, что на таком основании от данного подхода можно просто отвернуться.

Цивилизационная плодужорка

Работа Ростовцева начинается с оптимистического описания эллинистического мира, в котором обширные территориальные державы, небольшие царства и полисы находились в непрерывном состязании, конкуренции, принимавшей то военный, то мирный характер, связаны они были все более развивавшейся и высоко специализированной торговлей, трансформировавшей характер земледелия, становившегося все более товарным. Отдаленные варварские регионы, через посредство греческих или финикийских колоний, усваивают высокую средиземноморскую цивилизацию, сами развиваются и охватываются торговыми сетями и медленно, но неуклонно вползают в большую историю, в средиземноморский мир-экономику, а затем движутся дальше по пути оригинального развития.

И вот этот веселый, пестрый, в целом — довольно мирный мир (войны за власть, конечно, ведутся, но не сопровождаются массовыми жестокостями и разорением территорий), оставшийся после Александра Македонского и диадохов, раскатывает паровой каток римской агрессии. В культурном смысле римляне — варвары, которые бесконечно отстают от уровня греческой цивилизации. Вспомним консула Муммия, который, расхищая бесценные статуи Коринфа, заявил рабам, что если они разобьют эти, то им придется сделать новые. Но у этих варваров отличная военная организация, отличная управленческая система, отлично выстроенное право, чрезвычайно жадный до славы и власти правящий класс — нобилитет, и не менее жадный до денег и грабежа «буржуазный» класс всадников. Римлянам в равновесном мире Средиземноморья была уготована роль владык и организаторов прекрасной и цветущей Италии. Но им хотелось большего. И вот, пользуясь своим конкурентным преимуществом, римляне уничтожают всё вокруг себя.

«Политика Рима — макиавеллистическая, зачастую бесчестная и всегда жестко эгоистичная, воспитывала раболепство и подлость в

её собственных политических агентах (подобных Евмену II), подрывала мораль эллинистических государств, роняла престиж их правителей в глазах их собственных подданных. Римляне содействовали всем процессам, подрывавшим политическую стабильность эллинистического мира, поддерживали сепаратизм, раздували династические распри, гражданские войны, войны между государствами. Всё это они разжигали или, по меньшей мере, не спешили гасить.

Рим подстегнул дезинтеграцию, если не сказать, распыление эллинистических государств, толкнул их к экономическому краху. Сделав это, Рим подорвал основы эллинистической цивилизации на Востоке и содействовал их скорой ориентализации... Конечно, не один Рим несет ответственность за политический, моральный и культурный распад эллинистического мира... Но именно Рим сделал этот процесс катастрофическим... Рим добился того, что Восток не стал более широко и глубоко эллинизированным» — так резюмировал Ростовцев плоды римской политики в Средиземноморье в другом своем труде — «Социальной и экономической истории эллинистического мира» (Rostovtzeff 1941: 71-72).

Рим действовал как плодоярка — вопреки позднее создавшемуся мифу о Риме, как о светоче цивилизации во тьме варварства, римляне захватывали исключительно цивилизованные страны, причем большая часть из них стояла на более высоком уровне развития, чем сам Рим.

Необходимо понимать, что римское завоевание зачастую напоминало самое настоящее варварское завоевание позднейших эпох, о чем охотно говорили и сами римляне:

«Сколько статуй, сколько одеяний, сколько картин было похищено, сожжено и выброшено! Какие богатства взяли с собой римляне! А сколько сожгли, можно судить по следующему: то, что теперь славится по всему миру как коринфская бронза, это, насколько нам

известно, всё, что осталось после пожара. Цену бронзы подняло само насилие над богатейшим городом, ибо в результате пожара от смешения многочисленных статуй и изображений сплавилась потоки меди, золота и серебра» — восклицает Луций Анней Флор то ли с ужасом, то ли с восхищением. (Flor. Epit. II, XX).

Там, где цивилизации и связанных с нею социальных и политических институтов нет и в помине, — там римляне оказываются беспомощны, как они оказались беспомощны в Германии, как не смогли продвинуться ни в Сарматию, ни в Сахару, ни в Аравию дальше Петры. Там, где цивилизация есть, туда римляне приходят, фециалы объявляют войну, и начинаются грабеж, уничтожение, принуждение, обложение и... в конечном счете, разрушение этой цивилизации.

Что Цезарь 10 лет делал в «варварской» Галлии, и почему он там так обогатился, что буквально сорил в Риме деньгами, покупая власть и расположение плебса? Галлия до Цезаря была очень богатой и развитой страной, совершенно в «цивилизирующей» миссии римлян не нуждавшейся. Именно богатство, развитость и высокий уровень «латенской» цивилизации, по всей видимости, стали причиной стремительного краха Галлии под ударами Цезаря.

«Возвращаясь к поразительному контрасту между молниеносной войной с галлами и нескончаемым завоеванием Испании, заметим, что свою роль в нем сыграло и различие в географическом положении двух стран. К северу от Пиренеев — открытая местность, богатая, сравнительно густонаселенная, с целой сетью дорог, находящихся в приличном состоянии, а значит, нет никаких затруднений с фуражом и продовольствием; к югу от Пиренеев — местность враждебная, перегороженная там и сям самой природой, к тому же пустынная, без особых припасов продовольствия. Страбон отмечает и другой контраст, на самом деле решающий: сопротивление испанцев бесконечно дробилось и, в конечном счете, разрешилось тем, что мы бы назвали герильей, тогда как сопротивление галлов быстро сконцентрировалось на одном

направлении, не утратив от этого энергии, но став более уязвимым — его легче было сломить одним ударом. Короче, в таком случае именно однородность Галлии, способной поднять по тревоге громадную армию, и позволила разгромить ее в ходе одной-единственной грандиозной схватки — осады Алесии в 52 г. до н. э. Если бы война, напротив, разбилась на отдельные очаги сопротивления, это бы крайне стеснило захватчика и повергло его в замешательство. В пользу суждений Страбона свидетельствует опыт "колониальных" завоеваний, которыми изобилует история. Взгляните для сравнения на захватнические походы мусульман в VII веке нашей эры: в 634 году они с ходу завладели Сирией, в 636-м — Египтом, в 641-м — самой Персией, которая еще несколькими годами раньше служила противовесом и сама, без чьей-либо помощи, потеснила Рим эпохи Юстиниана; и наоборот, для того чтобы подчинить себе — да и то не вполне — неотесанный Магриб, исламу потребуется 50 лет (650-700 гг.). Зато вестготская Испания, целостная страна, в 711 году упадет к ним в руки также с одного удара» (Бродель 1995: 68).

Только высокий уровень цивилизации, торговой интеграции и культурного развития давал римлянам добычу, которая покрывала с лихвой военные издержки и делала войну прибыльной. С дикарей же нечего было взять, и платить за войну с ними приходилось самим римлянам. Агрессия не окупалась. Там, где цивилизации не было, римляне оказывались в положении обороняющегося, и несущего страшные потери, как в Германии. Все попытки императоров, начиная с Августа, покорить Германию и сделать ее провинцией, провалились. Квинтилий Вар не вернул легионы, а германцы покорили Рим, принеся свое варварство в центр Средиземноморья.

В какой-то момент цивилизация стала настоящим проклятием средиземноморских народов, поскольку на нее, как на труп, слетались римские орлы. Пока даки были дикарями, на них никто не обращал внимания. Стоило им создать хотя бы самое примитивное государство, как тут же появились римляне, и сперва пришлось

отбиваться от Домициана, а затем бравый Траян, несмотря на абсолютную бессмысленность происходившего, даков покорил, Децебала принудил к самоубийству, их раннюю цивилизацию разрушил... после чего инфраструктуры Дакии не хватило даже на поддержание римского господства, а оставшаяся после них стратегическая пустота привела к оживлению германцев, сарматов и других племен, вскоре принявших участие в великом переселении народов.

Издержки романизации

Сами римляне оправдывали свое господство тем, что оно им суждено богами от века, как писал Вергилий — «ты же, римлянин, правь — в этом искусство твое». Поскольку для наших современников такое объяснение малопригодно, то возникли два более новых мифа. Во-первых, — миф о цивилизующей силе романизации, как говорилось в стишке про галлов: «Сняв штаны, они надели тогу с пурпурной каймой», научились пить вино, читать полатыни, подчиняться преторскому эдикту и мыться в термах. Во-вторых, Pax Romana — якобы присоединение к Риму даровало народам столетия прочного мира и устойчивого развития, защитив их от междоусобных войн.

Римляне не были великими цивилизаторами уже потому, что их собственная цивилизация была вторичной, не они были её главными создателями. Практически во всём (кроме, быть может, права) римская цивилизация была цивилизацией второго порядка по сравнению с греческой. Отсутствие греческого образования у человека, получившего образование латинское, почти всегда отрицательно сказывалось на глубине и утонченности мысли.

Впечатляющая материальная цивилизация римлян, оставляющая глубокое впечатление при первой встрече с нею, носила, в значительной степени, тот же характер, что и описанный Доном Кассием мост через Дунай, с которого мы начали своё

повествование. Эти циклопические сооружения не опирались на высокоразвитую жизнь общества, плотное население и богатую культуру, а потому их сооружение скорее изматывало ресурсы окружающей страны, чем развивало их.

Если по прекрасным, тысячелетиями не изнашивающимся дорогам некому ездить, значит, они сооружались напрасно. Не говоря уж о том, что развитая дорожная сеть упростила вторжения и передвижения варваров, практически не сталкивавшихся с «сопротивлением материала» на своём пути. Можно, конечно, предположить, что развитая сеть римских дорог во Франции способствовала её раннему национальному и территориальному единству, в то время как отсутствие такой сети в Германии предопределило её длительную раздробленность. Однако национальному и государственному единству Италии римские дороги ничуть не способствовали.

Вместо мира, римское завоевание втянуло средиземноморские народы, во-первых, в бесконечную череду крайне жестоких, грабительских и разорительных внутриримских гражданских войн, во-вторых — в тяжёлую пограничную войну, которая не прекращалась ни на рейнской, ни на дунайской, ни на сирийской границах столетиями. В этой пограничной войне римляне гораздо чаще проигрывали, чем побеждали. При этом сами завоеванные народы вступили в пограничную войну безоружными, не имеющими собственных вооруженных сил и военной организации, чтобы оказать отпор, ну, к примеру, готам и герулам, когда они в III веке начали морские набеги по Черному и Эгейскому морям, или вторжениям сарматов.

При этом вооруженных сил самого Рима было более чем недостаточно. Римляне выжимали из ойкумены все соки для того... чтобы содержать численно ущербную и постепенно качественно деградирующую армию Империи, которая, к тому же, регулярно бунтовала, ее части воевали друг с другом... Когда в 115 году в тылу у Траяна вспыхнуло восстание иудеев в Киренаике, то восставшие

вырезали практически всех неевреев-горожан, провинция была опустошена и деградировала, так что Адриану пришлось заселять ее по сути заново.

Времена после римского завоевания были эпохой расцвета средиземноморского пиратства, парализовавшего торговлю. Тот уровень порядка на море, который поддерживали три десятка государств, обладавших флотом — начиная от Египта и заканчивая Родосом и Делосом, оказался немыслим для одной империи. То римский флот гнил и простаивал, то потом назначали Помпея экстренно ликвидировать пиратство, он справлялся, но проходило пять лет, и всё начиналось заново... За несколько столетий «Римского мира» проблема пиратства на Средиземном море так и не была до конца решена.

Ростовцев многие страницы своего исследования посвящает проблеме недостаточности военных сил Империи и, вместе с тем, чрезмерности, требовавшейся для обеспечения этих недостаточных сил «анноны». Многообразны и тяжелы были те повинности, которые приходилось нести горожанам и крестьянам империи, чтобы обеспечить эту, ненадежно их защищавшую, по сути негодную к войне против варваров (вспомним, что римское оружие получило главную свою славу в завоевательных войнах против цивилизованных народов), регулярно начинавшую расправляться со своими подзащитными, армию.

Римская армия периода империи напоминала прожорливого и ленивого ротвеллера, который, время от времени, еще и съедает кого-то из хозяйской семьи. При этом, повторимся еще раз, средиземноморские народы были в ходе римских завоеваний разоружены и дезорганизованы и сами, без посредства легионов, защитить себя не могли — хотя перед этим сотни лет успешно это делали. Характерен феномен федератов — народов, которые ещё не были завоеваны римлянами, ещё не были разоружены, и именно поэтому годились для платной охраны римских границ.

Тупики унитарной экономики

Почему такая огромная империя с определенным трудом наскребала средства на содержание армии и удержание границы (что прекрасно понял умнейший из цезарей, Адриан, и попытался хотя бы как-то скомпоновать границы Империи)? Дело было в её колоссальной хозяйственной слабости, и низкой интенсивности экономического развития большинства областей Империи.

Исследование Ростовцева посвящено, прежде всего, причине, симптомам и последствиям хозяйственной слабости Римской Империи. Этой причиной была практически тотальная хозяйственная нивелировка в империи, которая вела к хозяйственной нерентабельности целых регионов. Кому и зачем нужно сельское хозяйство неплодородной Греции, если есть плодородный Египет? Зачем нужны кому-то греческие же вазы, если есть мастерские Италии и Галлии?

Империя вела к упадку своих регионов, поскольку вместо полноценных региональных экономик, которые, с одной стороны, обеспечивают сами себя и работают на суверенитет своей области и своего народа, а с другой, стараются найти максимально эффективную нишу на внешних рынках, в международной торговле, они оказывались не более чем функциональными единицами в составе довольно упадочного имперского хозяйства. Эти регионы в определенные периоды процветали, но, как правило, за счет всей империи и временного перераспределения ресурсов в её рамках, в то самое время, как другие пребывали в упадке.

Периодически лидеры менялись. В I веке до н. э. процветал Египет, а потом пришел в упадок. Во II веке поднялась Галлия. В III веке неожиданно поднялись Африка и Британия, оставшиеся в стороне от гражданских войн и нашествий. Одно было неизменным — всё возрастающая хозяйственная деградация Италии, давшей рождение Империи и погубленной этим рождением.

Поскольку все мало-мальски цивилизованные и способные к торговому обмену области были захвачены римлянами, то мировой рынок средиземноморской ойкумены оказался... внутренним рынком, развитие которого зависело от покупательной способности городского и, в меньшей степени, сельского населения Империи. А так как рост покупательной способности этого населения зависел от развития этого рынка, то образовалась положительная обратная связь, которая удушала империю и при Юлиях-Клавдиях, и при Флавиях, и при Антонинах, а затем вырвалась наружу в кризисе III века.

«Слабым местом в развитии промышленности в эпоху цезаризма было отсутствие настоящей конкурентной борьбы», — отмечает Ростовцев (Ростовцев 2001: 71). Причины ее отсутствия заключались как в бедности империи в целом, так и в малой численности и недостатке покупательной способности её населения.

Под воздействием всё возрастающего спроса в эллинистический период быстро возрастало число промышленных центров. Сравнительно мирное развитие конкурирующих эллинистических монархий вело к увеличению численности потребителей. Промышленность и торговля греков получила выход на восток, а через посредничество Карфагена греческие товары вышли на промышленные центры приобрели контакты с Африку, Испанию, Британию...

Римлянам в результате своих завоеваний удалось добиться политического единства всей ойкумены и объединить в одном государстве почти все жизнеспособные и более или менее способные к экономическому, техническому и культурному развитию народы Средиземноморья. И это имело свои последствия — во многом негативные.

«Область сбыта предметов греко-римской промышленности теперь была ограничена почти исключительно империей с ее населением.... — подчеркивает Ростовцев, - Варвары и малоимущее население

Северной Европы не могли фигурировать в качестве массы потребителей изделий промышленности, а при сложившемся в то время политическом положении торговые отношения не могли стать регулярными, они оставались всего лишь сделками более или менее спекулятивного характера.

Дальний Восток, разумеется, был более надежной областью, но там уже была своя собственная высокоразвитая промышленность, потребность в промышленных изделиях Римской империи там не ощущалась. Спрос был лишь на определенные товары, причем существовал этот спрос лишь до тех пор, пока местные производители не научились производить нечто подобное.

Таким образом, единственным потребителем товаров промышленности являлось само население империи. Пока распространение римской цивилизации успешно шло вперед, промышленность делала успехи и процветала. О постепенной индустриализации провинций говорилось выше. Но после Адриана распространение римской цивилизации приостановилось. Границы империи более не расширялись. Романизация или частичная урбанизация провинций достигла своей наивысшей точки при Адриане. Область сбыта промышленных товаров теперь была ограничена городами и равнинными областями, находящимися в пределах империи.

Будущее римской промышленности зависело от покупательной способности населения, и если представители городской буржуазии были хорошими покупателями, то их численность все же была ограниченной, а городской пролетариат все больше беднел» (Ростовцев 2001: 73).

Закрытость имперского рынка вела к его оскудению, оскудение вело к снижению покупательной способности, что, в свою очередь, давало новое оскудение рынка в целом. При этом нельзя забывать, что колоссальные ресурсы выкачивала казна на содержание армии, причем не только деньгами, но и натуральными повинностями, из

которых самыми тяжелыми, как подчеркивает Ростовцев, были транспортная повинность и постой солдат.

Завоевав всё Средиземноморье, Римская Империя прервала естественное социальное и экономическое развитие завоеванных регионов. Там, где могли создаваться сильные экономики, сильные территориальные государства, постепенно формироваться собственные типы цивилизации, складывающейся под греческим влиянием (греческие колонии ведь играли мощнейшую цивилизующую роль, но эта роль была скорее провоцирующей культурное развитие, чем накладывающей единообразные и жесткие рамки, как романизация), там вместо этого начали образовываться пустыни «экзимирированных сальтусов», началось вырождение и вымирание завоеванных народов.

Лучшие из римских императоров понимали, что опорой Империи могут быть только города, и создавали города, где могли, и как могли. И в самом деле, империя от Августа до Марка Аврелия была империей италийских и провинциальных горожан, их культуры, их образа жизни, их тяги к комфорту. Но нагрузка империи на обеспеченные городские слои была настолько чрезмерной, что «выйдя в люди» — например, из солдат римской армии — представители имперской провинциальной «буржуазии» первым делом переставали размножаться и, в следующем поколении, работу по романизации новых кадров приходилось начинать заново.

В империи практически отсутствовало накопление капитала — как денежного, так и человеческого, она постоянно страдала от недонаселенности и рассеивания населения (любимым методом социального протеста на востоке был анахоресис — бегство в дельту Нила, пустыню и другие труднодоступные для чиновников регионы). Попытки с этим бороться при помощи учрежденной Траяном *alimenta* — специальной системы дотаций на рождение новых римских граждан, в конечном счете, ничего не дали. Представители богатых и образованных слоев предпочитали приживать детей с

рабынями, быть гомосексуалистами, но только не рожать и воспитывать законных сыновей, поскольку на передачу им имущества полагался громадный налог, да и просто так очередной тиран, подобный Домициану или Коммоду (а порой тиран прорывался и в просвещеннейшем Адриане), мог конфисковать имения.

Одной рукой императоры старались создать слой собственников, всеми силами призывали граждан брать землю в Италии, в Египте, и вкладываться в нее, а с другой постоянно давали пример конфискации имений и состояний богатых сенаторов, всадников и провинциалов, демонстрировали, что никакое долгосрочное накопление капитала под их властью невозможно.

Империя к концу режима Антонинов представляла собой колоссальный мыльный пузырь, который в III веке лопнул и привел к кровавой массовой резне горожан при Максимине Фракийце и его продолжателях, устроенной состоявшей из крестьян и ненавидевшей городских жителей армией, — картина, которую Ростовцев описывает, явно «вдохновляясь» примером большевистской революции, свидетелем и жертвой которой он стал.

Карфаген напрасно был разрушен?

Сами римляне, точнее — умнейшие из них, прекрасно понимали, что завоевательная ненасытность империи ведет ее к катастрофе. Вся философия «Истории Филиппа» Помпея Трога, позднее легшая в основу христианской философии сменяющих друг друга доминирующих царств, так ярко выразившаяся у Августина и дошедшая до нас через концепцию Третьего Рима, основана на идее разрушительности жадности до власти, «империума», которая охватила народы после ассирийского царя Нина, первым подавшего пример к созданию завоевательных сверхдержав.

«Изначала власть (*imperium*) над племенами и народами находилась в руках царей, которых возносило на такую высоту

величия не заискивание перед народом, а умеренность (*moderatio*), признаваемая в них людьми благомыслящими (*inter bonos*). Народы не были связаны тогда никакими законами: решения правителей заменяли законы. В те времена было более в обычае охранять пределы своих владений (*imperii*), чем расширять их: для каждого царство его ограничивалось пределами его родины. Царь ассирийский Нин, движимый жаждой власти (*imperii*), первый изменил этому древнему обычаю, как будто прирожденному всем народам. Он первый начал вести войны с соседями и покорил еще не привыкшие к сопротивлению народы до самых пределов Ливии. Были, правда, и в более древние времена царь египетский Везосис и Танай, царь Скифии: первый из них дошел походом до Понта, второй — до Египта. Но воевали они не с соседями, а в далеких странах и, довольствуясь победами, искали не власти (*imperium*) для себя, а славы для своих народов. Нин же стремился к господству и сделал покоренные им обширные области своим постоянным владением. Покорив ближайших соседей и тем самым увеличив свои силы, он более смело приступил к покорению других, и так как каждая предшествующая победа служила ему орудием для последующей, он, в конце концов, подчинил себе народы всего Востока». (Юстин. Эпитома Помпея Трога. I, 1).

Этой завоевательной ненасытности Помпей Трог противопоставляет народы, которые живут на своих родинах, так сказать, «ойкумену отечеств». Эти народы живут свободно и не посягают на власть над другими, но и над собой власти не терпят. В качестве идеала такого народа Помпей Трог приводит скифов.

Роковой точкой, в которой природа могущества Рима изменилась, а Сенат и Народ перешли от разумной умеренности к необузданности, стало, на взгляд многих, уничтожение Карфагена. Веллей Патеркул (впрочем, вслед за Саллюстием — еще одним явно недооцененным историком и политическим мыслителем) прямо связывает начало

внутреннего упадка Рима с завистливым разрушением Карфагена, лишившим средиземноморский мир духа соперничества.

«Даже когда Рим уже достиг мирового господства, он не мог считать себя в безопасности до тех пор, пока оставалось имя Карфагена, и существовал сам город. Настолько ненависть, порождаемая соперничеством, переживает страх и не прекращается даже по отношению к побежденным. Так и ненависть к Карфагену исчезла лишь с его исчезновением...» (Vell. Pat. I, XII).

«...соперничество питает талант, а зависть и восхищение воспаляют подражание, и то, чего добиваются с наивысшим рвением, достигает наивысшего совершенства и, естественно не может обратиться вспять, ибо естествен упадок того, что не двигается вперед...» (Vell. Pat. I, XVII).

«Могуществу римлян открыл путь старший Сципион, их изнеженности — младший: ведь избавившись от страха перед Карфагеном, устранив соперника по владычеству над миром, они перешли от доблестей к порокам не постепенно, а стремительно и неудержимо; старый порядок был оставлен, внедрен новый; граждане обратились от бодрствования к дреме, от воинских упражнений к удовольствиям, от дел — к праздности» (Vell. Pat. II, I).

Вместо того чтобы стать владыками Италии и развивать эту благодатную землю, римляне по своей жадности и властолюбию построили военно-политическую Вавилонскую башню. И когда она обрушилась, она погребла под собой все цивилизации древней Европы — греческую, кельтскую, иберийскую, пуническую, сирийскую, египетскую. Нам, славянам, конечно от этого только лучше — для нас освободилось больше места.

Рим пал потому, что растратил ресурсы огромного пространства на выстраивание очень слабенькой плотины на пути естественных для той эпохи и региона миграций индоевропейских народов, которые в

какой-то момент просто эту плотину прорвали. Там, где подвижная и многосоставная система эллинистической ойкумены могла бы отбиться, как отбилась она в III веке до н.э. от нашествия галлов, там централизованная и, при этом, внутренне слабая Римская Империя рухнула, и мир погрузился в унылое варварство, которое лишь спустя много столетий превратилось в варварство веселое. Возможно (и даже, скорее всего), нашему миру следовало пройти через темные века, чтобы германцы и славяне создали на развалинах прошлого новую Европу. Но старая, римская Европа упала не столько под ударами извне, сколько под тяжестью собственной внутренней пустоты.

У святых отцов наряду с одобрением Римского порядка, как катехона, содержится и осуждение римских завоеваний и римского властолюбия, горя и ужаса, принесенных римлянами народам. Блаженный Августин придерживался именно такой точки зрения. А его ученик Павел Орозий, чья «История против язычников» (Орозий 2004) была главным источником по всемирной истории для всего латиноязычного мира средневековья, именно к сообщению о разрушения Карфагена приурочивает следующие размышления:

«Мне, сколь бы усердно ни искавшему, все же человеку далеко не проницательному, абсолютно нигде не открылось то основание для Третьей Пунической войны, каковое таил в себе Карфаген, чтобы, по праву, было решено его разрушить...

Но ведь в то время как одни римляне ради неизменной безмятежности Рима выступали за то, чтобы разрушить Карфаген, другие же ради сохранения навеки римской доблести, каковую они могли бы подпитывать, постоянно наблюдая за соперничающим с Римом городом, дабы римская мощь, постоянно укрепляемая в войнах, не обратилась из-за беззаботности и покоя в томную вялость, считали, что Карфаген должен быть сохранен невредимым: я нахожу причину, рожденную не обидой на карфагенян, вызывающих раздражение, но переменчивым нравом впадавших в

праздность римлян. Если это было так, то почему свое притупление и свою ржавчину, которой они покрылись снаружи и от которой разрушались изнутри, вменяют в вину христианским временам те, кто почти шестьсот лет назад, как если бы заранее увидели, что с ними произойдет, и, испугавшись, уничтожили Карфаген, тот великий точильный камень, придававший им блеск и остроту» (Oros. IV, XXIII).

Постепенно слова Орозия начинают звучать настоящим обвинительным актом римскому языческому империализму:

«Я знаю, что многие после этой череды событий могут встревожиться, видя, как римские победы возрастают на крови многих народов и государств. Впрочем, если они как следует посмотрят, то обнаружат, что победы те принесли больше вреда, нежели пользы. Ибо не следует считать незначительными столь многие войны: войны с рабами, союзнические и гражданские войны, войны с беглыми рабами — не принесшие абсолютно никаких результатов, но породившие великие несчастья...

Чем счастливее оказывается Рим, тем более несчастным кажется все, что лежит за стенами Рима. Какова же должна быть цена той капли многострадального благополучия, каковой оказывается счастье одного города в море несчастья, в котором тонул весь мир?

Или, если те времена считаются благополучными на том основании, что возростали силы одного лишь государства, почему бы тогда не счесть несчастнейшими те времена, в которые среди жалкого опустошения пали могущественнейшие царства многочисленных и хорошо организованных народов?

...Пусть выразит свое мнение Испания: после того, как на протяжении двухсот лет она повсюду орошала собственной кровью земли свои, и не могла ни изгнать, ни вытерпеть ненасытного врага, несущего горе от дома к дому, после того,

как в самых разных городах и местах люди, обескровленные войнами, истощенные от голода в ходе осад, когда уже потеряли жен и детей своих, в поисках лекарства от несчастий перерезали себе горло, позорным образом бросаясь друг на друга в поисках смерти, — что она тогда думала о своих временах?

В конце концов, пусть скажет сама Италия: почему в течение четырехсот лет она всюду силами своими противостояла, противодействовала, противилась римлянам, если римское благополучие не несло ей несчастья и если всеобщему благу не мешало то, что римляне станут хозяевами положения?

Я не спрашиваю о бесчисленных народах различных племен, долгое время независимых, потом в ходе войн побежденных, уведенных с родины, проданных в рабство, разбросанных по свету неволей, я не спрашиваю, что они предпочли бы для себя, что думали о римлянах, как оценили бы времена. Я не спрашиваю о царях, обладавших огромными богатствами, великой силой, огромной славой, долгое время могущественных, в какой-то момент плененных, закованных, как рабы, в цепи, проведенных под игом, шествовавших впереди колесницы триумфатора, умерщвленных в темнице: спрашивать их мнение столь же глупо, сколь жестоко не чувствовать их боли». (Oros. V, 1).

Стоило ли разрушать Карфаген и, тем самым, лишать римскую мощь противовеса и своего рода точила? Сами римляне, как язычники, подобные Веллею Патеркулу, так и христиане, подобные Орозию, отвечали на этот вопрос преимущественно отрицательно. Однако в наши дни нашелся мыслитель, который взглянул на дело с другой стороны и увидел в разрушении Карфагена метаисторическую нравственную миссию. Это был английский писатель Г. К. Честертон, в своем «Вечном человеке» представивший войну Рима и Карфагена «схваткой богов с бесами».

«Римские историки совершенно правы, рассказывая нам о циничных деяниях римских политиков. Но дух, подобно дрожжам, поднимавший Рим изнутри, был духом народа, а не только идеалом Цинцинната. Римляне укрепили свою деревню со всех сторон; распространили свое влияние на всю Италию и даже на часть Греции, — как вдруг очутились лицом к лицу с конфликтом, изменившим ход истории. Я назову этот конфликт схваткой богов и бесов....

На другом берегу Средиземного моря стоял город, называющийся Новым. Он был старше, и много сильнее, и много богаче Рима, но был в нем дух, оправдывавший такое название. Он назывался Новым потому, что он был колонией, как Нью-Йорк или Новая Зеландия. Своей жизнью он был обязан энергии и экспансии Тира и Сидона — крупнейших коммерческих городов. И, как во всех колониальных центрах, в нем царил дух коммерческой наглости...

В Новом городе, который римляне звали Карфагеном, как и в древних городах финикийцев, божество, работавшее «без дураков», называлось Молохом; по-видимому, оно не отличалось от божества, известного под именем Ваала... Они жили в развитом и зрелом обществе и не отказывали себе ни в роскоши, ни в изысканности. Вероятно, они были намного цивилизованней римлян. И Молох не был мифом; во всяком случае, он питался вполне реально. Эти цивилизованные люди задабривали темные силы, бросая сотни детей в пылающую печь...

Римский народ чувствовал, что с такими людьми мириться нельзя. Принято возмущаться назойливостью поговорки: «Карфаген должен быть разрушен». Но мы забываем, что Рим был разрушен. И первый луч святости упал на него, потому что Рим восстал из мертвых...

Карфаген пал, как никто еще не падал со времен Сатаны. От Нового города осталось только имя — правда, для этого понадобилась еще одна война. И те, кто раскопал эту землю через много веков, нашли крохотные скелеты, целые сотни — священные остатки худшей из религий. Карфаген пал потому, что был верен своей философии и довел ее до логического конца, утверждая свое восприятие мира. Молох сожрал своих детей. Боги ожили снова, бесы были разбиты. Их победили побежденные; можно даже сказать, что их победили мертвые.

Мы не поймем славы Рима, ее естественности, ее силы, если забудем то, что в ужасе и в унижении он сохранил нравственное здоровье, душу Европы. Он стал во главе империи потому, что стоял один посреди развалин. После победы над Карфагеном все знали или хотя бы чувствовали, что Рим представлял человечество даже тогда, когда был от него отрезан. Тень упала на него, хотя еще не возшло светило, и груз грядущего лег на его плечи. Не нам судить и гадать, каким образом и когда спасла бы Рим милость Господня; но я убежден, что все было бы иначе, если бы Христос родился в Финикийской, а не в Римской империи. Мы должны быть благодарны терпению Пунических войн за то, что через века Сын Божий пришел к людям, а не в бесчеловечный улей.

Античная Европа наплодила немало собственных бед — об этом мы скажем позже, — но самое худшее в ней было все-таки лучше того, от чего она спаслась. Может ли нормальный человек сравнить большую деревянную куклу, которая забирает у детей часть обеда, с идолом, пожирающим детей? Врагу, а не сопернику отказывались поклоняться римляне. Не о хороших дорогах вспоминали они и не о деловом порядке, а о презрительных, наглых усмешках. И ненавидели дух ненависти, владевший Карфагеном.

Мы должны им быть благодарны за то, что нам не пришлось свергать изображения Венеры, как свергли они изображения

Ваала. Благодаря их непримиримости, мы не относимся непримиримо к прошлому. Если между язычеством и христианством — не только пропасть, но и мост, мы должны благодарить тех, кто сохранил в язычестве человечность. Если через столько веков мы все-таки в мире с античностью, вспомним хоть иногда, чем она могла стать. Благодаря Риму, груз ее легок для нас, и нам не противна нимфа на фонтане или купидон на открытке» (Честертон 1991: 181–186).

Во всем этом есть много романтических преувеличений, тем более объяснимых, что Честертон, во-первых, всю жизнь воевал против расчетливых дельцов, в которых воплощался карфагенский дух капитализма (и именно из-за этой расчетливости Карфаген и проиграл, предав гениального Ганнибала), а во-вторых, был англокатоликом, для которого Рим, не столько сенатский, конечно, сколько папский, всегда безусловно прав, будь то в споре с Карфагеном, Лондоном или Нью-Йорком.

Древние авторы совершенно не ощущали той глубокой метафизической разницы Рима и Карфагена. Для святого Августина римские боги были в той же степени бесами. Человеческие жертвоприношения постоянно практиковались в Риме, приносились человеческие жертвы и во время Пунических войн, и много позднее — вспомним судьбу мученика Дасия Доростольского. Для патристики — битва Рима и Карфагена была столкновением двух языческих сил, из которых одна, упразднив другую, распространилась до последних пределов.

И всё-таки, так ли уж неправ Честертон, говоря о метаисторической противоположности двух исторических начал, римского и карфагенского? Массовые детские жертвоприношения в Карфагене получают все новые и новые археологические подтверждения, включая кладбища жертв с посвятельными надписями. Похоже, детоубийство и впрямь было для карфагенян надежным способом урегулирования проблемы с богами. Так что распространение

библейского отношение к Ханаану как к мерзости на Карфаген, скорей всего, справедливо.

Но важнее другое, — при всех ощутимых недостатках римского порядка, только один из существовавших тогда на земле великих цивилизационных порядков годился к восприятию присутствия в себе Христовой Церкви. Даже под римской властью Ирод Великий устроил кровавую резню Вифлеемских младенцев. Представить себе Христа пришедшим в Финикийскую Империю и вовсе невозможно. Преодолеть преграду ханаанейского начала Церкви вряд ли было бы суждено, для этого над финикийским духом должен был восторжествовать римский.

То, что язычество дошло до нас в пластичных образах эллинского искусства, к тому же доведенных до истончения, лишенных живой чувственности римским культом абстракции — и в самом деле духовное достижение, ставшее возможным лишь в результате римских завоеваний. «Римляне были слабы, римляне грешили, как все люди, — отмечает Честертон, — и все же возвышение Рима действительно было возвышением здравого смысла и народности» (Честертон 1991: 189).

Имперская оправка для Вселенской Церкви

Лишь в «римской» оправке стало возможно появление в нашем мире Христианства. Представим себе, что было бы, если бы христианство пришло в какую-либо из восточных империй? Оно было бы, скорее всего, безжалостно раздавлено, как это сделали у себя персы, либо было бы принято как всеобщая религия с насильственным принуждением к всеобщему крещению. Даже в Персидской империи распространение Христианства было до критической степени заторможено как жестокими гонениями, не знавшими ни ограничений гражданского строя, ни рефлексии, так и самим чуждым внутреннему строю Христианства духом. Что было бы, если бы Христианство появилось в классической Греции, — скорей всего,

оно превратилось бы в одну из частных философских школ, подобных школе последователей Сократа.

Лишь в Риме, где универсальная имперская организация сочеталась с уважением частной свободы, Христианство могло быть осуществлено как религия, исповедуемая сперва частными людьми, однако достигающая затем всеобщего, универсального значения и способная опереться на силу государственной власти.

«Наша философия окрепла и утвердилась сначала у варваров; расцвет же ее у твоего народа приходится на великое царствование Августа, твоего предка, — писал Марку Аврелию один из выдающихся церковных апологетов Мелитон Сардийский. — Она принесла счастье твоей империи: с тех пор росли и мощь, и слава Рима. Ты желанный наследник их и пребудешь им вместе с сыном, храня философию, которая возросла вместе с империей и получила начало с царствованием Августа; предки твои чтили ее, как и прочие религии. А вот неоспоримое доказательство, что на благо счастливо начавшейся империи росло и крепло наше учение: начиная с царствования Августа, на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно. Только Нерон и Домициан, подстрекаемые какими-то злодеями, пожелали оклеветать нашу веру и с тех пор, по бессмысленному обычаю доносить, на нас льются потоки лжи. Твои благочестивые предки старались исправить это невежественное представление: часто отправлялись письменные выговоры тем, кто осмеливался вводить какие-то новшества относительно христиан». (Euseb. Hist. Eccl. IV. 26.7).

Христианские апологеты смотрели, в полном согласии с античной политической теорией, на гонения, как на проявление тирании. Гонения воспринимались как практика худших, а не лучших императоров, практика тех, чье имя было проклято и уничтожено Сенатом после тираноубийства. Строго говоря, большинство гонений рассматривалось христианами как результат заговора — и,

обычно, по факту им являлось. Составными элементами этого заговора были иудеи, клеветавшие на христиан везде, где могли и как только могли, языческие философы и особенно жрецы, видевшие в христианах опасных конкурентов и разрушителей их духовной монополии, и беснующаяся кровожадная толпа, которая и верила клевете о «людоедских обрядах» христиан, и желала попользоваться от разграбления их имущества и, что особенно важно, развлечься жестокими казнями.

Лишь начиная с Марка Аврелия, «императора-философа», гонения некоторых императоров против христиан принимают более централизованный, осознанный и однозначный характер. Марк был приверженцем стоической философии и, одновременно, магических культов, как и большинство императоров-гонителей после него. Стоики и их «боевой отряд» — киники были исключительно враждебны христианам. А со стороны магов велась против Церкви систематическая война, продолжавшаяся весь III век, ставший веком чудовищного и во многом загадочного кризиса империи.

Из-за неверного представления о социальной природе древнего Христианства М. И. Ростовцев, увы, не понял, что гонения на христиан, активизировавшиеся именно в III веке, были как раз частью противгородской люмпен-революции. Христиане, особенно те, которых реально гнали, и смерть которых засвидетельствована мученическими актами, такими, как мученичество Фелицитаты и Перпетуи, были представителями как раз «лучшего» городского слоя империи. Это были врачи, юристы, декурионы, сенаторы, это были представители «интеллигентной» оппозиции тиранам и солдафонам (не случайно, что по большей части интенсификация гонений на христиан совпадала с правлением тиранов — Нерона, Домициана и далее).

Гонимое Христианство было не разрушавшей империю, а напротив — консервативной, «бюргерской» социальной силой, религией культурных средних слоев, которые, однако, умели увлечь за собой

массы. В то время как всевозможный митраизм был именно религией солдафонов, живших по принципу «погнажи наших городских» и с удовольствием «бравших на щит» города в самой же империи.

По сути, мы можем говорить о длившейся почти полтора столетия и закончившейся победой христиан духовной гражданской войне, сопровождавшейся всеми обычными ужасами гражданской войны — политическими переворотами, грабежами, убийствами, насилием, внешней интервенцией, чудовищной деградацией хозяйственной и культурной жизни. Против христиан, добропорядочных римских граждан, была начата война со стороны магов — и там, где при Адриане и Антонине Пие царил казавшееся идеальным благоденствие, воцарилась отныне мерзость запустения.

При этом, поскольку война шла, разумеется, прежде всего, духовными средствами, оружия христиане в ней не применяли, то вступил в действие тот поразительный агиополитический эффект, который Лактанций обозначил как «смерть гонителей» (Лактанций 1998). Не только христианские, но и языческие авторы не могли не отметить удивительный характер тех бедствий, которые обрушивались на гонителей, то неизменное военное и политическое поражение, которым заканчивалось всякое гонение. Конечно, и благоприятствовавшие христианам императоры тоже гибли в результате заговоров и мятежей. Обычно это было убийство их солдатами, представлявшими магически-милитаристскую партию. Это вполне соответствовало условиям шедшей в империи гражданской войны и анархии. Но ни один из прохристианских императоров не был позорно разбит в битве на болоте, как Деций, не был унижен персидским пленом, как Валериан, не утонул в Тибре, как разбитый Константином Максенций, не умер в таких мучениях, как Галерий и Максимиан Даза.

Итоговая христианизация империи была связана именно с тем, что Церковь осталась фактически единственным бастионом

цивилизации и городской культуры среди захлестывавших империю форм варварства. И именно поэтому, чтобы сохранить хотя бы остатки цивилизации и порядка, альянс императоров с Церковью был неизбежен. Он наметился уже при Диоклетиане, большинство реформ которого проводились при деятельном участии христиан, но потом Диоклетиан, поддавшись варвару и колдуну Галерию, развязал новое страшное гонение, а вся честь союза Империи и Церкви досталась св. Константину.

Не Христианство убило Римскую Империю. Крах империи был предопределен её рождением и её уродливой конфигурацией, которая не развивала, а подтачивала жизненные силы и цивилизации средиземноморских народов. Христианство же было наиболее консервативной и цивилизованной силой. В III-IV веках друг другу противостояли не дикий христианский фанатик против утонченного и разочарованного жизнью языческого философа, а напротив, — образованный ритор и философ-христианин (Тертуллиан, Ориген, Василий Великий, Григорий Богослов) против ненавидящего всю городскую цивилизацию грабителя-солдафона, поклоняющегося Митре и Изиде, но неспособного поставить заслон ни готам, ни гуннам, ни вандалам.

Так или иначе, именно окончательная победа христиан во главе с Константином Великим в длительной язычески-христианской религиозной гражданской войне положила основание византизму. Христианизированная власть не была властью деспота. Обращение Константина Великого было обращением частного человека, однако достаточно авторитетное и для правительственного аппарата Империи, и для её граждан. Романско-христианский синтез, породивший Византию, был основан на парадоксальном сочетании этих двух начал — Православие стало всеобщим и универсальным исповеданием империи на том основании, что граждане Империи как частные лица были христианами. Имперская организация сплелась с церковной через идею тождества гражданина и христианина при первенстве церковной идентификации. Византизм

был социальной проекцией Халкидонского догмата о «неслитном, неизменном, нераздельном и неразлучном» соединении совершенного Божества и совершенного Человечества в Богочеловеке Христе при первенстве божественного начала.

Безжалостный критик Империи Орозий, цитированный нами выше, показывает то главное и бесценное благо, которое, все-таки, принес Рим — универсальное Христианство и универсальное право, единую нравственную гуманистическую среду, в которой упразднение многоначалия человек является лишь отражением упразднения многобожия идолов. Но только эта похвала имеет смысл лишь после критики кровавой жестокости, грабежа, насилия над народами, которая была дана Орозием перед этим.

«Недуг войн, которым были истощены наши предки, нам неведом. Мы рождаемся и старимся в том покое, который предки чуть вкусили после правления Августа и рождества Христова; то, что для предков было необходимой платой за неволю, для нас — добровольное пожертвование за защиту, и различие между прошедшими временами и настоящими таково: тех, кого прежде Рим ради удовлетворения неги своей оттеснял мечом от наших границ, теперь во благо общего государства он сам объединяет с нами...

Прежде, когда войны бушевали по всему миру, всякая провинция жила со своими правителями, по своим законам и по своим обычаям, и не было общности отношений, когда вступали в борьбу разные интересы; что же наконец привело к единству вольные варварские племена, которых, соблюдавших священные культы, разобщила сама религия?

Если же кто, принужденный тогда суровостью несчастий, побежденный, оставлял врагу родину, в какое неведомое место он, не известный никому, мог идти? Какой народ, врага, в общем-то, молить? Кому мог доверить себя при первой встрече, ни общностью имени не влекомый, ни схожестью

закона не притягиваемый, ни единством религии не успокаиваемый?..

Для меня же, бросившегося в бегство при первых признаках бури, дабы найти убежище в тихом месте, всюду моя родина, всюду мой закон и религия моя...

Ширь востока, бескрайность севера, безбрежность юга, обширнейшие и безопаснейшие земли больших островов являются обителью права моего и имени, ибо я, римлянин и христианин, прихожу к христианам и римлянам. Я не боюсь богов принимающего меня хозяина, я не боюсь, что религия его принесет смерть мне, я не знаю такого места, где бы и обитателю его было бы позволено совершать все, что вздумается, и прибывшему чужеземцу не было бы позволено получить то, что подобает, где бы право хозяина не было моим правом; ибо всеми почитается и всем внушает благоговейный страх единый Бог, Который во времена, в которые Сам захотел явить Себя, установил это единство власти; повсюду господствуют те самые законы, которые были даны единым Богом; в какое бы место я незнакомцем ни прибыл, я не боюсь там, словно беззащитный человек, подвергнуться внезапному насилию. Я, как сказал, римлянин среди римлян, христианин среди христиан, человек среди людей, молю государство о законах, совесть о религии, природу о единстве». (Oros. V, I-II)

Взгляд Орозия, впрочем, довольно оптимистичен — он забывает и об ужасах римских гражданских войн и междоусобиц, которые были едва ли не разрушительней завоеваний, да и нашествие готов и прочих ему пока видится в слишком розовом свете — ну взяли готы раз Рим — и будет. Он еще не предвидит погружения во тьму постримской эпохи.

Цена «Pax Romana»

Критика Римской Империи Павлом Орозием, как и экономическое обоснование подобной критики М. И. Ростовцевым, исходят из общих предпосылок — римская экспансия была кровавой похотью власти, разрушившей благоустроенные государства, народы и экономики, а следствием абсолютного могущества Рима стал упадок его собственных сил, неспособность защитить объединенную мечом ойкумену. Победы Рима были и его собственным, и общим для цивилизованных народов поражением. Однако Христианство принесло своего рода искупление первородного греха зарождения Империи, дав то нравственное и духовное наполнение безблагодатной политической форме, которой являлась языческая империя.

Христианство смогло спасти то из эллинистической цивилизации, что еще можно было спасти. Но, что весьма характерно, спасти античную цивилизацию удалось прежде всего на Востоке, то есть там, где цивилизационный слой был более толстым, где сохранялся эллинский гений, ориентированный на интенсивное, а не экстенсивное культурное развитие, и где благодаря парфянам и персам, торговле с Индией и даже с Эфиопией, сохранилась минимальная цивилизационная и экономическая вариативность, которой на Западе вовсе не осталось. Те регионы, которые вынуждены были вариться исключительно в латинском имперском котле, были обречены на долгую и темную ночь, торжество варваров и тотальной культурной деградации.

Уровень, минимально близкий к эллинистическому, был достигнут в Европе только к XVIII веку, а затем и благополучно превзойден промышленной революцией. Той самой революцией, которой не могло быть в античности — коллапсировавший внутренний рынок Империи ни разу не ставил задачи создания отраслей, требующих производства с возрастающей отдачей, при которых поиск новых источников энергии и способов производительности труда, мануфактурное и машинное производство имели бы смысл.

Североевропейский (ставший затем глобальным) мир-экономика нового времени радикально отличался от римского тем, что отчаянно сопротивлялся политической нивелировке и этим, в частности, было продиктовано и восстание против Рима, — теперь уже не императорского, а папского. Вся новоевропейская система была построена на старательном поддержании экономического, политического и культурного плюрализма (не путать до какого-то времени с «толерантностью» — напротив, это был плюрализм отчаянной конкуренции).

Европа Наций смогла пробить планку, тысячелетиями сдерживавшую развитие человечества (биологический и хозяйственный «старый порядок», о котором так ярко пишет Бродель) именно благодаря своему соревновательному духу, столь близкому к агональному духу греков. Римляне же, напротив, агонального чувства были лишены совсем — о чем ярко свидетельствует феномен гладиаторских игр, идея которых состоит именно в том, что «третий радующийся» получает удовольствие от бессмысленной кровавой борьбы двух в равной степени жертв (политика *divide et impera* и упоение властью в миниатюре).

Именно благодаря Христианству римское начало стало универсальным для множества народов. Но и в этом искупленном состоянии Империя устояла лишь на Востоке, то есть там, где она стала, по сути, греческой, эллинистической, а не римской империей. Византия была христианским реваншем эллинизма над латинским Римом. Напротив, в латинском мире, на Западе, империя потерпела крах, и никакие средневековые попытки возродить её, предпринимавшиеся франками, германскими императорами, папством, Габсбургами, так успехом и не увенчались.

Об этом важно помнить, так как в наши дни, благодаря престижу античности, принесенному Ренессансом и Просвещением, происходит постоянная подмена христианской империи языческим империализмом. Говоря о римском начале, мы с воодушевлением воображаем себе серебряные орлы легионов, отточенную сталь

мечей, развевающиеся перья султанов шлемов военных трибунов, мы представляем себе укрепленные каstrумы, и строгий надежный порядок лимеса, разделяющего варварство и цивилизацию.

Однако с христианским святоотеческим взглядом на Римскую Империю эта мечта не имеет ничего общего. Напротив, воображаемый нами сегодня империалистический образ Рима — это как раз представление той военной машины, которая принесла народам неисчислимы страдания и беззакония. Своё оправдание эта концентрированная железом и кровью власть получила лишь в христианском порядке, установленном в константинову эру.

Характерно, что в своём учении о Третьем Риме Филофей никак не обращается к этому языческому имперскому наследию, он говорит о христианском Риме, Риме христианских государей и пап, бывших некогда адамантами православия. Говоря о падении первого Рима, Филофей не говорит ни об Аларихе, ни о вандалах, ни об остготах или лангобардах, ни об иных варварах. Он говорит о падении этого Рима «аполлинариевой ересью» (к которой приравнивалась латинская традиция служения на опресноках). Падением первого Рима был не крах выстроенной язычниками на крови народов формы империи, а утрата западной частью христианского мира истинного православного вероучения.

Не Рим Катона, Мария или Адриана, был тем «первым Римом», по отношению к которому «третьим» стала Москва, а Рим императоров Константина и Феодосия, пап Льва и Григория Великого. Россия приняла и содержит в себе полноту Христианского Царства. Запад, с его всё усиливающимся гегемонистским режимом, пытается вновь породить из себя языческую империю — заходя то со стороны фашистской, то со стороны либеральной. Исследование М. И. Ростовцева весьма удачно показало цену, в самом буквальном смысле — денежную и материальную цену, этого языческого империализма — не только в процессе создания господства, но и в результате полного имперского торжества. Цена эта оказалась для древней ойкумены неподъемной.

МУЧЕНИКИ ПРОТИВ МАГОВ

Гражданская война в Римской Империи

В основе православного мировоззрения, как византийского, так и русского, лежит взгляд на мир, на жизнь человека и особенно на историю как на область могущественных деяний Божиих. Нет на свете мировоззрения более далекого от деистического представления о Боге как о «часовщике», чем православное. Как нет на свете и мировоззрения менее располагающего к вере в «предопределение» как в неизменность индивидуальной судьбы и, соответственно, полную бессмысленность истории и богочеловеческого действия в ней. Православные Христиане и в Византии и на Святой Руси верят в историю своей империи и своей Церкви как в новозаветное продолжение библейской священной истории, в которой Бог ради ведомых Ему целей возвышает и уничтожает царства, передвигает народы, призывает к себе людей на служение.

Тот комплекс идей, представлений и мнений об истории и политике и влиянии на них Бога и святых мы обозначили словом (несколько, быть может, современным) *«агиополитика»*. Агиополитические объяснения для православных христиан были столь же естественны (а главное — действительны) для них, как для нас — объяснения, связанные с конъюнктурой мировых рынков или с деятельностью спецслужб.

И одним из наиболее интересных и, в то же время, забытых эпизодов истории Империи и Церкви была история гонений на христианство в Римской империи. История почти трехвековой борьбы мучеников с величайшей всемирной империей, и их конечного торжества. Этот исторический период тем более для нас интересен, что его история практически полностью была сфальсифицирована протестантски-секулярными историками XVI–XIX веков, категорически отвергавшими древнехристианскую идею симфонии церковной и

светской власти, отрицавших вообще какую-либо сущностную связь Церкви и государства, исключавшими возможность коммуникации между христианским и римским началом.

Лежавшее в основании протестантского взгляда на историю «августинианство» (далекое, впрочем от аутентичного агиополитического учения самого Августина) заставляло их противопоставлять «Град Небесный» и «Град Земной», так что история их взаимоотношений писалась как история безусловного и жестокого столкновения, которое закончилось своеобразным «падением» Церкви, принявшей покровительство императоров. Мученики представлялись непримиримыми диссидентами римской эпохи, а вражда самой империи против христиан — как безусловная, всеобщая и непрерывно длившаяся три столетия.

К сожалению, российские православные церковные историки были настолько подавлены в этом случае западной историографической традицией, что приняли ее без дискуссий и сомнений. Они лишь уточняли детали или корректировали ее в духе, казавшемся им православным. Как следствие мы до сих пор не имеем подлинной православной истории первых веков Церкви, мы, по сути, ничего не знаем о той масштабной духовной гражданской войне, которая раздирала Рим во II–III веках, а соответственно внешняя история смуты и упадка Рима в III веке не находит должного освещения. Автор этих строк предлагает читателю лишь первые попытки начертить иную нежели секулярно-протестантская перспективу первых веков истории Церкви — пока еще в самом общем и приблизительном виде.

Бог и римские императоры

Римская империя еще до обращения императоров в христианство стала для Церкви исключительно значимым объектом и субъектом агиополитики. Уже апостол Павел употребил загадочное выражение «катехон» — «удерживающий», обозначив так силу, которая

препятствует открытию в мире «мистерии аномии» — «тайны беззакония». По наиболее авторитетным святоотеческим толкованиям и, прежде всего, толкованию Иоанна Златоуста, он имел в виду римскую власть, чей железный порядок препятствует воцарению хаоса, выходом из которого станет власть антихриста.

Заинтересованность христиан в существовании Pax Romana служила для христианских апологетов важным аргументом, обосновывавшим лояльность христиан к империи и заинтересованность в её существовании: «Мы знаем, — писал Тертуллиан, — что устрашающие бедствия, грозящие миру в конце его, отсрочены, пока стоит римское государство. Мы не хотим этих страхов и молимся о многолетию римского государства».

Однако «богословие империи» не исчерпывалось этим отрицательным аспектом, пониманием империи как силы порядка посреди моря хаоса. Не менее, а может быть, и более существенным было понимание миссии империи, её мистического предназначения как инструмента провидения, как той политической среды, которая предназначена для существования Церкви и распространения веры Христовой. Представление о провиденциальной миссии империи не было какой-то частностью, малораспространённым и поздним мнением некоторых авторов — но, напротив, широко распространённым убеждением.

Христиане были искренне убеждены, что мир, порядок и благоденствие Римской империи принесены ей именно рождением Спасителя в пределах римских и являются благодатью, сошедшей с Христом на империю, а с другой стороны — они же являются условием распространения евангельской проповеди.

«Наша философия окрепла и утвердилась сначала у варваров; расцвет же ее у твоего народа приходится на великое царствование Августа, твоего предка, — писал Марку Аврелию один из выдающихся церковных апологетов Мелитон Сардийский, — Она принесла счастье твоей империи: с тех пор

росли и мощь, и слава Рима. Ты желанный наследник их и пребудешь им вместе с сыном, храня философию, которая возросла вместе с империей и получила начало с царствованием Августа; предки твои чтили ее, как и прочие религии. А вот неоспоримое доказательство, что на благо счастливо начавшейся империи росло и крепло наше учение: начиная с царствования Августа на Рим не надвигалось никакой беды, наоборот, по молитвам всех все было прекрасно и славно. Только Нерон и Домициан, подстрекаемые какими-то злодеями, пожелали оклеветать нашу веру и с тех пор, по бессмысленному обычаю доносить, на нас льются потоки лжи. Твои благочестивые предки старались исправить это невежественное представление: часто отправлялись письменные выговоры тем, кто осмеливался вводить какие-то новшества относительно христиан».

Обратим внимание на логику Мелитона. Вопреки исследованиям новоевропейских ученых, видевших в гонениях регулярную практику Римской империи, естественно вытекавшую из её языческой теократической природы, христианские апологеты (и обратного мнения у них мы практически не найдем) смотрели, в полном согласии с античной политической теорией, на гонения как на проявление тирании. Гонения воспринимались как практика худших, а не лучших императоров, практика тех, чье имя было проклято и уничтожено сенатом после тираноубийства.

Строго говоря, большинство гонений рассматривалось христианами как результат заговора — и, обычно, по факту им являлось.

Именно такая точка зрения последовательно проводится и апологетами, и Евсевием Кесарийским в его «Церковной истории», и Лактанцием в его трактате «О смерти гонителей». Составляющими элементами этого заговора были иудеи, клеветавшие на христиан везде, где могли и как только могли, языческие философы — прежде всего, — стоики и их верные союзники киники («пропагандистский орден стоиков» — как именовал их русский историк М.С. Корелин) и

особенно жрецы, видевшие в христианах опасных конкурентов и разрушителей их духовной монополии, и беснующаяся кровожадная толпа, которая и верила клевете о «людоедских обрядах» христиан, и желала попользоваться от разграбления их имущества и, что особенно важно, развлечься жестокими казнями.

Мы ничего не поймем в мученических актах, в их сути и в форме их изложения, если не будем помнить о крайней замороженности римлян цирком и амфитеатром, бывших, по справедливому замечанию А.Ф. Лосева, высшей квинтэссенцией римской идеи и римского эстетического чувства, синтезом идеи абстрактной вселенской власти и конкретной кровавой жестокости. Римляне были поистине упоены жестокостью звериных травль и гладиаторских боев, и мучение христиан воспринималось ими как одна из форм этого наслаждения. Но, что интересно, так же воспринимали дело и многие христиане — публичные мученичества они рассматривали как состязание с язычниками и демонами, в которых носители истинной веры одерживают блистательную победу. Многим из первых христиан был присущ даже своеобразный восторг мученичества, как, например, св. Игнатию Антиохийскому:

«Хорошо, если бы звери были мне уже готовы; молюсь, да будут готовы послужить мне. Я буду ласкать их и уговаривать поскорее съесть меня, а если они не захотят, я их заставляю... Пусть огонь, и крест, и стая зверей; пусть разбросают мои кости, отрубят члены, смелют в муку все тело; пусть придут на меня муки диавола — только бы встретить Иисуса Христа».

Сутью этой победы было лишение язычников их обычного удовольствия — наслаждения мучением как властью. Львы и другие дикие животные отказывались прикоснуться к мученикам, христиане, поджариваемые на жаровнях, задыхающиеся в смраде собственной опаленной плоти, повторяли только своё обычное исповедание: «Christianus sum». Древнейший и лучший, наверное, образец «циркового» мученичества, акты лионских мучеников — это

победная песня цирковой победе гладиаторов Христовых над ненавистью и кровожадностью толпы.

«Матура, Санкта, Бландину и Аттала бросили в амфитеатре зверям и языческой бесчеловечности, как зрелище; ради наших был назначен особый день травли. Матур и Санкт прошли в амфитеатре через все мучения, будто раньше вообще ничего не претерпели; вернее, как уже одолевшие противника во многих схватках и ведущие борьбу за самый венок, они перенесли опять принятый в тех местах переход от бичевания к бросанию зверям и вообще всё, что со всех сторон требовал обезумевший народ. Их, наконец, посадили на железное кресло; чад от поджариваемых тел окутал их... Так как мученики в этом длительном состязании по большей части оставались живы, то в конце концов их закололи. В течение этого дня вместо пестрого разнообразия звериной травли зрелищем служили только мы.

Бландину решено было повесить к столбу на съедение зверям. Вид ее, словно распятой на кресте, ее горячая молитва внушали много рвения состязавшимся: благодаря сестре телесными глазами увидели они Распятого за нас; да убедятся уверовавшие в Него, что каждый пострадавший за Христа находится в вечном общении с Богом живым. Так как ни один зверь не прикоснулся к Бландине, то ее сняли со столба и опять отправили в тюрьму. Она сохранялась для другого состязания: да одержит победу во многих схватках и сделает неизбежным осуждение коварного змия; да одушевит братьев она, маленькая и слабая, ничтожная — и великий непобедимый борец за Христа, одолевшая врага во многих схватках и за эту борьбу увенчанная венцом бессмертия».

Мы совершаем большую ошибку, когда представляем себе Римскую империю эпохи принципата как централизованное бюрократическое государство, в котором всё делалось по слову императора. Империя представляла собой федерацию независимых

в своих внутренних делах и организации полисов, соединенную лишь общей военной властью, а также императорским авторитетом, подкреплявшимся довольно слабой финансовой и судебной администрацией.

Даже самые деспотичные из императоров были деспотами прежде всего по отношению к сенатскому сословию, в то время как граждане империи воспринимали их благодетельную власть прежде всего как апелляционную инстанцию в случае тех или иных недоумений. Именно с этим, кстати, было связано и обилие апологий, адресованных императорам, — на них смотрели не как на инициаторов гонений, а наоборот — как на силу, к которой можно апеллировать при произволе местных властей.

До Марка Аврелия гонения на христиан и в самом деле если и существовали — то, прежде всего, произволом местных общин или же тиранией худших из императоров. Протестантская историография создала устойчивый миф о «рескрипте Траяна» установившем постоянное гонение на христиан «за одно только имя». Этим рескриптом было объявлено сохранившееся в переписке императора и Плиния Младшего письмо Траяна следующего содержания.

«Установить здесь какое-нибудь общее определенное правило невозможно. Выискивать их незачем: если на них поступит донос и они будут изобличены, их следует наказывать, но тех, кто отречется, что они христиане, и докажет это на деле, т.е. помолится нашим богам, следует за раскаяние помиловать, хотя бы в прошлом они и были под подозрением. Безымянный донос о любом преступлении не должно приобщать во внимание. Это было бы дурным примером и не соответствует духу нашего времени».

Если рекомендация Траяна наместнику что-то и устанавливала, так только запрет на гонения, коль скоро таковые гонения связаны всегда с розыском, с попыткой охватить всех преступников.

Возглавляя языческую империю, будучи осведомлен Плинием о множестве христиан, в том числе и занимающих высокие должности, Траян предлагает своим подчиненным попросту закрыть глаза на это множество христиан и реагировать лишь тогда, когда языческое законодательство не оставляет другого выбора — в случае открытого и публичного доноса. Большого Траян, вероятно, и не мог сделать в то время и с ограничениями (да-да, с ограничениями), налагавшимися на него его должностью.

Юрист Тертуллиан довольно иронично характеризует эту логику Траяна как совершенно антиправовую:

«О решение, по необходимости смешенное! Он утверждает, что людей этих не должно отыскивать, как невинных, а вместе с тем повелевает наказывать их, как виновных. Он щадит и свирепствует; он скрывает и открывает. Зачем ты проводишь себя самого таким решением? Если осуждаешь, то почему не отыскиваешь? Если не отыскиваешь, то почему и не освобождаешь? Для отыскивания разбойников избирается по жребию военная стража во всех провинциях. По отношению к виновным в оскорблении императорского величества и по отношению к общественным врагам всякий человек есть воин. Розыски распространяются на соучастников и свидетелей. Одного только христианина не дозволено отыскивать, а представлять дозволено, как будто отыскивание имеет сделать что-либо другое, кроме представления. Итак вы осуждаете представленного, которого никто не хотел отыскивать, который, мне кажется, уже не потому заслужил наказание, что виновен, а потому, что найден тот, которого не должно было найти».

Весьма любопытно и следующее наблюдение Тертуллиана, который, указывая на очевидно антиправой характер судопроизводства о христианах, отмечает некую мистическую загадку, без которой этот антиправовой характер объяснить невозможно:

«Вы поступаете с нами не по закону судопроизводства над преступниками и в том еще, что их, если они отрекаются, вы подвергаете пыткам для того, чтобы они признались, а нас — для того, чтобы мы отреклись. Но если бы действительно то было зло, что мы открыто признаем; то тогда мы, конечно, стали бы отрекаться, а вы принуждены были бы заставлять нас к признанию пытками...

Человек говорит во всеуслышание: я христианин. Он говорит то, что он есть; а ты хочешь услышать то, что он не есть. Вы, заботящиеся об открытии истины, от одних только нас стараетесь услышать ложь. Он говорит: я то, о чем ты спрашиваешь, я ли это. Зачем ты толкаешь меня на ложь. Я признаюсь, а ты подвергаешь пыткам. Что же ты стал бы делать, если бы я стал отрекаться? Другим, если они отрекаются, вы, конечно, не легко верите; а нам, если мы отрекаемся, вы тотчас верите.

Такое извращение должно было бы навести вас на ту мысль, не скрывается ли здесь какая либо тайная сила, которая заставляет вас поступать вопреки формы, вопреки обычая судопроизводства и вопреки также самих законов».

Насколько можно ясно Тертуллиан дает аудитории его «Апологии» — римским судьям и администраторам, понять, что не деяния христиан, но исповедуемое ими священное имя Иисуса подвергается гонению. Отступление от формы, принуждение к отречению от «преступления» вместо наказания за него связано именно с мистической силой имени, которая и составляет подлинную опасность для жрецов, магов и стоящих за ними существ, поработивших души граждан империи. Преследования христиан — это магический заговор

«Поелику вы поступаете с нами во всем иначе, чем с прочими преступниками, домогаясь одного, чтобы мы отреклись от своего имени... то отсюда вы легко можете понять, что в деле нашем нет

никакого преступления, а есть только имя, которое какой-то дух враждебной силы преследует».

Впрочем, уже Траян, как мы отметили, старался предельно смягчить преследования христиан, сведя их к минимуму. Мало того, на период правления Адриана и Антонина Пия приходится очевидное смягчение не только политики императорской власти, но и мнения её о христианах, что невозможно не связать с иудейским восстанием Бар-Кохбы в Палестине, в ходе которого восставшие расправлялись со всеми христианами, не признавшими лжемессию. Императоры уже научились воспринимать отличие христиан от иудеев, осознали их как противников — и антииудейская политика Адриана не могла, конечно, потакать подстрекательствам против христиан.

Евсевий Кесарийский приводит послания Адриана и Антонина Пия, ограничивающие или вовсе запрещающие преследования христиан. Разумеется, секулярно-протестантской историографией они объявлены апокрифами... На том лишь основании, что не соответствуют представлению этой историографии о перманентном гонении. Но, в любом случае, историк IV века гораздо лучше знал обстановку во II-м и обладал гораздо большим массивом документов — и если не из прямых, то из косвенных утверждений Евсевия все-таки придется сделать вывод о запрете средних Антонинов преследовать христиан.

Так, комментируя появление гностиков, Евсевий связывает это разрушавшее Церковь изнутри течение как раз с тем, что в эпоху Адриана враг лишился возможности уничтожать Церковь внешними гонениями: «Демон, ненавистник прекрасного, враг истины, неустанный противник человеческого спасения, ополчился на Церковь, пустив в ход всяческие уловки; раньше он подготовлял гонения извне, теперь, лишенный этой возможности, воспользовался, чтобы губить души, услугами обманщиков и фокусников; изобретая разные способы борьбы, выдумывал он всяческие средства, чтобы эти фокусники и обманщики,

прикрываясь именем нашей веры, увлекали души уловленных ими верующих в глубину погибели».

Гражданская война в империи

Лишь начиная с Марка Аврелия, «императора-философа», гонения некоторых императоров против христиан принимают более централизованный, осознанный и однозначный характер. Никакого парадокса здесь нет. Репутация Марка как «лучшего из императоров» основана на странном недоразумении — писать философские трактаты еще не значило быть хорошим правителем. Напротив, всё, что мы знаем о Марке Аврелии, говорит о нем как о человеке лицемерном, равнодушном, жестоком и правителе дурном. Император тяготился своей должностью, и свои private философские размышления наполнял рассуждениями о том, как притворяться хорошим правителем, как имитировать поведение любимого народом цезаря.

Быть стоиком, с точки зрения Марка, не значило и быть минимально честным в философской дискуссии, — именно при Марке Аврелии по доносу киника Крискента был казнен философ Юстин, представитель пифагорейско-платонической традиции и основатель христианской философии. Стоики ненавидели и преследовали христиан и, вместе с киниками, не гнушались прямым доношением. Мистицизм христиан в сочетании с непритворной добродетелью выводили этих учителей пессимистического притворства из себя.

Однако дело не только в стоической философии — сам император Марк и его продолжатели были приверженцами магических культов. И именно со стороны магов — действительных демонопоклонников и шарлатанов велась против Церкви систематическая война, продолжавшаяся значительную часть II века и весь III век. Подлинное лицо «заказчиков» гонений довольно точно охарактеризовал Лукиан Самосатский в сатире-памфлете «Александр, или

лжепророк», направленном как раз против всевозможных магов и эксплуататоров суеверий.

«Многие из тех, кто имел разум, придя в себя как будто от глубокого опьянения, восстали против него, в особенности друзья Эпикура. Их оказалось много, и они в разных городах постепенно вскрыли весь его пустой обман и всю театральную обстановку. Тогда Александр устроил для них пугало, говоря, что Понт наполнился безбожниками и христианами, которые дерзают о нем гнусно богохульствовать, и приказывал гнать их камнями, если кто хотел заслужить милости бога».

В этой картине, нарисованной Лукианом, мы можем увидеть подлинные причины того жестокого гонения, которое обрушилось на христиан Малой Азии при Марке Аврелии.

Гонения на Церковь также были нужны чародеям по множеству причин — от политических до «психоэнергетических». Самим фактом своего существования христиане «разряжали» ту плотную и демонически окрашенную атмосферу, в которой чернокнижники не только могли чувствовать себя сверхлюдьми и тайными властителями мира, но и получать огромные доходы от эксплуатации человеческих слабостей и суеверий.

Добавим, что христиане не только «разряжали» атмосферу суеверий, но и исключительно активно боролись с демонами и их служителями. Древние христиане в Римской империи ни в коем случае не придерживались «рационалистического» восприятия языческих культов и магии. Напротив, их подход был весьма реалистичен. Они искренне верили и в магию, и в действенность языческих обрядов, и в способности магов и целителей излечивать болезни и предсказывать будущее. Только они совершенно справедливо связывали все эти достижения магов не с некоей благой силой, а с действием бесов, стремящихся еще сильнее поработить человеческие души.

Вот как характеризует восприятие христиан этой эпохи русский церковный историк А.А. Спасский:

«Древние христиане не только вполне разделяли эту веру в демонов, но и обосновывали её на Св. Писании и выработали, можно сказать, целую теорию демонологии, причем, — замечательный факт! — творцами и защитниками этой теории явились такие высококультурные люди того времени, усвоившие себя всю современную науку, как Иустин Философ, Татиан и Тертуллиан...

Весь языческий мир рисовался в сознании христианина полным всевозможных таинственных сил, всюду присутствующих, всё знающих, везде вмешивающихся и всё направляющих к гибели... «Мир стоит под господством мрачного» (посл. Варнавы), лежит во зле — вот общее моральное ощущение древнего христианина...

Такое, так сказать, чисто физическое ощущение вседеприсутствия демонов должно было поднимать нравственную энергию христиан на высшую точку напряжения... Известно, что древние христиане полагали знамение креста повсюду: на порогах, на дверях дома, на одежды, на постель и на сосуды, из которых они ели и пили. Здесь сказывалось не одно только благочестие».

Акты мучеников полны случаев активного изгнания христианами демонов из людей, из статуй и ненависти к ним за это со стороны жрецов и магов. Именно христианский экзорцизм был главной причиной, делавшей гонения настолько насущными для язычников.

С этого времени мы можем, по сути, говорить о длившейся почти полтора столетия и закончившейся победой христиан духовной гражданской войне, сопровождавшейся всеми обычными ужасами гражданской войны — политическими переворотами, грабежами, убийствами, насилием, внешней интервенцией, чудовищной деградацией хозяйственной и культурной жизни. Не так уж и неправ

был Э. Гиббон, когда приписал упадок классической Римской империи столкновению с христианством. Но вот только приписывание им при этом христианам роли агрессора — совершенно несправедливо. Против христиан, добропорядочных римских граждан, была начата война со стороны магов - и там, где при Адриане и Антонии Пие царило казавшееся идеальным благоденствие, воцарилась отныне мерзость запустения.

При этом, поскольку война шла, разумеется, прежде всего духовными средствами, оружия христиане в ней не применяли, то вступил в действие тот поразительный агиополитический эффект, который Лактанций обозначил как «смерть гонителей».

Марк Аврелий (161–180) — в его правление на империю обрушилось наводнение, нашествие квадов, маркоманов и сарматов, сам император скончался от чумы в походе.

К его правлению относится чудо о дожде: войско императора изнемогало от засухи и жажды, и это грозило его поражением, как вдруг внезапно пошел ливень, утоливший жажду воинов. Христиане считали, что чудо произошло по молитве воинов-христиан одного из легионов, язычники — что по заклинаниям египетского мага Арнуфиса. Спор вокруг происхождения этого чуда стал одним из первых «залпов» в своеобразной информационной войне двух религиозных систем.

Коммод (180–192) — император-гладиатор — несмотря на его крайнюю разнузданность в личной жизни и недостойные забавы, его двенадцатилетнее царствование оказалось на удивление беспроблемным в отношении внешнего спокойствия и благоденствия и удивительно контрастировало с царствованием отца. Не было ли тут причиной то, что к христианам Коммод относился с благодушием, которое приписывалось современниками его «боголюбивой наложнице» Марке?

Впрочем, Коммод, считавший себя земным воплощением Геркулеса, и сам, похоже, весьма скептически относился к экспансии новых

магических культов. Известно его распоряжение жрецам восточных членовредительских культов исполнять их без «ослаблений», — чтобы жрецы Беллоны и в самом деле отрубали себе руки, а жрецы Исиды и в самом деле забивали себя в грудь до смерти. При «гладиаторе» война имперской власти против христиан, начатая «философом», прекратилась, сохранились лишь «инициативы на местах».

Колебаниями была отмечена политика императоров династии Северов, при которых положение империи удерживалось еще в некоторой стабильности.

Септимий Север (193–211) в первые годы своего царствования относился к христианам благоприятно, будучи исцелен рабом-христианином. Однако затем в нем, видимо, возобладал страх перед распространением христиан и усилением влияния Церкви — и он запретил обращение в христианство под страхом смерти. Это было гораздо более сильной мерой, чем просто гонения прежних лет: это была попытка запереть христиан в своеобразном гетто. Логично связать эти меры Септимия с его занятиями магией и астрологией.

При преемниках Севера — **Каракалле**, **Гелиогабале** и **Алекサンドре Севере** (222–235) христианство стало мощнейшим фактором в жизни империи: произошла, по сути, легализация Церкви. Каракалла, даровав гражданство всем подданным империи, значительно ограничил применение пыток и местный произвол по крайней мере по отношению к высшим социальным слоям. Это сказалось на судьбах мучеников в середине III века — сколько бы ни кричала толпа в Карфагене «Киприана ко львам!», но знаменитого предстоятеля христиан власти могли казнить только мечом.

Александр Север был если и не криптохристианином, то человеком, чрезвычайно сочувствующим христианству: он охотно представлял христиан к выборным должностям. Его мать Мамея специально пригласила к себе Оригена и с большим интересом беседовала с

ним. Христиане наконец могли вести открытую жизнь и проповедь, — то есть, казалось, получили то, чего добивались апологеты.

Реакцией на царствование Северов было жестокое царствование **Максимиана Фракийца** (235–238), развязавшего активную фазу римского «смутного времени», продлившуюся полстолетия. Максимин ввел жестокую систему военной тирании, систематического ограбления сенаторов и муниципальной аристократии и обрушился с гонениями на христиан. Прежде всего они коснулись «глав церквей», так что мы можем предположить, что этот солдафон воспринимал христиан как часть ненавистной ему римской аристократии и вообще политического сообщества, бывшего главным противником руководимой им милитаристской фракции. Максимин был убит через три года после начала его кровавого правления.

Гонения на христиан прекратились при **Гордиане** и его кратковременной династии, а затем к власти пришел **Филипп Араб** (244–249), который, по всей видимости, был членом Церкви. Во всяком случае в церковном предании осталась о нем следующая история, переданная Евсевием Кесарийским:

«Рассказывают, что он был христианином и захотел в последнюю предпасхальную всенощную помолиться в Церкви вместе с народом, но тамошний епископ разрешил ему войти только после исповеди и стоять вместе с кающимися на отведенном для них месте. Не сделай он этого, епископ не допустил бы его по множеству взводимых на него обвинений. Говорят, что Филипп сразу же согласился и на деле доказал, что он искренне благочестив и боится Бога».

Довольно закономерно, что победивший в очередном туре гражданской войны первого императора, считавшего себя христианином, фанатичный язычник **Деций** (248–251) развернул в империи первое в истории *всеобщее гонение на христиан*.

Это была атака по всем правилам политики. Речь шла не столько о потакании цирковым инстинктам толпы, сколько о попытке морально сокрушить враждебную партию. Во всех провинциях составлялись списки совершивших жертвоприношение в честь императора, удары гонений обрушивались прежде всего на епископат и влиятельных членов общин, причем их убивали не сразу, а пытались вынудить к отречению пытками и как-то дискредитировать в глазах паствы. Царствование Деция продлилось всего два года и погиб он весьма позорной смертью — во время похода против вторгшихся во Фракию готов он был разгромлен и утонул в болоте.

При преемнике Деция — **Галле** (251–253), последовал весьма выразительный тур духовной гражданской войны. Гонение сперва прекратилось, но затем на империю обрушилась жестокая моровая язва, длившаяся 15 лет. Мы не знаем, была ли она наказанием за нечестие Деция, или же вызвана была действиями магов, но вновь беснующиеся толпы язычников требовали всеобщих очистительных жертвоприношений Аполлону.

И здесь христианами была одержана новая блистательная моральная победа.

«Когда опустошительная эпидемия коснулась Карфагена, — пишет Болотов, — то языческое общество, как совершенно деморализованное, показало себя с самой жесточайшей стороны. Каждый эгоистически заботился только о своей собственной жизни. Узы родства и дружбы, прежде самые тесные, были порваны. Всех заболевших без жалости выбрасывали из домов на улицу; те, которые погибали, оставались на улицах без погребения, и, таким образом, скопившаяся груда разлагающихся трупов угрожала кроме эпидемии новым бедствием от заражения воздуха.

В это время Киприан обратился к верующим в Карфагене с проповедью, в которой напоминал им, что в это время

искушения они должны показать себя достойными своего звания, должны показать, насколько крепки связывающие их узы братской любви; мало этого, должны обратить свое сострадание и на самих язычников.

Под влиянием убеждений Киприана в Карфагене произошло такое нравственное возбуждение, что богатые стали жертвовать своим имуществом, бедные охотно предоставляли в распоряжение руководителей церкви свои услуги. Таким образом, в короткое время улицы Карфагена были очищены от заразных трупов, которые были похоронены, и, таким образом, новая опасность от заражения воздуха прошла сама собою».

При императоре **Валериане** (253–259) конфликт христиан и магов вылился уже в открытую вражду, последние перестали скрывать, что именно они являются главными инициаторами гонений.

Поначалу Валериан относился к христианам мирно и дружелюбно, но в 257 году с ним произошла разительная перемена, описанная современником — епископом Александрии Дионисием:

«Удивительны два облика Валериана, особенно если подумать, как всё шло сначала, как он был кроток и расположен к людям Божиим. Так милостив и благожелателен к нам не был никто из императоров; даже те, о ком говорили, что они открыто стали христианами, не принимали нас с таким явным дружелюбием и любовью, как он в начале царствования. Весь дом его был полон благочестивых людей; это была Церковь Божия.

Но его учитель, глава египетских магов, постепенно убедил его избавиться от них. Он посоветовал ему казнить чистых и благочестивых мужей и гнать, как врагов, тех, кто был помехой для его мерзких, отвратительных заклинаний (есть ведь и были люди, которые могли одним своим присутствием и взглядом, даже только вздохом и звуком своего голоса разрушать все козни демонов-губителей). Он предложил ему совершать нечистые посвящения,

преступные колдовские обряды, богослужения, негодные Богу, убедил губить несчастных детей, приносить в жертву младенцев несчастных родителей, рассматривать внутренности новорожденных, рубить и разрывать создания Божии, будто бы ради собственного счастья».

Как можно судить из посланий священномученика Дионисия, этим «архисинагогом» египетских магов был правитель Египта Макриан. Именно ему, желавшему получить царскую власть для своих сыновей, и приписывается подстрекательство Валериана к гонению. Однако судьба Валериана, как и ранее судьба Деция, продемонстрировала участь гонителей со всей наглядностью — в походе против зороастрийского Ираншахра Валериан был разгромлен и взят в плен (при этом Дионисий считает, что сам же Макриан из своих интересов его и предал). Он жил в позорном плену у шаха, и должен был держать тому стремя, когда Шапур садился на коня.

«Когда же он закончил эту презренную жизнь в таком позоре, — пишет Лактанций, — с него содрали кожу и извлеченными внутренностями окрасили в красный цвет. Затем ее выставили в храме варварских богов в память о славнейшем триумфе и всегда демонстрировали нашим послам, чтобы римляне не слишком доверяли собственным силам после того, как лицезрели у их богов содранную кожу плененного принцепса».

Устранив одного императора, архисинагог начал немедленную войну против его сына и соправителя **Галлиена** (253–268), для этого провозгласив императором своего сына, тоже Макриана, и начал поход на Рим. Однако эта авантюра была разгромлена полководцами Галлиена. Этот император, по выражению церковных историков «даровал церквям мир». Мало того, своими указами он не только отменил гонения, введенные Валерианом, но и возвратил христианам назад их кладбища, места богослужения и признал за христианскими обществами права «коллегий».

Интересно, что против Галлиена языческими писателями явно была развязана информационная война. У «писателей историй августов» (собрания всевозможных сплетен об эпохе римского кризиса) он выведен слабым и безвольным эстетом, «грязнейшей из женщин». Значительно более благоприятную оценку дает Галлиену крупнейший русский антиковед М.И. Ростовцев: «представитель сенатской аристократии, человек с широкими духовными интересами и хорошо образованный». Именно он, по мнению Ростовцева, начал перестраивать империю как военную централизованную монархию. Позитивна оценка Галлиена и у советской исследовательницы В.Д. Нероновой: «Галлиен пытался выправить положение империи. Он оказывал поддержку городам, стремился ограничить произвол чиновников, прекратил преследования христиан, провел реформу конницы...»

Реформы Галлиена вызвали сепаратистские движения в провинциях и все царствование императору пришлось бороться с многочисленными узурпаторами (прозванными «тридцатью тиранами»), «каждый, кто мог, выскакивал в императоры». И тем не менее Галлиену удалось удержать власть рекордные для той эпохи 8 лет. Занимавшие один за другим после убийства Галлиена императоры **Клавдий Готский** (268–270), **Аврелиан** (270–275), **Проб** (276–282) не предпринимали против христиан ничего дурного. Как можно судить — связано это с тем, что они были язычниками или митраистами, но никак не приверженцами магических культов.

Мало того, именно с Аврелиана началась традиция участия императоров во внутрицерковных спорах. Когда епископы востока обратились к нему с просьбой вынудить освободить церковные здания еретика Павла Самосатского, который был отлучен, но которого поддерживали правители сепаратистской Пальмиры, Аврелиан, убедившись, что римский епископ выступает против Павла, принудил того церковную собственность отдать. Лишь в самом конце правления поклонявшийся Sol Invictus император отдал (или собирался отдать) распоряжение о принуждении христиан к

язычеству, но почти немедленно погиб от руки убийц. Возможно, что среди этих императоров были и криптохристиане, в частности, известно, что первый епископ Константинополя св. Митрофан был племянником императора Проба.

Смерть гонителей

Поддержка христиан и опора на них была одним из залогов успехов императоров, пытавшихся навести в империи порядок. При этом надо понять, что в самой империи христиане представляли не революционный, а напротив — консервативный элемент. Революционерами в Риме III века были милитаристы, армейские круги, укомплектованные преимущественно крестьянством из недороманизированных провинций.

Основную задачу эти круги видели в превращении империи в рабовладельческое поместье при армии — чрезвычайные реквизиции и регулярные военные налоги (*аннона*) разоряли население, представители городской аристократии — куриалы, разбегались под тяжестью возложенных на них повинностей. Магические суеверия находили свою почву именно в этой среде, провинциальная солдатня более чем кто-либо верила магам и манипулирующим ими бесам.

В то же время христианство было прежде всего городской религией, религией среднего класса полисов, религией предпринимателей, юристов, риторов и учителей, медиков и землевладельцев, религией среднего образованного слоя. Оно выражало настроения тех слоев общества, которые наиболее заинтересованы были в порядке и ограничении солдатского своеволия.

Мало того, христиане были наиболее надежным для правительства кадровым и управленческим элементом. Как можно судить — большую часть своего правления, с которым было связано восстановление в империи порядка, император **Диоклетиан** (284–

305) опирался именно на христианские элементы. Казалось, империя и Церковь достигли максимально возможной гармонии.

«У нас не хватит сил достойно рассказать о том, каким уважением пользовалась до нынешнего гонения вера в Бога Вседержителя, возвещенная Христом всем людям, эллинам и варварам, и как свободно ее проповедовали, — пишет Евсевий Кесарийский, — Об этом свидетельствуют и благосклонные к нам указы императоров, и поручения нам управлять провинциями, и избавление нас от мучительной необходимости приносить жертвы: императоры очень расположились к нашей вере. Что сказать о лицах, живших при дворе, и о самих государях? Своим близким, женам и детям, их близким они разрешали свободно в их присутствии говорить о Боге, разрешали держаться в жизни христианских обычаев; им почти разрешали хвалиться свободным исповеданием веры; служителей-христиан предпочитали другим. В числе их был и знаменитый Дорофей, самый преданный, самый верный слуга, за это особенно чтимый людьми, стоящими у власти. Таким же уважением за свою веру в Бога пользовались известный Горгоний и другие. С каким доброжелательством относились к предстоятелям Церкви прокураторы и правители! Как описать эти многотысячные собрания в каждом городе, эти удивительные толпы людей, стекающиеся в дома молитвы! Старых зданий было мало; по всем городам воздвигали новые обширные церкви. Так шли в то время наши дела: с каждым днем наше благополучие росло и умножалось; ничья зависть нам не мешала, и злобный демон не мог ни очернить нас, ни подстроить людские козни, пока над нами была рука Божия, охранявшая народ, этого достойный».

В семье самого Диоклетиана все, кроме лично императора, были христианами, его двор, находившийся в Никомедии, на востоке, где христианство было распространено достаточно широко, также состоял в значительной степени из христиан. Однако поскольку сам

Диоклетиан христианином не был, он стал жертвой очередного тура магической реакции.

Сохранился рассказ о том, как некий человек являлся Диоклетиану во сне каждую ночь и требовал от него власти. В конечном счете Диоклетиан воскликнул: «получай власть, которой ты требуешь у меня каждую ночь, и не докучай своему императору, когда он отдыхает». По вполне обоснованному предположению А.Б. Рудакова, речь в этом эпизоде идет об инициаторе «диоклетианова» гонения **Галерии** (293–311), сыне бежавшей из варварских земель колдуньи, получившем от августа Диоклетиана достоинство младшего императора — «цезаря».

Как и следовало ожидать, против христиан были выдвинуты не гражданские или политические обвинения (которые склонны присочинять современные историки), а обвинения чисто магического характера.

«Когда он [Диоклетиан] находился в восточных областях, — сообщает Лактанций, — то, чтобы изучить из страха будущие события, он приносил в жертву скот и по их печени старался узнать грядущее. Тогда некоторые из служителей, знавшие Господа, когда присутствовали среди приносящих жертвы, стали осенять чела свои бессмертным знаком, от действия которого из-за бегства демонов таинства нарушались. Гаруспики заволновались, так как не видели во внутренностях привычных знаков и, как бы получив недоброе предзнаменование, приносили жертвы вторично. Но закланые жертвенные животные ничего не показывали, пока глава гаруспиков Таг, то ли по подозрению, то ли разглядев что, не сказал, что жертвы не отвечают потому, что в священнодействиях участвуют непосвященные. Взбешенный (император) приказал тогда, чтобы не только те, что прислуживали при обрядах, но и все бывшие во дворце принесли жертвы, а если кто откажется, наказывать тех плетьюми».

Вслед за двором, где Диоклетиан был запуган страхом не получить магическую помощь «древних богов», гонения распространились на армию, в которой в наибольшей степени удерживалось магическое мировоззрение. Однако Диоклетиан ограничился лишь увольнением солдат-христиан с военной службы, и лишь под давлением Галерия император начал и всеобщие гонения.

«Старик долго противоборствовал ярости [Галерия], показывая, что было бы опасно беспокоить державу, проливая кровь многих людей, ведь обычно они охотно идут на смерть; будет достаточно того, что он оградит от той религии только дворцовых служащих и воинов. Однако он не смог отвести безумие этого буйного человека...»

Окончательное распоряжение о гонениях было получено Диоклетианом от оракула Аполлона. Таким образом, заключительное общее гонение было вновь открытым проявлением шедшей в Риме уже более столетия гражданской войны между приверженцами Христа и всевозможными магами и колдунами.

Маги ощущали постоянное беспокойство от атмосферы экзорцизма, которую всюду приносили с собой христиане, и стремились противодействовать доступными им методами, через власть правительства, безумие толпы, клевету в исторических и ораторских сочинениях, откровенные подделки, вроде распространенных в ходе последнего гонения «Актов Пилата».

При этом следует заметить, что большинство гонительских вспышек было кратковременным, поскольку императоры-гонители на удивление быстро и неприятно уходили со сцены — в болоте погиб Деций, в персидский плен попал Валериан, не продлилось и 10 лет гонение Галерия, причем закончилось оно фактической капитуляцией не перед христианами как земной общиной, а перед Богом христиан, который, как понял Галерий, оказался сильнее его богов. Уход Галерия, ответственного за кровь наибольшего числа

мучеников, чем когда-либо знало христианство до того, описан Лактанцием весьма красноречиво:

«Бог поразил его неизлечимой болезнью. У него возник злокачественный нарыв во внешней части гениталий, который расплзался все дальше. Врачи вскрыли и залечили его. Но зарубцевавшаяся было рана прорвалась, а кровотечение из лопнувшей вены грозило смертью. И все же кровь с трудом удалось остановить. Пришлось лечить снова, пока, наконец, не появился рубец. Однако от легкого движения тела он вновь открылся так, что крови вышло больше, чем раньше. Сам он побледнел и измучился от истощения сил; правда, тогда кровотечение и прекратилось. Рана перестает воспринимать лекарства, все вокруг нее поражается раком и, сколько б ни срезали опухоль, она нарывает все сильнее, и сколько б ни лечили, все увеличивается....

Отовсюду приглашают знаменитых врачей, но руки человеческие ничего не могли изменить. Прибегают к помощи идолов, взывают к Аполлону и Асклепию, выпрашивая лекарства. Аполлон проявляет заботу — и болезнь становится еще хуже. Порча не уменьшилась, она поразила уже все нижние органы. Снаружи мясо сгнило, и сидалище все разложилось от язв. Однако несчастные врачи не престают лечить и обмывать воспаленные места без надежды на поправку. Болезнь уничтожает пораженный изнутри костный мозг и охватывает внутренние органы, внутри заводятся черви. Смрад от этого распространяется не только по дворцу, но и по всему городу. И это не удивительно, ведь на теле уже слились выходы кала и мочи. Пожираемый червями и сгнивающий заживо, он переносил нестерпимые боли...

К дряблomu сидалищу прикладывают жаркое и свежеспеченную дичь, чтобы жар исторг червей. Когда это снимали, там кишело неисчислимое множество червей, но гораздо большее число паразитов производила тлетворная зараза. Вследствие

отвратительной болезни части тела уже утратили формы. Сверху восковая кожа вплоть до язвы иссохла и из-за страшной худобы застряла глубоко между костей, а снизу и без того раздутые ноги разрослись непомерно. И это продолжалось в течение всего года, до тех пор, пока, наконец, сломленный болезнями, он не был вынужден признать Бога. Терзаемый все новыми страданиями, он время от времени громко кричал, что восстановит храм божий и сполна воздаст за злодеяния».

Капитулировавший Галерий издал эдикт о прекращении гонений и требовавший от христиан молиться за него и государство. «Автор этого указа, после своего признания, вскоре избавился от своих страданий и скончался».

Северо-Запад империи еще ранее был избавлен от гонений, правивший там цезарь, а затем август **Констанций Хлор** (293–306) не допустил никаких преследований христиан, для вида лишь разрушив церковные здания, не допускалось гонений и при его сыне Константине. Зато на Востоке, в Сирии и Палестине правил фанатичный язычник **Максимин Даза** (305–313), гонения которого были наиболее изощренными — он использовал не только казни и пытки, но и провокации (типа публикации клеветнических «Актв Пилата»), организовал движение «гражданского общества» — представители городов сами подавали ему прошения об изгнании с их территории христиан.

Лидером этого антихристианского движения стал некий маг Феотекн, занимавший должность куратора Антиохии. Он не только всеми способами гнал христиан, но и организовал в Антиохии новый языческий мистериальный культ «Дружественного Зевса», «придумал в его честь какие-то нечестивые таинства, чудовищные мистерии, преступные очищения», делал Максиминоу Дазе какие-то предсказания и вообще использовал весь магический инструментарий ради искоренения христианства. Необразованный Максимин в своих указах, написанных за него жрецами, утверждал, что гнев богов на христиан является причиной бедствий и как только

христиане будут изгнаны, наступят мир, процветание и благоденствие.

Небесные благодеяния за гонение превзошли все обещания Дазы. Вот как описывает их Евсевий:

«Обычные во время зимы ливни и дожди не орошали землю в прежнем количестве; неожиданно обрушились голод, чума, к тому же появилась новая болезнь — язва, сопровождавшаяся огненным жаром и за эту особенность названная «антракс». Распространяясь по всему телу, она грозила великой опасностью. Проявлялась она преимущественно на глазах и сделала слепыми бесчисленное множество мужчин, женщин и детей. К этим бедствиям присоединилась еще война с армянами; их, людей, издавна бывших друзьями и союзниками Рима, притом христиан, и христиан ревностных, этот богоборец попытался принудить к жертвоприношениям идолам и демонам и этим сделал их вместо друзей врагами и вместо союзников — неприятелями. Все это обрушилось сразу, в одно и то же время, посрамляя богопротивную кичливость самонадеянного тирана, дерзко утверждавшего, что при нем не будет ни голода, ни чумы, ни войны, ибо он чтит идолов и теснит нас...

Сам он вместе со своими войсками терпел неудачи в войне с армянами; жители подвластных ему городов были вконец замучены чумой и голодом: мера пшеницы стоила 2500 аттических драхм. Тысячи людей умирали в городах, а еще больше в деревнях и селах; из цензовых списков, куда раньше внесено было большое число земледельцев, пришлось чуть ли не всех вычеркнуть: почти все погибли от недостатка еды и от чумной болезни.

Обменивали у более зажиточных самые любимые свои вещи на крохотное количество пищи; распродав по мелочам свое имущество, доходили до крайней нищеты; жевали клочки сена;

съев иногда, не разбирая, ядовитые растения, разрушали свое здоровье и гибли. Знатных горожанок нужда заставила забыть стыд: они выходили на площади и просили милостыни; краска стыда на лице и изящество одежды говорили о том, что они получили хорошее воспитание. Люди, иссохшие, похожие на призраки, боролись со смертью; шатаясь, скользя, не имея сил стоять, они падали на улицах и, лежа ниц, молили подать им кусок хлеба; до последнего вздоха выкрикивали они, что голодны: сил у них хватало только на этот горестный вопль. По площадям и улицам много дней валялись без погребения голые мертвецы — зрелище для глядевших весьма жалостное. Некоторые даже стали пищей для собак. Остававшиеся в живых стали убивать собак, боясь, как бы они, рассвирепев, не сделались людоедами.

Чума наравне с голодом пожирала целые семьи, особенно те, которые, имея запасы съестного, не страдали от голода. Поэтому правители, военачальники и многочисленные магистраты, жившие в достатке, словно нарочно оставленные голодом в добычу чуме, умирали мучительной и скорой смертью. Везде стенания — на улицах, рынках и площадях, всюду только плач, обычные звуки флейт и биение себя в грудь. Таким образом, воюя двумя названными орудиями: чумой и голодом, — смерть за короткое время скосила целые семьи: из одного дома выносили сразу двух-трех умерших».

Посреди этого кошмара, охватившего, впрочем, только сирийско-египетский Восток, как гром пронеслась весть о чудесной победе **Константина** (306–337) над узурпатором Максенцием, которую даровал ему христианский Бог. Об этой победе мы скажем чуть дальше — сейчас же закончим с гонителями. После того, как Константин и август Востока **Лициний** (308–324) провозгласили в Милане режим благоприятствования к христианам, Максимин Даза ненадолго его принял, но затем развязал против Лициния войну. В ходе этой войны войска Лициния, как и ранее войска Константина,

одержали прежде всего духовную победу, превратившуюся в победу военную (в этот момент Лициний, как и Константин был призван под особое божественное покровительство, на высоте которого однако не удержался). Вновь дадим слово Лактанцию:

«Максимин дал своеобразный обет Юпитеру, что если он одержит победу, то имя христиан он сотрет и уничтожит до основания. Тогда же, в последнюю ночь (перед сражением), пред спящим Лицинием предстал ангел Божий, увещевая его скорее подняться и молиться Всевышнему со всей своей армией; если он сделает это, то его будет победа. После этих слов ему показалось, будто он поднялся и встал рядом с тем, кто его увещевал, а тот учил его, каким образом и какими словами ему следует молиться. Проснувшись, он приказал привести писца и прочитал ему следующие слова, согласно услышанному: «Боже всевышний, тебя мы молим, святой Боже, тебя мы молим, всю справедливость тебе вверяем, все благо тебе вверяем, всю империю тебе вверяем. Благодаря тебе мы живем, благодаря тебе существуем в довольстве и счастье. Всевышний, святой Боже, услышь наши молитвы. К тебе руки простираем, услышь, святой всевышний Боже». Их записывают в многочисленных письмах и рассылают препозитам и трибунам, чтобы каждый учил своих солдат. Воодушевились все, кто поверил, что победа была возвещена с неба...

В лагерь донесли, что Максимин приближается. Солдаты хватают оружие и выступают навстречу. Посредине пролегало бесплодное и голое поле, называемое Серенским. Ряды воинов уже видят друг друга. Лицинианцы отбрасывают щиты, развязывают завязки шлемов, простирают руки к небесам и, выйдя перед препозитами, вслед за императором повторяют молитву. Обреченное войско слышит шёпот молящихся. Повторив эту молитву трижды и преисполнившись мужества, они вновь надевают на головы шлемы и поднимают щиты...

Лицинианцы, устремившись в атаку, нападают на противника. Те же в панике не пытаются ни выхватить мечи, ни бросить копья. Максимин принялся кружить вокруг войск и соблазнять солдат Лициния то просьбами, то дарами. Но его нигде не слышат. Подвергшись нападению, он бежит к своим. Его войска начинают безнаказанно избивать — столь большое число легионов и столь великая воинская мощь истреблялись малыми силами. Никто не помнил ни званий, ни доблести, ни старых заслуг, словно они пришли на жертвенную смерть, а не на битву — так Бог всевышний предал их врагам и обрек на заклятие. огромное (их) число уже было повержено».

Как и прежде Галерий, загнанный в угол Максимин запоздало заметался, начал отменять указы против христиан и делать вид, что он устраняет злоупотребления, о которых прежде не знал:

«Тот, кто совсем недавно считал нас губительной язвой для всех, нечестивцами и безбожниками, для которых закрыты были и города, и деревни, и даже пустыни, — пишет Евсевий, — теперь издавал постановления и законы в пользу христиан. Недавно перед его глазами христиан жгли, закалывали, бросали в пищу зверям и птицам, всячески мучили, обрекая на жалкую смерть, как безбожников и нечестивцев; теперь они получают от этого же тирана согласие на свое богослужение, позволение строить церкви и признание некоторых своих прав. После этого признания, как бы в награду, он пострадал меньше, чем следовало бы ему пострадать. Пораженный сразу бичом Божиим, он погиб во втором сражении.

Умер он не так, как умирают военачальники, руководящие ходом войны, храбро сражающиеся за своих близких и ради славы; они мужественно умирали славной смертью на поле битвы. Этот же нечестивый богоборец в то время, как войско его стояло в поле, готовое биться за него, оставался дома и, скрываясь, понес заслуженное наказание: бич Божий внезапно хлестнул его по всему телу; в страшных, невыносимых

страданиях лежал он навзничь и почти умирал от голода; всё тело его таяло в невидимом огне, посланном Богом; целиком исчез, словно растаял, прежний его облик, остались одни сухие кости, нечто вроде старого скелета. Все присутствовавшие смотрели на его тело не иначе, как на могилу души, погребенной в совершенно разрушившемся трупe. Огонь, исходивший из самого мозга, жег его еще сильнее; глаза выкатились у него из орбит — он стал слепым. Однако он еще дышал и призывал смерть, исповедав Господа. Наконец, осознав, что он справедливо страдает за жестокость к христианам, он испустил дух».

Трудно сказать, был ли Максимин отравлен, или покончил с собой неудачным способом, выпив так подействовавший яд, как считает Лактанций.

Наказание постигло и самого Дазу, и память о нем — он был провозглашен тираном, и все его изображения и надписи были уничтожены, — наказали и всю его магическую «команду».

«Лициний, прибыв в Антиохию, стал разыскивать чародеев и, пытая пророков и жрецов новоявленного идола, старался выведать, как сумели они придумать этот обман. Те, измученные пытками, не могли умолчать и объявили, что вся мистерия — это обман, придуманный Феотекном. Все понесли заслуженное наказание; первым казнен был Феотекн, а затем, после многих пыток, и прочие сообщники его волшебства».

Старика Диоклетиана, не враждовавшего лично против христиан, но допустившего начало гонения, повторившего по сути поступок Пилата и Иуды, — предавшего верно служивших ему людей, и постигла иудина судьба. Получив от Константина и Лициния письменный упрек за поддержку Максенция и Максимиана Дазы, он вообразил, что его ждет позорное публичное наказание и покончил с собой.

Грандиозная гражданская война, раздиравшая империю, была безоговорочно выиграна христианами. Победа была тем более поразительной, что христиане составляли меньшинство (правда, организованное меньшинство) и, за исключением последнего этапа, не использовали мирского оружия, напротив, охотно шли на жертву жизнью за одно лишь имя Христа. И, однако, их оружие — молитва и защита Бога — были гораздо эффективней.

Не только христианские, но и языческие авторы не могли не отметить удивительный характер тех бедствий, которые обрушивались на гонителей, то неизменное военное и политическое поражение, которым заканчивалось всякое гонение.

Конечно, и благоприятствовавшие христианам императоры гибли в результате заговоров и мятежей. Обычно это было убийство их солдатами, представлявшими магически-милитаристскую партию. Это вполне соответствовало условиям шедшей в империи гражданской войны и анархии. Но ни один из прохристианских императоров не был позорно разбит в битве на болоте как Деций, не был унижен пленом как Валериан, не утонул в Тибре как разбитый Константином Максенций, не умер в таких мучениях как Галерий и Максимиан Даза.

Знак Константина

Призвание императора Константина было связано с его мистическим обращением, с личной теофанией — явлением Креста Господня. Оно сопоставляется в церковной письменности и, что особенно важно, в литургической традиции, с обращением святого апостола Павла, также получившего личное призвание от Христа и особое апостольское служение — обращение язычников. «Яко Павел не от человеков учение приим».

Значение этой теофании всячески стараются преуменьшить протестантствующие и антиклерикальные историки, для которых св. Константин — вообще главный враг. Они отвергают личное

клятвенное свидетельство Константина о видении на небе Креста Господня, передаваемое Евсевием в «Жизни Константина» (I, 8-31), на основании его мнимого расхождения с информацией Лактанция в его сочинении «О смерти гонителей» (гл. 4). Евсевий говорит, ссылаясь на самого Константина (и его рассказ вошел в церковное предание), о видении Креста на небе и надписи «Сим побеждай», которое затем было разъяснено императору во сне. Лактанций же рассказывает лишь о сне Константина в котором он был предупрежден «изобразить на щитах небесное знамение Божие» (*caelesta signum Dei*).

Даже русские церковные историки (Болотов, Бриллиантов, Спасский) в данном случае идут по стопам протестантов и пытаются «согласовать» два «противоречащих» рассказа — в лучшем случае додумываясь до того, что речь идет о разных событиях. Между тем, никакого «согласования» два рассказа не требуют. Рассказ Лактанция полностью подтверждает Евсевия. Рассказ Евсевия расширяет Лактанция.

Лактанций, излагающий всю историю победы над Максенцием довольно лаконично, вполне сознательно употребляет выражение «небесное знамение» — говорящее о том, что знак, который должен был изобразить Константин на щитах, был виден им на небе, а не где-то еще. «Небесное знамение» не является образным выражением для обозначения крестного знамения — его Лактанций называет «бессмертным знамением» (О смерти гонителей. Гл. 10), да и видеть когда-либо раньше знамение креста на небе, да еще и такое необычное как монограмма, никто из христиан того времени не мог. Крест в то время не имеет никакого отношения к Небу, ни к духовному, ни к физическому.

Вне понимания слов «*caelesta signa*» как отсылки к действительно видению Константином Креста на небе, сама эта фраза полностью бессмысленна, слово «небесное» ничего в этом контексте не означает (в отличие от других контекстов использования этого слова Лактанцием в том же произведении — «небесный храм», «небесные

удары» на богохульников, «небесный престол»). Так что свидетельство Лактанция не только не исключает, но и, напротив, подтверждает свидетельство Евсевия и других авторов о видении Константином именно небесного знамения, лишь подтвержденного и разъясненного затем во сне.

Как Павла это особое служение поставило на особое место среди апостолов, так и Константина его призвание поставило на особое место среди святых, место, связанное с обращением вселенной, утверждением веры и упразднением языческого заблуждения.

«Начав от того Британского моря, — писал Константин в своем законе в пользу христиан, — и от тех пределов, где, по некоторой необходимости, определено заходить солнцу, я при помощи какой-то высочайшей силы гнал перед собой и рассеивал все встречавшиеся ужасы, чтобы воспитываемый под моим влиянием род человеческий призывать на служение священнейшему закону и под руководством Высочайшего Существа возрастить блаженнейшую веру».

Таким образом, служение Константина, воспринятое и его наследниками, это служение апостольское. Причем инструментом этого апостольства является закон, который апостол Павел называл «детоводителем ко Христу». Но уже не иудейский закон, а закон христианский, закон имперский, внешним образом приуготовляющий душу и тело к тому, чтобы они выступили в качестве сосуда для преподаваемой в таинствах и в молитве благодати.

При этом, однако, Константин — не столько начальствующий и законодатель, сколько один из «друзей Божиих», как справедливо отмечает Мейендорф. Его власть — это харизматическая власть, основанная на личном отношении к Богу, личном благоприятствовании и поручении со стороны Христа. Вот как выражает это сам Константин:

«Теперь молю Тебя, всеблагий Боже, под твоим руководством и начал я, и окончил дело; преднося везде Твоё знамя, я вёл победоносное войско и, куда призывала меня какая-нибудь общественная необходимость, следовал за тем же знаменем Твоей силы и шел на врагов. Потому-то и предал я Тебе хорошо испытанную в любви и страхе душу, ибо искренне люблю Твое имя и благоговею перед силой, которую явил Ты многими опытами и укрепил мою веру».

Современные исследователи отмечают и еще один важнейший аспект апостольского служения Константина — служение экзорциста. Как мы уже отметили, II-III века в жизни Римской империи были временем небывалого морального упадка римской «политической религии», в центре которой стояли не боги и не духи, не мифология, а сам Город и его великая история. Упадок римского мирозерцания привел не только к распространению многочисленных восточных культов, среди которых лидировал митраизм, но и к развитию дичайших культов, распространению самых отвратительных магических практик, к настоящему обесению позднеимперского общества. Как отмечает современный исследователь наследия Константина Великого Александр Рудаков:

«В годы правления Диоклетиана власть оккультистов-чернокнижников была так велика, что распространялась... на все общество. По мнению Якоба Буркхарда, волшебники держали империю в немалом страхе, и даже видные и высокообразованные люди опасались подвергнуться исходящей от них опасности.... Чертой императора Диоклетиана, начавшего последнее и самое страшное гонение на христиан, была абсолютная зависимость от всякого рода оккультистов и магов. Древние авторы донесли до нас сведения о том, как однажды некий человек постоянно являлся Диоклетиану во сне, повелевая назначить на высший государственный пост. Император, прекрасно понимая, что стал жертвой парапсихологического воздействия, в конце

концов все же уступил, воскликнув «получай власть, которой ты потребуешь у меня каждую ночь, и не докучай своему императору, когда он отдыхает»».

Подверженность Диоклетиана оккультным и парапсихологическим воздействиям позволяет логично объяснить, почему он всё-таки передал властный ресурс патологически жестокому и неспособному к управлению государством Галерию... Очевидно, такая кандидатура могла быть в наибольшей степени выгодна магам, пытавшимся контролировать императорский двор.

Диоклетианово гонение рассматривалось тогдашними христианами не просто как языческий, но как оккультно-магический переворот. А с точки зрения римской политической теории, как тирания, правление беззаконных императоров, которые правили в противоречие божественным законам, традициям империи и мнению добрых граждан. Насколько сильно было отвращение к тирании у лучших римлян, показывают замечательные слова императора Траяна при вручении им меча префекту преторианцев: «бери этот меч, чтобы пользоваться им для моей защиты, если я буду править хорошо, и против меня, если я буду править плохо».

В Максенции, захватившем власть в Риме и сокрушенном Константином, не только христиане, но и язычники видели типичного тирана. Но это был не просто тиран, а тиран-окультист, насквозь проникнутый верой в магические способы приобретения и удержания власти. Причем до поры до времени его вера полностью подтверждалась реальными успехами. Казалось, что выбить его из Рима не было никакой возможности. Его войска были гораздо сильнее Константиновых. Рим был неприступен. На службы Максенцию были поставлены самые отвратительные оккультные обряды:

«Концом злодеяний тирана стало то, что он вдался в чародейство. Для целей магии то рассекал он беременных женщин, то рассматривал внутренности новорожденных

младенцев, то умерщвлял львов и совершал другие невыразимые мерзости, чтобы вызвать демонов и отвратить наступавшую войну. Этими-то способами надеялся он одержать победу. Тиранствуя таким образом в Риме, — и сказать нельзя, чем не притеснял он подданных» (Евсевий. Жизнь Константина. I, 36).

Сокрушение Максенция Константином и воспринималось современниками и было в действительности двойным актом очищения — тираноубийством и экзорцизмом, одновременной победой силой Креста над служившими тирану демонами, и силой римского оружия, поднятого на защиту права, над тем, кто попрал закон и справедливость. Не только христиане, но и язычники с изумлением смотрели на нового августа как на тираноубийцу, каковыми были и прежде лучшие из императоров. Так что религиозный мессианизм Константина как апостола и экзорциста органично дополнялся его политическим мессианизмом как восстановителя доброго правления, единоначалия и «нового Августа».

Евсевий Кесарийский, оказавший огромное влияние на формирование византийской «политической теологии» так характеризует миссию Константина и его отношения с воплощенным Богом Словом.

«Единородное Слово Божие царствует в веках, не имеющих начала. Он же, Его друг, получивший свыше власть и укрепляемый именованием одноименным Богу, много лет правит всемирной империей. Спаситель всяческих снова делает всё небо, и космос, и вышнее Царство достойными Своего Отца; друг Его приводит тех, кем он управляет на земле, е Единородному слову и Спасителю и делает из них достойных подданных Его Царства».

Как видим, и для Евсевия, и для самого Константина император — не только катехон, но и катехизатор, приводящий народы ко Христу.

Служение императора — это служение Друга Жениха на брачном пире Христа и Церкви. Друг Жениха на свадьбе подводит Невесту к Жениху. Для Ветхозаветной Церкви исполнителем этого служения был Иоанн Креститель, принявший смерть от меча тирана Ирода. Для Церкви Новозаветной, Церкви собираемой от язычников, такую миссию исполняет уже не только апостол Павел, также принявший смерть от меча тирана Нерона, но и равноапостольный Константин, добившийся того, чтобы меч тиранов уже не имел силы над служителями Бога.

И здесь, возвращаясь к началу нашей речи, раскрывается в частности и тайна подлинного «августинизма», подлинного учения святого отца об отношении «двух градов», которое было так существенно искажено сперва в католицизме (в сторону иерократии), а затем в протестантизме — в сторону отрицания связи Небесной и Земной Церкви.

Августин был мыслителем и идеологом «константиновской» эры, жил через столетие после святого императора и ему были понятны волновавшие тогда римское общество споры. И прежде всего спор о том, какова основа могущества Рима. Язычники считали, что в помощи языческих богов, демонов, изгнав которых, христиане обрекли Рим на упадок. Августин же защищал христианскую точку зрения, согласно которой языческие боги были не более чем обманщиками, водившими доверчивых римлян за нос. Подлинное же основание величия Рима он видел в Константиновом обращении, в основании империи на силе христианского Бога. И это его провидение блестяще подтвердилось, правда, не на Западе, а там, где к призыву строить империю в лоне Церкви отнеслись всерьез — в Византии.

Агиополитический совет Августина актуален и сегодня:

«Обратись же к этому, столь богато одаренный природой римский народ, потомство Регулов, Сцевола, Сципионов, Фабрициев! Обратись и предпочти это гнусной пустоте и коварному

зложелательству демонов. Если даровано тебе природой что-либо прекрасное, оно очистится и усовершенствуется посредством истинного благочестия; нечестие же его погубит, навлечет на него наказание... Тебе была некогда присуща такая слава, но истинной религии у тебя не было. Пробудись, ибо настал день; пробудись, как пробудились уже лучшие из твоих сынов, чьи доблесть, страдания и даже смерть за истинную веру приобрели нам настоящее отечество. В это отечество мы зовем и тебя, и убеждаем присоединиться к числу его граждан. Не слушай своих вырожденцев, отвлекающих тебя от Христа и жалующихся на якобы дурные времена: они желают таких времен, которые не столько обеспечивали бы спокойствие жизни, сколько безопасность их распутства. Но ты ведь сам никогда не одобрял этого и в земном своем отечестве. Теперь же овладевай небесным, потрудись для него, и будешь царствовать в нем истинно и вечно. Там уже не очаг Весты, не камень Капитолия, а единый истинный Бог «не укажет границ власти, не положит предела времени, но даст господство без конца»».

ВИЗАНТИЯ

Штрихи к портрету цивилизации

Существовала ли Византия?

В современной публицистике, причем как либеральной, так и консервативной, имеет широкое хождение миф, что никакой Византии никогда не существовало, что это выдуманная кличка, данная Восточной Римской Империи на Западе с тем, чтобы лишить её права на римское наследие. Выводы из этого «факта» делаются самые противоположные – от демонстративного унижения «несуществующей империи», до предложений вовсе отказаться от таких понятий как «Византия» и «византизм» и пользоваться исключительно понятиями «римский» или «ромейский».

Наиболее выпуклую до примитивности версию этого мифа мы можем найти у либерального публициста-иноагента Юлии Латыниной. Она огорошивает читателя информацией, что никакой Византии не было, а была единая Римская Империя, которую расчленил Карл Великий, объявив себя императором Запада и записав Восточную Империю в Византию: «“Византия” не образовалась ни в 330-м, ни в 395-м, ни в 476 году. Она образовалась в 800 году в умах пропагандистов Карла Великого, и это название было такой же наглой фальсификацией истории, как заведомо подложный Константинов дар».

В данном случае автор пытается сыграть на самом примитивном антизападничестве: мол, если слово придумано на Западе, то значит, оно плохое — отречемся если не от понятия Византии, то хотя бы от слова, и пусть Константин Леонтьев и прочие «пропадут пропадом».

Спору нет. Византийцы всегда считали и именовали себя Римской Империей. Когда живший в XI веке историк Михаил Пселл решил составить перечень римских императоров он начал с основателя

Рима Ромула, а закончил своим современником Василием II Болгаробойцей.

Но вот с тезисом об изобретении понятия «Византия» некими «каролингскими пропагандистами» есть заговздка. Ни в каких западных средневековых источниках — ни времен Карла Великого, ни времен Оттонов, ни времен Крестовых походов, никакая «Византия» не упоминается. Нет этого слова ни у кого из авторов каролингской эпохи, в частности, у знаменитого панегириста Карла Великого Эйнхарда говорится только о Константинополе и Константинопольских императорах:

«Императоры Константинополя Никифор, Михаил и Лев, добровольно искавшие с ним дружбы и союза, слали к нему многочисленных послов. Однако когда Карл принял титул императора, у них появилось опасение, будто бы он хочет исторгнуть у них императорскую власть. Тогда Карл заключил с ними очень крепкий союз, чтобы у сторон не осталось никакого повода для возмущения. Ибо могущество франков всегда внушало опасение римлянам и грекам. Отсюда и существующая греческая поговорка: имей франка другом, но не соседом» (Einhard: Vita Caroli, 16)

Никакой «Византии», и никакой пропаганды в том духе, что франки и есть истинные римляне, у главного «каролингского пропагандиста» нет и в помине.

В последующие столетия западные хронисты и писатели знают только Константинополь, и никакой «Византии». Впрочем, были и образованные люди — преимущественно в Италии, которые слово «Византий» слышали. Например, знаменитый флорентийский хронист XIV века Джованни Виллани. Он отлично знает древнюю историю от Ромула, знает об основании Константинополя, по какому поводу и рассказывает, что Константин Великий «отправился в Константинополь, ранее называвшийся Византием и переименованный ради него, и там установил свой престол»

(Виллани 1997: 42). На протяжении всего дальнейшего своего труда Виллани ни разу Константинополь «Византием» не называет.

Совсем другая картина у соотечественника и подражателя Виллани — Николо Макиавелли. Он пользуется словами «Византия», «византийский» вполне свободно. В «Истории Флоренции», в рассказе о Ферраро-Флорентийском соборе он выражается так: «Хотя такое решение было весьма зазорно для величия Византийской империи...» (Макьявелли 1973: 193). И это при том, что у его современников — писателей с севера Европы, например Филиппа Де Коммина, вы никакой «Византии» не найдете, хотя он многократно упоминает Константинополь.

Что же такое произошло в Италии между 1348 годом, когда умер от чумы Виллани, и 1520 годом, когда Макиавелли начал писать свою «Историю», что наряду с «Константинополем» в широкий обиход вошли «Византий» и «Византия»? А произошло следующее — в 1453 году в Италию прибыло огромное количество византийских беженцев из только что взятого турками Константинополя, затем из Мореи, где еще 7 лет продержался предпоследний византийский город Мистра (последним был Трапезунд). Очень часто это были образованные люди, блестящие интеллектуалы, чьим главным богатством были книги, рукописи.

В своих мешках и сундуках они привезли полные тексты диалогов Платона, трактатов Аристотеля, трагедий Еврипида, комедий Аристофана и, разумеется, своих любимых византийских авторов: Прокопия Кесарийского, Михаила Пселла, Анны Комниной, Никиты Хониата... Большое количество образованных итальянских аристократов и буржуа, особенно во Флоренции, где им покровительствовал Козимо Медичи, засели за изучение греческого языка и платоновской философии под руководством учителей-византийцев. Именно так и возник Ренессансный Гуманизм, задавший новые стандарты образованности, интеллектуальной культуры и книжного оснащения в косневшей в схоластическом полуварварстве Западной Европе.

Впрочем, на самом деле всё было гораздо сложнее. Проникновение византийцев в Италию началось задолго до 1453 года. Уже с конца XIV века во Флоренции и Италии пробудился интерес к Древней Греции, и к Византии, как передаточному звену (не с Римской Империей, а именно с древней Элладой). Приезжавших просить помощи против турок греков спрашивали, прежде всего, про Гомера и Платона.

С 1393 года Мануил Хрисолор начинает учить всех желающих греческому языку во Флоренции. В 1437 году крупнейший ренессансный философ Николай Кузанский приезжает в Константинополь к Гемисту Плифону, чтобы научиться у него платоновой философии, и тогда же Плифон отправляется во Флоренцию на собор, где, будучи тайным язычником, парадоксальным образом рьяно защищает православие — из соображений патриотизма, а своих флорентийских почитателей он осчастливит трактатом «Почему Платон выше Аристотеля». Его ученик, унию поддержавший, Виссарион Никейский, оставил Венеции огромную греческую библиотеку и множество переводов древних авторов (еще он сосватал Софью Палеолог за Ивана III).

Так или иначе — вся европейская образованность современного стиля, столь не похожая на средневековую схоластику, вся прекрасная сохранность древнегреческих текстов, столь разительно контрастирующая с фрагментарной сохранностью текстов латинских — всё это заслуга византийских переселенцев и беженцев в Италию, передавших Европе свою образованность. Именно в их книгах жители Запада и вычитали слово «Византия».

Пора уже раскрыть загадку. «Византием» назывался древнегреческий город, на месте которого был основан в 330 году Константинополь. Колонисты из маленьких дорийских Мегар, вечно перенаселенных и вечно голодных (не случайно в комедии Аристофана «Ахарняне» оголодавший мегарец продает афинянину за пучок лука двух своих дочек, выдав их за поросят), отправились искать новую родину. В напутствие они получили от дельфийского

оракула совет «поселиться напротив слепых». И в самом деле, они поселились на другом берегу пролива Босфор, строго напротив Халкидона. Геродот считал халкидонитов слепыми потому, что они не заметили невероятно удобного места, на котором был расположен Византий, и выбрали другое.

Будучи автономным полисом, Византий неоднократно показывал свой строптивый нрав. Последний раз — в 196 году н. э., и это обошлось для него плачевно: поддержав неудачливого претендента на императорский титул, Византий был осажден суровым Септимием Севером, три года длилась осада, оголодавший город сдался, его стены были срыты, публичные здания разрушены. Последовали сто лет прозябания, которые сменились блестящим расцветом, когда на месте Византия был основан Константинополь.

Разумеется, не так просто вычеркнуть из истории тысячелетие славной истории. «Византий» был фактом всей древнегреческой литературы, а ни к чему так не стремились византийские писатели, как к тому, чтобы быть во всем похожими на своих древних предшественников — историков «аттической школы» — Геродота, Фукидиду и Ксенофонта. Правила хорошего литературного вкуса требовали не употреблять новых, неизвестных этим авторам слов и названий. Поэтому вся византийская историография пестрит этно- и топонимическими анахронизмами. Как правило, вы не найдете там печенегов или монголов — вместо них будут «скифы», русских назовут «тавроскифами» (то есть крымскими скифами). Как правило, не упоминается у византийских историков и Константинополь. Вместо него, как и было при Фукидиде, над Босфором величаво высится Византий. Именно в нем, а не в Константинополе, происходит действие большинства исторических произведений византийских авторов:

«Была у Велисария жена, о которой я упоминал в прежних своих книгах. Дед и отец её были возничими, показывая своё искусство в Византии и Фессалонике» — начинает свою

«Тайную Историю» в VI веке Прокопий Кесарийский задолго до «пропагандистов Карла Великого». (Procor. H.a. I, 11).

Знаменитый Феофан Исповедник — хронист начала IX века, упоминает Константинополь и Византий одновременно, иногда в одной и той же фразе: «Констанций, возвратившись в Византию, согнал с Константинопольского престола Павла». (Феофан Византиец 2005: 39).

В XII веке Анна Комнина, одураченная, если верить Латыниной, франками (коих она терпеть не могла), пишет в своей «Алексиаде»: «Византиец, торопясь отправиться в Византий, стал седлать коней». (Анна Комнина 1965: 103).

Наконец, замечательный пример двойного использования Византий/Константинополь дает в своем сборнике политических поучений Кекавмен, излагая советы василевсу, что нужно почаще выезжать из города:

«Я знаю, державнейший, что человеческая природа привержена к покою. Утвердилось бесполезное, скорее даже вредное правило, когда василевс не посещает подвластные ему страны, и восточные и западные, а остается в Константинополе, как в некоем узилище. Посещай подвластные тебе страны и фемы, узнавай о несправедливостях, которые терпят бедные. Самодержцы и августы ромеев придерживались как раз такого образа жизни, о котором я тебе говорю, и не только правившие в Риме, но и в Византии. И Константин Великий, и его сын Констанций, Юлиан, Иовиан и Феодосий проводили время то на востоке, то на западе и лишь недолго — в Византии» (Кекавмен 2003: 313-315).

Итак, никакой «Византии, выдуманной пропагандистами Карла Великого, чтобы украсть титул Римской Империи» попросту не было. «Византий», «Византия», «византийцы» — это топоним как раз греческой, византийской историографии, совершенно на

средневековом Западе не известный, и вошедший в оборот лишь у итальянских гуманистов — учеников византийцев. «Византия» — это одно из самоназваний, наряду с «Римским царством».

Вот тут, кстати, нужно сделать еще одну оговорку — в русской литературе, как правило, употребляется термин «ромей», «царство ромеев», «империя ромеев». Это совершеннейшее недоразумение, как если бы мы именовали англичан «инглишменами», а немцев «дойчами». Никакого семантически самостоятельного слова «ромей», значение которого не совпадало бы со словом «римлянин», не существует. Это слово означало у византийцев «римлянин» и ничего больше, и «василея ромайон» — это просто Римское Царство, или Римская Империя. Когда Михаил Пселл решил составить перечень римских царей, то начал он с Ромула, а закончил Василием Болгаробойцей (Пселл 2014: 302-351). Так что употреблять паллиатив «ромей», тем самым как-то отделяя византийцев от римлян, довольно сомнительная затея.

А вот «византийцы», в отличие от «ромеев», действительно существовали, и так сами себя называли. «Византийцы» — это те, кто имеет отношение к городу Византию — предку и синониму Константинополя. Говорить «никакой Византии не было» можно только от невежества и полужнания, слишком часто вытесняющего настоящую историческую память, как дурная монета вытесняет добрую...

На современном этапе развития русской исторической мысли совершенно очевидно, что нет никаких исторических и логических оснований разделять Римскую Империю со столицей в Риме и Римскую империю со столицей в Константинополе. Некое «Падение Римской Империи» в 476 году — типичное выдуманное событие. Утверждать единство римской государственной традиции от Ромула до Константина XI Драгаша совершенно справедливо.

Однако значит ли это, что термины «Византия», «византийский» должны быть изгнаны из историографии и общественной мысли?

Безусловно нет. Эти термины должны применяться не столько к государству, империи, сколько к *цивилизации* и *культурно-историческому типу* с её особенным историческим, культурным, стилистическим лицом. В основе этой цивилизации было исключительно тесное, до полного слияния, соединение римской имперской государственной традиции и Православного Христианства как религии и образа жизни и мысли.

Понятие «византизм» имеет в русской мысли большое самостоятельное значение, заданное прежде всего идеями К.Н. Леонтьева, писавшего в своей работе «Византизм и славянство»:

«Представляя себе мысленно византизм, мы... видим перед собою как бы строгий, ясный план обширного и поместительного здания. Мы знаем, например, что византизм в государстве значит – самодержавие. В религии он значит христианство с определенными чертами, отличающими его от западных церквей, от ересей и расколов. В нравственном мире мы знаем, что византийский идеал не имеет того высокого и во многих случаях крайне преувеличенного понятия о земной личности человеческой, которое внесено в историю германской феодализмом; знаем наклонность византийского нравственного идеала к разочарованию во всем земном, в счастье, в устойчивости нашей собственной чистоты, в способности нашей к полному нравственному совершенству здесь, долу. Знаем, что византизм (как и вообще христианство) отвергает всякую надежду на всеобщее благоденствие народов; что он есть сильнейшая антитеза идее всечеловечества в смысле земного всеравенства, земной всесвободы, земного всесовершенства и вседовольства. Византизм дает также весьма ясные представления и в области художественной или вообще эстетической: моды, обычаи, вкусы, одежду, зодчество, утварь – все это легко себе вообразить несколько более или несколько менее византийским».

Отменять учение Леонтьева и его продолжателей о византизме на основании ошибочного представления, что ромеи, якобы, не знали слова «Византия, конечно недопустимо. А вот очищение понятия о Византии от токсичного антивизантийского мифа» - не только необходимо, но и строго обязательно.

Антивизантийский миф

Неверно считать, что на Западе *всегда* презирали Византию и считали её пространством дикости и упадка. Хотя именно такое мнение господствовало в XVIII-XX веках и кочевало из книги в книгу.

В эпоху модерна каждый автор, даже писавший о Византии благожелательно, считал своим долгом обязательно посвятить несколько страниц её слабостям и причинам падения. А русские «западники» непременно воспроизводили в своих текстах штампы о растленной и презренной Византии: «Повинуясь нашей злой судьбе мы обратились к жалкой, глубоко презираемой Византии за тем нравственным уставом, который должен был лечь в основу нашего воспитания» (П.Я. Чадаев).

Но, на самом деле, это очень поздний взгляд. В XI—XII веках на латинском Западе относились к Византии зачастую с завистью и ненавистью, но как к прекраснейшему месту на земле, в которое очень хочется попасть и которое очень хочется ограбить. Именно это и сделали крестоносцы в ходе IV крестового похода. Впрочем и тогда у Данте в чертогах рая появляется император Юстиниан, мыслимый, как римский император.

В Италии эпохи Возрождения на Византию смотрели как на источник знания и премудрости, откуда прибывают бежавшие от турок гуманисты с рукописями никогда прежде не читанных в оригинале философов, историков, античных трагиков. Ведь именно Византия, а не средневековые западные монахи, спасли античную цивилизацию. Большинство произведений великих греков – Платона, Аристотеля, Плотина, Эсхила, Еврипида, Геродота,

Фукидида, Ксенофонта, Плутарха сохранялись в Константинополе и дошли до нас в полном виде. Напротив, латинские сочинения римских авторов, хранившиеся на Западе, дошли до нас лишь частично – Тит Ливий, Тацит, Саллюстий, даже Цицерон. Парадоксально, но факт – более молодую римскую литературу мы знаем хуже, чем более старую греческую.

Во Франции эпохи классицизма и абсолютизма царил настоящий культ Византии. Еще Людовик XIII – выдающийся полководец и оригинальный композитор, злонамеренно представляемый в популярных романах ничтожеством, собственноручно перевел с греческого наставления диакона Агапита императору Юстиниану о добром правлении. При его сыне Людовике XIV королевская типография начала выпуск роскошно изданной многотомного собрания произведений греческих историков, до сих пор сохраняющей местами свое научное значение. В предисловии к серии её издатель Лаббе писал об «удивительной по количеству событий, привлекательной по разнообразию, столь замечательной по прочности монархии».

Ни о каком «упадке и разрушении» речь не шла. Напротив, Византию воспринимали как образец удивительно крепкой и долговечной монархии. Как ни странно, именно любовь к Византии при Версальском дворе и стала причиной «дурной репутации», созданной этой империи впоследствии. Начав войну с абсолютизмом просвещенцы развернули настоящую клеветническую кампанию против Византии, представляя её, по выражению Вольтера, как «позор человеческого ума» — общество убожества, упадка, разврата и дурного управления. Били по Юстиниану, чтобы попасть в Короля Солнце.

Этими идеями просвещенцев и вдохновлялся Эдуард Гиббон (1737-1794) когда сочинял свою «Историю упадка и разрушения Римской Империи». Главной целью атаки Гиббона была не Восточная Римская Империя, а Христианство как религия и Церковь.

Гиббон хотел написать историю Рима, а заодно показать, что Христианство очень вредно для здоровья государств. Затем он увлекся и решил на конкретном примере Византии продемонстрировать до чего доводит принятие Христианства. И, разумеется, тысячелетняя история Византии превратилась у него в саркастическое нагромождение всевозможных ужасов.

Гиббон был прекрасным писателем, но очень плохо знал греческий язык. Поэтому он бойко пишет до 518 года, пока списывает из «Истории императоров» Тиллемона – крупнейшего церковного историка XVII века. А всё дальнейшее описано им после разбора труднопонятных текстов буквально «по слогам» и со множеством ошибок.

Черный миф о Византии имеет сравнительно недавнее происхождение и основан на антихристианских и антимонархических предрассудках деятелей эпохи просвещения, частично на недостаточной лингвистической грамотности и научной подготовке.

Есть, впрочем, и еще одна причина, более глубокая. Отчасти в таком отношении виноваты сами византийцы, прежде всего – византийские историки. Историческая наука лишь в XX веке начала выходить из под обаяния «точки зрения первоисточника». Еще не так давно в историографии царил подсознательная установка на то, что если древний и средневековый историк талантлив, то его оценки и характеристики принимались исследователями без серьезной критики.

К несчастью для византийцев, у них существовала богатая и развитая традиция критики собственных правителей, не присущая в таком масштабе ни грекам и римлянам (за исключением, разве что, Тацита), ни западноевропейским хроникерам, ни, к примеру, русским летописцам. Византийцы имели склонность рассматривать своих правителей пристально, как сквозь увеличительное стекло, и с известным недоброжелательством. А уж если к этому прибавлялась

еще и клевета, то репутационный удар жертвам подобной историографии наносился страшный.

Особенно большую роль в самодемонизации Византии сыграли два выдающихся историка. Первый - Прокопий Кесарийский с его «Тайной историей» – которую современные исследователи обычно рассматривают как собрание малодостоверных бабьих сплетен, но которая на столетия определила репутацию великого императора Юстиниана. Второй - Михаил Пселл, с его «Хронографией» – он ярко и в мельчайших подробностях описал период упадка Византии от смерти Василия Болгаробойцы до воцарения Алексея Комнина. И без того невеликая эпоха приобрела под его язвительным пером характер прямо-таки оранжереи гнили и упадка. При этом Пселл, однако, не счел нужным слишком подчеркивать, что он сам был активным участником этого распада. Именно его интриги привели, к примеру, к отречению от престола Исаака Комнина – выдающегося полководца, обещавшего стать выдающимся императором. Отречение Комнина привело к проигрышу греками битвы при Манцикерте и покорению Малой Азии турками сельджуками – это был смертельный удар Византии.

Были, конечно, и исключения. Принцесса Анна Комнина написала великолепную книгу о своём отце Алексии Комнине – «Алексиаду», где император выведен безупречным героем, события значительны, люди благородны, подвиги великолепны. Эта книга — уникальная возможность заглянуть в другую Византию. Но уже эмоциональный Никита Хониат пишет свою историю вновь как историю упадка, заканчивающегося закономерной катастрофой 1204 года.

Так или иначе, наш образ Византии нуждается в очистке как от «гиббоновщины», так и от характерной для самих византийцев излишней желчности.

Что такое Византия

Патриарху российской византистики Г.Г. Литаврину принадлежит замечательная формула, которой он подвел своеобразный итог своих многолетних исследований Византии:

«Теперь я склонен больше интересоваться вопросом не о том, почему империя погибла, а о том, где она черпала силы, чтобы в течение тысячелетия противостоять обстоятельствам, находясь почти непрерывно в экстремальных условиях».

И в самом деле — тысячу с лишним лет, с 11 мая 330 года по 29 мая 1453 в Восточном Средиземноморье существовала великая империя, наследовавшая Римской Империи Цезаря Августа (эта последняя как державный геополитический организм просуществовала лишь шесть столетий, а «официально» — пять). Почти все это время (с перерывом лишь 1204-1261) столицей и символом империи как целого был Новый Рим (Nea Roma), или, по-гречески, просто Град (Πόλις).

Из тех государств, которые возникли одновременно с Византией на развалинах Римской Империи не дожило до XV века ни одно. Многие могущественные империи, например — Арабский Халифат, империя Карла Великого, империя Чингисхана, возникшие позже Византийской и частично её потеснившие, уже сошли в могилу, а Град всё ещё стоял, пусть и не в прежней силе, но в прежнем необычайном великолепии.

«Византийской Империей», существовавшая все это время держава действительно никогда не называлась, это имя придумали европейские ученые. Но, не совсем безосновательно — на том самом месте, где был построен Константинополь до этого много столетий существовал греческий город Византий. И византийские писатели, прежде всего историки, которые в своих сочинениях ориентировались на древние, античные образцы, очень часто называли и столицу империи «Византием», и жителей её «византийцами», так же как русских, например, они обычно

именовали «тавроскифами», печенегов – «скифами», венгров – «гуннами» и так далее... Поэтому жители империи, если бы прочли сейчас слово «Византия» в общем-то поняли бы о чем речь.

Но сами они себя называли «римляне». Имелось в виду, что Византийская империя с центром в Константинополе является даже не продолжением великой Римской Империи, а той же самой империей, попросту сменившей столицу. Конечно, эти римляне на протяжении большей части своей истории обычно не знали латыни, бывшей официальным языком римлян, категорически не принимали язычества, лежавшего в основе римской цивилизации, но все это ничуть им не мешало. Западноевропейцев они именovali «латинянами» или «франками» и за «римлян» их не считали, что было совершенно справедливо, поскольку на Западе в основном жили потомки варваров, разрушивших Римскую империю и все её культурное наследие. В то время как на территории Византии по большей части все-таки жили потомки граждан Римской империи, как она существовала при Константине.

Этнически эти римляне были очень неоднородны — там были и потомки перебравшейся на запад римской аристократии, и греки, — именно греческий язык был в империи официальным, и сирийцы, и армяне, игравшие империи очень большую роль, и славяне, роль которых также была существенна, и выходцы из западной и северной Европы. Но большинство граждан империи объединял один общий признак — это исповедание православной христианской веры.

Византийцы не могли даже представить себе, что значит «отделение Церкви от государства». Для них это прозвучало бы как «отделение души от тела», то есть смерть. Они верили, что мистическое Тело Христово — православная Церковь, и Римская империя полностью или почти полностью совпадают. Любой православный христианин, где бы он ни жил — римлянин, а любой римлянин должен быть православным христианином. Подобно тому, как у человека есть материальное, вещественное тело, которое является такой же

значимой нашей составляющей, как и душа, византийцы верили, что и у Церкви есть материальное, вещественное тело — империя и это тело так же как и душа призвано соединиться с Богом. Ведь Сын Божий, пришедший на землю и воплотившийся, был не призраком, а живым человеком из плоти и крови. Для византийцев не было ничего более отвратительного, чем какие-то сомнения в действительности воплощения Христа. И они считали, что именно Господь Иисус Христос является подлинным главой владыкой и Церкви и Царства.

А на земле, как постепенно сложилась теория, выраженная в законодательном трактате «Эпанагога», составленном святым патриархом Фотием. Слугами главы Церкви и Царства — Христа являются император, заведующий материальными, мирскими делами, и патриарх Константинополя, который должен не только заведовать делами духовными, но и быть своеобразной совестью империи, являть собой образ живого Христа, и обличать всякую неправду. И в самом деле, лучшие византийские патриархи не раз и не два восставали с протестом против неблагочестивых и несправедливых поступков царей и добивались от могущественных владык покаяния. Например, тех царей, которые приходили к власти путем заговора и государственного переворота Церковь всегда принуждала к очень жесткому публичному покаянию, без которого их власть священной не считалась.

Византия была монархическим государством, императору или, по-гречески, василевсу, принадлежала практически абсолютная власть, хотя византийцы и не одобряли тех царей, которые считали, что они выше законов. Однако наследственность власти устанавливалась в Византии с большим трудом. Византийцы считали, что власть должна принадлежать достойнейшему и тому, кому хватит смелости и силы, чтобы удержать её. Поэтому постоянной реальностью жизни Византии были государственные перевороты и заговоры. Хотя и жители Константинополя, и армия, и Церковь хранили искреннюю верность потомкам великих и славных царей и на какое-то время

устанавливались достаточно устойчивые династии — Македонская династия — 6 поколений, династия Комнинов — 4 поколения, династия Палеологов — 6 поколений. При этом ближе к концу империи династический принцип устанавливался все более прочно. Когда в середине XIV века исключительно талантливый человек Иоанн Кантакузин (1347-1354) попытался стать императором, то, в конечном счете, большинство народа его не поддержало и он вынужден был постричься в монахи — хотя, возможно, этот выдающийся военачальник и вместе с тем замечательный историк и православный богослов, смог бы придать угасавшей империи новый жизненный импульс.

В отсутствие у византийцев династической системы была и их сила и их слабость. Сила, потому что когда империя сталкивалась с новыми неожиданными обстоятельствами, она всегда могла ответить на них сменой династии и выдвижением сильных правителей из народа. А многие новые императоры выдвигались не только из аристократов, но и из простых солдат, придворных конюших и так далее, ценили человека по таланту, а не по месту в социальной иерархии, ведь каждый человек в одинаковой степени был христианином. Но, с другой стороны, атмосфера заговоров и переворотов не способствовала стабильности, в самый неподходящий момент Византию начинали раздирать гражданские войны и мятежи, в которых участвовали и гибли лучшие полководцы со своими армиями. Это было для империи серьезной потерей — ведь она непрерывно воевала.

Византия в свою эпоху была настоящим факелом культуры и цивилизации для всего мира. Константинополь был богатейшим и красивейшим городом во вселенной. Поля были ухожены, земли плодородны, византийская золотая монета — солид, была надежнейшей твердой валютой во всем мире. А вокруг империи царили настоящий упадок и крах. Большую часть времени её существования у соседних народов царила анархия — и на Западе, захваченном варварами, и на востоке, где после гибели персидской

империи установился арабский халифат, а затем и он рухнул под ударами диких турецких племен из глубин Азии. Лишь к концу Византийской истории в Западной Европе начался некоторый культурный и политический подъем и европейцы постарались убрать Византию как конкурента и воспользоваться её богатствами.

Соответственно византийцам приходилось непрерывно воевать. В каждые сто лет на войны приходилось восемьдесят. Византия то наступала, как в VI веке при святом императоре Юстиниане Великом (527-565), покорившем Италию, Северную Африку, Испанию и избавившем тамошних православных от гнета еретиков-ариан. То следовали страшные потери, как в VII веке при императоре Ираклии (610-641), после того, как он подался ереси монофелитства. Пока этот император сохранял верность Православию ему все удавалось и он одерживал блестящие победы над Персидской империей. Но стоило ему поддержать еретиков, как арабы мусульмане пришедшие из пустыни всего за несколько лет захватили Сирию, Египет, Африку, едва не дошли до Константинополя. Причем сделали они это при поддержке еретиков-монофизитов, тех самых, ради сближения с которыми Ираклий измыслил свою ересь.

При императорах-иконоборцах в VIII веке Византия утратила большую часть Италии. Династия Каролингов положила начало новому Западу, который стал, в конечном счете, могильщиком Византии. Иконоборческий кризис вообще был центральным формативным событием византийской истории, решением вопроса о той или иной идентичности. Превратится ли Византия в человеческую империю, исповедующую Христианство в еретической, иконоборческой форме, или сохранит верность идее богочеловеческой империи, в которой икона соединяет одном пространстве два порядка бытия – священный и мирской.

Победила, как мы знаем, богочеловеческая альтернатива иконопочитателей. Помимо прочего, это означало, что Церковь как общество отстояла, ценой крови мучеников и страданий исповедников, свои права и свой голос в борьбе с императорским

деспотизмом. Православным государям Македонской династии в IX и X веках удалось укрепить позиции империи в Италии, отнять у арабов остров Крит, отвоевать значительную часть Сирии. Началась впечатляющая духовная экспансия Византии в славянский мир благодаря просветительской миссии святых братьев Кирилла и Мефодия и Патриарха Фотия.

Святой Патриарх Фотий (858-867, 877-886) – это одна из центральных фигур византийской истории, да и вообще истории Европы. Это был образованнейший человек своего времени в самом буквальном смысле – он прочел больше книг, чем кто-либо в то время на планете, а значительную часть их описал и охарактеризовал в своем «Мириобиблионе». Богослов, философ, оратор, историк, библиофил, литературный критик, наконец энергичный церковный и государственный деятель, вынужденный непрерывно сражаться с врагами, пытавшимися лишить его патриаршества.

Случилось так, что Патриарх Фотий обозначил две линии, определяющие дальнейшие историю Европы.

Во-первых, он оказал энергичное сопротивление экспансии римских пап в византийские дела. «Фотианская схизма» обозначила расхождения католицизма и православия (точнее папизма и византизма). Два культурных сообщества, особенно западное, начали самоопределяться через отрицание другого. Запад как Запад никогда бы не появился, если бы Фотий не обозначил его пределы. Запад от Фомы Аквинского и Данте до Гёте и Джона Леннона – это ответ на брошенный фотианским византизмом вызов, на отторжение Запада от византийской модели образованности.

Во-вторых, именно Фотий обозначил выбор Византии в пользу Севера. Крещение Болгар, хазарская и моравская миссия св. братьев, наконец – первое крещение Руси, установка на интеграцию далеких северных варваров в пространство византийской цивилизации – всё это прямые или косвенные плоды деятельности патриарха Фотия. И

православный мир, прежде всего Россия, в своей несводимости к Западу, это именно заслуга патриарха Фотия.

Начавшийся с патриарха Фотия и императора Василия Македонянина (867-886) период – это апогей византийской цивилизации. Эпоха внешних военных успехов – особенно при императорах Никифоре Фоке (963-969) и Иоанне Цимисхии (969-976), далеко раздвинувших границы Империи во все стороны. Эпоха интенсивного культурного творчества при императоре Льве Мудром (886-912) и энциклопедического собирания знания при его сыне Константине Багрянородном (945-959). В этот период Царьград – настоящий центр мира, куда устремлены франки, болгары, русские, арабы, персы, чтобы восхититься и позавидовать.

Знаменитый император Василий II (976-1025), прозванный «Болгаробойцей», – тот самый, сестра которого Анна вышла замуж за крестителя Руси князя Владимира, разгромил угрожавшее Византии на севере болгарское царство, причем сделал это с невероятной жестокостью – отрубал десяткам тысяч пленных руки, выкалывал глаза. Основой могущества Василия была поддержка «русского корпуса», присланного его затем, князем Владимиром. С помощью этой армии он добился очень многого, воюя против всех врагов Империи.

Но тут-то и проявились свойства специфической византийской гордыни – болгары были уже больше ста лет православным народом, обладавшим высокой культурой. Один из болгарских царей – Симеон (885-927), даже мечтал взять Константинополь и самому стать византийским императором. И вот этого-то византийцы болгарам не простили. Для них православный, который не признает главенства Империи, казался как бы и не православным вовсе, почти еретиком. Сначала византийцы натравили на христиан-болгар язычника русского князя Святослава, который их разгромил, потом выбили из Болгарии самого Святослава и, наконец, жестоко покорили всю Болгарию. Жестокая расправа над болгарскими

воинами, впрочем, рассматривалась с официальной точки зрения как месть за жестокие убийства теми византийских воинов.

При приемниках Василия II империя начала приходить в упадок. На территориях, которые прежде защищала Болгария, появились те самые печенеги, и начали византийцам жестоко досаждают. С другой стороны, из Азии, пришли турки-сельджуки и разгромив византийцев в битве при Манцикерте (1071) захватили большую часть Малой Азии, нынешней Турции. В Сицилии и Южной Италии высадились северные разбойники, называвшиеся викингами или норманнами и начали захватывать оставшиеся у византийцев земли. В этот критический момент пришла новая династия — династия Комнинов. Алексей Комнин (1081-1118) отбил удары норманнов, разбил печенегов, потеснил турок-сельджуков и очень грамотно использовал начавшиеся с Запада Крестовые походы — крестоносцы завоевали много земель не только для себя, но и для византийцев.

Однако отношения между Византией и поднимавшейся западной Европой были не простые. Европейцев вдохновляли римские папы, которые решили, что именно им принадлежит и священная и мирская власть, что они являются единственными непогрешимыми глашатаями воли Христа. Для Византийцев, считавших, что никто конкретно из людей, но только вся Церковь как целое имеют монополию на истину, папизм был совершенно неприемлем. Византийцы считали, что иной раз и вся вселенная может ошибаться, а прав будет один простой монах, который станет мужественно защищать истину. И тогда все-таки история повернется и те, кто отрекся от правды, вернуться к ней вновь. Неприемлемы были для византийцев и идеи пап, что им якобы принадлежит светская власть, подобное смешение духовного и мирского им казалось недопустимым. В итоге между римскими папами и византийскими императорами и патриархами произошел разрыв и западная и восточная церкви пошли своим путем.

Между латинянами и византийцами начали нарастать отчуждение и ненависть, тем более, что обитателям Запада очень хотелось

поживиться богатствами Византии. В 1185 году сицилийские норманны взяли город Фессалонику, второй по значению в Империи, и то, что они там творили ужаснуло византийцев. Варвары убивали не разбирая мужчин, женщин и детей, не щадили священников, насиловали всех подряд, срывали украшения со святых икон, а сами иконы топтали, сажали проституток на алтари святых храмов и заставляли их плясать, изгоняли людей из домов и обирали их до нитки, пытали всех обеспеченных людей, вымогая у них богатства, разъезжая по улицам просто ради смеха дергали греков за длинные по византийскому обычаю волосы, священное миро, которое источали мощи святого мученика Димитрия Солунского, использовали для того, чтобы смазывать свои сапоги, входили в православные церкви во время службы и начинали передразнивать священников собачьим лаем....

На этот раз варваров удалось прогнать, но западное стремление поживиться византийскими богатствами никуда не девалось. Как писал византийский историк Никита Хониат:

«Проклятые латиняне считают чуть ли не раем страну, в которой нам досталось жить и собирать плоды, до безумия влюбленные в наши блага, они стараются всячески сделать нам зло... привыкшие ходить с гордо поднятой головой... они обыкновенно смеются над нашим смирением, а мы, презирая их гордость, хвастливость, спесь и надменность, наступаем на их поднятую кверху голову и доселе попираем её силой Христа, дающего власть наступать на змей и скорпионов без всякого вреда».

Этой враждой воспользовались венецианцы, жители города Венеция, который некогда входил в состав Византийской империи, пользовался крупными торговыми привелегиями и на этом приобрел свои богатства, заложившие основу для развития мирового капитализма. И вот теперь, лишённые многих привилегий, венецианцы затаили злобу и решили Константинополь сокрушить — они уговорили рыцарей, отправившихся в четвертый крестовый

поход завернуть по дороге в Константинополь, и захватить его — якобы для незаконно свергнутого византийского императора. Когда город был захвачен, то латиняне навязали этому императору совершенно невыполнимые условия, он должен был им в награду выплатить огромные суммы. И когда византийцы платить отказались, латиняне в 1204 году взяли город еще раз и начали разнузданный грабеж и насилия, — повторились еще раз описанные ужасы оккупации Фессалоники.

Однако вот что интересно, взятие Константинополя не только не сокрушило Византию, но и вызвало необычный подъем духа и патриотизма. У византийцев поубавилось спеси, они стали более дружелюбно смотреть на другие православные народы, огромную роль начали играть патриархи, обладавшие среди православных всего мир большим авторитетом, поубавилась и спесь корыстного столичного чиновничества. И вот через 57 лет после захвата Константинополь был освобожден.

Правда вошел в него не представитель династии Ласкарей, отвоевавшей большую часть империи у оккупантов, а свергший ее Михаил Палеолог (1259-1282), — человек талантливый, яркий, но, в каком-то смысле, роковой для Византии. Он был очень тонким политиком и дипломатом. Например, он проспонсировал знаменитую «Сицилийскую вечерню» (30 марта 1282) — восстание в неаполитанском королевстве против Карла Анжуйского, который носил титул латинского императора Константинополя и хотел Византию завоевать. По удару звонившего к вечерне колокола, с лозунгом (как гласит легенда — впрочем малодостоверная): «Morte Alla Francia, Italia Anela!» (MAFIA) сицилийцы перебили большинство французов. Остров перешел под власть королей Арагона и о крестовом походе на Константинополь анжуйцы могли забыть.

Начав свое царствование с преступления, ослепления последнего представителя династии Ласкарей, Палеолог внес смуту в Церковь, подписав... соглашение об объединении с Римом и признании Римского Папы главой Церкви. Это была вещь совершенно

немыслимая — после всего того, что сделали латиняне, самым абсурдным, чего можно было ожидать от византийцев, было подписание таких соглашений. И однако Михаил Палеолог пошел на этот абсурд, не страшась даже отлучения от православной Церкви. Ничем ему это не помогло, поскольку римские папы его тоже отлучили. А когда он умер (в декабре того же 1282 года), никто, даже его сын, не решился нарушить запрещение Церкви и вероотступника похоронить.

Однако все императоры-Палеологи, кроме одного, так и продолжали вести переговоры с Западом и помощи. Запад либо не хотел, либо не мог помочь, зато генуэзские купцы, получившие от императоров немыслимые привилегии, исправно выкачивали из империи последние деньги и ресурсы, а вокруг оставшихся Византийских земель расползалась империя турок-османов, разгромивших соседние православные страны — Болгарию и Сербию. И лишь в далекой, но тоже страдавшей от монгольского ига Руси, относились с Константинополем с неизменным дружелюбием.

Впрочем, как и не раз бывало до того, Бог ясно показал византийцам, что даже в самом отчаянном положении Он способен избавить Свой народ от врагов. Когда турки уже совсем были готовы добить Византию, неожиданно они сами едва не были уничтожены. Незадолго до этого чудом, заступничеством Божией Матери через Владимирскую икону, отошедший от пределов Руси грозный Тамерлан, обрушился на османов и разгромил их в 1402 году в битве у Ангоры. На полвека турки могли практически забыть о завоеваниях и их начали теснить со всех сторон.

Но Византия «не узнала часа посещения своего». Византийцы не только не перестали вести торг о вере с Западом, но и занялись этим еще активней. В 1439 году на соборе во Флоренции византийские епископы, патриарх и император подписали унию, а по сути капитуляцию и в вопросе вероучения и в вопросе церковной власти, перед римскими папами. Лишь один человек, Марк, митрополит Эфесский (1392-1444), выдающийся богослов, в пух и прах

разбивавший на соборе аргументы латинян, отказался поставить свою подпись. Узнав, что Марк Эфесский унию не подписал, римский папа бросил фразу: «Итак, мы ничего не сделали». И в самом деле, поработить византийцев в вере католикам не удалось, народ унию не принимал, а Марка прославлял как святого.

Однако последнего вероотступничества оказалось достаточно, чтобы переполнить чашу Божия Терпения, через 14 лет после подписания духовной капитуляции Константинополь пал под ударом турецкого султана Мехмеда Завоевателя (29 мая 1453 г.). Турки полностью уничтожили империю, захватили все оставшиеся богатства, превратили храм Святой Софии в мечеть. Так тысячелетняя история Византии и закончилась.

Повседневность чуда

Где империя со всех сторон окруженная врагами черпала свои силы? Этим источником было, прежде всего, чудо.

Есть анекдот про нерадивого семинариста, которому никак не могут объяснить что такое чудо. Вот если ты заберешься на высокую колокольню, спрыгнешь и не разобьешься, то что это будет? — Случайность. А если ты так сделаешь еще раз и опять не разобьешься? — Совпадение. — Ну а если еще раз заберешься, снова спрыгнешь и снова не разобьешься? — Привычка.

Для византийцев чудо было привычкой, повседневной реальностью, в которой они существовали. Ведь, как говорил Христос в евангелиях, если будете иметь веры хоть с горчичное зерно, то сможете двигать горы. И византийцы безусловно верили этим словам — они не сомневались в том, что если их империя — это политическая структура, объединяющая членов мистического тела Христова — Церкви, то значит в ней зримо действует Сам Святой Дух, источник всех чудес. Если их царство является земным прообразом небесного Царства, то в этом земном царстве слепые должны прозревать, а хромые ходить. Что в этом царстве, в жизни людей, должна быть

восстановленная изначальная, не поврежденная грехопадением человеческая природа — мало того, природа, пронизанная Духом Святым.

При этом византийцам был совершенно чужд излишний пафос, излишний спиритуализм, считавший, что религия и чудо — то дела, касающиеся только высоких предметов. Они искренне любили и почитали Бога, а потому совершенно не нуждались в фальшивом и лицемерном благоговении.

В этом смысле очень показательное одно византийское произведение о чудесах мученика Артемия. Этот мученик, погибший в IV веке от рук императора Юлиана Отступника (правление 361-363), который пытался восстановить язычество, имел от Бога благодать исцелять людей, страдавших заболеваниями мужских половых желез. К его гробнице приходили страждущие, с огромными опухолями, им было мучительно стыдно, что они страдают от такой болезни. Но мученик, являясь к ним во сне, неизменно их укреплял и исцелял.

И вот к нему пришел один человек с особенно чудовищной опухолью, простиравшейся ниже колен. И ему мученик во сне сказал — иди к кузнецу такому-то и он тебя исцелит. Тот пришел, но кузнец его отругал и выгнал: «Я кузнец, а не врач, я не умею лечить». Больной пошел снова к мощам мученика, но тот снова отослал его к кузнецу, а тот опять выгнал. И повторилось все так в третий раз, и тогда кузнец разозлился и сказал — давай клади своё безобразие на наковальню, я тебя сейчас вылечу. Взял самый большой и тяжелый молот, ударил со всей силы, и, о чудо, опухоль действительно прошла.

Я рассказываю это разумеется не для того, чтобы мы вместо врачей ходили лечиться к кузнецам, а для того, чтобы стало понятно — для византийцев не было низких предметов, недостойных чудесного преображения в Духе Святом. Вся жизнь человека, весь её

материальный и духовный состав были проникнуты этим побеждающим зло началом.

И напротив, против врагов христианства, гонителей-язычников, еретиков годились, в общем-то, любые средства. Раз уж мы вспомнили императора Юлиана Отступника, то на его примере это хорошо видно. Он жил в IV веке, вскоре после императора Константина, и когда пришел к власти попытался восстановить язычество по всей империи. Он пытался смыть с себя крещение бычьей жертвенной кровью, приказывал этой же жертвенной кровью обрызгивать все припасы на рынках, чтобы христиане не могли их есть, запретил христианам учиться в школах и изучать античных авторов, чтобы лишить их образования, расправился с большим количеством твердых защитников веры. И вот, когда его насилия переполнили меру терпения, тогда, как рассказывает легенда, святитель Василий Великий (+379), один из крупнейших богословов древней Церкви, встал на молитву и начал просить Божию Матерь избавить христиан от тирана.

И тогда, как рассказывает житие, святой мученик Меркурий, убитый язычниками за много лет до того, исчез с иконы и через минуту вернулся с окровавленным копьем. В то же самое время Юлиан пал, пораженный неизвестным, во время битвы с персами. Говорят, что перед смертью он воскликнул: «Ты победил, Галлилеянин!». Это событие может показаться невероятным, но даже сами язычники (Ливаний, Аммиан Марцеллин), сторонники Юлиана, признавали, что императора убили не персы, но и никого из христиан в войске, кого можно было бы обвинить в убийстве, так и не нашли. Один из телохранителей Юлиана, язычник, уверял всех, что императора убил «завистливый злой дух», каковым ему вполне мог показаться святой мученик.

Пресвятую Богородицу, которой молился святой Василий, византийцы вообще почитали главной защитницей их империи и особенно Города Константинополя. Именно Её заступничеству они приписывали неприступность своей столицы. И в самом деле, враги

не раз подступали к Константинополю, так что город был обложен со всех сторон и вот уже должен был бы пасть, когда в нем недостаточно было солдат, стены были ветхими, а продовольствия было мало. Казалось не хватает лишь одной последней соломинки, которая переломит спину верблюду. Но вот именно этой соломинки то раз за разом у врагов и не оказывалось. И наоборот — на них начинали обрушиваться эпидемии, в стане врагов начинались раздоры, буря топила подходившие к Константинополю корабли.

«Взбранная воевода (буквально – «защитница-стратег») имущая державу непобедимую» и покровительствующая своему Городу, так именовали византийцы Богоматерь в Великом Акафисте, который мы и по сей день употребляем в церквах на богослужении.

«Взбранной Воеводе победительная,
яко избавльшесе от злых,
благодарственная восписуем Ти
Град Твой, Богородице,
но яко имущая державу непобедимую,
от всяких нас бед свободи,
да зовем Ти:
Радуйся, Невесто Неневестная».

О том, насколько буквально византийцы воспринимали Пресвятую Богородицу как истинную воеводу своего войска, рассказывает эпизод, сохраненный для нас Никитой Хониатом.

Замечательный император Иоанн Комнин (правление 1118-1143) вступил в войну с печенегами, опустошавшими византийские земли. И вот в бою настал момент, когда варвары начали одолевать христиан. Печенеги построили себе стену из своих повозок и, выходя из-за них, нападали на византийцев, бились сколько могли, а потом, бежали обратно и отдыхали, после чего нападали вновь. Византийцы уже начали в этой битве изнемогать. И тогда Иоанн, став перед иконой Богоматери начал горячо молиться и, как пишет Хониат, «проливал слезы более горячие, чем пот воинов».

После этого настало время удара варяжской гвардии, — элитного подразделения, в котором было немало выходцев и из Скандинавии, и с Руси, но главную роль играли беженцы-англосаксы — легендарные хускерлы, стену которых так и не смогла пробить кавалерия Вильгельма Завоевателя при Гастингсе в 1066 (нормандцы тогда победили и смогли завоевать Англию только потому, что сумели окружить хускерлов во время контрнаступления, когда они нарушили строй). И тогда император сам взял в руки обоюдоострую секиру, которой традиционно были вооружены гвардейцы, как простой воин обрушился на печенежское укрепление и его разрушил. Враги обратились в бегство, многие были уничтожены, а многие попали в плен.

Такую победу одержал Иоанн над печенегами и еще немало других одержал побед, неизменно обращаясь к помощи Божией. И вот по обычаю древних римских императоров он решил устроить триумф (до него такой же триумф устраивал другой выдающийся император-тезка — Иоанн Цимисхий). Он приказал соорудить серебряную колесницу, украсить её самоцветами, постелить на улицах дорогие ковры. Но сам на нее не взошел. Он поставил на колесницу икону Божией Матери, ведь именно она была подлинной воеводой византийцев в сражениях с врагами христиан, и именно ей они приписывали победы. Император пошел перед колесницей, держа в руках крест, а почести как триумфатору воздавались Пресвятой Богородице.

После смерти Иоанна Комнина на престо взошел его сын Мануил (1143-1180). Это был блестящий, яркий человек, любитель рыцарских турниров, которые он начал по западному образцу устраивать при дворе, и тонких богословских споров, в которых он то защищал православие, то начинал противоречить с лучшими святителями того времени. Но глубокой и искренней веры его отца Мануил не унаследовал. Он увлекался астрологией и все время пытался вычислять счастливые и несчастные часы.

И хотя он был великим императором, имел большие амбиции и даже мечтал перенести столицу в Рим, отвоевав его у латинян, в большинстве его начинаний удача Мануилу не сопутствовала. Он тратил большие средства, до нитки обирая народ. При этом, по рекомендациям своих советников, он собственной же жадностью ослабил морскую силу государства. А надо понимать, что силой Византии всегда было именно господство на море – и именно с моря приходили как спасение Константинополю, так и его гибель в 1204 и 1453 годах.

У византийцев был древний обычай, — территория страны разделена была на военные округа, фемы, от каждой из которых призывалось определенное количество воинов. И было несколько морских фем, которые поставляли не сухопутных воинов, а корабли, укомплектованные экипажами. Благодаря этому византийский флот был сильнейшим на средиземном море. И вот один из советников Мануила посоветовал ему вместо поставки кораблей требовать с этих фем деньги, чтобы использовать их на другие нужды. А корабли, говорил этот советник, можно построить на те же деньги, когда в них придет действительная нужда. В результате денежный гнет на народ еще усилился, поскольку кораблей не было, расплодились пираты и начали вредить торговле. И, что самое интересное, когда флот потом понадобился, чтобы оборонять город от крестоносцев его разумеется не оказалось и город был взят с осадной башни, подведенной на венецианских кораблях с моря.

Но император Мануил уже этого не увидел, а речь сейчас о нем. Он начал большой поход вглубь Малой Азии, чтобы освободить её от сельджуков. И вот, когда император выступал в этот поход одному человеку, молившемуся в церкви у иконы Божией Матери был голос. «Теперь царь в величайшей опасности, кто пойдет к нему на помощь?». И чей-то голос сказал: «Пусть пойдет Георгий [Победоносец]». «Нет», ответил голос Божией Матери, «он не скоро решится идти». Тогда, раздался голос, «Пусть идет Феодор [Стратилат]». «Нет», — сказала Божья Матерь, «и он пойти не

сможет». «Некому пойти», — с грустью сказала Владычица, «никто не сможет защитить царя и его войско».

И вот, в узких горных ущельях турки взяли византийцев в кольцо и начали страшное истребление, буквально завалив ущелья тысячами трупов. Сам царь с величайшим трудом избежал гибели и плена. И вот царь остановился, чтобы напиться у реки, сделал несколько глотков и понял, что в воде полно крови убитых ромеев. «Вот», — сказал царь, — «я по несчастью впервые отведал христианской крови». И тогда бывший с ним один из воинов сказал: «Неправда царь — ты пьешь кровь христиан уже давно. Пьешь часто и не разбавляя водой. Пьешь до опьянения. Пьешь ее обирая народ, ощипывая ее как виноградную лозу. Те деньги, которые теперь достались варварам надо было раньше добровольно раздать народу». А когда царь трусливо задумал среди ночи бежать от остатков своего войска другой воин остановил его: «Не сами мы сюда зашли, ты завел нас в эту ловушку, так останься теперь с нами до конца». И всевластный василевс молча выносил эти горькие слова, ни ругался и не угрожал казнить за них, поскольку понимал, что все сказанное сказано справедливо, что это за его грехи помощь Божия оставила римлян.

Вот в чем, в мистическом напряжении, в вере в действительность чуда и в возможность полного преобразования жизни силой Духа Святого, и была сила Византии, помогавшая Империи просуществовать более тысячелетия.

Царство святых и империя чиновников

А в чем была её слабость? Прежде всего, в том, что за мистикой византийцы несколько забыли необходимость прочной социальной организации общества. Ведь здоровое человеческое общество держится на десятках разных связей — национальных, семейных, родовых, экономических, политических, культурных, в нем есть сословия, корпорации, различные общественные организации. И

вот в Византии этого мощного слоя, поддерживавшего социальную солидарность людей, того, что сегодня мы именуем «гражданским обществом», практически не существовало.

Этот изъян достался Византии от поздней Римской Империи. Так что давайте от позднего средневековья перенесемся на почти тысячелетие раньше. Рим был небольшим городом, захватившим власть над огромной территорией Европы, Азии и Африки. Власть первых римских императоров была моральным авторитетом, который признавали большое количество городов-полисов, пользовавшихся полным внутренним самоуправлением. И еще императоры были главнокомандующими римской армией, огромной для своего времени. Управленческие и организационные технологии той эпохи были явно недостаточно совершенны для того, чтобы поддерживать власть над такой огромной территорией.

Может быть это расстроит любителей образа великолепной Римской Империи, но именно Рим был более чем кто-либо виноват в той ночи варварства, которая опустилась на большую часть Европы в V-XI столетиях. Алчность римлян до власти и добычи не знала границ. Они уничтожали всякое минимально цивилизованное царство и минимально цивилизованный народ, чтобы подчинить их своей власти. И границы Империи заканчивались лишь там, где, как у германцев и пиктов, царило полное варварство, делавшее установление власти Империи структурно невозможным.

Рим унифицировал всё попавшее под его власть пространство, уничтожил все локальные варианты развития и цивилизационные альтернативы. Но, при этом, его собственных сил для поддержания единства и динамичного развития такого пространства не доставало. Постепенно хозяйство Италии и провинций начало приходить в упадок. Унификация тормозила развитие конкретных регионов и вместо прогресса пошла деградация.

Пока Рим нападал на врагов, а не защищался, пока на его границы не оказывалось совместное давление с нескольких направлений, у

полисов хватало средств и чтобы поддерживать своё хозяйство, и чтобы поддерживать армию, и чтобы развиваться. А вот к началу III века по Рождестве Христовом ситуация изменилась. В Европе началось великое переселение народов и германские племена начали давить на северные границы империи, вторжение следовало одно за другим. А в Азии возникла мощная персидская империя, во главе которой стояла династия Сасанидов, и персы, прекрасные воины, начали непрерывные войны с Римом.

Империя сжалась как яблоко, казавшееся снаружи крепким, но уже подъеденное изнутри. Армия начала пожирать все больше и больше ресурсов. Она ставила и сама же свергала одного за другим так называемых «солдатских императоров». Эти императоры требовали от провинции все больше средств на содержание своих солдат, знатных людей в каждом городе объявили прикрепленными к месту и отвечающими своим имуществом за исполнение государственных повинностей. Люди, понимавшие, что им столько не выплатить, в ужасе разбегались, уходили в разбойники, кончали с собой.

На фоне не прекращающихся внешних вторжений и гражданских войн города разорялись, социальные структуры распадались, общество слабело. Всё большую силу забирали языческие жрецы, всевозможные маги и колдуны, которые вводили совершенно дикие обряды, морочили людей и подстрекали и императоров и толпу гнать христиан. Часто говорят, что Римская Империя осуществляла гонения на Церковь. Это не совсем так. Подобным образом поступали не все императоры, а преимущественно грабители, находившиеся во власти колдунов, которые, понятное дело, не могли вынести христианского присутствия. А поскольку гонения сопровождались конфискацией имущества, то и всевозможные грабители охотно в них участвовали.

Византия появилась на свет в результате страшной Гражданской Войны, раздиравшей почти столетие Римскую Империю. Войны между христианами и магами. Разумеется, современные светские историки не признают, что такая война была. Они вам скажут, что

речь шла о гонениях римского государства против не желавших поклоняться императору христиан. Но это чушь – первые полтора столетия существования христианства гонения на христиан были эпизодическими и большая часть их приходилась на правление императоров-тиранов. И лишь во II веке в борьбе за Рим схлестнулись две силы – Христианство и магические культы (а никак не традиционное римское язычество).

Большинство гонений рассматривалось христианами как результат заговора — и, обычно, по факту им являлось. Составляющими элементами этого заговора были иудеи, клеветавшие на христиан везде, где могли и как только могли, языческие философы и особенно жрецы, видевшие в христианах опасных конкурентов и разрушителей их духовной монополии, и беснующаяся кровожадная толпа, которая и верила клевете о «людоедских обрядах» христиан, и желала попользоваться от разграбления их имущества и, что особенно важно, развлечься жестокими казнями.

По сути мы можем говорить о длившейся почти полтора столетия и закончившейся победой христиан духовной гражданской войне, сопровождавшейся всеми обычными ужасами гражданской войны — политическими переворотами, грабежами, убийствами, насилием, внешней интервенцией, чудовищной деградацией хозяйственной и культурной жизни. Против христиан, добропорядочных римских граждан, была начата война со стороны магов — и там, где при Адриане (117-138) и Антоние Пие (138-161) царило казавшееся идеальным благоденствие, воцарилась отныне мерзость запустения.

Грандиозная гражданская война, раздиравшая Империю, была безоговорочно выиграна христианами. Победа была тем более поразительной, что христиане составляли меньшинство (правда, организованное меньшинство) и, за исключением последнего этапа, не использовали мирского оружия, напротив, охотно шли на жертву жизнью за одно лишь имя Христа. И, однако, их оружие — молитва и защита Бога — были гораздо эффективней.

Не только христианские, но и языческие авторы не могли не отметить удивительный характер тех бедствий, которые обрушивались на гонителей, то неизменное военное и политическое поражение, которым заканчивалось всякое гонение. Конечно, и благоприятствовавшие христианам императоры гибли в результате заговоров и мятежей. Обычно это было убийство их солдатами, представлявшими магически-милитаристскую партию. Это вполне соответствовало условиям шедшей в империи гражданской войны и анархии. Но ни один из прохристианских императоров не был позорно разбит в битве на болоте как Деций (+251), не был унижен пленом как Валериан (+260), не утонул в Тибре как разбитый святым Константином Максенций (+312), не умер в таких мучениях как Галерий (+311) и Максимиан Даза (+313).

Так или иначе, именно окончательная победа христиан во главе с Константином Великим (306-337) в длительной язычески-христианской религиозной гражданской войне положила основание византизму. Сменилось не просто царствование, сменился «эон», сменилась столица империи, ее духовные и идеологические основания, трансформацию пережила армия, установлены были новые начала государственного управления. В общем сложилось всё то, что позднее названо было византизмом. Идеология возникшей одновременно с Рождеством Христа Империи наконец совпала с той миссией, которую с самого начала усмотрели для нее христианские апологеты.

В ходе войны с Максенцием у Константина было очень мало шансов на победу — у того и войск было больше, и языческие предсказания были на стороне врага, и сидел Максенций в неприступном Риме. Но вот однажды на небе Константин и его воины увидели знамение Креста Христова и надпись «этим побеждай». Тогда Константин сделал знамя, на котором был изображен крест в виде монограммы Христовой и начертал их же на щитах своих воинов. И произошло чудо — Максенций сам, обманутый ложными пророчествами,

вышел за стены Рима, его воины построились очень неудобно, и были полностью разбиты, а тиран погиб.

Константин во всех своих войнах не потерпел ни одного поражения — и именно с его правления чудо стало для империи военно-стратегическим фактором. Но Константин понял и еще одно — что в условиях, когда за время предыдущего кризиса города-полисы пришли в упадок, когда социальные связи между людьми распались, Церковь является единственной крепкой социальной структурой соединяющей людей. И именно на эту церковную структуру императоры возложили основную нагрузку в организации жизни народа.

Причем несколько перегнули палку, как, например, великий император Юстиниан, почти восстановивший Римскую Империю в её прежних границах. Он наложил на христианских епископов многочисленные административные обязанности и в одном из указов писал, что если епископ не информирует императора о неблагополучии на местах, то это он, а не император ответит перед Богом за беспорядки. Первая часть этого утверждения конечно справедлива, а вот вторая — нет. Ведь именно императора поставили править, а не священника, а потому это он отвечает за надлежащий порядок. В итоге в Византии сложилась парадоксальная ситуация, когда человек ни на секунду не забывал о том, что он — православный христианин, но далеко не всегда чувствовал себя гражданином. Иногда это тоже приводило к весьма печальным последствиям.

Вот, например, какую историю рассказывали о византийском императоре Маврикии (582-602), который был крупным полководцем, отважным воином. Но однажды случился с ним такой грех — в походе войско против него взбунтовалось и из-за этого потерпело поражение, многие попали в плен. Тогда хан кочевых племен, которые потом стали болгарами, предложил Маврикию выкупить пленных. Бережливый император отказался, не желая платить деньги за плохих солдат и думая, что варвары их продадут в

рабство. А хан, обиженный отказом, взял и перебил всех пленных до одного. Император почувствовал себя убийцей.

И вот он разослал всем патриархам, митрополитам, всем известным ему людям святой жизни людям письмо, в котором просил их молиться, чтобы за этот грех Бог наказал его в этой жизни, а не в будущей. Однажды к нему пришел ответ, что просьба его Богом услышана. Вскоре после этого в войсках вспыхнул страшный бунт, они избрали своим новым императором грубого и невежественного Фоку. Маврикия схватили, схватили и его сыновей и казнили их на глазах у отца, а затем казнили и самого императора. Так император спас душу и искупил в этой жизни свой грех, что и было исполнено. Но вот только Фока (602-610) потом правил еще восемь лет и вверг империю в ужасающие бедствия, истребил лучших военачальников, открыл границы врагам, пока его не сверг, наконец, Ираклий. Так что получилось, что в благочестивой заботе о себе Маврикий об империи не подумал и не понял, что кроме него защитить страну некому.

Византиец был одинок и перед Богом, и перед другими людьми. Его поддержкой были только Церковь и семья. Для спасения души этого было достаточно, а вот для нормальной жизни государства — маловато. Не случайно империя серьезно ожила и укрепилась именно тогда, когда весь Балканский полуостров заселили славянские племена с их общинной организацией, со взаимной солидарностью людей. Именно из обращенных в православие славян долгое время комплектовались лучшие войска Византии. Командовали ими полководцы — выходцы в основном из армян, поскольку у армян была сильна и родовая аристократия и очень развито этническое самосознание, которое поддерживало солидарность между ними.

А вот главной структурой, которую порождали сами римляне, было, к сожалению, чиновничество. Империя держалась на бюрократии и очень сильно от нее зависела. Связано это было с тем, что в условиях упадка городов, упадка хозяйства империя могла держаться и финансировать армию только за счет сверхцентрализованной

налоговой и бюджетной системы. Чиновники на местах старались выжать из людей максимум и переправить в столицу. А уж из столицы кое-что возвращалось назад, после удовлетворения нужд армии, двора, после прокормления столичного населения, среди которого было немало откровенных бездельников, после рассылки взяток и подарков соседним варварским правителям, воспринимавшим эти подарки как дань. Нетрудно понять, сколько собранных денег прилипало по пути к нечистым рукам чиновников, сколько новых специальных поборов было ими выдумано, чтобы получше обеспечить свои интересы.

Чиновники эти были и православными, и патриотами, но вот не грабить народ в их патриотизм, к сожалению, не входило. И поделаться с ними императоры ничего не могли, скорее это сами чиновники пытались что-то поделаться с императорами или с военными, которые составляли чиновникам своеобразную оппозицию.

Лишь один раз у власти оказался очень странный человек, Андроник Комнин (1183-1185), который чиновников прижал очень жестко и серьезно. Он, отправляя их в провинции, выдавал им довольно крупное твердое жалование и, при этом, категорически запретил какие-либо поборы с населения. Дали тебе достаточно? Достаточно. Вот и пользуйся и властью не злоупотребляй. А если кто-то осмеливался брать поборы, то того сразу казнили смертью.

«Кто отдал кесарево кесареви, — пишет Никита Хониат, с того больше никто не спрашивал. От одного имени Андроника, как от волшебного заклинания, разбегались алчные сборщики податей; оно было страшным пугалом для всех, кто требовал сверх должного, от него цепенели и опускались руки, которые прежде привыкли только брать. Он собрал рассеявшихся жителей и через то увеличил государственные доходы, потому что прекратил притеснения сборщиков податей и превратил в четко зафиксированный сбор, те непрерывные поборы, которые были выдуманы и обращены в ежегодную дань жадными казначейскими чиновниками, как хлеб пожиравшими народ».

Об Андронике, в частности, рассказывают такую историю — у византийцев в то время существовал такой дурной обычай, — если какой-то корабль разбивала буря или выносила на мель, то местные жители считали, что всё, что на нем находится, принадлежит им и безжалостно обирали мореплавателей. Через это очень сильно страдала торговля. И вот Андроник собрал советников и сказал, что хочет эту порочную практику уничтожить. Ему ответили — ей много сотен лет и победить это зло нет никакой возможности.

«Нет, ответил Андроник, нет такого зла, которого нельзя было бы исправить. И если прежде того не сделали, значит брались нерадиво». И объявил такой указ — тот губернатор, в пределах владений которого будет ограблен какой-либо разбитый бурей корабль будет повешен на рее этого корабля. И вот, говорит Хониат, страх губернаторов был настолько велик, что если бы они могли, они вообще запретили бы дуть ветрам, лишь бы не случилось бури. Грабеж полностью прекратился.

Андроник, кстати, попытался вышвырнуть из Византии и западных купцов, которые, пользуясь огромными привилегиями, попросту обирали Империю. Но в историю этот царь вошел с именем развратника, тирана и душегуба — византийским вариантом Ричарда III. Причем мы не знаем, действительно ли он был таким чудовищем, что казнил и своего юного племянника, и множество своих приближенных. Или же он стал жертвой клеветы тех столичных чиновников и олигархов, которых так безжалостно прижал. В нем явно сочетались глубокий ум и бессовестная беспринципность, что византийцам нравилось не всегда.

Во всяком случае Андроника свергла с престола и жестоко замучила на ипподроме толпа константинопольской черни. И не исключено, именно потому, что жители столицы, зависевшие от подачек государственного бюджета и сильных мира сего не были довольны тем, что Андроник частично разгрузил провинции от налогового гнета. Ведь не раз и не два так бывало, что добрые по отношению к народу государи однако входили в историю с клеймом убийц и

тиранов, поскольку не могли поладить со столичной элитой и жестоко её притесняли. Так было в истории древнего Рима с императором Тиберием, так было в нашей русской истории с императором Павлом Петровичем.

Так или иначе, жители Константинополя и столичные бюрократы в какой-то момент до такой степени довели жителей провинции, что те с радостью встретили взятие столицы крестоносцами. Хониат, оказавшийся в изгнании вместе с другими столичными жителями, горько сетовал на отношение провинциалов:

«Земледельцы и поселяне, вместо того, чтобы вразумиться бедствиями своих ближних, напротив, жестоко издевались над нами, византийцами, неразумно считая наше злополучие в бедности и наготе уравнением с собой в гражданском положении. Многие из них, незаконно покупая за бесценок продаваемые их соотечественниками вещи, были в восторге от этого и говорили: «Слава Богу, вот и мы обогатились»... Мы, наподобие каких-то пленников, не имеем ничего общего с этим народом, кроме земли, по которой ходим, и Божиих храмов, оставаясь во всем прочем вне всякого соприкосновения... Этот бесчувственный народ не только не желает возвращения Константинополя, но упрекает, напротив, Бога, почему Он давно, почему Он еще жесточе не поразил Константинополь и вместе с ним нас, но отлагал казнь, доселе щадил, терпел человеколюбиво...».

Что интересно — жил Хониат в том самом городе Никея, который стал столицей обновленной византийской империи и откуда пошло отвоевание земли у латинян. Никейцы были патриотами, просто недолюбливали, и справедливо, столичных спесивцев. Когда Константинополь был освобожден, то при императорском дворе в Никее имела место следующая сцена.

«Когда Стратагопул, при Михаиле Палеологе, взял у крестоносцев Константинополь, и двор императора со всей

Никейской империей ликовали, Феодор Торник заплакал. Это был мудрый старец, знаменитый родом и заслугами в деле восстановления империи в Никее... С грустью он произнес пророческие слова: «Империя погибла!» На изумленные вопросы окружающих о мрачных словах его в столь радостную минуту торжества, Торник отвечал, что теперь у греков опять все придет к развращению. Злополучная судьба государств, — сказал он, — все доброе исходит из деревни и сначала дает блеск столице, но в столице все портится и возвращает обратно только пороки и бедствия».

И в самом деле, возвращение в Константинополь не стало для византийцев возрождением. Император Михаил Палеолог, как я уже сказал, путался в попытках объединиться с Римскими папами и со вчерашними оккупантами. Хитрые генуэзцы опутали империю долгами и неравноправными торговыми договорами. Богатые византийцы не хотели давать денег на оборону и воинский строй приходил в упадок. А в городах начались жестокие бунты и одно время город Фессалонику раздирали мятеж «зилотов» на фоне воны гражданской между Иоанном Кантакузином и Палеологами.

Византийцам не хватало наряду с религиозным единством, единством в православной вере, чувства национальной солидарности, ощущения того, что они единый народ, связанный общим прошлым, общими ценностями, общим социальным строем. Ведь в этом отношении они не были похожи ни на французов, ни на немцев, ни на сербов, ни на болгар, ни на русских. Разумеется, у византийцев шла выработка собственного национального сознания в том самом XIV веке, к которому и в Западной Европе относится зарождение национализма. Послушаем святителя Григория Паламу (+1359), который так увещевает участников гражданских беспорядков в Фессалониках:

«Мы, кроме того, являемся братьями друг другу, как сущие от одного земнородного Адама и единые сотворенные по образу Божию; но и это — обще и нам и всем народам вообще. Мы же,

сверх всего, являемся братьями друг другу и как чада одного и того же народа (этноса) и граждане одного и того же города (полиса); но особенно — как все обладающие богатством иметь общую Матерь — Священную Церковь и православие, Начальник которого и Совершитель есть Христос».

Но времени на выработку национального начала, на появление своей Жанны Д'Арк, византийцам не хватило. Кроме того, после разгрома Константинополя в 1204 году, империя в полной мере так никогда и не восстановила своего единства, не была уже сплошным территориальным блоком, наличие которого способствовало бы генезису нации.

Хотя бывали совершенно потрясающие истории, говорившие о том, что дух римлян был еще силен, а вот феодальных прав, так долго запутывавших становление наций, они не признавали. В 1397 году деспот Мореи Феодор решил продать Родину. В самом буквальном смысле — уступил свои права на Морею (то есть Пелопонесс, столицей Мореи был в то время город Мистра рядом со Спартой) латинскому ордену госпитальеров за кругленькую сумму. Однако из сделки ничего не получилось — жители Мистры попросту восстали, изгнали госпитальеров и назначили своим главой архиепископа:

«Узнав о предательстве своего правителя и находясь под влиянием архиерея Спарты, спартиаты собрались вместе и договорились, что никому из назареев не позволят войти в город, а также дали слово, что вытерпят все, что бы ни случилось, но не покорятся латинянам-назареем».

В итоге деспот Федор вернул госпитальерам деньги и решил возвратиться в столицу, однако народ его сразу не принял и сильно разбранил за предательство. Лишь посредничество архиепископа положило конец конфликту между государем-спекулянтom и возмущенными гражданами.

Но и в данной истории возмущение было направлено против не только чужеземцев, но и иноверцев латинян. Религия так и

оставалась в центре византийских интересов. Однако и здесь разные части общества разделились. Если для одних Бог оставался живой реальностью, а Истина была превыше всего, то других охватили равнодушие и скептицизм. Одному из интеллигентов той эпохи, когда императоры больше всего были озабочены идеей — как договориться с Западом, Варлааму Калабрийцу (+1348) принадлежала замечательная в своей простоте идея. Надо просто признать, — говорил он, — что о Боге ни мы, ни они ничего не знаем, что Истина нам неведома, а потому и не надо спорить о догматах. Этот метод Варлаама очень, кстати, понравился западноевропейцам и его не случайно считают отцом итальянского «гуманизма» и «ренессанса».

Варлааму возражал величайший православный богослов поздней Византии святитель Григорий Палама (+1359). Мы не только знаем истину о Боге, но Бог дан нам также в ощущениях, как и любая другая реальность. Как человеческие глаза видят солнечный свет, так и глаза души человека, который молится истинной молитвой и который побеждает в себе грех, видят нетварный Божественный свет. Ничего более конкретного, более ощутимого, чем православное предание, чем истина о Боге, попросту нет. Мнение Паламы после длительной борьбы восторжествовало и в Византии. Но от скептицизма в отношении к истине византийцы так до конца и не избавились, униатство продолжалось и закончилось флорентийской унией и гибелью империи, о которой мы уже говорили.

Но идеи святителя Григория Паламы не пропали все. Его преемники и последователи знали, какой конец надвигается на Византию. Именно поэтому еще в XIV веке, еще при преподобном Сергии Радонежском, святителе митрополите Алексии и святом князе Димитрии Донском, они начали, если так можно выразиться «переводить» значительную часть «духовных активов» на Русь. Всеми способами и мерами поддерживать хранившую верность православию Москву против её конкурентов, особенно Литвы.

А конец XIV века, эпоха Куликовскую битвы, и в самом деле были удивительным временем, когда политику Московского княжества определяли святые. Церковь прославила как святых и великого князя, и митрополита и их духовного наставника преподобного Сергия. И лучшие византийцы предвидели и это. Ученик Паламы патриарх Филофей Коккин писал Дмитрию Донскому, что считает русских «святым народом» и молится за нас больше, чем за все остальные народы. Так что идея, что «Москва – Третий Рим» придумали не в России, а в самой Византии, предвидя падение «Второго Рима». И с этого патриаршего благословения, в русское сознание крепко вошла идея Святой Руси.

Категории византизма

Можно ли дать какую-то интегральную формулировку или концепцию того, что такое византизм, что такое византийская цивилизация? На мой взгляд, её характеризуют следующие черты.

I. Империя как Тело Христово. Самоопределение Византии базировалось на «византийском догмате», то есть на вере в тождество Мистического Тела Христова – Церкви и политического тела Империи. Для византийцев Империя была телом Церкви пребывающим в сём мире.

II. Политическое православие. Мистика церковности предполагала строгую ортодоксальность в вопросах религии. Православие становилось вопросом жизни и смерти, поскольку только безукоризненная чистота веры сохраняла единство Тела Христова. Поэтому православие воспринималось не только как философская, но как политическая проблема. Мировая история знала массу царей-священников, несколько царей-философов, но только в Византии возможен был тип царя-богослова.

III. Цивилизация чуда. Чудо, чудесное, теофания среди повседневности были основой жизненного самоощущения византийцев. Раз Империя есть Тело Христово, значит Дух Святой –

животворящий и чудотворящий непрерывно действует в ней. Чудо – не столько вторжение иного мира, сколько составная часть преображенной божественными энергиями реальности. На чуде строится и повседневная жизнь, и политика, становящаяся агиополитикой.

IV. Иконичность. Способом присутствия Божественного в жизненной ткани повседневности является икона. Не случайно классический византизм устанавливается именно с победы над иконоборчеством. Икона – это способ маркирования преображенного Духом пространства, способ осуществить присутствие невидимого и бесплотного мира. Икона – это не только изображение, но и архитектура, но и пространство (иеротопия), вся среда, где сообщаются два мира.

V. Остров спасения. Геополитическое положение Византии можно осознать через метафору острова или ковчега спасения. Все 1123 года своего существования Империя с переменным успехом отстаивала территорию от множества врагов, отождествляя свою границу с границей истинной Церкви. По большей части это была оборонительная война, иногда оборачивающаяся контрнаступлением. Этому удержанию территории спасения были подчинены как воинский дух, отличавшийся героизмом и рыцарством, так и изощренная, полная коварства византийская дипломатия. Любые средства годились для того, чтобы удержать свой остров.

VI. Средиземноморская цивилизация. Византия располагалась и в Европе, и в Азии, и, порой, в Африке, но никому бы и в голову не пришло назвать эту цивилизацию «евразийской» она не подчинялась континентальным архетипам, а господствовала над ними. Византия – это, прежде всего, Византий, город на стыке материков и морей. Подлинной стихией византизма было Средиземноморье (прежде всего – восточное). Эта цивилизация жила пока могла контролировать море своим флотом, вооруженным

греческим огнем, и умерла, когда сила этого флота ослабла и контроль за морем перехватили итальянцы.

VII. Сверхурбанизм. Особенностью Византии было то, что центром огромной империи всегда оставался один город – мегаполис. Константинополь. Всё остальное пространство было более-менее существенным приложением к нему, его питательной средой. Нигде и никогда в истории сосредоточение цивилизации в одном Городе было настолько абсолютным. Это предопределяло как исключительную насыщенность его жизни, город был средой непрерывной активности и творчества, так и иссушающее его влияние на окружавшее его городское и сельское пространство. Пока к Константинополю примыкала его естественная «хора» – Малая Азия, обширная система сельских местечек и поместий, искусственность и пропорциональность характера этого города не была заметна. После захвата Малой Азии турками началось экономическое и социальное самоопустошение Византии.

VIII. Аграрно-фискальная экономика. Удивительной особенностью Византии было то, что будучи аграрной цивилизацией, с постепенно падающей ролью промышленности и торговли, что вообще характерно для средневековья, она до конца сохранила свой денежный характер. В центре её социально жизни стояли налоги и Бюджет. Основой социальной иерархии была иерархия распределения императорского жалования чиновникам. Уровень финансового контроля за аграрным обществом был очень высок и не имел себе равных, пока на Западе не появилась конкурирующая торгово-промышленная модель итальянских республик, успешно вдрившихся в византийскую систему и уничтоживших её.

IX. Монашеская цивилизация. Жизнь Византии всегда определялась структурным напряжением между «империей и пустыней» (по точному выражению о. Георгия Флоровского). Монашество, уход от мира, альтернативный способ аскетического существования составляли как бы параллельный социум. Пустыня оказывала огромное влияние на Империю – выступая как защитница

Православия, барьер от чрезмерного обмирщения жизненной практики. Предполагала возможность перехода в более близкую к Небу форму жизни. Часто недооценивают роль монашества в Византии или считают её деструктивной. Между тем, именно существование параллельного социума позволяло снимать многие социальные и даже политические противоречия, которые иначе бы вызывали острый кризис.

Х. Археологичность знания. В культурном плане Византия всегда жила прошлым, она осмысляла себя через единый исторический континуум с Грецией, Римом и Библейским востоком. Её историческое время было непрерывным по отношению к древней истории временем. Интенсивное культурное творчество и развитие (а Византия была пространством уникального творческого потенциала) шло через органичное движение в прежних культурных формах. Даже такие культурные революции, как развитие крестово-купольного храма не осмыслились как разрыв. Это позволило Византии сохранить огромную часть античного наследия (если бы не внешние потрясения всё сохранилось бы в практически полном виде). Но в этой отягощенности были и свои минусы – сравнительная культурная бедность Запада заставляла его двигаться вперед, делая из нужды добродетель, изобретая велосипеды и, в конечном счете, вырваться к новым рубежам развития, освоить которые Византия уже не сумела. Особенно характерным, в этом смысле, было становление университетской науки – формы, так, в итоге, не прижившейся в Византии. Магнаврская высшая школа была блистательной, но неустойчивой и, зачастую, виртуальной структурой, типичным плодом мегаполисной централизации культуры. В целом, знание для византийца было слишком доступным, чтобы нуждаться в совместном обучении по ограниченному числу книг, растолкованному преподавателем.

Таковы основные черты византийской цивилизации. Прекращение истории Византии – это не плод какого-то системного порока в её истории, а исключительно свидетельство того факта, что у каждой

вещи есть своё начало и свой конец. Византия имела свои великие достоинства, но имела и роковые недостатки, связанные, в частности, с греческой национальной психологией и присущей ей крайней гордыней. Империи суждено было прейти на Север, к русским. Но падение Константинополя свершилось под действием внешних, враждебных сил как в 1204, так и в 1453 г.

Никаких оснований для утверждения мнимого цивилизационного превосходства Запада над Византией – нет. Лишь тогда, когда современная Западная цивилизация сумеет превзойти срок её существования и сумеет кончить как-то лучше, предмет для сравнения действительно появится. В определенный период истории Византия была сосредоточением всего лучшего, самого глубокого и яркого, что только могла дать человеческая культура. Эта шедевральность Византии была достигнута тем, что человеческое мыслилось в ней как составная часть богочеловеческого. Византия – это, несомненно, абсолют религиозной цивилизации доступной для человека.

ВСЕЛЕНСКИЕ СОБОРЫ

Вселенские соборы были одним из наиболее значительных явлений в истории византийской цивилизации. Особенность этой цивилизации состояла в том, что, после обращения в Христианство императора Константина, Империя как политическое сообщество, по сути, отождествляла себя с Христианской Церковью как мистически-религиозным сообществом.

«Империя имела теократическую природу и не могла остаться без религиозного основания - ей нужна была именно государственная религия как источник и обоснование самой государственности... — отмечает протоиерей Александр Шмеман, — Смутно намечавшаяся у апологетов мысль о провиденциальном соединении империи с христианством теперь стала реальностью... именно в этой верности христианскому догмату, в православии узрела Церковь религиозную функцию и оправдание империи, вот почему союз, заключенный между ними, был прежде всего союзом догматическим».

Иными словами, Римская Империя рассматривала свою миссию и оправдание своего существования в мире, как осуществление вселенской истины. Следовательно догматы и каноны христианской религии, рассматриваемые как выражение этой вселенской истины, превращались в государственное дело первостепенной важности. Это и предопределило особенность атмосферы ранневизантийской эпохи — эпохи вселенских соборов, когда путем кипевших в Церкви напряженных богословских дискуссий устанавливались формулировки и ортодоксальное понимание догматов. Никакие экономические, социальные, военно-политические процессы не рассматривались современниками как явление настолько же важное, как точное оформление церковного вероучения, ошибка в котором могла стоить жизни вечной.

В вероучительном плане вселенские соборы рассматривались как действие Духа Святого, устраивающего Церковь в соответствии с промыслом Божиим. В историческом же плане каждый вселенский собор был серьезным политическим мероприятием, требовавшим значительных организационных усилий со стороны как императорской власти, так и епископата. Вокруг созыва соборов разворачивалась идейная и политическая борьба, плелись интриги соперничающих группировок. Некоторые соборы первоначально рассматривавшиеся как «вселенские» в конечном счете были признаны «разбойничьими», то есть созванными еретиками и устанавливавшими ересь. К числу таковых относятся Эфесский собор 449 г. и Иерийский (первый иконоборческий) собор 754 г.

Актуальность темы вселенских соборов определяется для нас как тем, что установленная на них догматика является строго обязательной для православных христиан, а значит и для рассматривающих себя как православные граждане России, и до сего дня, так и тем, что те или иные решения вселенских соборов оказываются в центре политической борьбы и по сей день. Например, взаимоотношения между Русской Православной Церковью и Константинопольским патриархатом, резко обострившиеся в 2018-2021 годах в связи с юрисдикцией над Украиной, завязаны на разное толкование 28 канонического правила IV вселенского собора в Халкидоне. В этом правиле определяется объем канонической юрисдикции Константинопольского патриархата.

Сохраняют актуальное значение и собственно догматические споры этой эпохи. В последние десятилетия православные церкви активизировали диалог с монофизитскими «древними восточными церквями» - в частности армянской, эфиопской, сиро-яковитской. Звучат формулировки о том, что различие между халкидонской и нехалкидонской догматикой, разделявшими христианский Восток в V-VII веках носит в большей мере словесный, чем содержательный характер. В связи с этим звучат предложения рассматривать

«нехалкидонские» церкви как такие же православные, что резко меняет восприятие со стороны православных обществ таких конфликтов как армяно-азербайджанский или эфиопско-эритрейский. Трактовка решений вселенских соборов имеет, таким образом, не только научно-исследовательскую или духовную, но и острейшую геополитическую актуальность.

Первостепенными источниками по истории вселенских соборов являются «Деяния вселенских соборов», издания которых по латинским и византийским рукописям осуществлялось на Западе с XVI в., а русский перевод Казанской духовной академии впервые издан в XIX веке. Деяния III-VII соборов – это достаточно подробная стенографическая запись высказываний участников собора, оглашавшихся на соборе документов, выдержек из авторитетных текстов, и, наконец, решений самого собора. Деяния дополнены сохранившимися текстами, имеющими отношение к I и II соборам, стенографическая запись которых не сохранилась.

Важнейшими источниками по вселенским соборам являются сочинения ранневизантийских церковных историков и хронистов — Евсевия Кесарийского (I собор), Феодорита Кирского (I-II соборы), Сократа Схоластика (I-III соборы), Евагрия Схоластика (III-IV соборы), Феофана Исповедника (VII собор). Понимание эпохи невозможно без учета произведений святых отцов и учителей Церкви, непосредственных инициаторов и участников соборов и интерпретаторов их постановлений: Афанасия Александрийского, Григория Богослова, Кирилла Александрийского, Феодорита Кирского, равно как и императора Юстиниана.

Историография вселенских соборов активно развивалась в России до 1917 года. В 1876-1879 профессор Московской духовной академии А.П. Лебедев опубликовал обширный труд «История вселенских соборов» в двух частях. В нем он последовательно изложил историю вселенских соборов, трактуя догматические споры эпохи как идейное противоборство двух богословских школ – александрийской и антиохийской. С критикой взглядов Лебедева

выступил протоиерей Александр Иванцов-Платонов, в вышедшей в 1881 г. работе «Религиозные движения на христианском Востоке в IV и V вв.» указавший на то, что сведение богословских споров эпохи к противоборству двух школ является доктринерским упрощением — на ход споров влияли множество конкретных обстоятельств, множество направлений, взгляды отдельных личностей, политическая и этническая конъюнктура и т.д.

Огромное значение для разработки истории вселенских соборов имели «Лекции по истории древней Церкви» профессора Санкт-Петербургской духовной академии В.В. Болотова. Четвертый, самый обширный, том этих лекций, опубликованных в 1907-1908 гг., после ранней кончины автора, полностью посвящен догматической истории церкви в эпоху вселенских соборов. Эта история раскрывается автором прежде всего как движение возвышенных богословских идей, как ход догматической логики.

В то же время в работе Болотова трудно не отметить определенные идеологические пристрастия автора. История вселенских соборов выступает у Болотова не столько истории сотрудничества, сколько как история нелегитимного вмешательства императорской власти в дела Церкви. В работе очевиден определенный либерально-западнический уклон, выражающийся в сравнительной большей симпатии к несторианству, чем к монофизитству и, особенно, в резко негативной оценке церковной политики императора Юстиниана, которую Болотов называет бесплодной. Автор не видит во вмешательстве императора в догматический спор никакой собственно богословской необходимости, объясняя его лишь политическим стремлением умиротворить монофизитов в интересах единства Церкви.

Продолжателем болотовского подхода стал в эмиграции А.В. Карташев, известный церковный историк и публицист, в 1917 году обер-прокурор Синода в составе Временного Правительства. Его вышедшая в 1963 году работа «Вселенские соборы» написана в ярком, пристрастном, публицистичном стиле. Автор уделяет

большее внимание не собственному содержанию богословских споров, а сопровождавшей их исторической борьбе. Пронесторианская тенденция и интерпретация политики Юстиниана как насильственного вмешательства в дела Церкви выражена у Карташева еще более ярко.

Совершенно иную, гораздо более взвешенную оценку дает церковной политике и богословию Юстиниана и V вселенского собора протопресвитер Иоанн Мейендорф в работе «Единство Империи и разделения христиан. Церковь в 450-680 годах», опубликованной в 1989 г. В этой работе подробно рассмотрены IV, V и VI вселенские соборы.

Он подчеркивает, что центральной для Юстиниана была не политическая, а богословская идея — в противостоянии монофизитству послехалкидонское православное богословие взяло слишком несторианский крен, последовательно разделяя божественное и человеческое во Христе. Тем самым потерпела ущерб центральная идея христианской сотериологии: именно Бог, воплощенное второе лицо Святой Троицы, страдал на кресте по человеческому естеству, именно Бог, как личность-ипостась, воплотился, умер и воскрес ради спасения людей. Юстиниану и V вселенскому собору пришлось утвердить этот центральный пункт православного вероучения, осудив крайности несторианского уклона.

Еще энергичней берет под свою защиту Юстиниана В.М. Лурье в своей «Истории византийской философии» (2006), в которой последовательно рассматривается богословское учение всех вселенских соборов.

Из современных работ, посвященных вселенским соборам, обращает на себя внимание чрезвычайно фундированное исследование архиепископа Петра (Л`Юилье) «Правила первых четырех Вселенских Соборов». Однако основной предмет этого исследования не богословие, а каноническое право этих соборов.

Эпоха тринитарных споров. I-II вселенские соборы.

Возникновение вселенских соборов связано с новой эпохой, начавшейся в истории Христианской Церкви после обращения императора Константина, произошедшего в ходе похода на Рим в 312 г.. Не просто прекратилось гонение Империи на Церковь – для императора Христос был его личным Богом и он ощущал глубокую личную ответственность за устройство её дел. Император ощущал свое призвание не только как светского, но и как христианского теократического правителя, однако считал необходимым сообразовывать свои действия с епископатом, рассматриваемым как хранитель апостольской веры. Поэтому столкнувшись с серьезными церковными конфликтами – арианский спор, спор относительно празднования Пасхи, Константин Великий учредил такой прежде не существовавший церковный институт, как вселенские соборы.

Соборы апостолов, а затем епископов играли большую роль в Христианстве и прежде. Им принадлежала власть принятия канонических правил, определений о вере, без участия малого собора 2-3 епископов невозможно было поставление нового епископа. «Апостольские правила», составленные в IV в., но возводимые преданием к ученикам Христа, устанавливают необходимость созывания собора минимум два раза в год (37 правило). Однако это были соборы церковных областей. Константин принял решение перенести практику на всю управляемую им Римскую Империю – «вселенную».

«Опытно зная по благополучному ходу государственных дел, сколь велика бывает благодать божественной силы, - сообщал император о деяниях первого вселенского собора в послании епископам, не бывшим на соборе, - я счел нужным прежде всего иметь в виду ту цель, чтобы между всеми блаженнейшими общинами вселенской церкви соблюдалась единая вера, искренняя любовь и согласное почитание Вседержителя Бога. Но так как это не могло бы иначе прийти в неизменный и твердый порядок, если бы не сошлись в

одно место все или, по крайней мере, весьма многие епископы и не рассмотрели каждого предмета, относящегося к божественной вере, то я собрал сколько можно более епископов и, как один из всех вас (ибо признаюсь, что чувствую великое удовольствие быть вашим сослужителем), присутствуя на соборе сам, до тех пор подвергал все надлежащему исследованию, пока мысль, угодная блюстителю всех, Богу, не была озарена светом, как основание единения, пока не осталось более места разномыслию или недоразумению в рассуждении веры» (Феодорит. Церковная история. I, 10).

Причиной созыва I вселенского собора стал спор александрийского пресвитера Ария с его епископом Александром о природе второго лица Святой Троицы — Сына, Бога-Слова. Арий утверждал, что Сын сотворен Богом, было время, когда Сына не было, и, соответственно, ему принадлежит лишь второе место в небесной иерархии после единого Бога-Отца. В этих утверждениях слышались отголоски гностических учений, так же стремившихся к выстраиванию всевозможных онтологических иерархий, а также влияние богословских течений, именуемых «субординационизмом», в которых Сын и Дух Святой выступали как подчиненные Отцу сущности.

Арий, при этом, опирался на буквалистское толкование Священного Писания, характерного для антиохийской богословской школы и её выдающегося деятеля пресвитера Лукиана. Поддержка «солукианистов», занимавших многие епископские кафедры, в частности Евсевия, епископа фактической столицы востока Империи — Никомедии, была одной из причин по которой Арий оказался настолько влиятелен.

Такой взгляд на Сына подрывал саму основу христианской «керигмы», то есть обращенной к миру проповеди о спасении. Получалось, что воплотился как Иисус Христос и принял смерть на кресте за людей не Сын Божий, Бог-Слово, а сотворенный посредник, а поскольку Церковь это по учению апостола Павла «тело Христово» в котором человек соединяется с Богом, то в арианской

богословской перспективе подлинное единство невозможно, поскольку сам Сын оказывается не Богом.

Александр Александрийский выступил против Ария, утверждая учение о вечном сосуществовании Отца и Сына, о том, что Сын рождается всегда из сущности Отца и во всем равен Отцу. На соборе ста египетских епископов Арий был осужден и анафематствован. Однако учение Александра подверглось нападкам со стороны «солукианистов», которые обвинили епископа Александрии в следовании учению еретика Савелия, утверждавшего, что Отец, Сын и Дух это лишь разные «модусы» явления Бога-«монады» перед человеком. Решение этого спора и было главной из причин созыва I Вселенского Собора.

Местом первого собора была избрана Никея в Вифинии, удобная как императору – город был расположен недалеко от Никомедии и там имелся дворец, так и епископам, которые легко добирались до города сравнительно недалеко расположенного от моря. На собор съехались несколько сот епископов преимущественно из Азии, Понта и Сирии, римский епископ был представлен пресвитерами, большую роль играл церковный советник императора Осия Кордубский из Испании. Точное число участников неизвестно, но позднее закрепилось символическая цифра 318, ассоциирующаяся с библейским числом слуг Авраама.

И император Константин и епископы-участники сознавали, что созванный собор является не рядовым областным собором. Он именуется в их документах «святым и великим собором», а церковный историк Евсевий Кесарийский называет его «вселенским».

Заседания собора открылись 20 мая 325 года и продлились до 25 августа. В большинстве заседаний принимал участие лично император Константин. Был решен вопрос о Символе Веры, о Пасхе, ряд других канонических вопросов. Был составлен Символ Веры, в котором основное внимание уделялось учению о лице Иисуса Христа как Сына Божия. Вводилось ключевое для никейского

исповедания слово «ομοούσιος», выразившее отношение Сына к Отцу. По мнению архиеп. Петра (Л`Юилье): «император Константин, по-видимому, под воздействием своего советника по вопросам веры епископа Осии Кордовского, предложил термин consubstantialis для выражения догматической истины об отношении Отца и Сына». Для перевода этого латинского термина и был использован термин «ομοούσιος».

Был принят Никейский Символ Веры: «А говорящих, что было время, когда не было Сына, или что Он не был прежде рождения и произошёл из несущего, или утверждающих, что Сын Божий из иной ипостаси или сущности, или создан, или изменяем — таковых анафематствует кафолическая [и апостольская] церковь. Аминь». Те, кто, как Арий и Евсевий Никомедийский отказались подписать этот Символ Веры были отлучены от Церкви.

Однако вскоре после окончания собора развернулась длившаяся полвека арианская «реакция». Многим восточным епископам термин «единосущный» казался отдающим савеллианством с его отрицанием действительности существования лиц Св. Троицы. При этом некоторые проповедники никейской веры, как Маркелл Анкирский, в своем богословии действительно уклонялись в савеллианство.

Пользуясь этим опасением придворный епископат, во главе с формально признавшим православие и вернувшимся ко двору Евсеем Никомедийским повел атаку на никейские формулировки, как, якобы, слишком сливающие Сына с Отцом. После смерти в 337 г. Константина Великого арианство, точнее «полуарианство» получило поддержку на высшем уровне со стороны императора Констанция (337-361), деспотично относившегося к Церкви и заявлявшего: «Моя воля – вот вам канон».

Александрийский епископ Афанасий Великий, возглавивший никейскую партию, еще при жизни Константина начал подвергаться гонениям и оказывался то в одной ссылке, то другой. На арианских

соборах принимались различные альтернативные символы, где предпринимались попытки описать отношения Отца и Сына не прибегая к слову «единосущный», в частности популярны были тезисы, что сын «подобен» или «подобносущен» Отцу. Апелляции к «подобию» были ответом на крайнее арианство – евномианство, отрицавшее всякую связь между Отцом и Сыном. Отдельно развивались учения, отрицавшие божественность Святого Духа, находившие популярность даже среди сторонников никейского исповедание – это направление получило название «пневматомахии» или «македонианства».

Арианство продолжало находиться в фаворе и при императоре Валенте (364-378). Однако благодаря деятельности отцов-каппадокийцев Василия Великого, его младшего брата Григория Нисского и ближайшего соратника Григория Назианзина, выработалось четкое православное тринитарное учение, основанное на принципе единосущия. Бог-Троица един по сущности, однако троичен по ипостасям. Слово «ипостась» из синонима сущности благодаря каппадокийцам превращается в термин, выражающий личное, особенное существование, в то время как «сущность» отсылает к общему. Тем самым устранялось опасение, что никейское учение ведет к «обезличиванию» Сына и Духа.

Идеи отцов-каппадокийцев восторжествовали на Втором Вселенском Соборе, созванном по инициативе православного императора Феодосия I Великого (379-395). «Ты почтил Церковь своими пригласительными посланиями» - обращались к императору участники собора. На собор прибыли 150 православных епископов Востока, представителей Запада практически не было. Была предпринята попытка присоединить к собору 36 епископов-«подобносушников» отрицавших божество Святого Духа, однако она не удалась и они покинули город еще до начала собора. Заседания длились с мая до 9 июля 381 года.

Константинопольский собор подтвердил Никейский символ и осудил всех отрицавших православное учение о Троице еретиков:

«да не отвергается вера 318 отцов, собравшихся в Никее Вифинской, но да пребывает непреложной, а всякая ересь пусть предается анафеме, а именно: ересь евномиан, или евдоксиан, полуариан, или духоборцев, савеллиан, маркеллиан, фотиниан и аполлинариан».

Константинопольский собор не провозглашал Никео-Царьградского Символа Веры, однако он использовался на нем, по всей видимости как исповедание веры Нектария, в ходе собора возведенного на Константинопольскую кафедру. Начиная с IV вселенского собора в Халкидоне этот Символ Веры, под именем Никео-Царьградского, становится общецерковным именно в качестве веры отцов II Вселенского собора.

Сам II собор не сразу был признан вселенским, особенно на Западе, тамошний епископат добивался проведения действительно вселенского собора, объединявшего бы архиереев обеих частей Римской Империи, однако такой собор не состоялся. Волей императора Феодосия постановлениям Константинопольского собора был придан 30 июля 381 статус закона и тот утвердился в качестве вселенского. Император проводил чрезвычайно жесткую политику в отношении арианства – все неправославные епископы были изгнаны с кафедр, храмы у них изъяты. Оставаться епископом мог лишь тот, кто был принят в общение епископами, которых император указал как образец православия. Арианство превратилось в религию ненавистного римлянам внешнего врага – готов и вандалов.

Эпоха христологических споров. III-VI вселенские соборы

С завершением тринитарных споров утверждением истины о Боге-Троице едином в существе и троичном в равночестных лицах-ипостасях, центр богословских споров переместился в область христологии, то есть учения об Иисусе Христе. Так как было признано, что Сын, Бог Слова, воплотившийся во Христе есть Истинный Бог, то возник вопрос о том, как удалось соединение

бессмертного и нетварного Божества и смертного и подверженного тлению человечества.

Провозвестником христологических споров был Аполлинарий Лаодикийский, сторонник Никейского символа веры, однако учивший, что во Христе Божественный Логос вовсе заменил человеческий ум. Это учение было осуждено на II Вселенском Соборе.

В этот период чрезвычайно обострилось противостояние между Александрийской кафедрой, получившей высочайший престиж как твердыня православия в эпоху св. Афанасия Великого, а с другой стороны - Константинопольской и Антиохийской кафедрами, чьи притязания воспринимались в Александрии с ревностью. Это противостояние выразилось и в идейном противостоянии богословских школ – антиохийской, стремившейся к буквальному истолкованию Священного Писания, и александрийской, тяготевшей к философски-аллегорической экзегезе. Феофилу Александрийскому удалось добиться осуждения и ссылки в 404 году видного представителя антиохийской школы свт. Иоанна Златоуста, бывшего архиепископом Константинопольским. Это столкновение носило, однако, личный характер, не имея значительного богословского содержания.

Новое столкновение Александрии и Константинополя приобрело богословский характер. Ставший в 428 г. архиепископом Константинополя антиохиец Несторий начал проповедовать в столице воззрения антиохийской школы в её крайнем варианте. Он выступил против укреплявшийся в этот момент стараниями архиепископа Акакия, епископа Прокла и царской сестры Пульхерии культа Девым Марии как Богородицы. К тому моменту это наименование уже вполне устоялось среди православных. «Если кто не признаёт Марию Богородицею, то он отлучён от Божества» - учил Григорий Назианзин. Несторий возражал - Мария не могла родить Предвечного Бога, это богохульство, она родила только человека, соединенного с Богом, так что ее можно именовать

Человекородицей или, как предложил Несторий, «Христородицей» и «Богоприимицей».

«Божество и человечество во Христе рассматривались как две реальности и два самостоятельных субъекта — на сегодняшнем языке мы бы сказали, как два самостоятельных «Я». В этом и состоит суть несторианского учения» — отмечает В.М. Лурье. Фактически логика предшественников Нестория, его самого и его последователей клонилась к т.н. «адопционизму», то есть представлению о том, что человек во Христе был «усыновлен» Богом так же, как это происходит со святыми.

Двойственность интерпретации Христа, выделение почти самостоятельного человеческого начала, вызывает симпатию у представителей «либерального» уклона в историографии, поэтому они достаточно мягко, как Болотов или Карташев, относятся к Несторию и достаточно враждебно к его критику — св. Кириллу Александрийскому. «Если бы все без всяких дебатов цитированные речи и выражения Нестория были рассмотрены при живых комментариях самого их автора, а не измерены другой богословской меркой, то они могли бы быть оправданы как православные» - апологетически утверждает Карташев, с чем трудно согласиться — формулировки Нестория полностью противоречат базовой логике Символа Веры, которая рассматривает как Иисуса Христа родившегося от Марии именно Второе лицо Святой Троицы.

Несторианское учение противоречило базовой интуиции христианского благовестия: на землю во плоти пришел именно Сын Божий, Второе Лицо Святой Троицы. Борьба за утверждение божественного достоинства Сына, шедшая в эпоху арианских споров, имела столь принципиальное значение именно для защиты ядра христианской проповеди — учения, что Иисус Христос есть Сын Божий, а Его воплощение и воскресение открывают путь к «обожению» для человека, благодаря тому, что во Христе человеческая природа соединилась с божественной и через это получила освящение.

Первым критиком Нестория был Св. Прокл, титулярный епископ Кизика, впоследствии архиепископ Константинопольский. В присутствии Нестория он произнес проповедь в защиту именованья Марии Богородицей. Впоследствии именно он сформулировал наиболее точно православное учение о двух природах и единой ипостаси Христа. Активную борьбу с несторианством повел и адвокат Евсевий, будущий епископ Дорилейский.

Вскоре к критике Нестория подключился Кирилл Александрийский, племянник Феофила и сам весьма властный патриарх Александрии. «Основной упор, который делал св. Кирилл в полемике с Несторием, был на том, что наше спасение мог осуществить только Сам Бог, Который и воплотился, т. е. речь шла об отстаивании единства Сына Божия до и после Воплощения, единстве Того, Кто, будучи изначально Логосом, Сыном Божиим, воспринял нашу природу от Девы Марии, так что Логос воплощенный — это не какая-то иная ипостась, но Сам Предвечный и Единородный Сын Божий. Именно этому исповеданию, с точки зрения св. Кирилла, угрожало учение Нестория...

Отстаивание св. Кириллом единства Сына Божия и православного догмата о Боговоплощении имело для него и очень важное сакраментальное значение. В самом деле, только исповедание Тела Христова Телом Бога, Каковым является Логос, делает причастие этому Телу в Евхаристии и участие в Телу Христовом, Церкви, — причастием Богу; в противном случае, можно говорить лишь о причастии человеку» - отмечает Г.А. Беневич в «Антологии восточно-христианской богословской мысли».

Сперва св. Кирилл подверг учение Нестория разбору не называя имени, на что Константинопольский архиепископ ответил запальчивым выпадом лично в адрес Кирилла. Александрийский патриарх уведомил о богословском споре римского папу Целестина, в то время как Несторий в послении к папе поставил под сомнение осуждение западной Церковью ереси пелагиан. Сходство

«человекопоклоннических» взглядов несториан и пелагиан станет одной из причин жесткой реакции Рима на несторианство.

Папа Целестин осудил Нестория и сместил его с кафедры в случае отказа от покаяния. Исполнение папского решения было поручено Кириллу Александрийскому. Св. Кирилл сформулировал двенадцать анафематизмов, которые были составлены в терминологии александрийской богословской школы. Наиболее ярко выразился подход св. Кирилла в последнем анафематизме: «Кто не исповедует Бога Слова пострадавшим плотью, распятым плотью, принявшим смерть плотью и, наконец, ставшим первородным из мертвых, так как Он есть жизнь и животворящ как Бог, — анафема».

Эта бескомпромиссность терминологии и, в частности, употребление выражения «одна природа Бога-Слова воплощенная», резко настроили против кириллова богословия тех из антиохийцев, кто не имел возражений против имени Богородица. Однако, как отмечает В.М. Лурье, понятие «одной природы» у Кирилла относится не столько лично ко Христу, сколько имеет выраженный экклезиологический оттенок: «По св. Кириллу, «единая природа Бога Слова воплощенная» включает в себя не только индивидуальное человечество Иисуса, но и всю полноту обожествленного человечества – всех спасенных и спасаемых, то есть всю Церковь». Тем самым, через этот догмат утверждался и смысл христианской Империи как политической организации вокруг Церкви как сообщества спасаемых «сотелесных» Христу. Однако богословие антиохийцев не могло мыслить такими категориями, будучи привязываемо только к материальным фактам – поэтому формула Кирилла ими отвергалась, в полемику вступил крупнейший антиохийский богослов, блаженный Феодорит Кирский.

Чтобы урегулировать спор император Феодосий II решил созвать вселенский собор в Эфесе. Причем, по всей видимости, первоначально этот собор рассматривался как суд над возмутителем спокойствия Кириллом. Однако архиепископ Александрии проявил

исключительные таланты политехнолога — он привез с собой из Египта более 50 епископов и привлек на свою сторону епископат провинции Асия, настроенный против Константинополя во главе с Мемноном, епископом Эфеса, города, где почитание Девы Марии было особенно сильно..

В то же время, основная группа поддержки Нестория — представители сирийских церквей во главе с Иоанном Антиохийским запаздывала с прибытием. Пользуясь этой задержкой, Кирилл решил начинать без них и назначил заседания собора на 22 июня 431 г., несмотря на протесты представителя императора. В этих заседаниях приняли участие 160 епископов. Несторий был безоговорочно осужден и извергнут из всех церковных степеней, учение Кирилла было признано православным, признано было осуждение Нестория папой. Подтвержден был обычай именовать Марию Богородицей.

26 июня антиохийцы прибыли в Эфес, они составили свой альтернативный собор из 59 епископов, на котором низложили Кирилла и осудили его двенадцать анафематизмов. В то же время они уклонились от прямой поддержки Нестория или отрицания имени Богородица. Прибывшие в Эфес легаты папы вновь склонили чашу весов на сторону Кирилла, подтвердив от имени Рима все решения собора большинства. Лидер собора меньшинства Иоанн Антиохийский так же был отлучен, но от его низложения воздержались.

Окончательное решение спора оказалось, по сути, за императором. Император попытался принять «соломоново решение» - он утвердил низложение и Нестория, и Кирилла, и Мемнона. Несторий удалился в монастырь в Палестине, откуда, впоследствии, после окончательного осуждения несторианства, отправлен в отдаленную ссылку. Посаженный под стражу в Эфесе, св. Кирилл бежал в Александрию и уговорами и подкупом начал склонять императорское окружение в свою пользу. Монашество

Константинополя во главе с Далматом решительно поддержало Кирилла и склонило на его сторону двор.

В 433 году между александрийцами и антиохийцами была достигнута договоренность. Обе стороны подписали «формулу единения», в которой основной смысл богословия св. Кирилла был, однако, изложен на «дифизитском» языке антиохийского богословия, а Мария провозглашалась Богородицей. Эта формула была, в известном смысле, предшественницей позднейшего Халкидонского исповедания. А решения собора большинства превратились в решения III Вселенского собора. С 435 г. несторианство было превращено императорским указом в преследуемую секту, которой было отказано в имени христиан. В то же время несторианское богословие закрепилось в церкви Персии, а оттуда перешло далеко на Восток – в Китай, Монголию, Японию, где сохраняло свою активность еще в XVI веке.

Торжество идей и богословской позиции св. Кирилла было, однако, подорвано его преемником Диоскором. В это время в Константинополе был осужден по инициативе Евсевия Дорилейского и архиепископа Флавиана архимандрит Евтихий, влиятельный в придворных кругах и знаменитый благочестием монах, который, в силу малой образованности, воспринимал богословие Кирилла слишком буквально и оттого в смысле прямо противоположном тому, которому учил св. Кирилл. Евтихий отрицал два естества во Христе после воплощения и отрицал единосущие Христа остальному человечеству. Тем самым он с другой стороны разрушал центральный для богословия Кирилла принцип обожения всего человечества в Церкви, даруемого воплощением. Если для несториан Христос был уникальной проникнутой божеством личностью, то для евтихиан – уникальным метафизическим феноменом, чудо-человеком, не имеющим ничего общего с остальными людьми. Большинство монофизитов позднее анафематствовали евтихианство как лжеучение. Осуждение Евтихия Флавианом было полностью поддержано римским папой Львом

Великим, который написал свой знаменитый томос, в котором утверждалось, что две природы во Христе действуют в соединении, но каждая – свойственным ей образом.

Диоскор, однако, решил, что ему удастся сместить константинопольского архиепископа и повторить тем самым успех своих предшественников – Феофила, сместившего Иоанна Златоуста и Кирилла, сместившего Нестория. Пользуясь влиянием Евтихия через евнуха Хрисафия, Диоскор добился повеления императора Феодосия II на созыв нового вселенского собора в Эфесе.

Собор прошел в августе 449 года. Руководивший им Диоскор превратил Флавиана и его соратников в подсудимых. Евтихий был полностью оправдан. Диоскор не позволил прочесть на соборе томос Льва (что через два года послужит формальным основанием для его осуждения).

В какой-то момент в зал собора ворвалась толпа агрессивных монофизитски настроенных монахов во главе с аввой Варсумой. Яркую характеристику этого персонажа дает М.Н. Гаврилов: «Это был не знавший ни одного слова по-гречески полудикий монах, огромный, сильный и весьма воинственного вида. Варсума организовал настоящую охоту на «несториан». Набрав таких же полудиких монахов, как и он сам, Варсума образовал из них целую дружину, вооруженную огромными палками, заступами, кирками и ломами. Ставши во главе всей этой банды, он стал наводить страх и ужас на всю Приевфратскую страну, нападая на города, подвергая разгрому и сжигая те монастыри и церкви, которые казались ему неправославными, изгоняя и убивая епископов, которых он считал несторианами». Ворвавшись на собор дружина Варсумы начала выкрикивать «Разрубите надвое разделяющих надвое!» и избивать защищавших дифизитство епископов. Особенно сильно был избит Флавиан Константинопольский, который вскоре умер.

Папа Лев Великий назвал собор в Эфесе «разбойничьим» и это имя закрепилось за ним в истории. Римская церковь потребовало от

императора созыван настоящего вселенского собора, на что Феодосий ответил отказом. Однако через год после «разбойничьего собора» император скончался. На престол вступила его сестра Пульхерия, ревнительница православия, не принимавшая ни Нестория, ни Евтихия. Вступив в брак с полководцем Маркианом она начала работу по подготовке IV вселенского собора. Были возвращены пострадавшие от «разбойников» епископы, сослан Евтихий, полем консолидации стал томос папы Льва.

Собор 9 октября 451 г. открылся в азиатском пригороде Константинополя – Халкидоне, где императорам было удобно принять участие в его заседаниях. В нем участвовало около 450 епископов. Председательствовали императорские представители, а на заключительных заседаниях, где провозглашалось вероопределение, присутствовал и выступал сам император Маркиан.

Халкидонский собор быстро превратился в суд над Диоскором, решившим не подчиняться троекратному призыву к ответу. Александрийский архиепископ был низложен и императорским приказом сослан. Восстановлены в церковном звании были Евсевий Дорилейский, Феодорит Кирский и другие, ранее обвиненные Диоскором в несторианстве.

По настоянию императора авторитетная комиссия во главе с архиепископом Константинопольским Анатолием составило изложение православного вероучения, отвергающего и несторианство и монофизитство: «Итак, последуя святым отцам, все согласно поучаем исповедовать одного и того же Сына, Господа нашего Иисуса Христа, совершенного в божестве и совершенного в человечестве, истинно Бога и истинно человека, того же из души разумной и тела, единосущного Отцу по божеству и того же единосущного нам по человечеству, во всем подобного нам, кроме греха, рождённого прежде веков от Отца по божеству, а в последние дни ради нас и ради нашего спасения от Марии Девы Богородицы по человечеству, одного и того же Христа, Сына, Господа,

единородного, в двух естествах неслитно, неизменно, нераздельно, неразлучно познаваемого, — так что соединением нисколько не нарушается различие двух естеств, но тем более сохраняется свойство каждого естества и соединяется в одно лицо и одну ипостась, — не на два лица рассекаемого или разделяемого, но одного и того же Сына и единородного Бога Слова, Господа Иисуса Христа, как в древности пророки учили о Нем, и как Сам Господь Иисус Христос научил нас, и как предал нам символ отцов».

Эта формула соединяла идеи св. Кирилла, св. Прокла, «формулы единения» и томоса Льва. Богословская логика Халкидонского определения состояла в том, что через понятие «одна ипостась» уравнивались между собой «одна природа» Кирилла и «лицо» антиохийского богословия.

Принял Халкидонский собор и другие решения, в частности утвердил в 28 каноне высокое положение Константинопольской кафедры как кафедры царствующего града, фактически Константинополь был возведен на второе место после Рима и за его архиепископом усвоены были права патриарха, то есть старшего над митрополитами близлежащих областей. Это постановление помешало принятию Халкидонского собора Римом – сопротивление такой рецепции продолжалось очень долго.

Однако несмотря на чрезвычайно торжественный характер Халкидонского собора, участие императора и четкость определения, его решения вызвали такое сопротивление, которого не вызвали решения ни одного из предыдущих соборов. «Большинство современников сочли его несторианским — несмотря на повторенные на соборе анафемы Несторию. В частности он имел весьма мало сторонников в Палестине и почти не имел в Египте. В Сирии и Византии его позиции оставались весьма шаткими...» - отмечает В.М. Лурье.

В самом деле, халкидонское определение воспринималось в логике томоса папы Льва, в котором человеческое и божественное во

Христе противопоставляются слишком резко. В самом вероопределении совершенно обходилась ключевая для богословия св. Кирилла тема страдания Бога за человека, так как в антихоийской интерпретации Бог не мог страдать в принципе. Репутации Халкидона в глазах «кирилловцев» очень вредило восстановление на соборе в достоинстве Феодорита Кирского, врага Кирилла. Напротив, лидеры складывавшейся монофизитской партии быстро отреклись от Евтихия и даже Диоскора.

При этом неприятие Халкидона в значительной степени накладывалось на противостояние египетского и сирийского этнического начала и мировидения, в большей степени мистического, греческому и латинскому, в большей степени рациональному (а в латинском случае – крайне рациональному). Монофизитство приобрело характер сепаратистского сопротивления Империи. А меры императоров носили, в значительной мере, антисепаратистский характер.

В 482 г. император Зинон (474-491) попытался отказаться от решений Халкидона как основы православного исповедания. В его «Энотиконе» провозглашались Никое-Царьградский символ, учение Кирилла об одной природе, анафематствовались Несторий и Евтихий. Этот компромисс был поддержан всем епископатом Востока и столь же решительно отвергнут Западом. Однако компромисс был подорван монофизитами: Антиохийский патриарх Петр Валяльщик сделал прибавление к молитве Трисвятое, чтобы подчеркнуть страдание Бога на кресте: «Святы́й Боже, Святы́й Крепкий, Святы́й Безсмерный, распныйся за ны, помилуй нас». Это модифицированное трисвятое было резко отвергнуто халкидонитами – получалось, что воплотилась и страдала вся Святая Троица, а не только Сын Божий.

При императоре Анастасии (491-518) политика «Энотикона» перешла от компромиссной к открыто промонофизитской, что вызвало встречную реакцию. При императорах Юстине I (518-527) и

Юстиниане Великом (527-565) «Энотикон» был отброшен и начала проводиться бескомпромиссно халкидонская политика.

В то же время император Юстиниан понимал определенную уязвимость бескомпромиссного дифизитства, слишком опасно приближавшегося к черте, за которой начиналась двухсубъектность Христа, ослаблявшая центральный смысл христианского благовествования – дело Спасения принадлежало не человеку, а воплощенному Богу, соединившему с собой все человечество, а не одну лишь индивидуальную человеческую природу.

Деятельность святого императора Юстиниана была направлена на последовательное утверждение наряду с халкидонским дифизитством кирилловской идеи моносубъектности. Уже в 519 году, едва став наследным принцем при Юстине I, Юстиниан поддержал скифских монахов – «теопасхитов», провозглашавших формулировку «Один из Святой Троицы пострадал на кресте» и «Сын Божий пострадал плотию»

На поместном Константинопольском соборе 536 г. с одной стороны было анафематствовано монофизитство Севира Антиохийского, крупнейшего из антихалкидонитских богословов, а с другой – теопасхизм был провозглашен как учение Православной Церкви.

В богослужение каждой литургии был добавлен гимн, который выражает саму суть учения о воплощении, страдании на кресте и воскресении именно Сына Божия, как единственного субъекта воплощения: «Единорóдный Сыне и Сло́ве Бóжий, безсмéртенъ Сый, и изво́ливый спасéния нáшего рáди воплотíтися отъ Святы́я Богорóдицы и Приснодéвы Марíи, непрелóжно вочеловéчивыйся, распнýйся же Христé Бóже, смéртю смéрть попрáвый, Едíнь Сый Святы́я Трóицы, прославля́емый Отцý и Свято́му Дýху, спасí насъ».

Тем самым окончательно был закреплен центральный догмат православного христианства: Иисус Христос – это Сын Божий, воплотившийся как человек в полноте человеческой природы. Никакого «человека Иисуса», который как-либо мог быть отличен от

Сына Божия, не существует. Православная христология смогла гораздо более удачно, чем монофизитская ответить на вопрос о страдании Бога. Если монофизиты, с тезисом о «единой природе» вынуждена была утверждать, что на кресте страдает божество, соединенное с человечеством, то православная христология после Юстиниана отвечала на этот вопрос, что на кресте страдает Бог, Бог Сын, по своей человеческой плоти, но не божество.

Линия на закрепление антинесторианской, «кирилловской» интерпретации Халкидонского собора была продолжена на V Вселенском соборе. Собору предшествовала полемика вокруг «трех глав», то есть одного из родоначальников антиохийской школы Феодора Мопсуэстийского и сочинений двух видных оппонентов св. Кирилла – Феодорита Кирского и Ивы Эдесского. То, что Феодор по прежнему почитался во многих епархиях Сирии как святой, а Феодорит и Ива рассматривались после Халкидона как безусловно православные, вместе со своими антикирилловскими сочинениями, составляло главный предмет нареканий для монофизитов, как бы подтверждая их интерпретацию Халкидона как несторианского реванша.

Св. Юстиниан опубликовал богословский трактат, в котором решительно осудил как Федора Мопсуэстийского, бывшего родоначальником несторианского «двухсубъектного» богословия, и предложил осудить сочинения Феодорита и Ивы против Кирилла, не касаясь их личностей. Эта позиция была поддержана большинством епископата на Востоке. Однако встретила энергичное сопротивление на Западе, где больше всего боялись любых посягательств на Халкидон как на высший богословский успех римской кафедры в лице Льва Великого.

Императору Юстиниану потребовались достаточно энергичные меры убеждения и принуждения, чтобы заставить римского папу Вигилия принять осуждение «трех глав». Согласие Вигилия с императором привело лишь к тому, что папа был полностью дискредитирован на Западе и утратил там авторитет, что побудило

его активней противиться императору. «Юстиниан рассматривал папу как пятую часть христианского мира, между тем как папа рассматривал себя как половину

В конечном счете 5 мая 553 года собор открылся в Константинополе без участия папы. Заседания начлись с чтения послания св. Юстиниана, первые слова которого гласили: «Искоренять возникавшие по временам ереси посредством собирания благоговейнейших епископов, и единодушным провозглашением правой веры доставлять мир святой Церкви Божией – было всегдашнею заботою православных и благочестивых императоров, предков наших».

V Вселенский Собор осудил «три главы» и ввел целый ряд анафематизмов. С одной стороны в анафематизмах осуждается двухсубъектность: «Если кто говорит, что соединение Бога Слова с человеком совершилось по благодати, или по энергии, или по достоинству, или по равночестию, или власти, или перенесению, или соотношению, или силе; или по благоволению, как будто бы Богу Слову был угоден человек потому, что Он благо и добро изволил о нем, как говорит безумный Феодор; или по соименности, по которой несториане, называя Бога Слово Иисусом и Христом, и отдельно человека именуя Христом и сыном, и явно говоря, что два лица, притворно говорят, что и одно Лицо и один Христос, по одному наименованию, и чести, и достоинству, и поклонению; а не исповедует, что соединение Бога Слова с плотию, одушевленную словесной и разумной душой, совершилось по сочетанию или по ипостаси, как учили святые отцы, и что поэтому в Нем одна ипостась, которая есть Господь Иисус Христос, один из Святой Троицы: тот да будет анафема».

С другой осуждалось само монофизитство: «Если кто, исповедуя, что из двух естеств, божества и человечества, совершилось соединение, или говоря о едином естестве Бога Слова воплощенном, понимает это не так, как учили святые отцы, что из божественного и человеческого естества, чрез соединение по ипостаси, совершился

единый Христос; но на основании таких выражений старается ввести одно естество или существо божества и плоти Христа: тот да будет анафема. Ибо, признавая, что едиnorodное Слово соединилось с плотию по ипостаси, мы не говорим, что совершилось некое слияние естеств между собою; напротив мыслим, что Слово соединилось с плотию так, что то и другое (естество) остается тем, что оно есть. Посему и един есть Христос, Бог и человек, Он же самый единосущный Отцу по божеству, и единосущный нам по человечеству: ибо Церковь Божия отвергает и анафематствует равно и разделяющих на части или рассекающих, и сливающих тайну божественного домостроительства Христа».

Таким образом православная христология получила по настоящему точную, выверенную формулировку, исключавшую как возможность говорить о том, что во Христе соединились Бог и человек, а не Бог воспринял человечество, так и исключавшую возможность понимать это восприятие Богом человечества как поглощение человеческой природы божеством через слияние. Истинным совершителем спасения был Бог, а благодаря совершенству воспринятой им человеческой природы спасение это распространяется на всех людей.

Эти формулировки, в конечном счете, был вынужден принять и папа Вигилий, после чего критика в его адрес была вычищена из деяний собора. Однако борьба за признание V Вселенского Собора на Западе затянулась, окончательно завершившись уже VII в. Впрочем, по настоящему юстиниановское богословие не было признано на Западе никогда и после раскола 1054 года западное богословие начало все больше тяготеть к криптонесторианской интерпретации Халкидонского собора, что имело долгосрочные исторические последствия, в виде выработки на христианском Западе гораздо более антропоцентрической цивилизации, чем на христианском Востоке.

Св. императору Юстиниану и V вселенскому собору не повезло в церковно-исторической литературе. Его память находится под

ударом двойной враждебности — со стороны квази-халкидонитов, которые считали богословие V Вселенского Собора уступкой монофизитству, с другой — со стороны Запада, который рассматривал его действия как насильственные в отношении безусловного церковного авторитета папы. В частности был создан миф о том, что Юстиниан закончил жизнь, якобы провозгласив ересь афтартодокетизма. Обе точки зрения превалировали в исторических источниках, некритически повторяясь исследователями.

В русской церковно-исторической литературе антиюстиниановская точка зрения была представлена как в лекциях В.В. Болотова, полагавшего, что «политика Юстиниана породила на Западе одни лишь только смуты. Не дала она благих результатов и на Востоке. Он мог бы понять, что цель его недостижима, что усилия его обречены на бесплодие». Продолжателем подхода Болотова выступил А.В. Карташев, отзывающийся о богословии V Вселенского собора совершенно уничижительно: «творилось что-то искусственное и неясное. Топтались на почве халкидонских постановлений, перекапывали эту почву, ища в ней, якобы, все еще засоряющие ее ядовитые следы полузабытой несторианской ереси. Занимали общее внимание не богословием по существу, а какими-то личностями и невесомыми мелочами около них в расчете понравиться каким-то массам, в чем-то им угодить. Проблема была не столько теоретико-догматической, сколько практической, почти демагогической».

Этот отрицательный взгляд усиливается и тем, что именно при императоре Юстиниане и под покровительством его жены Феодоры монофизитство превратилось из богословского направления внутри Церкви в организованный раскол с самостоятельной иерархией. Последователи монофизитства начали рассматривать сопротивление царской церкви как жертвенный подвиг. В этом смысле, если рассматривать политику Юстиниана только как попытку умиротворения монофизитов, она и в самом деле провалилась и оказалась контрпродуктивной.

Совершенно иного взгляда придерживаются современные православные исследователи, рассматривающие богословие V Вселенского собора не как поиск политического компромисса, а как выяснение строгой истины православной христологии: «Современные историки недоброжелательны к императору, подчеркивая прежде всего «зигзаги» его политики. Однако за исключением афтартодокетизма, зигзаги эти относились только к тактике и методам, но не к существу дела. Никогда у Юстиниана не было намерения отказаться от Халкидонского собора, но с самого начала царствования он считал богословски и исторически неверным толковать этот собор как отказ от христологии св. Кирилла Александрийского... Он дал возможность Кирилловой сотериологии в полном её объеме – с утверждением того, что новозаветный Бог есть не только божественный Творец и Судия, но и из любви к творению лично воспринявший плоть в её падшем состоянии и даже саму смерть, чтобы снова приобщить его к Себе – стать составной частью христианской керигмы и богословия» - отмечает прот. Иоанн Мейендорф.

Аналогична и точка зрения В.М. Лурье: «Отношение к Пятому Вселенскому собору до сих пор является характерным пунктом разногласий между «западными» и «восточными» церковными историками. «Западные» обычно настаивают на том, что Пятый собор должен пониматься через Четвертый, а для христологии в духе Пятого собора изобрели даже особое название — «неохалкедонизм». «Восточные» историки предпочитают принимать Пятый собор в соответствии с тем назначением, ради которого он собирался, — как единственно соответствующее православию истолкование Халкидонского собора. В такой интерпретации «неохалкедонизм» оказывается обыкновенным православием, зато другое понимание Халкидонского ороса — криптонесторианством».

По настоящему «униональной» попыткой, обращенной к монофизитам, была политика императора Ираклия (610-641) и его

ближайшего соратника патриарха Константинопольского Сергия ввести как компромисс с монофизитством учение о «единой энергии» или «единой воле» во Христе. Необходимость компромисса диктовалась большими планами победителя персов Ираклия на обращение в христианство Империи Сассанидов, для чего требовалась консолидация всего христианского востока. Однако вместо обращения Персии последовало завоевание и Персии и восточных владений Византии арабами-мусульманами, в свете чего «монэнергизм» и «монофелитство» превратились для императорской власти в самоцель. «Экфесис», изданный в 638 году как государственный закон, требовал признания единой воли во Христе.

На Востоке противником монофелитства выступал св. Софроний, патриарх Иерусалимский, однако его город был захвачен мусульманами и отрезан от Империи. Запад, традиционно относившийся с сомнением к любым жестам в пользу монофизитов, стал точкой сопротивления монофелитству, несмотря на то, что римский папа Гонорий признал монофелитское учение. Дело дошло до открытого мятежа карфагенского экзарха Григория, выступившего под лозунгом защиты учения о двух волях. Если бы Григорий в 647 г. не пал в битве с арабами, он, возможно, захватил бы Константинополь.

Богословским организатором сопротивления монофелитству был монах с Востока – преподобный Максим Исповедник, богослов исключительной глубины и тонкости, противопоставивший распространенному и среди нехалкидонитов и среди халкидонитов свое учение о двух волях во Христе – божественной и естественной человеческой, причем характерная для метущегося и сомневающегося человека выбирающая «гномическая» воля у Христа заменена божественной, человеческая же естественная воля полностью согласна с божеством. Это учение носило не только абстрактно богословский, но и аскетический характер. Соотношение воли во Христе как бы прообразовало соотношение воли в святых –

человеческая воля должна быть подчинена божественной, она должна быть употреблена для одной единственной цели – добровольного отсечения своеволия во имя истинной воли Божией.

В 647 году император Константин II (641-668) как бы отказывается от монофелитства, в своем «Типосе» запретив всякие рассуждения как об одной, так и о двух волях во Христе. Но для последователей Максима такой агностицизм был, конечно, невозможен. В 649 году папа римский Мартин проводит в Латеранском дворце собор, на котором осуждает «Типос», тем самым выступив против государственного закона. Императорский Экзарх в Равенне Олимпий отложился от Константинополя, чтобы не признавать императорской ереси. Однако после смерти экзарха в 652 и папа Мартин и Максим были арестованы и отправлены на суд в Константинополе, где им были предъявлены не богословские, а политические обвинения, вроде неподчинения императору и поддержки сепаратизма. Папа Мартин умер в 655 г. в ссылке в Херсонесе, Максим был сослан, однако в 662 г. вновь вызван на суд, вновь отказался поддержать императорскую ересь и был подвергнут бичеванию, отсечению руки и языка. Он скончался в ссылке на севере Грузии.

В 668 г. Константин II был убит в своем дворце на Сицилии. Император Константин VI Погонат (668-685) оказывается занят прежде всего отражением арабского нашествия на Константинополь. После победы над арабами, император посылает в Рим предложение устроить совещание западных и восточных епископов для восстановления безусловного церковного единства. Это совещание спонтанно превращается в VI Вселенский Собор в Константинополе, открывшийся 7 ноября 680 г. в присутствии императора и продлившийся до 16 сентября 681 г.

Защитниками дифелитского учения выступали представители римского папы Агафона, их оппонентом выступал монофелит Макарий патриарх Антиохийский. Единственный раз в истории вселенских соборов непосредственно на его заседаниях велась

богословская полемика, не заточенная под заранее predetermined решение. При этом стороны зачастую указывали на подложность документов, используемых оппонентами. Так на 3 заседании 13 нояб. 680 г. чтец и нотариус Антиох прочитал 1-ю книгу актов V Вселенского Собора. Он начал со Слова архиепископа Константинопольского Мины к папе Вигилию о том, что во Христе одна воля. После резкого возражения представителей Римской кафедры и обоснования подложности Слова – архиепископ Мина почил ранее созыва V Вселенского Собора - чтение Слова было прекращено. Монофелиты были пойманы и на многочисленных других подлогах в цитируемых святоотеческих источниках.

7 марта 681 г. исповедание папы Агафона о двух волях поддержал архиепископ Константинопольский Георгий и большинство епископата. На следующий день последний защитник монофелитства Макарий Антиохийский был низложен. Однако исследование документов было продолжено. 26 апр. 681 г. На заседание Собора был приглашен монах Полихроний, смувавший народ своей верой в одну волю и действие во Христе и утверждавший, что хартия с изложенной им верой, положенная на мертвеца, воскресит его. Собор решился поставить эксперимент и Полихроний совершить чуда не смог. Собор лишил его священного сана как соблазнителя народа и явного еретика.

Собор утвердил вероопределение, однозначно утверждавшее двойное действие и двойную энергию во Христе: «И две естественные воли или хотения в Нем, и два естественные действия, неразлучно, неизменно, нераздельно, неслиянно, по учению святых отец наших, так же проповедуем два же естественные хотения не противные, да не будет, так как нечестивые еретики говорят, но Его человеческое хотение, последующее, и не противостоящее, или противоборствующее, паче же и подчиняющееся Его Божественному и Всемогущему хотению. Ибо по учению премудрого Афанасия надлежало воли плоти быть в действии, но подчинятся воли божественной».

Обращает на себя внимание то, что утвердив, по сути, богословское учение Максима Исповедника, собор ни разу не упомянул и не прославил ни его, ни папу Мартина. Прославление преп. Максима Исповедника началось лишь после VII Вселенского собора, где его учение стало одним из важных оснований для защиты иконопочитания.

Наиболее обращает на себя внимание в богословии Вселенских Соборов в христологическую эпоху стремление приблизиться к истине о том, кто был распят на кресте и воскрес. Фактически христологический этап был последовательным преодолением ошибочной теории двухсубъектности, различавшей Сына Божия и человека Иисуса Христа. Однако это преодоление было диалектическим – отвергалась и ложная на уровне терминологии и смыслов монофизитская интерпретация христианского благовестия. Именно монофизитство и принесло наиболее чувствительный раскол христианского Востока, который так и оказался не залечен. Однако значение выяснения догматической истины неизменно оказывалось для христианских богословов на первом месте по сравнению с политическими соображениями.

Иконоборческие споры. VII вселенский собор.

Завершившие эпоху вселенских соборов иконоборческие споры так же были напрямую связаны с проблематикой спасения, как и предшествовавшие им тринитарные и христологические споры. Иконоборчество было своеобразной реакцией на все более широко распространявшийся культ святых и икон. Перед иконами Христа, Богородицы, святых, не только возжигали свечи и курили ладан, не только распространялось понятие о чудотворных иконах, но бывали даже случаи, когда особо благочестивые люди брали иконы святых в восприемники при крещении детей.

Иконоборцам все это казалось нечестием и идолопоклонством. Православные считали иначе, так как исходили из основного тезиса

богословия святых Афанасия и Кирилла Александрийских о том, что плоть Христа обожена, будучи плотью воплощенного Бога-Слова, а плоть людей – Богоматери и святых обожена через Христа благодатью и святостью их собственной жизни. Таким образом в иконах мы поклоняемся не краске и не человеческому телу, а Богу. В то время как иконоборцы утверждали, что невидимый Бог неизобразим, иконопочитатели говорили, что поскольку тело Христа есть тело Самого Бога, то через свое тело изобразим и Бог.

Таким образом, иконопочитатели придерживались христологии V вселенского собора, в то время как их противники были, по сути, криптонесторианами. Не случайно у самих несториан на Востоке иконы постепенно исчезли и иконоборчество стало важным пунктом их учения. Монофизиты же столкнулись с тем, что с их точки зрения не так просто оправдать существование икон святых, так как в их интерпретацию «одной природы Бога-Слова воплощенной» не входит все человечество. Тем не менее, иконы у монофизитов удержались. Это наглядно доказывает, что богословской предпосылкой иконоборчества было именно криптонесторианское рассечение человека и Бога во Христе, в результате чего Бог оказался неизобразим через икону Христа.

Влиял на иконоборчество и пример запрещавшего изображения ислама – император Лев III Исавр (714-741), одержавший исключительные победы над арабами, был уверен, что победил только благодаря своему отказу от «идолопоклонничества», каковым превзошел не поклонявшихся изображениям мусульман.

В 730 году император приказал убрать икону Христа над Медными воротами Константинополя, тогда же был низложен и отправлен в ссылку выступавший против иконоборцев патриарх Константинопольский Герман. Началось уничтожение икон, заменяемых изображениями креста и орнаментами. Поскольку главными противниками иконоборчества были монахи, то началось ожесточенное гонение на монашество, достигшее своего апогея при императоре Константине V Копрониме (741-775), когда казалось

вернулась атмосфера гонений на Христианство со стороны императоров язычников. Впрочем, такая интерпретация близка к действительности — культ икон, почитание монашества, в значительной степени вытеснялись культом императора.

«Константин V приказал изобразить свои победы на стенах общественных зданий Константинополя. Он, ревностно подвергающий гонениям иконы Христа, святых и их почитателей, приказывает воздвигать свои собственные монументальные статуи и заставляет своих подданных поклоняться им. По словам патриарха Никифора, его явного врага, культ императорских изображений, на котором настаивал Константин V, превосходил традиционное поклонение, которое без возражений принимали почитатели» - отмечает историк искусства А. Грабар.

Не секрет, что развитие иконы Христа во многом было связано с традицией римских императорских изображений. Именно ей начало передаваться все больше почестей, полагавшихся императору. Именно они стали изображениями подлинного Главы Церкви-Империи. Уничтожая и запрещая иконы и, особенно, служение им, императоры-иконоборцы, вместе с тем, интенсивно развивают императорский чисто политический культ.

Именно в иконоборческом споре раз и навсегда решается судьба Византии и византизма как идеи, станут ли они действительно признанным материальным воплощением Церкви, или же речь идет о светской по своему характеру и своим задачам империи, лишь изображающей Царство Небесное. Имеет ли значение Империя лишь как внешний политический организм в котором существует Церковь, или же как воплощенное в мирской жизни Тело Христово? Кто, в конечном счете, глава Церкви-Империи, Христос или Император?

В империи, отвергнувшей возможность материальной изобразимости исторического Христа, а значит и «политической изобразимости», «материализации» Церкви, вполне естествен

переход к светскому культу императора как человекобога, столь характерному для доконстантиновой эры. И сами Лев Исавр и Константин Копроним резко выделяются из ряда византийских василевсов своим титанизмом, размахистой военно-политической деятельностью, гонениями на монастыри, подчеркнутой светскостью. Империя — уже не Церковь и даже не икона Церкви, а только политический организм в который включена Церковь и которому она должна подчиняться.

Константин V пытается провести иконоборческий вселенский собор. В 754 году он проходит в императорском дворце в Иерии на азиатском берегу Босфора и собрал 338 участников. Иконы на этом соборе были объявлены идолами, устройство икон из какого-либо вещества и почитание их — анафематствовано.

«Кто старается написать на иконе нераздельное и ипостасное соединение естества Бога-Слова и плоти, то есть, то единое неслиянное и нераздельное, что образовалось из обоих, и называет это изображение Христом, между тем, как имя Христос означает вместе и Бога и человека, да будет ему анафема» - гласил один из анафематизмов Иерийского собора. Этот анафематизм показывает, что иконоборцы по сути отвергали смысл учения V Вселенского собора, отказываясь признавать видимую, описуемую, а значит и изобразимую плоть Христа, плотью самого Сына Божия.

После Иерийского собора иконоборчество еще 40 лет господствовало в империи, вне его власти оказался только Запад, где Византию вытеснили лангобарды. Выросло два поколения христиан не знавших иной реальности, кроме иконоборческой. Тем не менее, традиция иконопочитания сохранялась.

После скоротечной смерти сына Копронима — Льва IV, ему наследовала его вдова Ирина (780-802), правившая сперва за своего сына Константина VI, а затем сама. Она приняла твердое решение восстановить почитание икон и осуществила его несмотря на

противодействие армии, глубоко пронизанной иконоборчеством как «идеологией победы».

Созванный императрицей вселенский собор должен был открыться в 786 году в Константинополе, однако он был сорван солдатами, угрожавшими патриарху Тарасию. Лишь осенью 787 года, предварительно отослав войска к границам Империи, св. Ирина и св. патриарх Тарасий возобновили собор в Никее, в которой проходил когда-то I Вселенский собор.

Собравшимся было дано право «без всякого опасения говорить все, что пожелают, дабы исследование дела было произведено как можно тщательнее и истина была выяснена без всякого принуждения». При этом, однако, собор начался с осуждения епископов-иконоборцев, ему противодействовавших. Затем были провозглашены анафемы иконоборчеству и собору 754 года.

В своем вероучительном определении собор дал как бы краткий исторический очерк и сумму учения всех предыдущих Вселенских Соборов:

«Мы отвращаемся и анафематствуем Ария и всех единомысленных с ним и разделяющих его безумное худославие, также и Македония и сущих с ним, справедливо называемых духоборами. Исповедуем же, что владычица наша святая Мария по правде и воистину есть Богородица, как родившая по плоти Единого от Святой Троицы Христа Бога нашего, как определил и первый собор в Эфесе, и нечестивого Нестория и сущих с ним, вводящих двойственность Лиц, отлучил от церкви. Исповедуем также две природы воплотившегося ради нас от непорочной Богородицы и приснодевы Марии, признавая Его истинным Богом и истинным человеком, как провозгласил и собор в Халкидоне, изгнавший из Божественных пределов злословных Евтихия и Диоскора. Вместе с ними мы отвергаем Севера, Петра и их многохульных союзников, и с ними также анафематствуем

басни Оригена, Евагрия и Дидима, как поступил и пятый собор бывший в Константинополе. Далее, мы исповедуем две воли и действия соответственно присущие двум природам во Христе, так же как провозгласил шестой собор в Константинополе, публично отвергший Сергия, Гонория, Кира, Пирра, Макария, несклонных к благочестию, и всех единомысленных с ними. И, суммируя сказанное, мы сохраняем, не внося никаких новшеств, вверенные нам писанным или неписанным образом Церковные предания. Одним из них является создание живописных образов, как соответствующее традиции Евангельской проповеди, способствующее вере в то, что воплощение Слова Божия истинно, а не воображаемо, и служащее другим подобным целям. Ибо, если одно указывает на другое, то одно через другое проясняется.

При таком положении дел, мы, словно шествуя царственным путем, следуя богодухновенному учению святых отцов и преданию соборной Церкви (ибо знаем мы, что оно от Духа Святого, в ней пребывающего), со всей достоверностью и тщанием определяем: подобно изображению честного и животворящего Креста, помещать в святых Божиих церквях, на священных сосудах и одеждах, на стенах и на досках, в домах и вблизи дорог честные и святые иконы, написанные красками, созданные из мозаичных камней, или изготовленные из другого пригодного к тому материала; как образы Господа, Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и непорочной владычицы нашей святой Богородицы, так и честных ангелов, и всех святых и преподобных мужей. Ибо, когда они предстают через изображение на иконах, взирающие на них побуждаются помнить и любить их прообразы, и чествовать их целованием и почитательным поклонением; не истинным, по вере нашей, поклонением, которое подобает только Божественному естеству, но так же, как воздается честь изображению честного

и животворящего Креста, Святому Евангелию и прочим святыням фимиамом и поставлением свечей, по благочестивому обычаю древних. Ибо честь, воздаваемая образу, переходит на первообраз, и поклоняющийся иконе поклоняется существу изображенного на ней».

Однако иконоборческое сопротивление иконопочитанию было достаточно сильным. При императоре Льве Армянине (813-820) начался второй период иконоборчества, продлившийся до смерти императора Феофила (829-842). Вдова Феофила – св. Феодора (842-855), как и св. Ирина – императрица-регентша, окончательно восстанавливает иконопочитание и авторитет VII Вселенского собора. В 843 году в первую неделю Великого Поста в Константинополе состоялся праздник Торжества Православия, подведший окончательный итог эпохе Вселенских Соборов.

***

Эпоха вселенских соборов длилась в Восточной Римской Империи – Византии половину тысячелетия — с 325 по 843 годы. Весь этот период богословские споры находились в центре внимания всего общества Империи, расценивались самим этим обществом как основное содержание исторического процесса.

Связано это было с тем, что в ходе догматических дискуссий выяснялась сама суть христианского благовестия, а с нею и актуальный для каждого верующего вопрос о возможности спасения. Но, вместе с тем, происходило и самоосмысление Христианской Империи, через богословские формулировки Христологии выяснявшей свое значение как политического вместилища Церкви, понимаемой как Тело Христово. Кто есть Христо – то и его тело, Церковь, а что есть Церковь, то есть и вмещающая и защищающая её империя. Так мыслили византийцы.

Если правы были монофизиты и монофелиты, то Божество, по сути, поглощает во Христе человечество, подавляет его волю и действие.

В политической проекции это означало бы поглощение мирского порядка священным, превращение Церкви не столько в Империю, сколько в монашескую Пустыню по египетскому образцу.

Если правы были несториане, то Божественное и человеческое во Христе живут едва соприкасаясь. Человеческое имеет не только свое собственное бытие и действие, но и свою собственную личность, ипостасность, лишь внешне связанные с Божеством. Это предполагало бы полное разделение священного порядка подлежащего ведению клириков и мирского подлежащего ведению государей. Причем мирской порядок мыслится при этом вполне самодостаточным и ипостасно самостоятельным, а также плюралистичным (Христос ведь, в этом, случае не всечеловек, а лишь один из людей, такой же как все).

По этому пути пошли не только небольшие несторианские общины на Востоке. По этому пути, по сути, пошел и латинский Запад, который после принятия Халкидонского догмата о «неслитном, неизменном, нераздельном и неразлучном» соединении двух природ во Христе, фактически проигнорировал более строгое и глубокое уточнение этой догматической формулы на Востоке, произведенное как раз святым Юстинианом и созванным им V Вселенским Собором и закрепленное в знаменитом литургическом песнопении «Единородный Сыне». Здесь, в западном «строгом дифизитстве», все более переползавшем к открытому несторианству, были заложены «закон и пророки» европейского Средневековья и Нового Времени.

Византийское мировоззрение состояло в другом: только если Тело Христово было телом воплощенного Бога, Который по своему человечеству действительно принял искупительное страдание, мыслима и Церковь как Богочеловеческий организм, и Империя как материальная оболочка этого организма, а не как чисто земное и безблагодатное политическое учреждение. Именно поэтому св. Юстиниан так настаивал на осуждении криптонесторианских тенденций.

Если живая, страдающая, не свободная от «естественных страстей» плоть Христова была, однако, плотью Бога, то и православная Империя, если она не уклоняется в произвольный грех, то есть ересь, также способна быть «плотью» Христова Тела — Церкви и иметь своим истинным Главой самого Христа.

Познавая догматы Христианская Империя, вместе с тем, познавала и саму себя.

ТЬМА, ПРИШЕДШАЯ НА СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ

Гипотеза Пиренна и история Средиземноморья

Эркюль Пуаро не был единственным знаменитым бельгийцем на букву «П». В первой трети XX века всей образованной Европе был гораздо больше известен другой бельгиец — Анри Пиренн (1862-1935). Знаменитый историк, профессор Гентского Университета, иностранный член Российской Академии Наук (с 1918 года), автор многотомной «Истории Бельгии». Пиренн рассматривался бельгийцами как эталон ученого и гражданина — во время Первой мировой войны немцы несколько раз сажали его под арест за сопротивление оккупации.

Самым знаменитым, пожалуй, с оттенком некоторой скандальности, вкладом Пиренна в мировую историческую науку стала опубликованная лишь в 1937 году, уже после смерти учёного, небольшая книжка «Магомед и Карл Великий», в которой он посягнул на сами основы европейской историографии — на границу между античностью и средневековьем, представление о «падении Римской империи в результате Великого переселения народов» и понятие «темных веков».

Рим никуда не падал

Пиренн ярко и достаточно убедительно показал, что никакого «краха античности» в результате варварских нашествий не произошло, что германцы, в небольшом количестве влившиеся в римское общество, старались как можно скорее в нем раствориться. Римская Империя продолжала существовать, изменилась лишь форма её функционирования — вместо двух империй, Восточной и Западной, существовала одна — Византийская Империя, по отношению к которой варварские королевства мыслили себя как подданные, получающие от императора в Константинополе почетные должности

и милости. Когда император Юстиниан ликвидировал королевство готов, большинство его элиты предпочло борьбе за независимость ранги имперских патрициев и жизнь в столице империи.

Пиренн видел сущность римского имперского порядка в существовании Средиземноморской экономической и культурной сферы, как бы выразился позднее Фернан Бродель, — «средиземноморского мира-экономики». Рим, а затем Константинополь были политическим и культурным центром этого мира, а созданные варварами политические образования, — периферией, охотно ассимилировавшейся с центром.

Экономика Средиземноморья практически не заметила никакого прихода варваров — она сохраняла свой денежный характер, в ней широко ходила золотая монета — византийский солид, с прежней интенсивностью шел морской товарообмен между Западной и Восточной частью внутреннего моря, центральным экономическим регионом оставалась Римская Африка, где ещё не был забыт призрак древнего Карфагена.

Галлия эпохи Меровингов была, во многом, всё той же римской Галлией. В ней действовали крупные землевладельцы из старых родов, по-прежнему существовала развитая бюрократия, ведшая делопроизводство на латыни, в качестве привилегии монастырям короли-Меровинги предоставляли право на получение из их казны определенных продуктов на пропитание монахов — оливкового масла, перца и прочих специй — то есть продуктов торговли с Востоком. Сохранялась в варварских королевствах, хотя и деградировавшая, римская образованность — было много грамотных, немало писателей и поэтов, один из королей-Меровингов писал латинские стихи.

Если бы кто-то сказал людям, жившим в Западном Средиземноморье около 550 года, что Римская Империя пала, — они бы сильно удивились. В этой связи Пиренн представляет совсем в ином свете деятельность императора Юстиниана, которого в

западной историографии принято изображать как едва ли не авантюриста, одержимого химерой былого величия Рима и перенапрягшего силы империи, чтобы предпринять безуспешную попытку это величие вернуть.

Юстиниан воспринимал империю как актуально существующую, и не мог воспринимать её иначе. Он пользовался принципиальным согласием варваров признавать себя подданными, и в благоприятных обстоятельствах возвращал под свою власть важнейшие территории империи. Ошибочно и утверждение, что реконкиста Юстиниана была неудачной. Представлять Византию как исключительно восточно-средиземноморскую державу — неверно. Большинство завоеваний Юстиниана прочно удерживались его преемниками — полностью контролировалась Африка, сохранялся контроль над Римом и городами Италии, даже после занятия её сельских земель лангобардами. Окончательно византийцы покинут Италию лишь в XII веке. Быстро были утрачены завоевания лишь в отдаленной Испании.

Пиренн высказывает уверенность в том, что, не произошли последующих катастроф, в Средиземноморье продолжал бы существовать Римско-Христианский имперский мир, сохранявший, в целом, прежние принципы, а варварские элементы постепенно влились бы и интегрировались в него так же органично, как влились в византийский мир славяне.

Убежденный франкоцентрист, Пиренн полностью порвал с германоцентричной концепцией средневековья, характерной для романтической историографии. Романтики воспринимали *medium aevum* как эпоху, начавшуюся, якобы, с разрушения Римской Империи германцами. Эти германцы принесли новое историческое начало, — дикое, но животворящее, уничтожили сложную рабовладельческую экономику, разместили на землях римских экзимированных сальтусов свободные общины, которые вели натуральное хозяйство и постепенно начали подвергаться

феодализации. А на окраинах этого молодого и веселого грубого мира истлевала вампирическая Византия.

Вся эта картина из любого стандартного учебника истории для средних классов в оптике Пиренна оказывается не соответствующей действительности. Римский мир продолжал существовать, и степень его болезненности в VI веке была, в чем-то, куда меньшей, чем в III, IV, V веках.

Полумесяц кривого меча

Настоящей катастрофой, породившей средневековые и всамделишные «темные века», некорректно опрокинутые историками в прошлое, стали арабские завоевания. Новая религия — ислам, господство новых завоевателей, совершенно чуждых древнеевропейской культуре, не желавших приобщаться к греко-римскому наследию. Эти завоеватели находились в религиозном конфликте с Христианством и в цивилизационном конфликте с греко-римским миром. Всё это привело к тому, что прежнее Средиземноморье и его цивилизация были действительно уничтожены.

Византия, пойманная в момент предельной усталости, после изнурительных войн с Сассанидской Персией, утратила Палестину и Левант, однако на пути к своему сердцу, Константинополю, сумела выставить преграду по границам Малой Азии. Продвижение ислама на севере Восточного Средиземноморья оказалось медленным.

Зато он компенсировал себя дальним броском на Запад по африканскому побережью — Египет, Триполитания, Ливия, Римская Африка с Карфагеном одни за другим пали к ногам завоевателей. Продвижение ислама было быстрым, но не безболезненным — в Африке римляне и берберы плечом к плечу сопротивлялись арабам, но, в итоге, проиграли, и земля Карфагена, бывшая хозяйственным центром Западного Средиземноморья и его житницей, фактически прекратила существование в прежнем историческом качестве.

Дальше пожар ислама перекинулся на Испанию и Южную Галлию. Миф о решительном отражении Карлом Мартеллом арабского нашествия в битве при Пуатье, возникший в западной историографии, заслоняет суровую реальность — в VIII и IX веках арабы контролировали всё морское побережье Галлии, подвергали его постоянным грабежам, время от времени запирали даже часть альпийских перевалов между Галлией и Италией. Аналогичная ситуация сложилась в Италии, — некоторую способность сопротивляться арабам сохранили только находившиеся под византийским протекторатом города, такие как Неаполь и Амальфи, но и они, зачастую, предавали дело христиан, время от времени выступая в качестве союзников арабов.

Западное Средиземноморье превратилось, таким образом, в арабское озеро, по которому, по замечанию позднейшего арабского историка Ибн Хальдуна, «христиане не могли пустить плыть даже доску». Большая цивилизованная торговля в Средиземноморье остановилась. Из внутреннего моря, Средиземноморье превратилось в опасную пустыню, выход к которой у римского христианского мира был только в Италии. Галлия была полностью от Средиземноморья отрезана.

Именно арабское завоевание и смерть Средиземноморской ойкумены и запустили, согласно Пиренну, ту цепочку исторических процессов, которая породила настоящие темные века, подлинное средневековье, спровоцировала раскол между Востоком и Западом христианского мира, включая раскол Церкви. Этот исторический переворот сформировал Запад, как мы его знаем, концентрирующийся в северноморском регионе и всё более рассматривающий Средиземноморье как маргинальное пространство.

Игра престолов в царстве теней

Пиренн рисует впечатляющую картину резкого упадка Запада после арабских завоеваний. Практически останавливается денежное обращение, исчезает из обихода золото, главным ресурсом становится пахотная земля, хозяйство приобретает натуральный характер. Не слышно больше о восточных товарах — нет ни оливкового масла, ни специй, ни вина — редкие монастырские виноградники, без которых невозможны церковные службы, ценятся дороже золота.

Полностью исчезает старинный слой богатых средиземноморских оптовых торговцев — им просто становится нечем торговать, и они не могут провезти большие объемы товаров через враждебные моря. Небольшие партии специй, драгоценностей и других товаров приходится везти по суше. Марсель как порт фактически умирает. Развитая специализированная экономика исчезает, низводясь до уровня небольших сельских рынков и торговли вразнос.

Доминирующей фигурой на этих рынках становится еврей. Для этой эпохи, отмечает Пиренн, слова «еврей» и «торговец» значат одно и то же. Больше никто не ведет коммерции с арабами и, одновременно, с христианами, больше никто не может доставить товара из Африки или с Востока в Рим или Лион, больше не у кого занять денег. В этот период монополия еврейского торгового сообщества практически абсолютна.

Единственный их конкурент — начинающая свой медленный подъем Венеция. Венецианцы, в своей голой лагуне, где нечем заняться, кроме как торговать, пользуются всеми выгодами покровительства Византии и доступом на её внутренние рынки. Позднее Византия дорого заплатит за это своё великодушие — Венеция выгрызет её изнутри и уничтожит ради создания собственной торговой гегемонии.

Распадается сложная монархическая управленческая система и бюрократия — грамотные чиновники исчезают как класс — грамотность остается, как привилегия духовенства. Самый

впечатляющий пример, пожалуй, представляет собой изменение способов письма и его носителей. В Риме документация велась на папирусе, и документы записывались скорописью. Это была письменность общества массовой грамотности и большого документооборота.

Поток папируса из Египта с арабским завоеванием прервался — начался переход на пергамент, коснувшийся не только материала, но и манеры письма — тексты теперь начали записываться торжественным минускульным письмом, подходящим только под запись священных книг и долго сохраняемых текстов, используемых лишь немногими посвященными. Карл Великий, при котором, якобы, началось «каролингское возрождение», не умел писать и лишь с большим трудом читал. Его правление, на самом деле, было лишь небольшим периодом относительной стабильности после настоящих тёмных веков — VII и VIII.

Заслуга Пиренна состоит, помимо прочего, в том, что он смог удачно и осмысленно передать историческую картину столетий, от взятия Аларихом Рима и до коронации Карла Великого императором. Так называемые «тёмные века», обычно торопливо пролистываемые, наполняются сразу множеством смыслов и конкретным историческим содержанием. До арабского нашествия — это существование на окраине римско-византийского мира с постепенной романизацией германцев и восстановлением прежней римской цивилизации после системного кризиса. После катастрофы — мучительное умирание старого римского мира и связанных с ним династий, прежде всего — Меровингов, и восхождение новой силы — Севера, осуществляющей христианизацию Германии и, вместе с тем, германизацию Европы.

Королевство Меровингов практически не выходило за старую римскую границу — его контроль в германских землях был весьма шатким. Каролинги начинают завоевание и крещение саксов и, тем самым, впервые на политической арене наряду с Галлией-Франкией появляется настоящая Германия.

Отдавая дань традиционной историографии, Пиренн рассказывает увлекательную историю восхождения майордомов из рода Пипина к вершинам императорской власти, более, чем многие другие сюжеты, напоминающую «Игру престолов». Вражда влиятельных семейств, бессильные короли-марионетки, незаконные сыновья, претендующие на власть, коварные убийства и внезапные альянсы врагов.

Политический разрыв связей Италии и Константинополя, неспособность Византии оказать масштабную военную поддержку папам, ведет к тому, что те начинают политическую переориентацию на франков. Именно разрыв двух частей Средиземноморья, а не иконоборческий кризис, оказал решающее влияние на то, что папство начало пытаться соорудить на коленке из державы Карла Великого новую Империю, к чему сам Карл относился со сдержанностью. Карл охотно променял бы свой императорский титул на признание и хорошие отношения с Византией — его больше интересовала не Империя, а корона Лангобардов и власть над Италией.

Степень анекдотичности ситуации с мнимым «разрывом православного Рима с еретическим Константинополем из-за вопроса об иконах» состоит в том, что к моменту провозглашения Каролингской Империи, у власти в Константинополе находились иконопочитатели, а Карл отверг решения VII Вселенского Собора, провозгласив в весьма невежественных Libri Carolini по сути иконоборческую доктрину. Получалось, что проклявшие византийских иконоборцев папы действуют в пользу иконоборца франкского. Византийское влияние в западном Средиземноморье в этот момент сходит на нет.

Русская дуга. От Фрисландии до Палестины

Пиренн отмечает, что прерывание коммуникаций в Западном Средиземноморье ведет к радикальному смещению торговых путей

— дорога между Западной Европой и Востоком теперь проходит по русским рекам. «Скандинавы установили торговые отношения с арабами-магометанами, действуя по маршрутам, шедшим через Русь, и это давало их торговым операциям на северном направлении мощную подпитку, как деньгами, так и товарами» (Пиренн 2011: 286). На Севере Европы расцветает торговля фризгов, прерванная походами викингов.

Здесь мы видим 2 и 2, которые можно и нужно попытаться сложить в 4: не были ли загадочные «походы викингов» реакцией на смещение европейских торговых путей в сторону русских рек, Балтики и Северного моря и попыткой захватить эту торговлю в свои руки?

Обитатели глубокой периферии европейского мира — скандинавы оказались в самой гуще событий, на важнейших торговых путях между Востоком и Западом. Внезапно их Балтика и Северное море стали новым Средиземным морем. Появилась добыча, и появились возможности. И скандинавы, разумеется, постарались использовать это обстоятельство к своей выгоде.

Любопытен эффект походов викингов. Они носили грабительский и разрушительный характер, ими был уничтожен, в частности, фризский Дорестада, а то, что от него осталось, получил в лен знаменитый Рюрик Фрисландский. Однако прерывания северной торговли под воздействием этих набегов не произошло — напротив, торговая жизнь Балтики и Североморья в IX-X столетиях кипела. Таким образом, в отличие от арабов, викинги оказались не разрушителями, а созидателями. Они силой навязали себя в качестве торговых посредников, но были в этом качестве весьма энергичны, и передали своё наследие Ганзе, Голландии и Англии. Викинги стимулировали развитие северной ойкумены.

Впрочем, идея христианского Средиземноморья оказалась гораздо более живучей, чем представляется Пиренну. Она не умерла вместе с Каролингами. Едва западный мир усилился и ожил, как его

первостепенной задачей стало восстановление связей в Средиземноморском макрорегионе. Именно этот процесс восстановления связей между франкским Западом и Левантом мы и знаем под именем «Крестовых походов».

Крестовые походы были грандиозной битвой за христианское Средиземноморье, попыткой вернуть его утраченную в VII веке целостность. Начали их отнюдь не франки, а византийские императоры в X веке, Никифор Фока освободил Крит, Кипр и Антиохию, Иоанн Цимисхий взял Бейрут и подчинил эмира Дамаска, позднее василевсы с помощью русских войск берут Эдессу. «В 1030 году мы видим русских под Алеппо в числе тех, кто спасает византийского императора Романа III (1028-1034) от арабского плена. На следующий год они — в войске Георгия Маниака, овладевшего Эдессой на Евфрате» (Пашуто 1968: 78).

Однако к концу XI века, после злосчастной битвы при Манцикерте, крестоносный потенциал византийцев был практически исчерпан, и тогда по воззванию императора Алексея Комнина (о чём главы учебников, посвященные Крестовым походам, как правило, забывают) поднялись народы Запада на свою грандиозную попытку вновь сомкнуть Средиземноморье.

О том, насколько византийский сюжет в возникновении Первого Крестового похода вытеснен из историографического сознания, говорит такой факт — в огромной монографии Карла Эрдмана «Происхождение идеи крестового похода» император Алексей Комнин оказывается на самых задворках сюжета. Немецкий исследователь называет «совпадением» тот факт, что накануне похода папа на соборе в Пьяченце объявил о необходимости помощи Византии (Эрдман 2018: 461). Хотя даже приводимый им скудный фактический материал говорит о том, что крестовые походы были совместным франко-византийским предприятием. Об этом говорит, в частности, тот факт, что походу предшествовала встреча василевса в 1089 г. с графом Фландрским Робертом Фризом, обещавшим прислать в поддержку своих рыцарей (Эрдман 2018:

393, 423). Характерно, что посредниками для установления византийско-фламандских контактов выступали норманны из варяжской гвардии Константинополя.

Впрочем, историографическая ситуация меняется — Жак Эрс в своей «Истории крестовых походов» (на изумление неполиткорректной книге) уделяет целую главку «христианской реконкисте, которую вели греки». В частности, он утверждает, что встреча Роберта Фриза и Алексея Комнина имела вполне ощутимые последствия — в 1090 г. в осаде греками Никомедии участвовал большой отряд фламандцев (Эрс 2015: 54).

Образуется любопытная дуга: Фрисландия, где мы видим и Рюрика, и Роберта Фриза, Константинополь, через который проходит Роберт, и где есть варяго-русская гвардия, Восток, куда идут крестоносцы и где уже воевали русские. Позднее — Балдуин Фландрский, с особой любезностью принимающий игумена Даниила с Руси. Эта любопытная дуга: Нидерланды-Русь-Константинополь-Восток стоит того, чтобы обратить на неё внимание — далее мы нащупаем её возможные истоки.

Хотя крестоносная попытка, в конечном счете, не удалась, на какое-то время её успех казался несомненным. Однако центр тяжести Европы непоправимо сдвинулся к северо-западу. Слишком уже был велик цивилизационный разрыв между западным франкским и византийским миром. Франки и норманны не ставили и не могли ставить целью восстановление византиноцентричной ойкумены, существовавшей до пришествия ислама. Папа ни в коем случае не намеревался делить власть над миром с византийским Императором, мало того, — у Запада был свой император, причем враждебный Папе. Хотя хитрость Алексея Комнина привела к тому, что все крестоносные вожди поклялись быть его вассалами, но никакого реального восстановления единого имперского пространства не произошло — а устойчивость результатов Первого Крестового похода могла быть достигнута только так.

Четвертый Крестовый поход попытался найти альтернативное решение — восстановить единство христианской ойкумены через разрушение православной Византии и превращение её в элемент латинского мира, причем с торговым преобладанием Венеции. Этот результат так же был катастрофическим — Византию разрушить удалось, однако лишь к выгоде ислама.

Последнюю, отчаянную попытку восстановить христианское Средиземноморье предпринял французский король Людовик Святой, совершивший последний крестовый поход в Тунис. Этот крестовый поход вызывает массу недоумений у историков, воспринимавших его как абсурдное отклонение от главной цели крестоносцев — Иерусалима. Но в геополитической мудрости Людовику не откажешь — именно Тунис, древний Карфаген, Римская Африка, является точкой сборки Западного Средиземноморья. Вернув его в руки христиан, Людовик восстановил бы западно-средиземноморскую полусферу, и западный мир, возможно, вновь сдвинулся бы на юг.

Крестоносное движение не смогло восстановить Средиземноморье как единое цивилизационное пространство, и не смогло передать его всё в руки западной цивилизации. Вместо примирения Запада и Византийского мира, крестовые походы принесли бесповоротный разрыв и эскалацию ненависти. Хотя некоторое оживление в средиземноморский мир оно вернуло, что выразилось, прежде всего, в расцвете венецианской торговли.

Пиренн под следствием

Обозначенный Пиренном водораздел между средиземноморской и западной эпохами оказался необратимым. Однако западная историография предпочитает до сих пор отклонять «аргумент Пиренна». Его работа обязательна к изучению, её постоянно переиздают, и медиевисты знают «Магомета и Карла» практически наизусть. Но исправления оптики общеисторических схем не

происходит. Критика воззрений бельгийского историка превратилась во что-то вроде обязательного упражнения — каждый считает своим долгом доказать их ошибочность.

Утверждается, что Пиренн преуменьшал урон, нанесенный средиземноморской цивилизации германскими нашествиями, преувеличивал степень развитости Галлии эпохи Меровингов, преувеличил урон, нанесенный арабскими нашествиями, не заметил, что многие связи Запада с Востоком, включая Галлию с Левантом, прерваны не были.

Самой оригинальной критической концепцией является, пожалуй, работа американца Арчибальда Льюиса, который, приняв главный постулат Пиренна — прерывание торговли между Западом и Востоком, между Галлией и Левантом, переложил вину за это прерывание с арабов на Византию (Lewis 1951). Он утверждает, что не арабы своим пиратством сделали Средиземное море несудоходным, а сильный византийский флот, не желая усиления арабов за счет торговли с Западом, прервал связи Леванта и Галлии.

Однако Пиренн отмечает, что в Тирренское море византийцы фактически не заплывали. Им там просто не на что было опереться. Даже южноитальянские города вели себя по отношению к грекам нелояльно. При этом нет никаких оснований считать, что западно-средиземноморская торговля, которой византийцы не могли помешать, особо процветала. Может быть, её состояние было и лучше, чем у левантской, но она тоже коллапсировала.

Фернан Бродель в своей работе «Что такое Франция», признавая огромный вклад Пиренна в разработку истории Средиземноморья I тысячелетия, однако пытается избежать пиренновского катастрофизма, уведя вопрос в сторону своей любимой «длительной временной протяженности» (Бродель 1995: 91-93). Для него всё I тысячелетие Галлии и Средиземноморья — период плохой и всё ухудшающейся конъюнктуры, прямая нисходящая линия от 150 к 950

году. Здесь очевидно броделевское великолепное презрение к историческому событию, как чему-то несущественному.

Ссылаясь на книгу Элиаса Эштора (Ashtor 1976), Бродель утверждает, что «когда мусульмане завладели Средиземным морем, активная деятельность на нём уже завершилась, море было полупустым, мёртвым для всех обитателей его побережья». Нет ли тут своего рода софистики? Где грань между «полупустым» и полным? Полупустой стакан всё ещё полуполон. Полупустое море всё ещё полно. Арабы сделали его пустым.

Броделя, в известном смысле, опровергает сам Бродель. Для его знаменитой работы «Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» именно «пиренновское» членение Средиземноморья по цивилизационной границе христианства и ислама является базовым. Всё так или иначе вертится вокруг противостояния двух миров, вынужденных тесниться на развалинах одного единого древнего мира-экономики, и не могущих найти гармоничную схему взаимодействия, напротив — обреченных на разрыв.

Но эта схема является результатом «пиренновской» революции в Средиземноморье, принесенной арабским нашествием. До этого разрыва биполярная схема Броделя просто не работала бы. Конъюнктура Средиземноморья могла быть сколь угодно неблагоприятной, потом улучшиться, но она не создала бы качественного разрыва двух средиземноморских миров.

Рюрик в мире эмпориев

Немало критических замечаний касалось и пиренновского тезиса о замкнутой натуральной экономике, ставшей центральной чертой каролингской эпохи. В 1939 году шведский нумизмат Стуре Болин сделал открытие, которое, казалось, решительно пиренновский тезис подрывало — каролингский динарий был копией Аббасидского, а затем Саманидского дирхема. Вес двух монет

коррелирует между собой, в период между 825 и 850 гг. составляя 1,7 граммов серебра.

Из этого открытия выросла, в конечном счете, масштабная переоценка торговли каролингской эпохи, выросшая в книгу Ричарда Ходжеса «Экономика тёмных веков» (Hodges 1982), в которой была заявлена нашумевшая теория эмпориев.

Согласно этой теории, дальнюю торговлю в Римской Империи обрушили всё-таки варвары, но к середине VII века она стабилизировалась. Однако затем короли или племенные элиты варваризованной Европы решили искусственно ограничить доступ широких слоёв к импортам, поддерживая свой престиж за счёт монополии на них (знакомая картина, не правда ли?). Дальняя торговля Запада была переведена в сети эмпориев, неукрепленных торгово-ремесленных поселений, сеть которых позволяла контролировать всю дальнюю торговлю, в то время как локальная торговля, по сути, умерла.

В последнее время теория Ходжеса подвергается серьёзной критике — указывают и на большую степень связанности эмпориев с местным производством и торговлей, их большую органичность для западноевропейской жизни этой эпохи, чем предусматривает теория монополизации (Sherman 2012). Однако существенно другое.

Все знаменитые эмпории, на материале которых строилась модель, относятся к балтийско-североморскому району — это Дорестада, Хамвик, Квентовик, Бирка, Ладога/Альдейгьюборг. То, что Ладога была своеобразными воротами саманидских дирхемов в северную Европу — факт, после работ Томаса Нунена сомнений ни у кого не вызывающий (Noonan 1998).

Аргумент Пиренна, возражение Болина и теория Ходжеса, таким образом, совершенно корректно объединяются в главном. Прерывание прямых контактов между Западом и Востоком по Средиземному морю (были ли за него ответственны одни арабы, или, допустим частичную правоту Льюиса, и арабы, и византийцы)

привело не к полному исчезновению торговли и цивилизации на Западе, а к перестройке системы торговых коммуникаций на специфическую дальнюю обходную торговлю через северные моря и русские реки, коммуникативными «хабами» которой были эмпории. Походы викингов так же были не разрушением, а перехватом этих коммуникаций в интересах энергичной группы пиратов-эксплуататоров.

Именно эта усложненная и удаленная торговля и заставляла Каролингов держать валютный паритет с отдаленной Персией. Вспомним и отмеченную нами выше загадочную дугу: Нидерланды-Русь-Византия-Восток. Похоже, мы ненароком нашли прагматический источник её возникновения, что ещё раз подтверждает неслучайность появления в русской истории такого персонажа, как Рюрик. (О прочных и многосторонних связях Рюрика как властителя Фрисландии см: Горский 2018: 35-45; см. также общий обзор «рюриковской проблемы»: Губарев 2019).

Воздержимся пока от более решительных выводов, но не было ли появление в Ладоге владетеля Фрисландии, родственно связанного с Каролингами, не столько плодом поиска славянскими и финскими племенами «путей политогенеза», и уж тем более не «набегом викингов» с целью установления дани, а частью планомерной работы по созданию единой торговой (или, если угодно, торгово-пиратской) сети, нити которой должны были протянуться (и протянутся) от Фрисландии до Ирана через русские реки?

Впрочем, встреча этого «плетения торговых сетей» и славянского политогенеза тоже вряд ли была случайной. Политическая, военная, торговая и пиратская активность Руси в IX–X вв. на пространстве от Бердаа до Дорестада начинает казаться всё более осмысленной и целесообразной.

Неполиткорректная теория

Современные представления подтверждают центральный и наиболее значимый для нас тезис Пиренна. Катастрофа, связанная с арабским нашествием, прекратила существование внутреннего Большого Средиземноморья и привела к сдвигу центра тяжести Европы на Север, что, в свою очередь, привело к становлению Запада и Северо-Востока, вызвало к жизни и феномен Руси, и походы викингов, и изменение границ Европы в целом. Это ядро пиренновского аргумента, которое вряд ли возможно «обойти».

Точнее, этот «обход» совершается скорее по идеологизированным мотивам. Признать, что именно арабское вторжение привело к цивилизационному расколу и деградации Средиземноморья, считается сегодня особенно неполиткорректным. Но еще более неполиткорректным оказывается своеобразный византиноцентризм Пиренна, его убеждение, что, не будь арабского фактора, Европа первого тысячелетия нашей эры была бы своего рода «Большой Византией». Западу в концепции Пиренна отводится роль генетической мутации, возникшей в результате катастрофического прерывания нормального течения истории Средиземноморского мира.

Арабское завоевание, будучи для римского Средиземноморья цивилизационной катастрофой, породило Запад, ставший постхалифатским отклонением римского мира, причем начавшимся с чудовищного убожества, выправлявшегося долгие столетия. Не случайно, что эти близнецы-братья предпочли расправиться с Византией как продолжением древнего Средиземноморья.

Разумеется, такая концепция для западной историографии категорически неприемлема по чисто идеологическим причинам — она вырывает почву из-под цивилизационной идентичности Запада. А поэтому схеме Пиренна возражают, мало того — дискредитируют ее, порой по основаниям, достаточно случайным и поверхностным, прекрасно осознавая её принципиальную правоту, но стараясь выдвинуть причины, которые позволят не менять старую схему, с

«великим переселением народов», «Падением Римской Империи» и «упадочной Византией».

Для русской историографии такого идеологического ограничения не существует. Напротив, схема Пиренна для неё должна стать более естественной, стать своей, поскольку она точно позиционирует Византию, отводит надлежащее место Западному Миру, теряющему право считаться самовластным наследником Рима. Да и подъем Руси, и окружавшие его исторические движения, такие как походы викингов, становятся тем самым в понятный исторический контекст.

НАЧАЛО РУССКОЙ ИСТОРИИ

Лекции

Лекция I. Происхождение славян

Древнейшей археологической культурой, с которой мы можем проследить нашу связь была существовавшая в III-II тысячелетиях до нашей эры, в Бронзовом веке, культура боевых топоров, или, если менее воинственно, культура шнуровой керамики (О ней и её происхождении рассказано выше в «Очерках древней истории», в разделе «Движение индоевропейцев на Запад»).

Её носители разводили коров, пили молоко из горшков, украшенных узорами, выдавленными шнурком, рисовали на этих горшках солярный знак, но не свастику, а коло, развивали бронзовую металлургию, но дрались великолепно отшлифованными каменными боевыми топорами.

Тут придется сделать замечание о том, что такое археологическая культура, так как оно будет часто встречаться в этой лекции. Археологическая культура – это совокупность находок археологов, которые в пределах определенной территории и временного пласта имеют общие черты – в способе изготовления, внешнем виде, способе обращения с предметами. В пределах определенного ареала предметы похожи, а за его пределами либо не очень похожи, либо не похожи совсем. Разумеется, мы не знаем, принадлежали ли создатели этой культуры к одному этносу, говорили ли они на одном языке, но мы можем это предполагать исходя из того, что в древности люди чаще всего жили достаточно замкнутыми кровнородственными сообществами. Поэтому в догородскую эпоху мы можем предполагать, что люди с похожими вещами и похожим обращением с ними скорее всего имели веские основания для общности в виде родства и языка. Впрочем, иногда в рамках одной культуры мы можем уловить

совершенно разные традиции, и тогда мы понимаем, что вместе жили группы разного происхождения постепенно сливаясь в одну - или не сливаясь, такое тоже бывало.

Отечественные археологи Л.С. Клейн и М.Б. Щукин предложили метод археологических «секвенций», который позволяет наметить преемственность культур, начиная от более поздних, этнический и исторический облик которых для нас несомненен, и продвигаясь от них к более ранним, связи с которыми более поздних культур можно проследить с большой достоверностью.

Культура шнуровой керамики была создана восточными индоевропейцами лесной зоны, предками славян, балтов и кое-кого из германцев. Они говорили на версии индоевропейского языка, где числительное 100 обозначалось словом «satem», сотня, и были носителями мужской гаплогруппы – R1a. Этим они были похожи на своих родичей из степной зоны, индоиранцев, ариев, тоже говоривших на сатемных языках и имевших ту же гаплогруппу. И напротив, несколько отличались от индоевропейцев Западной Европы, у которых преобладала гаплогруппа R1b и они говорили на кентумных языках, где 100 обозначалось словом «кентум», цент и т.д.

Сегодня среди великороссов носителей гаплогруппы R1a – 46%, среди малороссов – 44%, среди белорусов – 51%. То есть практически все эти люди, - прямые потомки по мужской линии тех создателей культуры шнуровой керамики, которые жили в этих краях 4-5 тысяч лет назад. Мало того, треть татар оказалась носителями той же гаплогруппы, так как они происходят от носителей фатьяновской культуры, варианта шнуровой, некогда простиравшейся от Москвы до Казани. Так что русофобская фраза «поскреби русского найдешь татарина» оказалась правдой с точностью до наоборот.

Культуры лесных индоевропейцев развивались сравнительно плавно до того момента, когда на рубеже II и I тысячелетий нашей эры среди них не появился агент изменений, загадочные венеды, создавшие поморскую культуру. Характерным признаком этой культуры был обычай погребать прах покойников в лицевых урнах. Эта не самая банальная культурная особенность была зафиксирована археологами у обитателей древней Трои, у этрусков в Италии.

Не менее интересны приключения имени – энетами звали одно из союзных троянцам племен. Венеты жили на севере Италии – отсюда Венеция, еще они жили на Дунае – отсюда Виндобона, крепость Венетов, она же Вена, еще они жили на атлантическом побережье Галлии, и с ними воевал Юлий Цезарь. Наконец венетами древние историки и соседи балты звали славян. При этом между разными группами венетов существовала связь – Янтарный путь, по которому балтийский янтарь обменивался на продукцию адриатических венетов, в частности стекло. Причем построенная по этому пути римская грунтовая дорога называлась «виндобонской стрелой».

Можно предполагать, что стронутые разгромом в троянской войне с места энеты Малой Азии начали расселяться по Европе, через Италию и центральную Европу дошли до Атлантики, а оттуда морем оказались на Балтике. Их появление среди лесных индоевропейцев стронуло с горы камешек славянского этногенеза – одна из групп древних лесных жителей связалась с венетами и начала отличаться от родичей по языку, культуре, возможно и самосознанию.

Здесь, кстати, надо отметить одно любопытное и печальное явление. Существует довольно много исследователей, особенно отечественных, которые одержимы какой-то настоящей славянофобией. По не очень объяснимым причинам (или, наоборот, слишком хорошо объяснимым), они хотят, чтобы свидетельства существования славян появились как можно позже, ожесточенно набрасываются на любые факты и гипотезы касающиеся

древнейшего праславянского этногенеза и пытаются их объявить ничтожными, фиктивными и так далее.

Чаще всего то, что имеет отношение к славянам, пытаются объявить принадлежащим балтам. Выдающийся русский археолог Артемий Владимирович Арциховский называл это «забалтыванием славян». Разумеется, нельзя впадать и в противоположную крайность, записывать в славяне все красивое и блестящее, что плохо лежит. Но «забалтывание», стремление затереть славян так, чтобы они были молодым народом, взявшимся в середине первого тысячелетия нашей эры ниоткуда, ничего общего с научной добросовестностью, конечно, не имеет.

Прошло еще примерно тысячелетие и носители поморской культуры передвинулись от моря вглубь на восток, в район Днепра, на земли, которые занимала Милоградская культура, создателями которой был интересный народ – невры. Это были тоже лесные индоевропейцы, но жили они на границе со скифами и были их военными союзниками. Хотя довольно строптивыми, когда в Скифию вторгся персидский царь Дарий, невры, как рассказывает греческий историк Геродот, отказались помогать скифам, сославшись на то, что вы первые начали – мол нечего было вторгаться в Вавилонию. За неврами ходила у соседей слава колдунов, они якобы умели превращаться в волков – и тут мы понимаем насколько седой древностью были воинские мужские братства у славян, которые пользовались волчьей атрибутикой.

Мы не знаем, завоевали веныды невров или, точнее, поморцы милоградцев, или подселились мирно, но результатом встречи стала Зарубинецкая культура, существовавшая с III века до нашей эры по I век нашей. Её характерной чертой являются железные и бронзовые фибулы, застежки для мужских плащей.

Некоторые из таких фибул, найденных порой в самых далеких уголках зарубинецкого ареала, можно было достать только в дальних походах на Балканы, в связи с чем у исследователей

появилось предположение, что создатели зарубинецкой культуры были известны внешнему миру как бастарны. Воинственный народ, выступавший союзником македонских царей и сражавшийся с римлянами. Однако то, что мы знаем о бастарнах, говорит о том, что они жили на территории современной Румынии и были похожи скорее на германцев. Возможно ситуация была такой – бастарны отправлялись в поход и созывали с собой всех храбрецов от соседей, поэтому весь мир воспринимал их как бастарнов, хотя значительную часть составляли венеды, приносившие из этих дальних походов красивые фибулы.

Так или иначе, в I веке нашей эры Зарубинецкая культура была разгромлена сарматами, закованными в латы степными воинами, захватившими земли скифов. Какое-то время венеды пытались приспособиться к жизни на руинах. Именно в этот момент их и заметили впервые римские историки.

«Венеды многое усвоили из нравов бастарнов, ведь они обходят разбойничьими шайками все леса и горы между певкинами (то есть бастарнами) и финнами. Однако они и дома строят, и щиты имеют, и упражняют ноги как пехота, - это все их отличает от сарматов, живущих в повозке и на коне» - писал знаменитый римский историк Корнелий Тацит в своем трактате «Германия». Этот текст считается первым письменным упоминанием о славянах.

Из него мы узнаем довольно много – венеды строили дома, сражались пешим строем, использовали щиты. Они постоянно перемещались – это поразительно коррелирует с данными, полученными современными археологами при исследовании позднезарубинецких поселений и могильников. Для них и в самом деле характерны постоянные микромиграции.

Однако тут венеды вытащили счастливый билет. При императоре Нероне его сановник Юлиан, заведовавший устройством гладиаторских игр, искал необычные материалы для украшения арены и повелел восстановить Янтарный Путь. Балтийские венеды и

италийские венецы снова торговали. Венеды оказались втянуты в имперскую периферию и это позволило им изрядно поправить положение.

На месте бывшей Зарубинецкой культуры оформляется Киевская, в славянском характере которой не сомневается сегодня уже ни один археолог. Кстати, на таком названии для этой культуры настояли археологи Украинской ССР. Мол если есть славянская Пражская культура, значит должна быть предшествующая ей Киевская, назло москалям. На самом деле памятники этой культуры разбросаны по европейской России, Белоруссии, Прибалтике, даже Польше, а не только Украине. А самой значительной находкой является Брянский клад, который в 2010 году ФСБ перехватила у черных копателей и отдала в Исторический Музей.

Самой характерной приметой Киевской культуры являются выемчатые эмали – роскошные, красочные. Женские нагрудные цепи, бусы и браслеты, мужские плетки и рога для питья... Их бронзовую основу вероятно ковали местные кузнецы, а эмалью покрывали странствующие ремесленники из пределов Империи. Производство было поставлено на широкую ногу – из Империи даже поставлялись специальные бусы с составом, подходящим для изготовления эмалей. Позволить себе такие украшения могли только обеспеченные люди, а значит с хозяйством в эти века у славян все было неплохо.

Благодаря этим украшениям с эмалями мы можем заглянуть в духовный мир ранних славян. Сразу почувствуется отличие от кельтов и германцев с их причудливыми фантазиями и бесконечными спиралями. Тут скорее чувствуется влияние латинской, римской логики. Славянский мир – строгий, стройный, геометричный и симметричный, но не сухой и одномерный. Чувствуется стремление увидеть структуру и иерархию природы. Органическое и рациональное соединены с удивительной тонкостью. Всё те же черты мы будем находить столетия и столетия спустя в славянском орнаменте.

Славяно-римская идиллия длилась недолго. В III веке нашей эры в Империи начинаются смуты и гражданские войны, а главное славянский и римский мир разрушает вторжение готов. Готы высадились из Скандинавии на польском Поморье, дошли до Черного моря, по пути разделившись на тервингов – вестготов, и гревтунгов – остготов. Остготы поселились в Приднестровье и начали беспокоить Империю сухопутными и морскими набегами. Их пиратские корабли доходили до Афин, а в 251 году в битве с ними погиб император Деций.

В конечном счете, римляне предпочли откупиться, выдавая готам довольно большую сумму золотом. Угнанные римские ремесленники создали роскошную Черняховскую культуру, которую некоторые советские археологи попытались присвоить славянам. Но нет, увы, это типично германская культура с длинными домами, но расцвеченная провинциальным римским шиком.

Для славян начались тяжелые времена – с каждым десятилетием поселения черняховской культуры отодвигались все дальше на север и восток, либо окружая, либо вытесняя поселения киевской культуры. Готский король Германарих из рода Амалов, проживший больше ста лет, победил и покориł венедов, как сообщает готский историк Иордан. Еще король совершил поход в Страну Мрака, за пушшиной и воском, и покориł народы с узнаваемыми именами – морденс, меренс, имнискары, то есть мордву, мерю, мещеру...

Держава Германариха простиралась от Балтики до черного моря и от Эстонии до Прикамья. Однако гордый король слишком зажился на свете и ему было суждено увидеть её крах. Началось все с того, что он приказал казнить за супружескую измену женщину из племени росомонов. Её разгневанные братья ранили короля мечом и он начал тяжело болеть. Услышав слово «росомоны» мы естественно навострили уши, но, увы, больше мы ничего не знаем, поэтому беспочвенно фантазировать не стоит.

Слабостью дряхлого раненого Германариха воспользовался вождь гуннов Баламбер – войска Германариха были наголову разгромлены, старый король в 376 году покончил с собой, и готы пустились в бегство, закончившееся для многих только в Испании и Африке, а по дороге разорили Рим.

Гунны были во многом загадочным народом, основу которого составили могущественные кочевники хунны, некогда терроризировавшие Китай. После поражения они прошли насквозь Велику Степь, присоединили к себе некоторые тюркские и угорские племена и обрушились на Европу с новым оружием – гуннским луком, позволявшим стрелять на скаку.

Для готов приход гуннов был катастрофой. Для славян – возрождением. Когда новый готский король Витимир восстал против гуннов, с ним сразилось славянское племя антов и даже сперва победило. Но Витимир, как сообщает Иордан «в дальнейшем стал действовать решительнее и распял короля их Божа с сыновьями его и с семьюдесятью старейшинами для устрашения, чтобы трупы распятых удвоили страх покорённых». Заметим, ничего не сказано, что он их победил в бою, возможно он просто заманил их на пир и там подло перебил. Так или иначе, король получил прозвище Винитарий, победитель венедов, но наслаждался им не долго – в бою с гуннами он был убит в голову стрелой, пущенной лично Баламбером.

После бегства готов анты заняли их земли, на которых сложилась довольно богатая Пеньковская археологическая культура. Многие славяне ушли вслед за гуннами в Паннонию, нынешнюю Венгрию и явно составляли там большинство населения. Римский посол Приск Панийский, отправленный к Атилле, записал такие типично гуннские слова, как «мёд» и «страва».

Однако гуннскую альтернативу выбрали не все славяне. В это самое время в болотах Полесья начинает складываться Пражская археологическая культура, принадлежавшая той ветви славян,

которая и именовалась собственно славянами, «склавинами» как писали имперские историки. Большинство современных славян – потомки именно склавинов.

В пражской культуре поражает исключительная бедность. Никаких побрякушек и украшений. Из инвентаря по большому счету только большие горшки, запоминающейся формы. Эта бедность привела в определенное замешательство исследователей, некоторые из которых начали говорить о том, что если славянская пражская культура настолько бедна, значит предшествующие ей культуры не могли быть богаче, а значит ни Зарубинецкая, ни Киевская культура отношения к славянам не имеют, иначе это нарушало бы логику эволюции.

Но дело не в этом. По сути перед нами культура болотных изгнанников. В исторических источниках фиксируется, что несмотря на этническое тождество, между антами и склавинами существовали всегда очень напряженные отношения. И современные исследователи предполагают, что началось все именно с изгнания или добровольного ухода склавинов, не захотевших поддержать гуннов.

Однако именно в этом изгнании у славян формируются некоторые особенности цивилизации, которые предопределяют историческую судьбу русских.

Во-первых, характернейшей чертой бедных славянских жилищ-полуземлянок становится расположенная в углу печь каменка. Раньше жиль обогревалось очагами, гревшими пока горят дрова. Теперь жар от нагретых камней не проходил много часов и позволял переживать длинные суровые зимы. Подобные печи германцы ранее использовали для выпекания хлеба. Однако славяне приспособили каменки именно для обогрева жилища и для бань, ставших важным элементом славянской культуры. Если камней было совсем не достать, печку делали глинобитной, но сам принцип сохранялся.

Из-за ухудшения климата в середине I тысячелетия нашей эры печи начинают распространяться у многих народов, но именно для славян они оказались билетом в будущее. Печь каменка позволяла славянам выжить, жить в довольно суровых лесах, да еще и двигаться на север, не утрачивая своей земледельческой культуры, не превращаясь в одичавших леших. Так была predetermined судьба русских как самой развитой из северных и самой северной из развитых цивилизаций планеты.

Второй переворот этого периода – начало освоения культуры ржи. Климатически неприхотливая рожь оказалась в северной зоне очень продуктивной, позволяя поддерживать полноценную аграрную цивилизацию. Ржаной хлеб, ржаной квас составили основу русского цивилизационного хода и позволили русскому крестьянину переселиться далеко на север, сея рожь в поймах рек, впадающих в Ледовитый океан.

Возникает ощущение, что аскетизм пражской культуры, помимо всего прочего, был связан с тем, что любые излишки её создатели вкладывали в увеличение количества детей. Иначе невозможно объяснить тот факт, что в V веке нашей эры по Восточной Европе прокатилось буквально цунами славянского расселения, причем это все были склавины, носители пражской культуры. Разумеется этому способствовал тот факт, что после Великого Переселения Народов Восточная Европа была довольно пустынной. Но славяне и впрямь шокировали современников своей исключительной многочисленностью. К VII веку практически все славянские культуры были модификациями пражской, за исключением разве что северной культуры кривичей, прямо продолжавшей варианты киевской.

Лекция II. Славяне на Дунае

К середине VI века нашей эры, к эпохе великого императора Юстиниана, изнемогшая за предшествующие столетия от варварских

нашествий Восточная Римская Империя, готовилась нанести ответный удар – отвоевать у вандалов Африку, у готов Италию и Испанию. К этому времени империя обнаружила, что на её северной дунайской границе этнографическая картина сменилась – германцы почти все исчезли, от гуннов остались обломки, которые мы зовем сейчас протоболгарами. Зато всюду в огромных количествах живут славяне – либо воинственные и могучие телом анты, либо невероятно многочисленные склавины.

«Ни одного места, ни одной горы, ни одной пещеры, ни чего-либо другого на римской земле не осталось неразграбленным, причём многим местам случалось подвергнуться разграблению не менее пяти раз. Впрочем об этом и о том, что было совершено мидийцами, сарацинами, склавинами, антами и другими варварами мною рассказано в предшествующих книгах» - жаловался придворный историк Юстиниана Прокопий Кесарийский.

Именно в VI веке, жившие с разницей в поколение Прокопий Кесарийский и император-военачальник Маврикий, автор «Стратегикона», оставили яркие характеристики славян.

Вот что пишет Прокопий:

«Эти племена не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве, и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим... Живут они в жалких хижинах, на большом расстоянии друг от друга, и все они по большей части меняют места жительства. Вступая в битву, большинство из них идет на врагов со щитами и дротиками в руках, панцирей же они никогда не надевают; иные не носят ни рубашек, ни плащей, а одни только штаны, и в таком виде идут на сражение с врагами... Они очень высокого роста и огромной силы. Цвет кожи и волос у них не очень белый... Образ жизни у них грубый, безо всяких удобств, вечно они покрыты грязью, но по существу они неплохие люди и совсем не злобные... В древности оба эти

племени назывались спорами («рассеянными»), думаю потому, что они жили, занимая страну «спораден», «рассеянно», отдельными поселками. Поэтому-то им и земли приходится занимать много».

А вот что говорит о славянах Маврикий:

«Племена славян и антов сходны по своему образу жизни, по своим нравам, по своей любви к свободе; их никоим образом нельзя склонить к рабству или подчинению.... Они многочисленны, выносливы, легко переносят жар, холод, дождь, наготу, недостаток в пище. К прибывающим к ним иноземцам они относятся ласково...

Скромность их женщин превышает всякую человеческую природу, так что большинство их считают смерть своего мужа своей смертью и добровольно удушают себя, не считая пребывание во вдовстве за жизнь.

Они селятся в лесах, у неудобопроходимых рек, болот и озер, устраивают в своих жилищах много выходов вследствие случающихся с ними, опасностей. Необходимые для них вещи они зарывают в тайниках, ничем лишним открыто не владеют и ведут жизнь бродячую.

Сражаться со своими врагами они любят в местах, поросших густым лесом, в теснинах, на обрывах; с выгодой для себя пользуются (засадами), внезапными атаками, хитростями, и днем и ночью, изобретая много (разнообразных) способов. Опытны они также и в переправе через реки, превосходя в этом отношении всех людей. Мужественно выдерживают они пребывание в воде, так что часто будучи застигнуты внезапным нападением, погружаются в пучину вод. При этом они держат во рту специально изготовленные большие, выдолбленные внутри камыши... они могут проделывать в течение многих часов, так что совершенно нельзя догадаться об их (присутствии)»

Мы видим в этих описаниях те черты, которые для последующей русской цивилизации окажутся фундаментальными.

Во-первых – амфибийность. Мы – речная цивилизация, которая лучше всего адаптируется к пойменному ландшафту рек, озер, если надо – болот. Мы на них живем, по ним передвигаемся, с них кормимся, на них воюем.

Еще одна характерная черта – это стремление к рассеянию. Своего рода взаимоотталкивание, нежелание жить кучно, разводить слишком строгую дисциплину. Предпочтение существования наособицу, небольшими поселками.

И это взаимное отталкивание ведет к возникновению у нас особого аффективного строя, не похожего, к примеру, на западноевропейский. Там, где люди Запада конфликтуя начинают выяснять кто тут главный, один стремится оскорбить и унижить другого и выстроить так иерархию, там русские обычно обижаются. Разворачиваются друг от друга и идут дальше, дальше, дальше, стараясь не иметь друг с другом ничего общего. В результате – «земли им нужно занимать много». Достаточно взглянуть на карту мира, чтобы убедиться: Прокопий Кесарийский не ошибся.

Постепенно славяне обживались на имперских границах, участвовали в геополитическом пасьянсе, и усваивали бы высокую культуру Рима и Христианства. Вполне вероятно, что у славян с Империей складывалась та же ситуация, что сложится у болгар и Руси в IX-X веках. Историк Агафий Миринейский упоминает о подвигах Сваруны склава на имперской службе в войне на Кавказе. Эпитафия Святому Мартину Турскому написанная в 558 году сообщает: «Руг, Склав, Нара... радуются, что под твоим водительством познали Бога».

Одни славяне нападали на Империю с целью грабежа, другие, напротив, старались оформиться к ней на службу. Среди соратников Юстиниана был полководец Хильбудий, возможно он был антом и

его славянское имя было Хвалибуд, он сражался против варваров и, в конечном счете, пал в битве со склавинами.

А вскоре разразилась антско-склавинская война, вероятно подогретая золотом и дипломатией империи, которая чтобы выжить всегда стравливала между собой соседей. И в ходе этой войны один плененный склавинами ант, знавший, что удивительно латынь, начал выдавать себя за Хильбудия. Он сумел вернуться к антам и те начали переговоры с римлянами о том, чтобы антов зачислили в союзники Империи, передали им пустующий город и поручили охрану границы на Дунае против протоболгар. А военачальником анты просили поставить лже-Хильбудия. Самозванца, правда, скоро разоблачили, но попытки империи играть на внутриславянских противоречиях продолжились.

У антов появляется свой наследственный князь, Мезамер сын Идаризия, брат Келагаста, о котором говорится, что он «приобрел величайшую силу у антов». У склавинов формируется своего рода федерация во главе со своеобразным «президентом» - Добрятой. В 559 году склавины вместе с протоболгарским племенем кутригуров, под предводительством хана Зарбегана, подступили к самим стенам Константинополя и их пришлось отражать лично великому полководцу Велизарю.

Наверное ромеи еще долго маневрировали бы между антами, склавинами и протоболгарами, если бы на границах Империи, в облюбованной ранее гуннами Паннонии, современной Венгрии, представлявшей крайне западную точку Великой Степи, не появился новый кочевой народ – авары.

Это было воевавшее с Китаем монгольское племя жужаней, правители которых приняли титул «каган», равный императорскому. Жужани ввели в кавалерийский обиход стремяна, на которые можно опираться и привставать, и саблю, которой можно рубить с коня на скаку. Эти военные нововведения обеспечили им преимущество,

когда, проиграв в степной борьбе восставшим против них тюркам, жужани бежали под именем авар в Европу.

Сперва авары разгромили антов, подло убив во время переговоров князя Мезамира. Затем выгнали из Паннонии последние германские народы – гепидов и лангобардов. В 578 году аварский каган Баян, получив от Империи золото, нанес страшный удар по склавинам, прорвавшись в Грецию. Империя и авары заключают договор о дани, в обмен на защиту аварами дунайских границ от славян.

Но вскоре авары убедились, что превосходство их кавалерии позволяет не ограничиваться субсидиями ромеев – выгодней империю грабить. И авары сделали геополитический финт, предопределивший историю на несколько столетий вперед. Они помирились со склавинами, заставив признать себя старшим геополитическим партнером.

Была создана своего рода аваро-славянская федерация с общим войском, в котором славяне играли роль пехоты, а авары – конницы. «Когда гунны шли в поход против какого-либо народа, гунны, собрав свое войско, стояли перед лагерем, виниды же сражались. Если они оказывались в состоянии победить, тогда гунны подходили, чтобы захватить добычу. Если же винидов одолевали, то, поддержанные гуннами, они вновь обретали силы... Они шли впереди гуннов, образуя в сражении двойную боевую линию» - рассказывает западный хронист Фредегар.

Это был, конечно, неравнопарвный союз, в котором славянам отводилась роль пушечного мяса. Ситуация усугублялась и тем, что авары наложили на славян тяжкое иго о котором тоже рассказывает Фредегар: «Гунны каждый год приходили зимовать к славянам, брали жен славян и дочерей их к себе на ложе; сверх других притеснений славяне платили гуннам дань. Сыновья гуннов, рожденные от жен и дочерей винидов, не выдержав, наконец, злости и притеснения и отвергнув господство гуннов начали восставать».

Память об этом иге сохранилась и в русской начальной летописи, только сексуальную эксплуатацию целомудренный летописец заменил художественным образом: «Обры воевали против царя Ираклия и чуть было его не захватили. Эти обры воевали и против славян и притесняли дулебов – также славян, и творили насилие женам дулебским: бывало, когда поедет обрин, то не позволял запрячь коня или вола, но приказывал впрячь в телегу трех, четырех или пять жен и везти его – обрина, – и так мучили дулебов. Были же эти обры велики телом, и умом горды, и Бог истребил их, умерли все, и не осталось ни одного обрина. И есть поговорка на Руси и доныне: «Погибли, как обры».

Но это с одной стороны, а с другой в союзе с аварами славяне оказывались для ослабленной империи практически непобедимы. В 583 году аваро-славянская рать прорвала имперскую границу, через которую устремились потоки славянских переселенцев заселившие Далмацию, Фракию, Грецию, добравшиеся даже до острова Крита. Так возникла ветвь южных славян, которую образовали переселенцы с самых разных частей славянского мира. В руках славян оказалась огромная добыча, хотя львиная доля, конечно, досталась аварам. Остались неприступными только крупнейшие города империи – и то чудом.

На рубеже VI и VII веков славяне четырежды осаждали Фессалонику, дважды вместе с аварами. Повесть о чудесах святого Дмитрия Солунского рассказывает как святой лично оборонял свой город от варваров. Самым впечатляющим его чудом было запугивание и сведение с ума славянского инженера. Из этого памятника мы узнаем, что у славян в это время было множество опытных ремесленников и инженеров, которые могли строить катапульты, тараны, мало того - осадные башни гелеополы. У вроде бы варваров имелась техническая интеллигенция.

Высшей точкой аваро-славянского натиска на Империю стал 626 год, когда с азиатского берега к Константинополю подошли персы, а с европейского – авары и славяне. Императора Ираклия, занятого

походом вглубь Персии в столице не было и падение Нового Рима казалось неминуемым. Вдоль городских стен появились осадные орудия, которые строили славянские инженеры. Славянские воины должны были на лодках-однодеревках пересечь залив Золотой Рог и атаковать город с наименее защищенной стороны. Дальнейшее свидетели событий единодушно приписывали чуду Божией Матери – славянский флот, от которого уже бежал флот римлян, был разметан и потоплен.

Разъяренный каган приказал перебить славянки. Разгневанные славянские отряды ночью снялись и ушли из под города и осада Константинополя провалилась. Аварский каганат после этого поражения начал трещать по швам. От авар отделились протоболгары, которые создали свое государство сначала на Азовском море, а затем в среднем течении Волги и на Нижнем Дунае. Еще раньше началось восстание западно-славянских племен, создавших свое государство во главе с неким Само, которого одни источники называют заезжим франкским купцом, другие славянином. Впрочем, возможно это не имя, а так сказать титул – само-держец.

В какой-то момент авары подвергли жестокому разгрому как антов, так и склавинское племя дулебов, стоявшее на высоком уровне развития и имевшее центр на городище Зимно. Эти аварские разгромы существенно изменили славянскую географию – антское племя сербов оказалось на Эльбе, а потом на Балканах в числе переселенцев. Там же оказалась часть антского племени хорватов, другая часть которых обитала в Галиции. Хорваты захватили в свою пользу Далмацию. Уходя от аварской власти многие склавины начали отступать на север, заселив Польшу и двинувшись на Русь.

Некоторые побежденные славянские племена авары напротив переселили в самый центр своей державы, в Паннонию, где завоеватели укрывались за стенами круглых деревянных крепостей – хрингов. Дунайские славяне обеспечивали их продовольствием и предметами ремесла, которое в стабильной и богатой стране

прогрессировало. Численность дунайских славян, культура которых наследовала пражской, все увеличивалась и они начали продвигаться на восток, так появились племена волынян, древлян, полян, дреговичей, бужан, известные уже по древнерусскими летописям. На далеком востоке склавинское население смешалось с остатками антов и появились племена северян и вятичей. На севере Руси, рядом с хранившими древнеславянские традиции кривичами появились ильменские словене, так же сдвинутые с места аварским нашествием.

Однако авары повлияли на славян не только тем, что сдвинули их с места и растрясли. Еще от аваров славяне усвоили конскую упряжь, раньше всех своих соседей. Вспомним историю о том, как обры якобы запрягали славянок в телегу. Наряду с намеком на сексуальную эксплуатацию тут явно читается связь обров с конской упряжью. И в самом деле, благодаря кочевникам у славян распространилась дуговая и шлейная упряжка, а также хомут. Такой тип упряжи позволял более эффективно расходовать силу животного.

В то время как большая часть Западной Европы пахала, возложив ярмо на вола, славяне начали пахать на вдвое более эффективной лошади. Это позволяло получать очень хорошие урожаи в лесостепи и поднимать с помощью сохи с железным сошником тяжелые почвы лесной зоны. Так была заложена еще одна основа под появление Руси там, где еще столетия должна была быть лесная пустыня.

Во второй половине VII-VIII веках авары значительно ослабели, а их общество начало перерождаться. Оно все более славянизировалось. Место кочевий занимали поселения с домами-землянками, оборудованными печами-каменками — однозначный индикатор славянизации. В Дунайской Аваро-Славинии расцвело ремесло — гончарное, кузнечное, ювелирное. Шла бойкая торговля. От заезжих купцов и проповедников славяне узнавали о христианстве, некоторые крестились и начинали носить нательные крестики.

Иными словами, Аварский каганат на Дунае медленно, но верно превращался в славянское государство со все более утончавшейся кочевой элитой. Шел по тому же пути, по которому позднее пойдет Болгария. Однако эволюция не была закончена, так как смертельный удар Аварскому каганату нанесли франки. В 796 году Карл Великий взял центральный хринг аваров и завладел сокровищами аварских каганов. К 805 году с независимым аварским каганатом было покончено.

Разгром франками Аваро-Славинии на Дунае привел к запуску цепочки событий, которая породила Русь. Если раньше славяне бежали от аваров, то теперь массовый поток дунайских славян начал уходить от франков. В IX веке документы франков именуют еще недавно густонаселенную территорию Аварского каганата «пустыней».

В исследованиях археологов, прежде всего академика Валентина Васильевича Седова, отмечен настоящий вал находок в Восточной Европе в слоях IX века, имеющих очевидно дунайское происхождение. Браслеты, фибулы, серьги, лучевые височные кольца, ритуальные ножи с волютообразным верхом. И, что особенно интересно, нательные кресты – энколпионы, говорящие о том, что часть переселенцев была уже в той или иной степени христианами.

В Повести Временных Лет сохранилась совершенно отчетливая память о том, что славяне переселились на Русь с Дуная. Огромно было и значение Дуная-батюшки в русском фольклоре. Это удивляло историков и археологов, которые точно установили, что прародиной славян Дунай не был. Объяснение этого феномена простое – так в памяти наших предков закрепился исход с Дуная после гибели Аваро-Славинии.

«Дунайские славяне, расселившиеся в различных местностях Восточной Европы, оказали несомненное воздействие на процесс нивелировки диалектного многообразия... Заметный прилив

славянского населения из Дунайского региона сыграл существенную роль в консолидации славянского населения Восточно-Европейской равнины, которая завершилась формированием древнерусской народности» - отмечал академик Седов.

Разноплеменное славянское население Русской равнины, пришедшее сюда в разное время при разных обстоятельствах, внезапно получило собирающую его воедино скрепу – высококультурных соплеменников-славян, говоривших на одном диалекте. Отсюда такая странность, что в древнерусском языке на огромном пространстве было первоначально не так много диалектных различий.

Еще одно замечание Седова: «Славянские переселенцы с Дуная были активной массой, среди них могли быть квалифицированные ремесленники, горожане, церковные деятели, владевшие грамотой, христиане...».

А значит у этих переселенцев был запрос на государство. А государство они мыслили как верховную власть правителя, которого за предшествующие столетия они привыкли называть «каганом». И в самом деле, в 839 году к франкскому императору приходят послы от народа Рос, то есть Руси, и сообщают, что их правителя именуют каганом. Этот «каган» буквально сводит с ума исследователей, поскольку послы оказались при этом шведами, а наши историки считают, что заимствовать данный титул Русь могла только от хазар. Где шведы и где хазары?

Но это ошибка самих исследователей – каган не хазарский, а аварский титул, самый привычный для дунайских славян титул верховной власти. Когда они решили создать свое государство, они и нарекли своего правителя пышным высшим титулом, которым именовали себя еще Святой Владимир и Ярослав Мудрый.

Лекция III. Рождение Руси

18 мая 839 года перед франкским императором Людовиком I Благочестивым в его дворце в Ингельгейме на Рейне предстали прибывшие из Константинополя послы византийского императора Феофила.

Феофил «прислал ещё неких людей, утверждавших, что они, то есть народ (употребляется латинское слово – gens, род) их, называются Рос и что король их, именуемый хаканом, направил их к нему, как они уверяли, ради дружбы. В упомянутом послании Феофил просил, чтобы по милости императора и с его помощью они получили возможность через его империю безопасно вернуться, так как путь, которым они прибыли к нему в Константинополь, пролегал по землям варварских и в своей чрезвычайной дикости исключительно свирепых народов, и он не желал, чтобы они возвращались этим путём, дабы не подвергались при случае какой-либо опасности. Тщательно расследовав цель их прибытия, император Людовик узнал, что они из народа свеонов, и, сочтя их скорее разведчиками и в той стране, и в нашей, чем послами дружбы, решил про себя задержать их до тех пор, пока не удастся доподлинно выяснить, явились ли они с честными намерениями или нет».

В таких словах в летописном своде западно-франкского королевства, Бертинских анналах, впервые в исторических источниках упоминается Русь. Из Бертинских анналов мы узнаем очень много. Что Русь в 839 году уже существовала. Что она была политически организована и имела правителя. Что этот правитель носил титул кагана – в предыдущей лекции мы уже выяснили, что это был по сути высший императорский титул, к которому привыкли славяне, жившие на Дунае в Аварском каганате и ушедшие на Северо-Восток после того как авары были разгромлены франками. Каганами именовались позднее и Святой Владимир и Ярослав Мудрый.

Итак, мы знаем главное, в этот момент уже существовал политически организованный этнос, именовавший себя Русь (Послы явно говорили через греческих переводчиков, а Рос – это обычная византийская передача слова, которое наши предки произносили

через У). Политически организованный этнос именуется нацией. То есть в 839 году русская нация, пусть в самом зачаточном смысле, уже существовала. Мы вполне можем отмечать День России 18 мая, а через 18 лет, в 2039 году справить 1200-летний юбилей нашего первого упоминания в летописях.

Далее мы узнаём, что Русь вела активную дипломатию и находилась в явно дружеских отношениях с Византией. Задержав послов Людовик написал Феофилу письмо с просьбой о разъяснениях. Так что, скорее всего, ничего страшного с ними не случилось. Мы узнаем так же, что возвращение русских послов из Константинополя было блокировано некими свирепыми народами, вероятно кочевниками, которые и позднее не раз и не два перекрывали коммуникации Руси. В желании пройти на Русь через Баварию нет ничего странного – в этот период существовал путь «Из немец в хазары», шедший из Баварии в Итиль аккурат через Киев.

Наконец, мы узнаем, что послами этого народа служили свеоны, шведы, тоже ничего необычного. В договорах Руси с греками, заключавшихся сто лет спустя, послами «от рода Русского», приходят сплошь послы со скандинавскими именами Ивор, Вуефаст, Искусеви, Шихберн, хотя представляют они при этом и Святослава, и Володислава и Предславу.

Иногда современные авторы сочиняют какой-то фантомный «Русский каганат», существовавший непонятно где, а потом исчезнувший неизвестно куда. Для этого, как видим, нет никаких оснований – по всем признакам Русь, ненароком заглянувшая в Ингельгейм, как две капли воды похожа на ту Русь, которую мы знаем из летописей. То же имя, тот же заимствованный у авар престижный титул правителя, те же внешнеполитические партнеры, те же проблемы с коммуникациями с Константинополем, та же дипломатическая практика – скандинавы, которые ходят послами «от рода Русского». И явно эта Русь возникла не только вот что, а существует как минимум пару десятилетий.

Может возникнуть вопрос, откуда в этой комбинации возникли скандинавы и зачем они пришли. Ответ довольно прост – они пришли за деньгами, которые к концу VIII века неожиданно завелись на Русской равнине в немалом количестве. Чтобы понять почему такая глушь неожиданно стала центром мировой торговли, нужно вернуться в середину VII века, когда по Средиземноморью прокатилась волна арабских завоеваний.

Как показал выдающийся бельгийский историк Анри Пиренн в своей книге «Магомет и Карл Великий», никаких темных веков, про которые пишут в учебниках истории, после падения Западной Римской Империи не случилось. Римский мир продолжал существовать под властью христианизированных германцев, которые признавали императором василевса в Константинополе. По настоящему тьма спустилась на Средиземное море с того момента, когда Сирию, Египет, Африку, Испанию, Сицилию захватили арабы. Их вторжение на юг Франции с трудом остановил правитель Карл Мартелл в битве при Пуатье. В этот момент всякие коммуникации по Средиземному морю были прерваны, христиане не могли пустить плыть по морю даже щепку, как горделиво хвастались арабы.

Средиземноморский мир, бывший центром цивилизации, на несколько столетий просто умер, и никогда себе прежнего блеска не возвратил. Начался подъем западноевропейского Севера – королевства Франков. Сын победителя арабов Карла Мартелла, Пипин Короткий, провозгласил себя королем, а внук – Карл Великий, уже был провозглашен римскими папами императором.

Империя Каролингов разгромила авар и подтолкнула к востоку дунайских славян, о чем мы уже говорили. Еще Карл разгромил и принудил к крещению воинственное германское племя саксов, соседями которого были славянские племена лютичей и одобритов – и саксы, не потерявшие варварской агрессивности новые подданные христианской империи, в свою очередь начали атаковать славян. В результате фиксируется отток части западных славян морем на восток, в район будущего новгорода.

Ну и главное, Империя Франков превратилась в значимый экономический центр, который нуждался в торговле с Востоком, в частности с теми же арабами, Персией, Византией. Любопытный факт, установленный нумизматами – каролингский денарий был копией аббасидского и саманидского дирхемов, с тем же весом – 1,7 граммов серебра. В эту эпоху равный вес монет был важнейшей предпосылкой удобной торговли.

Как же удалось наладить эту торговлю в условиях, когда самый прямой и естественный путь, по Средиземному морю, был перекрыт. Предприимчивые торговцы и нашли обходной путь – по русским рекам, которые были так широки, полноводны и тесно связаны между собой, что некоторые средневековые географы искренне думали, что между Балтийским и Черным морем существует пролив.

Археологи фиксируют взрывной рост на Руси кладов арабских серебряных дирхемов датируемых самым концом VIII и IX веком, причем значительная их часть приходится на верховья Дона и Северского Донца, где позднее обитало славянское племя северян. Видимо живя на границе с Хазарией, контролировавшей торговлю по Волге и Каспию, именно эти славяне получали максимальную первоначальную выгоду. С Волги торговый поток шел на Донец, с Донца – в верховья Днепра, оттуда – на Западную Двину – крайняя точка серебряного потока – нынешняя Калининградская область, зона обитания балтийского племени прусов. Другой отрог этого же пути рано уходил на Север, на Ладогу.

Самые ранние клады дирхемов, обозначившие рождение этого пути – Калининградский, датируемый 745 годом, 150 монет, и клад в Новых Млинах под Черниговом, датируемый 787 годом, более 800 монет. 786 годом датируется клад в Старой Ладоге, 28 монет. А чуть южнее по реке Волхов, в деревне Княщина обнаружен клад датируемый 808 годом на 300 монет. Так что уже в конце VIII века существовали, как видим, два ответвления пути из Варяг в Персы. В

820-е годы фиксируются клады на Верхней Волге, так что заработал и путь напрямую по Волге на Балтику.

Заработал, если так можно выразиться, серебряный насос, качавший деньги через Русскую равнину. По подсчетам археолога Глеба Сергеевича Лебедева за VIII-X века через будущую Русь было прокачено 4 миллиарда долларов, если переводить вес серебра на его стоимость в 1990 году. А с поправкой на покупательную способность получаются совсем уж астрономические цифры.

Интенсивная торговля по Балтийскому и Северному морям не могла пройти мимо тех, кто вокруг этих морей живет, а это были, прежде всего, скандинавы. С конца VIII века начинается историческое явление, которое именуют «походы викингов». Их символическим началом считается 793 год, когда был разорен монастырь на острове Линдсфарн у берегов Британии. Энергичные группы скандинавов на их приспособленных для дальнего морского плавания кораблях стали грабить побережья этого начавшего расцветать северного каролингского мира, опустошая побережья, заплывая вглубь по рекам, заходя все дальше и дальше, вплоть до Средиземного моря, Исландии, Гренландии, Северной Америки.

Разумеется, викинги не могли не прийти туда, где поблескивало серебро – на будущую Русь. Однако, в каком качестве они сюда пришли? В русской историографии столетиями кипит полемика норманнистов и антинорманнистов. Норманнисты настаивают, что летописные варяги – это викинги, что они принесли само имя Русь, производное от «Ротс», скандинавского «гребцы», либо непосредственно, либо через финское «Руотси», что именно скандинавские завоеватели создали на Руси и государство, и княжескую династию, дали основы цивилизации и т.д. Антинорманнисты считают, что эта точка зрения колониалистская и оскорбительная для русских, варяги были славяне с южной Балтики - , а скандинавы если и появлялись на Руси, то в качестве отдельных искателей приключений. И на той и на другой стороне громкие имена, масса проработанного материала и интереснейших гипотез.

Истина, на мой взгляд, и не там, и не там, но в то же время и там, и там.

Прежде всего об имени «Русь». Давайте признаем честно, что мы не знаем и, скорее всего, никогда не узнаем его происхождения. Сторонники норманнистской теории могут сотый раз повторить заклинание про «гребцов», сторонники антинорманнистской сотни раз на это ответить указанием на иранский корень ruksi – светлый. Поскольку в среде современной российской либеральной интеллигенции норманнизм преобладает, то первая версия может считаться более научной большинством голосов кандидатов и докторов наук, а вторая объявляться маргинальной. Но все это решение нерешаемого вопроса криком.

Скажем как обстоит дело с «гребцами». У нас нет исторических примеров превращения названия даже не социальной группы, а профессии, в этноним. Нигде на свете нет народа Кузнецовых, Плотниковых и Купцовых. И с чего должны появиться Гребцовы – непонятно.

Я так и представляю себе этот диалог русских послов с императором Людовиком:

- Вы кто?

- Мы гребцы Ротс, который финны зовут Руотси, а славяне именуют Русь, поэтому мы, шведы по происхождению, сообщаем вам, что мы пришли от имени Руси.

- Ну раз вы гребцы, то гребите отсюда.

А даже если бы такое абсурдное превращение было возможно, у нас просто нет времени на такую трансформацию. В 839 году русские послы уже представляются от народа Русь, от рода Русского. Бертинские анналы употребляют слово gens – народ как род. Род — это кровнородственная общность. То есть к 839 году Русь уже должна мыслить себя не только как государство, но и как народ.

А когда скандинавы-гребцы могли бы появиться на Руси? «Ранних скандинавов особенно привлекали в Ладогу появившиеся там исламские серебряные монеты дирхамы. Регулярное поступление исламских дирхамов из России в Скандинавию через Ладогу началось в первые годы IX века» - подчеркивает американец Томас Нунен, крупнейший знаток нумизматики и денежных потоков между исламским, славянским и скандинавским мирами.

Временной промежуток за который скандинавские «гребцы» должны были бы превратиться через финское посредство или пусть даже напрямую в этноним Русь, оказывается сжатым за несколько десятилетий. Это просто немыслимо. Даже столетний период тут слишком мал, с учетом того, что этноним должен был не только возникнуть, но и территориально разместиться и стать к тому же политонимом, именем политической общности.

Главное, что мы реально знаем о Руси, состоит в следующем. В древнерусскую эпоху именем Руси или Русской Земли в узком смысле слова звались только земли вокруг Киева, иногда включались окрестности Чернигова и Переяславля Южного, область племени полян и, возможно, северян, но последнее вопрос для ученых спорный. Разумеется, слово Русь упоминалось и в широком смысле, но, чаще всего, когда говорилось «пошел в Русскую Землю» имелись в виду именно эти места.

И в Повести временных лет сказано: «И сел Олег княжить в Киеве, и сказал Олег: «Да будет это мать городам русским». И были у него славяне и варяги, и прочие, прозванные русью». То есть разноплеменное славяно-варяго-финское войско Олега начало именоваться Русью только захватив территорию, которую мы знаем как Русь в узком смысле слова.

Так что это не имя профессии или сословия передалось народу и земле, а скорее наоборот – имя земли и народа, того самого, который присылал на полвека раньше послов в Константинополь и Ингельгейм, передалось державе Олега и её народу. Но откуда

взялось это имя именно в этом месте – давайте не жульничать, мы просто не знаем и маловероятно, что узнаем наверняка.

Разумеется, скандинавы не могли не ринуться на Русскую равнину, через которую шли такие основательные финансовые потоки. Однако заниматься на ней разбоями и грабежами как в Северной Европе они не могли по так сказать гидрографическим причинам. Русские реки удобны для плавания, но, все-таки, зайти в них на морских драккарах невозможно, мешают пороги. Чтобы плавать по русским рекам надо пересаживаться на речные суда.

Не случайно знаменитая Старая Ладога возникла перед порогами на реке Волхов, там, где нужна пересесть с больших кораблей на средние. Первоначально, в середине VIII века в этом ключевом месте возникло поселение, основанное по всем археологическим признакам, славянами с Дуная – Любшинское городище. Рядом с нею возникает скандинавское поселение, первоначально неукрепленное, будущая Старая Ладога. И довольно долгое время два поселения, славянская крепость и скандинавская торговая фактория сосуществовали друг с другом.

Именно на Ладоге, по рассказам саг, викинги ждали разрешения русского князя, чтобы продолжить свой путь на юг. А значит грозные викинги превращались на русских реках в мелководных утят, жизнь которых зависела от благорасположения местных славянских племен. Славяне контролировали и обеспечивали этот путь, сами приторговывали медом и воском, делать которые были большими специалистами, мехами, рабами, захваченными у соседей или у финно-угорских племен.

Скандинавы по техническим причинам не могли прийти в земли славян как завоеватели, чтобы выйти на рынки восточного серебра им потребовалось проникнуть туда как торговцам, наемникам, дипломатам, дружа с одними славянскими группами против других, участвуя в больших политических союзах. Они делали свой вклад – военные и дипломатические навыки, умение всюду пролезть,

высококачественное кузнечное ремесло, а главное – привычку к стратегическим водным переходам, которую они распространили с Океана на русские реки. Именно этот скандинавский «размах» позволил Руси совершать грабительские походы на Каспий до Ирана, на Константинополь.

Вклад викингов в славянскую историю был именно в этом. Не в создании государства или принесении цивилизации – с этим славяне, столетиями жившие на Дунае рядом с границами Византии справлялись гораздо лучше, а в навыке к дальним морским рейдам.

При этом отрицать или преуменьшать роль скандинавов в начале русской истории из патриотических соображений, антизападничества и прочего – на мой взгляд неразумно. Ничего позорного в происхождении от викингов нет, они создали нормандское герцогство во Франции, которое затем завоевало Англию, и королевство норманнов в Сицилии. Таким образом, с пеной у рта доказывать, что призванные на Русь варяги были славянами нет никакой необходимости. Другое дело, что исторические факты убеждают нас в том, что не скандинавы, а дунайские славяне начали строить на Русской равнине государство, дав своему правителю аварский титул кагана, контролируя такие дальние северные рубежи, как Любша на Волхове. Это государство, получившее, признаем честно, неизвестно откуда имя Русь, стало главным выгодополучателем пошедшего через наши реки серебряного потока и, разумеется, охотно привлекало на службу скандинавов.

В 839 году, как мы убедились из Бертинских анналов, уже существовала в политическом смысле Русь, из которой скандинавы, находившиеся на её службе, разъезжали по Византии и Франкии. Чуть раньше в 834 году хазары, которые тогда числились союзниками византийцев, начали жаловаться на появление некоего грозного врага на Дону.

Хазария была чрезвычайно влиятельным в тогдашнем мире государством. Она возникла как каганат кочевых тюркских племен, который захватил степные земли восточной Европы, Северный Кавказ, Южное Поволжье, успешно отразил попытки арабов прорваться Северной Кавказа. Хазары в целом поддерживали союз с Византийской Империей, но и старались установить хорошие отношения с арабским халифатом и возникшими на его месте исламскими державами.

Однако в середине VIII века верхушка хазарского каганата приняла иудаизм и государство оказалось под фактическим контролем корпорации еврейских купцов-радхонитов, чьи торговые сети оплели весь старый свет

«Эти купцы говорят по-арабски, по-персидски, по-румийски, на языке франков, андалузцев и славян. Они путешествуют с запада на восток и с востока на запад, частично по суше, частично по морю. Они садятся на корабль в землях франков на Западном море и следуют до Египта. Там они перегружают свои товары на верблюдов... Затем они плывут по Восточному морю к Индии и Китаю. На обратном пути они везут... товары восточных стран. Некоторые заходят в Константинополь, чтобы продать товар румийцам, другие отправляются ко двору короля франков, чтобы предложить там свой товар» - писал о радхонитах арабский географ Ибн Хордадбех.

Контроль за Хазарией давал радхонитам укрепленную базу в самом центре их торговой сети. А дополнительным плюсом было соседство обширных славянских территорий, откуда можно было добывать меха, и покупать рабов. При этом с тех пор, как через русские реки пошли торговые потоки в Северную и Западную Европу, контроль над жившими по ним славянскими племенами стал для хазар особенно важным.

Однако тут-то они и столкнулись с присутствием дунайских славян, которые были несопоставимо лучше организованы и вооружены,

чем славяне местные, и даже притязали на аварский титул кагана, как минимум равный хазарскому. В поэтической форме это столкновение хазар с прежними не виданными славянами отразила Повесть временных лет:

«И сказали хазары: «Платите нам дань». Поляне, посоветовавшись, дали от дыма по мечу, и отнесли их хазары к своему князю и к старейшинам своим, и сказали им: «Вот, новую дань нашли». Те же спросили у них: «Откуда?» Они же ответили им: «В лесу на горах над рекою Днепром». Опять спросили те: «А что дали?» Они же показали меч. И сказали старцы хазарские: «Не на добро дань эта, княже: мы добыли ее оружием, острым только с одной стороны, — саблями, а у этих оружие обоюдоострое — мечи. Им суждено собирать дань и с нас и с иных земель».

Заметим, что речь идет именно о племени полян, которое летописец ставит выше остальных, возводит к Дунаю, и которое жило именно там, где будет локализоваться Русская Земля в узком смысле. И это племя в качестве аргумента предъявляет хазарам обоюдоострые мечи, очевидно недавно распространившиеся каролинги, принесенные как раз с Дуная.

Император Феофил прислал по просьбе обеспокоенных хазар военного инженера Петрону Каматира, который из кирпичей построил для хазар крепость Саркел, которая должна была защищать их от врагов с Севера – Днепра и Северского Донца. Петрона был очень умным и наблюдательным человеком, как показывает рассказ о нем императора Константина Багрянородного. Возможно он в ходе своей экспедиции и рекомендовал Феофилу установить контакт не только с хазарами, но и с их врагами. Так в Константинополе появились русские послы. И именно поэтому их пришлось отправлять обратно вкругаля через земли франков, снабдив сопровождающими и самыми дружескими рекомендациями, – вряд ли бы хазарам, если бы послы попали к ним в руки, понравилось, что ромеи ведут переговоры с русскими.

Прошел 21 год после событий, описанных в Бертинских анналах, и Русь появилась под стенами Константинополя-Царьграда в полном составе. По тем или иным причинам, отношения испортились и началась война. Дружественные отношения Русь и Византия установили при императоре Феофиле, человеке остроумном, но придерживавшемся иконоборческой ереси. После его смерти его вдова святая императрица Феодора восстановила Православие и продолжала править как регент при сыне Михаиле. Однако в 856 году Михаил, прозванный позднее Пьяницей, отстранил мать от управления, полагаясь на советы кесаря Варды. И вряд ли это было случайностью, что после отстранения от власти тех, с кем у Руси были налажены отношения, случилась война.

18 июня 860 года две сотни русских кораблей обрушились на окрестности Константинополя. По стилю это был классический набег норманнов, но только, как мы уже и сказали, никакие норманны с Балтики приплыть не могли, они должны были бы базироваться на Руси. Налетчики жгли, убивали, а главное грабили. Император в этот момент был далеко на войне и вся миссия защиты города пала на патриарха Фотия, крупного интеллектуала и богослова. Он и оставил первые в истории развернутые описания русских, ценные тем, что они сделаны современником.

«Народ незаметный, народ, не бравшийся в расчет, народ, причисляемый к рабам, безвестный — но получивший имя от похода на нас, неприметный — но ставший значительным, низменный и беспомощный — но взошедший на вершину блеска и богатства; народ, поселившийся где-то далеко от нас, варварский, кочующий, имеющий дерзость в качестве оружия, беспечный, неуправляемый, без военачальника, такую толпой, столь стремительно нахлынул, будто морская волна, на наши пределы и, будто дикий зверь, объел как солому или ниву населяющих эту землю, — о кара, обрушившаяся на нас по попущению!»

Грабеж продолжался несколько дней. Патриарх, чтобы защитить город прибег к не подводившему прежде ромеев средству – молитве Пресвятой Богородице. Он совершил крестный ход по стенам города, опустил ризу Богоматери в воду... И случилось чудо, жестокие завоеватели ушли.

Позднейшие хронисты сочинили легенду, что разразился шторм и разметал русские корабли. Некоторые наши проповедники упражняются на эту тему в своего рода «благочестивом антипатриотизме», мол вот, Бог сокрушил наших варварских предков. Однако ничего подобного не было.

Напротив, святой Фотий подчеркивает, что налетчики ушли никем не гонимые и непобежденные. Они как бы повиновались внутреннему голосу.

«Как только облачение Девы обошло стены, варвары, отказавшись от осады, снялись с лагеря, и мы были искуплены от предстоящего плена и удостоились нежданного спасения... Неожиданным оказалось нашествие врагов — нечаянным явилось и отступление их».

В этом и состояло чудо. Поскольку большую часть войска составляли несомненно славяне, а некоторые из них вполне могли быть христианами еще с дунайских времен, то не было ничего удивительного в том, что они могли увидеть явление, или услышать голос совести.

Прошло немного времени и к изумлению Фотия в Царьград прибыли русские послы с просьбой о крещении и присылки на Русь христианского епископа.

«Ныне и они переменили языческую и безбожную веру, — радостно сообщает Фотий, — в которой пребывали прежде, на чистую и неподдельную религию христиан, сами себя охотно поставив в ряд подданных и гостеприимцев вместо недавнего разбоя и великого дерзновения против нас. И при этом столь воспламенило их страстное влечение и рвение к вере... что

приняли они у себя епископа и пастыря, и с великим усердием и старанием предаются христианским обрядам».

Рассказывая об этом первом крещении Руси, Фотий мимоходом дает и характеристику тому русскому государству, которое обратилось к нему за верой.

«Ставший для многих предметом многократных толков и всех оставляющий позади в жестокости и кровожадности, тот самый так называемый Рос, те самые, кто — поработив живших окрест них и оттого чрезмерно возгордившись — подняли руки на саму Ромейскую державу!»

То есть Русь в то время была не одиноким племенем, не бандой налетчиков, а достаточно значительной державой, покорившей жившие окрест племена. То, что она располагалась в среднем течении Днепра, где-то около Киева, подтверждает и то, что еще долгие века спустя Русью в территориальном, а не в племенном смысле назывались именно эти земли – отправляясь в Киев из Владимира или Смоленска говорили «поехал на Русь». И именно с князем Киева Аскольдом летопись связывает этот поход на Царьград.

Имя Аскольда хорошо сохранилось в Киеве, поэтому мы с большой долей вероятия можем допустить, что предводителя напавшей на Царьград, а потом крестившейся Руси и в самом деле был он. Спустя 22 года после этого похода он погибнет, убитый пришельцем с Севера – Олегом, однако для того, чтобы понять как это произошло, нам нужно обратиться на Север.

Русская летопись рассказывает о том, что на 859 год «Варяги из заморья взымали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей. А хазары брали с полян, и с северян, и с вятичей». Быть уверенными в том, что это было именно так мы не можем – вряд ли Русь, которая нападала на Царьград, платила дань хазарам, а поляне и северяне входили в состав этой Руси почти наверняка. Но что хазары брали

дань с части южных племена, а какие-то варяги могли брать какую-то дань с северных славянских и финских племен – вполне вероятно.

Скорее всего речь шла о недавнем положении вещей. В слое около 840 года на Любшанском городище на реке Волхов, найдены следы пожара и скандинавские стрелы, воткнувшиеся в стены. Очевидно в это время скандинавы решили попытаться сдвинуть баланс в свою пользу и захватить у славян контроль над волховскими порогами. Началась война, в которой погибла и неукрепленная Старая Ладога.

А под 862 годом мы из летописи узнаем, что «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть». И тут снова есть археологическая корреляция. В слое примерно 865 года на Любшанском городище снова пожара и уже славянско-финские стрелы. А Старая Ладога подвергается полному разгрому. То есть местные погнало нарушивших конвенцию скандинавов.

История рюриковой Руси начинается не с «призвания», а с изгнания варягов. Неких скандинавов изгнали за море и дани им не дали. И уже после этого коалиция племен – чудь, словене, кривичи и весь, - послали за море и призвали к себе Рюрика.

Кто такой был этот Рюрик? Западные источники знают только одного Рюрика активно действовавшего в этот период – Рюрика Фрисландского, знатного конунга из правящего датского рода Скъелдунгов, возводившего себя к самим богам – асам.

Рюрик был вассалом и, вероятно, крестником франкского императора Лотаря. Получается, что известные нам по именам первые правители Руси уже были крещены – Аскольд после похода на Царьград, Рюрик при дворе франков. В его владении, данном императором, находился город Дорестафт, центр Фрисландии, один из крупнейших торговых городов тогдашнего Североморья. Рюрик то служил франкским императорам, защищая север империи от остальных датчан, то нападал на франков, то вел долгую войну за возвращение себе Дании, впрочем не принесшую успеха.

Поскольку значение Северной Руси состояло именно в том, что через неё шла торговля Востока с франками, в частности с Дорестагдом. Так что позвать правителя именно этого города на защиту от каких-то залетных викингов, скорее всего шведов, которые грабили и мешали торговле через север Руси было вполне логичным. Вероятно сыграло роль в призвании Рюрика и его датское происхождение. Датчане были ближайшими соседями ободритов, славянского племени, жестоко воевавшего с империей, иногда при поддержке датчан. Как раз в это время археологи фиксируют исход части западно-славянского населения с Южной Балтики в район будущего Новгорода. Некоторые исследователи даже считают, что само название Новгород появляется по аналогии со Старгардом, городом ободритов. Любопытно, что столица ободритов называлась Рерик. Строить гипотезы на созвучиях – неблагодарное дело, но обратить на него внимание тоже придется.

В местных новгородских легендах старейшиной, который пригласил Рюрика называется Гостомысл. Легенды эти крайне ненадежные, но обращает на себя внимание то, что в надежных немецких хрониках Гостомыслом именуется вождь ободритов в войнах с франками. А Рюрик воевал за датское наследие, действуя как раз в тех краях, где жили ободриты. То есть в отношениях между легендарным Гостомыслом и Рюриком могли найти известное отражения отношения между настоящими.

В общем, когда славяне и финны решали вопрос какого авторитетного воина пригласить, чтобы навсегда отбить у шведов охоту брать дань, имя Рюрика могло всплыть в первую очередь. Вряд ли Рюрик навсегда остался на Руси, как это подает летопись. Скорее всего, он приплыл, основал опорные пункты на Ладоге, в Рюриковом городище, рядом с будущим Новгородом, поставил под контроль путь на Волгу через Белоозеро, где срубил город легендарный брак Рюрика Синеус, и через Чудское озеро, где другой легендарный брат, Трувор, поставил Изборск.

Мы можем предположить (но не более того), что Рюрик женился на местной девушке, оставил сына, возможно это был и в самом деле Игорь, если наша летопись тут не ошибается, оставил над ним опекуном своего родственника Олега и отплыл на Запад дальше заниматься более интересными для него делами на северном пограничье франкской империи. Главное, что непрерывное функционирование торгового пути во Фрисландию было обеспечено.

Считать эти события началом Руси конечно невозможно. Как мы видели, за 23 года до летописного «призвания варягов» Русь уже существовала и вела энергичную дипломатию, а за два года – нападала на Царьград находясь уже в ореоле славы достаточно могущественной и агрессивной державы. Считать призвание Рюрика основанием династии мы можем, только если его отцовство князю Игорю не фикция. Но несомненно это событие стало точкой отсчета русской исторической памяти, отразившейся в летописях.

И тут очень важно понять смысл этой точки отсчета. Началось все с того, что племена северной Руси, славянские и финские, решили, что будут независимыми, никому дани платить не будут, и изгнали пытавшихся эксплуатировать их варягов. Затем они пригласили правителя с так сказать международным весом, чтобы он обустроил их политическое бытие, с каковой задачей он успешно справился.

Следующий этап русской истории связан с преемником Игоря Олегом. Это был уже герой только русской истории, западные хроники его не знают.

В 882 году, как рассказывает летопись, Олег собрал могущественное войско из варягов, чуди, мери, веси, словен, кривичей и занял Смоленск, важнейший перевалочный пункт между Северной Русью и Днепровским путем в Константинополь. А затем, представившись купцом, обманул и убил Аскольда и Дира и захватил Киев.

Зачем Олег это сделал – понятно. Он стремился к тому, чтобы весь торговый путь, ведущий в Византию, оказался в его руках. То есть это

было продолжение той упорядочивающей торгово-финансовые потоки деятельности, которую вел ранее Рюрик на севере. Существовал ли в этот момент Киев как славный позднее город – неизвестно, возможно, что как и Новгорода его еще не было. Но какой-то политический центр днепровской Руси несомненно существовал и Олегу хитростью, а не силой, удалось его захватить.

Именно с этого момента Летопись говорит, что у Олега славяне, и варяги и прочие прозвались Русью, а Киев Олег называет матерью городов русских. То есть созданное Олегом объединявшее север и юг государство восприняло имя и традиции той Руси, которая ранее вела переговоры с франками и нападала на Царьград, а потом крестилась. И не случайно позднейшие правители Руси будут еще долго именовать себя тем же титулом каганов, как и её первые правители, зафиксированные в Бертинских анналах.

А первой целью этого государства становится вытеснение с Руси влияния могущественной Хазарии, находившейся под контролем иудейских купцов-радхонитов. После занятия Киева Олег переподчиняет северян и радимичей, подчиняет древлян.

Однако сама Хазария была еще слишком крепким орешком и поэтому не удивительно, что Олег начал строить государство не по Волге, хотя по ней уже тоже шла кипучая торговля с востоком, а по издревле обжитому славянами Днепру. И этот днепровский выбор Олега предопределил будущее Руси как христианской, православной страны. Пойди Русь по Волге, с большой вероятностью она исламизировалась бы так же, как исламизировалась её соседка Булгария. Останься север Руси сам по себе, под культурным излучением франков – и он бы в итоге стал католическим, а затем протестантским.

Но, как выражался известный археолог Дмитрий Мачинский: «Мы приняли восточное, византийское христианство потому, что Днепр впадает в Черное море». Это, конечно, сильно упрощение, но сермяжная правда в нем есть.

Лекция IV. Русь на пути к Крещению

Созданная Олегом Русь могла погибнуть в самом начале, так как в самом конце IX века мимо Киева проходили угры - венгры, это была последняя волна успешных степных нашествий на Европу.

Угров позвал в Европу один из последних каролингских императоров, Арнульф Каринтийский, с тем, чтобы они помогли ему разгромить могущественную славянскую державу – Великую Моравию, охватывавшую территории современных Чехии, Словакии, Венгрии, частично Польши, Австрии, Западной Украины.

Моравия была призвана к тому, чтобы стать настоящей славянской империей. Её князь Ростислав установил тесные связи с Византией. Оттуда прибыли в 860-е годы святые Кирилл и Мефодий, чтобы внедрить славянскую азбуку и славянскую литургию. Моравия могла и должна была стать центром славянской цивилизации.

Вопреки навязываемому современной официальной славистикой мнению, что азбукой Кирилла была глаголица, которую отменили и заменили на кириллицу его ученики, рискну настаивать, что святой Кирилл изобрел именно кириллицу. Кирилловы буквы с самого начала почитались его учениками как священные, никто из них конечно не помел бы просто подменить их другими.

Да и сроки не сходятся. В 1949 в Гнездово под смоленском Даниил Антонович Авдусин нашел в кургане сосуд с отчетливой надписью ГОРОУНА. Там был еще один знак над строкой, похожий на Щ, из-за чего изначально некоторые читали ГОРОУНЩА или как-то так, но сейчас все большему числу очевидно, что это просто охранный знак, наподобие трезубца, и перед нами метка владельца сосуда, болгарское имя Горун. Возможно похоронен был именно он. Младшая из арабских монет, найденных в сосуде, относится к 908 году, так что погребение состоялось вскоре после этого.

Надпись сделана кириллицей. Через 40 лет после смерти святого Кирилла. Через 25 лет после смерти святого Мефодия. Еще 10 лет будет жив святой Климент Охридский, которому приписывают

подмену глаголицы кириллицей. А надписи кириллицей уже используются для меток на горшках и доходят до далекого северного Смоленска. Такого не могло случиться за 20 лет, которые существовала к этому моменту кириллица по версии теории отмены глаголицы.

Кому и зачем понадобилась эта теория? Её изобретателем был чешский славист XIX века Шафарик, горячий поборник славянского единства. Но при этом в XIX веке славяне были и католиками, и протестантами, и православными, часть писала на кириллице, часть на латинице. И считать азбукой святого Кирилла кириллицу значило бы, что православные-кириллисты правы, а пишущие на латинице католики и протестанты отступили от истинного славянства. Вот чтобы убрать это противоречие Шафарик и стал продвигать идею о том, что истинным алфавитом святого Кирилла была никем не используемая вычурная глаголица. Однако традиция всегда считала алфавитом святого Кирилла именно кириллицу и, я полагаю, она не ошибалась.

Так или иначе, великое будущее Моравии было уничтожено нашествием угров по сговору с немцами. Славянская держава была разгромлена так, что мы не знаем, где именно находилась её столица Велеград. Покончив с моравами венгры предсказуемо принялись за немцев и терзали их больше полувека, пока их не разбил в 955 году в битве при Лехе император Оттон I.

Так или иначе, именно Русь стала невольным выгодополучателем этого разгрома. Во-первых, Киев угры не тронули, пройдя мимо, возможно у Олега как и Рюрика были хорошие отношения с франками. Во-вторых, из разгромленной Моравии начался очередной исход славян на Восток, на Русь. В-третьих, после гибели Моравии Русь надолго осталась главной славянской силой в Восточной Европе и главной хранительницей кирилло-мефодиевского наследия.

Но это все выяснилось со временем, а пока Олег закреплялся на торговых путях в Византию. Он совершил большой поход на греков,

многие красочные детали которого явно изобретены летописцем по аналогии с походом Аскольда и Дира, греки, чрезвычайно аккуратные в фиксации осад Константинополя варварами, на сей раз не проронили в своих книгах ни звука. До Царьграда русские на сей раз, видимо, не дошли, щит на врата тоже не прибывали. Но вот само нападение имело место, по обоснованному мнению византолога Павла Кузенкова – в 904 году. Корабли Олега подошли к входу в пролив Босфор, перекрытому цепью, и преодолели его посуху, волоком, что для русских было совершенно рутинной процедурой.

Пограбив на Босфоре, русские получили от византийцев богатые дары и отступили, заключив с Империей мир и, по всей видимости, военный союз. Причем это была впечатляющая победа византийской дипломатии, так как одновременно арабский пират Лев Триполитанский взял штурмом с моря и разграбил Фессалонику. Однако всего через два года, в 906, русский контингент помог византийцам одолеть арабов в битве на море, а в 910 принял участие в ответной экспедиции на захваченный арабами Крит.

Помещенный в летописи договор Руси с греками, в котором русским гарантируются от императора баян и беспошлинная торговля не внушает большого доверия. А вот другой договор, 911 года, вполне внушает доверие. Его главная тема – урегулирование всевозможных криминальных инцидентов между христианами, подданными Империи, и русинами, подданными Олега и князей под его рукой. У Империи и Руси появлялось основанное на равенстве общее правовое пространство. При этом, что особенно важно, устанавливались принципы берегового права – обе стороны гарантировали, что вместо ограбления выброшенного на берег корабля, ему и его экипажу обеспечивалось возвращение домой или материальную компенсацию. Предполагались взаимный выкуп пленных, взаимная выдача должников, гарантии права русских наниматься на службу в Империи.

Самое поразительное в этих договорах то, что Русь предполагается уже таким же суверенным и хорошо управляемым политическим

пространством, как и Империя Ромеев. Она может обеспечить и выдачу и наказание убийц, и выкуп пленных, и другие гарантии подданным империи.

Так что к моменту кончины Олега, обставленной красивой легендой о смерти от черепа коня, можно признать, что созданная им держава была большой, крепкой, внушающей не только страх, но и уважение и отвечающей за свои слова. Держава эта представляла собой союз, в котором славянские племена, покорные Олегу, были связаны с Киевом системой союзно-даннических отношений.

Жизнь этой державы состояла из двух сезонов: Полюдья и Торга, описанных весьма интересовавшимся северными соседями императором Константином Багрянородным. На протяжении первого сезона, зимнего, русы объезжали подвластные племена, собирая дань – полюдье. На протяжении второго, со вскрытием рек, союзники отправляли в Киев изготовленные ими лодки-однодеревки, которые русы у них покупали и загружали собранную дань и отправляясь с нею в Царьград.

Современные авторы с русофобским душком любят утверждать, что основным предметом русской торговли в Царьграде были рабы. Некоторые и вовсе любят пройтись насчет того, что «скандинавы продавали грекам славян». Но это не так, хотя бы в силу не очень большого количества кораблей, с которыми Русь приходила в столицу империи, никакой масштабной работоторговли русские купцы вести не могли. Рабы называются как предмет экспорта только вслед за воском, медом и мехами.

Преемнику Олега Игорю, считаемому в летописи сыном Рюрика, не повезло с посмертной репутацией. Он представляется по рассказу о древлянской дани слабым неудачником, жадным и погибшим по своей вине. Однако если исследовать все источники внимательно, то этот портрет окажется несколько однобоким.

Прежде всего Игорю пришлось столкнуться с новой опасностью – печенегами, кочевым народом, прорвавшимся в южно-русские

степи и готовым нападать на русских за плату и по наущению и хазар, и византийцев. Впрочем, и сами русские князья могли их иной раз нанять, как нанял Игорь для похода на Константинополь.

Игорь начал проводить на Черном море гораздо более масштабную политику, чем Олег. Она не отразилась в русских летописях, однако её контуры можно понять из так называемой «еврейско-хазарской переписки», важнейшей частью которой является «Кембриджский документ», написанное подданным хазарского царя. В нем рассказывается, что в ходе византийско-хазарского столкновения император Роман Лакапин начал преследование иудеев, а хазарский каган – христиан. И вот царь Руси Хельгу решительно поддержал Византию и захватил у хазар город в котором без труда узнается Керчь. Хазарский полководец Песах разбил русских и заставил Хельгу идти в поход на Византию, где русский флот был сожжен греческим огнем. Хельгу устыдился возвращаться на Русь, отправился со своей дружиной воевать в Персию, где и погиб.

Очевидно, что героем этого письма может быть только Игорь. Так мы узнаем, что он начал проводить антихазарскую политику, в столкновении христиан и иудеев поддержал христиан. Поход Игоря на Константинополь в 941 году, в ходе которого русский флот и в самом деле был сожжен греческим огнем, что описывают и византийские и русские хронисты, был вынужденным. Однако, как рассказывает русская летопись, через три года в 944 Игорь двинулся новый поход, но получив дань отступил назад и заключил с империей прочный мир, то есть явно не захотел работать на хазарские интересы.

Договор Игоря с греками часто представляют как менее выгодный для Руси, чем договор Олега, однако это основано на том, что договору Олега приписываются заведомо вымышленные пункты. В целом это более детальный договор, главные ограничения, которые накладываются им на Русь, не вмешиваться в дела византийского Херсонеса и вводится более четкая регуляция русской торговли.

Характерно, что при заключении договора часть русской дружины во главе с князем клялась перед идолом Перуна, а другая часть, христиане, уже клялась в церкви святого Ильи, так как среди варягов уже было много христиан.

В то же самое время, 944 или 945 году русские совершили набег на прикаспийский город Бердаа, столицу кавказской Албании, нынешнего Азербайджана, и удерживали его несколько месяцев. Это был не первый и не последний набег Руси на Каспий, несмотря на препоны, выставлявшиеся хазарами, русские купцы и пираты явно хотели закрепиться на всем Волжско-Балтийском пути. В переписке с Хасдаем ибн Шафрутом хазарский каган Иосиф сообщал около 960 года, что он и его войско с трудом сдерживают русов, которые бы иначе прорвались на Каспий и захватили Дербент.

В связи с этой широкой и агрессивной политикой Игоря возникает вопрос, действительно ли он был жестоко убит древлянами из-за слишком большой жадности, или за его убийством стояли более серьезные силы, которым он мешал своей активной политикой. Во всяком случае если присмотреться, великий завоеватель Святослав шел по стопам политики отца.

Вдова Игоря Ольга страшно отомстила древлянам за убийство мужа. Даже если летописный рассказ об ольгиной мести это мифоритуальная сказка, то очевидно что сама месть запомнилась настолько, чтобы эту сказку был повод сочинить. Однако это была единственная ольгина война. Её правление запомнилось как мирное, большое внимание княгиня уделяла реформе сбора дани и вошла в историю как мудрая правительница.

В 946 или 957 году Ольга посетила Константинополь и была с почетом принята императором, приняв крещение, так на Руси снова, после Аскольда и Рюрика, появился правитель исповедующий христианство. Однако княгиня очевидно не смогла договориться с греками о статусе будущей русской церкви, а потому написала франкскому императору Оттону I просьбу прислать епископа и

священников из его страны. Русь в этот момент могла принять латинское крещение, однако сын Игоря Святослав, мирно или силой забрал власть из рук матери. Святослав был язычником, принимать христианство не хотел, опасаясь насмешек языческой части дружины, хотя его враждебность к христианству сильно преувеличена современными неоязычниками. Так или иначе, его настроение привело к тому, что латинской веры Русь не приняла.

Образ Святослава сохранился в русской традиции как образ бесстрашного воина-рыцаря, который начал воевать с кочевниками не только как викинг, на кораблях, но и как кочевник, создав конную дружину, которая перемещалась налегке с чрезвычайно быстротой.

Начало правления Святослава – это наступление на Хазарию. Он превратил в своих данников племя Вятичей, контролировавшее смычку Волги и северных рек, а затем в 965 обрушился на Хазарию. Держава, столетиями контролировавшая волжскую торговлю в интересах купцов радхонитов, рухнула под ударами русских. Святослав победил на Кавказе ясов и касогов, то есть видимо осетин и адыгов. Под власть Руси перешли крепость Саркел, переименованная в Белую Вежу, и Тмутаракань на кавказском берегу Керченского пролива.

Следующей очевидной целью завоевателя был византийский Херсонес, но тут к Святославу прибыло посольство от византийского императора Никифора Фоки, крупного полководца-завоевателя, которое предложило за немалые деньги обрушиться на Болгарию, славянское государство за полтора столетия измотавшее византийцам все нервы. Святослав вторгся в Болгарию, разбил ее войско в битве под Доростолом и основал свою ставку в Переяславце на Дунае.

Однако в это время в 968 году печенеги взяли в кольцо Киев (кто-то же их надоумил – современные исследователи считают, что недобитые хазары). Столицу спасла лишь инициатива воеводы Претича, который выдал свое небольшое войско за передовой отряд

Святослава и заключил с печенегами перемирие. Вскорости прибывший с конной дружиной Святослав окончательно прогнал печенегов и, возможно, в отместку за набег окончательно разорил Хазарию. Похоронив скончавшуюся мать, которая будет прославлена как святая крестительница Руси, Святослав отбыл обратно в Болгарию, как оказалось навсегда.

А геополитическая ситуация сильно изменилась – в Константинополе произошел переворот. Никифора Фоку, пригласившего Святослава, сверг другой крупный полководец, Иоанн Цимисхий. Теперь Святослав был свободен от обязательств перед императором, а Цимисхий напротив рвался выгнать его из Болгарии, что с планами Святослава совершенно не совпадало.

Святослав Игоревич был властителем с чрезвычайно развитым геополитическим мышлением. Русская летопись сохранила такое его высказывание: «Не любо мне сидеть в Киеве, хочу жить в Переяславце на Дунае — ибо там середина земли моей, туда стекаются все блага: из Греческой земли золото, паволоки, вина, различные плоды; из Чехии и из Венгрии серебро и кони; из Руси же меха и воск, мёд и рабы». А византийский историк Лев Диакон приводит другое, не менее яркое: «Ромейским послам Сфендослав ответил надменно и дерзко: «Я уйду из этой богатой страны не раньше, чем получу большую денежную дань и выкуп за все захваченные мною в ходе войны города и за всех пленных. Если же ромеи не захотят заплатить то, что я требую, пусть тотчас же покинут Европу, на которую они не имеют права, и убираются в Азию, а иначе пусть и не надеются на заключение мир».

Ответом на этот дерзкий вызов стал поход Иоанна Цимисхия со всем византийским войском в Болгарию. Лев Диакон описывает великую войну ромеев и русских, в которой обе стороны совершили немало жестокостей и подвигов. Русский князь запомнился еще и как выдающийся военный ритор – его слова: «Не посрадим Земли Русской, но ляжем костьми, ибо мертвые сраму не имут» сохранились и в греческой истории и в нашей летописи.

Однако в итоге осажденный в Доростоле Святослав вынужден был смириться с поражением. На его личных переговорах с императором Цимисхием была достигнута договоренность о выводе русских войск из Болгарии и восстановлении мира и торговли. На обратном пути Святослав был убит печенегами на днепровских порогах. Иногда раздающиеся в литературе обвинения в адрес византийцев тут не имеют никаких оснований, скорее всего печенеги действовали с подачи хазар.

Вскоре после гибели Святослава между его сыновьями, княжившим в Киеве Ярополком, княжившим в древлянской земле Олегом и княжившим в Новгороде Владимиром началась война, в которой Олег быстро погиб, а Владимир, подкрепленный варягами, начал наступление на старшего брата, захватив стратегически важный Полоцк, контролировавший смычку северной и днепровской речной системы, и женившись на дочери убитого полоцкого князя Рогнеде. Кстати сказать, он ее никогда публично не насиловал, это прямая ложь, сочиненная поздним полоцким летописцем путем досочинения текста на основе рассказа Повести временных лет. В итоге Владимир победил и убил Ярополка, и это парадоксальным образом второй раз за полвека уберегло Русь от принятия крещения от латинян. Ярополк намеревался жениться на родственнице германского императора и принять крещение от немцев.

Воцарившийся в Киеве Владимир описывается с одной стороны как великий воин-завоеватель, воевавший и с поляками, и с ятвягами-литовцами, и с радимичами, и с волжскими булгарами. А с другой как страшный грешник, одержимый неистовой блудной страстью и решивший оживить умиравшее уже язычество кровавыми человеческими жертвоприношениями, при попытке которых погибли первые русские мученики, отец и сын варяги. Мы не вполне точно знаем, какие именно духовные обстоятельства предопределили решение Владимира креститься – в летописи приводится много версий сразу, и насмешливый в отношении мусульман, иудеев и латинян выбор вер, и проповедь православного

философа, и восторг посланных в Царьград бояр и старцев перед византийским богослужением.

Но на деле, конечно, принятие Владимиром Православия от Византии было predetermined всем ходом предшествующей русской истории и теснейшими связями Руси с Византией, а рука Провидения как бы срывала все возможности прихода на Русь латинского крещения.

Однако крещение Владимир решил использовать к выгоде и престижу своему и Русской Земли. Он договорился с императорами Василием и Константином о том, что взамен на крещение и присылку на помощь воинственному Василию воинского контингента, он получит руку сестры императоров – Анны. Византийских принцесс выдавали таким образом крайне редко и это необычайно повышало престиж Руси.

С помощью русского корпуса Василий разгромил восставшего против него полководца Варду Фоку. В дальнейшие десятилетия русский корпус превратился в основу византийской армии, с ним Василий, прозванный Благоробойцей, одержал множество побед в Болгарии и Италии, причем русским неизменно полагалась первая доля добычи.

Но когда император попытался уклониться от выполнения своего обещания, Владимир осадил и взял Херсонес, чтобы усилить мотивацию византийцев к исполнению соглашения. Брак состоялся, Владимир торжественно провозгласил свое христианство, хотя само таинство крещения могло быть совершено над ним и раньше, в Киеве, однако именно на Херсонесе Русь стала христианской.

Взяв новую порфирородную супругу, священников, мощи святого Климента Римского, покоившиеся в Херсонесе, церковные сосуды и иконы, Владимир торжественно вступил на Русь как триумфатор. Как победитель он принес Христианство на Русь как завоеванный трофей и благословение, поэтому его расправа с идолами не вызвала в

Киеве никакого сопротивления. Русь вообще приняла христианство сравнительно легко.

Жестокое сопротивление христианству в Новгороде, где, якобы, «Добрыня крестил огнем, а Путята мечом», так что город был сожжен, является выдумкой историка начала XVIII века Василия Андреевича Татищева. «Татищевские известия» вообще составляют проблему для русской историографии – историк регулярно додумывал свои версии разных событий, но излагал их так, что падкие до сенсаций последующие историки заимствовали их, утверждая, что Татищев использовал пропавшие летописи. Но с крещением новгородцев все вышло совсем смешно – современные исследования текста татищевской истории показали, что рассказ о сопротивлении новгородцев крещению Татищев сочинял буквально на ходу, вписывая в него колоритных персонажей, вроде посадника Воробья Стояновича и волхва Богумила Соловья. Эта битва Воробья с Соловьем была вписана Татищевым в рукопись якобы древней Иоакимовской летописи, как и рассказ про якобы сожженный Новгород, причем целью историка было не обличить насильственную политику христианизации, а напротив – высмеять новгородцев, сопротивлявшихся явному благу. Использование этой фэнтези неоязычниками в антихристианских целях Татищев явно не предполагал.

Со времен западника Петра Чаадаева и до сего дня часто утверждают, что выбрав византийское Православие князь Владимир пустил Русь по ложной дороге, далекой от магистрального пути цивилизации через католическое папство и протестантской веры в Библию, к современному гей-священству. Мол Русь пошла за растленной Византией и безнадежно отстала. Это, конечно, глупость.

Напротив, именно обращение к самой развитой в ту эпоху цивилизации планеты, византийской, сэкономила Руси тысячелетие нашего отставания. Не забудем, что во Франции, Западной Германии, Англии, не говоря уж об Италии, история высокой цивилизации отсчитывается как минимум с римского завоевания, то

есть ко времени Владимира длилась уже тысячу лет. Для Руси все это было в новинку. Если бы мы стали учениками Запада, то цивилизация на нас распространялась бы волнами – первая волна, римские провинции как Франция, вторая – Германия, третья – какие-нибудь Польша, Дания и Швеция, мы были бы четвертыми в очереди. От Византии мы взяли культуру напрямую, приспособив литературно-переводческие достижения христианской Болгарии, не став от нее зависимыми. То есть мы сделали тысячелетний скачок. А в итоге еще и оказались прямыми и единственными наследниками Византии.

Ну и посмотрим на сравнительные результаты. Вставшие в очередь за немцами чехи и поляки оказались второстепенными европейскими нациями со второстепенной культурой. Мы, как ни крути, одна из величайших наций и цивилизаций в истории, создавшие культуру уровня Достоевского, то есть по самому верхнему краю.

Сделанный князем Владимиром выбор сделал нас, несомненно, теми, кто мы есть – сплоченной европейской нацией и великой мировой цивилизацией.

Лекция V. Становление Русской нации

«Россия является старейшим национальным государством Европы» – отмечал русский национальный мыслитель Иван Лукьянович Солоневич. И в известном смысле это действительно так.

Большая часть европейских наций и национальных государств сформировались в течение X и XI веков. В эпоху, которую по аналогии с эпохой Великого Переселения Народов можно назвать эпохой Великого Происхождения Народов.

Именно в этот период на карте появились Англия, Франция, Германия, Италия, Венгрия, Польша, Чехия, Хорватия, Сербия, Дания, Швеция, Норвегия, на Иберийском полуострове королевство Кастилия и Леон, которое станет Испанией, и графство Португалия.

После периода европейских империй, карта Европы в XXI веке вернулась практически к границам века XI, с добавлением лишь некоторого числа лимитрофных наций, сформировавшихся так сказать по остаточному принципу.

И никто не будет отрицать, что Русь появилась в ту же эпоху при полном блеске. И, в отличие от многих наций, терявших свою независимость на том или ином историческом этапе, дошла до наших дней с непрерывной исторической традицией, целой, хотя и нельзя сказать чтобы невредимой, судя по тому, что у нас отжали Киев и Минск и пытаются из них создать еще дополнительные лимитрофные нации. Но сам факт, если так можно выразиться, изоморфизма границ XI и XXI века говорит о том, где должны проходить эти границы на самом деле.

Почему нации появились именно в это время? Закончилось эпическое почти тысячелетнее передвижение народов, наконец-то мятущиеся племена осели на одном месте. А вот та форма, которую приобрели эти племена, напрямую была связана с принятием ими христианства. В Библии, в Ветхом Завете, давался идеальный образец государства нации – Ветхий Израиль. Именно этот библейский образ закреплял мысль, что народ по своей крови связан с определенной территорией, что он - надплеменная общность связанная государством и языком, что народ отделен от других, особенно от враждебных нечестивых язычников, и связан особым призванием и соглашением с Богом.

Русь была сформирована именно по этой матрице. Скажем ключевое для русской истории понятие «Всея Руси» - это калька с библейского понятия «Весь Израиль». Если внимательно приглядеться к тому, как наша летопись рисует великих русских князей, нельзя отделаться от мысли, что в этом образе подчеркнуто сходство с библейскими царями. Святослав – великий воин, но религиозно нечестивый как Саул, поэтому гибнет. Владимир, возлюбленный Богом, харизматичный и женолюбивый, как царь

Давид. Ярослав – премудрый книжник и храмостроитель, как царь Соломон.

Русское национальное самосознание было одним из самых ранних в Европе. Англичане или французы еще с трудом осознавали свое единство и склеивали себя из разнородных кусков, а Русь уже была провозглашена в «Словое о Законе и Благодати» митрополита Илариона новым призванным Богом народом. В купель крещения с князем Владимиром вошла Русь языческая, варварская, разноплеменная, столетие спустя Русь предстояла всему миру высококультурной христианской страной, сознающей свою национальную идентичность и историческое я. Посмотрим как это произошло в XI веке.

Столетие начиналось с масштабной русско-печенежской войны, которая вспыхнула, видимо, после крещения князя Владимира. Креститель Руси, вместо того, чтобы рыскать по дальним странам в поисках добычи, как отец Святослав, предпочел защищать доставшуюся ему землю, Русь.

На границе со степью поднялись протяженные земляные валы. Латинский миссионер епископ Брунон, безуспешно пытавшийся обратить в Христианство печенегов, рассказывает, что два дня Владимир сопровождал его по своей земле до «до границы своего государства, которое он окружил от кочевников очень мощным и очень длинным ограждением».

Изменилась тактика русских воинов – многие из них с ладей пересели на коня, оделись в гибкую кольчугу и остроконечные шлемы, чтобы отражать сабли кочевников. В степь выдвинулись заставы богатырские, подвиги которых превратились в русский национальный эпос – киевский цикл былин.

Чтобы укрепить границу Владимир основал по прикрывающим подходы из многочисленные новые города, в которые перевел население из земель словен, кривичей, вятичей и чуди. Владимир воспринимал все подвластное ему государство как единую

территорию, в пределах которой он мог перемещать и перемешивать население. На место прежних племенных вождей в важнейшие городские центры отправились его многочисленные сыновья.

Обращение к византийской традиции побуждало русского князя подражать традициям царьградских василевсов. До нас дошло несколько его золотых монет, на которых он облачен в императорскую диадему и держит в руках скипетр. Так как на Руси не велась добыча золота, то эти монеты явно не были обиходными и предназначались, прежде всего, для церемониальных целей и выражения идеологии. Нареченный в крещении Василием и женатый на сестре василевса Василия, Владимир явно претендовал на то, чтобы и быть василевсом.

Однако семейные неурядицы грозили крахом и куда более старым и устойчивым монархиям, чем молодая русская. Отправленный княжить в Новгород сын Ярослав решил не выплачивать положенную дань и старый князь начал собирать против него войска, но заболел и в 1015 году умер. Любимый сын и вероятный наследник Борис был в это время послан с войском против печенегов, а в столице оказался нелюбимый пасынок Святополк, сын убитого брата Ярополка.

Можно представить себе, что затаил в душе Ярополк в отношении того, кто сверг и убил его отца и обесчестил мать. К тому же Святополк был женат на польской княжне, а её латинский духовник Ренберн, подстрекал его к мятежу против отца, за что княжич был брошен в темницу. Оказавшись в безвластном Киеве, Святополк привлек на свою сторону подкупом горожан, а посулами часть соратников Владимира. После того он решил расправиться с наследником Борисом и юным Глебом.

Оба княжича были убиты, сознательно отказавшись поднять руку на старшего брата. Борис и Глеб стали первыми русскими святыми и конечно не случайно. Они не только проявили христианскую

кротость, но и память о совершенном Святополком братоубийстве навсегда пресекла среди Рюриковичей тягу к тому, чтобы решать династические споры братоубийством – за столетия истории династии устранение конкурентов за княжескую власть убийством можно пересчитать на пальцах. Князя Рюрика дома могли воевать, интриговать, свергать друг друга, но на расправу и, тем паче, убийство решались крайне редко. Черные замыслы подавляла в зародыше мысль о святых Борисе и Глебе.

С одной стороны, эта гуманизация отношений в династии предопределила удельную раздробленность Руси, княжеский род все разрастался и всем нужны была своя доля власти. А с другой стороны, то, что между Рюриковичами было не так много кровавых историй позволяло им объединяться, не разделило Русь на сепаратные государства навсегда.

Ярослав, готовый воевать даже с отцом, не собирался, конечно, подчиняться и брату-убийце. Он собрал наемников-варягов и новгородцев, разбил Святополка и взял Киев. Однако Святополк вернулся с тестем - польским королем Болеславом Храбрым. Первый, но не последний раз в истории поляки попытаются подчинить себе Русь. Войско Ярослава было разгромлено, он уже намеревался бежать к своему тестю – шведскому королю. Его остановили новгородцы, они собрали деньги со всего города и выставили новое новгородско-варяжское войско против Святополка. Скандинавские связи Ярослава были огромны, он всю жизнь, по сути, прожил головой на Северо-Запад.

Вернувший власть окаянный князь оказался неблагодарен даже по отношению к тестю и велел перебить польские войска, рассредоточенные по русским городам. Болеслав покинул Киев, взяв в заложницы, а то и наложницы, дочерей Владимира и захватив у Руси несколько городов. Оставшегося в одиночестве Святополка Ярославу не составило труда разбить и он, как рассказывает летопись, умер в бегстве.

Современные авторы иногда пытаются при помощи крайне натянутых интерпретаций скандинавских саг обелить Святополка и перевесить его преступления на Ярослава. Все это крайне неубедительно и представляет собой пародию на такие же неубедительные попытки англичан оправдать Ричарда III. Конечно злодеяния такого масштаба не могут быть просто так забыты, затерты и перевешены на другого обвиняемого. В историческую память с клеймом Окаянного братоубийцы навсегда вошел именно Святополк и это, конечно, справедливо.

Победой над братоубийцей борьба Ярослава за власть не закончилась. Вскоре из далекой Тмутаракани пришел брат Мстислав, отважный воин, любитель войны и пиров, отважный единоборец, зарезавший засапожным ножом касожского богатыря Редедю, веселый циник. За Мстиславом стояли остатки хазар, то есть торговые интересы купцов-радхонитов.

Киевляне, однако, не пустили Мстислава в город зато его поддержало племя северян в Чернигове. В этом веке городские общины Новгорода и Киева, а затем и других городов, начинают играть все большую роль в жизни Руси – они поддерживают, свергают, укрепляют князей, так что некоторым историкам даже кажется, что на Руси в этот период существуют не княжества, а вечевые города-государства. Но эта точка зрения конечно сильно преувеличена.

В сражении под Лиственном в 1024 году Мстислав разбил варягов Ярослава, тому снова пришлось бежать в Новгород. Однако итогом стал любовный раздел власти по Днепру, продлившийся десять лет до смерти Мстислава в 1036 году.

Летопись рассказывает, что, обходя поле сражения Мстислав удовлетворенно отметил, оглядывая убитых: «Кто тому не рад? Вот лежит северянин, а вот варяг, а дружина своя цела». Для него еще существовали только отдельные племена и своя дружина. Ярослав мыслил совершенно по другому.

Прежде всего, он довел до триумфа дело отца по борьбе с печенегам. В 1036 году под Киевом эти вековые враги были окончательно разбиты на поле у стен Киева, там где сейчас расположен Софийский Собор.

Строительство этого Собора стало одновременно созданием памятником победе в великой войне со степью, и в то же время, реализацией грандиозного плана Ярослава превратить Киев в новый Иерусалим и Константинополь. По стопам пошел сын, Владимир, княживший в Новгороде, где он тоже возвел величественный собор Святой Софии. В городе появились Золотые Ворота, через которые в него приглашался войти Христос, были созданы монастыри и церкви. Ярослав учредил переводческую школу, которая занималась переводом греческих и переписыванием болгарских рукописей. Если уже князь Владимир любил чтение, то Ярослав приобрел репутацию настоящего книжника.

Высоко ценимый Ярославом пресвитер Иларион, которого он позднее попытается сделать митрополитом Киевским, на Пасху 1038 года произнес перед князем торжественное слово: «О ЗАКОНЪ, МОИСЪОМЪ ДАНЪМЪ, И О БЛАГОДѢТИ И ИСТИНЪ, ИСУСОМЪ ХРИСТОМЪ БЫВШИИ И КАКО ЗАКОНЪ ОТИДЕ, БЛАГОДѢТЬ ЖЕ И ИСТИНА ВСЮ ЗЕМЛЮ ИСПОЛНИ, И ВЪРА ВЪ ВСЯ ЯЗЫКЫ ПРОСТРЕСЯ И ДО НАШЕГО ЯЗЫКА РУСКАГО, И ПОХВАЛА КАГАНУ НАШЕМУ ВЛОДИМЕРУ, ОТ НЕГОЖЕ КРЕЩЕНИ БЫХОМЪ, И МОЛИТВА КЪ БОГУ ОТ ВСЕА ЗЕМЛЯ НАШЕА».

Уже из одного заглавия понятны основные идеи этого древнейшего дошедшего до нас памятника древнерусской словесности. Русский народ и Русская Земля призваны к крещению и благодати князем Владимиром, подобному новому императору Константину. Русский народ и Русская Земля существуют как единое целое и предстоят перед Богом. Русские новый народ Христов, время которого приходит вслед за ветхим народом, под которым, видимо, подразумевались греки.

Русская Земля мыслится Иларионом как древняя и славная среди других народов, причем он не разрывает её языческого и христианского исторического этапов, а старинным титулом привязывает современность к славянской древности, прославляя: «великого кагана земли нашей Владимира, внука древнего Игоря, сына же славного Святослава, которые, во дни свои властвуя, мужеством и храбростью известны были во многих странах, победы и могущество их воспоминаются и прославляются поныне. Ведь владычествовали они не в безвестной и худой земле, но в Русской, что ведома во всех наслышанных о ней четырех концах земли».

Русь Иларион мыслит как единодержавную христианскую монархию: «Сей славный, будучи рожден от славных, благородный — от благородных, князь наш Владимир и возрос, и укрепился, младенчество оставив, и паче возмужал, в крепости и силе совершаясь и в мужестве и мудрости преуспевая. И самодержцем стал своей земли, покорив себе окружные народы, одни — миром, а непокорные — мечом».

Итак, Русь — единодержавная монархия, славная среди других христианских народов своей мощью, благочестием, книжностью и красотой городов — такова была идеология русской элиты в эпоху Ярослава.

Соответствовала этой идеологии и его брачная политика, связавшая русский правящий дом с большинством тогдашних правящих домов Европы. Его жена Ингигерд-Ирина, дочь шведского короля Олафа. Его сын Изяслав был женат на сестре польского короля. Сын Святослав — на австрийской принцессе Оде. Дочь Анастасия стала Венгерской королевой. Дочь Анна — Французской королевой, праматерью всех французских королей.

Дочь Елизавета вышла замуж за норвежского принца-изгнанника Харальда Сурового. Долгие годы Харальд зарабатывал себе славу и состояние воюя за византийского императора и сочиняя на Сицилии такие любовные стихи: «Край пришелся б здешний / Не по вкусу

трусу. / Но женщина в Гардах / Знать меня не хочет». Гардами, страной городов, викинги называли Русь. В итоге Харальд вернулся на Русь, получил в жены Ярославну, стал норвежским королем и погиб в битве при Стэмфорд Бридж в попытке стать королем английским.

Правда до всего этого он успел спровоцировать русско-византийскую войну. Захватившие власть в Константинополе бюрократы крайне враждебно относились к русской гвардии, в которой служил Харальд. Норвежца бросили в темницу, а когда он оттуда смог выкупиться и вернуться на Русь, уговорил тестя посчитаться с греками. Война несчастливо кончилась для Руси, но её дипломатическим итогом стал еще один брак – сын Ярослава – Всеволод, интеллектуал, знавший пять языков, женился на дочери императора Константина Мономаха. Ярослав незадолго до смерти успел крестить их сына, знаменитого Владимира Мономаха.

«В 6562 месяца феврари 20 успение царя нашего». Так сказано о смерти Ярослава в граффити оставленном на стене Софийского собора.

Ярослав оставил Русь пятерым сыновьям. Впервые наследники, осененные памятью о святых Борисе и Глебе, не устраивали междоусобицы по смерти отца. Двое сыновей Игорь и Вячеслав рано умерли, остались трое старших – князь Киевский Изяслав, князь Черниговский Святослав и князь Переяславля Южного Всеволод.

Триумвиры, однако, начали с несправедливости, которые принесет на Русскую Землю многовековую смуту – они отстранили от наследства сыновей умерших братьев.

"Изгои — трои: попов сын грамоте не умеет, холоп из холопства выкупится, купец одолжает; а се четвертое изгойство о себе приложим: аще князь осиротеет" – написал какой-то неизвестный нам князь составляя церковный устав. Первым князем-изгоем стал Ростислав Владимирович, сын любимого наследника Ярослава, имевшего несчастье умереть раньше отца. Он осмелился захватить

Тмутаракань у сына Святослава – Глеба, правда вскоре был отравлен византийским шпионом.

Изгой другого типа, Всеслав Полоцкий, потомок старшего сына Рогнеды Изяслава, которому еще Владимир выделил в удел Полоцк, имел репутацию волхва-оборотня и циничного хищника. Он напал на Новгород и разграбил его. Триумвиры разбили его в сражении на Немиге под Минском, а затем обманом схватили и заточили в Киеве.

С тех пор почти на два столетия Руси не было покоя от возмущения всевозможных обездоленных князей изгоев, стремившихся силой и хитростью урвать себе кусок.

С одной этой бедой Русь успела бы справиться, но пришла вторая, горшая – половцы. Этот сильный тюркский народ из Азии, вооруженный смертоносными булатными иранскими саблями, пришел из Азии, занял место печенегов и обрушился на Русь. В 1068 году в битве на реке Альте Изяслав, Святослав и Всеволод были наголову разбиты половцами. Против Изяслава киевляне подняли мятеж, требуя оружия и коней, чтобы снова сразиться с врагами. Князь посмел отказать в этой самоубийственной просьбе – либо у него оружия не было, либо он не хотел его терять в заведомо проигранной схватке. В результате Изяславу пришлось бежать, его казна была разграблена, а вече объявило князем освобожденного из тюрьмы Всеслава Полоцкого. Так случился первый в истории Киева «майдан».

Вскоре Изяслав подошел к Киеву с польским войском. Всеслав, бросив мятежников, бежал к себе в Полоцк. Святослав и Всеволод уговорили старшего брата вернуться в Киев миром и без поляков. Но его сын Мстислав жестоко отомстил, переказнив защитников мятежа.

С этой расправы между братьями пробежала черная кошка. В 1073 году Святослав и Всеволод изгнали Изяслава, князем киевским стал Святослав. Изгнанный властитель Руси отправился искать поддержки дальше Польши, с князем которой Владиславом

поссорился, — он отправился в Германию к императору Генриху IV, а сына отправил в Рим, к его врагу, знаменитому Папе Григорию VII Гильдебранду, родоначальнику папских притязаний на всеобщую власть и католицизма, разошедшегося с Православием. Папа пригрозил Болеславу, что не поддержав тот не получит короны, и польский король снарядил новую экспедицию на Русь, где умер князь Святослав, став жертвой неудачной операции по удалению опухоли.

Князь Всеволод примирился со старшим братом и возвратил ему Киев, а сам сел в Чернигове. Однако братья повторили ту же ошибку — они сделали изгоем Олега Святославича, племянника, который после возвращения Изяслава оказался как бы сыном узурпатора.

Олега «Слово о полку Игореве» прозвало Гориславичем, и не случайно, именно он изобрел принесшую столько несчастий Руси военную технологию — начал нанимать половцев, чтобы отстоять свои интересы. С половецкой ордой он захватил у Всеволода Чернигов, самого Всеволода едва спас его сын Владимир Мономах. Братья Ярославичи подошли к Чернигову и дали половцам и изгоям сражение на Нежатине Ниве в 1078 году. Сражение окончилось полным разгромом половцев и Олега и гибелью другого изгоя — Бориса. Бежавший в Тьмутаракань Олег был схвачен там хазарами и был отправлен в Византию, однако вернувшись оттуда через несколько лет устроил страшный хазарский погром.

Но одновременно в битве на Нежатиной Ниве погиб Изяслав, причем от странного удара в спину. Из Ярославичей остался один Всеволод, который довольно мирно правил до 1093 года. В этот период все больше упрочнялось положение Русской Церкви и особенно русского монашества, центром которого стал основанный преподобными Антонием и Феодосием Киево-Печерский монастырь, превратившийся за вторую половину XI века в ведущий центр духовной жизни и книжности.

В 1093 году Всеволод умер. Его сын Владимир Мономах решил не занимать престол, а отдать его старшему в роду Святополку, сыну Изяслава. Однако мира это решение не принесло. Князья все время конфликтовали, а на Русь нападали половцы.

Именно в это время кочевники развернули во всю мощь прибыльную торговлю русскими рабами через порт Сурож – Судак в Крыму. Половецкие набеги стали особенно беспощадными и разорительными.

Летопись рисует такую душераздирающую картину:

«Половцы повоевали много и возвратились к Торческу, и изнемогли люди в городе от голода и сдались врагам. Половцы же, взяв город, запалили его огнем, и людей поделили, и повели в вежи к семьям своим и сродникам своим; измученные, стужей скованные, в голоде, жажде и беде, с бледными лицами, почерневшими телами, в неведомой стране, с языком воспаленным, раздетые бредя и босые, с ногами, исколотыми тернием, со слезами отвечали они друг другу, говоря: «Я был из этого города», а другой: «А я — из того села»; так вопрошали они друг друга со слезами, род свой называя и вздыхая, взоры возводя на небо к Вышнему».

Несчастья Мономаха на этом не закончились. Олег Святославич с половецким войском осадил его в Чернигове и заставил отдать ему город. А спустя несколько лет сын Мономаха погиб в сражении с Олегом.

Половцы стали настолько важной частью жизни Руси, что начались династические браки с ними. На половчинке женили сына Мономаха – Юрия будущего Долгорукого. Сам верховный князь Святополк женился на дочери половецкого князя Тугоркана.

Однако под этой матримональной политикой тлела и периодически вырывалась ненависть. К Владимиру Мономаху прибыл хан Итларь. Для его безопасности Мономах отдал в заложники сына. Однако окружение начало уговаривать князя расправиться с половцами:

«Княже! Нет тебе в том греха! Отдал их Бог в руки твои. Зачем они всегда, дав тебе клятву, губят землю Русскую и кровь христианскую проливают непрестанно». В ходе спецоперации княжеского сына из заложников спасли, после чего половцев перебили. Через пару лет Половцы отмстили разгромом и разорением Киево-Печерского монастыря.

Через это противостояние с печенегами и половцами крепла идея Руси. Русская Земля – это то, что нужно непрерывно оборонять от поганых кочевников. Постепенно эта мысль становится стержневой и в русской словесности, и в самосознании князей, бояр и дружины.

В 1097 году состоялся съезд князей в Любече под Киевом, где велись такие речи: «Зачем губим Русскую землю, сами между собой устраивая распри? А половцы землю нашу несут розно и рады, что между нами до сих пор идут войны. Да отныне объединимся чистосердечно и будем блюсти Русскую землю, и пусть каждый владеет отчиной своей: Святополк — Киевом, Изяславовой отчиной, Владимир — Всеволодовой, Давыд и Олег и Ярослав — Святославовой, и те, кому Всеволод роздал города: Давыду — Владимир, Ростиславичам же: Володарю — Перемышль, Васильку — Теробовль». И на том целовали крест: «Если отныне кто на кого пойдет, против того будем мы все и крест честной». Сказали все: «Да будет против того крест честной и вся земля Русская».

Как непросто было соблюдать этот договор, показали события уже следующего года, когда Святополк и Давыд Игоревич подло ослепили князя Василька Теробовльского, причем ему не прижгли глаза по византийской манере, а именно вырезали их — длинный душераздирающий рассказ об этом событии сохранился в летописи.

Разгневанный Владимир Мономах добился восстановления прав Василька и наказания главного инициатора преступления Давида Игоревича. Эта история еще раз показала, сколь непрочен княжеский мир.

Но все-таки мысль о необходимости защиты Русской Земли начала превозмогать княжеские раздоры. Следующее, XII столетие Русь начнет с настоящего крестового похода на половцев.

Лекция VI. Русь в эпоху «Слова о полку Игореве»

XII век начался на Руси с настоящих крестовых походов на половцев.

Князья осознали, что если они и дальше будут тратить все время на династические распри за власть, то скоро властвовать будет не над кем – купцы по небезопасным торговым путям проходить перестанут, а всех мужиков угонят и продадут в рабство через Крым.

По инициативе Владимира Мономаха решено было принять новую тактику – вместо того, чтобы отбивать кочевников на своей территории, самим совершить глубокие походы в Степь в то время, когда половецкие кони слабы после зимней бескормицы, а удара со стороны русских никто не ждет, так как это время подготовки к севу. Чтобы этот план был принят, Мономаху пришлось переспорить дружинников Святополка. Вот как об этом рассказывает летопись.

«Вложил Бог Владимиру мысль, и начал он говорить брату своему Святополку, побуждая его пойти на поганых весною... сказал Владимир: «Брат, ты старший, говори первый, как бы нам защитить Русскую землю». И сказал Святополк: «Брат, уж ты начни». И сказал Владимир: «Как я стану говорить, а со мной станет пререкаться твоя дружина и моя, что хочет, мол, он погубить смердов и пахоту смердов. Но то мне дивно, брат, что смердов жалеете и их коней, а не подумаете о том, что вот весной начнет смерд этот пахать на лошади той, а половец, приехав, поразит смерда стрелой и заберет лошадь ту и жену его, и детей его, и гумно его подпалит. Об этом-то почему не подумаете?» И сказала вся дружина: «Право же, воистину так оно и есть».

Походы в Степь 1103 года, закончившиеся победоносной битвой на Сутени и 1111 года, закончившиеся победой на Сальнице напоминали настоящее религиозное действо, особенно второй.

«И облеклись в доспехи, и построили полки, и двинулись к городу Шаруканю. Князь Владимир повелел священникам, едучи перед войском, петь тропари и кондаки в честь креста честного и канон святой Богородицы. И вечером подъехали к городу, и в воскресенье вышли люди из города с поклонами к князьям русским и вынесли рыбу и вино. И на другой день, в среду, пошли к Сугрову и, приступив, зажгли его, а в четверг двинулись от Дона; в пятницу же, на другой день, марта 24-го, собрались половцы, построили полки свои и пошли в бой. Князья же наши, возложив надежду свою на Бога, сказали: «Здесь смерть нам, так станем же крепко». И прощались друг с другом и, возведя очи на небо, призывали Бога вышнего. И когда сошлись обе стороны, и завязалась битва жестокая, Бог вышний обратил взор свой, исполненный гнева, на иноплеменников, и пали они перед христианами. И так были побеждены иноплеменники, и пало множество врагов наших, супостатов, перед русскими князьями и воинами».

Этот крестоносный дух летописного рассказа совершенно удивителен не был. Совсем незадолго до этого в 1096 году крестоносцы франки при поддержке византийского императора взяли Алексея Комнина Иерусалим. Это в XIII веке, после разорения четвертым крестовым походом Константинополя и агрессии тевтонцев и меченосцев в Прибалтике, «божьи рыцари» начали ассоциироваться с чем-то враждебным Руси и православию. А первые десятилетия после освобождения Святой Земли все были в полном восторге.

В 1107 году Святую Землю посетил Даниил, «Русской Земли игумен», как он написал о себе в своем рассказе о паломничестве. Он рассказывает в частности о своей встрече с королем иерусалимским Балдуином Фландрским.

«Я пошел ко князю тому Балдуину и поклонился ему до земли. Он же, видя меня подозвал меня к себе с любовью и сказал мне: «Чего хочешь, русский игумен?» Он меня хорошо узнал и полюбил меня очень, поскольку муж он добродетельный, и смиренный весьма, и ничуть не гордый. Я же сказал ему: «Князь мой, господин мой! Молю тебя Бога ради и князей ради русских: повели мне, чтобы и я поставил свою лампаду на Гробе Святом от всей Русской земли!» Тогда он серьезно и с любовью повелел мне поставить лампаду на Гроб Господень».

Русь была захвачена этим охватившим в тот момент Европу духом боевого возрожденного христианства и внесла свою лепту в виде отражения половцев. И в самом деле, масштабные терроризирующие Русь набеги половцев после этого пошли на убыль. Теперь они, чаще всего, приходили воевать тогда, когда их приглашали соперничающие князья, или пакостили по окраинам. Из смертельной угрозы они превратились в неудобных, но привычных соседей. Впрочем эта угроза была фактором сплачивающим Русь, так сказать бодрящим национальное сознание, как мы увидим позднее в Слове о Полку Игореве.

Через два года после крестового похода умер Святополк Изяславич. Этот князь был упрямым и скупым, и при нем Киев был опутан сетями иудейских ростовщиков. После смерти князя в городе начались натуральные еврейские погромы. При этом боролись две партии, одна из которых звала на престол Мономаха, вторая – черниговских Святославичей, которые были формально старше в роду. Когда Владимиру сказали, что если он замедлит, то с евреев грабеж перекинется на монастыри, он пришел в город, утихомирил бунтовщиков и издал свой знаменитый устав о резах, который ограничил ростовщические проценты. Нельзя было брать больше 50 % годовых. Нельзя было держать должников в качестве работников, если они просили дать им свободу, чтобы найти средства для возврата долга. Выплачивать долг должники должны были не более

трёх лет, после чего выплаты прекращались, а долг и проценты считались уплаченными.

Этот устав вошел в изданную раньше «Русскую Правду», законодательный сборник, который от правового урегулирования драк дружинников на пиру постепенно расширялся до все более широкого круга вопросов, имевших. Как видим, принципиальную социальную значимость.

Правление Владимира Мономаха, длившееся до 1125 года и его сына Мстислава Великого, правившего до 1132 года удивительно бедно летописными событиями. И это, конечно, не случайно – великий и мощный правитель он тем и был велик, что при нем не было смут и княжеских раздоров, почти не было войн. Русь наслаждалась миром и всеобщим уважением.

Позднее Слово о погибели земли русской так описывало картину мономаховой Руси.

«Отсель до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга... и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгарь,[волжских] от болгарь до буртась, от буртась до чермись, от чермись до морьдви,— то все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю... Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердяху каменные города желѣзными вороты, абы на них великий Володимеръ тамо не въѣхаль, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ. Буртаси, черемиси, вьда и морьдва бортьничаху на князя великого Володимера. И кюръ Мануиль цесарегородскый опасъ имѣя, поне и великыя дары посылаша к нему, абы под нимъ великий князь Володимеръ Цесарягорода не взял».

В этом рассказе есть только один анахронизм – Мануил Комнин при Владимире еще не был императором, царствовали его отец и

старший брат но русский князь действительно воевал с Комнинами. Он принадлежал к роду Мономахов и захвативший власть род Комнинов казался ему узурпаторами, против которых он поддержал какого-то самозванца и стремился установить русскую власть на Дунае. Однако в итоге все закончилось миром и мономах выдал дочь за наследника константинопольского престола.

Мстислав Великий еще больше укрепил центральную власть над Русью, присоединив полусепаратное Полоцкое княжество. Но после его смерти начался неудержимый распад. Ни его младшему брату Ярополку, ни кому другому не удалось удержать целостность страны. Князья в Киеве, не говоря уж о Новгороде менялись по нескольку раз в год.

Почему так получилось? В теории смена власти в Киеве и на других важнейших столах должна была подчиняться лестничной системе, то есть старший стол должен был принадлежать старшему в роде, и князья должны были перемещаться по старшинству.

Однако, во-первых, в самой лестнице была роковая неясность. Кто старше? Старший сын старшего брата или младший брат? Война дядьев и племянников стала настоящим проклятием для Рюриковичей, например долгие годы длилась война между сыном Мстислава Великого Изяславом Мстиславичем и братом, младшим из сыновей Мономаха – Юрием Долгоруким. Во-вторых, никуда не девалась упомянутая в прошлой летописи проблема изгоев. Выброшенные из лестничного порядка княжичи отнюдь не собирались сдаваться, и начинали выбивать свою часть силой. Во-вторых, князья начали сбиваться в кланы, как Мономашичи или черниговские Ольговичи, и тянуть каждый в свою сторону. В-третьих, все большую роль начинали играть города, городские веча, у которых появились свои любимые и, напротив, нелюбимые князья, и они их поддерживали не обращая никакого внимания на княжеское старшинство.

Вообще, демократия стала настоящим фактором хаоса в жизни Руси XII века. В Европе это точно так же время подъема городов, восстаний городских коммун, которые свергали власть графов и герцогов и получали хартии, переходя под прямую власть королей и императоров. Однако на Руси это городское движение очень рано приобрело очень экстремальные формы. Русские города освобождались не для того, чтобы вместо местного князя находиться под формальным суверенитетом короля, как во Франции, и не для того, чтобы создавать городские республики, как в Италии, а для того, чтобы произвольно выбирать себе князей из обширного и запутанного пасьянса Рюриковичей. И в самих городах далеко не быстро и не всегда складывались полноценные олигархии из высших классов, бояр и купцов, слишком часто важнейшие вопросы решались подчиняясь крикам черни на вече. А это только в советском учебнике когда политические вопросы решает народ, это всегда хорошо. В реальности это часто приводило к хаосу, резне на улицах и грабежу.

Самый радикальный вариант демократии установился в Новгороде. В 1136 году после поражения князя Всеволода, еще одного сына Мстислава Великого, от суздальского войска в битве у Жданой горы, новгородцы его изгнали и с этого момента начали сами приглашать себе князей зачастую меняя их по несколько раз в год. По пути Новгорода пошел и Псков, так же ставший республикой.

Фактически в Новгороде возникла республика. Её главой оказался архиепископ новгородский, Новгород мыслился как Дом Святой Софии, и в этом смысле перед нами, по крайней мере формально, теократия. Исполнительная власть была сосредоточена в руках посадника, военная в руках тысяцкого. Своего рода сенатом был Совет Господ, куда наряду с высшими должностными лицами входили старосты городских концов и сотен (в каждом конце было две сотни, которые делились на улицы). Также в Господу входили бывшие посадники и тысяцкие, что делало её уж совсем похожей на римский сенат. Князь и дружина отвечали за оборону города и их

наличие все-таки подчеркивало, что Новгород входит в состав Руси, князей не из Рюриковичей первые столетия республики не бывало никогда.

Но главным органом власти все-таки было вече. Его круг полномочий был фактически безграничен, то есть это была самая крайняя демократия, не ограниченная ничем, в том числе правом и процедурой. Бояре конечно могли влиять на вечевые решения, иной раз они выводили на площадь перед Софийским собором сплоченные банды своих сторонников и навязывали решение, но в целом новгородской толпе не мог противиться никто. Ярлык «боярская республика» любили советские историки, для того, чтобы спасти свою концепцию русского средневековья как феодализма. На деле это была вечевая республика с значительным влиянием бояр, но и церковь, и князья тоже имели свои инструменты влияния. Во все периоды, когда новгородцы сами решали свою судьбу, жизнь города была крайне нестабильной.

Характерно, что Новгород был, по сути, пионером североевропейской демократии. Его ближайший торговый партнер - Ганзейский союз, образованный входящими в германскую Империю вольными городами, сложился лишь в XIII веке и там никогда такой вольницы не бывало.

Новгородские земли, управляемые администрациями городских концов, раскинулись на невообразимые пространства северной Руси – в определенный момент в сферу влияния новгородцев входили и земли по Северной Двине, и Карелия, и Коми, и Прибалтика, и Финляндия (скажем название финского города Турку – это, по всей видимости, искаженное русское слово Торг, так сказать сводный брат Торжка). Собираемые с этой земли меха были главной статьей новгородского экспорта.

Однако у вольного Новгорода были свои ограничения, пострашнее любого княжеского деспотизма. Это голод. Весьма многолюдный город стоял по сути среди болот, на землях, где обеспечить

продовольствием такое количество людей было попросту невозможно. Регулярный голод стал для новгородцев повседневностью – трупы на улицах, людоедство, продажа себя в рабство.

В 1168 году новгородцы разгромили покушавшегося на их автономию князя Андрея Боголюбского. Этой победе посвящена знаменитая икона «Битва новгородцев с суздальцами. Чудо от иконы Божией Матери Знамение». Началась массовая распродажа пленников - «Купляху суждальцы по 2 ногате», для сравнения коза стоила 6 ногат. Однако победные торжества длились недолго – на той же самой странице Новгородской первой летописи написано: «Бысть дороговь в Новегороде: и купляху кадь ржи по 4 гривне, а хлеб по 2 ногате.... И сдумавше новгородьци показаша путь князю Роману, а сами послаша к Ондрееви по мир».

Андрей Боголюбский попросту перекрыл поставки продовольствия Новгороду и теперь уже хлеб стал по цене пленника, после чего новгородцам ничего не осталось как капитулировать. Фактически новгородцы очень рано попали в зависимость от князей Владимиро-Суздальской, Низовской, как они её называли, Руси и внешнеполитической независимостью новгородская республика обладала едва лишь столетие.

Владими́ро-Сузда́льская, или, первоначально, Ростовская земля, развивалась в направлении в чем-то противоположном Новгороду. Эти русские владения раскинулись на верхней Волге. Если путь из Варяг в Греки постепенно хирел, так как Византия становилась все менее привлекательным торговым партнером, а её торговлю захватывали венецианцы и генуэзцы, то путь из Варяг в Персы по Волге и Каспию оставался привлекательным еще много столетий. На пути, конечно, имелась Волжская Булгария, но она была не настолько сильна, чтобы всерьез мешать русской торговле и с нею регулярно воевали.

В Суздальской земле укреплялась, постепенно превращаясь в самовластие, власть князей из одного рода – потомков сына Владимира Мономаха Юрия Долгорукого. Сам Юрий всю жизнь провоевал за Киев и был в нем отравлен в 1154 году, но он отлично понимал, что для воплощения амбициозных планов ему нужен крепкий тыл, поэтому развивал свою землю, строил крепости, в частности Москву, бывшую тогда пограничьем Суздальской и Черниговской земель.

Новый масштаб всему происходившему на Северо-Востоке придал сын Юрия, Андрей Боголюбский. Юга он не любил, драки за киевский престол – не понимал. Еще когда отец посадил его князем на Юге, в Вышгороде под Киевом, Андрей Самовольно вернулся назад в Суздаль. Причем забрал с собой чудотворную Владимирскую икону Божией Матери.

Андрей начал отстраивать собственную новую столицу, город Владимир. Там был построен Успенский собор, где была помещена чудотворная икона, появились как в Киеве Золотые Ворота, рядом возникла княжеская резиденция-дворец Боголюбово, из которой открывался вид на чудесную церковь Покрова на Нерли, которая во второй половине XX века, в период оживления интереса к зодчеству Северо-Восточной Руси, станет своего рода символом русской идентичности как таковой.

Кстати, именно в строительстве связанном с именем Андрея происходит настоящая архитектурная революция. Русское зодчество становится непохожим на византийское. Для греков характерно основное внимание внутреннему содержанию храма, который как бы охватывает собой прихожан – его купол это небо, его стены с росписями – это мир Божий. А вот извне византийский храм как правило невыразителен, будучи зажат на узких городских улицах.

Русский храм после архитектурного поворота Андрея Боголюбского, - обращен вовне, это настоящая свеча вверху сосуда, если пользоваться евангельским выражением. Он великолепно вписан в

окружающий ландшафт, становясь на нем доминантой – так сказать свидетельством о Боге всему миру.

Именно в XII веке фиксируются достаточно массовый исход русского населения с юга в Суздальскую землю. Во-первых, она была безопасна от половецких войн и в ней было несопоставимо меньше княжеских междоусобий. Во-вторых, здесь бился пульс живой экономической жизни. В-третьих, здесь были великолепные плодородные земли так называемого Ополя. Посреди лесов обнаруживается участок лесостепи с почвами, достаточно близкими к чернозему. Ополе давало великолепные урожаи ржи. И это заложило основы как самой Великой России, сложившейся вокруг граничащей с Ополем Москвы, так и возможность господства Суздальской земли над Новгородом. Это была так сказать аграрная ось русской истории.

Андрей Боголюбский пытался править Русью оставаясь в своем Боголюбове. В 1169 году созданная им коалиция русских князей взяла Киев и устроила настоящее его разграбление. Такое стало возможно именно благодаря тому, что Андрей уже не рассматривал Киев как священный центр Руси, таковым стал теперь его Владимир.

Однако самовластная и рвавшая с традициями политика Андрея нравилась не всем. Против него сложился заговор возглавленный боярами Кучковичами, некогда владельцами московских земель. Ключевую роль сыграл ключник Анбал, принадлежавший кавказскому народу ясов. Он украл меч князя, а ночью пьяные заговорщики ворвались в его покои в Боголюбове, завязалась долгая драка, так как князь был опытным воином, но в итоге его безоружного тяжело изранили. Истекающий кровью Андрей спустился по лестнице, но перепуганные заговорщики услышали его стоны, нашли по кровавому следу и изрубили так, что отрубили ему руку. Место этих кровавых и страшных событий можно увидеть в Боголюбовском монастыре и по сей день. В итоге Андрей Боголюбский, князь страстотерпец, так много потрудившийся над

прославлением Бога в Суздальской земле, был причислен к лику святых.

После распрей новым властителем стал Всеволод, происходивший от матери-византийки и воспитывавшийся в Константинополе. Под его властью Северо-Восточная Русь стала сильным и консолидированным княжеством, продолжалась строительная программа Андрея. Дмитриевский собор Владимира, построенный Всеволодом будет покрыт изумительной каменной резьбой, которая входит на Руси в моду. Прозванный за многодетность Большой Гнездо князь старался не лезть в дела Юга, даже когда его об этом просили.

А на юге продолжала кипеть борьба за Киев между Мономашичами, прежде всего смоленскими Ростиславичами, и черниговскими ольговичами, потомками Олега Гориславича. В конечном счете конфликт временно решился с помощью установления в Киеве своего рода доведластия – городом одновременно правили Святослав Всеволодович из черниговцев и Рюрик Ростиславич из смоленцев.

Продолжались и войны с половцами, пытавшимися заградить путь купцам-гречникам по Днепру и грабившим русские окраины. В целом эти войны под руководством Святослава Всеволодовича шли довольно успешно. Но вот один конкретный поход, не согласованный с великим князем, предпринятый его племянником Игорем Святославичем, закончился полной неудачей: русское войско было разгромлено, Игорь попал в плен.

Именно чрезвычайность происшествия – полный разгром, которому предшествовало затмение, и побудил поэта создать «Слово о полку Игореве», изумительный памятник русской не только литературы, но и политической мысли. Никаких оснований для мнения о его фальсификации в XVIII веке, каковое мнение время от времени пытаются забросить. Прежде всего, фальсификатор не мог бы так подделывать язык – и язык первоначального памятника и язык его

западнорусского переписчика. Ни знание реалий, ни знание психологии той эпохи, не стояли в конце XVIII века на том уровне, чтобы воспроизводить их с такой точностью. В общем подделка была бы гораздо более невероятным шедевром, чем сочинение Слова в XII веке.

Главный мотив этого памятника, с наибольшей ясностью проведенная в «Золотом Слове» Святослава – это классическая для русской литературы XII века тема. Пока князья враждуют – Русская Земля гибнет, необходимо соединиться и встать всем за Русскую Землю. Раны Игоря Святославича еще раз повод к тому, чтобы вспомнить всем Рюриковичам о братстве и ударить на половцев дружно.

Ну а главное мы убеждаемся в том, что вопреки ярлыку «Феодальная раздробленность», наклеенному на это столетие, Русская Земля и ее княжеский род мыслились как настоящее живое единство, призванное жить заодно и руководствоваться общими интересами. Князьи обиды были реальностью, но идеалом было единство Руси.

Прочтем часть этого Золотого Слова в переводе Николая Заболоцкого, может быть не самом дословном, зато принадлежащем великому поэту и великолепно передающему настроение этой поэмы.

Князь великий Всеволод! Доколе
Муки нам великие терпеть?
Не тебе ль на суздальском престоле
О престоле отчет порадеть?
Ты и Волгу веслами расплещешь,
Ты шеломом вычерпаешь Дон,
Из живых ты луков стрелы мечешь,
Сыновьями Глеба окружен.
Если б ты привел на помощь рати,
Чтоб врага не выпустить из рук, —

Продавали б девок по ногате,
А рабов — по резани на круг.
Вы, князья буй Рюрик и Давид!
Смолкли ваши воинские громы.
А не ваши ль плавали в крови
Золотом покрытые шелома?
И не ваши ль храбрые полки
Рыкают, как туры, умирая
От каленой сабли, от руки
Ратника неведомого края?
Встаньте, государи, в злат стремя
За обиду в этот черный день,
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

Ярослав, князь Галицкий! Твой град
Высоко стоит под облаками.
Оседлал вершины ты Карпат
И подпер железными полками.
На своем престоле золотом
Восемь дел ты, князь, решаешь разом,
И народ зовет тебя кругом
Осмомыслом — за великий разум.
Дверь Дуная заперев на ключ,
Королю дорогу заступая,
Бремена ты мечешь выше туч,
Суд вершишь до самого Дуная.
Власть твоя по землям потекла.
В киевскиеходишь ты пределы,
И в салтанов с отчего стола
Ты пускаешь княжеские стрелы.
Так стреляй в Кончака, государь,
С дальних гор на ворога ударь

За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

Вы, князя Мстислав и буй Роман!
Мчит ваш ум на подвиг мысль живая,
И несетесь вы на вражий стан,
Соколом ширясь сквозь туман,
Птицу в буйстве одолеть желая.
Вся в железе княжеская грудь,
Золотом шелом латинский блещет,
И повсюду, где лежит ваш путь,
Вся земля от тяжести трепещет.
Хинову вы били и Литву;
Деремела, половцы, ятвяги,
Бросив копья, пали на траву
И склонили буйную главу
Под мечи булатные и стяги.

Но уж прежней славы больше с нами нет.
Уж не светит Игорю солнца ясный свет.
Не ко благу дерево листья уронило:
Поганое войско грады поделило.
По Суле, по Роси счету нет врагу.
Не воскреснуть Игореву храброму полку!
Дон зовет нас, княже, кличет нас с тобой!
Ольговичи храбрые одни вступили в бой.
Князь Ингварь, князь Всеволод!
И вас Мы зовем для дальнего похода,
Трое ведь Мстиславичей у нас,
Шестокрыльцев княжеского рода!
Не в бою ли вы себе честном
Города и волости достали?
Где же ваш отеческий шелом,
Верный щит, копье из ляшской стали?

Чтоб ворота Полю запереть,
Вашим стрелам время зазвенеть
За Русскую землю,
За Игоревы раны —
Удалого сына Святославича!

«Слово» изумительно своим волшебным образом Русской Земли как живого пластического тела. Здесь еще одна особенность русского самосознания, Русь – понятие слитое с природой, нерасторжимое с нею. Реки и холмы имеют равное право гражданства с боярами и князьями и даже могут разговаривать.

В следующем столетии тот же мотив зазвучит в другом Слове, коротком и гениальном. Но повод для того Слова будет еще более грустным, а называться оно будет Словом о гибели Русской Земли.

Лекция VII. Катастрофа XIII века. Монгольское завоевание

«О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: / озеры многыми удивлена еси, / рѣками и кладязьми мѣсточестьными, / горами, крутыми холми, / высокыми дубравами, / чистыми польми, / дивными звѣрьми, / различными птицами, / бещислеными городы великими, / селы дивными, / винограды обителными, / дома церковьными / и князьми грозными, / бояры честными, / вельможами многими. / Всего еси исполнена земля Руская, / о прававѣрная вѣра хрестияньская!»

Это изумительное стихотворение в прозе, описывающее Русь как настоящую чудесную страну было, на самом деле, реквиемом. С него начиналось «Слово о гибели Русской Земли», призванное рассказать о татаро-монгольском нашествии, самом страшном событии в русской истории, навсегда изменившем её ход. «И в те дни обрушилась беда на христиан...».

Тучи начали сгущаться с самого начала XIII столетия, когда резко обозначился раскол православного мира, к которому принадлежала Русь, и католического Запада. В 1187 году крестоносцы окончательно потеряли Иерусалим, желающих сложить голову в песках Палестины становилось все меньше. Однако Романо-германский мир испытывал взрывной демографический рост. Мужчины с оружием начали искать себе применение по линии наименьшего сопротивления – походы на кельтов, славян, балтов, которых романо-германцы считали людьми второго сорта, и на православных, которых римские папы объявили раскольниками. Именно в это время Тевтонский орден начал переезжать из Палестины в земли славян и пруссов.

В 1204 году участники четвертого крестового похода по наущению венецианцев захватили и разграбили Константинополь, нанеся смертельный удар Византийской империи. «Ворвались фряги в Святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром.... И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели.... Монахов, и монахинь, и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города» - эту повесть о взятии Царяграда в Новгородской первой летописи написал очевидец событий. Если до того на Руси не всегда относились к разрыву греков с латинянами всерьез, то теперь, после разбоя в Царьграде возникла стена недоверия и отвращения.

Русь испытала это давление и на себе. В 1200 году 23 немецких корабля на которых плыли ливонский епископ Альбрехт Буксгевден и рыцари, которые создадут Орден Меченосцев, бросили якорь в устье Западной Двины, основав там в следующем году город Ригу. Целью экспедиции было насильственно крестить прибалтийские народы, ну и заодно перекрыть русским схизматикам один из важнейших торговых путей. В 1207 году меченосцы захватили передовой форпост полоцкого княжества в среднем течении Двины – Кукейнос, а затем двинулись на север, взяв штурмом в 1224 году

Юрьев, русский город, основанный еще Ярославом Мудрым, и переименовали его в Дерпт.

Одновременно началось давление с Запада и на Южную Русь. В 1205 году погиб в битве с поляками могущественный Роман Мстиславич, князь Волынский, ненадолго подчинивший себе и Галич с его своевольными боярами, и сам Киев. Он решил вмешаться в борьбу в Германской Империи на стороне Гогенштауфенов, против ставленников Папы Вельфов, но на пути погиб. Его державу разделили венгры и поляки, согнав малолетних сыновей Василько и Даниила, будущего Даниила Галицкого.

Венгров из Галича изгнал знаменитый князь Мстислав Мстиславич по прозвищу Удатный (то есть удачливый). Это был настоящий человек-катастрофа для домонгольской Руси. Наша версия его старшего современника Ричарда Львиное Сердце. Смелый воин, благородный рыцарь, искренне верующий, вызывавший восхищение у современников, и при этом - абсолютно бестолковый политик, лишенный всякого национально-государственного чутья. Будучи князем новгородским он нанес удар в спину чуди, ослабив ее сопротивление меченосцам, и заключил договор с немцами, признав за ними право на владение Ригой, тем самым оставив без помощи Полоцкое княжество. Вмешавшись в распрю старших и младших сыновей Всеволода Большое Гнездо на стороне старших, он одержал блистательную победу в Липицкой битве, наголову разгромив младших Юрия и Ярослава Всеволодовичей и сильно подорвав потенциал Суздальской земли. Выбив венгров из Галича, он отдал управление им боярам, а дочь выдал за венгерского королевича, назначив его наследником.

Мстислав Удатный был своего рода князем гегемоном Руси между 1217 и 1227 годом. И в этом качестве втравил в 1223 году русских в битву на Калке с монголами. Монгольский полководец Субедей, сперва разбил вместе с половцами аланов, а потом предал и разбил самих половцев. Бросились на Русь, прося помощи. Мстислав не без резона рассудил: «Если мы им не поможем, то могут перейти на

сторону тех, и будет у них большая сила». Русские князья перебили монгольских послов, пытавшихся купить их на ту же разводку, что и половцев, и исполчились на рать. Однако организовать полноценную войну Мстислав не смог – часть русского войска во главе с ним переправилась, часть во главе с киевским князем Мстиславом Старым осталась на другой стороне Калки в укрепленном лагере. В итоге половцы струсив побежали от монголов, русские были опрокинуты и бежали, киевляне были осаждены в лагере, их обманом уговорили сдаться и подвергли жестокой расправе. На Русь из воинов вернулся лишь один из десяти «и бысть вопль и плач по городам и селам».

Здесь нужно сказать о популярном мифе, созданном Львом Николаевичем Гумилевым: якобы монголы напали на Русь в отместку за убийство послов, поскольку, якобы, считали убийство доверившегося страшным преступлением, после которого род убийцы проклят и должен быть истреблен. Это полная чушь – для монголов послы были органом разведки, поэтому они их засылали многократно, ни на какие убийства внимание не обращая, ни в одном восточном источнике нет об этом ни слова, хотя о битве на Калке рассказывается подробно. Мы узнаем об этом эпизоде только от русского летописца. Сами монголы с послами не церемонились. А главное, Рашитд-ад-Дин, придворный летописец монгольских правителей Ирана, Хулагидов, с подъемом рассказывает о том, как Хабул-хан, прадед Чингисхана, перебил с помощью женщин и слуг послов Империи Цзинь: «Он сказал невесткам и слугам: «Убьете посланных, а если вы уклонитесь, то я убью вас...». Все согласились, напали с ним на посланных, убили их вынесли душу невредимой из того события». Если бы монголы действительно верили в то, что приписывал им Гумилев, род Чингисхана считался бы проклятым, но ничего подобного не было. Миф о мести за послов - выдумка с целью обеления монголов и обвинения жертвы – русских.

После Калки монголы отступили от границ Руси, так как их разбили волжские болгары и мордва, и южнорусские князья, забыв о народе неведомом, начали после смерти Мстислава десятилетнюю разорительную войну за контроль над Киевом и южнорусскими землями. В этой войне столкнулись коалиция Михаила Всеволодовича Черниговского, и коалиция Даниила Романовича Волынского, будущего Галицкого. Соперники захватывали и жгли друг у друга города и села, наводили половцев и венгров. В итоге в войну вмешался новгородский князь Ярослав Всеволодович из Суздальского Дома и занял Киев.

Ярослав был в зените славы, только что в 1234 на реке Омовже под Дерптом он разбил меченосцев, под немцами «обломишася» лед и этот эпизод перекочевал в знаменитый фильм о битве его сына на Чудском озере. Вскоре в 1236 году угрюмые и упорные литовцы добились меченосцев в битве при Сауле. Уничтоженных меченосцев пополнили рыцарями-тевтонцами и теперь это был Ливонский орден. Объединение в 1236 году Ярославом Киева, где сидел он сам, Новгорода, где сидел его сын Александр, при поддержке Владимира, где правил его брат Юрий, могло дать Руси политическую ось в виде династии потомков Всеволода Большое Гнездо. Но именно тут на границах Руси вновь появились монголы, на сей раз с намерением окончательно её завоевать.

Тот тип экономики и политики на котором строилась Монгольская Империя наш знаменитый кочевниковед Николай Николаевич Крадин именуется экзополитарной экзоэксплуатацией. Если переводить эти термины на русский язык, получится, что монголы были шайкой разбойников во главе с удалым атаманом, их средствами производства были конь и лук, особая конструкция монгольского клееного лука делала его особенно смертоносным. Управлять завоеванными они не хотели и не любили, организационной деятельностью заниматься не умели, но очень любили грабеж, набеги или получение дани.

Вождь монгольской шайки Темучин, он же Чингисхан, был по происхождению не скотоводом, а охотником с психологией хищника. Массовая загонная охота, когда животных с огромной территории сгоняли в узкий вольер и там забивали без числа долго была главным ритуалом монгольской империи. Чингис был чрезвычайно жесток и мстителен, умея подчинять себе людей и наводить порядок. Но этого все-таки было бы недостаточно, чтобы создать империю в половину Евразии. Он её и не создал – на момент его смерти особо впечатляющих размеров держава Чингисхана не имела, её расширили сыновья и внуки наступая по всем направлениям сразу – в Китай, в Иран и Персию, на Русь и Европу.

И за ними явно стоял кто-то поумнее, не случайно у монголов была великолепная разведка, которую осуществляли купцы – мусульманские, еврейские, несторианские, не одно столетие торговавшие по Великому Шелковому Пути. Собственно главным геоэкономическим смыслом создания монгольской империи и стало создание единого государства по всему Шелковому Пути. Историки экономики это называют «Великая торговая экспансия XIII века», обогатившая в частности генуэзцев и венецианцев. Монголы явно знали где остановиться, подойдя на пару конных переходов к Венеции они повернули назад, не стали они двигаться и на входивший в мировую торговую сеть Новгород. Будем считать все это просто совпадениями.

Особенностью монгольских завоеваний было то, что они были первой в истории кочевой империей умевшей систематически брать штурмом города. Скажем русские князья часто затворялись в городах, рассчитывая на то, что кочевники перед ними бессильны, но с монголами такое не проходило. И дело было не в освоенных ими китайских боевых машинах, а в чудодейственном средстве под названием «хашар». Осадив город монголы распускали по его окрестностям охотников и пригоняли большое количество пленных, эти пленные рыли рвы, строили осадные машины, подгоняли тараны к башням, лезли на стены. Надзором за хашаром занимались отряды

лучших воинов – багатуров. Столкнувшись с таким живым щитом русских городов оказывались зачастую деморализованы.

Вот эта не знавшая ни чести, ни жалости орда во главе со старшим внуком Чингиса – Бату-ханом и обрушилась на Русь зимой 1237 года, перед этим практически под корень вырезав Волжскую Булгарию.

Была стерта с лица земли Рязань – она позднее возродилась лишь в другом месте. Под Коломной рязанцы и остатки владимирцев дали серьезный бой, погиб сын Чингисхана Кулькан, но противостоять потоку монгольских стрел русские не смогли. Затем пали после ожесточенного сопротивления Москва и Владимир, разорены Тверь и Торжок, монголы двинулись на Новгород, но повернули назад – если не искать конспирологических причин, то не хотели быть отрезаны по наступавшей весне болотами, а в тылу еще собирал войска Юрий Всеволодович. Основная причина эффективности кочевых ратей над земледельческими народами столетиями заключалась в следующем – кочевая орда вся представляет собой армию, а земледельцам нужно долго собирать войско отвлекая людей от мирных занятий. Посреди такого сбора на реке Сити и застал 4 марта 1238 года Юрия Всеволодовича еще один крупный монгольский полководец Бурундай. Уничтожение вражеского правителя рассматривалось монголами как конец кампании, они пошли назад в степь, разделившись на отряды и разоряя все на своем пути. И тут выяснилось, что порознь они не так уж и сильнее русских – это доказал городок Козельск, не сдававшийся Батю 7 недель и взятый штурмом только после подхода других отрядов.

Разгром Владимира поставил крест на большом проекте Ярослава Всеволодовича. Он вернулся из Киева в свою землю, торжественно похоронил брата и начал разбор завалов, приняв твердое решение с монголами не враждовать.

А беда обрушилась теперь на Южную Русь. Снова спорившие за Киев Михаил Черниговский и Даниил Галицкий в момент монгольского нашествия оказались в Венгрии. Столицу Руси оборонял воевода

Даниила – Дмитр, она была полностью разорена, как был разорен и Чернигов, причем по всей видимости Даниил вел перед этим какие-то переговоры с монголами, и был уверен, что галицко-Волынскую землю и Киев они не тронут, но его обманули. Затем монголы разбили поляков, чехов, немцев, венгров и дошли до Адриатики, после чего Бату-хан загадочно повернул, возможно получив известие о смерти дяди Угедэя, что ставило его один на один со злейшим врагом, сыном Угедэя Гуюком, готовившимся стать следующим ханом.

Теперь Батый стремился максимально обустроить свой Улус Джучи, который войдет в позднейшую историю как Золотая Орда. Русские земли, особенно северные, невозможно было превратить в монгольские пастбища, оставалось их эксплуатировать, получая дань всеми способами.

Началось знаменитое Татаро-Монгольское иго. Авторы, отрицающие его реальность и рассказывающие о некоем «союзе» Руси с монголами, на мой взгляд не имеют совести. Монголы разоряли Русь набегами, как централизованными, так и разбоем на низовом уровне. Её обложили тяжелой данью, причем первоначально её собирали монгольские сборщики напрямую. Введен был налог кровью, на поставку воинов и ремесленников.

И это не говоря о множестве пленников, угонявшихся при каждом набеге. В Крыму, в Кафе, нынешней Феодосии, предприимчивые генуэзцы основали колонию, главным профилем которой стала работоторговля русскими и кавказскими пленниками, вывозившимися на Восток и в Европу в огромных количествах. За столетия жизни Руси бок о бок сначала с Ордой, а потом с Крымским ханством, через Кафу были проданы миллионы русских рабов, чудесный курортный город орошен потоками слез, а там не стоит даже памятника жертвам.

Епископ Владимирский и Суздальский Серапион произнес в 1274 году такую проповедь: «Не плънена ли бысть земля наша? Не взяли ли гради наши? Не вскорѣ ли падоша отци и братья наша трупиемь

на земли? Не ведены ли жены и чада наша въ плѣнь? Не порабощени быхомъ горкою работою от иноплеменникъ? Се уже к 40 лѣтъ приближаетъ томление и мука, и дани тяжкыя на ны не престануть, глад, мор животъ нашихъ, и в сласть хлѣба своего изъѣсти не можемъ». Всласть хлеба своего изъести не можем – вот такой вот «русско-ордынский союз».

Однако несправедливо и обвинять русских князей в том, что они, якобы, из мелкого властолюбия покорили Русь монголам, а надо было призвать западных союзников и дать отпор кочевникам. Никакого намерения реально выручать Русь Запад не высказывал. Его интересовало чтобы Русь выручила Запад от возможной монгольской угрозы, и, приняв католичество, таскала каштаны из огня. Все, что могли сделать русские государи в этой ситуации, выбрать оптимальную стратегию выживания народа, цивилизации и государства. И какая стратегия была оптимальной можно судить по тому, кто выжил, а кто нет.

Первым в Орду был вызван Ярослав Всеволодович, получивший ярлык не только на Владимир, но и на Киев и признанный старейшиной всех русских князей. Батый явно хотел сделать Ярослава своим заместителем по Руси, существует версия, что вдового князя женили на какой-то из батыевых сестер, а затем он отправился в столицу монгольской империи Карокурм, где он участвовал в Курултае по выбору хана и Ярославу давали место выше многих монгольских князей и всех иностранцев, он рассматривался как представитель Батыя. Очевидно именно в этом качестве его и отравила в 1246 году мать хана Гуюка Туракина.

Батый вызвал к себе и вечных врагов: Даниила Галицкого и Михаила Черниговского. Даниила принимали милостиво и поили кобыльим молоком, а вот с Михаилом последовала жестокая расправа. Благочестивый князь категорически отказался пройти языческие очистительные ритуалы и был зарезан вместе со своим боярином Феодором и прославлен как мученик. Конечно Батый мог и закрыть

глаза на поведение Михаила, но очевидно решил, что два соперничающих князя для русского юга – это слишком много.

Вместо Ярослава в Орду, а затем в Карокорум отправились его сыновья Александр и Андрей. Александр к тому моменту был уже в ореоле национального героя. После разгрома Руси на Новгородские земли началась синхронная атака с Запада. В июле 1240 шведы попытались пройти через Неву и захватить Старую Ладугу. Александр с дружиной и наспех собранным войском нанес захватчикам стремительный удар, Невская битва прославила множество героев, чьи имена сохранились в Житии святого Александра, и считалась заступничеством святых Бориса и Глеба.

В сентябре 1240 немцы захватили Изборск, разгромили шедших к нему на помощь Псковичей, осадили Псков и заставили его признать над ним власть ливонского ордена, затем построили в новгородской земле крепость Копорье. Александр, после ссоры с новгородцами вернувшийся на княжеский стол, вернул все обратно, - захватил Копорье, освободил Псков и Изборск, начал грабить окрестности Дерпта, к когда против него выдвинулось сильное ливонское войско, разбил его на льду Чудского озера. Западные соседи осознали, что представления о слабости Руси сильно преувеличены.

Хотя это не означало конца немецкой агрессии, но Русь постепенно начала переходить в констрнаступление, которое развернулось во всю мощь уже после смерти Александра Невского. Великая война 1267-1269 годов была попыткой Новгорода отобрать часть датских владений в Эстонии. Кульминацией войны стала грандиозная Раковорская битва, не выявившая однозначного победителя. После Раковора немцы приходили под Псков, где их отбил князь Довмонт, литовец по происхождению, крестившийся в Православие, и горячо любимый псковичами - после своей смерти в 1299 году он был прославлен в лике святых. После Раковорской битвы граница Руси и Ливонии надолго стабилизировалась.

Но вернемся к Александру Ярославичу. Он продолжал линию отца на сотрудничество с ближней, Золотой Ордой, как более опасным соседом. Хотя версия о том, что он побратался с сыном Батыя Сартаком является сочинением писателя Алексея Югова, и когда её повторяют вслед за Львом Гумилевым историки – это абсурдно.

Иной позиции придерживался его брат Андрей, и его тесть Даниил Галицкий – они хотели подружиться с дальними ханами в Карокоруме, чтобы использовать их против ближних в Сарае. Результатом стала абсурдная комбинация – Александр вернулся из Монголии в 1248 году с бесполезным титулом князя Киевского, а Андрей с реальным титулом князя Владимирского. Так распорядилось правительство вдовы хана Гуюка Огуль Гамиш. Правда продолжалось это недолго, вскоре Батый добился избрания великим ханом своего ставленника Мункэ, отправил на Русь против Андрея в 1252 году Неврюеву рать, разорившую владимирские земли, привел к покорности Даниила Галицкого, а Александру было дано великое княжение Владимирское.

Утверждение, что Александр поехал в Орду с доносом на брата – это фантазия Василия Андреевича Татищева, не имеющая никаких оснований – Батыю не надо было доносить на Андрея, он и так смотрел на него как на врага, напротив, Александр потом сумел вернуть Андрея на Русь и примирить его с ханом.

Княжение Александра пришлось на самый тяжелый период монгольского ига – Сарай и Карокорум консолидировались, на Руси появились имперские сборщики налогов баскаки, великому князю пришлось провести татарскую налоговую перепись в Новгороде, преодолевая сопротивление даже собственного сына Василия. Однако у Александра Ярославича была четкая цель – сохранить Северо-Восточную Русь в качестве геополитического субъекта и навсегда привязать к ней Новгород – и того и другого он в значительной степени добился. Великое Княжество Владимирское после Александра Невского сохранилось и перешло под власть его династии.

Когда в 1262 году между воцарившимся в Орде братом Батыея ханом Берке и получившим власть в Карокооруме Хубилаем возник конфликт и Монгольская империя начала распадаться на части, в Русской Земле одновременно возникла цепочка восстаний против имперских баскаков – во Владимире, Суздале, Ростове, Переяславле Залесском. Это все были важнейшие города Александра и конечно такие дружные мятежи оставшиеся безнаказанными не могли вспыхнуть без его ведома и инициативы. Так Русь освободилась от дальнего ига, вместо монгольских сборщиков, как правило – купцов-мусульман, дань начал собирать сам великий князь. Это предоставило ему дополнительную власть и возможность маневра средствами.. Однако зависимость от ближней Орды по прежнему осталась – Александр скончался в ноябре 1263 после поездки в Орду в ходе которой пытался отмотить Русь от военного набора для войны Берке против его иранских родственников.

Часто Александру противопоставляют Даниила Галицкого, как борца с ордынским игом, однако это не так. Даниил прежде всего боролся на наследство своего отца, всю жизнь провел в войнах и интригах, интриговал с венграми, интриговал с монголами, интриговал с римскими папами. Принял вероотступническую унию с Римом, чтобы получить от пап помощь и королевскую корону.

Разочарованный этой политикой Кирилл, бывший канцлер князя, поставленный по его инициативе митрополитом Киевским, покинул и Галич и Киев и переехал во Владимир к Александру Ярославичу. Митрополит стал ближайшим помощником князя и первым заговорил о его святости. Под руководством Кирилла II Русь отклонила Лионскую унию, которую подписал в 1272 году византийский император Михаил Палеолог, вернувший себе Константинополь и надеявшийся вероотступничеством откупиться от крестоносцев.

А Даниилу Галицкому его нетвердость в вере на пользу не пошла. Он сам отказался от своих униатских проектов после фактического предательства папства, хотя королевским титулом гордился. Но

завязанность галицко-волынской земли с Западом была такой сильной, что при преемниках Даниила она была растащена на куски Польшей, Литвой и Венгрией.

Монгольское нашествие уничтожило большую часть междукняжеских споров на Руси. Погибло большинство династий – Черниговские Ольговичи, Смоленские Ростиславичи. По большому счету выжили только владими́ро-суздальские Юрьевичи. А то, что оказалось за пределами их власти было растащено хищными соседями. И подвиг Александра Невского был в том, что его земля устояла.

При погребении митрополит не случайно назвал Александра «Солнцем земли Суздальской», а новгородский летописец написал так: «Дай, Господи милостивый, видеть ему лице Твое в будущий век, иже потруди́ся за Новгород и за всю Русскую землю».

Лекция VIII. Возвышение Москвы

Иногда делаются совершенно безграмотные утверждения, что никакой Руси после этого завоевания не было, такая страна просто исчезла с карты мира. Это ложь. Вот что писал около 1298 года венецианский купец Марко Поло проведший много лет при дворе внука Чингисхана Хубилая, монгольского императора Китая, или, как тогда говорили Империи Юань.

«Росия большая страна на севере. Живут там христиане греческого исповедания. Тут много царей и собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры... Дани они никому не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Тактакай, ему они платят дань, и никому более... По истинной правде, самый сильный холод на свете в Росии; трудно от него укрыться. Страна большая до самого моря-океана»

Как видим, Поло отлично знал не только страну, но и то, что у нее собственный язык, свои цари и он считал, что дани они монголам платят немного. Вряд ли сами русские были согласны с последним утверждением, однако благодаря усилиям Ярослава Всеволодовича и его сына Александра Невского удалось сохранить на подвластном монголам Северо-Востоке Руси династию Рюриковичей, прямых мужских потомков князя Владимира. А Александру Невскому и правившим после него его младшим братьям удалось добиться того, что дань с Руси теперь взымали сами князья и привозили в орду. Монгольским сборщикам, по большей части мусульманам, было запрещено появляться на Руси. Внук Батыя Менгу-Темир предоставил обширные привилегии Русской Православной Церкви, освободив её от всех налогов, а оскорбление православной религии даже татарами начало караться смертью.

Русским удалось психологически приспособиться к ордынской власти благодаря Священному Писанию, где в Ветхом Завете рассказывалось о том как цари Израильские и Иудейские смирялись перед царем Ассирийским, а то и вообще Вавилонским Навуходоносором, несмотря на всю их жестокость и несправедливость. Причем библейские пророки осуждали тех еврейских царей, которые бросали вызов верховной власти даже беззаконных могущественных владык. Поскольку Русь, как и все христианские страны той эпохи, стремилась себя устроить по библейскому ветхозаветному образцу, то в лояльности хану – царю не видели ничего противоестественного.

Однако ордынское иго даже при сравнительно лояльном Менгу-Темире было отнюдь не легко. В Золотой Орде господствовала система откупов дани. То есть ростовщики, принадлежавшие чаще всего к числу мусульман или иудеев, предоставляли русским князьям необходимую для расплаты с ханом сумму и ожидали её возврата с процентами. А если сумма не возвращалась, то через ханский двор требовали насильственных действий по её уплате.

Характерная фигура этой эпохи – «злой посол», который приходит из Орды, достаточно часто в сопровождении ростовщика-заимодавца и грабит, унижает, угоняет людей. «Прииздил в Кашин Гачна Татарин с Жидовином должником, много тягости учинил Кашину», сообщает тверская летопись под 1321 годом.

В песне о Щелкане, в которой отразилась народная память о тверском восстании против ордынцев, деятельность злого посла Щелкана описана так.

Брал он, млад Щелкан,
Дани-невыходы,
Царски невыплаты:
С князей брал по сту рублей,
С бояр – по пятидесяти,
С крестьян – по пяти рублей;
У которого денег нет,
У того – дитя возьмет;
У которого дитя нет,
У того жену возьмет;
У которого жены нет,
Того самого с головой возьмет.

Особенно тягостным для Руси был угон пленников. На протяжении столетий и столетий река русских рабов текла через степи, через ханскую ставку Сарай на Волге в генуэзские колонии на Черном море, главной из которых была Кафа. Русские рабы и особенно русские рабыни составляли основу европейского работоргового рынка и в XIII и в XIV и даже в XV веке. Уже в 1465 году, почти сто лет спустя после Куликовской битвы, одна флорентийская сеньора писала сыну:

«Мне пришло на мысль, что раз ты женишься, тебе необходимо взять рабыню... Если ты имеешь это намерение, напиши какую... Татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся, как и все её соплеменники

здоровьем и силой, или русскую, то есть из России, которые выдаются своей красотой и сложением...».

И все-таки сохранение русской государственности на территории Владимиро-Суздальской Руси, наличие своего князя, обеспечивало русским людям хотя бы некоторую защиту. Главное, чего добился Александр Невский вслед за своим отцом Ярославом Всеволодовичем – это сохранение Руси как политического субъекта. На Северо-Восточной Руси, во Владимире, по прежнему правила потомки Рюрика и Владимира Святого, там по прежнему действовала лестничная система занятия великокняжеского стола старшим в роде, там по прежнему сохранялась иерархия Православной Церкви. Значительная часть привычного древнерусского уклада сохранялась ненарушенной – изменился только масштаб, там, где раньше события разворачивались на необъятных просторах Русской равнины от Ладоги до Херсонеса, теперь сцена действия сжалась до четырехугольника, вершины которого составляли Великий и Нижний Новгород, Смоленск и Рязань.

Однако плотность жизни в этом четырехугольнике значительно возросла – русское население, дотоле рамазанное как каша по сети наших рек, теперь начало концентрироваться более плотно – либо на Владимирской Руси, либо стало уходить на контролируемый Великим Новгородом Север, куда не могли дотянуться татары. XIV век – время основания множества новых сел и основания городов, расчистки огромных территорий, вокруг Москвы, Твери, Костромы, Ярославля – плотность заселения Волго-Окского междуречья значительно возросла.

И напротив, богатые южные лесостепные земли Руси превратились практически в пустыню, - скажем окрестности древнего Киева стали любимым летним кочевьем ордынцев – христианское сельскохозяйственное население оттуда разбежалось. Юго-Западная Русь, Галиция стала яблоком раздора между Польшей, Литвой, и Ордой, да и другие западно-русские земли постепенно

прибирала к рукам хищная Литва. Значительная часть южно-русского населения передвинулась на Волгу и Оку – особенно к нему гостеприимно относились в Москве, тем более, что это была самая южная часть Владимирской Руси, и это южнорусское многолюдство стало одним из факторов московского успеха.

Однако дело было не только в многолюдстве – решающую роль в возвышении Москвы сыграла не крестьянская, а военно-феодалная миграция. Для средних веков, для эпохи когда кольчуга или шлем сами по себе составляли ценность, передававшуюся из поколения в поколение, знатный боярин сопровождаемый обученными обращению с оружием слугами, был стратегическим фактором. А уж если где-то таких бояр собиралось много, то этот центр становился внушительной силой. Именно такой точкой и стало на рубеже XIII-XIV веков Московское княжество. Начиная с его основателя, Даниила Александровича, московские князья особенно охотно привечали у себя южнорусских бояр. Из Чернигова переехал Федор Бяконт, из Киева – Нестор Рябец, приведший с собой аж тысячу семьсот вооруженных слуг. Охотно переманивала Москва бояр и от соседей – из Ростова, Нижнего Новгорода, враждебной Твери.

Довольно скоро вокруг московского князя образовалась плотная военно-служилая корпорация, практически рыцарский орден, но только не монашеский. В этом ордене все были связаны чувством боевого товарищества, а с другой стороны – острым соперничеством за внимание и награды со стороны князя, тем более, что при распределении мест в этой корпорации учитывались не только знатность и личные заслуги, но и заслуги предков – каждый работал не только на себя, но и на весь свой род. В результате к концу XIV столетия в руках у московских князей оказалась уникальная военная машина, которая и одержала победу над Ордой в Куликовской битве и создала Великую Россию.

Первым созидателем Московского могущества был Даниил Александрович, младший сын Александра Невского, которому в момент смерти отца было всего два года. Ему была назначена в удел

Москва, город не то чтобы совсем заштатный, но не слишком значительный.

Зрелые годы жизни Даниила, его самостоятельное правления, пришлись на крайне смутную пору в жизни Руси, омраченную враждой двух его старших братьев – Дмитрия Переяславского и Андрея Городецкого. После смерти всех своих дядьев, Дмитрий Александрович в 1276 году стал великим князем и начал править по отцовским рецептам – с одной стороны сражался за Новгород, с шведами и ливонцами, а с другой – требовал с олигархической республики тяжких дани, которыми откупался от татар и отстраивал Русь. Однако новгородскую олигархию такой расклад не устраивал – она начала искать такого князя, который бы облегчил нагрузку на Новгород и соблюдал его интересы. И такой кандидат нашелся в лице среднего сына Александра – Андрея правившего в Городце на Волге.

Без учета этого новгородского фактора, того, что Новгород всегда был готов поддержать, в том числе и деньгами, оппозицию великому князю, все дальнейшие княжеские распри на Руси, включая борьбу Москвы и Твери будут вообще непонятны.

Андрей отправился в 1281 году в Орду и получил там ярлык на великое княжение в обход старшего брата, после чего двинулся на Русь с татарскими отрядами. Почему ханы решились так радикально поправить отлично им известный принцип старшинства на Руси – до конца непонятно. Может быть сыграло роль то, что Андрей и группа приближенных к нему князей – Федор Черный Ярославский, Дмитрий Ростовский, интегрировались в Орду более тесно, чем Дмитрий, который даже не удостоил её своим посещением – они подолгу в ней жили, ходили с ханами на войну в дальние страны, женились на татарках.

А может быть Дмитрий Переяславский уже проявил нелояльность к сарайскому хану, переориентировавшись на темника Ногая, который создал практически независимую державу в приднепровских степях.

Влияние Ногая простиралось так далеко, что его вассалами признавали себя правители Сербии и Болгарии, а византийский император Михаил Палеолог, освободивший Константинополь от латинян, выдал за него свою внебрачную дочь. Ногай, как видим, хорошо умел ладить с православными и потому не удивительно, что русские князья нашли у него защиту и покровительство.

Именно из-за Ногая первая авантюра Андрея Городецкого не удалась – темник прислал Дмитрию подмогу и тот разбил помогавших мятежнику сарайских татар и вернул себе великонижеский стол. Однако к 1293 году возможности Ногая сократились и Андрей Городецкий предпринял новую попытку захвата власти, на сей раз успешную – сарайский хан Тохта отправил с ним сильное войско во главе с царевичем Туданом, как её называли в летописях «Дюденеvu рать». В ходе этого нашествия были разорены 14 русских городов, включая Москву, а Дмитрий Переяславский был лишен власти уже окончательно и вскоре умер. Только после смерти Дмитрия летописцы признают узурпатора Андрея Городецкого законным великим князем и начинают отсчет лет его правления. Андрей был человеком не лишенным военных талантов, он упорно и успешно воевал за интересы Новгорода, захватил и срыл шведскую крепость Ландскрона в устье Невы, но смыть клеймо окаянства ему так и не удалось ни при жизни, ни после смерти, а новгородцы, как только он стал великим князем, утратили к нему большую часть лояльности.

Даниил Александрович Московский был последовательным лояльным сторонником старшего брата, а после его кончины стал фактическим главой «ногайской» группировки русских князей. Когда некоторые авторы называют Даниила Московского «посредственностью» - это говорит исключительно об их невежестве и предубежденной враждебности к московской династии. Это был выдающийся государственный деятель – в короткий срок он превратил захолустную, лишенную каких-то особых ресурсов и доступа к первостепенным торговым путям Москву во влиятельный

центр силы. А после смерти он, как основатель Свято-Данилова монастыря, был прославлен Церковью как святой.

В отношениях между потомками Ярослава Всеволодовича Даниил вел себя как строгий легитимист, в частности защищал права сына покойного Дмитрия – Ивана на Переяславль, который хотел отобрать в свою пользу Андрей Городецкий. В благодарность за это умерший бездетным Иван оставил свое княжество дяде – богатейшее княжество Руси, любимый удел Александра Невского, оказался в распоряжении Москвы. А вот в отношениях с соседями не входившими в династию Даниил был беспощаден. Он захватил у рязанских князей Коломну, запиравшую выход из Москва реки на Оку и взял в плен рязанского князя. У Смоленска был захвачен Можайск. Для эпохи, когда основные передвижения совершались по рекам эти две операции означали, что Москва стала хозяйкой в своем доме – от истоков реки Москвы у Можайска до впадения в Оку у Коломны все течение реки оказалось в руках одного князя.

Младший из сыновей Александра Невского, Даниил мог рассчитывать на то, что скоро станет великим князем. Новгород, верный своей политике, поддержки внутрикняжеской оппозиции, в какой-то момент даже отказался подчиниться Андрею Городецкому и пригласил к себе московского князя на княжение. Но случилось несчастье – Даниил Александрович умер в марте 1303 года, на полгода раньше своего старшего брата. Тем самым его сыновья русским княжеским правом обрекались на положение изгоев, навсегда лишались прав на великокняжеский стол, которого не занимал их отец.

Когда скончался Андрей Городецкий, то его права перешли Михаилу Ярославичу Тверскому, сыну младшего брата Александра Невского, князю богатой и могущественной Твери, стоявшей на Волге, аккурат на смычке Волжской и Новгородской торгово-речных систем. Михаил Ярославич был князем чрезвычайно жестким, решительным, деспотичным, он умел навязывать свою власть, карать и казнить – охотно захватывал заложников, ставил

ультиматумы и прекрасно воевал. Его тяжелую руку сразу ощутили новгородцы и начали искать альтернативу.

Такая альтернатива нашлась в лице сыновей Даниила Московского, Юрия и Ивана. Мириться со своим положением изгоя Юрий был не намерен – он был теперь старшим в роду потомков Александра Невского, великого, уже почитаемого как святого, и упускать великое княжение из своего рода, отдавать его тверским Ярославичам, был не намерен. Вопреки любимому либеральной историографией мифу о том, что московские князья якобы выслужили себе власть «угодничеством» перед ханами, Юрий начал свою борьбу за великий стол с многолетнего сопротивления прямой ханской воле. Войска Михаила Тверского пытались отобрать у москвичей Переяславль, но были на голову разбиты ратью Ивана Даниловича и Нестора Рябца. Дважды тверичи приходил под Москву, но взять её крепость не сумели. Все эти события ярко описаны в цикле романов Дмитрия Балашова «Государи Московские», который, несмотря на ряд неточностей и субъективных интерпретаций рисует впечатляющую общую картину русской истории с 1263 по 1430 годы.

Только в результате десятилетней войны Михаилу Тверскому удалось частично смирить Юрия Московского, опиравшегося на поддержку Новгорода и лояльность брата Ивана, управлявшего Москвой и обеспечивавшего брату прочный тыл. В этой борьбе Михаил сделал оказавшуюся роковой для Твери ошибку – он враждебно встретил прибывшего на Русь в 1309 году митрополита Петра.

Родом с Волыни, русин Петр, был направлен галицким князем в Константинополь с просьбой назначить его на сепаратную Галицкую Митрополию. Однако патриарх, не любивший галицийского церковного сепаратизма, поставил Петра на общерусскую митрополию Киевскую, в обход кандидату, которого предлагал тверской князь. Разгневанный Михаил решил митрополита Петра известить – владыку обвинили в симонии – то есть продаже церковных должностей за деньги, причем поддерживавший обвинение

тверской епископ Андрей не погнушался воспользоваться помощью уже появившихся к тому времени в Новгороде еретиков отрицавших иконы и монашество, порицавших священство. На защиту митрополита выступили московские князья и отстаивали владыку.

Митрополит Петр невзлюбил жизнь в великокняжеском Владимире, куда перенес резиденцию митрополитов Киевских его предшественник Максим. Напротив, он полюбил Москву, жил в ней подолгу, а незадолго до кончины заложил в ней с помощью Ивана Даниловича Успенский собор, в котором завещал себя похоронить. Тем самым он как бы привязал своих преемников к Москве, тем более что сам святитель Петр практически сразу после кончины был причислен к лику святых как чудотворец. В отличие от Твери, у Москвы не было собственного епископа. Её епископом оказался общерусский митрополит и город превратился фактически в общерусский церковный центр еще до того, как стал общепризнанным центром политическим. В сакральном измерении, в области агиополитики участь Москвы была предрешена уже тогда, когда в области политической еще ничего не было ясно.

Катастрофа постигла Михаила Тверского тогда, когда он, казалось, восторжествовал над московскими врагами и отнял у них наконец богатый Переяславль. В орде сменился хан, а Юрию Даниловичу Московскому удалось подружиться с новым ханом Узбеком и жениться на его сестре Кончаке, крещенной в Православие с именем Агафьи. Возможно Узбек лелеял план через такой брак создать своего рода синкретическую русско-татарскую династию, которая могла бы править Русью. Однако теперь уже Михаил Тверской проявил непослушание – он теперь был загнан в угол так же, как перед этим загнал в угол Юрия. Мстительный соперник шел на Тверь в сопровождении ордынского посла Кавдагья, с фланга его поддерживали новгородцы. 22 декабря 1317 под Бортеневым Михаил Тверской дал отчаянную битву и к несчастью для себя победил – москвичи были разгромлены, татары во главе с

Кавдагыем опустили знамена, а что самое ужасное – в плен к Михаилу попала ханская сестра и жена Юрия, которая вскоре при загадочных обстоятельствах умерла в плену.

Разумеется Михаила Тверского обвинили в её убийстве. Насколько были справедливыми эти обвинения? С одной стороны, Михаил был крут на расправу и отлично понимал чем грозит Руси и в частности Твери появление династии прямых ханских родственников. С другой, если бы он знал за собой грех фактического цареубийства он вряд ли бы решился поехать на ханский суд. А он на него поехал.

У города Дедякова, расположенного на Кавказе где-то на Тереке состоялись чуд и расправа над низвергнутым русским князем. Главную роль в этой расправе сыграл оскорбленный разгромом и пленом Кавгадый, но принимал участие и Юрий разъяренный гибелью жены и крушением всех своих династических планов. Михаила обвинили в неуплате ордынской дани, сопротивлении ханскому послу и смерти жены Юрия и сестры хана. Сперва его подвергли торговой казни – Кавгадый унижал его на потеху ордынским ростовщикам, а затем к принявшему предсмертное причастие и читавшему Псалтирь закованному в колодки князю явилась толпа ордынцев во главе с Кавгадыем и Юрием и некий Романец вырезал князю сердце.

Михаил Тверской был прославлен Церковью как страстотерпец, умученный от ордынцев. Забылись его собственный крутой нрав, то, что он сам решал дела при поддержке ханов, осталось решение отправиться на ханское судилище самому, чтобы не подставлять Тверь под ордынский удар и жертвенная кончина. Когда Москва сама встала во главе движения против Орды, в ней охотно прославляли тверского князя забыв о его вражде с московским.

Юрий Данилович увез из Орды в качестве пленника сына Михаила, князя Константина, и женил его на своей дочери – позднее Константин станет тверским князем и будет лоялен Москве. Тверичей принудили выплатить значительную дань, полагавшуюся

Орде. Однако торжество Юрия длилось недолго, поскольку на первом месте для него стояла не Орда. Получив тверские деньги, вместо того, чтобы везти их в Орду, Юрий отправился в Новгород, где, видимо, пустил их в оборот, чтобы отдать ордынцам долг, а себе оставить навар. С доносом на эту операцию в орду отправился сын убиенного Михаила – Дмитрий Грозные Очи, и разгневанный Узбек лишил Юрия великокняжеского титула, передав его Дмитрию. Московское княжество было велено принять находившемуся в этот момент в Орде Ивану Даниловичу.

Вообще, вопреки мифу о свободолюбивой Твери, которая боролась с ханами, в отличие от московских князей ханских угодников, ордынские ханы раз за разом оказывали снисхождение к тверской династии. Казнив одного ее представителя – они тут же передавали верховную власть следующему. И напротив – московским князьям приходилось навязывать себя Орде в партнеры по сути силком.

И на сей раз Юрий ханскому приказу не подчинился. Еще несколько лет он жил в Новгороде, продолжая именоваться великим князем. Совершил поход на Выборг, основал на Ладожском озере крепость Орешек и заключил с шведами в 1323 Ореховецкий договор о границе. Только в 1325 году он отправился в Орду, чтобы перед лицом хана Узбека решить свой спор с Дмитрием Тверским. Однако ханского суда не получилось – встретив Юрия на пути в сарайский православный собор Дмитрий выхватил меч и зарубил врага.

Вряд ли он это сделал совсем уж спонтанно – скорее всего кто-то из «доброжелателей» при ханском дворе порекомендовал молодому и горячему Дмитрию Грозные Очи именно такой выход. Однако рекомендация оказалась коварной – за подобное самоуправство самого тверского князя тоже казнили. Великокняжеский титул передали его младшему брату Александру Михайловичу.

Юрий Данилович Московский, конечно, не был святым, но рисовать его ханским угодником и подлецом тоже нет никаких оснований. Это был человек одержимый идеей верховной власти и не гнушавшийся

никакими средствами, чтобы её достичь. Кажется Юрий вообще не знал слова Нет – если сам хан не признавал его прав, то он готов был не подчиняться и самому хану. Он любой ценой стремился исправить несправедливость судьбы, унесшей его отца до получения им великокняжеского титула. И своего добился – московская династия застолбила за собой право на великий стол, которое в полной мере было реализовано младшим братом Юрия, Иваном Калитой.

Иван Данилович был по характеру полной противоположностью холеричному брату. Спокойный, домовитый, плодовитый как отец, глубоко религиозный. Два десятилетия великой авантюры Юрия он обеспечивал ему прочный тыл, устраивая дела Москвы. Его интересами были дружба со святителем митрополитом Петром, строительство церквей, переписывание книг и наведение по своей земле порядка. Властолюбив он, кажется, совершенно не был, но был методичен и чрезвычайно эффективен.

Нет никаких свидетельств того, что Иван Данилович стремился к власти любой ценой, подобно брату. Но она сама нашла его в результате новой трагедии в Твери.

Недовольный теми беспокойствами, которые причиняли ему русские дела, хан Узбек решил сменить форму контроля над Русью. К назначенному великим князем Александру Михайловичу был приставлен посол Чол-хан, ханский родственник сопровождаемый большим татарским отрядом. Татарин поселился в великокняжеском дворце, а его свита установила в Твери настоящий террор. Фактически речь шла о переходе к оккупационному режиму управления Русью и какие это имело бы последствия в случае успеха – трудно представить.

Однако городане Твери приняли на себя удар за всю Русь – в 1327 году в городе вспыхнуло антитатарское восстание.

«И бысть въ день 15 аугуста мѣсяца, въ полтора, как торгъ сънимается, нѣкто диаконъ тѣѣритинъ, прозвище ему Дудко,

поведе кобылицу младу и зѣло тучну, напоити ю на Волзѣ воды. Татарове же, видѣвше, отъяша ю, диакон же, съжаливъси зѣло, начать въпити, глаголя: «О мужи тѣрстии, не выдавайте!». И бысть между ими бой. Татарове же, надѣющесе на самовластие, начаша сѣчи, и абие сътекошася человѣци и смятошася людие. И удариша въ вся колоколы, и сташа вечемъ, и поворотися град весь, и весь народ в том часѣ събрася. И бысть в них замятня, и кликнуша тѣричи и начаша избивати татаръ, где котораго застропивъ, дондеже и самого Шевкала убиша».

Ответом на восстание стала страшная Федорчукова рать, направленная Узбеком на Русь. К ней были должны присоединиться и русские князья, в частности Иван Калита, их главным беспокойством, впрочем, было обеспечить от разорения собственные владения, поэтому они повели татар на Тверь зимой по льду Волги в обход большей части русских земель. Татары и их русские вассалы взяли и страшно разорили Тверь, тысячи и тысячи русских людей, как и в ходе предыдущих нашествий были угнаны в рабство. Александр Михайлович убежал в далекий Псков, где татар не боялись, а свой князь был нужен для защиты от Литвы и ливонцев. Ивану Калите было поручено доставить тверского князя из Пскова к хану, однако он, по сути, саботировал поручение – уговорами и наложенным на Псков митрополитом Феогностом отлучением он добился лишь того, что Александр Михайлович бежал в усиливавшуюся к тому времени Литву, к её князю Гедемину.

Хан Узбек явно был недоволен действиями Калиты, пытавшегося минимизировать последствия конфликта. Великое княжение не было передано Московскому князю, а было разделено между Москвой и Суздалем. «Озбяк подели княжение им: князю Ивану Даниловичу Новгород и Кострому, половина княжения; а Суждальскому князю Александру Васильевичу дал Володимер и Поволжье». То есть в результате Иван Данилович стал не великим князем, а полувеликим полукнязем, его главным выигрышем стало

упрочение власти над Новгородом. Только в 1331 году, после смерти Александра Суздальского, Владимир и Поволжье достались Калите и он стал единственным великим князем.

Однако полного доверия хана Узбека он и после этого не получил. Ситуация осложнилась, когда в 1336 году Александр Тверской примирился с Ордой. Узбек явно считал, что чем больше на Руси великих князей самостоятельно платящих ему дань, тем лучше, и даровал Александру титул Великого князя Тверского, что значило его независимость от Ивана Даниловича как великого князя.

Александр Михайлович начал сколачивать против Калиты коалицию, привлекая недовольных князей и Владимирская Русь стояла на грани новой междоусобной войны. Однако Калита отправился в Орду и урегулировал кризис при помощи подношений хану и дипломатии. Александр Михайлович вызван был в Орду и казнен в октябре 1339 г. по приказанию Узбека вместе с сыном Федором.

Чаще всего историки обвиняют Калиту как «доносчика» за эту казнь. Однако это не так. Иван Данилович был в этот момент не в Орде, а в Москве и пытался перехватить Александра Тверского на пути в Орду, но ему этого не удалось. Если бы он знал, что тот едет на казнь и хотел ее, перехватывать, конечно, не стал бы. То есть он этой казни либо не хотел, либо, что более вероятно, о ней не знал и опасался, что Александр выйдет победителем в подковерной борьбе в Орде. Казнь очередного тверского князя была решением хана.

Самовластным единоличным правителем всей Владимирской Руси Иван Калита пробыл меньше полугода, скончавшись в марте 1340-го. Однако в истории страны и династии он остался навсегда. Калита смог не только стать великим князем, но и сохранить титул до конца жизни и передать его детям. Поэтому именно Иван Калита остался в памяти потомков как основатель Московской Державы.

Его прозвище «Калита» означало вышитый кошель, который носился богатыми людьми на поясе. Позднейшие историки полагали, что это

прозвище по ассоциации, мол князь был человек прижимистый, хозяйственный, собиравший и земли, и деньги в один кулак, отсюда и прозвище. Однако такие обобщающие прозвища в средневековье были не в ходу. Прозвища типа «Ярослав Мудрый», «Иван Грозный» придумали историки последних столетий. В средневековье называли по запоминающейся черте, детали.

Иван Данилович был прозван Калитой за вполне конкретную калиту, которая висела у него на поясе и откуда он с чрезвычайно щедростью раздавал милостыню нищим. В Житии преподобного Пафнутия Боровского, написанном в XVI веке так объясняется это прозвище:

«Нарицаху его Калитою сего ради: Бе бо милостив зело и ношаше при поясе калиту всегда насыпану сребряницъ и куда шествуя даяше нищим сколка вымется. Един же от нищих взем от него милостыню, и помала том же прииде. Он же вторицею даст ему, и паки от инуду зашед просяще. Он же и третицею даст ему рек: «Возми, несытые зеницы». Отвещав же рече ему той: «Ты несытый зеницы, и zde царствуеши, и тамо хошеши царствовати». И от сего яве есть, яко от Бога послан бяше, искушая его и извещая ему, яко по Бозе бяше дело его еже творит».

То есть свое прозвище Калита Иван Данилович получил именно за благотворительность, благочестие, щедрость и милость к нищим. Церковной канонизации он, в отличие от отца, не удостоился, однако всю жизнь строил храмы, творил милостыню и общался со святыми, как с митрополитом Петром, на иконах которого Ивана Даниловича обязательно изображали.

Главным делом Ивана Калиты как великого князя стало обеспечение мира и устройство на Руси внутреннего порядка.

«Седе князь великий Иван Данилович на великом княжении всеа Руси и бысть оттоле тишина велика на 40 лет и престаша погании воевати Русскую землю и закалати христиан, и отдохнуша, и починуша христиане от великиа истомы и многыа

тягости, от насилия Татарского, и бысть оттоле тишина велика по всеи земли».

И в самом деле после получения Иваном Даниловичем великокняжеского титула в 1328 году татарские набеги на территорию великого княжения вообще прекратились и возобновились лишь в 1370-е годы, при Дмитрии Донском, с началом большой русско-ордынской войны, закончившейся Куликовской битвой. На Руси выросло два непуганных поколения, которые не видели городов, сожженных татарами, не слышали свиста татарской ногойки, которые жили не на линии фронта, а в своем, крепко управляемом князем, русском мире.

Однако внешний мир был только одной заслугой Калиты. Не меньшей его заслугой был мир внутренней. В предисловии к одной из новгородских летописей перечисляются выдающиеся правители Руси, и лишь немногим даются персональные характеристики. И вот одна из таких характеристик дается именно Ивану Калите: *«уже исправи Русьскую землю от татей и от разбойник»*. Иными словами Иван Данилович повел беспощадную войну с внутренним криминалом – начал искоренять татей, то есть воров, и открытых разбойников. Не подвергаемая внешним нашествиям Русская Земля обрела и внутреннюю безопасность.

Свою внутреннюю политику Иван Данилович базировал на правосудии и праве, именно к его времени относится юридическая кодификация византийского и русского права, так что в похвальном слове великому князю, вписанном в Евангелие, направленное из Москвы в небольшую обитель на Северной Двине, он даже сравнивается со знаменитым византийским императором-законодателем Юстинианом.

«Сии бо князь великой Иоан имевше правый суд паче меры. Поминая божественнае писания, исправльния святых и преподобных отец, по правиломь моноканунным ревнуя правоверному цесарю Устияну. В то бо время благочестию

велию восиявши, многим святым церквам съзидаемым, учьнию божественных словес от уст его яко источнику велик» текущую, напаяющи благочестивых святитель сердца и христоролюбивых в его державе людии. Безбожным ересам преставшим при его державе, многим книгам написаным его повелениемъ, ревнуя правоверному цесарю гречьскому Мануилу. Любяи свети-тельскъш сан, постничьское житье любя и удержает правоверную святую веру. Сирым в бедах помощник, вдовици от насилник изимая яко от уст лвов».

Правосудие. Православие. Милосердие. Таковым были основы политики Ивана Калиты, на которых он создал великую Московскую Державу. Как далек этот запечатлевшийся в памяти современников облик от того образа коварного ханского угодника, который рисовали в XIX и XX веках либеральные историографы, стремившиеся перенести на первых московских князей свою ненависть к царскому самодержавию.

Однако обеспечение внешнего и внутреннего мира действительно имело свою цену и обходилось недешево. Для этого требовалось своевременно уплачивать ханам дань, ничего не задерживать, не допускать того, чтобы на Руси появлялись новые «злые послы», и, тем более, того, чтобы у хана появился соблазн найти князя, который будет платить больше.

Целью политики Ивана Калиты становится недопущение междукняжеской конкуренции, монополизация отношений с Ордой, и строжайшая финансовая дисциплина на подвластных землях. Насколько суровой была эта дисциплина рассказывает житие преподобного Сергия Радонежского, родители которого бежали из Ростова Великого после устроенных там представителями Калиты финансовых спецмероприятий.

«Княжение великое досталось князю великому Ивану Даниловичу, и княжение Ростовское также отошло к Москве. Увы, увy, плохо тогда было городу Ростову, а особенно князьям

ростовским, так как отнята была у них власть, и княжество, и имущество, и честь, и слава, и все прочее отошло к Москве.

Тогда по повелению великого князя был послан и выехал из Москвы в Ростов воеводой один из вельмож, по имени Василий, по прозвищу Кочева, и с ним Мина. И когда они вошли в город Ростов, то принесли великое несчастье в город и всем живущим в нем, и многие гонения в Ростове умножились. И многие из ростовцев москвичам имущество свое поневоле отдавали, а сами вместо этого удары по телу своему с укором получали и с пустыми руками уходили, являя собой образ крайнего бедствия, так как не только имущества лишились, но удары по телу своему получали и со следами побоев печально ходили и терпели это. Да к чему много говорить? Так осмелели в Ростове москвичи, что и самого градоначальника, старейшего боярина ростовского, по имени Аверкий, повесили вниз головой, и подняли на него руки свои, и оставили, надругавшись. И страх великий объял всех, кто видел и слышал это, — не только в Ростове, но и во всех окрестностях его».

По совести сказать, мы не знаем, мучили ли москвичи этого Аверкия просто так, или же он был жуликом и утаивал, а то и присваивал дани, но сомнений нет — суровая финансовая дисциплина, навязываемая Москвой, сеяла среди её новых подданных ужас.

Однако вот парадокс — эти репрессии сочетались с огромными льготами для тех, кто переселялся на земли собственно Московского княжества, увеличивая его богатство и производительные силы — именно так и поступили Кирилл и Анна, родители отрока Варфоломея, будущего преподобного Сергия.

«Из-за этого несчастья раб Божий Кирилл выехал из той деревни ростовской, о которой уже говорилось; собрался он со всем домом своим, и со всеми родными своими поехал, и переселился из Ростова в Радонеж... Не только он один, но с ним и другие многие люди переселились из Ростова в Радонеж.

И были они переселенцами на земле чужой... Говорят, что Анисим с Протасием-тысяцким пришли в ту деревню, называемую Радонеж, которую дал князь великий сыну своему младшему князю Андрею. А наместником он поставил в ней Терентия Ртища, и многие льготы людям даровал, и также он обещал уменьшить многие налоги. И благодаря этим льготам там собралось много людей, так как из ростовских земель из-за нужды и несчастья разбежались многие».

Усиливать собственный домен, независимый от ханских пожалований и капризов, такова была стратегия московских князей. И эта стратегия повторяла централизационную стратегию французских королей, которые тоже начали сколачивать великую державу с укрепления своей власти над Иль де Франсом, в котором власть принадлежала им непосредственно. В своем завещании Иван Калита перечислил целый ряд купленных им сёл, которые он оставляет своим детям.

Однако Иван Калита гнался не столько за округлением своего «домена», сколько за его разнообразием. Он первым из русских князей в полной мере оценил перспективы, которые открывает русский север с его пушниной, соляными промыслами и другими природными богатствами, практически не тронутыми человеком. Север становится предметом его особой заботы и экспансии.

Дмитрий Донской в своем завещании упоминает «купли деда своего» - Углич, Белоозеро и Галич (в Костромской области, не путать с Галицией). Когда и как эти владения были приобретены Калитой – исследователи высказывают разные мнения. Но несомненно, что именно при нем Московское княжество начало продвигаться на Север как бы «перепрыгивая» своих ближайших соседей – компактность владений приносилась в жертву доступу к тем уникальным ресурсам, которые давали северные леса и реки. Конфликтую с Новгородом в последние годы своей жизни Калита попытался отжать у новгородцев земли по Северной Двине, и даже если не преуспел, заложил основу дальнейшего продвижения

Москвы на Север, которое в следующие десятилетия приобретет самые разные формы – не только политические, но и духовные, монашеские. Не случайно, что именно в обитель на Двину и было направлено Евангелие в которое была вписана похвала великому князю.

Иван Калита умер в 1340 году, будучи первым московским князем, сохранившим великокняжеский престол до конца жизни. Он оставил сыновьям власть, земли и движимое имущество, среди которого была «золотая шапка» - будущая шапка Мономаха. А для потомков он навсегда остался строителем Московской державы.

То, что в Москве и по сей день нет ему достойного памятника – настоящий национальный позор. Вопреки тому, о чем шипят русофобствующие либеральные клеветники, основана эта держава была не на угодничестве перед ордынскими ханами и не на копировании ордынской системы, а на чисто русских принципах. Во-первых, строгая верность Православию и стремление Москвы быть домом для русской митрополии, а князя – политической опорой для церкви. Во-вторых, стремление утвердить прочный «царский мир» в своих владениях. Это значило откупаться от Орды, исключив не только набеги, но и приходы «злых послов», разоряющих Русь в интересах ростовщиков. И это значило установить строгое правосудие в своих землях, юридический и бюрократический строй, который производит порядок.

Иван Данилович сохранял и укреплял, конечно, и московскую военно-служилую корпорацию, в которую приходили новые люди и из других княжеств, и с Юга Руси, где обстановка для русских становилась всё менее благоприятной.

ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ И ЭПОХА КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

Эпоха великого князя Дмитрия Ивановича, получившего почетное прозвище Донской (1359-1389) стала поворотной в русской истории. Выстояв в противостоянии с Тверью и Литвой, выиграв на Куликовом поле многолетнюю войну с Мамаевой ордой, чего не смог отменить даже набег Тохтамыша и разорение города, Москва сосредоточила в своих руках все нити процесса централизации Руси и значительно его форсировала. Укрепилась и власть московских князей – если после смерти Ивана Красного в 1359 году волею хана возможно было предать великое княжение в другой род русских князей, то Дмитрий Донской, умирая еще совсем не старым человеком распоряжался великим княжением самовластно, как своей «отчиной».

Однако обращает на себя вот какой парадокс. Один из самых выдающихся по результатам своего правления государей, герой Куликовской битвы, прославленный Русской православной церковью как святой праведник, Дмитрий Иванович пользуется какой-то особой подчеркнутой нелюбовью историков и даже писателей. До сих пор можно встретить примеры того, как без всяких оснований повторяется характеристика, данная московскому князю Николаем Костомаровым: «Княжение Димитрия Донского принадлежит к самым несчастным и печальным эпохам истории многострадального русского народа» (Костомаров 1993, 242).

Дмитрия Донского спешат объявить властолюбивым, жестоким и самовластным. Его противостояние с Тверью и Литвой – вызванным его собственными ошибками и вероломством. Деспотизм усматривается в казни сына московского тысяцкого Ивана Вельяминова. Куликовскую битву объявляют якобы «бессмысленной», чьи результаты были упразднены нашествием Тохтамыша. Тиражируется миф о «трусливом бегстве» князя из столицы перед лицом Тохтамыша. Во всем этом ощущается крайняя

тенденциозность, причины которой кроются в неприятии «московской системы» русской государственности как таковой.

«Ну не страшно ли слышать беспрестанно такие выражения бранные и поносные о Дмитрие? За что вы сердитесь на него так, почтенный Николай Иванович. За то, что он возвысил Москву? За это мы благословляем его память, и вам советуем делать тоже, – возражал Костомарову его оппонент выдающийся русский историк М. П. Погодин. — Г. Костомаров не любит Москвы... Москва есть собирательница, спасительница Русской земли, основательница государства в настоящем смысле слова. Здесь места нет сомнениям! Москва – это Россия. В этом труде спасения, избавления, основания, Москва должна была прибегать иногда к несправедливостям, поступать жестоко, все это правда, мы можем сожалеть о некоторых жертвах и обстоятельствах, и вместе благословлять счастливое окончание» (Погодин 1874: 120).

Московское княжество и его противники

Дмитрий Иванович родился в 1350 году и был представителем боковой ветви наследников Ивана Калиты, сыном второго сына знаменитого собирателя земель. К тому моменту Москвой уже 10 лет правил Сёмен Иванович, прозванный Гордым, умевший ладить и с Ордой, и с Литвой, заслуживший такое почтение Константинополя, что византийский император Иоанн Кантакузин именовал его «рикс пасис Росиас», царем всей Руси. И сам великий князь уже со всей определенностью применял к себе титул владыки Руси.

Документ, в котором впервые к московскому князю применяется общерусский титул - это договор сыновей Ивана Калиты, докончание великого князя Семёна Ивановича с князьями Иваном и Андреем Ивановичами. Задачей договора было прекратить распрю между сыновьями Ивана Калиты, которую спровоцировал московский тысяцкий боярин Алексей Петрович Хвост Босоволков, настроивший младших братьев против старшего. Этот документ у

нас есть в подлиннике, его состояние крайне неисправно – он имеет огромные лакуны. Но тем меньше сомнений, и тем важнее то, что мы можем прочесть в самом начале:

«Се я... н Иванович ... Руси, ...ою братьею с младшею, со князем с ... и с князем ..., целовали есмы межи со... крест у отня гроба...» (ДДГ 1950: 11).

Обычно публикаторы достраивают титул Семёна Ивановича как «всея Руси». Как бы то ни было, именование Семеном себя титулом, включающим слово «Руси», несомненно. Л. В. Черепнин датирует эту грамоту 1350-51 гг. и объясняет её необходимость обострившимся при великом князе Семёне противостоянием с Литвой за Смоленск. В этих условиях грамота требовала от братьев великого князя верности перед лицом общего врага.

То, что великий князь Семён Иванович и претендовал, и признавался главой Русских князей, подтверждают и другие источники. В «Софийской первой летописи» (составлена в первой половине XV столетия) говорится о князе Семёне: «и все князи Руские даны ему в руце» (Софийская первая летопись 2000: 413). В грамоте ордынской ханши Тайдулы (1347 г.) сказано было, как гласит русский перевод этой грамоты: «русские князи Семеном почен», то есть «русские князья под началом с Семеном» (Григорьев 2004: 45-46). Понятно, что речь шла только о тех русских князьях, которые были вассалами золотоордынского хана, но среди них Семен Иванович безусловно претендовал на титул старейшего.

Итак, к эпохе Симеона Гордого относится первое достоверно известное притязание московского князя на титул «всея Руси». И связано оно, как видим, не с переносом на Московского князя титула митрополита Киевского и «всея Руси», а восходит непосредственно к хорониму «Русь» и этнополитониму «русские».

Симеон Гордый, скорее всего, именовал себя «князем Руси», ориентируясь на обращенную к нему документацию императорской канцелярии. Император Иоанн Кантакузин, выиграв в 1347 году

гражданскую войну, занялся устройением церковных дел. Как раз в это время к нему пришла грамота от великого князя Московского Симеона Ивановича с просьбой восстановить единство русской митрополии, ранее разделенной на Киевскую (с фактическим пребыванием в Москве) Митрополию Руси и на Галицкую митрополию «Микроросии». Грамота сопровождалась крупным пожертвованием на реставрацию Софии Константинопольской.

В ответном послании Кантакузин назвал Симеона «племянником» (ἀνεψιοί) и обозначил его титулом «великий король всея Руси» (μέγας ρήξ πάσης Ρωσίας) – примечательно, что там, где в X-XII веках в отношении русских князей употреблялось слово «ἄρχων» - князь, то Кантакузин называет Симеона «ρήξ» – калькой с латинского «rex», что гораздо ближе к «король». «Благороднейший великий король Руси, любезный племянник моей царственности кир Симеон...» (РИБ 1880: 25–26). Ориентируясь на этот императорский документ, Симеон и решил называть себя правителем Всея Руси, что отразилось в его договоре с братьями 1351 года.

Семён Иванович энергично вступил в борьбу с возвышавшимся новым сильным врагом Москвы – Литвой, чей князь Ольгерд захватывал новые и новые русские земли. Московский князь сумел перехватить у Ольгерда контроль над Смоленском, не допустил возникновения союза Литвы и Орды против Руси и даже добился того, чтобы хан Джанибек выдал ему литовского посла – Корьяда, брата Ольгерда. Получив столь знатного заложника, Семён добился от Литвы мира и политических уступок. Возможно, не ударь по Москве Черная Смерть, не умри так рано Семён – и Смоленск не выскользнул бы из сферы влияния Москвы, не попал бы под Литву более чем на столетие.

В публицистике существует модное утверждение, что Литва «освобождала» русские земли от ордынской зависимости, а потому древние русские города переходили один за другим под власть Ольгерда, не желая оставаться под властью ордынских «улусников» из Москвы. На деле, захваченные Литвой зависимые от Орды земли

сохраняли все атрибуты зависимости от ханов – уплата дани «выхода», получение литовскими князьями ханских ярлыков, санкционировавших их власть, и даже продолжение уплаты «налога кровью». *«Аже поидут татары на ляхи, тогда руси неволя поити и с татары»* - оговаривался мирный договор Польши с Литвой в 1352 году. В 1392 году хан Тохтамыш выдал ярлык литовскому князю Ягайле велевший: «с подданных нам волостей собрав выходы, вручи идущим послам для доставления в казну».

Ольгерд Литовский не «освобождал» Русь от татарского ига, он агрессивно расширял свою сферу власти за счет ослабевшей Руси, при этом стараясь договориться с Ордой. Ольгерд стремился отделить Литву от Руси в церковном отношении, поставив для православных своих земель отдельного митрополита.

«Оценивая деятельность Семёна Ивановича и его отношения с Ордой в целом, следует отметить, что он старался, как и отец, соблюдать полную лояльность к “царю”, и под её прикрытием достиг значительных успехов: к Московскому княжеству были присоединены рязанские владения на левом берегу Оки, к великому княжеству Владимирскому – Юрьевское княжество, под сюзеренитет великого князя владимирского перешло Смоленское княжество (вместе с Брянским), наконец, была нейтрализована Литва. Неудача постигла Семёна только при попытке вернуть Нижний Новгород» – отмечает А. А. Горский (Горский 2003: 76).

При рождении Дмитрию Ивановичу было написано на роду стать удельным князем, однако в 1353 году в марте и апреле сначала умерли оба сына Семёна, а затем и он сам. Вероятней всего причиной такой скоропостижной смерти всего царствующего дома стала Черная Смерть, выкосившая полевпропы и добравшаяся и до Руси. «Пишу вам это слово затем, чтобы не пресеклась память о родителях наших и о нас и свеча бы не погасла» - с тревогой писал умирающий великий князь в завещании своим младшим братьям Ивану и Андрею.

Несмотря на то, что правление младшего брата Семёна – Ивана Ивановича, занявшего княжеский престол на фоне мора, выкосившего всю семью старшего брата, само длилось недолго – 6,5 лет, а великий князь несколько теряется в глазах современной историографии на фоне его отца, старшего брата и сына, происходившее в этот период никак не назовешь «бесцветным». Была отнята у Москвы Олегом Рязанским Лопасня, зато московский ставленник Фёдор Глебович сел на стол в Муромском княжестве (Горский 2003: 77-79).

Кипела напряженная борьба в окружении князя, завершившаяся убийством Алексея Петровича Хвоста (Босоволкова). Эту борьбу Л. В. Черепнин (Черепнин 1960: 546-548) связывал с попыткой группировки Хвоста изменить ориентацию московской политики с проордынской на пролитовскую. При Симеоне Гордом Алексей Хвост был, по сути, лидером оппозиции, и великий князь, мирясь со своими братьями, брал с них обязательство не поддерживать опального боярина. При Иване Красном Хвост стал московским тысяцким. То есть внутренняя, а возможно, и внешняя политика развернулась на 180 градусов.

«Тое же зимы (1356/57) на Москве вложишет дьявол межи бояр зависть и непокорство, дьяволим научением и завистью убьен бысть Алексии Петрович тысяцкийи месяца февраля в 3 день, на память святого отца Семеона Богоприемца и Аяны пророчици, в то время егда заутренюю благовестять, убиение же его дивно некако и незнаемо, аки ни от когоже, никимь же, токмо обретеса лежа на площади. Неции же рекоша, яко втаю свет сотвориша и ков коваша на нь и тако всех общею думою, да яко же Андреи Боголюбьи от Кучькович, тако и сии от своеа дружины пострада. Тое же зимы по последьнему пути болшии бояре Московьские того ради убийства отъехаша на Рязань с женами и з детьми» (Рогожский летописец 1922: 65).

Стоявшие за убийством представители влиятельного рода московских тысяцких Вельяминовых, которых Иван, женатый на

представительнице их рода, однако отстранил от власти в пользу Хвоста, бежали к открытому внешнему врагу – Олегу Рязанскому, но затем примирились с князем Иваном в Орде и возможно под давлением ханов.

В 1358 году по приказу Ольгерда в Киеве был схвачен митрополит Алексей, который в результате не смог присутствовать при смерти в ноябре 1359 году Ивана Красного и не имел возможности своевременно повлиять на политические события. Внезапный переход власти от молодого 33-летнего князя к его сыну, 9-летнему ребенку, едва не обрушил всю столь тщательно выстраивавшуюся в предыдущие десятилетия конструкцию московского великодержавия.

Иван Калита и Симеон Гордый оставили наследникам крепкую региональную державу в которой Москва уже четверть века безраздельно владела обширным великим княжеством Владимирским, использовала в своих интересах его ресурсы, полностью отлучила от них соперничающую Тверь, привлекала к себе со всей Руси своими миром и тишиной не только крестьян и мастеровых, но и, что еще важнее – знатных бояр с их дружинами, стремившимися послужить сильному князю Московскому. Не за горами маячила скорая консолидация всех русских земель вокруг Москвы. Однако династический коллапс Ивановичей-Семеновичей, а затем ранняя смерть Ивана Ивановича поставили под вопрос все эти надежды.

В Орде начиналась эпоха Великой Замятни, когда ханы сменялись один за другим. И вот один из первых случайных ханов, Навруз, решил в 1360 году, что оставлять русский улус девятилетнему ребенку – рискованно, и, после отказа Андрея Константиновича Нижегородского принять власть, назначил Великим Князем Владимирским его брата - суздальского князя Дмитрия Константиновича. Москва в одночасье потеряла доступ к обширным земельным и денежным ресурсам Великого Княжения, лишилась

Москва и богатого Галичского княжества и ранее установленной власти над половиной Ростова.

Начало борьбы за Великое княжение

Можно представить себе растерянность юного московского князя, когда он, росший с мыслью, что станет преемником власти и могущества деда Ивана Калиты, дяди Сёмена и отца, осознал, что каприз очередного хана в одночасье лишил его большей части наследия. Это переживание сформировало главную идею, главную мысль, которой руководствовался Дмитрий Иванович следующие без малого три десятилетия своего правления: великое княжение должно было стать наследственным владением, «отчиной» московских государей, ордынские ханы не должны иметь возможности им распоряжаться.

Московская политика, которой в первые десятилетия правления юного князя руководил митрополит Алексей, взялась за реализацию этого плана со всей энергией.

Сильными сторонами Москвы были многолетний мир и концентрация ресурсов, выработавшаяся уже политическая традиция и сплоченный, преданный государственной идее слой бояр, высокая концентрация храбрых служилых людей и, наконец, самый важный фактор – репутация духовного центра Руси, причем двойного. Здесь пребывали со времен святителя Петра Московского, митрополиты. И здесь же рядом возростала слава Сергиева монастыря – молитвенник, аскет и чудотворец, слава которого ширилась с каждым годом по Руси был для русских людей той эпохи наглядным доказательством того, что именно Москву благословил Бог. Наконец, в 1366-68 годах накопленные Москвой богатства позволили создать белокаменный кремль, концентрацию экономической и военной мощи, гарантию против мгновенного взятия и разорения города. На Руси того времени это было

практически уникальное сооружение, создававшее препону для любого захватчика.

Условия, сложившиеся в Орде, благоприятствовали планам Москвы – ханы занимали престол в Сараях один за другим. Зарезав или изгнав предшественника. Уже в 1362 году очередной недолгий хан Мурат отдал Дмитрию Ивановичу его «отчину и дедину». Попытки Дмитрия Суздальского протестовать были пресечены военной силой Москвы.

Однако вскоре московское правительство пришло к выводу, что для интересов княжества полезнее ориентироваться не на меняющихся правителей Сарая, а на темника Мамаю, ставшего своего рода «делателем ханов». Будучи женат на сестре последнего стабильного хана – Бердибека, убитого в 1359 году, Мамай с титулом «беклярибека» (ордынский аналог «визиря») правил от имени то одного, то другого подставного Чингисида, которых русские летописцы прямо называли «мамаевыми царями». «Царь их не владеяше ничем, но всяко старейшинство держаще Мамай».

Мамай правил над Западной частью Орды. Его ставка располагалась в Крыму, который тогда был важнейшим центром великого торгового пути, выстроенного венецианцами и генуэзцами через монгольские владения в Евразии. Генуэзская Кафа (Феодосия) была крупнейшим торговым центром, в котором особенно процветала работоторговля угнанными с Руси пленниками, а её хан-покровитель был могущественным человеком. Постепенно его власть расширялась – он захватил Северный Кавказ, Булгарию, несколько раз брал под контроль Сарай, однако оттуда его быстро выгоняли заволжские татары.

В Москве рассудили, что лучше поддерживать отношения с Мамаем, который, с одной стороны, ближе к русским границам, а с другой, не считая себя «царем ордынским» может быть более покладист в вопросах о размерах дани и уступчив в выдаче Москве ярлыков. И первое время эта ставка себя оправдывала. Из подчинения же власти в Сараях, за исключением тех моментов, когда им владел

Мамай, Москва фактически вышла. Когда обиженный хан Мурат в 1363 году снова выдал ярлык на великое княжение Дмитрию Константиновичу, то московские рати просто выгнали его из Владимира и осадили в Суздале. Сарайский ярлык был поставлен ни во что. Дмитрий Константинович предпочел договориться с юным московским князем – при его поддержке выгнал из Нижнего Новгорода младшего брата Бориса, а за Дмитрия Ивановича выдал свою дочь Евдокию, в будущем прославленную московскую святую.

Расшатывание ситуации в Орде и рост могущества русских земель проявил себя в том, что русские князья начали бить татарских «царевичей». В 1365 Олег Рязанский, Владимир Пронский и Тит Козельский в сражении у Шишевского леса разгромили бека Тагая, захватившего власть над Мордовией и совершившего опустошительный набег на Переяславль Рязанский. В 1367 году Дмитрий Константинович Суздальский и его брат Борис Городецкий разбили на реке Пьяне эмира Булат-Тимура, правившего в Волжской Булгарии. Силы русских князей теперь уже нужны были самим ханам – в 1370 году Дмитрий Константинович своей силой сверг правившего «в Болгарех» Асана и посадил на его место ставленника Мамаю.

Борьба против Твери и Литвы

Москва, однако, столкнулась с новой серьезнейшей угрозой. Разбив еще в 1362 году татар при Синих Водах необычайно усилился литовский князь Ольгерд, захватывавший одну часть русской земли за другой. Это возродило притязания казалось давно смирившейся с поражением в борьбе за Великий Стол Твери. Ольгерд был женат на сестре великого князя Тверского Михаила Александровича и тот стал действовать дерзко, рассчитывая на поддержку зятя.

В Москве решили пресечь притязания тверского князя в корне и последовал не очень этичный ход. «Князь великий Дмитриевич да Олексеи митрополит позвали князя великого Михаила

Александровича на Москву, по целованию, любовью, а съдумав на него совет зол» (Рогожский летописец 1922: 88). Выманенный в Москву на встречу с князем под гарантию митрополита, Михаил был посажен под замок. Однако вскоре его пришлось выпустить по требованию Мамаея и тверской князь превратился в разъяренного поджигателя войн и смут. В 1368 году началась знаменитая Литовщина четырехлетняя война Литвы и Москвы, решавшая вопрос о том, какое государство станет новым центром объединения Русских Земель – православная Москва или языческая на тот момент Литва.

Осенью 1368 года Ольгерд нанес стремительный удар по самой Москве. Однако столкнулся с новопостроенным белокаменным московским кремлем. Бессильно простояв три дня под городом, дожегши не дожженные самим Дмитрием посады и ограбив окрестности, Ольгерд вынужден был удалиться.

Михаил Тверской в 1370 году решил заручиться поддержкой не только Ольгерда, но и Орды в лице Мамаея. Посетив темника он «многи дары раздав и многи посулы рассулив» выпросил себе ярлык на Великое Княжение Владимирское, бросив Москве прямой вызов. Мамай этим своим решением сделал первый шаг к собственной гибели – в Москве перестали рассматривать его как надежного и удобного для себя внешнеполитического партнера. Московские рати даже не дали Михаилу с вернуться в новополученным ярлыком в Тверь – «не токмо не приаша его, но и переимали его по заставам и многими пути гонялися за ним...». Новоназначенный Мамаем «Великий Князь Владимирский» вынужден был снова просить помощи у литовского зятя.

Однако и второй великий поход Ольгерда на Москву, предпринятый в 1370 году вместе с братом Кейстутом, Михаилом Тверским и Святославом Смоленским закончился провалом. Литовцы даже не смогли взять Волоколамск, при защите которого пал князь Василий Березуйский. Снова крепким орешком оказался Московский Кремль. Простояв под его стенами восемь дней, Ольгерд

обнаружил, что за его спиной собирается сила Владимира Андреевича Храброго (будущего героя Куликовской битвы) и Олега Рязанского, бывшего тогда союзником Москвы (ранее москвичи сгоняли его с рязанского стола, но потом он вернулся и помирился с Дмитрием). Осознав стратегический тупик, Ольгерд запросил мира и предложил скрепить его браком своей дочери с Владимиром Андреевичем.

Разочарованный Михаил Тверской снова бросился в орду к Мамаю за поддержкой. Темник предложил ему ордынское войско для разгрома Руси. Однако править на костях Михаил Александрович не захотел (да и вряд ли долго бы он с репутацией разорителя русской земли удержался). В итоге тверской князь двинулся на Русь в сопровождении лишь мамаева посла – Сарыходжи, рассчитывая, что «татарской древней воли» будет достаточно, чтобы смирить своенравного москвитя. Ничего подобного. «К ярлыку не еду, а в землю на княжение на великое не пуцаю, а тебе послу путь чист» - гордо ответил Дмитрий Иванович, дав ордынцам понять, что вопрос о том, кто великий князь на Руси отныне не решается капризами беклярибеков и ханскими ярлыками.

Впрочем от «дипломатии лисицы» наряду с «дипломатией льва» Москва тоже не отказалась. Сарыходжу заманили в Москву, обласкали, богато наградили. А вскоре сам Дмитрий Иванович двинулся в путь к Мамаю и осенью 1371 года вернулся в Москву с новым ханским ярлыком, выкупленным из орды сыном Михаила Тверского Иваном, превращенным по сути в московские заложники, и «со многими должники», то есть сделав обширные займы, дабы оплатить мамаеву милость. Пока не закончено было дело с Литвой, конфликт с Ордой был не на руку – главное было избежать опасности оказаться между двух огней, перед соединенным натиском Литвы и Орды.

Третий по счету поход Ольгерда на Москву в 1372 году даже не дошел до стен кремля. Русская рать преградила путь литовско-тверскому войску на Оке у Любутска, разгромив литовский

сторожевой полк. Простояв несколько дней по разные стороны глубокого оврага, Москва и Литва решили заключить мир. За обоюдными обязательствами скрывалась простая политическая реальность – Ольгерд и Михаил Тверской вынуждены были признать великое княжение отчиной московского князя Дмитрия Ивановича. «А где будет князь Михаило вослал в нашу очину, в великое княжение, намесники и волостели, и тех ны сослати доловь» - говорилось в перимирной грамоте.

Литва по итогам войны 1368-1372 года вынуждена была признать гегемонию Москвы на Северо-Восточной Руси, великое княжение – родовым наследием потомков Калиты, независимым от воли ханов, и отказаться от активной поддержки притязаний тверских князей. Сделать это Дмитрию Ивановичу удалось при активнейшей поддержке Церкви, причем не только Русской, но и Константинополя. В 1370 году патриарх Филофей Коккин отлучил от церкви тех из русских князей, кто выступил союзниками Ольгерда и отказался принимать участие в войне Москвы против Литвы, интерпретируемой как крестовый поход: «вместе идти войною против чуждых нашей вере, врагов креста, не верующих в Господа нашего Иисуса Христа, но скверно и безбожно поклоняющихся огню».

Русско-ордынская война до Куликовской битвы (1374-1379)

Решение литовского вопроса развязывало руки в противостоянии с «беззаконным Мамаем». В 1373 мамаева орда совершила набег на Рязань. Ожидая вторжения и в свои земли, Дмитрий Иванович стоял на Оке «со всей силою». А в 1374 году летопись фиксирует «князю великому Дмитрию Московскому бышетъ розмирье с тотары и с Мамаем». Начинается русско-ордынская война, кульминационным пунктом которой станет Куликовская битва. Москва даже формально перестает подчиняться ордынским «царям», платить «дань-выход»,

столкновения войск Дмитрия или его союзников с татарскими ратями происходят практически ежегодно.

Москва решилась на «розмирье» после того как Мамай и очередной его хан Мохаммед Булак были изгнаны из Сарая. Видимо после этого поражения темник попытался потребовать с Москвы экстраординарную дань, в которой ему категорически было отказано. Мамай отправил в Нижний Новгород тысячный отряд во главе с Сарайкой, рассчитывая принудить к выплатам нижегородцев, однако отряд был тестем московского князя перебит, а посол Сарайка взят в плен.

В ноябре 1374 года в Переяславле русские князья провели общий съезд, на котором было принято решение о совместной борьбе с татарами. Поводом для съезда стало крещение сына Дмитрия Ивановича – Юрия. «Бяше съезд велик в Переяславли, отовсюду съехашася князи и бояре и бысть радость велика во граде Переяславле». Принимали участие в собрании и митрополит Алексей и игумен Радонежский – Сергей.

Единственным шедшим «не в ногу» оставался по прежнему Михаил Тверской. На очередное выступление его подначили бежавший из Москвы сын последнего московского тысяцкого Иван Вельяминов и гость-сурожанин Некомат. Здесь мы сталкиваемся с темой заинтересованности итальянских торговых корпораций в ослаблении власти Москвы. Бегство Ивана Вельяминова произошло вскоре после замирения Москвы и Литвы, его политические интриги сосредоточились на передаче ордынского ярлыка тверскому князю. Вскоре, по интригам Вельяминова и Некомата, ордынский посол привез Михаилу Тверскому очередной ярлык и тот начал новую антимосковскую войну.

Ответом на вельяминовскую интригу стало то, что на Михаила обрушилась вся образовавшаяся в 1374 году антиордынская коалиция русских князей. Тверь была осаждена огромными силами и вскорости беспокойный тверской князь вынужден был покориться

власти московского владыки. Тверской князь окончательно признал себя младшим братом, великое княжение – отчиной московских князей и принял обязательства по совместной борьбе с татарами. Показательна формулировка с которой это было сделано:

«А с татары оже будет нам мир, по думе. А будет нам дати выход, по думе же, а будет не дати, по думе же. А пойдут на нас татарове или на тебе, битися нам и тебе с одного всем противу их. Или мы поидем на них, и тебе с нами с одного пойти на них».

Как видим московская дипломатия последовательно старалась провести принцип – Русская Земля выступает в отношениях с татарами как единый субъект под гегемонией великого князя. Исключения татарской игры на внутренних противоречиях было важнейшей задачей московской дипломатии.

В 1377 году русская коалиция начала экспансию вглубь ордынских владений. Московские и нижегородские рати совершили поход «на Болгары». Установление московским князем контроля над Булгарской таможней на Волге имело тем большее значение, что на великой реке начали разбойничать новгородские ушкуйники. В 1374 году они пограбили Булгар и дошли даже до Сарая. Другой, в 1375, – набросились на русский город Кострому и разграбили его, а затем «достигли города Булгара и там распродали всех пленников-христиан, жителей Костромы и Нижнего Новгорода, продали бусурманам жен и девиц, а сами пошли в насадах по Волге вниз к Сарая, купцов христианских грабя и бусурманов побивая».

Москве было важно, чтобы больше такая распродажа русских пленников не повторилась, поэтому в Булгаре решено было посадить великокняжеских представителей, при этом принудив к их принятию силой.

Красочное описание булгарского похода, в ходе которого обитатели будущего Казанского ханства решили отбиваться от русских с помощью артиллерии, сохранил Рогожский летописец:

«Нечестивые бусурманы вышли из города против них и приготовились к бою и начали стрелять, а иные с городских стен пускали гром, пугая наших воинов, а другие пускали самострельные стрелы, а иные выехали на верблюдах, всполошив наших коней. Но наши ничуть не испугались, а крепко встали на бой и единодушно устремились на противника и набросились на него. Враги же, окаянные, побежали в свой город, а наши, с боем, за ними, и убили 70 бусурманов. И выслали послов из города болгарский князь Асан и Махмат Салтан, и добились челом великому князю и другому князю за 2000 рублей, а воеводам и войску — 3000 рублей. И наши возвратились, добившись, чего хотели, а даругу (сборщика налогов) и таможенника посадили в городе, а суда и села и зимницы пожгли, и людей побили, и ушли с победой» (Живая вода Непрядвы 2017, 52; Перевод А.И. Плигузова).

К сожалению, тем же летом по русской коалиции был нанесен тяжелый удар. Из-за Волги в границы Нижегородской земли вторгся царевич Араб-шах. Выдвинувшееся чтобы перекрыть ему путь московско-новгородское войско несло свою сторожевую службу на реке Пьяне слишком расслабленно – «за Пьяной пьяны», как горько скаламбурил летописец. На русских обрушился удар татар из мамаевой орды, которых подвели к русскому войску тайными тропами мордовские князья. 2 августа 1377 года русское войско было почти полностью уничтожено. А 5 августа ордынцы ворвались в беззащитный Нижний Новгород и пошли облавой по всему княжеству «села жгучи и множество людей посекоша, а жены и дети и дивици в полон бещисла поведоша».

Другую рать Мамай направил в 1378 году против самой Москвы – сильное войско во главе с мурзой Бегичем двинулось в сторону молодой русской столицы, однако не сумело даже до московских земель. Дмитрий Иванович продемонстрировал тот прием, который принесет победу на Куликовом поле – он стремительно выдвинул свои рати за Оку, к нему и Владимиру Андреевичу Храброму присоединился Владимир Пронский. 11

августа 1378 года на реке Воже несущей свои воды по Рязанской земле русская рать встретила татар и атаковала их на переправе, не дав развернуться в боевой порядок. Погибли шесть татарских князей-нойонов.

В 1379 году были публично казнены Иван Вельяминов, на пике московско-ордынского противостояния, перехваченный при попытке пробраться из ставки Мамаю в Тверь, то есть организовать удар в тыл победившему ордынцев на реке Воже великому князю Дмитрию. Трудно не заметить параллелизма между взлетами и падениями Вельяминовых и флуктуациями проордынской и антиордынской линии в политике московских князей. Еще труднее присоединиться к тем авторам, которые связывают казнь Вельяминова не с его изменой, а с мнимым наступлением великого князя на городские свободы Москвы.

Куликовская битва

Поражение на Воже разъярило Мамаю. Для начала он жестоко разорил Рязанскую землю, а затем начал накапливать силы для полноценной мести Москве. С этой целью Мамаю заключил договор с Литвой в лице Ягайло, заступившего место умершего Ольгерда. Другие сыновья Ольгерда встали брату в открытую оппозицию, причем двое из них, Дмитрий Ольгердович и Андрей Ольгердович перешли на сторону Москвы и сыграли вместе со своими сильными дружинами большую роль в Куликовской битве. Гражданская война в Литве неожиданно перенеслась на поле битвы Москвы и Орды на Дону.

Мамаю уже стало понятно, что Русь полностью вышла из под контроля и нуждается в повторном «батыевом» завоевании. «Мамай нечестивый люто гневаясь на великого князя Дмитрия о своих друзьях и любимцах и князьях, что были побиты на реке Воже, выступил с огромным войском, желая пленить русскую землю».

Русские книжники прямо приписывают Мамаю сопоставление себя с Батыем и планы вроде таких: «Захватчу землю Русскую и разорю христианские церкви, и вместо их веры установлю свою и заставлю их поклоняться своему Мохаммеду, а где были церкви там поставлю мечети и посажу баскаков по всем городам русским» («Слово о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского»). Но это, конечно, в больше степени дань литературной традиции.

Мамай решил нанести Дмитрию сокрушительный удар. Он заключил договор с Ягайлой, на которого очень рассчитывал, запугал Олега Рязанского, который пообещал платить Мамаю дань и выказал по крайней мере внешнюю лояльность (при этом пересылаясь с Москвой о передвижениях татар, но не предупреждая Мамаю о передвижениях русских).

Мамай мобилизовал силы своей орды, нанял итальянские и кавказские воинские контингенты и двинулся на Русь «в силе тяжце» – не менее 30 000 воинов. В устье реки Воронежа он распустил орду на кочевку, ожидая подхода Ягайло и выжидая сбора на Руси урожая, который рассчитывал пограбить.

Когда в Москве стало известно о движении ордынцев, князь Дмитрий решил действовать быстро – именно этим объясняется сравнительная неполнота сил коалиции, собранных им для похода – вполне вероятно, что многие контингенты и впрямь не успели прийти до выступления. 15 августа 1380 года русские рати, по современным оценкам 25 тысяч человек, собрались в Коломне на Оке. Однако выяснилось, что не имеет смысла, как в прошлый раз с Вожей, идти через центр Рязанской земли – Олег Рязанский был ненадежен и разметал по всей своей земле мосты, затруднив передвижения и московских и татарских ратей. Тогда русское войско перешло в устье Лопасни, переправившись там, прошло по рязанскому пограничью, рядом с землями удельного Пронского княжества, традиционного союзника Москвы.

Изображение Олега Рязанского как врага Москвы и предателя русского дела представляется безосновательным. У Олега Рязанского были с Дмитрием Донским безусловно непростые отношения. Московско-рязанские отношения этих десятилетий невозможно понять, не держа в уме Московско-Пронский союз, направленный против Переяславля Рязанского. Не случайно, что и победу на Воже Дмитрий Иванович одержал вместе с Даниилом Пронским. С другой стороны, Орда не раз и не два показывала себя как открытый враг Рязанской земли – в 1373, 1377, 1378 годах ордынцы вторгались и разоряли земли Олега.

Согласно Рогожскому летописцу «князь Олег Рязанский послал Мамаю на помощь свою силу, а сам на реках мосты переметал» (Рогожский летописец 1922: 140). Иными словами, если верить самому первому летописному известию о сражении, Олег посылал Мамаю какие-то войска, зато очень старательно избегал вторжения одной из сторон на территорию его княжества, для этого разрушив все мосты. Это действие может быть, конечно, интерпретировано, как попытка закрыть московской рати путь к отступлению, но, скорее всего, справедлива оценка А. О. Амелькина и Ю. В. Селезнева, что «Олег Иванович уничтожил все мосты на рубежах своей земли, сделав её труднопроходимой для больших войск» (Амелькин, Селезнев 2011: 207).

Разрушение мостов осложняло ведение боевых действий на Рязанской земле как русским, так и татарам, но московский князь с проблемой успешно справился – вместо Коломны русские рати переправились на другой берег Оки у Серпухова и вышли к Дону по слабо контролируемым Олегом западным окраинам княжества, где сильнее было слово пронских князей.

Мало того, по тем или иным причинам Олег Рязанский фактически ввёл в заблуждение Мамаю, поставив его перед фактом появления большого русского войска на Дону. «Хотя его бояре и воеводы знали о выступлении русских князей против Орды ещё за 15 дней до их вступления в пределы Рязанской земли, Олег Иванович не сообщил

об этом движении Мамаю. Из-за этого темник фактически до сражения оставался в неведении о движении войск противной стороны» (Амелькин, Селезнев 2011: 211). Как бы то ни было, «логистическая поддержка» Олега Рязанского обошлась Мамаю весьма дорого и, по всей видимости, стоила битвы.

Русская рать, объединившаяся с войсками дружественных литовских князей Ольгердовичей, выдвинулась вглубь земель, считавшихся в тот момент татарскими. К русским пришла грамота с благословением преподобного Сергия ободрявшая на битву (вопрос о том, посещал ли Дмитрий Иванович Троице-Сергиеву обитель перед битвой, или известие об этом посещении относится к битве на Воже – остается среди историков дискуссионным).

Находившийся в тот момент на Кузьминой гати Мамай был захвачен врасплох. Противник двигался прямо на него, при этом значительная часть мамаевой орды была распущена по кочевьям. Это внезапное изменение стратегической обстановки вынудило Мамаю ринуться не назад, а вперед, к Москве, рассчитывая по дороге соединиться с приближавшимся Ягайлой. Ордынский темник попытался обойти по правому берегу Дона русских, находившихся в этот момент на левом берегу.

Однако войска Дмитрия Ивановича стремительно перешли Дон (так московский князь и стал Донским) и преградили мамаеву войску дальнейший путь, сорвав его соединение с литовцами. Темник был обречен на лобовое столкновение, причем вынужден был вступить в бой прямо с марша, возможно не располагая значительной частью своих сил, которые он не успел собрать с кочевий. За счет маневра русское войско достигло благоприятной стратегической позиции.

Спекуляции в современной журналистике относительно того, что «нам не известно точное место Куликовской битвы, потому что археологами не найдено следов большого сражения» попросту невежественны. Никто не намеревался оставлять на поле «следы большого сражения», то есть ценные трофеи, для будущих

археологов. Вокруг Куликова поля были поселения русских крестьян, так что если бы какую-то добычу не забрало русское войско – ее бы забрали они. Удивительно скорее то, что на поле вообще что-то находится.

Место битвы для современных исследователей достаточно очевидно – она разворачивалась южнее Непрядвы при ее слиянии с Доном. Русская рать расположилась так, чтобы между двумя небольшими речками Нижний Дубяк и Смолка текущими на Куликовом поле, оставался достаточно узкий проход, который мешал бы татарам произвести охватывающий маневр. Фактически сама битва превратилась в столкновение двух тяжеловооруженных конных масс на достаточно узком пространстве. С обеих сторон применялся таранный удар тяжелой кавалерии, лишь поддерживаемой лучниками. Такой способ ведения боевых действий лишил ордынцев большинства их традиционных преимуществ – маневренности, внезапности, возможности отступить и накатывать снова.

«И вот сошлись оба войска великих на долгий час, и полки заняли всё поле, на десять верст вокруг, так много было воинов. И беспощадно рубились, и была страшная битва, и земля дрожала под ногами воинов, и от начала мира не было таких битвы у великих князей русских, как у этого великого князя Всея Руси» – рассказывает пространная летописная повесть.

Князь Димитрий сражался сам в первых рядах, подавая воинам пример. Он, конечно, не скрывался под личиной простого воина. Напротив, был на самом виду. Распространенное художественное изображение Дмитрия на Куликовом поле происходит из мифического и не имеющего никаких оснований в источниках предположения, что Димитрий переоделся рядовым воином, по сути, отказавшись от командования. Этот миф порождает, в свою очередь, надстроенное над ним обвинение князю в безответственности, в том, что он, якобы, оставил войска без управления.

Ни «Сказание о Мамаевом побоище», ни, тем более, ранние источники ничего такого не утверждают – и после переодевания Бренка Дмитрий Иванович изображается «Сказанием» дающим указания о ходе битвы и вдохновляющим князей и бояр. Когда его сбивают с коня, «Сказание» констатирует: «Уже и самого великого князя Дмитрея Ивановича с коня сбиша. Он же възде паки на другой конь. Татарове же паки и с того коня збиша его и язвиша зело» (СПКБ 1982: 64-65).

Иными словами – князь Дмитрий был заметной фигурой в битве. И если версия о переодевании Михаила Андреевича Бренка верна, то сделано это было Дмитрием не для того, чтобы сражаться в качестве рядового воина, а для того, чтобы избавиться от привязанности к великокняжескому стягу и свободней перемещаться по полю битвы.

Часто встречающееся утверждение, что Дмитрий надел обычную кольчугу и дальше бился с мечом в руке, представляет собой приблизительный домысел. Ни в одной из редакций «Сказания» ни слова об «обычной кольчуге» не говорится. «И зсед с коня, и на иный конь сяде, совлачая с себя прыволоку царскую и во иную облечеса» — говорится в распространенной редакции (СПКБ 1982: 60). «Приволока» – это не кольчуга и не доспех, а мантия или богатая безрукавка, род парадной одежды.

Дмитрий снял с себя великокняжескую мантию и отдал её Бренку, пересадив того на богато убранного княжеского коня. Вероятно, он заменил парадных коня и мантию на коня более быстрого, и на свободный и практичный в бою плащ. Доспехов же своих князь, скорей всего, и вовсе не снимал – трудно сомневаться в том, что они были высочайшего качества и сохранили московскому владыке жизнь: «И бысть доспех его весь избит и язвен зело, на телеси же его нигде смертна раны обретеса» - говорится в Киприановской редакции «Сказания» (СПКБ 1982: 67).

И уж совсем абсурдно изображение Дмитрия Ивановича сражающимся с мечом в руке. Если об одежде Дмитрия в бою мы не

знаем ничего, кроме того, что она была «иной», то об его оружии сказано предельно точно: «Прим конь свой и возьми палицу свою железную и подвижися ис полку вон» — говорит Распространенная редакция «Сказания» (СПКБ 1982: 97). На Куликовом поле немало «гремело мечей булатных о шлемы хиновские», но единственное оружие, которое наши источники показывают в руках у Дмитрия Ивановича, человека большого роста и силы, это железная палица.

При этом нельзя забывать, что разновидности палицы – булава, шестопер, пернач, рано превратились в символ власти, в воеводское оружие. Использование князем Дмитрием именно этого оружия подтверждает, что в ходе битвы он выступал не как рядовой воин, а как военачальник.

В какой-то момент русское войско начало ослабевать под татарским напором, но в этот момент в дело был введен русский резерв, который в легенде превратился в «засадный полк» (некоторые историки полагают, что размещение действительно скрытой засады на сравнительно тесном поле скорее всего было невозможно). Источники четко приписывают поражение татар начавшейся среди них панике. В древних битвах паника была более значимым фактором, нежели оружие или стратегическое искусство. Точнее, сутью воинского искусства было именно посеять во врагах панику, что и удалось сделать русскому войску.

Скорее всего ввод резерва и послужил причиной этого перелома. Нематериальной же причиной русские летописцы видели чудо, явление небесных ратей на помощь русским. Нервы Мамаю не выдержали, и он бежал с поля боя, а вслед за ним разбежалась, преследуемая русскими, и его рать. Русь, хотя и со страшными потерями, восторжествовала. Русские потери в битве были огромными, но своей политической цели, укладывавшейся в общую стратегию, московский князь полностью достиг. Дмитрию Ивановичу нужно было убрать со своей дороги самозванца Мамаю, который постоянно пытался передать великое княжение то тверскому, то

какому-то иному князю. Мамаю не стало, влиять на судьбу великокняжеского стола он больше не мог.

Нашествие Тохтамыша и последние годы

На два года московский князь стал практически абсолютным гегемоном Руси. Олег Рязанский сперва был изгнан, а затем признал себя младшим братом. В Литве князь Кейстут отстранил ставшего польским королем Ягайлу от великого княжения и заключил с Москвой добрый мир. Но всю эту идиллию разрушили внезапный приход Тохтамыша в июле-августе 1382 года, сожжение Москвы и возвращение в тяжелую данническую зависимость от Орды.

В связи с нашествием Тохтамыша Дмитрию Донскому предъявляется ангажированное обвинение в малодушии. «Малодушие» проявилось, по мнению ряда авторов в том, что Дмитрий не захотел запирается в своем кремле в осаде, вместо этого «поспешно отступив к Костроме».

На деле, как справедливо указывает А. А. Горский, практика регифугии, когда «правитель княжества в условиях неизбежного приближения осады его столицы покидал ее и пытался воздействовать на события со стороны», являлась скорее правилом, чем исключением (Горский 2003: 104). Необычным скорее был случай, когда глава государства садился в осаду – и ничем хорошим это для него не кончалось, как показал пример василевса Константина XI, павшего на стенах Константинополя – впрочем, в этом случае, речь шла о последнем рубеже, для Дмитрия же Ивановича Московский Кремль таким рубежом не был и быть не мог.

Кроме того, Дмитрий Иванович отлично знал, что делал, когда уклонялся от военной ли, мирной ли встречи с Тохтамышем. Во всех известиях о тохтамышевом «изгоне» отчетливо чувствуется мотив преследования и избегания. «Князь же великий Дмитреи Ивановичь, то слышав, что сам царь идет на него съ всею силою

своею, не ста на бой противу его, ни подня руки противу царя, но поеха в свой град на Кострому» (Рогожский летописец 1922: 143–144). Только позднейшая Новгородская 4-я летопись прибавляет интерпретирующее «убояся» (Новгородская 4-я летопись 2000: 328).

Дело было не в «страхе», а в том, что встреча «лицом к лицу» нужна была Тохтамышу, так как потребовала бы от Дмитрия либо изъявления покорности, которое могло закончиться и казнью; либо князю пришлось бы самому поднять руку на самого ордынского царя, и тем самым превратиться в мятежного по отношению к законной власти вассала. Из конфликта по поводу размеров дани столкновение между Дмитрием и Тохтамышем превратилось бы в конфликт по вопросу о суверенитете, к чему Москва и, тем более, ходившие под её рукой князья-вассалы, ещё не были готовы.

Именно поэтому главной целью Тохтамыша является не захват столицы, а сам Дмитрий. «Сила Тотарьскаа прииде месяца августа в 22, в понедельник; и приехаша не вси полъци к граду, начаша, кличющи, въпрашивати, въпиюще и глаголюще: “есть ли здес Дмитрии”? они же с града съ заборол, отвещавше, ркоша: “нету”» (Новгородская 4-я летопись 2000: 330). Уговаривая москвичей «лживыми речми» открыть ворота, суздальские князья, служившие Тохтамышу, так же упирали на то, что «царь» ведет войну не против Руси или Москвы, «но на Дмитрея ратуя прииде, ополчився» (Новгородская 4-я летопись 2000: 332). Это была ложь слишком похожая на правду, и потому обманувшая московских людей.

В ситуации набега «изгоном» Дмитрий Иванович не мог повторить Куликовского сражения, к которому он готовился, собирая силы несколько месяцев. Избегать встречи с царем было в такой ситуации единственной разумной тактикой, так как это лишало Тохтамыша возможности уничтожить или публично унижить князя, но, в то же время, оставляло пути к мирному урегулированию конфликта.

Дмитрий Донской в очередной раз проявил себя как крупный стратег, хотя его стратегический замысел был во многом

нивелирован тактической неудачей с потерей и разорением Москвы, которых никто не ожидал, и в которых он, по всей видимости, винил митрополита Киприана, бежавшего из столицы.

Однако даже после разгрома Москвы Тохтамыш чувствовал себя на Руси неуверенно – его отряд был разбит у Волока Владимиром Серпуховским. «Царь же, слышав, что князь великий на Костроме, а князь Володимер у Волока, поблюдашеса, чая на себе наезда, того ради не много дней стоявше у Москвы, но, взем Москву, въскоре отыде» (Рогожский летописец 1922: 146). Таким образом, если бы предательская затея с уговорами суздальских князей открыть ворота не удалась, кампания Тохтамышем была бы проиграна. Но и в качестве победителя, сумевшего взять Москву хитростью, хан лишь улучшил свою сделочную позицию на переговорах с Дмитрием.

Дмитрий направил карательную экспедицию на Олега Рязанского, в Орду двинулся из Твери Михаил Александрович, уверенный, что теперь уж он точно получит от Тохтамыша ярлык на великое княжение, однако после этого... «тое же осени ко князю великому Дмитрию Ивановичю от царя Токтамыша посол, именем Карачь» (Рогожский летописей 1922: 147). Имея в руках, казалось бы, готового и «тянувшего руку» нового великого князя – Михаила Тверского, Тохтамыш предпочел начать переговоры с врагом, вроде бы только что побежденным.

Тохтамыш так и не решился отобрать у Дмитрия великое княжение, тем самым московский князь достиг главной цели всей ведшейся им двадцать лет борьбы. Даже побежденный и находящийся под царской опалой, он оставался великим князем. При этом Дмитрию так и не пришлось свидеться с Тохтамышем лично, что было бы для куликовского победителя безусловно опасно. Хан удовлетворился принятием роли посредника и заложника наследником Дмитрия – Василием, причем в 1386 году княжич из Орды сумел бежать. «Избегание» увенчалось, таким образом, успехом.

Необоснованными являются утверждения, что «был восстановлен “выход”, да не по мамаевской ставке, а по прежней, времен Джанибека». Подсчеты А. А. Горского говорят о том, что «около полутора тысяч рублей, причитавшихся с Московского княжества при Тохтамыше, были меньшей суммой, чем та, которая поступала в Орду при Узбеке и Джанибеке... Вероятно, и дань с территории великого княжения уступала в размерах той, что выплачивалась до “замятни” в Орде» (Горский 2003: 110). Всего Дмитрий выплатил Тохтамышу 8000 рублей, что А. А. Горский считает данью со всех земель за два года тохтамышева правления. «Настаивать на уплате выхода за 1380 г., и тем более за период правления в Орде Мамаю Тохтамыш не стал. Таким образом был достигнут компромисс: Тохтамыш сохранил за собой позу победителя, но Дмитрий оказался в положении достойно проигравшего» (Горский 2003: 109).

Всю уплаченную Орде сумму Дмитрий Иванович решил полностью взыскать с богатого торгового Новгорода, затребовав с него «черный бор» и штраф за совершавшиеся новгородскими ушкуйниками грабежи на Волге. После большого похода, совершенного великим князем в 1386 году, новгородцы оказались «крайними» в деле расплаты с Ордой. Их попытка откупиться лишь 8000 рублями не удалась – городу пришлось и уплатить эту сумму, и принять княжеских сборщиков «черного бора». Дмитрий компенсировал за счет Новгорода свои расходы по расплате с Ордой.

Дмитрий Донской не ставил перед собой задачи «избавиться от чужеземного господства», хотя прилагал все усилия, чтобы его ослабить. Стратегической задачей московского князя было раз и навсегда исключить вероятность того политического казуса, который он пережил сам в детстве – угрозу того, что великое княжение и связанные с ним честь, власть и доходы будут отобраны у его потомков ханом или ордынским узурпатором и переданы какому-то другому княжескому дому.

Дмитрий Иванович всю свою короткую жизнь сражался за то, чтобы великое княжение передавалось в его роду как «отчина». Умирая

совсем, в сущности, молодым, в 38 лет в 1389 году он написал в своей духовной: «А се благословляю сына своего, князя Василя, своею отчиною, великим княженьем» (ДДГ 1950: 34).

Та политическая цель, которую ставил Дмитрий Иванович, выходя на Куликово поле, была достигнута – тут ничего не смог изменить даже разгром Москвы Тохтамышем, напротив, именно после этого разгрома и сам хан, в обмен на дань, признал этот «отчинный принцип». Великое княжение – не только титул, но и город Владимир с обширными тяготеющими к нему землями и доходами, превратилось в принадлежность московского дворцового гардероба. Распоряжаться этим гардеробом ордынский хан не имел уже никакого права.

Куликовская битва оказалась действительно поворотным моментом русской истории. Но не в мифической логике «освободительной борьбы против Орды» – в таких категориях люди того времени просто не мыслили. Она оказалась решающим поворотом в деле созидания мощного русского государства, которое только и могло обеспечить русским людям реальную независимость и свободу.

Подводя итог своей жизни, Дмитрий Иванович рассматривает прекращение зависимости от Орды как актуальную краткосрочную политическую перспективу, которая может реализоваться уже при его детях: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут давати выхода в Орду» (ДДГ 1950: 36).

***

Правление Дмитрия Донского увенчалось для Московского княжества стратегическими успехами первостепенной важности. Отражены были притязания Литвы стать единственным центром собирания русских земель. Навсегда покончено с великокняжескими притязаниями Твери. Русь впервые начала полномасштабное противостояние с Ордой, причем заняла в этом противостоянии наступательную позицию.

Наконец, главное, - московским князьям удалось навсегда закрепить великое княжение Владимирское за своим домом, превратить великое княжение в свою отчину. Именно последняя стратегическая задача была наиболее значима для Дмитрия Ивановича на протяжении всего его правления и была им последовательно реализована.

Победа русского войска на Куликовом поле закрепила нравственный авторитет Москвы как собирательницы русских земель и лидера в борьбе за независимость от степняков. Тому же содействовало и укрепление духовного авторитета Москвы в результате деятельности преп. Смергия Радонежского и митрополита Алексея (его не подорвал даже кризис наследования митрополичьего стола после смерти последнего).

Во всех этих достижениях огромен был личный вклад великого князя Дмитрия Ивановича. Это был дальновидный стратег, систематически преследовавший одну цель на протяжении десятилетий, выдающийся полководец, не раз и не два побеждавший в судьбоносных битвах и бесстрашно сражавшийся во главе своих войск. Его непреклонность, а порой и безжалостность в отношении врагов проистекали из сознания собственной власти и необходимости её укрепления в интересах дальнейшего строительства государства. Нет никаких оснований для того чтобы голословно упрекать князя в жестокости, трусости, неудаче – эти ангажированные обвинения, как справедливо отмечал еще М.П. Погодин, связаны прежде всего с неприятием создававшегося князем великодержавия Москвы. Однако именно на этом великодержавии, заложенном на поле Куликовской победы, основывались дальнейшее единство и могущество России.

ИВАН III И СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Великий князь Московский и Всея Руси Иван III был создателем России в её современном понимании как национально-территориального государства, которое стремится объединить под своей властью и охватить единым аппаратом управления всю страну, населенную одним народом, имеющим общую культуру и историческую традицию. Русские предреволюционные историки и исследователи 1930-50-х годов справедливо говорили о России Ивана III как о русском национальном государстве и лишь позднее, в угоду позднесоветскому интернационализму, эту формулу заменили на «централизованное государство».

Иван III занимался не просто собиранием земель – это успешно практиковали и его предки: Иван Калита, Дмитрий Донской, Василий I и II. Он поставил это собирание на новую идейную почву, провозгласив принцип общерусского национализма. С октября 1483 московская канцелярия начинает систематически применять к государю титул «Всея Руси», возникший в середине XIV века, но применявшийся до той поры лишь спорадически.

Этот титул не мог не вызвать беспокойства в соседней Литве, контролировавшей все земли Западной Руси – нет ли в нем притязания московских государей на эти территории? И притязание действительно появилось. Россия Ивана III начинает систематическую реконквисту у Литвы исконных русских земель. В 1503 году, ведя с литовцами переговоры о перемирии после победоносной для русских войны, отдавшей в наши руки Чернигов, Гомель, Брянск, Новгород Северский, Путивль, русские послы торжественно зачитали следующий княжеский наказ:

«Русская Земля вся, с Божьей волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их отчина - Лятская земля да Литовская; и нам чего доля тех городов и волостей своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступатись? Ано

не то одно наша отчина, коя города и волости ныне за нами: и вся Русская Земля Киев и Смоленск и иные города, которые он за собою держит к Литовской земле с Божей волею из старины от наших прародителей наша отчина»¹.

Русская Земля не потому существует в качестве некоего единства, что она «из старины отчина» прародителей Ивана, напротив, московский великий князь потому претендует на власть над всею Русской Землею, а не только над тем, чем владеет сегодня, что природные властители Русской Земли – это его род. Русская Земля в интерпретации московской дипломатии выступает как суверенное этно-политическое единство – отечество, власть в котором из старины, как отчина, принадлежит Рюриковичам. Именно поэтому и Киев и Смоленск должны принадлежать Ивану вопреки династическим притязаниям литовского князя. И напротив, Лятская и Литовская земли, составляя такие же точно этно-политические комплексы, составляют отчину Гедиминовичей-Ягеллонов и князь Иван не вступается в неё.

Феодальный принцип «отчины» – владения, полученного от предков, здесь заменяется национально-территориальным принципом. Земли ляхов и литовцев по своим национальным свойствам составляют отчину польско-литовского государя Александра Казимира. А земли русские – принадлежат государю Московскому. Всё русское составляет историческую «отчину» московских Рюриковичей.

Спору нет, Иван III был человеком «осени средневековья» и охотно использовал феодальные механизмы всюду, где они были ему выгодны. При помощи династических связей он захватил Тверь (ссылаясь на тверское происхождение своего старшего сына Ивана) и накрепко привязал к Москве Рязань. С помощью феодального права перемены сеньора он принял присягу Верховских княжеств

---

¹ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. 1. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством в царствование Великого Князя Ивана Васильевича. Ч. 1 (годы с 1487 по 1533). СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^о, 1882. с. 460.

отступивших от Литвы – Воротынского, Белёвского, Одоевского, Оболенского. Феодальные же инструменты он использовал для того, чтобы лишить в 1478 году осажденный Новгород военачальника – князь Василий Гребенка Шуйский присягнул новому государю.

Однако феодальные права Иван Васильевич принимал в расчет лишь там, где они служили к его выгоде. Там, где они подрывали верховенство московского государя, он их игнорировал. Вспомним об отношениях Великого Князя с собственными братьями, Андреем Углицким и Борисом Волоцким, удельные права которых он всячески утеснял.

Василий Темный выходит из тени

Ивана III нельзя представлять гением, сотворившим Россию «из ничего». Ему многое досталось от отца – Василия II Темного, одного из самых недооцененных русских государей, часто представляемого неудачником.

Выступив на стол ребенком и претерпев большую часть катастрофических злоключений до 30 лет, Василий II закончил жизнь безусловным победителем. На деле именно Василий II, проявив волю и упорство, выиграл нашу «войну алой и белой розы», несмотря на троекратное свержение и ослепление закрепив престол за прямой линией московских князей. Впрочем не является это сравнение преувеличенным в смысле переоценки масштабов и значения русской династической смуты?

Она, в сущности, разбивается на два мало связанных между собой эпизода. Первый – выступление в 1433-34 гг. Юрия Звенигородского и двукратное изгнание из Москвы Василия II, а затем авантюристическая попытка сына Юрия – Василия Косого после смерти отца удержать великое княжение за собой. Эта попытка была пресечена отказом второго сына Юрия, Дмитрия Шемяки, от подчинения брату и его переходом на сторону Василия II как старшего в роде.

Второй эпизод последовал лишь спустя 11 лет после довольно безконфликтного сосуществования Шемяки и Василия II, когда разгромленный татарами Улу-Мухаммеда под Суздалем в 1445 Василий II после плена вернулся на Русь с обязательством выплатить тяжкую дань. Дмитрий Шемяка в период пленения Василия оказался по «лествичному праву» на московском столе и именно это подвигло его посягнуть на власть серьезно ослабленного разгромом великого князя, вступить в заговор с Иваном Можайским, схватить Василия и ослепить его. После чего в течение года Шемяка вынужден был капитулировать перед солидарным мнением Церкви, служилого сословия и общества, и, по сути, — отпустить пленника. Василий Васильевич даже ослепленный стремительно вернул себе престол и всеобщую покорность.

Каждый раз, когда Василий II оказывался свергнут с престола, он получал мощнейшую поддержку со стороны московской служилой элиты и посада. Очевидно, личность великого князя была сложнее и притягательней нарисованной в историографии плоской карикатуры серого неудачника, если его поддерживали и Церковь, и бояре, и норовистый посад.

Шемяка в 1446 году не выступал с возобновлением притязаний своего отца, он действовал как заговорщик, который воспользовался чрезвычайными обстоятельствами военной катастрофы постигшей Василия. Рассматривать эти два эпизода как единую династическую войну – так же натянуто, как обычай пристегивать к «войне роз» выступление Генриха Тюдора и битву при Босворте, состоявшуюся 14 лет спустя битвы при Тьюксбери, после мирного правления Эдуарда IV и Ричарда III. Продолжавшаяся после этого 6 лет война Шемяки и Василия II была по сути агонией узурпатора, пользовавшегося поддержкой в своей Галицкой земле и Новгороде, и закончившейся его отравлением.

В результате искусственного сращивания в историографии эпизода с Юрием Звенигородским и эпизода с Шемякой, возникает историографическая аберрация, из-за которой весь 37-летний

период правления Василия II предстает как эпоха сплошной нестабильности и неустойчивости великокняжеской власти. Хотя в совокупности периоды, когда власть московского государя была непрочно и всерьез оспаривалась, не составили в общей сложности и 5 лет. Всё остальное время большая часть Московского государства провела в мире и сравнительной стабильности. Сравнить это с бойней, шедшей в Англии, где при Таутоне в один день погибло 12 000 преимущественно знатных воинов, попросту невозможно.

Если мы откажемся от представления об эпохе Василия II как о времени непрерывной династической войны, то нам станут лучше понятны её парадоксальные итоги. Именно в этот период Москва становится безусловным гегемоном среди всех русских земель. Как отмечает М.М. Кром, великое княжение «превратилось в монархию с явной тенденцией к единодержавию. Многие уделы были ликвидированы в ходе междоусобной борьбы, а те, что остались или были заново созданы по завещанию Василия II, или потеряли былую автономию, а их владельцы из «братии младшей» великого князя превратились в его, «великого государя», подданных».

Правление Василия Темного было эпохой наращивания Москвой своих сил для решительного превращения в Россию. Огромную роль в этом сыграла реорганизация талантливейшим воеводой Федором Басенком Государева Двора, превратившегося в полноценную военно-административную корпорацию, сделавшуюся, по выражению А.А. Зимина «организатором побед Василия II и кузницей кадров для администрации Русского государства».

Василию удаётся спроецировать внутренний конфликт в московском великом княжестве на внешние отношения и под предлогом борьбы со своими врагами (в лице семьи отравленного Шемяки) добиться военного разгрома и политической капитуляции Новгорода – новгородцы признают гегемонию московского «великого государя» во внешней политике и законодательстве, его право суда, заменяют свою печать на документах – его печатью. После Яжелбицкого мира 1456 года деяния Ивана III — шелонский разгром

1471 года и присоединение 1478 — были уже, в сущности, чисто технической задачей, поэтому без преувеличения можно считать именно Василия II и его Двор подлинными покорителями Новгорода и создателями московского великодержавия.

Наконец, именно Василий II решительно отверг Флорентийскую унию, изгнал латинствующего митрополита Исидора и учредил автокефальную Русскую Церковь во главе с митрополитом Ионой, сделав Москву подлинным «Ноевым Ковчегом» православного мира. В 1441 году прибывший в Москву Исидор был немедленно изгнан после попытки совершить литургию с поминанием папы и оглашения документа о заключении унии. Москва отвергла унию сразу же и предельно решительно. Москва начала добиваться от патриарха и императора утверждения своего кандидата на митрополию, Рязанского епископа Ионы, который уже ездил в Константинополь, но был обойден Исидором.

Несколько лет Иона фактически возглавлял Русскую Церковь, однако убедившись в том, что ни возвращения в православие, ни дезавуирования Исидора не происходит, в 1448 году собор русских епископов избрал Иону митрополитом и тем самым была установлена автокефалия Русской Церкви. То, что причиной провозглашения автокефалии было именно неправославие в Царьграде совершенно отчетливо указано в послании митрополита в Литву отправленном вскоре после его поставления. «Занеже, сынове, коли было в Цариграде православие, и они оттуды принимали благословение и митрополита. А ныне, сынове, Богу так извольше, и не хотением нашего смирения». Сказано предельно ясно — «когда было в Царьграде православие», тогда оттуда принимали митрополита, ныне же волею Провидения такая возможность исчезла. В 1449 году в грамоте киевскому князю Александр Владимировичу митрополит Иона выражается еще более резко: «Не х кому было посылать. Царь не таков, а ни патриарх не таков, иномудръствующу к латыном приближающуся, а не тако, яко же православному нашему христианьству изначала предано».

Русская Митрополия при святителе Ионе вырабатывает новую державную титулатуру Московских князей. В одном документе Василий II именуется «великим господарем царем руским», в другом – «всея Русския земли самодръжцем». Именно готовность Василия II принять «вызов», связанный с Флорентийской унией и падением Константинополя, и вытекающими из этого церковно-политическими и цивилизационными последствиями, сделала его княжество больше чем второразрядным политическим игроком на шахматной доске Восточной Европы. Возникла своего рода «сингулярность», между военными, политическими и церковными усилиями и Московское государство стало по настоящему уникальным историческим феноменом, которое несомненно может быть описано как нормальное государство нового времени, но не может быть сведено только к нему. Это было молодое национальное государство Восточной Европы в политической проекции и вступающий в свои права наследник Вечной Империи в проекции метаполитической.

Личный вклад Василия II, этого «несломленного человека», по выражению американского исследователя Г.Алефа в решающий поворот русской истории по прежнему остается недооцененным, а абсурдный миф о его «посредственности» кочует из монографии в монографию. Не слишком ли много достижений для «посредственности»? В сыне Василий II нашел замечательного преемника и продолжателя, которому не приходилось, как отцу, горько учиться на собственных ошибках.

Обретение суверенитета

Эпоха правления Ивана III это последовательное оформление России как суверенного государства.

Уже к моменту вступления на престол Иван III не считал себя связанным вассалитетом Орде. Оговорка об орде, касающаяся дани, в соглашениях Ивана III с подчиненными ему князьями звучит теперь

так: «а коли яз, князь великий, выхода в Орду не дам, и мне и у тебя не взяти». Меняется сама идеология восприятия Орды. В послании ростовского архиепископа Вассиана Рыло Ивану III архиерей убеждает великого князя не слушать советников, убеждающих его покориться хану как законному «царю».

Кстати, из этого послания совсем не следует, как поспешно делают вывод многие исследователи, что у самого государя реально были такие сомнения – обращение архиепископа к князю прежде всего публицистический приём, обращенный к широкой аудитории. Вассиан именует Батыя, установившего ордынскую власть над Русью богомерзким и скверным самозванным царем, который «пришед разбойнически и поплени всю землю нашу и поработи и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царска». Эта формулировка совершенно разрушительна, конечно, для «евразийской» мифологии, созданной вокруг отношений Руси и Орды.

Наиболее значимым рубежом стал 1480 год, год окончательного разрыва зависимости от Золотой Орды, осуществленного Стоянием на Угре. «Здесь конец нашему рабству» – писал Н.М. Карамзин. То же самое утверждал и советский школьный учебник написанный Милицей Нечкиной: «Русь окончательно стала независимой в 1480-г... Свержение ига монголо-татарских ханов имело огромное историческое значение. Русское государство завоевало независимость. Развитие хозяйства и культуры страны пошли значительно быстрее».

Наконец выдающийся русский историк Ю.Г. Алексеев подчеркивает: «Летне-осенняя кампания 1480 г. против Ахмата – яркая страница военной истории нашей страны. Еще более существенно, что на берегах Оки и Угры была одержана решающая политическая победа, свергнуто ордынское иго, тяготевшее над Русью более двух столетий. Бескровная победа на Угре – крупнейшее событие эпохи, а воскресенье 12 ноября 1480 г., первый день полностью независимого Русского государства, - одна из важнейших дат в истории нашего отечества».

Со времен стояния на Угре в лексикон русской публицистики входит понятие «отечество». «О храбри мужествении сынове рустии! Подщитесь свое отечество, Русскую землю, от поганых сохранить» — говорится в «Повести о стоянии на Угре», созданной в Ростове под влиянием Вассиана Рыло. Мы обнаруживаем, что Русская Земля интерпретируется в повести не как абстрактное понятие, а как отечество, нуждающееся в защите. Те же, кто не защитил своего отечества, как южные славяне от турок, те «погибоша, отечество изгубиша и землю и государство».

Национальный суверенитет России признавал Иваном III вполне отчетливо:

«Мы Божию милостью государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле» — заявлял великий князь послу австрийского императора Николаю Поппелю.

Историк Михаил Кром выделяет такие признаки суверенитета, как ощущение себя Иваном главой особого «господарства», выделение специальной сферы внешней политики, а во внутренних делах «неограниченность верховной власти, которая на территории данного государства обладает абсолютными и никем не оспариваемыми полномочиями». Любые попытки новгородцев ограничить власть московского государя над своей землей вызывают лишь гнев великого князя: «Вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государству быти, ино то которое государство моё»? «Полная независимость от иных правителей и абсолютная власть в своей земле — таким был для Ивана III идеал государства» — резюмирует Кром. К эпохе Ивана III относится и формирование представления о четких государственных границах.

Бросается в глаза решительность с которой Иваном III и продолжателем его политики Василием III упразднялись автономия

и старые порядки присоединенных земель. Не только упразднялись былые институты, как веча, и вводились московские порядки, но и применялась практика вывода населения. Из покоренного города выселялась местная элита (бояре и посадники с семьями), купцы, даже ремесленники, а на их место переводились служилые люди и торговцы из центральных уездов страны... Такие меры были осуществлены в Новгороде, Пскове и Смоленске после раскрытия в нем антимосковской измены.

После занятия Москвой Тверского княжества в сентябре 1485 года, оно было передано наследнику московского престола Ивану Ивановичу и окончательно присоединено после его преждевременной смерти в 1490. В полуавтономном режиме существовали какое-то время владения стародубских и северских князей, перешедших к Ивану в 1500 году из под власти Литвы. Но «автономии в составе Московского государства имели тенденцию к сокращению, а затем и к полному исчезновению» – отмечает Кром. Он подчеркивает, что «в России XVI века возобладала модель полной интеграции покоренных земель «по праву завоевания»...

Что же позволяло московским государям так быстро приводить к общему знаменателю Новгород, Псков, Тверь, Рязань, столетиями жившие отдельно от Москвы, зачастую бывшие значительно старше, славнее в мире, еще недавно отличавшиеся большей экономической и военной мощью? Конечно не «династический принцип», не принятие Рюриковичей-Даниловичей, каковые не могла пользоваться каким-то специальным авторитетом по сравнению, к примеру, с Тверскими Рюриковичами-Ярославичами (при этом тверской патриотизм был чрезвычайно силен и стоял на выдающейся культурной высоте, к тому же опирался на почитание князя-мученика Михаила Ярославича Тверского, к гибели которого была причастна Москва).

Еще более нелепо предполагать, что династический момент имел значение для Новгорода, с его столетиями республиканского строя и всегдашней готовностью значительной части элиты предпочесть

литовских Гедиминовичей. Для Новгорода, опять же, был характерен высокоразвитый и опиравшийся на давнюю традицию республиканский патриотизм, да еще и с выраженной идеологией противостояния диктату владимирских князей. Менее «антивладимирский», но столь же отчетливый характер носил и патриотизм псковский.

Однако, ни в ходе Ливонской войны, ни в ходе Смуты Новгород не пытается воспользоваться возможностью для сепаратистских поползновений, быстро и безболезненно возвращается в состав России – новгородская измена очевидно коренилась лишь в воображении Ивана IV, расправившегося с новгородцами в 1570 году. Не редкие в Новгороде и Пскове городские восстания никогда не носят сепаратистской окраски, свидетельствуя, что полисное начало в них укоренилось куда глубже, чем сепаратно-государственное. Ничего не слышим мы ни о тверском, ни о рязанском сепаратизме...

Не «династический», как иногда утверждается, а именно национальный принцип был основой создаваемого Иваном III государства. Жесткий унитаризм значительно отличает Россию этой эпохи даже от самых передовых раннемодерных государств, как Франция, характер которой в качестве образцового национального государства не вызывает сомнений. Если образцовое национальное государство Европы – Франция срастается из кусков и частей с большим трудом и так никогда и не преодолело до конца своего лингвистического раскола, несмотря на предельно унификационную политику французского государства, Россия собирается в единое целое как бы сама собой.

Блистательное отсутствие регионального сепаратизма в составе Московского государства свидетельствует о том, что оно имело вполне отчетливую этно-культурную основу, было ранним национальным государством нового времени в той степени, в которой, возможно, им не было в тот период ни одно государство Европы. «Собранные» Иваном III так скоро и органично прирастали

друг к другу не потому, что были соединены общей династией (как раз династия была долгое время главным фактором разделения, как у Москвы с Тверью), а потому, что уже мыслили себя органичной частью единого этно-культурного и, мало того, этно-политического комплекса – Русской Земли.

Представление о «всей Русской Земле», как о реально существующей и нуждающейся в единстве, никуда не исчезает из сознания летописцев, церковных проповедников, а стало быть и их паствы – князей, бояр, купцов, да и простого народа. Характерно самосознание Афанасия Никитина, тверского купца оказавшегося за пределами русских и вообще христианских земель, выучившегося говорить и даже писать по-тюркски. В своей знаменитой тюркской записи в «Хождении за три моря» он противопоставляет любимую им Русскую Землю, мыслимую как единство и целостность, и множественных «князей русской земли», которые «несправедливы». «Да устроится Русская Земля и да будет в ней справедливость» — высказывает свою сокровенную мечту тверской купец.

Предметом патриотической преданности для Афанасия является прежде всего Русская Земля как целое, а множественность князей может быть понята именно как фактор, порождающий несправедливость. В таком разрезе единовластительство, единодержавие, которое, вскоре после кончины Афанасия, начнет устанавливать Москва, должно пониматься именно как установление справедливости. В Дербенте Афанасий обращается к московскому послу Василию Папину, представителю Ивана III, с просьбой похлопотать о русских пленных. А после смерти Афанасия его рукопись оказывается благодаря его московским спутникам-купцам именно в Москве, что еще раз подчеркивает её статус общенациональной русской столицы.

Русское национальное государство

Иван III – наш первый национальный государь, возведший в политический принцип объединение всей Русской Земли в единое государство. «При Иване III в короткий срок, в течение одного двадцатипятилетия. фактически было закончено дело создания Русского национального государства» - отмечал К.В. Базилевич

В работе «Существовало ли русское национальное государство?»² я выделил следующие черты раннего национального государства:

1). относительное совпадение этнонима и политонима; 2). ирредентизм – притязание на соединение в одном государстве всех представителей одного этно-культурного комплекса; 3). неприятие внешней этнократии, то есть отрицание права чужеземцев на власть, стремление иметь своего природного государя; 4). зачаточные формы общенационального политического представительства; 5). тенденция к формированию единого экономического субъекта – внутренний рынок, протекционизм, контроль внешней торговли; 6). оформление национальной церковной организации; 7). формирование идеологии изоляционизма/исключительности, то есть комплекса идей «мы должны быть сами по себе» и, при этом, «мы особенные».

И все эти черты ярко и выпукло присутствовали в истории России XV-XVI вв. и большинство из них определились именно при Иване III.

Совпадение политонима и этнонима налицо. «Россия»=«Русь»=«Русская Земля»=«люди русские» все это однозначно воспринимается как имеющее вполне определенную политическую локализацию. Переход к постоянному употреблению великим князем Московским титула «всея Руси» фиксируется

---

² Холмогоров Е.С. Существовало ли Русское национальное государство? // Национализм: pro et contra. СПб.: РХГА, 2017 сс. 771-779. Автор последовательно придерживается взгляда на досовременное существование наций, в целом разделяя этносимволический подход Энтони Смита. Подробнее см.: Холмогоров Е. С. Русские. Нация, цивилизация, государственность и право русских на Россию. — М.: Книжный мир, 2020. Подробное рассмотрение бытования концепта «русское национальное государство» в советской историографии середины XX века: Юрганов А.Л. Русское национальное государство. Жизненный мир историков эпохи сталинизма. М.: РГГУ, 2011.

довольно точно – это третья четверть 1483 года. Еще в докончании (договоре) Ивана III с великим князем Рязанским Иваном Васильевичем заключенном в июне 1483 г. титул «всея Руси» применительно к Московскому князю не употребляется, а уже в октябре 1483 в жалованной грамоте волоцкому князю Борису Васильевичу Иван III именуется «князь великий Иван Василевич Всея Руси». С этого момента титул «всея Руси», воспринятый из титула русских митрополитов, закрепляется за Иваном III на постоянной основе и используется как в отношениях с удельными князьями, так и во внешнеполитической документации.

В строительной надписи на плите встроенной в Спасскую (Фроловскую) башню Московского Кремля (сейчас хранится в музеях Московского Кремля) сказано:

«IOANNES VASILII DEI GRATIA MAGNUS / DUX VOLODIMERIAE, MOSCOVIAE, NOV/OGARDIAE, TFERIAE, PLESCOVIAE, VETICIAE, / ONGARIAE, PERMIAE, BUOLGARIAE ET / ALIAS TOTIUSQ(UE) RAXIE D(OMI)NUS, / A(N)NO 30 IMPE-RII SUI HAS TURRES CO(N)DERE / F(ECIT) ET STATUIT PETRUS ANTONIUS SOLARIUS / MEDIOLANENSIS A(N)NO N(ATIVIT) A-(TIS) D(OM)INI 1491 K(ALENDIS) M(ARTIIS) I(USSIT)P(ONE-RE)» .

«Иван Васильевич Божией милостью Великий Князь Владимирский, Московский, Новгородский, Тверской, Псковский, Вятский, Югорский, Пермский, Болгарский и иных земель и Всея Расие Государь в лето 30 своего царствования решил и приказал построить сии башни заложил Петр Антоний Солари миланец в лето от рождества Господня 1491 мартовские календы».

Обращает на себя внимание слово «Raxia» совершенно нетипичное для передачи на латыни наименования «Русь». Традиционно оно записывалось как Russia/Rossia/Rhossia. Некоторые исследователи связывают это с популярной в позднее средневековье теорией происхождения имени «Русь» от названия народа роксоланов – «Роксолания», но, по всей видимости, дело куда проще - «Раксия»

это передача со слуха слова «Росия» со столь отчетливо превращающимся в московском произношении безударным «о»: «Raxie» = «Расие».

Ирредентизм выражен в политике великих князей и царей Московских в высшей степени ярко. Выше мы уже цитировали требование бояр Ивана III к польско-литовскому государю вернуть русские вотчины. «Князь хочет вотчины свои — земли русские» — такова и политика сына Ивана — Василия III.

Установка на неприятие внешней этнократии выразилась со всей определенностью в эпоху Смутного Времени. Нежелание терпеть на престоле польских ставленников и польских оккупантов в Кремле, несмотря на любую их формальную легитимность» была важнейшим двигателем событий Смуты к порогу победы над нею. Но уже в эпоху Ивана III угроза появления в Новгороде князей из Литвы рассматривается как достаточное основание легитимизирующее московскую интервенцию и аннексию торговой республики.

Земские соборы, восходящие к церковным соборам, которые стали важным государственным институтом именно при Иване III, были для своей эпохи весьма добротной зачаточной формой национального представительства. Они были всеобщими и всеземельными, их голос воспринимался именно как совет всей земли.

Безусловно имела место единая субъектность во внешней торговле. Государство быстро взяло ее в свои руки и поставило под жесткий контроль.

В Северной Европе этой эпохи наметились две противостоящих друг другу своеобразных «оси» — «вертикальная», ориентированная на ограничение прямых контактов Востока с Западом и посредничество в свою пользу, - она включала Швецию, Ливонию, Ганзу, в значительной степени Польшу и Литву, и «горизонтальная», ориентированная на относительно свободный обмен между основными производящими регионами Северной Европы и

включавшая Россию, Данию, Англию и, в качестве альтернативного Ганзе «честного посредника», Голландию. На место контроля над торговлей Ганзы как вненационального союза коммерческих городов пришло торговое соглашение ранних национальных государств.

Иван основывает русский балтийский порт Ивангород, вызывающий настоящую ненависть у ганзейцев и ливонцев. В 1494 году, после двух десятилетий политики систематических притеснений в отношении ганзейцев Иван III закрыл ганзейский двор в Новгороде и конфисковал его товаров на сумму до 96 тыс. марок серебра. Эта политика Ивана III была частью хорошо скоординированной атаки становящихся национальных государств на своекорыстного посредника – Ганзу. Закрытие ганзейского двора последовало непосредственно за союзным договором двух Иоаннов – великого государя России и короля Дании, заключенным в Нарве в 1493. Датские короли еще с конца XIV века были главными противниками Ганзы — они ограничивали свободу ганзейского плавания через Балтийские проливы, поощряли активность голландских и английских купцов.

Ганза ответила на изгнание широким бойкотом России, нанеся значительный экономический урон. Многие исследователи полагают русско-ганзейский конфликт ошибкой государя. Однако даже если он был тактически неверен, он укладывался в стратегию установления национальной монополии внешней торговли. Другое дело, что подлинного расцвета и прибыльности эта монополия могла достичь только с установлением прямых контактов с Западной Европой через открытые моря, произошедшим при Иване IV. Впрочем, путь вокруг Норвегии регулярно использовали еще послы Ивана III, именно от них английские купцы и получили представление куда плыть и, в итоге, успешно добрались до Холмогор.

Национальная церковная организация была одним из ранних достижений в становлении русского государства. Автокефалия 1448

г. еще при Василии II сформировала эту организацию, а затем она бдительно охранялась, будучи закреплена в 1589 г. с установлением патриаршества.

Идеология национального изоляционизма/исключительности также была сформирована в доктрине преподобного Иосифа Волоцкого: «Русская земля благочестием всех одоле». Там же и доктрина III Рима старца Филофея, которые многие ошибочно считают мессианистской. На самом деле это была изоляционистская доктрина, суть которой в том, что не нужно православному царю Московскому любой ценой, перенапрягая силы, отвоевывать Константинополь — отныне Русская Земля это Третий Рим и это её интересы и есть политические интересы православия.

Национальному государству – национальную стратегию

Огромна роль Ивана Великого и как стратегического военного руководителя значительно опередившего своё время.

Для XV века был характерен определенный образ полководца – военачальник, который все время находится в седле, руководит битвой, лично идет в бой, подвергаясь ежеминутному риску. Основной формой боевых действий был «поход», то есть передвижение войска в поисках сражения или осады.

Войны Ивана III принципиально отличались от стандартов эпохи, напоминая скорее кампании середины XX века. Они велись на огромных пространствах, представляя собой ряд скоординированных ударов нескольких армий. Русские, как правило, использовали амфибийную тактику, атакуя, одновременно, на суше и с воды, комбинируя конницу, пехоту, артиллерию и судовые рати – последние были именно русской козырной картой. Стратегическое военное руководство соответствовало образу нового национального государства и по масштабу, и по бюрократической и логистической сложности организации войны.

Главнокомандующий не гарцевал перед войсками, а располагался в штаб-квартире в тылу, координируя события по всему фронту. Конечной целью было не сражение, а достижение стратегического результата. В то время как большинство правителей той эпохи были талантливыми или бездарными полевыми генералами, Иван III был первоклассным стратегом, имевшим в своем подчинении и отличных полевых генералов – воевод: Данила Холмский, Федор Хромой, Иван Патрикеев, Данила Щеня... Всего список воевод Ивана III насчитывает 156 человек.

«Сам он лично только раз присутствовал на войне, именно когда завоевывал княжества Новгородское и Тверское; в другое время он, как правило, никогда не бывал в сражениях и все же всегда одерживал победы, так что великий Стефан, знаменитый воевода Молдавии, часто поминал его на пирах, говоря, что тот сидя дома и предаваясь сну, умножает свою державу, а сам он, ежедневно сражаясь, едва в состоянии защитить свои границы» — сообщает австрийский дипломат при дворе Василия III Сигизмунд Герберштейн.

И в самом деле, нигде в военной истории мы не найдем такого количества военных побед и масштабных завоеваний при столь небольшом количестве «судьбоносных» сражений. Таковых за всё царствование Ивана Васильевича было ровно два – битва на Шелони в 1471 году, когда Холмский и Хромой разбили новгородцев, и битва при Ведроше в 1500, когда Щеня разбил литовцев.

Зато было множество великолепных военных кампаний вообще обошедшихся без генерального сражения. Поход на Новгород в 1478 году, приведший к концу независимости республики, состоял в стремительном перехвате коммуникаций и осадных действиях.

Стояние на Угре в 1480 – подвижная защита переправ на пути ордынского набега в сочетании с вероятным ударом по ордынским тылам судовой рати, дошедшей до Сарая. Пока русская рать удерживала орду Ахмата на берегу Угры, не позволяя с помощью

артиллерии пересечь водную преграду, судовая рать под командой Василия Ивановича Ноздреватого Звенигородского и служилого татарского царевича Нур-Даулета двинулась по Волге до Сарая и нанесла врагу удар в тыл, разграбив ордынскую столицу. Орда Ахмата потеряла устойчивость и, в конечном счете, повернула³.

В 1484 году приход русской рати к Казани привел к дворцовому перевороту и воцарению промосковского хана Муххамед-Эмина, а в 1487 город и вовсе капитулировал после короткой осады и стал рассматриваться в московской документации как «отчина» русских государей (что и позволило впоследствии Ивану IV его присоединить).

Семилетняя приграничная война с Литвой (1487-1494) состояла из ежегодных небольших внезапных набегов и принудила литовцев смириться с потерей Верховских княжеств.

В практике Ивана Великого как стратега было такое уникальное мероприятие как «поход миром» на Новгород в 1475 году, подготовивший окончательную аннексию в 1478. Государь «пошел к Новгороду миром, а с людьми со многими», расположился с войском у новгородских стен на Городище и начал лично судить новгородцев, принимая бесчисленные жалобы. В основном простые люди просили защиты от притеснений, чинимых новгородской боярской элитой. Одной из издержек новгородской олигархической «свободы» было разделение города на зоны контроля бандитских боярских группировок, формой выяснения отношений между которыми был «наезд» — вооруженное нападение с ограблением. Новгородцы подали жалобу за наезды на посадника Василия

---

³ Вопрос об историчности похода Нур-Даулета и Ноздреватого – один из ключевых при реконструкции событий стояния на Угре. Рассказ о нем содержится в «Казанском летописце» (Казанская история. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954 сс. 56-57) и не имеет параллелей в других источниках. Это позволило С.М. Соловьеву отвергнуть его как недостоверный. Но при этом надо учитывать общую историографическую тенденцию Соловьева к умалению личности Ивана III, представлению стояния на Угре как «негероического» события, то есть мы имеем дело с классическим анти-мифом. Вслед за К.В. Базилевичем (*Базилевич К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., Территория, 2001 сс.145-146*) мы не видим оснований отвергать этот рассказ: он удачно объясняет мотивы действий Ахмата и ложится в канву других стратегических операций Ивана III, неизменно включавших войну на реке. Было бы странно, если бы в минуту крайней опасности Иван не использовал инструментария речной войны.

Онанина и еще трех видных бояр, а Государь велел тех схватить и отправить в оковах в Москву.

Если бы Бэзил Лиддел-Гарт пристальней изучал бы русскую историю, то он просто обязан был бы посвятить Ивану III восторженную главу в «Стратегии непрямых действий». Вряд ли Иван III читал Сун-Цзы, но он, несомненно, руководствовался его принципом: «лучшее из лучших – победить не сражаясь».

Поворот оси мировой истории - открытие Сибири

Именно Ивану III принадлежит великий геополитический проект, навсегда изменивший ход мировой истории, быть может сильнее, чем путешествие Колумба – направление русского войска за Урал. Английский историк и культуролог Фелипе Фернандес Арместо не случайно полагает, что зауральский поход привлек бы куда большее внимание «космического наблюдателя», чем плавание «Пинты».

«В следующем столетии меха стали для Московии тем же, чем были пряности для Лиссабона... В 1465, 1472 и 1483 годах Иван посылает экспедиции в Пермь и на Обь за данью — собольими мехами, но самым значительным стало вторжение 1499 года. Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов. Армия, предположительно численностью в четыре тысячи человек, с санями, запряженными оленями и собаками, зимой перешла по льду Печору и достигла Оби за Полярным Уралом, вернувшись оттуда с тысячей пленных и огромным количеством мехов. Посол Ивана в Милане говорил, что у его господина собольих и горностаевых мехов на миллион золотых дукатов.

Первая большая кампания на Оби несомненно была началом чего-то значительного. Морские империи, основанные западноевропейскими государствами по следам Колумба, Кабота и Васко да Гамы, исчезли. Поистине из всех европейских империй, основанных в начале современного периода, уцелела только

Российская империя в Сибири; ее потенциал и сегодня далеко не освоен. И если космическому наблюдателю судьба югры в 1490-е годы покажется более интересной, чем участь араваков или кои-кои, кто может сказать, что он не прав?».

Начиная с 1465 по 1499 год русские войска совершили множество экспедиций, направленных на подчинение новгородских владений на Востоке и на нейтрализацию попыток Казанского ханства их перехватить. Большинство из них, правда, касалось прежде всего земель черемисы (мари), вотяков (удмуртов), и Пермской земли. Однако дважды походы затрагивали и далекую Югру.

В 1465 году устюжанин Василий Скряба с отрядом «охочих людей» и в сопровождении жителей бассейна реки Вымь (приток Вычегды) во главе с их князем Василием Ермоличем, сделал вылазку в пределы Югры и подчинил московской власти Югорских племенных вождей.

В 1483 году состоялся масштабный поход русских ратей в Югру. Войско было сформировано из устюжан, вычегжан, вымечей сысоличей и пермяков, возглавили его московские воеводы князь Феодор Курбский-Черный и Иван Иванович Салтык-Травин. Предлогом военной экспедиции была поддержка Казанского ханства против его противника ханства Сибирского, поданный которого вогульский (мансийский) князь Асыка, которому подчинялись вогулы в районе реки Пелыма, совершал набеги на подданных московского князя зырян (коми).

Поход «судовой рати» вышел из Устюга Великого, поднялся по притоку Камы Вишере, а дальше по притоку Вишеры Вилсую начался горный сплав русских ушкуев – на них не гребли, а тянули бечевой вверх по горной речке, затем через уральский «Камень» переволокли и корабли, и оружие, и припасы и начали спуск по горной речке Коль, притоку речки Вижай, притоку уже вполне судоходной речки Лозьва, притока реки Тавда, являющейся притоком Тобола, являющегося притоком Иртыша, крупнейшего притока великой Оби. Русская рать совершила первый в истории

достоверно доказанный (хотя и не первый, конечно же, в абсолютном смысле, как и Америку открывали до Колумба много раз) переход через Уральский хребет.

Русская судовая рать разбила Асыка в сражении у укрепленного «городка» Пелым, русские, бившие огнестрельным оружием с судов бесконечно превосходили по силе вогулов. В бою погибло устюжан 7 человек и вогулов множество. Дальше крупных сражений не было — русские рати прошли по всей системе притоков «вниз по Тавде, мимо Тюмени в Сибирскую землю; воевали идучи добра и полону вяли много. А от Сибири шли по Иртышу... вниз, воюючи, да на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей Югорских воевали и в полон вели».

Политическая часть похода завершилась покорением «Кодского княжества». Кодский князь Молдан и сыновья другого князя Екмычая были захвачены в плен и уведены в Москву. При посредничестве пермского епископа Югорские вожди обратились к Ивану III с просьбой вернуть князя, для чего по языческому обычаю принесли присягу на верность Московскому государю. «Кодские князья подтвердили клятву на верность священным обрядом — «с золота воду пили». При заключении мира Югорские «князья» совершили магические обряды и дали клятвы, при которых фигурировали ель, шкура медведя, жаба, рыба, хлеб и оружие. Епископ, представлявший в переговорах особу Ивана III, велел отслужить молебен». Следующей весной Югорские представители прибыли в Москву, доставили великому князю ценные меха и просили освободить пленников, что и было сделано, в обмен на клятву поставлять в Московскую казну дань мехами.

Спрос на северные меха был велик. Каждую зиму, по сообщению венецианца Амброджо Контарини, в Москву съезжались во множестве немецкие и польские купцы, чтобы приобрести северные меха. И некоторые из европейцев начали подумывать о том, чтобы пробраться в Сибирь самостоятельно. В 1492 году посол германских императоров Максимилиана и Сигизмунда Михаил Снупс начал

неожиданно проситься у Ивана разрешить ему путешествие за Обь. Лазутчику пришлось вежливо но твердо отказать и отослать назад с письмом к «цезарю» следующего содержания:

«Иоанн, Божьею милостию государь всея Руси..., наияснейшему и величайшему другу и брату нашему возлюбленному здравие, радость и честнейшее животование! Твое величество прислал к нам Михаила Снупса, и мы для дружбы и братства с тобою приняли его ласково и держали в своем жалованье. Он просил нас, чтоб мы отпустили его в дальние земли нашего государства, которые лежат на востоке, на великой реке Оби; но мы его туда не отпустили по причине большого расстояния, дальнего пути: и наши люди, которые отправляются за данью, проходят туда с большим трудом. Потом он просил, чтоб мы отпустили его в Турцию и Польшу; но мы и туда его не отпустили из страха, чтоб не сделалось с ним там беды, а отпустили его к вам, в Немецкую землю, тем же путем, каким пришел».

Такие эпизоды должны были побудить великого князя жестко и однозначно подчинить Югру власти Москвы. Экспедиция 1499/1500 года должна была поставить подчинение Югры на прочную основу. С самого начала она была задумана с большим размахом — 4041 воинов, которыми командовали князь Семен Федорович Курбский (сын предыдущего покорителя Югры Феодора Курбского Черного) — в его отряде было 1304 вятчанина и 500 вычегжан, князь Петр Ушатый, принадлежавший к той же группе ярославских князей, что и Курбские (1920 важан и пенежан), и Василий Иванович Гаврилов-Бражник (200 вятчан, 100 арян [удмуртов], татар и «отяков» [вотяки-удмурты или остяки-ханты?]). К экспедиции были приписаны «дети боярские» и вятчане-жильцы [то есть служилые люди, выведенные из провинциальной области в Московскую землю для службы при государе]. Наказом отряду было идти «на Югорскую землю в Коду», а по пути занять Ляпинское княжество на левых притоках Оби.

В день введения Пресвятой Богородицы во храм, 21 ноября войска от устья притока Печеры - Щугоры отправились «к Камени» то есть к

Уральским горам. Основная часть войска во главе с С.Ф. Курбским шла «через Камень щелью», то есть по льду Щугоры, прорезающей Урал насквозь. До Урала шли две недели, насчитав за спиной 4650 верст пройденного пути.

Особенностью этого похода было использование вместо более традиционной для русских тактики речного сплава, совсем другой — войско шло на лыжах-«нартах». Лыжные походы для русского войска в XVI веке не были редкостью. Основную часть пути даже князь Семён Курбский шел, как сообщает Герберштейн, «пешком» (то есть на лыжах). Впрочем, суда везли (и несли) с собой, и в бассейне Оби действовали уже привычным для лета способом.

Этот образ потомка Ярославских князей идущего на лыжах через Урал как нельзя лучше состыкуется с нарисованным Герберштейном портретом князя — аскета и строгого ревнителя православных канонов «человек старый, сильно истощенный крайним воздержанием и самой строгой жизнью, которую вел с молодых лет. Именно в течение многих лет он воздерживался от употребления мяса, да и рыбой питался только по воскресеньям, вторникам и субботам, а по понедельникам, средам и пятницам во время поста он воздерживался и от нее. Великий князь посылал его в свое время главным воеводой с войском через Великую Пермю в Югру для покорения отдаленных народов. Значительную часть этого пути он совершил пешком из-за глубокого снега, а когда тот растаял, остальную часть пути проплыл на судах».

Переход через горы сопровождался обследованием местности и Семен Федорович даже предпринимал попытку забраться на «Столп». «Он потратил семнадцать дней на восхождение на гору и все-таки не смог одолеть ее вершины, называемой на его родном языке «столп» - рассказывает Герберштейн. По мнению исследователей под столпом имеется в виду гора Тельпос-из (1614 м.) — одна из высочайших и красивейших гор Урала, нависающая над Щугорой.

Пройдя Урал русское войско вышло к реке Ляпин, притоку Северной Сосьвы, «от Камени шли неделю до первого города Ляпина». Из Обского устья, с Обдора, прибыли на оленях Югорские князья уже бывшие союзниками Москвы. По всей видимости, именно югорцы привезли необходимое для зимы транспортное снаряжение и «от Ляпина шли воеводы на оленях, а рать на собаках».

Дальше началась масштабная военная экспедиция, о которой, как ни странно, сведения сохранились в намного более общем виде, чем о путешествии. Нам известно, что Курбский и Ушатый «поимали 33 города, да взяли 1009 лутших людей, да 50 князей привели». Отдельно действовала экспедиция В.И. Гаврилова-Бражника, действовавшая по всей видимости южнее на Лозьве, Пелыме, Конде (в районе действий экспедиции 1483 года). «Да Василей же Бражник взял 50 городов». Экспедиция князей Курбского и Ушатого победоносно возвратилась в Москву на пасху 1501 года.

Дипломатия Третьего Рима

Хитроумие и масштабность мысли большого стратега распространялись у Ивана Великого и на его дипломатию. Государь всюду умел находить друзей, сталкивать друг с другом врагов, привлекать к себе даже вчерашних противников.

Иван III успешно внедрил в русскую внешнюю политику принцип «дружбы с врагами врагов» и применял его с невероятной эффективностью. Противостояние с ханом Большой Орды Ахматом на Угре вряд ли было бы выиграно, если бы не союз Ивана с крымским ханом Менгли-Гиреем. Против ближних врагов и конкурентов – Швеции и Ганзы Иван III нашел ценного партнера в лице Дании.

Установив связи с Империей Габсбургов, искавших союзников против Турции, Иван немедленно начал добиваться единого фронта с Веней против Польши. Австро-Русская ось в XVI веке стала для Польши-Литвы серьезным сдерживающим фактором. Характерный

факт – империя Габсбургов отнеслась к державным притязаниям Москвы не только без враждебности, но и подогривала их. Первый же посол из Вены предложил Ивану королевскую корону и династический брак дочери князя с императором, на что получил ответ, что русские государи издревле самодержавны и в пожаловании короны не нуждаются.

«Византийский брак», заключенный при поддержке папского престола, резко повысил международный престиж России – великий князь Московский сразу начал рассматриваться как легитимный и статусный игрок на европейской дипломатической арене с которым престижно и выгодно было поддерживать дипломатические контакты.

Понятно, что главное, что интересовало гостей с Запада – это возможность втянуть Москву в антиосманский союз. И здесь тема «византийского наследия» русских государей была как нельзя кстати. Однако дипломатия Ивана III и его сына Василия III придерживалась национальной ирредентистской программы – возвращение «русской отчины». В ответ на многочисленные квазивизантийские соблазны русская мысль выработала концепцию России – Третьего Рима, записанную уже при Василии III, но оформившуюся несомненно под впечатлением правления Ивана III.

«Вся христианская царства приидоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя, по пророческим книгам, то есть Ромейское царство [так в старейшей рукописи, в других – «Россейское»]: два убо Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не быти».

То есть Русское государство и есть истинный Рим, третий извод Ромейского царства, а четвертому не бывать. Нет никакого смысла сражаться с агарянами за Константинополь, поскольку именно Русь и есть теперь истинный Рим, третий Рим.

Позднее, в принадлежащем кругу митрополита Московского Макария послании Ивану Васильевичу Грозному Русь описывается так «Константинопольскаа церькви разрушися и положиися в

попрание, яко овощное хранилище. И паки третий Рим бежа, иже есть в новую Великую Русию, се есть пустыня... и един Православный Великий Русский Царь в всей поднебесной, яко же Ной в ковчезе спасенный от потопа, правя и окормляя Христову Церковь и утвержаа Православную веру».

Русская политическая и церковная мысль эпохи Ивана III, Василия III и Ивана IV выработала вполне четкую доктрину: Россия не должна гоняться за призраками на Босфоре, так отныне не Константинополь, но сама Русь есть истинный Рим. Укрепление Русского государства, собиране Русских земель, Русской Отчины, и есть истинное служение истинной Церкви.

Этому укреплению была подчинена и культурная политика Ивана III.

Русь, ты вся Ренессанс на морозе

Еще одним проявлением гения Ивана III была та решительность, с которой он сумел сделать ставку на культурные влияния из наиболее передового региона тогдашней Европы – Италии. Монетные мастера, военные инженеры, строители, архитекторы, лекари ехали в Россию оттуда, где их искусство находилось на самых передовых рубежах. «Византийский брак», бывший не в меньшей степени «итальянским браком», был не началом, а составной частью этого процесса.

Фактически Ивану III удалось повторить культурный скачок князя Владимира. Тот, приняв византийское Православие, религию самой развитой на тот момент цивилизации, сумел скомпенсировать для Руси то тысячелетие цивилизационного развития, которого у нее, в отличие от Франции или Англии, не было. Иван III почувствовал потенциал ренессансной Италии раньше, чем её западные соседи.

К тому моменту, когда в 1494 г. начались Итальянские войны, перенесшие Ренессанс через Альпы, в Москве уже 15 лет как стоял построенный Аристотелем Фиорованти Успенский Собор,

несомненно – один из шедевров ренессансного зодчества, органично соединивший византийские, русские, готические и собственно ренессансные мотивы. Затем следует великокняжеский дворец, от которого сохранились Грановитая палата и Золотая Наугольная палата, колокольня Ивана Великого, кремлевские стены и башни, Архангельский собор-усыпальница. Всего за несколько десятилетий рубежа XV-XVI века Московский Кремль превратился в один из самых заметных ренессансных архитектурных комплексов тогдашней Европы.

Тот расцвет, который ренессансная архитектура получила на русской почве, был, конечно, не случаен. Художественные принципы ренессанса лучше рифмовались с принципами византийско-русской православной архитектуры, нежели готика, которой была застроена остальная часть Северной Европы. Итальянская архитектура не прижилась ни во Франции, ни в Германии, ни в Польше, зато оказалась совершенно органична в России. И сегодня оказавшись на севере Италии – в Вероне или Милане, невозможно не испытать восхищенной растерянности от узнавания «кремлевских» зубцов на стенах замков Скалигеров и Сфорца и даже рядом с «балконом Джульетты» в Вероне.

Но помимо переворота в искусстве – эпоха Ивана III это и значительный подъем в области литературы и церковной мысли, проходивший в своеобразной форме русской контрреформации. Основные литературные достижения этой эпохи связаны с полемикой защитников православия против ереси жидовствующих, пользовавшихся определенным попустительством Великого Князя. Полемику против еретиков вели святитель Геннадий Новгородский, наряду с собственными посланиями инициировавший первое полное русское издание Библии (недостававшие в старых славянских переводах части были заново переложены с латыни) и преподобный Иосиф Волоцкий, написавший обширный «Просветитель» и сформулировавший принцип «Русская земля ныне благочестием всех одолела».

«И якоже древле нечестием всехъ превзыде Руская Земля, тако и ныне благочестием всехъ одоле. Во инехъ бо странах аще и мнози быша благочестивии и праведнии, но мнози беяху и нечестивии, и невернии, с ними живуще и еретическая мудръствующа. В Русей же земли не токмо веси и села мнози сведоми, но и гради мнози суть единого пастыря Христа едина овчата суть, вси единомудръствующе, и вси славяще Святую Троицу» - такова сформулированная в «Просветителе» преподобным Иосифом Волоцким именно в царствование Ивана III доктрина русского «православного национализма», в котором основанием национальной гордости выступает верность евангельскому слову и неповрежденному церковному учению.

В полемике с ортодоксально-националистическим направлением Геннадия и Иосифа оформляется мысль «нестяжателей», возводивших себя (не всегда обоснованно) к Нилу Сорскому, выступавшему за обращение к чуждому мирских дел аскетизму и сравнительно снисходительное отношение к еретикам.

Из околоеретических кругов, связанных с Еленой Волошанкой, вышли «Сказание о князьях Владимирских», возводившее русских государей к брату Августа Кесаря – Прусу и «Сказание о Дракуле» — написанный Федором Курицыным первый учебник политического макиавеллизма до Макиавелли. В начале XVI века, как закономерный итог «иоанновской» культурной революции, расцветает самобытная русская публицистика.

Наименее ярким оказался образ Ивана III, как ни парадоксально, в истории Русской Церкви. Святым боголюбцем, в отличие от многих своих предшественников и преемников, он в церковной памяти не остался. Для великого князя был характерен значительный вероисповедный прагматизм, отсутствие той глубинной религиозности, которые отличали его отца или его внука. В этом в нем тоже чувствовалось ренессансное начало. В окружении Великого Князя были и многочисленные католики-итальянцы, и

еретики-жидовствующие как дьяк Фёдор Курицын. Он каждому находил применение.

Однако удивительным было смирение Великого Князя перед Церковью. В решающую минуту он никогда не ставил себя выше Неё. Вот сопровождающий Софью Палеолог папский легат Антоний пытается торжественно войти в Москву неся перед собой латинский крест. Митрополит Филипп I реагирует на это обращенной к Ивану III угрозой: *«Он во врата граду, а яз, богомолец твой, другими враты из града»*. Изречение, которое будь мы внимательней к своей истории, могло бы попасть в список крылатых – как «Париж стоит мессы», только наоборот. И князь немедленно посылает к легату требуя убрать символ униатских замыслов, да и сами замыслы благополучно проваливаются.

Покрывая еретиков и еретичествующих иерархов, великий князь, однако, не мешает святителю Геннадию Новгородскому и преп. Иосифу Волоцкому обличать ересь и выводить её на чистую воду. В конечном счете он принимает политическое решение вырвать ядовитые корни ереси с Русской Земли. Источники не позволяют нам в полной мере оценить соотношение политических, личных и религиозных мотивов, побудивших великого князя отказаться от воцарения Димитрия-Внука и покровительства его матери – Елене Волошанке, но промыслительный религиозный смысл событий 1503-1504 годов был несомненным. Стоящий на пороге смерти и подводящий итог своему наследию Великий Князь сумел стать больше самого себя, выступить не только прагматичным князем Московским, но и православным Государем Третьего Рима. Русская Земля действительно благочестием всех одолела.

***

Отличавшийся исключительным масштабом дарований Иван III на голову превосходил современников как стратег. Его армии действовали на пространстве от Крыма до Югры, он уничтожал

республики и сотрясал царства, он менял маршруты и правила мировой торговли. Именно при нем начался культурный и идеологический переворот, приведший к созданию великой русской культуры как всеевропейского и всемирного явления. Но центром, сердцем всего этого масштабного процесса была идея России как национального государства, как политического учреждения всей Русской Земли.

Великий князь Иван Васильевич стал Государем Всея Руси. «Отчина» стала Отечеством.

ИВАН ГРОЗНЫЙ И ЕГО ЭПОХА

25 августа 1530 года в подмосковном селе Коломенском у Великого князя Московского и Всея Руси Василия Ивановича родился долгожданный наследник, Иван, который получит в новейшей историографии прозвание Грозный.

Мало о ком ведется в русской истории такое количество ожесточенных споров – кровавый тиран и сыноубийца – или первый царь, искоренитель измены, пророк, видевший на столетия вперед государственные интересы, или неудачник, лишь портивший то, что делали мудрые советники, которых он в итоге переказнил, создатель Великой России, или разрушитель, втолкнувший страну в страшную смуту. Крайность порождает крайность. Решительное «Нет» – решительное «Да» и наоборот. Повторение германской пропаганды времен Ливонской Войны о «кровавом тиране» соревнуется с мифом о «святом царе», профанирующим само понятие святости.

Эти крайности порождают ужасающую несправедливость. На столетия была сдвинута на периферию внимания историографии великая битва при Молодях в августе 1572 года, в которой речь шла о самом существовании Русского государства, - лишь потому, что относилась к тому периоду царствования царя Ивана, который решено было считать мрачным и состоящим из одних теней. С другой стороны, попытки доказать полную непричастность Ивана Васильевича к опричным преступлениям, или к смерти его сына Ивана порождают конструкции на грани пресловутой «фоменковщины», строящиеся на демагогическом отвержении исторических источников и фактов. Иногда и вовсе доходит до кощунства, когда «иоанновцы» начинают обличать как «врагов народа» святых – замученных по царской воле митрополита Филиппа и игумена Корнилия.

Причина, по которой историческому разуму и памяти так трудно справиться с эпохой Ивана Грозного состоит, пожалуй, в её

чрезвычайности и насыщенности. Если сейчас просто выписать её основные вехи – войны и походы, государственные реформы, церковные и земские соборы, бунты и казни, творения русской культуры и духа, деяния великих и мелких людей, то голова уже пойдет кругом – практически невозможно будет вместить в себя и как-то уложить множество ярких событий и противоречивых тенденций.

XVI столетие было чрезвычайно ярким во всей Европе – это была эпоха Реформации, конца Ренессанса, итальянских войн, гугенотских войн, нидерландского восстания, освоения Нового Света и закрепления европейцев на пути в Индию, первых шагов капитализма. Но, все-таки, даже если взять любую из европейских стран той эпохи – Францию, Испанию, Германию, Англию, то её история в отдельности окажется гораздо беднее и скучнее той, что пережила при царе Иване Россия. Ход событий на Русской равнине был равен по насыщенности истории не одной отдельной страны, но целого континента. Разумеется, человек вмещавший в себя полувековую эпоху на огромном пространстве и все её противоречия не мог и сам не быть соткан из противоречий.

Прежде всего, царствование Ивана Грозного имело своим результатом изменение масштаба русского пространства, а, следовательно, и русской истории.

Иван Васильевич еще в молодые годы был провозглашен и помазан первым Царем Всея Руси – этим символическим и мистическим событием увенчалось создание единого и великого Русского Государства на основе Московского княжества. Династия Ивана Калиты собрала Русские Земли и создала великое православное царство, сохранившее веру после духовного и политического падения Византии. Соединение русского национального государства и вселенского православного царства, продолжателя мистической имперской традиции Ветхого и Нового Рима, дало великую державу континентального масштаба самозидание которой началось именно при Иване IV.

Присоединение Казани, Астрахани, и объединение под царской рукой всего Поволжья. Начало борьбы с Крымским ханством за Дикое Поле, плодом коего было формирование казачества, создание Большой Засечной Черты и строительство городов-крепостей, включая Орел, увековечивший ныне своего основателя. Выход русских на Кубань и Терек. И, наконец, начало блестящей Сибирской эпопеи в которой царь сумел использовать в государственных целях энергию русского предпринимательства в лице дома Строгановых. Россия Ивана Грозного увеличилась без малого вдвое и стала той Россией, для которой со всей определенностью начал действовать эффект «отдачи от масштаба» без которой русский исторический успех попросту немислим.

Именно при царе Иване Россия стала глобальным геополитическим и геоисторическим игроком, действия которого оказывают долгосрочное влияние на весь ход мировой истории.

На южном фланге Россия оказалась невольным участником великой антитурецкой войны. Именно поражения, нанесенные Османской империи и её крымско-татарскому вассалу на Мальте (1565), под Астраханью (1569), при Лепанто (1571) и у Молодей (1572) остановили раскручивание маховика османской экспансии в Европе и Азии. Султаны стали переходить к обороне.

Однако война за Астрахань, в которой князь Серебряный разгромил присланное из Константинополя 30-тысячное турецкое войско, включавшее янычар, в нашей истории оказалась забыта. Еще более чудовищным является пренебрежение битвой при Молодях, хотя в ней решалась сама судьба России. Эта битва по праву должна находиться в одном ряду с Куликовской, Полтавской, Бородинской и Сталинградской, а её герои – князь Михаил Воротынский и воевода Дмитрий Хворостинин – войти в пантеон величайших русских полководцев. Не так давно события этой битвы описаны в замечательном романе Дмитрия Володихина «Смертная чаша».

XVI век был эпохой, когда Великая европейская морская экспансия привела к «первой глобализации» – мореплаватели стали исходить из того, что земля – шар и пользоваться этим фактом в исследовательских, торговых и завоевательных целях.

Драматичным было вхождение России в глобализацию на северном европейском направлении. Развернув интенсивный торг с англичанами и голландцами в районе Печенги, а затем Холмогор и Архангельска, Россия Ивана Грозного подключилась к самому ядру формировавшейся европейской капиталистической мир-системы. Для обеих северных протестантских капиталистических стран именно «московская торговля» была теми парусами, которые вынесли их на командные позиции в мир-экономике.

Англичане старались выбивать себе торговые привилегии и влиять на политику Москвы, пытались даже поставить царя под контроль через врача и астролога Бомелия, последователя Парацельса, пользовавшегося Иваном опийными настойками и натравливавшего государя на собственных бояр и воевод. Даже после лютой казни Бомелия влияние англичан на русскую политику сохранялось и даже усиливалось. К концу правления Ивана IV, Джером Горсей – резидент главы английской разведки Уолсингема был, мягко говоря, нерядовым человеком на Москве. Смерть царя не случайно была встречена радостным восклицанием главы русской дипломатии дьяка Щелкалова: «помер ваш английский царь!».

Но в целом, нельзя не признать, что царь Иван встретил этот глобалистский вызов достойно. Он заставил англичан рассматривать Россию как равного партнера, превратил масштабную торговлю с Лондоном в неиссякаемый источник серебра для царской казны, позволявший вести масштабную политику.

XVI был эпохой проникновения раннекапиталистической торговой экспансии европейцев всюду. В большинстве случаев экономическая экспансия шла рука об руку с политической и военной. В большинстве случаев она приводила к разрушению суверенности

тех обществ, куда проникали «просвещенные мореплаватели». В большинстве случаев тооговый обмен производился европейцами частично или полностью внеэкономическими методами. Россия, конечно, была крепким орешком, но ничто не говорило о том, что решить с ней вопрос будет сложнее, чем с какой-нибудь Бенгалией. Строго говоря, под европейцами можно было либо сломаться, как это сделали большинство тогдашних обществ, либо их прогнать, пока были силы. Как хватило мужества и мудрости поступить японцам в сегунат Токугава.

Политика Ивана IV оказалась третьим решением, которое в полном объеме никто так и не смог в мире повторить. Иван произвел абсолютную монополизацию внешней политики (не торговли, торговля была в частных руках, а именно политики - установления правил игры, переговорного процесса и т.д.). Иван IV значительно опередил свой век, создав подлинный внешнеполитический моносубъект гораздо раньше, чем та же степень моносубъектности была достигнута в большинстве европейских стран. В России была создана система профицитной внешней торговли, которая финансировала русское государство за счет англичан и голландцев, причем эта система позволяла выходить из убийственных для большинства стран тогдашней Европы финансовых кризисов вроде того, с которым столкнулась Россия в середине XVII века, в эпоху Медного Бунта.

«Иван Грозный пытался установить автономию Российского государства от европейского мира-экономики, и, в краткосрочной перспективе, это, как мы видим, ему удалось... Он не пускал незваного гостя на порог достаточно долго, чтобы впоследствии, когда этот мир-экономика все же поглотит Россию, она вошла в его структуру, как полупериферийное государство (наподобие Испании XVII–XVIII веков), а не как периферия типа Польши» - отмечал создатель мир-системного подхода американский социолог Иммануил Валлерстайн.

Именно торговая угроза с Запада подтолкнула Россию к решительному расширению в Сибирь. В Европе того времени, прежде всего – в Англии, существовала мечта о достижении Китая «Северным путем» – либо в обход Азии, либо по течению реки Оби, от истоков которой, якобы, быстро можно добраться до китайской столицы. При этом «царь Московитов» воспринимался как препятствие, а преодоление этого препятствия планировалось на пути создания своего рода «полярного Гонконга». «Очень хорошо, если бы вы отыскиали какой-нибудь небольшой островок на Скифском море, где мы могли бы в безопасности основаться...» - говорилось в инструкции, данной «Московской компанией» капитанам Пэту и Джекману в 1580 году, за год до похода Ермака. Поход в Сибирь и её присоединение были превентивной акцией по предотвращению колониального перехвата англичанами или кем-то, кому еще могло прийти в голову попытаться плавать в Китай по Оби.

Борьбу Ивана Грозного за Ливонию невозможно понять, если не ставить её в этот двойной контекст – русской ирреденты, формируемой представлением о границах «вотчины Рюриковичей», и поиска удобных торговых маршрутов, в рамках которого царь сразу же развернул бойкую торговлю в Нарве и снарядил на Балтике целый корсарский флот в стиле Хокинса и Дрейка.

Именно Ивану IV первому пришлось столкнуться с феноменом «санитарного кордона» которым восточноевропейские соседи России пытались отгородить Россию от стран европейского ядра. Именно эти санитарные задачи преследовала развязанная против царя истеричная клеветническая кампания. Восемьдесят так называемых «летучих листков» были напечатаны в Германии специально для агитации против русских и их государя. И именно в них впервые возник образ Ивана как чудовищного кровожадного злодея, убийцы и людоеда.

Необходимо понимать, что образ «кровожадного Ивана» формировался в Европе не на основании действительных или

мнимых жестокостей русского государя, а с помощью выведения его предполагаемых свойств из ярлыка «тирана» приклеенного ему русофобской публицистикой:

«Место в иерархии правителей мира для Ивана Грозного было определено чётко и однозначно: тиран... - отмечает один из ведущих специалистов по эпохе Ивана Грозного, А.И. Филюшкин, - Гоказательно устойчивое использование термина тиран применительно к Ивану IV: так в европейской публицистике до того называли преимущественно турецкого султана, а также Лютера. Присвоив это имя русскому правителю, западные гуманисты синхронно перенесли на него всю семантическую нагрузку понятия тиран, сформировавшуюся ещё на античной экзегетической традиции. Поэтому им не надо было углубляться в изучение качеств и поступков московитов: заранее было известно, как держат себя тираны и каковы модели поведения их несчастных подданных... Ивана Грозного сравнивали с античными деспотами... Один из самых обширных списков содержится у Гваньини: «Ныне тот, кто владеет Московитской державой, превосходит своей жестокостью Нерона, Калигулу, Гелиогабала, Максимиана, Фаларида Агригентского или даже Бусирида или Мезенция и, наконец, всех тиранов, которые описаны и ославлены историками, а также поэтами».

Нельзя сказать, что Иван IV справился с задачей прорыва этого кордона – к сожалению тут он потерпел скорее неудачу, в том числе и из-за своей несдержанности, грубости, задиристости и высокомерия как дипломата. Но он вел трудную борьбу более двух десятилетий и заставил противника изрядно понервничать. Изнурительная борьба за Ливонию, принесшая на первом этапе блистательные победы – взятие Нарвы и Феллина, отвоевание Полоцка, Ливонский поход 1577 года, закончилась неудачей в результате войны на два фронта против Польши и Швеции в 1578-1582 гг. Но эта борьба заложила предпосылки того, что в течение следующих полутора столетий все поставленные Иваном задачи были выполнены и перевыполнены.

Если искать ближайшую аналогию Ливонским войнам (1558-1583), именно войнам, а не войне, - единственное число тут – произвольная историографическая конструкция для того, чтобы усилить ощущение поражения, то её указал еще полтора столетия назад выдающийся русский историк Т.Н. Грановский. Это Итальянские войны, сотрясавшие Европу почти в то же время (1494-1559). Их протагонистом была Франция, пытавшаяся завоевать Италию, одержавшая немало громких побед и потерпевшая ряд ужасных поражений. В конечном счете эти войны закончились для Франции неудачей, восторжествовала ненадолго Империя Габсбургов, однако тоже крайне истощенная противостоянием. После Ливонских войн начался подъем Речи Посполитой и Швеции, однако не прошло и полтора столетия, как обе эти силы были сокрушены взаимным столкновением, а затем добиты Россией.

Вряд ли было бы уместно говорить о «слабости» и «ничтожестве» Франции по факту ее конечной неудачи в итальянских войнах и столь же нелепо говорить о слабости России по факту неудачи войн Ливонских – два десятилетия шла борьба на равных с двумя опаснейшими соперниками – Речью Посполитой и Швецией, которым с тыла содействовало Крымское ханство, и борьба была сведена «вничью», причем у Швеции Россия вскоре выиграла войну-реванш 1590-1593 годов.

Эпоха Ивана Грозного – это период становления России в формате «национального государства» — современного суверенного государства с властной вертикалью, внятной административной системой, постоянной армией, регулярными финансами, системой сословно-представительных учреждений.

Первый этап этого становления связан со своеобразной «революцией» отечественных «джентри» и «буржуазии», которая была запущена в 1549 году, после пожара Москвы и последующего восстания москвичей. В результате этого восстания олигархия временщиков была свергнута, а власть перешла в руки правительства лидерами которого были представитель дворян

Алексей Адашев и выходец из городского среднего класса священник Сильвестр. Их эффективную связь с молодым царем осуществлял митрополит Макарий.

Деятельность этого правительства и вошла в историю как блестящий период «Избранной рады» (при всей спорности этого изобретенного Курбским термина) — поток быстрых впечатляющих реформ, выковавший современную Россию. Судебные и административные преобразования, начало совещаний, которые с легкой руки К.С. Аксакова получили в современной историографии имя «земских соборов».

По сути соборы были соединением государевой думы, церковного Освященного собора и приглашенных представителей «детей боярских», а затем и купечества. Нельзя согласиться со скептической формулой Ключевского, назвавшего земские соборы «совещанием правительства со своими собственными агентами», выросшим из административной необходимости, а не из политических потребностей. Большинство соборов были как раз продуктами политической борьбы, как тот же «собор примирения», собранный после большого городского восстания.

Представителями своей братии, а не агентами правительства, чувствовали себя участники ранних московских соборов, а потому и говорили уверенно и не по шаблону, чувствуя поддержку того сообщества, выражать мысль которого были призваны. «Уже самые первые московские соборы представляли собой государственные совещания. Они приобщали к вопросам внешней и внутренней политики сотни людей — вплоть до рядовых помещиков и купцов. Тем самым резко расширялась сфера публичной политики» — отмечает историк М.М. Кром.

«Судебник» Ивана IV впечатляет своей логикой, логикой обеспечения равных прав и всеобщей защиты прав личности, распространявшейся на крестьянина. Взять под стражу крестьянина ни по суду, ни до суда наместники не могли иначе, как испросив на

то согласия у общинных выборных начальников, старост и целовальников. По сути, это был русский вариант Habeas Corpus. Более того, законодатель предоставлял крестьянским общинам право самоуправления, раскладки податей и надзора за порядком на своей территории.

Мятежная «революция» снизу перетекла в реформу сверху. В этом была ее первоначальная сила, пока намерения преобразователей совпадали с намерениями царя, но и последующая слабость – когда программа царя изменилась у правительства реформаторов не оказалось низовой поддержки, да вряд ли они и мыслили всерьез о ней.

Программа самого царя состояла в утверждении самовластия, централизованной военной монархии по османскому образцу, заданному в сочинениях Ивана Пересветова. Некоторые исследователи не без оснований полагают, что это — публицистический псевдоним царя и уж точно это произведение кого-то из его окружения. Стремясь создать монархическую систему, послушную лишь единоличной воле, Иван IV закономерно вступал в противоречие и с боярским сословием с его круговой порукой, и с Церковью, с её административной и нравственной автономией, и с горожанами, не вполне лишенными чувства привилегий и собственных прав.

Отсюда и попытка создания государства-в-государстве – опричнины с разделением страны на две зоны и созданием лично преданного властителю «черного корпуса». Иван IV затребовал у боярства, Церкви и народа не только чрезвычайных диктаторских полномочий, выбивавшихся за рамки традиционных ограничений царской власти, но и осуществил фактический развод государя и государства. Если до того момента об интересах России говорилось как о «деле Государевом и земском», то царь Иван попытался государево от земского отделить.

В итоге Земщина оказалась государством как таковым, традиционным Российским государством предшествующих веков, в то время как опричнина стала родом личной царской вотчины с чрезвычайным негосударственным порядком. И именно этот развод доказал силу уже сложившегося Российского государства – даже в таком чудовищном разладе государство функционировало надежно и справлялось со своими функциями, выдержав не только внешние удары, но и приступы гнева и безумия самого царя, выражавшиеся в опалах, казнях и массовом терроре, как расправа над Новгородом.

Исторический опыт опричнины показал, что это был очень неудачный политический инструмент – царь залил страну кровью не только не истребив измену, но и заложив предпосылки десятилетней гражданской войны Смутного Времени. Ослабление автономных социальных структур и слоев сделало державу скорее слабее, что сказалось в последовавших событиях смуты. Особенно пагубно сказались опричные жестокости и разорения на состоянии помещной конницы, которая была почти разорена. Ослабление русского дворянства выразилось и в неудачах последних Ливонских войн и в последовавшей смуте.

Однако при оценке опричнины нужно отказаться от одного ложного убеждения – а именно мнения о гражданской недоразвитости России XV-XVI веков, безгласности и безропотности её сословий, покорности, делавшей излишними и параноидальными жестокими меры царя. Напротив, русское общество иоанновой поры было весьма активным, своевольным и упорным. Ивану понадобилось разделить государство, чтобы хотя бы часть этого государства подчинилась царскому деспотизму беспрекословно.

Даже такое учреждение как земские соборы продолжало не только действовать, но и перечить царю, как, к примеру, собор 1575 года, отказавшийся утвердить отмену льгот для Церкви. Ивану пришлось пойти на трюк с назначением «царя» Симеона Бекбулатовича, чтобы продавить это решение. Если мы обратимся к публицистике Ивана Грозного мы обнаружим у него выраженную неприязнь к

парламентскому правлению, за допущение которого он так раздражается на своего контрагента английскую королеву Елизавету.

Ни одному из монархов-тиранов той страшной эпохи не был брошен публичный словесный вызов, как это случилось с посланиями князя Курбского. И уж тем более ни один монарх не считал бы нужным на такой вызов ответить, как это сделал Иван. Та дошедшая до точки кипения атмосфера публицистических споров, начавшихся в России с конца XV века, попросту исключала отказ от ответа.

Эта публичная дискуссия царя и боярина еще раз напоминает - Россия Ивана Грозного – это страна исключительно высокой культуры, скрестившей православную русскую традицию со стремительно усвоенными культурными принципами ренессанса. В литературе, архитектуре, живописи это период активного, высокоидеологизированного масштабного творчества в котором мизерное количество делателей компенсировалось необычайной их плодовитостью и масштабностью работ – Храм Покрова на Рву и церковь Усекновения главы Иоанна Предтечи в Коломенском, икона «Церковь воинствующая», «Домострой», «Великие Четыи Минеи», «Лицевой свод», «Казанская история», «Степенная книга», публицистика включая произведения самого царя. Невозможно переоценить вклад учителя царя святителя митрополита Макария в то, что множество региональных культур удельной Руси было собрано в единое организованное целое общерусской культуры. Именно при Иване Грозном и не без его решающего участия русская культура оформилась как система.

Итак, если говорить о царствовании Иоанна Грозного, то это было оформление России, причем сразу в четырех аспектах: оформление России как пространства, оформление места России в глобальной системе, оформление России как национального государства современного типа, и оформление русской культуры как целостной системы. Совершенно очевидно, что исторический масштаб

государя в правление которого совершились такие тектонические изменения заслуживает уважения.

И не следует ни в коем случае соглашаться со словесными манипуляциями, приписывавшими все достижения добрым советникам, а все провалы – лично царю. Каждый властный монарх выдвигает целую плеяду советников и деятелей, которые и составляют славу его царствования и их слава вплетается в его славу. Наличие таких энергичных «птенцов гнезда» говорит многое о талантах самого монарха.

Иван Грозный тоже выдвинул целый ряд великих советников. Вначале это были его наставники – митрополит Макарий, Адашев, Сильвестр, а так же такие значительные фигуры как дьяк Иван Висковатый, боярин Михаил Воротынский, военный инженер Иван Выродков. Эти советники и соратники сошли с исторической сцены или были казнены царем. Но если бы он был той бездарностью, которой его ославляют клеветники, то им на смену никто бы не пришел.

Однако, не говоря об опричниках, среди которых было немало одаренных людей попавших под нож породившей их системы, на день своего ухода царь Иван оставил целую плеяду выдающихся личностей, которым смело мог поручить государство.

Князь Иван Мстиславский – выдающийся полководец и один из столпов государства. Князь Иван Шуйский – славный защитник Пскова. Воевода Дмитрий Хворостинин, настоящий военный гений, герой Молодей, выигравший войну-реванш у Швеции, что позволило России вернуть все потери собственной территории по итогам Ливонской Войны. Братья дьяки Андрей и Василий Яковлевич Щелкаловы, руководившие внешней политикой и администрацией России, взявшие курс на восстановление внешнеполитического суверенитета и ограничившие английские торговые привилегии.

После смерти Иван Грозный оставил не менее сильную команду, нежели та, что помогала ему в молодости. Хотя характер этой

команды, не будем спорить, изменился – на смену масштабным и самостоятельным политикам пришли надежные и хитроумные исполнители. Что свидетельствует – «абсолютистский» замысел царя в целом ему удался.

Вряд ли возможно нарисовать одной лишь краской Ивана Грозного и тому историческому пути, который проделала при нем Россия. Царь был личностью яркой, харизматичной, нервной, жестокой, он был амбициозным политиком с грандиозными замыслами, и слишком своевольным и злоязычным дипломатом для их воплощения, он истомил себя излишествами и управлял последние десятилетия через чудовищные боли, порой мутившие ясный рассудок, способный к сильным решениям он проявлял в них бессмысленную театрализованную жестокость. Способный каяться за свои зверства и замаливать грехи, он так и не осознал, похоже, системной проблемы развязанного им террора. Глубоко религиозному православному христианину ему категорически не хватало смирения перед Церковью.

Показательна в этом смысле была трагедия царского сына Ивана, которую одни подают в ключе картины Репина, другие пытаются вовсе отрицать. Что же произошло на самом деле? Определенное политическое напряжение между сыном и отцом вырвалось 9 ноября 1581 года во время приступа царского гнева на невестку. Пытавшийся остановить приступ ярости отца сын был избит с помощью острого посоха, получил раны, которые привели к заболеванию, от которого он, несмотря на лечение лучших иностранных докторов (или как раз из-за этого лечения), скончался спустя несколько дней, что повергло царя Ивана в неопишемую скорбь.

Царь причинил смерть сыну не намеренно, очень печалился, и этот случай сильно смягчил его сердце — он счел смерть наследника Божьим знаком и поехал на богомолья замаливать грехи, послал богатые подарки в монастыри, прося молитв за упокой сына и за себя, составил особые списки пострадавших от его гнева —

синодики — и разослал их по монастырям с просьбой молиться за упокой жертв. Реальное поведение царя Ивана гораздо лучше показывает, что он был человеком, способным к покаянию и нравственному изменению, действительным христианином твердым в православной вере, чем попытки ценой явной софистики и лукавства снять с него те преступления и грехи, которые он и в самом деле совершил.

Но после себя Иван Васильевич оставил наследником другого сына. Не менее, хотя и совершенно иначе великого, нежели отец. Пора уже наконец-то избавить святого Феодора Иоанновича от клейма «неспособного к правлению дурачка», закрепленного не очень удачной в историческом смысле драмой А.К. Толстого. Он и в самом деле не был воином или «эффективным менеджером». Он был молитвенником. И доказал, что царство на молитве стоит прочнее, чем стояло на страсти, как у его отца, или даже на уме, как у его шурина Годунова.

Именно при Фёдоре Иоанновиче Россия присоединила Сибирь, двинулась на Дикое Поле, застраивая его крепостями, приросла городами – Архангельском, Тобольском, Саратовом, Царицыным. Блестяще проведена война-реванш со Швецией и возвращено устье Невы. Царь вымолил у Бога и новую славу для русской Церкви – именно при нём московский владыка наречён был «Патриархом Московским, Всея Руси и Северных стран». Неверующие историки, конечно, все успехи этого царствования связывают исключительно с деятельностью умного правителя Бориса Годунова, состоявшего при вечно молившемся царе. Однако в 1598 году правитель остался один и у него всё рухнуло за четыре года. Тогда-то современники и поняли, что человеческое хитроумие было ничто без благочестия царя-праведника.

«У него не было «брани против плоти и крови», но неприятелей своих он одолевал молитвою. – писал о Фёдоре Иоанновиче в своём «Временнике» дьяк Иван Тимофеев, - И настолько помогала ему сила молитвы, что ею он привлекал на себя милость Божию.... Если

кто, зная это, теперь с верою призовет его в молитвах, — не согрешит, и я первый из всех не поленюсь это сделать. Ибо во дни его десница Творца Мира лучше всякой человеческой надежды самостоятельно управляла и сохраняла его царство». Благоверный Царь Фёдор прославляется в составе Собора Московских святых, но, возможно, и Церкви и обществу не помешало бы установление отдельного празднования в честь этого великого праведника молитвами добившегося больше, чем иные мечом и топором.

Федор Иоаннович был во многом противоположностью отцу. И всё же он был его сыном. И если сын стал святым, то значит в нервной напряженной религиозности отца было то, что эту сыновнюю святость воспитывало и формировало.

Как бы то ни было, для большинства русских историков характерно уважительное отношение к Ивану Грозному, - даже негативная оценка его личностных черт чаще всего сочетается с признанием величия его эпохи.

«Век задавал важные вопросы, а во главе государства стоял человек, по характеру своему способный приступить немедленно к их решению» — утверждал С. М. Соловьев.

«Гнусными проявлениями жестокости и цинизма не исчерпывалась духовная жизнь и деятельность Грозного в эти мрачные годы. До самой смерти он хранил в себе добрые уроки времён избранной рады, её метод широкой постановки очередных тем управления и способность систематического выполнения их на деле. Как ни судить о личном поведении Грозного, он останется как государственный деятель и политик крупной величиной» — подчеркивал С. Ф. Платонов.

«Страстный, увлекающийся, Иван Грозный упорно шёл к намеченной цели: ломая на своём пути все преграды, беспощадно расправляясь со всеми противодействовавшими ему, он создавал политическую силу, которая позволила русскому народу преодолеть

грозившую ему извне опасность и выйти на широкое историческое поприще» — настаивал С. В. Бахрушин.

«Это был проницательный политик, по-своему понимавший сложные внешне- и внутривластные задачи России... Его, пожалуй, можно сравнить с неумелым лоцманом, знающим место назначения корабля, но упорно сажающим его то на мель, то на незаметный риф... Иван IV был сыном блистательного, но жестокого века, когда бурное развитие гуманистических теорий совпало с истреблением тысяч инакомыслящих во время религиозных войн и с деспотическим правлением взбалмошных монархов... Полубезумный шведский король Эрик XIV запятнал себя не меньшим количеством убийств, чем Грозный. Французский король Карл IX участвовал в беспощадной резне протестантов в Варфоломеевскую ночь 24 августа 1572 г. Европейские монархи XVI столетия, эпохи формирующегося абсолютизма, не уступали друг другу в жестокости. Грозный отличался от них лишь тем, что стал вдобавок ко всему сыноубийцей» — выносил свой вердикт А. А. Зимин.

Для того чтобы лучше понять Ивана Грозного, его можно сопоставить... с Людовиком XIV, блистательным французским «королем-солнцем», кажущимся образцом гламура и изящества, не то что «чудовищный русский тиран». Однако, если приглядеться, Иван и Людовик окажутся довольно похожи.

Оба монарха вступили на престол в детском возрасте, и их правление в этот период сопровождалось многочисленными смутами. Смуты при Людовике были сильнее — война Фронды, но и повезло ему больше: его мать Анна Австрийская осталась жива, и у него был свой Мазарини. Иван свою Фронду и своего Мазарини получил более взрослым — московское восстание 1549 года потребовало радикальных реформ, а святой митрополит Макарий оказался гораздо более мудрым и эффективным наставником, чем кардинал-итальянец.

И Людовик, и Иван были абсолютистами и стремились к сосредоточению максимума реальной и символической власти в своих руках для чего, в частности, вынесли двор из столицы в собственное имение — Версаль и Александрову слободу. Оба символически возносили монархию: Иван — принятием царского титула, Людовик — разработкой придворного ритуала. Оба воевали с придворной аристократией, стараясь максимально ее унижить, хотя Людовик, в силу временной форы в утончении цивилизации, не должен был для этого прибегать к жестоким казням (которые, впрочем, щедро применяли его отец и Ришелье). Оба безжалостно расправлялись с неугодными советниками — хотя Людовик, в силу той же временной форы, Николя Фуке не казнил прилюдно на площади Николя Фуке.

Оба государя были эстетамы, театрами и женолюбцами. Людовик танцевал и заказывал комедии-балеты Мольеру и Люлли, Иван Грозный прославился как писатель и сочинял духовную музыку. Русский государь менял жен, французский король — любовниц.

Оба государя в молодые годы были окружены блистательными советниками и отважными маршалами — Летелье и Лувуа, Кольбер, Тюренн, Вобан у Людовика, Макарий, Сильвестр, Адашев, Висковатый, Александр Горбатый-Шуйский, Михаил Воротынский у Ивана. Оба государя к старости остались без этого круга, хотя царь преуспел более короля — у него и в конце правления были талантливые советники — братья Щелкаловы, Дмитрий Хворостинин, Иван Мстиславский.

Оба в молодости одерживали великие победы и добивались расширения своего государства, оба на вершине могущества устрашали Европу (один западную, а другой восточную), и это привело к формированию против них обширной коалиции. И оба под старость неудачно завершили главные войны в своей жизни — Ливонские и за Испанское наследство.

Оба развязывали масштабную войну против своих подданных, которая в конечном счете стоила государству слишком дорого, приведя к хозяйственному разорению и эмиграции — опричнина и изгнание гугенотов. Оба умирали среди поражения, голода и разорения, пережив себя и свое величие, потеряв своих детей-наследников и не оставив по-настоящему гарантированного надежного престолонаследия. У обоих были все основания смотреть на свою жизнь как на блистательную неудачу — все так хорошо начиналось, и все так невесело заканчивается.

Но вот только наследие Людовика XIV и Ивана IV различается качественно. Людовик оставил после себя Версаль — строение и великолепный культурный миф, и страну в упадке, который вылился в революцию. Иван оставил после себя великую державу, один вид которой на карте захватывает дух. Оставил великий замысел, который после победы над Смутой был воплощен Алексеем Михайловичем, Петром Великим и Екатериной II. Наследие Ивана Грозного гораздо более фундаментально и заслуживает восхищения не меньше, чем его преступления заслуживают ужаса.

Для французов право Людовика XIV на статую перед Лувром, в Версале, в Лионе совершенно несомненно. И, разумеется, Иван IV имеет право на памятники не только в Орле и Александровой Слободе, но и в Свияжске, в Астрахани, в Архангельске, и на поле великой битвы при Молодях, на Кавказе, куда впервые вошли стрелецкие полки, в Сибири, которую присоединили к Русскому государству казаки Ермака, в Полоцке, который он возвратил в состав Русской земли, в Нарве, которую царь Иван сделал русской, и в Крыму, куда при нем впервые пришли русские войска.

При исторической оценке Ивана Грозного есть две опасности.

Первая — это клеветническое распространение частных черт характера и чрезвычайных поступков этого государя на всю его эпоху и всю историю России в целом. Попытка увидеть в пытках и казнях опричнины своего рода «квинтэссенцию» русской истории и,

соответственно, превратить неприятие этих жестокостей в неприятие русского исторического пути как целого – а отсюда уже недалеко до осуждения взятия Казани, присоединения Сибири, недалеко до объявления ливонских войн захватническими и агрессивными, а русской православной культуры – неизбежно порождающей деспотизм. В конечном счете это приводит к сожалению в том, что в ходе последовавшей Смуты Россия не была завоевана Польшей.

Вторая опасность – прямо противоположная первой, но, по сути, вытекающая из того же образа истории. Это попытка объявить методы Ивана Грозного образцовыми для Русского государства. Мол только так и можно с врагами, всюду измена, хочешь великой державы – пытай и вешай, по другому в России нельзя. И вот уже деятельность православного царя превращается в апологетику кровавого террора большевистского узурпатора. По сути, это та же русофобия только с обратным знаком. Попытка политической канонизации самых отвратительных элементов правления Грозного царя, при том, что его подлинные достижения при этом оказываются как бы второстепенными, а то и вовсе объявляются «деятельностью врагов». Как-то само собой получается, что Судебник или Казанское взятие превращаются в нечто незначительное по сравнению с восторгом массовых казней и убийством святого митрополита.

Русской истории надлежит отвергнуть оба этих искушения. Не в пытках и казнях суть исторического движения эпохи Ивана Грозного, а в раскрытии разнообразных и разнородных творческих сил русского народа, творившего свою историю руками своего царя. Суть эпохи — в территориальном расширении государства, в его внутреннем устроении, в порывах творчества и духа, которых был не чужд и сам царь – публицист, историк и песнописец. Забытая Европой и Азией на краю земли страна на глазах превращалась в планетарную историческую силу. Сотни аспектов такого превращения обязаны были уместиться в мозгу и воле одного единственного человека, который был её самодержцем. Чьему уму

в полной мере выдержать такое испытание? Иван IV справился с ним достойней многих.

Жестокости были теми срывами, которых так трудно было избежать при внезапном изменении исторического масштаба, когда жестокость казалась самым простым способом ускорения процессов и сохранения их управляемости. Но именно жестокости Ивана Грозного проложили дорогу к Смуте, поставившей Россию на самую грань выживания. Апологетика аналогичных жестокостей на будущее, попытки объявить Ивана Грозного «первым Сталиным» и через это оправдать Сталина – путь к новым катастрофам.

Не жестокость была смыслом исторического процесса в эпоху Ивана Грозного. Этим смыслом было созидание Великой России.

БОРЬБА ЗА «ДИКОЕ ПОЛЕ»

История земель, вернувшихся в состав России в 2022 году, – это история освоения русским народом и Российским государством Дикого Поля. Степей, которые многие столетия были не заселены и контролировались преимущественно кочевниками. В этом смысле Украина не может претендовать на них даже как на часть общего древнерусского наследия, от которого, впрочем, сама по сути отказалась.

И Донбасс, и бассейн Северского Донца, и Херсонщина, и юг Запорожской области были зоной печенежских, а затем половецких кочевий, куда русские князья заглядывали с походами на половцев. В 1003 году русские во главе с Владимиром Мономахом разбили половцев на реке Сутени, она же Токмак, она же река Молочная на юге Запорожской области. В 1011 году тот же Мономах, в ходе своего крестового похода на половцев, победил их на реке Сальнице, вблизи сегодняшнего Изюма. В Луганской области не случайно стоит памятник походу Игоря Святославича, воспетому в Слове о полку Игореве.

Единственным исключением было устье Днепра, где располагалась древнерусская крепость-экслав Олешье, обеспечивавшая плаванье купцов-гречников, плававших в Царьград. Но и она погибла в огне монгольских нашествий. Сейчас на её месте посёлок Алешки, который красноклеточные вредители пытаются переименовать в Цюрупинск.

Во времена после монгольского нашествия эти земли окончательно превратились в Дикое Поле, через которое проходили татарские «сакмы», то есть маршруты набегов из Крыма на Россию и речь Посполитую за живым товаром.

Великий русский историк Василий Осипович Ключевский так описывает эти набеги:

«В начале XVI века южная степь, лежавшая между Московским государством и Крымом, начиналась скоро за Старой Рязанью на

Океи за Ельцом на Быстрой Сосне, притоке Дона. Татары, кое-как вооружённые луками, кривыми саблями и ножами, редко пиками, на своих малорослых, но сильных и выносливых степных лошадях, без обоза, питаясь небольшим запасом сушёного пшена или сыра да кобылиной, легко переносились через эту необъятную степь, пробегая чуть не тысячу вёрст пустынного пути.

Частыми набегами они прекрасно изучили эту степь, приспособились к её особенностям, высмотрели удобнейшие дороги, сакмы, или шляхи, и выработали превосходную тактику степных набегов; избегая речных переправ, они выбирали пути по водоразделам; главным из их путей к Москве был Муравский шлях, шедший от Перекопа до Тулы между верховьями рек двух бассейнов, Днепра и Северного Донца. Скрывая своё движение от московских степных разъездов, татары крались по лощинам и оврагам, ночью не разводили огня и во все стороны рассылали ловких разведчиков. Так им удавалось незаметно подкрадываться к русским границам и делать страшные опустошения.

Углубившись густой массой в населённую страну вёрст на 100, они поворачивали назад и, развернув от главного корпуса широкие крылья, сметали всё на пути, сопровождая своё движение грабежом и пожарами, захватывая людей, скот, всякое ценное и удобопереносное имущество. Это были обычные ежегодные набеги, когда татары налетали на Русь внезапно, отдельными стаями в несколько сотен или тысяч человек, кружась около границ, подобно диким гусям, по выражению Флетчера, бросаясь туда, где чужая добыча. Полон — главная добыча, которой они искали, особенно мальчики и девочки. Для этого они брали с собой ремённые верёвки, чтобы связывать пленников, и даже большие корзины, в которые сажали забранных детей.

Пленники продавались в Турцию и другие страны. Кафа была главным невольничьим рынком, где всегда можно было найти десятки тысяч пленников и пленниц из Польши, Литвы и Московии. Здесь их грузили на корабли и развозили в Константинополь,

Анатолию и в другие края Европы, Азии и Африки. В XVI веке в городах по берегам морей Чёрного и Средиземного можно было встретить немало рабынь, которые укачивали хозяйских ребят польской или русской колыбельной песней. Во всём Крыму не было другой прислуги, кроме пленников. Московские полоняники за своё умение бегать ценились на крымских рынках дешевле польских и литовских; выводя живой товар на рынок гуськом, целыми десятками, скованными за шею, продавцы громко кричали, что это рабы, самые свежие, простые, нехитрые, только что приведённые из народа королевского, польского, а не московского. Пленные прибывали в Крым в таком количестве, что один еврей-меняла, по рассказу Михалона, сидя у единственных ворот перекопи, которые вели в Крым, и видя нескончаемые вереницы пленных, туда проводимых из Польши, Литвы и Московии, спрашивал у Михалона, есть ли ещё люди в тех странах, или уж не осталось никого».

Современные историки подсчитали, что если вы родились в Малороссии между 1575-1768 годами то с вероятностью в 25% вы бы или были бы убиты крымскими татарами или умерли бы у них в плену.

Пространство между этими крымско-татарскими сакмами, или шляхами представляло собой опасную пустыню. И вся цивилизация в этих землях была создана с нуля в ходе грандиозного движения России в Степи, начавшегося в XVI веке.

По мере увеличения русского населения и потребности в пахотной земли и усиления Русского государства, Россия начала продвигаться в степь на Юг. Она делала это несмотря на чудовищное противодействие Крымского ханства, набеги которого шли весь XVI и большую часть XVII века.

Все глубже и глубже русские люди продвигались в Степь, засевали поля, строили деревни. Российское государство прикрывало это их продвижение выдвиганием в Степь сторожевых застав,

выставлением заслонов по рекам, и, наконец, фирменным русским приемом – строительством Засечных Черт.

На пути набегов засекались до непроходимости леса, строились земляные валы с частоколами, перед ними выкапывались рвы с поставленными на дно острыми кольями, через известное расстояние ставились остроги, а опиралась черта на величественные каменные крепости-кремли, такие как Тула или Зарайск. По мере движения в степь, основные татарские сакмы – Муравская, Изюмская, Кальмиусская перегораживались укрепленными городами с сильными гарнизонами.

Черта работала не столько как барьер, сколько как ловушка. Разумеется, крымцы нашли способы сделать в этой черте проломы, но все эти проломы тщательно учитывались русской разведкой и, когда начинался татарский набег, русские воеводы не гонялись за степняками по всей территории, а поджидали их около проломов, нападали и отнимали полон. Тем самым набег экономически обесмысливались – пленников для продажи в Кафе-Феодосии у татар не оставалось, а наши русские люди возвращались к себе домой.

Засечные черты оказались для России крайне эффективным способом закрыть от вражеских нашествий центр государства и передвинуть границы освоенной земли все дальше.

В 1521-1566 была построена Большая Засечная Черта, шедшая через Козельск, Одоев, Тулу, до Рязани. Ответом Крыма стала мобилизация всех сил, направленных на Москву. В 1571 году через засеки сумело прорваться войско крымского хана Девлет Гирея и сожгло Москву, однако в 1572 новый набег хана был разбит в битве при Молодях замечательными полководцами Михаилом Воротынским и Дмитрием Хворостининым. В начале августа исполняется 450 лет этой битве и мы обязательно посвятим ей программу.

После разгрома при Молодях возможности Крымского ханства по продвижению России в Степь значительно ослабели и машина русской колонизации двинулась на юг.

В 1592 году был отстроен и укреплен Елец, в 1597 году – Курск, в 1586 году основаны Ливны, в 1593 году основаны Валуйки и Оскол, в 1596 – Белгород. Одной из передовых крепостей России стал старинный Путивль, где некогда на стене плакала по князю Игорю Ярославна.

В 1600 году Россия осмелилась так далеко выдвинуться в Степь, что основан был город Царев Борисов недалеко от современного Изюма.

Победоносное движение в Степь отчасти затормозилось в смутное время, когда именно южные окраины Российского государства стали той соломой, которая вспыхнув, разожгла огонь анархии в остальной России.

Но тот факт, что на южных окраинах скопилось столько горючего материала свидетельствует о том, что там уже было большое количество вооруженных русских людей.

В годину Смуты запустел Царев Борисов. Лишь чудом Россия в эти годы избежала больших ханских набегов из Крыма.

Однако стабилизация России привела и к возобновлению военно-аграрного наступления на Степь, несмотря на продолжавшиеся набеги крымских работорговцев.

А в 1632-33 годах, в годы Смоленской войны, крымское ханство нанесло России удар в спину, помешав ей вернуть захваченный Польшей Смоленск.

Это стало последней каплей и русское правительство решилось на большой национальный проект – строительство грандиозной Белгородской засечной черты, осуществленное в 1635-1646 годах.

Это было грандиозное сооружение длиной в 800 километров из земляных валов, рвов, надолбов, засек, острогов и крепостей,

ощетинившихся многочисленными пушками, которое наглухо перекрывало дорогу крымским набегам.

Черта тянулась с Запада на Восток от Ахтырки через Белгород, Новый Оскол, Острогожск, Воронеж до Козлова, где переходила в Тамбовскую засечную черту.

Огромная территория была заперта от татарских набегов. И превратилась из бывшего Дикого поля в благодатный земледельческий край. Однако это означало, что смельчаки могут продвинуться дальше. Опираясь на Белгородскую черту русские поселения начали выдвигаться дальше в степь, в район запустевшего Царева Борисова.

В этот момент в историю русского освоения Дикого поля вплелась и история Малороссии, но как боковой сюжет. Под защиту русского государства стали перебегать отряды восставших против польской шляхты казаков – в России их называли «черкасами», православных священников, крестьян. Особенно много таких беженцев появилось с началом восстания Богдана Хмельницкого против Речи Посполитой.

Русские государи разрешали им селиться на своей земле, основывать крепости и защищать предполье Белгородской черты. Беженцы основали Чугуев, Харьков, Сумы...

В этой части Дикого поля начал оформляться исторический регион Слобожанщина, в котором под русским суверенитетом встречались военная и крестьянская колонизация из Великороссии и казацко-крестьянская беженская из Малороссии. Вскоре Слобожанщина превратилась в цветущий край, Украину Русского государства и встал вопрос о том, чтобы защитить и её от крымских набегов, тем более, что в этот период война за будущую Южную Россию шла уже не только с Крымским ханством, но и с её сюзереном – Турцией.

В 1679-1680 была построена прикрывавшая Слобожанщину Изюмская засечная черта, основой которой стал новый город Изюм, построенный неподалеку от запустевшего Царева Борисова.

Инициатором строительства Изюма был знаменитый русский полководец, один из первых русских генералов Григорий Иванович Косагов, ветеран войн с Польшей и Турцией за Украину. Он не только основал Изюм, но и на свои собственные средства построил участок оборонительной линии и одну из башен изюмской крепости. Другими крепостями на новой черте стали Змиев, Балаклея, Купянск. Так что города Востока Харьковской области – это даже не Слобожанщина, а продолжение военно-засечного продвижения России вглубь Дикого Поля.

Во всех русских оборонительных линиях была одна роковая уязвимость – при желании и отсутствии сопротивления из можно было обойти с Запада, с территории Малороссии, которая находилась под властью Речи Посполитой. Поэтому Россия была настолько заинтересована в установлении контроля над Левобережной Украины.

И в самом деле, единственный прорыв татар за Белгородскую черту имел место в 1659 году, когда после трагической для русского войска битвы под Конотопом изменник гетман Выговский открыл татарам дорогу в обход белгородской черты вглубь России – в тот год подновляли оборонительные укрепления не только в Туле, но и в Москве.

Когда Россия борьбу за Левобережье выиграла там тоже появилась оборонительная линия. Первый проект черты, прикрывающей Левобережье с юга разработал Григорий Косагов, но осуществлен он был только через полвека, когда в мае 1730 года при императрице Анне Иоанновне решено было построить Украинскую оборонительную линию от Днепра до начала Изюмской черты.

Руководил строительством черты знаменитый фельдмаршал Миних, а землеотводом занимался генерал Манштейн, отдаленный потомок которого, прусский генерал, усыновит Эриха фон Левински, который появится в этих местах как завоеватель фельдмаршал Маншейн в 1941-43 годах.

Опираясь на Украинскую линию, Россия начала штурм последних рубежей Крымского ханства. В ходе русско-турецкой войны 1735-39 годов войска Миниха взяли штурмом Перекоп, вошли в Крым и сожгли Бахчисарай, взяли Азов, Очаков и Кинбурн. В 1739 году Миних взял Хотин и Яссы в Молдавии. Главным врагом русских в этой войне были уже не столько татары и турки, сколько чума – санитарные потери составили 90%.

В конечном счете Россия присоединила огромную территорию по побережью Азовского моря - от Азова на Дону, до устья реки Берда. Кроме того, Турция признала принадлежность России обширных земель Запорожского войска по оба берега Днепра.

Чтобы оградить новую границу в 1770-м году началось строительство Днепровской линии укреплений. Она шла от основанной русскими Александровской крепости, ныне города Запорожье, до устья реки Берда, где была основана Петровская крепость, будущий Бердянск.

В этот момент Россия уже вела с Турцией новую войну 1768-1774 годов, оказавшуюся сокрушительно-победоносной. А в 1783 году в состав России вошел Крым, а точнее все Крымское Ханство, включая территорию степного Крыма за пределами полуострова.

На этих землях началось осуществление великой русской мечты – проекта Новороссии бывшего прямым продолжением освоения русскими Дикого поля.

На территории Новороссии селились как русские люди из Великороссии, Слобожанщины и Малороссии, так и выходцы из других стран – сербы, венгры, немцы.

Инициатором массового заселения Новороссии и создания в ней новых городов стал светлейший князь Григорий Потемкин. В 1776 году по его инициативе был основан город Екатеринослав (Днепропетровск), в 1778 – Херсон и Мариуполь, в 1784 – Мелитополь, в 1787 – Николаев.

Мечтой Потемкина было превратить Новороссию в цветущую, поистине райскую землю. "Царством млеко и мед точащим" именовался Крым в тогдашних русских одах.

Потемкин верил, что он осуществит для России то, чего так и не смог осуществить Петр Великий - основать столицу России на юге. По его мнению, Петр вынужден был построить Петербург на Севере лишь силой обстоятельств.

"Петербург, поставленный у Балтики, - северная столица России, средняя - Москва, а Херсон Ахтиярский да будет столица полуденная моей Государыни. Пусть посмотрят, который Государь сделал лучший выбор"- пишет Потемкин Екатерине сразу после присоединения Крыма.

Завистники России в Европе исходили ядом от того, что великая Империя прирастает плодородными и благодатными землями и вели информационную войну, распуская клевету про «потемкинские деревни».

В 1791 году, во время очередной войны с турками в ходе которой Россия отстояла Крым и приобрела Молдавию Потемкин скончался и был погребен в Екатерининском соборе в Херсоне (гробница перенесена в Симферополь в октябре 2022 г.).

Но его дело продолжилось – в 1794 году испанцем на русской службе Хосе де Рибасом была основана Одесса, ставшая крупнейшим русским портом на Черном море, а в 1795 – Луганск где был построен чугунолитейный завод и созданы оружейные производства.

Начало металлургии в Луганске стало символом нового предназначения Новороссии – не только благодатная плодородная житница, но и центр промышленности, центр русской индустриализации, шедшей в XIX веке.

К концу столетия важнейшими индустриальными центрами стали Донецк (основанный в 1869 году как Юзовка) с его

металлургическими заводами и угольными шахтами, Николаев, судостроительные заводы которого были основаны - Николаевский в 1789 году, Черноморский – в 1897 году (обанкрочен Украиной в 2021), Екатеринослав с его многочисленными металлургическими предприятиями, Харьков со знаменитым Паровозостроительным заводом, основанным в 1896 году.

«Дикое поле», видевшее лишь набеги хищных работорговцев Россия превратила в свой Новый Свет – страну городов, железных дорог, сверхсовременных индустриальных предприятий, передового сельского хозяйства и популярных курортов.

И вся эта история, начавшаяся от строительства Большой Засечной Черты и приведшая к созданию крупнейшего в Европе Днепро-Донецкого индустриального района не имела практически никакого отношения к истории Украины, соприкасаясь с нею только по касательной. От Боровска до Бердянска Россия развернулась как ковер в степи, в мощном историческом движении.

БИТВА ПРИ МОЛОДЯХ И ЕЁ ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Россия XVI века, Россия Ивана III, Василия III, Ивана Грозного и Федора Иоанновича была великой державой на подъеме. Обретя при Иване III независимость и национальное единство страна начала расширяться. Создана была передовая для своего времени система приказного управления – и самоуправления через губных старост. Изданы весьма прогрессивные для своей эпохи законы, «Судебник Ивана Грозного» обеспечивал крестьянину равноправие и справедливый суд, взять человека под арест можно было только с согласия его общины. Сформировалась одна из первых в Европе систем представительства вошедшая в историю как земские соборы.

«Уже самые первые московские соборы представляли собой государственные совещания. Они приобщали к вопросам внешней и внутренней политики сотни людей – вплоть до рядовых помещиков и купцов. Тем самым резко расширялась сфера публичной политики» – отмечает историк М.М. Кром.

Создана одна из первых в Европе постоянных армий – стрелецкое войско, поддерживавшее великолепную русскую артиллерию и многочисленную и яростную поместную конницу.

Опираясь на эту армию Иван Грозный взял Казань и Астрахань, поставив под полный русский контроль бассейн Волги и торговые пути на восток по этой великой реке. Одновременно северные порты России открыли ворота для торговцев из Европы, прежде всего англичан.

Однако в отличие от многих стран мира, соприкоснувшихся с ранней мировой капиталистической системой и поработанных ею в качестве периферии, России при Иване Грозном и его преемниках удалось сохранить и даже укрепить свою независимость. Американский социолог и историк Иммануил Валлерстайн отмечал:

«Иван Грозный пытался установить автономию Российского государства от европейского мира-экономики, и ему удалось... Он не пускал незваного гостя на порог достаточно долго».

Россия стала на долгие столетия главным посредником европейской торговли с Персией, предупредила попытки западных купцов прорваться в Китай через Сибирь, получала огромные выгоды от экспорта главной валюты тогдашнего мира – пушнины.

Но у этой великолепной державы, становившейся глобальной силой, было две роковых уязвимости. Во-первых – западнорусские земли, захваченные в XIV веке Литвой и нуждавшиеся в реконкисте и возвращении России древнерусского наследия.

А во-вторых, южное степное подбрюшье в котором шла тяжба за другое наследие – золотоордынское. Оппонентом России здесь было могущественное Крымское ханство, занимавшее не только территорию полуострова, но и причерноморские степи и часть Северного Кавказа. Крымские ханы претендовали на то, чтобы собрать под своей рукой все раздробившиеся части былой Золотой Орды – и необузданных степняков ногаев, и торговую прикаспийскую Астрахань и отдаленную Казань. Польский король числился в крымских документах холопом и платил хану дань за владение Киевом. А вот русского государя крымскому приходилось называть «братом», но, конечно, не забывая, что когда-то и тот числился золотоордынским улусником.

При Иване III и хане Менгли-Гирее Россия и Крым ненадолго оказались в союзе против Литвы и Большой Орды. Именно опираясь на этот союз Россия смогла сбросить ордынское иго после стояния на Угре, произвести реконкисту части западнорусских городов, в частности Смоленска и Чернигова. Однако с исчезновением общего врага – Большой Орды – между Москвой и Бахчисараем началась вражда, не прекратившаяся до самого упразднения Крымского ханства с присоединением Крыма к России в 1783 году.

Враждебность Крыма предопределялась как притязаниями на ордынское наследство, так и стратегическими соображениями – страхом перед усилением России. «Московский короля извоюет, и Киев возьмет, и опричь нас воевати ему будет некого» - рассуждали крымские мурзы с началом Ливонской войны Ивана Грозного.

Ну а главное – в основе набеговой экономики Крыма лежала работорговля. Продажа рабов на восточные и западные рынки через контролируемую сперва генуэзцами, а затем турками Кафу – Феодосию была основным источником богатства для крымских татар. Нападать на Литовскую Украину было, конечно, ближе и легче, но её человеческие ресурсы были не бесконечны. А вот двигавшаяся в степь Россия с десятками тысяч её крестьянского населения была опасной, но желанной добычей.

В 1521 году хан Мухаммед-Гирей пришел под Москву и едва не взял её, получив у оставленного Василием III наместником крещеного ордынского царевича Петра грамоту, в которой Россия признавала себя вассалом Крыма и обещала уплачивать тяжелую дань. По счастью грамоты вскоре хан лишился, благодаря хитроумию рязанского воеводы Ивана Хабарова – он сообщил, что откроет хану ворота города, если ему предъявят великокняжескую грамоту. Полученную грамоту не отдал, ворот не открыл и хан ушел, а вскоре погиб в схватке с ногаями. Однако еще долгие десятилетия в Бахчисарае будут требовать от русских послов «Магмет-гиреевы большие поминки».

Русская дипломатия с Крымом вообще была настоящим мученичеством для наших служилых людей. Каждый посол должен был избегать сотен расставляемых ему ловушек, с помощью которых его вынуждали словом или делом признать зависимость Москвы от Бахчисарая, а добровольные подарки хану – «поминки» превратить в дань – «выход».. Послов насильно нагибали перед ханом, им бросали под ноги посохи, требуя заплатить за право переступить, их грабили, томили в темнице, а их слуг порой даже насиловали. Сам обмен послами между Москвой и Крымом был, по сути, обменом

заложниками. Одно посольство отправляли только в обмен на другое и держали за строгим караулом.

А из Степи не прекращались набеги. Бескрайнее незаселенное Дикое Поле представляло собой настоящий океан, из которого то в одном, то в другом месте выныривал татарский отряд и начинал грабить и угонять в полон, прежде всего женщин и ребятишек.

Чтобы предотвратить такие набеги Русское государство создавало сложнейшую систему береговой службы. Каждую весну, в соответствии с росписью, сделанной в московском Большом Разряде, бывшем первым в Европе министерством обороны и вместе с тем генеральным штабом, на Берег, то есть на реку Оку, служившую сравнительно надежным рубежом на котором было небольшое количество бродов, отправлялись полки.

А далеко в степь выходили сторожи, которые по дневному дыму, ночным огням, а главное по сакмам – копытам лошадей, вытаптывавшим степь, определяли направление и численность угрожающих набегом татарских отрядов. Если сакма вытоптана до черноты, значит пришел кто-то из крымских царевичей, а может и сам хан.

Для того, чтобы создать перед Окой укрепленное предполье начато было строительство Большой Засечной Черты, на которой чередовались естественные преграды и искусственно сделанные засеки, рвы, валы, надолбы, остроги и башни с пушками. Засечная черта позволяла выявить набеги до достижения татарами Оки, определить направление их движения, спрятать за укреплениями хотя бы часть населения, а главное, задержать и перехватить набег на обратном пути, отбив полон. Главной задачей Засечной Черты было не столько выступить преградой, сколько снизить разведывательную неопределенность, заставить находников двигаться определенными маршрутами, где их легче было перехватить.

Иной раз, для снижения неопределенности использовались совсем экстремальные жертвенные способы. Готовый пожертвовать собой слуга государев нарочно попадался к крымцам в плен и сообщал им под жесточайшей пыткой заведомо ложные сведения – говорил что русские рати есть там, где их не было и что их нет там, где они были. Иногда таким способом удавалось заманить татар в капкан, ценой жизни героя, разумеется.

Эта жестокая игра в кошки-мышки посреди бескрайнего степного океана длилась не одно десятилетие. Особенно жестокой она стала при хане Девлет Гирее, которого назначили в Крым воле османского султана с таким наказом: «Да будут приложены ваши прекрасные усилия к защите и охране областей ислама и одолению нечестивых, неверных и упорствующих в пороке».

Девлет-Гирей пытался предотвратить взятие русскими Казани в 1552 году осадив Тулу, но был отбит русскими воеводами. В 1555 году русская боярина Шереметева и татарская рать во главе с самим ханом буквально наскочили друг на друга при Судьбищах, на севере нынешней Орловской области. Имея троекратное превосходство, османских мушкетеров тюфкечи и артиллерию, Девлет-Гирей думал разбить русских, но те засев в лагере среди дубравы отразили все атаки, испугавшись вестей о подходе царской рати во главе с самим Иваном Грозным, хан отошел.

Россия начала давление на сам Крым – русские судовые рати в 1556 году ходили по Днепру на турецко-крымские крепости Очаков и Ислам-Кермен (ныне Каховка).

В число воевод Ивана Грозного вошел Дмитрий Вишневецкий, казак Байда, считающийся отцом запорожского казачества. При поддержке царя он основал крепость на острове Хортица на Днепре и пару лет успешно оборонял ее от хана, а потом совершал чувствительные набеги на другие области Крымского ханства.

В 1559 году Даниил Адашев, брат влиятельного министра Ивана Грозного, по Днепру дошел до Крыма и разорил ханские владения,

освободив множество русских и литовских пленников. Казалось еще немного – и Крыму уготована судьба других ордынских улусов – Казанского и Астраханского – он тоже окажется под рукой Москвы.

Однако царь Иван Васильевич резко переменял внешнеполитический курс. Вместо крымских походов начались Ливонские войны, столь многообещающие по началу и столь трагически завершившиеся. Еще недавно Алексей Адашев, главный сторонник крымского направления русской экспансии, уговаривал Литву вступить с Россией в союз против бусурман и даже изъявлял готовность «отказаться прародительских своих отчин города Киева и иных городов русских», лишь бы Литва вместе с Москвой выступила против Крыма. И вот он уже отправлен в опалу и умер в тюрьме.

Сделал ли царь ошибку? Историки до сих пор спорят об этом. Одни ссылаются на то, что даже в конце XVII века крымские походы Василия Голицына закончились неудачей, так как логистическая поддержка армии в безводной степи оказалась невозможна. В XVIII веке 90% потерь действовавших на этом направлении армии фельдмаршала Миниха пришлось не на неприятеля, а на чуму. На захват, а главное контроль Крыма сил России могло бы не хватить. Да и с его захватом Россия упиралась в тупик – черное море контролировала могущественная Османская империя. Рывок в Прибалтику выглядел гораздо экономически перспективней.

Другие возражают, что если бы на крымском направлении были приложены силы, бесполезно, в конечном счете, потраченные в Ливонии, то крымский вопрос был бы решен, а это означало бы сбережение всех бесчисленных русских народных сил, погибших и угнанных в плен в ходе крымско-татарских набегов в XVI, XVII и даже XVIII веке. Но это уже наше послезнание – первоначально борьба за Ливонию и Полоцкий поход в Литву представлялись Государю гарантированно успешными и выбор был очевиден.

Русский царь попытался помириться со своим крымским «братом» в кавычках, но тот выставил заведомо нереалистичные условия –

передача Девлет-Гирею Казани и Астрахани, где сядут его роодственники. На что Иван Васильевич разъяснял ему свое геополитическое положение в образе пяти сабель:

«Ныне одна сабля – Крым, а тогда другая сабля будет Казанская земля, третья сабля Астроханская, четвертая – Нагаи, А Литва не помиритца – ино пятая сабля будет». Впрочем, говорить о Казани и Астрахани русский царь был готов, но при одном условии: если хан «Киев и иные города, которые по Днепру» отвоюет у короля и передаст царю.

Однако любой компромисс между Москвой и Бахчисараем сделала невозможным Османская Империя, вассалом которой было Крымское ханство с момента завоевания турками Крыма в XV веке.

Прежний султан, знаменитый Сулейман Великолепный, не давал себя вовлечь в войну с Россией, подчеркивая: «Дед и отец мой и я с Московским не воевали, московский государь силен ратью своею и мне с ним не за что воевать, а у меня он не взял ни одного города, а Астрохань не наша турецкая земля, то Московскому Бог дал».

Однако в 1666 году старый султан скончался при осаде венгерской крепости Сигетвар. Скончался среди огорчений – незадолго до этого рыцари-иоанниты отбили турецкую попытку захватить остров Мальта. «Мои армии побеждают только в моем присутствии» - горестно восклицал султан. Памятуя об этом, когда султан умер, великий визирь Мехмед-паша Соколлу, кстати серб по национальности, скрыл этот факт – и не знающие о смерти правителя турки взяли Сигетвар штурмом, вырезав доблестных защитников венгров.

А Мехмед-паша поспешил к своему тестю – сыну Сулеймана Селиму, и обеспечил провозглашение его новым султаном. С Селима II, прозванного Пьяницей, и начался упадок османского могущества. Турки в этом обычно винят его мать украинскую Роксолану, Хюррем Султан.

Эта роковая женщина, которой на Украине очень гордятся и регулярно ставят во главе рейтингов самых влиятельных украинок в истории, и в самом деле подорвала основы Османской империи, подорвав так сказать машину османской евгеники.

До этого султаны производили от каждой наложницы по одному ребенку, а после смерти повелителя взрослые сыновья устраивали настоящую резню, в которой побеждал сильнейший и хитрейший. Хюррем заставила Сулеймана официально жениться на себе, разогнала всех наложниц, настроила мужа казнить старшего талантливого сына от другой наложницы Мустафу, так что к моменту смерти Хюррем у старого Сулеймана осталось всего два сына – Селим и Баязид, которые устроили настоящую междоусобную войну, в которой отец поддержал более послушного, но менее талантливого и энергичного Селима, похожего на мать светлыми волосами и пренебрежением к исламскому запрету на вино. Впрочем, обо всем этом можете посмотреть знаменитый турецкий сериал «Великолепный век», - а можете не смотреть, там слишком много клюквы и ошибок.

Когда Селим стал султаном он решил превзойти отца в самой трудной войне – войне с Персией, где жили еретики-шииты, страшнейшие враги турецких суннитов. Тут-то ему и дали «хороший совет» - идти с армией на Персию посуху через горы Малой Азии долго и хлопотно. Совсем иное дело пройти морем через крепость Азов в реку Дон до переволоки на Волгу по реке Царица, захватить у русского царя Астрахань, и атаковать из Астрахани персов по Каспию, в духе будущего Стеньки Разина.

Султану план понравился и летом 1569 года через Азов на Астрахань двинулись и янычары, и поместные турецкие конники сипахи, и сильная артиллерия, и крымская армия во главе с ханом, и 30 тысяч рабочих для прорытия канала между Доном и Волгой по которому должны были пройти турецкие корабли с тяжелой артиллерией и припасами. Всем этим войском командовал черкес Касим-паша, правитель работорговой Кафы, один из инициаторов похода.

Однако попробовав копать канал между Доном и Волгой турки убедились в бесперспективности этого занятия. Всем турецким народом и за сто лет тут ничего не делать, якобы восклицали они. К тому же строителям постоянно вредила русская судовая рать под командой князя Серебряного.

В результате Касым-паша двинулся на Астрахань только с пехотой и конницей и практически без артиллерии. 2 сентября турки подошли к городу, потыкались об его укрепления, а 26 сентября уже бесславно отошли.

Обратный поход на Азов шел через выжженные кабардинские степи. Сначала погибли лошади, потом начали гибнуть люди. В этом падеже турки обвиняли крымского хана Девлет-Гирея, якобы нарочно поведшего их по самым губительным местам. Основания для таких подозрений были. Хан хотел отнять у Москвы Астрахань себе, по праву Чингисида, он совершенно не собирался отдавать её султану и превращать её в еще один ошейник на Крымском ханстве, каковыми уже были Азов и Кафа.

В результате он, как рассказывал вынужденный идти с татарами в поход русский посол Семен Мальцев, «дорогую по безводным местам томил их, нароком... многие турки с голоду померли, и лошади померли, каких истомных людей не видано, какво Бог послал над турскими».

Коварство Девлет-Гирея для многих в Стамбуле было очевидно, и чтобы избежать обвинений хану необходимо было проявить ревность в войне с Москвой, тем более, что большой поход на Россию исключал вероятность нового турецкого похода на Астрахань.

Неожиданно для всех, в том числе, похоже, и для самого хана, этот поход закончился ужасающей русской катастрофой.

Ханское войско двинулось для грабежа русских пределов, однако случилось нечто необъяснимое. В ставку хана явились русские перебежчики, которые начали уговаривать его вместо грабежа

русских окраин двинуться на Москву. Сын боярский Кудеяр Тишенков хватал хана за узду и кричал: «Меня на кол посади, у Москвы стоять против тебя некому» и вызвался проводить хана через Оку до самой Москвы.

Что это было? Национальное предательство части дворян, ненавидевших царя Ивана Васильевича за его опричную политику? Или же это был один из героических русских засланцев, задачей которого было гарантировано навести хана на изготавившиеся к бою русские армии? Вряд ли мы когда-нибудь узнаем достоверно, поскольку если речь идет о втором варианте, то Девлет-Гирей перехитрил московских воевод.

Хан действительно двинулся к Москве, но не прямым путем через Оку у Серпухова, где его ждали, а в обход, через Козельск, переправившись через реку Жиздру, а затем через Угру, западней Калуги. Все это время войско для сбора пленников не распускалось, а летело как татарская стрела прямо к русской столице. Случилось самое страшное, что может произойти в оперативном искусстве – удар в пустоту.

Обнаружив хана у себя в тылу московские воеводы бросились к Москве, и даже обогнали крымцев на несколько часов, заняв оборону на улицах города в Замоскворечье. 24 мая 1571 года разыгралась настоящая трагедия.

Русские вынуждены были сражаться с тарами лицом к лицу, в сабли, не имея никакой свободы маневра, стесненные стенами домов московского посада. В этом прямом сражении, в котором воевода стоил не больше обычного воина, был тяжело ранен главный русский воевода боярин Бельский.

Прорвавшись к русскому оборонительному острогу за Неглинной у Ваганькова, татары его подожгли – и начался один из самых страшных в истории Москвы пожаров, вскоре превратившийся в огненный смерч в котором гибли русские ратники и горожане. Даже

прятавшиеся в Москва-реке умирали от ожогов. Задохнулся в дыму и раненный Бельский.

Собственно именно пожар и стал настоящей катастрофой и для русского войска и для москвичей. Откажись русские вовсе от сражения, или дай его в другом месте, размер катастрофы был бы меньшим. А так крымцам в городе даже не досталось добычи – хан отвел большинство своих войск в село Коломенское, а немногие татары, попытавшиеся грабить горящий город, погибли вместе с москвичами. Осознавая, что русских победил не столько он, сколько стихия, Девлет-Гирей начал отступление от Москвы по Рязанской дороге, захватив множество полона. Провожала его, и мешала слишком развернуться рать во главе с князем Михаилом Ивановичем Воротынским.

Девлет-Гирей отлично понимал, что перехитрил русских и нанес им сильный ущерб, но нельзя сказать, что он победил и разгромил их в честном бою. Поэтому пользуясь благоприятным моментом он перешел к дипломатическим домогательствам, приправляя их личными оскорблениями в адрес русского царя.

Заявившийся в Москву крымский посол спросил Ивана Васильевича, каково ему пришлось наказание мечом, огнем и голодом, от которого его господин посылает избавление – и достал острый нож – пусть царь перережет себе горло.

Поставленный в тяжелейшие условия – Ливонская война, угроза войны со шведами, голод и мор в самом русском государстве, политические нестроения, связанные с опричниной, Иван Грозный перед лицом катастрофы обозначил готовность пойти на уступки: предложил Девлет-Гирею совместное владение Астраханью – править там будет крымский царевич, но при нем будет состоять боярин-наместник, который будет следить за тем, чтобы русским людям и торговле не было никакого ущерба.

Обсуждать судьбу Казани царь отказался, а когда из Крыма прибыло новое посольство Иван Васильевич разыграл столь любимую им

скоморошескую комедию с переодеванием. Русский царь предстал перед ханскими послами одетым в сермягу, в какую-то рванину, в вывороченном бараньем тулупе и начал издеваться: «Видишь меня в чем я? Таким меня царь ваш сделал – все мое царство вычленил и казну пожег, дать мне ему нечего».

Под прикрытием этой комедии русские срочно собирали новые полки, тем более, что списочный состав русского воинства пострадал от предыдущего татарского удара не слишком значительно. Главное было на сей раз вовремя определить направление ханского удара, подобрать удачную тактику, а для этого найти подходящего полководца.

И такой полководец был найден – Михаил Иванович Воротынский, князь из Рюриковичей, один из последних владельцев собственного родового удела – Воротынска Верховского княжества границе с Литвой. Несмотря на подозрительное отношение к нему царя, боявшегося измены удельного князя, сделал блестящую карьеру воеводы, хотя и прерывавшуюся опалами.

В 1571 Воротынскому было поручено составить «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе» - первый русский воинский устав. Основная идея этого устава – скрытность наблюдения за положением в Диком Поле и его надежность. Вся информация должна быть проверена и доложена, никакие отлучки и самоволки недопустимы.

«А не быв на сакме и не сметив людей и не доведовся допрямо, на которые места воинские люди пойдут, станичником и сторожем с ложными вестми не ездити и не дождався на сторожах сторожем себе перемены с сторож не съезжати. А которые сторожи, не дождався себе отмены, с сторожи съедут, а в те поры государевым украинам от воинских людей учинитца война, и тем сторожем от государя, царя и великаго князя быти казненым смертью».

Отбросив разделявшую русскую аристократию в последние годы вражду Иван Васильевич составил совместное командование из воевод опричных и земских, шестеро из десяти, включая будущего героя битвы опричника Хворостинина, не достигли и сорока лет.

Потерпев поражение в прямой кавалерийской сшибке с татарами, Царь и Воротынский в этот раз сделали ставку на комбинирование с конницей применение отличной стрелецкой пехоты с огнестрельным оружием, прибывших из Прибалтики немецких конных наемников-рейтар во главе с Георгом Фаренсбахом, одним из лучших кавалеристов 16 века, и, не забудем, всегда великолепной русской артиллерии.

Наконец, козырем русского войска в новой кампании был гуляй-город. Система передвижных укреплений, деревянных щитов на повозках и колесах, которая превращала любую закрытую ими полевою позицию в крепость, и была недосыгаема для татарских стрел. Через бойницы-прорези русские стрельцы и артиллеристы вели по противнику усиленный огонь.

Гуляй-город был ближайшим родственником табора чешских гуситов и немецкого вагенбурга, но не был их копией. Вагенбург представлял собой прежде всего сцепленные повозки, за которыми пехота отбивалась от вражеской конницы, подвергая его ружейному и артиллерийскому огню. Щиты, установленные на повозках, использовались только в качестве их усиления. В русском же гуляй городе, сделанном из крепких дубовых бревен, именно функция щита была главной.

В наказе Воротынскому о ведении боевых действий царь рассмотрел несколько возможных вариантов развития событий – в зависимости от того, где именно последует атака татар. Предпочтительно было остановить её у бродов через Оку, но рассматривались и другие варианты.

Главное, чего требовал царский наказа – навязать противнику бой в «крепком месте», где будут оптимальные условия для действий

русских пехоты и артиллерии, а все роды русских войск будут тесно взаимодействовать.

Достаточно часто такие благопожелания в инструкциях до кампании превращаются в ничто с её началом. Но сражение при Молодях оказалось исторически уникально еще и в том, что замысел совпал с воплощением. Воротынский разыграл Девлет-Гирея как по нотам, хотя тот и старался удивить и ошеломить русских.

Значительное крымско-татарское войско в сопровождении своей пехоты – тюфекчи, артиллерии, подмоги в виде свирепейших воинов степи – ногаев, по Муравскому шляху мимо Тулы пошло к Оке. На сей раз хан особенно не скрывался – он подошел к Серпуховскому перелазу на Оке и уткнулся в выстроенные русскими по берегу и на дне реки укрепления, за которыми стояла главная русская рать во главе с Воротынским.

Казалось, что хан потерял нюх и пытается атаковать русских в лоб. Но нет, встретив сопротивление, Девлет-Гирей разослал большую часть своей армии к другим переправам через Оку. Тягриберди Мурза во главе своих ногаев направился к Сенькину перевозу, у впадения в Оку реки Лопасни, а Дивей Мурза, «дума царева», как именовали его в текстах, форсировал Оку у деревни Дракино. Обходные корпуса татар сбили с позиций русские полки – сторожевой и правой руки. В это время русский и татарский лагеря у Серпухова вели перестрелку через реку.

Казалось бы, для татар было логичным окружить русскую рать под Серпуховом, однако это означало бы принять бой так, как русские и хотели – на оборудованной позиции, с артиллерией и пушками.

Стремясь этого избежать, Девлет-Гирей решил повторить прошлогодний трюк – он бросил у Серпухова свою артиллерию, переправился с основными силами через Оку, и двинулся к Москве, рассчитывая заставить русских пуститься наперегонки к столице и опять принять бой при невыгодных условиях.

Однако Воротынский поступил иначе. Он бросил в погоню за татарами передовой полк, в котором первую скрипку играл окольный Дмитрий Иванович Хворостинин, хоть и был в полку всего вторым воеводой. Из довольно хворостинных ярославских князей, Хворостинин выдвинулся в Полоцком походе Ивана Грозного и в опричнине, оберегавшей его от местных споров. Храбрость и инициативность Хворостинина высоко ценились – Воротынский сделал на него ставку и тот не подвел.

Символом опричников была собачья голова – и вот в данном случае символ себя оправдал. Хворостинин буквально вцепился в крымский арьергард, которым руководили царевичи. Побитые царевичи прискакали к хану и сказали, что «к Москве идти не по што: московские люди побии нас здесь, а на Москве не без людей же».

Девлет-гирей отделил от своего войска двенадцатитысячный отряд, который атаковал Хворостинина. Превратившийся из преследующего в убегающего Хворостинин вывел татарскую рать на гуляй-город и русские по команде отвернули вправо, подставив преследователей под залп гуляй-города.

Русское войско встало на очень продуманной позиции на холме, у деревни Молоди у Воскресенской церкви. Был поставлен гуляй-город, в нем выстроились готовые к залпу стрельцы, подготовились артиллеристы. При всем уважении, вряд ли Воротынский изобрел эту комбинацию на ходу – скорее всего это была домашняя заготовка. И Хворостинину с Воротынским удалось загнать татар в эту ловушку.

«И в те поры из-за гуляя князь Михайло Воротынской велел стрельцем ис пищалей стреляти по татарским полком, а пушкарем из большого снаряду изо пушек стреляти. И на том бою многих безчисленно нагайских и крымских тотар побии».

Это поражение окончательно заставило Девлет-Гирея отказаться от марша на Москву. Хан остановился лагерем на болоте, за семь верст за рекой Пахрой, «со всеми людьми».

Однако русские начали его донимать и здесь, перестреливаясь из луков – «травитися» по выражению Разрядной книги. А «съемного боя», то есть ближней сечи – не было.

Этими беспокоящими атаками Воротынский окончательно навязал Девлет-Гирею свою волю. «Крымской царь воротился из-за Пахры против государевых бояр и воевод».

Виднейший ханский полководец Дивей мурза похвалялся: «Яз обоз русской возьму, и как ужаснутца и здрогнут, и мы их побием».

В среду, 30 июля, началось «дело великое». Татары раз за разом атаковали гуляй-город. Однако их разили и русская артиллерия, включая стрелявшие чем-то вроде картечи «дробосечные тюфяки», и стрелецкие пищали, и стрелы русской поместной конницы. В схватке погиб командовавший ногаями мурза Терибердей.

Разъяренный неисполнением своего обещания, на разведку выехал лично Дивей Мурза. Всадник в богатых доспехах на дорогом коне был виден издали и русская поместная конница решила на дерзкую вылазку. «И Дивей мурза своих татар стал отводить. И скачет на аргамак, и аргамак под ним сподкнулся и он не усидел. И тут ево взяли и с аргамаком нарядна в доспехе».

Взял суздалец сын боярский Иван Шибает, сын Алалыкин. Русские средневековые источники не так часто сохраняют имена рядовых участников сражений, и удачливых героев, но тут именно тот случай.

Два дня после этой татарской конфузии тянулась неопределенность. Девлет-Гирей не знал что предпринять. Эта оперативная пауза могла стоить русским дорого – наше войско стояло скучено, провизии и воды не хватало. «В полках учал быти голод людем и лошадем великой; аще бы не Бог смилосердовался, не пошел царь вскоре назад, быть было великой беде».

Крымское войско имело воды и провианта ничуть не больше. И Девлет-Гирею, конечно, надо было на что-то решиться. И тут

сработала та самая излюбленная русскими в борьбе со степью стратегема – жертва пешкой.

Московский наместник князь Токмаков направил Воротынскому гонца с грамотой, в которой сообщалось, что идет ему навыручку рать новгородская многая.

Бесстрашный гонец под пыткой показал, что во главе рати сам Иван Васильевич, а сам он лично видел боярина Мстиславского с сорокатысячной ратью. Мы можем только помянуть благодарной молитвой этого безымянного мученика.

На самом деле Иван Грозный находился в Новгороде и готовился к худшему, - к случаю, если воеводы как и в прошлом году проиграют, а Москва падет. В Новгороде были сосредоточены войска и царская казна, к тому же необходимо было не допустить удара со стороны Швеции, с которой кончалось перемирие. Но Девлет-Гирей знать всего этого не мог. Он видел теперь единственный шанс одержать победу – наскоро взять Гуляй-город и разбить Воротынского, а заодно избавить татар от позора – вызволить Дивей-Мурзу.

«И тотаровя пришли к гуляю и изымалися у города за стену руками и тут многих татар побили и руки пообсекли бесчисленно много». Это уже была прямая и отчаянная азиатская атака в лоб, в которой не было ничего не только от европейского военного искусства, но и от монгольской военной хитрости.

И в этот момент Воротынский перевел сражение в эндшпиль. После общего залпа из пушек и пищалей расчистившего площадку конница передового полка во главе с Хворостининым и немцы-рейтары Фаренсбаха бросились на татар в атаку.

В это же время сам Воротынский обошел атакующих гуляй-город татар по лощине с тыла и нанес им ошеломляющий удар.

«И на этом деле убили царева сына и внука царева, и многих мурз и тотар живых поимали... И того же дня августа во второй день в вечеру оставил крымский царь для отводу в болоте три тысячи резвых

людей, а повелел им травитца, а сам царь тое ночи побежал и Оку перелез тое же ночи».

Гнаться за царем по степи смысла не было – это чревато было неожиданностями. Русские перебили оставленные для задержки отряды, взяли в брошенном татарском лагере богатую добычу, и вернули полки на прежние позиции, не оставляя Девлет-Гирею шанса вернуться.

В Новгород к царю Ивану Васильевичу отправился гонец с сообщением: «Божиею милостию и Пречистые Богородицы помощью и московских чудотворцев милостивыми и ево царским счастьем и высокую рукою царя крымского и царевичей побили». Радость была по всей земле – и в Новгороде, и в Москве. «И бысть на Москве и по всем градом радость неизреченная, молебная пения з звоном. И с радостию друг друга ликующе».

Крымский хан получил суровый урок. Все политические результаты сожжения им Москвы улетучились. Кривляясь и ерничая он начал просить русского царя о мире. Мол он пришел на Русь с посольством, но царские воеводы его не так поняли и зачем-то атаковали. Больше ханских походов Девлет-Гирей на Москву не предпринимал – в следующий раз крымцы появились под стенами русской столицы только в 1591 году и снова были разгромлены русским воинством.

Если поражение 1571 года было типичным поражением оседлого народа от степняков, наподобие взятия Тохтамышем Москвы в 1382 году, то победа при Молодях продемонстрировало принципиально другой военно-технический, организационный и интеллектуальный уровень России по сравнению с Крымским ханством.

Был составлен продуманный план войны, основанный на использовании новейших военных технологий порохового века. Смелыми и инициативными действиями воевод этот план был навязан противнику, который, несмотря на превосходство в силах, буквально разбился об русскую рать.

Судьба главных героев молодинской битвы – Михаила Воротынского и Дмитрия Хворостинина сложилась по разному.

Прославленный Молодями Воротынский был меньше чем через год после битвы подвергнут опале и либо казнен, либо замучен до смерти. Причину далеко искать не надо – удельный князь Рюрикович, прославленный полководец не мог не казаться слишком могущественным и опасным.

Дмитрий Иванович Хворостинин служил отечеству еще не одно десятилетие, хотя не раз подвергался и позорным опалам царя, и чаще чем кто-либо еще становился жертвой местнических споров. Иван Васильевич победоносного полководца не преследовал, отправлял в походы и на поляков, и на шведов, но подняться высоко не давал.

По иному сложилась судьба Хворостинина при сыне Грозного царя, святом Федоре Иоанновиче, несмотря на репутацию слабоумного и блаженного, на деле одного из самых эффективных русских государей. Помогло и родство Хворостинина с могущественными Годуновыми.

Он пошел вверх: был пожалован в бояре, что для рода его уровня было неслыханной честью, назначен Рязанским воеводой и руководителем всей южной границы. В 1587-1590 годах он выиграл у Швеции войну-реванш за былые ливонские поражения – к России возвратились Ям, Копорье и Ивангород, она снова вернула себе выход к Балтийскому морю. Уставший победоносный полководец принял монашество и вскоре скончался.

В нашей исторической памяти и трагическая фигура князя Воротынского и Дмитрий Хворостинин с его блистательной историей успеха относятся к числу лучших полководцев, настоящих строителей великой русской державы, переломивших хребет крымско-татарской экспансии.

Тяжелые и разорительные набеги крымцев на Россию продолжались еще не одно десятилетие и столетие, но движение России на Восток,

через Казань на Урал и в Сибирь, и на Юг, вглубь в Дикое Поле, было уже неостановимым. Один за другим появлялись в Степи русские города – Орел, Кромы, Ливны, Оскол, Белгород, наконец далекий Царев Борисов, вблизи которого был построен позже Изюм.

Остановить завоевание Россией Дикого Поля Крымское ханство уже не сумело. Если от Куликовской битвы отсчитывается история независимой России, то Молодинская битва стала решающим поворотным пунктом в становлении России великой – стало несомненно, что это начавшееся после взятия Казани движение уже не может быть и не будет прервано.

Знаменовала битва при Молодях и рубеж в экспансии Османской Империи.

Незадолго до Молодей – 7 октября 1571 года у берегов Греции состоялось морское сражение при Лепанто в котором османский флот с приданными ему алжирскими пиратами были разгромлены христианским флотом Священной Лиги из Испании и итальянских государств во главе с Доном Хуаном Австрийским.

В этом сражении получил рану автор Дон Кихота, Мигель Сервантес де Сааведра, писавший о себе в третьем лице:

«В морской битве при Лепанто выстрелом из аркебузы у него была искалечена рука, и хотя увечье это кажется иным безобразием, в его глазах оно прекрасно, ибо он получил его в одной из самых знаменитых битв, которые были известны в минувшие века и которые могут случиться в будущем...»

Сражение при Лепанто показало христианским народам, что турки не непобедимы и затормозило наступление полумесяца на крест в западной Европе. И, в некотором смысле, Лепанто и Молоди – это сражения близнецы, обозначившие пределы экспансии османов и их союзников. «Великолепный век» закончился.

Однако великой испанской империи на Западе Европы после Лепанто так и не состоялось, а вот великая Российская Империя на

востоке после Молодей стала реальностью, которую никто отменить не может и по сей день, как бы ему этого ни хотелось.

Сражение при Молодях - одна из судьбоноснейших битв в русской истории. В эти дни на полях под Москвой решался вопрос – быть Русскому государству великой империей, раскинувшейся через всю Северную Евразию от Дуная до Камчатки, или небольшим государством, загнанным в северные леса, или, быть может, не быть вовсе.

Сила русского оружия, отвага и стойкость русских воинов, мужество и мудрость воевод, трудолюбие и организаторский талант дьяков разрядного приказа, предусмотрительность и целеустремленность царя Ивана Васильевича решили этот вопрос однозначно в нашу пользу.

Пересмотреть итоги Казанского похода никому не удалось. Движение России на восток - за Волгу и Урал в Сибирь и на юг – в Дикое Поле стало неостановимым. Несмотря на все испытания внутри страны и неудачи в войнах на Западе, эпоха Ивана Грозного вошла в мировую историю как время изменения самого масштаба России, наша страна превратилась в планетарную, всемирно-историческую силу.

Почему, несмотря на свое исключительное значение битва при Молодях оказалась забыта? Её не изучают в школах, она почти неизвестна нашим современникам? Она, в известном смысле, попала в тень исторических споров об Иване Грозном.

Историки на долгие столетия оказались в плену у созданной Николаем Михайловичем Карамзиным концепции «двух Иванов», один из которых, ранний, - славный государь, реформатор, покоритель Казани, а другой, поздний – кровожадный полубезумный тиран, учредивший опричнину, которого во всем преследуют неудачи.

А поскольку битва при Молодях приходилась именно на период позднего Ивана, то она стала, по сути, жертвой историографической

«культуры отмены». В отличие от состоявшегося годом раньше чудовищного ханского набега, в результате которого сожжена была Москва, светлая и славная победа попросту не укладывалась в концепцию – и её предпочли забыть.

В наши дни состоялось настоящее переоткрытие этой битвы. Сегодня и те, кто восторгается царем Иваном Васильевичем, и те, кто относится ко многим его деяниям критически, согласны, что речь идет о великой победе, сопоставимой с Куликовской битвой или Битвами за Москву и Сталинград, и её забвение – преступление против нашей национальной памяти.

Сегодня о Молодях публикуются исторические исследования и романы, среди которых особенно следует выделить роман Дмитрия Володихина «Смертная чаша», пишутся картины. Банк России к юбилею выпустил очень красивую монету.

Но все-таки, до настоящего увековечения памяти о битве еще далеко. На ее месте нет достойного полноценного памятника, а поле, которое заслуживает включение в число исторических ратных полей России, не имеет охранного статуса и периодически к нему подкапываются рейдеры и застройщики. Поэтому важно, чтобы память о Молодинской битве расширялась и крепла.

СМУТА И ЕЁ ПРЕОДОЛЕНИЕ

После трудных последних лет эпохи Ивана Грозного, Россия пережила настоящий расцвет в царствование его сына – Федора Иоанновича (1583-1598).

«У него не было «брани против плоти и крови», но неприятелей своих он одолевал молитвою, — писал о Федоре Иоанновиче в своем «Временнике» дьяк Иван Тимофеев. — И настолько помогала ему сила молитвы, что ею он привлекал на себя милость Божию... Если кто, зная это, теперь с верою призовет его в молитвах, — не согрешит. Во дни его десница Творца Мира лучше всякой человеческой надежды самостоятельно управляла и сохраняла его царство».

Россия отразила попытку набега на Москву крымского хана Казигирея (1591). В войне со Швецией (1590-1595) был взят реванш за прежние неудачи – был возвращен выход к Балтийскому морю: города Ивангород, Копорье, Ям, Орешек и Ладога. В Москве зодчий Федор Конь возвел стены Белого города (ныне о них напоминает Бульварное кольцо). На южных рубежах были основаны новые города: Валуйки, Воронеж, Белгород, Курск, Оскол, Самара, Саратов, Царицын и другие. По стопам легендарного Ермака царские воеводы начали освоение Западной Сибири, где были заложены крепости Тюмень, Уржум, Тара, Сургут, Нарым, Березов, Пелым.

Эпохальным событием правления Федора Иоанновича стало учреждение на Руси патриаршества. В 1589 году в Успенском соборе Кремля митрополит Иов был торжественно возведен в сан Патриарха Московского и всея Руси. В Уложенной грамоте Поместного собора скрепленной печатью Константинопольского патриарха есть следующие слова: «Великое Росийское царствие, Третьей Рим, благочестием всех превзыде».

Однако к Российскому царству подкрадывался династический кризис – царь был бездетен, а его младший брат Дмитрий Иоаннович погиб при загадочных обстоятельствах в Угличе в 1591

году. По официальной версии он в припадке эпилепсии упал на нож, однако многие подозревали в его убийстве правителя государства, Бориса Годунова, брата царской супруги Ирины. В гибели царевича, возможно, был заинтересован и могущественный дом князей Шуйских, происходивших от младшего брата Александра Невского – Андрея Ярославича и в прошлом занимавший суздальско-нижегородский удельный стол. Будучи по крови старейшим из родов Рюриковичей, после московской ветви, к тому же имея хорошие связи с Московским посадом, выступившим на стороне Шуйских против боярина Бельского, Шуйские могли рассчитывать занять трон, в случае пресечения прямой царской ветви.

Когда в 1598 году Федор Иоаннович скончался, то Борис Годунов, будучи самым могущественным человеком в государстве, был вскорости избран на царство земским собором. Однако и для русского общества и для народа попытка введения выборной монархии, по образцу соседней Речи Посполитой, оказались абсолютно неприемлемыми. Слишком было очевидно, что это избрание совершилось «не по изволению Божию, а по многомятежному человеческому хотению». Расправы Бориса с недовольными боярами вели к кризису в верхах, а обрушившие на страну бедствия погрузили народ в пучину бедствия и смуты. Отсутствие сильной и авторитетной власти самодержавного монарха, ощущение, что царь не от Бога, а от людей, подтолкнули страну к системному политическому кризису.

Три неурожайных года подряд (1601–1603) вызвали рост цен на хлеб и прочие продовольственные товары в 20 раз, а некоторые современники писали даже о стократном повышении цен. Это вызвало в Московском государстве небывалый голод. Ослабевшее и истощенное население было подвержено эпидемиям: только в одной Москве в братских могилах было погребено тогда около 130 тысяч человек. Царь всеми силами боролся с бедствиями, велел раздавать в Москве хлеб даром. Москву заполнили нищие, обездоленные и просто не желавших работать. Ошибочное

распоряжение Бориса, разрешившего боярам освобождать своих боевых холопов, если они не могли их прокормить, привело к тому, что появилось множество разбойников, от которых страдали мирные жители. Отряды разбойников сбивались в целые воинские соединения, против которых правительство вынуждено было направлять войска. Особенно плотным было сосредоточение разбойников и казаков в Юго-Западной части страны, на границе с Диким Полем и Речью Посполитой. И не случайно – именно там разгорелся пожар Смуты.

В народе шли разговоры о том, что бедствия, обрушившиеся на страну, являются Божьим наказанием за многочисленные грехи царя Бориса. Ширились слухи о чудесном спасении последнего из сыновей Ивана IV — царевича Димитрия Ивановича.

Вероятнее всего, самозванец был выходцем из провинциального дворянского рода Отрепьевых, принявшим постриг в московском Чудовом монастыре с именем Григорий. Бежав в Речь Посполитую он нашел там покровительство в лице могущественного православного магната Адама Вишневецкого, обладателя земель по левобережью Днепра, превосходивших размерами некоторые европейские королевства. Магнат вел давние пограничные споры с Россией и ему понравилась идея посадить в Москве своего «карманного» царя. Вторым покровителем самозванца стал сандомирский воевода Юрий Мнишек, выразивший готовность выдать за самозванца в случае его воцарения дочь Марину.

Магнаты заинтересовали в своем проекте польского короля Сигизмунда III, страстного католического фанатика. К плану водворить на Руси самозванца, а через него ввести церковную унию подключился и могущественный орден иезуитов. Весной 1604 года самозванец тайно перешел в католичество и дал польскому монарху обещание в случае своей победы в борьбе за престол ввести в России католицизм вместо православия. Королю были обещаны серьезные территориальные уступки: под власть Речи Посполитой должны были отойти Северская и Смоленская земли. Утратив

авторитет монарха и социальную стабильность Россия начала превращаться в игрушку внешних сил.

Осенью 1604, возглавив небольшую наемную армию, Лжедмитрий I пересек юго-западную границу Московского государства. На его сторону вскоре перешли гарнизоны большинства крепостей Северной земли, а также население южных уездов. Этому способствовало падение популярности царя Бориса Годунова в народе. Одержав в декабре победу над царским войском в сражении под Новгородом-Северским, самозванец спустя месяц был наголову разбит у деревни Добрыничи и с трудом избежал пленения.

Внезапная кончина Бориса Годунова в апреле 1605 года в корне изменила ситуацию: царские войска перешли на сторону «царевича Димитрия». Наследник престола – юный царь Фёдор Борисович Годунов был свергнут и жестоко убит. Лжедмитрий вступил в Москву.

Многие прекрасно знали, что это никакой не царевич, а, вероятнее всего, беглый монах-расстрига Гришка Отрепьев, но все — и бояре, и духовенство, и войска — признали его. Даже мать Дмитрия, царица-инокиня Марфа, согласилась признать в нём родного сына. Непреклонен был лишь патриарх Иов, но он тщетно напоминал о клятвах и предавал анафеме самозванца. Святителя схватили и сослали в дальний монастырь. «Царь Дмитрий Иоаннович» был венчан на царство сразу в двух кремлёвских соборах: не только в Успенском, но и в Архангельском, у гробницы Ивана Грозного, за сына которого он себя выдавал.

Дмитрий Самозванец был первым «западником» на российском престоле. Он поражал москвичей своим внешним видом, брея бороду, окружил себя польскими советниками и охранниками-иноземцами, переименовал боярскую думу в «сенат», ввел польскую систему чинов, пытался именовать себя императором, но писал это латинское слово на слух, с ошибкой: «inperator». Царь не спал после обеда, не ходил в баню и не позволял кропить себя

святой водой, чем окончательно убедил русских людей в своей подменности. Во внешней политике он намервался начать войну с турками и всеми силами старался уклониться от данных им Сигизмунду III обещаний по территориальным уступкам. Мало того, он попытался поддержать польскую оппозицию Сигизмунду и тайно предлагал себя магнатам на польский престол.

Меньше чем за год самозванец нажил себе множество врагов и в России и за границей. После его венчания с Мариной Мнишек и неслыханной на Руси её коронации, народ окончательно убедился в том, что царь – иноземец. Чашу терпения переполнили бесчинства приехавших с невестой поляков. Заговорщики во главе со знатным Василием Шуйским (он расследовал смерть царевича Димитрия Угличского и точно знал, что он мертв) начали мятеж. Шуйский призвал народ «идти на злого еретика», и вспыхнул народный бунт. Толпа растерзала Самозванца и множество сопровождавших его поляков.

Организатор восстания Василий Шуйский был провозглашен царем по соглашению с боярами, которым он клятвенно обещал ограничить свою власть, но без решения земского собора. Народ прозвал поэтому Шуйского «Самовенечником» по аналогии с «Самозванцем». И взявшийся ниоткуда царь, поставленный под шумок бунта, и ограничение его власти в отношении бояр, означали дальнейший упадок монархической и государственной идеи и сулили народу новые смуты. Если до воцарения Шуйского смута ограничивалась столицей, то теперь она разлилась по всему государству и начала его уничтожать.

По всей стране ползли слухи, что царь Димитрий Иоаннович снова чудесно спасся. От его имени поднимались мятежи, один из которых возглавили холоп Иван Болотников и самозванец Илейка Муромец выдававший себя за вымышленного царевича Петра Федоровича. Разнородная армия состоявшая из крестьян, холопов, провинциальных дворян, громя воевод Шуйского и грабя окрестности двинулась на Москву, расположилась в подмосковном

селе Коломенском и начала длившуюся пять недель осаду столицы. Однако благодаря увещаниям Патриарха Гермогена от восставших отступили дворянские отряды, включая отряд рязанца Прокопия Ляпунова. Мятежники были разбиты под Москвой, однако еще долгие месяцы удерживали Тулу.

Не успело правительство усмирить восстание Болотникова, как настала новая беда – явился самозванец, выдававший себя за Самозванца. Лжедмитрий II не отличался ни умом, ни личным обаянием Лжедмитрия I, не был даже на него похож. Однако, как сказал поддерживавший его польский аристократ Ян Сапега: «Мы, поляки, во второй раз привели сюда государя, который должен будет называться Димитрием, даже если русские от этого сойдут с ума». Смута уже жила по своим законам – вокруг самозванца, кто бы они ни был, группировались те, кому было не ужиться с Василием Шуйским. Понятие государственной необходимости и служения заменилось произволом.

К лету 1608 года отряды Лжедмитрия II во главе с польскими военачальниками Сапегой и Лисовским дошли до Москвы, но взять ее не сумели. Лагерь Лжедмитрия II стоял в непосредственной близости от столицы, в селе Тушино, почему самозванца в народе вскоре и окрестили «Тушинским вором». В конце 1608 – начале 1609 года Лжедмитрию II удалось почти полностью блокировать Москву. На его сторону перешли многие города вокруг столицы, а также и крупные центры на окраинах страны — Астрахань и Псков. Банды «лисовчиков» совершали далекие грабительские рейды вглубь страны.

Позиции Тушинского вора упрочило согласие Марины Мнишек, вдовы Лжедмитрия I, признать в нем своего якобы спасшегося мужа. Однако польский король с самого начала категорически отказался поддержать Лжедмитрия II. В Тушине самозванный государь (или, как называли его польские сторонники, «царик») обзавелся личным двором: у него появились собственные бояре. Многие служилые

люди неоднократно, изменяя присяге, переезжали из Москвы в Тушино и обратно.

Неудачи Тушинского вора начались у стен Троице-Сергиева монастыря. Отряды Лисовского и Сапеги осадили эту хорошо укрепленную обитель в надежде перекрыть дорогу, соединявшую Москву с богатыми северными городами. Но успевший проникнуть в монастырь отряд стрельцов вместе с монахами и крестьянами мужественно держали оборону. 16-месячная героическая оборона Троице-Сергиевой Лавры закончилось торжеством защитников обители и позорным отступлением неприятелей в январе 1610 года.

Против тушинского вора поднялось народное движение, бывшее прообразом будущих ополчений. Народная рать освободила от тушинцев Кострому, Ярославль, Муром, Владимир. Одновременно с этим правительство Шуйского начало искать внешней поддержки – утратившая авторитетное единовластие и погруженная во внутривполитический кризис страна начала терять суверенитет. Василий Шуйский в 1609 году заключил договор с Швецией, по которому, в обмен на русскую крепость Корелу, шведы предоставляли наемную армию для борьбы с самозванцем.

Одаренный молодой полководец Михаил Васильевич Скопин-Шуйский, родич царя, во главе русско-шведской армии начал один за другим наносить поражения войскам Лжедмитрия II, в битвах под Калязином, на Каринском поле и под Дмитровым он разбил войска Сапеги и заставил поляков снять осаду Троице-Сергиевой Лавры. Тушинский лагерь начал распадаться, а самозванец спрятавшись в телеге под дранкой сбежал из него в Калугу, куда перенес остатки своего «двора».

Шведская интервенция лишь усугубила смуту – позволив разогнать тушинцев она накликala еще большую опасность. Польский король Сигизмунд III, изгнанный некогда с шведского престола упорный враг Швеции, в появлении шведской армии под Москвой увидел повод для того, чтобы объявить России открытую войну. Едва не

свергнутый восстанием шляхты, Сигизмунд видел в походе на Россию отличный выход, чтобы отвлечь её внимание от внутренних проблем Речи Посполитой. К тому же он хотел исполнить волю Папы Римского и иезуитов – подчинить Россию католицизму.

Польская армия двинулась на Смоленск, старинный русский город и мощную крепость, возвращенную из состава польско-литовского государства в 1514 году. К этой армии стремились присоединиться поляки, которые прежде разбойничали под началом Лжедмитрия II. В сентябре 1609 года началась героическая оборона Смоленска, продолжавшаяся под руководством воеводы Михаила Борисовича Шеина почти два года.

Первоначально существовала надежда на то, что крепость быстро разблокируют войска Скопина-Шуйского, однако торжественно вступивший в Москву в марте 1610 года победоносный полководец был таинственно отравлен. На пиру он принял чашу с вином после которой из носа хлынула кровь и через две недели молодой герой, надежда России, скончался. Молва приписывала эту смерть брату царя – Дмитрию Шуйскому, который и повел оставшееся после родича войско на поляков и потерпел от них катастрофическое поражение под Клушиным. Армия крупного польского полководца Жолкевского разгромила русскую конницу. Узнав новость об этом попытался снова ударить на Москву Лжедмитрий II.

Царская власть при Шуйском потеряла всякий авторитет и божественный ореол. Бояре отлично знали, что тот, кто называет себя царем, это просто один из. И он оказался неудачником и навлек на державу все новые и новые несчастья. Поэтому они составили очередной заговор и решили его свергнуть. Царь был схвачен и насильственно пострижен в монахи, причем монашеские обеты за него произносил князь Тюфякин. Патриарх Гермоген, считал, что царю надо служить, каков бы он ни был. «Чающе бо они на царя возсташа — а того забыша, что царь Божиим изволением, а не собою приим царство» - обличал он бояр. Возмущенный новым переворотом святитель сказал, что монахом теперь считает

Тюфякина, а не Шуйского. Но в одиночку противостоять силе мятежных бояр святитель в одиночку не мог.

Боярская дума учредила в Москве олигархию «седмочисленных бояр», «семибоярщину» как назвали её позднейшие историки, из представителей знатнейших родов. Двое из них были Рюриковичи, двое – служилые московские бояре, а трое – Гедиминовичи, потомки основателя Великого княжества Литовского. Не удивительно, что семибоярщина обратилась именно к польскому королю Сигизмунду III с предложением возвести на престол его сына Владислава. Королевич должен был принять православие и править в согласии с боярством, а поляки должны были защитить Москву от самозванца.

17 августа 1610 года «сedmочисленные бояре» заключили со стоявшими под Москвой поляками договор, признававший русским царем Владислава сына польского короля Сигизмунда III. Опасаясь выступлений москвичей и не доверяя русским войскам, правительство совершило акт национальной измены: в ночь на 21 сентября тайно впустило в Москву польские войска. Поляки заняли Кремль, Китай-город, Новодевичий монастырь. Немецкие и французские наемники и польско-литовские шляхтичи должны были помогать в борьбе с оставшимися тушинцами и оборонять бояр в случае народного восстания.

Предательское и эгоистическое поведение элит подорвало доверие к власти. Народ, утратив понятия о вере и верности, разделился на бандитов и их жертв. Страну захлестнула волна насилия и междоусобиц. Государство делили и расхищали враждующие группировки. Но самое главное: отказ католика Владислава принять ненавистную ему «греческую веру» поставил под угрозу само существование последнего в мире независимого православного царства.

Семибоярщина отправила на переговоры с польским королем посольство, возглавленное представителями двух виднейших боярских родов — митрополитом Филаретом (Романовым) и князем

В. В. Голицыным. Но переговоры быстро зашли в тупик: Сигизмунд III не давал согласия на переход сына в православие и, более того, сам выражал намерение стать русским царем.

«Седмочисленные бояре» тем временем фактически стали пленниками в Москве: командование польского гарнизона, расположенного в Кремле, распорядилось казней и раздавало своим сторонникам поместья и вотчины, заставляя бояр утверждать свои распоряжения. После восстания, вспыхнувшего в Москве в марте 1611 года, боярское правительство оказалось запертым в Кремле вместе с поляками.

Командир гарнизона Гонсевский нередко лично награждал вотчинами своих сторонников. Беззастенчиво разворовывалась царская казна, из которой в числе прочего платилось жалование польско-литовскому войску.

Добровольное национальное предательство, совершенное правительством, призвавшим иноземную власть, было низшей точкой смуты, вызванной утратой веры в то, что царская власть от Бога. Без высшего духовного и нравственного авторитета оказалось все позволено – сперва началась борьба за власть, а затем, истощив страну в своем междоусобии, богатые и знатные попросту учредили олигархию и сдали страну иноземцам. Россию начали рассматривать в Европе как жертву и объект колониальных устремлений и каждый стремился оторвать от неё кусок – даже английскому королю Якову I был предложен проект сотрудников торговавшей с Россией «Московской компании» Джона Мерика и Томаса Чемберлена, предлагавших захват русского Севера с его богатствами.

«Если бы Его Величество получил предложение суверенитета над той частью Московии, которая расположена между Архангельском и Волгой, и над водным путем по этой реке до Каспийского или Персидского моря, или, по крайней мере, протекторат над нею и полную свободу для английской торговли, это было бы самым счастливым предложением, когда-либо сделанным нашему

государству с тех пор, как Колумб предложил Генриху VII открыть для него Вест-Индию...» - писали прожектеры. Интересно, что оплатить колонизацию должны были сами русские, которые, по мнению авторов проекта, будут искать у английского короля защиты от ужасов смуты.

Русское царство практически погибло, но оставалась Русская Церковь. И именно она, в лице своего предстоятеля патриарха Гермогена, подняла народ на защиту веры и Отечества. Патриарх Гермоген, человек твердой воли и высоких нравственных правил, увещевал народ стоять за православную веру против иноземцев. Слово патриарха было услышано.

По призыву своего духовного пастыря проснулся русский народ и начал трудное отвоевание своей страны. Лишившись центральной власти, люди самоорганизовывались на местах, доказав, что единство России не призрак, а реальность, отпечатанная в каждом сердце.

В провинциальных городах и уездах по призыву ставшего рязанским воеводой Прокопия Ляпунова формировались отряды ополчения, ставившего задачей изгнание из столицы оккупантов. Жители Москвы все чаще вступали в конфликты с людьми Гонсевского, отказывались продавать им необходимые товары, требовали отстранения от власти наиболее ненавистных членов правительства. Оккупационные власти в ответ обязали жителей города сдать гарнизону все имевшееся у них оружие, включая длинные ножи и топоры, в связи с чем даже дрова было указано привозить в город в колотом виде.

Тем временем к Москве подошли передовые отряды первого ополчения, что и стало сигналом к началу восстания 19 марта 1611 года. При поддержке москвичей ополченцы, одним из отрядов которых командовал князь Дмитрий Михайлович Пожарский, заняли Сретенку, Лубянку, Замоскворечье и Яузские ворота; поляков удалось оттеснить в Кремль и Китай-город.

В этот момент, по совету русских изменников, солдаты гарнизона подожгли город. В результате трехдневного пожара Москва превратилась в пепелище, тысячи людей погибли или вынуждены были искать убежища в соседних городах.

Основные силы ополченцев подошли к Москве лишь через полторы недели и потому не смогли предотвратить гибель города. Осада засевшего в Москве польского-литовского гарнизона шла вяло, особенно после гибели Прокопия Ляпунова, убитого казаками из числа бывших последователей Лжедмитрия II. Многие дворяне после этого покинули подмосковный лагерь, а оставшиеся у стен города казаки, в силу отсутствия должной дисциплины в их рядах, не могли полностью блокировать осажденную Москву. Это позволяло полякам совершать удачные вылазки за провиантом в соседние села и даже доставлять в город целые продовольственные обозы. Победа поляков казалась недалекой, ведь в июне 1611 года после исчерпания возможности к сопротивлению пал Смоленск.

После боев с Первым ополчением поляки заточили Гермогена в темницу Чудова монастыря. Свое последнее воззвание Гермоген написал в августе 1611 г. Оно было направлено с верными людьми в Нижний Новгород. Патриарх призывал писать и в другие города людям «чтобы уняли грабеж, имели бы чистоту душевную и братство». Святитель Гермоген вновь обращался к русским людям с призывом встать на защиту веры и Отечества. Замученный голодом, он умер в заточении в феврале 1612 года.

В конце 1611 года гибель Московского царства казалась неизбежной: столица находилась в руках польско-литовского гарнизона, пал после долгого сопротивления Смоленск, новгородские земли захватили шведы, южные уезды разоряли отряды ногайцев и татар. Пытавшееся освободить Москву первое ополчение распалось и не имело сил довести начатое дело до конца...

В этот момент нижегородский староста Кузьма Минин обратился к землякам с призывом жертвовать средства на сбор нового ополчения. На общее дело решено было отдавать треть своего достатка, сам Минин отдал вдвое больше. Возглавить войско нижегородцы предложили князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому: он в своем нижегородском поместье в это время лечился от ран, полученных в боях с польско-литовскими оккупантами на улицах Москвы. Князь дал согласие.

В начале 1612 года второе ополчение выступило из Нижнего Новгорода. В составе войска было около пяти тысяч человек, ядро его составляли смоленские дворяне, вынужденные покинуть родные места после захвата их края польско-литовскими войсками.

Путь к Москве пролегал через поволжские города: Балахну, Кострому и Ярославль. В Ярославле Пожарский и Минин пробыли три месяца, за это время пополнив казну войска и увеличив численность ополчения до 20 тысяч человек. Там же было сформировано новое правительство — «Совет всея земли» — в противовес сидевшей в Москве Семибоярщине. Пожарский был ключевой фигурой в ярославском правительстве, видную роль играл и Минин, именовавшийся «выборным всею землею человеком».

В августе 1612 года силы второго ополчения подступили к Москве, преградив путь польско-литовскому войску гетмана Ходкевича, пытавшегося провести в осажденный Кремль большой продовольственный обоз. 22–24 августа под Москвой шло сражение, в ходе которого два прежде обособленных ополчения, объединив усилия, сумели отбросить Ходкевича от столицы. Но окончательное объединение произошло лишь через месяц. Стольник князь Пожарский ради общего блага уступил формальное первенство боярину князю Трубецкому.

Приход национально-освободительных сил к единству predetermined капитуляцию польско-литовского гарнизона Кремля, последовавшую 26 октября 1612 года. Вскоре после

освобождения Москвы руководители объединенного ополчения разослали по городам грамоты с призывом присылать в столицу представителей для участия в выборе «всем народом» нового государя. Москва была освобождена от интервентов.

После изгнания интервентов столица являла собой ужасающее зрелище. Вместо улиц, церквей и палат — пожарища и пустыри. Страшной находкой в Кремле стали чаны с человеческим мясом: не желая потерять награбленные сокровища, оккупанты дошли до людоедства...

В Москве состоялся «Совет двух ратей», то есть, ополчения Трубецкого и Пожарского. По сути, это было слияние войск второго ополчения и отрядов Трубецкого. На "Совете двух ратей" было избрано временное правительство – «Совет всея земли». Главными правителями государства стали Дмитрий Трубецкой и Дмитрий Пожарский.

Во многие города России были разосланы грамоты от имени руководителей временного правительства – Совета всея земли -- князей Пожарского и Трубецкого о том, чтобы города прислали своих представителей для избрания царя. Сама идея проведения всеобщих выборов царя принадлежала патриарху Гермогену и была «озвучена» ещё 20 июля 1610 года, на третий день после свержения с трона Василия Шуйского.

Для участия в Земском соборе от каждого уезда предложено было выбрать по десять человек «лутчих и разумных, и постоянных», которые бы собравшись в Москве, в свою очередь избрали бы главу государства из ряда предложенных кандидатов.

В январе 1613 года, после трехдневного поста, целью которого было очищение от грехов Смуты перед решением важнейшего вопроса, собор начал работу в Успенском соборе Кремля. По разным оценкам, в нем приняли участие от 700 до 1500 человек.

Претендентов на российский престол было немало. Были среди них представители древних аристократических фамилий, мечтали о

царской шапке европейские правящие династии. Каждый из кандидатов имел своих сторонников и противников. Выбор был труден, поэтому собор поначалу склонялся к метанию жребия, в котором бы проявилась воля свыше — «кому Бог подаст», как написал очевидец событий. Однако в итоге российским царем был избран юный Михаил Федорович Романов, сын Фёдора Никитича Романова (в монашестве Филарета), двоюродного брата последнего царя из династии Рюриковичей.

Романовы были древним боярским родом, издавна преданно служившим московским государям, но они не были боярами-княжатами, как Рюриковичи и Гедиминовичи, избрание Романова не разжигала конфликта между двумя княжескими ветвями. При этом через первую жену Ивана Грозного и мать Федора Иоанновича Анастасию они были родичами последних царей угасшей династии. Насильственно постриженный в монашество отец Михаила, Федор Никитич (Филарет), томившийся в польском плену, пользовался огромным авторитетом.

Михаил находился с матерью в костромском поместье. Здесь избранный царь чуть не попал в руки польского отряда, но простой крестьянин Иван Сусанин ценой своей жизни спас его от врагов.

13 марта московское посольство прибыло в Свято-Троицкий Ипатьевский монастырь близ Костромы. Послы объявили, что всё Московское государство просит Михаила Фёдоровича принять скипетр. Но Михаил и его мать, инокиня Марфа, долго отказывались. Ещё свежо было в памяти убийство Годуновых, которым народ тоже клялся в верности. Да и под силу ли неопытному юноше восстановить растерзанную страну? Но в конце концов мать и сын приняли решение Собора как волю Божию. Марфа благословила Михаила на царство Феодоровской иконой Божией Матери. Этот чудотворный образ стал главной святыней Дома Романовых.

Смутное время стало результатом кризиса в элите и народе четкого монархического сознания в результате династического кризиса.

«Выборных царей» никто не уважал. Многие аристократы верили, что если удалось стать царем худородному Годунову, удастся и им. Выборное начало и ложь самозванчества подорвали ту сакральную вертикаль власти на которой базировалось Российское царство в предыдущие столетия. А в отсутствие безусловного царского авторитета обнажились умиравшиеся до сих пор государем противоречия – между крестьянами и дворянами, между служилыми людьми и казаками. Групповые и личные интересы стали выше общегосударственных и началась смута, война всех против всех, в которую не замедлили вмешаться иностранцы, стремившиеся оторвать кусок от России. Низшей точкой падения русской государственности была открытая измена собственного правительства, впусившего оккупантов в кремль. Однако духовные и национальные силы русского народа были сильны – перед угрозой иностранного нашествия и утраты государственности русские люди сплотились по призыву патриарха Православной Церкви и отвоевали свою столицу. Усилиями ополчений и дружной ответственной деятельностью земских соборов авторитетная царская власть была восстановлена, Россия начала трудный путь к возрождению и возвращению земель, захваченных хищными соседями в период Смуты. Начавшийся XVII век стал временем расцвета и новых достижений русского государства, среди которых были освоение Сибири и возвращение Малороссии.

СУДЬБА ЗАПАДНОЙ РУСИ И ВОССОЕДИНЕНИЕ МАЛОРОССИИ

История Великого княжества Литовского – это история утраты русскости, потери русскости, гонения на русскость, сначала политическими лидерами, потом аристократией, духовенством и горожанами. К XVIII веку только русские крестьяне на территории, оставшейся под властью Литвы, сохранили русскую идентичность. Они-то и стали белоруссами. А потомки западнорусской знати изменили и народности и вере, превратившись в ожесточенных русофобов, поляков. Об этом много писал великий русский и белорусский историк Михаил Осипович Коялович, труды которого обязательно нужно прочесть каждому русскому человеку, особенно в Белоруссии.

Именно захват Великим княжеством Литовским западнорусских земель привел к тому, что русской идентичности на огромных просторах Руси, именуемых сегодня Украиной и Белоруссией был нанесен очень тяжелый удар. И причиной этого удара было именно то, что русский народ и русские земли оказались во власти иноплеменников – литовских князей. Если часть из них пыталась соединиться с подданными русскими – и сама стать русской и православной, то другая часть литовской элиты стремилась евроинтегрироваться через союз с католической Польшей и утащить русских за собой. Победы первые – Литва может быть и правда стала бы Русью, но победили вторые и это было predetermined именно тем, что Великое Княжество Литовское было господством иноплеменников над славянами и его история шла в направлении все меньшей русскости.

Давайте вспомним в общих чертах как это произошло.

«Все покорено было Богомъ крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому, дѣду его Володимеру Манамаху, которымъ то половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не

выныкываху...» - так говорилось в замечательном памятнике древнерусской литературы Слове о погибели Русской Земли.

И вот настала болезнь христианам – нашествие батыевой орды. И разгромлены были города великие – и Рязань, Владимир, и Чернигов, и Киев. И в те дни Литва на свет выныкнула.

В XIII-XIV веках Русь оказалась между двух больших огней – с Востока и с Запада. И угрозой с запада были не столько немецкие рыцари, сколько именно литва – воинственный и дикий народ, двоюродные братья славян, научившиеся воинскому делу в бесчисленных сражениях с напиравшими на него тевтонскими и ливонскими рыцарями. Литовцам в их лесах почти нечего было терять, кроме их скудной жизни, а набегами на Русь они могли приобрести богатство и славу.

«Три у Будрыса сына, как и он, три литвина.

Он пришел толковать с молодцами.

«Дети! седла чините, лошадей проводите,

Да точите мечи с бердышами...

Будет всем по награде: пусть один в Новеграде

Поживится от русских добычей.

Жены их, как в окладах, в драгоценных нарядах;

Домы полны; богат их обычай» -

в этом переведенном Пушкиным стихотворении Адама Мицкевича великолепно передана сама суть литовской набеговой экономики, мало, на первых порах, отличавшейся от ордынской.

Впрочем нет. Вскоре она начала отличаться для долгосрочного будущего Руси в худшую сторону. Золотая Орда требовала у русских дань, угоняла пленников, но она не захватывала напрямую русских городов. А вот Литва приступила к прямому захвату русских земель.

Еще при князе Миндовге в XIII веке были захвачены Новогрудок и Гродно. В 1309 году князь Витень подчинил Полоцк и Брест. Его младший брат Гедемин, основатель литовской династии, захватил Витебск, Минск, Туров, Пинск и Владимир Волынский, а главное

опутал всю Западную Русь цепями зависимости от Литвы. Сын Гедемина Ольгерд превратил эту зависимость в прямое подчинение – литовскими стали Торопец, Могилев, Брянск, Новгород Северский, Курск, Чернигов, и, наконец, русская святыня Киев. Племянник Ольгерда – Витовт, последний сильный и независимый правитель Литвы, присоединил к ней еще один древнейший русский город – Смоленск, а заодно и Вязьму, Дорогобуж и даже Козельск, прославленный обороной от монголов.

Казалось, что литовский паровой каток, утрамбовывающий русские земли, не остановить. Тем более, что организованного сопротивления ему долгое время не было – в Литве русские города и веши видели надежную защиту от монголов. В отличие от католиков немцев или поляков в них не видели религиозных и культурных врагов – литовские князья были либо язычниками, либо охотно крестились в Православие.

Князь Ольгерд распорядился использовать в делопроизводстве русский язык, был женат на православных христианках – русских княжнах, все его дети были крещены в православие. Возможно был крещен и он сам – хотя это не помешало ему в 1340-х годах казнить трех Виленских мучеников Антония, Иоанна и Евстафия.

Однако вся русофилия Ольгерда во многом объяснялась его властолюбием – ему хотелось быть единоличным правителем всей Русской Земли. Он подчинил своему влиянию тверских князей, протянул руки даже на Новгород.

В России и по сей день находится немало историков и публицистов, которые твердят о некоей «Литовской Руси», которая могла бы объединить всю страну от Киева до Москвы под властью Гедеминовичей. Мол тогда мы бы раньше освободились от ордынского ига, были бы ближе к Европе, у нас завелось бы гражданское общество, но, при этом, остались бы русскими и православными.

Именно этот фантом Литовской Руси привел к тому парадоксальному факту, что четверо литовских князей Гедемин, Ольгерд, Витовт, Кейстут, из которых первые трое были прямыми оккупантами русских земель оказались на памятнике «Тысячелетие России».

На самом деле все было гораздо сложнее. Литва с первых шагов своей государственности пыталась вписаться в тогдашнее «Европейское сообщество» - Папски-Императорскую систему отношений в римски-католической Европе и стать равноправной участницей этой системы. Именно у Папы Римского литовские князья искали управы на своих ближайших врагов – тевтонских рыцарей.

Князь Миндовг, первый из великих государей Литвы, принял католичество и королевскую корону от папы, скоро, впрочем, горько разочаровался.

С Миндовгом, впрочем, расправилась группа литовской знати во главе с Довмонтом, который в итоге бежал на Русь, принял православное крещение, стал князем Псковским, сражался и с ливонцами и с литовцами и заслуженно прославлен как святой воин. Искренне православных русифицировавшихся литовцев было много, но князья – ни Миндовг, ни Гедемин, ни Ольгерд к ним не относились, а Витовт так и вовсе стремился культурно изолировать природных литовцев от русских. Становиться Русью они совершенно не становились и захваченные русские земли воспринимали как богатое приданое при движении на Запад.

Однако все мечты Ольгерда разбились о стены белокаменного Московского кремля, новопостроенного святителем митрополитом Алексеем и великим князем Дмитрием Донским. Трижды, в 1368, 1370 и 1372 литва приходила на Москву, дважды подходила к кремлю, но в итоге вынуждена была признать поражение и просить о мире. Первенство московского князя в русских делах было признано, а два сына Ольгерда – Андрей Полоцкий и Дмитрий

Брянский принял на стороне Дмитрия Донского участие в Куликовской битве. Той самой битве, на которую не поспел их брат Ягайло, бывший союзником Мамаю.

Ягайло жестоко расправился со своим дядей Кейстутом, прославленным полководцем, не раз бывшим немецких рыцарей, бросил в тюрьму своего брата Витовта, и... окончательно подписал приговор призраку Литовской Руси.

В 1385 году он женился на наследнице польского трона Ядвиге. Невеста боялась – ей рассказывали, что жених звероподобен и волосат, но во имя интересов польского государства её уговорили. Была заключена Кревская уния – Польша и Литва объединялись под одним королем, поляки получали массу привилегий, литовцы принудительно обращались в католичество, а русским было объявлено, что они являются гражданами второго сорта.

Оскорбление было нанесено сразу же. Ягайло должен был заплатить 200 тысяч червонцев отступного несостоявшемуся жениху Ядвиги – Вильгельму Габсбургу. И он объявил, что сумма будет собрана исключительно с его русских областей. То есть от русских потребовали еще и заплатить за свое грядущее рабство.

Новокрещеным литовцам-католикам было запрещено вступать в браки с православными русскими под страхом порки. Знатным православным было запрещено занимать высшие должности воеводы и каштеляна, заседать в господской раде. Особо изощренной была благодарность русским после Грюнвальдской битвы 1410 года. В ней король Ягайло и Витовт, ставший к тому моменту великим князем Литовским, зависимым от короля, разгромили тевтонских рыцарей во многом благодаря русским стрелкам из Смоленска.

И вот, одно из постановлений Городельского съезда Ягайлы, Витовта и высшей аристократии Польши и Литвы в 1413 году так и называлось

«Соединение земель Великого княжества Литовского с Польским вместе с уступкою со стороны королевства литовцам гербов и прочих известных вольностей, уступленных литовской (за исключением русских) знати».

Православие к тому моменту уже было гонимо на Галицкой Руси, которая была захвачена непосредственно Польшей. К такому грустному результату привела политика великого воина – Даниила, князя Галицкого. Столкнувшись с ордынским нашествием, он решил искать помощи на Западе, от которого еще недавно оборонял свои земли. Заключил религиозную унию с Римским Папой, который провозгласил его королем. Уния, правда, помощи против монголов не принесла, напротив, ордынцы заставили Даниила ходить с ними в походы на Польшу и Литву.

Зато строитель Львова был провозглашен непосредственным основателем украинской государственности и нации. Его часто противопоставляют герою великороссов Александру Невскому, бывшему западных рыцарей и покорявшемуся Золотой Орде.

Конечно, никаким «первым украинцем» Даниил не был, но именно с него началось накопление ошибки, которая в конечном счете привела к бандеровщине, майдану, кружевным трусикам и ЕС, дальше кровь и смерть.

«Король Даниил, король Даниил,
О сколько ты бед нам сотворил:
Руси изменял, Орде поклонялся,
Ляхам доверял, Риму предался

За римскую мы корону твою,

Влачим и поднесь недолю свою» - такие горькие строки написал выдающийся галицко-русский поэт Дмитрий Вергун.

Галицкие князья начали родниться с польскими и венгерскими правящими домами и, в конечном счете, их династия пресеклась, а наследство досталось польскому королю Казимиру Великому, а Волынь была захвачена сыном Гедемина Любартом. Казимир

немедленно преступил клятву, данную им православным – от греха клятвопреступления освободил его Римский Папа. Для учрежденной во Львове католической епархии был отобран у православных кафедральный собор, превращенный в костел. Подчиненные православные епархии Казимир, тоже идя по стопам наследников Даниила, решил оторвать от русских митрополитов, к тому моменту уже прочно осевших в Москве, и вытребовал для них учреждения отдельной Галицкой митрополии, которую в канцелярии Константинопольских патриархов обозначили формулой: «Микра Россия», так появилось на свет выражение Малая Русь.

Вот по этому намеченному поляками пути наступления на Православие и пошел Ягайло. Городельскими постановлениями, которые никогда не исключались из законов, хотя и не всегда исполнялись строго, было положено начало превращению Польско-Литовского государства в анти-Россию. Эта анти-Россия, во-первых, вынуждена была подавлять русское православное население, какового в Великом Княжестве Литовском по прежнему было большинство.

Преследования и дискриминация православных то обострялись, то ослаблялись, то ужесточались, но всегда оставались нормой. А, во-вторых, Литва вынуждена была со страхом смотреть на усиливавшуюся Москву, которая была православной, русской и управляясь представителями той самой династии Рюриковичей, которая основала Русь, а значит претендовала на всё русское наследство.

Подчинившая Новгород, Тверь, Рязань, скинувшая ордынское иго, принявшая на свой герб двуглавого орла Москва обернулась Великой Россией. И вот от Ивана III, Государя и Великого князя Всея Руси в адрес короля польского, великого князя литовского Александра Казимира прозвучал приговор:

«Русская Земля вся, с Божьей волею, из старины, от наших прародителей, наша отчина: и нам ныне своей отчины жаль; а их

отчина - Ляшская земля да Литовская; и нам зачем же от тех городов и волостей своей отчины, которые нам Бог дал, в его пользу отступить? И не то одно наша отчина, которые города и волости ныне за нами: и вся Русская Земля Киев и Смоленск и иные города, которые он литовский князь за собою держит».

Началось то, что на языке современной политологии называется национальной ирредентой, то есть отвоеванием земель, принадлежащих одной нации у государства другой нации.

«Русские не поддаются никакому убеждению... Едва только великий князь литовский начал обращать их, русских, к единству римской церкви, как князья и вожди их с яростью поспешили предаться к московскому великому князю – защитнику их схизмы» - жаловался краковский каноник Иван Сакран.

Русские князья пограничных земель начали массово переходить на службу русскому государю. В ходе вязкой пограничной войны 1487-1494 годов Россия отжала у Литвы Вязьму, Козельск, Воротынский, Одоев, Белев.

Время открытой схватки настало в 1500 году. Русское войско под командованием замечательного полководца Данилы Васильевича Щени наголову разбило у Ведроши под Смоленском армию великого гетмана князя Константина Ивановича Острожского. Русский православный вельможа Литвы, чей род утверждал, что происходит от самого Даниила Галицкого, попал в плен, ему конечно предложили службу русскому государю, но он воспользовался этим предложением только для того, чтобы перебежать назад в Литву, оказался патриотом анти-России.

По результатам войны в родную гавань на Москве-реке вернулись 19 городов, включая Чернигов, Гомель, Новгород-Северский, Брянск. В 1508 году на сторону русских перешел влиятельнейший магнат, полудержавный властелин Литвы при Александре Казимире – Михаил Глинский, которому не нашлось места при дворе нового короля Сигизмунда. Когда между Москвой и Вильно началась новая

война, Глинский уговорил Смоленск сдаться Василию III. В 1514 году Смоленск стал наш. Глинский, привыкший быть господином в Литве, надеялся, что город сделают его вотчиной, забыв, что в России только один господин – государь, а все остальные его слуги. Разочарованный Глинский предал русских, выдал важные сведения литовцам, но был пойман и брошен в тюрьму. Однако его счастье повернулось еще раз – племянница Елена стала новой женой великого князя Василия и родила ему сына Ивана, Ивана Грозного. В этот период звезда Михаила Глинского снова встала высоко, но оставшаяся самостоятельной правительницей племянница уморила дядю в тюрьме за то, что он посмел попрекать её любовником.

В ходе войны за Смоленск Константин Острожский в 1514 году нанес русским тяжелое поражение при Орше, юбилей которого торжественно праздновали белорусские и, что еще оригинальней, украинские националисты.

Теплым летним вечером 2014 года я вошел под своды красивейшего Мирского замка в часе езды от Минска. Первое, что попало мне на глаза, была огромная, увеличенная на всю высоту средневекового потолка старинная картина. Отважно-жантильные рыцари в блистающих латах сражались с какими-то опасными существами, одетыми в стеганые ватники.

Поскольку стеганый ватник — по научному «тегилай» — самый распространенный в позднем Средневековье тип русского воинского доспеха, я начал что-то подозревать и нажал кнопку аудиогuida. «У нас была великая эпоха, — практически рявкнул цельнометаллический голос. — Великое княжество Литовское было государством европейского типа. Но это не нравилось соседям, особенно Москве, начавшей экспансию на Запад. На картине изображена битва под Оршей 8 сентября 1514 года, где войска Литвы и Польши наголову разгромили силы Московского князя».

Главным оружием Ивана III и его сына Василия III в борьбе за возвращение русских земель были не оружие, а позиция

влиятельного русского дворянства Литвы. Владетельные князья устраивали заговоры и массами переходили на службу Москве вместе со своими обширными владениями. В ходе войны 1514 года, после взятия русскими войсками Смоленска, в Литве начали схлопываться структуры лояльности. Переход аристократии и населения на сторону Москвы казался предрешенным. Именно поэтому польскому королю Сигизмунду I была жизненно необходима любая победа, которая вдохнула бы в панов и мещан веру, что дело Литвы еще не совсем проиграно.

Сражение под Оршей дало в руки Сигизмунда такую победу, а потому значение ее в польской историографии раздуто до небес. Войска Острожского столкнулись под Оршей с небольшой — 12 тыс. человек — русской армией, задачей которой было прикрыть Смоленск и не допустить его осады поляками. Эта армия состояла преимущественно из дворянской конницы, не имевшей артиллерии, что в конечном счете и предопределило ее поражение. Вторым фактором поражения стали несогласия между русскими воеводами. В решающий момент второй воевода Иван Челяднин не только не помог первому воеводе Михаилу Булгакову, но и отступил. И тем «князя Михаила выдал», как горько замечает Устюжский летописец.

Много русских ратников погибло, главные русские воеводы попали в плен. Польские хронисты радостно отрапортовали о 80 тыс. убитых московитов, что при размерах русского войска в 12 тыс. означает, что каждого русского убили по меньшей мере 7 раз. Впрочем, большинство рассеявшегося войска, разумеется, спаслось.

Однако никакого стратегического перелома в войне битва под Оршей Литве не дала. Понадеявшегося с помощью изменников взять Смоленск Константина Острожского встретили развешенные на стенах города трупы тех самых изменников. Причем некоторые были облачены в собольи шубы, которые Василий III подарил им за присягу Москве. А когда в 1517 году Сигизмунд отправил Острожского на штурм русской крепости Опочка, то потери литовцев оказались сравнимы с потерями русских под Оршей. «Бесова

деревня», — ругался на очередной в русской истории «злой город» Сигизмунд. В конечном счете Москва и Литва пошли на перемирие, оставившее Смоленск за Россией. Сигизмунд, впрочем, мелко отомстил, отказавшись от размена пленных.

Не став знаковым военным событием, Орша тем не менее превратилась для Польско-Литовского государства в пропагандистский фетиш. К европейским дворам были разосланы посольства, которые, безбожно привирая и преувеличивая, рассказывали о великой победе под Оршей. Одному из учеников Лукаса Кранаха была заказана роскошная картина — та самая, которая упоминалась в начале. Железнобокая Европа против ватной Азии. Королевская канцелярия бомбардировала зарождавшиеся европейские типографии трактатами о варварстве московитов. Определенный успех эта пропаганда имела: Священная Римская империя, еще недавно настроенная на союз с Москвой против Польши, заколебалась и стала предлагать с презрением отвергнутое Россией посредничество. А главное — брошенные на европейскую почву зерна русофобии начали прорастать и дали пышные всходы, когда всё та же Польша в Ливонской войне скрестила мечи с «сумасшедшим Иваном».

Результативной, увы, была и внутренняя пропаганда. Бегство русских за московскую границу «вместе с землями», столь популярное при Иване III, после Орши если и не сошло на нет, то потеряло прежние масштабы. Русские перестали казаться непобедимыми. Приграничным мещанам начали внушать, что в Московии «никто не владеет богатством иначе как с разрешения великого князя», и они стали голосовать кошельком.

И вот на этом фоне показательно, как своеобразно вознаградило великого гетмана католическое отечество за эту заслугу: когда король Сигизмунд I назначил победоносного Острожского воеводой и членом господской рады — литовского сената, то сенаторы-католики взбунтовались и стали напоминать, что «схизматик», как называли латиняне православных, не имеет на это права. В итоге

королю пришлось просить за Острожского, указывать на его особые исключительные заслуги, и чтобы успокоить оппозицию, – издать специальный указ, гарантировавший, что больше никто и никогда из русских православных таких должностей не получит.

Почему же русские православные магнаты, шляхтичи, даже горожане Польско-Литовского государства оказывались такими пламенными его патриотами, а цепочка переходов в Россию после Смоленская прервалась?

Высшие сословия Западной Руси постепенно становились непохожими на великороссов, хотя в глубине народной и среди православного духовенства еще долго сохранялось чувство единства. Это чувство единства держалось несмотря на усиленное давление польской пропаганды, навязывавшей Европе и жителям самого Польско-Литовского государства точку зрения, что Россия – это некая «Московия», а «Русией» является даже не вся западная Русь, а только подвластная полякам Галиция.

В 1517 году в Кракове вышел «Трактат о двух Сарматиях» за авторством Матвея Меховского, в котором последовательно проведена идея, что «Руссия» — это территория Галиции со столицей во Львове, находящаяся под властью польского короля. Наряду с нею в Европейской Сарматии расположены «Литва», к которой Меховский отнес не только Смоленск, но и Новгород и Псков, и та самая Московия. Но выдержать последовательно линию «Московия это не Руссия» не удалось даже Меховскому: «В Московии одна речь и один язык, именно русский или славянский, во всех сатрапиях и княжествах. Так, даже вогулы и жители Вятки — русские и говорят по-русски».

Убедить народ Западной Руси, что они с «московитами» чужаки было невозможно. Само западнорусское население разделилось на две близкие, но все-таки неидентичные общности – малорусов и белорусов. Причиной этого стала география – между двумя группами лежали практически непреодолимые Полесские болота, обойти

которые можно было только по Днепру. К тому же, если белорусское население столетиями оставалось на одном месте среди своих лесов и болот, лишь изредка тревожимое татарскими набегами, то малорусы оказались в чистом поле, под ударами татарских набегов, они по сути заново отвоевывали свою страну у кочевников, после Батыева разорения превративших её в пастбище, таковым, в частности, считались окрестности Киева. Столетиями великие князья литовские и польские короли считались данниками крымского ханства «за Киев» и приносили бусурманам вассальную присягу.

А напор России продолжался – начались ливонские войны, в ходе которых Иван Грозный, не только русский царь и отдаленный потомок Витовта, но и внучатый племянник Михаила Глинского взял Полоцк. Русские требовали не только ближние белорусские города и Киев, но и Галицкую Русь:

«А те города искони русских государей... а зашла та вотчина за государя вашего некими незгодами после Батыева пленения, как безбожный Батый многие грады русские попленил, и после того потому от государей наших... те города поотошли» - эти безупречные исторические аргументы русских дипломатов подтверждал голос русских пушек.

Россия настолько превосходила в этот момент своими силами Великое Княжество Литовское, что тому не оставалось другого выбора, кроме как полностью сдаться Польше. В 1569 году под давлением короля Сигизмунда II Августа Литва заключила с Польшей Люблинскую унию, по которому государства сливались в единую Речь Посполитую. Подлясье, Волынь и Киевщина были переданы королем из состава Великого Княжества Литовского в состав Польши – по тому праву, что его предки Ольгерд и Витовт когда-то эти земли завоевали, и он волен ими распоряжаться. На русское население этих земель последний Гедиминович-Ягеллон смотрел как на скот.

Парадоксально, но сломить сопротивление сторонников литовской независимости королю помогли русские по происхождению

магнаты и шляхта, стремившиеся уравниваться правами с польской. Они не хотели в «варварскую Московию», они хотели быть польскими сенаторами и ради этого поддерживали слияние. Теперь на все огромное государство была распространена польская система взаимоотношений. Во-первых противопоставление панов и холопов, которые мыслились панами как бесправные рабы. Во-вторых, презрение польской шляхты к горожанам. В-третьих, польский анархизм, стремление шляхты всеми средствами ослабить власть короля.

По Западной Руси прошелся не только национальный и вероисповедный, но и цивилизационный разлом. По одну сторону была Россия, Москва, государство, пронизанное сверхидеей православного царства и служения государю, которому нужно подчинить всего себя без остатку. По другую сторону – в Польше и Литве была доведена до предела идея феодальной свободы, «золотая шляхетская вольность».

Русское государство было жестко иерархической структурой, которая была пронизана одной религиозно-государственной идеей. Точно и полно эту идею выразил старец псковского елезарова монастыря Филофей в учении о Москве как Третьем Риме. Он так поучал Василия III: «Храни и внимай, благочестивый царь, тому, что все христианские царства сошлись в одно твое, что два Рима пали, а третий стоит, четвертому же не бывать. И твое христианское царство другим не сменится». Москва мыслилась последним оплотом Православия, а значит и истинной христианской веры во всей вселенной. И она действительно осталась таковым после двойного падения Константинополя – сперва от изменнической флорентийской унии, а затем от завоевания османами.

Жить на окраине опасной степи, откуда, не забыв об ордынских обычаях приходят набеги. Граничить со злыми и всегда готовыми ухватить свой кусок западными соседями – Швецией, Ливонией, теми же Литвой и Польшей. Находить убежище только на Севере, где один за другим возникали монастыри – Кириллово Белозерский,

Ферапонтов, Соловецкий, и так до Печенгского за полярным кругом. Такова была ситуация, в которой оказалась Московская Русь.

И на этот вызов Москва ответила сверхорганизацией, создание служилого государства в котором всё сверху до низу было пронизано идеей служения «делу государеву и земскому».

Аристократия Москвы – Рюриковичи и Гедеминовичи, Вельяминовы, Кобылины, Ратшичи, Зерновы, Урусовы, Юсуповы и многие другие были частью единой военно-административной корпоративной организации – государева двора. Институтом, объединявшим эту корпорацию, было местничество. Местничеству досталась от историков масса издевок – мол два воеводы поругались, который старше, и загубили всё дело. Такое тоже случалось, но в основе местничества лежала вполне ясная великая идея – вся русская аристократия была связана единой системой служебных отношений. Любая перемена в одной части системы отражалась на другой.

Каждый, кто хотел преуспеть, должен был держать в голове каталог всех военных, воеводских и посольских назначений за много десятилетий, чтобы при случае указать, что его отец служил начальником с тем-то, а то-то был тогда-то начальником того-то, а значит мне теперь ниже сына того подчиненного быть нельзя. Каждый служилый по отечеству человек знал точно свое место в сложнейшей иерархии государства. То, что это место гарантировалось заслугами предков, обеспечивало надежность конструкции, а то, что твой личный провал мог привести к государевой опале, и понижению всех потомков, не только твоих, но и твоих родичей, на много ступеней – давало особое чувство ответственности. Еще в середине XVII века, когда Трубецкие тягались с Куракиными припоминалось то, что за измену Курбского все его родичи были понижены на 12 мест.

Чтобы поддерживать эту интегрированную и сплоченную корпоративную систему нужна была, разумеется, тщательная бюрократия. И такая бюрократия возникла в Русском царстве очень

рано – это была приказная система. В развитии центральных органов управления Москва значительно опережала большинство европейских государств.

Совершенно уникальным учреждением был Разряд, возникший еще в начале XVI века. Это был первый в истории Генштаб совмещенный с одним из первых министерств обороны. Разряд знал всё о каждом служилом человеке в столице и провинции, ежегодно расписывал этих служилых людей на службу в многочисленные походы, распределял командирские и воеводские места, учитывая мечтнический принцип, судил нерадивых, награждал героев, назначал жалование, проводил комплектование армии, устраивал смотры на которые следовало являться конно, людно и оружно, выдавал деньги за «полонное терпение», строил крепости и засечные черты, ведал государевыми украинами и пограничной стражей на них.

Разряд был военно-административным центром Русского Царства, в котором дьяки и подьячие воевали за письменным столом для того, чтобы легче было воевать на поле боя. Это был, по выражению советского полководца маршала Шапошникова, Мозг Армии, и не только армии, но и всей сложнейшей оборонительно наступательной системы Русского государства. И, судя по тому, какие размеры в итоге приобрело это государства, этот мозг ошибался не слишком часто.

Русский Государь ощущал себя самодержцем и действительно был им, именно потому, что по его воле действовала эта мощнейшая система из военно-служилой корпорации Государева Двора и разветвленной приказной бюрократии. Однако в этой системе каждый был винтиком и незаменимых почти не было. Однако иностранцы, решившие, что русские – холопы, и наполнившие болтовней об этом бесчисленные сочинения, так ничего и не поняли. Эти «винтики» продолжали держать, а шестеренки крутиться даже при поломки машины. На Москве в смутное время не было государя, а далеко в степи подьячие посольского приказа хитростью

приводили к присяге ногайских мурз, уберегая тем самым русские земли от их набегов.

Когда в первые годы ливонской войны польский король Сигизмунд II Август разослал письма русским боярам, предки которых при Иване III ушли из Литвы вместе со своими землями, призывая бросить московского тирана и вернуться обратно, туда, где царит истинная свобода, ответом ему стали презрительные письма, автором которых, возможно, был сам русский царь. Вот что пришло Сигизмунду от имени князя Воротынского, будущего победителя в битве при Молодях:

«Вольное царское самодержавие наших великих государей - не то, что ваше убогое королевство: нашим великим государям никто ничего не указывает, а тебе твои паны указывают, что захотят, потому что наши государи - самодержцы божьей милостью, сидят на престоле непрерывно от великого Владимира, просветившего Русскую землю святым крещением, и до нынешнего государя, никто их, вольных самодержцев, на престоле не сменяет, не ставит и не утверждает на нем... Потому ты и послушен своим панам, что вы - не коренные государи... Наши великие государи - все самодержцы... вольны жаловать добрых и казнить дурных, никто им ничего не указывает; ты же не волен в своих делах, потому что ты - не наследственный государь, а посаженный: захотели твои паны, пожаловали тебя и дали тебе государство... Смог ли ты даже в таком малом деле поступить по своей воле, не слушаясь панов? А если ты в своих собственных делах не волен, как же тебе управлять государством? Утешаешь себя, что можешь другим волю давать, а сам ни в чем не волен».

Для знати Речи Посполитой, впрочем, такие аргументы звучали сомнительно. Разве не в том состоит свобода, чтобы указывать королю? Разумеется, уходить под власть самовластного и тяжелого на руку московского государя, отрекаясь от золотой шляхетской вольности, никто не хотел. А когда русские православные паны Речи

Посполитой осознали, что цена такой свободы слишком высока, было уже поздно – да и осознать они ничего уже не сумели.

Что же из себя представляла та золотая вольность, которая так зачаровала западнорусскую аристократию, что она отвернулась от русского национального центра Москвы и столетиями поддерживала Польшу? Мало того, в 1569 году именно русская знать помогла Польше окончательно поглотить Литву, в ходе Люблинской унии и создать единое государство Речь Посполитую, именно потому, что в результате на русских православных распространились многие шляхетские вольности.

Своеобразие Речи Посполитой в XVI-XVII веках создала её экономика, базировавшаяся на торговле зерном. Рожь, собиравшаяся в поместьях шляхты-фольварках трудом крепостных крестьян на барщине, шла в баржах по Висле до ганзейского города Данцига-Гданьска, где продавалась голландским купцам. Вся Северная Европа жила на польском хлебе, оплачивая звонкой монетой, которой хватало на роскошный образ жизни даже небогатых шляхтичей, не говоря уж о магнатах, среди которых было немало и русинов по происхождению, те же Острожские, или Вишневецкие. Их владения на будущей Украине были больше многих тогдашних европейских государств. В Белоруссии с ними могли посоперничать литовцы-протестанты Радзивиллы.

Богатство шляхты означало, что она не зависела от короны, как от источника благ. И власть польских королей, они же великие князья литовские, начали стремительно умахаться. После смерти последнего Ягеллона – Сигизмунда Августа, Речь Посполитая открыто превратилась в республику, где короля, как своего рода президента с ограниченными полномочиями, избирала вся шляхта. На любую попытку короля усилить свою власть мятежные шляхтичи отвечали созданием конфедераций, - направленных против короля союзов. А то и рокошем – легализованной гражданской войной.

На сеймах, шляхетских парламентах, царило ставшее притчей во языцех правило «либерум вето» - достаточно было одному самому незначительному депутату воскликнуть «Не позволяю!» и решение считалось не принятым. Половина сеймов во второй половине XVII века были таким образом сорваны. Причем на деле они срывались в интересах стоявших за непокорными шляхтичами магнатских группировок, так как на самом деле «республика» была, конечно, олигархией.

Каждый шляхтич считался равным другому, в Речи Посполитой отсутствовали феодальная иерархия и титулы. Однако это равенство было приправлено жутким сословным расизмом – все шляхтичи считали себя потомками воинственных сарматов, завоевавших простодушных славян, отсюда, кстати, восточная стилистика польской моды, так контрастировавшая с западноевропейской. На простой народ шляхтичи смотрели как на хлопков и было, а себя считали обладающими абсолютным генетическим превосходством: «Истинное шляхетство – это какая-то чудесная сила, гнездо добродетелей, славы, всякой значительности и всякого достоинства» - писал польский поэт XVI века Николай Рей. А другой польский писатель подчеркивал: «Польский шляхтич от природы обладает всеми талантами и добродетелями и никто в целом мире не может с ним сравниться».

Современная экономическая социология безошибочно определила, что Польша оказалась на сырьевой периферии нарождавшейся капиталистической мир-системы. Эта система подстроила страну под себя – убрала удорожающего транзакции навязчивого посредника в виде государства, снизила себестоимость зерна, за счет, с одной-стороны, вторичного закрепощения крестьян, а с другой, за счет удешевления расходов на политическую систему. То есть с Польшей голландская торговая олигархия сделала ровно то, что не дал ни голландцам, ни англичанам сделать с Россией Иван Грозный, ответивший на вызов капитализма консолидацией русского государства, ставшего на столетия единственным

посредником и первостепенным выгодополучателем в торговле с иностранцами.

Можно было, конечно, удивляться тому, как эта польская анархия стоит и не падает, даже под сильными внешними ударами. Однако обратной стороной безначалия были тесные горизонтальные связи шляхтичей, высокий уровень их инициативы и самоорганизации. А с другой стороны, магнатские структуры и польский костел могли отлично обойтись и без королевской власти. Именно в этой резистентности анархии тайный смысл слов гимна: «Еще польска не сгинела». Мол уже вот-вот, но все-таки нет, еще живы. И до времени это работало. Казалось вот он крах – и вот уже Россия проигрывает Ливонскую войну, а войско короля Стефана Батория осаждает Псков, правда неудачно.

Мало того, польская анархия умела успешно экспортировать себя вовне. Предприятие Лжедмитрия было по началу частной затеей двух западнорусских магнатов – Ежи Мнишка и Адама Вишневецкого, второй из которых был православным, но никак не мог поделить с Россией земли на Левобережной Украине. Поджегши южнорусское казачество они довели самозванца до коронации в Москве. А когда народ с ним расправился – выдвинули Лжедмитрия II, крещеного еврея, Тушинского вора. Как цинично заметил осаждавший Троице-Сергиеву Лавру Ян Сапега, православный кстати: «Мы, поляки, во второй раз привели сюда государя, который должен будет называться Димитрием, даже если русские от этого сойдут с ума».

И русская система от этого экспорта анархии действительно сошла с ума, что и называется Смутным временем – распадом утратившего авторитетный центр управления централизованного государства. А дальше вмешался и фанатичный католик король Сигизмунд, внешней интервенцией в Россию отвлекавший недовольную им шляхту от внутренних проблем. Ответила на этот вызов Россия, что характерно, включением собственной, русской всенародно-православной самоорганизации, возглавленной патриархом

Ермогеном, Авраамием Палицыным, Мининым и Пожарским и приведшей к воцарению Михаила Романова и новой династии. Но свои сливки с экспорта анархии Речь Посполитая получила – Россия потеряла важнейшие города, полученные ранее в ходе русской реконкисты – Смоленск и Чернигов.

Централизованная военно-бюрократическая православная самодержавная монархия и анархическая торгово-плантаторская католическая аристократическая республика. Россия и Речь Посполитая были враждебны как два различных полюса. Кто был прав показала история – централизованная Россия в конечном счете кусок за куском дожевала расслабленную Польшу. Но в XVI веке сравнивая тяжелую московскую службу со своей золотой вольностью аристократы-русины конечно жались к Варшаве и Вильне, а главное к Даницгу, а не к Москве. И им казалось это разумным выбором.

Вспомним беглеца князя Курбского, – он получил обширные поместья под Ковелем и не только ругался с царем и делал вооруженные набеги на русскую территорию, но и публиковал труды в защиту Православия, а главное отчаянно враждовал со своими соседями, совершая вооруженные наезды на деревни друг друга. В Москве опричники в одностороннем порядке с царского разрешения наезжали на деревни неугодных бояр, а тут все наезжали на всех – это другое, понимать надо.

Литовский магнат, в том числе и русского происхождения, был господином огромных земель, превышавшим размерами иные европейские страны. В этих его владениях были не только села и поля, но и города с замками. Служба была для него делом почетным и выгодным, но, строго говоря, не обязательным. Магнат мог заниматься политикой, участвовать в сеймах, попытаться, вопреки запретам городельских постановлений, пролезть даже с сенат. По сравнению с этими богатыми возможностями служба Москве казалась скучной, а порой, в дни государевых опал, еще и была чрезвычайно опасной.

Впрочем, довольно скоро русские православные аристократы обнаружили, что золотые вольности и свободы как бы и не совсем для них. На смену политической Люблинской унии пришла религиозная уния, Брестская.

В середине XVI века православным в Великом княжестве Литовском казалось, что их никто не преследует, еще и потому, что католичество в Литве практически исчезло. Большая часть литовской аристократии стала протестантами, которые всю энергию тратили на борьбу с папством, а с православными пытались дружить и у них кое-чему даже можно было поучиться, например умению распространять свои идеи с помощью книгопечатания.

Однако вместе с Люблинской Унией на бывших литовско-русских землях появился орден иезуитов. Пропагандой, театральными постановками, лицемерными манипуляциями, террором уличных банд из учеников иезуитских школ, а главное – самими этими школами, дававшими утонченное светское образование, иезуиты начали отвоевывать Литву у протестантов. Это не заняло много времени, вскоре почти вся литовская знать вернулась обратно в католичество, причем в особо фанатичном варианте. Покончив с этой задачей иезуиты принялись за православных, начав проповедовать старую римско-католическую идею унии, сохранения восточных обрядов с признанием власти римского папы и главных латинских догматов. Особенно усердствовал в униатской пропаганде иезуит Скарга.

Православная Церковь Западной Руси к тому моменту была в своеобразном положении. С одной стороны, под влиянием протестантов в ней очень активную роль играли миряне – крупные магнаты, как Константин Константинович Острожский, и городские православные братства, из которых самыми знаменитыми были Львовское и Виленское. Князь создал у себя в Остроге православную академию, которая должна была конкурировать с иезуитскими школами, и в сотрудничестве с бежавшим из Москвы первопечатником Иваном Федоровым напечатал у себя в

типографии первую полную Библию на церковнославянском – Острожскую Библию. Братства так же активно пропагандировали православие в печати, строили и реставрировали церкви и... отчаянно конфликтовали с духовенством.

А православное духовенство в Речи Посполитой напротив деградировало, так как и король и магнаты активно пользовались при замещении церковных должностей феодальным правом патроната – настоятелем монастыря, епископом, даже митрополитом мог быть назначен сколь угодно нецерковный и развратный человек, лишь бы побольше занес. Опираясь на поддержку константинопольского патриарха Иеремии II, проезжавшего из Москвы, где он учредил патриаршество, западнорусские братства начали наводить среди духовенства порядок – а то как за якорь спасения уцепилось за идею унии с Римом, которую активно поддерживал выученик иезуитов король Сигизмунд III.

В 1596 году в Бресте состоялось два собора, на одном из которых большинство епископов провозгласили унию, а на другом два оставшихся православными при поддержке Константина Острожского и братчиков унию отвергли. Папа Римский велел отчеканить памятную медаль с надписью «Ruthenes receptis» (Русины приняты). При поддержке короля и фанатичного католического большинства Речи Посполитой против православных был развернут настоящий террор. Когда мы удивляемся нечеловеческой жестокости и фанатичной русофобии украинского национализма, бандеровщины, никогда нельзя забывать, что его источником является именно униатство.

В атмосферу этих гонений позволяет окунуться речь православного депутата с Волыни на польском сейме: «Уже в больших городах, церкви запечатаны, церковные имения расхищены, в монастырях нет монахов, там скот запирают. Дети мрут без крещения, покойников выносят без погребения, как падаль; мужья с женами живут без благословения; народ умирает без причащения. Так

делается в Могилеве, Орше, Минске. Во Львове униат не может к цеху приписаться; к больному со Святыми Тайнами открыто идти нельзя. В Вильне тело православного покойника нужно вывозить в те только ворота, в которые из города вывозят разные нечистоты».

Православные мобилизовали на свою защиту весь богатый инструментарий гражданского общества Речи Посполитой – печатали полемические брошюры, высылали делегации на сеймы, судились. «Бо если того хотят, абы Руси не было в Руси, то есть речь неподобная» - восклицал Иоанн Щасный Гербут, один из крупных политиков Речи Посполитой той эпохи, автор «Слова про русский народ». Гербут был одним из организаторов Сандомирского рокоша, законного восстания шляхты против Сигизмунда и окружавших его иезуитов. Но рокошане были разбиты в бою, а чтобы отвлечь шляхту король и начал поход на Смоленск и Москву.

Оказалось, что весь развитый гражданский инструментарий Речи Посполитой защитить православных всерьез не может. Церкви передавались униатам личными королевскими указами – чтобы гнать православных полномочий у короля было достаточно. На сеймах католическое большинство попросту освистывало православных депутатов. Братства и их имущество подверглись рейдерским захватам. Православных провоцировали на открытое насилие, а потом осуждали как мятежников.

Особенно циничной была история полоцкого униатского архиепископа Иосафата Кунцевича – этот фанатик открыто стремился к смерти, провоцировал православных на мятеж, приказывал выкапывать покойников на кладбищах и отдавать их собакам. И закончил жизнь в Витебске, на дне Западной Двины, с проломленным топором черепом. Был немедленно прославлен папством как святой, а за его смерть были приговорены к казни 75 человек. И это православных стыдили как фанатиков и убийц.

Но все эти испытания были мелочью по сравнению с главным – массовой изменой вере и народу западнорусской аристократии.

Уния как бы окончательно раскрыла ворота для «евроинтеграции» бывших русских - за полвека православные магнаты на большей части территории Речи Посполитой закончились. Родители отдавали сына в иезуитскую школу, чтобы он обучился латыни и хорошим манерам, а он выходил из неё фанатичным католиком, презирающим греческие суеверия невежественных русинов. Даже двое сыновей защитника Православия Константина Острожского стали католиками еще при его жизни.

Православный апологет Мелетий Смотрицкий перечислял в своем «Плаче» фамилии вероотступников:

«Где теперь дом князей Острожских, который превосходил всех ярким блеском своей древней веры? Где и другие... славные роды русских князей... сапфиры и алмазы: князя Слуцкие, Заславские, Збаражские, Вишневецкие, Сангушки, Чарторыйские, Пронские, Рожинские, Соломерецкие, Головчицкие, Коширские, Массальские, Горские, Соколинские, Лукомские, Пузыны и другие без числа?». Горькая ирония истории состояла в том, что изменил в итоге и сам Мелетий, он был православным архиепископом Полоцка в то время когда убили Кунцевича, его обвинили в этом убийстве и Смотрицкий из чувства вины смешанного с трусостью стал униатом.

Гневным обличением звучали слова самого знаменитого борца с Унией – афонского монаха преподобного Иоанна Вишенского, уроженца Судовой Вишни подо Львовым: «Не тое ли ты детинское мудрование страждеши, русине бывший, благочестивый христианин прежде и целомудрец Малои Руси, мовлю, с ляхи живущий, и ныне одетинел еси и разделився, отступивши от Христа, на Кифу, Павла и Аполлоса разделився ныне на папезника, евангелика, нововыкрещенца и суботника».

«Русине бывший»... Можно ли было выразиться об этих людях точнее... Едва ли история знает еще один пример настолько поголовного нравственного самоуничтожения национальной элиты.

Польская «цивилизация» одолела русскую веру и народность, оказавшись в отрыве от государства. Без опоры на единое сильное русское государство, каковым была Москва, религиозность и национальная идентичность западнорусской аристократии превратились в ничто. Они её продали за золотые шляхетские вольности и право продавать рожь голландским купцам через Данциг.

Не случайно именно полемисты против униатства – Иоанн Вишенский, Захария Копыстенский и многие другие осознают, что только Великая Русь, где Православие стоит крепко, опираясь на мощное государство, может служить опорой для Малой Руси, где Православие гонимо. Однако ослабленная Смутой Россия была в тот момент далеко.

Православие нашло себе опору и поближе, но отнюдь не у богатых и сильных. Выдающийся западнорусский историк Михаил Осипович Коялович резюмировал в своих «Лекциях по истории Западной России»:

«История Западной России получает с тех пор по преимуществу народное направление. При этом направлении она должна была исполниться разного рода насилий, как это всегда бывает, когда вступает в борьбу народ, оставленный своими естественными руководителями из образованного сословия».

Можно возразить – вся история всегда и везде была полна насилиями. Однако аристократы были специалистами по управлению насилием в интересах своей нации. После предательства русских аристократов управление насилием перешло в руки дилетантов, стремительно становившихся профессионалами. Имя этим дилетантам было казаки.

Нам сегодня покажутся совершенно непонятными суровые слова Екатерины II при уничтожении Запорожской Сечи: «Мы себя нынѣ обязанными предъ Богомъ, предъ Имперіею Нашею и предъ самымъ вообще челоувѣчествомъ разрушить Съчу Запорожскую и

имя Козаковъ, отъ оной заимствованное... Нѣтъ теперь болѣе Съчи Запорожской въ политическомъ ея уродствѣ, слѣдовательно же и Козаковъ сего имени» - возможно мы решим, что злая немка ничего не понимала в волной и щедрой южнорусской душе.

Возможно кому-то покажется суровым и приговор историка Николая Ульянова, именно в хищничестве и разбое казачества, в его стремлении занять место панов в угнетении народа и не подчиняться никакой правительственной власти видевшего истоки украинского сепаратизма:

«Фигура запорожца не тождественна с типом коренного малороссиянина, они представляют два разных мира. Один - оседлый, земледельческий, с культурой, бытом, навыками и традициями, унаследованными от киевских времен. Другой - гулящий, нетрудовой, ведущий разбойную жизнь, выработавший совершенно иной темперамент и характер под влиянием образа жизни и смешения со степными выходцами. Казачество порождено не южнорусской культурой, а стихией враждебной, пребывавшей столетиями в состоянии войны с нею».

Впрочем, Ульянов был прав только отчасти. Феномен казачества породила прежде всего русская колонизация Дикого Поля, бывшей Южной Руси, но породила в известном смысле как шумную пену на бурной поверхности. Когда в XV-XVI веках с упадком Золотой Орды власть кочевников над степью начала ослабевать, на земли как бывшей Руси, так и в половецкую степь двинулись два потока колонизации. Один из России, организованный правительством, направляемый воеводами, ставивший главной целью планомерную колонизацию и оборону от набегов работорговцев из Крымского ханства. Этот поток выталкивал вперед себя лихих вольных людей, не желавших подчиняться государственной власти и селившихся на Дону.

Другой поток шел из Речи Посполитой и носил в большей степени частный характер – здесь продвижением на киевское пепелище и в степь руководили магнаты. Пожалованные им обширные пустые земли они покрывали полями и пастбищами, строили города. Тогда, где появлялась какая-то жизнь подтягивались и крестьяне, тем более, что на первых порах магнаты давали им обширные льготы. Древние русские земли были для народа не чужие – и он тянулся с Волыни, из Галиции, из Белоруссии.

На передовой границе этой магнатски-крестьянской колонизации и появились казаки. Этим тюркским словом называли разбойничавших в Степи одиночек, не пристававших ни к какой татарской орде. И вот рядом с татарскими казаками появились в степи и казаки русские. От своих кочевых конкурентов они усвоили терминологию, не только самоназвание казак, но и атаман, кош, курень. Оказавшийся в плену в Крыму в результате предательства казаков русский воевода Василий Петрович Шереметев докладывал царю: «А дума бусурманская похожа на раду казацкую, на что хан и ближние люди не приговорят, а черные юртовые люди не захотят, и то дело никакими мерами сделано не будет». Если учесть, что бусурманская дума появилась раньше, то происхождение рады было очевидно.

Но все-таки казаки были русские. Их средой обитания были прежде всего берега рек, поскольку русская цивилизация – речная. Они ловили рыбу, охотились, но главным их промыслом был грабеж грабителей, то есть татар и турок. Поскольку казаки русские были крещеной веры, то они видели в этом грабеже род религиозной войны, которая должна была списать прочие их грехи – разбой, пьянство, распутство. Такие пограничные люди на стыке двух миров, тем более на стыке христианской цивилизации и Дикого Поля были везде. Но только на окраинах русского мира такое явление как казачество приобрело столь огромный масштаб, поскольку здесь ему было просторно, а вглубь вражеской территории вели широкие магистрали – реки. Можно было двигаться по Днепру, можно по

Северскому Донцу и Дону, можно по Волге и Яику, а можно было и вовсе перемахнуть в Сибирь, как это сделала по призыву Строгановых ватага Ермака. На своих стругах и чайках казаки все дальше уходили на Юг и Восток – грабя иноверцев и иноплеменников, но и принося вслед за собой русскую государственность. Но все эти казачьи движения опирались на государственно-народную колонизацию из России и магнатски-народную колонизацию из Речи Посполитой.

Пионерами этого освоения был магнатский род Глинских, ведших свой род от Мамаея. Интересно, кстати, что собирательным образом казака с его неизменными атрибутами – сабля, пика, конь, трубка, бандура, выпивка, иногда карты, стал образ казака Мамаея, похожего никак не на христианского воина, а на степняка. Некоторые авторы делают отсюда далеко идущие выводы, что ядро казачества составили остатки кочевавшей на левобережье Днепра мамаевой орды, но скорее всего это позднейшие домыслы.

Тем не менее предполагаемым потомкам Мамаея Глинским принадлежал город Черкассы, большая часть населения которого первоначально были мусульманами – это был первый опорный пункт новой Малороссии, и не случайно, что и позднее казаков и малороссиян в московской деловой письменности неизменно называли «черкасами» - ни о каких «украинцах» тогда и в помине не слышали. Полудержавный властелин Великого Княжества Литовского Михаил Львович Глинский пытался уйти в подданство Москве вместе со своими землями – возможно воссоединение Левобережья Днепра с Россией состоялось бы еще тогда, но войну за наследство Глинских России у Литвы выиграть не удалось и магнат переселился в Москву сам, а его племянница Елена стала женой Василия III и матерью Ивана Грозного.

У царя Ивана был подчеркнутый, вероятно наследственный, интерес к Левобережью и Днепру и в 1556 году он принял на службу Дмитрия Байду Вишневецкого, представителя еще одного активно действовавшего на Малой Руси русского магнатского рода.

Вишневецкий построил на острове Хортица, вблизи нынешнего Запорожья, городок, который оборонял от крымского султана, поэтому его иногда называют первым запорожским казаком.

Вишневецкий ходил с войском русского царя на владения хана и султана, пытался помирить Русь с Литвой, чтобы совместно воевать турок, но в итоге вернулся под власть короля. В конечном счете он отправился походом в роковую для малороссийских казаков Молдавию, боровшуюся против власти султана, и там попал в плен. В Константинополе его повесили на стене на крюк за ребро и он прожил по легенде три дня, выкрикивал туркам оскорбления их веры и они расстреляли его из луков.

Запорожье стало точкой притяжения самых опасных и гулящих казацких элементов. Сам тот факт, что Сечь устроилась не с русской стороны за бурными и опасными для судоходства днепровскими порогами, на которых сложил голову древний князь Святослав, показывал, откуда они ждали основной угрозы – как ни парадоксально не из степи, а с Севера, от государства и цивилизации. И казакам было чего опасаться – для польско-литовского государства они были лишь ненужной головной болью со своими дерзкими рейдами по Днепру и Черному Морю, когда они то разоряли Крым и освобождали невольников, то громили Трапезнута и Синоп, то показывались на виду у самого Царьграда. На этот анархический христианский «джихад» Османская Империя грозила ответить настоящим серьезным нашествием на Польшу. При этом от крымско-татарских набегов казаки могли защитить Малую Русь лишь в очень незначительной степени. Да и сражались с такими набегам черкасы, то казачество, которое вскоре приобрело наименование украинского – то есть пограничного. А запорожцы развлекались тем, что грабили грабителей и пытались продать свою саблю на все стороны.

Однако Запорожье было для казацкого движения Речи Посполитой своего рода цитаделью и эпицентром. Не случайно гоголевский Тарас, встретив сыновей, первым делом везет их для воспитания

казацкого духа в Сечь. Запорожцы жили мужской воинской общиной, женщин в Сечь не допускали. Царила там совершенная демократия – все дела решали на казачьей раде, там же выбирали главу сечи – кошевого атамана. Настроения сечевиков относительно одного и того же дела менялись несколько раз на дню. Однако если присмотреться внимательно, то Запорожская республика была плебейским слепком, почти пародией, на шляхетскую республику Речь Посполитую. Очень скоро казачество создало для себя идеологию подобную шляхетской – идею рыцарства. Каждый казак есть христианский рыцарь ведущий войну не щадя живота своего с врагами креста.

Появление воинского сословия, которое не является шляхтой, составляло для Речи Посполитой настоящую проблему, было вызовом самой идее польской республики сарматов. Рядом с сарматами появились какие-то гунны. Чтобы как-то урегулировать их положение король Стефан Баторий решил считать казаков привилегированным наемным войском. Казакам полагалось королевское жалование, они были освобождены от налогов, то есть выходили из статуса простонародья, они судились у своего гетмана (слово гетман происходит от немецкого гауптман, капитан), их отряды имели выданные королем знаки власти – клейноды. Ну а главным символом нового социального положения был реестр – список, в которой заносились все настоящие признанные короной казаки, в противоположность голытьбе. Первоначальный реестр Стефана Батория составлял всего тысячу человек. Однако король не учел логику той шляхетской республики, которую возглавлял. Если все шляхтичи равны, то и все рыцари равны. На привилегии реестровых казаков тут же начали претендовать все, кто умел держать саблю. За расширение реестра, по возможности на все «рыцарство», началась ожесточенная борьба. А с другой стороны, среди казаков начала нарастать рознь между привилегированными реестровыми – и казацкой голытьбой, сиромахами. Причем эта рознь сказывалась на поведении реестровых весьма специфично –

если в одних случаях они сражались за власть имущих против своих мятежных и непослушных собратьев, то в других, как бы стыдясь своих привилегий и стремясь доказать свое истинное козацтво перед той же Сечью, вовлекались в самые отчаянные мятежи.

Так, неподалеку от одной анархической республики – шляхетской возникла как близнец другая анархическая республика – казацкая. Небольшое число беглых польских шляхтичей в составе этой республики терялось в массе православного населения из всех сословий.

И скоро русское население Малой Руси – крестьяне, духовенство, даже магнаты, ощутили, что у Православной Руси в составе Речи Посполитой появился меч, причем меч, который не связан условностями польской шляхетской политики. А население это в таком мече весьма нуждалось.

Малороссия была страной магнатских владений. Заславским принадлежали 80 городов и местечек, 2760 сел. Конецпольским 170 городов и местечек и 740 сёл. Владения Вишневецких составляли настоящее государство в государстве – их населяли 228 тысяч человек, столицей был город Лубны. С этой малой империей могли поспорить только владения князей Острожских. Однако после Люблинской унии на Малую Русь, включая левобережье Днепра, двинулись уже не только православные магнаты, а масса польских шляхтичей латинян, нуждавшихся в земле для своих зерновых плантаций – фольварков. Магнаты латиняне тоже не отставали – после захвата у России Северной земли большая её часть были розданы в латифундии влиятельным магнатам – так канцлер Оссолинский получил Конотоп и Батурин. На колонизируемом пограничье польская судебная система почти отсутствовала – вопросы разграничения земельных владений и любые конфликты между панами решались мечом, с помощью наездов.

Хозяйство этой шляхты было жестоко крепостническим. В Галиции барщина у многих панов была ежедневной, на Днепре, где хлоп мог

сбежать в казаки, такого себе позволить было нельзя, поэтому барщина достигала всего трех дней. Зато паны отыгрывались унижая крестьян всеми доступными средствами.

Приглашенный для строительства крепости Кодак, которая должна была запереть путь в Запорожье для всех беглецов французский инженер Боплан составил карту под названием «Общее описание пустынных равнин в просторечии именуемых Украиной». А наряду с картой Боплан составил и письменное описание этой загадочной для европейцев, но на шумевшей благодаря вестям о восстании Богдана Хмельницкого земли. Оно вышло в Руане в 1650 году. Именно со ставших популярными карты и книги Боплана и началась общеевропейская известность термина Украина.

В своем описании Боплан дает положению украинских крестьян такую ставшую хрестоматийной характеристику.

«Крестьяне там чрезвычайно бедны, так как они принуждены работать в пользу владельца три дня в неделю со своими лошадьми и давать ему, сообразно количеству получаемой от него земли, много мер хлеба, множество каплунов, кур, гусей и цыплят к Пасхе, Троице и Рождеству; сверх того они должны возить дрова для владельца и отбывать множество других видов панщины, которых по настоящему не обязаны были бы выполнять; помимо того помещики требуют от них денежной повинности, а, также десятины от баранов, поросят, меда, всех плодов и третьего быка через каждые три года. Одним словом, они принуждены отдавать своему господину все, что тому вздумается потребовать; неудивительно поэтому, что эти несчастные, закрепощенные в таких тяжелых условиях, никогда не могут ничего скопить. Но это еще менее важно чем то, что их владельцы пользуются безграничной властью не только над имуществом, но и над жизнью своих подданных; вот как велики привилегии польского дворянства, которое живет словно в раю, между тем как крестьяне пребывают как бы в чистилище. Поэтому, если случится этим несчастным попасть в крепостную

зависимость к злему господину, положение их бывает хуже каторжников на галерах. Такое рабство является главною причиною многочисленных побегов; более отважные из крестьян спасаются на Запорожье, составляющее убежище для казаков на Днепре; проведя там некоторое время и приняв участие в одном морском походе, они признаются членами запорожской общины».

Особенно изощренным издевательствам подвергали своих православных крепостных паны католики. Они сдавали православные церкви в аренду евреям, во множестве жившим в Польше, а после люблинской унии обильно расселившимся по Литве и Малороссии. Не забывавшие о перипетиях судьбы своего народа евреи просто требовали плату за вход в церковь, за совершение в ней любых обрядов – крещения, венчания, отпевания покойника. Более забывчивые прибавляли к этому еще и глумление над христианской верой, сея в простонародье Малороссии ненависть ко всему своему народу.

С появлением церковной унии, к этим общим издевательствам панов над хлопами и католиков над православными прибавлялись теперь еще и специальные издевательства с принуждением к унии, касавшиеся далеко не только простонародья, но и священников, и шляхты, и даже в известном смысле магнатов.

И вот когда казачество ощутило себя лыцарством, защищающим как свои свободы, так и привилегии русского православного народа, Малую Русь, рекомую Украину, начали сотрясать одно за другим казачьи восстания, к которым более или менее охотно приставало и простонародье.

В ходе походов на Москву казачество начало играть в Речи Посполитой все большую роль, с которой отныне нельзя было не считаться. Казаков организовал энергичный Петр Кононович Сагайдачный, редкий разбойник, оставивший по себе самую недобрую память в ходе похода королевича Владислава на Москву в

1618 году. Однако одного у Сагайдачного было не отнять – он был твердо и искренне православным.

У казаков была своя утопическая мечта – саблей отвоевать себе место в качестве нового привилегированного сословия Речи Посполитой. Но сословия православного, взамен окатоличившейся шляхты. Сперва казаки пытались добиться этого восстаниями, потом – верной службой польской короне, но когда служба ничего не дала – снова решили доказать свое право мечом, в частности утвердив статус Киева как православного центра.

Киев, в период униатской экспансии оставался твердыней православия. Горожане во главе с войтом (главой города по магдебургскому праву) Яцеком Балыкой категорически отказывались передать церкви униатам. Тем удалось захватить только Софийский собор, Выдубицкий монастырь и несколько церквей Верхнего города.

Особенно стойко оборонялась Киево-Печерская лавра во главе с архимандритами Никифором Туром и Елисеем Плетенецким. Они вооружили монахов и лаврских крестьян и призвали на помощь казаков. Униатам не помог даже коронный прием – откол части братии, недовольной тем, что архимандрит Елисей перенаправил часть доходов монастыря с сытного пропитания монахов на издательскую деятельность.

Попытка униатского митрополита Ипатия Потя в 1608 г. назначить в Лавру своим представителем архимандрита Антония Грековича провалилась, тому пришлось удовольствоваться Выдубицким монастырем. Горожане и казаки ворвались в Софийский собор и Грекович с трудом увернулся от мушкетной пули. Запорожский атаман Тискиневич выражал пожелание прикончить «того официала Грековича як пса, где колвек здыбавши».

В 1618 году Грековичу уже не так повезло. К этому моменту уже существовало Киевское братство, в которое в 1616 г. вступило всё Запорожское войско вместе с гетманом Сагайдачным. Когда в

феврале 1618 Антоний Грекович попытался захватить Михайловский Златоверхий монастырь (тот самый, который сейчас превращен в центр раскола и где побывал Байден), то собравшаяся толпа православных горожан и казаков схватила его и отправила в прорубь на днепровском льду напротив Выдубицкого монастыря. На несколько лет униатские попытки в Киеве почти затихли.

В 1620 году усилиями гетмана Сагайдачного и архимандрита Елисея Плетенецкого иерусалимский патриарх Феофан, проезжая Киев, восстановил в нем уничтоженную униатами православную иерархию, рукоположив в митрополиты Иова (Борецкого). При этом патриарх Феофан потребовал от Сагайдачного и казаков, чтобы они покаяться за те зверства и преступления, которыми были отмечены их походы на Русь.

Мало того, Сагайдачный прислал в Москву послов, которые стали прощупывать нельзя ли перейти под руку московского царя, чтобы ходить в походы на турок, так как польский король это запрещал. Но Москве конфликт с Турцией в этот момент был совершенно не с руки и она отказалась. Под защитой Сагайдачного митрополит Иов Борецкий выпустил трактат с заявлением, что «с Москвой у нас одна вера и богослужение, одно происхождение, язык и обычай». Киевская митрополия, хоть и находясь под канонической властью Константинополя, так же завязала связи с Москвой и начала работать в пользу воссоединения с Россией.

Новое униатское наступление на Лавру последовало в 1625 году, как следствие витебских событий ноября 1623 г., когда православными горожанами был убит Иосафат Кунцевич. Подавление Витебского восстания привело к массовым репрессиям, были приговорены к смерти 120 человек, из которых 19 удалось реально казнить.

Униаты в Киеве решили использовать момент для нового натиска на православных. К этому времени православного войта Балыку сменил униат Федор Ходыка-Кобызевич. Вместе с униатским священником Юзефовичем и неким мещанином Созоном в конце

1624 он отправился запечатывать православные церкви. С.М. Соловьев сообщает: «Митрополит сейчас же дал знать об этом в Запорожье гетману Коленику Андрееву и всему войску; гетман прислал в Киев двоих полковников, Якима Чигринца да Антона Лазаренка, велел им в окольных киевских городах собраться с тамошними козаками и идти в Киев для оберегания веры христианской; полковники явились в Киеве в 1625 году после Крещенья, распечатали церкви и схватили Ходыку».

Как и прежде Антоний Грекович, войт Ходыка напился воды из проруби на Днепре, а Юзефовичу незамысловато отрубили голову. Казацкий суд был жесток, но направлен именно на защиту православной веры. И когда нынешние украинцы, пытающиеся захватить Лавру поют: «І покажем, що ми, браття, козацького роду», - они лгут, они действуют строго обратно тому, как действовали казаки Сагайдачного. Те, во имя Православия соединялись с некогда враждебной Москвой, а эти назло Москве разрушают и предают Православие.

Выдающийся западнорусский историк Михаил Осипович Коялович резюмировал в своих «Лекциях по истории Западной России» историю с заменой изменившей русскому православному делу аристократии на казаков: «История Западной России получает с тех пор по преимуществу народное направление. При этом направлении она должна была исполниться разного рода насилий, как это всегда бывает, когда вступает в борьбу народ, оставленный своими естественными руководителями из образованного сословия». Той силой, которая встала на защиту православия вместо ополячившейся русской аристократии стали казаки.

Дух этого казацкого движения в идеализированном виде выразил Николай Васильевич Гоголь в своей повести «Тарас Бульба»:

«- Знаю, подло завелось теперь в земле нашей: думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды, да конные табуны их... перенимают черт знает какие бусурманские обычаи; гнушаются

языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продает, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната, который желтым чеботом своим бьет их в морду, дороже для них всякого братства; но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства; и проснется он когда-нибудь... схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской Земле товарищество. Уже если на то пошло, чтобы умирать, так никому ж из них не доведется так умирать! никому, никому! не хватит у них на то мышинной натуры их!».

Малая Русь в первой половине XVII века представляла собой скопление латифундий богатейших «магнатов» жестоко эксплуатировавших крестьян-«хлопов», казнивших их без суда, надругавшихся над их верой. Одно за другим вспыхивали казачьи и крестьянские восстания, одно из которых и было описано в «Тарасе Бульбе». Но эти выступления не приносили успеха. Их участники бежали на территорию единой и единоплеменной России – Слободскую Украину. Продвигавшееся все дальше в степь Российское государство, построившее в 1638 году Белгородскую засечную черту для защиты от крымско-татарских набегов, охотно давало приют группам единых и единоплеменных «черкас» и позволяло им создавать казачью организацию «пол полкам». Так были основаны города Слободской Украины: Харьков, Сумы, Ахтырск.

В конечном счете в Малороссии нашелся человек, который смог возглавить борьбу народа «Украины» с Речью Посполитой и довести её до успешного конца. Это был Богдан Хмельницкий. Он родился в семье чигиринского старосты, сотника Черкасского полка Запорожского Войска, в письмах себя называл русским. Богдан учился в иезуитской школе во Львове, в совершенстве овладел латынью и польским, но при этом не отрекся от православной веры.

По словам гетмана, он «вытеснил из себя проповеди» иезуитов. Воевал на польской стороне во время войны с Турцией, попал в плен, прошел через рабство на турецкой галере. Его борьба с поляками началась со стычки с подстаростой Чаплинским, который разграбил хутор Хмельницкого, увел его жену и избил его сына, который от побоев скончался. От польского короля Хмельницкий не добился справедливого суда. В 1648 году он был избран гетманом Войска Запорожского и стал мстить полякам за нанесенные обиды и притеснение своего народа. «Выбью из польской неволи весь русский народ, а что раньше я воевал за свой вред и неправду, то отныне я буду воевать за нашу веру православную» - клялся Богдан.

В 1648 году избранный гетманом Войска Запорожского Хмельницкий сумел объединить казаков и крестьян в общей борьбе против поляков и заручился поддержкой крымского хана. За несколько месяцев восставшие нанесли три страшных поражения своему противнику: при Желтых Водах, у Корсуня и под Пилявцами. Гордая польская шляхта бежала, бросая орудия, отступали отряды немецких наемников. Гетман триумфально вошел в Киев через Золотые ворота, торжественно встреченный православным духовенством. Митрополит Коринфский Иоасаф препоясал Богдана мечом, освященным на Гробе Господнем в Иерусалиме. Борьба русских казаков и крестьян начала мыслиться как священная война за Веру.

Гетман учредил государство восставших - Войско Запорожское, во многом напоминавшее современные воюющие республики Донбасса. Однако измена крымского хана заставила Хмельницкого 8 августа 1649 года подписать с польским королем Зборовский мирный договор. Богдан Хмельницкий признавался гетманом Украины, увеличивался казачий реестр, ограничивалась власть польской шляхты. При этом шляхте возвращались земельные владения. Так возникло новое государство-гетманство.

Мир оказался недолгим. Военные действия, возобновившиеся в 1651 году, складывались для Хмельницкого неудачно. По новому

Белоцерковскому миру реестр был сокращен вдвое, а ограничения для шляхты распространялись только на Киевское воеводство. Но и данный договор не был утвержден польским сеймом. На следующий год восставшим удалось одержать крупную победу под Батогом, но силы все равно оставались неравными. Выход из бесконечной войны Хмельницкий увидел в обращении к России. В ходе долгих дипломатических переговоров он убедил русского царя принять восставших «черкас» под свою руку и начать новую войну с Речью Посполитой.

При поддержке православных патриархов с Востока, Богдан Хмельницкий убеждал русского царя в том, что освобождение единой и единоплеменной Малой Руси является важной частью миссии русского царя как защитника православной веры во вселенной, как владыки Третьего Рима. И призыв к священной войне был в Москве услышан. Сразу же с началом восстания Россия оказывала Малой Руси интенсивную экономическую помощь – шли интенсивные поставки хлеба и вооружений, на русской территории укрывались уходящие от панской злобы беженцы. Россия начала дипломатическую подготовку к войне с Речью Посполитой и военную реформу, которая дала в её руки сильную армию.

В 1653 году в Москве был созван Земский собор, который принял решение принять Войско Запорожское «под высокую руку русского царя». На Переяславской раде 18 января 1654 года, куда собрались представители большей части Малой Руси, Богдан Хмельницкий подвел в своей речи к выводу, что единственным истинным государем для Малой Руси является «православный Великия Росия государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии самодержец восточной, которого мы уже 6 лет безпрестанными молении нашими себе просим... Той великий государь царь христианский, зжалившись над нестерпимым озлоблением православные церкви в нашей Малой Росии, шестилетних наших молений безпрестанных не презривши, теперь милостивое свое царское сердце к нам склонивши, своих великих ближних людей к

нам с царскою милостию своею прислати изволил, которого естли со усердием возлюбим, кроме его царския высокия руки, благодатишнейшаго пристанища не обрящем...»

К сим словам весь народ начал восклицать: «волим под царя восточного, православного!». «Потом полковник переяславской Тетеря, ходячи в кругу, нас на все стороны спрашивал: «Вси ли тако соизволяете?» Рекли весь народ: «Вси единодушно». Потом гетман молвил: «Буди тако! Да Господь Бог наш сукрепит под его царскою крепкою рукою!» А народ по нем вси единогласно возопил: «Боже, утверди! Боже укрепи! Чтоб есмы во веки вси едино были!»

Единодушно народ Малороссии принес присягу русскому царю. Очень важно помнить, что, вопреки позднейшим утверждениям украинских националистических историков, речь шла не о каком-то союзе или конфедерации России и Малороссии, а именно о принятии Войском Запорожским подданства русскому государю, отступление от которого было изменой.

В Москву отправилось письмо, содержащее такие слова: «Мы, Богдан Хмельницкий, гетман Войска Запорожского, и все Войско Запорожское, и весь мир Христианский Российский до лица земли челом бьем... тебе, государю нашему, твоему царскому Величеству, служить прямо и верно во всяких делах и повелениях царских». Уже с 7 февраля 1654 года грамоты русского царя начали отправляться «от великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Великия и Малыя России самодержца и многих государств государя и обладателя». В Киев вошел русский гарнизон.

Однако защита новоприобретенных земель и возвращение отторгнутых в годы Смутного времени городов и сел требовали войны России с Речью Посполитой. В царствование Алексея Михайловича у России появилась армия нового типа — «полки нового строя». Большую роль в этих полках играли набранные в Западной Европе ветераны недавних Тридцатилетней войны и английского Вяликого Мятежа (прежде всего — роялисты). Но

активно осваивали результаты европейской военной революции и русские люди, становившиеся воеводами и даже «генералами» (в русской армии появилось и это звание).

Пехотинцы и кавалеристы были вооружены новым огнестрельным оружием — мушкетами и карабинами. Введены уставы и тактика боевых перестроений. Большого прогресса достигла артиллерия: царь пристально следил за её развитием и сам спроектировал пушку новой конструкции. Теперь Россия могла не просто защищать свои границы, но и потребовать у поляков назад все отнятое и недавно, в годы Смуты, и многие столетия назад.

Летом 1654 года, после торжественного парада на Красной площади и благословения Патриарха, царь лично выступил в поход на отвоевание Западной Руси. Главный удар наносила центральная, или Смоленская, армия под командованием самого царя Алексея Михайловича, выступившая в поход 15 мая 1654 года. В направлении на Псков и Витебск наступала северо-западная, или Новгородская, армия, которой руководил боярин В. П. Шереметев. Юго-западную, или Севскую, армию вел на Борисов и Мстиславль боярин А. Н. Трубецкой.

В течение нескольких месяцев 1654 года был освобожден Смоленск, а с ним были взяты Дорогобуж, Орша, Рославль, Мстиславль, Могилев, Дубровна, Шклов, Полоцк, Витебск, а также два десятка других городов. Русским воеводам сдался Велиж, а затем Ковно и Гродно. Русский гарнизон встал в старинной столице Великого княжества Литовского Вильне. На Украине российские и казацкие войска совместно дошли до Львова. Фактически первые годы войны привели к военно-политической катастрофе Речи Посполитой.

Победа не была случайностью. Принципиально различались сами типы государственности и цивилизации России и Речи Посполитой. В Польше царила настоящая анархия, непокорная шляхта отказывалась признавать авторитет королевской власти, один единственный шляхтич мог заблокировать все решения сейма,

польской короне, несмотря на богатство страны, не хватало денег на содержание войска, все дела в стране решали олигархические магнатские группировки, враждовавшие друг с другом. Напротив, Русское царство было сковано единым порядком и единой целью – служению Богу и православной вере по воле самодержавного государя. Все государство было проникнуто идеей службы, каждый дворянин точно знал свое место в системе, определенное ему Разрядным приказом – старейшим в Европе генеральным штабом. Разоренная смутным временем Россия не была так богата, как Польша, но благодаря четкому государственному порядку одержала над шляхетской «республикой» впечатляющую победу.

Однако в победоносную войну России против Речи Посполитой вмешалась Швеция, решившая покончить с давним соперником – Польшей и захватить под свой полный контроль торговлю на Балтийском море. Шведская армия, считавшаяся тогда лучшей в Европе, обрушилась на Польшу с такой силой, что это нашествие было прозвано «потопом». Литовские магнаты, во главе с гетманом Янушем Радзивиллом признали власть шведского короля, рассчитывая, что он отвоюет у русских их поместья. Россия оказалась в непростой ситуации – помочь шведам добивать Польшу, надеясь на дальнейшее дипломатическое соглашение, - на этом варианте настаивал Богдан Хмельницкий, или переменить фронт и не допустить превращения Швеции в гегемона Восточной Европы, даже если ради этого придется спасти своего врага – Речь Посполитую.

Царь Алексей Михайлович выбрал второй вариант, тем более, что литовские и польские магнаты на переговорах внушали ему надежду, что он, или его сын, будет избран новым королем Польши и, тем самым, вековой «спор славян» за западнорусские земли урегулируется. Россия вступила в войну со Швецией, в которой добилась заметных успехов. Однако Речь Посполитая использовала передышку не только для того, чтобы отбиться от шведского нашествия, но и, прежде всего, для подготовки предательского удара по России.

После смерти Богдана Хмельницкого в 1657 году в Запорожском войске началась гражданская война. На одной стороне были новый гетман Иван Выговский и окружавшая его казачья старшина. Эти круги стремились к тому, чтобы превратиться на Украине в новую аристократию, которая заменит прежних панов. Они хотели, чтобы Украина была независимым государством, которое маневрирует между Россией, Польшей и Швецией к выгоде своей верхушки. Рядовых казаков старшина хотела обратить назад в неполноправных крестьян. Против Выговского выступило рядовое казачество, в частности – запорожцы, стремившиеся к спокойной и надежной жизни под властью православного московского царя. Они выступили против Выговского и уведомили Москву о его предательстве

Однако Выговскому удалось обмануть русское правительство, уверив его в своей преданности – своевременной поддержки России его противники не получили. А в сентябре 1658 Выговский тайно подписал с Польшей предательский Гадячский договор, по которому Украина возвращалась в состав Речи Посполитой, получая права третьей наряду с Польшей и Литвой части государства, в которой казачество становилось правящим сословием, а большинство казачества обращалось назад в холопов.

Начался мятеж Выговского против России, в ходе которого гетман-изменник опирался на войска крымского хана. Благодаря энергичным действиям главы «Белгородского разряда» (пограничного военного округа) выдающегося полководца князя Г.Г. Ромодановского, левобережная Малороссия сохранилась под контролем России, воевода В.Б. Шереметев разбил выговцев под Киевом.

Но совместные силы мятежников и крымского хана напали на русское воинство под Конотопом в июне 1659 года. Им удалось заманить в ловушку цвет московской дворянской конницы во главе с воеводой Семеном Пожарским. Захваченный в плен Пожарский предстал перед ханом, и, в ответ на требование сменить веру,

ответил «по московскому обычаю» и предсказал, что однажды Крым станет частью России. Отважный воевода был казнен, перебиты были и сотни других русских пленников. Однако разгромить русскую армию выговцам и крымцам не удалось. Под командой воевод Трубецкого и Ромодановского русские пехота и артиллерия в полном порядке за несколько дней дошли до пограничного русского города Путивля.

Казалось, что конотопское поражение русских войск гарантировало успех затеи Выговского. Однако случилось прямо противоположное. Вскоре казаки сами потребовали от гетмана-изменника сложить булаву и начали просить русского государя помиловать их и вернуть по свою руку. Причиной такой резкой перемены стала информация о реальном содержании Гадячского договора требовавшего возвращение рядовых казаков в холопство. К тому же казакам стало известно, что даже эти условия паны исполнять не собираются и никакой автономной Украины в составе Польши не будет. Предательство себя не окупило.

Однако измена Выговского нанесла существенный урон России – возобновилась война с Польшей, мятежом литовской знати были захвачены многие освобожденные земли Белоруссии, военное счастье колебалось то на ту, то на другую сторону.

В ноябре 1660 г. под Чудновым, преданные новым украинским гетманом Юрием Хмельницким (сыном Богдана), вынуждены были капитулировать русские войска боярина Василия Шереметева. Чтобы спасти жизни своих людей воевода взял грех на душу – подписал Слободищенский договор, где от имени Москвы обязался вообще уйти с Украины, но когда поляки потребовали его исполнения от сидевшего в Киеве воеводы Барятинского тот презрительно ответил: «Много в Москве Шереметевых» – договоры заключает только Государь. А в помнящем раду Переяславле народ поклялся «городов малороссийских врагам не сдавать».

Россия начала испытывать экономические трудности, приведшие в 1662 году к «медному бунту» в Москве. Результатом бунта стали энергичные мероприятия русского правительства по финансовой стабилизации государства.

Трудной была борьба в Белоруссии. Там партизанил отчаянный храбрец князь Хованский и значительная ее часть оставалась в царских руках. Пять приступов за «без пяти недель полтора года» отбил комендант Виленского замка князь Мышецкий, прежде чем был подло предан наемниками и еще более подло казнен польским королем Яном Казимиром. «Мстя мне за побитие многих польских людей на приступах и за казнь изменников, велел казнить меня смертью» — сообщал русский герой в письме семье.

В 1663 году начался большой поход польского короля Яна II Казимира на Левобережную Малороссию. Первоначально ему сопутствовал успех, однако осада Глухова в феврале 1664 года провалилась; продвинуться дальше королю не удалось. Войска под командованием князей Я. К. Черкасского и Г. Г. Ромодановского перешли в наступление, и Ян II Казимир повернул обратно, хотя отступление польских войск больше напоминало бегство.

«Отступление это длилось две недели, и мы думали, что погибнем все. Сам король спасся с большим трудом. Наступил такой большой голод, что в течение двух дней я видел, как не было хлеба на столе у короля. Было потеряно 40 тысяч коней, вся кавалерия и весь обоз, и без преувеличения три четверти армии. В истории истекших веков нет ничего, что можно было бы сравнить с состоянием такого разгрома». (Из воспоминаний польского герцога Грамона).

В тылу у поляков, на Правобережной Украине, вспыхнули антипольские восстания. Даже изменник Выговский был заподозрен в пророссийских симпатиях и расстрелян без суда. Однако русское правительство все чаще склонялось к мысли, что Украину надо разделить — земли по левый берег Днепра оставить России, а

опустошенное мятежами и войнами Правобережье пусть делят Польша и Турция.

Именно исходя из этого принципа в 1667 году было заключено Андрусовское перемирие между Россией и Польшей. Захваченные поляками во время Смуты -- Смоленск и Чернигов, а с ними и вся левобережная Украина вернулись в Россию. В составе России осталась и русская святыня – Киев – она временно передавалась России на два года, однако фактически осталась в России навсегда. Запорожская Сечь признавалась находящейся под совместным управлением России и Польши. Правда, Белая Русь и Правобережная Украина ещё на столетие остались под властью польского короля. Но начало объединения православных народов Святой Руси было положено.

Однако перемирие России и Польши не успокоило Украины – поднимались казачьи мятежи. Гетман сменял гетмана, казаки переходили с одной стороны на другую. Многие из казаков во главе с Петром Дорошенко, оставив и Россию и Польшу, начали служить турецкому султану, стремившемуся не допустить перехода Украины под русскую власть. Но против них выступили другие, во главе с запорожским атаманом Иваном Сирко, автором знаменитого письма запорожцев турецкому султану.

Когда султан потребовал от запорожцев последовать примеру Дорошенко и покориться ему, те, во главе с Сирко дали свой знаменитый бранный ответ, сочинение которого изображено на знаменитой картине И.Е. Репина: «Ты, султан, чёрт турецкий, и проклятого чёрта брат и товарищ, самого Люцифера секретарь... Не будешь ты... сынов христианских под собой иметь, твоего войска мы не боимся, землёй и водой будем биться с тобой...». И обещание было исполнено. Раз за разом запорожцы во главе с Сирко совершали походы на Крым, разоряли турецкие крепости, освобождали русских невольников.

Под давлением русских войск, запорожцев и отрядов гетмана Левобережной Украины Ивана Самойловича протурецкий гетман Дорошенко в 1676 году сложил свои полномочия и уступил России город Чигирин, являвшийся ранее его ставкой. Тогда на Чигирин двинулась армия османского полководца Ибрагим-паши, прозванного Шайтаном.

Первая осада Чигирина в 1677 году не принесла туркам успеха. обороной крепости руководил принявший российское подданство немец генерал-майор А. Ф. Траурнихт. Армия Ибрагим-паши, семикратно превосходившая численностью чигиринский гарнизон, потерпела поражение и была обращена в бегство подоспевшими русскими полками под командованием воеводы Г. Г. Ромодановского.

В 1678 султан решил отправить на Украину армию под командой великого визиря Кара-Мустафы, к которому из Крыма на помощь прибыл хан Селим-Гирей. Всего под командой турецкого военачальника собралось около 120 тысяч человек. Бои в окрестностях Чигирина начались 10 июля 1678 года и продолжались около месяца. Кара-Мустафа не смог помешать переправе русских войск на правый берег Днепра, но и Ромодановский не сумел вынудить турецкого полководца отступить от Чигирина. После подрыва части укреплений турки в результате ожесточенного штурма сумели овладеть нижней частью города, после чего в ночь на 12 августа русский гарнизон по приказу Ромодановского взорвал остатки крепостной стены и отступил на левый берег Днепра. «Так был защищаем и потерян Чигирин: он был оставлен, но не покорен» - писал участник обороны крепости шотландец на русской службе Патрик Гордон.

Визирь мог торжествовать победу, но захват чигиринских развалин не дал ему стратегического преимущества, и турецкая армия покинула Малороссию. Военные столкновения продолжались после этого еще два года, пока в январе 1681-го в Бахчисарае не был подписан мирный договор, по которому Османской империи

пришлось признать переход Левобережной Украины под власть русского государя. Под командой Г.Г. Ромодановского и верховным управлением царя Феодора Алексеевича, русская армия в этих сражениях показала себя одной из лучших армий тогдашней Европы, способной побеждать казавшихся дотоле несокрушимыми османов.

А в 1686 году Россия и Речь Посполитая заключили Вечный мир, по которому Польша окончательно уступила России права на Киев в обмен на круглую сумму – 146 тысяч серебряных рублей. Эти деньги могли быть потрачены на укрепление польского государства, но на деле были разделены между влиятельными магнатами. По условиям Вечного мира Россия признавалась защитницей всех православных в Речи Посполитой.

«Никогда еще при наших предках Россия не заключала столь прибыльного и славного мира, как ныне. Отец и брат наш владели Смоленском, Черниговом и Малороссийским краем только временно, до окончания перемирия, а богоспасаемый град Киев трижды клялись перед святым Евангелием возвратить Польше. Отныне все наше и навеки. Мы же не уступили Польше ни одного города, ни места, ни местечка» провозглашала правительница царица Софья Алексеевна.

Не удалось оторвать Малороссию от России и изменнику гетману Мазепе перешедшего на сторону шведского короля Карла XII. Когда Карл вторгся в Малороссию, прельщенный посулами изменника, он встретился со всеобщей партизанской войной, практически каждый небольшой городок, каждое село на Полтавщине ему приходилось брать штурмом и массово вырезать население, которое не хотело подчиниться ни королю-иноверцу, ни изменнику гетману. Победа Петра Великого в Полтавской битве в июле 1709 года стала возможна именно благодаря массовому сопротивлению народа Малороссии захватчикам.

Во второй половине XVIII века усилия России по возвращению русских земель увенчались окончательным успехом. Ослабленная внутренними раздорами Речь Посполитая окончательно утратила свою государственность и была разделена соседями. По первому разделу Россия возвратила Восточную Белоруссию, по второму – центральную Белоруссию и Подолию, по третьему – западную Белоруссию и Волынь. Началось медленное и трудное налаживание жизни малорусов и белорусов, которых жестокая власть панской Польши довела до крайне униженного состояния.

Воссоединение Малой Руси с Великой Россией изменило историю Восточной Европы в середине XVII века. С Великой Россией воссоединилась значительная часть отторгнутых Литвой русских земель, а на остальных идея воссоединения стала доминирующей в народном сознании. Это произошло благодаря единению порыва казачьих войн за веру и грамотной военной политики и дипломатии Русского государства, также одушевленного идеей защиты Православия и ощущением миссии Третьего Рима. Речь Посполитая, во многом построившая свою идентичность на русофобии и подаче себя как «щита Европы против московских варваров» была подорвана и вынуждена была искать сперва союза с Россией, а затем и вовсе подчиниться воле русских государей. Многовековая история наступления католичества на Православие, нашедшая высшее выражение в Брестской унии и преследовавших за нею гонениях, прервалась. Именно война за Малороссию заложила основу русского великодержавия на западном направлении – созданная Алексеем Михайловичем армия была реформирована его сыном Петром Великим и привела Российскую Империю к новым победам.

ХОВАНЩИНА

На рассвете 15 мая (по старому стилю) 1682 года грянул набат, зашумели, заволновались стрелецкие слободы – пришла весть о деле страшном, деле тёмном... «Царевича Ивана уморили Нарышкины!» — кричали гонцы, среди которых главным был Петр Андреевич Толстой, будущий петровский граф, глава Тайной Канцелярии, который сам выманит из за границы и уморит царевича – наследника Алексея.

Стрелецкое войско ударило в барабаны, развернуло знамена, и двинулось на Кремль, дабы наказать супостатов, погубивших последнего сына покойного царя Алексея Михайловича от его первой жены Марии Милославской. Именно клан Милославских, возглавляемый честолюбивой царевной Софьей и подстрекал стрельцов к бунту. Он был оттеснен от власти родственниками Натальи Нарышкиной, матери недавно провозглашенного царем Патриархом и народом Петра, и жаждал реванша.

Кричали ли при марше на Кремль «Живьем брать, демонов!» – не сообщается, но во дворце, к вящему изумлению бунтовщиков, их встретил живой и здоровый царевич Иван засвидетельствовавший: «Меня никто не изводит и жаловаться мне не на кого». Стало очевидно, что подстрекатели солгали. Затем в дело вступил многоопытный политик, вождь нарышкинского клана – Артамон Матвеев, и почти уговорил мятежников разойтись.

Но тут, к вопросу о роли дурака в истории, на крыльцо вышел князь Михайла Долгорукий, один из начальников стрелецкого приказа. Его работой было не допустить мятежа, он же, с нею не справившись, начал бранить почти утихомирившихся стрельцов, требуя немедленно покинуть Кремль. Разъяренные стрельцы сбросили князя на пики. Подпитанный первой кровью бунт вспыхнул с новой силой – расправились с Матвеевым, всюду искали братьев царицы, Нарышкиных.

Одного, Афанасия, спрятавшегося под церковным престолом, указал убийцам дворцовый карлик. Другого, особенно ненавистного всем Ивану, царица была вынуждена сама со слезами выдать на расправу стрельцам, понукаемая Софьей и боярами: «Не погибать же нам всем за него!». В Кремле творилась настоящая вакханалия убийств, постепенно выплеснувшаяся в город – причем творились расправы как бы волей народа – убивая, стрельцы непременно спрашивали окружающую толпу: «Любо ли?»

Милославские собрали жатву кровавого дня сполна. Иван был провозглашен старшим царем, наряду с братом Петром, Софья получила небывалый для Руси статус правительницы до совершеннолетия государей. Враги-Нарышкины были повержены. Но победивший боярский клан оказался заложником у новых хозяев Москвы, — стрельцов, которые отнюдь не хотели ограничиваться сменой властных декораций.

Вопреки мифу о покорности и безгласности, якобы внесенных в русскую жизнь великокняжеской, а затем царской властью потомков Ивана Калиты, на деле Москва была одним из самых бунташных городов Европы, а москвичи умели и охотно доносили свое мнение до власти с помощью силы. В 1605 году москвичи свергли Самозванца. В 1648 – заставили молодого Алексея Михайловича заменить правящую верхушку и серьезно изменить политику. В 1662 году после медного бунта, вызванного чудовищной инфляцией, власть отказалась от медных денег и провела масштабную финансовую реформу. Хованщина стояла в ряду этих регулярных городских восстаний, которые и вынудили Петра, в конце концов, перенести столицу в не имеющий истории, лишенный сформировавшегося сообщества горожан, Петербург.

Социальной причиной бунта была чудовищная коррупция в рядах стрелецкого начальства. Стрельцы, отодвинутые от положения главной ратной силы государства после введения солдатских полков нового строя, страшно бедствовали. Им не выплачивали жалование годами и даже десятилетиями, мало того – начальники-полковники

обирали служивых, когда они зарабатывали на прокорм семьи мелким ремеслом и торговлей. Почувствовав ослабление правительственной власти, стрельцы стали добиваться возвращения долгов и выдачи на расправу солдатам их заворовавшихся полковников. Опасаясь мятежа, правительство решило выдать коррумпированных начальников на праведж и расправу подчиненным. Пока били батожем одного из них, Семена Грибоедова (пращура великого драматурга), зачитывали его вины: «чинил налоги, обиды и всякие тесноты, для взяток и работ бил их жестокими боями, бил батогами, на их стрелецких землях устроил огороды... и в деревни свои посылал их стрельцов и детей их... из государева жалования вычитал у них деньги и хлеб...». Ярости стрельцов это не утолило, зато они почувствовали слабость власти, выдвигая новые и новые требования.

Бунт был беспощадным, но отнюдь не бессмысленным. Стрельцы держали сторону Милославских, добились провозглашения Ивана старшим царем, а Софьи Алексеевны правительницей, но у них были обширные собственные требования – выплата всех долгов по жалованию, свобода московским холопам, прекращение сожжений и пыток староверов. Восстание было жестоким, но между стрельцами и простыми москвичами было куда больше общего, чем позднее между народом и гвардейцами в эпоху дворцовых переворотов. Разыгрывались сцены настоящей классовой борьбы (почему-то не попавшие в советские учебники) – стрельцы и холопы против бояр и дворян.

Показателен такой эпизод, когда к старому князю Юрию Долгорукому стрельцы пришли с сообщением об убийстве его сына, тот отреагировал сдержанно и даже напоил убийц вином, но потом, когда они ушли, бросил фразу: «Щуку-то они съели, а зубы остались. Недолго им бунтовать, скоро будут висеть на зубцах...». Услышавший эту фразу холоп князя бросился на улицу за стрельцами, пересказал им гордые боярские речи и те вернулись, чтобы убить старика.

Состоялся даже своеобразный акт народного конституционализма – стрельцы добились сооружения на Красной площади столпа, на котором была размещена надпись, где излагались вины казненных ими бояр, а также закреплялись дарованные восставшим государевы привелегии.

«Хованщина», казалось, начала новый этап в истории Московского государства. Это название период получил потому, что во главе стрелецкого войска, переименованного, чтобы угодить мятежникам, в «надворную пехоту» встал князь Иван Андреевич Хованский. Историки утверждают, что его прозвали «Тараруй» — пустомеля, но не известно, не является ли это посмертной клеветой. Князь из рода Гедиминовичей был дерзким, решительным, инициативным, хотя и не всегда счастливым полководцем, — бившим шведов и изрядно насолившим полякам в недавних войнах. Он был амбициозен, любим народом и горячо привержен старой вере, — это его, в конце концов, и сгубило.

Хованский попытался добиться от правительства отказа от новых никоновских обрядов. Староверы составили челобитную с которой по протекции князя и при поддержке народа пришли в Кремль, возглавляемые священником Никитой Добрыниным, чтобы в присутствии государей спорить о вере с патриархом. Но вместо царей их встретила лишь царевна, первая из чреды женщин на царстве.

Софья была решительной приверженкой новых обрядов, она попросту наорала на староверов, что они объявляют еретиками её любимых покойных отца и брата, а стрельцов припугнула, что если они и дальше будут поддерживать смутьянов-раскольников, то она уедет с царями из Москвы, после чего мятежники лишились бы всех привилегий и гарантий. Царевнина милость и царская чарка, которой щедро оделяли выборных от полков, оказалась для стрельцов важнее споров о крестном знамени – они не только отступились от ревнителей старины, но и казнили Никиту (которому

враги посмертно попытаются приклеить прозвище «Пустосвят»), пополнившего число мучеников староверия.

Неудачная попытка вернуться к старой вере подкосила престиж Хованского. Теперь он не нападал, а защищался от обвинений, что хочет, якобы, сам стать царем, а в стране нарастала смута. Прослышав о московских событиях поляки направили на недавно воссоединенную с Россией Украину агитаторов, с подробнейшим «темником», что следует говорить, чтобы оторвать малороссов от России. Среди пунктов агитации были такие: «Не лучше ли видеть власть духовную и мирскую в Киеве, чем искать её раболепным образом в Москве». Затянувшееся безвластие грозило смутой уже всей стране.

И тогда Софья, наделенная немалым политическим талантом, нанесла решительный удар – вместо Донского монастыря, куда направлялась на крестный ход, она отправилась в загородную резиденцию в Коломенском. К оказавшейся вне власти стрельцов правительнице начали стекаться дворянские ополчения. И вот уже Хованский едет к царевне договариваться, но на полпути его хватают и по приказу Софьи казнят. А вскоре сдается и стрелецкая Москва – столб с вольностями срыт, холопы возвращены прежним хозяевам, никто больше и слова не молвит в защиту староверов. Хотя царевна была и милостива к стрельцам, назначив им нового командира дьяка Шакловитого, но когда 7 лет спустя её власть падет по воле выросшего брата Петра, особой ревности за дело предавшей их правительницы стрельцы не проявят. Сама того не ведая, Софья мостила путь царю-реформатору.

В исторической памяти «хованщине» не повезло и повезло одновременно. С одной стороны, ей уделяется лишь куцее внимание в историографии, в основном чтобы объяснить психологию Петра Великого, в десятилетнем возрасте ставшего свидетелем кровавой вакханалии и перенесшего, якобы, свою ненависть к мятежникам на весь старый русский уклад. Находятся авторы, которые на этом основании объявляют Хованщину «реакционным движением»

стоявшим на пути европеизации России, хотя ребенок-царь, разумеется, никаких реформаторских планов не лелеял, а правительница Софья была и сама вполне «западницей».

Зато «Хованщина» навсегда осталась в золотом фонде культуры. Народная опера великого Мусоргского, причудливо переплела события хованщины и падение Софье в своеобразную погребальную песнь самобытной допетровской Руси, уничтоженной европеизацией. Ни Хованский, ни Шакловитый, ни Голицын, ни староверы во главе с Досифеем, не могут защитить Русь от нового иноземного ига, которое Мусоргский видел в петровских реформах. Старине остается лишь сгореть чистой свечей самосожжения, растворения всего эгоистического в общенародном духовном подвиге. «Хованщина», наверное, самая необычная и сложная из великих опер.

В великой арии Шакловитого из этой оперы навсегда будет звучать и плач и надежда о судьбе многострадальной Руси:

Спит стрелецкое гнездо.

Спи, русский люд, враг не дремлет!

Ах, ты и в судьбине злосчастливая, родная Русь!

Кто ж, кто тебя, печальную, от беды лихой спасет?

Аль недруг злой наложит руку на судьбу твою?

Аль немчин злорадный от судьбы твоей поживы ждет?

Стонала ты под ярмом татарским, шла, брела за умом боярским.

Пропала дань татарская, престала власть боярская,

А ты, печальница, страдаешь и терпишь!

Господи, Ты, с высот беспредельных наш грешный мир
объемлющий,

Ты, ведый тайная вся сердец, болящих, измученных,

Ниспошли Ты разума свет благодатный на Русь, даруй ей

избранника, той бы спас, вознес злосчастную Русь,

страдалицу.

Ей, господи, возьми грех мира, услышь меня:
Не дай Руси погибнуть от лихих наемников!

ПЕТР ВЕЛИКИЙ И УЖАСНЫЙ

Россия с большой торжественностью празднует 350-летие первого императора, как в прошлом году отмечала 300-летие империи.

Еще совсем недавно в этом праздновании делался бы акцент на разговорах о «царе преобразователе и реформаторе», который «прорубил окно в Европу» и приобщил Россию к западной цивилизации.

Сегодня и сам Запад и западнические реформы у нас, прямо скажем, не в чести. И поделом. Если нам и не стоит закрывать окно в Европу, то уж точно следует выставить на нём пулемет....

Петру преобразователю и реформатору, Петру западнику, досталось немало критических стрел в славянофильской традиции русской мысли. И большая часть этой критики, канон которой сформулировал Николай Михайлович Карамзин была совершенно справедлива.

Вот что Николай Михайлович писал в своей адресованной Александру I «Записке о Древней и Новой России»:

«Петр не хотел вникнуть в истину, что дух народный составляет нравственное могущество государств, подобно физическому, нужное для их твердости. Сей дух и вера спасли Россию во времена самозванцев; он есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству. Искореня древние навыки, представляя их смешными, хваля и вводя иностранные, государь России унижал россиян в собственном их сердце. Презрение к самому себе располагает ли человека и гражданина к великим делам?»

Должно согласиться, что мы, с приобретением добродетелей человеческих, утратили гражданские. Имя русского имеет ли теперь для нас ту силу неисповедимую, какую оно имело прежде? И весьма естественно: деды наши, уже в царствование

Михаила и сына его присваивая себе многие выгоды иноземных обычаев, все еще оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь -- первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к Отечеству и нравственной силе оно! Теперь же, более ста лет находясь в школе иноземцев, без дерзости можем ли похвалиться своим гражданским достоинством? Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию -- неверным или братьям?».

Мысль Карамзина развивал один из родоначальников славянофильства Константин Сергеевич Аксаков:

«На рубеже XVII века в России явился гениальный Царь, исполненный энергии необычайной, силы духа необъятной... Дар гениальности, дар силы - есть дар опасный. Гениальнейший из людей, Петр был увлечен своею гениальностию... Россия долго и трудно строилась по своему образцу; все переломать и все выстроить заново по образцу иностранному - вот на что решился Петр. Он поставил себя таким образом выше жизни целого народа, выше его народности; он счел всю прошедшую до него историю России - за ошибку, - и вот началось преобразование, переделка России... План, архитектура здания и мастера были выписаны из-за границы; Россия должна была давать только свой славный материал. Петр требовал, чтобы Россия приняла от Европы не только общечеловеческое просвещение, но и самую национальность европейскую, ради которой вытеснялась русская народность, даже в одежде. Он требовал, чтобы Россия отказалась от своей самостоятельности, не соображая, что полезно и плодотворно только то чужое, которое народ может усвоить себе самостоятельно, соблюдая всю свою народность... Увлеченный иностранцами, Петр стремился обратить русских в

иностранцев... Сильный гений увлекся своей страстью к блестящей Европе, - и впал в односторонность, которая, при страшной энергии его характера, при могуществе воли Петра Великого глубоко потрясла основы России и надолго двинула ее на чуждую дорогу...

Нашли пустынное и дикое место, где не было признаков не только русской, но и никакой народной жизни, место, вполне соответствующее иностранному и насильственному значению новой, имеющей воздвигнуться, столице. Это был топкий, нездоровый берег Финского залива, на котором кое-где жили чухонцы. Здесь-то было решено поставить новый царственный град для России. На построение его Петр обратил Русские силы. Сотни тысяч плотников, каменщиков и всяких рабочих были согнаны туда со всей России и легли по чуждым топким берегам Финского залива. На русских костях воздвиглась новая столица России. Все богатства ее, все силы пошли на укрепление и украшение нового города, - и столицей России стал Санкт-Петербург».

Большинство русских консервативных славянофильских мыслителей были полностью согласны с этим приговором Карамзина и Аксакова. Для того, чтобы возвеличить Россию Петр унижил русских, надругавшись над многосотлетней великой традицией, иногда, как на своем всешутейшем соборе, доходя до немыслимых кощунств и богохульств. Он лишил русских в их традиционном облике права на то, чтобы считаться людьми. Отсюда ключевые мотивы петровской пропаганды: «им мы из небытия в бытие приведены», «благодаря Петру мы приобрели облик человеческий».

Появилось отчасти жутковатое слово «людскость», которым на языке Ломоносова и даже Карамзина обозначалась европейская цивилизованность, «политес». Если по-европейски воспитанный человек приобщился к людскости, то выходит, что тот, кто такого образования не получил – русский крестьянин, купец, священник, - получается «нелюдь». Вот и исток всех ужасов крепостного права,

обозначившихся именно в XVIII веке – с нелюдями можно делать что хочешь – пороть, насиловать, грабить.

Именно от Петра наша власть усвоила идеологию «социального дефолта», когда все прежде бывшее, наработанное порой столетиями, обнуляется, объявляется ничтожным, и ручкий человек оказывается перед лицом реформаторов нищим и виноватым. Характерна в этом смысле история петровского гражданского шрифта – стремясь приобщить русских к просвещению Петр, отменив славянскую азбуку и заменив её гражданским шрифтом, по сути уничтожил старое просвещение, старые книги, сделав поколение русских функционально неграмотным. Многие уже не могли читать старые книги, которые были непонятным шрифтом написаны о непонятных вещах о православной вере и благочестии...

В Петре чувствовалось желание во всем оказаться новым основателем России. Он буквально перечеркивал то, что было прежде до него и присваивал себе все заслуги. У России при его отце была великолепная армия, оказавшаяся способной побеждать не только поляков и турок, но и шведов. Однако родословие русской армии начало вестись от потешных полков. Не говоря об исключительных достижениях северных мореходов, Россия в XVII веке уже строила современные корабли на Волге и Каспии, однако родословная русского флота велась от ботика Петра.

В этом инфантильном эгоцентризме человека, который стремился перечеркнуть всё, что было прежде его детства и начать историю окружавшего его мира с самого себя, было что-то нездоровое. Иван Солоневич справедливо заметил, что большинство русских государей и до и после Петра были скорее людьми-функциями, не стремившимися подменить своим Эго создаваемую ими великую державу с её священной миссией. Петр стремился быть героем – и военным и культурным, фантазером и мечтателем, прожектором. Порой он был почти Хлестаковым, но только получившим в свое реальное распоряжение те самые «тридцать пять тысяч одних курьеров». Этими курьерами были гвардейские офицеры, а порой

даже солдаты, которые рассылались комиссарами по всей огромной России чтобы заставить её подчиняться воле Великого Мечтателя.

Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опричь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.
Не то мясник, а может быть, ваятель -
Не в мраморе, а в мясе высекал
Он топором живую Галатею,
Кромсал ножом и шваркал лоскуты.

В этих строках Максимилиана Волошина чувствуется стремление объяснить события большевистской революции через предыдущую революцию, петровскую. Сегодня эта мысль иногда выражается в тройственной формуле – Иван Грозный, Петр Великий, Сталин. Мол с русскими только так и надо – топором, кнутом, наганом, ГУЛАГ-ом. Если русского человека не резать и не колоть штыком в спину, то он и не полетит, а надо лететь. И Петр Великий с его ореолом победителя выступал центральным звеном между не во всем удачливым Иваном Васильевичем и не во всем, прямо скажем, легитимным Иосифом Виссарионовичем.

И именно отсюда неприязнь к нему тех, кто неустанно говорит о сбережении народа. Слишком часто именно апелляцией к Петру с его действительными или мнимыми достижениям обосновывалась мысль что русских людей можно не беречь, использовать как расходный материал. Порой эта критика далеко выходила за границы исторической обоснованности – так, тезис о том, что Россия при Петре понесла чудовищные демографические потери, миф о том, что при строительстве Петербурга погибли сотни тысяч, чуть не миллионы русских мужиков – на фактах и источниках явно не основан, является домыслом.

При всем уважении к справедливости славянофильской мысли, в оправдание мечтателя Петра можно сказать одно и главное: его мечта стала явью. Он хотел, чтобы русских «признали за людей» в Европе. И с шипением и скрежетом зубным, но силу России Европе пришлось признать сначала в политическом, а потом и в культурном смысле. Можно было сколько угодно шептаться по углам, что поскреби русского – найдешь татарина, но официально с русскими приходится считаться до сих пор.

Русская цивилизация оказалась фактически единственной цивилизацией на планете, которая, столкнувшись с европейским колониализмом не была уничтожена или демонстративно политически унижена – как это произошло с китайской, индийской, иранской, ближневосточной цивилизациями, не говоря уж о многих более мелких в Азии и Африке. Как произошло, к примеру с Польшей, государственность которой была уничтожена зерновой торговлей с голландцами, прибыли от которой усилили своевольных магнатов в ущерб королю.

Напротив, Россия вступила в самый центр Западной системы, а в известные моменты могла даже диктовать свою волю. Разумеется не Петр единолично добился такого результата – начали Иван III и Иван Грозный, продолжили Михаил Федорович и Алексей Михайлович. Петр, переицевав русских, заставил Запад считать нас за людей. Хотя цена для нашей собственной самооценки была весьма тяжелой.

Важно и то, что Петру удалось перенести центр тяжести культурного влияния на Россию со сравнительно отсталых регионов Европы, как Польша или Австрия, на наиболее передовые, как Голландия и Англия. Пока его старшие современники подражали польским панам, Петр решил сделаться Саардамским плотником. Вестернизация России так или иначе шла в течение XVII века и, скорее всего, была неизбежна. Петр её чрезвычайно радикализировал – и в этом, чаще всего, ничего хорошего не было. Но он сменил её модель – вместо того, чтобы догонять отстающих мы стали

воспроизводить модель лидеров. Хотя в этом тоже были свои риски – в результате Россия усвоила в достаточно лошадиной дозе атеизм и секуляризм западных лидеров, стала, в какой-то момент, более безбожной страной, чем Италия или Испания. Однако, поскольку на сегодняшний момент все самые консервативные католические страны пришли все к той же содомии, а вот Россия ей противостоит, то, выходит, наша менее консервативная модель вестернизации на долгой дистанции сработала.

Ну и главное, петровские реформы, хороши ли они были или плохи заложили основы великой русской культуры как мы её знаем. Важно ведь не только то, что Россия усвоила западную культуру, но и то, какую именно культуру и в какой именно момент она усвоила. Россия усвоила культуру Запада эпохи классицизма. В этот момент Европа старалась говорить на максимально обобщенном, свободном от национальных особенностей культурном языке греко-римской античности. В этот момент художественное высказывание сделанное в любой стране было понятно во всех остальных странах Европы практически без перевода.

Получив в свое время довольно малую дозу прямого античного влияния, Россия в петровскую эпоху напиталась этими культурными веяниями. Сперва в довольно поверхностных формах рассматривания полупорнографических гравюр с античными богами. Не без иронии это освоение описал в своем «Петре Первом» Алексей Николаевич Толстой:

«Санька показывала только что привезенные из Гамбурга печатные листы — гравюры — славных голландских мастеров. Девы дышали носами в платочки, разглядывая голых богов и богинь... «А это кто? А это чего у него? А это она что? Ай!» Санька объясняла с досадой:

— Это мужик, с коровьими ногами — сатир... Вы, Ольга, напрасно косоротитесь: у него — лист фиговый, — так всегда пишут. Купидон хочет колоть ее стрелой... Она, несчастная,

плачет, — свет не мил. Сердечный друг сделал ей амур и уплыл — видите — парус... Называется — «Ариадна брошенная»... Надо бы вам это все заучить. Кавалеры постоянно теперь стали спрашивать про греческих-то богов...».

От этих ариадн и купидонов, русская культура перешла к подражающим Гомеру виршам Тредиаковского, к полновесной Цицероновской риторике Ломоносовских од. И вот уже никто не заметил, как замысленный Петром по образу Амстербама Питербурх превратился в град Святого Петра на воде не только соперничающий с Римом но и, пожалуй, превосходящий его.

Именно в России за счет огромных пустых пространств, серого неба, дикого камня, классицизм достиг такого размаха и монументальности, каковых никогда не достичь в слишком мелкой и тесной Европе. Я осознал это, когда впервые оказался на площади святого Петра в Риме. Она показалась мне мелкой, какой-то карманной, поскольку взгляд уже был воспитан на громаде Исаакиевского собора и Александрийского столпа.

И конечно величайшей удачей было то, что Петр отвел для западного культурного эксперимента именно Петербург, иначе в эпоху не знавшую понятия культурного наследия полному и окончательному разрушению подверглась бы Москва. Она и так оказалась на грани, когда лишь в последний момент был остановлен безумный эксперимент архитектора Баженова в Кремле.

Петербург же, создаваемый с нуля, позволил достичь абсолютного, нигде не виданного эстетического совершенства в воплощении классицистических форм. Русские, и с привлечением иноземных мастеров, и сами, достигли, пожалуй, предела того, что могут дать колонны, ордера, статуи и барельефы.

Через классицизм русская культура освоила универсальный, надлокальный язык, который оказался уже неотменим тогда, когда мы к середине XIX века перешли во всех культурных формах на свое, национальное наречие. В то время как многие другие культуры не

доросли до классических форм, мы в них воплотились в совершенстве и переросли.

Та великая русская культура, основы которой заложил Петр Великий, стала универсальной и общеобязательной. Отменить её, несмотря на все русофобские злопыхательства, попросту невозможно.

Как невозможно отменить и Россию. Скорее она отменит кого угодно. На самом деле Россия при Петре не вступила в Запад. Она создала Запад. Только с культурным обращением России Запад из агрессивного на морях, но все-таки локального явления превратился в действительно глобальный феномен – пополнившаяся Россией Западная цивилизация стала абсолютно доминирующей силой в северном полушарии. И, напротив, уход России из Запада будет означать его закат в качестве глобальной силы, что, возможно, сейчас и происходит.

Но Россия разрывает с Западом не как носительница только своей локальной правды и локальных смыслов, а как наследница той самой классической высокой культуры, которая там, под влиянием политкорректности, уже почти утрачена.

В XVIII веке могло казаться что Петр изменяет Россию. В XXI веке уже очевидно, что русский император изменял мир. Историки будущего откроют, что не Россию он прилаживал к Западу, а Запад к России.

Но сегодня Петр нам интересен не столько как реформатор, сколько как победитель, превративший Россию в великую державу. Как тот, кто разгромил одну из лучших армий того времени – шведскую во главе с её исключительно одаренным королем. Причем сделал это не где-нибудь, а... под Полтавой.

Полтавская победа была в числе тех событий ради которых вообще творится история, которые придают смысл существования народам и государствам, ради которых пишутся великие поэмы и создаются великие картины. Она ввела Петра в пантеон героев всемирной истории. Этот эгоцентричный, нервный, расточительный прожектор

сравнялся с подобным ему Александром Македонским и превзошел его, так как империя Петра отнюдь не рассыпалась после его смерти.

Петр, конечно, никогда не приводил Россию «из небытия в бытие». Напротив, он воспользовался где более, где менее успешно накопленным его предшественниками за столетие громадным наследием. Временами он поступал как настоящий авантюрист и растратчик, бездумно расходовавший народные силы. Но, понимая жестокость, непродуманность, затратность действий Петра, Россия, тем не менее, всегда ценила в нем это героическое начало, эту мечту, которая придала его царствованию особый блеск.

В своем первом императоре Россия узнала носителя той суперструктуры, без которой не может быть исторического движения вперед. Он был носителем того замысла, который перешивает ткань бытия. Петр, конечно, не был подражателем Европы – даже если сам считал, что подражает. Он находил совершенно новые смыслы и выходил на совершенно новые исторические горизонты. Его думы на берегу пустынных волн был и впрямь великими.

Петр побуждал Россию стать больше самой себя. И, несмотря на несовершенство как его целей, так и методов, Россия на этот призыв откликнулась. В этом и состояло подлинное величие как Петра, так и самой России.

ИСТОКИ СЕВЕРНОЙ ВОЙНЫ

Россия и мир-система в XVI-XVIII вв.

XVI–XVIII века были эпохой становления европейской капиталистической мир-системы — колониальная и полуколониальная экспансия европейских государств протягивалась во все уголки тогдашнего мира — давно уже была покорена Америка южная и еще сохраняла покорность северная, европейцы, расстреляв из своих пушек арабские корабли, прочно контролировали торговлю в Индийском океане, и в частности потоки пряностей, всюду шло подчинение Индии власти Ост-Индской компании, был усеян европейскими факториями берег Африки, начиналось проникновение в Китай... Всюду, куда приходили западноевропейцы, их золото и серебро действовали на местные политические структуры как серная кислота — те разжижались и распадались, так что спустя недолгое время колонизаторы устанавливали если не формальный, то фактический контроль над некогда могущественными империями. Для большинства регионов, подвергавшихся интенсивному освоению английскими, голландскими, французскими, испанскими и португальскими торговцами нормой были а) разорение местного крупного купечества, б) ликвидация каких-либо попыток вести морскую торговлю с его стороны, в) изгнание конкурентов, г) создание иностранных фортов и введение войск.

Некогда огромный и непостижимый мир оказывался не более чем периферией европейской капиталистической системы, исправно снабжающей голландских биржевиков, воротил лондонского Сити и французских откупщиков сырьем, рабами, редкостями и всем, что только необходимо было для укрепления власти золота в мировом масштабе.

В этой картине разложения старого мира и краха региональных мир-систем перед лицом глобальной было всего несколько исключений.

В отдельных регионах, столкнувшихся с европейцами, их экономическим влиянием и их методами произошло не разжижение местных политических организаций, а напротив — их укрепление и отстраивание для самозащиты от давления чужаков. В то время как на островах Юго-Восточной Азии, превратившихся в плантации специй, местная цивилизация просто рухнула, в континентальной ЮВА, напротив, произошло усиление государств. Из множества мелких политий выросло четыре крупных государства — Бирма, Сиам-Таиланд и два Вьетнама, в которых происходят процессы, аналогичные тем, которые происходят и в европейских государствах — территориальная консолидация, увеличение административной эффективности, создание новых форм легитимности, этно-культурная гомогенизация. Лишь в конце XIX века колонизаторам удалось покорить Вьетнам и Бирму, Таиланд формальной независимости так никогда и не потерял. Аналогичные процессы с еще большим успехом происходили и в Японии — столкнувшись с голландским и португальским купечеством, огнестрельным оружием и проповедью католичества, Япония выдала в качестве ответа политическое сплочение, консолидацию государства на принципах изоляционизма и синтоизма, а в конце XIX века сумела стремительно открыться, провести реформы и встать в ряд великих держав.

Однако самым громким исключением из правила порабощения периферийных цивилизаций европейской капиталистической системой стала, несомненно, Россия. Реализовать в ней программу разорения местного купечества и навязывания торговой зависимости, деконструкции местной государственности и введения военной оккупации оказалось невозможно. Хотя европейцы честно пытались, стараясь вписаться и в перипетии опричнины, и в события русской смуты, пытаясь навязывать неравноправные договоры и подрывать русскую торговлю. На пути европейских манипуляций встало русское самодержавное государство, нашедшее в контакте с Европой способ своего усиления.

Россия в этот период сама была молодой, интенсивно развивающейся мир-системой, фактически «однолетком» европейской. Однако если Европа развивалась как мир-экономика, то Россия — как мир-империя, покорявшая огромные пространства Евразии, используя стратегическое преимущество русских над другими народами региона — умение быстро передвигаться по рекам. Столкновение России и Европы в XV–XVI веках «лицом к лицу» изумило обоих участников. Европейцы обнаружили к востоку от себя невероятно богатую сырьем землю, к тому же сулящую огромные транзитные возможности в сношениях с Востоком минуя Турцию, но взять эту землю не только голыми руками, но и отрядами конкистадоров было нельзя — там существовало мощное, единоедержавное государство с сильной и непрерывно совершенствующейся военной организацией. Русские обнаружили на западе не своих агрессивных, кичливых, но, в сущности, туповатых и не способных к созданию сильных государств соседей, а стоящую за соседями мощную, развитую, опережающую Россию в военном деле цивилизацию, при этом крайне заинтересованную в ведении торговых дел с Россией, но... к невыгоде для России.

Решение русских государей было единственно логичным — поняв, что европейцы заинтересованы прежде всего в экономических контактах, они решили максимально монополизировать эти контакты, как вовне, так и внутри страны. Иван III уничтожил ганзейский двор в Новгороде, сосредоточив всю торговлю европейцев с Россией под контролем русского государства — для этих же целей он первым начал формировать российско-датский союз, союз территориальных государей против экстерриториальной купеческой корпорации. Иван IV, после появления на русском Севере англичан, значительно заинтересованных в русском сырье, предпринял отчаянную, но провалившуюся попытку вооруженной силой перехватить основные экспортные направления в Прибалтике. Ливонская война ему не удалась, как в силу субъективных факторов (нежелания и неумения минимально

сравнить конкурентов между собой), так и в силу объективной незаинтересованности Англии в получении Россией прямого выхода на Балтику, каковой подрывал английский монополизм в сношениях с Россией. Используя раскинутую к тому моменту по России агентурную сеть, англичане пытались манипулировать и личностью своего «английского царя», и действиями опричников (громивших при захвате Новгорода и рейде на Нарву прежде всего товары русских купцов). Однако после смерти «английского царя» привилегированным отношениям Альбиона с Россией был положен конец — правительство Федора Иоанновича решительно отказало посольству Флетчера в особых правах на торговлю в России.

Степень участия разных европейских сил в подготовке и возникновении русской Смуты еще предстоит оценить, но общий вектор тогдашних событий был очевиден — расчленение России и превращение её в периферию европейских периферий, Польши и Швеции. Проект этот провалился — русская государственность оказалась намного сильнее, чем ее непосредственные противники и их дальние покровители. Особенно подкачала Польша, она не только не сумела выполнить миссию по ликвидации России, но и существенно надорвалась на восточной авантюре. И это было вполне предсказуемо — разлагающее влияние «капиталистического перераспределения» особенно разрушительно воздействовало именно на Польшу — зерновой экспорт, кормивший едва ли не половину Европы, усиливал польскую шляхту и магнатов за счет, с одной стороны, обнищания холопов, с другой — за счет окончательного упадка королевской власти. В середине XVII столетия Польша пережила настоящий политический крах, когда восстание Богдана Хмельницкого оторвало от нее пол-Украины, а шведский «потоп» едва не уничтожил государственность полностью. О Швеции мы еще скажем, а пока обратим внимание на тот факт, как воздействовала на Польшу её периферийность, и от какой участи уберегла Россию политика русских государей.

Вместо подчинения России европейским экономическим процессам русское правительство при Романовых, как и при Рюриковичах, продолжало политику военной, политической и социальной консолидации своей державы. Никаких вольностей в обращении с местным населением или с конкурентами европейцы позволить себе не могли: «В России... — как совершенно справедливо отмечает И.М. Кулишер, — все зависело от благоволения и согласия правительства. Только на пути туда, на море, можно было производить нападения на суда конкурентов, но в пределах страны приходилось скрепя сердце мириться со всеми нарушителями монополии, ограничиваясь распространением про них ложных слухов и наветов, называя шпионами польского короля и т.п.»

В 1649 году царь Алексей Михайлович больше, чем кто-либо в Европе наказал англичан за казнь Карла I, попросту приказав выслать из России всех английских торговых людей: «а ныне ... всею землею учинили большое злое дело, государя своего, Карлуса короля, убили до смерти ... и за такое злое дело в московском государстве вам быть не довелось». У него было тем больше оснований это сделать, что московское восстание 1648 года могло казаться ему инспирированным иноземными бунтовщиками (впрочем, кто знает, не был ли царь в этом прав). Для Британии, чье экономическое место в Европе в XVI–XVII веках было очень сильно связано с русской торговлей, это было, конечно, колоссальным ударом. Еще в начале XVIII века голландец Корнелий де Бруин желчно замечал: «Если бы на каждые 10 судов, которые отправляются из Англии в Московию, хотя бы два корабля шли в Америку, они открыли бы новые гораздо большие возможности. Но даже этого они не делают. Все англичане так увлечены торговлей с Востоком, что тратят на Москву все свои силы, энергию и капиталы». Не забудем, впрочем, что это пишет голландец, то есть прямой конкурент англичан — Голландия, получившая преференции на русском рынке после изгнания англичан, конечно, не была заинтересована в возвращении туда своих соперников и предпочла бы, чтобы те торговали где-то в

другом месте. Так или иначе, разрыв с Россией в 1649 году стал мощным ударом по британской торговле и, как знать, не был ли он причиной как начала Кромвелем политики «навигационных актов» (надо было теснить конкурентов на других рынках), так и сравнительно скорой и сравнительно легкой реставрации монархии Стюартов.

Так или иначе, русскому самодержавию в XV–XVII веках удалось отстроить совершенно уникальный вариант взаимоотношений между европейской и русской мир-системами, между мир-экономикой и мир-империей. Россия не вошла в качестве периферии в европейскую мир-систему, как это сделала, к примеру, Польша, — и не испытала связанного с этим разжижения политической организации и культурной идентичности. С другой стороны, Россия и не замкнулась на себя, не изолировалась от европейской системы, поддерживая достаточно выгодные для нее экономические контакты.

В логике мир-системного анализа положение России выглядит явным парадоксом: «Русская торговля в XVI веке представляет собой парадоксальное явление, — отмечает Борис Кагарлицкий. — С одной стороны, положительное сальдо, постоянный приток звонкой монеты. Иными словами, Россия выигрывала от мировой торговли, обеспечивая накопление капитала. А с другой стороны, структура торговли явно периферийная... Россия вывозит сырье и ввозит технологии...». Этот парадокс вполне объясним — Россия была не периферией мир-системы, а альтернативной и географически и структурно мир-системой, охватившей огромный регион. В зоне контактов двух систем русской власти сформировался особый тип взаимодействия двух систем, носивший не периферийный характер.

«По видимому, существует иной, не "мир-системный" (по крайней мере в валлерстайновском смысле слова) тип взаимодействия между раннекапиталистической ("раннесовременной") Европой и неевропейскими обществами, требующий адекватной концептуализации, — отмечает А.И. Фурсов. — Суть его заключается

в том, что он формируется не как комплекс отношений внутри некоей системы, а как комплекс отношений между системами прежде всего на торговом и военном уровнях. В результате развитие взаимодействующих обществ идет не в диаметрально противоположных направлениях, а в одном ("системный параллелизм", изоморфизм)». Другими словами, вместо того, чтобы войти в русскую экономику и социальный порядок и ликвидировать их, подчинив европейским, в России торговая экспансия европейцев привела к мутации русского социального организма в прямо противоположном направлении — к повышению военной сопротивляемости, воспроизведению хотя бы внешних европейских порядков, к законопачиванию всех «щелей», с помощью которых европейское воздействие могло бы расшатать русский суверенитет.

Вместо перефериизации России в рамках европейской мир-системы русские создали контр-систему, которая, если так можно выразиться, паразитировала на европейском паразитировании на России. Впрочем, не только на России — становящаяся европейская мир-экономика ослабляла свою периферию, «освобождая» её от лишних политических функций и от лишней экономической независимости, функционализируя её под потребности ядра. Однако рядом с европейской мир-экономикой синхронно становилась русская мир-империя, для которой восточная периферия Европы была и её собственной западной периферией. Ослабляемые Европой периферийные регионы как спелые гроздья сваливались в руки России, так что к XIX веку лимитрофное пространство к западу от России попросту исчезло. Между двумя мир-системами обозначилось весьма парадоксальное сотрудничество в управлении лимитрофным поясом. Сотрудничество, которое оказалось, в конечном счете, взаимопродуктивным, попадавшие в русский имперский оборот земли не выпадали из капиталистической экономики. Именно на таком двойном ходе, в жерновах между двумя системами пострадала, к примеру, старая соперница России — Польша.

Для России были характерны все те же процессы, что и для других обществ, попытавшихся на тот или иной лад «среагировать» на европейский вызов. Основными элементами «контр-системной» трансформации являются политическая интеграция и централизация государства, военно-техническая революция, «вытягивание» торговой активности к прибрежным районам, национальная и культурная гомогенизация. Этой формулой практически исчерпывающе описываются и объясняются основные элементы петровских реформ — создание жесткой сверхцентрализованной военной монархии, формирование современной армии европейского образца, всего за несколько десятилетий прошедшей путь от потешных полков к статусу самой беспособной военной силы Европы, строительство Санкт-Петербурга и перенос туда государственного центра, и, наконец, культурная реформа.

С культурной реформой Петра дело обстоит интересней всего — с эпохи славянофилов принято подвергать её ожесточенной критике. И это в значительной степени справедливо — бородобритие и обрезание платья, табакокурение и грудеоголение представляются совершенно избыточным и разрушительным для русского общества реформированием, отчуждением русской нации от самой себя, произведенной царем кощунником и едва ли не масоном.

Однако ядром петровской культурной реформы был не «Всешутейший собор», а создание системы образования и гражданского книгопечатания, то есть инструментов не только модернизации, но и культурной гомогенизации русского общества. Насколько успешной была эта часть реформы, показывает пример мальчика из Холмогор — Ломоносова. «Вратами учености» для него служат петровская «Арифметика» Магницкого и допетровская «Грамматика» Смотрицкого, образование он получает в допетровской Славяно-греко-латинской академии и Петровской Академии Наук. В этой области, как и во многих других, Петр продолжил уже стихийно сложившиеся к его времени исторические тенденции, однако, если так можно выразиться, поставил «на поток»

штучное производство и свернул его с гуманитарных на технические рельсы.

Вторым существенным моментом петровской вестернизации был ее государственный и принудительный характер. Эту её форму невозможно понять без того, чтобы учесть, — добровольная вестернизация в других регионах мира, «встретившихся» с Западом, стала инструментом социального распада и деконструкции, «соблазненность» Европой стала каналом коррупции и предательства национальных интересов — нашему современнику далеко не надо ходить за примерами, когда на наших глазах советская элита продала великую державу за джинсы, жвачку и видеомэгафоны. Европейничанья и в России было вполне достаточно, причем ведущего к откровенному или прикровенному предательству.

Насильственная, палочная вестернизация оказалась, как ни парадоксально, наиболее удобным предохранителем против вестернизации настоящей, сущностной. Сбривая бороду в угоду власти дворянин или купец демонстрировал лояльность русской государственной системе. Спротивляясь брадобритию — все дальше отдалялся от Европы. Сделав правительство «первым европейцем» в России, Петр практически на полтора столетия гарантированно избавил страну от появления «вторых» и «третьих» европейцев, а когда они появились, то нанесенный ими вред был лучшим доказательством опасности их более раннего появления.

Впрочем, цена, заплаченная Россией за контр-системное отстраивание, позволившее сохранить суверенитет и военную независимость от Европы, была заплачена довольно жестокая. России по сути пришлось заморозить свое внутреннее, имманентное развитие, связанное с освоением «своего Востока» (выражение светлой памяти В.Л. Цымбурского). Основным инструментом поддержания военной и экономической мощи государства и правящего класса было крепостное право, введенное прежде всего для предотвращения массовой и спонтанной миграции русских на

новозавоеванные земли. Приходилось выбирать — либо сохранение повышенной спонтанной мобильности населения и перспективное освоение огромной территории, практически бесконечной ресурсной кладовой, либо максимально жесткая фиксация этого населения на одном месте и организация с его помощью сопротивления вторжению с Запада.

Почти все русские правители после Петра делали однозначный выбор в пользу второго пути. Выбор делался скрепя сердце — Восток манил и самого Петра (Каспийский поход, экспедиции Бековича-Черкасского и Беринга) и его преемников. Однако мужества на то, чтобы «отпустить» русских в вольное движение им явно не хватало. Передвигать русских по карте Евразии русская империя предпочитала упакованными в правильные полки и батальоны, причем с Востока на Запад их двигали намного чаще, чем с Запада на Восток. Трудно сказать — точно ли это было ошибкой. Очевидно лишь то, что это было дорогой платой, которую государство Российское платило за довольно уникальное контр-системное положение на стыке с Европой.

Итак мы определили мир-системное положение России в начале XVIII века — сильная мир-империя, соприкоснувшаяся на западе с капиталистической мир-экономикой и пытающаяся сохранить свою независимость от него, не допустить ни политического распада, ни экономического разграбления. Чтобы добиться этого, она монополизирует внешнюю торговлю, мобилизует и почти порабощает собственное простонародье, предпринимает огромные усилия по созданию современной армии и собственной культурной перестройке, стремится вынести свои форпосты как можно ближе к контактной зоне.

Что же мешает успеху этой контр-системной империи? Прежде всего — навешенный на основную контактную зону между нею и Европой огромный металлический замок по имени Швеция. Весь XVII век все основные игроки североевропейской «капиталистической» лиги государств помогали в создании этого замка на Балтийской торговле.

Балтийская рожь кормила северную Европу и ни малейшего беспорядка в этом вопросе допускать было нельзя — Балтику должна была контролировать дружественная Англии, Голландии и Франции (или хотя бы кому-то из них) протестантская держава (поэтому не годилась Польша).

С конца XVI века хищнической политике Швеции открывается общеевропейский зеленый свет, в обмен на что шведы исправно воюют за «протестантский» и против «католического» блока в любой европейской войне и, прежде всего, в Тридцатилетнюю войну. Балтика постепенно превращается в «Шведское озеро». В ходе войны шведы отнимают у России Эстляндию и большую часть Ингрии и Корелы. Война-реванш царя Федора Иоанновича частично выравнивает положение, в руках шведов по Тявзинскому миру остается только Эстляндия, однако русская Смута дает новый повод для вмешательства, и по Столбовскому миру Россия полностью отрезается от Балтийского моря, и то благо, что удалось вернуть хотя бы Новгород и Псков.

Шведы понимают, что не только осуществили территориальный захват, но и нанесли русским унижительную политическую пощечину, что эта аннексия не из тех, которые забываются, но надеются, что сила заставит Россию смириться. И в самом деле, на несколько десятилетий правительство патриарха Филарета проводит очевидно про-шведскую политику, оно поддерживает Густава Адольфа в борьбе с Польшей и вообще явно предпочитает «протестантский» европейский блок «католическому» в надежде рассчитаться с другим обидчиком — Польшей. Расчет выходит не слишком удачным — Швеция завершает свою войну с Польшей в 1629 году Альтмаркским перемирием, по которому получает Ригу и еще больше укрепляет свою власть над Балтикой, а России начало войны с Польшей в 1632 году не приносит ничего.

В середине XVII века Швеция находится в зените своего могущества и предпринимает (при очевидном одобрении «протестантского» блока) попытку создать великую Северную империю — шведский

«Потоп» затопляет Польшу, ослабленную казачьим восстанием. Кажется, что независимость Польши просто исчезнет. Однако именно здесь впервые вырисовывается геополитическая конфигурация, которая в итоге реализуется в Великой Северной войне 1700–1721 — собственно события 1655–1660 тоже имеют название «Северной войны». Против шведского льва польскому одноглавому орлу пришли на помощь русский двуглавый и датский леопард, и все это с подначки орла австрийского — Россия переменяла ориентацию на «католический» блок.

Собственно, у России именно в этот момент появился шанс решить большую часть проблем с Швецией, задолго до Петра I. В 1656–58 были взяты Юрьев (Дерпт) и Орешек (Нотебург), предпринята попытка строительства русского флота в Кукейносе (Кокнесе), сделана попытка осадить Ригу — шведы продуманно и мужественно сопротивлялись, но шансы русских на конечную победу были неплохими. Подвел другой участник антишведской коалиции — Дания, — раздробив силы и двинувшись на выручку Польши, датчане проиграли войну шведам, перешедшим по льду Зунд и оказавшимся прямо у Копенгагена (стратегическая уязвимость Копенгагена постоянно приводила Данию к военным поражениям — и в 1700 и в 1801 годах). В феврале 1658 года датчане подписали со шведами Роскильский мир, отдав шведам все свои владения на Скандинавском полуострове и множество островов.

В этот момент и проявила себя во весь рост та особенность польской политики и психологии, которая с завидной регулярностью доводила Польшу до разделов и полной ликвидации государственности. Освободившись благодаря русской интервенции против Швеции от шведской оккупации, поляки первым делом (!!!) возобновили войну с Россией за Украину и вообще фактически переменяли фронт. Россия осталась со Швецией один на один, имея на другом фланге враждебную Польшу и лукавого Хмельницкого. В этой ситуации русской дипломатии пришлось срочно заключать перемирие на условиях *uti possidetis*, а затем, когда и датчане, и поляки подписали

с Польшей окончательные мирные договоры, Валиесарское перемирие было заменено Кардисским миром 1661 года — Швеция без единого выстрела получала назад Кукейнос, Юрьев, Мариенбург и многие другие города. Россия уступала все, не будучи побеждена — вынужденная к уступкам предательством Польши, поражением Дании и угрозой войны на два фронта.

Итоги первой Северной войны показали немало интересного. Во-первых, они были апогеем шведской имперской мощи — шведы стали за счет датских уступок хозяевами Балтики. Во-вторых, они обозначали закат шведской мощи — Швеция, даже обладая совершенной военной машиной, не смогла ни подчинить Польшу, ни полностью вырвать из ее рук ржаной экспорт (главный польский экспортный порт Данциг так и остался за Польшей), шведам пришлось даже отказаться от статьи Роскильского договора, по которому Дания обязалась не пропускать через проливы суда враждебных Швеции держав. В-третьих, вопреки утверждениям позднейшей русской историографии, русская армия в боях со шведской (лучшей армией тогдашней Европы) показала высокую боеспособность — фактически русские были единственной воевавшей со Швецией державой, добившейся побед над шведами на их территории. Стрелецкие полки, полки нового строя и русская артиллерия воевали хорошо. В-четвертых, Россия могла убедиться в том, что военные победы ничего не дают ей без побед дипломатических — завоеванное оружием пришлось отдать, поскольку против России действовала большая европейская дипломатия — англичане и французы старательно мирили шведов с датчанами и поляками, австрийцы, спасшие Польшу русскими и датскими руками, напротив, совершенно не стремились удерживать поляков в мире с Россией. Отсутствие у России признанного места в европейской дипломатической системе сводило на нет значительную часть русских военных успехов.

В период между 1660 и 1700 годами Швеция превратилась в военного гегемона и экономического паразита Балтики — она

контролировала значительную часть побережья и огромную часть торговых потоков региона, обладая большим флотом и мощной армией, шведы могли маневрировать по Балтике в любом удобном им направлении. Шведы держали у себя в кармане ключи от всех балтийских дверей и за пользование ими соседние народы должны были недешево приплачивать.

Однако шведская империя на Балтике не имела никакой экономической основы, держась только на дисциплине и искусстве шведской армии и на хорошем развитии шведской металлургии (собственно, именно развитие металлургии и позволяло Швеции быть первоклассной военной державой). При этом собственная финансово-экономическая система Швеции была крайне слабой — основную роль на Балтике играло немецкое купечество Риги, Ревеля и других постганзейских городов, которое мирилось с шведским господством как с «меньшим злом». Шведское купечество было довольно слабым и крупную роль в торговле Швеции играло... купечество русское.

Да-да, именно так, в XVII веке русские купцы были одними из основных претендентов на торговую гегемонию на Балтике, причем основной их «жертвой» была как раз Швеция — русским было трудно тягаться с немцами на ганзейских направлениях, зато основанный Густавом Адольфом Санкт-Петербург (он тогда, правда, назывался Ниеншанцем) и русский торговый двор в «Стекольне» (то есть Стокгольме) позволяли вывозить из России товаров на десятки тысяч талеров и закупать в Швеции медь и железо. Любопытно, что не Россия была «сырьевым придатком» Швеции, а скорее наоборот — весь шведский экспорт в Россию сводился почти исключительно к продукции металлургии, зато в Швецию наряду с традиционными товарами русского сырьевого экспорта — мехами, смолой, дегтем, кожами и шкурами, шли и товары русской легкой ремесленной промышленности — холст, сукно, рукавицы, юфть, мыло, сапоги. Во второй половине XVII века по Балтике ежегодно проходило в Швецию около 50 русских торговых кораблей — карбасов,

укомплектованных русскими экипажами, — для сравнения, в Архангельск в тот же период приходило около 40 иностранных кораблей, хотя, конечно, приходившие в Архангельск суда были больше карбасов.

Подробно исследовавший русскую балтийскую торговлю в XVII веке И.П. Шаскольский делает следующий малоутешительный для Швеции вывод: «Русская торговля со Швецией в XVII веке, вопреки ранее существовавшему мнению, отнюдь не была торговлей отсталой сельскохозяйственной страны с передовой промышленной державой. Россия поставляла в Швецию разнообразные товары развитого ремесленного производства и сельского хозяйства и закупала в Швеции преимущественно полуфабрикаты (металлы), которые в России перерабатывались в готовые изделия городскими и сельскими ремесленниками и частично молодой русской промышленностью. И, кроме того, по уровню развития торгового капитала Россия заметно превосходила Швецию. Если шведские купцы вели торговые операции с русскими (и в такой же мере с другими иностранными) купцами практически только в пределах Стокгольма... то русские торговые люди широко развернули активную торговлю и перенесли основную часть своих торговых операций на территорию Швеции. Благодаря этому в своей торговле со Швецией в XVII веке русские купцы имели активный торговый баланс, торговля была более выгодна для русской, а не для шведской стороны».

Итак, вопреки расхожему мнению, Петр I вступил в Северную войну не для того, чтобы «получить выход к морю», «создать флот», «получить возможность торговать». Всё это у России было и без того, даже уплачивая шведам пошлины, русские все равно торговали на Балтике с большой выгодой для себя. Россия не была самоучкой-лапотником, отодвигающим с Балтики изысканного цивилизованного джентльмена. Россия стремилась убрать с Балтики военного-паразита, искусственный замок, навешенный на регион не без поддержки внешних сил. «Протестантский» блок (включавший в

себя долгое время и Францию) был заинтересован в шведском контроле за Балтикой и недопущении влияния на тамошнюю торговлю Габсбургской Австрии. Англия и Голландия (особенно первая) были, помимо этого, заинтересованы в том, чтобы ограничивать торговлю России на Балтике и направлять основные торговые потоки «москвитов» на Белое море. Это позволяло двум ведущим морским державам быть практически монополистами в торговле стратегическим сырьем (к примеру, корабельным лесом) с Россией.

Однако заинтересованность ведущих европейских держав в господстве Швеции над Балтикой не могла предотвратить попытку прибалтийских стран это господство сбросить. Меры шведских королей в пользу собственных купцов и дворянства серьезно разозлили немецкое купечество и остзейское рыцарство — выразитель интересов этих кругов Иоганн Паткуль сыграл огромную роль в заключении русско-саксонского союза, уговаривая государей создать коалицию и отвоевать Эстляндию и Лифляндию во власть Польско-Саксонской короны (русских предлагалось удовлетворить возвращением к границам до Столбовского мира и не отдавать им даже Нарвы и Ивангорода). Как и к любой антишведской коалиции, к северному союзу охотно (хотя и несколько легкомысленно) присоединилась и Дания.

Фактически, само возникновение Северной войны возможно было только в условиях основательной занятости основных европейских держав подготовкой, а затем и ходом войны за испанское наследство — руки основных европейских покровителей Швеции были связаны. Мало того, Англия и Голландия, зная об опасности вступления Швеции в войну на стороне давней союзницы Франции и против давнего врага протестантизма — Австрии, постарались максимально ввязать ее в прибалтийские дела. В 1698 году был заключен англо-голландско-шведский военный союз, в 1700 году во исполнение этого союза англо-голландские суда перевезли армию Карла XII в Данию, в 1707 году английская дипломатия сыграла

решающую роль в том, что покоривший Саксонию Карл вместо нападения на Австрию отправился завоевывать Россию. Наконец, в самом конце Северной войны английская эскадра пыталась спасти Швецию от признания полного поражения, но не слишком преуспела. Лицемерно притворяясь другом России, Англия всю Северную войну натравливала на неё Швецию, одновременно поддерживая сохранение шведской гегемонии на Балтике и препятствуя появлению союзника у Франции в Западной Европе. Франция, напротив, была заинтересована в том, чтобы шведы поскорее развязались с соседями и могли ударить по Австрии, но по этой причине они были заинтересованы в победе Швеции.

Победы России не желал в Европе никто, однако ум Петра I как дипломата состоял в том, что он, оценив ситуацию, сделал вывод, что ни одна держава не сможет оказать Швеции активной помощи. Ошибкой союзников стало то, что они начали войну с Швецией до того, как начнется война за испанское наследство, и некоторую помощь Швеции Англия и Голландия оказать все-таки успели.

Так или иначе, Северная война была для России не абстрактной войной за «выход к морю». Она была направлена против конкретного противника — Швеции, мощной военной державы, паразитировавшей на Балтийской торговле благодаря своей военной мощи. Россия, особенно на первом этапе войны, ставила задачи конкретного реванша за обиды, нанесенные Швецией в начале XVII века, русский государь возвращал свою прибалтийскую «отчину». Этот характер войны не изменился и до самого ее конца — по Ништадтскому миру к России отошли только те земли, которые в собственном русском сознании исторически принадлежали России. Шла ли речь о Невском устье-Ниеншанце-Петербурге, Нотебурге-Орешке-Шлиссельбурге, Нарве-Ругодиве, Юрьеве-Дерпте, Колывани-Ревеле, Риге — во всех этих случаях Россия предъявляла на землю свои древние права, впервые заявленные еще во время Ливонской войны. Понятно, что интересы России в этом смысле расходились с интересами остзейского дворянства и

Польши, но Петр не случайно заключил договор не с Речью Посполитой, а с Августом II Саксонским, что освобождало его от формальных обязательств перед поляками. При этом конфигурация северного союза была такой, чтобы минимизировать возможность вмешательства третьих сил, как это случилось во время предыдущей северной войны, столь разочаровывающе для России завершившейся.

ПОЛТАВСКАЯ БАТАЛИЯ

После короля Густава Адольфа, отобравшего у России балтийское побережье и едва не отобравшего Новгород, шведская армия признавалась лучшей в Европе и мире. Эту репутацию ей принесло вмешательство в Тридцатилетнюю войну, решительно переломившее её ход в пользу протестантского блока.

Кстати сказать, в этой войне Россия поддерживала Швецию, рассчитывая, что та нанесет решительный удар по Польше, и мы сможем вернуть Смоленск. Но у французской дипломатии кардинала Ришелье были на этот счет другие планы – шведы были нужны Его Высокопреосвященству против Австрии и Россию фактически «кинули», оставив с Польшей один на один.

Армия Густава Адольфа произвела в Европе настоящий фурор. Во-первых, она была рекрутской, состоявшей из призванных шведских и финских крестьян (вторые были даже в перевесе). Во-вторых, в ней были введены усовершенствованные легкие мушкеты, за счет бумажного патрона ускорена стрельба и от глубоких смешанных построений из мушкетеров и пикинеров шведский король перешел к линейной тактике. Густав Адольф ввел полевую артиллерию и часть пушек была распределена непосредственно по фронту полков, кося картечью ряды противника.

В шведской армии царила железная дисциплина, солдаты молились и распевали псалмы, а главное – шведы не грабили, по крайней мере пока был жив король-реформатор. В битвах при Брейтенфельде и Лютцене Густав Адольф разгромил Католическую лигу и австрийцев, но во второй битве пал. Его победы решительно переломили ход Тридцателетней войны. Могущество Габсбургов в Европе было сокрушено, настал эпоха Франции, так успешно использовавшей шведский таран против противников. Для самой Швеции призом стало превращение Балтийского моря во внутреннее шведское озеро.

В 1655 году Швеция начала войну против Польши – знаменитый «Потоп», который фактически уничтожил Речь Посполитую как великую державу. К тому моменту Польша уже была серьезно ослаблена восстанием Богдана Хмельницкого и шедшей уже год войной с Россией за Украину, а потому перед шведским стальным потопом попросту рухнуло. Положение стало настолько серьезным, что России пришлось экстренно сменить фронт – было подписано русско-польское перемирие и началась русско-шведская война – Северная Война 1655-1660 годов, в которой против шведского хищника сражались Россия, Польша и Дания.

Действия русских были довольно успешны – войска Алексея Михайловича освободили часть Прибалтики и даже начали строить флот в Кукейносе (Царевич-Дмитриев) на Двине. Били шведов и в Ингерманландии, не згорами была Нарва, но очень неудачно сложился ход войны для Дании, которая подписала со Швецией мир, затем предала Польша, спасенная русским вмешательством, а теперь вернувшаяся к войне с Россией за Украину. Чтобы успешно доиграть украинскую партию, России пришлось отказаться от всех завоеваний в Прибалтике и свести войну со Швецией вничью.

Русская армия еще старого, допетровского, «стрелецкого» образца оказалась вполне боеспособна в столкновении с сильнейшей военной державой. Шведы это тоже поняли и начали новую военную реформу – вместо рекрутских наборов король Карл XI ввел систему индельты – группа крестьянских дворов обязана была содержать одного солдата, выделять ему участок земли, пропитание, деньги на экипировку. Таким образом, Швеция получила армию из хорошо обеспеченных и снабженных профессиональных солдат, слаженная еще в мирное время совместным проживанием, объединенная одной национальностью и привязкой к земле, но, при этом, не отягощенная крестьянскими трудами.

«Выхода» этой арии ожидала вся Европа. Надвигалась война за Испанское наследство – Карл II Габсбург, последний представитель испанских Габсбургов, умирал бездетным. Единственными его

законными наследниками оставались его внуки и правнуки – потомки брака Людовика XIV с инфантой Марией Терезией. Представить себе последствия слияния великой Франции и огромных испанских владений на Иберийском полуострове, в Италии, Америке, было попросту невозможно. Возникла сверхимперия, рождения которой категорически не намерены были допускать Англия и Голландия (объединенные под властью Вельгельма III Оранского), а также Австрия.

Но у Франции был убийственный козырь – армия её исторического союзника – Швеции, которую возглавлял Карл XII, помешанный на войне мальчишка. Взору дипломатов всего мира представлялась уже картина рейда шведской армии по тылам антифранцузской коалиции – удары по Австрии, Баварии, может быть даже Голландии. Поэтому когда в Нидерландах и Англии появился инкогнито русский царь Петр, просивший поддержки против турок, ему недвусмысленно дали понять, что он может ожидать большего, если перенесет удар на северное направление – против Швеции. Сколотилась новый Северный Союз – опять Россия, Польша во главе со своим королем Августом Саксонским, Дания.

Англо-голландцы были заинтересованы в столкновении союза со Швецией, но отнюдь не в его успехе, а потому как только Дания вступила в военные действия англо-голландский флот помог Карлу XII летом 1700 перебросить войска к Копенгагену, вывести из войны Данию, затем перебросить мрем солдат к Нарве и 30 ноября 1700 нанести поражение Петру, после чего Карл на много лет увяз в войне в Польше, против Августа Саксонского, поддерживаемого русскими экспедиционными корпусами. К тому моменту умер испанский король и война за испанское наследство началась, но Швеции уже было не до того... Кто бы ни победил на Севере (в тайне западноевропейцы конечно болели за шведов), Людовик XIV своей резервной армии лишился.

Молодой король создал классическую «армию блицкрига». Снабжения из тылов Карл XII не признавал — опирался только на

реквизиции и беспощадный грабеж населения («Все, кто медлит доставкой или вообще в чем-нибудь провинится, должны быть наказаны жестоко и без пощады, а дома их сожжены... Местечки, где вы встретите сопротивление, должны быть сожжены, будут жители виновны или нет», — поучал Карл своих генералов). Артиллерию шведский король не любил, перестрелок не уважал — его пехота и кавалерия сомкнутым строем атаковали центр неприятеля с помощью холодного оружия и попросту опрокидывали врага.

Победив, шведы не щадили никого и отличались особой жестокостью к русским: разгромив русских и саксонцев при Фраушадте, полководец Карла Реншильд устроил кровавую расправу над русскими солдатами, которую современный шведский историк Эглунд описывает так:

«Саксонских солдат щадили, но русским не приходилось ждать никакой милости. Реншильд приказал поставить шведские отряды кольцом, внутри которого поставили всех взятых в плен русских. Один очевидец рассказывает, как потом около 500 пленных «тут же без всякой пощады были в этом кругу застрелены и заколоты, так что они падали друг на друга как овцы на бойне». Трупы лежали в три слоя, размочаленные шведскими штыками... Другой участник сражения рассказывает: «Узнавши, что они русские, генерал Реншильд велел вывести их перед строем и каждому прострелить голову; воистину жалостное зрелище!». Под Полтавой Реншильд попал в русский плен, где его усадили за один стол с царем и вообще обращались с ним исключительно гуманно, слишком гуманно, учитывая его военные преступления.

Петр как-то сказал: «Мой брат Карл мнит себя Александром, но он не найдет во мне Дария». Царь строил русскую армию как полную противоположность армии Карла, учась скорее у его великого предшественника — Густава Адольфа.

Карл презирал артиллерию — Петр с помощью гениального артиллериста Василия Корчмина создал лучшую артиллерию в

тогдашней Европе, мощную, скорострельную, грамотно организованную, ввел конную артиллерию, стремительно разворачивавшуюся на позициях.

Карл планомерно снижал роль огня в сражении, повышая роль штыкового удара (в этом его учеником может показаться Суворов, однако сравнение ложное — Суворов умел и любил стрелять, и штыками считал нужным бить только турок, вызывая у них панику, а против французов считал важным именно стрелковый бой), Петр, напротив, учил свою армию стрелковому бою — у него стреляли и пехота и конница, хотя и в рукопашной они драться умели.

Нет ничего более неисторичного, чем знаменитое пушкинское «Ура! Мы ломим, гнутся шведы!». За крики «ура!» во время Полтавской баталии солдатам пришлось бы поплатиться жизнью: «Чтобы все, а наипаче офицеры, смотрели того, чтоб отнюдь крику не было во время бою (и всегда), но тихо, и никто, кроме офицеров, в то время говорить не должен под наказанием смерти, а ежели в которой роте, или полку, учинится крик, то без всякого милосердия тех рот офицеры будут повешены. А офицерам такая дается власть, ежели который солдат или драгун закричит, тотчас заколоть до смерти, понеже в сем дело все состоит» («Инструкция как вести себя в сражении солдатам и в особенности офицерам»). Русские солдаты убивали и умирали тихо и деловито, дабы не заглушать шумом команды офицеров.

Карл вообще ничего не понимал в военной инженерии — Петр стоял в этом вопросе не только вровень веку гения военной инженерии Вобана, но и существенно выше его. Даже небольшие русские крепостицы типа Веприка (крохотный город, о который, однако, шведская армия обломала немало зубов) или Полтавы оказались неприступными — и это в то время, как русские в Ингерманландии щелкали орех за орехом. Даже одержав победу над Петром в поле, Карл, скорее всего, вынужден был бы разбиться о цитадели Смоленска, Киева и Москвы. Слава Богу, не дошел — ради

укрепления Кремля в 1708 году готовы были даже снести Покровский собор.

Опять же к слову – именно к тому моменту, когда Москва готовилась к шведской осаде, относится известное изречение Петра Великого, которое зацитировано всем и каждым: «Боярам в думе говорить не по писанному, дабы дурь каждого была видна». Мол русские бояре, якобы, выступали в думе с речами, подготовленными референтурой, а Государь велел им говорить своими словами.

Таких указов Петр никогда не издавал и смысла они не имели – подготовка речей во все времена была тяжелым трудом и с бумажкой в руках выступали многие крупные ораторы. Например Робеспьер все свои речи в Конвенте тщательно готовил и зачитывал, а при импровизации терялся. И, напротив, никаких свидетельств, что русские бояре говорили со шпаргалкой в руках нет и выступали они в думе без конспектов.

Указ Петра носил прямо противоположный характер – Государь требовал тщательно протоколировать все совещания думы, с тем, чтобы можно было сыскать корни измены. Произошло это после того, как в 1707 году боярская дума отпустила из Москвы арестованного шведского посла. Дипломат вернулся в Стокгольм, обладая всеми сведениями о шедшей подготовке к обороне русской столицы, строительстве новых укреплений, починке старых. Это освобождение было явной изменой, однако доискаться ответа: кто именно первым предложил такой странный «жест доброй воли» не представлялось никакой возможности.

Тогда-то Петр и велел передать князю-кесарю Ромодановскому: «Изволь объявить при съезде в Полате всем министрам, которые в конзилию съезжаютца, чтоб они всякие дела, о которых советуют, записывали и каждой бы министр своею рукою подписывали, что зело нужно, надобно и без того отнюдь никакого дела не определяли, ибо сим всякого дурость явлена будет».

До Москвы Карл XII, как известно, не дошел. Хотя его ждали и тщательно готовились. Еще в декабре 1706 года в местечке Жолква (тогда Речь Посполитая, сейчас Белоруссия) состоялся военный совет на котором был принят план войны со шведами – отступить перед Карлом сколько потребуется, применять тактику выжженной земли, заманивать шведскую армию как можно дальше вглубь территории России и истощать мелкими стычками и блокированием её снабжения.

Карл действовал как блестящий тактик и бездарный стратег. Петр выступал в качестве большого стратега, до поры до времени остававшийся без крупных тактических побед.. Шведы бросались в стремительные рейды в надежде застать русскую армию врасплох, но раз за разом её упускали. В декабре 1707 года Карл внезапно атаковал Гродно – Петру удалось удрать от него всего за два часа до того как шведский король вступил в его спальню. Однако с каждым разом арьергардные бои, даваемые русскими, обходились шведам всё дороже. Весь 1708 год шведская армия оголодав плелась по небольшой территории Белоруссии в сторону Смоленска, но до него так и не дошла. Перед нею сжигали посевы и уводили скот, в спину били отряды доведенных до ярости шведскими реквизициями белорусских крестьян, армия блицкрига попросту увязала в полесских болотах, изнемогала от голода и дизентерии.

В сентябре 1708 года Петр и Меншиков перехватили у Лесной корпус Левенгаупта везший Карлу пополнения, боеприпасы и продовольствие. Левенгаупту вообще не везло – он был храбрым и честным солдатом, однако приносил Карлу поражение за поражением. В ожесточеннейшем бою шведы понесли большие потери, а главное – полностью потеряли обоз. Шведская армия оказалась в Белоруссии в стратегической ловушке.

Но внезапно в мрачном положении Карла забрезжил свет – увенчались ведшиеся через шведского ставленника на польском престоле Станислава Лещинского переговоры с гетманом Украины Иваном Мазепой. Вместо рискованного удара на Москву

обозначилась перспектива легкой прогулке на Украину, где шведскую армию ждало богатое снабжение, сильные союзники – запорожские казаки и, как казалось, народная поддержка освободителям от москальского ига. При этом Карл знал, - чтобы сохранить Украину Петр вынужден будет придти туда сам и принять бой лицом к лицу.

Мазепа был колоритным персонажем русской политики начала XVIII века – любимец Петра, услужливый и корыстный холоп он с одной стороны подавлял на Украине любой протест против своей деспотичной власти, уговаривал Петра не доверять малороссам и присылать на охрану порядка побольше москальских полков. А с другой – именно Мазепа изобрел технологию «кормления» окраин, не раз и не два с тех пор реализовавшуюся в нашей истории.

Петру содержание его любимца обходилось в копеечку: Мазепа был владельцем 19654 дворов на Украине и 4117 дворов (всего порядка 100 000 душ) на юге России). Получаемые с ограбления русских крестьян средства Мазепа щедро расходовал на строительство и реставрацию публичных зданий на Украине. Трудно найти в Черниговской, Полтавской, Киевской губерниях Малороссии старинную церковь, бурсу, палаты XVII века, про которые не было бы сказано, что это «восстановлено на личные средства Ивана Мазепы». Одним из достижений мазепинского барокко является, в частности, современный уродливый вид Софии Киевской, так далеко отстоящий от древнерусского оригинала. Именно Иван Мазепа выстроил инициатором этой реконструкции и дал на неё средства.

Мазепа был активным участником гражданской войны, которая шла в России и на Украине в конце XVII и начале XVIII века. Именно так — Петру I пришлось вести настоящую гражданскую войну с собственным народом, не принимавшим ни бранобрития и немецкого платья, ни ужесточения крепостного гнета и повальных рекрутских наборов. И эта война была куда опасней любого шведского короля — в 1705 году восстала Астрахань. Приводить в покорность ее пришлось не столько силой, сколько обещанием

царских милостей и амнистии, в 1707-1708 годах нарушение старинного правила «с Дону выдачи нет» привело к булавинскому мятежу, подавленному лишь с большим трудом. На Украине шла своя большая и малая гражданская война, когда казаки во главе с Семеном Палеем начали борьбу против Польши и освободили значительную ее часть (а Польша тогда была союзницей России по Северной войне). Во всех этих войнах Мазепа был против народа и за царей и королей, был самым беспощадным подавителем любых мятежей, самым жестоким угнетателем крестьян и самым беспощадным из петровских палачей. Куда там «князю-кесарю». Обманом схватив Палея, Мазепа предал и свободу Украины, и казацкую вольность еще раньше, чем перешел к шведам.

При жизни украинцы платили Мазепе заслуженной им монетой — они его ненавидели, героем он был не для народа, а для такой же, как он, полупольской шляхты. Перебежав к Карлу, Мазепа с трудом смог увлечь за собой не более 3 тысяч казаков, — большинство украинцев отвернулись от нелюбимого гетмана — более того, наличие в шведском войске Мазепы скорее усилило антишведские настроения и партизанскую борьбу народа: прежний барин и палач шел на Украину в обозе армии басурмана и иноверца, чтобы теперь уже от его имени попить народной кровушки. И не случайно, что после предательства Мазепы Петр первым делом освободил Палея и тот принял участие в Полтавской битве. Именно он был имтинным символом украинского «козацтва» и исторического выбора Малороссии.

Мотивом мазепиного предательства было желание «сбросить» слишком хлопотное дело управления Украиной и получить нехлопотную синекуру. «Вся Украина, включая княжества Северское, Киевское, Черниговское и Смоленское, должна вернуться под владычество Польши и оставаться под её Короной, за что Мазепа награждается титулом князя и получает Витебское и Полоцкое воеводства с теми же правами, которые имеет Герцог Курляндский в своей земле».

Переход на его сторону Мазепы стал для шведского короля главной стратегической неудачей. Неудачей настолько серьезной, что не будь у нас строго документированной фактуры, авторы исторических фэнтези могли бы сочинить историю в духе тех, которые декаденты порой сочиняли про Иуду как якобы «лучшего ученика Христа, который предал по воле самого учителя и принял на себя вечный позор ради того, чтобы послужить делу спасения». И в самом деле, Мазепа развернул войска Карла с пути к Москве на Украину, туда, где вряд ли можно было одержать стратегическую победу. Измена гетмана привела к разгрому русскими войсками во главе с Меншиковым, проявившим себя здесь с нечеловеческой эффективностью и устрашающей жестокостью, гетманской резиденции Батурина и Запорожской Сечи, причем и в том и в другом случае дело сопровождалось жестокой резней (Петр был к предателям беспощаден). Эти разгромы лишили шведов на Украине продовольственной базы (Батурин) и ценного союзника (Сечь).

После разгрома шведов именно скоротечная переправа Мазепы на другой берег Днепра у Переволочны подтолкнула Карла к решению переправиться и самому и лишила оставленные им шведские войска последнего шанса на спасение. Так что если бы у нас было в чести ставить памятники иудам, Мазепе следовало бы поставить большой и из чистого золота, так много он сделал для поражения шведов.

Но последний и решительный удар шведской гордости нанесло все-таки воинское искусство самого Петра. Даже серьезные историки, порой, поддаются соблазну мифа о Карле XII как блестящем военачальнике и посредственности Петре, который, якобы, был блестящим политиком, дипломатом, стратегом, но не полководцем. История полтавской баталии этот взгляд опровергает. Создав Карлу стратегически невыносимое положение, лишив его возможности кормиться за счет захваченной страны, обрекши на голод, Петр затем вчистую разбил его и на поле боя, не дав шведам реализовать ни одного из тактических преимуществ своей прекрасной армии.

27 июня (ст.ст.) 1709 года на поле битвы под Полтавой Петр доказал, что превосходит Карла и как полководец. Голодающая, страдающая от дизентерии, все более теснимая русскими шведская армия понимала, что единственный ее шанс — это генеральное сражение. Карл принял решение ночью провести свою армию сквозь линию прикрывавших русский лагерь редутов, а затем атаковать сам лагерь.

В темноте, позабыв во многих частях даже о молебнах, шведы двинулись на север и... наткнулись на поперечную линию редутов, которую русские начали строить, закончив продольную. Стоявшие буквой Т русские укрепления разрезали шведскую армию на части, а темп и темнота были потеряны. Вместо того чтобы тихо проскользнуть мимо русских, шведам пришлось идти на штурм под оружейным и орудийным огнем сразу с нескольких сторон. После упорных атак были захвачены передние недостроенные укрепления, но штурм первого же полностью готового третьего редута превратился для шведов в кровавый ад.

На шведскую пехоту обрушились драгуны Меншикова, уже показавшие, чего они стоят, и под Калишем и под Лесной. «Санька» уже привыкший бить шведов, был так уверен в победе, что просил у Петра подкреплений, чтобы решить дело. Петр отказал — не в его интересах было «побить» шведа в ситуации, когда его требовалось полностью уничтожить. Меншиковских драгун отвели, бросившаяся за ними в погоню шведская кавалерия попала под артиллерийский огонь из русского лагеря. Чтобы хоть немного скрасить себе пилюлю, шведские историки придумали версию, что атакуй Левенгаупт в тот момент русский лагерь, и победа была бы на стороне шведов. На деле же часть шведской пехоты оказалась под жестоким артиллерийским огнем, и Левенгаупт поспешил увести ее на запад, на соединение с королем.

Тем временем 3-й (по шведскому счету) или 8-й (по русскому) редут, тот самый, который из достроенных был выдвинут дальше всего вперед, превратился в могилу уже для 1,5 тысяч шведов. Оставшиеся

под командованием генерала Рооса шведы, так и не сумев его взять, откатились назад в лес, как и кавалерийский отряд генерала Шлиппенбаха. Шведская армия оказалась без трети своей пехоты.

Карл XII в нерешительности ждал, когда появится Роос, а русские, не отрывая слишком много сил от своей армии, начали охоту за оторвавшимися шведами. Пять полков русской конницы и пять батальонов пехоты сначала разбили шведскую конницу и заставили бежать пехоту Рооса, загнали ее на один из шведских осадных шанцев у стен Полтавы и заставили там капитулировать. Героическая Полтава, сдерживавшая шведов несколько месяцев, была деблокирована.

Надо понимать, что всё это происходило на очень небольшом пространстве. В 2010 году я специально приехал на полтавское поле, чтобы посмотреть «как оно всё было на самом деле» и поразился незначительности того участка земли на котором разворачивалось сражение. Шведы если не видели, то слышали то, что происходит с пехотой Рооса и конницей Шлиппенбаха, но Карл не мог оказать им уже никакой помощи.

Почему-то шведский король полагал, что русские будут сидеть в лагере и ждать, когда их величество придет и соизволит их победить. Их величество царь Петр Алексеевич придерживался на сей счет другой точки зрения. Русская армия в полном порядке вышла из лагеря, построилась в две боевые линии, которые были существенно длиннее шведской линии (потому что русских теперь было значительно больше), поставила на флангах кавалерию и создала угрозу охвата шведов.

Пользуясь численным преимуществом (сколько лет Петр работал над тем, чтобы создать это преимущество в нужное время и в нужном месте!), русский строй был сделан очень глубоким: русские полки были построены в две линии по пять шеренг. Царь рассчитывал, что даже самая стремительная штыковая шведов попросту увязнет в таком глубоком построении. В промежутки

между русскими батальонами были поставлены по три в ряд трехфунтовые пушки.

Развернутым боем, со знаменами и барабанами, с едущими впереди фельдмаршалом Шереметьевым и царем русская лавина медленно надвигалась на шведов. Наверное, именно тогда и могли впервые зародиться представления, легшие в основу образа русской армии как «парового катка». Никаких криков «ура!», которыми изобилуют пушкинская поэма и патриотические фильмы, не было. Петр категорически запрещал любые крики, которые могут помешать войскам слушать команды офицеров.

Навстречу русским двинулась жиденькая линия шведской пехоты, позади которой в полном беспорядке следовала кавалерия. У шведов оставался последний призрачный шанс: решить дело штыковым ударом в русский центр и опрокинув всю русскую армию. Так Карл выигрывал предыдущие сражения. Левенгаупт быстрым шагом повел шведских гвардейцев на приступ русского строя — это на правом фланге, а на левом захваченные началом русского наступления врасплох шведы едва строились, причем строились неудачно, создав между полками огромный разрыв.

Тут необходимо сделать важное уточнение. Армии древности, средневековья и начала Нового Времени отличались, как правило, низкой дисциплиной. Достаточно было посеять в них панику и сражение было выиграно, поскольку солдаты начинали разбегаться в разные стороны, не обращая внимания на офицеров. Численное преимущество, при отсутствии морального ресурса, ничего не решала. Именно на этом и построили свой расчет шведы. Стремительный прорыв центра — и вот уже армия московитов разбегается.

Но «Последний и решительный» удар шведской гвардии превратился в кошмар: когда войска сблизилась на дистанцию полета ядра, 68 русских полковых пушек начали расстреливать шведов. На этот расстрел шведам было даже нечем ответить (Карл,

начиная атаку, как обычно, пренебрег артиллерией и оставил ее в лагере, пожертвовав огневой мощью ради скорости), и он стал, наверное, одним из самых страшных зрелищ в истории войн: ядра, затем картечь вырывали шведские шеренги, разрывали людей надвое. «Наши полегли как трава под косой», описывал эту жуткую картин один швед. С 60 шагов к русским пушкам прибавился стройный ружейный огонь, на который шведы тоже толком не могли ответить из-за отсыревшего пороха.

Шведы на то и были лучшей армией Европы, чтобы и в этих условиях их гвардия сохранила железную дисциплину так же, как сохранила дисциплину петровская потешная гвардия под Нарвой. Батальоны Левенгаупта ударили в рукопашную на первый батальон Новгородского полка, который дрогнул и побежал. Он состоял из новобранцев. Гвардейцы погнались отступавших, вонзая им в спину штыки и захватили несколько пушек и знамен. Казалось, что шведский козырь сейчас сыграет, если паника передастся дальше по цепочке, но тут вмешался лично русский царь.

Предвзятые историки часто упрекали Петра в трусости — он панически бежал из дворца в 1689 году, он бросил армию перед Нарвой, он явно занервничал, оказавшись в тяжелой ситуации в Прутском походе. Но этот страх, очевидно, не имел ничего общего со страхом на поле битвы — это были страхи политика. В бою царь себя повел как герой: пустив галопом свою Лизетт, он в полторы минуты проскакал строй семи батальонов, взял второй батальон новгородского полка и повел его в контратаку. Пуля в седло, пуля в шляпу и, наконец, пуля, которую остановил нательный крест, но всего несколько минут — и положение поправлено.

Готовя битву, Петр сделал всё, чтобы самая сильная атака лучшего шведского подразделения была не более чем булавочным уколом. Пока шведские гвардейцы атаковали, русские гвардейцы на русском правом фланге вошли в прорыв между шведскими батальонами левого фланга. На шведов обрушилась и русская кавалерия. Расстроенные неудачами, преследовавшими с утра, расстрелом

русской артиллерией и ощущавшие непрочность тыла нервы шведских не-гвардейцев не выдержали, и они побежали. Остановить их было некому – бледный Карл лежал перевязанный на носилках. Заткнуть дыры было нечем.

Хотя линейная тактика XVIII века не предполагала такой фигуры как «Канны», она сложилась естественным ходом событий — удар шведской гвардии по русскому центру привел лишь к десинхронизации шведской линии и обрушению флангов. В течение нескольких минут все было для шведов потеряно. Масса русских войск вдавливалась в интервалы между шведами. Окружала их с флангов и тыла. Началось жесточайшее избиение шведов не успевших бежать в лес.

Победа была настолько полной и впечатляющей, что Петр первое время даже не очень заботился о преследовании бегущих шведов (и этим дал Карлу возможность улизнуть). Русские молились и праздновали победу вместе со знатными пленными шведами. Петр I пил за «учителей», хотя по сути Петр учился у шведов воевать, не столько копируя их, сколько изоощряя свой природный русский ум на изобретение способов противопоставить русский огонь и мощь шведской выучке и напору. Чисто «западническая» армия Петра, набранная им в 1700-м, была разбита Карлом под Нарвой, и Петру пришлось учиться у собственного народа — у русских пушкарей, у ненавистных ему стрельцов, за полвека до Полтавы на равных сражавшихся с шведской армией, бывшей тогда в гораздо лучшей форме, у русских городских и земельных дел мастеров.

План Петра по истощению армии Карла не имел никаких шансов на удачу, если бы не массовая поддержка русского народа. Даже старообрядцы, бежавшие от «антихриста» на польскую границу, и те встретили шведов ожесточенной партизанщиной. Гражданская война, ведшаяся против Петра русским крестьянством, после 1709 года практически прекратилась — победа примирила царя-реформатора и народ.

Полтава стал днем рождения России как великой державы. Причем в этом помогло всё, даже спасение жизни Карла XII, — если бы король тогда погиб, то Швеция, конечно, заключила бы с Россией мир на весьма умеренных условиях Петра, предъявлявшихся им в 1709 году – фактически за Россией остались бы только Ингрия и Нарва. Но продолжавшиеся еще 9 лет приключения незадачливого Карла позволили России присоединить Прибалтику, стать хозяйкой Польши и Северной Германии, отстроить мощный флот, с которым пришлось считаться даже Британской владычице морей.

ПРИЗРАК МАЗЕПЫ

Иван Степанович Мазепа был человеком, конечно, с родом, но без племени. Православный дворянин при дворе католического польского короля Яна Казимира он получил отличное европейское образование, но рано приобрел себе репутацию подлеца. По сохранившимся свидетельствам имевших дело с молодым Мазепой польских придворных, он приобрел репутацию стукача и любителя подстав. К тому же он всю жизнь попадал в глупые любовные истории. В молодости его застал со своей женой помещик Флибовский, привязал голым к коню и погнал коня в кустарник.

Этот сюжет невероятно нравился европейским романтикам. О нем написал поэму «Мазепа» Джордж Гордон Байрон. А вслед за ним пошла целая волна воплощений сюжета в живописи. Так как сюжет позволял художникам раздевать молодых смазливых натурщиков и подвергать их всевозможным истязаниям. Иными словами, в Европе XIX века Мазепа был, прежде всего, культовой фигурой для садомазохистской гомоэротики.

Другой скандальной историей Мазепа осрамился на старости лет. Ближе к семидесяти он влюбился в свою крестницу Матрену Кочубей, и даже увез к себе. А такая связь с духовной дочерью приравнивалась к инцесту, и вызвала ярость отца Матрену, полковника Кочубея, который попытался разоблачить Мазепу перед его покровителем Петром Великим, но тут, увы, не внял предостережениям. Впрочем. Всё это вы читали у Пушкина, а если не читали, то вам же и должно быть стыдно.

Свою впечатляющую карьеру, которая принесла его провинциальным галантным приключениям общеевропейскую известность, Мазепа делал при помощи цепи предательств.

Он начал карьеру при дворе протурецкого гетмана Украины Дорошенко. Попал в плен и перешел к гетману под российской властью Самойловичу. Затем предал Самойловича и сам был избран

гетманом подкупив фаворита царевны Софьи Василия Голицына. Потом Мазепа предал Голицына, сообщив Петру Великому, что был принужден им к взятке. Затем Мазепа становится самым низким угодником в окружении Петра, клеветает ему на казаков, рассказывает о том, что только лично он, Мазепа, удерживает Украину от предательства и перехода на сторону врагов.

Петру содержание его любимца обходилось в копеечку: Мазепа был владельцем 19654 дворов на Украине и 4117 дворов (всего порядка 100 000 душ) на юге России. Получаемые с ограбления русских мужиков средства Мазепа щедро расходовал на строительство и реставрацию публичных зданий на Украине. Трудно найти в Черниговской, Полтавской, Киевской губерниях Малороссии старинную церковь, бурсу, палаты XVII века, про которые не было бы сказано, что это «подаянием его милости ясновельможного пана Иоанна Мазепы российского гетмана».

Этот «российский гетман» вызвал такой нервный срыв у украинского националистического историка Михайлы Грушевского, что он начал доказывать, что «российский» здесь употребляется в значении «руський», что означает «украинский». Ага-ага. А Грушевский употребляется в значении Яблочков, что означает Стива Джобса.

Реставрировал церкви Мазепа не из особого благочестия, а из любви к самопрославлению. Самый восторженный из его холуев, Филипп Орлик, опубликовал в 1695 году в Вильне на польском языке настоящий панегирик своему шефу. И знаете что самое смешное? В этом панегирике мнимому вождю незалежной Украины составленном мнимым автором первой украинской конституции, нет вообще ничего об Украине, зато непрерывно прославляется Россия.

Алкид (Геракл) Российский, Орел Московский молнии мечет с когтей, Гетман Российский, Российский Мир, Российское небо, Марс Росский, Российский удар, Гекторы Российские, Российская отвага, Геркулес Российский, Монархи Российские, Российский Колосс... –

это все выражения из того самого панегирика Орлика в честь Мазепы.

Мазепа ненавидел Семена Палея, вождя правобережных казаков, боровшихся против власти Польши и искавшего в этой борьбе поддержки России. Мазепа в конечном счете подставил Палея и Петр сослал того в Тобольск. Только после предательства Мазепы Палея вернули назад и он принял участие на русской стороне в Полтавской битве.

Один из отцов украинофильства, Николай Костомаров, который по логике вещей должен был относиться к Мазепе с симпатией, однако охарактеризовал его так: «В нравственных правилах Ивана Степановича смолоду укоренилась черта, что он, замечая упадок той силы, на которую прежде опирался, не затруднялся никакими ощущениями и побуждениями, чтобы не содействовать вреду падающей прежде благодетельной для него силы. Измена своим благодетелям не раз уже выказывалась в его жизни. Так он изменил Польше, перешедши к заклятому её врагу Дорошенку; так он покинул Дорошенка, как только увидал, что власть его колеблется; так, и ещё беззастенчивее, поступил он с Самойловичем, пригравшим его и поднявшим его на высоту старшинского звания. Так же поступал он теперь со своим величайшим благодетелем, перед которым ещё недавно льстил и унижался».

Предательство в отношении Петра Великого было не выражением каких-то украинских идей Мазепы, которых у него отродясь не было. Это было продолжение все той же карьерной лестницы – предавать ослабевших, чтобы получить покровительство сильнейшего.

А Петр I в ходе Северной войны первое время и впрямь отнюдь не выглядел победителем. Война началась со страшного разгрома русских под Нарвой. Разгром этот кстати произошел, вопреки популярному западнически-советскому мифу, не потому, что «отсталая» Россия имела «отсталую» армию, которую Петру пришлось создавать с нуля. Напротив в ходе русско-шведской войны

1656-1658 годов, старая московская армия разбила шведов и заняла значительную часть Прибалтики. Результаты той войны были слиты в основном по дипломатическим причинам. Петр развалил старую русскую армию, переказнил стрельцов, а потом ему несколько лет пришлось учить свою новую армию воевать. И вот пока она училась, русские часто терпели поражения, в частности в Саксонии и Польше, куда русский корпус вошел, чтобы поддержать союзника, короля Саксонии Августа, против Карла XII и его союзника, прошведского короля Станислава Лещинского.

Весь 1707 и 1708 годы Петр отступал перед Карлом XII через Белоруссию. Стычки складывались по большей частью благоприятно для шведов, но, зато, стратегически они оказывались во все более глубокой ловушке. Выжженная нищая страна, разбитые дороги, зимой чудовищные морозы, а легендарные «каролины» не дошли даже до Смоленска. Либо со все возрастающим сопротивлением идти дальше на Москву, либо...

И тут перед Карлом XII появляется польский король по шведской версии Станислав Лещинский с соблазнительным предложением. Он ведет переговоры с гетманом Украины Мазепой. Тот предлагает переход на сторону Швеции со всей своей страной, зимние квартиры, прекрасное снабжение за счет богатой страны.

В ответ Мазепа хотел не так многого. На современной Украине высосали из пальца и распространяют некий фальшивый договор между Мазепой и Карлом, который весь состоит из гарантий независимости Украины. Один вопрос – зачем Карлу нужен был бы такой договор?

О чем на самом деле договорились Карл и Мазепа? У нас есть только один надежный источник, это дневник придворного Карла XII, Густава Адлерфельдта, ведшего подробный дневник. Адлерфельдт погиб в Полтавской битве – рядом с носилками короля он был убит ядром. Этот дневник был издан впоследствии его сыном. И там

соглашение шведского короля и беглого гетмана изложено вполне определенно.

«Вся Украина, включая княжества Северское, Киевское, Черниговское и Смоленское, должна вернуться под владычество Польши и оставаться под её Коронай, за что Мазепа награждается титулом князя и получает Витебское и Полоцкое воеводства с теми же правами, которые имеет Герцог Курляндский в своей земле».

Начавший карьеру придворным польского короля Мазепа хотел окончить её влиятельным польским магнатом. А Украина – бес с нею с Украиной.хлопотное это дело.

Изменнические сношения Мазепы с Карлом начались еще в 1707 году, а к 1708 Мазепе уже некуда было деваться. Доносы на него сыпались один за другим. К тому же у него появился могущественный враг, Александр Данилович Меньшиков, про которого гетману сообщали, что тот метит на его место.

Получив осенью 1708 приказ от Петра прибыть в его лагерь, Мазепа сказался больным, но вскоре узнал, что проведать больного едет Меньшиков. Тогда он срочно бежал с небольшими силами к Карлу.

Повернувший на Украину шведский король получил вместо восставшей против русских богатой страны беглого старика с небольшим эскортом. Причем казаки, приведенные Мазепой в лагерь шведов обманом тут же начали разбегаться. Значительная часть Украины этого старика ненавидела и радовалась освобождению от его власти.

Петр же, столкнувшись с мятежом действовал с привычной для него в таких случаях решительностью. Великий Преобразователь был, прежде всего, специалистом экстра-класса по жесточайшему подавлению всевозможных мятежей и заговоров.

Меньшикову было приказано занять гетманскую столицу Батурин, которую Мазепа обещал Карлу XII как базу и продовольственный склад. 2 ноября 1708 года Меньшиков стремительным натиском

взял Батурин и по приказу царя стер его с лица земли, чтобы не достался шведам.

Вокруг этого события украинская пропаганда еще со времен Мазепы начала накрутку мифа о некоем «массовом геноциде» якобы устроенном русским фельдмаршалом. Мол Меншиков сжег город и поголовно вырезал все его население и всех защищавших его солдат-сердюков, несколько десятков тысяч человек.

Город Батурин Меншиков и в самом деле сжег со всеми запасами, которые не мог вывезти, руководствуясь элементарным стратегическим соображением. Если он, Алексахка Меншиков, неграмотный собачий сын, смог взять этот Батурин, то значит и многоопытные шведские генералы его тоже возьмут. Значит им нельзя ничего оставлять.

Никаких десятков тысяч мирного населения Меншиков в Батурине не уничтожал, поскольку их там попросту не было. Батурин со всеми окрестностями заключал в себе около 630 дворов. Даже если поселить на одном дворе по десять человек, никаких десятков тысяч жителей никак не получится.

Ну а главное, когда в 1726 году была произведена перепись населения Батурина, который начал восстанавливаться уже в декабре 1708 года, то обнаружилось следующее. «Прежних батуринских жителей, поселившихся слободами» - 25 дворов. «Бывшие служители гетманского двора, ныне принадлежащие к Обмочевскому «дворцу» - 12 дворов, «мельники, мерочники и посполитые люди, которые прежде надлежали ко двору Мазепы, а ныне к Обмочевскому дворцу принадлежат» - 82 двора, крестьян, «надлежащих до двора Мазепы» - 30 дворов. То есть еще в 1726 году Батурин был заселен бывшим обслуживающим персоналом Мазепы, которого, разумеется, Меншиков не трогал – эти люди разошлись-разбежались, а потом вернулись на прежнее место.

Отдельно нужно сказать про сердюков. Сердюками на тогдашнем наречии звали солдат-наемников из охраны лично гетмана. По

большой части это были иностранцы, никакого отношения к Малороссии не имевшие. Поляки, немцы, молдаване. Собственно именно из-за них Меньшикову и пришлось штурмовать Батурин – они отстреливались и даже согнали в город окрестных жителей в качестве живого щита. В то время как казаки во главе с полковником Иваном Носом сразу сложили оружие, мало того, Нос послал Меньшикову своего человека, чтобы тот указал способ проникнуть в город. Именно наемников-сердюков, преданных лично Мазепе, Меньшиков и подверг впечатлившей тогдашнюю Европу расправе.

То есть «батуринский геноцид» это просто миф, созданный мазепинской и современной украинской пропагандой.

Реальным геноцидом было то, что творили на Украине оказавшиеся там по прямому приглашению Мазепы шведы. Вот только немногие из множества примеров

В городе Прилуки сын местного полковника-мазепинца Горленко Андрий призывал шведского генерала Крейца вырезать жителей на том основании, что «крім їхнього, горленковського дому, більше немає в місті інших приятелів шведам».

В сражении под Красным Кутом шведы потеряли двести человек, а сам Карл едва не погиб. Майор фон Бок, кстати предок того фон Бока, который в 1941 вел немецкие армии на Москву, предложил генералу Ренне расстрелять мельницу где укрылся Карл XII из трофейных шведских пушек. Генерал Ренне заявил, что это противоречит русской чести, и шведский король остался жив. Когда к Карлу подошел отряд генерала Круза, король приказал «во устрашение скифам» Красный Кут сжечь, а его жителей выгнать на мороз раздетыми.

На Полтавщине был сожжен город Гадяч. Героическая оборона крепости Веприк под Гадячем, обошлась шведам очень дорого – они потеряли 4 полковника, 2 подполковника, 3 майора, 7 капитанов, 9 поручиков и прапорщиков, 1385 солдат, в результате чего Карл XII начал вести переговоры о «почетной сдаче в плен».

Когда же комендант Веприка полковник Вилли Фермор сдал крепость, так как у него закончились боеприпасы, шведы атаковали выходящих из крепости русских солдат: их полураздетыми погнали в Зеньков, после чего обоз гарнизона вопреки договору был разграблен, а сама крепость сожжена.

Шведы отдали Мазепе 400 человек крестьян и мещан Веприка в качестве новых подданных, которых он тут же приказал бросить в Зеньковские подземелья, где большинство из них погибли.

После неудачного для шведов боя под Рашевкой, король Карл XII приказал сжечь село дотла, а после отказа жителей Лохвицы послать на поклон к Мазепе в Ромны знатных людей, их было велено «бить смертным боем и повешать».

В селе Опошни, некоторое время находилась ставка шведского короля. Когда же шведы оставляли бывшую ставку, они выжгли ее дотла, предварительно устроив зверскую расправу над населением. По воспоминаниям сопровождавшего шведов прусского генерала фон Зильтмана: «Экзекуция состояла в том, что сын должен был расправиться с отцом, потом другой крестьянин с сыном и т.д. Последний из крестьян был «милостиво пощажен». Пощада эта состояла в том, что над последним некому было измываться, и его сразу повесили».

Шведы были фанатичными протестантами и потому грабили храмы, заводили в них лошадей, кололи штыками иконы или разогревали пищу на кострах из икон.

Любопытно, что у составивших полный мартиролог уничтоженных шведами русских городов и сел СБУ провела обыск, как у страшных врагов независимой Украины...

То есть в качестве вступительного взноса в Европу Мазепа принес на Украину геноцид мирного населения. Не то чтобы что-то новое – достойный предшественник Турчинова, Порошенко и Зеленского.

Шведам с предательства Мазепы тоже, впрочем, выгоды никакой не приключилось. Карл XII втянулся на Украину, думая, что это ждущая его богатая теплая страна. Вместо этого он оказался в России, с её трескучими морозами, где на шведов нападали из-за каждого куста. Партизанская война была, пожалуй, даже более массовой и ожесточенной, чем в 1812 и в 1941 годах. Если нужны доказательства, что Полтавщина это Россия, то в 1709 году они были получены исчерпывающие.

Никакой массовой поддержки Мазепы на Украине не было и в помине. С единственными, кто решился его поддержать, запорожцами из Чертомлыкской сечи Меньшиков расправился не менее решительно, чем с сердюками в Батурине.

В итоге Карл застрял под Полтавой, так как ему нужен был хотя бы один крупный город в качестве опорного пункта. Однако осаждающие оказались в контр-осаде со стороны Петра I, начали голодать и поэтому 27 июня 1709 года Карл повел шведов на прорыв, закончившийся для него полным разгромом.

Однако на этом роковая роль Мазепы не завершилась. Он бежал вместе с Карлом и остатками шведских войск к Днепру, к Переволочне, где первым бросился переправляться через реку. Увидев бегство Мазепы, Карл XII запаниковал и сам бросился переправляться с несколькими сотнями солдат. Остатки бежавшей от Полтавы шведской армии, преимущественно кавалерии, всего 23 тысячи человек из которых 983 офицера сдались по приказу генерала Левенгаупта вдвое меньшему корпусу Меньшикова.

И начался и закончился катастрофой поход шведов на Украину именно по вине Мазепы. По настоящему роковой человек. Вскоре он умер в Османской Империи, хотя русский посол в Константинополе Петр Толстой предпринимал энергичные усилия, чтобы турки изменника выдали.

История Мазепы вполне напрашивается на конспирологическую историю, в духе тех, которые еретики сочиняют об Иуде. Любимец

Петра пожертвовал собой и своим добрым именем ради того, чтобы отвести опасность от Москвы, выманить на Украину и погубить шведскую армию и короля. Соблазнительная версия, но, конечно, неверная.

Просто в лице Мазепы воплотился тот рок, который несет ненавидящему Россию Западу Украина. Она кажется соблазнительной возможностью нанести русским существенный урон, воспользовавшись предательством. И только в процессе выясняется, что вместо Украины враг оказался опять в России, завяз там и его бьют, в то время как предатели оказываются предателями во всем, причем совершенно бесполезными.

И в этом смысле именно Мазепа, конечно, настоящий вековой образ незалежной-Украины как анти-России.

НАПОЛЕОН НАД ЕВРОПОЙ

Человек, который потряс Европу, создал одну из величайших (и короткоживущих) империй в истории, предмет восторга и желания подражать для одних – и ненависти и отвращения, вплоть до именованья «антихристом» у других.

Будучи корсиканцем, то есть итальянцем, с взрывным ренессансным темпераментом, он возглавил потрясённую революцией Францию, одну из величайших держав тогдашней Европы, создал блистательную империю и вел её от победы к победе, чтобы истощить её силы в русских сугробах и окончить полным поражением. Наполеоновская империя была, пожалуй, наиболее эфемерным достижением Бонапарта – она просуществовала меньше, чем империя Александра Македонского, и её рекорд недолгожительствия удалось побить только Третьему рейху.

Однако для многих именно в наполеоновской империи виден прообраз нынешнего Евросоюза. Одни воспринимают это с радостью, другие, особенно англичане, с негодованием. А Россия, как всегда, готова народы Европы от любой новой империи освободить.

Типичный выдвигенец революции, Наполеон, по мнению одних, покончил с нею, а по мнению других, продолжил и укрепил, сделав невозможной полноценную реставрацию монархии и распространив революционные завоевания (прежде всего юридическую эмансипацию) на большую часть Европы. Иногда Наполеона считают основателем государства современного типа, основанного на юридическом равноправии, секуляризме и бюрократии.

“Наполеон думал, что французы хотели не свободы, а равенства, равенства перед лицом закона” – полагал знаменитый французский историк Фернан Бродель.

Не менее важным и чрезвычайно токсичным для будущего наследием Наполеона оказался бонапартизм – тип политического лидерства, когда власть в государстве оказывается в руках энергичного узурпатора, опирающегося на военную силу, блеск побед и восторг масс. Именно бонапартизм породил большинство военных диктатур XIX–XX веков и, к примеру, фашизм стал прямым его продолжением.

Наполеон оставил после себя легенду. Для нескольких поколений имя Наполеона стало синонимом величия. Философ Гегель, как-то раз встретивший императора на улице оккупированной Йены (сам философ был в роли оккупированного прусского гражданина), делился восторгом:

“Я видел, как Император – душа мира – выехал из города на разведку; это воистину прекрасное чувство видеть такого человека, который, сконцентрировавшись здесь, в одной точке, сидя верхом на коне, простирается на весь мир и доминирует в нём”.

В человеке, облаченном в серый сюртук и треуголку, Гегель увидел воплощение Мировой Души, творящей историю.

Однако так ли это в действительности? Создал ли Наполеон действительный исторический переворот, были ли его большие батальоны всамделишной повивальной бабкой истории? Или же он вошёл в легенды как великий массовый убийца, масштаб деяний которого определяется, прежде всего, количеством загубленных им понапрасну жизней.

Наполеон взял сотрясённую революцией Францию и сделал из неё империю. Однако Франция до революции была важнейшей страной Европы – одной из наиболее развитых, передовых, интеллектуально продвинутых (хотя в направлении этого продвижения – французском Просвещении – скрывался общеевропейский яд). В эпоху Людовика XIV Франция была общеевропейским гегемоном, да и при последних Бурбонах её роль была огромна. Войны Французской революции также шли весьма успешно, причём не только там, где

командующим был генерал Бонапарт, так что можно сказать, что Наполеону пришлось оставить Францию в меньших границах, чем он её принял.

Есть ли подлинное величие в том, чтобы взять великую страну, наполнить её шумом и блеском и оставить истощённой и демографически подорванной? 15 лет наполеоновских войн уничтожили демографический потенциал Франции навсегда – она начала проигрывать Германии, уже в Первую мировую войну могла выставить только двух солдат против трёх немецких, а во Вторую вынуждена была просто сдаться. Если судьбы сегодняшнего ЕС вершатся не в Париже, а в дважды терпевшем поражение в XX веке Берлине, за это французам придётся благодарить только Наполеона.

Бонапарт дал послереволюционной Франции некоторый порядок, но не смог дать мира. Не смог потому, что не был легитимным государем, а потому должен был непрерывно доказывать свое право на власть мечом. Он подсадил Францию на победы, как на наркотик, и не мог позволить себе поражения.

Австрийский император Франц II после сражения при Аустерлице, вернувшись в Вену под аплодисменты своих благонамеренных подданных, говорил французскому послу:

“Думаете ли Вы, господин Посол, что ваш Император смог бы так вернуться в Париж, потерпев столь сокрушительное поражение?”

Фактически Бонапарт принёс Францию в жертву своей так и не состоявшейся династии.

Такие исторические персонажи лучше всего описываются фразой (маленьким стихотворением) польского поэта Антония Горецкого – он сам был, между прочим, участником наполеоновских войн, включая поход в Россию:

Если одного убьешь – кандалы тебе готовы.

Сотню тысяч уничтожь, весь народ закуй в оковы –

Преклонятся короли, и тебя осыплют златом,
И пошлют к тебе послов, чтоб назвать убийцу братом.

Именно такое отношение к Наполеону доминировало в России в начале XIX века. Образованные русские патриоты – Карамзин, Шишков, Ростопчин, группировавшиеся вокруг великой княгини Екатерины Павловны, рассматривали Бонапарта именно как успешного убийцу, влияние которого на Россию – проводником его был М.М. Сперанский – опасно для национального развития нашей страны. Именно они влияли на Александра I в том духе, чтобы он осмелился бросить вызов Наполеону, несмотря на предлагавшийся последним «раздел мира» за счёт Англии.

Многие русские политические мыслители позднейшего времени полагали, что русский царь ошибся. Необходимо было объединить с Бонапартом силы, чтобы нанести решающий удар Англии, лишив её Индии, не дав ей возможности помешать нашему занятию Константинополя. В этих мечтах упускалось, что две континентальные державы-гегемона не ужились бы в Европе, только Наполеон пришёл бы к нашему порогу намного более сильным, а граничащая с Россией «объединённая Европа» представляла бы куда большую угрозу, чем когда-либо могут представить заморские и даже заокеанские англосаксы.

Именно благодаря русской победе над Наполеоном Европа имеет тот облик, который представляется нам естественным – народы, нации, национальные государства, суверенитет, уникальность культур. А вместе с тем и возможность дальнейшего развития, которое, восторжествовав Бонапарт, прекратилось бы. Его империя была тоталитарной во многих аспектах.

Наполеон хотел контролировать, а значит и подавлял, французскую литературу, его представления в области науки и техники были довольно примитивны – достаточно вспомнить, как он отверг идею парохода Фултона. В наполеоновской Европе безраздельно господствовал бы один культурный и интеллектуальный стиль –

французский классицизм в сочетании с безграничным подражанием Древнему Риму («ампир»), не осталось бы места ни порывистому и сумрачному германскому гению, ни деловитому англосаксонскому прагматизму.

Разнообразие традиций, бывшее залогом европейского творческого успеха, попросту погибло бы, если бы на пути Наполеона не оказалась Россия – одновременно и Европа и не-Европа, потому что больше чем Европа.

“Французы явились как представители космополитической идеи, способной, во имя общих начал, прибегать к насилию, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной – с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей”, – писал русский литературный критик славянофил Николай Страхов.

Современную Европу создали не столько победы Бонапарта, сколько его поражения. И решающее из этих поражений нанесла, несомненно, Российская Империя. Поэтому в нашей национальной истории Наполеону принадлежит гораздо более конструктивная роль, чем в истории Франции.

В противостоянии с ним выковалось русское национальное самосознание современного типа – русские офицеры, и будущие декабристы, и их противники, одинаково восхищались военным гением корсиканца и стремились его превозмочь. Итоговая русская победа задала высочайшую планку русской национальной самооценки – мы сокрушили несокрушимого. И с того момента среди европейских наций русские числили себя на первом месте.

Провалившееся «нашествие двенадцати языков» на Россию, возглавляемое Наполеоном, доказало нам, что даже одинокая Россия стоит всей Европы.

Вековой комплекс неполноценности, привитый нам петровскими реформами, был исцелён навсегда на Бородинском поле и между Тарутиным и Березиной.

В целом же, глядя на Наполеона 250 лет спустя после его рождения и 200 лет спустя после его смерти мы обнаруживаем удивительный факт. Великий Корсиканец оказался значительно менее существенным персонажем всемирной истории, чем казалось когда-то. Его значение несравнимо с Цезарем или Карлом Великим, не говоря уж об Александре Македонском и Святом императоре Константине.

Наполеон не переломил хода мировой истории ни в чем. Даже бонапартистский образ великой военной карьеры, еще недавно двигавший столько честолюбивых юношей на стезю военной службы, за последнее время изрядно потускнел. Наполеон так и остался грандиозным человеком-мемом. Подобно Ганнибалу – образом Победенного Великого Врага.

Эпоха Революций, устремленная к равенству, закономерно пожирает память того, кто на этом порыве к равенству пытался основать собственное величие. Построенные на фундаменте революции империя и аристократия прочными быть не смогут.

1812. ПЕРВАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Великий день Бородина
Мы братской тризной поминая,
Твердили: "Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..

Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор.

Александр Сергеевич Пушкин замечательно выразил самую суть бородинской легенды, бородинского мифа, ставшего основой самосознания русской нации. На Бородинском поле русские сразились не просто с французами, а с панъевропейской империей, двенадцатью языками, под руководством одного из величайших полководцев и правителей, когда-либо рожденных Европой. В неравном споре русские выстояли на поле битвы, заставили вражескую армию голодать в своей сожженной столице, выморили супостатов на своих ледяных просторах и закончили войну в неприятельской столице Париже.

Россия доказала, - прежде всего – самой себе, - что она одна равна Европе, даже больше Европы, сильнее Европы. Из сотен больших и малых историй и образов сложился величественный национальный эпос, Русская Илиада, в которой у каждого героя своё место, свой неповторимый подвиг. Этот эпос сложился не задним числом, а создавался самими участниками событий, сознававшими, что они творят и пишут историю. «Всякий дрался, чтобы увековечить своё имя» - признавался командовавший на бородинском поле Сибирскими драгунами генерал Крейц.

Войну называли Отечественной тогда, когда она еще не началась. И её летопись писали не только шпагой и неприятельской кровью, но и чернилами и типографской краской. Просчет Наполеона был в том, что нападая на Россию, он думал, что будет иметь дело с военными и политиками. Ему пришлось воевать с народом – но с народной войной он сталкивался уже в Испании.

Что было для Бонапарта ново, так это то, что воевать ему пришлось еще и с писателями, поэтами, публицистами, видевшими в этой войне гораздо больше, чем просто столкновение двух армий. Логика культурной войны подсказывала иной раз такие сюжеты, которые и не приснились бы штабному стратегу.

Бонапарт так никогда и не осознал, что русские выиграли у него не просто войну, мы выиграли национальную идею. Неисчислимо множество стихов и картин, фильмов и опер, - величайший в мировой литературе роман. Россия может бесконечно осмыслять великий день Бродина. Размышляя о нем, как об основополагающем событии нашей истории, мы осмысляем себя.

Тильзит

13 июня 1807 года посередине пограничной реки Неман на плоту встретились два императора. Самовенчанный, Наполеон Бонапарт, император французов, и природный – Александр I – император и самодержец всероссийский. На этом берегу, на территории оккупированной ими Пруссии, стояли французы, на том начиналась Литва, вот уже 12 лет бывшая в составе Российской Империи. Сегодня берега поменялись – Восточная Пруссия стала Русью, а Литва – не-Русью.

Россия потерпела поражение в двух войнах против Франции подряд, одну она вела в союзе с Австрией, вторую с Пруссией. И Наполеон чувствовал себя вправе ставить условия, которые были довольно умеренными – Россия ничего не отдавала из своей собственной территории, напротив, получала дозволение присоединить

Финляндию и Молдавию. По всем счетам платила Пруссия потерявшая половину территории. Из её состава, к радости юной любовницы Бонапарта Марии Валевской, была вырезана восстановленная Польша, герцогство Варшавское, что, конечно, прямо угрожало России и стало в будущем поводом к войне.

Главное, чего хотел от Александра Наполеон – вступления в созданную им европейскую систему. Признание рассаженных по европейским тронам многочисленных Бонапартов. Разрыв с Англией и участие в континентальной блокаде, с помощью которой император французов хотел задушить мирового торгового гегемона.

В конечном счете именно об этом союзе против главного врага – Англии, он договаривался с отцом русского царя, Павлом I, незадолго до того, как руководимые из английского посольства заговорщики не убили его в Михайловском замке.

И вот, смиренный неудачами на поле боя Александр казался готовым вернуться к отцовской системе, причем на положении младшего партнера. Французский посол в России Коленкур делал царю выговоры за содержание русской прессы, восходила звезда Михаила Сперанского, энергичного реформатора, стремившегося перестроить Россию на французский манер и ввести в её закон Кодекс Наполеона.

Однако наполеоновским планам не суждено было сбыться – с первых дней мира русское общество встретило его с ненавистью. Адмирал Александр Семенович Шишков, знаменитый писатель-патриот, подчеркивал: этот договор «уничтожил чело могущественной России принятием самых постыднейших для неё условий, превративших презираемого и доселе страшившегося нас Бонапарте в грозного Наполеона». Дело доходило до слухов о возможном офицерском заговоре и смещении императора с передачей престола его сестре Екатерине Павловне, не скрывавшей своей ненависти к корсиканцу.

Война началась в день наступления мира.

Тень Бонапарта над Европой

Историки и политологи не всегда понимали, почему Россия с таким упорством дралась с Наполеоном. Иногда казалось, что эта борьба велась Россией за чуждые ей, германские или английские интересы, за навязчивую мечту участвовать в делах Европы. Не было ли надежней для России сдружившись с владыкой Европы подорвать могущество Лондона и реализовать собственные геополитические цели?

Именно такое мнение изложил в своей книге «Россия и Европа» русский геополитический мыслитель Николай Яковлевич Данилевский. Перечислив выгоды и приобретения, которые мог бы дать России антианглийский союз с Наполеоном – присоединение Галиции, экспансия на Балканах, он огорченно резюмировал: «Двенадцатый год был великой политической ошибкой, обращенной духом русского народа в великое народное торжество». Однако так могло казаться из позднейшей эпохи после Крымской войны, когда Англия была главным геополитическим врагом России.

После Тильзита все было иначе. На границах России расположилась мощная милитаристская империя, стиравшая в порошок все вокруг себя – исторические государства и целые страны, династии, древние законы и традиции. Наполеон строил Единую Европу без наций, границ, по сути без Бога, с масонством в качестве своего рода КПСС, и с неудержимым, по сути сектантским культом самого Бонапарта, масштабы которого мы сегодня даже не можем себе вообразить. Остановить эту безбожную сверхдержаву, в которой чувствовался антихристов привкус, было для России не только делом чести, но и вопросом выживания.

В истории России раз за разом повторяется одно явление. Раз в полтора столетия русская империя поддерживала европейских торгашей-капиталистов, против силы, пытавшейся объединить

Европу на основе твердого принудительного порядка. В XVII веке, в Тридцатилетнюю войну, Россия чувствительно поддержала протестантский блок во главе с Голландией, против австрийских и французских Габсбургов, стремившихся объединить Европу под знаменем воинствующего католицизма. В начале XIX века Россия выступила на стороне Англии против Наполеона, и отнюдь не потому, что была подкуплена английским золотом или была английской криптоколонией. В середине XX века Россия вместе с англосаксами сокрушила вампирический Третий Рейх. Причем повторилась та же политическая коллизия, на сей раз Тильзитский мир назывался Пактом Молотова-Риббентропа, но тоже предполагал занятие и Финляндии, и Молдавии.

Причиной такого странного хода вещей было то, что сама будучи территориальной империей, Россия могла сосуществовать, хотя и в постоянном конфликте, с торгашеской мир-экономикой, где основой социального порядка была прибыль. А вот попыток превратить Европу в другую территориальную империю Россия допустить не могла, - никакого раздела сфер влияния не получилось бы – очень скоро пришлось бы решать, какая империя главнее – Европейская или Российская. И раз за разом именно европейская империя оказывалась в телеге истории лишней. Стратегам НАТО и ЕС, превратившим Европу из плюралистического сообщества объединенного экономикой, в принудительную секту фанатиков Украины, я бы советовал поразмыслить над продолжением этого сюжета.

Однако современники мало размышляли над метаисторией. Для них противостояние Наполеону было, прежде всего, культурной национально освободительной войной.

Отечестволюбцы

«Долго ли нам быть обезьянами? Не пора ли опомниться, приняться за ум, сотворить молитву и, плюнув, сказать французу: сгинь ты

дьявольское наваждение! Ступай в ад или восвояси, всё равно – только не будь на Руси» - так говорилось в выпущенном в 1807 году патриотическом памфлете «Мысли вслух на Красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева». Его автором был Федор Васильевич Ростопчин, блестящий павловский вельможа, превратившийся в лидера национальной-консервативной оппозиции сначала либеральному курсу Александра I, а затем и его тильзитской внешней и внутренней политике.

Образованные русские люди в начале XIX века ощущали себя находящимися в оккупации. Всюду в домах и светских салонах звучала французская речь, дети дворян воспитывались во французских пансионах, французы оккупировали целый район Москвы – Кузнецкий мост. Сперва в гостеприимную Россию двинулись белоэмигранты роялисты, потом беженцы против якобинского террора, а по их следам и все желающие авантюристы и шаромыжники: актеры и лакеи, учителя и цирюльники, модистки и проститутки – в последнем случае обычно было одно и то же. Мало кто из них мог предложить русским что-нибудь стоящее – они продавали свой язык, светские манеры, и поверхностное в духе века просвещения образование, а заодно приносили всё то, что и довело несчастную Францию до революции – вольнодумство, атеизм, разврат – иной раз противоестественный.

Большинство французов отнюдь не были верны своей новой родине и не были идейными врагами Бонапарта, составляя в России своего рода пятую колонну. А рядом с нею оформлялась шестая – из воспитанных ими русских учеников.

Чем это грозит России в перспективе русские могли оценить на примере Испании, которую Наполеон оккупировал в 1808 году, чтобы прочнее включить ее в континентальную блокаду. Новым королем вместо Бурбонов был назначен его брат Жозеф. Большая часть испанской прогрессивной европейской интеллигенции превратилась в «афрансесадос», офранцуженных. Они, как и лакей

Смердяков, полагали, что умная нация покорила весьма глупую-с и несет в страну корриды и инквизиции прогресс и человечность. Верными патриотами остались в основном темные мужики да фанатичные священники. Здесь французы впервые столкнулись с настоящей народной войной, в которой обе стороны не знали границ для жестокости. Идею народной партизанской войны русские подсмотрели именно у испанцев.

Старший друг Пушкина, прототип Пьера Безухова на Бородинском поле, князь Петр Андреевич Вяземский, выросший здесь, в имении Остафьево, был человеком европейских воззрений, и тем не менее считал, что Россия оказалась по сути в колониальной ситуации.

«Властолюбие и победы Наполеона, постепенно порабощая Европу, грозили независимости всех государств. Нужно было поддерживать и воспламенять дух народный, пробуждать силы его, напоминая о доблестях предков, которые также сражались за честь и целостность отечества. Дух чужеземства мог быть тогда в самом деле опасен. Нужно было противодействовать ему всеми силами и средствами. В таких обстоятельствах даже излишества и крайность убеждений были у места. Укорительные слова: «галломания», «французолобцы», бывшие тогда в употреблении, имели полное значение. Ими стреляли не на воздух, а в прямую цель. Надлежало драться не только на полях битвы, но воевать и против нравов, предубеждений, малодушных привычек. Европа онаполеонилась. России, прижатой к своим степям; предлежал вопрос: быть или не быть, то есть следовать за общим потоком и поглотиться в нем, или упорствовать до смерти или до победы?».

И русские приняли вызов. Сигналом был памфлет Ростопчина, наполненный издевками над французами и их революцией. Автор издал его неслыханным по тем временам тиражом в 7 тысяч экземпляров, так что он дошел буквально до каждого русского.

«Всё истребили, пожгли и разорили... закон попрали, начальство уничтожили, храмы осквернили, царя казнили, да какого царя! – отца. Головы рубили, как капусту; всё повелевали – то тот, то другой злодей... Мало показалось своих резать, стрелять, топить, мучить, жарить и есть, опрокинулись к соседям и начали грабить и душить приговаривая: «После спасибо скажите». А там явился Бонапарт шикнул, и всё замолчало... Чему дивить: жарко натопили, да скоро закрыли. Революция – пожар, Франция – головешки, а Бонапарте – кочерга...

Уже ли Бог Русь на то создал, чтоб она кормила, поила и богатила всю дрянью заморскую, а ей, кормилице, и спасибо никто не скажет?...

Боже мой! Да как же предки наши жили без французского языка, а служили верой и правдой Государю и Отечеству... Чему детей нынче учат! Выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову. Тот умен и хорош, которого француз за своего брата примет. Как же им любить свою землю, когда они и русский язык плохо знают? Как им стоять за веру, за царя и за отечество, когда они закону Божьему не учены и когда русских считают за медведей... Отечество их на Кузнецком мосту, а царство небесное – Париж».

Рядом с Ростопчиным стоял его друг писатель и историк Николай Михайлович Карамзин. Мало с кем в истории происходила такая поразительная метаморфоза взглядов, как с Карамзиным. В 1791 году, въехав в Париж с революционной кокардой на голове молодой писатель провозглашал в своих «Письмах русского путешественника»: «Все народное ничто перед человеческим. Главное дело быть людьми, а не славянами. Что хорошо для людей, то не может быть дурно для русских».

Одиннадцать лет спустя начинающий историк Карамзин публикует первый манифест русской патриотической идеологии, в котором,

помимо прочего, дает конспект своей истории, над которой долгие годы трудился в Остафьеве.

«Мы излишне смиренны в мыслях о народном своем достоинстве, а смирение в политике вредно. Кто самого себя не уважает, того, без сомнения, и другие уважать не будут. Не говорю, чтобы любовь к отечеству долженствовала ослеплять нас и уверять, что мы всех и во всем лучше; но русский должен по крайней мере знать цену свою... почувствуем же и все благодеяния судьбы в рассуждении народа российского; станем смело наряду с другими, скажем ясно имя свое и повторим его с благородною гордостью».

Еще одной удивительной фигурой русского патриотического небосклона этой поры был публицист-отечестволюбец Сергей Глинка, издававший журнал «Русский вестник». Этот журнал, подчеркивал издатель, «посвящается русским». Однажды Глинка вызвал гнев самого Наполеона, между делом написав такую фразу: «если неисповедимыми творческими судьбами назначено когда-нибудь возгореться войне между Россией и Францией...». Тут бы Бонапарту почувствовать что-то неладное, если ему приходится бороться... с русским журналом, но он был по прежнему уверен, что Россия страна рабов в которой все решает деспот-самодержец.

Столицей русской партии была Москва, но и в Петербурге была своя атмосфера. Здесь во дворце поэта и государственного деятеля Гаврилы Романовича Державина начала собрания «Беседа любителей русского слова».

Душой «Беседы» был адмирал и писатель Александр Семенович Шишков. Сейчас его помнят в основном насмешкам неприятелей над предлагаемыми им заменами иностранных слов – тихогром вместо фортепьяно, мокроступы вместо галош. Но по сути Шишков провозгласил программу языкового патриотизма и борьбы за чистоту русского языка с опорой на славянское корнесловие.

Прошло не так много времени и во многих петербургских салонах демонстративно заговорили по-русски.

Невольной жертвой этой языковой революции стал Жозеф де Местр – виднейший теоретик европейского консерватизма, посланник сардинского королевства при русском дворе. Де Местр был близок к государю, сам активно проповедовал против галломании и духовной зависимости русских от французов. И вот, зайдя в салон графини Строгановой, где всегда блистал своим французским красноречием де Местр обнаружил, что никто им не интересуется. Все как замороженные слушают на русском языке басни какого-то Ивана Крылова.

Де Местр повернулся к Шишкову и отпустил ироничное замечание: «Я вижу нечто новое, никогда не бывалое: читают по-русски, язык, которого я не понимаю и редко слышу, чтоб в знатных домах на нем говорили! Нечего мне делать здесь! Прощайте!». И в самом деле, в домах, где заговорили по-русски, нужда в консервативных проповедях де Местра сама собой отпадала.

В декабре 1811 года Шишков на открытом собрании «Беседы» выступил с «Рассуждением о любви к Отечеству».

«Что такое Отечество? – рассуждал адмирал, - Страна, где мы родились; колыбель, в которой мы возлелеяны; гнездо, в котором согреты и воспитаны; воздух, которым дышали; земля, где лежат кости отцов наших, и куда мы сами ляжем. Какая душа дерзнет расторгнуть сии крепкие узы?»

В противоположность правам человека и космополитизму, проповедуемым французской революцией, Шишков рассуждал об обязанностях перед Отечеством и указывал: «человек, почитающий себя гражданином света, т. е. не принадлежащим никакому народу, делает то же, как бы он не признавал у себя ни отца, ни матери, ни роду, ни племени. Он, исторгаясь из рода людей, причисляет сам себя к роду животных».

Патриот – человек. Непатриот – животное. Эта система не знала полутонов. Назревавшая война на глазах превращалась в войну за Отечество, в Отечественную Войну, еще до того, как в ней был сделан первый выстрел.

Отечестволюбцы сформулировали русскую идеологию в грядущем конфликте, однако кто-то должен был донести их идеи до власти. И такой человек нашелся – великая княжна Екатерина Павловна.

Тверская полубогиня

Наполеону не везло на женщин, особенно на женщин врагов. Он безуспешно гонялся по всей Европе за лидером французской духовной оппозиции Жерменой де Сталь. Ненавистная ему прусская королева Луиза, разжегшая войну 1805 года и взявшая с мужа и с императора Александра клятву над гробом Фридриха великого не заключать мира, после ранней смерти превратилась в символ сопротивления немцев бонапартизму.

Но самые страшные удары ему нанесла несостоявшаяся русская невеста – великая княгиня Екатерина Павловна, любимая сестра императора Александра I. В 1808 году Наполеон попробовал посвататься к сестре царя, однако скоро до него донесли яростный ответ: «Я скорее пойду замуж за последнего Русского истопника, чем за этого Корсиканца». В 1809 году она вышла замуж за немецкого герцога Георга Ольденбургского, лишь бы закрыть тему возможного сватовства Наполеона. Мстительный Бонапарт оккупировал владения герцога и присоединил их к Франции, а его русский конфидент Сперанский сорвал приглашение принца на шведский престол. Но это лишь увеличило гнев юной великой княжны.

Екатерина Павловна была умной, энергичной, обходительной и страстной. Она была самой близкой подругой царственного брата и он ей доверял во всем. Она страстно увлеклась генералом Багратионом и их отношения прервались только её свадьбой с принцем. Она страстно увлеклась русской национальной идеей.

«Она старается быть более русской, чем её семья» - жаловался в Париж французский посол Коленкур.

Уже во время войны в переписке с Карамзиным она провозглашала:

«Россия восторжествует над всем миром, ибо ей будет принадлежать честь произнесения последнего приговора над врагом. Вы пишете историю прошлых времен; если вы ее продолжите до наших дней, то вот вам случай для чудного повествования: Россия, в борьбе со всеми соединенными силами Европы, как будто склоняется перед их бурным потоком, но скоро вновь воздвигает державное чело свое и является во всем блеске и величии. Можно гордиться, что мы русские; по крайней мере, этим чувством наполнена моя душа»

Вокруг Екатерины Павловны в Тверском путевом дворце, ставшем её резиденцией, сформировался кружок русских консерваторов – Ростопчин, Карамзин, Багратион, многие другие лучшие люди России, вероятно поддерживал с нею контакты и Шишков. Она поставила своей задачей сблизить брата с патриотами, чтобы они убедили его отбросить профранцузскую политику и отставить Сперанского. Сперва она помирила с Александром Ростопчина, которого император прежде терпеть не мог. Затем познакомила с государем Карамзина, который не только прочел ему главы из своей истории, но и подал знаменитую «Записку о древней и новой России в гражданском и политическом отношении».

В записке, ставшей настоящим манифестом русского консерватизма, Карамзин провозглашал идею политики, опирающейся не на рационалистические миражи, а на историю. «Старому народу не нужно новых законов».

Наш нынешний космополитизм и братание с Европой ведут лишь к духовному завоеванию России: «деды наши... оставались в тех мыслях, что правоверный россиянин есть совершеннейший гражданин в мире, а Святая Русь — первое государство. Пусть назовут то заблуждением; но как оно благоприятствовало любви к

Отечеству и нравственной силе оного! Некогда называли мы всех иных европейцев неверными, теперь называем братьями; спрашиваю: кому бы легче было покорить Россию — неверным или братьям?».

Доставалось в записке и самому Александру с его тильзитской политикой: «великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас чрез Варшаву соседями Наполеона».

Сперва император был обижен, но вскоре потеплел к историку и начал смотреть на ситуацию во многом его глазами и глазами тверского кружка. Карамзин и Ростопчин дали Александру I идеологическое основание для нового конфликта с Наполеоном, становившегося с каждым днем все более неизбежным. Царь ощущал, что на сей раз он идет на войну не по прихоти и не подчиняясь абстрактной логике европейской политики, а опираясь на единодушное патриотическое общественное мнение.

Психологическая особенность Александра I как русского царя состояла в том, что он всегда оставался очень чуток к голосу русского общества – по воспитанию и юношеским убеждениям либерал, республиканец, западник симпатизирующий полякам и снисходительный к масонам, каждый раз, когда приходила минута решительного выбора Александр I становился на сторону русских и православных. И закончил по легенде преобразившись в русского святого старца Феодора Кузьмича.

Под влиянием Екатерины Павловны и её кружка император начинал смотреть на реформаторские проекты Сперанского как на все более неуместные, а на его настырный интерес к дипломатическим и военным депешам, не имевшим до него касательства, как на все более подозрительный. 17 марта 1812 года Сперанский был отставлен и сослан в Пермь.

Ссылку Сперанского, по замечанию историка Николая Шильдера «торжествовали как первую победу над французами... дух

патриотизма и приверженности к правительству был пробужден и укреплен во всех сословиях, подготовляя ведение национальной войны, в которой видели спасение России».

Вскоре на его должность государственного секретаря, автора официальных манифестов и бумаг, был назначен адмирал Шишков. А в мае, когда война была уже неминуема, Ростопчин был удостоен царем звания московского генерал-губернатора и главнокомандующего. Ему было повелено «действовать на умы народа, возбуждать в нем негодование и готовить его ко всем жертвам для спасения отечества».

Хлопотами великой княжны Екатерины Павловны Силе Андреевичу Богатыреву предстояло помериться силами с самим Бонапарте. Наполеон полагал, что идет на войну с русским императором и его армией. Оказалось, что он вступает в борьбу с русским национальным мифом.

Призрак «Скифского плана»

О вождь несчастливый, суров был жребий твой,
Ты все отдал земле тебе чужой
Непроницаемый для взгляда
черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.

В галерее творцов русской победы изображение Пушкина больше всего привлекал вождь несчастливый, Барклай де Толли, история которого укладывалась в красивый романтический сюжет – герой и толпа.

Невлюбив иностранца русский народ не постигает его великий замысел заманить Наполеона вглубь России, растянуть его

коммуникации, истощить нападениями с тыла и тем самым победить. Так Пушкин принял участие в создании одного из самых красивых мифов Войны 1812 года и всей русской истории – мифа о скифском плане. Этот миф так закрепился, что сейчас действует уже и в обратную сторону: если кто-то делает что-то непонятное и противное народным чувствам, то в этом предлагают видеть хитрый план о сущности которого простым смертным знать не положено.

Существовал ли на самом деле скифский план по заманиванию превосходящих сил Наполеона вглубь России и использованию против супостата её сурового климата? Ни что в современных событиям документах действующих лиц – Александра I, Багратиона, Барклая, Кутузова и других на это не указывает. Соответствующие объяснения появились постфактум, когда скифский план сам себя реализовал.

Начиналась война с намерения обеих сторон устроить скорейшее лобовое столкновение. Наполеон называл войну «второй польской» и намеревался разгромить русских в приграничном сражении и закончить её в Минске или Смоленске присоединением Литвы, Белоруссии и Украины к герцогству Варшавскому своей карманной Польше. В России многие стояли за то, чтобы ударить первыми, оккупировав герцогство.

Однако победил план прусского военного теоретика на русской службе генерала Пфуля – разделить русские войска на две армии, одна укрепитя в лагере на реке Дрисса на севере Белоруссии, и будет отбиваться от Наполеона, а вторая будет наносить удары супостату во фланг и тыл. План был неплох для армий 17 века, но никуда не годился для 19-го в ситуации подавляющего численного превосходства наполеоновской Великой Армии, и от него без колебаний отказались. Но в наследство от пфулевой придумки осталось разделение русских войск на две армии. 1-я, во главе с Барклаем, насчитывала около 120 тысяч человек и стояла у Вильны, а вторая, во главе с Багратионом, около 45 тысяч человек, концентрировалась у Белостока.

Это была катастрофическая ошибка в развертывании, которую русские мучительно исправляли первые полтора месяца войны. Наполеон сразу же направил войска в стык между армиями и отрезал их друг от друга, а затем на преследование Багратиона император направил своего лучшего маршала Даву с вдвое превосходящими силами. Следующий месяц петляя как заяц и иногда отбиваясь то передними, то задними лапами Багратион отступал, прорываясь на соединение с первой армией. «Насилу выпутался из аду, дураки меня выпустили» - признавался он приятелю генералу Ермолову.

Русские армии отступали не потому, что куда-то заманивали Наполеона, а потому, что первоначальную ошибку в развертывании. Выдающийся русский военный теоретик Александр Свечин полагал, что план Пфуля принес ту пользу, что, не будучи разделенными русские армии сразились бы с Бонапартом прямо у границы и были бы разбиты. А так они отступили и невольно ослабили противника. Но это называется не было бы счастья, да несчастье помогло. Если бы в процессе отступления Багратион был перехвачен и разбит, то Россию постигло бы как минимум техническое поражение.

России очень повезло, что 2-й армией командовал этот энергичный, волевой и сообразительный ученик Суворова. Главная ложь мифа о скифском плане в том, что она как бы обесценивает подвиг Багратиона по исправлению ошибки развертывания и превращая вынужденное отступление русских армий в некий хитрый план.

Армия Баркляя отступала более планомерно, за нею по большей части не гнались, однако в ней царила мрачная атмосфера отлично переданная Лермонтовым.

Мы долго молча отступали,

Досадно было, боя ждали,

Ворчали старики:

"Что ж мы? на зимние квартиры?"

Не смеют, что ли, командиры

Чужие изорвать мундиры

О русские штыки?

Командующего начинали ненавидеть. Объезжая войска Барклай в ответ на свое «Здорово ребята» все чаще слышал грозное молчание.

Была ли эта ненависть справедливой? Конечно нет.

Барклай действительно спас Россию, но не своим грандиозным замыслом, которого, как показывают документы, у него не было, а своим здравомыслием. Видя безнадежную ситуацию он отходил, а не ломил напролом. Понимая подавляющее превосходство Наполеона в силах – старался избежать сражения. Делал он это не всегда вовремя и умело. Черным пятном на его репутации осталось Смоленское сражение в котором он по оценке императора Александра «делал глупость за глупостью». Однако в отличие от многих других полководцев Барклай не пытался прятать свои ошибки под горой трупов. Он просто отходил. Однако для каждого следующего отступления у него оставалось все меньше авторитета и власти.

Армии нужен был не несчастливый вождь, а тот, кто заставит поверить в победу, который поведет за собой, будет управлять нравственным состоянием войска, и если не сможет переломить силу силой, то перехитрит и чужих и своих. И такой вождь нашелся – его нашла Москва. Та самая Москва, которая раньше навязала императору эту войну, сейчас собирала на армию деньги, присылала подкрепления из ополченцев, а вскоре принесет свою главную жертву. «В Москве все за Кутузова» - писал император Екатерине Павловне.

Манифест

15 июля 1812 года в Слободском дворце в Москве царь встретился с представителями дворянства и граждан. Шишков огласил манифест о собрании народного ополчения.

«Неприятель вступил в пределы Наши и продолжает нести оружие свое внутрь России, надеясь силою и соблазнами потрясти спокойствие великой сей державы. Он положил в уме своем злобное намерение разрушить славу ея и благоденствие. С лукавством в сердце и лестью в устах несет он вечные для нее цепи и оковы. Мы, призвав на помощь Бога, противопоставляем ему войска Наши, кипящие мужеством попать, опрокинуть его и то, что останется неистребленного, согнать с лица земли Нашей. Мы полагаем на силу и крепость их твердую надежду; но не можем и не должны скрывать от верных наших подданных, что собранные им разnodержавные силы велики и что отважность его требует неусыпного против нее бодрствования...

Да найдет он на каждом шаге верных сынов России, поражающих его всеми средствами и силами, не внимая никаким его лукавствам и обманам! Да встретит он в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина! Благородное дворянское сословие! Ты во все времена было спасителем Отечества. Святейший синод и духовенство! Вы всегда теплыми молитвами своими призывали благодать на главу России. Народ русский! Храброе потомство храбрых славян! Ты неоднократно сокрушал зубы устремлявшихся на тебя львов и тигров. Соединитесь все! Со крестом в сердце и с оружием в руках никакие силы человеческие вас не одолеют» - по мере того как Шишков читал манифест эмоции собравшихся во дворце накалялись.

«В начале слушали с глубочайшим вниманием, потом стали проявляться знаки нетерпения и негодования. Когда Шишков дошел до слов: «неприятель приближается с лестью на устах и оружием в

руках», произошел взрыв негодования, били себя в голову, рвали волосы, ломали руки, слезы бешенства текли по лицам, напомиравшим древних героев...» - так описывал мемуарист с небольшими погрешностями в памяти впечатления от той встречи с государем и государевым оракулом, каковым стал адмирал-писатель. Дворяне и купцы обещали не пожалеть ничего ради армии и победы. Царя встречали с небывалым восторгом.

Петр Андреевич Вяземский вспоминал:

«Приезд императора Александра I в Москву из армии 12 июля 1812 года были событиями незабвенными и принадлежат истории. До сего война, хотя и ворвавшаяся в недра России, казалась вообще войною обыкновенной, похожей на прежние войны, к которым вынуждало нас честолюбие Наполеона. Никто в московском обществе порядочно не изъяснял себе причины и необходимости этой войны; тем более никто не мог предвидеть её исхода. Только позднее мысль о мире сделалась недоступною русскому народному чувству. В начале войны встречались в обществе её сторонники, но встречались и противники.

С приезда Государя в Москву, война приняла характер войны народной. Все колебания, все недоумения исчезли; всё, так сказать, отвердело, закалилось и одушевилось в одном убеждении, в одном святом чувстве, что надобно защитить Россию и спасти её от вторжения неприятеля...

Государь явился в Слободской дворец пред собранием. Наружность его была всегда обаятельна. Тут Он был величаво-спокоен, но видимо - озабочен. В кратких и ясных словах Государь определил положение России, опасность, ей угрожающую, и надежду на содействие и бодрое мужество своего народа. Главное внимание наше обращается на духовную и народную сторону этого события, а не на вещественную. Оно было не мимолётной вспышкой

возбуждённого патриотизма, не всеподданнейшими угодениями воли и требованиям Государя.

Нет, это было проявление сознательного сочувствия между Государем и народом. Оно во все своей силе и разности продолжалось не только до изгнания неприятеля из России, но и до самого окончания войны, уже перенесённой далеко за родной рубеж с каждым шагом вперёд яснее обозначалась необходимость расчесться и покончить с Наполеоном не только в России, но и где бы он ни был. Первый шаг на этом пути было вступление Александра в Слободский Дворец. Тут невидимо, неведомо для самих действующих, Провидение начертало свой план: начало его было в Слободском Дворце, а окончание в Тюильрейском».

Не меньшее влияние чем на народ, московские события произвели на самого государя. Он по настоящему ощутил что такое Россия, что такое русский народ, который он до сих пор пытался осчастливить издалика с помощью измышленных холодным умом реформ. Здесь же император, так же как и его подданные, был увлечен национальным порывом, принесенным сердцем.

Адмирал Шишков

Вклад адмирала Шишкова в единение Государя и Народа невозможно переоценить. Император Александр I, вопреки наговорам недоброжелателей, и говорил и писал по-русски, но жизнь в франкофонном придворном мире накладывала отпечатки. Злые языки утверждали, что по-французски он говорил лучше и чище чем итальянец Бонапарт. Для того же, чтобы пробудить народ на великую борьбу нужен был не просто грамотный русский язык, а постижение его на всю глубину – то есть именно то, чего добился в ходе своих исследований корнесловия Шишков.

Императорские манифесты, написанные адмиралом, «действовали электрически на целую Русь» - отмечал Сергей Тимофеевич Аксаков.

«Народ, Россия, читали их с восторгом и умилением, и теперь многие восхищаются их красноречием; следовательно, они были кстати» - подтверждал Вяземский.

Логика этих манифестов была проста – одержимая злом и развратом растленная и безбожная Франция угрожает умиротворенному пасторально-патриархальному порядку Руси.

Описывая позднее разрушения и кошунства в Москве Шишков выводил их из национального характера захватчиков:

«Сами французские писатели изображали нрав народа своего слиянием тигра с обезьяною; и когда же не был он таков? Где, в какой земле весь царский дом казнен на плахе? Где, в какой земле, столько поругана была сама вера и Сам Бог? Где, в какой земле, самые гнусные преступления позволялись обычаями и законами? Взглянем на адские в книгах их лжемудрования, на распутство жизни, на ужасы революции, на кровь, пролитую ими в своей и чужих землях: слыхано ли когда, чтоб столетние старцы и нерожденные еще младенцы осуждались на казнь и мучение?»

И напротив: «Могущественное, изобильное и благополучное царство Российское рождало всегда в сердце врага страх и зависть. Обладание целым светом не могло его успокоить, доколе Россия будет процветать и благоденствовать».

Характерно, что именно мотив шишковских текстов, почти музыкальный, вдохновил Чайковского на центральный мелодический конфликт увертюры 1812 год, в которой тревожная Марсельеза противостоит нежной пасторали русской песни «У ворот батюшкиных».

Конфликт России и наполеоновской империи – это нравственное противостояние: **«Мы стоим за веру против безверия, за свободу против властолюбия, за человечество против зверства. Бог видит нашу правду. Он покорит под ноги ваши гордого врага».**

И вот Шишков формулирует сами цели войны:

«Всеобщая война сия была не о землях или границах: главное дело состояло в том, чтоб привести все царства в прежнее их состояние, низринуть беззаконие, воцарить истину и благонравие, низложить пример соблазна, восстановить права народные, снять с них руку насильственного преобладания и потушить пожар лжи и пороков, угрожавших во всем свете пожрать правду, любовь к отечеству и добродетель».

Война шла не за геополитическое преобладание, а за нормализацию свихнувшегося мира.

Кутузов

В современной российской прессе то к одной дате связанной с 1812 годом, то к другой непременно появляются заголовки «Пуля в голову спасла Россию», «Ранения Кутузова помогли победить Наполеона». В публикациях радостно сообщается, что, как совершенно точно установили американские ученые, в результате двух ранений в голову у русского фельдмаршала были отбиты мозги, точнее их лобные доли, в результате у него сформировался неврологический синдром, связанный с апатией, ленью и нерешительностью. И только поэтому Кутузов не бросился в бой, чтобы защитить Москву во второй битве, и не был поэтому разбит Наполеоном, а задушил того голодом и холодом в Москве, поскольку ленился сражаться. Почему апатия и лень не помешали фельдмаршалу скакать с Рязанской дороги на Калужскую в ходе тарутинского маневра теория, впрочем, не объясняет.

Если заглянуть в оригинал сенсационной публикации в журнале «Невролоджикал фокус» то обнаружится, во-первых, что её авторы в основном украинские исследователи с добавлением российских и руководителя американца. А во-вторых, что вся концепция базируется на заведомо неверной реконструкции ранений Кутузова. Нарисованная схема – вход пули за левым виском, выход над

правым глазом действительно задевает лобные доли мозга. Зато прямо противоречит как письменной реляции о сражении с турками при Шуме в Крыму 24 июля 1774 года, где сказано, что пуля «ударивши между глазу и виска, вышла на пролёт в том же месте на другой стороне лица».

Реконструкция противоречит и известным нам прижизненным или сделанным сразу после смерти портретам Кутузова. На гравюре Сент-Обена четко видна раздробленная левая глазничная кость. Тоже заметно и на портрете Волкова. При таком вхождении пуля проходила за глазами, в итоге повредив правый, и мозга не задевала. Любая другая реконструкция попросту противоречит визуальным источникам.

Кстати, опровергнем еще одну популярную массовую байку – миф об Одноглазом Кутузове. Оба глаза у Михаила Илларионовича, несмотря на ранение, исправно работали и он ими видел. Лишь к концу жизни шестидесятипятилетний фельдмаршал начал жаловаться на правый глаз, который болел и закрывался. Никакой повязки на глазу он никогда не носил – его наградили ею советские киношники, позаимствовав у адмирала Нельсона из английского фильма «Леди Гамильтон». Нельсон с его выбитым глазом, тоже кстати, никакой повязки не носил – ему ее выдумали в кино.

Противоречат псевдомедицинскому шарлатанству и письменные данные о поведении Кутузова после ранения. 38 лет после ранения при Шуме Михаил Илларионович воевал, интриговал, напористо делал карьеру. Во время поездки Екатерины II по Крыму командир Бугского егерского корпуса Кутузов устроил на ее глазах настоящее родео на горячем коне. Императрица с улыбкой подозвала его и сказала: «Благодарю вас, господин генерал! Отселе вы у меня считаетесь между лучшими людьми и в числе отличнейших генералов. Запрещаю вам ездить на бешенных лошадях».

Не изменила поведения Кутузова и вторая рана полученная им в 1788 году под Очаковым. Пуля вошла в левую щеку, раздробила

челюсть и вышла из затылка. Лобных долей она точно задеть не могла.

«Кутузов остался жив после двух ран, смертельных по всем правилам науки медицинской. Если бы мы сами не были свидетелями, то сочли бы рассказ о ране Кутузова сказкой. Видно, судьба бережёт голову Кутузова на что-нибудь необыкновенное» - писал лечивший его от второй раны французский хирург Массо.

На следующий год после раны Кутузов лично возглавил штурмовую колонну на стенах Измаила. А накануне раскрыл Суворову интригу графа де Рибаса, решившего захватить крепость самостоятельно, в обход плана командующего: «Так, он умен! Очень умен! Сам Рибас его не обманет» - воскликнул с похвалой Суворов.

И в дальнейшем Кутузов не утратил живости, веселья и склонности к интриганству – он прославился тем, что каждое утро подносил фавориту императрицы Платону Зубову кофейник с кофе, сваренным по изученному в Турции особому рецепту. В этом справедливо видели угодливость, карьеризм, но никак не апатию.

В ходе войны с Наполеоном в 1805 году Кутузов с редкой энергией отступал от превосходящих сил Наполеона, выскользывая из ловушки, и успешно ушел, обманув ложными переговорами любимца Наполеона Мюрата. Последующий разгром под Аустерлицем никто в здравом уме в вину Кутузову не ставил – всем было известно, что распоряжались армией русский и австрийский император, а план, приведший к катастрофе, составил австрийский генерал Веройтер.

Зато когда Кутузов был предоставлен самому себе, как на войне с Турцией, он проявил себя блестяще, разбил турок при Рущуке и Слободзее и заставил их подписать выгодный России договор за месяц до начала войны с Наполеоном. В Москву Кутузов вернулся в ореоле победителя. И такой победитель и нужен был теперь в армии. В отличие от унылого Барклая, Кутузов шумом и шутовством внушал всем веру в победу.

Не менее важно было то, что Кутузов сам веровал. Он был неподдельно и глубоко религиозен.

«Однажды, в битве, стоя на месте, он услышал издалека свист летящего снаряда; он настолько растерялся, что, вместо того, чтобы что-нибудь предпринять, даже не сошел с своего места, а остался неподвижен, творя над собой крестное знамение» - писал злоязычный француз на русской службе Ланжерон. Он думал тем доказать лень и апатию Кутузова, вообще не поняв, что речь идет о неколебимой вере и смирении перед Богом.

Прекрасно чувствуя духовное измерение происходящих великих событий, Кутузов превратил Смоленскую икону Божией Матери Одигитрии, то есть Путеводительницы, в настоящую путеводительницу русской армии. Спасенная из уже горящего Смоленска чудотворная икона всюду теперь следовала за войском. Она же укрепляла русских и на Бородинском поле.

«Это живо напоминало приготовление к битве Куликовской. – писал участник сражения поэт Федор Глинка, - Духовенство шло в ризах, кадила дымились, свечи теплились, воздух оглашался пением и святая икона шествовала... Сама собою, по влечению сердца, сотысячная армия падала на колени и припадала челом к земле, которую готова была упоить до сытости своею кровью. Везде творилось крестное знамение, по местам слышалось рыдание. Главнокомандующий, окруженный штабом, встретил икону и поклонился ей до земли».

Русской армии приходилось рассчитывать не на хитрый план, а на чудо. И Кутузов делал всё, чтобы это чудо свершилось.

Из одной исторической работы в другую кочует тезис, что Кутузов принял «стратегию Барклая» и продолжил отступать и уклоняться от сражения – однако это неправда, достаточно посмотреть на карту. Между Царевым Займищем, где он принял армию, и Бородиным, где состоялась великая битва, 73 километра. Кутузов знал, что ни

царь, ни генералы, ни офицеры, ни солдаты, не простят ему, если он уклонится от сражения и не сможет защитить Москву.

И он дал кровавое сражение для того, чтобы поднять дух войска, удовлетворить жажде сражения и подвига. Сам мастер пропаганды, Кутузов отлично понимал логику культурной войны, в которой русское дворянство хотело видеть эпическую битву с Бонапартом и себя героями этой битвы, спасителями Отечества или павшими защитниками гомеровой Трои.

Необходимость битвы была для Кутузова очевидна, и он знал, что очевидна она и Наполеону. Однако Кутузов решил заставить императора французов принять бой на его, Кутузова, условиях

День Бородина

Историков не раз и не два смущала странная диспозиция русской армии на Бородинском поле. Казалось её составлял пьяный. На правом фланге стояла многочисленная 1-я армия Баркляя, полностью прикрытая рекой Колочей. Армия оседлала Новую Смоленскую дорогу, по которой наступать на неё было затруднительно, так как это требовало переправы под огнем, но и сама она ни на кого, по сути, наступать не могла.

Зато на левом фланге была сосредоточена 2-я армия Багратиона, армия подвига и мученичества, которой на сей раз предстояло принести себя в жертву. Её правый фланг составляла Батарея Раевского, оказавшаяся центром русской позиции, правое крыло которой, впрочем, почти не двигалось. Левый фланг был прикрыт простенькими земляными укреплениями – флешами. Между флешами и батареей образовалась своеобразная пустота, прикрытая глубоким семеновским оврагом, за которым располагалась деревня Семеновское.

Южнее был лес, таивший для французов немало сюрпризов, а дальше стоящая на Старой Смоленской дороге деревня Утица.

Старая Смоленская дорога оставалась соблазнительно неприкрытой, как бы приглашавшей её обойти. Такой обход давал Кутузову шанс отвести свои войска дальше не давая боя, в письме императору Кутузов предупреждал, что если Наполеон его обойдет, то и он сам отойдет и станет позади Можайска. Бонапарт отлично чувствовал расставленную ему ловушку и запрещал своим генералам любые действия, которые могут дать Кутузову повод отойти.

Русский полководец сумел навязать Наполеону свою волю – как и где атаковать. Большая часть его войск стояла вне возможности соприкосновения, готовая отойти, обойти его по той же причине было нельзя. Наполеону оставалось атаковать в лоб подставленную ему для удара на узком участке армию Багратиона. Обе стороны построились в глубокие колонны и приготовились к кровопролитной лобовой схватке.

Эта схватка началась для французов с неудач – решившие обойти флеши через Утицкий лес французские Дессе и Компана наткнулись на плотный заградительный огонь русских егерей, а затем оказались под огнем русской артиллерии и забуксовали.

Соприкосновение у флешей представляло собой сочетание яростных штыковых атак и ожесточенную артиллерийскую дуэль сосредоточенных с обеих сторон четырехсот орудий. Солдаты и офицеры с обеих сторон выкашивались целыми шеренгами, мертвую артиллерийскую прислугу складывали рядом с орудиями штабелями. Был контужен и вышел из строя железный маршал Даву – французы лишились при атаке на русских того военачальника, который имел самостоятельное стратегическое мышление.

На флешах едва ли не до последнего человека были искрошены пехотные дивизии графа Воронцова и генерал-майора Неверовского. Тогда Багратион двинул в контратаку резерв гренадер и тяжелую кавалерию князя Голицына, которая в какой-то момент прижала на одной из флешей самого легендарного наполеоновского

кавалериста Иоахима Мюрата. По легенде одну из гренадерских бригад командующий повел в атаку лично. А вскоре, около 9 утра, Багратион был ранен осколком гранаты раздробившим ему берцовую кость, одновременно был ранен его начальник штаба, француз-роялист Сен-При.

Контратака Багратиона достигла успеха. Храбрый маршал Ней, задачей которого было ударить между флешами и батареей Раевского, бросился на помощь обезглавленному корпусу Даву со своей пехотой. Ней сместил направление своего удара и вместо наступления на Семеновское, где он ударил бы в пустоту, втянулся в бой за флешы и отбил их у обескураженных потерей Багратиона русских.

Однако в этот момент со Старой Смоленской дороги прибыла скрытно выдвинутая туда в составе корпуса Тучкова дивизия Коновницына и в третий и последний раз выбила французов с флешей, да так, что Ней начал умолять Наполеона о помощи, «если император хочет, чтобы маршал был разбит». Флешы превратились, по выражению Багратиона, в «гроб французской пехоты».

На спрятанный на Старой смоленской корпус Тучкова напоролся отправленный Наполеоном охватить левый фланг русских польский корпус Понятовского. Оба корпуса имели одинаковую задачу – ударить во фланг неприятеля сражающегося за флешы. Русские парализовали поляков, снова проявили себя рассыпанные по утицкому лесу егеря. Под давлением превосходящих сил русские отступили к Утицкому кургану, потом за него, ноотважной контратакой вернули высоту вновь. При этой контратаке был смертельно ранен командир корпуса Тучков. Однако поляки не прошли и польше суждено было теперь надолго сгнуться вместе с Бонапартом.

Наполеон осознал, что задуманного им мощного прорыва через флешы не получилось и приказал войскам Евгения Богарне, составлявшим его правый фланг, атаковать редут Раевского.

Яростный натиск бригады генерала Бонами на батарею Раевского привел только к тому, что она была разгромлена, а Бонами захвачен в плен. Особенно отличился при отбитии батареи генерал Ермолов, вообще-то ехавший выяснять положение у Багратиона, но по дороге решивший совершить подвиг и с одним батальоном уфимского пехотного полка ринувшийся в штыковую контратаку.

Наполеон оказался в странном, почти отчаянном положении – его армии никак не могли продавить русский левый фланг, события там превратились в кровавую резню. А между тем он отчетливо видел как за Колочей в безмятежности и полном спокойствии пребывает правый фланг русских, несущий потери только из-за артиллерийского огня. Эти войска продолжали казаться Наполеону угрозой – он не знал где и как Кутузов пустит их в дело, не осознавая, что больше всего Кутузов хочет их в дело не пускать. Единственное на что он согласился – двинуть казаков Платова и легкая конница Уварова переправились через Колочу и наделали шуму в тылах напиравшего на батарею Раевского Богарне. Но особо успешным Кутузов этот рейд не признал и даже скорее был им недоволен.

Оставшийся за старшего на левом фланге Коновницын решил прекратить бесполезную уже резню за флешу и отвел свою пехоту через Семеновский овраг, поставив сильные батареи. Ней попросил у Наполеона последний резерв, который тот согласился дать – пехотную дивизию Фриана, назначенную для исправления ошибок. Однако на этом пехота у французов кончилась. Отступивших за Семеновское русские пехотные полки кавалерией и артиллерией. Построившиеся в каре русские одну за другой успешно отразили три атаки французских кирасир и конных гренадер. Впрочем, отражать их особо не спешили – кавалерийские атаки давали русской пехоте передышку от убийственного французского артиллерийского огня.

Сражение явно начало выдыхаться. Последним крупным усилием французов стал кавалерийский штурм батареи Раевского, на которую обрушились 10 тысяч сабель. Старший брат недавнего проконсула в России Коленкура погиб в ходе этого штурма, но

батарея была взята. Однако за нею уже выстроилась армия Баркляя, который бросил в бой кавалергардов и конногвардейцев. Началась грандиозная сшибка в рукопашную масс тяжелой кавалерии.

Сражение выдохлось окончательно. Французы вместо прорыва русского левого фланга в ожесточенной мясорубке сдвинули его на полтора километра, однако он переместился на новые позиции в полном порядке. Армия Багратиона понесла огромные потери, но и противник потерял не меньше. В процентном отношении к общей численности армий русские и французские потери были приблизительно равны.

Цифры потерь при Бородине очень запутанны, но даже если русские потеряли больше нижних чинов, то французы потеряли больше едва ли не в два раза офицеров и генералов. Пополнения Кутузова были близко – пополнения Наполеона далеко. В мясорубке на флешах Наполеон потерял большую часть своей лучшей французской пехоты – той самой, которая завоевала ему Европу. Основной частью пехоты Великой Армии теперь были подневольные союзники поляки да немцы. Осталась только императорская гвардия, последний резерв, который он не решился применить в сражении.

Угрозой отступления, Кутузов заставил Наполеона выбрать то, что Клаузевиц назвал «наиболее простой и, как следствие, наименее эффективной формой сражения». Не совершив ничего значительного, не изменив соотношения сил и стратегического положения Наполеон больно ушибся об русскую армию. Он мог торжествовать потому, что после Бородинского сражения Кутузов решил уйти из Москвы. Однако если бы он заранее знал, в какую цену обойдется ему этот уход, возможно он предпочел бы, чтобы Кутузов его разбил. И уж совсем он не осознавал, что на Бородинском поле русские, быть может, не столько сражаются, сколько пишут свой национальный эпос.

Бородинский эпос

Русское офицерство и генералитет состояли в тот момент из дворян, которые составляли в Империи единое сообщество по большей части лично друг с другом знакомых людей. Когда-то при первых царях отношения в этом кругу определялись принципами местничества, родовой выслуги, однако в петровские времена на смену пришла выслуга личная. Покрыть себя славой, совершить подвиг, значило сделать себе имя.

Великое сражение с Наполеоном за Отечество и защиту Москвы не могло не стать пространством подвига, где каждый стремился прославиться на особый манер. Подвиги отражались в наградных списках и обсуждались в обществе – слишком привирать смысла не имело, так как то же самое видно было и глазам других офицеров.

И вот Бородинская битва, а с нею и вся Отечественная Война, превратилась в грандиозную русскую версию гомеровской Илиады, где сражения троянцев с ахейцами распадаются на описания индивидуальных подвигов Ахилла, Аякса, Агамемнона, Менелая, Диомеда, Гектора. Воронцов отбил первую атаку на флеши. Багратион повел батальон в контратаку. Барклай при полном параде всюду искал смерти. Милорадович курил трубочку под смертоносным огнем и заставлял лошадь выделять фигуры. Тучков 1-й пал в контратаке на Утицкий холм. Ермолов повел солдат в штыковую и успешно отбил батарею Раевского. У каждого был свой момент славы.

Именно в ключе индивидуального героизма дворян выдержана Военная галерея Зимнего дворца – коллективный памятник блистательному русскому генералитету. И в том же ключе было написано первое знаменитое стихотворение о войне 12-го года – «Певец в стане русских воинов» Василия Андреевича Жуковского.

В стихотворении вслед за похвалой Кутузову появляются «Ермолов витязь юный», «Раевский, слава наших дней», «наш Милорадович», «Витгенштейн вождь-герой», «Коновницын смелый», «Вихорь-атаман Платов», «Нестор Беннигсен» - здесь прямо перекидывается

мостик к Гомеру, «Остерман герой», «Тормасов летящий в бой», «Багговут средь копий безмятежный», «Дохтуров гроза врагов» и «Твердый Воронцов». Отдельно выделяются партизаны – Фигнер, Сеславин и, наконец, Денис Давыдов. Помянуты павшие генералы Кульнев, Кутайсов и конечно Багратион. Обойден молчанием Барклай, что и возмутило Пушкина, и побудило его написать своего «Полководца». Таков был героический эпос русской аристократии, в котором народу отводится лишь роль статистов на фоне которых рисуются подвиги героев.

Однако проходит четверть века и народ взял реванш переписав эпос на себя в гениальном Бородине Лермонтова. Здесь нет никаких героев, никаких имен. Только обобщенные образы – рассказчика солдата-артиллериста и офицера – полковника, слуги царю, отца солдатам. Воюют не отдельные герои, а совокупная русская нация, представленная солдатами. Кодом лермонтовского стихотворения является слово «русский». Русские штыки, русский бой. Другое ключевое слово – «мы» находящееся в непрерывной интерференции с «я» рассказчика. Я – это часть Мы, а Мы это русские, и за нами Москва.

Народ, русский народ, приобрел здесь, на Бородинском поле анонимную субъектность. Лермонтов создал прием, с помощью которого русский мог отождествить себя с нацией в её высшем на тот момент свершении.

Герой Жуковского – это герой аристократ. Герой Лермонтова – это неизвестный солдат, которым становится каждый из нас. Если стихи Жуковского интересны преимущественно литературоведам, то лермонтовское Бородино, слившееся в нерасторжимый стих-кентавр с пушкинской Полтавой – основа нашей национальной поэтической хрестоматии. Стихи, на которых учатся читать и становятся русскими.

Любой сражающийся русский – солдат, ополченец, рабочий, публицист, делает это потому, что Лермонтов научил его сражаться,

сформировал отождествление своего «Я», маленького «Я» маленького еще мальчишки, с великой битвой русского народа. Именно через лермонтовские стихи каждый русский отождествляет себя с Бородинским сражением как создающим нацию событием.

Так же как древний грек ощущал себя истинным эллином бесконечно выслушивая рассказ по гневе Ахилла, русский ощущает себя русским через переживание рассказа о длинном дне Бородина. Через это переживание русская нация возобновляет сама себя.

Один раз, впрочем, нация попыталась себя убить, закономерно обрушившись с кувалдой на Бородинское поле.

В 1932 году был взорван, как «не представляющий художественной ценности», главный памятник на Батарее Раевского – и понятно почему, потому что он каждой деталью свидетельствовал о Боге и о том, что Рука Всевышнего Отечество Спасла.

Тогда же была разорена чугунная часовня на могиле Багратиона, торжественно перезахороненного по указу императора Николая I на месте его подвига. Первые пятилетки требовали чугуна, а пролетарии недовыполняли план по его производству, поэтому решено было сдать часовню в металлолом. Кости героя были выброшены в мусор. Только в 1962 году было восстановлено пустое захоронение-кенотаф над бывшей могилой. Только в 1986 были обнаружены кое-какие остатки костей и в 1987 без излишней помпы их перезахоронили – к событию решено было не привлекать излишнего внимания, так как неизбежно возник бы вопрос – а что же было с останками до этого?

Разорен был Спасо-Бородинский монастырь, созданный на месте гибели генерал-майора Александра Алексеевича Тучкова его вдовой Маргаритой Михайловной. На стенах обители укрепили надпись: «Хватит хранить остатки рабского прошлого». Поэтому прямо на остатки, точнее останки прошлого решили сбрасывать отбросы. Внутри устроили мастерскую, отходы которой сбрасывались прямо в склеп Тучковых.

Разрушение сакрального для русского национального самосознания места показывало намерение вовсе избавиться от самой русской нации, но все-таки она выжила и восстановила сама себя. Однако о волне вандализма ни в коем случае нельзя забыть, приняв за принцип: Никогда больше.

Ростопчин против Наполеона

Наполеону приписывали такое высказывание: «Если я возьму Киев, я возьму Россию за ноги; если я овладею Петербургом, я возьму её за голову; заняв Москву, я поражу её в сердце». Неизвестно, понимал ли император французов, что именно из Москвы исходит то духовное движение, которое противопоставило ему всю Россию, породило и решимость императора, и ярость воинства, и жертвенность ополчения, и дубину народной войны. И что во главе Москвы сейчас стоял человек, который был зачинателем всего освободительного движения против галломании – Федор Ростопчин.

Московский главнокомандующий старался успеть всюду. Он организовывал поставку в армию сухарей, набор в ополчение ратников, которые пополняли действующую армию, вывоз государственных архивов, а главное – старался поддерживать в народе спокойствие и уверенность.

Для управления настроениями Ростопчин начал публикацию своих знаменитых «Афиш», написанных веселым раешным стилем, но оказавшихся очень информативными. Даже первая, написанная от имени московского мещанина Карнюшки Чихирина в совсем залихватском стиле, содержала оценку стратегического потенциала России сравнительно с Наполеоном, апеллировала к русскому климату и к урокам истории.

«Ну где им русское житье-бытье вынести? От капусты раздует, от каши перелопаются, от щей задохнутся, а которые в зиму-то и останутся, так крещенские морозы поморят; право, так, все

беда: у ворот замерзнуть, на дворе околевать, в сенях зазябать, в избе задыхаться, на печи обжигаться. Да что и говорить! Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову положить. Карл-то Шведский пожилостей тебя был, да и чистой царской крови, да уходился под Полтавой, ушел без возврата. Побойчей французов твоих были поляки, татары и шведы, да и тех старики наши так откачали, что и по сию пору круг Москвы курганы, как грибы, а под грибами-то их кости. Ну, и твоей силе быть в могиле».

Воспитанники французской изящной словесности морщили нос, но простому народу афишки заходили на ура. Князь Вяземский так характеризовал ростопчинские памфлеты и их автора:

«Растопчин мог быть иногда увлекаем страстностью, натурою своею, но на ту пору он был именно человек, соответствующий обстоятельствам. Наполеон это понял и почтил его личную ненавистью... Так называемые "афиши" графа Растопчина были новыми и довольно знаменательным явлением в нашей гражданской жизни и гражданской литературе. Знакомый нам "Сила Андреевич" 1807 года, ныне повышен чином. В 1812 году он уже не частно и не с Красного Крыльца, а словом властным и воеводским разглашает свои мысли в слух из своего генерал-губернаторского дома, на Лубянке.

Карамзину, который в предсмертные дни Москвы жил у Графа, разумеется, не могли нравиться ни слог, ни некоторые приёмы этих летучих листков. Под прикрытием оговорки, что Ростопчину, уже и так обременённому делами и заботами первой важности, нет времени заниматься ещё сочинениям, он предлагает ему писать эти листки за него... Нечего и говорить, что под пером Карамзина эти листки, эти беседы с народом были бы лучше писаны, сдержаннее и вообще не имели бы они этой электрической скажу, грубой, воспламенительной силы, которая в это время именно возбуждала и потрясала народ».

Опыт стран Европы, в частности Испании, показал, что Наполеон действует активно опираясь на коллаборационистов, привлекая на свою сторону значительную часть горожан и интеллигенции. Больше всего русское правительство опасалось, что войдя в Россию Бонапарт кликнет крепостным крестьянам волю и устроит новую пугачевщину. Причем на первом этапе войны не раз и не два случалось такое, что крепостные хватали своих бар и доставляли их к Наполеону. Но по продвижении французов к столице дубина народной войны начала разворачиваться на них.

Возможное предательство московских обывателей тоже казалось опасным – вдруг москвичи поведут себя так же, как жители Вены или Берлина? Необходимо было противодействовать панике и настраивать горожан на сопротивление супостату, а заодно поддерживать настороженность и враждебность к агентам влияния. Заниматься тем, что либеральная пресса пыталась злобно окрестить «шпиономанией».

Ростопчин запретил на Кузнецком мосту вывески на французском языке и организовал высылку из столицы по воде полусотни самых отпетых иноземцев. А в своих афишках главнокомандующий призывал народ выявлять шпионов:

«Иной вздумает, что Наполеон за добром идет, а его дело кожу драть; обещает все, а выйдет ничего. Солдатам сулит фельдмаршалство, нищим – золотые горы, народу – свободу; а всех ловит за виски, да в тиски и пошлет на смерть. И для сего и прошу: если кто из наших или из чужих станет его выхвалять и сулить и то и другое, то, какой бы он ни был, за хохол да на съезжую! Тот, кто возьмет, тому честь, слава и награда; а кого возьмут, с тем я разделаюсь, хоть пяти пядей будь во лбу; мне на то и власть дана; и государь изволил приказать беречь матушку Москву; а кому ж беречь мать, как не деткам!».

Использование наполеоновской разведкой как шпионов и агитаторов проживавших в том или ином городе французов – было

хорошо известным фактом. Сколько бы не объявляли российские историки-либералов поиск шпионов в Москве «ловлей призраков», современные исследования, опирающиеся в том числе на французские архивы, подтвердили агентурную работу множества проживавших в Москве французов.

Владелец престижного пансиона, воспитательного заведения для юношества месье Годфруа, был взят Ростопчиным под арест по слабому подозрению, однако в тюрьме в жаркий день он начал требовать свою шинель. Это показалось подозрительным, подкладку шинели распороли и обнаружили шпионскую переписку.

Самым громким шпионским делом было дело купеческого сына Верещагина, ставшее краеугольным камнем в анти-Ростопчинской либеральной историографии. В конце июня по Москве начали распространяться прокламации с якобы речью Наполеона перед князьями рейнского союза в которой император французов клялся, что не пройдет и шести месяцев, как две северные столицы Европы будут видеть в своих стенах завоевателей Европы. Текст был проникнут пещерной русофобией – в нем говорилось о русских варварах, и о правящих ими древних тиранах. Из столицы мнимая «Речь Наполеона» расползлась в провинцию, сеяла смуту и панику, внушала русским ненависть к самим себе.

Произнести такую речь Наполеон конечно не мог. Начав искать распространителя и сочинителя скоро вышли на купеческого сына Михаила Верещагина. При обыске у него нашли портрет Наполеона в богатой рамке – купчишка был из тех фанатических членов наполеоновской секты, которые предавали свои народы. Верещагин был хорошо знаком с сыном директора почт Ключарева и первоначально утверждал, что именно тот дал ему газету, с которой переведен текст. Потом признался, что сочинил всё сам. Ключарев навел Верещагина в тюрьме и пообещал ему вступить.

Появления в деле Ключарева было достаточно, чтобы у Ростопчина сошлись все нити. Могущественный и несменяемый Ключарев был

одним из виднейших московских масонов. Его стараниями был перестроен и украшен масонскими символами один из самых странных храмов Москвы – Меньшикова башня. Пользуясь своим служебным положением почт-директор мог вскрывать чужую переписку и был идеальным шпионом. Порядочным человеком его тоже считать не приходилось – вокруг Ключарева то и дело возникали коррупционные истории.

Ростопчиным уже был установлен факт, что через московскую почту распространялись рукописные бюллетени о положении дел в армии носившие откровенно пораженческий характер. Нельзя исключать того, что материалы Верещагину для распространения и в самом деле передал через сына Ключарев, а всю вину на себя купецкий сын взял, понадеясь на заступничество. Всего этого для Ростопчина было вполне достаточно, чтобы арестовать и выслать Ключарева в Воронеж.

17 июля суд приговорил «Купеческого сына Верещагина как государственного изменника, следовало бы казнить смертью, за отменением оной, заковать в кандалы, сослать вечно на каторжную работу в Нерчинск, а сочинение истребить». Правительствующий сенат ужесточил приговор, добавив к нему наказание кнутом. Даже либеральные историографы признавали этот приговор соответствующим закону и вполне справедливым по военному времени. Нападки на Ростопчина шли по той линии, что вместо исполнения приговора он устроил над Верещагиным самосуд.

Особняк Ростопчина, стоявший на месте палат спасителя Москвы князя Пожарского, был политическим и идейным сердцем Москвы. Сюда 21 сентября 1812 года, накануне оставления Москвы русской армией, привели Верещагина, так и не дождавшегося своей казни, и француза Мутона громко в кабаках поносившего Россию и русского императора.

Публично обличив Верещагина за измену Отечеству, Ростопчин приговорил его к смерти. Чрезвычайные обстоятельства и

полномочия московского главнокомандующего давали ему право на подобный приговор. Дальнейшие показания Ростопчина расходятся – по одной, ранней версии, он отдал злодея на растерзание народу, по другой, более поздней, приказал рубить Верещагина саблями двум стоявшим рядом с ним унтер-офицерам. Вторая версия кажется более логичной, но не исключено, что она появилась у Ростопчина только после многих лет обвинений за пробуждение в народе страстей и организацию так сказать суда линча.

Французу Мутону губернатор даровал жизнь со словами: «Ступайте к своим и скажите, что негодяй, которого я только что наказал, был единственным русским, изменившим своему отечеству». Современные историки иногда видят в Верещагине своего рода «сакральную жертву» при оставлении Москвы. Князь Вяземский считал, что «Ростопчин принес Верещагина в жертву для усиления народного негодования. А вместе с тем, он давал французам и Наполеону как бы предчувствие того ожесточения, с каким они будут встречены в Москве».

Однако у действий Ростопчина был и более конкретный политический смысл. В лице Верещагина он расправлялся с тем слоем, который в Испании называли «офранцуженными, той пятой колонной, которая могла бы помочь оккупантам управиться с городом.

И Ростопчин сделал многое для того, чтобы Москва не стала новым Мадридом – в частности он выдворил из Москвы правительствующий Сенат, несмотря на то, что некоторые его члены, все как на подбор – масоны, не хотели уезжать. Тем самым он исключил возможность использования Наполеоном неких «бояр», от имени которых он мог бы рассылать распоряжения по империи. Народной расправой над Верещагиным Ростопчин усмирил ту публику, которая могла бы дать Бонапарту в Москве агитаторов и управленцев.

Совет в Филях

Утверждение, что оставление Москвы было великим замыслом Барклая, а затем Кутузова едва ли не с начала войны является, конечно, полнейшей ахинеей. Невозможность, недопустимость такого решения была ясна и Кутузову и всей армии. Если бы трезвый ум полководца различил хоть какую-то надежду на то, что город можно отстоять, он бы, наверняка, вступил в сражение.

Но на военном совете в избе крестьянина Михаила Фролова, состоявшемся вечером 1 сентября, вопрос решать приходилось так – драться за Москву ослабленной при Бородине армией на неудобной позиции и потерпеть практически неминуемое поражение, или же отдать столицу и продолжить войну.

Барклай с его холодной логикой изложил неизбежность поражения в битве под Москвой, что означало бы гибель армии, а вместе с нею и Отечества. Если же армия будет спасена, то и для отечества остается надежда. Он убедил генералов Раевского, Остермана и полковника Толя. Беннигсен, Дохтуров, Коновницын, Платов и Ермолов – высказались за то, чтобы лечь костями.

Вердикт Кутузова прозвучал на французском языке: «Знаю, что ответственность падет на меня, но жертвую собою для блага Отечества. Повелеваю отступить!».

Оставление Москвы было настоящей трагедией для армии. Некоторые офицеры срывали погоны. Многие солдаты дезертировали. Кутузов плакал и был глубоко подавлен. Никакой легкости исполнения хитрого плана не было и в помине. Оптимистической трагедией оставление Москвы стало лишь задним числом, когда для всех стал очевиден финал.

С другого конца в город вступали торжествующие французы. Наполеоновская армия видела у своих ног множество покоренных европейских столиц, но эта была самой странной. «Некому было слушать нашу музыку, игравшую „Победа за нами!“» - жаловался один французский сержант. Ни бойких торговцев блинами и сбитнем, ни улыбчивых мадмуазель, ни восторженных профессоров,

кланяющихся при виде проезжающего по улицам в своей треуголке Абсолютного Духа.

Только смутные тени шныряли по углам и начинал чувствоваться едкий запах гари.

Пожар

«Нет, не пошла Москва моя, К нему с повинной головой, Не праздник, не приемный дар — Она готовила пожар Нетерпеливому герою» - писал Пушкин, обозначая еще один из узлов великого мифа Отечественной войны 12-го года.

Этот узел был и остается наиболее рискованным. С одной стороны, всегда хотелось, чтобы Москва сама не далась завоевателю. С другой — чтобы это враг оказался варваром и разрушителем, а не мы сами подожгли свою столицу.

Обычно историки убеждены, что Пожар Москвы был рукотворным делом, и автором этого дела был всё тот же человек, который побуждал столицу к духовной схватке с Наполеоном, кто держал её в патриотическом напряжении, кто рекомендовал императору Кутузова, а потом переживал чувство жестокого обмана, от того, что фельдмаршал своевременно не предупредил его об оставлении города — московский главнокомандующий Федор Васильевич Ростопчин.

Кутузов, кстати, вполне возможно потому и не предупреждал Ростопчина, что отлично знал о не скрываемых им планах зажечь город. «Если Провидению угодно будет к вечному посрамлению России, чтоб злодей вступил в Москву, то я почти уверен, что народ зажжет город и отнимет у Наполеона предмет его алчности и способ наградить своих разбойников».

Москва будет русской или безлюдной и горящей — эта мысль повторяется Ростопчиным в его переписке на все лады не раз и не два.

Ростопчин приложил немало усилий, чтобы город обезлюдил и Бонапарт не нашел в нем ни рабочих, ни служащих, ни богатств. Он распорядился вывезти или привести в негодность пожарные трубы. Им создавались специальные команды полицейских, которым было поручено при занятии неприятелем города зажигать государственные склады, учреждения, дворцы, где могли бы остановиться наполеоновские генералы. Некоторые утверждали, что губернатор отворил тюрьмы и выпустил преступников, которые так же грабили и поджигали.

В то же время Ростопчин после пожара неоднократно жаловался на то, что ему не дали сжечь город. Слишком поспешным и без предупреждения отступлением Кутузов, по жалобам Ростопчина, не дал превратить Москву в пепелище.

«Не имея возможности сохранить город я бы его сжег, чтобы отнять у Наполеона славу овладения им, ограбления и потом предания пламени. Я бы показал французам с каким народом они имеют дело» - писал Ростопчин императору. А в письме жене признавался: «Ты видишь, мой друг, что моя мысль поджечь город до вступления в него злодея была полезна... Французы ничего не нашли в Москве, но они могут говорить, что разграбили и сожгли ее, это все-таки торжество. Напротив, если бы они нашли один только пепел, Москва наполнила бы сердца солдат яростью, а они увидели бы, с каким народом имеют дело».

Разгадка противоречия проста – Ростопчин жаловался на то, что ему не дали планомерно и методично сжечь город, чтобы захватчики пришли на пепелище. Сожжение города частично и впопыхах, когда сомнительную честь могли присвоить себе и сами французы, Ростопчин считал недостаточным.

Сожжение Москвы не могло быть одновременно зверством оккупантов и патриотическим подвигом. Приходилось выбирать, и Ростопчин выбрал второе. Он хотел бы сжечь Москву

демонстративно и полностью, а ее частичный пожар и разграб он себе в заслугу не ставил, даже если приложил к ним руку. Основная вина возлагалась на Наполеона и его армию. Ростопчин в очередной афише расписывая зверства завоевателей в опустошенной столице:

«Враг рода человеческого, наказание Божие за грехи наши, дьявольское наваждение, злой француз взошел в Москву: предал ее мечу, пламени; ограбил храмы Божии; осквернил алтари непотребствами, сосуды пьянством, посмешищем; надевал ризы вместо попон; посорвал оклады, венцы со святых икон; поставил лошадей в церкви Православной веры нашей, разграбил дома, имущества; наругался над женами, дочерьми, детьми малолетними; осквернил кладбища и, до второго пришествия, тронул из земли кости покойников, предков наших родителей; заловил, кого мог, и заставил таскать, вместо лошадей, им краденое; морит наших с голоду».

Как бы то ни было, пожар Москвы был сравним с ядерным ударом по неприятельской армии. Сходство было таким, что в последние годы закономерно появились городские сумасшедшие, на полном серьезе рассказывающие про «ядерную войну в начале 19 века».

Наполеоновская армия лишилась продовольствия, запасов, удобных зимних квартир. В сожженном опустошенном городе не было лояльного населения, на которое можно было опереться. Вместо того, чтобы никуда не торопясь принуждать русских к переговорам, Бонапарт был вынужден лихорадочно и ценой уступок искать мира, а потом уходить восвояси. При этом московский губернатор продолжал ухудшать противнику условия.

В этой афише 20 сентября Ростопчин призывал подмосковных крестьян объявить оккупантам полный продовольственно-ремесленный бойкот: «как самому пришло есть нечего, то пустил своих ратников, как лютых зверей, пожирать и вокруг Москвы, и вздумал ласкою сзывать вас на торги, мастеров на промысел, обещая порядок, защиту всякому. Уж ли вы, православные, верные

слуги царя нашего, кормилицы матушки, каменной Москвы, на его слова положитесь и дадитесь в обман врагу лютому, злодею кровожадному? Отымет он у вас последнюю кроху, и придет вам умирать, голодную смертью; проведет он вас посулами, а коли деньги даст, то фальшивые; с ними ж будет вам беда».

Чтобы никто не посмел заподозрить его даже в тени корысти или бережения самого себя, Ростопчин отправился в свое богатое имение Вороново, и сжег его дотла. Никто больше не мог бы обвинить Ростопчина в том, что сжегши Москву он сгубил чужое имущество, а свое сберег.

Если скифский план в войне 12 года и существовал, то это был, конечно, не план Баркляя или Кутузова, а именно замысел Ростопчина лишить супостата всякой опоры на Москву. Сохранив армию, Кутузов однако не мог подорвать возможностей самого Наполеона. А вот разорив и предав огню Москву Ростопчин, в той мере, в которой он был прямым инициатором пожара, обрек Бонапарта на скорую катастрофу. Духовный инициатор войны оказался и тем, кто нанес противнику решающий стратегический удар.

Гончие Кутузова

Наполеоновский маршал-кавалерист Иоахим Мюрат, король Неаполитанский, был безумно храбр и столь же отчаянно тщеславен. В 1805 году Кутузов обманул его, уверив, что между русскими и французами заключено перемирие, и пока маршал проверял известие – выскользнул из опасной ловушки. Другого это может быть чему-нибудь научило, но не Мюрата – он дал обмануть себя Кутузову вновь – в начале сентября 1812 года на Рязанской дороге.

Десять дней авангард Мюрата шел за русскими казаками, которые присылали к нему парламентеров и церемонно сдавали село за селом. Казаки любили по петушиному разодетого француза и

встречали его шумными приветствиями, - Мюрат в какой-то момент всерьез поверил, что вот-вот они сделают его королем казаков.

Когда французы у Бронниц опомнились – оказалось, что армия Кутузова от них далеко оторвалась, причем двигалась она не на Восток, а на Запад – Подольск, Красная Пахра, наконец – Тарутино на Старой Калужской дороге. Кутузов перехватывал коммуникации Наполеона и отрезал ему путь в южные богатые хлебом губернии России.

Хоть Москва в руках Французов:
Это, право, не беда! —
Наш Фельдмаршал Князь Кутузов
Их на смерть впустил туда.

- распевали русские солдаты в тарутинском лагере. Солдатскую песню сочинил дворянин, уроженец Полтавы Иван Афанасьевич Кованько и она была опубликована в главном патриотического журнала эпохи - «Сын отечества», издававшемся Николаем Гречем. В журнале появлялись патриотические стихи и статьи, карикатуры и короткие заметки, породившие множество, как выразились бы сегодня, культовых мемов: о Русском Сцеволе, о Старостихе Василисе...

В том же «Сыне Отечества» появилась и басня Крылова «Волк на псарне».

Ты сер, а я, приятель, сед,
И волчью вашу я давно натуру знаю;
А потому обычай мой:
С волками иначе не делать мировой,
Как снявши шкуру с них долой».
И тут же выпустил на Волка гончих стаю.

Кутузов любил читать эту басню своим офицерам, на словах «ты сер, а я, приятель, сед», эффектно снимая свою белую фуражку и потряхивая седой гривой.

В своей стае гончих он был уверен.

"При отступлении Главной армии в крепкую Тарутинскую позицию поставил я себе за правило, видя приближающуюся зиму, избегать генерального сражения, напротив того, вести беспрестанную малую войну; для той поставил я десять партизанов на ту ногу, чтобы быть в состоянии отнять все способы у неприятеля, мыслящего в Москве найти в изобилии всякого рода продовольствие. В течение шестинедельного отдыха Главной армии при Тарутине партизаны мои наводили страх и ужас неприятелю, отняв все способы продовольствия" – писал фельдмаршал императору Александру.

Император французов очутился на пепелище русской столицы в ловушке. Секрет успеха Бонапарта в Европе состоял в стремительности передвижений, обеспечивавшихся тем, что французская армия не зависела от снабжения из магазинов, предпочитая питаться за счет фуражировок по окружающей местности – иногда насильственных, иногда полагавшихся на лояльность местного населения.

Осознавая, что в России так просто не будет, Наполеон заложил большие магазины в Польше, однако подвоз из них по разбитым русским дорогам оказался сложным, лояльные польско-литовские помещики у Смоленска закончились, а набранные из отбросов во Франции и Италии шаромыжники оказались не фуражирами, а грабителями. Ни о какой лояльности к французам местного населения говорить не приходилось – даже если мужики не всегда рвались в бой за веру, царя и отечество, они точно дрались за свою рожь, капусту и цыплят. Результат для французов в том и в другом случае не сильно различался.

Дороги во все стороны были перехвачены летучими соединениями, которые русский фельдмаршал называл «партизанами», хотя по сути это были регулярные и казачьи части.

Самыми знаменитыми из партизанских предводителей были Денис Давыдов, Александр Фигнер и Александр Сеславин. У каждого был свой почерк.

Сеславин действовал большими группами в открытом бою – это была не столько партизанщина, сколько маленькая армия в тылу противника. Фигнер практиковал засады и диверсии и расправлялся с французами без всякой жалости. Фанатично ненавидя Наполеона он даже пытался пробраться в Кремль и его убить. Давыдов, гусар и поэт, предпочитал скрытые рейды, внезапные налеты на фуражиров и обозы, захват языков. К пленным он был, напротив, подчеркнуто гуманен.

Наполеоновский волк оказался в окружении кутузовских гончих.

Партизаны. Денис Давыдов и Ермолай Четвертак

Я люблю кровавый бой,
Я рожден для службы царской!
Сабля, водка, конь гусарской,
С вами век мне золотой!
За тебя на черта рад,
Наша матушка Россия!
Пусть французишки гнилые
К нам пожалуют назад!

Написавший эти строки Денис Давыдов отсюда, еще до Бородинского сражения отправился отсюда, от стен Колоцкого монастыря между Можайском и Гжатском, в свою партизанскую одиссею по тылам Бонапарта. У стен обители могло состояться исражение, которое, в конечном счете, состоялось на Бородинском поле, а на эту колокольню Наполеон поднимался чтобы пронаблюдать за русскими войсками. В день битвы здесь оказался госпиталь в котором лейб-медик Наполеона Ларрей произвел за сутки 200 ампутаций.

Поразительно, что неподалеку от этого монастыря разыгралась еще одна партизанская история, породившая сюжет, превосходящий по красоте знаменитую драму Акиры Куросавы «Семь самураев». В бою под Царевым Займищем французы убили лошадь под рядовым Киевского драгунского полка Ермолаем Четвертаковым. Придавленного лошадью драгуна взяли в плен. Однако Ермолая был парень шептун. Он родился в Малороссии, в Черниговской губернии, повздорил с помещиком и был сдан в солдаты, по дороге в часть сбежал и был наказан розгами. Но солдатом стал хорошим и отвоевал все наполеоновские, а затем финскую кампанию.

Не удивительно, что от французов он скоро сбежал и оказался в селе Басманы к югу от Смоленской дороги. Там он начал уговаривать крестьян вооружаться и давать отпор супостатам, тем более, что они скорее не только на нашу державу, на крест золотой придут, но и по крестьянское барахлишко. В Басманах ему поверил только один старик, вместе с ним драгун отправился в соседнее село Задково и по дороге убил двух французов. Теперь, обряженные во французскую форму начинающие партизаны прикончили еще двух, уже конных.

Вооруженный добрым словом и пистолетом всадник добился неизмеримо большего, чем просто беглый пленник добрым словом. Теперь у Четвертакова была небольшая армия из 47 крестьян, которых он учил прицельно стрелять, драться пикой, выставлять караулы и пикеты. Точно пророк в Мекку, Четвертаков вернулся в отвергшие его Басманы и теперь они приняли его – в крестьянском войске стало больше трех сотен.

Эта армия нападала на все более многочисленные французские обозы и группы мародеров. Один раз четвертаковцы атаковали банду французов, грабившую дом священника – 60 кощунников заперли в избе и сожгли. В другой раз – напали на на цельный батальон, шедший грабить дом помещика Войкина в деревне Скугаревой – под натиском четырехсот мужиков французы бежали

оставив в их руках 10 повозок с фуражом, 30 голов крупного рогатого скота и 20 овец.

Четвертаков превратился в государственное явление местного значения. С ним сносились Гжатский бургомистр, управляющие местные помещиков, прося предводителя взять их имения под защиту. Накрытая четвертаковской охраной зона простиралась на десятки верст от Гжатска до колочинского монастыря – пришедшая сюда русская армия поразилась тому, что посреди пепелищ на Старой Смоленской дороге сохранился изобильный и благоустроенный край. Произведшим следствие генералам единодушно указывали на Четвертакова как на спасителя этих мест.

Сам же драгун, соединясь с русскими войсками, явился в прежний свой полк, был произведен в унтер-офицеры и отправился в заграничные походы. Лишь летом 1813 о нем вспомнили и главнокомандующий Барклай наградил его Георгиевским крестом за номером 23194. Ермолай Четвертаков поучаствовал и в битве народов под Лейпцигом, и во взятии Реймса, а закончил войну в Париже.

Русский Сцевола

Всюду в Европе Бонапарт добивался успеха потому, что значительная часть общества была к нему активно или пассивно лояльной. В Германии философ Гегель, встретивши Наполеона на улице, раскланивался с ним как с воплощением Абсолютного Духа. В Испании страна разделилась на диких патриотов герильерос и просвещенных афрансесадос, среди которых был, к примеру, художник Франсиско Гойя.

И только в России Наполеон столкнулся с полным отказом от сотрудничества. Просвещенное общество находилось под влиянием главных инициаторов битвы за отечество – консерваторов. Крестьяне и мещане – вслушивались в церковные проповеди, в которых Наполеона именовали антихристовым предтечей, в

ростопчинские афишки, рассматривали задорные карикатуры и лубки. Несмотря на галломанию предвоенного русского общества, коллаборационистов на которых могла бы опереться наполеоновская власть в России не оказалось.

Проведший много лет в России немецкий писатель Готгильф Фабер, в молодости лично знакомый с Наполеоном так описывал шедшую в России народную войну.

«Как только французы приближаются к деревне, она опустошается ее жителями от всего, что в ней находится; женщины, дети, старики и раненые отправляются в глубь территории, остаются только люди, способные сражаться; они выбирают предводителя, они вооружаются. Все, что не может быть вывезено, уничтожается. Родная земля должна представлять только руины и пепел»

Своеобразным символом этого русского несотрудничества стал образ-мем Русского Сцевола, созданный в редакции «Сына Отечества». Легендарный римский герой пытался убить осадившего Рим царя Порсену, а когда не смог этого сделать – положил на горячий жертвенник руку, как знак того, что не боится пыток. И вот «Сын Отечества» сообщал:

«В армии Наполеона клеймят солдат, волею или неволею вступающих в его службу. Следуя сему обыкновению, французы наложили клеймо на руку одного крестьянина, попавшего им в руки. С удивлением спросил он: для чего его оклеймили? Ему отвечали: это знак вступления в службу Наполеона. Крестьянин схватил из-за пояса топор и отсек себе клейменую руку. Нужно ли сказывать, что сей новый Сцевола был русский? Одна мысль служить орудием Наполеону или принадлежать к числу преступных исполнителей воли тирана подвигла его к сему героическому поступку».

Из лубков и карикатур образ перешел в высокое искусство – работа Демут-Малиновского стала одним из шедевров русской скульптуры.

Несмотря на то, что данный случай наверняка был легендой – в него скоро поверили. Восприятие Наполеона как антихриста было достаточным основанием чтобы отсечь его клеймо как печать зверя. Но центральным смыслом был другой, евангельский: «если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя». Через образ нового Сцеволы русское общество отрекалось от соблазна коллаборационизма. Этот герой как бы заранее отвергал Смердякова с рассуждениями о том, что «весьма умная нация покорила весьма глупую-с».

«...дубина народной войны поднялась со всей своей грозной и величественной силой и, не спрашивая ничьих вкусов и правил, с глупой простотой, но с целесообразностью, не разбирая ничего, поднималась, опускалась и гвоздила французов до тех пор, пока не погибло все нашествие» - писал Лев Толстой в «Войне и мире».

Выбор слова не был случайным – русский ратник Иван Гвоздила вместе с милицейским мужиком Долбилой были излюбленными персонажами военных лубков.

С определением этой войны как «народной» были согласны, впрочем, не все. Сергей Николаевич Глинка возражал:

«Войны 1812 года нельзя в полном смысле назвать войною народною. (И слава Богу)! Война народная за Россию была у предков наших в трехлетнее междуцарствие, когда, по словам грамот и летописцев того времени: престол вдовствовал. Но в наш двенадцатый год, Россия, под щитом Провидения, восстала за Отечество в полноте жизни своей; в недрах ее действовали: Царь, войско и народ; действовали нераздельно мыслию, душою и мышцею»

Это была не война народная, если понимать под народом лишь обезглавленное простонародье. Это была русская национальная война, в которой русский царь и сановники, солдаты и офицеры, поэты и писатели, священники и купцы, крестьяне и крестьянки

действовали как проникнутый единой мыслью и чувством национальный организм. Гвоздилой и Долбилой дирижировали сверху, по крайней мере в принципиальном плане. Еще 9 июля, когда враг был далеко не то что от Москвы – от Смоленска, царь уже писал Барклаю:

«Я решился издать манифест, чтобы при дальнейшем вторжении неприятелей воззвать народ к истреблению их всеми возможными средствами и почитать это таким делом, которое предписывает сама вера».

Жалобы наполеоновского посла Лористона, что крестьяне и партизаны жестоко обращаются с французами вызвали у Михаила Иларионовича Кутузова только насмешку над французской пропагандой:

«Возможно ли в течение трех месяцев цивилизовать народ, на который сами французы смотрят не иначе, как если бы это были орды Чингиз-хана? Эта война становится народной и принимает характер, подобный борьбе в Испании. Русские крестьяне, вооруженные пиками, окружают со всех сторон французов, которые производят грабежи и оскверняют церкви».

А наполеоновскому маршалу Бертье русский главнокомандующий отвечал:

«Трудно остановить народ, который в продолжение двухсот лет не видел войн на своей земле, народ, готовый жертвовать собою для родины и который не делает различий между тем, что принято и что не принято в войнах обыкновенных».

Наполеон провозглашал, что идет избавить европейскую цивилизацию от русского варварства. В его пропагандистских листках заявлялось:

«Наполеон задумал отбросить в Азию колоссальную державу царей, для того чтобы сделать Москву воротами европейской

цивилизации и поместить там в качестве передовой стражи возрожденное и могущественное королевство Польское»

Его знаменитая идейная противница Жермена де Сталь, назло императору воспела варварство.

«Я тотчас полюбила восточное одеяние так сильно, что огорчилась, видя русских в европейском платье; я опасалась, что они вот-вот покорятся деспотической власти Наполеона, по милости которого все народы наслаждаются одними и теми же благодеяниями: в начале им преподают всеобщую воинскую повинность, затем военные налоги, а под конец кодекс Наполеона, позволяющий навязать самым разным нациям одинаковый порядок».

Она отчеканила афоризм так нравившийся Пушкину:

"Народ, который отстоял свою бороду, отстоит и свою голову".

Какое значение имеет борода для дела первым узнал как раз Денис Давыдов как только начал партизанить. Увидев одетых в европейскую одежду солдат, крестьянские ополчения, защищавшие свои деревни, открывали огонь. Когда недоразумение выяснялось, Давыдов спрашивал:

«Отчего вы полагали нас французами?» Каждый раз отвечали они мне: «Да вишь, родимый (показывая на гусарский мой ментик), это, бают, на их одежду схожо». — «Да разве я не русским языком говорю?» — «Да ведь у них всякого сбора люди!» Тогда я на опыте узнал, что в Народной войне должно не только говорить языком черни, но принаравливаться к ней и в обычаях и в одежде. Я надел мужичий кафтан, стал отпускать бороду, вместо ордена св. Анны повесил образ св. Николая и заговорил с ними языком народным».

Философы-славянофилы, которые, подобно Алексею Степановичу Хомякову, отпустили бороды ради преодоления западного пленения русского духа, и обрядились в армяки да мурмолки шли именно по стопам Дениса Давыдова. Борода, которую русский народ отстоял от

петровских реформ, стала своеобразным символом русского противостояния глобализации по наполеоновски.

Ополченцы

Важнейшими участниками охоты на Бонапарте были ратники многочисленных губернских ополчений, призыв в которые был объявлен еще манифестом 6 июля 1812 года. На фоне действий регулярной армии и партизан подвиг ополченцев оказался как бы в тени, однако именно выдвинутые по ведущим из сожженной Первопрестольной дорогам ополченские рати лишили Наполеона всякой надежды обеспечить себе снабжение в соседних с Москвой губерниях. На каждой дороге - Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской, стоял надежный корпус численно превосходивший те силы, которые мог выдвинуть для фуражировки император французов – средняя численность губернского ополчения составляла 15 тысяч человек. Задачей этих корпусов было: ««действовать на неприятеля и преграждать дальнейшее вторжение его во внутрь империи»».

Среди ополченцев были стрелки, но большинство было вооружено пиками и топорами, однако недооценивать их французам не приходилось: «Семь тысяч русскихбород высыпало из засады. С шумным криком, с самодельными пиками, с домашними топорами они кидаются на неприятеля и рубят людей, как дрова» - описывал французский офицер атаку Московских ополченцев еще при Бородине. А за осенние месяцы ополчение сильно расширилось – к крестьянам, отправлявшимся на войну по воле своих помещиков, присоединялись добровольцы, формировались мещанские и купеческие сотни, дворяне, отставные или служившие всегда по гражданской части, записывались в ополченческие полки. Князь Вяземский, к примеру, вступил в конный полк, созданный на свои средства графом Дмитриевым Мамоновым.

Полки и батальоны, созданные на средства богатых и знатных людей вообще были важной частью ополченческого движения. Екатерина Павловна создала на свои средства стрелковый батальон. Московский граф Салтыков – гусарский полк. Херсонский помещик Скаржинский – казачий эскадрон. Создать или обеспечить ополченскую часть было делом чести для богатых людей той эпохи.

Ополченцы взяли на себя охранную, обозную, вестовую и санитарную службу, высвободив регулярных солдат. Они служили постоянным подвижным резервом действующей армии. Но иной раз им приходилось оказываться на самом острие вражеского удара. Четырехтысячный отряд французского генерала Шампаня рвался на Брянск с его богатыми арсеналами. Однако под Ельней дорогу ему перегородило пятитысячное калужское ополчение генерала Шепелева. Мужики отбили у французов Ельню и привели их в замешательство. Ополченцы, докладывая Шепелеву, «неусыпно действуя, поражают и истребляют не только мародерство, но и партии французских войск... редкий из злодеев тех вырывается из рук воинов, казаков и самих крестьян».

Историческое значение имел даже внешний вид ополченцев. После столетия западных нарядов русский воин снова оделся по-русски – большинство ополченческих полков носили мужицкий кафтан и высокую в старорусском духе шапку, на которой укреплен был крест и монограмма царя Александра. Эта форма, прилагавшаяся к бороде, пике и топору ясно давала понять супостату, что на него восстала сама вечная Матушка Россия.

Генерал Мороз и другие

К числу излюбленных иностранных глупостей о войне 1812 года относится тезис о том, что Наполеона победил не фельдмаршал Кутузов и не русские армия и народ, а генерал Мороз. Споры нет, мороз в тот год ударил ранний и сильный. Фигуры, напоминающие

белых ходоков, были излюбленными героями карикатур в английской прессе того времени.

Однако для того, чтобы мороз вам навредил – нужно сначала на нем оказаться. Наполеон оказался на морозе потому, что все средства снабжать армию в Москве были у него исчерпаны, а все попытки разменять эту стратегическую позицию на выгодный Франции мир – провалились. Напротив, русские еще задолго до войны были уверены, что пространства и климат России являются стратегическим фактором и стремились использовать их против завоевателя. Выдавить супостата на наши ледяные пустоши, не оставив ему подножного корма было открыто заявленной целью русского командования – и оно её успешно реализовало.

К началу октября для Наполеона все в стратегическом смысле было кончено. Содержать свою разлагающуюся армию в опустошенной Москве он не мог. Надежды продиктовать России из покоренной Москвы свои условия полностью провалились. Гробовым молчанием встретили в Петербурге и попытки императора французов заключить почетный и выгодный для России мир, предложение о котором привез бывший посол в России Лористон. Большинство русского общества разделяло настроение крыловского ловчего. «Что бы ни случилось – не мириться: вот мое исповедание» - писала Екатерина Павловна.

Впрочем, сам ловчий этого настроения не разделял. Кутузов не хотел добивать Наполеона, предпочитая выстроить ему «золотой мост в Европу». Он хотел победить, а не разгромить Бонапарта. Английскому представителю Вильсону фельдмаршал с редкой для него откровенностью бросил в лицо:

«Я не уверен, что полное изничтожение Императора Наполеона и его армии будет таким уж благодеянием для всего света. Его место займет не Россия и не какая-нибудь другая континентальная держава, но та, которая уже господствует на морях, и в таком случае владычество ее будет нестерпимо».

Генерал Беннигсен, открытый английский агент, участник убийства Павла I, как-то услышал от Кутузова фразу: «Мы никогда, голубчик мой, с тобою не согласимся: ты думаешь только о пользе Англии, а по мне, если этот остров сегодня пойдет на дно моря, я не охну».

Вероятно именно по этой причине Кутузов не дал Беннигсену войск под Тарутиным, где тот мог наголову разгромить Мюрата. А позднее не стал втягиваться всей армией в кровопролитное сражение за Малоярославец, лишь перекрыв вышедшему из Москвы Наполеону доступ в южные губернии и вынудив его вернуться на разоренную Старую Смоленскую Дорогу.

Но здесь в Малоярославце, у стен свято-никольского, черноостровского монастыря, стены которого хранят следы пуль того страшного дня, властелин Европы окончательно лишился шанса вырвать у России победу.

Спин-доктор русской армии, генерал Дмитрий Сергеевич Дохтуров, трое суток оборонявший Смоленск, а на Бородинском поле принявший команду левым флангом после ранения Багратиона, на сей раз перекрыв Наполеону путь на Калугу у Малоярославца. По преданию генерал сказал: «Наполеон хочет пробиться, но он не успеет, или пройдет по моему трупу».

Корпус Дохтурова отбил Малоярославец и продержался до подхода корпуса Раевского стремясь не допустить перехода французов на другой берег реки Лужи. Никто не хотел отступить – русских воинов в атаку вел отец Василий Васильковский из 19-го егерского полка, единственный в истории России священник награжденный орденом святого Георгия. После сражения в сгоревшем дотла городе улицы можно было различить по валявшимся на них обгорелым трупам. Наполеон снова формально победил – город остался за французами, и снова победа была пирровой.

Особенно тягостное впечатление произвел на императора французов налет казаков Платова. Он едва не оказался в плену. Поняв, что при попытке идти на юг, Малоярославец будет повсюду,

а со своей поредевшей армией Наполеон принял решение возвращаться из России так же, как пришел, по Старой Смоленской дороге.

Приняв это решение он его выполнил. Бонапарт показал себя и в самом деле блестящим полководцем, а французы - храбрыми солдатами. Все прямые атаки русских – под Вязьмой, под Красным, наконец на Березине, решительных целей не достигли. Наполеон покидал Россию формально не проиграв ни одного сражения и, тем не менее, результат был налицо.

Русские ошпыивали отступавшую и разлагавшуюся на ходу французскую армию, но не разбили её. Её уничтожали мороз, кутузовские гончие и все более входившие во вкус народной войны крестьяне. Французы и прочие двенадцать языков ели лошадей, собак, ворон и, наконец, кое-где друг друга. «Вчерась, — написал Кутузов жене 28 октября, — нашли в лесу двух французов, которые жарят и едят третьего своего товарища».

Причина по которой Наполеон, несмотря на огромные потери раз за разом уходил от русских, была, возможно, не только в его военном гении, но и в стратегии Кутузова, не желавшего полного разгрома Бонапарта. Фельдмаршал не столько прогонял, сколько провожал французского императора. «Ничего более от вас не требую, — писал Кутузов атаману Платову 4 ноября, — как только что всеми силами преследовать его хвост и вредить сколько можно сим способом».

Однако и не зависевшие от Кутузова попытки взять Наполеона в клещи, начавшиеся блестящим взятием генералом Витгенштейном Полоцка и Витебска, в конечном счете провалились на Березине. Маленький остаток Великой Армии, перехитрив адмирала Чичагова, ускользнул из России, сбросив огромный хвост перед сожженными переправами.

«Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей миллионы Для нас орудие одно». Катастрофа сорока тысяч замерзших, голодных

одичавших двуногих тварей при Березине оказалась для Наполеона и его гвардии спасением.

Император получил возможность воевать еще полтора года и навсегда подорвать демографический потенциал до того момента перенаселенной Франции, которая навсегда уступит первое место в Европе Германии.

Значение

Сразу же после победы император Александр принес обет воздвигнуть в Москве Храм во имя Христа Спасителя. Однако проект долго не удавался – классицистический в масонском духе монумент на Воробьевых горах по проекту архитектора Витберга, совершенно не родный Москве, построен, по счастью, не был.

Однако при императоре Николае I Россия стремительно возвращалась к своим национальным началам и в политике, и в идеологии, и в культуре. И вот строительство было поручено императором Константину Андреевичу Тону архитектору, уловившему необходимость русского стиля, соединяющего классицистическую строгость, византийское роскошное величие и обращенный к Богу пламень русской души. Грандиозный собор, перекликался с Кремлем, где тот же Тон построил не менее грандиозный и тоже в национальном стиле Кремлевский Дворец.

Храм Христа Спасителя утверждал одновременно религиозную и национальную идею. В войне двенадцатого года русское воинство с Божьей помощью страшной ценой отстояло право России на то, чтобы быть самобытной православной цивилизацией, не попасть под каток всеуравнивающей универсальной империи Бонапарта.

Причем сражались русские не только за себя, но и за уже поработанные народы Европы, чтобы им оставаться самостоятельно существующими народами. Двенадцать языков вторглись в Россию и она сражалась с ними на Бородинском поле за

то, чтобы они остались двеунадесятью, а не превратились в один – французский.

«Французы явились как представители космополитической идеи способной, во имя общих начал, прибегать к насилию, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной — с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей», — писал русский литературный критик славянофил Николай Страхов.

Решить вопрос в пользу национальностей русские смогли именно потому, что сумели восстановить свою собственную, русскую национальность, на долгое столетие после петровских реформ оказавшуюся под спудом. Столкнувшись с наполеоновской угрозой образованные русские отчетливо осознали, что есть только один способ победить и избежать гибели – быть русскими, а не общечеловеками.

Русская патриотическая партия начала культурную битву с галломанией задолго до того, как прозвучали первые выстрелы перешедшей Неман Великой Армии. Отечественная война была лишь продолжением идейной и культурной войны за Отечество.

Героями этой войны были Адмирал Шишков и Карамзин, Екатерина Павловна и Багратион, Сергей Глинка и Денис Давыдов, и, конечно, Ростопчин и Кутузов, как бы они друг друга не возненавидели после оставления Москвы.

«В войне народной победила патриотическая партия; она была убеждена, что восторжествовали ее консервативные начала, что побеждена французская революция, глубоко ненавидимая ею» — утверждал историк литературы Николай Никитич Булич.

Сокрушив Наполеона, русские не только утвердили политическую и духовную независимость своей нации, не только восторжествовали над уничтожающим духом революции.

Русский подвиг на Бородинском поле сохранил мир от подчинения одной, пусть самой гениальной, но ограниченной личности, каковой был Наполеон с создававшимся им одномерным порядком. Здесь, пожалуй, ответ на прозвучавший в начале нашего фильма вопрос Николая Яковлевича Данилевского: «не был ли двенадцатый год политической ошибкой, пусть и превратившейся в народное торжество?».

Нет, не был. Русское торжество сохранило мир от политической и культурной однолинейности. «Прогресс состоит не в том, чтобы идти всем в одном направлении, а в том, чтобы исходить все поле, составляющее поприще исторической деятельности человечества во всех направлениях» - настаивал сам Данилевский, автор великой философии цивилизационного плюрализма.

Россия сохранила для всех стран и народов возможности того многолинейного развития, разнообразия культурно-исторических типов и цивилизаций, которое только и может составлять историю.

На Бородинском поле и в сожженной Москве Россия сработала как предохранитель от конца истории. Она остается таким предохранителем в настоящем и останется им в будущем.

НИКОЛАЙ I

Русская контрреформация

18 февраля (2 марта) 1855 года в Зимнем Дворце в Санкт-Петербурге скончался Император Всероссийский Николай I. «Смерть его была образцом смертей христианина, государя, человека покаяния, распорядительности, ясного сознания, невозмутимейшего мужества» - писал святитель Иннокентий Херсонский (Борисов) и единодушно подтверждали все многочисленные свидетели этой кончины. Это, впрочем, не помешало отчаянно ненавидевшим государя иностранцам и отечественным либералам распустить низкие слухи о его самоубийстве из-за, якобы, поражения в Крымской войне.

Хотя война эта в феврале 1855 года отнюдь не должна была казаться проигранной – несмотря на ряд трагических неудач Империя и её форпост Севастополь держались твердо, усилий антирусской коалиции локализовались в Крыму, государь обдумывал способы рассчитаться с Австрией, нанесшей коварный удар дипломатический в спину, который и предопределил большинство неудач. Неизвестно как бы закончилось это великое противостояние с Европой, если бы новый государь не спешил бы избавиться от тяготившей его и мешавшей начать реформы войны.

Сама Крымская война и создание в ней масштабной коалиции всех европейских стран против России, в которой к Англии, Франции и Сардинии, выступившим с оружием в руках, присоединилась дипломатическая враждебность неблагодарной Австрии и трусившей Пруссии, далеко не была случайностью. Напротив, она была неизбежным следствием внешней и внутренней политики императора Николая I. Причем не его ошибок, а напротив, его достижений и успехов.

Именно при Николае I Российская Империя на международной арене перестала быть бесплатным приложением к «европейскому

концерту», империя начала преследовать собственные национальные интересы, а её идеология все более радикально расходилась с торжествовавшим в большинстве европейских стран либерализмом. Внутри же сама Россия становилась всё более русской, всё в большей степени осознавала себя как самобытную нацию и цивилизацию с глубокими историческими корнями.

Чудо 14 декабря

Император Николай Павлович принял царство пережив трагический кризис 14 декабря 1825 года. Не будем забывать, что из-за неизвестности большинству народа ситуации с престолонаследием, в глазах толпы он выглядел узурпатором-самозванцем, отобравшим престол у законного наследника Константина, на чем спекулировали заговорщики-декабристы.

«Завтра поутру я либо государь, либо без дыхания» говорил император накануне, сам не зная, что будет и готовил свою супругу к тому, чтобы мужественно и по-христиански принять смерть. Тогда-то с Николаем Павловичем и произошло то, что можно без обиняков назвать «чудом 14 декабря». Несколько раз рядом с императором оказывались вооруженные заговорщики (Якубович, Булатов), которым достаточно было сделать один pistolетный выстрел, но никто из них так и не посмел посягнуть на жизнь государя. Мятежные лейб-гренадеры ворвались в Зимний дворец и могли бы захватить государыню и наследника, но чудом, всего пятью минутами раньше, дворец занял лично преданный Николаю Павловичу саперный батальон, единственный его надежный резерв. Пропущенные императором на Сенатскую площадь гренадеры так же не осмелились посягнуть на его жизнь, хотя умолявший их прекратить бунт полковник Стюрлер был убит... Дело заговорщиков развалилось, а дело государя восторжествовало и в этом он до конца жизни видел знамение Провидения не только о себе лично, но и о призвании вверенной ему империи.

Россия должна была стать незыблемой скалой в бушующем море, цитаделью против всех революционных орд, захватывающих Европу. Христианский национальный порядок против безбожного космополитического бунта, такова была картина мира Николая I. Три десятилетия своего царствования император подчинял свою политику и свой личный образ действий этому сценарию. Ему явно доставляло радость и самому быть стержнем спокойствия и порядка среди хаоса и бунта – именно в этой роли он чувствовал себя на своем месте.

Долг страшный, долг священный...

Вспомним такую важную в образе императора тему, как его поведение в период холерной эпидемии 1830-31 годов, совпавшей с польским мятежом: «Сильна ли Русь? Война и мор, И бунт, и внешних бурь напор, ее, беснуясь, потрясали...». Среди этого кризиса, казавшегося столь же грозным, как и события 14 декабря, император проявлял столь же совершенное бесстрашие и упование на Господа.

29 сентября 1830 года Николай Павлович внезапно появляется в парализованной холерой, скованной страхом и унынием Москве. «Благословен грядый на спасение града сего» – встречает его святитель митрополит Филарет, - «Такое царское дело есть выше славы человеческой, поелико основано на добродетели христианской». Несколько более недели государь объезжает город, подбадривает народ, прикладывается к иконам. Он заражается, открываются первые симптомы болезни, но милость Божия укрепляет богатырский организм.

Царский проезд возбудил восторг поэтов. И.И. Козлов прославляет святителя Филарета: «Когда долг страшный, долг священный / Наш царь так свято совершал, / А ты, наш пастырь вдохновенный, / С крестом в руках его встречал». Дельвиг пишет «Утешителя»: «Москва уныла; смерти страх / Престольный град опустошает, / Но кто в нее, зывая страх, / Навстречу ужаса влетает?». И вот уже Пушкин с

восклицанием «Каков государь! Молодец!» пишет своего «Героя»: Утешься, поэт - Николай I в действительности совершил тот подвиг сердца, который молва приписывала Наполеону и без которого любой герой только тиран.

Но вот в июне 1831 года холерные беспорядки вспыхивают уже в Петербурге – избивают докторов, разрушают больницы, нарушают карантин. И вновь император ведет себя как герой, но теперь уже не утешитель, но усмиритель. Он бесстрашно въезжает в толпу бунтарей на Сенной площади и читает вразумительное нравоучение, посвященное... прежде всего недопустимости для русских подражать революционному духу Европы: «Стыдно народу русскому, забыв веру отцов своих, подражать буйству французов и поляков: они вас подучают, ловите их, представляйте подозрительных начальству. Но здесь учинено злодейство, здесь прогневали мы Бога, обратимся к Церкви, на колени и просите у Всемогущего прощения!».

Контрреволюционная нация

Этот образ царя усмиряющего бунт стал для Николая I основой самопонимания и программой действий. А той силой, тем средством, к которому он решил обратиться, чтобы укрепить нацию на пути противостояния революции стала русскость. В эпоху формирования агрессивных революционных наций, у русского императора созрел дерзкий замысел создать первую в истории контрреволюционную нацию. Укрепление национального начала должно было стать той силой о которую разобьется революция.

Эпоха Николая I – это время русского национализма у власти, настолько сознательного и продуманного, насколько только мог быть национализм этого периода. В его основе лежала программа царя по единению с народом именно на основе русскости. Николай I, так часто, как никто из его предшественников с петровской эпохи посещает Москву, фактически первопрестольная возвращает себе часть столичных функций. Характерен в этом смысле и мотив,

который царь вставил обосновывая строительство железной дороги между Москвой и Петербургом: «Петербургу делали одно нареkanie: что он на конце России и далек от центра Империи – теперь это исчезнет. Через железную дорогу Петербург будет в Москве и Москва в Кронштадте».

Посещая Москву император вводит ритуал поклона царя народу русскому с Красного крыльца. В этом ритуале соединяются идеи единения с народом, русской национальной особенности и антиреволюционности. Столкнувшись с революционными событиями в Европе в 1848 году Николай I проводит как бы символическую встречную революцию. В манифесте 14 марта 1848 он провозглашает: «Мы готовы встретить врагов наших, где бы они ни предстали, и, не щадя себя, будем, в неразрывном союзе с Святою Нашей Русью, защищать честь имени Русского и неприкосновенность пределов наших. Мы удостоверены, что всякий Русский, всякий верноподданный наш, ответит радостно на призыв своего Государя; что древний наш возглас: за веру, Царя и отечество, и ныне предугажет нам путь к победе». В апреле 1849 и августе 1851 посетив Москву он каждый раз совершает поклон народу.

От другого московского ритуала царя веет домашней теплотой. Посетив Москву, он с императрицей старается побывать в древнем селе Коломенском, бывшей резиденции царя Алексея Михайловича, и, зайдя в тамошнюю церковь и застав там венчающиеся крестьянские пары, щедро их одаряет.

Рождение русского стиля

Создание национальной архитектуры, не находящейся в рабской зависимости от идей и практики классицизма, становится в царствование Николая I важной идеологической задачей. В 1834 г. архитектор М.Д. Быковский произносит программную речь: «Мы должны подражать не формам древних, а примеру их: иметь архитектуру собственную, национальную, и да проявится настоящий дух нашего отечества и в произведениях архитектуры, и да возвестит

она позднейшему потомству о благоденствии и нравственной силе России».

Тем архитектором, который взялся воплотить идеологическую программу государя в камне стал Константин Андреевич Тон. Он получил блестящее архитектурное образование в Италии и был отлично осведомлен в технике и идеях ренессанса и классицизма. Однако Тон оказался способен пойти тем путем, которым пошли приехавшие в Россию итальянские архитекторы, — создатели Московского Кремля объединившие традиции владимиро-суздальского зодчества и ренессансной художественной техники.

В 1832 году император утверждает проект Тона по строительству Храма Христа Спасителя, который был завершен и освящен уже в другую эпоху, в начале царствования Александра III. В 1837-42 Тон сооружает церковь Введения во храм в Семеновском полку, по его проектам строятся церкви по всей стране. Проекты его церквей выпускаются специальными изданиями для руководства других архитекторов. В 1841 году императорским указом проекты Тона рекомендуются как образцы для строительства православных церквей.

«Русско-византийским» стиль Тона можно назвать с некоторой долей условности. «Византийским» он был в том смысле, что ориентирован на традиционную православную архитектуру, а не на связанные с католицизмом классицизм, барокко, ампир, - стили, которые доминировали в столичном церковном строительстве в послепетровскую эпоху. «Византийский» в данном случае означало отказ от классицистической догмы и обращение к историзму и русской национальной традиции. «Стиль византийский, сроднившись с давних пор с элементами нашей народности, образовал церковную нашу архитектуру» - подчеркивал сам Тон.

Тон выбрал за образец соборы Московского Кремля с их простой и строгой кубической формой и традиционным русско-византийским пятиглавием. При этом сами кремлевские соборы были синтезом

русской православной архитектуры и ренессансной строительной техники. Отказываясь от классицизма как догматической системы Тон, при этом, не отказывается от ренессансного метода обращения с русским материалом, от устоявшегося взаимодействия итальянской и русской традиции.

Особенность русского стиля Тона – удачно зафиксированная им всефасадность, силуэтность традиционного русского храма, обращенность его вовне, как свидетельства миру о Боге, величественная монументальность. Тон не копирует какие-то конкретные исторические образцы, он схватывает общую идею русского храма и дает ей свою обработку. В этом смысле к Тону, в отличие от более поздних представителей историзма, не применим упрек в зависимости от археологии и в копиизме-стилизации. Он ничего не копирует, а развивает идею.

Решительный сторонник Тона академик И. И. Свиязев утверждал: «Стиль Тона является русским потому, что образцов подобного зодчества вы не найдете ни у какого другого народа, а наш мудрый царь и его народ в проектах Тона с первого взгляда опознали что-то знакомое, родное, потребовали от него национальных проектов во все концы неделимой России».

В Москве возводится новый императорский дворец, теперь ставший символом российской государственности. Услышав сожаления архитектора Горского о том, что обречен на разрушение прекрасный Теремной Дворец, государь запрещает его трогать, сохранив до нашего дня этот памятник русского зодчества.

При строительстве дворца потребности современной пожароустойчивой императорской резиденции были совмещены с необходимостью сохранения исторического наследия. В состав дворца следовало интегрировать Теремной Дворец XVII века и Церковь Спаса на Бору (XIV в., снесена при большевиках). Само архитектурное решение дворца было задано как развитие мотивов сохраняемого Теремного Дворца при увеличении масштаба. Тон

справился с этой задачей, причем в XIX веке близость двух дворцов была гораздо более очевидной, так как сам дворец был окрашен в цвет розовой охры, а крыши имели более выраженный двускатный характер, как и в Теремном.

Интерьеры Теремного дворца, дошедшего от XVII века с голыми стенами, создал выдающийся живописец Ф.Г. Солнцев. Ранее Солнцев в многотомном альбоме «Древности российского государства» решил грандиозную задачу по разработке визуального русского стиля дизайна на основе исторических образцов. И вот он получил шанс реализовать выработанную им концепцию на практике. Наш современник, узнав о том, что интерьеры Теремного дворца созданы в XIX веке обычно испытывает изумление, настолько органично Солнцев реализовал образность допетровского русского стиля.

Создание Большого Кремлевского Дворца интерпретировалось современниками как торжество русского национального стиля и национальной идеи. Дворец выступал зримым средоточием русской государственной истории в течение столетий. Создавая этот дворец Николай I как бы символически утверждал столичный статус Москвы, восстанавливая оборванную при Петре связь.

«Кремлевский дворец мой, изящное произведение зодчества, будет достойным украшением любезной моей древней столицы, тем более что он вполне соответствует окружающим его зданиям, священным для нас и по соединенным с ними воспоминаниям веков минувших и великих событий отечественной истории» - подчеркнул в речи на освящение дворца император.

Русское и по-русски.

В расцвете идеала Народности в русской литературе, музыке, искусстве, социальной и философской мысли, приходящемся на эпоху Николая I нет, в этом смысле, ничего случайного. Опера М.И. Глинки «Жизнь за Царя» и прославление Ивана Сусанина напрямую вытекают из идей императора. Народное начало, будь то в поэзии

Пушкина или Хомякова, встречает его горячий отклик. Нет ничего более нелепого, чем противопоставлять Николая I и славянофилов, как это, порой, делается в публицистике.

Идеи славянофилов были выражением самого духа николаевского царствования, выразителем которого и проводником в образовательной политике стал министр просвещения граф С.С. Уваров. Его знаменитая формула «Православие. Самодержавие. Народность» была отражением мыслей самого императора и призвана была утвердить те самобытные начала, которые Россия еще сохранила незыблемыми и не поврежденными. Уваров систематически покровительствовал славянофилам – и хомяковскому, и погодинскому кружку (между которыми, по большому счету, не было серьезного различия), приглашал к совместной работе, расхваливал перед императором, предупреждал об угрозах со стороны недоброжелателей...

Когда мы судим из сегодняшнего дня западников и славянофилов мы смотрим на них во многом неправильно. Из сегодняшнего дня западники нам рисуются как либеральная тусовка, которая за жвачку и кокаколу. Ну или, если выразаться более культурно, то западники это люди, которые европейский космос предпочитают русскому космосу, те, для кого Нотр-Дам роднее Покрова на Нерли, а Шекспир важнее Достоевского.

Но этот взгляд совершенно анахронистичен. Особенностью положения старого русского западничества в том, что никакого Русского Космоса, которому западники предпочли европейский просто не было.

Той русской культуры, которая имеет абсолютное всепревосходящее мировое значение попросту не существовало. Представьте себе мир без Толстого, Достоевского, Чехова, Булгакова, Солженицына, Тютчева, Блока, Бродского. Мир без Мусоргского, Чайковского, Стравинского, Прокофьева, Свиридова. Мир без Верещагина,

Васнецова, Малевича, Нестерова. Мир без Менделеева, Сикорского, Королева и Гагарина. Да без танка Т-34 и ракеты "Сатана" наконец...

А с другой стороны - мир без рублевской Троицы, без фресок Спаса на Нередице, без "Церкви воинствующей", без Покрова на Нерли, без Вознесения в Коломне, без Слова о гибели Русской Земли, Хождения за Три моря и Протопопа Аввакума. Всё это, конечно, физически наличествовало, но не было актуальным культурным фактом - актуализация древнерусской культуры едва наметилась с середины XIX века, а по настоящему мощной стала лишь к началу XX.

Вся наличествующая русская культура эпохи, когда начался спор двух направлений, сводилась к Ломоносову, Карамзину, Жуковскому, Пушкину (подражателю западных форм), Гоголю (малороссийскому чудаку) и полусостоявшемуся байронисту Лермонтову. Музыка - одинокий Глинка. Живопись - западник Брюллов. И всё.

Византизм? Византизм на тот момент был представлен Святейшим Синодом. Апофеоз византизма - митрополит святитель Филарет (Дроздов). Некоторые славянофилы немного общались со старцами Оптиной Пустыни. О преподобном Серафиме Саровском в образованной Москве почти никто не слышал.

Россия и Запад противостояли на тот момент не как два равноправных культурных мира, а как полнокровная и многообразная вселенная и культурное «околонуля». Вписаться в ту вселенную, оформить себе не слишком позорное место во втором ряду казалось уже величайшим счастьем. То есть разумный рациональный человек в середине XIX века обязан был быть западником.

То, что на тот момент предлагали славянофилы было чистой воды утопией - выдумать, вымечтать Россию как особый отдельный культурный мир. И это при отставании по абсолютно всем параметрам от западной цивилизации. Нужно было быть настоящим

мечтателем, чтобы в это верить и совсем уж авантюристом, чтобы в этом духе действовать.

О том, насколько слабо обоснованным казалось на первых порах славянофильство свидетельствует скандал со статьей Н.Н. Страхова "Роковой вопрос", опубликованной в журнале Достоевских "Время" в разгар польского восстания в 1863 году. В ней Страхов сначала долго и убедительно доказывал, что поляки по всему обязаны смотреть на русских сверху вниз как возлюбленные сыны Цивилизации на диких варваров, что по другому смотреть на нас просто невозможно. Все, чем мы можем перед ними похвалиться - это крепостью своего государства. Если мы хотим с ними соперничать, значит нужно противопоставить им цивилизацию истинно русскую, истинно народную. Если народы различаются только уровнем европейской образованности, то поляки гораздо выше нас. Если же у народа есть истинное будущее предназначение, своя судьба и своя цивилизация, тогда, быть может, нам удастся стать выше поляков.

Разумеется, эту славянофильскую агитацию 99% читателей восприняли как тезис «русские ниже поляков», как обычное полякование и журнал Достоевских попросту запретили. Иначе не возможно было понять этот текст в то время, благомысленную логику из него приходилось буквально выковыривать, поскольку Запад (а значит и Польша) был фактом, а русская цивилизация была миражом. А уж «славянство» было еще большим миражом, причем к тому же весьма политически вредным, что все критики славянофилов отлично осознавали.

Нужно было очень верить в этот «русский мираж», очень трудиться, расширяя его и в прошлое и в будущее, чтобы в итоге придать ему то колоссальное ускорение на котором он движется сейчас.

Тогдашние западники были западниками не из русофобии, а из здравого смысла. Особенно когда мы ведем речь о либерально-консервативных западниках-государственниках, таких как Т.Н.

Грановский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин, С.М. Соловьев, М.Н. Катков. От них надо довольно рано начинать отличать радикальных западников, таких как Белинский, Герцен и Огарев, Бакунин.

Различие двух уклонов западничества было огромно. Западники-радикалы принимали взгляд на Европу как на всё более революционирующуюся цивилизационную и политическую общность и предлагали «здрав штаны бежать за комсомолом» карбонариев и прочих инсургентов. Они восприняли тезис католика Чаадаева об отсталости России от столбовой дороги цивилизации, но самой этой столбовой дорогой признали революционный уклон Европы, от якобинства и до парижских баррикад июля 1830. Соответственно они оказались категорическими противниками замысла Николая I противопоставить революционирующейся Европе русскую контрреволюционную нацию. Западом радикальных западников была Революция.

Западники-государственники были сторонниками продолжения в России петровского проекта, который на их взгляд показал себя успешным. Упорное заимствование работоспособных институтов, воспроизведение показавших себя наиболее жизнеспособными социальных и политических форм. Иными словами, усвоение европейской «истории успеха» и продолжение собственно российской истории успеха от Нарвы и Полтавы до взятия Парижа, казавшейся несомненной. Теми институтами и практиками, которые стремились копировать западники-государственники были институты и практики умеренного либерально-консервативного западничества, запад Пальмерстона, Гизо, Кавура и прочих. Между ними тоже имелись расхождения — Катков был яростным англоманом, поклонником самоуправления джентри и парламента, Чичерин — сторонником французского бюрократизма.

Если западников зачастую произвольно объединяют, то славянофилов, зачастую, столь же произвольно дробят. А.С. Хомяков, И.В. и П.В. Кириевские, С.Т., К.С. и И.С. Аксаковы, Ю.Ф. Самарин, иной раз, отделяются какой-то непреодолимой стеной от

М.П. Погодина и С.П. Шевырева, искусственно обрываются их связи с Карамзиным, архаистами, Пушкиным. Усилиями либерального историка Пыпина «правильное» либеральное славянофильство отделяется от вымышленной им «неправильной» официальной народности.

Славянофильство все как целое было мощным ответом русского мыслящего общества на провозглашенный из уст власти принцип русской народности. Но славянофилы были партией не охранительства старого, а напротив - партией великой и дерзновенной мечты. Мечты, которая за следующие полтора столетия стала фактом.

Славянофильство не было, конечно, «первым русским национализмом», как его иногда называют. Первым русским национализмом были национал-консервативные воззрения Карамзина, адмирала Шишкова, Ростопчина, Сергея Глинки. Вторым — попытки декабристов привить к уже сформировавшемуся дереву культурного и политического русского патриотизма радикально-революционные якобинские практики. Третьим русским национализмом стала консервативная программа Николая I и графа Уварова. На поставленную императором цель — противопоставить революции русское национальное начало, уваров и ответил своей знаменитой триадой, то есть программой консолидации священных «остатков» русской народности для укрепления сопротивляемости России революционному духу.

«Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастью, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности находится и весь залог будущего ее жребия...» - рассуждал министр.

Смысл, вкладываемый Уваровым в понятие «остатков» или даже «священных останков» (как Уваров выразился в докладе на десятилетие министерства) точнее всего выразил его интеллектуальный «фаворит» – историк Николай Герасимович Устрялов. В «Начертании русской истории для средних учебных заведений», опорном учебнике для всей уваровской образовательной программы, он пишет: «Древний Русский мир исчез с большею частью его уставов, законов, форм, нравов, обычаев; впрочем главные непрременные условия Русской жизни, Религия и Самодержавие остались неприкосновенными». То есть по Устрялову (и стоящему за ним Уварову) Религия и Самодержавие – это то, что осталось от древнего Русского мира исчезнувшего после петровских преобразований.

Останки утонувшего древнего русского мира начинают инструментами исторической, археографической и филологической науки один за другим извлекаться на поверхность, собираться в целое, упорядочиваться и пропагандироваться через новоутвержденную систему образования. Усилия «возмужавшей» России направляются на то, чтобы открыть секрет её молодости.

В соответствующем ключе была составлена программа уваровских гимназий и училищ, которым надлежало стать краеугольным камнем нового русского образования. В средней школе 36% времени отводилось на закон Божий, русский язык и литературу (сочинения русских писателей от Ломоносова до Пушкина), российскую историю в изложении Карамзина и географию со статистикой.

Основными принципами работы уваровского министерства стали: стандартизация образования (без которой единая нация немислима), замена преподавателей на природно-русские кадры, содействие русификации польских и немецких окраин, и, наконец, русификация самих русских, открытие той Атлантиды, которой к тому моменту была историческая Россия даже для образованных русских людей – находились новые рукописи и издавались древние акты,

увеличено было число часов для преподавания русской литературы (не исключая древнюю) и истории. «Новое поколение лучше знает русское и по-русски, чем поколение наше» – подводил Уваров итоги своей работы, отразившиеся на его собственной семье: в то время как сам граф лучше владел французским чем русским, его сын Алексей Сергеевич стал видным специалистом по древнерусскому искусству и основателем русской научной археологии.

Особое внимание уделялось преподаванию русской истории. «Российская история может сделаться охранительницею и блюстительницею общественного спокойствия, самую верную и надежную» – провозглашал ещё в 1832 году Погодин, заступая на кафедру в Московском Университете. Университетские кафедры истории и словесности в мире уваровского «нацбилдинга» были главными сборочными цехами. Именно достижения русской истории и филологии составляют главную гордость уваровского «направления»:

«К какому прибегнули мы средству и какое орудие оказало более услуг, как не возбуждение духа отечественного в тройственной формуле «Православие. Самодержавие. Народность»? Если наши сыновья лучше нас знают родной язык, если они ближе знакомы с нашей историей, с нашими преданиями и народным бытом, то не произошло ли все это оттого, что образованию их дано повсюду русское направление? Если до берегов Немана и далее все заговорило по-русски, все учится по образцу русскому, если даже в Остзейском крае усиливается ежедневно владычество отечественного образования, то не русский ли язык и не русский ли дух произвели и продолжают производить этот благодатный результат? Если, наконец, публичное воспитание, без содействия запретительных мер, совершенно уничтожило частное, то не следует ли приписать это добровольное всех отцов семейств отчуждение иностранных воспитателей от

образования их детей влиянию духа Русского, проявившегося во всех распоряжениях наших?

Для усиления и укрепления этого духа Министерство необходимо обязано было обратиться к источнику оного – к основательному изучению церковнославянского языка и сродных славянских наречий, и потому, с разрешения Вашего Величества, учреждены в русских университетах кафедры славянского языка и занятие оным поставлено обязанностью и в средних учебных заведениях. Главнейшие памятники нашей древней славяно-русской литературы вышли из забвения, множество актов и документов, служащих к узаконению истории, обнародованы иждивением правительства...».

Успехи археографической экспедиции во главе со Строевым, издание многочисленных актов, летописей и хронографов, разыскания С.М. Соловьева в его шведской экспедиции, извлечения касающиеся русской истории даже из Ватиканского архива, - все эти исторические открытия, которым Уваров посвящает немало страниц в своём отчете, увеличивало познание русскими самих себя, укрепляло национальное самосознание.

Исчезнувший «древний Русский мир» вступал в свои права. Но открывавшаяся взору мыслящего русского человека картина приводила его к выводу, что Россия есть не младшая среди европейских наций, а оригинальная самобытная цивилизация, равночестная с европейской. Здесь-то и обозначилась точка расхождения уваровской версии национализма с «четвертым национализмом» славянофилов.

Славянофилы с энтузиазмом относились к реставрации исторической памяти, проводимой уваровским министерством. Уже в 1840 в письме французскому депутату Могену юный Самарин провозглашает: «Обратимся к изучению нашего прошлого. Извлечем его из праха, исследуем в нём зародыши жизни, наши природные начала, которые по сие время не могли получить

надлежащего развития». Однако выводы из этой реставрации делались не совсем уваровские.

Уже в 1836 году готовясь к полемике с «Философическим письмом» Чаадаева А.С. Хомяков рассуждает: «От добровольного соединения Греции и Севера родилась Русь: от насильственного соединения Рима с Севером родились западные царства. Греция и Рим отжили. Русь - одна наследница Греции; у Рима много было наследников».

В этом уравнении Россия не выступает в отношении к Европе аналогом Рима в его отношении к Греции. Напротив, Русь по Хомякову, это прямая наследница старшей ветви древней цивилизации, греческой, от соединения с нею северного начала. Европа же это прямая наследница младшей ветви, Рима, при соединении её с тем же северным началом.

«Русский мир» в славянофильской перспективе это не ученик европейской цивилизации, не «Рим» в его соотношении с эллинизмом, а наследник старшей греческой цивилизации в соотношении с наследником младшей римской. Русский мир предстаёт у Хомякова как двоюродный брат Запада. Одно из двух начал – северное, варварское, у Руси и Запада общее и обеспечивающее им равенство, другое – различное, и оно дает Руси право на старшинство.

Весьма показательна заостренная полемичность замечаний Хомякова о Крестовых походах, бывших для самого Уварова, находящегося в контексте раннего романтизма высшим проявлением европейского начала манифестацией молодости европейского духа.

«Крестовые походы были первым движением дремлющих сил Европы». «Промысел родил в недрах феодальных законов способ и случай их навсегда уничтожить. Сей способ – Крестовые походы. Они – последнее испытание юной Европы; последний ее порыв, последняя ее поэзия... Крестовые походы, которые в первый раз

представляют Европу в виде одного великого семейства, занятого одним общим делом, имеющего в виду одинакую цель».

Хомяков не только отбрасывает крестовые походы как нечто чуждое Руси, но и представляет их как бесполезные игрушки, которыми Европа была занята в то время как русские образовывали свою душу и развивали высокую словесность.

«В XII веке у нас христианский мир уже процветал мирно; а в Западной Европе что тогда делалось? – возражает Хомяков не столько уже Чаадаеву, сколько всем романтикам-евроцентристам, - Овцы западного стада, возбужденные пастырем своим, думали о преобладании; но, верно, святые земли не им были назначены под паству. Бог не требует ни крови, ни гонений за веру; мечом не доказывают истины. Бог слова покоряет словом. Гроб Господень не яблоко распри; он - достояние всего человечества. Таким-то образом мнимо великое предприятие должно было рушиться. Мы не принимали в нем участия, и похвалимся этим. Мы в это время образовали свой ум и душу - и потому-то ни одно царство, возникшее из средних времен, не представит нам памятников XII столетия, подобных Слову Игоря, Посланию Даниила к Георгию Долгорукому и многим другим сочинениям на славянском языке, даже и IX, и X столетий».

Для Уварова Россия и русские - равночестная европейским молодая духом нация, обладающая остатками собственных народных начал, составляющих её особенное историческое лицо, но нуждающаяся в европейской образованности и цивилизации для усовершенствования этих начал. Для славянофилов Русь и русские есть почтенная самобытная цивилизация, имеющая собственные основания и устройство, которым европейская образованность не во всём содействовала, а во многом и повредила. Уваровская Россия нуждается в благодетельном попечении правительства и его образовательных учреждений, которые осуществляют «модернизационный скачок», приобщающий русских к цивилизации минуя буржуазность и третьесословность. Славянофильская Русь нуждается прежде всего в

том, чтобы ей не мешали быть собой, а всё остальное она и без того умеет, что доказывают документы истории... собранные Строевым и изданные стараниями самого же Уварова.

В любом случае, период ученичества и умственного покорства Западу для русских закончен. Благом были дела Петра или злом, но европейский период для России с воцарением Николая I завершился – в этом согласны оба славянофильских крыла, и панслависты в лице Погодина и «истинные славянофилы» в лице Самарина – «влияние Запада на Россию кончилось... отныне наше развитие будет вполне самобытно».

Даже сами Николай I и министр Уваров оказался встроен Погодиным в эту схему исхода из Европы в его вызвавшем столько нареканий со стороны славянофильского кружка за «угодничество» панегирике Петру Великому 1841 года:

«Период Русской Истории от Петра Великого до кончины Александра должно назвать периодом Европейским. С Императора Николая, который в одном из первых своих указов по вступлении на престол, повелел, чтоб все воспитанники, отправленные в чужие края, будущие Профессоры, были именно Русские, - с Императора Николая, которого Министр, в троесловной своей формуле России, после православия и самодержавия поставил народность, - с Императора Николая, при котором всякое предприятие на пользу и славу отечества, предприятие Русское принимается с благоволением, начинается новый период Русской Истории, период национальный» .

Славянофильство приняло тезис провозглашенный властью: у России есть собственные исторические начала, которые не совпадают с началами революционизирующейся Европы. Эти начала могут быть извлечены из русской истории, древней русской словесности, языка. Однако из уст славянофилов этот тезис

прозвучал гораздо четче: Россия есть самобытная цивилизация от века живущая самостоятельной исторической жизнью.

«Россия — земля совершенно самобытная, вовсе не похожая на европейские государства и страны. Очень ошибутся те, которые вздумают прилагать к ней европейские воззрения и на основании их судить о ней. Но так мало знает Россию наше просвещённое общество, что такого рода суждения слышишь часто. Помилуйте, говорят многие, неужели вы думаете, что Россия идёт каким-то своим путём? На это ответ простой: нельзя не думать того, что знаешь, что таково на самом деле... Как занимателен и важен самобытный путь России до совращения её (хотя отчасти) на путь западный и до подражания Западу! Как любопытны обстоятельства и последствия этого совращения, и, наконец, как занимательно и важно современное состояние России, вследствие предыдущего переворота, и современное её отношение к Западу!» - восклицает Константин Аксаков.

Именно через самооткрытие себя Россией в ходе осуществления николаевско-уваровской образовательной программы, и приходило то осознание величия и самобытности русской цивилизации, выразителями которого стали славянофилы. Расхождение между славянофилами и императором было не в направлении движения, а исключительно в его темпах.

Служу не себе, а вам всем

Характерен в этом смысле эпизод с кратковременным арестом Ю.Ф. Самарина, помещенного в крепость за чтение своих «Писем из Риги» в которых осуждалось русофобское направление остзейских немцев и их нежелание стать органической частью русской империи. Причиной императорского гнева было не столько направление мыслей Самарина, сколько нарушение им, чиновником для особых поручений, субординации. Он был направлен делать ревизию, а не злить остзейцев.

При этом по сути в необходимости русификации Прибалтики не сомневались ни сам государь, ни его русское окружение. Но они считали, что немцев надо брать осадой, постепенно внушая им, что русские больше не младенец, нуждающийся в европейском дядьке, а Самарин пошел на штурм «с мечом в руках как Магомет», да еще и поставил походя под сомнение национальный характер самой русской монархии. «Государь при этом высказал, что его книга ведет к худшему, чем 14 декабря, так как она стремится подорвать доверие к правительству и связь его с народом, обвиняя правительство в том, что оно национальные интересы русского народа приносит в жертву немцам» – рассказывал потом Самарин.

Не национальный дух хотел подавить император, «не может подлежать сомнению, что мысли, высказанные в Рижских письмах, были в сущности сочувственны Государю... В своём взгляде на остзейский вопрос. Государь Николай Павлович опередил не только Петербургское общество, но и то, что называется у нас высшим правительством, за исключением разве немногих лиц» - писал младший брат Ю.Ф. Самарина Дмитрий Федорович.

Но император остро почувствовал угрозу злоупотребления русским патриотизмом для подрыва основ русской же государственности, доверия между монархией и нацией. И он оказался прозорлив – именно ложь о «немецкой измене во дворце» в итоге сокрушила русскую монархию.

Коснулась клевета и самого Николая Павловича. С подачи перековавшегося в большевистского пропагандиста историка А.Е. Преснякова государю начало приписываться апокрифическое изречение: «русские дворяне служат государству, а немецкие нам». На самом деле эта фраза приписывалась слухами не императору, а его сыну-наследнику, будущему Александру II, национальные воззрения которого существенно отличались от отцовских. В 1846 году сенатор К.Н. Лебедев записал такой слух: "Молодой про- император наш, цесаревич, при каком-то случае выразился на счёт

службы немцев и русских: немцы служат нам, а русские, как они говорят, государству...".

Слух тоже мог быть недостоверен, но в любом случае не относился к Николаю I, государю, который говорил прямо противоположное: «Я сам служу не себе, а вам всем». Вся личность Николая I была пронизана этой идеей служения государству и нации, русской нации – что он многократно подчеркивал, слово «русский» – одно из важнейших в его лексиконе.

Вечная николаевская Россия

Подвигом Императора Николая Павловича было создание в России государства и нации. Хороши были или плохи николаевские столоначальники во главе с гоголевским Городничим, они выстроили систему публичной власти современного уровня, альтернативную отношениям «помещик-крепостные», а без такой системы об освобождении крестьян говорить не приходилось. Образовательными реформами графа Уварова создан был слой носителей ясного национального сознания и идентичности, обладающих исторической памятью на всю тысячелетнюю глубину русской истории, осознающих цивилизационную уникальность России.

Именно за николаевское царствование сформировалась та великая русская культура, которая стала якорем идентичности русских даже в катастрофическом XX веке. Петровские европеизаторские реформы ликвидировали старую самобытную Россию, создавая великолепная военная империя была, однако, в культурном смысле полуфабрикатом. Именно в эпоху Николая I и по воле самодержца вместо полуфабриката появился полноценный продукт, имевший право называться русской нацией в координатах нового времени.

Составной частью этого созидания единой нации была и церковная политика Николая I, важной частью которой стали попытки достичь религиозного единообразия, уврачевания расколов. Полным торжеством обернулось воссоединение белорусских униатов,

возглавленное святителем Иосифом (Семашко) (когда-то уже увидим канонизацию этого апостола русского церковного единства). «Отторгнуты насилием, воссоединены любовью» - таков был девиз этого удивительного духовного воссоединения белорусского народа с Православием и Русью.

Пожалуй именно любви не хватало и попыткам Николая Павловича воссоединить с Церковью старообрядцев. Император и здесь действовал как миссионер во имя единства. Он в своих глазах не боролся со старым обрядом, он врачевал раскол, склоняя староверов к единоверию с таким же личным убеждением и настойчивостью, с каким стремился подавлять и иные бунты. Однако здесь ему не хватало порой тех самых терпения и любви, из-за чего его эпоха осталась в памяти старообрядцев как время гонений.

Здесь государь столкнулся с той же проблемой, что и в случае со славянофилами. Открываемая им Атлантида традиционной Руси была во многом своенравна и непохожа на тот твердый точный военный порядок, который был для него идеалом. Чтобы Русь росла, ей нужно было предоставить возможности органического развития, а император слишком часто оказывался заложником той самой создаваемой им системы публичной власти, обезличенной бюрократии, без которой жизнь страны тоже была невозможна. Этот конфликт бюрократического и национально-органического начал и двойит в памяти потомков образ императора Николая Павловича, даже очищенный от пошлой революционной клеветы. Именно эта причина толкала на резкие слова о его памяти таких людей как Ф.И. Тютчев или М.Н. Катков.

Однако вот на что обратил внимание К.Н. Леонтьев, бывший выдающимся ревнителем памяти императора. Любое высокое органическое развитие требует твердой строгой формы. Именно эту форму придал России Николай I – и в этой форме мы живем и будем жить впредь. «Николаевская Россия» в известном смысле не кончится никогда. Но сутью этой формы был для государя не произвол или деспотизм, но Страх Божий. Не случайно император

перед смертью так молился о наследнике: «Буду молить Бога, да благословит Он и сподобит его утвердить Россию на твердом основании страха Божия».

АЛЕКСАНДР III

Венценосный славянофил

Молодой полный сил царь стоит в окружении верного народа. Чиновники где-то далеко на заднем плане, а вокруг крестьяне – большинство великороссы, но есть и малороссы, белорусы, татары. Они встали почтительным полукругом, как бы ограждая императора от внешней угрозы и крамолы. На переднем плане круг разомкнут, в нем оставлено место для зрителя картины, который приглашается встать в ряды этой священной дружины, защищающей государя.

Впервые за послепетровскую эпоху между самодержцем и народом нет бросающегося в глаза внешнего культурного различия. Как и положено истинно русскому царю Александр III предстает с густой длинной рыжей бородой. Его военная форма, реформированная на национальный манер, предельно проста и, за вычетом орденов и аксельбантов, напоминает скорее одежду домовитого крестьянина – барашковая шапка, высокие сапоги, на боку сабля.

«Прием волостных старшин императором Александром III во дворе Петровского дворца» Ильи Репина, посвященный событиям майской коронации 1883 года в Москве – это больше чем просто парадная картина. Это своего рода идеологическая икона царствования – русский дух, единение царя и народа помимо средостения бюрократии и притязаний революционной интеллигенции.

Вождь «русской партии»

При внимательном изучении личности и деятельности императора Александра III поражает контраст с той злобной либерально-большевистской карикатурой на царя, которой нас потчевали больше столетия. Куда деваются грубый одномерный «бегемот на комод», который чеканит крепкие, но грубоватые афоризмы (большинство из которых апокрифично), якобы, держит в голенище фляжку с коньяком (на деле царь крепкого алкоголя не любил, не

бывал пьяным никогда, предпочитая тонкие виноградные вина и именно поэтому поддержал инициативу князя Голицына по созданию винодельческих центров в Крыму и на Кавказе – Массандры и Абрау).

Перед нами предстает исключительно умный и образованный человек с глубокими и твердыми убеждениями, способный на равных общаться с историками, писателями, художниками, политическими мыслителями и направлять всех их на пользу дела и благо России. Пропагандистская деинтеллектуализация русских монархов, требовавшая изображения их безграмотными некомпетентными солдафонами, помешанными на сохранении самодержавия любой ценой, и направляемыми придворными камарильями давно уже парализует адекватное понимание нами истории Российской Империи. И особенно чувствительно это искажение именно в случае с Александром III, одним из наиболее идеологически последовательных русских государей, воплощавших всей своей деятельностью ясную политическую и культурную программу.

Уже с середины 1860-х годов царский сын, а затем наследник-цесаревич оказался в центре идейно-политической борьбы, воплощая в себе все надежды той группы консервативных интеллектуалов, которых обычно называли «русской партией». Эта группировка охватывала консервативных националистов-западников, как золотое перо Империи М.Н. Катков и его окружение, почвенников, как Ф.М. Достоевский, славянофилов, как И.С. Аксаков. Между славянофилами и консервативными националистами могли кипеть горячие споры, но в главном они были едины – укрепление веса в империи русского начала, подавление сепаратизма и, прежде всего, польской крамолы, неприятие как революционного радикализма, так и «аристократического интернационализма» бюрократии.

Фактически в эпоху Александра II «русские люди» всех направлений составляли влиятельную оппозицию правительственному курсу и

цесаревич был неформальным лидером этой оппозиции. Ключевым лицом осуществлявшим связь наследника с поддерживавшим его политическим лагерем был К. П. Победоносцев, сохранивший свое влияние и впоследствии, но было бы нелепо представлять дело так, что обер-прокурор единолично формировал идеологию Александра III и как «дядька» говорил сперва цесаревичу, а затем царю – что думать и что делать. Александр Александрович был внимательнейшим читателем «Московских ведомостей» Каткова и изданий И.С. Аксакова, поддерживал постоянную переписку с князем В.П. Мещерским, имевшим несколько скандальную репутацию, но чрезвычайно энергичным консервативным деятелем, поддерживавшим (как и Катков, и Победоносцев) еще одного видного деятеля русской партии этой эпохи – Ф.М. Достоевского.

Россия для русских и по-русски

Невозможно себе представить, чтобы столь энергичная политика столь основательно осуществленная в столь короткий срок придумывалась на ходу. И в самом деле – в своей русификаторской политике на западных окраинах империи Александр III вдохновлялся образом М.Н. Муравьева Виленского, бывшего героем для его круга.

3 февраля 1876 года цесаревич Александр Александрович записывает в своем дневнике, что остался дома чтобы прочесть записки Муравьева об управлении Северо-Западным Краем, попавшие к нему, очевидно, в рукописи. «Замечательный умный и энергичный человек, и как он сразу повел дело, просто чудо!» - восхищался будущий император выдающимся русификатором, с которым был знаком и лично. Во всей национальной политике Александра III последовательно ощущается это энергичное «муравьевское» начало. «Муравьевская модель русификации национальных окраин была взята за основу в годы правления Александра III» - отмечает С.В. Ананьин.

Жесткую русификацию Прибалтики – Остзейского края невозможно понять, если не помнить «Письма из Риги» и «Украины России» Юрия Самарина и опубликованные в самом начале царствования очерки Н.С. Лескова «Иродова работа», обличавшие уступки петербургской бюрократии немецкому засилью. Плодом этой идеологической подготовки стали такие решительные действия как перевод делопроизводства в крае на русский язык, русификация Дерптского университета, возвращение городу, где он был расположен, русского имени Юрьев.

Подорвали ли эти решительные меры мир и согласие в империи? Проверкой результатов александровской русификации стала Первая мировая война. Ни один из «русских немцев» не изменил российской империи. Одержанная генералом Ренненкампом победа при Гумбинене стала роковым поворотом, который обрек Германию на неминуемое стратегическое поражение. В конце XX века Русскую Православную Церковь возглавил патриарх из знаменитой остзейской фамилии Ридигеров. Меры Александра III стимулировали органическое слияние остзейского дворянства с русской нацией.

Вопреки широко распространенному мифу, Александр III никогда не провозглашал публично лозунг «Россия для русских», как это делали М.Н. Катков или М.Д. Скобелев. Эти слова считали девизом его царствования современники: «Отпустив длинную бороду, надев русский кафтан с широкими шароварами и русские сапоги, подпоясавшись русским кушаком, Государь дал понять и другим народам и русским инородцам и космополитам, что его заботой будет не весь земной шар, даже не Европа, а Россия, паче всего то, что безвозвратно покончена в ней та политика, которая в прежние времена вытаскивала из огня каштаны для других государств. Русские реальные жизненные интересы – вот начало и конец... политики нашего Государя... Александр III молча думал: Россия для России» – писал в очерке об императоре историк В.В. Назаревский.

Величественный русский стиль

Еще будучи наследником Александр III выступает инициатором и попечителем создания Исторического музея, средоточия национальной памяти, создаваемого в содружестве с Иваном Забелиным и отцом русской археологии Алексеем Семеновичем Уваровым. Среди историков царь всегда был на равных, говорил с ними как профессионал с профессионалами и пользовался их искренним уважением и любовью. «Особые симпатии Государя к науке отечественной истории, русской археологии и истории искусств всем известны, как известно всем образованным людям и то, что Государь при всех своих многосложных трудах находил время быть действительным председателем Императорского русского исторического общества и лично участвовал в его заседаниях», — отмечал Иван Цветаев, отец поэтессы и первый директор московского Музея изящных искусств. Самый прочувствованный некролог Царю-Миротворцу написал Василий Осипович Ключевский.

Александр III не только был крупнейшим меценатом эпохи, вступившим в знаменитое соперничество с Павлом Третьяковым, но и сделавшего идейную и культурную ставку... на передвижников. Вопреки ощущавшемуся в их творчестве народническо-демократическому духу «передвижники были симпатичны Александру III национальной проблематикой, понятной ему реалистической манерой», — замечал современник. А народно-демократический дух? Разве сам царь не близок к народу и не трудится для его блага с утра до ночи? Столкнемся. С поддержкой царя именно живопись передвижников ложится в основу национальной школы живописи, расцветают таланты Васнецова, Сурикова. Царь поддерживает даже «Запорожцев» Репина, показавшись Третьякову слишком украинскими – он видит в картине манифест могучего русского духа, того, что передал Гоголь в «Тарасе Бульбе». В конечном счете, недавние бунтари привлекаются к реформе Академии Художеств, а основной темой новой русской живописи становится величие русской истории.

Короткое царствование Александра III – это взлет не только живописи, но и скульптуры и архитектуры. Русское зодчество окончательно обретает свой неповторимый стиль и пора уже избавиться от советских пропагандистских приставок «псевдо-» (характерно, что те же, кто говорит о «псевдо» русском стиле говорят «неоготика» об абсолютно аналогичном западном явлении).

В архитектуре император начал решительное утверждение нового варианта русского стиля, решительно отклонив все предложенные проекты Храма на Крови в Санкт-Петербурге. Предлагавшиеся проекты были выдержаны в неовизантийском стиле, которому симпатизировал убитый император Александр II. Однако Александр III подчеркнул, что они один из них не выражает в должной мере русскую идею, а только русская идея способна одолеть смуту. В качестве образцов русского стиля император рекомендовал архитекторам обратить внимание на храмы древнего Ярославля.

Во втором конкурсе победил проект Альфреда Парланда и архимандрита Игнатия (Малышева), который и был реализован. Проект предельно отвечал выраженному императором пожеланию – это шатровый храм в русском стиле с узорочьем, выражающий центральную для оригинальной древнерусской архитектуры идею устремленности ввысь и обращенности к внешнему миру, доминирование экстерьера над интерьером. Была очевидна его ассоциативная связь и перекличка с московским храмом Покрова на Рву. Спас на Крови был, по сути, частичкой Москвы в самом центре Петербурга.

В этом содержался своеобразный ответ Александра III на призыв публициста Ивана Аксакова, прозвучавший после цареубийства: «В Москву! В Москву!». «Последний славянофил» призывал царей покинуть западнический, чуждый органической русской жизни Петербург и вернуться в Москву – средоточие Православия, Самодержавия и Народности. Художественная программа Спаса на Крови содержала утверждение – царь не бежит из Петербурга в

Москву, а принесет Москву в Петербург, утвердить русские начала на берегах Невы, так сказать в самом логове противника.

Хотя Александр III и не перенес столицу в Москву, но именно его попечением сердце столицы Красная площадь приобрела узнаваемый для всех национальный стиль – Исторический Музей, Торговые ряды – всё русское и по-русски, хотя без всякой этнической предвзятости создают эту красоту архитекторы Шервуд и Клейн.

Последователь учения Н.Я. Данилевского о самобытности русского культурно-исторического типа В.О. Шервуд подчеркивал главенствующую роль Кремля в определении русской национальной архитектурной идеи: «Цельность русской идеи и способность наших предков осуществлять её в зодчестве проявилась не только в отдельных домах, но и во всем Кремле... в нем каждый элемент свидетельствует о духовной и государственной жизни народа; Кремль есть целая поэма, полная чувства и мысли... группа зданий, по видимому разъединенных друг от друга, есть цельность и единство. Вот такого единства мы должны искать в наших зданиях». И в самом деле Шервуду удалось так построить Исторический Музей, что он гармонично влился в ансамбль Кремля, так что невозможно даже предположить его более позднее происхождение.

Там, где не существовало готовых рецептов, как в древнерусской церковной архитектуре, архитекторы русского стиля вели поиски решения проблемы больших объемов, освобождения русского стиля одновременно и от камерности от монотонности. Оригинальным решением оказалось предложенное А.Н. Померанцевым для Верхних Торговых Рядов (ныне ГУМ), - масштабного сооружения 1888-1893, которое завершило и достроило ансамбль Красной Площади, заменив предшествовавшую классицистическую постройку.

Верхние Торговые Ряды выполнены примерно в том же декоративном ключе, что и Исторический и Политехнический Музеи

– в них присутствуют все элементы русского стиля – башенки, узорчатые оконца, арки. Фасад здания украшают многочисленные мозаичные иконы. Однако за этим фасадом упаковано огромное пространство, которое технологически решено средствами модерна – чугунные мостики между галереями, гиперболоидные конструкции стеклянных крыш, обширные разомкнутые пространства торгового пассажа под внешностью старорусского терема.

Если Храм Спаса на Крови был манифестом той идеологии с которой Александр III пришел к власти, что Верхние Торговые Ряды были манифестом завершения его царствования – сохраняя свою национальную, религиозную и цивилизационную идентичность Россия устремляется по дороге промышленного рывка и индустриализации при помощи новейших технологий и материалов осваивая свои огромные пространства в экономическом и гражданском отношении.

Национализация через индустриализацию

Полученное Александром III прозвание «Миротворец» было напрямую связано с политикой отказа от войн за чуждые интересы, последовательно проводившейся царем. Царь-славянофил решил стать своеобразным антиподом Петру Великому. Тот осуществлял модернизацию России через изнурительные, выматывающие народные силы войны, а сущность преобразований полагал во все большем отчуждении России от собственной оригинальной цивилизации, зримым символом чего было бритье бороды.

Первым вернувший себе бороду Александр III решил продвигать Россию в будущее через возвращение к самой себе, через обретение все большей национальной оригинальности в цивилизации и путем по возможности мирным, берегающим силы народа для внутреннего развития или уж для большой битвы, но битвы за свои коренные интересы (а то что к битве царь тоже готовился серьезно показал тот факт, что потом еще полвека Россия сражалась в великих

битвах винтовками Мосина именно при нем принятыми на вооружение).

Однако главным «фронтом» вне которых у его державы в ХХ веке не могло быть будущего, были для императора не внешняя политика и не дипломатия. Это была экономическая модернизация, индустриализация, со всей решительностью начатая именно по решению Александра III. И здесь снова император проявил себя в качестве волевого, вдумчивого и независимого в суждениях мыслителя.

В наследство от отца государю досталась страна в экономическом хаосе, с катастрофически подорванным государственным бюджетом, высоким уровнем коррупции (в которой охотно участвовало окружение морганатической супруги Александра II княгини Юрьевской), не работавшей на страну системой частных железных дорог. Эту страну населяли десятки миллионов крестьян, которые после освобождения от крепостничества оказались экономически «лишними» вне экономической системы помещичьих хозяйств (лишними в экономическом смысле оказались и большинство помещиков), в результате страна регулярно переживала недороды, которые стремившаяся создать черную легенду прогрессивная печать перекрещивала в «голод» (и накаркала-таки неиллюзорный голод с миллионами жертв в ХХ веке, устроенный самими что ни на есть прогрессистами).

Что еще показательней, в общественном мнении Империи существовал своего рода антииндустриальный консенсус. И «правые» дворянские консерваторы и «левые» радикалы народники одинаково были уверены в том, что России не нужно становиться на путь индустриального капитализма с его обнищанием масс, «рабочим вопросом» и социально-экономическими проблемами. Пусть Россия минует капитализм (народники считали, что она сможет скакнуть прямо в аграрный социализм), а заводы и фабрики пусть строят немцы, которые и продадут нам все необходимое в обмен на русский хлеб. Эта

экономическая стратегия обрекала Россию и на определенную внешнюю политику – быть вечно пристяжной при усиливающейся Германской Империи, держать открытым для неё рынок, не пытаться развивать собственное производство и не слишком спорить с Берлином в геополитических вопросах.

Лишь небольшая группка людей – все тот же публицист М.Н. Катков, регулярно писавшие в его газете профессор-математик И.А. Вышнеградский и молодой железнодорожник С.Ю. Витте, выдающийся химик, организатор нефтяной промышленности и экономист Д.И. Менделеев выступали с других позиций, опиравшихся не на догмы Адама Смита или Маркса, а на труды теоретика национальной политической экономии и протекционизма Фридриха Листа. России нужно закрывать свой внутренний рынок и развивать инфраструктуру и промышленность, осваивать свои богатства и свое пространство. Царь долго готовился, собирал бюджетные ресурсы, назначил Вышнеградского министром финансов, а Витте управляющим железными дорогами с четким заданием – провести национализацию инфраструктуры и осуществить строительство Великого Сибирского Пути.

Революция сверху 1891 года

И вот последовала Революция Сверху, равных которой история России знает не так много. Если можно спорить, живем ли мы еще в реальности созданной революцией 1917 года, то в том, что в реальности, созданной в 1891 году Россия прожила весь XX век и живет до сих пор сомневаться нельзя.

В 1891 году был введен покровительственный таможенный тариф, который заложил экономические предпосылки русской индустриализации. Под тариф была подведена масштабная теоретическая база Менделеевым (не менее важный его труд, чем периодическая таблица) – подробная роспись тех отраслей, где русский рынок нуждается в защите в интересах импортозамещения, и тех, где он должен быть открыт к своей же выгоде. «Знаменем

самостоятельности и немечтательного прогресса России» - назвал новый тариф ученый.

Разумеется, прямым следствием тарифа стала таможенная война с Германией, которая и терпела львиную долю убытков от русской Декларации экономической независимости. В основе великого расхождения России и Германии лежали не столько вопросы европейского равновесия и, тем более, не капризы отдельных лиц, а именно вопрос о самостоятельной индустриальной субъектности нашей страны. Но это потребовало и геополитической переориентации – Александр III сделал решительный шаг к русско-французскому союзу.

Летом 1891 в Кронштадт прибыла французская морская эскадра, а в залах царской резиденции зазвучала «Марсельеза». Шокировавший Берлин и Вену союз консервативной монархии и республики (впрочем, не забудем, что в 1890-е годы во французской политике доминировали консервативные националисты, свергнутые лишь в результате раскручивания скандала вокруг «дела Дрейфуса») имел не только геополитическое измерение поставить Германию «в два огня», но и экономическое. По мысли И.А. Вышнеградского французские капиталы, не находившие достаточного применения на родине, должны были начать работать на русскую индустриализацию (и они исправно работали до самого большевистского дефолта в 1917).

Россия начала создание великой промышленности, продолжившееся в царствование Николая II. К началу эпохи потрясений в 1917 страна уже была динамично развивающейся промышленной страной и советская индустриализация не так уж и много прибавила к созданному в царскую эпоху фундаменту (особенно если вспомнить экономический регресс 1920-х, последствия которого мы, строго говоря, не преодолели и по сей день).

Великий Путь

Ну и, наконец, самым славным деянием великой экономической революции 1891 года стало начало строительства Великого Сибирского Пути – Транссиба, первой, и строго говоря, единственной в мире глобальной железнодорожной магистрали. Чтобы оценить масштаб содеянного достаточно вспомнить судьбу двух других масштабных железнодорожных замыслов геополитических конкурентов России. Трансафриканская дорога Каир-Кейптаун, о которой грезил Сессиль Родс, так никогда и не была построена. Замысел кайзера Вильгельма, Багдадская железная дорога, был осуществлен тогда, когда лишился всякого практического смысла – единый путь от Берлина до Басры оказался невозможен, разрезан множеством непрозрачных границ.

И только Транссиб стал грандиозным памятником инженерной, экономической и геополитической мощи русской империи. Он навсегда соединил Сибирь и Дальний Восток с Россией, покончив с их полуколониальным статусом. Он стал основой стратегического маневра, не раз определявшего судьбы России (самый важный случай – осень 1941, когда спасения Отечества было немыслимо без переброски дивизий по «царским» железным дорогам). Александр III верно понимал главное – в огромной России для экономического рывка нужно время и обеспечение отдачи от масштаба, что невозможно без развития современных коммуникаций.

Разразившийся в 1891 году недород еще раз подтвердил правоту мысли царя. Никакого «голода» о котором трубила пресса не было. Не было и никакого «голодного экспорта» (рассказы о нем внедрялись в интересах пострадавшей от новых таможенных тарифов и индустриальных планов стороны). Хлеб в стране был, но нужен был маневр запасов из губернии в губернию, а это невозможно было без единой транспортной и железнодорожной сети. Созданием такой сети и занимались царь и его наследник.

«Россия та же самая святая, православная»

«Александр III сознавал, что Россия может сделаться великой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленною, что страна без сильной обрабатывающей промышленности не может быть великой... Он твёрдо настаивал на введении протекционистской системы, благодаря которой Россия ныне обладает уже значительно развитой промышленностью, и недалеко то время, когда Россия будет одною из величайших промышленных стран» - писал помогавший и Александру III и его сыну министр и теоретик национальной экономики С.Ю. Витте (впрочем, приписывать Витте, как иногда делают в современной историографии, решающую роль в преобразованиях можно лишь из предубежденности к русским самодержцам и их роли в управлении страной).

Национальная культура, национальная экономика, национальная внешняя политика – таковы были «три кита» на которых Александр III хотел основать великое будущее России. Царь мечтал, как признавался он в письме супруге, «доказать всей изумленной испорченной нравственно Европе, что Россия та же самая святая, православная Россия, каковой она была и при Царях Московских и каковой, дай Бог, ей остаться вечно!».

В XX веке, после несвоевременной и трагической кончины Александра III, Россия, казалась, бесконечно удалилась от этого идеала. Но вот прошло почти полтора столетия и многие и в реалиях, и в замыслах возвращается на круги своя. Идеал царя-славянофила сегодня представляется нам снова актуальным и достижимым. И если это так, то потому, что сам государь Александр Александрович не только сформулировал этот идеал, но и потому, что за свое очень короткое царствование заложил под свою мечту прочнейший фундамент, никуда не исчезнувший и сегодня.

НИКОЛАЙ II

Царь-Победитель

Цареубийство в ночь с 16 на 17 июля 1918 года было для России нравственной, метафизической и политической катастрофой, значения которой мы до сих пор не осознали в должной мере и на исправление последствий которой (если только подобное исправление вообще возможно) уйдет не одно столетие.

У этой катастрофы есть нравственная и юридическая сторона, даже если отвлечься от высокого звания убитого. Без предъявления обвинения и суда группой частных лиц, именовавших себя представителями исполкома Уральского совета (то есть структуры, независимо от ее политической оценки, не бывшей и не могшей быть судебной инстанцией) тайно ночью в подвале была убита пожилая чета, четверо девушек на выданье, подросток-инвалид, а также группа добровольно сопровождавших их лиц — врач, повар, слуги... Трупы попытались уничтожить, чтобы скрыть преступление. Произойди подобное в наши дни в любом городе России, и пресса неделями бы обсуждала громкое убийство, совершенное, видимо, каким-то маньяком или бандой

В этом преступлении не было ничего даже от мнимой «легитимности» казни Карла I в Англии или Людовика XVI во Франции, «приговоренных» (хоть и без всякого права) парламентом и конвентом представлявшими в теории всю нацию. Напротив, «Учредительное собрание» закончило свою жизнь еще раньше, чем царь, да и Съезд Советов судьбу царя никогда не обсуждал...

Чудовищность совершенного в отношении царской семьи как «частных лиц» задала нулевую планку насилия в отношении любых других «частных лиц» в послереволюционной России: священников и монахов, дворян и офицеров, профессоров и купцов, рабочих и крестьян; и точно так же как для «бывших», так и для новых —

партизанов, красных комиссаров и красной профессуры, женщин и мужчин, стариков и детей.

Царь и царская семья — символ страны и народа. Показав, что с ними можно поступить так, большевизм дал себе разрешение убивать точно так же кого угодно другого из недавних подданных убитого государя. Вместе с царской семьей был обесценен каждый человек в России.

Не спрашивай, кого расстреляли в Ипатьевском доме — царя или «гражданина Романова». В Ипатьевском доме расстреляли тебя.

В политическом смысле цареубийство, вместе с другими расправами над представителями семьи Романовых летом 1918 года, было своего рода точкой невозврата, окончательного схода России с рельс нормального исторического развития.

Конкретным политическим мотивом уничтожения Государя стали, скорее всего, события 6 июля 1918 года, когда власть Ленина и всего режима германской агентуры, покачнувшись — против них взбунтовалась часть соратников (не только левых эсеров, но и фактически поддержавших их большевистских лидеров как Дзержинский), не горевших особенным желанием работать германской колониальной администрацией и считавших возможным поглядывать в сторону Антанты.

В Ярославле разгорелось освободительное антибольшевистское восстание (в рядах участников восстания оказались и монархист Перхуров, и недавний эсер-террорист Савинков, и кадет Соболев, и меньшевик Савинов, и беспартийный Лопатин).

С мая 1918 года на Урале и в Сибири полыхало выступление чехословацкого корпуса. Сдававшиеся братской России десятками тысяч чтобы вместе воевать против немцев, чехословаки не понимали почему вдруг власть в России захватили германские агенты, и выступили против них с оружием в руках, тем самым серьезно облегчив борьбу белых.

Гражданская война в России стала продолжением Первой мировой войны, в которой захватившие Москву и Петроград большевики, по сути, сменили сторону — вывели Россию из Антанты, капитулировали перед Германией, и борьба против них была продолжением все тех же военных усилий.

Столкнувшись с масштабным июльским кризисом своей власти, Ленин и Свердлов занялись «страхованием рисков», а самым страшным риском для них было, конечно, возвращение законного Государя в роли правителя и Главнокомандующего русской армией, который мог бы продолжить военные усилия России. Поэтому убить царя было первой мерой большевистских лидеров для упрочения своей власти.

Эта конкретная мотивированность их решения ни в коем случае не облегчает их вины, напротив, она усугубляет ее. Царь был убит для того, чтобы обеспечить этим сохранение большевистского курса на масштабное предательство геополитических интересов России. Цареубийство было еще одним звеном в цепи национальной измены.

Убийство того, кто был средоточием русского государственного суверенитета, целостности и независимости единой и неделимой России служило как бы гарантией того раздела России, который был подписан в Брест-Литовске и, на самом деле, не отменен и до сих пор, коль скоро, несмотря ни на что живет и здравствует такое уродливое детище Брестского мира как «незалежная Украина». Цареубийство окончательно перевело Россию в состояние «не-России» или, по крайней мере, «не-совсем-России», «недо-России», и мы убеждаемся в этом буквально на каждом шагу.

Наконец, убийство в екатеринбургском подвале имело и мистический смысл. Убийцы отлично понимали, что уничтожают не только светского, но и сакрального главу России, и не только России, но всего православного мира, наследника харизмы христианских

императоров от равноапостольного Константина, наследника исторической миссии римских кесарей от самого Августа.

Была предпринята попытка уничтожить не только отдельно взятого человека вместе с его семьей, не только насильственно отстраненного главу государства, была предпринята попытка уничтожить православное царство как духовную и метаисторическую категорию. Попытка, провал которой показал, что история рода людского творится не человеческим хотением, но Божьим строением.

Несмотря на чудовищное надругательство над памятью о русской монархии, несмотря на жесточайшее насилие над народом и церковью, когда сотни тысяч и миллионы русских людей прошли тем же мученическим царским путем, а десятки миллионов скорчены были страхом и голодом, несмотря на все это, православное царство в России не прекратилось даже в отсутствие царя.

Из-под спуда марксистской утопии, русофобского шабаша неокommунистов и либералов, из пустыни духовного и культурного оскудения, наше представление о подлинном должном устройении нашей страны, об исторической миссии России в мире, восстает из пепла, а над нами встает сотканная из света фигура Государя, как крепкого молитвенника за народ и страну нашу.

Агиополитика нормального развития

При земной своей жизни император Николай II уделял огромное значение агиополитике — то есть публичному прославлению и почитанию православных святых, которые могли бы стать нашими могущественными небесными заступниками. Его царствование — непрерывная череда торжественных канонизаций святых, иногда по личному настоянию Государя, иной раз вопреки мнению слишком осуетившихся архиереев в Синоде.

1896 г.: Святитель Феодосий Черниговский

1897 г.: Священномученик пресвитер Исидор и с ним 72 мученика

1903 г.: Преподобный Серафим Саровский

1909 г.: Святая благоверная княгиня Анна Кашинская (возрождение почитания нечестиво отмененного ранее из вражды к старообрядцам)

1910 г.: Перенесение из Киева в Полоцк честных мощей преподобной Евфросинии

1911 г.: Святитель Иоасаф, епископ Белгородский

1913 г.: Святейший Патриарх Ермоген

1914 г.: Святитель Пителир, епископ Тамбовский

1916 г.: Святитель Иоанн, митрополит Тобольский

Этот молитвенный задел был той духовной силой, которая помогла православной Руси перейти через темную ночь безбожия, когда едва ли не в каждом верующем доме была иконка (иной раз — самодельная) преподобного Серафима. Даже ядерное оружие, уберегшее духовно ослабевшую Россию от физического уничтожения геополитическими противниками и давшее ей шанс дожить до духовного возрождения, не без промысла создано было именно в Сарове.

Но оставил Государь и вещественное, материальное наследство. Чем дальше, тем больше выясняется современными исследованиями, что 23 года правления Николая II были не «двадцатью тремя ступенями вниз» (как компостиговала мозги советская пропаганда), а эпохой невероятного исторического рывка России — в экономике и индустриализации, в развитии транспортной инфраструктуры и военных сил, в науке и культуре.

Государь стоял как самодержец во главе этого развития, направлял его стратегически, принимал конкретные решения и его эпоха, даже

несмотря на трагический финал, должна быть признана одной из самых блестящих и продуктивных во всей русской истории.

Особенно важно было в «николаевском рывке» то, что это был период нормального исторического развития без чрезвычайности и чрезвычайек, достигавшего цели за счет умножения, а не растраты народных сил. Никогда ни на одном направлении большевизму, при всех чудовищных «мобилизационных» методах (голод, расстрелы, принудительный труд), в последующие эпохи не удалось достичь результатов сравнимых с теми, которые получались при царе как бы «сами собой».

Царь против голода

Первая важная заслуга императора как правителя и христианина — он полностью покончил с нависавшим над Россией призраком голода. Мировые циклические аграрные кризисы, рост сельского населения страны и изменение географии его распределения привели к трагическим последствиям в результате недорода 1891 года. Голод в Российской империи не имел, конечно, характера большевистских голодоморов 1920–1921, 1932–1933 и 1946 годов — мало кто умирал непосредственно от отсутствия пищи, однако ослабленные недоеданием крестьяне становились жертвами эпидемий, прежде всего — тифа и холеры.

Не имевшая возможности при Александре III прямо бороться с правительством на политическом поле, прогрессивная общественность нашла себя на ниве гуманитарной политики. Шумная «борьба с голодом» стала способом указать на непригодность существующей государственной системы, в народ вбрасывалась провокационная формула «царь-голод». Правительство обвиняли в том, что его политика массивного экспорта зерновых обрекает на голод деревню — экспорт под давлением этой критики был снижен, и это привело к утрате Россией выгодных зерновых рынков, а значит... к потере заработка крестьянами в следующие годы.

Большую и бестолковую активность на ниве помощи голодающим развернули земства — их суета привела к тому, что цены на продовольствие пошли вверх, и денег на еду стало не хватать уже и тем мужикам, которые ранее от недорода не пострадали, а перевозки хлеба на вспомоществование закупорили железные дороги.

На этом фоне выгодно отличалась система «официозной» благотворительности, которую возглавлял Особый комитет во главе с наследником цесаревичем Николаем Александровичем. Он сосредоточился на корректировке долгосрочных последствий недорода — предотвращении эпидемий, прокорме крестьянской скотины (нехватка продовольствия вызвала массовый убой скота, больно отозвавшийся на экономике России в следующие годы), обеспечении безлошадных крестьян тягловой силой, предоставлении семян.

В этой работе сказалась важная черта всего государственного облика Николая Александровича — поиск долгосрочных стратегических решений, способность не гнаться за сиюминутной популярностью, а найти постоянное решение вопроса.

Возглавив страну, Николай II приступил к работе по решительному искоренению недородов. С одной стороны, крестьянам были списаны «голодные» зерновые и денежные ссуды. Император поставил перед исполнительной властью вопрос о «чрезмерном напряжении платежных сил населения». С другой — было развернуто массивное строительство железных дорог, позволявшее производить маневр хлебных ресурсов по всей стране. Намечена была долгосрочная политика по освобождению финансов империи от зависимости от хлебного экспорта.

Первой проверкой новой системы противодействия голоду стал неурожай 1901 года. Созданная государственная система сработала настолько эффективно, что, выделив 32 миллиона рублей, правительство полностью сняло проблему недорода. Когда в 1902

году крестьяне Полтавской и Харьковской губерний, несмотря на правительственную помощь, начали громить хлебные магазины, мотивируя тем, что голодны, император действовал совсем не так, как действовал в тех же местах 30 лет спустя Иосиф Джугашвили, — началось массированное списание крестьянских недоимок казначейству, достигшее 25 миллионов рублей.

В значительно более сложной обстановке проходила борьба с недородом в 1905–1907 годах. Взбунтованные эсерами крестьяне громили хлебные магазины, сжигали помещичьи усадьбы, тем самым лишая одной из опор систему благотворительности, да и самих себя лишая возможности подработать наемным трудом при недороде.

Общинные и земские хлебные запасы во многих местах были разворованы (не царем и не чиновниками, разумеется, не имевшими к ним доступа). Когда правительство закупило на 77 миллионов рублей 75 миллионов пудов хлеба, революционеры начали железнодорожную забастовку, для того чтобы «сатрапам» не удалось его перевезти. В стране провоцировался голодный бунт на фоне массовой смертности.

Без учета этого обстоятельства — на кону стояли миллионы человеческих жизней — невозможно понять ни «уступчивости» императора, поступившегося частью самодержавных полномочий при даровании манифеста 17 октября, ни жесткости при подавлении мятежа радикальных элементов в Москве и на Транссибе. Сочетание уступок и твердой руки позволили благополучно завершить спасательную операцию.

Но и в следующие годы антигосударственные силы пытались использовать голод прежде всего как инструмент свержения самодержавия. «Народолюбцы» в Думе тормозили ассигнования на продовольственную поддержку, земская благотворительность в деревне превратилась в открытый рассадник революционной пропаганды.

МВД, возглавляемое П.А. Столыпиным, исключительно успешно справилось с прокормлением недоедающих и с предотвращением перерастания недорода в голод. Однако императором было принято твердое решение — впредь помощь голодающим должна осуществляться правительственными и аккредитованными структурами: «Красным крестом». Столыпинские аграрные реформы и переселенческая политика призваны были разрешить аграрный кризис.

Заключительным испытанием царского «помгола» стал недород 1911 года. Профилактические правительственные мероприятия носили беспрецедентный характер — 170 миллионов рублей было выделено на продовольственную помощь, широкий характер приняли общественные работы, на которые было ассигновано 42 миллиона рублей. В народных школах детям было выделено 25 миллионов обедов.

К этому моменту серьезно сократился экспорт зерна, а при недороде страна прибегала к импорту — развитие промышленности давало бюджету другие источники экспортных доходов. Ни о каких «голодных смертях», о которых рассказывает и по сей день антимонархическая пропаганда, не приводя, впрочем, никаких документально подтверждаемых цифр, речь не шла и идти не могла.

1911 год должен был стать последним годом, когда слово «голод» могло прозвучать на просторах Российской империи хотя бы в виде опасения перед последствиями недорода. Последние шесть лет правления Николая II аграрное развитие России стояло на столь высоком уровне, что даже во время Великой войны нормой жизни империи было сравнительное продовольственное изобилие тогда, когда Германия подъедала последние ресурсы. Представить себе «государство рабочих и крестьян», в котором прямая смерть от голода в 1921, 1932-33 и 1946 гг. унесет жизни более 10 миллионов человек, а искусственная бедность станет постоянным фоном жизни нескольких поколений, никто просто не был в состоянии.

Соха императора Николая

При двух последних государях и под личным попечением Николая II был осуществлен грандиозный проект Транссибирской магистрали, построенной усилиями русских инженеров и свободных рабочих. Для его оценки достаточно сказать, что из трех грандиозных трансконтинентальных проектов той эпохи — британской трансфриканской дороги Каир — Кейптаун, германской Багдадской железной дороге и русского Транссиба, своевременно и в полном объеме был осуществлен только этот последний.

В кратчайшие сроки под личным наблюдением Государя была построена по болотам Карелии и мерзлоте Заполярья Мурманская железная дорога, не успевшая из-за революции сыграть роль в Первой мировой войне, зато сыгравшая огромную роль во Второй (именно ради нее гибнут в бою с диверсантами героические девушки из «А зори здесь тихие»).

Для сравнения, крупные советские железнодорожные проекты были либо достройкой царских проектов, как Турксиб, или так и не были достроены, как сталинская «трансполярная магистраль», которую забросили, несмотря на похороненные у ее насыпей десятки тысяч «зеков».

Одной из наиболее разумных мер сталинской эпохи был так называемый «Сталинский план преобразования природы», сиречь создание системы степных лесополос от засухи. Однако этот план был лишь расширением на весь южный СССР Лесополосы Гёнка — созданной в 1886—1903 г. Нестором Карловичем Генко, преобразившего самарские, царицынские и воронежские степи.

«Николаевская» Россия в области индустриализации, научно-технического развития, общественной организации двигалась вперед семимильными шагами. То тут, то там натыкаешься на ту или иную «соху императора Николая» — первый ледокол «Ермак» сконструированный адмиралом С.О. Макаровым, на который

впервые была осуществлена передача Поповым сигнала бедствия, первый тяжелый самолет-бомбардировщик, сконструированный Игорем Сикорским (пользовавшийся постоянной личной поддержкой Государя), первый опыт полета полярной авиации, первый авианосец...

Для того, чтобы создавать иллюзию отсталости, грязи и нищеты, из которой вывели Россию Ленин и Сталин, коммунистической пропаганде приходилось безбожно лгать на николаевскую эпоху, преуменьшая или замалчивая её достижения.

Сколько пафосных слов было сказано в советской пропаганде на тему «бестракторной» царской России, в которой только Ильич оценил необходимость освоения этих тяжелых сельхозмашин. И лишь мелким шрифтом в примечаниях можно было вычитать о том, что еще в 1903 году Яков Васильевич Мамин изобретает свой первый двигатель на тяжелом топливе — русский дизель, а в 1911 году создает трактор собственной конструкции «Русский трактор-2» и на Балаковском заводе (ныне носит имя его и его расстрелянного в 1938 брата) начинает его производство, построив до революции больше ста тракторов.

К 1917 году уже десяток заводов в России развернули строительство тракторов отечественной или импортной конструкции. Россия в тракторостроении шла почти наравне с лидерами отрасли — американцами и была отброшена на десятилетие назад лишь революцией.

Практически во всех отраслях индустриального развития Россия Николая II была лидером или дышала в затылок лидеру. Ни о каком отставании страны, да еще и требовавшем революции, речи вести вообще не приходилось. Особенно ярко индустриально-технический задел царского времени сказался в годы Великой Отечественной войны.

Царь-победитель

Когда нам говорят «царь проиграл Первую мировую, товарищ Сталин выиграл Вторую мировую» перед нами классический случай лжи.

Столкновение Германии и франко-русского союза было неизбежным, что бы там ни твердили параисторики. Однако государь всеми силами старался предотвратить конфликт, используя, в частности, династическую дипломатию. Но германский кайзер Вильгельм оказался безнадёжен. Зато государю успешно удалось содействовать привлечению к франко-русскому союзу Британии, что обрекало Германию на неизбежное поражение. А вступление в войну ради защиты православной Сербии серьезно поднимало дух нации, по сравнению с вероятной войной из-за какой-нибудь африканской колонии, которая могла начаться через год-другой. В начале и дважды в ходе войны государь своим вмешательством и давлением на союзников спасал сербский народ, и тот неслучайно чтит его как святого заступника.

Ни о каком «проигрыше» Россией Первой мировой войны говорить не приходится. На момент предательского свержения императора русская армия стояла на территории двух из трех граничивших с ней враждебных держав. Никакие даже самые неудачные операции, как «самсоновская катастрофа», не могли и близко сравниться со стратегическими и человеческими потерями киевского котла 1941 года, возникшего тоже в результате неудачных действий верховной власти. Даже в теории не могла идти речь об угрозе Москве или Петрограду, подобной той, что возникнет четверть века спустя. Россия не обороняла Севастополь, а готовилась к занятию Константинополя.

Возглавивший армию в качестве Верховного Главнокомандующего, Государь не только сыграл крупную роль в ликвидации последствий Свянцянского прорыва немцев, ставшего последним успешным наступлением немцев на Восточном фронте до самого февраля 1917. Огромна была роль Николая II и в планировании и осуществлении важнейших операций 1916 года — наступления на Нарочи (спасшего

французский Верден) и знаменитого Брусиловского прорыва. Ежедневное внимание император уделял улучшению снабжения русской армии, его неустанным попечением были преодолены снарядный и оружейный голод, внедрены противогазы.

Не было никакого сомнения в том, что Россия в 1917 году вместе с союзниками стояла на пороге победы, когда русская власть получила удар изнутри, в конечном счете приведший к установлению диктатуры коммунистической секты во главе с полу-немцем, подрабатывавшей германским шпионажем.

Даже после падения императорской власти Временное правительство, пусть и с трудом, но держало фронт и вполне могло дожидаться стратегически предопределенного военного краха Германии. «Поражение России в Первой мировой» — полностью продукт деятельности правительства большевиков, ликвидировавшего армию и подписавшего капитуляцию, именуемую «Брестским миром». Без всякого военного поражения Россия откатилась в границы XVI века. И за ложью о мнимом царском поражении скрывается эта действительная измена.

Во Второй мировой, которая не могла бы и начаться, не если бы не падение русской монархии и не «Брестский мир» в Первой, «царский» фактор сказывался на усилиях нашей страны постоянно. Приморские города Ленинград и Севастополь держались благодаря артиллерийскому огню «царских» фортов береговой обороны — «Красной горки» под Ленинградом, 30-й и 35-й батарей в Крыму. «Ленинград» еще и защищали орудия царских линкоров «Петропавловск» и «Гангут» («индустриализатору» Сталину, напомним, ни одного линкора построить не удалось, как бы он о них ни мечтал).

Общепризнано, что одним из советских военных козырей был танк Т-34. «Если бы советская власть не провела индустриализацию, такие танки не были бы возможны», — верещали пропагандисты. Однако, вот загвоздка, Т-34 был разработан в КБ на Харьковском

Паровозостроительном заводе, основанном... в 1896 году, аккурат при царе Николае, и за два десятилетия дореволюционной истории ставшем одним из опорных предприятий российского ВПК с колоссальным технологическим опытом и выучкой кадров. И тут кувалда социализма на поверку оказалась «сохой царя Николая».

Победа 1945 года (одержанная в составе практически той же Антанты — коалиции, в которой состояла Россия при царе и из которой её вывел Ленин) оказалась не демонстрацией преимуществ советского строя, а доказательством устойчивости и величия вечной России, огромный запас прочности которой был многократно усилен за эпоху Николая II.

Даже основы великого космического прорыва были заложены именно в царскую эпоху. Русская инженерная школа, выведшая нас в космос, создавалась до революции, а её кадры учились в «столыпинских» политехах. Другое дело, что не будь ужасов красного террора, то её достижения могли быть еще более впечатляющими и русским удалось бы первыми достичь Луны.

Обидно даже не то, что советская власть не признавала, что в своем «прорыве в будущее» практически во всем зависит от царских достижений, а то, что далеко не всеми достижениями новый строй сумел воспользоваться из-за изгнания лучших инженерных умов и пренебрежения их идеями.

Монархист, ревнитель памяти императора Николая II и яркий православный богослов Игорь Иванович Сикорский вынужден был конструировать вертолеты для США (при этом укомплектовав свою компанию почти исключительно русскими и православными). Предположенная еще в 1916 году Александром Шаргеем, студентом основанного Николаем II Петроградского политеха, «петля Кондратюка» привела на Луну американских астронавтов и советские автоматические станции. Королев, ученик Фридриха Цандера, опубликовавшего первые работы по освоению космического пространства еще при царе, умер до срока из-за

травм, причиненных ему следователями НКВД: сломанная челюсть помешала ввести дыхательную трубку в трахею при операции. Смерть генерального конструктора сорвала советскую лунную программу.

Представить себе подобное отношение к конструкторам и ученым при императоре Николае II просто невозможно.

Кто был «кровавым»?

Кличка «Кровавый» понадобилась революционерам прежде всего для того, чтобы отвести глаза от своих преступлений. За период, когда правительству надо было отвечать на террор, развязанный революционерами, по приговорам военно-полевых судов был казнен 2981 человек. Это меньше, чем в СССР казнили в день в 1937–1938 годах. По числу казненных на душу населения борющаяся с терроризмом царская Россия уступала... совершенно мирным Соединенным Штатам Америки.

Император Николай II был гуманным, чуждым всякой жестокости, заботливым о судьбах людских человеком не только в частной жизни, но и как политик и государь. Можно вспомнить и его инициативу по всеобщему разоружению, приведшую к заключению Гаагских конвенций о законах войны, серьезно гуманизовавших военное право (и именно это позволяет нам считать нарушителей конвенций, гитлеровцев например, международными преступниками).

Государь в 1912 году лично на себе испытывал солдатскую военную форму, в результате чего Россия вступила в Первую мировую войну с самой удобной и практичной формой из всех воюющих сторон. Введен был защитный цвет (немцы до своего «фельдграу» додумались только во время войны), немислимы были ни французские красные шаровары, ни немецкие рогатые шлемы, ни другие демаскирующие элементы. Эта выверенная государем форма спасла в боях тысячи и тысячи жизней русских солдат.

Атака на образ Государя велась и ведется одновременно с двух сторон. С одной стороны, мнимый «царь-тряпка», который все развалил и упустил власть из рук, которому противопоставляется якобы эффективный Сталин, убивавший врагов подлинных и мнимых миллионами и потому власть удержавший. С другой, одновременно с первым (при всей абсурдности), эксплуатируется миф о «Николае кровавом». Мол, последний русский царь был деспот и палач. И никакое управление на Руси, кроме деспотизма и палачества невозможно, а кровавый террор большевизма был естественным продолжением русской государственности.

И то, и другое — бесстыжая ложь. Николай II не был ни «тряпкой», ни «кровавым». Когда было необходимо, он действовал весьма решительно и требовал решительных мер от подчиненных. Красные пропагандисты любят, к примеру, цитировать его резолюцию касательно лифляндского города Туккума «Надо было разгромить город» лицемерно умалчивая о том, что речь идет о взбунтовавшемся против русской власти городе, где убивали и держали в осаде русских солдат. Убиты были полковник и 6 драгун. Какую резолюцию оставил бы на рапорте о подобном мятеже Ленин, трудно даже представить, наверное, распорядился бы травить газами.

Но Государь, выросший в самосознании Хозяина Земли Русской, главной миссией которого является забота о сбережении народа, не мог, конечно, действовать против своей земли теми же методами, которыми действовал, к примеру, грабитель банков Джугашвили. Он не мог учредить в стране режим постоянного чрезвычайного террора, доносительства, страха...

Усилия императора Николая II были сосредоточены на мирном развитии страны, на ее экономическом прогрессе, на внешней обороне, но не за счет катастрофического понижения уровня жизни народа. Царь не хотел и не мог превращать государства в кровавый инструмент борьбы за власть. И именно этим воспользовались демоны революции, начавшие двадцатилетнюю войну на

уничтожение против русской монархии, всячески старавшиеся подорвать доверие народа к Государю и изолировать Государя от народа.

Многими именно эта гуманность, нормальность, нечрезвычайность ставится сегодня императору в вину. Даже согласившись, что большая часть мифов о России и её царе — «отсталость», «поражение», «слабость», «неспособность» — это ложь, многие всё-таки обрушиваются на царя с претензиями в том, что он не боролся за власть любыми методами. Мол, если уверен в том, что прав, то великая цель оправдывает самые жесткие средства. Если бы Николай II действовал как Сталин, ну или хотя бы как Петр Великий или даже Александр III, он бы не выпустил власти из рук. Фактически именно эта претензия становится сегодня главной даже со стороны левых, поэтому звучит немного парадоксально: если бы царь был и впрямь хороший, он бы всех наших перевешал.

В лице императора Николая II была подвергнута, таким образом, шельмованию, оклеветана и убита идея нормального, свободного от чрезвычайности, гуманного исторического развития России — без рабского труда, без массовых расстрелов, без взрыва церквей и сожжения усадеб (из всего комплекса усадеб Пушкиногорья — Михайловское, Тригорское, Петровское, в 1918 году были сожжены взбунтованными крестьянами все три, а всего по России были сожжены тысячи усадеб, бывших центрами культуры), без идеологических проработок и шаманизма «лысенковщины».

Именно в этом смысле громадный нравственный вызов императора Николая II современному историческому сознанию России. Готовы ли мы к нормальному, нечрезвычайному динамичному развитию? Имеем ли мы достаточный уровень гражданского сознания, чтобы хороший человек, не деспот, ответственно относящийся к своим обязанностям, но имеющий право и на слабости или ошибки, мог бы спокойно осуществлять руководство, не заливая страну кровью? Или же нам подходит только тиран, который за счет громадных

человеческих жертвоприношений держит страну в «ежовых рукавицах»?

Нужна ли нам власть, которая осуществляет реальные великие проекты, такие как Транссиб, ставший единственным действительно воплощенным в жизнь трансконтинентальным железнодорожным проектом той эпохи, или власть которая, крича о великих достижениях, добивается высокой ценой посредственных результатов, для впечатления которыми требуется занижать уровень предшествующего развития страны?

Николай II — это образ нормальной власти, которая может дать обществу нормальную жизнь без чрезвычайных методов. И когда большая часть нашего общества выберет именно его, предпочитая Сталину, найдет именно в царе воплощение позитивной исторической фигуры, то мы увидим формирование запроса на историческую нормальность, на развитие не ценой людоедства.

Эта нормальность должна сопровождаться гражданской ответственностью самого общества. Как показала трагедия императора Николая II и его семьи, быть нормальным человеком во главе государства, не быть тираном, возможно лишь там, где общество само отвергло революцию, террор, разрушение, систематическую клевету на власть и заговорщические ножи в спину. Общество не должно считать своей обязанностью «рвать» там, где тонко и бросаться на прорыв едва ему показалось, что хватка власти ослабеет. Тирании не заслуживает то общество, которое способно понимать другие управленческие механизмы, кроме тирании.

ОТ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ К ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЕ

От февраля к октябрю

После февральских событий политический пейзаж России в считанные дни изменился до неузнаваемости. Известный русский певец Фёдор Иванович Шаляпин так описывает положение в Петрограде в марте 1917 года: «Достаточно было выйти на Невский проспект, чтобы сразу почувствовать, как безумно бушует в народе анархическая стихия. Я видел, как солдаты злобно срывали со стен какие-то афиши, и как из-за этого в разномыслящей уличной толпе возникали кровавые драки». В деревнях крестьяне самовольно захватывали земли, жгли и грабили помещичьи усадьбы, забирая хлеб, семена, скот, машины, орудия.

В ходе февральской революции, к власти в стране пришло временное правительство в котором заседали представители либеральных партий и спонсировавшие февральский переворот олигархи. Одновременно, из представителей рабочих и солдат был сформирован Петроградский совет, так же претендовавший на власть в стране. В нем лидировали представители социалистических партий, эсеров и меньшевиков, а большевики представлены были весьма слабо. Наличие Временного правительства и Петроградского совета депутатов создавало условия двоевластия.

Ещё 1 марта Петроградский совет рабочих депутатов издал приказ № 1, по которому командование в армии и на флоте передавалось выборным комитетам, титулование офицеров отменялось. Армия, в результате, утратила дисциплину и начала стремительно разлагаться.

Вернувшийся в апреле 1917 года в Россию через враждебную Германию лидер большевиков Владимир Ульянов (Ленин), был связан с германским правительством определенными финансовыми и политическими обязательствами. Опираясь на недоступные другим партиям возможности он начал осуществлять свою мечту о

коммунистической революции в России. Массовым тиражом издавалась большевистская газета правда. На фронте шла усиленная антивоенная агитация большевиков за выход из войны.

3–4 июля большевики предприняли попытку захватить власть в Петрограде в то время как на фронте провалилось наступление на немцев. Восстание было подавлено, Ленину пришлось бежать из города, а затем из страны, а временное правительство возглавил социалист-демагог Александр Керенский.

Керенский назначил нового верховного главнокомандующего – энергичного и популярного генерала Лавра Георгиевича Корнилова. Популярный среди солдат Корнилов, предлагал конкретные меры выхода из кризисной ситуации лета 1917 года: милитаризировать фабрики, заводы, железные дороги, ввести смертную казнь в тылу, восстановить жёсткими мерами действенность и престиж органов власти. На этом фоне популярность Александра Керенского стала блекнуть.

Однако когда Корнилов предпринял попытку практически осуществить свои планы, Керенский обвинил его в мятеже. Для ликвидации, так называемого, корниловского мятежа Керенский обратился к помощи большевиков. Так руками Керенского были созданы военно-революционные комитеты и вооружена, так называемая, Красная гвардия, которая и стала основной ударной силой октябрьской революции. Корнилов был арестован.

24-25 октября отряды Красной гвардии при поддержке частей петроградского гарнизона и матросов-балтийцев начали захват важнейших стратегических объектов столицы. Руководили переворотом лидеры большевиков Ульянов (Ленин) и Бронштейн (Троцкий).

На открывшемся 2-м Всероссийском съезде Советов были приняты ленинские декреты о мире и о земле и образовано рабоче-крестьянское правительство – Совет Народных Комиссаров –

Совнарком. Председателем Совнаркома стал лидер большевиков – Владимир Ильич Ленин.

Сразу после октябрьского переворота по стране прокатились стихийные погромы и поджоги имений, расхищение имущества, скота, убийства и грабежи помещиков и просто зажиточных селян.

В январе 1918 года, с ведома Ленина, было разогнано Учредительное собрание. Обещание большевиков провести Учредительное собрание оказалось таким же мифом, как и обещанные народу земля и свобода.

Вслед за разгоном Учредительного собрания в Петрограде открылся III Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Матрос-анархист Анатолий Железняков откровенно заявил с трибуны съезда, что большевики (к которым он уже относит и себя) "готовы расстрелять не только десять тысяч, но и миллион народа, чтобы сокрушить всякую оппозицию".

Первыми своими актами большевики признали независимость Польши и Финляндии и начали заигрывать с украинскими сепаратистами, которые, узнав о падении Временного правительства провозгласили отделившуюся от России «Украинскую народную республику». УНР, как и большевистское правительство, ориентировалась на Германию.

Гражданская война

Положение о превращении империалистической войны в войну гражданскую было одним из главных в большевистской теории задолго до прихода Ленина к власти. Морально и психологически большевики были готовы к гражданской войне. «Поднимем знамя гражданской войны!» - восклицал Ленин в 1914 года, а Лев Троцкий, говорил: «Советская власть — это организованная гражданская война против помещиков, буржуазии и кулаков».

Несогласие большей части населения России с политикой большевиков приводит к Гражданской войне, которая длилась с 1918 по 1922 год. Спусковым крючком к разворачиванию гражданской войны стало заключение правительством большевиков Брестского мира с Германией 3 марта 1918 года, по которому Россия признавала свое поражение и становилась фактическим сателлитом Германии. Страна теряла около 1 миллиона квадратных километров территории, на которых проживало более 50 миллионов человек. С переданными большевиками землями западной России, страна теряла 54% предприятий, 33% железных дорог, 90% каменного угля и 73% железной руды. Большевики признавали сепаратистские «Балтийское герцогство», «Королевство Литва» (включавшее часть Белоруссии), «Украинскую Народную Республику», отдавали Турции завоеванные кровью Карс и Батум.

«Заклученный ныне мир, но которому отторгаются от нас целые области, населённые православным народом, и отдаются на волю чуждого по вере врага, а десятки миллионов православных людей попадают в условия великого духовного соблазна для их веры. Мир, по которому даже искони православная Украина отделяется от братской России, и стольный град Киев, мать городов русских, колыбель нашего крещения, хранилище святынь, перестаёт быть городом державы Российской, мир, отдающий наш народ и русскую землю в тяжкую кабалу, — такой мир не даст народу желанного отдыха и успокоения, Церкви же православной принесёт великий урон и горе, а отечеству — неисчислимыя потери» — так оценивал этот «мир» в своём послании от 18 марта 1918 года Святитель Патриарх Тихон.

Заключение Брестского мира окончательно убедило значительную часть граждан России в том, что большевики — изменники, перешедшие на сторону внешнего врага. Те, кто остался верен прежним целям войны с Германией воевали теперь с большевиками рассматривая их не как революционное правительство, а как марионеточный режим внешнего врага. Ответом на интервенцию

Германии и Австро-Венгрии стали и многочисленные интервенции бывших союзников России по Антанте, заявлявших, что оберегают от захвата немцами поставленные в Россию вооружения и боеприпасы.

Страна разделилась красных и белых. Символика как того, так и другого цветов берет начало во Французской Революции 1789-1794 гг. Белый, цвет знамени французской монархии, стал ассоциироваться с борцами против якобинской диктатуры. Напротив, красный цвет знамен и «фригийских колпаков» стал символом революционеров-цареубийц.

В первой половине 1918 г. сформировалось несколько центров борьбы с большевиками. На юге Европейской части России действовала Добровольческая армия генерала Корнилова, после его гибели в апреле 1918 преобразованная генералом Антоном Деникиным в Вооруженные силы Юга России. С Кубани ВСЮР наступали на Дон и дошли в 1919 до Харькова, Киева и Воронежа. После неудачи этого наступления Деникин передал власть генералу Врангелю, защищавшему Крым. В Поволжье, на Урале и в Сибири действовали силы, возглавляемые адмиралом Колчаком, принявшим титул Верховного правителя России, признанный рядом зарубежных стран. На Петроград с территории Эстонии пыталась продвинуться армия генерала Юденича. Лозунгом белых было «За единую и неделимую Россию».

Они отстаивали идею единства государства и высвобождения его из под власти «немецких агентов» - большевиков. Пока шла Первая мировая война белые пользовались поддержкой Антанты, но затем её интерес к положению в России стал снижаться.

Объявление принудительной мобилизации в РККА 29 мая 1918 года позволило большевикам быстро добиться численного перевеса Красной Армии над белыми войсками. К лету 1919 года общая численность белых войск составляла 300 000 человек, тогда в РККА к концу этого года служило около 3 миллионов человек, а к осени 1920 года – 5,5 миллионов человек. Нельзя забывать, что под контролем

красных были более населённые регионы. На подконтрольной большевикам территории располагалось множество военно-промышленных предприятий, которые осуществили материально-техническое обеспечение РККА, тогда как белые войска зависели от поставок вооружения странами Антанты.

Наряду с собственно военными действиями, важнейшей составляющей войны стал красный террор. Ленинские указания предписывали начать массовый террор, организовывать расстрелы, изолировать неблагонадежных в концентрационных лагерях и проводить прочие чрезвычайные меры. Важным инструментом борьбы с контрреволюцией была ВЧК во главе с Дзержинским, бывшая непосредственным инструментом террора. Белые также бывали жестоки со своими политическими врагами, однако только красные полностью освободили террор от понятия личной вины, убивали не за действия, а за принадлежность к «враждебному классу».

Одним из самых одиозных актов террора стало убийство всей царской семьи (император Николай и императрица Александра, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия) и их слуг в ночь с 16 на 17 июля 1918 года в доме Ипатьева в Екатеринбурге.

9 августа 1918 года Ленин в телеграмме Пензенскому губернскому исполкому писал: «Необходимо организовать усиленную охрану из отборно надежных людей, провести беспощадный массовый террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города». Так по указу Ленина и Троцкого. были организованы первые концлагеря. Осенью 1920 года, разгромив основные силы белых и заняв Крым большевики устроили там массовый террор, в котором по классовому признаку уничтожили десятки тысяч жертв.

Гражданская война стала тяжелым испытанием для России. За братоубийственный конфликт в стране, не оправившейся от

последствий революций и Первой мировой войны, русскому народу пришлось заплатить огромную цену. По сравнению с 1913 годом общий уровень промышленности сократился в пять раз. Metallургия производила столько металла, сколько при Петре I. Сельское производство сократилось на 40%. Ущерб народному хозяйству составил около 50 миллиардов золотых рублей.

Во время военных действий особенно пострадали Донбасс, Бакинский нефтяной район, Урал и Сибирь, были разрушены многие шахты и рудники. Из-за нехватки топлива и сырья останавливались заводы. Рабочие были вынуждены покинуть города. Петроград потерял 60% рабочих, Москва – 50%.

Эпоха НЭП-а

В 1921 году из-за неурожая страну охватил массовый голод особенно болезненно ударивший по Поволжью. В городах начались забастовки. Рабочие выступали за демократизацию политической системы и созыв Учредительного собрания. Крестьяне, возмущенные действиями продотрядов, не только перестали сдавать хлеб по объявленной большевиками «продразверстке», но и поднялись на вооруженную борьбу. Восстания охватили Тамбовщину, Украину, Дон, Кубань, Поволжье и Сибирь.

В марте 1921 года матросы и красноармейцы крепости Кронштадт потребовали освобождения из заключения всех представителей социалистических партий, проведения перевыборов Советов и изгнания из них коммунистов, предоставления свободы слова, собраний и союзов всем партиям, обеспечения свободы торговли, разрешения крестьянам распоряжаться продуктами своего хозяйства. Полки Красной армии, усиленные отрядами ВЧК и делегатами съезда РКП(б), штурмом взяли Кронштадт.

Большевикам стало очевидно, что если войну против белого офицерства и интеллигенции они выиграли, то войну против крестьянства им выиграть не удастся. В марте 1921 Ленин выдвигает

программу «новой экономической политики» (НЭП), которая была призвана выправляет экономический кризис.

Сущность НЭПа состояла в отказе от военного коммунизма и частичном возвращении рыночной экономики. Введение НЭПа началось с сельского хозяйства путем замены продразверстки продналогом. Он устанавливался до посевной кампании, не мог изменяться в течение года и был в два раза меньше разверстки. После выполнения государственных поставок разрешалась свободная торговля продуктами своего хозяйства. Допускались аренда земли и наем рабочей силы.

В производстве и торговле частным лицам разрешалось открывать мелкие и брать в аренду средние предприятия. Был отменен декрет о всеобщей национализации. Крупному отечественному и иностранному капиталу предоставлялись концессии, право создания акционерных и совместных с государством предприятий. Большевики стремились активно привлечь к поддержке своего режима иностранных олигархов предлагая им выгодные условия.

В результате НЭПа в 1926 году по основным видам промышленной продукции был достигнут довоенный уровень. Легкая промышленность развивалась быстрее, чем тяжелая, требовавшая значительных капиталовложений. Условия жизни городского и сельского населения улучшились. Началась отмена карточной системы распределения продуктов питания. Таким образом, главная задача НЭПа — облегчить экономические условия жизни страны, исключив угрозу власти большевиков — была решена.

При этом от идеологического террора против несогласных большевики отказываться не собирались. Ударом по науке и культуре страны стала насильственная высылка за границу видных врачей, ученых, философов, писателей. Осенью 1922 года из страны были вывезены более 160 представителей интеллигенции. Эта акция, позднее получившая название «Философский пароход»,

была проведена по распоряжению Ленина в рамках борьбы с инакомыслием.

Гонениям подверглись все религии без исключения. В христианском, мусульманском, иудейском, буддистском духовенстве большевизм видел своих главных идейных противников. Но самые массовые репрессии обрушились на Православную Церковь.

Еще в годы гражданской войны прокатилась волна организованных большевиками «вскрытий мощей». Заявляя, что они «борются к религиозными суевериями» представители большевиков публично оскверняли вековые святыни православного русского народа – мощи св. князя Александра Невского, преподобного Сергия Радонежского и многих других святых. В 1920, чтобы освободиться от религиозного отношения к жизни и навязать обществу новую мораль советская власть официально легализовала аборты.

В 1922 году под предлогом сбора средств для борьбы с голодом была развёрнута кампания по конфискации церковных ценностей. К февралю 1922 года Церковь собрала для голодающих около 9 миллионов рублей, не считая ювелирных изделий, золотых монет и продовольственной помощи. Однако власти не нуждались в Церкви-союзнике - изъятия церковных ценностей, включая богослужебные сосуды, были превращены в карательные акции. Начался открытый и безжалостный грабёж церквей.

В секретной записке в Политбюро Ленин предлагал: «Никакой иной момент, кроме отчаянного голода, не даст нам такого настроения широких крестьянских масс...Мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий. Чем большее число представителей реакционной буржуазии и реакционного духовенства удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше». В соответствии с этим планом в августе 1922 года была осуждена и расстреляна митрополит Петроградский Вениамин –

активней всех выступавший за передачу в помощь голодающим церковных ценностей. Знаменитая святыня русского православия – Соловецкий монастырь была превращена в концлагерь.

В декабре 1922 Ленин предложил провести «объединение» созданных большевиками республик в Союз Советских Социалистических Республик, чем с карты мира фактически стиралась Россия («бывшая Россия» - стандартное выражение из литературы тех лет). Основопологающим принципом объединения по ленинскому проекту было полное равноправие субъектов Союза и их право на выход из СССР. Ленин добился реализации своего плана вопреки возражениям некоторых других большевистских вождей, в частности Сталина, предлагавших сохранить Россию и включить другие республики в ее состав на правах автономий. Количество республик в 1920-30-е годы все увеличивалось, достигнув к 1939 числа 15.

Одним из самых опасных плодов ленинской национальной политики стала насильственная «украинизация» на территории Украинской ССР. Школьников учили грамоте исключительно на украинском языке в том варианте, который был разработан недавним главой УНР Грушевским. Сотрудников государственных учреждений принуждали к обязательному использованию украинского языка. Вдумаемся в такие газетные сообщения: «Комиссия по украинизации постановила снять с работы 120 сотрудников различных учреждений, уклонившихся от изучения украинского языка... На место уволенных будут приниматься безработные украинцы». Из них становится понятно, что украинский язык навязывался людям насильственно, причем довольно большое количество было тех, кто, не смотря ни на что, сопротивлялся этому навязыванию, даже под угрозой увольнения.

После смерти Ленина развернулась ожесточенная борьба за власть между лидерами большевиков. Первым в этой борьбе проиграл Троцкий, затем Каменев и Зиновьев, наконец – Бухарин и Рыков. Все большая власть сосредотачивалась в руках генерального секретаря

ЦК ВКП(б) Иосифа Сталина. В 1927 Сталина отказался от одного из основных постулатов Маркса, гласящего, что построение коммунистического общества возможно только во всем мире сразу. Партия объявляет курс на строительство социализма и коммунизма в одной отдельно взятой стране — СССР.

Началось свертывание НЭПа. Ликвидировались синдикаты в промышленности, из которой административно вытеснялся частный капитал, а затем создавалась жёсткая централизованная система управления экономикой через хозяйственные наркоматы.

Время первых пятилеток

С конца двадцатых в СССР осуществлялась политика социалистического наступления. По своему радикализму она сравнима с новым этапом революции. Было покончено с частной собственностью в городе и деревне. Государство через систему пятилетних планов стало централизованно управлять экономикой, социальной сферой, наукой и культурой.

При выработке стратегии экономического рывка были взяты на вооружение богатые наработки в области планирования военного производства времен Первой мировой, а также исследования созданной в 1915 году Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) во главе с академиком В. И. Вернадским. Комиссия изучила естественные ресурсы страны и предложила план рационального и эффективного природопользования, причем в её разработках были учтены, к примеру, залежи урана – подлинное значение которого выяснилось только с разработкой ядерного оружия.

Сталин отдавал приоритет тяжёлой промышленности. Ставка на металлургию и машиностроение была вызвана, прежде всего, военными нуждами. Из-за границы были приглашены инженеры и

другие специалисты. СССР продавал не только зерно, но и сокровища Эрмитажа, чтобы завезти необходимое оборудование и специалистов.

Первая пятилетка была связана со стремительной урбанизацией. Городская рабочая сила увеличилась на 12,5 миллионов человек, из которых 8,5 миллионов были выходцами из сельской местности. В конце 1932 года было объявлено о досрочном выполнении первой пятилетки за четыре года и три месяца.

Было освоено множество новых технологий. Был налажен выпуск высокомарочного цемента и высококачественных сортов стали, синтетического каучука, металлорежущих станков, автомобилей, мотоциклов, экскаваторов. В ходе индустриализации в СССР возникли новые отрасли: автомобильная, тракторная, химическая промышленность, станкостроение, моторостроение, самолетостроение и другие. Опережающими темпами развивалась военная промышленность и связанная с военными разработками наука.

Увеличение трудовых ресурсов за счет женщин удвоило армию рабочих СССР. Миллионы женщин пополнили ряды фабричных работниц и служащих. Однако отрыв жен и матерей от семьи и домашнего хозяйства привел к катастрофическим последствиям для демографии. Рождаемость снизилась с 47,8 на 1000 человек в Российской Империи в 1913 году до 28,6 — в 1934-м.

Индустриализация страны потребовала сотни тысяч образованных и профессионально подготовленных специалистов — инженеров и техников, ученых и конструкторов, преподавателей и агрономов, военных разных специальностей. Каждый год открывались новые вузы и техникумы, было введено обязательное среднее образование. За период с 1928 по 1937 год вузы и техникумы подготовили около 2 миллионов специалистов.

Решающим источником индустриализации стало выкачивание ресурсов из деревни. Ломался традиционный уклад деревенской

жизни. Индивидуальные хозяйства объединялись в колхозы, которые получали твердые задания — они были обязаны сдавать государству значительную часть выращенной продукции по низким фиксированным ценам. Зажиточные крестьяне были объявлены кулаками, их высылали на Север и в Сибирь, а осмелившихся сопротивляться — расстреливали. Беспощадно закрывались церкви и арестовывались священники, бывшие моральными авторитетами для прежней сельской общины.

Для контроля за населением и закрепления стремившихся перебраться в город деревенских жителей в 1932 году была введена паспортная система. Нововведение не предусматривало выдачу паспортов гражданам, постоянно проживающим в сельской местности. Их право на передвижение было серьезно ограничено. Одним из последствий насильственной коллективизации стал голод 1931–1933 годов, унесший миллионы жизней во многих областях РСФСР, на Украине, в Казахстане.

В результате первых пятилеток страна совершила беспрецедентный скачок в росте промышленной продукции. Было построено 35 индустриальных гигантов. За это время в строй вступило около 6000 крупных предприятий. Темпы роста тяжелой промышленности были в два-три раза выше, чем перед Первой мировой войной. Прекратился ввоз из-за рубежа более 100 видов промышленной продукции. К 1937 году удельный вес импорта в потреблении страны снизился до 1%.

В мае 1935 года в Москве был пущен в строй метрополитен. Именно тогда открывались первые парки культуры и отдыха, становились традиционными народные гуляния и другие массовые мероприятия. Спорт стал не просто модой и увлечением, а частью жизни и повседневной, и праздничной. Государство возвращается к пропаганде традиционных семейных ценностей, запрещаются аборты.

Запрещавшаяся все послереволюционные годы рождественская ёлка возвращается к детям. Однако теперь у праздника было отобрано всякое религиозное содержание – теперь праздновалось не Рождество, а новый год и главными на этом празднике были не Младенец Христос, волхвы и Святитель Николай, а Дед Мороз и Снегурочка.

Советской власти, вместо прежнего интернационализма и мечты о мировой революции и братстве рабочих всё чаще приходилось апеллировать к патриотизму, в том числе к русскому народу. В большевистской пропаганде запрещается русофобия, и наиболее знаменитые пропагандисты-русофобы, такие как Ефим Придворов (Демьян Бедный), отлучаются от печати и даже исключаются из партии. Богохульное творчество Бедного было осуждено политбюро за то, что он «дает антиисторическое и издевательское изображение крещения Руси, являвшегося в действительности положительным этапом в истории русского народа, так как оно способствовало сближению славянских народов с народами более высокой культуры». Посмертно был осужден глава антинациональной школы марксистских историков Михаил Покровский.

Уже в 1937 году Сталин впервые публично признал, что Советская Россия является наследницей Российской Империи: «Русские цари... вели войны и захватывали территории в интересах помещиков. Но они сделали одно хорошее дело: сколотили огромное государство — до Камчатки. Мы получили в наследство это государство» - представить себе такие речи из уст кого-либо из большевиков в 1920-е годы было абсолютно невозможно. Издевательства над мнимой «русской отсталостью» сменились прославлением подвигов русского народа, причем в пантеон национальных героев вернулись Александр Невский, Иван Грозный, Минин и Пожарский, Петр Первый, Суворов и Кутузов о которых создавались произведения в новом, важнейшем для большевиков виде искусства – кино.

Массовые и политические репрессии

Резкий поворот от интернационализма к русскому патриотизму был невозможен без массовой чистки партии от «старых большевиков-ленинцев». В 1936 году начались так называемые «московские процессы», на которых показательно уничтожалась ленинская партийная верхушка. Ирония истории состояла в том, что в роли главного обвинителя на них выступал генпрокурор СССР Андрей Вышинский, в 1917 году подписавший ордер на арест Ленина как германского шпиона.

Первый удар был нанесен против отстраненных от власти бывших сторонников Троцкого. Было объявлено о раскрытии ленинградского и московского троцкистско-зиновьевских террористических центров, руководимых Зиновьевым и Каменевым. Процесс над ними в 1936 году открыл серию так называемых Московских процессов — открытых судов над бывшими высшими функционерами партии и Советского государства. Масштаб уничтожения советской верхушки показывают дошедшие до нас 338 расстрельных списков, завизированных лично Сталиным и содержащих 45 тысяч имен партийных и советских работников, красных командиров и военспецов, писателей и ученых — всех, кто так или иначе казался Сталину и НКВД представляющими политическую опасность.

В 1937 и 1938 годах прошла чистка командного состава Красной армии. Количество арестов в Красной армии начало спадать уже в 1938 году, но чистка продолжилась вплоть до 1941 года. За это время из пяти маршалов Советского Союза жертвами репрессий стали трое. Всего же из 800 высших командиров были арестованы 500, а расстреляны 400.

Массовая расправа с советской верхушкой формировала у Сталина и его окружения страх перед тем, что ослаблением коммунистов воспользуются сторонники старого строя. Решено было обрушить на них репрессии еще более мощные, чем на партийную верхушку. 31

июля 1937 года Политбюро ЦК ВКП (б) утвердило изданный накануне оперативный приказ НКВД №00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и бывших антисоветских элементов». Началась самая кровавая страница большого сталинского террора, которую чекисты в своем обиходе называли «кулацкой операцией». Репрессированию подлежали: хозяйственные крестьяне (так называемые кулаки), священнослужители и активные верующие; не эмигрировавшие или вернувшиеся «слуги царского режима» — от бывших министров и губернаторов до квартальных полицейских, офицеров и рядовых царской и белой армий, которые все скопом записывались в члены ненавистного большевикам РОВСа; участники вооруженного сопротивления продотрядам времен Гражданской войны (так называемых «кулацких восстаний»), бывшие члены небольшевистских революционных партий — эсеры, меньшевики, анархисты.

Антицерковные репрессии достигли пика в 1937–1938 годах, в период «большого террора». Было арестовано около 160 тысяч служителей Церкви — священников, церковных старост, активных прихожан. Около половины от общего числа приговоров были к высшей мере наказания. В целом репрессиям подверглось не менее 90% духовенства и монашествующих (многие из них были расстреляны или умерли в заключении), а также значительное число мирян. К 1939 году в СССР оказались закрытыми все монастыри (до революции в России их было около тысячи). Не закрытыми оставались около ста храмов из 60 тысяч, действовавших в 1917 году. Однако сломить Церковь не удалось. Более того: в годину великих испытаний власти сами обратились за поддержкой к Русской Церкви, ко всем верующим.

Имел Большой террор и чисто экономический аспект. Переход к ускоренной индустриализации требовал все больше рабочих рук. Поэтому расширяется сеть исправительно-трудовых лагерей, которые стали поставщиками человеческих ресурсов для самых

трудоемких и изнурительных работ на стройках пятилетки. Лагеря создавались в непосредственной близости к стройкам, а то и специально для реализации того или иного проекта, как, например, строительства каналов.

С 1929 году все осужденные на срок от трех лет на основании постановления «Об использовании труда уголовно-заключенных» передавались в ведение ОГПУ. ГУЛАГ — известное, но страшное в своей непонятности слово, означает — Главное управление исправительно-трудовых лагерей. Долгое время статистика по ГУЛАГУ была засекречена и сравнительно недавно стало возможно узнать некоторые цифры. Так, согласно официальным данным всего в системе лагерей, тюрем и колоний ОГПУ и НКВД с 1930 — по 1956 годы одновременно содержалось от 500 тысяч до 2,5 миллионов человек.

Смертность заключенных за весь период существования ГУЛАГА составила более одного миллиона шестисот тысяч человек. Большинство расстрелянных и погибших в лагерях были простые люди — как и те, что гибли в первые годы советской власти. Статистка репрессий за период с 1921 по 1953 годы ужасает: более 6 миллионов насильственно переселенных и депортированных, почти 5,5 миллионов осужденных по политическим мотивам, из них свыше 800 тысяч приговоренных к смертной казни.

Свертывание Большого террора началось осенью 1938 года, когда Сталин пришел к выводу, что поставленные им цели достигнуты. 17 ноября 1938 года вышло постановление «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», официально прекратившее кампанию репрессий. Однако страну ждало новое грозное испытание — нападение немецко-фашистских захватчиков и Великая Отечественная Война.

Великая Отечественная

Пришедший в Германии к власти в 1933 году Адольф Гитлер рассматривал именно Россию как источник новых земель для германского народа. «Приняв решение раздобыть новые земли в Европе, — писал он, — мы могли получить их, в общем и целом, только за счет России. Немецкий меч должен был бы завоевать землю немецкому плугу и тем обеспечить хлеб насущный немецкой нации». Чтобы лучше понять цели и намерения захватчиков, достаточно ознакомиться с высказываниями руководителей и идеологов нацизма. Адольф Гитлер говорил: «Славяне созданы для того, чтобы работать на немцев, и ни для чего больше». Йозеф Геббельс так отзывался о русских: «Они бесчувственны, словно животные. Лишения и нищета — обычные условия их существования».

Для наступления на Советский Союз Германия развернула три группы армий. Группа армий «Север» наносила удар по Прибалтике, стремясь взять Ленинград. Группа армий «Центр» через Белоруссию двигалась на Москву, а целью группы армий «Юг» была столица Советской Украины — Киев. Вместе с немцами в поход шли армии союзников Германии — венгров, румын, финнов, словаков, хорватов, не считая добровольцев из других стран Европы. Армия вторжения насчитывала 4 миллиона 300 тысяч человек, более 4000 танков и штурмовых орудий и почти 5000 самолетов. Красная армия уступала противнику в численности — на фронте у нее было лишь немногим более 3 миллионов человек.

Кампания 1941 года стала небывалым испытанием для Красной армии. Немецкие войска нанесли ей поражения на всех направлениях и заняли Прибалтику, Белоруссию, Молдавию. Были потеряны главные житницы страны — зерновые районы на Украине и Юге России. Немецкие войска захватили Минск, Киев, Харьков, Смоленск, Одессу, Днепропетровск. 8 сентября был полностью окружен и блокирован Ленинград. Огромное количество солдат и офицеров попали во вражеский плен.

Но надеждам Гитлера на быструю победоносную войну не суждено было оправдаться. Более того, в тяжелейших условиях первых месяцев войны СССР сумел не только выстоять, но и сохранить свою промышленность. В ходе проведенной в 1941 году масштабной эвакуации на восток было отправлено 2500 промышленных предприятий и 17 миллионов человек.

И перелом в войне наступил. Он произошел во время зимней кампании 1942/43 годов. Центральное место в действиях Красной армии того времени заняла Сталинградская битва. После разгрома немецкой группировки под Сталинградом инициатива перешла к Советскому Союзу.

В это время завершается наметившийся в предвоенные годы поворот советской власти к патриотическим ценностям и гордости русской историей. В 1943 году взамен коммунистического «Интернационала» прозвучал новый гимн сражающейся страны начинавшийся со слов «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». В том же году плечи офицеров украсили погоны, такие же как в русской императорской армии. Мальчики по всей стране, в частности – дети погибших героев, отправились на учебу в Суворовские и Нахимовские военные училища.

Важным фактором патриотического подъема стало и примирение советского государства с Русской Православной Церковью. Уже в 1941 году было прекращено издание хулиганского журнала «Безбожник». На деньги верующих были созданы танковая колонна «Дмитрий Донской» и авиаэскадрилья «Александр Невский». В сентябре 1943 Сталин встретился с представителями Русской Православной Церкви. Было разрешено избрание патриарха, из лагерей были выпущены священники и епископы, открывались церкви и монастыри.

Для каждого стало очевидно, что Гитлеру и его приспешникам пришлось схватиться не с большевиками, а с вечной Великой Россией и Святой Русью.

Впереди было два года тяжелейших боев, но хребет армии агрессора был сломан. В 1943 году красная армия разбила врага в Курской битве и деблокировала Ленинград, в 1944 прогнала врага до границы СССР, а в апреле 1945 взяла штурм столицу Германии Берлин. 9 мая 1945 стало Днем Победы.

Уже в первом обращении к народу, объявляя о германском нападении глава советского правительства Вячеслав Михайлович Молотов сказал: «Не первый раз нашему народу приходится иметь дело с нападающим зазнавшимся врагом. В своё время на поход Наполеона в Россию наш народ ответил отечественной войной и Наполеон потерпел поражение, пришёл к своему краху. То же будет и с зазнавшимся Гитлером, объявившим новый поход против нашей страны. Красная Армия и весь наш народ вновь поведут победоносную отечественную войну за Родину, за честь, за свободу».

О том же долге перед Отечеством в первый день войны напомнил всей пастве Русской Православной Церкви Патриарший местоблюститель митрополит Сергей (Страгородский) – «Отечество защищается оружием и общим народным подвигом, общей готовностью послужить отечеству в тяжкий час испытания всем, чем каждый может». Голос Церкви был особенно важен для народа потому, что она была гонима все предыдущие годы советской власти - храмы закрывали, священнослужителей и монахов расстреливали и бросали в тюрьмы.

Слыша призыв от Церкви встать на защиту Отечества русские люди понимали, что следует стать выше обид на советскую власть, пусть даже самых обоснованных и веских. В гитлеровцах надлежало видеть не «освободителей от большевизма», а угрозу самому существованию России и русских людей.

Насколько был обоснован такой взгляд? Сегодня мы много знаем о тех планах и целях нацистов в отношении России и русского народа, которые ими не скрывались в своем кругу, хотя и не провозглашались публично:

«Моя миссия, если мне удастся, уничтожить славян. В будущей Европе должны быть две расы – германская и латинская. Эти две расы должны сообща работать над тем, чтобы уменьшить количество славян.... Мы должны применять колонизаторские и биологические средства для уничтожения славян» - такими планами делился фюрер Третьего рейха Адольф Гитлер с диктатором Румынии Михаем Антонеску, помогавшим Гитлеру захватить Одессу.

В приказе генерала Эрика Гёпнера, зачитанном немецким танкистам в ночь на 22 июня 1941 года говорилось: «Война против России является важнейшей частью борьбы за существование немецкого народа. Это – давняя борьба германцев против славян... Эта борьба должна преследовать цель превратить в руины сегодняшнюю Россию и поэтому она должна вестись с неслыханной жестокостью».

В разработанном в конце 1941 года генеральном плане «Ост», в котором намечались контуры будущей политики нацистов на оккупированных территориях России, утверждалось: «Речь идет не только о разгроме государства с центром в Москве... Дело заключается в том, чтобы разгромить русских как народ, разобщить их». В плане предлагалось не допускать получения славянами образования, принимать специальные медицинские меры для сокращения рождаемости и увеличения их смертности.

Для нацистов война против нашей страны была войной на уничтожение. Для нашего народа – борьбой как за жизнь, так и за сохранение своего бытия, своего языка, культуры и места в истории. Замечательно выразила это Анна Андреевна Ахматова в 1942 году в стихотворении «Мужество».

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.

Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.

Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки.

«Мы отомстим, отвоюем, не отдадим на поругание русскую землю, не раз кровью и потом обильно политую нашими предками. Не осрамим на поле битвы отцов, дедов, прадедов наших, не раз отстоявших грудью великую и могучую Русь от нашествия многочисленных врагов при Александре Невском, Дмитрие Донском, Кутузове, Суворове, при Смутном и великом времени Минина и Пожарского.... Я буду бить, уничтожать фашистских гадов всеми своими силами и всеми доступными средствами в великой, освободительной, отечественной войне, чтобы не посрамить оружия русского, наших славных дедов...» - так писал в 1943 году землякам на Тамбовщину старший-лейтенант Красной Армии В. А. Пустырев.

Гитлер двинул против СССР 5,5 миллионов человек. В первые же дни войны к Германии в войне против СССР присоединились Румыния, Финляндия, Италия. В воинских контингентах гитлеровцев сражались граждане Албании, Бельгии, Дании, Испании, Люксембурга, Нидерландов, Норвегии, Польши, Франции, Хорватии, Чехии, Швеции. Поддержали гитлеровцев в первые годы войны и группы коллаборационистов, стремившихся оторвать от СССР народы, которые столетия назад вошли в состав России.

Особенно активны были украинские коллаборационисты – бандеровцы, а также представители Прибалтики: Эстонии, Латвии и Литвы. На совести этих коллаборационистов – немало страшных

преступлений. Достаточно вспомнить концлагерь Саласпилс в Латвии, в который вывозились дети из которых выкачивалась кровь, предназначенная для лечения раненных немецких солдат. Охраняли лагерь латышские нацисты из так называемой «команды Арайса».

Среди бесчисленных преступлений украинских коллаборационистов особенно памятна трагедия белорусской деревни Хатынь. 149 жителей Хатыни (в том числе 75 детей) были сожжены заживо или расстреляны. В карательной операции участвовали 118-й батальон шуцманшафта и особый батальон СС «Дирлевангер» - и тот и другой состояли преимущественно из украинских коллаборационистов. Командовал 118-м батальоном Константин Смовский, полковник «Украинской народной республики» времен гражданской войны. Преступнику удалось скрыться от правосудия под защитой США.

Присоединились к гитлеровской армии и некоторые эмигранты из России, питавшие надежды с помощью Гитлера сокрушить ненавистный им большевизм. Однако таковых были единицы, еще меньше решились напрямую поднять оружие против своего народа и отправились к немцам на «восточный фронт». Большая и лучшая часть эмиграции, несмотря на все противоречия с советской властью, считала необходимым обязательно поддержать свою родину – Россию.

Бывший главнокомандующий белых Антон Деникин, заявил: «Мы испытывали боль в дни поражений армии, хотя она и называется Красной, а не Российской, и радость — в дни ее побед». А философ Иван Ильин подчеркивал: «Чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага и тем больше воюющие народные массы учились подчиняться дисциплине национального военного Верховного командования, не обращая внимания на партийный режим. В воспоминаниях народа о Первой мировой войне, дезертирство с которой обернулось страшным возмездием,

продолжавшимся целых 25 лет, побеждала мысль о том, что эту войну надо лояльно доводить до конца».

Ставка гитлеровцев на то, чтобы разжечь вновь пламя гражданской войны в России оказалась бита. Даже те, кто внутри страны шел на сотрудничество с оккупантами, делали это, чаще всего вынужденно. В оккупации в тот или иной момент войны побывало 41% населения СССР, почти 85 миллионов человек. 4 миллиона 800 тысяч были угнаны на принудительные работы в Германию. В своем тылу немцы сохранили ненавистные значительной части народа колхозы, так как они позволяли эффективно отнимать у крестьян продовольствие.

По мере того, как народ лучше узнавал гитлеровский режим - ширилась ненависть к нему и разрасталось партизанское движение. 2 миллиона 800 тысяч человек – такова была численность вовлеченных в партизанскую борьбу советских граждан. Возникали целые партизанские края, полностью свободные от немцев. В тылу гитлеровцев эффективно действовало Сумское партизанское соединение во главе с Сидором Артёмьевичем Ковпаком, насчитывавшее до 18 тысяч человек. Отряды Ковпака совершали глубокие дерзкие рейды в глубоких тылах гитлеровцев, опираясь на широкую поддержку местного населения.

Противостояние германской агрессии стало фактором сплочения народа прекратившим шедшую четверть века гражданскую войну. Неостановим был поток добровольцев, отправлявшихся на фронт в армию или в народное ополчение. Миллионы людей переводили средства в Фонд Оборона. Всего фондом за годы войны были получены 24 миллиарда рублей (для сравнения – месячная зарплата рядового служащего составляла около 240 рублей).

Беспримерен был подвиг труженников тыла. За 1941-42 годы удалось эвакуировать в восточную часть страны 2,5 тысячи предприятий, преимущественно оборонных. Они начинали работать в чистом поле, под дождем и снегом. Так как большинство мужчин были призваны на фронт, то основную массу работников и в

промышленности и в сельском хозяйстве составляли женщины и дети.

В стране действовала карточная система снабжения, которая едва справлялась с обеспечением населения продовольствием. Рабочие снабжались по норме 1 кг. хлеба в сутки, другие категории – 0,5 хлеба. Катастрофически сократилось потребление сахара, жиров, мяса. Трагедией было положение в блокадном Ленинграде, где в страшную зиму 1941-1942 года норма снабжения рабочих составляла 0,5 кг. хлеба, а служащих, иждивенцев и детей 125 грамм. Сотни тысяч жителей города на Неве погибли от голода и холода, однако не сдали свой город врагу.

Той силой, которая помогала держаться и на фронте и в тылу был патриотизм. Причем сама советская власть отлично понимала, что речь идет не столько о патриотизме в отношении созданного большевиками СССР, сколько о любви народа к вечной России. В годы войны по воле Сталина этот патриотизм поддерживался на высоком уровне.

В 1943 году взамен коммунистического «Интернационала» прозвучал новый гимн сражающейся страны начинавшийся со слов «Союз нерушимый республик свободных сплотила навеки Великая Русь». В том же году плечи офицеров украсили погоны, такие же как в русской императорской армии. Мальчики по всей стране, в частности – дети погибших героев, отправились на учебу в Суворовские и Нахимовские военные училища.

На экранах демонстрировали как довоенные фильмы о национальных героях – «Александр Невский», «Минин и Пожарский», «Суворов», так и созданные в годы войны «Кутузов», «Иван Грозный».

Война стала периодом творческого подъема в культуре нашей страны. Поистине народной стала поэма Александра Твардовского «Василий Теркин». Восхищение вызывал подвиг композитора

Дмитрия Шостаковича, который в блокадном Ленинграде создал «Седьмую симфонию» проникнутую ненавистью к нацизму.

Великий композитор уроженец Донецка Сергей Прокофьев создавал оперу «Война и мир» в которой, в частности, были такие слава в Арии Кутузова, выражавшие чаяния всего народа.

Дерзнул коварный враг
вступить на нашу землю
и скоро он восплачет.
Любовь к отечеству,
и храбрость войска,
и молитвы наши
нам дадут победу.
Потворствовать Россия не привыкла,
в боях свободу отстоит народ.
Отечеству мы вернем спокойствие,
и мир другим державам.
В белокаменной матушке-Москве
не возможен враг во век
подчинить сердца храбрых, вольных людей.
Вся усееется русская земля
неприятеля костями,
победит врага
наш великий народ!

Важным фактором патриотического подъема стало и примирение советского государства с Русской Православной Церковью. Уже в 1941 году было прекращено издание хулиганского журнала «Безбожник». На деньги верующих были созданы танковая колонна «Дмитрий Донской» и авиаэскадрилья «Александр Невский».

В сентябре 1943 Сталин встретился с представителями Русской Православной Церкви. Было разрешено избрание патриарха, из лагерей были выпущены священники и епископы, открывались церкви и монастыри, не были закрыты и те храмы, которые

разрешили открыть на оккупированной территории немецкие власти. Даже некоторые высшие военачальники Красной армии, как защитник Ленинграда маршал Говоров, перестали скрывать свою веру.

Одним из символов патриотического подвига стала деятельность епископа Луки (Войно Ясенецкого). По своей первой специальности святитель Лука был выдающимся хирургом, доктором медицины и профессором, специалистом по лечению тяжелейших и опаснейших загноившихся ран. Годы после революции он почти все время проводил в тюрьмах и ссылках за стойкое исповедание веры. В 1941 году находясь в далекой ссылке он написал советским властям: «Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено. Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку». В сентябре 1941 епископу Луке было разрешено работать в Красноярске, где он делал до пяти сложнейших операций ежедневно, проводя в операционной по 9-10 часов, одновременно исполняя церковное служение. В конечном счете труды святителя-хирурга удостоились Сталинской премии, а сам он стал архиепископом, управляющим сперва Тамбовской, а затем Крымской епархиями Русской Православной Церкви. В 2000 году Лука Крымский был сопричтен к лику святых.

«Священная война» за Родину объединила верующих и атеистов, коммунистов и антикоммунистов, рабочих, крестьян, служащих, интеллигенцию, людей старой России и тех, кто выдвинулся после революции. Все они в едином порыве защищали Отечества желая ему спасения и победы. И в этом был залог того, что героически отстояв Москву в декабре 1941 в мае 1945 наша армия закончила войну в гитлеровском логове Берлине. Одержимые расовым своим превосходством гитлеровцы один за другим кончали с собой или оказывались под судом Нюрнбергского трибунала, а Советский Союз по результатам Великой Победы превратился в сверхдержаву.

Великая Отечественная Война была войной за жизнь нашего народа. В планы гитлеровских стратегов входило не только уничтожение исторической государственности в России и геополитическое расчленение страны, но и физическое уничтожение славян по «расовому» признаку. Перед лицом угрозы Отечеству была в значительной степени преодолена та атмосфера гражданской войны в которой Россия жила после большевистской революции 1917 года. Власть обратилась к русской истории и патриотическому наследию, примирилась с Православной Церковью. Ответом стал массовый сознательный патриотически подъем народа, выразившийся и в героизме на фронте, и в трудовом подвиге в тылу и в культурном творчестве. Война выявила высоту духа нашего народа, готовность к преодолению любых испытаний и победе над врагами. Великая Победа стала прямым результатом этого патриотического подъема.

Великая Отечественная война, проходившая в рамках Второй мировой войны, обернулась для нашей страны потерей десятков миллионов жизней. Это самая трагическая страница нашей истории. И самая героическая. Потери Советского Союза — 26 миллионов 600 тысяч человек, убито более 6 миллионов 900 тысяч военнослужащих, пленных и пропавших без вести — более 4 миллионов 700 тысяч человек. Жертвы среди мирного населения — свыше 15 миллионов человек.

Советскому Союзу пришлось мобилизовать все свои ресурсы на борьбу с агрессором. Экономика страны была переведена на военные рельсы. На службу в армию, флот, для работы в промышленности было привлечено более 34 миллионов человек.

Немецкие войска и их союзники в ходе военных действий и карательных операций разрушили более 1700 городов и поселков, более 70 тысяч сел и деревень, 32 тысячи промышленных предприятий, почти 100 тысяч колхозов. Общий ущерб достиг почти трети национального богатства страны, а в районах, оказавшихся под оккупацией, — до двух третей.

Уинстон Черчилль, премьер-министр Великобритании, говоря о вкладе СССР в победу, говорил: «Кроме советских армий, не было такой силы, которая могла бы переломить хребет гитлеровской военной машине. Именно русская армия выпустила кишки из германской военной машины»; «Ни одно правительство не устояло бы перед такими страшными жестокими ранами, которые нанес Гитлер России. Но Советы не только выстояли и оправились от этих ран, но и нанесли германской армии удар такой мощи, какой не могла бы нанести ей ни одна другая армия в мире. Чудовищная машина фашистской власти была сломлена превосходством русского маневра, русской доблести, советской военной науки и прекрасным руководством советских генералов».

ПОСЛЕВОЕННЫЙ СССР

Послевоенный СССР, в результате Победы в Великой Отечественной войне оказался влиятельной сверхдержавой, прямо или косвенно контролировавшей большую часть Восточной Европы. В 1949 году в гражданской войне в Китае победила коммунистическая партия и СССР обзавелся мощным союзником в Азии. Однако этой сверхдержаве Запад навязал холодную войну, при этом экономика СССР очень серьезно пострадала в результате немецкого нашествия.

В соответствии с четвертым пятилетним планом началось восстановление разрушенного хозяйства. Уровень довоенного производства угля был превышен уже в 1947 г., стали и проката - в 1948 г., чугуна и нефти - в 1949 г. Легкая и пищевая промышленность, а также сельское хозяйство развивались медленно. Используя атлас и дополнительные материалы, укажите на карте предприятия, восстановленные после войны и построенные во второй половине 1940 - начале 1950-х гг. в сфере энергетики, машиностроения, металлургии. Массовая подготовка кадров в вузах, техникумах, профессиональных учебных заведениях, а также на производстве способствовала росту производительности труда. Численность дипломированных инженеров в народном хозяйстве СССР с 1940 по 1953 г. увеличилась с 290 до 480 тыс. человек.

В 1947 году была проведена денежная реформа, причем при обмене советские граждане лишились значительной части накоплений, так как большие суммы обменивались в соотношении 1:2. После этой конфискации денежных излишков последовала отмена карточек, а с 1948 по 1953 ежегодно проводилось снижение цен на продукты и потребительские товары. Хотя цены все равно остались выше довоенных, но значительная часть принесенной войной инфляции была ликвидирована

В идеологии в первые послевоенные годы страна продолжала жить патриотическим подъемом военной поры, ориентируясь на наследие русской истории предшествующих столетий. В 1946 году

народные комиссариаты были по инициативе Сталина переименованы на «старорежимный» манер в министерства, а Красная армия – в советскую. Школьники щеголяли в форме, напоминавшей форму гимназий и реальных училищ царской России.

Продолжался культ героев Российской Империи, на экраны вышли фильмы прославляющие адмиралов Ушакова и Нахимова, положительно показывавшие Екатерину II и князя Потемкина, воспевавшие историческое значение освоения народом Новороссии. В школе и в печати началась борьба за признание приоритета русских ученых в науке, технике и изобретательстве, а писателей и художников призывали к преодолению «низкопоклонства перед Западом» и космополитизма.

Достаточно дружественными были отношения государства с Русской Православной Церковью. В 1947 году было торжественно отпраздновано 800-летие Москвы, причем был заложен памятник её основателю князю Юрию Долгорукому – памятник «князю феодалу» полностью противоречил коммунистической идеологии и был воспринят в обществе как символ обращения СССР к наследию исторической России.

Однако в советском руководстве столкнулись мнения двух групп. Во главе одной стояли партийный идеолог А.А. Жданов и глава Госплана, считавшийся одно время будущим преемником Сталина Н.А. Вознесенский – эта группа выступала за укрепление качества жизни советских людей и за направление основных ресурсов экономики на облегчение тягот народа. Выступала эта группа и за усиление роли России и русского народа в жизни СССР.

Вторая группа, неформальным лидером которой был Лаврентий Берия, в прошлом могущественный и опасный глава НКВД, а ныне председатель спецкомитета по созданию ядерного вооружения, выступала за интенсивное развитие военно-промышленного комплекса, а в национальной политике вместо русской темы стремилась к усилению роли национальных республик.

В 1949 году, после скоропостижной смерти Жданова, группе Берии удалось склонить на свою сторону Сталина. Большинство представителей ждановской группы были сняты с постов, арестованы, а некоторые, во главе с Вознесенским, расстреляны. Патриотический курс в идеологии начал сворачиваться, заменяясь ортодоксальным коммунизмом, по стране пошла новая волна репрессий, хотя и менее массовых чем в 1937 году.

29 августа 1949 года на полигоне в Семипалатинске была испытана первая советская атомная бомба. С ядерной монополией США было покончено. Хотя прошло еще несколько лет, прежде чем ядерные потенциалы СССР и США начали сравниваться, риск столкновения с Советским Союзом теперь стал огромен и для США и НАТО. Решающую роль в освоении ядерного оружия сыграли трудовой подвиг советских ученых во главе с И.В. Курчатовым и ударные темпы строительства новых заводов ВПК. Большое значение умели и усилия разведки, обеспечившей доступ к ядерным секретам США, которыми охотно делились с советской стороной прокоммунистически настроенные американские и английские физики. В 1953 году СССР первым испытал термоядерную бомбу.

В последний год жизни Сталина создавалось впечатление, что он ставит своей задачей окончательно избавиться от первенствующей роли партийной номенклатуры, передав власть в стране государственной бюрократии. На XIX съезде партии в 1952 году Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) (ВКП(б)) была переименована в Коммунистическую Партию Советского Союза (КПСС). Вместо всесильного Политбюро её возглавил широкий Президиум в который были избраны, преимущественно, новые люди, выдвинувшиеся на хозяйственной и организационной, а не на чисто партийной работе. Напротив, многие старые соратники Сталина, в частности Молотов и Микоян, в новую партийную верхушку не попали.

Однако 5 марта 1953 года Сталин скончался от инсульта на своей даче. В унаследовавшей власть группировке первую скрипку начал

играть Берия, получивший пост министра внутренних дел, возглавлявшего и милицию и госбезопасность.

Берия в авторитарной манере начал навязывать советскому руководству новый курс: была проведена широкая амнистия заключенных (не коснувшаяся жертв политических репрессий), лишившая рабочей силы большие сталинские стройки, такие как Трансполярная магистраль. Во внешней политике глава госбезопасности предложил прекратить строительство социализма в Восточной Германии и содействовать её объединению с западной. В национальных республиках СССР, при прямой поддержке Берии, начались смещение (порой переходившие в изгнание) русских кадров и демонстративный переход на нацязыки.

И властолюбие Берии и проводившийся им курс послесталинская партийная верхушка сочла опасными и для себя и для страны. Против Берии составил заговор. 26 июня 1953 года он был арестован на заседании Политбюро военными во главе с Маршалом Победы Жуковым, а в декабре того же года расстрелян. Новым лидером страны постепенно стал Никита Сергеевич Хрущев, руководивший партийным аппаратом.

Одним из первых актов хрущевского руководства стала передача Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР в ходе празднования 300-летия воссоединения Украины с Россией. На смену жесткому подавлению бандеровского движения в послевоенные годы пришла тактика заигрывания с украинским национализмом. Передача была осуществлена с грубым нарушением конституций и РСФСР, и УССР и СССР. Оформление передачи Севастополя, имевшего статус города союзного подчинения, никогда юридически не состоялось. Чувства миллионов людей в России были задеты этим произволом, а после объявления Украиной независимости в 1991 году перешли в открытое возмущение.

В 1956 году, на XX съезде КПСС, был дан старт открытой политике десталинизации. Сталинский культ личности и репрессии были осуждены, большинство осужденных по политическим обвинениям были реабилитированы, изображения Сталина начали убирать, города и улицы, названные в его честь – переименовывать.

Радостным чувством наполняли советских людей все новые достижения прогресса. В 1954 году была запущена первая в мире атомная электростанция в Обнинске. В 1957 году советская ракета выводит на околоземную орбиту первый искусственный спутник Земли – отцом советской космической программы был замечательный конструктор Сергей Павлович Королев, воплотивший великую мечту. В 1959 году вводится в строй первый в мире атомный ледокол «Ленин». 12 апреля 1961 года Юрий Гагарин впервые в истории совершил пилотируемый полет в космос, сделав виток вокруг Земли на космическом корабле «Восход». Это был настоящий триумф СССР и русского человека.

В области культуры наступила «оттепель» - советская интеллигенция получила гораздо большую свободы для выражения своих настроений, для мягкой критики определенных явлений советской действительности (особенно характерных для сталинской эпохи). Конфликт замшелых отставших от жизни ретроградов и веселых молодых новаторов стал центральным для советского кино этих лет («Битва в пути», «Карнавальная ночь»). Большинство этой «фронды» интеллигенции, средоточием которой стал журнал «Новый мир» во главе с автором «Василия Теркина» Александром Трифоновичем Твардовским, не выходило за границы дозволенного свыше и не ставило под сомнение коммунистическую систему.

Однако эта оттепель сопровождалась возвращением марксистских догм в отношении русской истории, положительная оценка прошлого вновь сменилась на проклятия в адрес царизма и крепостников. Была развернута новая кампания против Русской Православной Церкви. Из 60 монастырей к концу правления Хрущева не закрытыми, действующими, осталось 16. Количество

приходов сократилось с 13 500 до 7 500, то есть почти в 2 раза. Были разрушены выдающиеся памятники русской архитектуры, многим другим нанесен непоправимый ущерб.

Внешняя политика Хрущева ознаменовалась чередованием поиска диалога с США и весьма рискованными акциями, провоцировавшими международную напряженность, как строительство Берлинской стены между восточным (советским) и западным секторами немецкой столицы в 1961 году, или размещение советских ядерных ракет на Кубе осенью 1962 поставившее мир на грань третьей мировой войны. Хрущев развернул широкую кампанию по привлечению освободившихся от колониальной зависимости стран Третьего мира на сторону СССР, особенно близким союзником Москвы стал Египет при президенте Гамале Абделе Насере. Однако воинствующая десталинизация оттолкнула от советского руководства Китай во главе с Мао Цзедунем, в конечном счете превратившийся во внешнеполитического врага Советского Союза.

Политика Хрущева создала и кризисную ситуацию в экономике. В этой области проводились эксперименты под громкими лозунгами: «освоение Целины», «догоним и перегоним Америку по производству мяса и молока», кампания по расширению посевов кукурузы. Большинство этих экспериментов не были продуманы и не привели к улучшению обеспечения СССР продовольствием. Одновременно с этим советская власть начала наступление на частную инициативу – были закрыты артели, производившие значительную часть потребительских товаров, резко сокращены размеры приусадебных участков колхозников.

В то же время по инициативе Хрущева проводилась интенсивная кампания по жилищному строительству. Миллионы людей переселялись из бараков и коммуналок в малогабаритные, но отдельные квартиры. Однако в таких квартирах лишь еще более становился ощутимым нараставший недостаток продуктов.

Ухудшение уровня жизни привело к Новочеркасскому расстрелу – событиям 1-3 июня в городе, некогда бывшем сердцем Всевеликого войска Донского. Забастовки возмущенных снижением расценок и повышением цен рабочих переросли в уличные протесты, которые были подавлены с применением армии, погибли 24 человека.

Тупик, в который заводили страну авантюристические эксперименты Хрущева привел к возникновению заговора по его отстранению. 14 октября 1964 Хрущев был смещен. Его место заняло коллективное руководство, постепенно превратившееся в тандем из генерального секретаря ЦК КПСС Брежнева и председателя совета министров СССР Косыгина. С годами Брежнев превратился в безоговорочного единоличного лидера страны.

Новое руководство начало проводить взвешенную сбалансированную политику, направленную прежде всего на улучшение благосостояния трудящихся в партийных документах именовавшуюся «развитым социализмом». Советский человек из аскетичного строителя социализма, испытывающего голод и лишения, превратился в потребителя его благ.

Активно строились новые предприятия, среди которых все большее место занимал импорт с Запада технологий (особую роль сыграл Волжский автозавод, основанный на технологиях итальянского концерна «FIAT»). Ориентированы на Запад были и новые экономические инструменты – в результате «косыгинской экономической реформы» главным показателем для советских заводов и фабрик стала прибыль. Однако в условиях советской плановой экономики ориентация на прибыль была разрушительной и реформа была постепенно свернута.

Однако установка на прибыль, на экономическую выгоду стала основой психологии советского человека – на «великие стройки социализма» - в Сибирь, на Север, в частности на знаменитый БАМ (Байкало-Амурскую магистраль) ехали не столько в порыве коммунистического энтузиазма, сколько за надбавками к зарплате.

Средняя зарплата рабочего на строительстве БАМа составляла 322 рубля (или 301 рубль — у рабочих младше 30 лет). Для сравнения: средняя зарплата рабочего по СССР составляла в те же годы 180 рублей, а ставки молодых специалистов с высшим образованием варьировались от 65 до 130 рублей.

Огромную роль сыграло открытие месторождений нефти в Западной Сибири – дешевые энергоресурсы стимулировали рост советской экономики, а налаживание экспорта в Западную Европу нефти и газа дало советскому правительству средства, расходовавшиеся, в частности, на закупки импортных товаров, что повышало качество жизни советских людей. Потребительский социализм сопровождался строительством социального государства – все граждане страны получили пенсии, образование и медицина стали полностью бесплатными, граждане получили многочисленные пособия и льготы, суббота была сделана нерабочим днем.

В идеологии брежневское руководство начало наступление на «либеральную» фронду периода оттепели, началась частичная реабилитация имени Сталина, в 1970 году Твардовский отстранен от редактирования «Нового мира». В то же время были свернуты антипатриотические и антицерковные тенденции в политике. Важной чертой новой идеологии становится обращение к историческому наследию и культурной идентичности, в частности – русской.

Первый космонавт Юрий Гагарин в 1965 году на пленуме ЦК ВЛКСМ не только поддержал восстановление Триумфальной арки в Москве, но и высказал осуждение по поводу сноса храма Христа Спасителя: «Был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Неужели название этого памятника затмило его патриотическую сущность? Я бы мог продолжать перечень жертв варварского отношения к памятникам прошлого»

В октябре 1965 года появляется воззвание «Берегите святыню нашу!» за подписями скульптора Коненкова, художника Корина и писателя Леонова: «В последние годы довольно усердно производится разгром памятников нашей национальной старины... Потомки никогда не простят уничтожения памятников русской национальной культуры... Из души, из сердца каждого русского человека исходит требование: „Остановитесь! Берегите нашу святыню!“» . В том же году было учреждено Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Реставрация старинных памятников, изучение прошло, возвращение к корням становятся важным явлением эпохи.

Во внешней политике брежневское руководство продолжая холодную войну, в частности активно поддерживая борьбу социалистического Вьетнама против США, в то же время стремилось проводить политику «разрядки». Резкое сближение произошло с Федеративной Республикой Германией, которую возглавлял канцлер социал-демократ Вилли Брандт. ФРГ признала послевоенные границы и свою восточногерманскую социалистическую «сестру» ГДР, началось активное экономическое взаимодействие советской и немецкой экономик. Теплые отношения сложились с Францией президент которой генерал де Голль и Жорж Помпиду стремились проводить независимую от НАТО политику. Достаточно дружелюбным и конструктивным было взаимодействие с США. Запад выразил лишь сдержанное возмущение на подавление советским руководством в 1968 году «пражской весны», попытки Чехословакии начать движение из советской сферы влияния в сторону Запада.

Пиком разрядки был 1975 год, когда в космосе был совершен совместный космический полет кораблей «Союз» и «Аполлон», а на земле были подписаны соглашения созванной по инициативе СССР конференции в Хельсинки, утверждавшие нерушимость границ в послевоенной Европе. СССР в этот период признавался мощной мировой сверхдержавой, обладавшей огромным ядерным

потенциалом, заходившим в самые отдаленные уголки планеты флотом и простиравшей руки повсюду разведкой – КГБ.

Однако внутри страны нарастали кризисные явления. Советская плановая экономика не справлялась с удовлетворением запросов развивавшегося потребительского общества, все более бросался в глаза дефицит, который раздражал людей и сеял у них сомнения в коммунистической экономической модели. Возрастание связей к Западом, зависимость от импорта, обозначали проигрыш советской модели в соревновании систем.

Все более активно действовали диссиденты, критики сперва отдельных аспектов советского общества, а затем и власти в целом. Большинство из них были либералы-западники, наследники дореволюционной оппозиционной интеллигенции. Вес этому движению придавало имя отца советской термоядерной бомбы академика Сахарова, влившегося в ряды оппозиционеров. Меньшей по численности была патриотическая оппозиция, символом которой был всемирно известный писатель Александр Солженицын, ставший беспощадным критиком советской власти, сделавший объектом критики не только сталинскую эпоху, но и саму октябрьскую революцию, большевизм и фигуру Ленина. Если западники призывали СССР интегрироваться в мировое сообщество, то Солженицын, наоборот, призывал к изоляции, отказу от экспорта коммунизма и сосредоточению на сбережении русского народа. Всё чаще на критику диссидентов советской власти приходилось отвечать репрессиями. В 1974 году Солженицын был выслан за границу и превратился в ожесточенного критика СССР, а Сахаров в 1980 году был выслан в закрытый город Горький (Нижний Новгород).

Нарастали и внешнеполитические неудачи. Во второй половине 1970-х на Западе восторжествовали противники разрядки. Они считали необходимым рассматривать СССР как «империю Зла» и покончить с ним. Антисоветизм при этом никак не отделялся от русофобии. В 1980 году граждане СССР пережили серьезное потрясение, Олимпиада-80, задумывавшаяся как праздник мира,

сотрудничества и открытости прошла в условиях бойкота со стороны большинства западных стран, выставивших предлогом санкций советскую войну в Афганистане.

В конце 1979 году советское руководство решило вмешаться в гражданское противостояние в Афганистане, началась изнурительная десятилетняя афганская война, стоившая советской армии 15 тысяч жизней солдат и офицеров. При этом цели войны большинством советского общества четко не понимались.

Начались усилия по дестабилизации положения с советской сфере влияния, в Польше просоветские власти практически утратили контроль над страной и вынуждены были прибегнуть в 1981 году к военному положению, альтернативой которому было вмешательство СССР.

На смену благожелательному отношению власти к патриотическим инициативам общественности после 1980 года пришла отчужденность, а затем начали нарастать репрессии. Западническое диссидентство осталось единственной альтернативой коммунистическому официозу.

В советском обществе начали нарастать явления, которые обозначались в позднейшей публицистике как «застой». Нарастала апатия, неверие не только в коммунистические идеалы, но и в любые другие, не связанные с комфортом и потребительством. Распространялась абсолютная убежденность в абсолютном превосходстве западной модели, причем её отрицательные стороны, несмотря на усилия советской официальной пропаганды, намеренно игнорировались. Советская номенклатура, имевшая преимущественный доступ к импорту, заграничным поездкам, так же начинала рассматривать интеграцию в западное сообщество как предпочтительный вариант развития событий, но после краха разрядки многие из них рассматривали это сближение не как равноправный диалог, а как капитуляцию СССР перед Западом.

Именно такой подход лежал в основе проводившейся Михаилом Горбачевым политики перестройки.

«ПЕРЕСТРОЙКА» И РАСПАД СССР

В 1982-1985 годах советское общество пережило драматическую «гонку на катафалках». Один за другим скончались три генеральных секретаря ЦК КПСС – Брежнев, Андропов и Черненко. Причем последние два находились у власти немногим более года. Им на смену пришел 54-х летний Михаил Горбачев. «У него приятная улыбка, но железные зубы» — сказал рекомендовавший его на пост генерального секретаря ЦК КПСС министр иностранных дел СССР Андрей Андреевич Громыко.

Новый руководитель констатировал замедление темпов развития Советского Союза, раскритиковал «застойные явления» и провозгласил политику «ускорения научно технического прогресса». В мае 1985 года властями была инициирована антиалкогольная кампания. В ходе нее удалось добиться кратковременного снижения потребления спиртных напитков и увеличения продолжительности жизни. Но экономический эффект этой кампании был отрицательным. Помимо многомиллиардных потерь бюджета он проявился в возникновении огромного теневого рынка. Не более успешным оказался и объявленный курс на ускорение научно-технического прогресса. Зловещим предзнаменованием кризиса стали участившиеся технологические катастрофы, самой страшной из которых была катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции в апреле 1986 года.

На рубеже 1986-1987 годов, столкнувшись с «пробуксовкой» экономических реформ, Горбачев инициировал более решительные преобразования, вошедшие в историю как «перестройка». Поначалу под этим словом понималось обновление методов управления, борьба с коррупцией и преодоление застойных явлений в экономике и общественной жизни. Но довольно быстро «перестройка» стала подрывать сами устои советской системы. Это была настоящая «революция сверху», идущая с самых верхних эшелонов власти, от самого лидера Советского Союза.

Особенно яркими явлениями перестройки стали изменения в экономике. На предприятиях были введены «хозрасчет» и «самоокупаемость» - во главу угла снова становилась прибыльность производств. Разрешена была деятельность кооперативов, занимавшихся выпуском (в еще чаще - перепродажей) дефицитных товаров – от входивших в жизнь компьютеров и одежды до значков с любимыми рок-группами и видеокассет. С включением в советскую экономику кооперативов был подорван её фундамент – различие безналичных и наличных рублей, из которых только первые могли использоваться для выплат зарплаты сотрудникам. Кооперативы получили возможность обналичивать рубли, которые выплачены им были с безналичных счетов – в советской финансовой системе появилась огромная дыра, пользуясь которой первые советские миллионеры создавали себе огромные состояния.

На январском пленуме ЦК КПСС 1987 года была провозглашена политика «гласности», официально ставшая основой реформ. Гласность, изначально понимавшаяся как ослабление партийной цензуры, быстро привела к идеологическому кризису. Стали печататься ранее запрещенные произведения, вскрылись неизвестные ранее темные страницы советского прошлого, возобновился процесс реабилитации репрессированных. Тиражи популярных журналов и газет, таких как «Новый мир», «Огонек», «Аргументы и факты», «Московские новости», достигли миллионов экземпляров.

Одним из результатов «гласности» стало «открытие» для советских читателей прежде не публиковавшихся произведений таких авторов, как Иосиф Бродский, Михаил Булгаков, Николай Гумилев, Евгений Замятин, Осип Мандельштам, Владимир Набоков, Александр Солженицын, Варлам Шаламов. Стали публиковаться и работы таких ранее осуждавшихся официальной властью мыслителей, как Николай Бердяев, Владимир Соловьев, Питирим Сорокин. Начали выходить на экран и лежавшие в предыдущие годы на полке из-за несоответствия официальной идеологии

кинокартины. Эти события стали знаковыми, прежде всего, для советской интеллигенции.

Серьезно расширился круг тем, которые можно было обсуждать в советской печати – теперь заговорили о проблемах молодежи, о неформальных движениях, о наркомании и проституции, всё большее внимание уделялось сталинским репрессиям и их жертвам, начинала кое-где слышаться критика Ленина. Ключевым идеологом гласности, во многом дирижировавшим связанными с нею процессами, был член Политбюро и ближайший советник Горбачева Александр Яковлев.

Во внешней политике Горбачев начал проводить политику «нового мышления», выразившуюся в уступках во взаимоотношениях с США и НАТО с каждым годом становившихся всё более односторонними. Советский лидер неоднократно встречался с президентами США Рональдом Рейганом и Джорджем Бушем-старшим, шел на ряд серьезных уступок в деле сокращения вооружений. В частности, примерами такого рода договоренностей были Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности 1987 года и Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений 1991 года. С мая 1988 по февраль 1989 годов СССР вывел свои войска из Афганистана, что, однако, привело лишь к нарастанию гражданского конфликта в соседней стране. Советский министр иностранных дел Эдуард Шверднадзе не был кадровым дипломатом, с его именем начала ассоциироваться политика односторонних уступок.

В 1989 году советское руководство допустило цепочку государственных переворотов в странах советской сферы влияния в Восточной Европы, включая ГДР. В 1990 СССР согласился на поглощение ГДР со стороны ФРГ, причем расширившаяся страна оставалась членом НАТО. Советский Союз вывел войска из Восточной Европы практически без компенсации и, по сути, в чистое поле. Для Запада было все более очевидно, что речь идет об одностороннем отступлении СССР со своих геополитических

позиций. Данные Горбачеву в устной форме обещания не расширять НАТО на Восток были вскоре Западом забыты.

В 1989 году по инициативе Горбачева начали проводиться выборы народных депутатов всех уровней начиная со Съезда Народных Депутатов СССР. Несмотря на сложную и не всегда прямую систему формирования состава съезда спектр мнений на нем был весьма разнороден. Большую роль на заседаниях играла группа московской и ленинградской либерально настроенной интеллигенции (значительная часть которой попала в депутаты не благодаря прямым выборам, а по спискам общественных организаций). Слышен был голос сепаратистски настроенных депутатов из некоторых союзных республик: Грузии, Литвы, Латвии и Эстонии. Оппозиционные депутаты с трибуны призывали покончить с руководящей ролью КПСС, критиковали внутреннюю и внешнюю политику. Заседания съезда превратились в многонедельное телешоу, размывавшее устойчивость власти. В Москве оппозиция учредила «межрегиональную депутатскую группу» духовным лидером которой стал академик Сахаров, а политическим – Борис Ельцин, выброшенный с партийных верхов аппаратчик. «Демократы» начали собирать в Москве все более многочисленные митинги в свою поддержку на которых требовали покончить с властью КПСС.

Процессы перестройки и гласности развивались в ситуации, когда патриотически настроенная часть советского общества была серьезно дезориентирована. Все признавали необходимость перемен, однако направление этих перемен в сторону капитуляции перед Западом многих возмущало. Альтернативой перестройке виделась лояльность ретроградному коммунизму, символом которого был наиболее критически настроенный к переменам член политбюро – Егор Лигачев, а боевой формой противостояния стал сталинизм. Напротив, те силы, которые ориентировались на память о Российской Империи и связывали патриотические идеалы с

преодолением коммунизма, довольно долго поддерживали «демократов» в их спорах с «партократами».

Реализация преобразований, инициированных Горбачевым, протекала крайне сложно. Разрушение механизмов плановой экономики и медленное внедрение рыночных структур вызвали глубокий кризис, усугубившийся конфронтацией союзного центра и республик. Инфляционные процессы вышли из-под контроля. Избыточная денежная масса вызвала острый дефицит товаров повседневного спроса. К 1991 году дефицит бюджета достиг тридцати процентов, а внешний долг превысил сто миллиардов долларов. Хаотичные экономические реформы привели к падению уровня жизни и к углублению кризиса во всех сферах общества. Весь СССР, в том числе и Москва, стоял в гигантских очередях, вернулась забытая с военных времен система карточек и талонов. В этих условиях страну охватила волна забастовок.

Однако самыми острыми противоречиями стали национальные. «Атомная бомба под Россию», которую, по выражению Владимира Путина, заложил Ленин и его национальная политика, начала взрываться. Начался острый конфликт между Армянской и Азербайджанской ССР за Нагорно-Карабахскую область Азербайджана в которой большинство составляло армянское население. Стремление властей Грузинской ССР к независимости вызвало протест входивших в состав республики автономий – Абхазии и Южной Осетии. Молдавский национализм и пропаганда объединения республики с Румынией вызвали протест у жителей Приднестровья. Общегосударственной проблемой стала сепаратистская политика республик Прибалтики, Эстонии, Латвии и Литвы.

На территории Украины с большой скоростью возрождалось бандеровское движение – из эмиграции прибывали деятели УНА-УНСО, на западе республики возрождались униатская церковь – у Русской Православной Церкви бандеровские боевики агрессивно

захватывали храмы, открыто пропагандировалась ненависть к «москалям», якобы мешающим процветанию Украины.

Реакция Горбачева, ставшего в марте 1990 президентом СССР, на рост сепаратизма и конфликты была противоречивой – то он вводил войска в столицы республик, причем во многих случаях, как в январе 1990 года в Баку, после начавшихся в городе армянских погромов, это сопровождалось большими человеческими жертвами, то призывал республики сесть за стол переговоров.

Призывы к переговорам расшатывали единую страну еще больше, чем силовые акции. Единство СССР базировалось на Конституции 1977 года и сомнению не подлежало. Необходимость сохранения СССР была подтверждена и на референдуме в марте 1991 г. Однако вместо того, чтобы опираясь на патриотически силы добиваться единства страны, Горбачев затеял переговоры о заключении нового «союзного договора» (прежний союзный договор не имел никакого юридического значения и единство СССР на нем не основывалось). В новом союзном договоре он пытался нанести удар по позициям руководства РСФСР, президентом которой, победив на прмых всенародных выборах, стал Ельцин. Горбачев предлагал уравнивать в правах в качестве субъектов нового союза прежние союзные и прежние автономные республики, тем самым республика РСФСР фактически расчленялась бы.

Рассматривая готовившийся договор как катастрофу для единства государства и своего положения во власти, ряд представителей советского руководства попытались воспрепятствовать его подписанию. 18 августа ими был учрежден Государственный комитет по чрезвычайному положению в СССР (сокращенно - ГКЧП). ГКЧП объявил об отстранении Горбачева с поста президента СССР по состоянию здоровья и о введении в ряде регионов страны чрезвычайного положения. В Москву вошли войска, но больше никаких серьезных и последовательных действий по укреплению власти ГКЧП предпринято не было. Инициатива стала переходить к

российскому руководству во главе с Ельциным, организовавшему многочисленные митинги в Москве.

По распоряжению президента Буша и вопреки протестам Агентства по Национальной Безопасности, отвечающему в США за «прослушку», Ельцину были предоставлены все доступные ЦРУ данные о передвижениях советских войск, переговорах членов ГКЧП и отдаваемых ими приказах. «Мы общались с Ельциным в режиме реального времени... Мы следили за каждым приказом и преподносили Ельцину информацию на блюдечке».

В результате успешных массовых действий сторонников Ельцина в ночь на 21 августа войска покинули столицу. Члены ГКЧП вылетели для переговоров с Горбачевым в Крым, где он ранее был изолирован. На следующий день они были арестованы, а Горбачев вернулся в Москву.

Пытаясь реанимировать Союзный договор, Горбачев согласился на еще более серьезные уступки в пользу республик. Однако процесс развала СССР стал необратимым. 1 декабря 1991 года на общеукраинском референдуме была утверждена независимость Украины. Были проигнорированы призывы многих, в частности Александра Солженицына, провести референдум о независимости по областям Украины, предоставив им возможность выбора между Украиной и Россией.

А 8 декабря лидеры Российской Федерации, Украины и Белоруссии втайне от Горбачева подписали в Беловежской пуще соглашение о роспуске СССР и о создании Содружества Независимых Государств. Вскоре к СНГ присоединились еще девять союзных республик. 25 декабря Горбачев выступил по телевидению с заявлением о прекращении своей деятельности на посту президента СССР. Советский Союз прекратил свое существование. Его развал казался почти бескровным, однако он заложил предпосылки для бесчисленных войн и конфликтов на территории бывшего СССР. К

моменту прекращения истории Союза многие из этих конфликтов уже шли.

По заключенным постсоветскими государствами соглашениям, правопреемником СССР в части зарубежного имущества, долгов, контроля над ядерным оружием и места в ООН стала Российская Федерация.

В октябре 1991 года президент Борис Ельцин выступил с программой радикальных экономических реформ, предусматривающей либерализацию цен, свободу торговли и приватизацию. В ноябре 1991 года президент лично возглавил Правительство. Однако автором и руководителем реформ был вице-премьер по экономической политике Егор Гайдар.

В начале 1992 года была проведена либерализация цен и введена свобода торговли. Отпущенные в свободное плавание цены взлетели за год почти в двадцать шесть раз, тогда как средняя зарплата увеличилась лишь в десять-двенадцать раз. В результате инфляции сберегательные вклады населения резко обесценились. Стабилизировать финансовую систему предполагалось за счет прекращения дотаций убыточным предприятиям и отраслям и снижения социальных выплат населению. И хотя полки магазинов действительно удалось наполнить товарами, у обнищавшего населения просто не было денег, чтобы их купить.

В 1992 году президент Ельцин издал серию Указов, давших старт ваучерной приватизации. Руководил этим процессом назначенный главой Госкомимущества Анатолий Чубайс. В ходе нее в стране так и не возник массовый средний класс, а предприятия оказались под контролем нескольких финансовых групп. Приватизация оказалась экономически малоэффективной и не оправдала надежд на рост инвестиций. Правительство так и не смогло остановить спад производства и обнищание населения: за чертой бедности оказалось более сорока процентов жителей России.

Приватизируемому национальному имуществу России была дана заведомо заниженная оценка в 1 триллион 260 млрд. рублей. Эта сумма была поделена на общее число граждан страны и так была установлена сумма приватизационного чека, «ваучера», - 10 тысяч рублей. Возникли 650 «чековых инвестиционных фондов» (ЧИФ), громкая реклама которых шла по телевидению. Эти фонды принадлежали кооператорам и цеховикам. Как только они аккумулировали в интересах хозяев большие объемы ваучеров, фонды исчезали, ограбив доверившихся на миллионы рублей. С помощью ЧИФ-ов у граждан России было похищено около 25% ваучеров. Еще 25% общего объема ваучеров люди, не верившие ни ельцинскому правительству, ни ЧИФ-ам, продали скупщикам в метро и на вокзалах за 60-80% стоимости. По «цене трех бутылок водки», как нарочито издевательски подчеркивала пресса.

Таким образом только 50% ваучеров было вложено работниками и членами их семей в обещанную «народную приватизацию» предприятий. Однако, вскоре приватизированные трудовыми коллективами предприятия начали подвергаться рейдерским захватам, организуемым «эффективными собственниками» и криминалом, будущими олигархами.

Пиком приватизации стали «залоговые аукционы» в ходе которых будущим олигархам были розданы самые значительные и прибыльные «куски» российской промышленности, прежде всего сырьевой. В ходе залоговых аукционов олигархи давали государству в долг под залог госсобственности государственные же деньги, хранившиеся в принадлежавших им банках. После чего государство долг не выплачивало, а в руках олигархов оставался «залог» - важнейшие нефтяные и металлургические предприятия.

Одной из характерных черт этого времени стали финансовые пирамиды - организации, сулившие вкладчикам феноменальные доходы в течение короткого срока. Они снискали популярность у всех слоев обедневшего, уставшего от несвоевременных выплат зарплат населения. Самые известные пирамиды прочно вошли в

историю России как структуры, обещавшие миллионы, а в итоге обманувшие на миллионы рублей граждан, не понимавших принципов работы данных организаций.

Результаты «шоковой терапии» были катастрофическими для экономики и граждан. В январе 1992 года потребительские цены выросли на 296%. Уровень инфляции в 1992 г. составил 2520%. Объем ВВП упал на 14,5% в 1992 г., на 8,7% в 1993, на 12,7% в 1994, на 4,1% в 1995, на 3,5% в 1996. Всего за время ельцинского президентства ВВП сократился на 35%. В 2 раза больше, чем во время войны. С 1941 по 1945 годы ВВП СССР сократился только на 18%. Накопления сгорели, пенсии стали ниже прожиточного минимума, зарплаты не выплачивались годами или выдавались «натурой» - продукцией предприятий.

В демографии обозначился «Русский крест» - превышение числа умерших над числом родившихся в 1,5 и более раз. На улицах городов произошла «великая криминальная революция» - обанкротившаяся власть была подменена авторитетом криминальных группировок – организованные банды залили улицы российских городов кровью. Во многих населенных пунктах на годы фактически исчезла официальная власть, вытесненная бандитами.

Продолжение политики «шоковой терапии» привело к появлению широкой оппозиции курсу реформ. Центр оппозиции оформился в Верховном Совете – российском парламенте, который взял на себя роль защитника всех, кто пострадал в ходе радикальных преобразований.

В декабре 1992 года парламентарии не утвердили предложенную президентом Ельциным на пост премьер-министра кандидатуру Егора Гайдара. В результате компромисса главой Правительства был назначен Виктор Черномырдин.

В 1993 году противостояние президента и парламента нарастало месяц от месяца. В апреле 1993 года был проведен Всероссийский референдум о доверии президенту и его политике, а также о

необходимости досрочных выборов президента и народных депутатов РФ. Он вошел в историю под агитационным слоганом «да-да-нет-да», который распространялся сторонниками Ельцина.

В сентябре 1993 года президент Ельцин издал Указ номер 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». Этим указом распускался действовавший парламент – Верховный Совет РФ, и назначались выборы в новый законодательный орган — Государственную Думу. Народные депутаты и Конституционный Суд признали действия Ельцина незаконными и возложили исполнение обязанностей главы государства на вице-президента Александра Руцкого.

В ответ силовики заблокировали здание Белого дома, где заседал Верховный Совет. 3 октября в Москве начались массовые демонстрации противников Ельцина, которые завершились прорывом блокады Белого дома. Лидеры парламента призвали своих сторонников к штурму мэрии и Останкинского телецентра. В свою очередь, охарактеризовав события 3 октября как попытку «красно-коричневого переворота», Ельцин ввел в Москву войска, которые отбили штурм телецентра. Утром 4 октября 1993 года начался обстрел Белого дома из танковых орудий прямой наводкой. Через несколько часов народные депутаты и их сторонники сдались, а лидеры оппозиции были арестованы. Оценки числа погибших в ходе конфликта кардинально разнятся. По разным данным, во время событий сентября — октября 1993 года погибли от ста пятидесяти до одной тысячи пятисот человек.

12 декабря 1993 года прошли выборы в Государственную Думу и в Совет Федерации, а также состоялось всенародное голосование по новой Конституции. За принятие нового основного закона страны проголосовали пятьдесят восемь процентов участников голосования. В результате вступила в действие новая Конституция России. Она не только закрепляла основные права и свободы человека и гражданина, но и предоставила широкие полномочия главе государства – президенту, который был провозглашен

«гарантом Конституции». В конституции не делалось никаких указаний на соединяющую народ России историю и духовные ценности – эта ошибка была исправлена в ходе всенародного голосования по поправкам в Конституцию в 2020 году.

Итоги же выборов 1993 года в Думу оказались неожиданными. На выборах в Государственную Думу первое место заняла Либерально-демократическая партия Владимира Жириновского. Пропрезидентская партия «Выбор России» Егора Гайдара заняла лишь второе место, а на третьем оказались коммунисты во главе с Геннадием Зюгановым. Таким образом, формально большинство мест в Государственной Думе получила оппозиция.

Серьезным испытанием для российского общества и государства стал конфликт на Северном Кавказе. В конце 1994 года начались военные действия в Чечне, где с 1991 года у власти находились сепаратисты во главе бывшим советским генералом Джохаром Дудаевым. С целью восстановления порядка и законности на территории, контролировавшейся сепаратистами, президент Ельцин в декабре 1994 года в республику были введены федеральные войска.

Силовая операция в Чечне переросла в кровопролитный и ожесточенный военный конфликт. Его своеобразным апогеем был теракт в Буденновске 14-21 июня 1995 года, где банда во главе с Шамилем Басаевым захватила в заложники 1200 человек, согнанных в районную больницу. В результате теракта погибли 129 человек. В августе 1996 года Грозный перешел под контроль боевиков. В этих условиях Ельцин согласился на переговоры с сепаратистами, завершившиеся подписанием Хасавюртовских соглашений. В соответствии с ними федеральный центр фактически признал утрату контроля над территорией республики.

В девяностые годы большинство регионов России, не связанных с производством и вывозом сырья, пребывали в глубоком экономическом кризисе. Финансовая система оставалась

нестабильной, бюджетники месяцами не получали зарплату. Реформы привели к глубочайшему экономическому кризису, катастрофическому падению уровня жизни населения и расслоению общества. Произошел развал армии, систем здравоохранения и образования, полным ходом шла «утечка мозгов» за рубеж.

Все это сказалось на авторитете президента. К 1996 году он имел безнадежно низкий рейтинг. По всем опросам на очередных выборах побеждал лидер коммунистов Геннадий Зюганов. Активную поддержку Ельцину оказывали средства массовой информации, спонсировавшиеся олигархами: президент буквально не сходил с телевизионных экранов и с первых полос газет.

Ельцин обратился за поддержкой к олигархам. По инициативе идеолога установления контроля над властью со стороны крупных бизнесменов Бориса Березовского состоялась встреча Ельцина с семибанкирщиной, как окрестила пресса это сообщество. На встрече присутствовали Березовский, Гусинский, Ходорковский, Потанин, Фридман, Смоленский и Виноградов. Модератором встречи был Анатолий Чубайс.

Результатом масштабной информационно-пропагандистской кампании стало то, что в первом туре президентских выборов, состоявшемся 16 июня 1996 года, Ельцин набрал тридцать пять процентов голосов, а во втором туре, состоявшемся 3 июля, по официальной версии одержал победу, набрав более пятидесяти трех процентов голосов.

Наиболее значительным духовным явлением жизни 1990-х стало масштабное возрождение в России Православия. После периода запретов люди массово обращались к вере, открывались храмы и монастыри, православие воспринималось как религиозная, так и как цивилизационная идентичность России, укреплявшая патриотическое самосознание её народа. В 1994-1999 году в центре Москвы был восстановлен разрушенный большевиками её кафедральный собор, Храм Христа Спасителя. Несмотря на

унизительное, подчас нищенское существование в эпоху реформ, приверженность вере и доступ к знаниям о прошлом России укрепляли в народе веру в её будущее. Сражавшиеся на Северном Кавказе с террористами воины не только совершали воинские подвиги, но и принимали мученичество за веру, как солдат Евгений Родионов, убитый 23 мая 1996 года за отказ снять нательный крест.

Однако во время второго президентского срока Ельцина Россия продолжала пребывать в кризисе. Международный авторитет России оставался невысоким. В конце 1990-х годов начался процесс расширения НАТО, приблизившегося вплотную к российским границам. Так, в 1999 году членами НАТО стали Венгрия, Польша и Чехия.

Ситуация в экономике страны оставалась весьма плачевной. Неспособность Правительства поддержать курс рубля на приемлемом уровне, а также справиться с дефицитом бюджета, привела к дефолту в августе 1998 года. Курс рубля рухнул, более тридцати миллионов граждан мгновенно оказались за чертой бедности. Президент Ельцин вынужден был назначить новым главой Правительства авторитетного в обществе государственного деятеля - Евгения Примакова.

За короткое время Примаков сумел стать самостоятельной политической фигурой. Его Правительству удалось добиться некоторых позитивных сдвигов в экономике и стабилизировать общественно-политическую ситуацию.

Премьерство Примакова совпало с кризисом в отношениях с Западом. 24 марта 1999 года глава Правительства России направился в США с официальным визитом. Пролетая над Атлантикой, он узнал по телефону, что НАТО начало бомбардировки Югославию. Примаков распорядился развернуть самолет над океаном и вернулся в Москву.

Война в Югославии стала началом смены внешнеполитических приоритетов России. Российское общество поддержало Югославию

в ее борьбе против агрессии НАТО. В историю вошел смелый бросок российских десантников на косовский город Приштину в июне 1999 года, позволивший Москве стать одним из ключевых участников урегулирования военного конфликта на Балканах наравне с западными странами.

Летом 1999 года резко обострилась обстановка на российском Северном Кавказе. В Дагестан с территории Чечни вторглись вооруженные банды международных террористов. В августе 1999 года главой Правительства был назначен глава ФСБ Владимир Путин. Под его руководством началась антитеррористическая кампания по освобождению от террористов сначала территории Дагестана, а затем и Чечни. Путин, возглавив антитеррористическую операцию, проявил качества энергичного лидера.

31 января 1999 года президент Ельцин объявил о своей отставке. Обязанности главы государства в соответствии с Конституцией были возложены на председателя Правительства Путина.

Системные противоречия советского строя, обозначившиеся еще в эпоху Застоя, привели к коллапсу советской системы в период перестройки. Советское руководство во главе с Горбачевым не сумело трансформировать советскую систему сохранив единство страны и патриотическую идентичность её граждан. Внешне мирный распад СССР стал лишь прелюдией к будущим кровавым конфликтам на его территории. Российское общество после краха советского строя пережило мучительную трансформацию «шоковой терапии» и гражданских конфликтов, лишь с трудом избежав гражданской войны. В ходе реформ были заложены многочисленные экономические и социальные несправедливости, нанесен удар по демографии России, создана лишь с трудом преодоленная проблема криминализации. Однако здоровые силы в российском обществе опираясь на патриотическое самосознание, подпитываемое возрождением православной веры, возобладали. Сформировался выраженный запрос на возрождение государства, реализованный в правление президента Путина.

РУССКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ САМОСОЗНАНИЕ

Без русских никакой России не будет. Чтобы была Россия нужны русские, нужно, чтобы русских было больше и мы становились всё более русскими – народом с глубоким и гордым историческим самосознанием и уверенностью в собственных силах. Необходимо, как выражался некогда министр народного просвещения Российской Империи граф Уваров: «Развить русскую национальность на истинных её началах и тем поставить её центром государственного быта и нравственной образованности».

И напротив, путь к гибели страны – делать так, чтобы русские ощущали себя гонимым и угнетаемым меньшинством, испытывали желание сесть на трактор и «сбежать из России». Виноваты в том, что у части русских граждан появились соответствующие настроения были и власть, десятилетиями не замечавшая русскую проблему и сводившая единство России к тому, чтобы «не обижать гордые народы».

Национальная политика нашей бюрократии долгое время сводилась к двум догмам.

Догма первая: главную угрозу для существования России и политической стабильности представляет Обида Народов, то есть недовольство национальных меньшинств своим положением в стране, которое может перетечь в сепаратистское желание отделиться. Поэтому ни в коем случае нельзя допускать таких обид. Все национальности, проживающие в России, нужно не просто уважать, а улаживать, всячески подчеркивая многосоставность Российского государства.

Догма вторая: главной причиной, вызывающей Обиду Народов, являются русские, составляющие более 80% населения страны и потому время от времени неполиткорректно вспоминаящие о своем праве на Россию. Любое проявление русского национального самосознания в логике этой догмы было чревато обидой всех

прочих. Вот почему его надо было подавлять, затушевывать, принижать. Следует пореже говорить о русских, зато почаще о «россиянах», «российской идентичности», некоей многонациональной российской культуре.

Получалась абсурдная конструкция: укрепление идентичности малых народов укрепляет единство России, а укрепление идентичности русского народа угрожает стране расколом.

Результат этой политики был вполне предсказуем, хотя и оказался совсем не тем, на который рассчитывали ее авторы. Русские обозлились и обиделись. При том что русские — один из крупнейших в мире и крупнейший в Европе этнос.

У нас стало формироваться поведение меньшинства, фактически диаспоры в своей собственной стране. Не то чтобы это было однозначно плохо — механизмов этнической солидарности русскому народу в его истории часто недоставало. Однако началось ползучее растождествление в массовом русском сознании нации и государства. Русских долгое время убеждали в том, что Россия им не принадлежит. Наконец почти убедили. Появились даже озлобленные теории о том, что Россия по своей сущности — антирусское государство, «тюрьма народа». Никакие мятежи окраин и обиды меньшинств не смогут сравниться с обидой большинства.

Когда несколько лет назад носители бюрократического антинационализма начали осознавать проблему, они решили модифицировать сам консенсус. Составной частью этого консенсуса теперь было покрикивать на русских, напоминая им, что долг национального большинства состоит в «жертвенном служении» остальным, что русский дух выражает себя в том, чтобы не хотеть ничего своего для себя. От русского народа требовали самопожертвования во имя уже утвержденных бюрократией бюджетных планов по введению толерантности и многонациональности. Для убедительности грозили ужесточением наказаний за экстремизм.

Тут есть в чем упрекнуть и нас самих, русских националистов, которые вцепились в психологию меньшинства и начали её старательно культивировать, периодически позволяя себе ещё и такие задвиги: «Русской нации никогда не было, из-за зловредности государства она не сложилась». «Ну и замечательно говорите, — скажут в ответ на это противники русской нации, — раз не было, значит и не будет, а будет вам нация российская, «многонациональная». Это называется «сами себя обслужили».

Особый счет следует предъявить к медиа, которые с яростью отрицали само существование русских. Всё-то у нас чужое, всё-то у нас некузявое, — нет ни русской кухни, ни русских песен, ни русского костюма, да и самих русских как таковых нет — мол, «русский это не существительное, а прилагательное».

Иногда эту несусветную дичь повторяли в приступе национального самоедства даже некоторые мыслители-патриоты: «Одной из черт русского характера является способность к самой жесткой самокритике. В этом отношении мы, пожалуй, превосходим кого угодно» — отмечал известный литературовед-евразиец В.В. Кожин. Он объяснил это тем, что «русские называют себя именем прилагательным, т.е. есть определенная неуверенность, поскольку русские предстают не столько как нация, сколько как некое скрепляющее огромный субконтинент начало». Тем самым публицист, впрочем, не он первый и не он последний, дал наглядный урок той самой неуверенности и чрезмерной национальной самопривередливости и самокритики о которых говорил.

Русские это не цемент и не скрепка. Русские — это именно нация. Одна из древнейших наций Европы. То, что русская нация входит в число старейших наций Европы, факт — утверждаемый в любом мало-мальски серьезном исследовании истории наций и национализма.

«Старыми нациями Европы в 1789 году были на западе – англичане, шотландцы, французы, голландцы, кастильцы и португальцы; на севере – датчане и шведы; и на востоке – венгры, поляки и *русские*» — писал в 1977 году британский исследователь Хью Сетон-Уотсон.

Ему вторит другой британец — Энтони Смит в работе «Национализм и модернизм» отметивший, что ключевые составляющие нации – структуры, чувства и симпатии «можно проследить – источников, подтверждающих это достаточно – по крайней мере с позднего средневековья у большинства европейских наций – от Англии и Франции до Польши и *России*. Они свидетельствуют об определенной национальной преемственности».

Русские не только входят в число «наций до национализма» (с которых брался образец для других, искусственно сконструированных наций нового времени), но и сам национализм наш очень старый, один из старейших в Европе.

Если даже не говорить о русском этническом или патриотическом чувстве, которое для XVIII века весьма ярко описала израильско-американская исследовательница Лия Гринфельд в книге «Национализм. Пять путей к современности», то русская националистическая мысль как минимум не младше немецкой, её первый развернутый манифест, статья Карамзина «О любви к Отечеству и народной гордости» с её знаменитым «*русский должен знать цену свою*» относится к 1802 году.

Традиция русского интеллектуального национализма насчитывает десятки имён крупнейших мыслителей, писателей, поэтов. Не так давно опубликованный обширный том «Национализм. Pro et Contra» — своеобразная антология (далеко не полная) русской националистической мысли от Карамзина и Шишкова до наших дней, занимает 800 страниц основного текста без примечаний и охватывает десятки имен.

Ни о какой мнимой «прилагательности» русского имени или мнимой «расплывчатости» русской национальной идентичности речи идти не может и не должно.

Русские — не прилагательное

Именем народа, создавшего Русское государство, первые несколько столетий его истории было «Русь» (правильное единственное число – «русин»). В «Слове о полку Игореве» фигурирует еще и уникальное по своей красоте слово «русичи» – это интересная словоформа, обозначающая совокупность носителей национального начала, где носителем этнической идентичности являются и каждый в отдельности и все вместе.

Прилагательное же «русский» использовалось как определение при том или ином существительном – «язык» (в смысле «народ», аналогично латинскому «gens»), «земля», «князь», «люди», «послы», «закон», «власть», «род», «волость», «сторона/страна», «град», «митрополия», «море», «ладьи», «имя», «челядин», «сыны», «вои», «полки», «праздник», «познание», «устремление» — всё это в древнерусской словесности XI века определяется как «русское».

Форма этого слова в допечатную эпоху не была устойчивой – встречаются варианты «русские», «русские», «русские», «русские», «русти». С XVI века начинает распространяться форма «русские/русские», она возникла под западным влиянием, слово «Russia» давно закрепилась в латинских документах, в греческих же закрепилось слово «Ρωσία», которое так же распространилось довольно широко (через промежуточную форму «Русия») и вошло в государственный обиход. Петр I скрестил оба эти влияния и его государство, вместо старинного «Русь» страна начало официально называться «Россия».

Приведем как пример классическое употребление этнонима в допетровской русской письменности два рассказа «Степенной

книги», первый, — о знамении татарам на реке Свяге перед взятием Казани и второй, — причинах Ливонский войны и «о многочисудесной победе на ливонские немцы и о взятии градов Ругодива, и Юрьева, и Ракобора, и Велиада, и иных многих»:

«Такоже и на Свіаге реце близь великія реки Волги на месте, идеже ныне стоитъ градъ Свіажскій, многажды видаху Татарове, иже близь места того живущі, человека в иночестей одежди ходяща, иногда же видешя яко стреляюща инока того; видящи же страхомъ одержими, и не смеяху ни приблизитися къ месту тому.

Иногда же и звонъ слышаху на месте томъ, и пенія богогласна многихъ гласов. Овогда же видаху, яко священницы на месте томъ пояху и кадяху. Зряще же сія Татарове дивляхуса, и тужаху, и къ себе глаголаху; «Разумети есть по всему, яко быти на томъ месте православію и церквамъ Христианьскимъ, и жительствовати ту **Рускимъ** людемъ» еже и бысть благодатию Христовою».

«Гордостнии немьци и всех жителей **рускихъ** истребиша отъ земля Ливонския, и дома их, и вся **руския** коньци, иже въ градех ливонскихъ, себе похитиша, также паки потомъ и приходящимъ к нимъ **рускимъ** гостемъ и всякимъ купцемъ многу тщету купли ихъ содеваху и имения их лишаху...»

Употребление слова «русский» как определения при существительном было единственной нормой русского литературного языка до петровских реформ, распространяясь и на другие этнонимы – «немецкие люди», «литовские люди», «персидские люди», «турецкие люди» (точно так же как сегодня англичанин именуется *englishman* – «английский человек»).

«Эллипсис», как выражаются лингвисты, то есть опущение слова «люди» и субстантивация прилагательного «русский», превращение его в самостоятельное существительное вместо определения,

намечается лишь в середине XVII века, причем сперва его можно объяснить преимущественно усталостью писцов от тавтологий.

По всей видимости первый случай употребления субстантивированного прилагательного «русский» находится в Соборном уложении 1649 года.

«А которые литовские полоняники женаты в боярских дворах на русских крепостных и на старинных робах, или которые жонки или девки литовские полоняньки в боярских дворах выданы замуж за крепостных, или за кабалных холопей, а в приводе те литовские полоняники и полонянки перед бояры в роспросе сказались, что они в Литву итти, и у тех своих бояр, где они поженилися на русских, и полонянки, которые выданы замуж за русских, жить не хотят, и те литовские полоняники с женами с рускими жонками, и полонянки с мужьями, с рускими людьми из боярских дворов и ото всяких чинов людей свободены и велено жить им на воле, где кто похочет».

Настоящий лингвистический сдвиг относится лишь к петровской эпохе, когда русский язык подвергается мощнейшему воздействию западноевропейских, прежде всего – немецкого, языков. Тогда-то вместо существительных с определением «русский» и форм «русь», «русин» и т.д. начинает употребляться в качестве этнонима субстантивированное прилагательное «русский», причем до начала XIX века соперничая в качестве явления низкого штиля со славянизмом высокого штиля «россиянин». Характерно, что в упомянутом выше рассуждении «О любви к отечеству и народной гордости», Карамзин последовательно пользуется словом «русский» как субстантивом, а в «Записке о древней и новой России» и «Истории» всё больше места занимают «россияне», хотя до конца «русских» всё же не вытесняют.

В простом русском народе слово «русский» употребляется с гордостью. Достаточно открыть «Русские пословицы» Даля и

почитать, что там сказано о русских или можно заглянуть в русские исторические песни:

Как два ясные соколы
В едино место слетались.
Помогай Бог молодцу
Дворянину русскому!
(На литовском рубеже)

Не труба трубит звонка золота,
Как возговорит Православный Царь.
«Ой вы, русские добры молодцы!
Вы седлайте все ретивых коней,
Надевайте вы сабли острые,
Что идет злодей на святую Русь!
Есть ли Миныны и Пожарские?..

(Песня ополченцев 1812 года)

Напористый субстантив «русский» становится в XIX-XX вв. знаменем именно национального образа мысли, символом националистического направления у деятелей русской культуры – славянофилов, почвенников, национал-государственников. И прилагательные и существительные со словом «русский» означают человека определенного образа мысли: «русское воззрение», «русское направление», «истинно русские», «русская партия».

Кто же такие русские?

Кто такие русские? Этот вопрос любят задавать с подковыркой всевозможные недоброжелатели русских, полагающие, что на этот вопрос невозможно найти ответ. В «Декларации русской идентичности» принятой «Всемирным русским народным собором»

в 2014 году дана если не окончательная, то, в целом, довольно удачная формула:

«Русский — это человек, считающий себя русским; не имеющий иных этнических предпочтений; говорящий и думающий на русском языке; признающий православное христианство основой национальной духовной культуры; ощущающий солидарность с судьбой русского народа».

Если человек не считает себя русским, то обсуждать с ним его русскость бессмысленно. Если человек, подобно Протею, манипулирует своей идентичностью, то он русский, то финн, то друг степей калмык, если из его непрерывно меняющейся родословной то наступают ордой кочевники, то приплывают в варварскую страну просвещенные мореплаватели, то очевидно, что русским он себя не считает.

Если человек не говорит и не думает на русском языке, то отсутствует тот процесс непрерывной актуализации идентичности, который происходит в соприкосновении с языковой стихией.

Если человек не ощущает солидарности с русским народом, если ему чуждо чувство братства с представителями своего народа — братства помимо классовых, имущественных, образовательных границ, то «он был среди нас чужой».

Нация — не организация со свободным членством. В основе своей это связь поколений, прошлых и будущих, традиция, которая передается через рождение, воспитание, приятие наследия предков. Чтобы народ создал великую культуру, приобщаясь к которой выходцы из других народов хотели бы бормотать даже на смертном одре «строчки из Александра», необходимо, чтобы в основе этой культуры лежала живая, передающаяся от отца к сыну традиция, чтобы первое чувство национального самоопределения возникало с первой материнской колыбельной. Должно быть то чувство особенности, которое до конца не растворяется во всеобщности глобального Вавилона.

На первый взгляд, в наш секулярный век некоторым может показаться проблематичной формула о православии. Однако она абсолютно корректна. В текущей реальности можно быть агностиком, атеистом, даже, наверное, неоязычником (но сразу скажу – не нужно). Но нация — это согласие живых и мертвых, потомков и предков. Русский человек не может отвергать и оплевывать большую часть своих предков, а они с конца X по начало XX века все были православными христианами, а большинство из них остались таковыми и после этого рубежа.

Когда мы говорим о православии, как о факторе, создающем русскую культуру, речь не столько о личном религиозном самоопределении человека, которое он, в конечном счете, обсудит с Богом на Страшном суде. Мы говорим об исторической религиозной традиции народа.

Религиозная традиция — это, к примеру, пространственная этническая и цивилизационная кодировка, разметка «нашего» и «не нашего». Европа — это пространство, где высятся готические соборы. Европа без устремленных ввысь стрельчатых арок — какая-то не настоящая, второсортная. Мир ислама соткан из бесчисленных голосов муэдзинов, переплетающихся в пространстве между минаретами. Русское пространство — это золотые главы и шатровые колокольни. Где они есть, — там Русь. Там, где их не видно, где они уничтожены, теряется и русское качество пространства, оно впадает в забвение.

Наши предки это отлично понимали, и поэтому особым русским направлением церковного зодчества стал шатровый стиль — обращенный не вовнутрь, как византийский храм, а наружу, в экстерьер, подобно Василию Блаженному или церкви Вознесения в Коломенском. Задача такого храма — обозначить присутствие Божие, присутствие православной веры в окружающем ландшафте.

Когда, готовясь к грандиозному Казанскому походу, русские рати ставили на волжском мысу крепость Свияжск, то заранее

подготовлены были и спущены затем по реке срубы стен, домов и церквей. Церковь должна была встать на новом рубеже одновременно с городом. Потому что — как обозначить иначе пришествие русского народа? Произнесите мысленно: «русский пейзаж». Что представится вашему умственному взору? Петляющая речка. Один берег низкий, луговой, другой — высокий, поросший лесом. И там, на горе, обязательно видна небольшая церквушка, увенчанная шатром или луковичной главкой.

Попробуйте теперь мысленно убрать эту церквушку, и вы обнаружите, что пейзаж распался. Уже непонятно — Польша перед вами, Прибалтика или Россия, уже непонятно, люди здесь живут или же дикие звери. Нет церковной главы — и пейзаж обезглавлен. Убрали шатер — и смысловая определенность пространства расшаталась.

Можно ли русским стать или только родиться?

Стать русским можно, но для того, чтобы кто-то мог стать русским, должно быть достаточно большое число людей, которые русскими родились.

У любого этноса, даже у любой нации, хотя нация — это более сложное, политическое понятие, всегда существует определенное этническое, антропологическое ядро из людей с близкими антропологическими, генетическими, культурными чертами. Представители этого ядра очевидно более похожи друг на друга, чем на представителей окружающих общностей. Они говорят на сходном языке, ведут, по большей части, похожий образ жизни, имеют общую историческую память, которая делит для них мир на «своих» и «чужих».

Современная политкорректность стремится устранить понятие рождения и воспитания как образующего этнос фактора. В «Декларации» об этом сказано совершенно неpolitкорректно, зато очень корректно.

«Рождение от русских родителей в большинстве случаев является отправной точкой для формирования русского самосознания, что никогда не исключало возможности присоединения к русскому народу выходцев из другой национальной среды».

Необходимо понимать, что, чтобы присоединиться к тому или иному этносу по своему свободному выбору, нужно войти в круг тех, кто в составе этого этноса родился и был воспитан, и быть принятым в этом круге как свой, включиться в цепь браков, рождений и воспитаний. «Арап Петра Великого», приехав в Россию и женившись на шведке, вряд ли стал в точном смысле слова русским, зато, включившись в русскую систему браков и рождений, где его род дважды скрестился со старинными русскими боярами Пушкиными (и отец и мать Александра Сергеевича имели в роду Пушкиных, чем он очень гордился), он стал прадедом великого русского поэта и страстного русского патриота.

Для того чтобы представитель другой этнической группы мог стать членом этноса, ему нужны образец, которому он мог бы уподобиться, и группа, с которой он мог бы смешаться. Если такой образец есть и такая группа есть, то ассимиляция, то есть вхождение новых членов в состав этноса, совершается сравнительно легко.

В первом поколении есть воля к сближению, во втором – все живут общей жизнью, в третьем уже все переженились, в четвертом различий порой не сыскать вовсе – придется долго изучать их, вглядываясь в антропологические черты, или копаться в генетических картах.

Скажем, в составе северной группы русского этноса более 30% (а в составе русских в целом – 15%) имеют мужскую Y-хромосомную гаплогруппу N1С. Это значит, что их прямые предки по мужской линии когда-то принадлежали к группам, родственным целому спектру народов – от финнов до якутов. Столетиями эти группы жили рядом со славянами, усвоили их язык и культуру, между собой перемешались, и сегодня, не покопавшись в слюне, не существует

способа отличить потомка полян, древлян или северян от потомка чуди, веси или мери. И этот факт, кстати, опровергает глупость про «происхождение по матери ничего не значит» – значит, особенно если речь идет о делящихся десятилетиями и столетиями семейных связях,

С другой стороны, для славян, как и для всех восточных индоевропейцев, характерна Y-хромосома R1a1. Её носителями являются 46% русских, больше только у белорусов (тоже русских) и поляков. Несомненно, представители этой группы создали, так сказать, обобщенное славянское генетическое и антропологическое лицо русских.

Однако в своей основе ничего «славянского» в этой группе нет – она древняя восточноиндоевропейская. Она выявлена у 68% таджиков, 65% киргизов, четверти татар и башкир, предки этих народов – индоевропейское население, носители культуры шнуровой керамики, жившие в бронзовом веке. Когда-то это население было тюркизировано, исламизировано, приобрело ряд новых лингвистических, культурных, исторических черт, и их генетика ничуть не делает их «более славянами», чем потомков чуди и мери.

Народ, этнос не может быть сведен к однородной генетической и антропологической группе. Если бы генетика имела бы власть над национальной идентичностью, то османские янычары, отобранные мальчиками по налогу кровью — девширме из христианских народов империи, разбегались бы или переменяли сторону при столкновении со своими соплеменниками. Но они этого не делали, хотя их отбирали даже не во младенчестве, а в предподростковом возрасте.

Биологическое сходство является важным фактором, иногда – первичным опознавательным знаком свой/чужой, но не может задать самосознания и единства взаимодействия. Превращают определенную человеческую популяцию в этнос общая система адаптации к ландшафту, общая традиционная культура, на основе

которой осуществляется воспитание, общий живой язык и общая религиозная и историческая идентичность и совместная жизнь.

У каждого большого и малого этноса есть та среда, в которой он чувствует себя как рыба в воде, среди которой умеет жить. Именно единство этой среды чаще всего определяет ареал распространения и психологию (и, разумеется, хозяйственную жизнь) этноса.

Скажем, для русских таким вмещающим ландшафтом является сеть больших и малых рек с удобным переходом из одного бассейна в другой. Россия получилась такой огромной именно потому, что на территории нашего расселения эта сеть настолько огромна, с прилегающими к ней морями протянувшись до Амура, Уссури и Анадыря. Горы, степи, тайга, тундра – всё оказывалось при расселении русских вторичным элементом, если присутствовал главный, опорный – реки. Сегодня нашу страну связывают уже железные реки по которым ходят скоростные поезда, нас соединяет сеть скоростных авиасообщений, но базовый образ пространства, усвоенный нами в эпоху, когда река была самым быстрым средством передвижения, - остается.

Первенствующее этнообразующее значение имеет культура младенческого и детского традиционного воспитания – бабушкины сказки, первые игры и воспроизводимая в них картина мира, семейное окружение с его языком, материальной культурой, игрушками. Когда мы говорим, что всасываем свою этническую идентичность с молоком матери, то имеется в виду именно это.

В большинстве культур носителями такого первичного воспитания являются женщины – матери и особенно бабушки. Только в тех обществах, где состав матерей во многом случаен, формировался в значительной степени из пленниц, представительниц соседних племен, роль мужчин при первичном воспитании и определении этнического самосознания была выше. Но, в любом случае, центральное значение имеет долгая семейная традиция – значение

бабушек и дедушек при этническом самоопределении зачастую намного больше, чем отцов и матерей.

Семья — это микрокосм нации. В своей основе этнос всё равно остается социальным механизмом, обеспечивающим рождение и воспитание детей в рамках определенной культурной традиции. Успешность этноса определяется тем, что его каждое следующее поколение чуть больше предыдущего ассоциирует себя именно с этой культурой. Напротив, неудача этноса — это ситуация, когда все, кто имеет возможность из этноса «выписаться», стараются как можно скорее это сделать.

Огромную роль в этническом самоопределении играет язык. Только надо правильно понимать, что тут имеется в виду. Критики значения языка как этноопределяющего фактора любят ссылаться на мифического «филолога-слависта из американского университета», который, отлично выучив язык Пушкина, оказался бы большим славянином, чем безграмотный русский мужик с его «тудыйный» и «ложи».

На самом деле — нет. И блестяще выучивший словарь и грамматику филолог, равно как и безграмотный гастарбайтер, живой русской речью на деле не владеют. Речь одного русского человека, выстроенная на основе русских корней и флексий, будет всегда понятна другому русскому человеку, но будет совершенно непонятна иностранцу, будь он хоть таксист, хоть филолог. Природный носитель родного языка выстроит текст так, как никогда этого не сможет сделать выросший в другой языковой стихии иностранец. Природный носитель языка имеет привилегию творить на нем, создавать его новые формы, развивать свою родную речь, а его удачные находки закрепляются принятием другими носителями.

Большинство развитых религий современного мира наднациональны. В этом смысле, конечно, нельзя считать религию этноопределяющим фактором самим по себе. Но на практике религия — это определенный образ жизни, определенная система

этических и ритуальных запретов, определенная система установок на связь с высшим началом. И вот она-то формирует тот набор жизненных практик, принятых и отвергаемых, которые обозначают очень важные этнические границы. Скажем, мир пасхальных яиц и мир кровавых жертвоприношений (и стоящих за этими ритуалами представлений) это разные миры.

Православие тысячелетиями создавало русскую матрицу и даже самый закоренелый русский атеист не может вытравить из себя основы православного мероприятия, если же он принимает другую веру по настоящему глубоко, он стремительно утрачивает свою национальную идентичность.

О роли этнической исторической памяти, чувства национальной идентичности, много говорить не приходится, кроме того, что как раз она, в отличие от других элементов, чаще всего конструируется сверху. Поэтому человеку, который имеет желание стать русским, нет вообще никаких проблем усвоить этот этаж идентичности. Большая её часть берется не из глубины народных преданий, а из книг.

Наконец, чрезвычайно важное значение для этнической идентичности, по сути решающее, если мы говорим о длительной временной протяженности, имеет совместная жизнь. Представители одного народа должны жить рядом, вместе, бок-о-бок, на общей национальной территории. Если они живут в диаспорах, они должны составлять достаточно замкнутые этнические сообщества. В противном случае от реальной этнической идентичности остается лишь смутная память о происхождении, однако своей жизнью человек вливается в другой этнос (особенно если этот этнос антропологически близок и открыт для ассимиляции) и постепенно растворяется в нем. Без совместной жизни, в диаспоральной раздробленности, в положении меньшинства, сохранение этноса оказывается непростой задачей.

Итак, определим ещё раз:

Народ, этнос – это сообщество людей, в ядре которого находится популяция похожих друг на друга фенотипически и генотипически людей, связанная общностью адаптации к ландшафту, общностью традиций воспитания, общностью живого языка, имеющими религиозную санкцию общими культурными ценностями и общей исторической памятью. Если этот народ имеет политическую организацию, а главное – считает свою этническую особость основанием для такой организации, то его уместно именовать нацией.

Может ли инородец стать частью народа? В большинстве случаев легко – количество народов на земле, которые реально закрыты от инородцев, крайне невелико и русские к ним точно не относятся. Сначала устанавливается соседство, общая модель адаптации и общая память, усваивается язык и традиция воспитания, а потом с помощью браков индивид или даже группа (вплоть до целых этносов) интегрируется в ядро.

Нужно ли становиться русским?

Осознанная ассимиляция, вливание в состав русского этноса и нации, естественный и логичный результат этнического развития для многих маленьких (и даже не очень маленьких) этносов России.

Противодействие ассимиляции зачастую оказывается искусственным и, порой, насильственным, так как у неё есть сразу несколько влиятельных врагов.

Во-первых, либеральные многонационалы, для которых каждый человек смешанного происхождения находка, так как ему можно вбивать установку, что для него лично выгодней Россия, в которой русское этническое начало будет подавлено.

Во-вторых, националисты и криптосепаратистские элиты части республик, опасющиеся того факта, что значительная часть граждан России хотела бы и желала бы ассимилироваться с русскими, причем

в некоторых случаях, как у финно-угорских православных народов, грань настолько тонка, что различие приходится искусственно насаждать сверху.

В-третьих, неонацисты и расисты, их роль несущественна, но зато своей болтовней про «порчу крови» они эффектно подкрепляют первые две группы «от противного».

Становиться русским и можно, и нужно. Современный мир – это мир не только больших наций, но и больших этносов, интегрирующих в своем составе малые и средние группы.

«Мультикультурализм», навязываемый и Западу, и нам, в реальности нежизнеспособен, так как почти везде сопровождается откатом в дичайшую архаику. Огромное количество людей хочет говорить как на своем языке на языке великой культуры (каковым несомненно является язык Пушкина и Достоевского), быть интегрированными в большую традицию национальной памяти, они хотят быть своими большому числу людей и ощущать с ними определенное физическое родство и похожесть. Всё это в России означает интеграцию именно в русский этнос.

Альтернативой такой интеграции является не расцвет множества малых милых этносов, а формирование других (не-русских) больших идентичностей и сепаратистских проектов – большекавказского, поволжского проекта «Идель» и т.д. В их рамках будет конструироваться своя национальная память (вполне вероятно – о «русских оккупантах») и создаваться свои большие этносы, которые однажды потребуют себе статуса наций и независимой государственности. Иными словами, искусственное сдерживание интеграции с русскими других народов России – это мина под нашу единую государственность в будущем. Свято место пусто не бывает.

Являются совершенно ложными утверждения о насильственном характере русификации. Напротив, в России русификация является народным естественным спонтанным процессом. Насилием, связанным с применением административного ресурса, попила

бюджетов и шантажа, является как раз противодействие и сдерживание такой русификации, навязывание местных культур «титულных народов» русскому большинству тех или иных субъектов федерации.

У нас есть масса случаев, в которых людям отказывают в удовлетворении их законного желания стать русскими. Причем это прямо противоречит 26-й статье Конституции, в которой закреплено право каждого самостоятельно определять свою национальную принадлежность. Людей то принуждают к иной идентичности, то подкупают ею. Заниматься развитием «нацкультур» у нас бесконечно выгодней, чем развитием русской культуры.

Отрицание права быть русским полируется некоей мнимой «обидой народов», которая случится, если не препятствовать русификации. Простите, чья обида, если значительная часть самих этих народов хочет стать русскими? Конечно, не их самих, а криптосепаратистских элит, для которых межнациональные противоречия у нас в стране превратились в дойную корову с бездонным выменем.

Быть русским на самом деле довольно просто. Русская культура чужда вычурности и высокомерия, в хорошем смысле слова «всечеловечна», в ней нет каких-то непонятных и специфичных неприятных непривычному человеку культурных практик, охотно вбирает в себя все здоровые элементы других культур. Это свойство выдающийся русский национальный мыслитель И.Л. Солоневич в своей замечательной книге «Народная монархия» называл «уживчивостью».

Единственное, чего русские, как можно заметить, не терпят – это двойного дна, ситуаций, когда кто-то начинает манипулировать идентичностями, например русской и пингвинской. Когда человек пингвинского происхождения заявляет: «Я как русский человек считаю, что нам нужно немедленно покаяться перед пингвинами и искупить вину» – это и впрямь вызывает нехорошие чувства.

В продолжение этого свойства русская идентичность, конечно, тотальна. Русские охотно принимают всё и вся в свои. Но очень не любят, когда им тыкают в нос, что это «чужое». Если вы будете долго и с нажимом рассказывать русскому о том, что матрешка – это японская кукла, на вас посмотрят с подчеркнутой неприязнью.

Иными словами, русская идентичность выставляет по большому счету лишь одно требование – отказ от манипулирования и размывания этой идентичности. Правда, для некоторых именно это требование становится невыносимым бременем: им хотелось бы сохранять выгодное положение этнического протеза – дурачить русских, вытрясая из нас всевозможные выгоды и нанося нам же ущерб.

А что русская идентичность даёт? Мы уже миновали те времена, когда являться русским было в высшей степени немодно, до той степени, что все, кто имел такую возможность, старались выписаться из русских и по паспорту, и по морде.

Сегодня быть русским в общем престижно, даже на Западе это слово вызывает если и не восторг, то опасливый ужас. Быть русским значит принадлежать к большой нации великого исторического значения и исключительных достижений, к грандиозной по сложности и богатству культуре, к творческому порыву, направленному на увеличение нашего своеобразия.

Мы сегодня все, независимо от этнического происхождения, становимся более русскими. Быть русскими сегодня – это не только усвоение, но и созидание. Сегодня мы как этнос и как нация сами охотно открываем и переоткрываем, а в чем-то даже изобретаем себя после столетия общенационального обморока. И у нас впереди еще много работы. Увлекательной работы.

Что такое нация?

Идеальную формулу для определения того, что такое нация, предложил немецкий философ Георг Фридрих Вильгельм Гегель:

«Таким образом действует дух народа: он есть определенный дух, создающий из себя наличный действительный мир, который в данное время держится и существует в своей религии, в своем культе, в своих обычаях, в своем государственном устройстве и в своих политических законах, во всех своих учреждениях, в своих действиях и делах. Это есть его дело — это есть этот народ. Народы суть то, чем оказываются их действия. Каждый англичанин скажет: мы — те, которые плавают по океану и в руках которых находится всемирная торговля, которым принадлежит Ост-Индия с ее богатствами, у которых есть парламент и суд присяжных и т. д.»

Предложенный Гегелем подход, оценка нации через её действия, применим к любому мало-мальски серьезному историческому народу, которые только и имеют моральное право именоваться нациями. Разумеется этот подход применим и к русским.

Русские – это те, кто создал самую обширную державу на планете, пройдя «навстреч солнцу» бескрайнюю Сибирь, установив русскую власть и построив города на тех северных просторах, где никогда прежде никакое государство власти не устанавливало.

Русские это те, кто принял византийское Православие, сохранил его и развил даже тогда, когда от него отреклись сами греки, а все православные царства кроме русского – пали, в то время как русские являли всё новых и новых святых, составивших Святую Русь.

Русские это те, кто освободившись от ига монгольских ханов столетие за столетием отвоевывали лесостепи и степи у степняков, пока вовсе не покончили с набегами варваров на цивилизованные народы.

Русские это те, кто сокрушил могущественнейшие военные силы, когда-либо создававшиеся в Европе – армии Наполеона и Гитлера.

Русские – это те, кто в кратчайший срок усвоил европейскую образованность, соединил её со своей древней культурой и добились изумительных результатов в любой области деятельности – науке и технике, первыми выйдя в космос, в литературе и искусстве, голосом Достоевского поставив последние вопросы человеческого бытия.

Иными словами, Русские – это нация, совершившая великие и славные деяния, породившая для себя и подарившая миру удивительных людей, которые навсегда изменили облик мировой истории и культуры, приобретая в этом ходе веков своё собственное неповторимое и уникальное историческое лицо.

Те свойства, через которые Гегель обозначил англичан, зачастую уже отошли в прошлое. Океан давно уже не принадлежит Британии, да и большая часть мировой торговли ушла из под её контроля. Индия давно уже им не принадлежит. А парламенты и суды присяжных есть теперь почти у всех (хоть и не всем идут впрок). Большинство же русских достижений по прежнему остаются непревзойденными.

Для определения нации не надо высчитывать проценты крови, или нанизывать сложные многосоставные и оттого поддающиеся манипуляциям определения вроде сталинского: «исторически сложившаяся общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, выражающаяся в общности культуры». Ещё более бессмысленны заявления, что «нация – это парламент и суд присяжных». Это у англичан нация – это парламент и суд присяжных, а у русских нация это царь и система раскинутых по земле общежительных монастырей, Святая Троица и Ядерная Триада.

Необходимо не измышлять искусственные критерии нации, а потом ещё более искусственно подгонять к ним русских так, чтобы они под него не попадали, а просто признать тот факт, что русская нация существует. Её существование очевидно нам буквально на каждой странице исторических летописей последнего тысячелетия.

Понятие «русские» обозначает обширное уже в древности и, тем более, сегодня сообщество людей, связанных общностью происхождения, языка, самосознания и долговременным единством политической судьбы, если и не всегда актуальным, то всегда чаемым этой общностью.

Понятием русской нации охватывается не только этнографическая группа великороссов, но все восточные славяне. Группы малороссов и белорусов имели особенности в своём политическом и языковом развитии, но до начала эпохи политического конструирования наций в XX веке не порывали с самосознанием русского единства (или, по крайней мере, триединства), да и сейчас этот разрыв является во многом искусственным и насильственным.

Старейшее национальное государство Европы

Слово «Русь» появляется уже в исторических источниках IX века, а уже в середине XI оно относится к обширной надплеменной исторической, культурной и политической общности, к которой прилагаются понятия «земля», «люди», «язык», «власть». Нет никаких оснований отказывать этой общности в имени «нации» по крайней мере в том смысле, который вкладывается в него авторами говорящими о «нациях до национализма».

Первый раз слово «нация» по отношению к предкам славян – венедам применяется ещё в «Германии» Тацита в конце I века н.э. «*Peuciniorum Venedorumque et Fennorum nationes*» — само по себе это говорит больше об особенностях словоупотребления римского историка, но именно из таких частных словоупотреблений и вырос, в конечном счете, концепт «нации».

Уже в начале X века русские послы приходят в Царьград со словами «мы от рода русского» – и приходят они «от великаго князя рускаго, и от всея княжья и от всѣх людей Руское земли». Уже в первом в истории документе с упоминанием русских – Бертинских анналах за

839 год, появляется эта формула «от рода русского»: «id est gentem suam, Rhos vocari dicebant».

«Россия является старейшим национальным государством Европы» – отмечал И.Л. Солоневич. Русская нация появляется на историческом поприще одновременно с большинством других христианских наций Европы.

Если посмотреть на карту Европы X-XI века, то, в большинстве своем, мы увидим на ней те же страны и народы, что и сегодня, за очень и очень немногими исключениями. Англия, Франция, Польша, Чехия, Венгрия, Дания, Швеция, Норвегия, Сербия, Хорватия, Болгария появились на карте именно в этот период. В составе Священной Римской Империи оформились королевства Германия и Италия, хотя и не достигавшие настоящего политического единства. На севере Иберийского полуострова христиане Леона и Кастилии вели реконкисту у мавров, подготавливая появление Испании. Это был период «*великого происхождения народов*» и русская нация явилась на свет именно в этот момент.

Феномен европейской христианской наций был переносом на конкретные ранние государства модели Священного Царства – Израиля. Народ Ветхого Завета был первой нацией в истории, нацией созданной свыше волей Господа и как Его орудие. «Библия предлагала в самом Израиле разработанную модель того, что значит быть нацией — единство народа, языка, религии, территории и правительства... именно он был для читателей Библии очевидным образцом того, какой должна быть нация, зеркалом для воображаемого образа своей нации» — указывает британский исследователь Эдриан Хастингс.

Как отмечает другой современный исследователь – Стивен Гросби – воспоминания о едином царстве Давида и Соломона, надплеменное представление о «всём Израиле», убежденность в том, что этот народ принадлежит определенной территории и что она принадлежит исключительно ему, вера в то, что земля и народ

были освящены соглашением с единым Богом – все эти составляющие национальности отделяли библейский народ от окружающих его неустойчивых племенных союзов, изолированных городов-государств и размытых в своей идентичности империй.

Нетрудно отметить удивительное и, конечно же, не случайное сходство русского национального самосознания с этой заданной в Ветхом Завете моделью. С древнейших времен русская нация получает эту библейскую закваску. Владимир и Ярослав предстают как Давид и Соломон, племенные объединения выступают как аналог колен Израилевых. Постижение понятия «Всея Руси» (примененного сперва для обозначения области власти Русских митрополитов, а затем перенесенного на князей), центрального для самовосприятия русской нации и её государственно-территориального развития, невозможно без учёта пронизывающего Ветхий Завет представления о «всём Израиле» (Втор. 5, 1 и др. места).

Русь была одним из самых ранних слепков этого библейского образца среди христианских народов. И в наиболее полной мере воплотила в своей истории эту парадигму, сохраняя единство вопреки завоеваниям, разделениям, пленениям подобно избранному народу, сознающему не только своё этническое единство, но и метаисторическую миссию.

Летописец помнит еще отличия полян от древлян и вятичей, он знает, что русские князья соединили варягов и словен, но единство этой общности именуемой «Русью» для них несомненно и вне обсуждения. Первый русский летописец сознательно конструирует образ русской истории как истории единого народа, создающего единую страну и подчиненного единой власти.

О том говорит митрополит Иларион в «Слове о законе и благодати». «Слово», созданное в 1051 году (въ лѣто 6559 владычествующу благовѣрьному кагану Ярославу, сыну Владимиру), озаглавлено:

«О законѣ, Моисѣомъ данѣмъ, и о благодѣти и истинѣ, Исусомъ Христомъ бывшии и како законъ отиде, благодѣть же и истина всю землю исполни, и вѣра въ вся языки простресея и до нашего языка **рускаго**, и похвала кагану нашему Влодимеру, от негоже крещени быхомъ, и молитва къ Богу от всеа земля нашеа»⁴.

Касаясь князя Владимира Иларион говорит:

«И единодержецъ бывъ земли своеи, покоривъ подъ ся округняа страны, овы миромъ, а непокоривыа мечемъ». И говорится о нем: «Не въ худѣ бо и невѣдомѣ земли владычствоваша, нъ въ **Руськѣ**, яже вѣдома и слышима есть всѣми четырьми конци земли».

Сравнивая князя «кагана» Владимира с благоверным императором Константином, Иларион проводит параллель из которых позднее вырастет концепция «Третьего Рима»: «Онъ въ елинѣхъ и римлянѣхъ царство Богу покори, ты же — в **Руси**: уже бо и въ онѣхъ и въ насъ Христос царемъ зовется». Излагая свое исповедание веры Иларион завершает его: «Слава же Богу о всемъ, строящему о мнѣ выше силы моеа! И молите о мнѣ, честнѣи учителе и владыкы **Рускы** земля!»

Русское национальное сознание оказалось одним из старейших среди национальных сознаний европейских народов. Нет еще никакой Франции, есть «западная Франкия». Нет еще никакой Германии – есть Священная Римская Империя, к названию которой слова «германской нации» будут прибавлены лишь в 1512 году. Англия, лишь недавно под властью датских королей изжившая разделение на области англосаксонского и датского права, уже попала под власть новых властителей – горделивых нормандцев, соединивших франкскую спесь и норманнскую жестокость. А на Руси летописец уже выводит в заглавии своего труда вопрос: «Откуда есть пошла Русская Земля?».

---

⁴ Слово «каган» применялось к первым правителям Руси, чтобы подчеркнуть их равночестность и правопреемство по отношению к владыкам Аварского каганата, на территории которого в течение многих веков жили дунайские славяне, переселившиеся на Русскую равнину в начале IX века и, по всей видимости, положившие начало русской государственности. Сопоставление этого титула с титулом владыки хазар представляется нам ошибочным.

Лишь в 1214 году, после битвы при Бувине, где Филипп Август разбил германского императора и англичан, мы можем нащупать что-то вроде французской национальной гордости. Всего тремя десятилетиями позднее на Руси создается «Слово о погибели Русской Земли», щемящий душу патриотический манифест, оплакивающий гибель Руси в пожарище монгольского нашествия.

По прихоти истории рассказа о погибели до нас не дошло, зато нам остался настоящий гимн той старой домонгольской Руси, показывающий как высоко стояло ее патриотическое сознание. «Слово» – это настоящее признание в любви к Русской Земле, наслаждение её красотой и благоустройством. Этот текст нужно учить наизусть в школе.

«О, свѣтло свѣтлая и украсно украшена, земля Руськая! И многими красотами удивлена еси: озера многими удивлена еси, рѣками и кладязьми мѣсточестьными, горами, крутыми холми, высокими дубравами, чистыми полми, дивными звѣрьми, различными птицами, бещисленными городами великими, селы дивными, винограды обителными, домами церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многими. Всего еси исполнена земля Руская, о прававѣрная вѣра хрестияньская!»

Но предметом любования является не только природная красота Руси, но и её сила, власть над многими народами и престиж её единодержцев. При этом русские четко осознают себя как этнос среди этносов, народ среди народов и границы этой Руси исполненной всего проводятся именно по границам державы Владимира и Ярослава, без всяких внутренних разделений:

«Отселѣ до угорь и до ляховъ, до чаховъ, от чахов до ятвязи и от ятвязи до литвы, до немецъ, от нѣмецъ до корѣлы, от корѣлы до Устьяга, гдѣ тамо бяху тоймици погании, и за Дышючимъ моремъ; от моря до болгаръ, от болгаръ до буртасъ, от буртасъ до чермисъ, от чермисъ до морѣдви,— то все покорено было Богомъ

крестияньскому языку, поганьскыя страны, великому князю Всеволоду, отцю его Юрью, князю кыевьскому, дѣду его Володимеру и Манамаху, которымъ то половоци дѣти своя полошаху в колыбѣли. А литва из болота на свѣтъ не выникываху, а угры твердыху каменные города желѣзными вороты, абы на них великый Володимеръ тамо не въхалъ, а нѣмци радовахуся, далече будуче за Синимъ моремъ».

Ни в один период своей истории русские не теряли память о своей общности и не забывали её имя, хотя на долю русских приходились очень тяжелые времена. Епископ Владимирский Серапион жаловался в первые десятилетия монгольского ига: «Величество наше смѣрися, красота наша погыбе, богатство наше онѣмъ в користь бысть, трудъ нашъ погани наслѣдоваша, земля наша иноплеменикомъ в достояние бысть».

Это кстати лучший ответ современника тем, кто пытается сегодня представить тот натиск с Востока едва ли не как расцвет дружбы и союзничества. «В сласть хлеба своего изъести не можем» – это данная Серапионом точная формула вековых русских бед, так сгустившихся в годы нашествия, – не досталось нам такой радости, чтобы свой собственный хлеб подолгу вкушать всласть – то он пополам со слезами, то на него посягает чужеземец, то недород. Простая русская мечта – изъесть всласть своего хлеба.

Однако за эту мечту приходится сражаться. И особенно почитал народ тех, кто готов был в те годы сражаться за Русь, как святой Александр Невский. Для Великого Новгорода Александр был и защитником и палачом, когда принуждал богатый и не затронутый нашествием торговый город к монгольской дани. Принуждал ради того, чтобы облегчить нагрузку на другие, разоренные русские земли. Казнил, топил, вынимал глаза и должен был бы оставить по себе память как о деспоте. Однако что же пишет новгородский летописец в I новгородской летописи старшего извода по случаю кончины князя: «Дай, Господе милостивыи, видеть Лице Твое ему в будущий век, иже потрудися за Новгород и за всю **Русьскую** Землю».

«За всю Русьскую Землю», так пишут в Новгороде, который сегодня любят представлять едва ли не как независимое государство, насильственно захваченное Москвой. Но нет, при всей особости своей жизни, при всех торговых связях с Западом, и у новгородцев на первом месте стояло общерусское патриотическое сознание – настолько, что даже деяния жестоко обходившегося с ними князя они оценивали через призму труда за всю Русскую Землю, а не только своего города. То же самосознание мы видим и в Твери, десятилетиями сражавшейся за гегемонию в Русской Земле с Москвой. «Да устроится Русская Земля и да будет в ней справедливость» — высказывает свою сокровенную мечту тверской купец Афанасий сын Никитин, затерявшийся за тремя морями, в песках и горах Востока.

Невозможно согласиться с популярной формулировкой Л.Н. Гумилева, что «на Куликово поле пришли москвичи, серпуховчане, ростовчане, белозерцы, смоляне, муромляне и так далее, а ушли с него – русские». Понятно желание отметить великую битву как поворотный исторический пункт. Но, всё-таки, на Куликово поле пришли уже русские – причем русские не только с Владимирской, но и с подчиненной Литве Руси, вопреки предательству князя Ягайло, решившие принять участие в общерусском деле. Они хорошо понимали, что не дело Литвы, но дело Москвы есть истинное общерусское дело. Еще дядя куликовского победителя Дмитрия Донского – Симеон Иванович Гордый именовал себя титулом «всея Руси», а византийский император именовал его в хартиях: «*рикс пасис Росиас*» – царь всей России. Нет, на Куликово поле выходили уже русские и сражались они уже за Россию, а не только за Москву.

Вот тот мировоззренческий фундамент на котором возросло единое Русское государство – великая Россия. Возникло не только не с опозданием по отношению к Западной Европе, но и с опережением. Д.С. Лихачев в работе «Культура Руси эпохи образования русского национального государства» отмечал:

«Национальные элементы отдельных культур, возникнув почти одновременно по всей Европе, лишь в России получают реальную опору в организации собственного национального Русского государства. Вот почему национальное своеобразие русской культуры XIV-XV вв. выражено отчетливее, чем национальные черты культуры Англии, Франции, Германии того же времени. Единство русского языка гораздо крепче в этот период, чем единство национальных языков во Франции, в Англии, в Германии и в Италии. Русская литература гораздо строже подчинена теме государственного строительства, чем литературы других народов...».

Успешное формирование в XV-XVI веках централизованного государства – России было связано с тем, что оно с самого начала выступало в качестве раннего национального государства, соединяющего национальную общность под единой политической властью и формирующего её политические, культурные и экономические институты.

В работе «Существовало ли русское национальное государство?» я выделил следующие черты раннего национального государства⁵:

- 1). относительное совпадение этнонима и политонима; 2). ирредентизм – притязание на соединение в одном государстве всех представителей одного этно-культурного комплекса; 3). неприятие внешней этнократии, то есть отрицание права чужеземцев на власть, стремление иметь своего природного государя; 4). зачаточные формы общенационального политического представительства; 5). тенденция к формированию единого экономического субъекта – внутренний рынок, протекционизм, контроль внешней торговли; 6). оформление национальной церковной организации; 7). формирование идеологии изоляционизма/исключительности, то есть комплекса идей «мы должны быть сами по себе» и, при этом, «мы особенные».

---

⁵ Включена в антологию Национализм: pro et contra. СПб.: РХГА, 2017 сс. 771-779

И все эти черты ярко и выпукло присутствовали в истории России XV-XVII вв.

Совпадение политонима и этнонима налицо. Россия=Русь=Русская Земля=люди русские все это однозначно воспринимается как имеющее вполне определенную политическую локализацию и относящееся ко вполне определенному народу. Понятия «Москва», «московиты» используются только иностранцами

Ирредентизм выражен в политике великих князей и царей Московских в высшей степени сильно. «Князь хочет вотчины свои — земли русские» — такова политика Василия III. Внутренняя ирредентистская политика проводится предельно последовательно. Внешняя ирредентистская политика заточена прежде всего против Польши-Литвы и обосновывается историческими, вероисповедными и этническими аргументами — Русские земли — это отчина русских князей, населенная православными русскими людьми.

Установка на неприятие внешней этнократии выразилась со всей определенностью в эпоху Смутного Времени. Нежелание терпеть на престоле польских ставленников и польских оккупантов в Кремле, несмотря на любую их формальную легитимность» была важнейшим двигателем событий Смуты к порогу победы над нею. При этом в посланиях Пожарского и Минина четко проводится различие между внешними врагами и русскими ворами — как двумя разными типами противников национального движения.

Земские соборы были для своей эпохи весьма добротной зачаточной формой национального представительства. Они были всеобщими и всеземельными, их голос воспринимался именно как совет всей земли.

Безусловно имела место единая субъектность во внешней торговле. Государство быстро взяло ее в свои руки и поставило под жесткий контроль. В определенных кризисных ситуациях, например когда надо было спасти финансовую систему после медного бунта,

национальная внешняя торговля действовала как единое целое под контролем государства. При этом с середины XVII века начинает проводиться хотя и не последовательная протекционистская политика по отношению к русскому купечеству, меры по защите его от иностранной конкуренции.

Национальная церковная организация была одним из ранних достижений в становлении русского государства. Автокефалия 1448 г. сформировала эту организацию, а затем она бдительно охранялась, будучи закреплена в 1589 г. с установлением патриаршества. Интересно, что закат раннего русского национального государства начался тоже в церковной сфере — с Большого собора 1666 г. — и его одновременными клятвами на старые обряды (осуждение национальной церковной традиции) и осуждением Никона судом восточных патриархов (признание внешнего суверенитета в духовных делах).

Идеология национального изоляционизма/исключительности также была сформирована в доктрине последователей Иосифа Волоцкого. «Русская земля благочестием всех одоле». И там же и доктрина III Рима старца Филофея, которые многие ошибочно считают мессианистской. На самом деле это была изоляционистская доктрина, суть которой «не нужно православному царю Московскому любой ценой, перенапрягая силы, отвоевывать Константинополь — отныне Русская Земля это Третий Рим и это её интересы и есть политические интересы православия».

Русское национальное сознание продолжало опережать западноевропейское и на следующих этапах. Благодаря Жанне д'Арк французы додумались до того, что англичане не имеют прав на прекрасную Францию. Столетняя война сыграла огромную роль в становлении национального самосознания европейских народов — достаточно сравнить два варианта одной и той же хроники знаменитого Фруассара, написанные с разницей в несколько десятилетий и посвященные одним и тем же событиям — в первом варианте все проникнуто идеей рыцарства, во втором — понятием о

национальности. Один и тот же поступок сперва трактовался Фруассаром как совершенный согласно правилам чести, потом же как присущий природе англичан или французов.

Но несмотря на это противопоставление, невозможно себе представить, чтобы в XV и начале XVI века французский или английский король обосновывал свои притязания на ту или иную территорию национальным принципом, чтобы он не защищал свои владения, а требовал передачи чужих, ссылаясь на то, что «там живут французы». Между тем, едва освободившись от ордынских пут, Россия начинает ирреденту русских земель. Польско-Литовское государство и Ливония мыслятся как похитители «вотчины» доставшейся русским князьям от предка – князя Владимира.

Когда Иван III требовал земли Западной Руси, захваченные Литвой, в частности Киев, он подчеркивал, что требует назад русскую землю по праву русского государя:

«Русская Земля вся с Божьей волею из старины от наших прародителей наша отчина; и нам ныне своей отчины жаль, а их отчина Лятская земля да Литовская; и нам чего доля тех городов и волостей своей отчины, которые нам Бог дал, ему отступить? Ано не то одно наша отчина, коя города и волости ныне за нами: и вся Русская Земля Киев и Смоленск и иные города, которые он за собою держит в Литовской земле с Божьей волею из старины от наших прародителей наша отчина».

Послам Папы, стремившимся заинтересовать Василия III войной с далекими турками, бояре отвечают: «князь великий хочет вотчины своей земли Русской». За этими требованиями неизменно следовали поражавшие европейских дипломатов развернутые исторические объяснения прав Русского государства.

«Русские дипломаты умело пользуются своей исторической ученостью и создают сложную теорию власти московских государей, высоко поднимавшую авторитет русского монарха... Это была творческая политическая идеология, направлявшая политику

Русского государства по пути защиты национальных интересов, национальной культуры в сложной среде европейской цивилизации», – отмечает Д.С. Лихачев в работе «Национальное самосознание Древней Руси».

Русское самосознание было при строительстве государства чрезвычайно важным фактором. Францию столетиями приходилось собирать из разнородных кусков. Иван III и Василий III за полвека собрали все русские земли за пределами Литвы и в них не обнаружилось никакого сепаратизма. Всего 70 лет спустя после присоединения к Московскому государству Псков выдерживает осаду Стефаном Баторием ощущая себя как органичная часть единого Русского государства. Ни в ходе Ливонской войны, ни в ходе Смуты Новгород не пытается воспользоваться возможностью для сепаратистских поползновений – новгородская измена очевидно корениться лишь в воспаленном тираническом мозге Ивана IV. Не редкие в этих городах городские восстания никогда не носят сепаратистской окраски, свидетельствуя, что полисное начало в них укоренилось куда глубже, чем сепаратно-государственное. Ничего не слышим мы ни о тверском, ни о рязанском сепаратизме...

В Европе в эту эпоху царит дух религиозных войн. Битва католиков и протестантов едва не уничтожает зарождающиеся первые признаки национального самосознания. И лишь ужас и отвращение то того, что соплеменники, говорящие на одном языке, делают друг с другом, укрепляет национальное самосознание поверх религиозных границ. Европейские нации во многом выросли на отрицании религиозного раскола – и это была позитивная и объединяющая сторона европейского национализма. Но в нем было и немало погречески партикулярного, слишком часто национальная неприязнь была направлена на ближайшего соседа и формировала нацию именно через эту враждебность. Что бы были французы без вражды к англичанам, немцам, испанцам.

В начале XVII века русская нация доказала, что не только существует, но и способна к самостоятельным организованным действиям даже

в отсутствие монарха-суверена, русские общины смогли восстановить государственность и монархию в условиях политического распада.

Восстановление родины начинается с громкого патриотического слова – с посланий патриарха Гермогена, зовущих Русь к сопротивлению вора́м и захватчикам, с посланий нижегородского ополчения звавших «стоять вместе против общих врагов и русских воров, что новую кровь в государстве всчинают». Именно патриотическое слово и национальное самосознание стали тем восстанавливающим веществом, которые возродили Россию в тот момент, когда её государственность была смолота в труху.

Эта борьба осознавалась как борьба за национальное, а не только за государственное начало. Как писали в 1611 году в Москву из осажденного Смоленска: «в то время на Москве **русские** люди возрадовались и стали меж себя говорить, как бы во всей земле всем людям соединиться и стати против литовских людей, чтобы литовские люди из все земли Московские вышли все до одново».

И вот Хронограф 1617 года описывает собор, утвердивший новую династию, давая картину единства нации: «От предела российской земли и до её окраин народ православный, малые люди и великие, богатые и нищие, старые и юные обогатились богатым разумом, от всем дающего жизнь и светом добромьсленного согласия все озарились. Хотя и из разных мест были люди, но в один голос говорили, и хотя несогласны были удаленностью житья, но собрались на единый совет как равные».

Русификация русских

Проблемы развитию русской нации создала культурная псевдоморфоза XVII-XVIII веков связанная с церковным расколом с принятием русской монархией и дворянством западной культуры и фактическим порабощением русского крестьянства. Нация

оказалась культурно и цивилизационно разделена, высшие классы и большинство народа были отчуждены друг от друга.

В то же время не следует преувеличивать степень этого раскола – абсолютизм XVIII века во всех без исключениях странах Европы создавал тенденции, противоречившие национализму. В XIX же веке и самодержавие, и дворянство и все образованные слои стремительно национализировались, создав в короткий срок одну из самых высокоразвитых национальных культур Европы.

Из раннего национального государства Россия трансформировалась в империю, которая всё более приобретала характер национальной империи. Граф Уваров, один из творцов русской национальной политики, писал императору Николаю I, подводя итоги 16 годам управления министерством народного просвещения: «Новое поколение лучше знает Русское и по-Русски, чем поколение наше».

Но ещё ранее Отечественная Война 1812 года мыслилась и как патриотическое и как национальное движение.

«Французы явились как представители космополитической идеи способной, во имя общих начал, прибегать к насилию, к убийству народов; русские явились представителями идеи народной — с любовью охраняющей дух и строй самобытной, органически сложившейся жизни. Вопрос о национальностях был поставлен на Бородинском поле, и русские решили его здесь в первый раз в пользу национальностей», — писал русский литературный критик славянофил Николай Страхов.

Немецкий национализм был не предшественником, а напротив – побочным плодом русского патриотического противостояния Наполеону. Россия чрезвычайно широко раскинула сеть сопротивления завоевателю, увлекши многие европейские умы. Выдающийся военный теоретик А.А. Свечин в «Эволюции военного искусства» так описывает эту пропагандистскую войну России на немецком национальном фронте.

«В России был организован “Немецкий Комитет” под фактическим руководством Штейна, политического вождя национального движения в Германии, согласившегося взять на себя руководство русской агитацией... Образчиком агитационной литературы, отпечатанной в Петербурге, в сенатской типографии, в октябре 1812 г., на средства неограниченного монарха, является написанный Арндтом по особому заказу “краткий катехизис для немецких солдат”... Немецкий государь посылает немецкого солдата на войну: должен ли немецкий солдат воевать? Нет, отвечает Арндт; монархическая идея подчиняется идее национальной, отечественной, если государь натравливает своих солдат на неповинных, на имеющих право на своей стороне, если государь посягает на счастье и свободу своих подданных, если он хочет помогать врагам своего отечества, если он позволяет грабить, бесчестить, насиловать свое население, то слушаться такого государя значило бы нарушать божеский закон... Солдат должен помнить, что родина, отечество бессмертны и вечны, а монархи и всякое начальство уйдет в прошлое со своим мелким честолюбием, со всем постыдным, что они наделали...».

Созданная Россией пропагандистская машина просто не оставляла Наполеону шансов ни сломить русский народ, ни укрепить свое господство в Европе. Завоевателю противостояли не только солдаты, но и мастера слова от патетичного адмирала Шишкова, ставшего автором царских манифестов и отчетов русского командования, до виртуоза популистской пропаганды графа Ростопчина с его афишами.

Без культурной, символической составляющей нам не понять многих важнейших исторических событий, от данной прежде всего по политическим соображениям Бородинской битвы, в которой каждый русский офицер считал за счастье погибнуть или получить ранение, и до эпического и ужасающего пожара Москвы. Россия

противопоставила Наполеону не только превосходство духа, но и превосходство разработанной патриотической идеологии.

Этот факт звучит настоящей насмешкой над популярной в западной историографии теорией «часовых поясов национализма», выдвинутой Эрнстом Геллнером. Мол, национальное сознание развивается в Европе с Запада на Восток. Причем чем западней и раньше, тем более развит национализм и тем в большей степени он носит гражданский характер. И напротив, чем восточнее, тем позднее он развивается и тем более этноцентричен. Как видим, это попросту неправда. Русское национальное сознание не младше, а старше не только немецкого, но и французского и английского. Оно, пожалуй, старейшее в Европе среди всех современных народов.

Развитие русского национализма в имперскую эпоху было достаточно своеобразно, поскольку перед ним стояли совершенно иные задачи, чем, к примеру, перед немецким национализмом. Немцы до Бисмарка были одним этносом расчлененным на множество государств. Главное что их связывало — общность генетического происхождения. Чуть менее — история и язык (который и до сего момента диалектно раздроблен). Совсем не связывали религия — нация была разорвана противостоянием католиков и протестантов, и государственность — немецких государств даже после проведенной Венским конгрессом унификации было великое множество. Немецкий националист обязан был стоять выше религии и быть антипатриотом (по крайней мере за пределами Пруссии). Конструкция немецкого национализма основывалась на идее трансграничного единства сыновей единого этноса, которые, опираясь на право народа на самоопределение, пытаются осуществить политическое единство.

Русские в XIX веке были этносом подавляющая часть которого была охвачена границей единого Отечества (за пределами была лишь Галиция о которой до времени мало вспоминали). Соответственно объединяющая этническая рамка была тавтологией, она ничего вообще не объясняла. Зато внутри границ единого Отечества

русские сталкивались с тем, что наряду с нами в том же отечестве живут представители других этносов, других религий, других культур и цивилизаций, да и сам этнос был в значительной степени цивилизационно расколот между простым народом и совокупностью духовных иностранцев — дворянством.

Перед русскими вставал вопрос цивилизационной, культурной, а по возможности и религиозной ассимиляции тех, кто находится в том же Отечестве. Вопрос о том, как сделать если не всех, то значительную часть их природными патриотами. Соответственно конструкция русского национализма строилась на державном патриотизме, форсировании православия и общих культурных черт, которые должны перекрывать этничность и быть выше голоса крови. «Право народов на самоопределение» в этническом смысле для русских было в тот момент бессмысленно, поскольку потенциальная «нация как гражданское сообщество» должна была быть намного больше числом русской нации как этноса. Самодержавие было той рамкой, которая создавала Отечество — рухнет оно и Отечество тоже рассыплется (так оно и произошло, и большевистская пересборка была лишь неумелым склеиванием обломков).

Пожалуй ещё более важна была политика русификации самих русских, русского дворянства, национальной элиты, которая, в духе абсолютизма XIX века, воспитываемая была всевозможными «мадам, месье и аббэ» в духе космополитического полупросвещения, в незнании русского языка и презрении к русским понятиям. Столкнувшись с тем, что в таком космополитическом духе воспитанное офицерство устроило против правительства заговор, причем заимствовав (в достаточно своеобразном, как показывает «Русская Правда» Пестеля, виде) и некоторые идеи европейских национализмов, правительство впервые озаботилось тем, чтобы среди сотрясающих Европу гражданских бурь постараться собрать воедино остатки былых русских своеобразных национальных понятий и основать именно на них систему образования в национальном духе.

Так появилась уваровская формула «православие, самодержавие, народность», русский язык, история и словесность легли в основу образовательной системы, заняв большую часть часов преподавания. Сдвинутая с мертвой точки Карамзиным русская национальная историография открывала для русских всё больше тайн их собственного отечества – публиковались памятники древнерусской литературы, летописи, собрания документов, найденные археографическими экспедициями.

Углубляя собственное самосознание русские приходили к выводу, что Россия – не просто одна из европейских наций, но самобытная цивилизация, равночестная европейской. Именно на этом взялись настаивать мыслители-славянофилы степень противостояния которых официальной политике Николая I значительно раздута публицистикой.

Зачастую чтобы представить Романовых «немцами на престоле» приходится идти на откровенный подлог, такой как якобы сказанная Николаем I фраза: «русские дворяне служат государству, немецкие служат нам». На деле эти слова принадлежали не Николаю I, а его сыну, причем были сказаны в период, когда Александр Николаевич был наследником и ни коим образом не выражали его политического курса. Переписано на Николая I и возведена в ранг политической декларации эта фраза была в публицистической брошюре историка А.Е. Преснякова изданной в 1925 году. На самом деле император Николай I говорил прямо противоположное: «я сам служу не себе, а вам всем» и если за что и гневался на публициста Юрия Самарина, писавшего против засилия немцев, то за создаваемое у читателей впечатление, что монархия недостаточно верна национальным интересам русского народа, с чем император был категорически несогласен.

К вопросу интеграции с русской нацией разных иноэтнических групп добавлялся вопрос внутренней ирреденты – восстановления русского самосознания у тех частей русского народа, которые прожили долгие столетия в отчужденном состоянии в составе Речи

Посполитой и были возвращены России только в ходе разделов последней. Значительная часть этих русских была частично ополячена, принадлежала к униатской церковной организации.

О значимости вопроса возвращения русского самосознания западным русским говорит тот факт, что ещё дед Ф.М. Достоевского (род которого происходил от некогда переселившейся в Литву ветви боярского рода Ртищевых) был униатским священником, а ещё отец родился польским подданным, сын же вырос не только в величайшего писателя, но и в одного из виднейших русских националистов, автора формулы: «Хозяин земли русской — есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус — это всё одно) — и так будет навсегда».

Особенно значительными были успехи Российской Империи в восстановлении русского самосознания белорусов. В 1830-е годы было произведено воссоединение с Русской Православной Церковью западнорусских униатов. В 1860-е, после польского мятежа деятельностью крупнейшего государственного деятеля русского направления М.Н. Муравьева были отброшены оказавшиеся затратными и бесполезными попытки русифицировать русофобствующую польскую шляхту. Правительство сделало ставку на этнически русских крестьян — белорусов и великороссов-старообрядцев и именно они смогли помочь ему подавить мятеж.

Действия Муравьева в союзе с русскими крестьянами воспринимались как своего рода подлинная освободительная война русских против чужой власти, хотя и ведшаяся в специфических условиях, когда край отвоевывался не у внешнего, а у внутреннего противника. Муравьев сыграл для русских в 1860-е годы роль, в чем-то сравнимую с ролью Бисмарка. И тот и другой «железом и кровью» объединяли нацию. И тот и другой вели борьбу с трансграничностью католицизма, с той, впрочем, разницей, что Бисмарк подавлял католицизм у самих немцев, Муравьев же расцеплял католицизм поляков и православие русских, осуществлял «разбор оспариваемой паствы», проводя четкую цивилизационную границу.

Политика Муравьева, поддержанная крупнейшим национальным публицистом – Катковым и поэтом Тютчевым сыграла виднейшую роль в становлении русского национального самосознания эпохи и развитии русского национализма. И могла бы сыграть еще большую, если бы у императора Александра II существовала большая к доверенность к этому государственному деятелю, подобная той, что была у кайзера Вильгельма I к «железному канцлеру». Увы, тут русскому национализму не повезло – император находился под преимущественным воздействием либерально-западнических веяний или влиянием аристократических кругов, проявлявших солидарность с польской шляхтой против русского мужика и сделавшего на него ставку «красного» графа.

Русский национализм исторически развивался как интегрирующий империю державный патриотизм с отчетливым культурным и религиозным акцентом. Этнический аспект актуализовался при споре о главенствующей роли русских внутри империи. Это отчетливо проявлялось в обсуждении остзейского и польского вопросов. Ставший на ноги и получивший голос благодаря гласности в пореформенной печати русский национализм категорично настаивал на том, что Русский Царь – это царь, прежде всего, русской нации.

«Русский государь родился, вырос на русской земле, он приобрел все области с русскими людьми русским трудом и русской кровью. Курляндия, Имеретия, Алеутия и Курилия суть воскрылия его ризы, полы его одежды, а его душегрейка есть святая Русь. Видеть в государе не русского, а сборного человека из всех живущих в России национальностей, это есть такая нелепость, которую ни один настоящий русский человек слышать не может без всякого негодования» — подчеркивал в 1864 году историк-панславист М.Н. Погодин.

Россия XIX-начала XX вв. была обширной и весьма разнородной империей, которая охватывала многочисленные народы разных языковых и религиозных групп, стоявшие на разных уровнях

социального и экономического развития, от первобытного до буржуазного. В ней имелись такие проблемы как польская – проблема поглощенного империей развитого соседнего национального государства, еврейская – проблема многочисленной компактно расселенной неассимилированной (и неассимилируемой в полной мере) диаспоры, украинская – попытки сформировать из части русских отдельный этнос с притязанием на собственную государственность, старообрядческая – искусственная оторванность части русского народа от господствующей церкви в результате спорной реформы XVII века.

Идеологией как центральной власти России, самодержавия, так и националистической элиты, а также значительной части бюрократии было превращение России в современное национальное государство в котором центристские тенденции господствуют над центробежными иноэтническими и иноцивилизационными силами. Именно такую политику проводило правительство «русификатора всея Руси» Александра III, сочетавшего установку на русификацию окраин, на внутреннее своеобразное культурное развитие и на полноценную индустриализацию, сопровождавшуюся увеличением инфраструктурной связанности страны.

«Россия для русских и по-русски» — было для императора реальной программой. Опираясь на возраставшую благодаря продуманной политике индустриальную мощь и готовившуюся к введению в начале XX века систему всеобщего образования правительство, готовилось решить задачу трансформации России в современное национальное государство.

Однако Россия была разорвана внутренними социальными противоречиями раньше, чем успела решить свои национальные задачи. Элита российского общества, дворянство и становящаяся буржуазия, представляла собой высокоразвитую европейскую нацию в точном смысле слова – с высоким уровнем образования, развитой духовной культурой, поражавшей мир исключительными

творческими достижениями, научной и технической мыслью и политическими притязаниями на управление страной вместе с самодержавием (или вместо него). Русский национализм был для значительной частью этой имперской верхушки, включавшей несколько миллионов человек, естественной и логичной идеологией, хотя в радикально настроенных кругах, — среди социалистов и либералов был популярен и космополитизм, интернационализм, или национализм других наций.

Однако ниже уровня этой имперской гражданской нации располагалось более 100 миллионов русских крестьян, представителей простонародья из других этнических групп, чье политическое, культурное и национальное сознание было довольно примитивно. Разумеется, представлять русского крестьянина дикарем не было никаких оснований — он имел собственное нравственное мировоззрение, набор общественно-политических убеждений и предрассудков, оригинальный взгляд на внешнюю политику, в основе это была традиционная иерархическая картина с царем-батюшкой в центре и Богом на Небе.

Однако этот образ мира русского трудящегося большинства, составлявшего в России гораздо больший процент населения по сравнению с верхушечной нацией, постоянно подвергался эрозии благодаря влиянию «модерной» верхушечной нации, значительная часть которой увлечена была либеральными и социалистическими идеями, натравливала трудящихся на самодержавие и православие. При этом для либералов западничество стояло на первом месте по сравнению с национальными ценностями, а социалисты и вовсе отрицали национальное начало.

Для защиты крестьянской массы от этого разлагающего влияния правительство под влиянием К.П. Победоносцева выбрало ошибочную ставку на «народный инстинкт», который должен был делать русского человека подсознательно приверженным к консервативным началам. А чтобы сохранить это инстинктивное восприятие, широкие массы следовало не тревожить чрезмерной

грамотностью и образованием. В результате к полосе революционных потрясений большая часть русского народа подошла не в достаточной мере осознавая свои долгосрочные экономические, социальные и политические интересы, оставаясь податливой на пропаганду агитаторов.

Правительство Российской Империи все больше отождествляло себя с национальными русскими ценностями. Сторонником русского православного консерватизма был император Николай II, активно разворачивалась деятельность организаций русских националистов, как право-консервативных, так и центристских и умеренно либеральных. В рамках национальных организаций нащупывались пути сближения верхушечных националистов и русской крестьянской массы, особенно в регионах с напряженной этнической обстановкой. В.В. Шульгин в «Годах» ярко описывает механизмы заключения русскими крестьянами и помещиками на Волыни блока против польских помещиков на выборах во вторую Государственную Думу.

В 1912 году Дума приняла закон о выделении из состава Царства Польского Холмской Губернии, имевшей преимущественно русское православное население. Это был символический рубеж — этнорелигиозный фактор был поставлен выше политико-географического. Еще более последовательно этноцентричной, ориентированной на предоставление привилегий русским, был законопроект о земствах в Западном крае, проводившийся П.А. Столыпиным вопреки сопротивлению не только левых, но и правых в Думе и Государственном Совете.

«В этом законе проводится принцип не утеснения, не угнетения нерусских народностей, а охранения прав коренного русского населения, которому государство изменить не может, потому что оно никогда не изменяло государству в тяжелые исторические времена всегда стояло на западной границе на страже русских государственных начал» — говорил Столыпин в своей последней речи перед Думой 27 апреля 1911 года.

Деятельность Столыпина была настоящим русским национализмом у власти. О премьерe не случайно говорили «в нём русское было центром всего». Это касалось как идеологии, которую он провозглашал с думской трибуны: «Народы забывают иногда о своих национальных задачах; но такие народы гибнут, они превращаются в назем, в удобрение, на котором вырастают и крепнут другие, более сильные народы». Премьер подчеркивал, что «власть есть хранительница государственности и целостности русского народа».

Не менее важна чем идеология была его социальная программа – создание сильного, образованного, независимого русского крестьянина-предпринимателя, который сознательно отождествляет свои кровные интересы с устойчивостью национального и государственного порядка страны. Столыпин предпринял огромные усилия для того, чтобы перевести многомиллионную массу русского народа в состав современной модерной нации. К сожалению, ему не хватило на это времени. Убийство премьер-националиста, социальный кризис и коллапс государства на долгие десятилетия прервали традицию прорусской этнической политики.

В Первую мировую войну русская нация вступила в состоянии полупереваренного, недовершенного массового национального сознания. В результате квазипатриотическая демагогия, обвинения в непатриотизме, оказались опаснейшим оружием «прогрессивной» верхушечной прослойки и ее политиканов, таких как Гучков и Милюков, в борьбе против монархии. Мнимая «немецкость» династии, мнимая «измена» императорской фамилии, лицемерная шпиономания со стороны тех, кто сам не брезговал иностранными деньгами на распад русской государственности, стали мощным инструментом расшатывания народного доверия и подрыва государства. Страна расплатилась коллапсом за недоделанность национального сознания, когда массы усвоив негативное содержание национальных лозунгов – «свои против чужих» не

усвоили принципов национальной солидарности, взаимного доверия и взаимной поддержки.

Русские в XX веке. Триумфы среди трагедии

Свержение монархии, безвластие, многовластие и гражданская война повлекли за собой не только сепаратизм иноэтнических окраин. Но и официальную фиксацию раскола русского народа. В Киеве была провозглашена Украинская Народная Республика – украинский сепаратизм стал одним из существенных факторов в ходе интервенции и гражданской войны. Активно действовала Белорусская Рада, предпринимались активные оформления казацкого, сибирского, дальневосточного областничества.

Если подавляющее число участников белого движения составляли сторонники «единой и неделимой России», русские националисты и патриоты, то большевики активно использовали лозунг равноправия народов и поддержку сепаратистски настроенных сил в среде народов Поволжья и Северного Кавказа. Большевистская политика в этих регионах была окрашена в откровенно антирусские тона. В отделившихся от России новообразованиях советские режимы при их отвоевании оформлялись как национальные рабочие правительства против национальных буржуазных правительств. Этнический раскол России и русского народа был для лидеров большевиков самоочевидной данностью.

Большевистский нарком Чичерин гордился усилиями в деле расчленения России:

«Мы отдали Эстонии чисто русский кусочек, мы отдали Финляндии – Печенгу, где население этого упорно не хотело, мы не спрашивали Латгалию при передаче ее Латвии, мы отдали чисто белорусские земли Польше. Это все связано с тем, что при нынешнем общем положении, при борьбе Советской Республики с капиталистическим окружением верховным принципом является самосохранение Советской Республики как цитадели революции... Мы

руководствуемся не национализмом, но интересами мировой революции».

В создании конструкции СССР большевистские лидеры с одной стороны заложили политически увековеченное разделение малороссов (переименованных в украинцев) и белорусов от великороссов, к которым теперь в одиночку стало применяться понятие «русские». С другой стороны была отвергнута идея создания «Русской республики», подразумевавшая выделение из состава РСФСР Татарии, Башкирии и т.д. СССР превратился в неравноправную ассиметричную конструкцию, главный ущерб от которой был связан с фиксацией украинского сепаратизма. В 1924 году в Киев был возвращен ведущий идеолог украинизации М.Н. Грушевский, чтобы заложить теоретические основы введения украинского языка и украинской идентичности с помощью массовой советской школы.

В основе национальной политики первых десятилетий большевистского правления лежала системная русофобия. Русский народ рассматривался как нация «великая только своими насилиями, великая только так, как велик держиморда» (выражение Ленина). Вождь большевиков настаивал на всемерной зачистке управленческого аппарата от «моря шовинистической великорусской швали».

Отношения русских с другими народами России должны были характеризоваться всемерным унижением русского народа, который таким образом должен компенсировать другим народам имевшие место в прошлом угнетения. «Мы, — говорил Н.А. Бухарин, — в качестве бывшей великодержавной нации должны поставить себя в неравное положение в смысле еще больших уступок национальным течениям». Фактически СССР мыслился его создателями как тюрьма для русского народа, где он отбывает наказание за Российскую Империю, объявленную «тюрьмой народов».

Характерным примером такой «философии» национальных отношений может служить следующая формула из преамбулы Конституции Крымской ССР, принятой 7 ноября 1921 года, через год после кровавого геноцида оставшихся в Крыму белых.

«Автономные и независимые Республики Советского Союза, выросшие из бывших колоний царского режима, утверждая фактическое равенство народов, населяющих территории бывшей России, являются вместе с тем прообразом межнациональных отношений для народов всего мира, изнывающих под ярмом международного империализма».

«Бывшая Россия» - вряд ли можно было высказаться откровенней.

По счастью даже у этого аффирмативного интернационализма имелись свои берега. Большевистскими лидерами была подвергнута обструкции и разгромлена «султан-галеевщина», предполагавшая выделение из РСФСР татарски-башкирско-чувашского государства в Поволжье («на совершенно равных с Украиной правах»), формирование в Средней Азии Республики Туран. Эти проекты Султан-Галеев обосновывал тем, что «это страшно для русского национализма, а для революции это не страшно». В данном случае геополитические соображения и принцип государственного единства у большевистских лидеров все же восторжествовали над стройностью идеологической доктрины.

Произошел раскол русской нации и государства, сущность которого очень точно сформулировал Александр Солженицын:

«До 1917, уже несколько веков, казалось естественно принятым, что Россия — это государство русское. Даже при разнонациональности имперского аппарата (значительной прослойки немецкой и немецко-балтийской, да и других) — без оговорок понималось и принималось, что государство держится и ведётся русским племенем. Но уже от Февраля это понимание стало расплываться, а под раскалённым ленинским катком — русский народ уже и навеки потерял основания

считать Российское государство своим — но Чудищем на службе III Интернационала. Ленин и его окружение неоднократно заявляли и осуществляли: развивать и укреплять государство за счёт подавления великоросского этноса и использования ресурсов срединно-российских для укрепления и развития окраинных национальных республик. А в области идеологии и культуры это сказалось ещё разительней: в 20-е годы произошёл прямой разгром русской культуры и русской гуманитарной науки. С тех пор-то и разделились судьбы: нового государства — и русского народа».

Революция и гражданская война привели к расколу русского народа на красных и белых, вытесненных в эмиграцию. Причем если в абсолютном количественном отношении численность белой эмиграции была несопоставима с той частью русского народа, которая осталась на Родине, то в социальном смысле, смысле образовательного развития, произошел настоящий раскол. Россию покинула подавляющая часть буржуазии, офицерства, значительная часть интеллигенции и духовенства. Оформился раскол русской культуры на три потока — эмигрантскую, официальную советскую и «внутреннеэмигрантскую», подсоветскую лишь внешне принимавшую правила игры, навязанные советской властью.

Разумеется, идеологическая мысль русской интеллигенции работала над восстановлением национального единства, пыталась навести мосты между расколовшимися русскими мирами. Популярна была в Советской России и эмиграции идеология «сменовеховства», призывавшая всех патриотов работать на СССР не как на большевистскую диктатуру, а как на общую Родину, дом русской нации, ожидая постепенной национальной трансформации, коренизации большевизма. Эта идеология удерживала значительную часть русских кадров от эмиграции и поддерживала их желание трудиться на Родине, надеясь на лучшие времена. Тем самым внутри России была сохранена критическая масса людей с развитым национальным сознанием.

Однако эти люди воспринимались большевистским руководством как источник угрозы, как предельная опасность.

«Национализм русский стал нарастать, усиливаться, родилась идея сменовеховства, бродят желания устроить в мирном порядке то, чего не удалось устроить Деникину, т.е. создать так называемую «единую и неделимую».

И, таким образом, в связи с нэпом во внутренней нашей жизни нарождается новая сила – великорусский шовинизм, гнездящийся в наших учреждениях, проникающий не только в советские, но и в партийные учреждения, бродящий по всем углам нашей федерации и ведущий к тому, что если мы этой новой силе не дадим решительного отпора, если мы ее не подсечем в корне, – а нэповские условия ее возвращают, – мы рискуем оказаться перед картиной разрыва между пролетариатом бывшей державной нации и крестьянами ранее угнетенных наций, что равняется подрыву диктатуры пролетариата.

Но нэп возвращает не только шовинизм русский, – он возвращает и шовинизмы местные, особенно в тех республиках, которые имеют несколько национальностей. Я имею в виду Грузию, Азербайджан, Бухару, отчасти можно принять к сведению Туркестан, где мы имеем несколько национальностей, передовые элементы которых, может быть, скоро начнут конкурировать между собой за первенство. Эти местные шовинизмы, конечно, не представляют по своей силе той опасности, которую представляет шовинизм великорусский.

Основная сила, тормозящая дело объединения республик в единый союз, – это та сила, которая нарастает у нас, как я уже говорил, в условиях нэпа: это великорусский шовинизм. Вовсе не случайность, товарищи, что сменовеховцы приобрели массу сторонников среди советских чиновников. Это вовсе не случайность. Не случайность и то, что господа сменовеховцы похваляют коммунистов-большевиков, как бы говоря: вы о большевизме сколько угодно говорите, о ваших интернационалистских тенденциях сколько

угодно болтайте, а мы-то знаем, что то, что не удалось устроить Деникину, вы это устроите, что великую идею великой России вы, большевики, восстановили, или вы ее, во всяком случае, восстановите. Все это не случайность. Не случайность и то, что даже в некоторые наши партийные учреждения проникла эта идея. Я был свидетелем того, как на февральском Пленуме, где впервые ставился вопрос о второй палате, в составе ЦК раздавались речи, несоответствующие коммунизму речи, не имеющие ничего общего с интернационализмом. Все это знамение времени, поветрие. Основная опасность, отсюда проистекающая, – опасность, проистекающая от того, что в связи с нэпом у нас растет не по дням, а по часам великодержавный шовинизм, самый заскоружный национализм, старающийся стереть все нерусское, собрать все нити управления вокруг русского начала и придавить нерусское» – предостерегал однопартийцев Иосиф Джугашвили (Сталин) на XII съезде партии (Двенадцатый съезд РКП/б/. 17-25 апреля 1923 года. Стенографический отчет, М. 1968. сс. 481-484).

Среди составлявшего по прежнему большинство нации крестьянства конформизм по отношению к советскому строю сочетался прежде всего с экономическим прагматизмом – советская власть, как казалось, решила земельный вопрос. Поэтому крестьянство достаточно пассивно реагировало на постепенное наступление на национальную культуру и церковные традиции, тем более что в целом основы старого быта и традиции в деревнях оставались неизменными.

Первый большевистский натиск на деревню был отбит ожесточенной гражданской войной, которую компартии пришлось выдержать после победы над белым движением. Формально участники тамбовского, кронштадтского, донского восстаний были разгромлены, голод 1921-1923 годов нанес чудовищный демографический удар по мужику, но фактически коммунистическое наступление на деревню было

законсервировано почти на десятилетие. Революционные преобразования в 1920-х коснулись, прежде всего, города.

Однако в 1928-1932 году советская власть нанесла мощный удар и по традиционному укладу крестьянства и по национальному сознанию русских, сохранявшемуся «сменовеховской» интеллигенцией. Коллективизация разрушила традиционный уклад русской деревни, включила маховик репрессий и как принудительного, так и добровольного перемещения населения. Голод 1932-1933 годов нанес второй после 1921-23 демографический удар по русскому селу. Индекс сверхсмертности в Юго-Западной России (Украине), Поволжье, Северном Кавказе колебался от 2,6 до 3,2 (максимальную убыль населения пережили Краснодарский и Ставропольский края, Донецкая, Луганская, Днепропетровская, Харьковская и Запорожская области – фактически «Голодомор» оказался прежде всего ударом по Новороссии).

Продолжившая начавшуюся сразу после революции антицерковную политику «безбожная пятилетка», привела к массовым закрытиям и разрушениям храмов, к массовому уничтожению духовенства. Фактически доступ к традиционному церковному быту был для масс русского населения перекрыт.

Одновременно с этим был нанесен удар по национальной «сменовеховской» интеллигенции. Целый ряд громких судебных процессов: «академическое дело», «дело «Весна»», «дело славистов», процесс «Промпартии», процесс «Трудовой крестьянской партии» и т.д. практически положили конец среде специалистов-некоммунистов, сотрудничавших с советской властью по национально-патриотическим мотивам.

1920-е – начало 1930-х период максимального расцвета русофобской пропаганды под большевистскими лозунгами. В порядке вещей были публикации в «Правде» (13 августа 1925): «Русь! Сгнила? Умерла? Подохла? / Что же! Вечная память тебе. / Не

жила ты, а только охала / в полутемной и тесной избе» (В. Александровский). «Устои твои / Оказались шаткими, / Святая Москва / Сорока-сороков! / Ивану кремлевскому / Дали по шапке мы, / А пушку используем / Для тракторов» - писал Иван Молчанов (Вдовин 2004: 30).

В 1928 году в Севастополе был уничтожен памятник адмиралу Нахимову, как оскорбляющий чувства заходящих в порт турецких моряков. В 1932 Наркомпрос постановил передать «Металлолому» памятник генералу Н.Н. Раевскому на Бородинском поле как «не имеющий историко-художественного значения». Была перелита петербургская триумфальная колонна в честь победы под Плевной, созданная из 140 трофейных пушек. На стене монастыря на Бородинском поле на месте гибели генерала А.А. Тучкова была сделана была надпись «Довольно хранить остатки рабского прошлого» (Вдовин 2004: 31).

Под эту практику исторического нигилизма, систематического унижения национального чувства русского народа, подводила теоретический фундамент историческая школа Н.М. Покровского, рассматривавшая историю России «от историка Карамзина до вредителя Рамзина» (как выражался Демьян Бедный) как историю «тюрьмы народов», а национальных героев – как прислужников царей и торгового капитала. Национальное государство для Покровского равнялось внеклассовому государству, а потому, настаивал историк-марксист: «Не так важно доказать, что Иисус Христос исторически, не существовал, как то, что в России *никогда не существовало* внеклассового государства» (Цит по: Юрганов 2011: 24-25).

Поскольку русское великодержавие было для Покровского выражением сущности русского торгового капитализма, то и вся русская культура приобретала в этой связи проклятый великодержавный оттенок:

«Вся русская классическая литература, насквозь великодержавна. И великодержавие ее чрезвычайно характерно для националистической политики. Для всех этих историков русская история есть история великорусского племени. И это чрезвычайно характерно, потому что главным агентом того исторического процесса, который я характеризую, является великодержавная народность. Русский промышленный капитализм складывался около Москвы - великорусского центра, и московский отпечаток чрезвычайно резко лежит на всей его политике. Отсюда прежде всего великодержавность этой литературы».

Ненависть Покровского к единой русской нации заходила так далеко, что в опубликованной в 1930 г. статье «Возникновение Московского государства и «великорусская народность»» в ранг «тюрьмы народов» у него возведено даже Великое княжество Московское. «Дело шло о покорении целого ряда независимых до тех пор народов преимущественно финского племени». Покровский писал:

«Российскую империю называли «тюрьмой народов». Мы знаем теперь, что этого названия заслуживало не только государство Романовых, но и его предшественница, вотчина потомков Калиты. Уже Московское великое княжество, не только Московское царство, было «тюрьмой народов». Великороссия построена на костях «инородцев», и едва ли последние много утешены тем, что в жилах великоруссов течет 80% их крови. Только окончательное свержение великорусского гнета той силой, которая боролась и борется со всем и всяческим угнетением, могло служить некоторой расплатой за все страдания, которые причинил им этот гнет».

Русскую нацию «историки-марксисты» были готовы развинтить до уровня вези, чуди и мери. К 1933 году русская нация как сообщество скрепленное общей памятью, общей традицией, общими адаптационными установками стояла на грани уничтожения совокупностью процессов коммунистической денационализации и хозяйственной коллективизации. Однако резкое «поправление»

капиталистической Европы после прихода к власти в Германии НСДАП вынудило коммунистическую партию начать пересматривать свою политику. Становилось все более очевидно, что отменить национальный фактор на международной арене с такой же легкостью, как и внутри страны – невозможно.

Советская власть начинает все чаще апеллировать к русскому началу не только в смысле интернационального долга «народа-держиморды» и не только к идее о русских, как о передовой революционной нации, но и к русской исторической и культурной традиции. Эта традиция перестает рассматриваться как чисто отрицательный фактор, подлежащий преодолению.

Этап стихков «Я предлагаю Минина расплавить...» оказывается пройден. Из уст Сталина звучит: «Нам нужен большевистский Иловайский» (имя Д.И. Иловайского было своеобразным символом националистической охранительной историографии). Школа Покровского предается идеологической анафеме. Основой историографического консенсуса становится тезис о России как о развитии раннего «русского национального государства».

Создается линейка фильмов и литературных произведений, посвященных выдающимся национальным героям прошлого – Александру Невскому, Минину и Пожарскому, Суворову и Кутузову. Символическим водоразделом стала показательная расправа в ноябре 1936 года над оперой «Богатыри», для которой Демьян Бедный написал разнузданно русофобский текст.

Еще более существенное значение, чем изменения в верхних слоях идеологической атмосферы, имели решения по сворачиванию «коренизации» в союзных и автономных республиках, решение об обязательном переводе всех национальных алфавитов на кириллицу (а еще в начале 1930-х латинизация на полном серьезе обсуждалась как будущее русского языка), формулировка жестких требований по обязательному изучению всеми школьниками русского языка.

Однако это изменение идеологического направления не означало, что наступление советской версии интернационализма на русский народ завершилось. И в 1930-е продолжилось расчленение его национальной территории. В 1936, как раз под новую советскую конституцию, из состава РСФСР были выделены Киргизская и Казахская ССР, причем к последней были прирезаны огромные казачьи земли Южной Сибири. Авторы официальных советских историй этих республик делали акцент на колониальном угнетении в царские времена.

Прокатившаяся в 1937-38 годах новая волна репрессий вновь нанесла тяжелый удар русскому народу. Уничтожены были не только и не столько советские партийные функционеры — они были лишь каплей в море расстреливаемого «природно русского» и по имени и по сущности народа. Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», подписанный Ежовым 30 июля 1937 года перечислял такие категории подлежащих уничтожению: «Бывшие кулаки, вернувшиеся после отбытия наказания, члены антисоветских партий, бывшие белые, жандармы, чиновники, реэмигранты, участники казачье-белогвардейских повстанческих организаций, церковники...» (Юнге, Бордюгов, Биннер 2008: 98-114).

Русская культура за время репрессий 1930-1940 гг. обеднела на десятки имен выдающихся ученых, мыслителей, писателей: математик Д.Ф. Егоров, историки С.Ф. Платонов и М.К. Любавский, экономисты Н.Д. Кондратьев и А.В. Чаянов, философ отец Павел Флоренский, поэт Н.А. Клюев, военный теоретик А.А. Свечин, переводчик и знаток античного театра А.И. Пиотровский, византилисты В.Н. Бенешевич и И.В. Попов, один из крупнейших ученых XX века Н.И. Вавилов.

Великая Отечественная Война стала временем небывалых испытаний для русского народа. Гитлеровская агрессия ставила своей задачей разрушение Российской государственности,

расчленение страны и её раскол по этническому признаку. Война велась на уничтожение России, а не советской власти, а немецкая политика основывалась на принципах полного презрения к русскому культурному наследию («никакие культурные ценности на Востоке не имеют значения» — гласил знаменитый «приказ Рейхенау»), а также с совершенным пренебрежением жизнью гражданского населения — достаточно оказать на то, что планировалось уничтожение голодом жителей Ленинграда независимо от того капитулирует блокадный город или нет.

Неудивительно, что война привела к быстро возрастающему национальному подъему, к развитию русского патриотизма, звавшего к победе над врагом. Великий русский философ И.А. Ильин отмечал в своих статьях военного времени для швейцарской прессы: «чем дальше во времени и пространстве заходила война, тем заметнее пробуждался национальный русский инстинкт самосохранения, тем сильнее становилась решимость русского народа обороняться от врага и тем больше воюющие народные массы учились подчиняться дисциплине национального военного Верховного командования, не обращая внимания на партийный режим...».

«В воспоминаниях народа о Первой мировой войне, — отмечал Ильин, — дезертирство с которой обернулось страшным возмездием, продолжавшимся целых 25 лет, побеждала мысль о том, что эту войну надо лояльно довоевать до конца». Именно поэтому активный коллаборационизм принял гораздо меньшие масштабы, чем ожидали гитлеровские аналитики, исходя из фактов довоенной антирусской политики советской власти. Сотрудничество с гитлеровцами «во имя русского народа» осталось уделом незначительных по численности групп.

Война принесла русскому народу неисчислимое горе, огромные демографические потери (это была уже третья демографическая яма за 30 лет), огромные разрушения. Но, в то же время, русские восстановили в себе самосознание великого народа с

исключительной исторической миссией. Самоощущение народа-победителя, закрепленное официально в пропаганде военных лет, стало частью личного самосознания десятков миллионов людей. Слово «русский» поднялось в мире на такую высоту, на которую редко поднималось и в имперский период. Казалось в СССР установится национально-имперская модель с отчетливой русской доминантой. Так начинали думать даже некоторые партийные функционеры РСФСР.

Особенно примечательно было расширение ареала проживания русского народа – на смене эпохе сжатия пришла эпоха его расширения. Почти исключительно русскими были заселены новоприсоединенная Восточная Пруссия, Южный Сахалин и Курилы.

Эти земли стали частью коренной территории русского народа, хотя это произошло во многом против планов «Вождя народов», рассматривавшего советскую часть Восточной Пруссии как разменную карту для того, чтобы добиться формирования «единой нейтральной Германии». Как и прежде Сталин готов был признать Выборг за марионеточной «Финляндской Демократической Ресупубликой» и лишь сопротивление армии Маннергейма вынудило его ограничиться присоединением города к России, причем сначала он было присоединен к Карело-Финской ССР. Калининград за русским народом тоже сохранила неуступчивая позиция канцлера Германии Конрада Аденауэра, видевшего ФРГ исключительно в составе западного блока, а не добрая воля советского вождя.

Драматические последствия для русских имели депортации народов с Северного Кавказа и из Крыма – регионы становились почти исключительно русскими, но последовавшее за реабилитацией народов возвращение спровоцировало национальные конфликты, террор и погромы против русского населения. Но уже и в этот период русские интересы не всегда ставились на первое место – так была отклонена просьба представителей Карпатской Руси о

присоединении не к Украинской, а к Российской союзной республике.

Весьма неоднозначным был эффект присоединения к УССР западной Украины. Почти десятилетие советские власти потратили на борьбу с открытым бандеровским террором, однако и после победы над ним Галиция стала источником облучения всей Украины идеологией самого радикального украинского национализма, заточенного на животную ненависть к «москалям». К концу 1980-х эта идеология пропитала собой значительную часть украинизированного по советским лекалам населения УССР и стала давать все более откровенно русофобские всходы.

Важной составляющей патриотического поворота стало частичное примирение советской власти с Русской Православной Церковью. Было восстановлено традиционное патриаршее управление, ликвидирован обновленческий раскол, большая часть страны получила доступ к православным таинствам и обрядам, а тем самым и к традиционному русскому «хронотопу». Православие было в целом восстановлено в качестве части представления о русской идентичности.

Однако русское национальное возрождение послевоенной поры носило крайне неустойчивый характер. При первых же признаках политического оформления русского национального чувства последовал жесточайший урок «ленинградского дела», в ходе которого были уничтожены выдвинувшиеся за годы войны руководители, у которых имелись черты русского национального сознания. После смерти Жданова оказалось, что именно он, а не Сталин был идеологом «русского поворота» - идеология сталинизма начинает неумолимо сдвигаться назад к большевистской интернационалистической русофобии.

Кампании «борьбы с космополитизмом», «против преклонения перед Западом» и т.д. не столько укрепляли русское патриотическое чувство, сколько разжигали ксенофобские страсти, которые, в

конечном счете, обернулись, прежде всего, против русских, приведя к новому туру борьбы с «великорусским шовинизмом» в послесталинский период.

Уже в 1955 была развязана ожесточенная травля Русской Православной Церкви, в которой использовались все классические приемы «Союза воинствующих безбожников», кроме физического уничтожения духовенства. Закрывались и уничтожались храмы, систематически препятствовали совершению таинств. Началось формирование русского человека «оттепельной» парадигмы, — неверующего, энтузиаста науки и прогресса, почти лишенного этнического чувства, заменяемого футуристическим оптимизмом.

Одной из попыток глубинной перепрошивки русского этноса стала кампания по ликвидации «неперспективных деревень» ведшаяся в центральной и северной России (то есть в ядре русского этноса) с 1958 года. Уничтожалась традиционная для русских система расселения малыми деревнями. Поселки городского типа, ставшие своеобразными «концлагерями» для сгоняемых с традиционных мест обитания русских крестьян, превращались в центры алкоголизации и криминализации.

Массовое жилищное строительство развернутое в тот же период оказало исключительное влияние на повышение уровня жизни русского народа, но, при этом, сопровождалось социальной и хозяйственной дезадаптацией – единый комплекс традиционной культуры разрушался, заменяясь культом телевизора.

Облик русского человека начала 1960-х был снова предельно денационализирован, черты национальной идентичности из него были вытеснены, заменившись модернистским урбанизмом, смесью западного и имитирующего запад советского начал. Казалось снова можно было прогнозировать скорую элиминацию русских как конкретного этноса с собственным национальным сознанием и оригинальной цивилизацией.

Новый неожиданный поворот наступает в 1965 году, вскоре после смещения Хрущева. В СССР резко начинается этническое возрождение, лишь в ограниченной степени поддержанное представителями партийной элиты. «Русской партией» становится часть советской шестидесятнической интеллигенции и часть второго эшелона партийного аппарата. По большому счету это было низовое общественное движение – продукт деятельности энтузиастов, высшей точкой которой (затем последовал трагический спад) стало торжественное празднование 600-летия Куликовской битвы.

Случилась удивительная метаморфоза. Ещё недавно, при хрущевских гонениях, комсомольцы хулиганили в церквях и это было, кажется, их главной миссией. И вдруг на пленуме ЦК ВЛКСМ 27 декабря 1965 года непререкаемый «комсомолец №1» советской страны – первый космонавт Юрий Гагарин – заявляет:

«На мой взгляд, мы еще недостаточно воспитываем уважение к героическому прошлому, зачастую не думаем о сохранении памятников. В Москве была снята и не восстановлена Триумфальная арка 1812 года, был разрушен храм Христа Спасителя, построенный на деньги, собранные по всей стране в честь победы над Наполеоном. Неужели название этого памятника затмило его патриотическую сущность? Я бы мог продолжать перечень жертв варварского отношения к памятникам прошлого. Примеров таких, к сожалению, много».

Основными формами русского возрождения в этот период стали охрана и частичная реставрация древнерусских памятников (то есть, прежде всего, православных церквей), распространение моды на Древнюю Русь, ставшей своего рода этническим маркером русских. Развиваются аналоги западного фолк-возрождения в музыке (творчество великого русского композитора Георгия Свиридова), дизайне, этнической символической. Едва ли не каждый дом украшен календарем с изображением Храма Покрова на Нерли, как новооткрытого символа русскости. Появляется, после прекращения

гонений, «мода» (как возмущались атеистические пропагандисты) на религию.

Фактически Древняя Русь становится легитимным образом русской традиции, в которой позднесредневековый и имперский периоды трактуются как «идеологически скомпрометированные». Идентификация себя с Древней Русью становится формой этнического самосознания русских, особенно в городах. Появляется новоурбанистическая русская идентичность, которая находит своё отражение в чрезвычайной популярности творчества художника Ильи Глазунова, современными художественными средствами поп-арта обращающегося к русским этническим образам, доводя их до заостренного символизма.

Литературным знаменем этого этнического возрождения выступает движение почвенников, связанное прежде всего с направлением «деревенской прозы» в литературе. Это движение уделяет внимание защите родной природы от разрушения великими стройками социализма, в частности звучит мощный протест против затопления русской земли водохранилищами гидроэлектростанций. Во всей прозе деревенщиков звучит протест против уничтожения русской деревни как неперспективной.

Более решительную позицию, чем деревенщики, старавшиеся остаться в рамках советской системы, занимает Александр Солженицын. В течение 1960-х годов его мировоззрение претерпевает эволюцию от гуманистического народничества, с позиции которого критикуется советская репрессивная система, к решительному противопоставлению русского и советского начал, четком акценте на необходимость возрождения русского из под гнета советского. В «Письме вождям Советского Союза» Солженицын предлагает собственную программу декоммунизации СССР во имя сбережения русского народа. Используя образ китайской угрозы, актуальной для Советского Союза 1970-х, Солженицын пытался призвать советских вождей отбросить коммунистическое, к которому апеллировали китайцы, во имя

русского, и начать освоение русских просторов вместо экспорта революции.

«Преимущественно озабочен я судьбой именно русского и украинского народов, по пословице — где уродился, там и пригодился, а глубже тоже — из-за несравненных страданий, перенесенных нами. И это письмо я пишу в предположении, что такой же преимущественной заботе подчинены и вы, что вы не чужды своему происхождению, отцам, дедам, прадедам и родным просторам, что вы — не безнациональны...

При центральном плане, которым мы гордимся, уж у нас-то была, кажется возможность не испортить русской природы, не создавать противочеловеческих многомиллионных скоплений. Мы же сделали все наоборот: измерзопакостили широкие русские пространства и обезобразили сердце России, дорогую нашу Москву...

Русская надежда на выигрыш времени и выигрыш спасения: на наших широченных северо-восточных земельных просторах, по нашей же неповоротливости четырех веков еще не обезображенных нашими ошибками, мы можем заново строить не безумную пожирающую цивилизацию «прогресса», нет — безболезненно ставить сразу стабильную экономику и соответственно её требованиям и принципам селить там впервые людей. Эти пространства дают нам надежду не погубить Россию в кризисе западной цивилизации. (А по колхозному забросу много потерянных земель и ближе есть.)

Национальным руководителям России в предвидении грозящей войны с Китаем все равно придется опираться на патриотизм и только на него. Когда Сталин начинал такой поворот во время войны, вспомните! — Никто даже не удивился, никто не зарыдал по марксизму, все приняли как самое естественное, наше, русское!».

По сути Солженицын предложил программу компромиссной трансформации советского государства, при которой, сохраняя и переобосновывая на национальных началах свою силу, советское

руководство отказывалось от коммунистической идеологии, преобразуясь в национал-автократию.

«Из русской истории стал я противником всяких вообще революций и вооруженных потрясений, значит, и в будущем тоже: и тех, которых вы жаждете (не у нас), и тех, которых вы опасаетесь (у нас). Изучением я убедился, что массовые кровавые революции всегда губительны для народов, среди которых они происходят... За последние полвека подготовленность России к демократии, к многопартийной парламентской системе, могла еще только снизиться. Пожалуй, внезапное введение ее сейчас было бы лишь новым горевым повторением 1917 г...

И тысячу лет жила Россия с авторитарным строем — и к началу XX века еще весьма сохраняла и физическое и духовное здоровье народа? Однако, выполнялось там важное условие: тот авторитарный строй имел, пусть исходно, первоначально, сильное нравственное основание — не идеологию всеобщего насилия, а православие, да древнее, семивековое православие Сергия Радонежского и Нила Сорского, еще не издерганное Никоном, не оказаненное Петром.

Все зависит от того, какой авторитарный строй ожидает нас и дальше? Невыносима не сама авторитарность, но — навязываемая повседневная идеологическая ложь. Невыносима не столько авторитарность — невыносимы произвол и беззаконие, непроходимое беззаконие...

Руководить нашей страной должны соображения внутреннего, нравственного, здорового развития народа, освобождения женщины от каторги заработков, особенно от лома и лопаты, исправления школы, детского воспитания, спасения почвы, вод, всей русской природы, восстановления здоровых городов, освоения Северо Востока...».

Поразительный факт, хотя Солженицын был жестко выслан из СССР и никакого реального диалога с «вождями» не состоялось, но в

некоторых практических аспектах советская политика 1970-х пошла именно предначертанным в «Письме вождям» курсом — с середины 1970-х на смену уничтожения русской деревни приходят программы поддержки «Неченоземья» — запоздалые, но все-таки укрепившие основы народной жизни, интенсифицируется освоение Северо-Востока, начинается строительство припомненной писателем столыпинской «Амурской магистрали». Но, разумеется, поставленный Солженицыным вопрос о смене идеологии советские вожди даже и не думали рассматривать.

«Письмо» Солженицына приводит к его идейному разрыву с либеральной диссидентствующей интеллигенцией, лидером которой становится академик Сахаров. Разрыв западников и почвенников и внутри СССР и в эмиграции достигает напряженности не виданной с последней трети XIX века.

Ближайший соратник и единомышленник Солженицына Игорь Шафаревич распространяет в самиздате работу «Русофобия», обнародование которой исключает всякую возможность примирения двух лагерей. В ней советская либеральная интеллигенция характеризуется как «малый народ» нигилистически противопоставляющий себя большому народу, а сущность русофобии Шафаревичу, как и Солженицыну, видится в приписывании малым народом преступлений и мерзостей советского режима «природе русского народа», национальному характеру и русской исторической традиции.

Можно было думать, что советская система находит определенные пути интеграции с русской этнической традицией и на выходе будет постепенно выработан относительно жизнеспособный синтез. Однако в 1980-е годы начинается резкое саморазрушение советской системы, причем одним из первых симптомов изменений оказываются «андроповские» гонения на «русскую партию», которая, в результате силового разгрома, к моменту начала перестройки и ожесточенной конкуренции идеологических

платформ и программ развития выступила в явно ослабленном виде.

Этот самоподрыв системы связан был с тем, что Советский Союз как целое проектировался как механизм эксплуатации русского большинства со стороны нерусских меньшинств и «новиопов» (представителей «новой исторической общности – советского народа»). Русский поворот 1960-80-х годов, пусть и ограниченный советскими формами и тормозимый репрессиями КГБ, всё равно означал, что в среднесрочной исторической перспективе Советский Союз начнет обратную трансформацию в русское национальное государство, в национальную империю того же образца, что был разрушен в 1917 году. И тогда этнические элиты созданных в рамках советской нацполитики союзных республик почувствовали необходимость «катапультироваться» из СССР до того как он снова станет Россией.

В то время как в союзных республиках события перестройки были связаны прежде всего с острым всплеском национализма и русофобии, по всей стране начались русские погромы, преследование и изгнание русских, приобретающие те или иные формы в зависимости от доминировавших в той или иной традиции местного этноса, у русских те же процессы протекали в форме национального нигилизма, истеричного западничества и набиравшей обороты интеллигентской русофобии.

Национальная, традиционная альтернатива коммунизму рассматривалась как глубоко маргинальная, подвергалась осмеянию в форме систематических насмешек перестроечной прессы над «Обществом «Память» сквозь призму которого подавались любые попытки говорить о русских проблемах. Таковые проблемы лагерем «демократов» попросту отрицались.

К моменту разрушения Советского Союза, фактически оказавшегося расколом «по живому» исторической территории проживания русского народа, русские нигде не сумели достичь той степени

самосознания и консолидации, которая позволила бы эффективно этому расколу сопротивляться или использовать его в интересах русского народа.

Ошибочно мнение, что политики русской национальной ориентации способствовали этому расколу и, якобы, поддерживали идею «российского суверенитета». Напротив, суверенитет РСФСР продвигался Ельциным во имя «многонационального народа» и сопровождался призывами к этническим автономиям «брать власти сколько сможете проглотить».

Фактически лишь в Приднестровье русские сумели оказать сопротивление достаточное, для того, чтобы остановить свое втягивание в чуждые и антирусски заточенные национальные проекты. Трудно сложилась судьба русских в Средней Азии, где местными радикалами последовательно проводилась политика выдавливания, в то время как Россия отнюдь не была рада принять соотечественников у себя. Кровавую страницу в историю русского народа вписала дудаевско-масхадовская «Ичкерия», осуществившая практически тотальную зачистку русского населения. При молчаливом одобрении Европейского Союза проводится политика дискриминации «неграждан» в странах Прибалтики.

Настоящей трагедией обернулось положение русских на Украине, где «бандеровское» безумие вело ко все более радикальным нападкам на русский язык, русскую идентичность, заточенным не просто на вытеснение, а на подмену идентичности русских граждан страны. Образовательные программы и языковая политика, телевизионная пропаганда последовательно перековывали русских в украинцев, призванных ненавидеть Москву, мешающую «европейскому выбору» Украины.

В 2014 году эта агрессивная дерусификация привела к открытому военному противостоянию. Мы наблюдаем очевидное национально-освободительное движение русских в Новороссии,

однако из-за ограниченности поддержки его со стороны Российской Федерации пока не ясно, смогут ли пойти Донецкая и Луганская Республики по «крымскому пути», закрепят ли независимость, или в рамках «минского процесса» их вдавят назад в состав Украины.

В самой Российской Федерации первое десятилетие после ликвидации СССР было временем едва ли не официального господства русофобских доктрин, ежедневно провозглашавшихся в печати и на телевидении представителями интеллигенции. Началось вытеснение слова «русский» и замена его «российским». Государство учитывало интересы любых этносов и меньшинств, но русского народа как целого для него не существовало.

Фактически это стимулировало распад русского этноса – многие группы, как казачество или поморы, начали воспринимать интерпретацию себя как отдельных этносов более выгодной, тем более, что это было связано с особенностями государственной поддержки национальных культур, принципиально ориентировавшейся только на меньшинства. Начали конструироваться вымышленные группы, типа «ингерманландцев», а для некоторых, как «сибиряков» даже сочинялись искусственные языки.

Постсоветский период оказался для русского этноса чудовищным демографическим провалом. Критически упала рождаемость, стали просто заоблачными цифры смертности от алкоголизма, наркомании, уличной и организованной преступности. Вошло в массовый оборот понятие «русский крест» – пересечение на графиках повышающейся кривой смертности и понижающейся кривой рождаемости. Досужие эксперты всерьез говорили о предстоящем сокращении русского населения до 50 миллионов человек, а аналитики исправно снабжали прессу сценариями распада России.

Фактором действовавшим «против течения» в этот период стало масштабное возрождение Православия. Миллионы русских людей

обретали вновь веру, открывались храмы и монастыри, возвращались в повседневную жизнь православная обрядность и православное мировоззрение. Идентичность «православный христианин» встала для огромного количества людей во главу определяющих их самосознание характеристик. Как правило возрождение православия было неразрывно связано с осознанием приобщенности к русской исторической, культурной, эстетической традиции.

Через отрицание «либерального ада» 90-х шел и рост национального сознания как движения сопротивления погружению России во тьму и самоуничтожение. Мотивы «за державу обидно», «отомстить», «не дать поставить нас на колени», объединялись в энергичное, хотя и идеологически размытое неприятие упадочной действительности. И вся эта энергия сопротивления маркировалась словом «русский».

Поэтому закономерно, что когда с началом 2000-ных годов запустились процессы самовосстановления государства в России, они оказались тесно связаны как с укреплением роли православия, так и с усвоением идей и энергии, накопленных русским сопротивлением в предыдущие десятилетия. Сегодня не редкость, когда эти идеи и их глашатаи так или иначе проявляются в государственной политике. Тем не менее, говорить о нормализации положения русского народа всё еще не приходится.

Русская проблема

XX век, как в советском, так и в постсоветском наследии оставил русской нации целый ряд тяжелых проблем, включая отрицание её существования властной номенклатурой, либералами, левыми, национал-сепаратистами и... даже некоторыми националистами.

1. Русская нация не имеет на официальном уровне собственного государства. Это положение тем более парадоксально, если учесть, что русская нация является пятой по численности нацией мира и

первой по численности культурно и расово единой нации. Русские составляют более 80% населения государства Российская Федерация, и тем не менее это государство ни в своём целом, ни в своих частях не рассматривает себя в качестве государства русского народа. Русским говорят, что они заинтересованы в России будучи «государствообразующим этносом», но ни в каких конституционных документах эта государствообразующая роль не была закреплена. В конституцию РСФСР было внесено упоминание вскользь русского народа, однако в 1990 году ельцинским Съездом народных депутатов оно было исключено. Русская нация или народ не упоминается в Конституции Российской Федерации, равно как и в подавляющем большинстве уставных документов её субъектов – за внесение её хотя бы краткого упоминания идет тяжелая и упорная борьба.

2. В то же время, некоторые другие народы, проживающие в РФ, упоминаются в конституциях входящих в неё субъектов в качестве титульных наций соответствующих республик. Российская Федерация представляет собой асимметричную федерацию, в которой субъекты, где проживает преимущественно русское население, неполноправны по сравнению с субъектами, где титульным народом считается какой-то другой, а не русские («автономиями»). Субъекты Федерации, где титульны нерусские народы, «автономии», располагают целым рядом привилегий, которые закреплены формальными или негласными договорами с центром. Эти соглашения предусматривают как преимущества в бюджетном финансировании, так и элементы особого юридического статуса — отбывание наказания в его субъекте, повышенная юридическая защищённость подозреваемых и т. д. Во многих случаях количество русских в таких субъектах Федерации больше количества представителей титульной народности. Однако на привилегиях и особом статусе это никак не сказывается. Большинство имеющих стратегическое и экономическое значение полезных ископаемых России сосредоточено на территории

«автономий», которыми охвачена, в частности, большая часть русского севера.

3. Русские — крупнейший разделённый народ мира. Около 25 млн русских недобровольно проживают за пределами Российской Федерации и зачастую подвергаются дискриминации. Русский этнос расколот государственными границами, по живому прошедшими при распаде СССР, причем в ряде новых независимых государств осуществляется последовательная политика наступления на русский язык и русскую этническую идентичность. Русские не имеют никаких приоритетов на получение права на гражданство РФ.

4. Сократился ареал проживания русских и явно неустойчива демографическая ситуация. Два десятилетия катастрофического сокращения численности русских сменились неустойчивым равновесием, которое в любой момент может быть нарушено к худшему. Русские жители наиболее экономически развитых регионов РФ сталкиваются с сокращением своей доли в населении региона в связи с неконтролируемым ростом миграции из стран бывшего СССР. Эти демографические изменения сопровождаются ухудшением криминальной обстановки, социальной напряжённостью, падением качества образования и медицинского обслуживания, ухудшением санитарно-эпидемиологической обстановки, изменением языковой ситуации. Требования изменить миграционную политику и оградить русское население от её последствий отклоняются властями РФ со ссылкой на нежелание ухудшить отношения с государствами бывшего СССР. Требования ввести визовый режим со странами — основными источниками миграции — также отвергаются. В то же время эти государства рассматривают как повод для ухудшения отношений преследование своих уроженцев на территории РФ даже за уголовные преступления.

5. Самобытность русского народа и его право на свой образ жизни и культуру отрицаются. Официальными лицами заявляется, что смысл существования русского народа состоит в том, чтобы поддерживать

единство прочих народов РФ. При этом не только подразумевается, но и в открытую говорится, что это поддержание может и должно осуществляться в ущерб интересам самого русского народа. Этноним «русский» систематически вытесняется из официального языка на территории Российской Федерации и заменяется политонимом «российский». Само употребление слова «русский» в любом контексте, кроме негативного, рассматривается как неполиткорректное и часто пресекается.

6. Атакам подвергается даже русский язык, конституционно закрепленный единственный государственный язык России. Его статус в некоторых регионах отрицается или ставится под сомнение, количество часов на его изучение сокращается чтобы выделить время для изучения региональных языков, обязательное знание которых навязывается даже русским учащимся, для которых они не являются родными. Русское население некоторых субъектов Российской Федерации принуждается к изучению в школе наряду с государственным русским языком языков титульных народностей. Эта практика закреплена Конституционным Судом Российской Федерации, отказавшим русским гражданам в праве не изучать негосударственные языки, навязываемые в субъектах Федерации.

7. Разрушительному воздействию подверглись фундаментальные адаптационные константы русского народа. Кампанией уничтожения «неперспективных деревень» разрушена была традиционная русская система расселения. Тотальная свехурбанизация, связанная с разрушением поселений – деревень и малых городов, кладбищ, церквей, во многих случаях сжала родовую память людей до трех поколений.

Преодоление этих проблем составляет насущную задачу для Российской Федерации как государства. Фундаментальные жизненные процессы этого государства зависят от направления активности и жизненного тонуса русского народа. Ослабление этого тонуса немедленно приводит к проявлению очевидных признаков государственного распада. Напротив, увеличение русской

активности, как в 2014 году, вернуло России статус великой державы. Когда мы говорим о «русском вопросе» мы говорим о единстве и развитии, или о коллапсе и деградации России как государства.

Единство русского народа и российского государства представляет собой главную гарантию единства, территориальной целостности и нерушимости границ России. Русский народ, русская культура и русский язык были и остаются главным фактором скрепляющим единство России. Если взять такие отдаленные, зачастую анклавные или полуанклавные территории, как Калининградская область, Крым, Сахалин и Курилы, то их единство с Россией поддерживается именно тем, что они заселены преимущественно русским населением, к тому же выработавшим обостренное национальное самосознание жителей «фронтيرا». Не будь этого русского фактора, завись всё только от геополитических и географических условий – эти регионы были бы потеряны в ходе системного кризиса в начале 1990-х.

При этом, заметим, что тот же Калининград является самой недавней территорией в составе Российского государства, однако его связи со страной крепче, чем у некоторых регионов, присоединенных в XIX веке. И это связано с тем, что он был заселен почти исключительно русским населением. Мы можем со всей определенностью утверждать, что степень интегрированности того или иного региона в Российскую Федерацию, уровень исполняемости законов и распоряжений центра, прямо коррелирует с численностью русского населения в регионе. Там, где эта численность недостаточна постоянным фоном становятся межнациональные конфликты, угроза терроризма и радикализма, более или менее явная сепаратистская пропаганда.

Необходимо отметить теснейшую связь между присутствием этнически русских и традиционным исповеданием православия. Фактически православие является второй формой русского присутствия, выступая, в значительной степени, аналогом русскости. По сути мы можем выделить три типа российских регионов:

1). Регионы с доминированием русского населения и православной традиции – степень их интеграции приближается к абсолютной; 2). Регионы с недостаточно выраженным численным доминированием русского населения, но с доминированием православной традиции, — интегрирующие факторы в них обычно доминируют над дезинтегрирующими; 3). Регионы где присутствие как русских, так и православной традиции невелико, — в них действие дезинтегрирующих факторов сказывается весьма значительно, так что это требует специальных политических, а порой и полицейских мер.

У нас в стране 50 субъектов федерации, где доля русских больше, чем в среднем по стране. Еще в 21 регионе русские жители составляют больше 50%. Во всех этих случаях есть достаточно оснований, чтобы положить в основу стратегии национальной политики обеспечение интересов русского национального большинства и защиту прав национальных меньшинств.

Рост численности русского народа, как в абсолютных цифрах, так и доли в населении конкретных регионов, укрепление русской идентичности, связанной с православной религиозной традицией и исторической памятью нации являются залогом единства России. Можно с определенностью утверждать, что укрепление русского начала будет равнозначно укреплению государственного единства, а демографическое и культурное подтачивание русских – к ослаблению интеграции государства.

По факту русская нация и российское государство нужны друг другу. Попытки государства РФ «заменить» себе нацию, сконструировав вымышленных «россиян», обречены на провал лишь подточив жизненные силы и идентичность русского народа (и более никакого), то есть подорвав жизнеспособность самого же государства. Но и попытки нации отказаться от государства – попытка «развода» с ним, формирование настоящей «культуры ненависти» по отношению к тысячелетней России, объявляемой «тюрьмой русского народа» – это путь к самоликвидации. Нация

самоопределяется через государство и в его отсутствие обречена на режим тысячелетних скитаний и непрерывного геноцида.

Иными словами, никаких других положительных перспектив, кроме органического единства у русской нации и Российского государства просто нет. Единственный выход для них – это быть Русским Государством. Быть собой. Для современного государства, современной нации, это единственная возможность выжить и не прекратить существование вовсе.

КАТЕГОРИИ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Когда мы говорим о «Русском Мире», мы говорим о вызове и выборе. Выборе русского языка и русской идентичности и вызове той «беловежской» геополитической системе, которая обрекла русских на статус крупнейшей в мире разделенной нации. Разделенной, разрезанной по живому становящимися всё более отчуждающими границами, и, в то же время, единой.

Этнос-цивилизация

Русские по прежнему остаются самой многочисленной в мире нацией, которая спаяна чем-то большим чем гражданство – китайцы, хиндустанцы, американцы, бенгальцы – это гражданские общности, объединенные политической судьбой и каким-то набором цивилизационных черт. Русские и в качестве огромной нации остаются по прежнему единым этносом, чьи внешность, язык и образ жизни одинаковы на всем пространстве от Севастополя, Донецка и Риги до Сахалина и Камчатки и где нет никакой принципиальной границы между Москвой и сколь угодно отдаленными окраинами.

Все попытки извлечь из таких феноменов как поморы, казаки, сибиряки, нечто большее, чем региональные и социальные особенности, сконструировать из них субэтноты и этноты слишком отдадут политическим ангажементом, повторить «удачу» с отрывом от России Украины. «Домыслы о гетерогенности русского народа — это миф, имеющий сугубо политическую природу. По мировым масштабам русские — исключительно цельная, единая нация. По степени религиозного и языкового единства регионов, по близости

культурных матриц русские не имеют аналогов среди крупных наций планеты» - наставляет нас Святейший Патриарх Кирилл⁶.

Иногда можно встретить противопоставление этнического и цивилизационного начал и услышать призыв отбросить «узкую» этнографичность во имя широкого поля гражданской нации и имперской культуры. Однако это – не русский случай. Русскую культуру невозможно понять без ее этнографических особенностей, без её народного субстрата.

Русские представляют собой этнос-цивилизацию, подобно следующим за нами в списке с отрывом в 25 млн. человек японцам. Но если те расположены в тесноте группы островов, то как это удастся народу, раскинувшемуся на огромном пространстве, да еще исполосованном теперь границами? Как это удастся народу, живущему среди множества других народов, в теснейшем взаимодействии с ними? Однако русские не просто сохраняют идентичность, но и притягивают к себе других, так что когда мы говорим о русском мире и русском выборе в границах современной России и за их пределами, то мы говорим и об этнических русских, и о множестве людей представляющих другие народы, для которых их идентичность определена, однако, русской цивилизацией⁷.

Риск и счастье быть русским

Та идентичность, которая является предметом сознательного выбора, формируется цивилизацией. Цивилизация – это фабрика идентичностей. И несомненно, что феномен русской цивилизации существует, причем не только на контрасте «Россия не Европа», но и сам по себе. Россия гораздо менее «не Европа», чем «не Азия», «не Африка» и «не Америка» – и это позволяет ей мерить себя

---

⁶ Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси. Семь слов о русском мире. М., Всемирный русский народный собор, 2015 с. 57

⁷ «Мы не имеем право забывать, что главным творцом отечественной культуры является русский народ. При всей открытости нашей культуры, при всей разумной готовности принять в наши ряды человека любого происхождения, нам следует всегда помнить, что без существования русского народа и без Православия наша отечественная культура не могла появиться на свет и не имеет перспектив в будущем» (Там же с. 71)

европейской меркой и отталкиваться от Европы как от соперницы. Русским вряд ли пришло бы в голову доказывать себе и друг другу до остервенения тот факт, что мы не Китай. Не будь этого цивилизационного соперничества с Европой, Россия была бы гораздо менее русской и, кстати сказать, менее европейской.

Россия это осуществление нацией определенного цивилизационного выбора и интериоризация индивидом выработанного цивилизацией строя. Русская личность, это проявление через конкретный характер и поступок тех богатых предпосылок, которые вручает ей русская цивилизация. И чем более богат и разнообразен усвоенный цивилизационный опыт, тем и сама личность более ярка и неповторима. В эпоху глобализации особенно наглядно проявляется тот факт, что чем более национальна та или иная личность, тем более она индивидуальна.

Однако можем ли мы определить то конкретное содержание, те цивилизационные коды, которые русская цивилизация усваивает своим носителям и которые настолько определяют их бытие, что люди готовы сознательно бороться, сражаться и даже умирать за Русский Мир, в том числе и тогда, когда не прозвучало никакого обязывающего государственного приказа.

Что это за идентичность, которая стимулирует *риск быть русскими*? Что это за переживание, которое дарит *счастье быть русскими*? Ведь без чувства счастья, связанного с идентичностью она не может воздействовать сколько-нибудь устойчиво. Что это за цивилизация, фабрикующая русских и может ли она быть описана и определена в терминах цивилизационного анализа?

Цивилизация. Охота на мамонта

Как и всякая существенная реальность, выступающая объектом гуманитарного изучения, цивилизация подобна слону, обсуждаемому слепыми мудрецами. Кто-то ощупывает ногу и говорит, что слон подобен баобабу. Кто-то хватается за хобот и

убежден, что слон подобен змее. Кто-то обнаружив длинные острые бивни, приходит к убеждению, что слон – это холодное оружие. Наконец кто-то нащупывает теплую шерсть и догадывается, что перед нами вообще не слон, а мамонт.

Ученых, исследующих природу цивилизаций, можно условно разделить на три большие группы, по тому, с какой стороны они смотрят на слона.

Одни, можем назвать их мудреным словом «энвайроменталисты», или более простым – географисты, разделяют оценку Фернана Броделя: «Говорить о цивилизациях – значит говорить о пространствах, землях, рельефах, разнообразии климата, растительности, животного мира, об унаследованных и приобретенных преимуществах»⁸. Сторонники этого подхода, а тут и Лев Мечников, и Арнольд Тойнби, и сам Бродель, и Джаред Даймонд, и Фелипе Фернандес-Арместо, рассматривают цивилизацию как систему адаптаций к природной среде, в большей или меньшей степени следуя тойнбианской парадигме «вызова и ответа».

Другие рассматривают цивилизацию в соответствии со старомодным, но оживленным на новом витке Норбертом Элиасом подходом: цивилизованность это обуздание аффектов и страстей, система самоконтроля и контроля за поведением, вежливость. Впрочем, фрейдистская революция в науках о поведении не прошла даром, всё чаще взгляд на цивилизацию показывает, что важнее в ней не то, как человек обуздывает свои аффекты, а то, что так и остается необузданным. В конечном счете, разве не страсть и вражда движут историю? С этим, пожалуй, согласились бы и Конрад Лоренц, и Борис Поршневу, и Лев Гумилев.

Наконец третий подход к пониманию цивилизации уже более столетия остается самым популярным – это взгляд на неё как на совокупность важнейших символов, формирующих матрицу

---

⁸ Бродель, Фернан. Грамматика цивилизаций. М., Весь мир, 2008 с. 39

культуры и задающих параметры «коллективного мышления». В этом лагере исследователей мы обнаружим и Николая Данилевского с Константином Леонтьевым, и Освальда Шпенглера, и Питрима Сорокина, и Шмуэля Эйзештадта, Сэмуэля Хантингтона, Вадима Цымбурского. Все они в той или иной форме рассматривают цивилизацию как систему символов, кодирующих, по выражению Эдварда Шилза, «центральную зону культуры». Главное содержание этой центральной зоны задается сакральной вертикалью, определенным религиозным мировоззрением и культом. «Религия... - резюмирует Бродель, - представляется наиболее сильной характерной чертой цивилизаций, она одновременно их прошлое и настоящее»⁹.

Есть среди исследователей цивилизаций и те, кто, признавая их индивидуальное историческое лицо, гораздо больше внимания уделяют процессам культурной диффузии, то есть взаимопроникновению изобретений и технологий, идей, стилей и мотивов. Таковы Уильям Мак-Нил или наш соотечественник неомальтузианец Сергей Нефедов. Особое внимание они уделяют прогрессу и распространению военной технологии, которая задает мировой истории вектор глобальности.

Где-то рядом находится и парадигма сторонников мир-системного анализа от Фернана Броделя до Иммануила Валлерстайна и Джованни Арриги, отводящих роль этого глобализирующего фактора экономике и транснациональной торговле между «мирами-экономиками» подозрительно напоминающими всё те же цивилизации.

Никакого принципиального и неразрешимого противоречия между этими группами исследователей при рассмотрении «слона» – нет.

Разумеется – цивилизация это определенная программа освоения большого пространства. Никаких маленьких цивилизаций, карликовых цивилизаций не бывает, хотя и бывают цивилизации,

---

⁹ Там же с. 52

как нынешняя западная, с глобалистскими притязаниями. Но в основе цивилизации и в самом деле лежит вызов пространства и программа ответа на него, использования даваемых пространством преимуществ, превосхождения трудностей и, в конечном счете, достижения независимости от среды.

Разумеется, - цивилизация это определенный этос и программа установления контроля над инстинктами и аффектами. Состояние – противоположное дикости. Через цивилизованные нормы жизни человек только и становится человеком. И не случайно, что в XVIII веке там, где сейчас мы говорим цивилизованность, гуманность, вежливость, М.М. Щербатов или М.В. Ломоносов сказали бы «людскость»¹⁰. Но то уникальное сцепление прирлной страсти и выработанной в споре с нею людскости дает уникальный характер, который в каких-то элементах сокрыт на глубине генетической памяти и младенческого воспитания, а в каких-то свободно воспитывается и передается через литературу, искусство, повседневный опыт сожития и общения.

Разумеется – цивилизация это существование в ритме «длительной временной протяженности». Мы можем считать присущими цивилизации лишь те явления, которые переживают века и тысячелетия, которые не разъединяют, но связывают разные периоды истории одной и той же общности. Часы наций, государств, культур, могут лететь быстро – часы цивилизации идут очень медленно.

Разумеется, цивилизация – это отказ. Об этом нам вновь и вновь напоминает Бродель: «Цивилизация чаще всего отторгает любое культурное благо, которое угрожает одной из ее структур. Этот отказ заимствовать, эта скрытая враждебность достаточно редки, но они всегда ведут нас в самое сердце цивилизации... Не может существовать цивилизации, достойной так называться, если она что-

---

¹⁰ «Мы подлинно в людскости и в некоторых других вещах... удивительные имели успехи и исполинскими шагами шествовали к поправлению наших внешностей, но тогда же с гораздо вящей скоростью бежали к повреждению наших нравов» (*Щербатов М.М. Избранные труды М., РОССПЭН, 2010 с.*)

то не отвергает, от чего-то не отказывается»¹¹. Иногда, как указывает тот же Бродель, отказ может быть чреват для цивилизации гибелью, как отказ Византии от унии с Римом. Но что такое для цивилизации риск погибнуть во времени по сравнению с риском потерять себя в вечности? Когда сегодня русская цивилизация поражает Запад своим консерватизмом в семейных ценностях, в неприятии всесмешения «толерантности», то перед нами тот самый отказ, который укрепляет русскую цивилизацию в её самостоянии.

Разумеется – цивилизация – это технологический поиск, совершенствование экономических институтов, порыв к знаниям. Да, любой из этих аспектов может быть транслирован от одной цивилизационной общности к другой, причем война и торговля являются уникальными сильными трансляторами: совершенствуй свое оружие или умри, совершенствуй свои производительные силы или вылетишь в трубу. Но именно потому, что и знания и техника легко передаются, большинство изобретений и открытий делаются лишь один раз. Нужно было достичь плотности и напряженности технологического соревнования европейских народов, чтобы стали возможны такие феномены как параллельный поиск в радиосвязи Попова, Теслы и Маркони. Но уже история лампы накаливания – это цепь последовательных, а не параллельных изобретений. После того как Шпенглер разрушил миф о единой универсальной математике, невозможно отрицать, что даже в таких универсальных и легко поддающихся диффузии сферах как вооружения, технологии, наука, экономика, существует и уникальное цивилизационное лицо и национальный стиль.

Разумеется – цивилизация это система религиозных смыслов и культурных символов. Причем система не выводимая ни из природного, ни из аффективного начала. Природа Нила могла подсказать идею умирающего и воскресающего божества, но никак не волю к бессмертию через сохранение тела, выраженную в погребальном культе фараона, воздвигшем великие пирамиды.

---

¹¹ Бродель. Грамматика... сс. 58-59

Центральное «послание» египетской цивилизации, как и любой другой, выглядит таинственным.

Центральная культурно-символическая идея цивилизаций – не продукт среды. Она представляет собой, в известном смысле, откровение. И в центре этого откровения – порыв к бессмертию, страстный протест человеческого существа против смерти, разрешаемый в ту или иную культурную формулу. Бессмертие, через причастие божеству, через память и славу людские, через погребальный ритуал, а где-то, как в раннем буддизме, через отрицание жизни и абсолютизацию смерти.

Формула истинного человека

В конечном счете, как выражался Вадим Цымбурский, «Цивилизация - это особое человечество на своей особой земле, осененное сакральной вертикалью, совокупностью верований, которые соотносят существование этого человечества с последними смыслами и причинами бытия человеческого рода»¹². Каждое особое человечество, как и человечество целокупное, стоит перед лицом определенного набора проблем, связанных с пережитой человеческим родом онтологической катастрофой.

Можно по разному относиться к фактической историчности описания этой катастрофы в Библии, но нет никакого сомнения в том, что перед нами система исчерпывающих метаисторических символов.

Грехопадение – и отчуждение человека от Бога и от природы, низвержение в смертность и трудную борьбу за пропитание, обреченность на умственную, биологическую и нравственную ограниченность. Каиново протоубийство и начало бесконечной кровавой борьбы между представителями рода людского, похлестываемой завистью, действие в человеческой истории

---

¹² *Цымбурский, Вадим.* Новый возраст России. Интервью // Русский Журнал. 4 октября 2007
[<http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Novyj-vozzrast-Rossii>]

радикального хитроумного и многоликого зла и, в то же время, запущенный убийственный маховик военного прогресса. Всемирный Потоп и упразднение остатков человеческой власти над природой и появление новой земли, неподвластной ни магии, ни исполинскому нечестию – краткоживущие люди обречены охоте и мясоедению для пропитания. Вавилонское столпотворение и взаимное отчуждение языков, народов и рас рассеянных по земле, более уже не склоняемых на общее зло и обреченных на вечное взаимное противоречие, состязание и вражду.

Библейская история ставит человека перед фактом его реального исторического состояния и, в то же время, предлагает определенное объяснение его недовольству своим положением в мире. Ведь в самом деле как-то надо объяснить тот факт, что человек (результат серии прижившихся в среде случайных мутаций) не только не счастлив своими преимуществами над животными, деревьями и камнями, но напротив – обречен на непрестанное страдание, связанное с переживанием своей смертности, своей ограниченности, своей отчужденности от ощущаемой в себе лучшей природы.

Как отмечал русский философ Виктор Иванович Несмелов:

«Человек неизбежно вступает в замкнутый круг загадочных противоречий. Он сознает, что в пределах и условиях наличного мира он живет именно так, как только и можно ему жить по физической природе. И в то же самое время он сознает, что эта единственно возможная для него жизнь не соответствует его духовной природе. Между тем, та идеальная жизнь, которая бы соответствовала его духовной природе, не может быть достигнута потому что она противоречит условиям физической жизни. В сознании и переживании этих взаимных противоречий человек необходимо приходит к сознанию себя как загадки в мире»¹³.

---

¹³ Несмелов В.И. Наука о человеке. Т. 1. Казань, 1898, с. 223 – репринт СПб.: 2000

Человеческая история является пространственно временным континуумом для решения этого противоречия. Народы и нации – коллективными деятелями по поиску такого решения. Цивилизации – пространством решений. Каждая цивилизация содержит свой ответ об истинном человеческом бытии и набор способов его достижения. Как умножить знание? Как найти пропитание? Как продлить жизнь? Как победить смерть? Каждая цивилизация, тем она и отличается от небольших локальных культур, имеет полную линейку ответов на все эти вопросы, предполагает, что в её рамках человек настолько может приблизиться к своей подлинной природе, настолько очеловечиться, что основное противоречие получит близкое к идеальному разрешение.

Цивилизация – это формула истинного человека в его взаимоотношениях с природной средой, в познании самого себя, в избавлении от материальных тягот и в выражении творческого восторга, в защищенности от агрессии других людей и в устремлении к Богу. Цивилизация – это те коллективные структуры – политические, религиозные, коммунитарные, через подключение к которым человек получает свой социальный экзоскелет.

Уместность или неуместность приписывать той или иной геополитической и геокультурной общности статус цивилизации следует из полноты предлагаемой ею формулы истинного человека. И в этом смысле не может быть сомнений – русская цивилизация существует, поскольку её формула отличается исключительным богатством и полнотой, а её ответы порой существенно разнятся с ответами других цивилизаций.

«На вопрос, является ли Россия самостоятельной цивилизацией в семье крупнейших цивилизаций планеты, мы обязаны дать утвердительный ответ. Да, Россия — это страна-цивилизация, со своим собственным набором ценностей, своими закономерностями общественного развития, своей моделью социума и государства,

своей системой исторических и духовных координат» - говорит Патриарх Кирилл¹⁴.

Давайте, сделав поправку на определенную субъективность любого исследовательского подхода в науке о цивилизациях, взглянем в эту русскую фабрику истинного человека попристальней.

Север

В списке самых высокоширотных населенных пунктов у России не так уж много призовых мест, поделенных преимущественно между Норвегией и Канадой. Ситуация резко изменяется когда речь заходит о самых северных городах. Самый северный город-миллионник – Санкт-Петербург. Самый крупный город за полярным кругом – Мурманск. Самый северный город-стотысячник – Норильск. Самое большое число городов, стоящих на Вечной Мерзлоте.

Русские не просто заглядывают на Север за рекордами, не просто держат форпосты и коммуникации в надежде на временные выгоды. Русские на Севере живут. Живут там, где, в представлении представителей других цивилизаций жить невозможно.

Эта растерянность человека иной цивилизации перед феноменом русского Севера сквозит в книге британца Фелипе Ферандеса-Арместо «Цивилизации». Начинает он свой труд с декларации: «я предпочел бы быть частью цивилизации, которая меняет мир с риском пожертвовать собой, а не жить в обществе, которое лишь скромно поддерживает свои минимальные потребности... Я хочу принадлежать обществу, которое остро реагирует на вызовы природы, а не подчиняется им»¹⁵.

Однако пробежавшись по культурам на крайнем Севере, похвалив навыки инуитов в строительстве иглу, умение саамов питаться вшами, отвагу викингов, которые решились сунуться в Гренландию,

---

¹⁴ Кирилл, Патриарх Московский и Всея Руси. Семь слов о русском мире. М., Всемирный русский народный собор, 2015 с. 35

¹⁵ Фернандес-Арместо, Фелипе. Цивилизации. М., АСТ, 2009 с. 54

пусть, в конечном счете, они там и погибли, Фернандес-Арместо в недоумении останавливается перед феноменом Норильска. «В Норильске с его двухсоттысячным населением дома стоят на вечной мерзлоте на сваях, квартиры отапливаются 288 дней в году, постоянно приходится убирать снег, а «уличное освещение вчетверо ярче, чем в русских городах, расположенных южнее». Похоже, в определенных средах цивилизация – это иррациональная стратегия. И здесь лучше подчиниться природе, чем пытаться приспособить ее для нужд человека»¹⁶.

Эта немного комичная и поспешная капитуляция перед средой и русским опытом успешной победы над нею, свидетельствует о том, что мы имеем дело отнюдь с нерядовым цивилизационным достижением. Именно русская цивилизация продвинулась как нельзя дальше в деле освоения Севера для постоянной городской жизни, для размещения крупных поселений в условиях, которые представителям других цивилизаций кажутся нечеловеческими. Создать городскую, индустриальную, многочисленную, устойчивую и культурно развитую цивилизацию в условиях этого нечеловеческого холода, а порой и полярной ночи – для этого нужна определенная стратегия.

Причем эта стратегия существует на пространстве Русской равнины тысячелетиями, скорее интегрировав в себя русский этнос, нежели став его изобретением. Еще в самом начале археологически реконструируемой истории человеческого рода – эпоху Валдайского оледенения мы обнаруживаем в приледниковой зоне развитую цивилизацию охотников на мамонтов сперва «виллендорф-костенковского», затем «мадленского» типа¹⁷.

Не слишком ли громко сказано: «цивилизация»? В рамках принятой нами системы оценок – ничуть. Эта цивилизация базировалась на

---

¹⁶ Там же с. 82

¹⁷ Так, современные археологи говорят о «мадленской цивилизации с ее шедеврами пещерной наскальной живописи и не менее поразительными произведениями косторезного искусства» (Васильев С.А., Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Симицына Г.В., Хлопачев Г.А. Два типа адаптаций древнего человека на Русской равнине в финале плейстоцена // Этнокультурное взаимодействие в Евразии. Книга первая. М., 2006. С. 117)

постоянных долговременных поселениях, стройматериалом для которых служили кости мамонта. Она обеспечивала себе постоянное устойчивое пропитание за счет охоты на крупного зверя и технологическое продвижение за счет интенсивного использования кости. Для этой цивилизации характерен высокий уровень развития искусства – от «венер» Костенок, Виллендорфа, Мальты, до потрясшего наших современников искусства Альтамиры, Ласко и Каповой пещеры. В основе искусства этой цивилизации лежали определенные религиозные представления.

Именно зона холодового стресса, зона приледнековья оказалась для человечества той эпохи зоной скачка в развитии. Антропологи, исследуя создавшего эту культуру человека обнаружили весьма своеобразные механизмы биологической адаптации, как у мужчины, чей скелет найден в в Сунгири во Владимирской области. Средние для нашего времени показатели для того времени указывали на настоящего долгожителя-великана.

Для организма сунгирьцев оказался характерен особый тип адаптации к среде, совершенно не похожий на тот, который выработался у неандертальцев или у современных народов Крайнего Севера. Их крупный организм был настроен на интенсивный самообогрев — кость изнутри была довольно тонкой, оставляя много места костному мозгу, а значит, и интенсивной выработке крови. Антропологи предполагают, что для этого человеческого типа было характерно закрепление в популяции не середнячков, а наоборот, наиболее сильных, крупных, экстраординарных особей¹⁸. В этой модели адаптации – укрупнение и усложнение вместо усреднения, интенсивный самообогрев в

---

¹⁸ «Теоретически в низкотемпературных условиях естественный отбор должен действовать в направлении сокращения поверхности тела, прежде всего за счет уменьшения конечностей, как это, вероятно, произошло у неандертальцев в финальном палеолите. Большие размеры тела сунгирьцев наряду с большим объемом костно-мозгового пространства свидетельствуют об ином морфофизиологическом пути адаптации к холодовому стрессу, оказавшемуся, если судить по его последствиям, более эффективным в начале верхнего палеолита... По-видимому, условиям существования сунгирьцев больше отвечает механизм движущей формы естественного отбора, которая реализуется на основе селекционного преимущества некоторых вариантов перед представителями средней нормы...» (Homo sungirensis. Верхнепалеолитический человек: экологические и эволюционные аспекты исследования. Под ред. Т.И. Алексеевой и Н.О. Бадер. М., 2000. с. 382).

условиях холода вместо сокращения поверхности тела, невозможно не увидеть отдаленное предвестие той цивилизационной адаптации, которая станет характерна для Русской равнины впоследствии.

Не трудно заметить, что Север здесь не только географическая сторона света, но и метафора любых экстремальных вызовов среды будь то Арктика или Антарктика, Океан или Космос. Русские развивали в экстремальных условиях свою цивилизацию как нормальную, с полным хозяйственным комплексом, не столько адаптируясь к природным условиям, сколько адаптируя их к себе, создавая искусственную среду. Экстремальность, установка на достижение невозможного (а порой – нечувствие к границам возможного) – важная часть русского самосознания.

В конечном счете это сознает и сам Фернандес-Арместо, в конечном счете делающий заявление, что если бы наблюдатель из космоса зная будущее наперед наблюдал бы за изменением течения мировой истории в 1492 году, то начало русского движения в Сибирь показалось бы ему несравнимо более значительным событием, нежели плавание Колумба и Васко да Гаммы: «Морские империи, основанные западноевропейскими государствами по следам Колумба, Кабота и Васко да Гамы, исчезли. Поистине из всех европейских империй, основанных в начале современного периода, уцелела только Российская империя в Сибири; ее потенциал и сегодня далеко не освоен. И если космическому наблюдателю судьба югры в 1490-е годы покажется более интересной, чем участь араваков или кои-кои, кто может сказать, что он не прав?»¹⁹.

Здесь, мне кажется, британскому исследователю удастся ухватить главное. Сибирь – это еще до конца не сыгравшая ставка в мировой истории. Арктика – ставка, которая, по большому счету, еще и не начала играть. И весь арктический потенциал России обращен будущее.

---

¹⁹ Фернандес-Арместо, Фелипе. Цивилизации. М., АСТ, 2009 с. 584

Матушка-рожь

Цивилизация – это, прежде всего, хлеб, хлеб и еще раз хлеб. Сельское хозяйство как возможность человека контролировать свои пищевые ресурсы и накапливать их, освобождение от необходимости скитаться с места на место, создание валюты для реализации больших проектов (это ведь только в плохих советских учебниках надсмотрщики гнали армии рабов строить пирамиды, на деле труд рабочих команд покупался и довольно щедро оплачивался).

Своеобразие аграрной основы предполагает итоговое своеобразие цивилизации. Фернан Бродель выделил три больших аграрно-цивилизационных мира со своими своеобразными хлебами: мир пшеницы, мир риса и мир маиса²⁰. Но великий француз на сей раз ошибся, зачислив во «второстепенные культуры» *рожь*, хотя и признав, что в голодные годы единственной страховкой Европы были «балтийские корабли, груженные рожью в той же мере, как и пшеницей» и к 1590 году дошедшие до пшеничного средиземноморья²¹.

Но если для Западной Европы рожь и впрямь была лишь подспорьем, то для России она стала «растением цивилизации», той аграрной основой без которой никакая государственность, никакая городская цивилизация, система обороны, культурная жизнь были попросту невозможны. Сама возможность Руси появилась лишь тогда, когда в 1 тысячелетии нашей эры началась масштабная ржаная революция в Северной Европе²². В Средневековье рожь

---

²⁰ «Они были «растениями цивилизации», которые очень глубоко организовывали материальную, а порой и психическую жизнь людей, так что создавались почти необратимые структуры. Их история – тот детерминизм цивилизации, тяжесть которого они взвалили на крестьянство и на всю жизнь человечества» (Бродель, Фернан. Структуры повседневности: возможное и невозможное. М., Прогресс, 1986 с.121)

²¹ Там же с. 124

²² «Повсеместное распространение ржи в качестве основной сельскохозяйственной культуры заметно потеснило ячмень и пшеницу у славян и скандинавов в VII-IX вв., вело к стабилизации и росту продуктивности земледелия... Это способствовало увеличению площади запашки, возникновению новых поселений и преобразованию системы общинного землепользования» (Славяне и скандинавы. М., Прогресс, 1986 с. 12).

давала на Руси стабильный урожай сам-3 или сам-4, чего западноевропейцам с их пшеницей удавалось добиться далеко не всегда и периодически происходило скатывание к сам-2. В образцовых северорусских хозяйствах, особенно монастырских, урожайность доходила и до 1:9.

Рожь создает предпосылки для развития цивилизации и ее распространения столь далеко на север. Она же и выступает как инструмент власти и политического единства. Суздальские, а затем московские князья, держа хлебный путь в Новгород, предупредили невозможность новгородского сепаратизма, обеспечили то итоговое единство военно-аграрных сил Москвы и торгово-колониационных сил Новгорода, смыкание которых в 1478 году означало рождение великой России.

Опора на рожь позволила России освоить русский Север, создать устойчивое государство с боеспособной армией, перейти за Урал и сделать Сибирь не далекой колонией, а органичной частью русского цивилизационного пространства. Завязанная на ржаной хлеб и квас система питания русского воинства делала его в XVI–XIX веках сильнее и здоровее большинства европейских армий. Во время турецкой войны 1877-78 гг. русское интендантство больше всего опасалось, что русские солдаты не смогут есть румынскую и болгарскую пшеницу и заботилось о скорейшем подвозе ржи²³.

«Матушка рожь кормит всех сплошь, а пшеничка – по выбору» – в этой русской пословице заложена наша аграрная философия. Русская продовольственная триада – это ржаной хлеб, ржаной квас, и пряник, который без примеси ржи едва ли имел бы столь узнаваемый для нас вкус. Пища, питье и та сладость, без которой слишком горек был бы вкус повседневной жизни.

Насущный хлеб русской цивилизации – это ржаной хлеб и привязанность к нему столь высока, что для русского за границей тоска по черному хлебушку была остается главной составляющей

---

²³ Свечин А.А. Эволюция военного искусства. М., 2002 с. 625

ностальгии по России. Утопической нелепостью были попытки большевиков изменить этот цивилизационный код. Сперва попытки Сталина привить пшеницу на севере и надежды на «яровизацию» породившие феномен лысенковщины. Но ставка на пшеницу хотя бы сохраняла Россию в пределах европейского цивилизационного ареала. Сколь более нелепой была кукурузная авантюра Хрущева, попытка переместить Россию в число маисовых цивилизаций.

Реки «Русского Острова»

Северное положение и культура ржи сыграли определяющую роль в истории русской цивилизации, но, в известном смысле, общи с другими соседними народами – скандинавами. Того же нельзя сказать о русской реке – совершенно уникальном факторе среды, предопределившем особенности и границы русской цивилизации как таковой.

Русский хозяйственно-культурный тип предполагает адаптацию к пойменному ландшафту. Русская модель расселения ориентирована на берега рек и озер, в особенности на высокие берега рек. Русские издревле селились по рекам и водоразделы заселялись в последнюю очередь в случае крайнего земельного голода – и по сей день именно такой тип расселения остается основным на русском Севере²⁴. Русский город традиционно ставится на мысу у места слияния реки с притоком. Русский человек живет на реке и живет рекой. Наша цивилизация может быть по праву определена как речная.

Россия представляет собой пространство преплетенных друг с другом и соединенных волоками речных бассейнов. Они омывают со всех сторон и пронизывают собой словно каналы всё русское пространство. По сути Россия представляет собой остров, или, если

---

²⁴ «Прибрежное заселение с очаговым размещением населения по рекам и озерам, безлюдьем речных водоразделов, возникшее еще в период расселения славян по северным рекам, остается основным и до настоящего времени... С проложением сухопутных дорог селения возникали на пересечениях рек с дорогами» (Русский Север. Этническая история и народная культура XII-XX веков. М., Наука, 2004 с. 37).

угодно, архипелаг, стоящий на водах и собранный речными коммуникациями²⁵. Границы этого Русского Острова простираются до тех пределов, куда добираются русские реки, или же связанные с ними озера или моря. Именно поэтому устойчивая территория России – это речная зона, но возможна оказалась и её экспансия и на Кавказ через посредство Черного моря или в Среднюю Азию, через посредство Каспийского моря de facto.

Речная сеть от Невы, Немана и Днестра да Дуная на Западе, Терека и Кубани на юге, Амура и Уссури на Востоке, предопределила и геополитическую обширность России и прочность её территориального единства. Если русский город стоит на реке, то он тем самым связан со всем пространством России, как отмечал М.В. Ломоносов относительно Санкт-Петербурга: «Примечая состояние сего места находим, что пользуемся великим доброхотством природы, которая на востоке распространяет великия через целое отечество реки для сообщения с дальними азийскими пределами, кое природное дарование усугубить тщится Ваше Величество соединениями водного пути к несказанной пользе сея славная столица и пристани»²⁶.

Само рождение Руси – государства, народа и цивилизации связано с коммуникационной линией, протянувшейся от Черного и Средиземного морей до Балтики и Северного моря. Фернан Бродель обозначает эту коммуникацию как «русский перешеек» шириной в 1200 километров ставя его в числе коммуникаций, меридионально стягивающих Европу наравне со «французским перешейком», связывающим Север и Юг по Сене, Рейну и Роне²⁷.

Может показаться парадоксом, что столь дальняя окраина Европы могла что-то с чем-то связывать. Однако в VIII-XI веках реки Русской равнины оказались в самом центре событий. Как отметил Анри

---

²⁵ Цымбурский В.Л. «От великого острова Русии». К прасимволу российской цивилизации // *Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы.* М., РОССПЭН, 2007 сс. 340-368

²⁶ Цит по. *Истомина Э.Г. Водные пути России во второй половине XVIII – начале XIX века.* М., Наука, 1982 с. 30

²⁷ *Бродель, Фернан. Что такое Франция? Т. I. Пространство и история.* М., Изд-во имени Сабашниковых, 1994 с. 232

Пиренн именно тогда прерывание арабскими пиратами коммуникаций между Западным и Восточным Средиземноморьем обрекло Запад на по настоящему темные века – деградацию культуры, экономики и упадок римского наследия²⁸.

Сохранить выход к Византии означало сохранить доступ к ведущему центру цивилизации. И единственным быстрым и надежным водным путем между Северной Европой и Константинополем оказывается путь по русским рекам. Именно поэтому в летописной легенде апостол Андрей, желая пойти в Рим, не отправляется в Италию Средиземным морем, а делает крюк через Русскую равнину. «Андрѣю учащу в Синопии, пришедшу ему в Корсунь, увидѣ, яко ис Коръсуня близъ устье Дьнѣпръское, и въсхотѣ поити в Римъ». Это описание нормы не для I, а для IX века.

Контроль за «русским перешейком» оказывается ключом к успеху. Тогда-то и встречаются на этом пространстве две традиции, чтобы сплестись воедино – исключительное мастерство славян в освоении внутренних водоемов – озер и рек и исключительный дар викингов к стратегическому мореплаванию, уникальный для раннего средневековья. Возникший синтез – *стратегическое рекоплавание* становится на долгие столетия ведущей чертой русской цивилизации.

Никакая торговля варягов с Византией и Персией без дозволения тех, кто контролировал внутренние водные пути были невозможны. Множество саг рассказывает о том, как приходящим в Ладогу скандинавам приходится ждать «мира» со стороны князя «Ярицлейва» и новгородцев, чтобы свободно пройти до Хольмграда (Новгорода) и далее. Без такого «мира» двигаться дальше вглубь русских рек было немыслимо, а потому великое военно-торговое предприятие, которым изначально была Русь возможно было лишь как плод славяно-варяжского синтеза, закрепившегося в новой этнической, культурной и цивилизационной идентичности.

---

²⁸ *Пиренн, Анри.* Империя Карла Великого и Арабский Халифат. М., Центрполиграф, 2011

Река является для летописца «Повести временных лет» базовой единицей географического самоопределения. По рекам «салятся» славянские племена. По рекам же расчислен Путь из Варяг в Греки. Арабский географ аль-Идриси пишет о «Русской реке», устье которой, кстати, однозначно идентифицируется с Керченским проливом²⁹. Древняя Русь, изображаемая на карте широкими мазками, создавая иллюзию немислимой для той эпохи территории, на деле представляла собой сетку из тонких паутинок, протянутых от града к граду и от села к селу по русским рекам.

Речная война становится тем типом войны в которых русская судовая рать демонстрирует свои особые преимущества – от дальних походов русов на Каспий, воспетых Низами Гянджеви, до великого стояния на Угре. Война за окончательное упразднение ордынской зависимости в 1480 году была стратегической операцией в обеих составляющих которой центральную роль сыграли именно реки. Пока русская рать удерживала орду Ахмата на берегу Угры, не позволяя с помощью артиллерии пересечь водную преграду, судовая рать под командой Василия Ивановича Ноздреватого Звенигородского и татарского царевича Нур-Даулета двинулась по Волге до Сарая и нанесла врагу удар в тыл, разграбив ордынскую столицу. Орда Ахмата потеряла устойчивость и, в конечном счете, повернула³⁰.

Покорение русскими Урала и Сибири стало возможно только благодаря амфибийной военной тактике казаков и землепроходцев. «Реки Урала и Сибири во многом определяли направление русских

---

²⁹ Джаксон Т.Н., Калинина Т.М., Коновалова И.Г., Подосинов А.В. «Русская река». Речные пути Восточной Европы в античной и средневековой географии. М., Языки славянских культур, Знак, 2007 сс. 207-241

³⁰ Вопрос об историчности похода Нур-Даулета и Ноздреватого – один из ключевых при реконструкции событий стояния на Угре. Рассказ о нем содержится в «Казанском летописце» (Казанская история. М.-Л., Изд-во АН СССР, 1954 сс. 56-57) и не имеет параллелей в других источниках. Это позволило С.М. Соловьеву отвергнуть его как недостоверный. Но при этом надо учитывать общую историографическую тенденцию Соловьева к умалению личности Ивана III, представлению стояния на Угре как «негероического» события, то есть мы имеем дело с классическим анти-мифом. Вслед за К.В. Базилевичем (*Базилевич К.В.* Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV в. М., Территория, 2001 сс.145-146) мы не видим оснований отвергать этот рассказ: он удачно объясняет мотивы действий Ахмата и ложится в канву других стратегических операций Ивана III, неизменно включавших войну на реке. Было бы странно, если бы в минуту крайней опасности Иван не использовал инструментария речной войны. Впрочем, даже если признавать за этим рассказом лишь силу легенды, то это еще более проясняет русский стратегический архетип: в качестве успешного стратегического хода летописец видит именно операцию на реке.

завоевательных и колониционных потоков не только потому, что технически облегчали их продвижение вглубь континента, но и в силу того, что позволяли при переходе от леса к степи сформировать «подвижную структуру» безопасности (казачьи речные флотилии), способную к глубоким вторжениям в зоны сплошного враждебного окружения»³¹. Всего за 67 лет после начала похода Ермака русские землепроходцы по рекам и арктическим морям преодолели расстояние «навстреч солнца» до крайней точки Востока, которую обогнул в 1648 году Семен Дежнев.

Засечная черта

Важнейшая особенность исторической судьбы России и её геополитического устройства – расположение на границе лесной и степной зон, на границе Великой Степи. Тысячелетние противоборство со степняками вызвало к жизни множество мифов. С одной стороны, концепцию «щита Европы», восходящую к Пушкину и Блоку и уверенно принимаемую европейскими исследователями: «Судьба России, - отмечает Бродель, - долгое время была predeterminedена её приграничным положением: защищая Европу, она амортизировала удары, которые наносились со стороны Азии, что дорого ей обходилось»³². С другой стороны – миф о евразийской семье народов, в который якобы вступила Россия с монгольским нашествием – «вымышленное царство» от Южного Китая до Новгорода, мнимо predeterminedившее судьбу Евразии в противовес Европе.

На деле, ни о каком братстве говорить не приходилось от битвы на Калке в 1232 году до сожжения Алексина в 1472 по источникам насчитывается 132 ордынских похода на Русь³³. Столь же безосновательна и гипотеза о «щите». Русские спасали самих себя, а

---

³¹ Алексеев В.В. [и др.]. Азиатская Россия в геополитической и цивилизованной динамике, XVI-XX века. М., Наука, 2004 с. 29

³² Бродель. Грамматика... с. 502

³³ Селезнев Ю.В. Русско-ордынские конфликты XIII-XV веков. Справочник. М., Квадрига, 2010

не «Европу». Европе в лице польско-литовского государства доставалось от татарских набегов не меньше, вплоть до того, что одно время польские короли признавали себя вассалами крымских ханов за Киев. А главное защищаться приходилось прежде всего от Европы. Спусковым механизмом, запустившим маховик непрерывных набегов стало появление генуэзской колонии в Каффе, откуда дорогой живой товар отправлялся в итальянские и французские города.

В 1465 году одна флорентийская синьора в письме к сыну со знанием дела рассуждает о сортах рабов: «Мне пришло на мысль, что раз ты женишься, тебе необходимо будет взять рабыню... Если ты имеешь это намерение, напиши какую. Какую-либо татарку, которые все выносливы в работе, или черкешенку, отличающуюся, как и все ее соплеменницы, здоровьем и силой, или русскую, то есть из России, которые выдаются красотой и сложением»³⁴.

Большое количество русских рабов поглощала Золотая Орда. А со становлением Османской Империи для работорговли открылся её огромный консолидированный рынок. И Орда, и Казанское ханство и, в еще большей степени, Крымское ханство были, прежде всего, колоссальными работорговыми предприятиями, высасывавшими из русского народа значительную часть человеческих ресурсов. Борьба России со степняками была не каким-то империалистическим и колониационным предприятием, а прежде всего попыткой остановить это постоянное кровотечение, как мало что еще предопределявшее пресловутое «отставание» России в области развития производительных сил.

Если на Севере и в Сибири Россия наступала, то на Юге – трудно оборонялась и в этой борьбе выработался уникальный институт русской цивилизации, изменивший ход мировой истории – Засечная черта. Цивилизация не раз и не два пыталась отгородиться от варварства – от Вала Адриана и всей системы римского «лимеса» и

---

³⁴ *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. М., 1978 с. 40

Великой Китайской Стены и до вымышленной Стены в «Игре престолов» и проектируемой «Стены Трампа» между США и Мексикой. Поскольку в основе всех этих проектов лежал принцип «преграждения пути», они рано или поздно оказывались не слишком успешными и не смогли защитить ни Рим, ни Китай.

Засечная черта представляла собой систему динамической защиты. «Лесные завалы – засеки только восполняли и смыкали естественные препятствия местности – реки, озера, болота, овраги и т.д. чередуясь с частиками – частоколами, надолбами, земляными валами и рвами в безлесных промежутках»³⁵. Засеки заполняли пространство между крепостями и острогами в которых сосредотачивались гарнизоны – силы стрельцов, дворян и казаков. «А крепости всякие крепки бывают людьми, а без людей никакая крепость ненадежна»³⁶.

Черта работала не как стена, а как ловушка. Разумеется было невозможно отследить неприкосновенность тысяч километров преграды. Задачей черт было направить набеги степняков по немногим заранее известным маршрутам тщательно сохраняемых татарских проломов и постараться перехватить их на обратном пути, отобрав весь полон. Засечная черта была обращена как на юг, так и на север, работая как *капкан* на хищника³⁷.

Засечная черта была сложнейшей гибкой оборонительной системой, плодом того государственного единства, самодержавной централизации, без которой Россия вряд ли смогла бы существовать. Требовалось мобилизовать трудовые ресурсы, разработать план строительства и последующей охраны укреплений от растаскивания, требовалась постоянная бюрократическая работа Разряда по организации сторожевой службы. И над всем этим главенствовала

---

³⁵ Яковлев А. Засечная черта Московского государства в XVII в. М., 1916 с. 15

³⁶ Там же с.13

³⁷ Вот картина еще из того времени, когда сплошной черты не существовало и засеки приходилось делать ad hoc, но они были столь же эффективны. Летопись рассказывает об отбитии набега татар на Тулу в 1518 году: «Татарове послышав великого князя воевод, скоро возвратишася; а наперед их зайдоша по лесом пешие многие люди украиные да им дороги засекоша и многих татар побиша, а иные многие татарове по реком истопоша» (Там же с. 18).

мысль о единстве державы: «велено тебе лесной завал учинить и в засечных воротах острог и башня поставить, и всякими крепостями засеку укрепить для бережения всево Московского государства, а не для девяти деревень» - выговаривала грамота Разряда проштрафившемуся воеводе³⁸.

Но сковывающая сила государства – это одна сторона вопроса. Засечная черта не сработала бы без непрерывного упругого потока народной колонизации. Крестьяне, казаки, гулящие, беглые стремились селиться на черноземной степной границе несмотря на постоянные татарские набеги и непрерывную игру с пленом и смертью. «Есть что-то чудесное - замечал академик М.Н. Тихомиров - в заселении обширных южнорусских степей, подвергавшихся постоянным набегам татар»³⁹. Лучше понять это чудо мы сможем обратившись к обсуждению русского аффективного строя, того, что можно считать доминантой русского национального характера.

«Русский аффект»: обида

Норберт Элиас рассматривал процесс цивилизации как постепенное установление контроля над аффектами⁴⁰. Цивилизация это вежливость. Для того, чтобы исследовать этот процесс он в деталях изучил эволюцию застольных манер, правила поведения в обществе, то как постепенно убирались с глаз долой грязные и агрессивные проявления человеческой природы.

Особенно впечатляющую и неочевидную эволюцию проделали застольные манеры, связанные с употреблением мяса: место руки и ножа заняла вилка (пришедшая, кстати, из Византии), - специальное устройство, имитирующее не оружие, а руку. На застольные манипуляции с ножом наложен был все более жесткий запрет, хотя

---

³⁸ Там же с. 286

³⁹ Тихомиров М.Н. Россия в XVI столетии. М., 1962. с. 418

⁴⁰ Элиас, Норберт. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования. тт. I-II. М.-СПб., Университетская книга, 2001

даже при встрече с цивилизованными гостями с Запада китайцы умозаключили: «европейцы – варвары, они едят мечами»⁴¹.

В этом маленьком примере столкновения цивилизаций отражается более общая проблема европейского цивилизационного процесса – он был прежде всего трансформацией чрезвычайно повышенной агрессивности, характерной в особенности для германских народов в эпоху великого переселения народов. Ключевым аффектом западных народов было оскорбление, - агрессия, проявляемая для установления иерархии, причем с выраженным элементом сексуального доминирования. Кто имеет право оскорблять, тот господин, кто не имеет, тот раб и серв. Равный не может спустить оскорбления равному.

Долгие столетия понадобились для того, чтобы решить эту проблему, приучив европейцев к вежливости, воздержанию от оскорбительного поведения. И эта вежливость уже перетекает в абсурдные формы политкорректности. Атмосфера агрессии убиралась из общества через создание суперагрессора – централизованной власти государства, имеющего монополию на насилие и не терпящего конкурентов.

Для нашей цивилизации обуздание агрессивных аффектов никогда не представляло какой-то кардинальной проблемы. Вежливость осваивается русским довольно легко, а подавление символики агрессии, изъятие ее из повседневности, происходит как бы само собой. Достаточно вспомнить, что на европейских празднествах XIX века на смену цельным тушам и большим кускам животных пришла так называемая «русская разделка», произведенная заранее, на кухне и освобождавшая застолье от всякой ассоциации с убийством.

В то же время русский эмоциональный строй так же чрезвычайно аффективен. Но в его центре лежит не фигура оскорбления, а фигура *обида*⁴². Обида – это такое проявление негативного отношения,

---

⁴¹ Там же с. 193

⁴² Подробней см. Холмогоров Е.С. «Русский аффект». Оскорбление и обида // На пространствах империи: традиция, история, культура. М., Институт динамического консерватизма, 2012 сс. 72-91

которое не обязательно носит насильственный характер, не выстраивает некоего иерархического отношения власти и подчинения, и ведет не к конфликту, не к «дуэли» а напротив – к максимальному эмоциональному и физическому отдалению участников конфликта друг от друга. Если участники социальной системы, где доминирует аффект оскорбления непрерывно «наускаивают» друг на друга и пытаются опытным путем установить отношения власти, то участники системы, где доминирует аффект обиды отталкиваются друг от друга вплоть до полной социальной диссоциации.

Обида рассматривается как несправедливость, обделение, присвоение чужой доли и ведет к ослаблению единства. Именно разрыв социальной ткани благодаря обиде и является той главной тревогой, которая заложена в русской цивилизации.

Вспомним основные идеи «Слова о полку Игореве» – в основе распрей князей, ведущих к нарушению единства и угрозе гибели Русской Земли – именно Обида. Вражеское нашествие и разорение Земли оказывается непосредственным плодом Обиды.

*«Въстала Обида въ силахъ Дажьбожя внука,
въступила девою на землю Трояню,
въсплескала лебедиными крылы на синемъ море у Дону,
плещучи, упуди жирня времена.
Усобиця княземъ на поганья погыбе,
рекоста бо братъ брату: "Се мое, а то мое же",
и начяшя князи про малое "Се великое" мълвити,
а сами на себе крамолу ковати
а поганіи съ всехъ странъ прихождаху съ победами на землю
Русьскую».*

Та проблема, с которой сталкивается русская цивилизация на своем пути – это преодоление обиды, стимуляция, а в некотором смысле и принуждение к социальности. Русский мир надо тем или иным путем остановить в его разбегании, пространственном и моральном,

пробудить от пассивности и «нежелания иметь дело», сплотить в некоем общем социальном действии.

Именно по этой причине такую огромную роль в русской картине мира играют такие категории как единство, справедливость, терпение. Постоянный страстный поиск русскими единства – не плод мнимого «холизма», якобы присущего русской цивилизации в противоположность западному индивидуализму, а напротив – следствие дефицита единства и преобладание разрывов и обид над связями.

Поскольку в основе обиды чаще всего лежит несправедливость, неуважение, присвоение чужой доли, отсюда обостренная постановка вопроса о справедливости, возникновение всевозможных механизмов имущественного поравнения и передела, идущих часто вопреки хозяйственной эффективности. Перед нами не рыночная неэффективность, якобы по природе присущая русской цивилизации, а страх перед теми аффективными механизмами обиды, которые могут всё обнулить.

И отсюда же русское понимание терпения как выдающейся добродетели. Оно связано не с отсутствием достоинства, а с сознательным социальным обузданием нетерпеливости, страстности, социального нигилизма. Навык к терпению обид и смирению без социального разрыва так же важен для функционирования русской цивилизации как навык удерживаться от оскорблений и агрессивного вызова для человека цивилизации западной.

Охота к перемене мест.

Плодом «Русского аффекта» является исключительно высокая подвижность русского этноса. Как отмечает этнограф Татьяна Щепанская в своей работе о мифоритуальном восприятии дороги в русской культуре: *«Русские - движущийся этнос с самосознанием*

*оседлого»*⁴³. Несмотря на свой городской и сельский строй, привязывающий к месту сложный аграрный быт, культурные институты, присущие только оседлым обществам, русский этнос чрезвычайно подвижен и это является одной из его важных цивилизационных характеристик, без которой Россия вряд ли бы оказалась первой по площади страной мира.

Русский обладает всеми свойствами осёдлости. И русскому же всё время приходится перемещаться — и как личности, и как носителю национальной судьбы. Мы народ варягов и поморов, казаков и колонистов, беглых и ссыльнопоселенцев. Редкий русский, родившись в одном населенном пункте, в нём же и отдает Богу душу. Но каждую секунду своего дорожного бытия он стремится к дому, к его прочности и обустройству.

В этой функциональной устремленности русской души к дому, бесконечно движущейся по гиперболе и никогда вполне дома не достигающей, суть русской исторической драмы.

Долго ль мне гулять на свете
То в коляске, то верхом,
То в кибитке, то в карете,
То в телеге, то пешком?
Не в наследственной берлоге,
Не средь отческих могил,
На большой мне, знать, дороге
Умереть Господь судил...

Пространственное перемещение является базовой русской реакцией на обиду. Это с изумительной тонкостью отметил С.Т. Аксаков в самом начале своей «Семейной хроники». Побудительной причиной к переселению Богрова-деда на уфимскую окраину, к «башкирцам», оказывается нежелание жить в тесном мирке мелкопоместных кляуз и обид между родичами⁴⁴.

---

⁴³ *Щепанская Т.Б.* Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX-XX вв. М., Индрик, 2003 с. 8

⁴⁴ «Тесно стало моему дедушке жить в Симбирской губернии, в родовой отчине своей, жалованной предкам его от царей московских; тесно стало ему не потому, чтоб в самом деле было тесно, чтоб недоставало лесу,

И тот же механизм мы видим во всем ходе русской колонизации – нежелание терпеть обиды на определенном месте, легкое переселение на окраину, колонизация этой окраины и превращение её в часть русского государства – дальнейшее переселение подальше от обид. Введением крепостничества Российскому государству, столкнувшемуся в эпоху Смуты с демографическими последствиями массового переселения с Севера на новозавоеванные земли по Волге, пришлось драконовскими мерами угасить броуновское движение народа, практически не видевшего границ своей державы и готового рискуя идти в дальний путь. Но и после этого закрепощения поток желающих попытаться счастья в Сибири, Новороссии, на Кавказе, в оказавшемся совсем недалеким Туркестане не иссякает.

Этнолог С.В. Лурье называет это движение «игрой в кошки мышки» народа с государством⁴⁵. Если русские бегут туда, где государства еще нет, то они считают, что раз мы здесь живем, то значит тут Россия. И вслед за ними приходит государство, которое не возвращает беглецов, а разрешает им жить на новом месте по заведенным ими правилам. И наоборот, если где-то государство появилось, а русских еще нет, - значит скоро будут, и в немалом числе. И эта новозаселенная земля считается Русской Землей. Классическим примером такого народного расширения государства является история присоединения Бухтарминской волости по горноалтайскому притоку Иртыша Бухтарме в конце XVIII века.

пашни, лугов и других угодьев, -- всего находилось в излишестве, - а потому, что отчина, вполне еще прадеду его принадлежавшая, сделалась разнопоместною... уже четверо чужих хозяев имели право на общее владение неразмежеванною землею, - и дедушке моему, нетерпеливому, вспыльчивому, прямому и ненавидящему домашние кляузы, сделалась такая жизнь несносною. С некоторого времени стал он часто слышать об Уфимском наместничестве, о неизмеримом пространстве земель, угодьях, привольях, неопisanном изобилии дичи и рыбы и всех плодов земных, о легком способе приобретать целые области за самые ничтожные деньги...» (*Аксаков С.Т. Собрание сочинений в пяти томах. М., 1966 с.57*)

⁴⁵ «Бегство народа от государства выливалось по сути в выполнение важнейшей по тем временам государственной функции — колонизации новых земель. "Нигде русское движение не было исключительно военным, но всегда всюду вместе с тем и земледельческим". В большинстве регионов империи применялся один и тот же метод — "продвигаясь вперед, мы заселяли русскими людьми наш тыл". Однако в большинстве случаев слово "заселяли" мало отражает суть вещей. При всей важности для государства народной колонизации, шла словно бы игра в "кошки-мышки". Вплоть до XX века переселенцы тайком бежали с родины, тайком пробирались в Сибирь по неудобным путям сообщения"... Однако напор колонизационного движения кажется поистине удивительным. Так, "первые крестьянские просьбы о поселении в Сыр-Дарьинской области относятся еще к 1868 году" — году завоевания (*Лурье С.В. Историческая этнология. М., Аспект-Пресс, 1998. с. 162*)

Именно от этой народной аннексии и ведет, видимо свое начало, легенда о Беловодье⁴⁶.

Колонизационный бег, охватывающий время с середины XVI по начало XX столетия, составляет, наверное, одно из самых впечатляющих достижений русской цивилизации, здесь наш «пространственный аффект» рационализирован просто идеально.

Если на макроисторическом уровне пространственный аффект задает впечатляющую модель народной колонизации, то на микроуровне он порождает характерную для русских модель расселения: малодворную деревню. Именно деревня из одного-двух-трех дворов, отделенная от другой непроходимыми лесами, а связанная лишь узкой лентой реки – норма для русского культурного типа.

К сожалению, в XX веке эта традиционная русская модель расселения стала жертвой уничтожения, практически равнозначного геноциду. Хрущевская кампании «ликвидации неперспективных деревень» привела к уничтожению десятков тысяч поселений, сгону их жителей в уродливые поселки городского типа, где большинство их них не удержались и либо переехали в крупные города, либо стали жертвами социальной деградации⁴⁷. Естественная модель адаптации русских, носящая как экологический, так и психологический характер, была разрушена и начался коллапс всей системы расселения, приведший к трансформации Москвы в нежизнеспособный гигаполис.

Сегодня мы перед вызовом двуединого разрушительного процесса – территориального коллапса России, резкого сжатия ее территории в 1991 году, так противоречащего колонизационной установке русской цивилизации, и коллапса системы расселения, который

---

⁴⁶ Чистов К.В. Русская народная утопия (генезис и функция социально-утопических легенд). СПб., Дмитрий Буланин, 2011 сс. 261-262

⁴⁷ «В северной и центральной России, где большое число малодворных деревень было признано неперспективными, запрещалось строительство жилых домов, поощрялось переселение семей на центральную усадьбу. Эти мероприятия привели к разорению и запустению многих мелких селений, способствовали миграции сельского населения в город, пагубно отразились на развитии экономики сельского хозяйства» (Русские. М., Наука, 2005 с. 233).

душит привыкшего к вольному поселению русского системой гигаполисов. И если в первом наметился уже с воссоединением Крым определенный перелом – Россия вновь расширяется, а не сжимается, то со вторым вызовом еще только предстоит справиться.

От Земного Рая к Святой Руси

Один из скрытых архетипов, управляющих русской подвижностью, - это уверенность в существовании Рая на Земле. Не как утопического «проекта», но как благодатного пространства явления Силы Божией.

Еще в XIV веке новгородский архиепископ Василий уверял сомневавшегося тверского епископа Федора, что земной Рай существует. Новгородский владыка убеждает тверского собрата в том, что Рай - это не некое чисто духовное место, а реальный сад на Востоке, и что новгородские мореплаватели были занесены ветром к высоким горам, за которыми лежал Рай, за горами был необычайный свет, оттуда слышались радостные голоса, а сверху к ним подходила небесная твердь. Так что русский Рай он, одновременно, и где-то далеко, за тонкой духовной гранью, но все-таки в пространстве, к нему можно физически перемещаться (характерно, что Рай у новгородского владыки оказался на Севере).

В этом образе нетрудно увидеть и град Китеж⁴⁸, и страну Беловодье, которую искали старообрядцы⁴⁹. Град в одних вариантах легенды просто становится невидим, в других, покрывается горами и лесами, в третьих, пожалуй, - самых поэтичных, - уходит на дно Озера Светлояр.

Мотив «бегства в поисках невидимого града», становится в русской культуре одним из основных, будучи еще одной формой

---

⁴⁸ «Иже на конец века сего чудо явися невидим град бысть, якоже и в прежнем времена бысть много монастырей не видимы быша... и сей град большой Китеж невидим бысть и покровен рукой Божию...» Повесть – призывна, агитационна... Она зовет человека с неразвоенным умом и верою неизменною, бесповоротно решившегося стать насельником Китежа, идти в него, обещая благоутешное пристанище...» (Клибанов А.И. Народная социальная утопия в России. М., 1977 с. 220).

⁴⁹ «Расположено Беловодье за высокими горами на краю земли... Жители Беловодья живут на 70 больших островах, «а малых и исчислить невозможно»... «А тамо антихрист не может быть и не будет» (Чистов. Русская народная утопия... сс.274-275).

преобразования изначального русского аффекта. Здесь утеканию ставится высшая духовная цель. И, что характерно, русский, когда бежит, бежит не из царства, а напротив, - в подлинное мистическое царство, в Град Китеж, в Беловодье, в Небесный Иерусалим. Он уходит от мира, но в свой, русский высший мир.

Наиболее впечатляющим примером «русского бегства» стала монастырская колонизация Русского Севера, когда именно взыскующие вышнего града монахи пустынноики были главной движущей силой хозяйственного и политического освоения громадных просторов.

Сами святые старцы, называли свое перемещение в леса бегством в Пустыню, а Северная Русь получила название Северной Фиваиды. Однако сравним эту Северную Фиваиду с первоначальной Фиваидой - египетской пустыней в районе Фив. Туда, в пустыню, египетские монахи убегали от мира, однако на месте немедленно сбивались в большие и малые политические сообщества, бывшие своеобразными констелляциями частных воль, хотений, недостатков, преодолеваемых через монашество. Описания жизни египетских отцов – «Патерики», это картина ярких человеческих характеров и забавных жанровых сценок.

Русские монастыри почковались один от другого, сохраняя заданный преподобным Сергием Радонежским свой общежительный характер. Из старого монастыря уходил один монах, вокруг него собирались еще несколько, затем вокруг монастыря складывалось село или даже город, - и вот уже прибежище пустынноика становится центром цивилизации на обширном пространстве. Но речь идет не просто о включении заповедных лесов и полей в новую церковную и хозяйственную структуру монастыря. Речь о вторжении в обычную жизнь чуда – «среди заповедного леса появлялся святой, и все естественные законы бытия начинали нарушаться»⁵⁰. Там, где основатели

---

⁵⁰ Романенко, Елена. Повседневная жизнь русского средневекового монастыря. М., Молодая гвардия, 2002 с. 12

Пошехонского монастыря ставят на дерево икону, – рыбаки ловят двух необычайно больших щук и оставляют одну из них под деревом преподобным. Нежданно обретя пропитание преп. Адриан Пошехонский молится: «Мы, рабы Твои, искали в этом диком лесу высочайшего места, где нам поселиться. Ты же, Царица, захотела на этом естественном месте быть и нам помогать, послав хлеб и рыбу»⁵¹.

Чудо может не только улучшить, но и ухудшить среду. Народная легенда о преп. Александре Ошевенском приписывает святому, изгнанному мужиками из деревни Холуй, своеобразное проклятие: «Живите у воды, но без воды» с которым связывается пересыхание реки, наполняющейся лишь в половодье⁵².

Если народная утопическая колонизация – это бег в поиске сверхъестественных мест, то колонизация монашеская, – это преобразование естественного места, преобразование его посредством молитвы и чуда, сакрализация пространства. Это парадоксальное освоение, цивилизацией пространства через бегство от мира, неудержимо длилось три столетия, XIV, XV и XVI и создало значительную часть хозяйственного и культурного потенциала Европейской части России, создало русский мир. Монастырь и давал бежать, освобождал первичный русский аффект, и, в то же время, сковывал, накладывал на это бегство жесткую дисциплину высокой духовной цели.

В итоге, достигнув концов земли, русский поиск Рая остановился на том, что сама Русь и есть Святая Земля, не как почва, конечно, но как сонм святых, искавших спасения на этой земле. Небесная Церковь в русском сознании пространственно соединена с земной, образуя Святую Русь – удивительное единство посюсторонней жизненной реальности и богопросветленного тонкого мира.

Практически каждый уголок Русской Земли присутствием святых поднят на высоту Рая – в этом реализуется православное

---

⁵¹ Там же с. 13

⁵² Мороз А.Б. Святые русского Севера. Народная агиография. М., ОГИ, 2009 сс.142-202

паламитское учение о благодати как реальном божественном присутствии в материальном мире. Небесная и Земная Церковь в православном миропонимании едины и находятся в постоянном взаимном общении.

Если в географическом плане Россия – это переплетение рек, то в духовном – это наложение пространств где проходили жизнь и подвиг русских святых. Практически каждый аспект русской цивилизации может быть представлен через его осуществление святыми – прославленными и непрославленными. У нас есть агиополитика – воздействие святых и святынь на политические процессы, агиолитература и агиоискусство – вклад святых в развитие русской словесности и иконописи. Даже страшное дело войны освящено решающим вкладом святых – от Александра Невского до адмирала Ушакова.

Пронизанность русской цивилизации идеей святости есть не форма самовосхваления, а строгий вывод из сочетания реальной всеохватывающей деятельности святых и критериев церковной канонизации и народного почитания. Хотя, конечно, этот аспект цивилизации может и профанироваться, когда не святость берется за образец, а напротив – каждого выдающегося человека, даже порой и тирана, норовят объявить святым.

Культурный универсализм: византийский парадокс

Достоевский однажды заявил в споре французскому дипломату: «Мы обладаем гением всех народов, и сверх того русским гением. Вот почему мы в состоянии понять вас, а вы нас – нет»⁵³. Именно это превосходство русских в понимании, благодаря которому мы понимаем чуждую культуру, оставаясь непонятыми иностранцами, Достоевский и называл всемирной отзывчивостью. И нет ничего более противоречащего его идее, чем превращать ее в сентиментальный компот: мол русские всех понимают, принимают и

---

⁵³ Гроссман, Леонид. Достоевский - реакционер. М., Common place, 2015 с. 109

жалеют, у них нет ничего своего. Напротив, особенность русской культуры – познавать оставаясь непознанным.

Русская культура чрезвычайно амбициозна. Мы стремимся к достижениям и признанию во всех сферах – проза, музыка и балет (что нам дается легко), поэзия, живопись, скульптура, театр, опера, кино (что дается несколько труднее, но все равно везде мы так или иначе первые). Находящаяся регулярно в тяжелых экономических и военных обстоятельствах Россия продолжает любой ценой поддерживать свои обширные культурные притязания. Именно эта черта маркирует нас как цивилизацию, а не просто как одну из наций Запада. Англичане не переживают из-за слабости своей классической музыки, немцы не рвутся любой ценой к признанию своей живописи.

При этом то, что Россия смотрится в Запад как в зеркало, совершенно нормально – перед нами две европейских цивилизации-сестры, базирующихся на общем античном наследии. Романо-кельто-германский Запад и эллино-византо-славянская Россия. От Византии Россия получила не только Православие, но и полный культурный комплекс в стопроцентной готовности, который сэкономил тысячелетия фазового отставания от ядра Западной Европы. Реймсу, когда в нем был построен великий собор – было 1200 лет, Владимиру – 200 лет.

Через эту тысячелетнюю пропасть мы шагнули благодаря Византии и именно византийскому Христианству. Византийское наследство – не то, что тянет нас назад, а то, что двинуло нас на тысячу лет вперед. Херсонес – та географически-смысловая точка, которая объединяет нас с Византией и Древней Грецией, одним махом увеличивая продолжительность нашей истории на 1000 лет.

Именно в византийской трансляции культуры мы и находим разгадку парадокса русского культурного универсализма. Россия получила в готовом виде очень высокую, сложную и развитую культуру вместе с религией и набором символических кодов. При этом материальная

база для столь сложной культуры была в России явно недостаточна. В бедной и малонаселенной стране поддерживать такую сложность казалось было невозможно.

Воздействие Византии на русскую цивилизацию состояло в том, что она задала саму матрицу цивилизации, понятие о цивилизованной жизни как таковой. Эта матрица изрядно противоречила условиям среды - огромным редконаселенным равнинным лесным пространствам, пронизанным реками в очень холодном климате, - вместо средиземноморского мегаполиса окруженного горными массивами в жарком климате. Эта матрица изрядно противоречила аффективному строю русских - стремлению растекаться, жить малыми группами, при обиде - удаляться, потом удаляться еще дальше.

Результатом должно, казалось бы, стать противоречие, внутренний конфликт и разлад. Но не происходит ничего подобного – византийская цивилизация не только существует в этой казалось бы совершенно не подходящей среде, но и достигает новых высот. Русские строят огромные помпезные храмы посреди лесных дебрей. Не богато изукрашенные изнутри церквушки зажатые на тесных улочках среди мегаполисов - как греки. Не роскошные асимметричные соборы со скульптурой, которые невозможно рассмотреть целиком, слишком близко они облеплены домами, - как латиняне в эпоху готики. Русские строят помпезные экстерьерные храмы посреди лугов и чащ, на высоком речном берегу. Кому? Медведям? Ну в общем да, - медведям.

Русская цивилизация - это сложнейшая культурная система, заброшенная к медведям. По всем «законам эволюции» она должна упроститься. Вместо этого она изыскивает пути (включая страшные человеческие жертвы), чтобы функционировать в исходном очень сложном виде и любой доступный ресурс использует для поддержания сложности, а не для упрощающей адаптации. Русская цивилизация защищает свое разнообразие и сложность как ценность. И на каждый вызов отвечает еще большим усложнением.

Вопреки непрестанному народному движению, в русской культуре заложена установка на «духовную оседлость» по прекрасному выражению писателя Дмитрия Данилова⁵⁴. Культурная сложность является для нас самостоятельной важной ценностью.

Шатровый храм: лестница в небо

Ни в чем культурное своеобразие Руси, одновременно продолжение и отход от византийского наследия не выразились с такой полнотой, как в феномене русской шатровой архитектуры. Архитектура это всегда выражение символического представления о пространстве. И ни в чем специфичное для русской цивилизации восприятие пространства не выразилось с такой ясностью, как в идее шатрового храма-знака.

Столпообразная церковь святого Иоанна Лествичника в Кремле (1508), чьим возможным прототипом была колокольня Иосифо-Волоколамского монастыря (1495), церковь Вознесения в Коломенском (1532), собор Покрова на Рву (1555), церковь святого Иоанна Предтечи в Дьякове (середина XVI века), церковь Богоявления в селе Красном (1592) – всё это этапы развития оригинальной русской архитектурной идеи храма-знака.

В противоположность зажатым на тесных городских улицах экстерьерным византийским храмам, сосредоточенным по большей части на убранстве интерьера, древнерусский храм все больше эволюционирует от заданного греками образца к экстерьерности. Это не зажатый среди усадеб и лавок кусочек небесного мира, а

---

⁵⁴ Писатель рассказывает о целой системе народного сохранения памяти об И.С. Тургеневе на Орловской земле: «Оказывается, во времена советского музейного бума вся Орловская область оказалась покрыта сетью маленьких музеев и музейчиков. Они есть в каждом райцентре, во многих селах и даже деревнях. Везде, где ступала нога Тургенева, где он бывал в гостях, где охотился, — практически в любом подобном месте есть пусть совсем крошечный, но музей. Вся эта сеть сохранилась по сию пору.

По словам Людмилы Анатольевны, страсть к краеведению у орловцев в крови:

— ... Принято у нас интересоваться историей родного края, такой у нас народ. И это создает атмосферу, я бы сказала, духовной оседлости. Люди живут на своей земле не только потому, что их держит здесь экономическая необходимость или они не могут никуда уехать, но и потому, что они знают и любят свою малую родину» (*Данилов, Дмитрий. Двадцать городов. Попытка альтернативного краеведения. М., Ил- music, 2016 сс. 184-185.*)

храм-знак, храм-знамя и храм-знамение – светильник вверху горы, который свидетельствует о Божием присутствии в мире и об устремленности человека вверх, к высшему бытию.

В устремленности шатра к небу нет готической дерзости — это не порыв, это Лестница Иаковля, — вниз спускаются ангелы, наверх поднимаются святые. Очень хорошо это чувствуется в росписи шатра Покровской церкви в Александровой слободе — уникальный случай, когда шатер был расписан и тем самым его идея иконографически раскрыта. Эта роспись устроена так же, как «лествица» иконостаса: древнее и вневременное вверху — архангелы, праотцы, новое и историческое внизу — святые, апостолы, пророки. Шатер, как и иконостас, может быть прочитан и как восхождение, и как нисхождение, но в любом случае — как включение окачественного им пространства в Небесную Иерархию.

Не случайно русский шатер — чисто национальная архитектурная форма, не имеющая аналога нигде в мире, оказался столь сходен с ракетой. Здесь, несомненно, заложен фундаментальный для русской цивилизации символизм восприятия пространства. Русскость не устремлена к фиктивной бесконечности — она есть точечный прорыв в иное.

Непонимание Освальдом Шпенглером подлинного русского пространственного прасимвола, отрицание «какой-либо вертикальной тенденции» в русском мироощущении — одна из самых крупных интеллектуальных неудач в «Закате Европы»⁵⁵. В итоге эта неудача привела немецкого философа к формулировкам, которые сегодня звучат настоящей насмешкой над ним: «Русский астроном —

---

⁵⁵ «Прасимвол русскости — бесконечная равнина, не находит пока твердого выражения как в религиозном, так и в архитектурном отношении. Холмообразная церковная крыша почти не выделяется на фоне ландшафта, и торчат на ней шатровые коньки с «кокошником», маскирующие и нейтрализующие обращенность вверх. Они не возносятся подобно готическим башням, и не покрывают, подобно куполам мечети, но именно «торчат», подчеркивая этим горизонтальность строения, которому угодно быть на виду с исключительно внешней стороны. Когда Синод к 1670 году запретил шатровые крыши и предписал ортодоксальные луковичи, на тонкий цилиндр были насажены тяжелые купола, в каком угодно количестве «торчащие» на плоскости крыши» (*Шпенглер, Освальд. Закат Европы. Т. 1. М., Айрис-пресс, 2003 с.248*). Шпенглер, таким образом, принимает за еще не родившийся русский стиль то, что было результатом его разрушения.

ничего более противоестественного быть не может. Он просто не видит звезд»⁵⁶.

На деле именно русская цивилизация первая оторвалась от земли и вышла в космос. Но еще ранее, именно русская мысль первой решилась обнародовать переход к неевклидовой геометрии (великий Гаусс установил все основные принципы неевклидовой геометрии, но до конца жизни боялся публично их обнародовать и отважный математик Лобачевский из Казани его опередил). Русское пространство очевидно изгибается там, где фаустовское пространство европейца движется по шаблонной экспоненте. Шатер русской церкви, одиноко стоящей на холме, это такая точка стяжения, выводящая в иное измерение, иной мир.

От Ярославны до Татьяны.

Одним из центральных образующих любую культуру элементов является архетипическое представление о взаимоотношениях мужчины и женщины. «Роль женщины всегда предстает как цивилизационная структура, как своеобразный тест, потому что в каждой цивилизации эта роль является долговременной реальностью, сопротивляющейся внешним воздействиям, с трудом изменяемой в относительно короткий отрезок времени»⁵⁷.

Для западноевропейской цивилизации таким центральным мотивом является предание о супружеской измене, передаваемое во множестве вариантов: «Тристан и Изольда», предание о Ланселоте и Гвиневре, изощренный сюжет Зигфрида и Брюнхильды (адюльтер без адюльтера) многочисленные сюжеты куртуазной поэзии трубадуров.

Для провансальской поэзии, сформировавшей сам культурный код любви в западноевропейской культуре, важен именно образ Дамы – супруги сеньора, которая выступает объектом целомудренного, а

---

⁵⁶ Шпенглер, Освальд. Закат Европы. Т. 2. М., Айрис-пресс, 2003 с. 308

⁵⁷ Бродель. Грамматика... с. 58

порой и плотского восхищения и желания. Элиас это объясняет статусом такой женщины – куртуазный восторг, вежливость, нежность, всё это поведение подчиненного – трубадура, по отношению к госпоже. Не будь этих отношений господства и подчинения, никакой куртуазности и культа женщины по мнению Элиаса не выработалось бы⁵⁸.

Но это лишь один подход к проблеме. С другой стороны, мы можем заметить, что постоянно воспроизводящаяся в западноевропейской культуре тема адюльтера является своеобразным способом осуществления индивидуальности женщины. Такая изменница как бы выступает за пределы отведенной ей обязательной социальной ниши хранительницы рода и очага и подчеркивает свою индивидуальность. Сущность европейского романа как манифестации западной цивилизации - в утверждении самостояния личности через ту или иную степень попрания половой морали с помощью романтической любви. Эта тема обретения индивидуальности через адюльтер может быть прослежена как центральная для западной цивилизации даже до сего дня, несмотря на ее малую актуальность в повседневной жизни в эпоху после сексуальной революции.

Традиционная русская культурная матрица выстроена от обратного. Супружеские измены, разврат, адюльтер, - всё это полностью исключено из литературы факта, к примеру историографии, и сведено к минимуму даже в нравоучительной литературе.

Святитель Григорий Турский в «Истории франков» во всех подробностях описывает грешную «галантную жизнь» королей-Меровингов. Напротив, мы не знаем от летописцев ничего о частной жизни русских государей от Владимира Святого и до Василия III (да и о последнем мы узнаем лишь в связи с разводом с Соломонией Сабуровой). Исключением являются лишь жизненные перипетии

---

⁵⁸ «Недоступность или труднодоступность желанной женщины, принудительное сдерживание влечений у социально зависимого мужчины, обязательные для него регулирование и сублимация влечений ведут к тому, что трудноосуществимые желания начинают обретать выражение в сновидческом языке поэзии» (Элиас. О процессе... т. II. с.86)

галицких князей – Ярослава Осмомысла и его сына Владимира – их галантные дела, обычные для любой европейской или византийской хронике, в русской летописи выглядят скандалом, вполне объяснимым положением Галича на крайнем западе русского мира, в пределах влияния соседских культурных кодов.

В ядре русских земель частная жизнь правителей, будь она хороша или дурна, покрыта этикетным молчанием. Во всех русских летописях есть лишь одна «постельная сцена» – ревнующая Рогнеда пытается посягнуть на убийство мужа. То есть и здесь адюльтер появляется в сюжете только в ключе его отрицания. Это ни в коем случае не говорит о реальном поведении людей той эпохи, но очень многое – о культурном стандарте⁵⁹.

Способом личностного самоутверждения женщины оказывается не измена, но верность. Поэтому образ сильной женщин, проявившей свою личность, – это, прежде всего, вдова, как княгиня Ольга, входящая в историю мстью за мужа, или решительная Марфа Борецкая, пытающаяся править Новгородом и противостоять Москве после смерти мужа-посадника. Наричательным женским образом в русской литературе становится Ярославна, тоскующая на стене в Путивле по томящемуся в плену Игорю, или верная Настасья Марковна протопопа Аввакума с её «ино еще побредем». Есть в русском эпосе и тема прямого отвержения адюльтера – история сватовства Алеши Поповича к Настасье Микулишне.

Классическим «антиадюльтерным» произведением древнерусской литературы выступает «Повесть о Петре и Февронии». «Есть что-то общее в деталях этой повести с западноевропейским средневековым повествованием о Тристане и Изольде» – отмечает академик Д.С. Лихачев и проводит действительно немало сближающих параллелей⁶⁰. Но при всем родстве двух произведений

---

⁵⁹ Еще раз подчеркну, что речь идет о культурных образцах, а не о повседневном поведении, которое может от этих образцов значительно отличаться. Реальные сексуальные практики русского средневековья нашли отражение, к примеру, в покаянных книгах, исследованных в монографии В.Ю. Лещенко. *Русская семья (XI–XIX вв.)*. СПб., 2004, сс. 229–247.

⁶⁰ Лихачев Д.С. *Великое наследие* // Лихачев Д.С. *Избранные работы в трех томах*. Т. 2. Л., 1987 с. 275

их противопоставляет главное: «Тристан и Изольда» – это трагическая история состоявшегося адюльтера, «Повесть о Петре и Февронии» – история адюльтера пресеченного, история о верности – верности жены мужу и необходимости верности своему слову, в которой убеждается князь Петр, попытавшись обмануть Февронию. История любви в древнерусской повести утверждается на верности, так же как в западноевропейской любовь утверждается через попрание верности.

Казалось, что послепетровская трансформация русской культуры должна была бы изменить этот культурный код, приведя её в соответствие с воцарившейся галантной атмосферой, перенесенной в Петербург из Версаля. Галантная поэзия и проза действительно появляются, и в большом количестве. Но когда дело доходит до большой формы и глубокого содержания русская классическая литература воспроизводит именно традиционный архетип: является пушкинская Татьяна, которая вопреки всей ожидаемой логике романа осуществляет себя через верность даже вопреки чувствам. Роман Пушкина заканчивается ровно там, где европейский метасюжет предполагал начало романа. Характерно, что подавленный аффект Онегина выражает себя в путешествии. Впрочем продолжение романа не удастся, поскольку его центральным событием становится именно отвержение Татьяной Онегина.

Русская классика раз за разом предпринимает подходы к европейскому романтическому метасюжету и раз за разом терпит великую неудачу. Русский роман оказывается историей об отвергнутом адюльтере, несостоявшемся адюльтере, самоубийственном адюльтере – будь то «Гроза» Островского или «Анна Каренина». Роман Толстого оказывается шедевром русско-европейского литературного синтеза – безупречно исполненная в традициях европейского романа история адюльтера, и безупречно же воспроизведенный русский сценарий – адюльтер оказывается бессмысленным и самоубийственным, он не проявляет, а угашает

личность героини. Если Эмма Бовари у Флобера запутывается во внешних обстоятельствах сопровождающих её поступок и гибнет из-за них, то толстовскую Анну убивает именно самоисчерпание, нравственный тупик её положения, рядом с которым торжествует гармоничная семья Левиных.

Лишь разрыв с традиционной русской культурой после революции открывает дорогу настоящим романам с европейским метасюжетом: «Тихий Дон», «Мастер и Маргарита», «Доктор Живаго» - во всех этих случаях писателю удается освободиться от Татьяны Лариной. Но не совсем. Аксинья гибнет от пули. Лару уносит к гибели водоворот гражданской войны. Маргарите и Мастеру находится лишь одно место – в тихом и тенистом уголке ада.

Но насколько устойчив даже этот зигзаг? Первое же обращение к традиции произошедшее в прозе деревенщиков восстанавливает почти летописное и житийное целомудрие. Настоящий маленький шедевр этого возвращения – «Уроки французского» Валентина Распутина, настоящая «анти-Лолита», история любви ученика и учительницы в которой нет и не мыслима никакая «романтика». Поэтому говорить о том, что со всемирной сексуальной революцией русский метасюжет отошел в прошлое, окончательно уступив место западноевропейскому, я бы не торопился.

Соотношение Западной и Русской цивилизаций – двух цивилизаций античного корня может быть передано через отсылку к двум классическим эпосам. Западная цивилизация – это цивилизация «Илиады», истории о неверной Елене, нанесенном оскорблении и разразившейся из-за нее кровавой и героической войне. Русская цивилизация – это цивилизация «Одиссеи», история о перемещении, трудном пути домой и женской верности, воплощенной в фигуре Пенелопы, отвергшей все искушения и дождавшейся мужа.

ПРИЗРАК РУССКОЙ НЕУДАЧИ

Милов Л.В. По следам ушедших эпох. Статьи и заметки. М.: Наука, 2006.

В последние десятилетия теория академика Л. В. Милова об особенностях русского исторического процесса, о климатической обусловленности хозяйственно-культурного типа и системы социальных отношений в России заняла для некоторых направлений нашей историографии место трудов Маркса и Ленина. Эта материалистическая теория в некотором роде даже удобней Маркса и Ленина. С одной стороны, она ведет ровно к тому же результату, что и марксизм-ленинизм – колхозы, ВЧК, тоталитарная власть, а с другой — обосновывает их не потребностями космополитической мировой революции, а почвой и судьбой: в России по другому нельзя, допустим только коллективизм, иначе — помрешь с голоду. Впрочем, той же теорией можно было обосновать и более мягкую политическую утопию – тысячелетнюю русскую общинную демократию, которая противостоит западническому императорскому абсолютизму и частной собственности, — как это делает И. Я. Фроянов (Фроянов 2015: 4-6).

Суть теории Л. В. Милова может быть сведена к двум положениям.

Первое. Природа России исключает высокую продуктивность сельского хозяйства. Урожаи в России чудовищно низки и исключительно зависимы от погодных условий. Продуктивный период сельскохозяйственных работ крайне короток, а нагрузка, падающая на крестьянина в этот период, невыносимо тяжела, и потребовались бы невероятные перегрузки, чтобы давать хорошо обработанную пашню и урожай, сравнимый с европейским. При этом русский крестьянин еще и безнадёжный заложник слепых капризов погоды.

Второе. Стало быть, развитие городского общества, промышленности, сложной государственности и цивилизации в России естественным эволюционным путем невозможно.

Необходима сверхжесткая экспроприационная государственность, подавление общиной индивидуального крестьянского хозяйства (на основе которого, по мнению Милова, выросли западная гражданственность и культура), рабовладение в промышленности, чтобы Россия хоть как-то была конкурентоспособна с Западом.

«Социум обладал низким уровнем общественного разделения труда. Для него были характерны слабая, чрезвычайно медленно развивающаяся промышленность, малая степень урбанизации страны, ориентация на вяло растущую внутриконтинентальную торговлю. Вместе с тем это было общество с ярко выраженным экстенсивным характером земледелия, требующим постоянного расширения пашни на новые и новые территории, общество, где дефицит рабочих рук в сельском хозяйстве сохранялся постоянным и неутолимым в течение многих веков, несмотря на более или менее стабильный прирост населения страны. Под определенным влиянием вышеперечисленных особенностей развития России формировалась и ее государственная машина. Постоянная необходимость насильственного изъятия государством у крестьян прибавочного продукта в размерах, далеко превосходящих то, что русский крестьянин мог бы отдавать без ущерба для себя, привела к появлению весьма жесткого механизма политического принуждения крестьянства со стороны государственной власти. Отсюда как следствие деспотическая, самодержавная форма государственного правления, сочетание системы “государственного феодализма” с суровым и страшным режимом крепостничества в сфере помещичьего землевладения и хозяйства» (Миров 2006: 671-672).

«Если бы Россия придерживалась так называемого эволюционного пути развития, она никогда бы не состоялась как великая держава» — резюмирует Миров в работе «Особенности исторического процесса в России» (Миров 2006: 707), тем самым подводя фундамент под революции и чрезвычайку, колхозы и гугаги как

единственно возможный ход русской истории, если мы хотим для себя величия.

В теории Л. В. Милова с самого начала удивляют несколько моментов. Прежде всего, — публицистичность её основных убеждающих конструкций, риторические связки используются им для маскировки провалов в аргументации. В работах Милова таких риторических связок, нацеленных на то, чтобы убедить читателя в чрезвычайной экономической нищете России, очень много. Мы постоянно встречаем в тексте слова «невозможно», «исключено», «немыслимо», «фантастика» – когда речь идет о вероятности интенсификации сельского хозяйства или больших урожаев в России.

Иногда автор проговаривается, замечая, к примеру, в «Особенностях...», что успешная реализация государственных экономических мероприятий (например, создание системы каналов и многократное увеличение оптовой торговли) в земледельческой стране с ничтожной долей городского населения «феноменальна сама по себе, ибо чрезвычайно малый объем совокупного прибавочного продукта объективно создавал крайне неблагоприятные условия для формирования так называемой надстройки над элементами базисного характера» (Милов 2006: 712).

Эта «феноменальность», конечно, должна была бы навести автора на мысль, что он, возможно, несколько занижил уровень аграрного развития России и преувеличил стоящие перед нею трудности, но вместо этого академик Милов обозначает некие непереходимые для русской экономики пределы, которые якобы без чрезвычайности преодолеть невозможно.

Между тем, в работах Л. В. Милова мне постоянно попадались цифры, которые вызывали легкую тревогу – только что у других авторов, перед которыми не стоит цель доказать безнадежность и неразвитость русского сельского хозяйства, например, в работе

А. В. Дулова «Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в.» (Дулов 1983) встречаешь гораздо более высокие цифры средней урожайности по России за XVII–XIX века.

Если Милов и его последователи убеждают читателя, что средняя урожайность русской пашни была сам-1,5 – сам-2, то Дулов приводит цифры от сам-3 до сам-4 (Дулов 1983: 56), — а между этими урожайностями лежит целая цивилизационная пропасть. При этом источники утверждений Дулова считаются лучше, выглядят менее избирательными, и им лучше проработана корреляция между хорошими, средними и плохими годами.

С другой стороны, Л. В. Милов еще и несколько завышает уровень аграрного развития Западной Европы, создавая у читателя впечатление, что между русскими цифрами и европейскими – пропасть. Между тем, достаточно проработать «Структуры повседневности» Фернана Броделя (Бродель 1986: 135-139), чтобы обнаружить, что за пределами зоны аграрного рывка в ходе промышленной революции в Англии и Голландии, например, во Франции, урожай сам-5 или сам-6 считался отличным, а сам-4 – нормальным. Даже в Германии и Скандинавии урожайность со временем падает ниже сам-4, если же говорить о Польше, ближайшей сопернице России до конца XVII века, то сам-2 – сам-4 будет максимумом, который подданные Речи Посполитой могли снять с полей, а затем, отмечает Бродель, положение ухудшается. Европа, особенно развитые регионы, несомненно, шла впереди России, но, все-таки, это не два абсолютно несопоставимых мира.

Монография А. Л. Шапиро «Русское крестьянство перед закрепощением» (Шапиро 1987: 20-23), содержит расчеты урожайности по документам крупных монастырских поместий и царских или боярских вотчин, и они также противоречат миловской тенденции занижать урожайность русского сельского хозяйства.

Так, для Кириллово-Белозерского монастыря средний урожай ржи первой четверти XVII века – сам-4, в вотчинах Симеона

Бекбулатовича в 1580-х, урожай ржи – сам-4,4. В вологодских дворцовых областях – сам-4,75, в дворцовых селах Мещерской стороны в 1600 году урожай сам-4. Он же приводит данные Сливхера ван Бата, исследовавшего урожайность в Европе с 810 по 1820 годы, показывающие, что в Германии и Польше урожаи ржи колебались от сам-3 до сам-4. То есть Центральная Европа с её университетами, Лютером и *liberum veto* точно не превосходила Россию в аграрном развитии.

При этом академика Милова можно упрекнуть в выраженном им, несколько пренебрежительном отношении к таким традиционным для России формам хозяйствования, как подсечно-огневое. Лес на будущей пашне подсекался, затем выжигался, и поле на короткие 1–2 года выдавало фантастический урожай в сам-10 и выше. Между тем, для древней и средневековой Руси такой способ ведения хозяйства был не только широко распространен, но и вполне экологичен, поскольку количество леса и количество хозяйствующих людей было просто несоизмеримо.

Милов говорит о подсечно-огневом земледелии как о способе «сводить концы с концами». Здесь налицо марксистский схематизм, который априори, без всякого учета конкретных экологических условий, ставит любое пашенное земледелие, как более продуктивное, выше любого подсечно-огневого, совершенно не учитывая реального влияния подсеки на урожайность. Эта «архаика» для русского Нечерноземья была гораздо более экономически эффективна, чем большинство других форм земледелия.

Не касается практически Милов и феномена ополей и пойменных пашен, на которые приходилась ведущая часть производства зерна. Скажем, у Вологды собирали сам-9,5, а на Ваге – сам-9,9 (Шапиро 1987: 22).

Таким образом, есть все основания для того, чтобы поставить вопрос о необходимости тотальной проверки теории Милова как в её оценочной части, так и в степени подкрепленности её конкретными

цифрами, в которых ощущается тенденция к систематическому занижению уровня урожайности и пределов возможного для русского сельского хозяйства.

Может оказаться, что утверждения о «невозможности» тех или иных хозяйственных достижений для великорусского пахаря, будут сильно преувеличены.

И это вопрос не только научного любопытства о прошлом, но и, увы, вопрос будущего, проекты для которого конструируются с опорой на теории, якобы выявляющие вечную сущность исторического процесса в России.

Поскольку проверка утверждений о низких урожаях зерна потребует проверки десятков тысяч цифр и вряд ли может быть осуществлена в коротком очерке, я взял более простое, но тоже структурно важное для концепции Милова утверждение касательно уровня обеспеченности русского крестьянина сеном.

«Заготовить за 20-30 суток сенокоса 1244 пуда сена для однотяглового крестьянина — пустая фантазия. Выше уже говорилось, что, имея семью из четырех человек, земледелец был в состоянии обработать пашню размером в 3,75 десятины в трех полях; пар в таком случае был равен 1.25 десятины, норма скота — 7.5 головы. За 30 суток косец с помощниками мог заготовить примерно 300 пудов сена. Этого едва хватало на одну лошадь, одну корову и одну овцу, что, конечно, не обеспечивало пар «наземом», ибо на десятину пара приходилось 1.8 головы крупного скота» (Милов 2006: 706).

К тем же магическим «300 пудам» автор обращается и в другой работе: «Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства»:

«Низкой была и вероятность резкого повышения урожайности за счет внесения в почву удобрений. Единственный доступный вид удобрения — навоз крупного рогатого скота — во все времена был в российской деревне крайне дефицитным. Обычно его хватало на

удобрение земли один раз в 9—12 лет, а иногда и гораздо реже. Мало было и самого скота. Причины такой ситуации — в остром недостатке кормов в период его стойлового содержания (а этот период в основных регионах России длился от 180 до 212 суток, т. е. был необычайно большим). Заготовить на такой срок полноценный доброкачественный корм для скота было делом совершенно нереальным для одנותяглового крестьянина. Те примерно 300 пудов сена, которые он заготавливал в очень короткий период сенокоса, хватало лишь для эпизодического кормления скота. Основным же кормом для животных были яровая солома с поля, «охвостье» и мякина, оставшиеся от молотьбы хлеба. Иногда в пищу животных шла и грубая ржаная солома. От такого кормления скот был едва жив, часто болел и погибал. Таким образом, хотя скотину в России держали почти исключительно для удобрения полей, «навозное» скотоводство практически не справлялось со своей ролью ни в средневековье, ни в XIX—XX веках» (Милов 2006: 671).

Автор оперирует неким «одנותягловым крестьянином» с семьей из 4 человек (очевидно, четырех работников). Это, конечно, существенно облегчает утверждения о том, что для такого отнюдь не типового домохозяйства хозяйственный достаток «фантазия».

Поэтому давайте ответим на простой вопрос – действительно ли 300 пудов сена были максимумом того, что могло себе позволить традиционное русское домохозяйство, и точно ли 1244 пуда были для такого домохозяйства бессмысленной фантазией? Проработка конкретных исследований по русской аграрной истории показывает, что мы имеем дело со значительным занижением в теории Милова объемов доступного для домохозяйств сена.

В работе В. Н. Шункова «Очерки по истории колонизации Сибири в XVII–XVIII вв.» приведена оценка сенокосных угодий Тагильской слободы в 1670-х годах (Шунков 1956: 123-124).

50 копен – 26 случаев.

100 копен – 34 случая.

200 копен – 49 случаев.

300 копен – 16 случаев.

В слободе Катайского острога:

100 копен – 98 случаев.

150 копен – 49 случаев.

200 копен – 66 случаев.

300 копен – 13 случаев.

Измерение производится в «копнах» – единице, реальный вес которых в оценках разных исследователей плавают. Так, Г. В. Абрамович определяет вес мерной копны в 15 пудов, волоковой копны в 10 пудов и малой волоковой копны (так называлась мелкая копна) в 5 пудов. Г. В. Абрамович полагал, что в писцовой литературе имелись в виду копны по 5 пудов сена — волоковые копны (Абрамович 1963: 365-370). А. Л. Шапиро указывал на то, что «копна писцовых книг равнялась 10 пудам» (Шапиро 1987: 25). В. Н. Шерстобоев для своих подсчетов в «Илимской пашне» принял вес копны в 6 пудов (Шерстобоев 1949: 360).

Если мы возьмем оценку веса копны Абрамовичем по весу «волоковой копны», то мы получим, что обеспеченность сеном реальных домохозяйств этих двух слобод составляла от 250 пудов (сенные бедняки) до 1500 пудов (сенные богачи). Сенные середняки имели от 500 пудов (таких большинство в Катайске), до 1000 пудов (таких большинство в Тагиле).

Если мы возьмем вес копны по оценке Шапиро, то получится разброс от 500 до 3000 пудов на одно домохозяйство, то есть буквально сенную роскошь.

Теперь вспомним оценку Л. В. Милова – «1244 пуда – фантазия». Мы видим, что как минимум в Сибири фантазия была реальностью. Даже если предположить, что домохозяйство не выбирало всю норму со своего сенокоса, то маловероятно предполагать, что оно

держало сенокос в 300 копен для того, чтобы собирать с него 50, ведь его можно было выгодно продать.

Теперь из Сибири перенесемся на Север России, в Кемску волость, подвластную Соловецкому монастырю, и заглянем на тамошние сенокосы. В исследовании В. И. Иванова «Монастыри и монастырские крестьяне Поморья в XVI–XVII веках: механизм становления крепостного права» мы получаем уникальную возможность заглянуть в состав конкретных домохозяйств крестьян конца XVI века, зависимых от Соловецкого монастыря и известных пофамильно.

Каждому из крестьян принадлежало известное количество сенокосов трех типов, производительность которых на начало XX века известна благодаря исследованию В. В. Никольского «Быт и промыслы западного побережья Белого моря» (Никольский 1927: 63-64): «воз», которым измерялась производительность сенокоса, имел три емкости: десятина, дающая 200-250 пудов сена, «морские пожни», то есть приморские луга, дающие до 100 пудов, и «теребы» (то есть лесные росчисти), дающие 30-70 пудов.

Теперь давайте заглянем во дворы к кемским крестьянам.

Ивановы-Кузнецовы (Иванов 2007: 291-292): 1 сенокосное поле (1 воз), морские пожни (4,25 возов), то есть около 600 пудов сена, вместо миловских 300 пудов.

Внуковы (Иванов 2007: 292): 1 оброчное сенокосное поле, 2 воза морских пожен, 9,5 возов в теребах, то есть, если взять по нижней границе – около 700 пудов сена.

Бобыль Богдан Котов (Иванов 2007: 305): 1,5 воза сенокосного поля, то есть 300 пудов сена.

Бобыль Михаил Плешко (Иванов 2007: 305): — полвоза сенных полей и 5 возов теребов. То есть, если взять по минимуму – 250 пудов сена.

Бобыль Третьяк Валигин (Иванов 2007: 306): — 2 воза морских пожен и 1,5 воза теребов. 245 пудов сена при минимальной оценке.

Бобыль Фёдор Минин Чеус (Иванов 2007: 306): 3 воза на печище, 6,5 на теребах. Емкость воза на печище непонятна, но вряд ли она меньше, чем на теребах. Так что, если посчитать по минимуму, получится 300 пудов сена. Потомок Федора – Максим Чеусов, владел 1 лошастью, 2 коровами, 2 лодками, четвертью ладьи и сетью для ловли нерпы, то есть у него было больше скота, чем Милов насчитал для своего одנותяглового крестьянина.

Итак, 300 пудов сена — это нормально для бобыля, но никак не для полноценного крестьянского хозяйства.

Разумеется, на русском Севере, где зерновое хозяйство почти не велось, нужда в навозе была меньше, а простора для лугов – больше. Но совсем не то же самое – земельный голод, вызванный социальными факторами, и мнимая климатическая и трудовая невозможность для русского крестьянина выкосить и заготовить больше 300 пудов сена, к которой апеллировал Л. В. Милов.

Необеспеченность русского крестьянина сеном была отнюдь не настолько всеобщей и фундаментальной, чтобы из неё можно было сделать выводы о невозможности качественного удобрения почвы и о необходимости жесткого государственного террора или, тем более, социалистической революции и колхозов.

Существовали обширные сельскохозяйственные районы, где животноводство процветало, например, Подвинье с его великолепными холмогорскими коровами. Вот, например, подсчеты А. И. Копанева, касающиеся Паниловской волости Холмогорской округи:

«Если учесть, что средний урожай сена на Двине около 100 пудов с десятины (120–140 пудов с хороших лугов, 60–70 с обычных), то паниловские крестьяне собирали в год около 8500 пудов сена. Примерно столько же в кормовом балансе составляла яровая (ячменная) солома и гуменные корма. При норме 200 пудов на

корову в год выходит, что волощане могли прокормить около 85 коров. Помимо продуктов, сельский хозяин получал от них 680 т. навоза (в среднем 8 т. от коровы в год). При норме 25 т. на десятину волощане могли унавозить 27 десятин, т. е. почти весь паровой клин волостных земель, исчислявшихся примерно 33 десятинами» (Копанев 1978: 165).

Обратим внимание, что Копанев «выделяет» на корову 200 пудов в год, в то время как Милов (без всякого подтверждения – «факты свидетельствуют»), выделяет ей же 38 пудов. То есть, вместо одной копаневской коровы можно прокормить впроголодь пять миловских, и вместо 85 коров получить 425. В какую бы сторону ни разрешить это противоречие – кормить коров жирно, по-копаневски, или увеличить стадо, держа его на миловском пайке, очевидно, что это совсем не то безысходное существование миловского великорусского землепашца, из которого одна дорога — в колхоз или в Красную армию.

А главное, перед нами точно не продукт климатических условий. Из зоны сурового климата, с Илимской Пашни на Ангаре, В. Н. Шерстобоев свидетельствовал о состоянии обеспеченности кормами Орленской волости: «из 36 хозяйств только у четырех был небольшой недостаток сена, в размере 400 пудов, который легко покрывался соломой. Остальные хозяйства имели избыток сена в количестве 20.000 пудов, это соответствует примерно 1100 возам, считая в возу 3 копны, т. е. около 18 пудов. У 5 хозяйств излишки составляли до 10 возов... У 14 хозяйств избытки составляли от 11 до 30 возов; понятно, что такие запасы выходят за пределы обычного резерва и предназначались для рынка... У некоторых других хозяйств из них 7 имели излишков от 31 до 50 возов, 3 хозяйства от 51 до 70 возов на двор. В. и М. Новиковы из дер. Дудкиной имели излишнего сена 77 возов, В. и А. Шерстянниковы из деревни того же названия – 87 возов, а И. и Г. Скокиных из дер. Тарасовки – 157 возов. Это были крупные поставщики сена для проезжающих по тракту или для специального сплава по Лене, где в сене был такой же недостаток,

как и в хлебе... Приняв хозяйства с избытком сена в 11 и выше возов за товарные, можно установить, что 27 хозяйств или 75% вели широкую заготовку сена на продажу» (Шерстобоев 1949: 361).

Проанализировав «сенной вопрос», мы на месте сконструированного Л. В. Миловым измученного одинокого пахаря, едва сводящего концы с концами, получаем зажиточных и домовитых мужиков, которые создают колоссальный прибавочный продукт и продают его на рынке.

Это совсем не та вымерзающая нищая Россия, которую рисует популярная теория климатического стресса. Очевидно, что Новиковым, Шерстянниковым и Скокиным не требовались непременно ни опричник с ногойкой, ни петровский чиновник, пропахший табаком, ни, тем более, ходящий по горло в крови чекист с наганом.

Разумеется, миловский скорбящий пахарь тоже мог быть реальностью. Прежде всего, в послепетровскую эпоху и в центральных областях аграрного перенаселения. Но это говорит не о том, что климатические условия и мнимый аграрный тупик потребовали всё более изощренных форм деспотизма, а напротив, что эти формы деспотизма подорвали жизненные силы русского крестьянства в ряде регионов. Однако следует не забывать и о том, что в районах аграрного перенаселения роль собственно земледелия неуклонно снижалась. Крестьянину проще было уйти в отхожие промыслы, чем возиться с воображенными Л. В. Миловым «300 пудами сена».

Утверждение Милова, что иного, чем крепостничество, «способа заставить крестьянина при крайне сжатом рабочем периоде увеличить земледельческое производство до уровня необходимого для более или менее оптимального развития социума не было» (Милов 2006: 710), представляется несостоятельным.

Для подтверждения своей теории Л. В. Милов еще и внес заметную путаницу в представления о характере русского народа. «Российские

крестьяне-земледельцы веками оставались своего рода заложниками Природы» (Милов 2006: 672). Он утверждает, что хотя русский крестьянин много трудился, с утра до ночи, особенно горячо в «страду», но и зимой, просыпаясь в любое время года в 3-4 часа пополуночи, а ложась спать не раньше 11 вечера, однако, несмотря на этот тяжелый труд, крестьянин осознавал бессмысленность и бесперспективность своих трудовых усилий, понимая, что голод или изобилие зависят, в сущности, от погодной случайности. Мало того, «наличие на большей части территории Российского государства крайне неблагоприятных условий, нередко сводящих на нет результаты тяжелого, надрывного крестьянского труда, порождали в сознании русского крестьянина идею всемогущества Господа Бога в крестьянской жизни» (Милов 2006:673-674).

Нужно иметь крайне превратное представление о сущности православного религиозного самосознания русского народа, чтобы объяснять укрепление мысли о Божием всемогуществе капризами погоды. Сущность христианского учения, напротив, базируется на представлении о мире Божьем как о целесообразном порядке, а о самом Боге, как о подателе всякого блага и милосердном Отце.

То есть, если идея о всемогуществе Божием и впрямь порождалась в крестьянском сознании, в чем Милов, кажется, не сомневается, значит, русский крестьянин достаточно уверялся как в подчиненности мира строгой и постижимой для человека закономерности, так и в том, что Бог щедр на милости для христианина-крестьянина.

Приводимые в подтверждение Л. В. Миловым русские пословицы в большинстве своем как раз и свидетельствуют о представлении о Боге как подателе блага, а не как генераторе случайностей.

«Бог народит, так и счастьем наделит», «Бог полюбит, так не погубит», «не конь везет, Бог несет», «даст Бог день, даст Бог и пищу», «человек гадает, а Бог совершает», «все от Бога. Всяческим

от творца», «с Богом не поспоришь», «Божье тепло, Божье и холодно», «Бог отымет, Бог и подаст» (Милов 2006: 674).

Еще страннее звучит обосновываемое опять же пословицами утверждение, что русский крестьянин ощущал бесперспективность своих трудовых усилий и, в связи с этим, испытывал чувство... скептицизма.

«Отсутствие значимой корреляции между мерой трудовых затрат и мерой получаемого урожая в течение многих столетий не могло не создать настроений определенного скепсиса по отношению к собственным усилиям, хотя эти настроения затрагивали лишь часть населения («на авось мужик и пашню пашет», «уродится не уродится, а паши», «не родит, да не бросать пашни», «нужда не ждет ведряной погоды», «нужда не ждет поры» и т. д.). Немалая доля крестьян была в этих условиях подвержена чувству обреченности и становилась от этого отнюдь не проворной и не трудолюбивой» (Милов 2006: 683).

Каким образом нравственное требование «не бросать пашни» при первой неудаче, и пахать, даже если хлеб не уродится, может говорить о... скептицизме, а не о долгосрочной уверенности в успехе и религиозной вере в то, что Бог не оставит Своей милостью, предоставим судить читателю.

Напротив, пословицы типа «нужда не ждет поры» опровергают взгляд и самого Л. В. Милова, и его предшественника – В. О. Ключевского на хозяйственную психологию русского крестьянина. Напомним, что самым ярким и знаменитым фрагментом «Курса русской истории» В. О. Ключевского была художественная характеристика психологии великоросса:

«Народные приметы великоросса своенравны, как своенравна отразившаяся в них природа Великороссии. Она часто смеется над самыми осторожными расчётами великоросса; своенравие климата и почвы обманывает самые скромные его ожидания, и, привыкнув к этим обманам, расчётливый великоросс любит подчас, очертя

голову, выбрать самое что ни на есть безнадежное и нерасчетливое решение, противопоставляя капризу природы каприз собственной отваги. Эта склонность дразнить счастье, играть в удачу и есть великорусский авось. В одном уверен великоросс — что надобно дорожить ясным летним рабочим днём, что природа отпускает ему мало удобного времени для земледельческого труда и что короткое великорусское лето умеет ещё укорачиваться безвременным неожиданным ненастьем. Это заставляет великорусского крестьянина спешить, усиленно работать, чтобы сделать много в короткое время и впору убраться с поля, а затем оставаться без дела осень и зиму. Так великоросс приучался к чрезмерному кратковременному напряжению своих сил, привыкал работать скоро, лихорадочно и споро, а потом отдыхать в продолжение вынужденного осеннего и зимнего безделья. Ни один народ в Европе не способен к такому напряжению труда на короткое время, какое может развить великоросс; но и нигде в Европе, кажется, не найдём такой непривычки к ровному, умеренному и размеренному, постоянному труду, как в той же Великороссии» (Ключевский 1987: 315).

Утверждение о том, что природа приучила великоросса к кратковременному напряжению летней страды и долгой расслабленности, не выработала способности к планомерной систематической работе, обучив лишь искусству аврала, и отучив полагаться на свою милость, а не на авось, вошло почитай что во все хрестоматии и учебные пособия по этнологии и этнопсихологии.

Например, в учебном пособии «Этнография русских» авторства В. С. Бузина читаем: «Географические особенности вкупе с хозяйственными занятиями обусловили формирование основных черт русского менталитета — готовность к максимальной концентрации усилий в относительно короткое время, после чего следовал период расслабления» (Бузин 2007: 62).

Выражает согласие с таким подходом и Л. В. Милов, хотя сам же приводит противоречащие этому факты — привычку русских крестьян

рано вставать как летом, в страду, так и зимой, когда, якобы, наступает период «расслабления».

Географические факты, приводимые А. В. Дуловым, полностью противоречат этой теории. Он обращает внимание на поразительное отсутствие разницы в урожайности между северной и южной зонами великорусского земледелия: «Разница между районами с хорошими условиями для земледелия и зонами со средними или трудными условиями сравнительно невелика: средние цифры урожайности по этим двум зонам отличаются всего на 10-30% в пользу южной зоны» (Дулов 1983: 57).

Урожайность полей по Северной Двине и на черноземе по Дону различалась не настолько существенно, как это можно было бы ожидать. Переходя на более благоприятные земли, крестьяне начинали меньше работать, сберегая значительную часть усилий, вместо того, чтобы обеспечивать большой «прибавочный продукт».

Иными словами, выработке большего прибавочного продукта в России мешал в этой части страны не климат, а социальные и психологические условия. Сокращение трудозатрат было для русского крестьянина, пришедшего в Черноземье, предпочтительным способом улучшения качества жизни перед интенсификацией производства и получением более высокого дохода. Это достаточно архаичная черта, отмеченная в русских крестьянских хозяйствах А. В. Чаяновым. Но климат тут совершенно ни при чем, ту же самую архаичную черту, ориентируясь на работы Чаянова, зафиксировал у земледельцев Новой Гвинеи американский антрополог Маршалл Саллинз.

«Много зарабатывать и много потреблять» – совсем не столь очевидная для большинства человеческих обществ мотивация к интенсификации труда, как думают наивные евроцентристы. Привычка работать, чтобы купить телевизор, перед которым можно отдохнуть, вместо того, чтобы просто отдохнуть, воспитывается в человеческих сообществах достаточно долго.

Но, с другой стороны, чтобы поддерживать привычный для них уровень цивилизации, те же русские крестьяне на бедных и тяжелых почвах шли на настоящий трудовой подвиг, чтобы вырастить урожай, сопоставимый с тем, что без труда давался на Черноземье. В землях, ставших колыбелью великороссов, для этого приходилось работать с утра до вечера круглый год. Ни о каком периоде расслабления говорить не приходилось.

«Песчаные, хрящеватые и иловатые пашни (в верховьях Волги) поистине крестьян делают тружениками, ибо где кучка навозу, там кучка хлеба, как говорят крестьяне. В то время как низовые мужики, посеяв яровое, отдыхают, верховые удобряют свою озимую пашню навозом, за которым удобрением следует сенной покос и жатва. Низовой крестьянин во всю зиму даже до ярового посева бывает свободен и отправляет только домашние надобности; верховый, напротив того, удобряет в великий пост свою яровую пашню. Низовый довольствуется одним паханием и боронованием; верховый дважды сию работу отправлять принужден бывает, первый раз под пар, а другой под посев» — писал в XVIII веке русский географ И. И. Лепехин (Цит. по Дулов 1983: 58).

При этом работа была отнюдь не столь бессмысленным делом, как полагает Л. В. Милов. Русская природа — мать сердитая, но и отходчивая. То, что она отобрала у крестьянина в один сезон, она компенсирует в другой. Как отмечал Н. Л. Рубинштейн:

«В силу зависимости урожаев от климатических условий плохой урожай озимого хлеба большей частью частично компенсируется в итоговом показателе за год удовлетворительным урожаем ярового и наоборот» (Рубинштейн 1959: 357).

Огромность России так же работала на русского мужика. Редко когда случалось, что хлеб не уродился по всей стране. Если неурожай случался в одной области, то и средствами рынка, и при посредстве власти он компенсировался урожаем в другой. Нужна была специфическая конструкция власти в 1932 году, чтобы случившийся

посреди мирного времени неурожай превратился в ничем не компенсируемый мор в стране — экспортере зерна. Ничего «нормального» для русской истории тут не было, напротив, это противоречило выстраиваемым ею столетиями механизмам русской самозащиты, сломанным после 1917 года.

Трудящийся от зари до зари великорусский крестьянин и расслабляющийся всю зиму после короткой страды великорусский крестьянин — это не один и тот же крестьянин в два разных времени года, а два разных великорусских крестьянина в двух разных точках русского пространства.

Один может себе позволить не работать. Другой не может себе этого позволить, и потому трудится систематически с постоянным напряжением. Л. В. Милов совершенно справедливо заметил, что количество человеко-часов, нужных русскому крестьянину для того, чтобы получить приемлемый урожай — значительно больше, чем на Западе Европы. Но он сделал из этого два сомнительных вывода. Первый — что по этой причине урожай у великорусского крестьянина будет меньше, так как ему не хватит для работы сил. Второй — что по этой же причине он будет обрабатывать землю менее тщательно, пустившись в игру на авось с непредсказуемой погодой.

Из характеристики Лепехина, подтверждаемой приводимой Дуловым статистикой и цитируемыми самим Миловым русскими пословицами, мы видим совсем другое. Никакой «авось» великоросс на своих скудных землях позволить себе не может. Вставая с первыми петухами, он должен идти на скотный двор, собирать навоз, сваливать его в яму с соломой с тем, чтобы удобрить свою озимую пашню, отправляется двоить и троить пашню, чтобы получить урожай немногим меньший, чем у поляка на Висле или веселого малоросса на Десне.

Этот угрюмый, сосредоточенный, глубоко религиозный, умеющий читать каждую приметку в поле и лесу, на небе и под землей человек

не признает никакой игры со случаем и не выжидает удачи, твердо помня, что «нужда не ждет поры». Ему не на кого полагаться, кроме Бога, своего труда и навоза своей скотины, и на этой тройной закваске он вырастил свою великую державу, которая присоединила и хлебодарный Воронеж, и луговитую Двину, и сенную Илимскую пашню, и саму Вислу, дошла и до Берлина, и до Парижа, и до Пекина.

Разница в 700 дополнительных человекоднев на 100 гектар пашни между центральным нечерноземным и центральным черноземным районами, — такова цена судьбы великоросса. Представить себе, чтобы посреди подобных трудов его охватил «скептицизм», совершенно невозможно — быть «скептиком» тут так же некогда, как и быть «игроком». «Уродится не уродится, а паши». Будешь пахать — будешь во славе, не будешь пахать — умрешь.

В этом, пожалуй, главная психологическая проблема концепции академика Милова. Дело не только в том, что она пронизана апологией самых отвратительных черт исторической государственности, рассматривает «прелести кнута» не как чрезвычайное явление русской истории, а как само условие исторического процесса на Русской равнине. Эта апология плетки и нагана была бы половиной беды.

Беда этой концепции в том, что она пронизана последовательным и убежденным неверием в силы того самого великорусского пахаря, о котором трактует. Она сводит на нет его удивительные усилия по строительству жизни и созиданию великой христианской цивилизации на ледяных северных просторах. Тысячелетнее усилие русского народа игнорируется или, в лучшем случае, приписывается государству в его деспотической ипостаси и его безграничной жестокости.

Если присмотреться к русской истории попристальней, ощущение повальности этих жестокостей значительно поубавится. Согласно и радостное сожитие государства и народа редко отмечаются в летописях, но это не значит, что его в действительности не было.

Столь невыносимое, как выходит по историческому мифу нашего западничества, государство просто не просуществовало бы столь долго.

К сожалению, историческая мысль Милова остается в плену формулы С. М. Соловьева: «Природа для Западной Европы, для её народов была мать, для Восточной, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха». Богатство и сложность русской природы сводятся последователями этого учения к сумме активных температур.

Совершенно незамеченными остаются сотни даров, которыми природа одарила великоросса, обделив ими всех остальных.

Уникальная система ближних и дальних коммуникаций по немыслимому переплетению бесчисленных рек, позволившая приобрести в эпоху низких скоростей неохватную территорию, ставшую кладовой ресурсов и для международной торговли нового времени, и для промышленного развития времени новейшего.

Практические неисчерпаемые запасы леса и возможность, за счет подсеки, производить урожайный спурт, мало того – сеять пшеницу у 60 широты, где она, казалось бы, совершенно немыслима.

Возможность легко переключаться в самых северных районах с аграрной на высокопродуктивную и создающую огромную прибавочную стоимость, высокодоходную промысловую деятельность – будь это бортничество или добыча пушнины, рыбная ловля или солеварение. Русь имела привилегию, о которой многие другие народы могли только мечтать – своим хлебом поддерживать обширный промысловый класс, который зарабатывал для страны деньги.

Сама пустота на северо-восточной границе, дававшая возможность двигаться, не встречая сопротивления враждебных цивилизаций – разве не была она благом? Представим себе русских стиснутыми враждебными народами как, к примеру, другие славяне – словаки в Карпатах? Представим себе, что на пути многократного

расширения России на Восток стояла бы преграда в виде океана или другой развитой цивилизации?

«Географические факторы играли важную роль в изменении менталитета западноевропейцев и русских в процессе колонизации. Джон Эллиот говорит, что “пересечение этого “пугающего океана” глубоко засело в сознании поколений европейских мигрантов”. По прибытии в Новый Свет совершенно иные климат, растительный и животный мир убеждали колониста в том, что он начал новую жизнь. В конце концов, в Глочестершире не встречаются кенгуру. У русского колониста, продолжавшего традиционное движение своих предков вдоль рек или по направлению к степям, не возникало такого чувства инакости. В сегодняшней России отсутствие такого сильного чувства различия между родиной и колонией может иметь важные последствия для легитимности и стабильности российских постимперских границ» — справедливо отмечает Доминик Ливен (Ливен 2007 365-366).

То, что Россия смогла развить и поддерживать в столь северных широтах и неблагоприятных климатических условиях цивилизацию полного профиля, – не есть случайность, не есть, в техническом смысле, чудо (то есть материально беспредпосылочное событие), но является чудом в эстетическом и нравственно- религиозном смысле, и уж конечно это не плод варварской жестокости безжалостного государства, как представляет дело Л. В. Милов.

Напротив, принудительный казенный труд раз за разом доказывал свою полную экономическую неэффективность и оказывался растратой народных сил. Разительный пример приводит А. В. Дулов:

«На государевой десятинной пашне в южных и черноземных районах средняя урожайность ржи составляла в XVII в. сам-2,5... Это объяснялось только принудительным характером обработки плодородной почвы. Зато в расположенном на севере около Устюга Великого Троицком Гledenском монастыре, где в конце века 87% почв классифицировались как «худые», а 13% — как «средние»,

урожайность ржи составляла сам-5-6, а овса более сам-4. Здесь поля обрабатывались очень тщательно половниками, заинтересованными в получении высокого урожая, почва удобрялась большим количеством навоза, пашни вспахивались трижды. Таким образом, урожайность зерна в значительно худших почвенных и климатических условиях оказалась в два раза более высокой из-за разных условий труда феодально зависимого населения» (Дулов 1983: 64).

Чудо русской истории началось тогда, когда русское государство ни в коей мере не было более жестоким, чем его соседи. А его последующая суровость связана с фактором системной военной угрозы с нескольких направлений, а не с чрезмерной скудостью материальных ресурсов и невозможностью существовать иначе, кроме как людоедством. Ресурсами и прибавочным продуктом русские обладали может быть и не самыми большими, — однако учтем обширность пространства, по которому следовало распределять инвестиции, — но достаточными, чтобы создать жизнеспособный политический, социальный и культурный организм, восстанавливать его после множества внешних нашествий и со всё большим размахом пользоваться наступающим со временем эффектом отдачи от большого масштаба.

Есть ли правда в некотором интуитивном ощущении связи между суровостью северного климата и жесткой экспансионистской самодержавной государственной структуры? Она есть, но совсем не на том уровне, о котором говорит академик Милов.

Главной проблемой урожайности в России была не абсолютная «немыслимость» высокой продуктивности, а относительная *микrokлиматическая неустойчивость* — в этом конкретном месте мог случиться в этом конкретном году такой неурожай, что ложись и умирай с голоду. Но, при этом, на больших русских пространствах почти невозможна ситуация, когда бы неурожай случился везде.

Большое пространство является в русских широтах и климате гарантией продовольственной безопасности. Чем более разнообразны будут территории, которые включены в страховочный фонд, тем больше надёжность фонда в целом. Для того, чтобы быть по настоящему устойчивым и эффективным на аграрно-промысловом фундаменте, государство должно включать в себя много земель, желательно предельно разнообразных по урожайности, микроклимату и доступным ресурсам.

Смотрим на карту — так это же именно то, чем занимались московские князья весь XIV век. Они не строили классическую территориальную державу (территориальную державу одномоментно выстроил Иван III, заполнивший пустоты между сосредоточенными в своих руках владениями). Они разнообразили и «хеджировали» аграрно-промысловые активы.

Именно отсюда такая удивительная чересполосность, многочисленность приобретений в разных концах страны. Отсюда «купли» Ивана Калиты, в которых бросается в глаза отсутствие связанности между владениями. Если для французских королей укрепление связанности домена с самого начала было приоритетом (вспомним эпическую борьбу за Вексен), то для князей Московских оно не было сверхзадачей (хотя таким русским Вексеном может считаться, например, Коломна). Разнообразие оказывалось важнее связанности.

В духовных грамотах Московских князей также производится раздел не территорий, а *хозяйственных активов*. Наследникам оставляются наборы чересполосно расположенных сёл. Территориальные комплексы, конечно, существуют — Коломна всегда старшему сыну, Звенигород всегда второму сыну. Но эти комплексы перетасовываются, и из наследства каждого сына вырезается доля для вдовы отца.

Задачей выстраивания такого странного и вычурного комплекса, как Московское княжество, была именно минимизация рисков в случае

тех или иных форс-мажоров — заморозков, засухи, половодья, ордынского набега.

Но чтобы управлять таким разнообразием, сама власть должна быть предельно концентрированной и надлокальной. Она должна позволять без споров и сопротивления маневрировать экономическими ресурсами, она должна не позволять развиваться локальному сепаратизму «тутейших», возникновение которого было бы более чем естественно при отсутствии консолидированной территории и транспортной удаленности разных владений.

И вот для этого, а не для организации промышленного людоедства по Милову, действительно нужна сильная, самодержавная власть, которая будет сильнее всех местных общин и сможет распоряжаться всем комплексом в интересах этого единства. Эта система постепенно расширяется, и выстраивается русское самодержавие как оно есть. А оно, если вспомнить царский титул, мыслится именно как нанизывание на единую цепь земель-чешуек, над которыми властвует единый великий князь, а затем царь.

«Божиею милостию, Государь Царь и Великий Князь Федор Иванович всея России, Владимирский, Московский, Новгородский, Царь Казанский, Царь Астраханский, Государь Псковский, Великий Князь Смоленский, Вятский, Болгарский и иных, Государь и Великий Князь Новагорода Низовския земли, Черниговский, Рязанский, Полоцкий, Ростовский, Ярославский, Белоозерский, Лифляндский, Удорский, Обдорский, Кондийский, и Обладатель всея Сибирския земли и великия реки Оби, и Северныя страны Повелитель и иных многих земель Государь».

Чем это отличается от западноевропейской модели? На Западе король — глава феодальной корпорации. Почти везде король правит через аристократию и дворянство, в руках которых находится прямой контроль над территорией. Упразднение или хотя бы ограничение этого низшего суверенитета потребовало много времени и крови.

Русский царь почти всей своей территорией правит непосредственно. Автономия феодального типа в России исключение, а не правило. Царь стоит над множеством миров, а правит через единую военно-служебную корпорацию, Государев Двор, которая представляет его на местах. Власть графа над территорией первична, власть боярина-воеводы вторична.

Эта самодержавная модель господства над большой территорией, да еще и с тенденцией к экспансии, не будучи критически зависимой от общин, давала русскому государству максимальную устойчивость, возможность маневрировать ресурсами.

Английская модель, самая развитая из западных моделей, породившая современную демократию, напротив, базировалась на всесии общин и баронов, которые вместе и составили парламент.

Могла ли такая модель существовать вне замкнутой половины небольшого острова, где обитатели практически сидели друг у друга на головах, а потому проблема горизонтальных коммуникаций не возникала? Окажись они размазанными по огромному пространству с рискованным земледелием, англичане при таких навыках просто уморили бы друг друга голодом — Уэссекс не дал бы хлеба Йоркширу, Кент морил бы голодом Шеффилд. Да и то в XVI веке Ричарду Ченслеру русская модель казалась симпатичней английской.

«О, если бы наши смелые бунтовщики были бы в таком же подчинении и знали бы свой долг к своим государям! Русские не могут говорить, как некоторые ленивцы в Англии: “Я найду королеве человека, который будет служить ей за меня”, или помогать друзьям оставаться дома, если конечное решение зависит от денег. Нет, нет, не так обстоит дело в этой стране; они униженно просят, чтоб им позволили служить великому князю, и кого князь чаще других посылает на войну, тот считает себя в наибольшей милости у государя; и все же, как я сказал выше, князь не платит никому жалования. Если бы русские знали свою силу, никто бы не мог

соперничать с ними, а их соседи не имели бы покоя от них» (Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке 2007: 78-79).

Сильное самодержавное государство в России, не считающееся с «баронами» и «общинами», — это факт. И связь его с климатом тоже факт. Но связь ничего не имеет общего с теорией климатического стресса.

Дело не в запрограммированной русской нищете, а как раз в поиске средств её избежания, наивернейшим из которых является максимальное территориальное расширение, хеджирование рисков при объединении в рамках единой политической системы экономически и микроклиматически (а затем и макроклиматически) разнородных кусков, свобода маневра ресурсами между ними. Вот для этого, в климато-экономической логике, нужен и сильный государь, и военно-служилый орден Государева Двора.

Но при этом о бесправии общин, применительно к XV-XVII веку, тоже говорить не приходится. С одной стороны — бунты и городские восстания с жесткими требованиями, которые большей частью правительством исполнялись. С другой — движение общин за освобождение Москвы и возрождение самодержавия, которое показало, что русские вполне были способны к такому же движению, как английские коммонеры в середине XVII века. И если они его не устроили, то не потому, что не могли, а потому, что не видели в этом резона.

Разумеется, было бы наивно отрицать, что суровые широты, скудость великорусских почв, морозность зим и ненадежность погоды в остальные времена года, существенно ограничивали возможности русских создать прочное богатство на аграрной основе. Частично это компенсировалось большими возможностями в сфере промыслов, а затем занятая русскими огромная территория оказалась кладовой промышленных ресурсов. Но те элементы цивилизации, которые вырастают на основе изобильной аграрной

цивилизации, в России и в самом деле вызревают долго, с большим трудом, и их зачастую приходится заимствовать у Запада.

Однако о чем идет речь? Не о повальной, беспросветной нищете русской жизни, которой, якобы, противостоят яркость и довольство жизнью откормленного западноевропейца. Не о мнимой бесперспективности трудовых усилий, которые все равно уничтожит погода. В этом смысле Россия весь средневековый период своей истории жила достаточно благополучно, особенно по сравнению с центральной Европой. Крестьянин Запада, напротив, был зачастую загнан, к примеру — в Италии, в беспросветную нищету, тесноту и неудобство, часто невыносимые для русского мужика.

Заданная климатом разница России и Европы в средневековье и раннем новом времени находится не на уровне умирания русских с голоду и обреченности на чекистский наган, а на уровне различия вкуса молока с разных склонов одной горы, доступного для швейцарского фермера. На подобную изощренную нюансировку русским и в самом деле не хватает, чаще всего, времени и ресурсов, так как необходимые на них человекочасы съело троение поля и внесение удобрений.

Наша задача на будущее как цивилизации заключается, в том числе, и в том, чтобы хотя бы отчасти освоить такое утонченное различие, подсмотреть у соседа и самому уметь видеть детали, различать травы с разных сенокосов и не смешивать их при кормлении. Теория же климатического детерминизма, строящаяся на грубых резких обобщениях и натяжках, сама является поразительным примером такого «неразличения склонов».

При своем некатастрофическом, эволюционном течении (том самом, которое так не нравилось академику Милову) жизнь в России медленно, с отступлениями, но неуклонно устраивается. В то время как жизнь стран и народов, прибавочный продукт которых давно позволял жить припеваючи и горя не зная, зачастую приходит в упадок, и они представляются сегодня стоящими на грани

погружения в большую смуту. В том числе и потому, что не прошли такого сурового искуса в послушании северной русской природе в сочетании с послушанием Русскому Богу, как это довелось жителям России.

Поэтому так важно, чтобы мы сами пропагандой ложной идеи, что русский климат на северных широтах нуждается для эффективности экономики в людоедском государстве, не обрекли себя и впрямь на новое пиршество каннибалов. Ошибки в прикидках пудов сена, приходящегося на одно домохозяйство, вполне могут запустить цепочку идейных и политически неверных решений, ведущих на лагерную вышку, а то и под неё.

Это было бы для нас не только демографически, но и экономически убийственно, поскольку на деле рабство, подавление частного интереса русского человека, обесмысливание его труда, — это не только нравственная и социальная, но и хозяйственная катастрофа. В периоды, когда господствует мысль о прелести кнута, Русская Земля запустевает.

ПОЧЕМУ РОССИЯ – НЕ АЗИЯ

Место России в Азии, её взаимоотношения с Востоком, находятся в плену коварных омонимий. С точки зрения чистой географии Россия есть держава азиатская ровно в той степени, в которой к Азии относится большая часть площади нашей территории. Однако есть Азия и Азия. С чисто географическим представлением сопряжен определенный культурный и оценочный комплекс, соединяющий вместе самые разные цивилизации и противопоставляющий их Европе.

Азия как новая Европа.

С понятием о «Европе» у нас традиционно связываются персонализм, рационализм, сциентизм, капитализм, инновации и демократия. С понятием об «Азии» – холизм, интуитивизм, мистицизм, попытки так или иначе этически ограничить капиталистическую рациональность и, в той или иной степени, совместить заимствованные инновации с традицией, а связанные с Европой права человека и гражданина с правами общества как целого и власти как определенного трансцендентного принципа.

При этом сравнении, сплошь и рядом, «азиатскому» выставляется более низкий балл по сравнению с «европейским». Тем самым выбор между Европой и Азией является не только ценностным, но и оценочным выбором. Быть «европейцем» даже и сегодня вопрос самооценки, вопрос престижа. И это связано с тем, что, несмотря на блестящие достижения Азии в последние десятилетия, это достижения, преимущественно в европейских (включая, разумеется, американские) практиках.

Экономическое чудо Японии, удивлявшее во второй половине XX века, базировалось на достижениях европейской науки и техники и европейских же экономических концепциях Фридриха Листа и

Йозефа Шумпетера. То, что японцам удалось совместить европейские технологии и свою традиционную этику лишь подчеркивало неустранимость «европейского» из этого синтеза. Японским, а, стало быть, и европейским, путем пошли другие страны АТР.

И вот уже на наших глазах вырос новый экономический гигант – Китай, в котором правит партия, выбравшая в качестве основы выработанный в Европе (включая Россию) марксизм, оказавшийся, в известном смысле, «христианством для бедных». Марксизм не имел бы и половины своей привлекательности в третьем мире, не будь в него встроен индустриализм и листовское учение о развитии производительных сил. Китайская индустриализация – это достижение одной европейской теории, пересказанной в рамках другой европейской теории, и базируется она на результатах европейской науки и «революции прилежания», приближающей стандарты «азиатского» труда к западному.

Современные достижения Азии, как бы нам ни хотелось верить в обратное, говорят скорее в пользу Европы. Преуспев в производстве, потреблении, накоплении, даже – изобретении, Азии не удалось и по сей день создать систему инновационных толчков, которая свидетельствовала бы о реальном переходе экономического лидерства.

Хотя на примере конкуренции двух электронных гигантов «Samsung» и «Apple» мы наблюдаем другой любопытный процесс – самоподавление западных слишком оригинальных инноваций ради того, чтобы приблизиться к более усредненной, но в силу этого и более конкурентоспособной форме. Еще не выбравшись в полной мере из плена вторичности, Азия уже берет числом, побеждая за счет отдачи от масштаба.

Где место России в этом соревновании Европы с её отражением? Россия ощутимо преуспела в ранней европеизации и модернизации, усвоив, прежде всего, не технологии и институты, но сами принципы

функционирования европейской цивилизации нового времени – научный рационализм и инновационность. Военные и технические победы России XX века даже заставили Запад на секунду усомниться в нерушимости своего лидерства.

Однако свою собственную версию рецепции европейских ценностей Россия выработала более трех столетий назад и, с тех пор, находилась скорее перед обратной проблемой – как бы отыскать собственные органические цивилизационные начала, чтобы избавиться от мучительной культурной шизофрении.

Там, где страны Азии решали задачу вестернизации, или же «модернизации без вестернизации» (то есть поиска формулы «безалкогольного пива»), там Россия, как минимум с середины XIX века решала задачу собственной девестернизации, но, при этом, такой, которая бы сохранила достигнутые в нашем европеизме ключевые преимущества – прежде всего способность к научному поиску и генерированию инноваций.

Движение в славянофильском направлении, становившееся всё более решительным на переломе XIX-XX веков было весьма эффективным, однако затрагивало лишь тонкую пленку на поверхности необъятной крестьянской стихии, а потому внезапно сменилось катаклизмом Революции, причудливо соединившей чисто западную идеологию и клочкотание народных хилиастических сектантских форм.

Однако наибольших успехов в девестернизации, нельзя не признать, мы достигли на пути бескомпромиссного западничества конца прошлого столетия, когда Россия переместилась в список не самых развитых из стран Третьего Мира, некоторым образом «победив» европейскую науку, медицину, образование, социальную политику. И всё это под лозунгом ускоренной интеграции с Западом. Нельзя не признать, что самое отчаянное славянофильство было бы «более лучшим» способом сохранения результатов трехсотлетней вестернизации, нежели российское западничество.

В итоге мы оказались в парадоксальном для себя контексте. Мы обречены на догоняющую модернизацию. Но догоняем уже не Европу и Америку, а Азию. Мы ищем родства, диалога и даже союза с Азией. Но ищем их, на самом деле, не в том, в чем Азия – это Азия, а в том, в чем Азия – это Европа. Мы хвалим трудовую конфуцианскую этику, а на самом деле завидуем внешнеторговому обороту, хвалим мудрую политику политической преемственности, а на самом деле восхищаемся умением привлекать инвестиции и распоряжаться ими.

Вызывающие нашу симпатию неотрадиционные институты Азии, — это надстройка (порой – весьма изящная) над листо-марксо-шумпетеровым индустриальным базисом. Не сохранив своего, мы уподобляемся человеку, который сняв голову восхищается прической соседа.

Как только мы осознаем, что в современной, динамичной, высокоразвитой, успешной Азии мы ищем удачно перенесенную на новую почву Европу, причем такую Европу, с которой можно дружить против старой Европы и Америки, многое в нашем «синофильстве», «японофильстве», «азианизме» и «восточничестве» достигнет здоровой ясности.

Россия хотела бы вернуться в Европу из тех трущоб, в которые погрузили её «лихие девяностые». Лучшего пути в Европу, нежели тот, который избрала динамичная Азия, пути «эмуляции», используя выражение Эрика Райнерта, европейского индустриализма при сохранении социальной и политической стабильности, Россия вряд ли может найти. И это роднит нас с Азией. Роднит в нашем общем «европеизме».

Роднит в стремлении не допустить того, чтобы Запад, политическими ли «цветными революциями» и экспортом «демократии», экономическими ли манипуляциями «Вашингтонского консенсуса» затолкал нас назад в трущобы. Мы не хотим назад в трущобы – и в этом мы азиаты. «Настоящие

европейцы» же скачут в эти трущобы наперегонки... в мусорных баках.

Трансазиатский альянс по политической и экономической защите от Запада своего освоения европейских достижений – вот та почва, которая действительно роднит Россию и великие державы Азии, вопреки существенной разнице их традиционных цивилизационных ориентаций. Россия, Китай, Индия, Иран кардинально различны и, в чем-то, даже непримиримы в своём православии, конфуцианстве, индуизме и шиизме, но едины в своём «европеизме» модернизационного развития, противостоящем западному африканизирующему глобализму и строительству мировой империи.

Поэтому когда мы пытаемся изобрести некое родство мировоззрений, менталитетов, духовной структуры, которые сближают Россию с Азией, когда мы пытаемся изобрести геополитические концепции, «азиатизирующие» Россию, то мы идем по заведомо ложному пути.

Вымышленное царство.

Наиболее заметной концепцией, пытавшейся разместить Россию в определенном контексте и в Европе, и в Азии, и, в то же время вне их и «между» или «над» ними стало евразийство. В начале XXI века оно превратилось в одну из универсалий русского политического языка, порой приобретая гротескные формы. Не так давно мне встретился, к примеру, заголовок «Евразийскому союзу – евразийскую статистику».

Реальность, которая скрывается за риторикой официального евразийства довольно скромна. По сути, перед нами вполне рациональная фридрихлистовская идея формирования единого таможенного и торгового пространства между странами, охваченными этим пространством прежде в Российской Империи и СССР, с тем, чтобы не допустить их функционализации и разорения в

рамках системы глобальной (читай Западной) торговли как то произошло, к примеру, с «вестернизированной» в 1990-е Монголией.

Эта скромная, прозаичная, но абсолютно убедительная цель не имеет надобности в плотных облаках клубящейся вокруг политической мистики. На среднеазиатском фронте к этому добавляется необходимость выставить заслон распространению агрессивного исламизма, зато ситуация отягощается процессом массовой миграции, создающей серьезные внутривнутриполитические риски в России.

Однако запущенная еще первыми евразийцами фабрика политических мифов продолжает работать, выдавая на гора всё более фантастические продукты, по смыслу, зачастую, прямо противоположные практической политической задаче, стоящей перед идеологией.

Созданный Николаем Трубецким образ «наследия Чингисхана», был призван обосновать единство политического пространства постимперской России, укрепить идею господства русских в Северной Евразии, якобы перенятого русским «белым царем» у великого завоевателя и его потомков чингисидов .

Однако не прошло и столетия, как в трудах Льва Гумилева и его эпигонов произошла примечательная метаморфоза . Россия уже не утверждалась в господстве через обращение к монгольскому наследию, а напротив – ограничивалась в исторических правах в прошлом и настоящем. Вместо русоцентричного евразийство стало монголоцентричным, тюркоцентричным, номадоцентричным, исламоцентричным. Русская государственность приговорена была задним числом к тяжелой работе – играть роль кочевой империи не будучи ею на деле.

Воспевание русско-монгольского братства в совместном евразийском противостоянии «духовной угрозе с Запада» привело ко всё более осязаемому обвинительному уклону в отношении

русских при описании любых конфликтов России и Степи. Апофеозом этого обвинительного уклона стал, пожалуй, миф о мести за убитых монгольских послов, ставшей, якобы причиной (и, как получилось, оправданием) разрушительного монгольского нашествия на Русь.

Эпигонами евразийства изобретена была «многовековая общая судьба» народов России, Средней Азии и Китая, к которой апеллируют теперь сплошь и рядом. И вот уже взваливший на себя явно непосильную ношу историографа Борис Акунин уверенно заявляет, что в XIII-XV вв. «страны с названием Русь не существовало» и «Русь формально входила в состав китайской империи Юань» .

Не трудно представить себе, как, начитавшись российско-французского детективщика, китайские энтузиасты ваяют карту «Исторического Китая в начале XIV века», охватывающей всю Россию и окрестности. И не трудно представить разгорающийся впоследствии скандал.

«Единая евразийская империя Чингис-хана, соединившая общей судьбой Россию, Среднюю Азию и Китай», есть картографический и историографический фантом, типичное «вымышленное царство». Чингис-хан был выдающимся военным организатором, но, ни в коем случае, не «Завоевателем Мира». Объединив Монголию и завоевав в Средней Азии Хорезм, он успел начать, но не завершить, покорение тангутского царства Си Ся и чжурчженской империи Цзинь, располагавшихся в Северном Китае. Реальная империя Чингисхана зародилась в Забайкалье, но впоследствии на территорию современной России она практически не «заезжала».

Считать Чингис-хана «Завоевателем Мира» не более уместно, чем считать Филиппа Македонского завоевателем Персии на том основании, что он создал послужившую его сыну Александру военную организацию и базовую державу. Честь создания всемирной империи по праву принадлежит сыновьям и внукам

Чингиса, действительно распространившим власть монголов чрезвычайно широко, хотя и на очень короткий срок.

Уже кааны Гуюк и Мункэ из поколения «внуков» могли править своими двоюродными братьями не безоговорочно (Мункэ и вовсе был ставленником и марионеткой клана потомков Джучи – Батыя и Берке). На последний год жизни Мункэ, 1259 год, пришлось максимальное расширение внешне ещё единой империи — в походе на Ближний Восток Хулагу взял Багдад, монголам подчинялись Иран, Средняя Азия, Северный Китай, Половецкая степь. На поклон в Карокорум ездили русские князья.

Но в 1260 году началась война братьев умершего Мункэ — Хубилая и Ариг-Буги. Первого поддержал властитель Востока Хулагу, второго — властитель будущей Золотой Орды Берке — и в 1262 году они начали кровавую войну между собой. Берке перестал подчиняться центральной власти, олицетворяемой Хубилаем, и именно с этим связаны были странные антимонгольские восстания на Руси, сопровождавшиеся расправами с баскаками, но не повлекшие со стороны Сарая никаких репрессий. Русские расправлялись именно с посланцами из Карокорума — едва образовавшаяся связь с «Азией» была навсегда прервана.

Лишь в 1267 году, уже после раскола империи, Хубилай начал завоевание империи Сун, Южного Китая, где, в отличие от империи Цзинь, правили действительно китайцы. Когда же он, воспетый Марко Поло и европейскими поэтами как «Кубла-хан», закончил завоевание Южного Китая в 1279 году, в его руках не было и не могло быть никакой даже самой призрачной власти над Русью.

Придворный Хубилая, Марко Поло, упоминает Русь в своей знаменитой книге, созданной около 1298 года: «Росия большая страна на севере. Живут там христиане греческого исповедания. Тут много царей и собственный язык; народ простодушный и очень красивый; мужчины и женщины белы и белокуры... Дани они никому

не платят, только немного царю Запада; а он татарин и называется Тактакай, ему они платят дань и никому более...» .

Как видим, ни о каком, пусть даже самом ассоциированном членстве России в империи Юань тут не идёт и идти не может. Выдуманная Акуниным (и если бы им одним!) «общность исторической судьбы» России, Средней Азии, Монголии и Китая оказывается фантомом, порожденным невежеством, а интерпретация России как «части Азии» — недобросовестной фальсификацией.

Когда в 1304 году между всеми чингисидами установился непрочный мир, никакой Империи уже не было. Была конфедерация нескольких империй, которых роднили лишь общий предок правителей, Чингисхан, и всё более истончавшийся слой завоевателей — монголов. Старшей признавалась империя Юань, охватывавшая Китай и Монголию — китайцы уничтожили её в 1368 году. В Иране, Закавказье и Ираке существовало государство потомков Хубилая — ильханов, окончательно распавшееся к 1353 году. Власть потомков Чингиса в среднеазиатском улусе Чагатая все больше вырождалась, пока в 1370 году не перешла в руки ни разу не чингисида — железного хромца, Тимура.

Золотая Орда начала распадаться в то же самое время (всем чингисовским империям суждено было погибнуть практически единовременно) — в Орде началась «великая замятня» 1359-1380 годов. Но её жизнь продлили еще на сто лет два парадоксальных обстоятельства.

Во-первых, Золотая Орда не была построена как государство на месте покорённых цивилизованных народов. Батыю хватило сообразительности не учреждать свою ставку в Киеве и не объявлять себя Великим Князем Киевским Борисом Георгиевичем (как вполне можно было переименовать Батыя Джучиевича). Орда осталась до конца своей истории внешним по отношению к оседлым народам образованием, паразитом на теле Руси и Восточной Европы и это

укрепляло её силы. Русские не могли свергнуть Орду так, как китайцы свергли Юань и поставили свою империю Мин. Против Орды не восставали, а воевали.

Вторым обстоятельством, сплотившим Золотую Орду, была... Куликовская битва. Разгром Мамаёя русскими вынудил кочевников Половецкой степи сплотиться и перейти к стратегической обороне. Ясная цель — удержать дань с Руси, продолжить организованно грабить Русские земли — продлила жизнь этого политического трупа еще на сто лет.

Изображаемой на картах единой «Монгольской Империи», от сожженного монголами Кремля до побережья Южного Китая, никогда не существовало. Наиболее корректные из картографов и пишут не «граница Монгольской империи», а «граница завоеваний Монголов». В XIII веке не существовало никакой технологии, которая позволила бы из единого центра управлять сразу несколькими соединенными вооруженной силой цивилизациями — Китайской, Русской, Иранской, Арабской, Великой Степью, и землями Лимитрофами, такими как Средняя Азия и Кавказ. Не было таких технологий власти и у монголов.

С 1262 года и до 1865 года, когда был взят Ташкент, между Россией и Средней Азией не было ничего общего. Ни общей судьбы, ни общей власти, ни общих учреждений, ни хотя бы общих угнетателей и поработителей.

Общего не было настолько, что разгромивший Тохтамыша Тимур, внезапно повернул от Ельца и никакого интереса к завоеванию Руси не проявил. На Руси сложилось предание о чудесном явлении Тимуру Богородицы, велевшей ему отступить. Тот, кто для азиатского мира был ужасом, для Руси прошёл стороной, а православие оказал даже некоторую услугу. Через 7 лет после отхода от Москвы, в 1402 году, он разгромил в битве при Анкаре турецкого султана Баязида и использовал его как подставку под ноги, тем самым на полвека продлив историю Византии.

«Наследие Чингис-хана» играет со своими пылкими адептами дурную шутку. Не так давно один из них огорошил меня заявлением, что «нам тесновато будет русское национальное государство, нам подавай Империю, нам нужен Улус Джучиев». В ответ я достал карту и попросил его убедиться в том, что размеры реального Улуса Джучи значительно меньше даже территории современной РФ с её обкорнанными по беловежской мерке границами, и уж тем более меньше тех границ русского национального государства, которые оно приобрело к концу XVII века, перед преобразованием в Российскую Империю.

Если отнестись к ностальгии об «Улусе Джучи» с незаслуженной серьезностью, то России следовало бы отказаться от огромных безлюдных пространств Ямала с его газом, Югры с её нефтью, Таймыра с его никелем, Якутии с её алмазами, Колымы с её золотом. Всего этого монгольская «евразийская интеграция» не затронула. Не появлялись монголы и в Арктике. Туда плавали русские поморы, а ни разу не «природные евразийцы». Вытеснение исторической России фиктивной «Евразийской Империей» — это, помимо прочего, попытка отрезать от нас свои ресурсы, заменив их чужими проблемами.

Решить вопрос о месте России в Азии на основе евразийских доктрин, особенно в их эпигонском изложении, попросту невозможно. Реальная Россия подменяется здесь фикциями, самовоспроизведение которых порождает на выходе такие перлы, как трактат «Великий хан Батый — основатель российской государственности». Проделав в прошедшие 90 лет парадоксальный логический круг, евразийство от поиска основ геополитической и цивилизационной идентичности России перешло к их отрицанию.

Русский Остров.

Самым ценным в евразийском наследии является понятие «месторазвития», то есть уникального географического пространства, которое задает параметры исторической судьбы и культурного облика народа и цивилизации. Однако, пытаясь дать геополитическую характеристику этого месторазвития, евразийцы ощутимо запутались, когда мифология начала подменять географию.

Давая географическую характеристику Евразии в своих «Географических и геополитических основах евразийства» П.Н. Савицкий утверждал:

«Евразийский мир есть мир «периодической и в то же время симметрической системы зон».... Здесь обращает на себя внимание равенство интервалов, охватывающих лесную и степную зоны. Такие совпадения и такое же ритмическое распределение интервалов можно установить и по другим признакам. Это и даёт основание говорить о «периодической системе зон России-Евразии». Она является также системой симметрической, но уже не в смысле восточно-западных симметрий, о которых мы уже говорили, но в смысле симметрий юго-северных. Безлесию севера (тундра) здесь отвечает безлесие юга (степь)» .

Казалось бы всё ясно: Евразия — это месторазвитие с удивительно точной симметрией, в которой крайними элементами являются тундра и степь, а срединным — лес. Но не тут-то было. Как идеолог, в той же статье Савицкий предлагает совсем другую интерпретацию евразийского месторазвития.

«Срединный мир Старого Света можно определить, таким образом, как область степной и пустынной полосы, простирающейся непрерывной линией от Карпат до Хингана, взятой вместе с горным её обрамлением (на юге) и районами, лежащими к северу от неё (лесная и тундровые зоны). Этот мир евразийцы и называют Евразией в точном смысле этого слова».

Выясняется, что подлинной Евразией является не Евразия в целом и даже не Северная Евразия - пространство формирования и исторического возрастания русского народа, а только лишь Великая Степь, пространство кочевых империй. «В течение ряда тысячелетий политическое преобладание в евразийском мире принадлежало кочевникам. Заняв все пространство от пределов Европы до пределов Китая, соприкасаясь одновременно с Передней Азией, Ираном и Индией кочевники служили посредниками между разрозненными, в своем исходном состоянии, мирами оседлых культур» .

Мало того, оказывается, что Россия некоторым образом приговорена к тому, чтобы служить посредником и коммуникатором между Востоком и Западом и лишь так исполняет своё историческое предназначение, которое оказывается, таким образом, не связанным с собственной исторической судьбой русских, а как бы навязанным извне. «Только в той мере, в какой Россия — Евразия выполняет это свое призвание, может превращаться и превращается в органическое целое вся совокупность разнообразных культур Старого материка, снимается противоположение между Востоком и Западом» .

Внутреннее содержание России определяется у Савицкого конфигурацией её соседств: «Разрешить свою задачу она может лишь во взаимодействии с культурами всех окружающих народов. В этом плане культуры Востока столь же важны для нее, как и культуры Запада. В подобной обращенности одновременно и равномерно к Востоку и Западу особенность русской культуры и геополитики. Для России это два равноправных её фронта западный и юго-восточный».

Почему Россия обязана служить мостом между Востоком и Западом? Удобно ли всё время жить на мосту или в проходном дворе? В чём выгода России от такого посредничества? Почему содержание русской особенности должно определяться её соседствами? Если мой сосед слева любит играть на трубе, а сосед справа – жить не

может без гольфа, то почему я должен играть в гольф трубой, а не могу любить, к примеру, академическую греблю?

Все эти вопросы не получают ответа, так как «посредничество» превращается в императив. Причем императив чужой, сформированный кочевыми империями, от которых русские большую часть своей истории страдали и подвергались набегам, а затем вдруг вынуждены заступить их место.

Двигаясь от Трубецкого и Савицкого к Гумилеву и его эпигонам евразийство всё больше сосредотачивало своё внимание на Великой Степи. Именно степные империи представили истинной формой Евразии, а Россия оказывалась их поздним атипичным преемником. В сущности, получалось, что русские занимают в Евразии не своё место, не обладая требуемой хозяйственной, военной и культурной организацией, а лишь заимствуя её элементы у степняков. Утрируя, но не сильно, эту позицию можно сказать, что эта логика приводит к утверждению, что русские – это европейцы, притворившиеся азиатами, покорившие Евразию, мыслимую как Великую Степь, и уничтожившие её.

Столь неверные следствия говорят о неверности исходной посылки, а конкретней – представления о Евразии как о единстве и борьбе Леса и Степи и о том, что Россия осуществляет себя как наследница империй Великой Степи. Мы замечаем, что вся Россия представляет собой удивительно целостную, однородную географическую среду, для которой граница Европы и Азии по Уральскому хребту (и тут Савицкий трижды прав!) не носит сколько-нибудь определяющего и принципиального характера.

На одних и тех же широтах и в одном и том же приближении к морю Россия удивительно сходна в своих частях, несмотря на огромную свою протяженность. Архангельск в ней не более Европа, чем Владивосток – Азия, но и то и другое в одинаковой степени Россия. Это удивительное чувство испытываешь, к примеру, на Сахалине, южная часть которого была возвращена лишь в 1945 и, тем не менее,

сперва ты ощущаешь себя, особенно в урбанистической среде, как где-то в Московской или Вологодской области, и лишь затем обнаруживаешь специфичные детали, вроде нерп, которых отгоняют колотушками от своих сетей рыбаки-нивхи.

Очевидно, что существует нечто объединяющее Россию во всех её частях, отличая, в то же время, от Европейской и Азиатских геополитических платформ. И это нечто не мифический «Хартленд» Маккиндера, декларирующий свою континентальность, сухопутность, определяемый через гидрологический критерий, — отсутствие выхода к открытым морям.

Не слишком трудное географическое и историческое наблюдение легко выявит то качественное отличие русского пространства от сопредельных пространств, которое и создает географическую и геополитическую особенность России. Это чрезвычайно тесное переплетение многочисленных и, как правило, полноводных рек, практически вплотную соприкасающихся друг с другом бассейнами до легкости создания между ними системы волоков, а позднее — каналов. Рек, выходящих к морям, по которым возможно плавание от устья до устья. Рек, окруженных множеством больших и малых озер, пригодных и для плавания, и для хозяйства и для удобного размещения населения.

Россия это не просто суша, но суша со всех сторон окруженная и пронизанная изнутри водой. Другими словами, Россия — это остров. Или система островов, каковыми являются, к примеру, Британия и Япония.

Гениальная интуиция Вадима Цымбурского уловила эту географическую характеристику и выразила её в знаменитой политической метафоре, под которую мыслитель подвел определенный исторический фундамент. Но Цымбурский никогда не придавал понятию «Острова России» определенного географического содержания, рассматривая как «сушу» этого

острова пространства, занятые носителями русской культуры, а как «проливы» лимитрофные государства и народы.

Однако Русский Остров – больше чем метафора. Перед нами вполне осязаемое окруженное доступной для плавания водой пространство, имеющее за счет внутренних водных путей высокую связанность и отделенное этими же путями от других геополитических пространств. Начать войну с Россией, чаще всего означало пересечь реку или атаковать её берега с моря. Распространить пределы России означало присоединить бассейн той или иной реки или побережье моря, на которое эта река выходит.

Тем самым мы обнаруживаем у Русского Острова не только метафорическое или абстрактное геополитическое, а конкретное географическое содержание. Это большое пространство, имеющее ярко выраженную физико-географическую доминанту – тесное сплетение многочисленных речных бассейнов. Значительная часть определяющих Русский Остров рек имеет ледниковое происхождение. Многие из них – это реки северного стока, уходящие в Арктический (Северный Ледовитый) Океан, послуживший, несмотря на свою трудность, прекрасным коммунитором между речными устьями, что содействовало невероятной скорости русского продвижения на Восток.

Общие границы Русского Острова можно очертить так – это Неман и система Днестр-Прут-Дунай на Западе; Балтийское море и впадающие в него Нева и Западная Двина на Северо-Западе; Черное и Азовское моря на Юго-Западе; Арктический Океан со впадающим в него множество рек на Севере, Кубань, Терек и Каспийское море, а восточнее – верхние течения сибирских рек на Юге; Берингово и Охотское моря, Сахалин и Курилы на Востоке; Байкал и система Амур-Уссури на Юго-Востоке.

Нетрудно заметить, что за обозначенными рубежами переплетенные в единое целое речные системы практически исчезают, а тем самым и отсутствуют условия формирующие Русский

Остров. Однако выход за естественные речные границы оказывается для России возможен там, где моря подкрепляют геополитические векторы, заданные реками. Так, выход России на Кавказ и в Среднюю Азию за линию Терека и верховьев Иртыша, был обусловлен использованием Черного и Каспийского морей. Кольский полуостров Россия контролировала по морю, следуя направлению вектора Северной Двины. На Дальнем Востоке море позволило перекинуть мост в Аляску. Калифорнию, а могло бы и в Океанию с Антарктидой. При этом именно с морского направления Россия, в конечном счете, завладела пограничным Амуром, когда Г.И. Невельской открыл его устье. Не было теоретически ничего невозможного в появлении «Желтороссии» на территории Манчжурии, где русский Харбин не случайно возник на амурском притоке Сунгари.

Всюду, где русское расширение упиралось в безводную сушу, пустыню, голую степь, оно становилось проблематичным или вовсе прекращалось. И, напротив, там, где удавалось соединить два речных бассейна вместе, русская экспансия становилась неудержимой. Именно так была преодолена формальная граница между Европой и Азией по Уралу, когда экспедиции Ермака удалось нащупать сочетание рек, позволявших перейти через «Камень».

Русская цивилизация может быть осмыслена нами как цивилизация акватическая, то есть опирающаяся прежде всего на водные пространства, но использующая их не для орошения, как «гидравлические цивилизации» К. Виттфогеля, а для интенсивных коммуникаций, позволяющих создать сеть поселений на огромных расстояниях друг от друга, при этом поддерживая между ними столь же, если не более интенсивную связь, нежели это возможно было в странах, объединенных преимущественно сухим путем.

Именно здесь секрет того колоссального размера, которого с первых же шагов достигло Древнерусское государство. Если подходить к делу с педантизмом, то большая его часть, конечно, должна быть изображена как сеть тонких нитей протянутых по водным артериям

от одного города на реке до другого. Но картографы привыкли закрашивать территории сплошняком, поэтому Древняя Русь предстает перед нами как огромное территориальное государство. Этот масштаб создавали именно речные коммуникации.

Разумеется, русская цивилизация была не единственной, в развитии которой реки сыграли решающее значение. Скорее напротив – таких цивилизаций абсолютное большинство. Однако, как правило, речь шла о единоречье, максимум – двуречье, как в Китае. Подлинное многоречье стало достоянием лишь России.

О генезисе этого русского типа освоения можно высказывать только догадки. Выскажу гипотезу – не более, что мы имеем дело с синтезом прекрасной адаптации к внутренним водным путям, характерной для восточных славян, и неутолимой страсти к дальнему мореплаванию, характерной для викингов. Возникновение славяно-варяжской этнополитической системы подстегнуло к созданию новой системы пространственного освоения – стратегического рекоплавания.

Уже «премьера» русской истории – нападение руссов на Константинополь в 860 году, это рейд по рекам Русской равнины, а затем Черному морю, по меньшей мере от Киева, а может быть и от Ладоги. Упомянуть «Путь из Варяг в Греки», стержневой для становления Руси, пожалуй и не требуется в силу его очевидности. Русы с такой свободой проходили по своим внутренним водным путям, что европейский хронист Адам Бременский был уверен в существовании пролива между Балтийским и Черным морями .

Как изобретение колеса и освоение всадничества исторически и геополитически актуализировало Великую Степь как нечто целое, как самостоятельную историческую реальность, а не просто набор безлесных пространств, так и освоение стратегического рекоплавания актуализировало Русский Остров. Где всадник, там найдется и степь, где гребцы, там и река.

Осмысляя Русский Остров мы получаем возможность по новому взглянуть на весь процесс русской колонизации, выведший Россию к Тихому Океану и позволивший ей сформировать, по терминологии выдающегося русского географа и геополитика В.П. Семенова Тянь-Шанского, систему «от моря до моря», превратив Россию в чрезматериковую державу . Конфигурация Русского Острова предоставила эту уникальную возможность, поскольку для острова тянуться от моря до моря, пусть даже и на тысячи и тысячи километров более чем естественно.

При осмыслении русского движения «навстреч солнцу» нам придется, пусть и не без сожаления, отказаться от представления о движении России из Европы в Азию как о точном аналоге движения Европы в Америку. В этих исторических драмах есть историческая синхронность, есть известное количество общих сюжетов, таких как опора на огнестрельное оружие, расположенное на корабле (в русском случае, как правило, речном). Но, в целом, освоение русскими предназначенного для нас Острова отнюдь не тождественно покорению европейцами Нового Света.

Русская колонизация начинается в пределах Европы с освоения русского Севера и выхода к Баренцову морю и без всякой паузы и разрыва перетекает за Урал. Никакого противопоставления «европейской» Перми и «азиатской» Тюмени мы, разумеется, не обнаружим. Мы вообще не обнаружим границ Европы и Азии. Мы обнаружим лишь течения рек упорядочивающие русское пространство.

Характерной особенностью русского продвижения на восток является арктический охват. К.И. Зубков отмечает два потока русского движения на Восток: «Первый, следовавший в основном вдоль таежной и приморской тундровой широтной зоны Сибири, по общему правилу, на 20-30 лет опережал второй, который тормозился на границе Леса и Степи частыми военными столкновениями с воинственными кочевыми народами Азии и

необходимостью осуществления специальных оборонительных и военно-экспедиционных мероприятий» .

Весьма показателен здесь русский алгоритм освоения Енисея. «Выход русской колонизации на рубеж Енисея на Севере был закреплен в целом в начале XVII в., когда были заложены Мангазейский острог (1601), Туруханское и Инбатское зимовья (1607); контроль над средним течением Енисея был установлен в 1618-1619 гг. со строительством Маковского и Енисейского острогов; начало же утверждения русских на верхнем Енисее относится лишь к 1628 г. – времени закладки Красноярска» .

Русское движение в Сибирь было движением не в Азию, но в Арктику. Оно продолжало тот ход «на Север», где тесно переплелись монастырская, крестьянская и новгородская пушноторговая колонизация, который и создал для тесных княжеств Северо-Восточной Руси предпосылки собирания в Россию. Но по настоящему оформление России произошло лишь с выходом в Сибирь. Как отмечал Цымбурский: «Россия не присоединяла Сибири — она создавалась Сибирью» .

На протяжении всего великого похода «навстреч солнцу» русские не покоряют и не уничтожают Азию, а отодвигают её, выводя пространства Русского Острова из под действия азиатизирующих сил.

Азия выступает здесь не как пространство, куда выходит Россия, а как конкурент русских в освоении геокультурно не маркированных пространств. Считающийся самым важным актом сибирской исторической драмы поход Ермака был не «покорением» коренной Сибири, а перехватом её у фактического узурпатора хана Кучума, вассала правившей в Бухаре династии Шейбанидов. Присоединяя Сибирь у Русскому Острову, Россия отгораживала её от влияния Азии, Востока, представленного ханствами Средней Азии.

Однако на своём пространстве Россия имеет право цивилизационного превородства. Россия не «продвигается в Азию»,

а размечает новое геополитическое пространство, символом чего становится основание новых городов. «Близ устья Печоры был основан город Пустозерск: на всем протяжении завоевания русскими Сибири их успех измеряется количеством построенных городов» — отмечает британский историк Фелипе Фернандес Арместо .

Никакой цивилизации без городов не существует. Стены городов позволяют отличить цивилизацию от пустых земель. Движение Запада в Индийский и Тихий Океаны, и даже в Новый Свет, было связано с захватом уже существующих цивилизационных структур, внедрением в сложившиеся форматы цивилизаций. Кортес и Писарро основали Мехико и Лиму предварительно взяв и разрушив Теночтитлан и Куско. Альфонсо Альбукерки создавал опору португальской морской мощи в Индийском Океане – Гоа и Малакку – в урбанизированном пространстве развитых азиатских цивилизаций.

В случае русского движения на Восток, города возникали там, где не было городов со времен поселений индоевропейцев эпохи Синташтинской археологической культуры, забытых человечеством так прочно, что открытие в 1980-х годах Аркаима сделало настоящую сенсацию. В логике сверхдолгой временной протяженности, историческое движение России может рассматриваться как возвращение первенства индоевропейских народов в географической зоне, где оно было утрачено в начале I тысячелетия нашей эры, когда гунны и тюрки сменили скифов и сарматов.

На дальнем берегу. Случай Приамурья и Уссурийского края

Движение русских на восток совершалось в известной конкуренции, причем как с севера, так и с юга.

С Севера на протяжении XVI-XVII веков наблюдались попытки «обхода» России океанической цивилизацией Запада, с упорством отправлявшей экспедицию за экспедицией для поиска северного

пути в Китай, диктовавшегося картографической ошибкой, представлявшей Обь проливом, ведущим аж до самого китайского Ханбалыка. Лишь запрет русским правительством плаваний на Мангазею на долгое время положил конец этой эпопее, оставив монополию внутреннего пути в Азию за Россией.

С Юга Россия сталкивается с конкуренцией азиатских цивилизаций за контроль над теми или иными берегами и проливами Русского Острова. Самый выдающийся случай подобной конкуренции составило, конечно, решение вопроса о Приамурском и Приуссурийском краях. В географическом смысле они, несомненно, составляют органическую часть Русского Острова, однако их близость к цивилизационной платформе другой великой цивилизации, Китая, впервые поставило русское геополитическое продвижение перед известными препятствиями.

Впрочем, несправедливо трактовать спор вокруг Приамурья как «русско-китайский конфликт». Это было столкновение русских казаков, основавших на Амуре Албазинский острог и готовых к дальнейшей экспансии, с Манчжурией, полукочевой империей, как раз тогда ведшей завоевание разрушенного внутренними конфликтами Минского Китая. Манчжурская империя Цин основывалась на жестоком унижении китайского населения и потому понимание её как Китая возможно лишь в рамках специфичной китайской традиции, которая стремится присвоить Поднебесной все права и достижения господствовавших над нею варваров (именно поэтому так опасны, к примеру, вышеупомянутые демагогические заявления о «вхождении Руси в империю Юань»).

До русско-японской войны Россия вообще не приходила в столкновение с высокими цивилизациями Азии, имея дело лишь с кочевническими, или посткочевническими образованиями, каковыми были Манчжурский Китай, Персия при Каджарах, Османская Империя, ханства Средней Азии. Политическое первенство кочевого элемента во всех этих случаях создавало дополнительные предпосылки для конфликтности с Россией.

Фактически Манчжурия была в Приамурье нападающей стороной, пытаясь вытеснить неудобных соседей, превосходивших её качеством военного дела, но уступавшим в численности. В 1685 году, собрав десятитысячную армию, манчжурам удалось взять и разрушить Албазинский острог, а в 1689 – навязать России Нерчинский договор, отрезавший русских от Амура.

Характерно, что манчжурское правительство само не было уверено в собственных силах и попыталось создать на пути дальнейшего русского продвижения «зону отчуждения». Аборигенное население Приамурья было выселено. Еще раньше, в 1668 году была принята политика «живого палисада» — китайцам было категорически запрещено селиться в пределах манчжурского домена. Таким образом, опустошенные от местного населения, огражденные запретом от потенциальной китайской колонизации и закрытые межгосударственными договорами земли Приамурского и Приуссурийского краёв превращены были в искусственную пустыню. Развитие производительных сил этого региона было насильственно сдержано манчжурской империей.

В XVIII веке Россия не слишком успешно пыталась заинтересовать пекинских властителей трансграничной торговлей, которую те всячески ограничивали, что дало отчасти искусственное преобладание южных торговым маршрутам, на которых действовали англичане, и укрепило предпосылки опиумных войн. Ослабленная в этих войнах империя Цинн не могла уже противостоять завершению освоения Русского Острова.

Россия применила в этом споре с Азией уже не раз использовавшийся до этого в Арктике океанский охват, движение не от истока к устью опорной реки, а напротив – от устья к истоку. Пришедшей из Кронштадта экспедиции Г.И. Невельского удалось открыть пролив между материком и Сахалином и Амурский лиман, тем самым доказав геополитическую принадлежность региона к Русскому Острову с его переплетением озер, морей и рек.

Манчжурская политика искусственной пустыни сыграла с цинцами злую шутку. Невельскому хватило всего 50 солдат, чтобы закрепить за Россией тысячи квадратных километров. Все его насильственные действия свелись к тому, что при первой высадке он пригрозил пистолетом начавшему дерзить манчжурскому купцу, а поставив его на место допросил и узнал:

«1) что им запрещено спускаться сюда по Амуру, что они бывают здесь самовольно, с ведома только лишь мелких чиновников города Сен-зина (около 300 вёрст от устья Сунгари), за что этим чиновникам они дают взятку соболями, которых выменивают у гиляков, гольдов и мангунов на товары и большей частью на водку (араки); 2) что на всём пространстве по берегам Амура до Каменных гор (Хинган) нет ни одного китайского или маньчжурского поста. Что все народы, обитающие на этом пространстве, по рекам Амуру и Уссури, до моря, не подвластны китайскому правительству и ясака не платят» .

Распрашивая же гиляков Невельской установил, «что же касается китайцев, то они никогда и не являлись сюда» . Возможно, Китай имел шанс составить России конкуренцию на берегах Амура и Уссури и сделать их частью своей Срединной Империи, отняв их от Русского Острова. Но этот шанс был упущен благодаря манчжурской политике опустынивания. «Китайское Приамурье» применительно к XVII-XIX векам есть опять же «вымышленное царство». Поэтому так анахронично и неуместно звучит суровый тон «Истории Китайской Народной Республики», изданной в 2012 году Институтом Китая современной эпохи по поручению ЦК КПК:

«Царская Россия в 1858 году по Айгунскому договору отхватила более 600 тысяч кв. км. Территории к северу от реки Хэлунцзян и к югу от хребта Синъаньлинь, в 1860 году по Пекинскому договору отрезала более 400 тысяч кв. км. Территории к востоку и к югу от озера Балхаш. В 1881 году по исправленному договору в Или и по пяти протоколам о демаркации границы

отрезала более 70 тыс. кв. км. территории в районе Или. За эти десять с лишним лет Россия в общей сложности грабительски захватила более 1,5 млн. кв. км. территории Китая» .

Скорее всего китайцев обидело бы предложение вновь начать носить косы, как это было в те времена, когда Россия якобы «отняла» эти земли якобы у Китая.

Парадоксально, но факт — именно присоединение Приамурского и Приуссурийского краёв впервые открыло эти земли для китайской колонизации. Вскоре наплыв китайцев был столь значителен, что в русских правительственных кругах и публицистике во весь голос начала обсуждаться тема «желтой опасности», отразившаяся, в частности, в трудах путешественника, писателя и разведчика В.К. Арсеньева.

Целью экспедиций Арсеньева было не только военно-топографическое исследование Уссурийского края, но и оценка китайского проникновения и связанных с ним рисков. Образ китайцев в его произведениях ощутимо двоится. С одной стороны — это жестокие разбойники-хунхузы, это китайские колонисты, хищнически истощающие природу, безжалостно эксплуатирующие представителей местных малых народов — тазов и удегейцев, ищущих защиту только у русских «капитанов». Эти китайцы встречают русского офицера, представителя русской власти, с крайней враждебностью. С другой, китайцы — это надёжный помощник Арсеньева Чжан Бао, это трудолюбивые фермеры, выращивающие женьшень, это старик, намеревающийся вернуться назад в Китай к брату.

При этом главную угрозу для русского начала в крае представляют, по мнению Арсеньева, не столько китайский разбой и нарушение законов России, сколько трудолюбие и предприимчивость, которые практически не оставляют места разворачиванию мирной русской колонизации, сосредотачивая производительные силы края в руках китайцев.

Книги Арсеньева сыграли огромную, возможно – решающую роль в закреплении Уссурийского Края за Россией. Арсеньеву удалось нарисовать яркий образ Дерсу Узала, охотника-гольда, своеобразного гения места, средоточия уссурийской природы и мудрого гармоничного сосуществования с нею. Дерсу символически передает этот край как наследие русскому «капитану». Исплавленный, исхоженный и описанный Арсеньевым мир, тем самым, не возвратно становится русским миром.

Как видим, в манчжурском стремлении оставить русских без поддержки местного населения была своя доля правды. Русские, осваивая свой Остров, и в самом деле с величайшим искусством использовали поддержку и сотрудничество местных народов, опираясь на их поселения как на свои базы, а на их охотников, подобных Дерсу, как на проводников. Конкурируя с «Азией», с высокими восточными цивилизациями, Русский Остров нуждался в коренных народах и не только не подавлял, но и приветствовал их.

«Поддерживать Индию. Помочь Китаю. Защитить Иран»

Ни геополитически, ни культурно Россия не находится «в Азии», представляющей собой ряд преимущественно сухопутных геополитических «платформ». Однако Россия обладает своими интересами и особенностями отношений с Азией, не похожими на те, в которых находятся к Азии европейские державы и Америка.

Это понимание особого места России в системе азиатских отношений заточено отнюдь не только против поверхностного евроцентризма, но и против паназиатства, стремившегося вычеркнуть Россию из Азии как чуждую, «европейскую» силу.

«Нам, более чем кому-либо на свете, не следует различать Европы от Азии, а, напротив, стараться соединять ее в одно географическое целое, в противовес выдвигавшейся от времени до времени желтой расой доктрине «Азия для азиатов» — отмечал В.П. Семенов Тянь Шанский .

С другой стороны, Азия выступает для России как неубиваемый козырь в её «Большой Игре» с Европой и, прежде всего, с враждебной англосаксонской Империей.

Этот козырь, — непосредственный доступ России к континентальным платформам Азии, стал осознаваться Европой еще в XVI-XVII веках, когда английские купцы начали упрашивать русских царей открыть им путь в Персию. Но ходу им не давали — покупая персидские товары на грандиозном торге в Астрахани, русские не пускали западноевропейцев по Волге южнее Нижнего Новгорода.

Пути в глубины Азии дальше этого предела Россия западным соседям не открывала, стараясь к выгоде для себя сохранить положение транзитной державы. Мудрая политика, которой следует придерживаться и впредь, когда сегодня уже Китай ищет транзитных коридоров для выхода в отдаленную от него Европу. Не упустив своих выгод в эпоху торговой экспансии Запада Россия вряд ли ошибется, действуя так же в эпоху торговой экспансии Востока.

Но могла быть и воинственная интерпретация русского ключа к Азии. Вспомним грандиозный замысел Павла I и Наполеона сокрушить еще непрочное британское господство в Индии, маршем русских казачьих корпусов. Мечта авантюристичная, но отнюдь не безумная — недавние подвиги русских в Персии при Екатерине II показали полное превосходство русской военной силы над восточными народами, преграждавшими путь до Индии, а в самой Индии британцы просто численно не смогли бы противостоять русским.

Всё следующее столетие кошмар русского вторжения нависал над Британской Индией. Русское продвижение в Среднюю Азию мыслилось как обеспечение логистического моста этого вторжения. Русские военные географы, подобное А.Е. Снесареву, с особым пристрастием изучали Афганистан. Даже распространение русского влияния в Тибете, Манчжурии, Китае, в конечном счете осмыслялось в логике «Большой Игры».

Разочарованный кражей побед русско-турецкой войны 1877-78 годов на Берлинском конгрессе идеолог панславизма Н.Я. Данилевский рисовал грандиозный план азиатского «обхода» Англии, не подпускающей Россию к Проливам.

«России ничего другого не остается, как постараться, чтобы проливы потеряли для нее всякую ценность, чтобы свободное сообщение с Индией утратило для нее всякое значение. Князю Паскевичу приписывают слова, что путь в Константинополь идет через Вену. Видимо, и путь к Босфору и Дарданеллам идет через Дели и Калькутту» .

Данилевский рисует целую программу действий России в Азии: «угрожать Индии, в случае нужды подать помощь Китаю, защитить Персию». Сегодня Индия не является британской, напротив, это растущая независимая держава-цивилизация, в суверенитете и крепости которой Россия жизненно заинтересована. Поэтому достаточно лишь немного переделать формулу Данилевского, обладавшего удивительным даром геополитического пророка, чтобы получить готовую доктрину России на азиатском направлении: «Поддерживать Индию, быть готовыми помочь Китаю, защитить Иран».

Используя доступ со своего острова к азиатским платформам Россия должна поддерживать их независимость против англосаксонской державы. Именно эту природу носит обозначившийся в рамках ШОС четверной альянс России, Китая, Индии и Ирана. И именно поэтому, вопреки экономической мощи Китая, только Россия может играть в нем роль «коренного», поскольку только в России заключен тот «тыл», который придает этим великим державам-цивилизациям общую устойчивость против океанского давления Англосаксонской Империи.

Россия со своего внутреннего континентального Русского Острова обречена на противостояние в «Большой Игре» в Азии против внешнего Англоамериканского Острова. Она должна поддерживать

независимость и силу азиатских цивилизационных платформ, не давая им скатиться к вассалитету перед англосаксонской империей. Даже один такой «вассал», как Япония, малый остров против большого острова России, может причинить слишком много неприятностей.

При этом Россия сегодня действует в контексте усиливающейся экспансии самих азиатских держав. И Китай, и Индия, и Иран – давно уже не объекты, но субъекты большой мировой политики, причем Китай становится субъектом перворазрядным. И здесь возникает ключевая проблема баланса между глобальным и региональным политическим положением России.

Академик В.В. Алексеев справедливо отмечает, что «на Тихом Океане Россия вела себя исключительно как «великая держава» с глобальными, но не региональными интересами и сознательно не использовала преимущества своего регионального положения». Однако «регионализм» в азиатской политике для России чреват известными рисками, особенно в отношениях с той громадной силой, которую являет Китай.

Как участники глобальных процессов Россия и Китай заинтересованы друг в друге, обречены на союз и на совместную программу ослабления американского и, шире, западного доминирования в мире. Те угрозы и препятствия, которые создает Запад России и Китаю разнесены в пространстве. Таким образом, как глобальные политические игроки Россия и Китай просто обязаны, встав спина к спине и прикрывая друг друга, реализовывать свои глобальные стратегические проекты, обращенные в противоположных направлениях и отбивать общих врагов.

Но Россия и Китай являются не только глобальными игроками, но и соседями. А соседи, увы, всегда немножко враги. Постоянное преплетение региональных интересов и противоречий создает постоянный риск порчи даже очень хороших отношений. И успех стратегического сотрудничества России и Китая, в известном смысле

зависит от того, сумеют ли они в достаточной степени отвернуться друг от друга.

С третьей стороны, чисто экономическая логика побуждают Россию и Китай разворачиваться друг к другу для оптимального совместного использования ресурсов, приграничной торговли, транспортных коридоров. А это возвращает нас к проблеме перенаселенности Китая и создаваемой китайской экономикой экологической нагрузки на ресурсы, пробуждает вновь фантомы «желтой опасности» и реванша, отравившие не одно столетие наших отношений.

Россия заинтересована прежде всего в южном направлении китайской экономической и цивилизационной экспансии, завещанном адмиралом Чжэн Хэ. На этом направлении две державы не сталкиваются ни с каким противоречием интересов и взаимно усиливают друг друга.

Но чем больше китайское геополитическое действие сдвигается к северу, тем больше пространство возможных недоумений и напряжений. Реализуя мечту о новом Великом Шёлковом Пути Китай не только создаст экономическую конкуренцию российским трансазиатским транспортным коридорам, но и создаст зону политического напряжения, так как вынужден будет охранять узлы этого пути, пресекать внешнее воздействие на них, вступая в неизбежную внешнеполитическую конкуренцию с Россией. Движение Китая строго на Запад помимо России и в обход России неизбежно создаст зону повышенной геополитической турбулентности.

От того, как Россия и Китай смогут разобраться в этом клубке сотрудничества и противоречий зависит, возможно, весь ход мировой истории на ближайшие столетия.

Восток Будды и Восток Христа

Погружаясь в тему «духовного родства» России и Азии, России и нехристианского Востока, мы оказываемся в теософском тумане вымыслов и догадок. Найти реальные следы «восточничества» в традиционной русской культуре оказывается непросто. Трудно оспорить с фактами в руках точку зрения академика Д.С. Лихачева:

«Отсутствие литературных связей с Азией является поражающей особенностью древнерусской литературы. Смее утверждать, что среди всех остальных европейских литератур древнерусская литература имеет наименьшие связи с Востоком. Их значительно меньше, чем связей с Востоком в Испании, Италии, Франции и, разумеется, Греции, чем у южных и западных славян. Это, несомненно, находится в связи с особой сопротивляемостью Древней Руси по отношению к Азии» .

Более того, знакомство с «реальным» Востоком порождало у русского человека скорее недоумение и неприятие. Здесь достаточно сравнить восторженные записки Марко Поло, ставшие источником вдохновения всего перевернувшего мировую историю предприятия по поиску Индии, и весьма скептический тон Афанасия Никитина в его «Хождении за три моря».

«Да все товар ихъ гундустанской, да съестное все овощь, а на Рускую землю товару нѣт. А все черные люди, а все злодѣи, а жонки все бляди, да вѣди, да тати, да ложь, да зелие, осподарев морят зелиемъ» .

Повесть Афанасия – это исповедь о страданиях православного русского человека, оказавшегося в плену Востока и через то фактически «лишившегося христианства», то есть традиционного православного устава жизни с его обеднями и постами. Вместо этого он погружается в непривычную среду, в которой, впрочем, возможны своеобразные цивилизационные коалиции «против общего врага».

«Познася со многими индеяны. И сказах имъ веру свою, что есмь не бесерменинъ исаядениени семь христианинъ, а имя ми Офонасей, а бесерменьское имя хозя Исуфъ Хоросани. И они же не учили ся от меня крыти ни о чемъ, ни о естве, ни о торговле, ни о маназу, ни о иных вещех, ни жонъ своих не учили крыти» .

Отправившись на Восток Афанасий не без некоторого удивления открывает в себе... белого человека.

«Яз куды хожу, ино за мною людей много, да дивуются бѣлому челоуку... А любят гостей людей бѣлых, занже их люди черны велми. А у которые жены от гостя зачнется дитя, и мужи дают алафу; а родится дитя бѣло, ино гостю пошлины 300 тенекъ, а черное родится, ино ему нѣт ничего, что пиль да ѣлъ, то ему халяль» .

Евразийская пропаганда постаралась объявить Афанасия... мусульманином. Хотя весь его текст проникнут неприязнью к исламу, входит в доверие к индусам он именно потому, что христианин, а «ходжа Юсуф Хорасани» — его торговый псевдоним, не более того. Мало того, Афанасий описывает несколько случаев прямых предложений от правителей сменить веру и описывает свой отказ. Весь текст «Хожения» полон тоски по русской вере на родной земле. И даже время Афанасий старается исчислять по постами и Пасхам.

«О благовѣрнии рустии кристьяне! Иже кто по многим землям много плавает, во многия беды впадают и вѣры ся да лишают крестьяньские. Аз же, рабище Божий Афонасий, сжалихся по вѣре крестьянской. Уже проидоша 4 Великая говѣйна и 4 проидоша Великыя дни, аз же грѣшный не вѣдаю, что есть Велик день или говѣино, ни Рожества Христова не знаю, ни иных праздников не вѣдаю, ни среды, ни пятницы не вѣдаю — а книг у меня нѣту. Коли мя пограбили, ини книги взяли у меня. Азъ же от многия беды поидох до Индѣя, занже ми на Русь пойти нѣ с чем, не осталось у меня товару ничего. Первый же

Велик день взял есми в Каинѣ, а другой Велик день въ Чебокару в Маздраньской землѣ, третей Велик день в Гурмызе, четвертый Велик день взял есми в Ындѣе з бесермены в Бедерѣ; ту же много плаках по вѣре кристьяньской» .

Реальный опыт взаимодействия русских с Азией говорит против предположений о каком-то специфическом русском ориентализме или криптоориентализме. Русский ориентализм есть побочное дитя русского европеизма. Он возрос на чисто западных источниках и лишь со второй половины XIX века среди русских интеллектуалов начала вызревать мысль, что соседство России и Востока дает лучший доступ к восточным источникам, к восточной среде, а может быть и к пониманию Востока, чем у западных исследователей.

По дорогам внутренней Азии отправились экспедиции, от которых, впрочем, слишком часто веяло разведовательной миссией. Появились такие уникальные по своим познаниям и проникновению в предмет ученые, как В.В. Бартольд, Ф.И. Щербатской. Русское востоковедение стало масштабным проектом, в рамках которого стали возможны такие уникальные достижения как единственный полный перевод «Исторических записок» Сыма Цяня на европейский язык.

Однако предполагаемое «сродство с Востоком» носит, прежде всего, характер всё того же соседства и стремления к взаимной поддержке против натиска Запада. А главное, базируется на предположении о большей уважительности, большем чувстве равенства русских по отношению к Востоку, о чем многократно писали русские публицисты тех лет: англичанин привязывает мятежного сипая к пушке и считает индуса рабом, в то время как русский дает туземцу равные права.

Однако не было ли это чувство равенства иллюзией? Гражданское равноправие в Российской Империи возможно было лишь до тех пор, пока речь шла о гражданских, а не об избирательных правах. Напротив, любое приближение к системе, где имело значение

большинство голосов, приводило российскую империю к взрывам, округлявшим национальное большинство даже ценой территориальных потерь. Миф о российском имперском равенстве народов возможно было поддерживать лишь в автократической системе, и то не без некоторого труда.

Вспомним, как сурово одернул Достоевский тех, кто считал, что Россия не должна вступаться за христиан в Турции, поскольку часть граждан России – мусульмане. «Хозяин России есть русский» — отвечает Достоевский в своём «Дневнике писателя» и никакого права вето на исполнение русскими православной миссии внутренний Восток России не имеет.

Для понимания всей сложности темы «Россия и Азия» особое значение имеют соображения Ф.М. Достоевского заключающие его последний «Дневник писателя», своеобразное геополитическое завещание писателя и мыслителя, учившего, что «в будущем Азия наш исход, что там наши богатства, что там у нас океан»

Достоевский начинает с сетований на невнимание русского общества ко всему за пределами Европы:

«Вся наша русская Азия, включая и Сибирь, для России всё еще как будто существуют в виде какого-то привеска, которым как бы вовсе даже и не хочет европейская наша Россия интересоваться. «Мы, дескать, Европа, что нам делать в Азии?» .

Для него русское продвижение в Среднюю Азию, победы Скобелева, взятие Геок-Тепе, это провозвестие грядущего доминирования Российской Империи над Азиатскими народами, создание репутации России, которая станет выше репутации любой другой империи.

«С победой Скобелева пронесется гул по всей Азии, до самых отдаленных пределов ее: «Вот, дескать, и еще один свирепый и гордый правоверный народ белому царю поклонился». И пусть пронесется гул. Пусть в этих миллионах народов, до самой Индии,

даже и в Индии, пожалуй, растет убеждение в непобедимости белого царя и в несокрушимости меча его...

У этих народов могут быть свои ханы и эмиры, в уме и в воображении их может стоять грозой Англия, силе которой они удивляются, — но имя белого царя должно стоять превыше ханов и эмиров, превыше индейской императрицы, превыше даже самого калифова имени. Пусть калиф, но белый царь есть царь и калифу. Вот какое убеждение надо чтоб утвердилось! И оно утверждается и нарастает ежегодно, и оно нам необходимо, ибо оно их приучает к грядущему...» .

Это суждение еще вполне традиционно геополитическое, однако затем Достоевский задает раннюю версию русского восточничества. Россия не просто имперская держава должествующая доминировать в Азии. Она сама есть азиатская держава.

«Россия не в одной только Европе, но и в Азии; потому что русский не только европеец, но и азиат. Мало того: в Азии, может быть, еще больше наших надежд, чем в Европе. Мало того: в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход!» .

Русское славянофильство, традиционно носившее скорее неовизантийский характер, здесь переосмысливается в более общей дихотомии Европы и Азии. Россия со своей особенной идеей отвергается Европой, а значит должна обрести себя в Азии.

«Надо прогнать лакейскую боязнь, что нас назовут в Европе азиатскими варварами и скажут про нас, что мы азиаты еще более чем европейцы. Этот стыд, что нас Европа сочтет азиатами, преследует нас уж чуть не два века. Но особенно этот стыд усилился в нас в нынешнем девятнадцатом веке и дошел почти до чего-то панического, дошел до «металла и жупела» московских купчих. Этот ошибочный стыд наш, этот ошибочный наш взгляд на себя единственно как только на европейцев, а не азиатов (каковыми мы никогда не переставали пребывать), — этот стыд и этот ошибочный

взгляд дорого, очень дорого стоили нам в эти два века, и мы заплатились за него и утрату духовной самостоятельности нашей, и неудачной европейской политикой нашей, и, наконец, деньгами, деньгами, которых Бог знает сколько ушло у нас на то, чтобы доказать Европе, что мы только европейцы, а не азиаты...

Они признают нас за воров, укравших у них их просвещение, в их платья перерядившихся. Турки, семиты им ближе по духу, чем мы, арийцы. Всему этому есть одна чрезвычайная причина: идею мы несем вовсе не ту, чем они, в человечество — вот причина!

Европа верит, как и славянофилы, что у нас есть «идея», своя, особенная и не европейская, что Россия может и способна иметь идею. Про сущность этой идеи нашей Европа, конечно, еще ничего не знает...» .

Однако следующего шага, который делают более поздние восточники, такие как князь Ухтомский, Достоевский не делает. Он не высказывает предположения, что в силу своей мистической, иррациональной природы азиатские цивилизации более сродны русской идее, более способны к её усвоению, нежели европейцы.

Мало того, сделав опасно близкий шаг к «России – Азии» Достоевский возвращается назад к пониманию России в качестве Европы и русской Азии как козыря в вековом споре с Европой. Исход к Востоку – это не поиск «братьев» среди азиатских народов, а обретение русскими своих сокровищ.

Азия мыслится Достоевским как средством национального самоусиления. «Азия – это русская Америка» — здесь, очевидно, под Азией мыслится уже не столько пространство древних азиатских цивилизаций, а Сибирь и Туркестан в той мере, в которой последний казался еще почти пустым пространством (что нам сегодня может показаться странным, но до успехов медицины, приведших к перенаселенности Средней Азии, соответствовало действительности). Азия предстает у Достоевского путем к обретению Россией самой себя.

«Нам нельзя оставлять Европу совсем, да и не надо. Это «страна святых чудес», и изрек это самый рьяный славянофил. Европа нам тоже мать, как и Россия, вторая мать наша; мы много взяли от нее, и опять возьмем, и не захотим быть перед нею неблагодарными...

С поворотом в Азию, с новым на нее взглядом нашим, у нас может явиться нечто вроде чего-то такого, что случилось с Европой, когда открыли Америку. Ибо воистину Азия для нас та же не открытая еще нами тогдашняя Америка. С стремлением в Азию у нас возродится подъем духа и сил. Чуть лишь станем самостоятельнее, — тотчас найдем что нам делать, а с Европой, в два века, мы отвыкли от всякого дела и стали говорунами и лентяями...» .

И вот уже звучат формулировки привычного цивилизаторского дискурса:

«В Европе мы были приживальщики и рабы, а в Азию явимся господами. В Европе мы были татарами, а в Азии и мы европейцы. Миссия, миссия наша цивилизаторская в Азии подкупит наш дух и увлечет нас туда, только бы началось движение. Постройте только две железные дороги, начните с того, — одну в Сибирь, а другую в Среднюю Азию, и увидите тотчас последствия...

... цивилизаторская миссия наша в Азии, с самых первых шагов (и это несомненно), поймется и усвоится нами. Она возвысит наш дух, она придаст нам достоинства и самосознания, — а этого сплошь у нас теперь нет или очень мало. Стремление в Азию, если б только оно зародилось меж нами, послужило бы, сверх того, исходом многочисленным беспокойным умам, всем стосковавшимся, всем обленившимся, всем без дела уставшим» .

Достоевский возражает против абсурдности тезиса об «убыточности» русской Азии, предвосхищая ту программу освоения её богатств, которая развернулась в XX столетии:

«Если б вместо нас жили в России англичане или американцы: показали бы они вам убыток! Вот они-то бы открыли нашу Америку. Да знаете ли, что там есть земли, которые нам менее известны, чем

внутренность Африки? И знаем ли мы, какие богатства заключаются в недрах этих необъятных земель? О, они бы добрались до всего, до металлов и минералов, до бесчисленных залежей каменного угля, — всё бы нашли, всё бы разыскали, и материал, и как его употребить... К добытому хлебу потянулись бы люди, завелась бы промышленность, производство. Не беспокойтесь, нашли бы потребителей и дорогу к ним, изыскали бы их в недрах Азии, где они дремлют теперь миллионами, и дороги бы новые к ним провели!» .

При этом русское освоение Азии мыслится Достоевским как народная колонизация, как заселение, распространение русского этноса, а не только как политическое, и экономическое господство. Движение в Азию для Достоевского есть умножение Русской Земли.

«Где в Азии поселится «Урус», там сейчас становится земля русской. Создалась бы Россия новая, которая и старую бы возродила и воскресила со временем и ей же пути ее разъяснила...» .

Как видим, мысль Достоевского балансирует между пониманием Азии как инструмента русского самоусиления, пространства русской народной колонизации и идеей «цивилизаторской миссии» и предположением об особой «азиатской» природе России и русских, которая должна быть осознана в оппозицию Европе.

Почему Достоевский договорившись до «русские – это азиаты» внезапно отступает назад в «страну святых чудес» — Европу? Да потому, что продолжение этой «азиатской» мысли вело бы к той или иной форме отречения от Христа. Позднее это противопоставление «Востока Ксеркса» и «Востока Христа» мы найдем у Владимира Соловьева, который, однако, пойдет в антивосточничестве еще дальше, до явных лжепророчеств о панмонголизме.

Реакция Соловьева, впрочем, более понятна, если учесть, что в следующую эпоху русское «восточничество» решается на более радикальные предположения об азиатском духе России, о глубинном внутреннем сродстве русского и восточного способа постижения мира. Этот аспект русской идеи, нашедший наиболее

полное отражение в публицистике князя Эспера Ухтомского, представляется теперь обширной и древней исторической традицией, благодаря работе Мануэля Саркисянца «Россия и мессианизм Востока» .

Саркисянец увязывает с восточными влияниями возникновение русской народной утопии, мессианизм и хилиазм, становление которых относит к XVII веку. Этот хилиастический идейный комплекс, как он справедливо отмечает, был совершенно чужероден Европе, которая уже находилась в стадии светского рационалистического утопизма, зато представляется исследователю родственным восточным религиозным и этическим системам.

Однако рискну поспорить. Речь идет не о действительном культурном и мировоззренческом родстве России и Востока, а о единстве принципов всех цивилизаций Осевого Времени. Когда Ухтомский утверждал, что один и тот же русский царь может восприниматься как православный самодержец в России, как аватар Вишну в Индии, как Сын Неба в Китае, как Белый Царь для степных азиатских народов, то это свидетельствует лишь о гомологичности структуры этих цивилизаций, когда единство между трансцендентным и мирским порядками может быть скреплено посредствующей фигурой сакрального монарха.

Шмуэлю Эйзенштадту блестяще удалось показать близость символических ориентаций всех цивилизаций Осевого Времени, но он же показал и их значительные отличия . Общего в них было только то, что все эти цивилизации – китайская, индийская, русская, исламская, не стали «Западом». Их переход к Новому Времени был обусловлен вызовом Запада и в еще большей степени – западной военной и экономической угрозой.

Найти черты положительного родства в этом отрицательном сходстве было задачей не просто трудной, но чреватой серьезными рисками, главным из которых была отмеченная Саркисянцем угроза дехристианизации России. Видеть в Православии некий мистицизм

и холизм, которые, якобы, делают его ближе к буддизму или вишнуизму, чем к римо-католицизму – это очевидная натяжка, попытка подменить метафизическое содержание доктрин чертами внешнего сходства религиозного стиля, к тому же измышленного. Мистицизма можно сколько угодно найти и в католичестве, а вот православная доктрина соборности слишком персоналистична для нехристианского Востока.

Вера в Иисуса Христа как единственного истинного Бога и Спасителя навсегда разделила Россию с нехристианским Востоком, а её связь с Западом слабеет ровно в той мере, в которой Запад уходит от Христианства.

Именно поэтому крайность русского «восточничества» как у Блаватской и Рерихов пришла к попытке охватить и поглотить Христа «восточным контекстом», превратить его в одного из индуистских «махатм». Однако привело это, по большому счету, лишь к выпадению данного направления из русского контекста.

Экуменическое утверждение родства китайской, индийской и русской цивилизаций означало бы отречение от Христа, что остро почувствовал Достоевский, так внезапно ушедший от «русские — азиаты» назад в «страну святых чудес». Впоследствии Георгий Флоровский выставил тот же суровый религиозный счет евразийцам, указав на то, что начав с утверждения идентичности русской цивилизации они скатываются к растворению основы этой идентичности – православного христианства .

Не случайно, что пик отмеченного Саркисянцем восточнического восторга приходится на первые послереволюционные годы, когда русская культура, как казалось, покончила со своей религиозной, православной христианской основой, перешла в область восторженно-неопределенной мистики братства, сливающей континенты и народы.

Русское восточничество, так же как и русское азиатство, оказывается в плену своеобразной омонимии. Будучи, несомненно, Востоком,

детищем Восточной Церкви, противопоставленной латинскому Западу, Православная Россия, в то же время, не может быть Востоком в отношении к Христианству как таковому.

«И сему чуду дивуемся, како от персти создавъ чловѣка, како образи розноличнии въ чловѣчьскихъ лицахъ, — аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лицъ образомъ, по Божии мудрости» .

История русской мысли начинается с замечательного утверждения христианского персонализма, множественности человеческих лиц, в «Поучении» Владимира Мономаха. И, конечно, движение к восточному имперсонализму для неё невозможно. «Восток» Христианского мира и «Восток» в системе «Восток-Запад» — это в известном смысле противоположности.

ВИЗАНТИЗМ И РУССКОСТЬ

Какое влияние оказало на русскую историю это рождение в восточнохристианском религиозном мире и раннее отчуждение от католического Запада. Слишком часто и в русской историософской мысли, и в западной русистике и советологии высказывалось мнение, что именно своему византийскому наследию Россия обязана своими предполагаемыми косностью, культурной и научно-технической отсталостью от Запада, тем, что не пошла по столбовой дорожке европейской цивилизации.

«В то время, когда среди борьбы между исполненным силы варварством народов Севера и возвышенной мыслью религии воздвигалось здание современной цивилизации, что делали мы? По воле роковой судьбы мы обратились за нравственным учением, которое должно было нас воспитать, к растленной Византии, к предмету глубокого презрения этих народов» - заявил в первом «Философическом письме» Чаадаев, нормативную для западничества формулу которого о «растленной Византии» буквально повторил затем в своём стихотворении Владимир Соловьев.

Этот тезис вскорости получил отпор как со стороны славянофилов, так и со стороны по настоящему знающих историю западников. Отец-основатель славянофильства А.С. Хомяков писал:

«Невозможно было чтобы такая самобытная многовековая держава прошла без следов, и действительно, её следы, добрые и злые, везде видны на Востоке. Грустно бы было, если бы никто из живых людей, никакая современная народность, не оглядывались бы на неё с благоговением и любовью. Такого равнодушия не заслуживали ни её воинственные деятели, мужи доблести и побед – Копроним и Цимисхий, ни её светлые деятели, мужи богопознания и христианских песнопений – Григории и Дамаскины; ни её великие художники, строители таких храмов как св. София, или Панселины, предшественники позднейшего пластического искусства; ни её

юристы, чьи труды положили основу всей юридической цивилизации Европы. По нашему мнению, говорить о Византии с пренебрежением – значит расписываться в невежестве» (2).

Аналогичного мнения придерживался и интеллектуальный лидер западников Т.Н. Грановский:

«Очевидное равнодушие западных писателей к государству Константина Великого объясняется отчасти отношениями этого государства к латино-германским племенам. Между ними не было органической связи... Её влияние на судьбу его предков не дает ей особенных прав на его сочувствие... Нужно ли говорить о важности византийской истории для нас, русских? Мы приняли от Царьграда лучшую часть народного достояния нашего, т. е. религиозные верования и начатки образования. Восточная империя ввела молодую Русь в среду христианских народов. Но кроме этих отношений нас связывает с судьбою Византии уже то, что мы славяне» (3).

Не трудно заметить, что за Византию высказывались те из русских интеллектуалов, кто всерьез занимался научным изучением истории. Против – Чаадаев, для которого читанное у Гиббона было поводом для салонной болтовни.

Классик современной глобальной политической русофобии Ричард Пайпс выразил ту же установку следующим образом:

«Приняв восточный вариант христианства, Россия отгородилась от столбовой дороги христианской цивилизации, которая вела на Запад. После обращения Руси Византия пришла в упадок, а Рим пошел в гору. Вскоре. Византийскую империю осадили турки, которые отрезали от нее кусок за куском, пока, наконец, не захватили ее столицу. В XVI в. Московия была единственным крупным царством в мире, все еще исповедующим восточный вариант христианства. Чем больше она подвергалась нападкам со стороны католичества и ислама, тем больше замыкалась в себе и делалась все нетерпимее. Таким образом, принятие христианства,

вместо того, чтобы сблизить Россию с христианским миром, привело к изоляции ее от соседей».

Упражнения в альтернативной истории на тему благодетельности для Руси принятия Христианства от Запада и отдалившего нас от Европы сближения с Византией стали обязательным инвентарем в багаже гуманитарной русофобии.

Мнение, что Византия заступила Руси «общечеловеческую столбовую дорогу европейской цивилизации» – это откровенная ложь. Русь прекрасно умела дружить с Западом и поверх Византии. Византия стремилась втянуть Русь в орбиту своего позднего западничества, но Русь не приняла этого «приглашения».

На тот момент, когда Русь принимала крещение, никакого церковного конфликта между Римом и Константинополем не существовало. Споры эпохи патриарха Фотия отошли в прошлое, хотя и не разрешились. Германские императоры охотно сватали византийских принцесс. Конфликт между Востоком и Западом если и имел место, то носил скорее культурный, чем религиозный характер – германцев раздражало богатство Византии в сочетании с чуждым им образом жизни, вплоть до скромной, почти лишенной мяса греческой кухни. Они не понимали, почему этим грекам достаются все богатства и роскошь мира, в то время как жизнь Запада убога и идея ограбить Константинополь и в самом деле была популярна среди франков, ходивших в крестовые походы. Но никакого религиозного основания она не имела.

В X-XII веках Русь была частью европейского мира. Причем скорее северо-, нежели западно- европейского. Между христианскими правителями Норвегии, Швеции, Дании, Англии и Руси поддерживались постоянные брачные связи. В обоих направлениях шли интенсивные культурные влияния. Сохраняя безусловную верность Православию, Русь, однако, ни в коем случае не путала веру как таковую и частные интересы греков. Русские совершенно не

настроены были конфликтовать с Западом только потому, что с ним поссорились византийцы.

Наиболее евроинтегрированную (в хорошем смысле слова) политику проводило влиятельнейшее княжеское семейство Мономахов. Это тем более поразительно, если учесть, что Мономахи были потомками по женской линии того самого императора Константина Мономаха при котором произошел в 1054 году раскол Западной и Восточной Церквей.

В 1092 году великий князь Всеволод Ярославич, отец Владимира Мономаха, учредил вместе с митрополитом-греком Ефремом Переяславским празднование «Перенесения мощей святителя Николая Мирликийского в Бари». Этот праздник, «Никола вешний», отмечаемый на Руси и по сей день, был во многом скандалом. Предлагалось праздновать разбойничье похищение итальянскими купцами мощей святого из греческой церкви в Мирах Ликийских. Конечно, у итальянцев был тот резон, что они опасались захвата Мир турками-сельджуками и гибели мощей, но греки и считали и считают это событие беззастенчивым грабежом. А папа Римский Урбан II отправил к Всеволоду посольство с частицей мощей святителя. Позиция греков не помешала русским учредить этот праздник, положивший начало широкому культу Святителя Николая на Руси, где он стал фактически национальным святым (39).

Вскоре Урбан получил от Мономашичей помощь в еще более деликатном вопросе. Дочь Всеволода и сестра Владимира Мономаха Евпраксия (Адельгейда), жена германского императора Генриха IV публично выступила с обвинением в адрес своего мужа, который принуждал её к участию в групповых оргиях. После публичного обнародования информации об извращениях императора от него отвернулась большая часть германских вассалов и он оказался в очень тяжелом положении. Этот этап войны империи и папства за инвеституру оказался выигран папами благодаря русской императрице. Евпраксия же вернулась на родину,

постриглась в монахини и упокоилась в центре православия Псково-Печерском монастыре.

Не менее характерна и русская реакция на первый крестовый поход. В едва освобожденный франками Иерусалим отправляется русский игумен Даниил, подробно описывает свое паломничество в Святую Землю в своем знаменитом «хождении», близко общается с первым иерусалимским королем Балдуином Фландрским, принимает участия в церковных службах крестоносцев у Гроба Господня, и оставляет в палестинской Лавре Святого Савы заиску с поминовением русских князей – «Се же имена их: Михаил Святополкъ, Василие Владимиръ, Давидъ Святославич, Михаилъ Олегъ, Панъкратие Святославич, Глѣбъ Менский» (40).

А вскоре сами русские князья организуют настоящий крестовый поход на половцев, инициатором которого выступает Владимир Мономах.

«И обличишася во бронѣ, и полки изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю. И князь Володимеръ пристави попы своя, ѣдучи предъ полкомъ, пѣти тропари и коньдакы хреста честнаго и канунъ святой Богородици» (41).

Ни одно сражение русских со стенами ни до, ни после, вплоть до похода Ивана Грозного на Казань, не имело столь отчетливого религиозного оформления. Мономах хотел дать именно степную реплику крестового похода, оказавшуюся кстати, весьма результативной.

Владимир Мономах был женат на дочери погибшего в битве при Гастингсе английского короля – Гите Гаральдовне. И его сын – Мстислав Великий, носил второе имя – Гаральд. Ко времени правления в Новгороде Мстислава-Гаральда, женатого на шведской принцессе Христине, относится прибытие на север Руси святого Антония Римлянина, согласно житию приплывшего в Волхов на камне и основавшего в русской земле монастырь. Плавание на камне – традиционная для агиографии специализация кельтских,

ирландских святых. А вряд ли где еще в то время на Руси гость с Запада, мог найти столь же дружеский прием, как у Мстислава-Гаральда (42).

А к 1113 году относятся события описанные в «Чуде св. Николы о князе Мстиславе». Заболевший князь молится святителю Николаю и получает исцеление от его иконы. Он закладывает Николо-Дворищенский собор, до сих пор стоящий в Новгороде, престольным праздником которого является не «Никола зимний», а именно «Никола вешний».

Существуют и еще более смелые культурные сближения Мономашичей с Западом, вплоть до гипотезы, что Владимир Мономах, составляя своё «Поучение» вдохновлялся англосаксонским памятником «Поучение отцов» (Faeder Larcwidas) . Но приводимые в защиту этой теории текстологические параллели слишком натянуты и более вероятно, что перед нами полностью оригинальный памятник в библейском жанре отцовских поучений, в котором, к тому же, множество цитат как раз из византийской литературы.

Так или иначе, церковный конфликт Рима и Константинополя воспринимался на Руси довольно прохладно и уж точно не как овод для политического и культурного разрыва с западными соседями. Напротив, Русь, особенно династия Мономашичей, несмотря на свое византийское происхождение, подчеркивала дружелюбие и к западным государям, и к папам, и открытость к западным культурным влияниям, от основ византийского закона и вероучения отнюдь не отступая.

Никакого «закрытия» Руси от Запада ни в XI, ни в XII, ни в домонгольскую эпоху XIII не произошло. Как не закрывалась от Запада и сама Византия – настоящим западником на троне в Константинополе был, к примеру, император Мануил Комнин, любитель пиров и турниров, больше напоминавший европейского рыцаря, чем василевса предыдущих эпох. Совершенно была

пронизана западничеством, вплоть до униатства, поздняя Византия XIV-XV столетий, выходцы из которой рассеявшиеся после падения Константинополя во многом перестроили культурный код самого Запада иницировав Ренессанс.

А вот Русь того времени, отвергнув церковную унию, отвергла и Запад и выбор византийцев, так что уж точно не византизмом объяснялся русский изоляционизм той эпохи. Напомню, что на Ферраро-Флорентийский собор от Руси отправился грек митрополит Исидор, и, как и прочие византийские иерархи (кроме Марка Эфесского) и как император, подписал унию с Римом. Когда Исидор попытался войти в Москву с латинским крестом, попросту выгнал великий князь Василий Темный а вскоре Русь поставила собственного русского митрополита – Иону, вступив в длительный подспудный конфликт с патриархатом в Константинополе.

Еще одна попытка принести в Москву латинский «крыж» была предпринята папским легатом, находившимся в свите невесты великого князя Ивана III – Софьи Ветхословец (Палеолог), которую сосватал русскому князю архитектор унии и знаменитый гуманист – кардинал Виссарион Никейский. Как видим, «византийское влияние» и тут тянуло Русь к Западу и было отвергнуто самой Русью. Когда легат с «крыжом» появился у ворот Москвы, митрополит Филипп I заявил великому князю: «Если он войдет в одни ворота, я тотчас же выйду через другие» (43).

Ревность в православии, отнюдь не заемная у Византии, а собственная, русская, гораздо большая, чем у самих византийцев и тем более у балканских народов, не мешала, при этом, Великим Государям пользоваться услугами Аристотеля Фиорованти при строительстве Успенского собора и развитии русской артиллерии, не мешала итальянским мастерам возводить стены и башни Кремля. Напротив, именно итальянско-византийские связи, связи греческой диаспоры в Италии с Русью, и привели к тому, что культурно Москва ориентировалась в тот период на локомотив развития тогдашней

Европы – ренессансную Италию, в то время как Новгород зависел от гораздо более отсталой Германии.

При этом необходимо осознавать, что период Высокого Средневековья был временем развития не абстрактно западной, а романо-германской цивилизации. Именно романо-германское рыцарство осуществляло экспансию и в Палестину, и в Пруссию, и в славянские земли Польши и Чехии, и в Ирландию. Романо-германцы рассматривали и славян и кельтов как существа второго сорта, не могущие быть истинными христианами и подлежащие безусловной дискриминации или ассимиляции.

Утверждения западников чего-нибудь бы да стоили, если бы было доказано, что те славянские народы, которые пошли «столбовой дорогой» евроинтеграции, действительно куда-то евроинтегрировались и от этого однозначно выиграли.

Обширный материал для подлинного понимания этнических и культурных процессов, происходивших в Европе, дает великолепная монография Роберта Бартлетта «Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры. (950-1350)» .

Средневековый Запад был не цивилизацией западного Христианства, а романо-германской цивилизацией. Крестовые походы, духовно-рыцарские ордена и прочее, выражали не властолюбивый дух папства, а напротив оформляли экспансионистские устремления французского, немецкого, английского рыцарства. После того как в ряды этого рыцарства влились потомки скандинавов, лишённые хотя бы той незначительной утонченности, которую выработали у франков эпохи Меровингов и Каролингов, западноевропейский рыцарь стал синонимом необузданности, алчности, жестокости и полной нестесненности средствами на пути к цели.

Европейская феодальная аристократия была трансгранична – представители одной и той же семьи могли иметь владения в Испании, Ирландии, Франции, Померании, Палестине, Сицилии. Но

в одном и только в одном случае – если это была романская или германская семья. Там, где кончался мир немцев и французов, там любая аристократия, любое чувство христианского братства в подчинении единой церкви во главе с одним Папой заканчивались.

Человеческий статус представителей всех народов, кроме романо-германцев ставился под сомнение, особенно доставалось кельтам, которых завоеватели считали за животных. Современному европейцу, воспитанному на кельтской музыке, кельтских орнаментах, убежденному, что истинная Европа где-то в Ирландии и Бретани, что её сердце бьется в Броселиандском лесу, невозможно себе вообразить ту степень презрения к кельтам, которыми проникнуты средневековые документы в XII-XIII веках.

«Мы издали неукоснительное предписание, дабы отныне никто не допускался к монашескому сану, ежели не может проповедовать по-французски, либо по-латыни. Когда нет более прикрытия в виде чужого языка, ни у кого не останется ширмы для непослушания. Ибо как может человек, владеющий только ирландским языком, по-настоящему любить обитель или Писание?».

Говорится, напомню, это о языке одного из древнейших христианских народов, пронесших свою весьма своеобразную христианскую цивилизацию через Темные Века, сохранившем в своих рукописных собраниях многие античные литературные памятники. Ставить под сомнение любовь ирландцев к Писанию конечно было совершеннейшим цинизмом.

Пример ирландцев нам понадобился для того, чтобы показать, что даже на западе Европы, список «истинных европейцев» был строго ограничен. Но нас, конечно же, интересует прежде всего ситуация на Востоке Европы, в среде обращенных в католичество славян, среди которых должны были бы оказаться и русские, если бы сделали мнимый «выбор в пользу Запада».

XII-XIII века в Восточной Европе – это период напористой германской экспансии — Остзидлунга. Немцы проникали в города, засеяли

любые пустоши, поселения германских колонистов ставились в чересполосицу со славянскими, и вот уже Польша и Чехия превращались фактически в окраины Германии, на которых славяне играли роль недоколонизированных туземцев.

В 1308 году епископ Иоанн Краковский был обвинен в «стремлении изгнать польский народ и отдать их ремесленные мастерские и имущество чужеземцам». Мало того, ему приписывалась клятва: «Если мне не удастся завершить начатое дело и изгнать с этой земли польский народ, то я скорее умру, чем останусь жить» (45).

Монашеские ордена, которые, по логике вещей, должны были бы служить примером общеевропейского христианского братства, выступать как своеобразная республика веры, простирающаяся поверх этнических границ, на деле выступали как проводники германизации.

«Братьев, говорящих на немецком языке намного большей численности, чем требуется, направляют в отдельные францисканские обители нашего королевства и в польские герцогства, в то время как братья из числа славян рассеяны среди иноземцев» (46).

Города Восточной Европы подвергались сплошной германизации. «Список новых бюргеров, допущенных жить в старую Прагу в XIV веке, показывает, что от 63 до 80 процентов тех, чью национальную принадлежность возможно установить по именам и фамилиям были немцы... Француженка по происхождению, королева Богемии Бланш, стремясь достичь большего взаимопонимания со своими подданными, стала учить не чешский, а немецкий язык, «ибо почти во всех городах королевства и повсюду в присутствии короля немецкий язык употреблялся чаще чешского». Аналогичная ситуация имела место в Польше. Когда будущий архиепископ Львовский (Лембергский) в середине XV века приехал из сельской местности в Краков, «он обнаружил, что все общественные и частные дела вершатся на немецком языке» (47).

Начиная с XIV столетия в цеховых уставах восточноевропейских городов появляется так называемый «дойчтумс параграф». Претенденты на членство в гильдии должны были доказать, что они «праведные и честные немцы, а не венды», ибо «мы запрещаем сыновьям брадобреев, ткачей, пастухов, славян, детям священников и всем незаконнорожденным заниматься ремеслом в нашем городе» (48).

«Было бы полезно, справедливо и нормально, если бы медведь оставался в лесу, лиса – в пещере, рыба – в воде, а немец – в Германии. Мир был здоров, когда немцы служили мишенью для стрел: тут вырывали им глаза, там – вешали вниз головой, в другом месте они отдавали нос в уплату налога, здесь убивали их безжалостно на глазах у князей, там – заставляли пожирать собственные уши» (49).

Это цитата из написанного в XIV веке в Чехии трактате «De Theutonicis bonum dictamen», представляющем, по выражению Бартлетта, «призыв к погрому» .

В этом трактате дается яркая характеристика немецкой колонизации Чехии:

«Мудрый заметит, а благоразумный рассудит, каким образом эта ловкая и лживая раса проникла в самые плодородные уголья , лучшие фьефы, богатейшие владения и даже в княжеский совет...Сыновья этой расы приходят на чужие земли... потом оказываются избраны в советники, тонким вымогательством присваивают общинную собственность и тайно отправляют себе на старую родину золото и серебро и иное имущество из тех краев, где они стали поселенцами; так они грабят и разоряют все земли; обогатившись начинают притеснять своих соседей и восставать против князей и других полноправных правителей»(50).

Заметим, это происходило в Чехии и Польше – независимых государствах во главе которых в то время стояли славянские династии. Эти династии, впрочем, постепенно были вытеснены

германскими (Люксембурги, затем Габсбурги в Чехии) или иными иностранными (Ягеллоны, затем Вазы в Польше). То же, кстати, случилось и с евроинтегрированной частью Руси – Галицией, которую просто аннексировали при помощи династических хитросплетений средневековой Европы. Династия Даниила Галицкого закончилась на его правнуках и Галицию постепенно оттягали польские короли.

Исключение, благодаря разделению церквей, русских князей из системы браков и феодальных наследований в Восточной Европе, стало для нас благом. Ни одна территория кроме Галиции не была «унаследована» западными соседями в результате династических союзов. На самой же Руси система наследования по женской линии применялась редко. Граница между православием и католицизмом долгое время обозначала династические и национальные границы Руси в условиях отсутствия единого государства и так и не дала русским землям до конца раствориться в Речи Посполитой, несмотря на интенсивнейшее ополячивание и окатоличивание русской аристократии превращавшейся в магнатов и шляхту.

С не являвшимися суверенными государствами славянскими княжествами, входившими в состав Священной Римской Империи, ситуация была еще хуже. Вот как её характеризует М.К. Любавский:

«Дворы славянских князей наполнились выходцами из Германии, сановниками и рыцарями. Эти выходцы стали получать от князей земельные имущества и различные должности, пополнили собой ряды славянской знати. Они принесли с собой немецкий язык, немецкие феодальные понятия и житейские установления и, считая свою культуру превосходящей, навязывали свой язык и свои обычаи...

Славянские князья принялись за хозяйственное устройство своих владений. Они стали раздавать пустоши и разоренные места епископам, монастырям, наполненным монахами немецкой национальности, туземному пришлому и военнотружильному люду и

осадчикам-шульцам с правом созывать и селить на них людей всякого происхождения и профессии... Колонизаторы чаще всего селили немцев... Особенно много немцев называли на свои земли монастыри и епископы... Славяне вынуждались иногда покидать старые, насиженные гнезда и основывать наряду с прежними своими селениями новые или малые; иногда они совсем лишались своих земель и нисходили на положение сельского и городского пролетариата... Сталкиваясь с немцами на сельских работах, в храмах, в судах, в управлениях славяне научались их речи, усваивали их обычаи и установления, их понятия и мало-помалу теряли свой национальный облик... Старые славянские города – Велеград, Вышемир, Хоцебуж, Росток, Велегощ, превратились в Мекленбург, Висмар, Гадебуш, Росток и Вольгаст... Национальное угнетение сплетаясь тесно с социальным, приводило к тому, что славяне в городах частью вымирали, частью стремились к превращению в немцев, очищению себя от следов своего происхождения, от своей народности» (51).

До второй половины XIV века колонизационные потоки из романо-германского ядра заливали «окраины» европейского мира и выплескивались за его пределы – в Палестину. Этот поток превратил ирландцев в скот, разрушил в 1204 году красоту Константинополя, стер с лица земли славян Восточной Германии – бодричей, лютичей, лужичан, ружан, на немецкую колонизацию в голос жаловались, как мы слышали Чехия и Польша, Тевтонский и Ливонский ордена держали под железной пятой Прибалтику и вытесняли оттуда русских, наш Юрьев превратился в Дерпт.

Могут сказать, что германизация несла этим землям высшую культуру, хозяйственную эффективность и т.д. Именно этим соображением и руководствовались славянские короли и князья, когда приглашали немецких колонистов. Но, когда Екатерина II приглашала немецких колонистов на пустующие земли Новороссии и Поволжья в XVIII веке, то русское дворянство, хоть немцев и недолюбливавшее, было абсолютно уверено в том, что

национально-государственная природа России от этого не изменится. В XII-XIV веках немецкая колонизация славянских земель прекращала их существование в качестве славянских, их славянский народ прекращал само свое существование. Именно так произошло со славянскими княжествами империи и произошло бы с Чехией и Польшей, если бы не смена в XIV веке европейского демографического тренда.

А теперь давайте представим, что Русь приняла в X веке католицизм и стала миссионерской провинцией под властью Магдебургских архиепископов (именно эта архиепископия отвечала за проповедь в землях славян). Да. Формально Русь как и Польша, как и Чехия считалась бы независимым уважаемым католическим королевством. Но все те инструменты немецкой демографической экспансии, которые использовались против поляков и чехов, — отчуждение от славянского языка и распространение немецкого, политика немцев-епископов направленная на германизацию, международные ордена с которыми на Русь устремлялись бы сотни и сотни деятельных высокопоставленных немцев и французов, заселение русских городов немецкими гильдиями, которые впоследствии вводили бы «дойтчумс параграф» — всё это было бы использовано против Руси в полном объеме.

При этом монгольского вторжения в XIII веке никто не отменял и Русь от него никто не защитил бы. Скорее всего, оставшиеся после монголов руины были бы окончательно колонизированы и германизированы, по крайней мере на Севере Руси. В 1241 году Ливонский орден захватил Псков. Не надо забывать, что Ледовое побоище, которое с подачи историков-ревизионистов сегодня порой принято высмеивать, было лишь заключительным этапом кампании Александра Невского, направленной на изгнание немцев из Пскова и зачистку тамошних коллаборационистов. И сам Александр не «выбирал между Востоком и Западом», а попросту пытался остановить на своём участке захлестывавшую немецкую экспансию.

Принимая римский католицизм славяне получали в нагрузку полный комплект германской экспансии, носившей совершенно расистский и никаким боком не просветительский характер. Эта экспансия продолжалась до второй половины XIV века, когда на Западную Европу обрушилась Черная Смерть, чьи последствия были сравнимы с тотальной ядерной войной. Средневековая Европа в тот момент, откровенно говоря, умерла и лишь с трудом перетащила через эти врата смерти в Европу Нового Времени.

Начавшись с зачумленных трупов, переброшенной татарами хана Джанибека через стены генуэзской Кафы (Феодосии) в Крыму и приплыв оттуда в Марсель, чума за 7 лет сократила население Европы на треть и положила конец масштабной демографической экспансии германского мира. Славянский мир был затронут ею в гораздо меньшей степени, поскольку славяне жили гораздо менее скученно, и XV век – это своеобразный политический ренессанс славянского мира.

В 1410 году Польша и Великое княжество Литовское и Русское, практически не затронутые чумой, наносят поражение Тевтонскому ордену при Грюнвальде. Немецкий Орден переходит из энергичного наступления наступающего в положение обороняющегося. В 1419 начинаются Гуситские войны, бывшие прежде всего национальным восстанием чехов против немецкой колонизации. Формально они заканчиваются поражением гуситов в 1434 году, когда умеренные гуситы – чашники помогли императору Сигизмунду разгромить крайних гуситов – таборитов. Но в 1458 году чешский престол занял гусит Йиржи из Подебрад. Чехия для чехов просуществовала до начала XVI столетия (52).

Но, в конечном счете, Славянская Революция XV века оказалась бесплодной. В XVII веке Чехия оказалась главной жертвой Тридцатилетней Войны и окончательно разобралась с последствиями германизации только с массовыми депортациями немцев после Второй Мировой Войны. Польша в XVII веке попала под разделы, инициатором которых была Пруссия – государство,

возникшее именно на завоеванных в X-XIII веках славянских и балтийских землях. Решить этот вопрос поляки смогли тоже лишь после Второй Мировой и точно теми же, то и чехи методами – изгнанием германского населения под чутким присмотром товарища Сталина.

Западное Христианство, Римский Католицизм, оказался для принявших его народов оберткой для жесткой германской экспансии. Фактически всё средневековье и новое время Польша и Чехия не столько развивались, сколько с переменным успехом отбивались от германского давления. При этом, глядя на место, которое заняли эти народы в западном мире и западной культуре возникает риторический вопрос: оно того стоило? При всём уважении, Генрик Сенкевич – не Лев Толстой, а Карел Чапек – не Достоевский.

Так что Византию, если уж ей не дожидаться других благодарностей, стоит поблагодарить хотя бы за то, что она столкнула нас со столбовой дороги «между Ляхи и Чехи». Этим для русских открылась другая дорога, к пусть трудному, но величию.

Действительно ли принятие византийского Православия «затормозило» развитие России, в то время как принятие римского католичества его бы ускорило?

В конце X века Византия не только не была отсталой цивилизацией – это была самая развитая, самая богатая, самая культурно развитая мировая держава. Приобщиться непосредственно к её богатствам и знаниям хотели все христианские и языческие народы Европы – и северные, и южные. Однако прерывание арабскими пиратами прямых коммуникаций по Средиземному морю отдалило от Запада византийский источник света. Это, по оценке бельгийского историка Анри Пиренна, в той или иной мере разделяемой многими учеными, привело к темным векам – упадку торговли и культуры на Западе, спровоцировало формирование самостоятельного западного цивилизационного центра – Империи Каролингов, оживило

коммуникации Византи и Европы по рекам Русской равнины, оказавшиеся, как ни парадоксально, самыми быстрыми. Именно на этих коммуникациях и выросла Русь, невольно оказавшаяся в роли своеобразной северной привратницы Византии.

Нахождение на «пути из варяг в греки» было формообразующим историческим фактором для Руси. Без этого пути такая страна и такой народ, возможно, не возникли бы. При этом от культурного облучения Византии Русь находилась непосредственно, на расстоянии вытянутой руки, в то время как контакты с франкской империей ей приходилось поддерживать долгим, кружным путем, зачастую через ту же Византию (вспомним случай в Ингельгейме). Русь находилась на глубокой периферии франкского и, тем более, римского мира. Конечно, с германизацией империи при Оттонах западный цивилизационный центр несколько приблизился к Руси, но за счет ослабления интенсивности «излучения» и между Русью и Германией всё равно оказывалось множество варварских и зачастую языческих народов, да и связи этих центров остались в основном сухопутными.

Цивилизационным центром Западной Европы были регионы с богатым римским историческим наследием. Ось новой западной цивилизации тянулась от Бельгии, через восточную Галлию и Западную Германию до Италии и Рима. Её города которой развивались на месте римских муниципиев, появившихся на месте галльских городских поселений. К моменту крещения Руси эти города насчитывали полтора тысячелетия истории. Далее к востоку находились новокрещенные Карлом Великим земли Саксонии, еще дальше – Польша и Скандинавия, культурные ровесники Руси. Их христианизация шла весьма небыстро.

Принятие латинско-немецкой веры значило бы только одно, Русь оказалась бы периферией периферии Европы. Её цивилизационное развитие светилось бы дважды отраженным светом: германская периферия отражала бы культурный свет ядра, славяно-

скандинавская периферия отражала бы культурный свет германской периферии.

Преимущественная история цивилизации в средиземноморском ареале началась три тысячи лет назад, если на территории современной Франции и Западной Германии современные города возникли на основе римских городов, возникших на основе кельтских городов две тысячи лет назад, то история русской цивилизации началась чуть более тысячелетия назад с формирования городских поселений, существующих до сегодняшнего дня. Разная культурная плотность, разный культурный слой, разная степень освоенности пространства человеком имеют решающее значение при задании долгосрочных темпов развития цивилизации в «длительной временной протяженности». И на этом пути Запад имеет фору в 1,5-2 тысячи лет.

Социальная структура южнее Альп и западней Рейна никогда не прекращала своего существования. Вся система городов Франции — это система галльских городов ставших римскими городами. Любой самый малый из французских городов старше Москвы на тысячу лет. Для русского национального самолюбия большая удача, что Россия зародилась в эпоху темных веков Запада, а имперские суперструктуры вроде арабского халифата или Византии не пережили нашей юности. Наша большая удача что система современных посткаролингских национальных государств в Европе зародилась именно тогда когда становилась Русь. Мы не чувствуем себя младшими. Наша государственность — ровесница французской и английской и старше немецкой.

Но если в отношении становления наций это неложное ощущение, то в истории глубинных социальных структур срок нашего отставания превышает срок нашего существования. Там где у нас древний город гордится тысячелетием, там во Франции или на западе Германии тысячелетие это укор молодого города, да и таких почти не встречается.

Конечно, вся Европа восточней Эльбы — половина Германии, Польша, Прибалтика, большая часть Скандинавии — ровесники и даже отстающие по сравнению с Россией. Заметим, что там, где эта фора не так очевидна, — в Восточной Европе, мы и не испытываем такого обостренного чувства разрыва, а порой у нас возникает и чувство собственного превосходства. Оказавшись в Берлине отнюдь не испытываешь ощущения того эпохального разрыва, которые могут тебя накрыть в Риме, Иль де Франсе или даже в древней Виндобоне.

Восток и Север Европы находятся в зоне мощной культурной иррадиации со стороны её Запада. Именно эта иррадиация позволяла прыгать через ступеньки, цивилизационно осваивать пространство и развивать культурные формы быстрее, чем это предполагалось в «естественном» темпе. Восточная (Центральная) Европа Представляет собой, так сказать, первичную колонию более развитых и древних областей.

Однако у России не было и не могло быть шанса попасть в эту зону «облучения» по чисто географическим причинам. Скорость прохождения «сигнала» большую часть прошедшего тысячелетия была такова, что континентальные русские пространства не могли бы находиться под постоянным прямым воздействием Рима или Парижа, даже если бы очень этого хотели. Роль, которая была бы уготована России в Европе, если бы Запад был единственным источником культурной иррадиации — это роль колонии колонии, Дальнего Востока Европы. Собственно это именно та пространственная иерархия, которую пытались сформировать по отношению к России Речь Посполитая, Германия (как в лице Ордена, так и непосредственно) и Швеция.

Однако на практике ничего подобного не происходит. Мы не представляемой собой дальневосточную провинцию Европы, но геополитический и исторический субъект, вопреки всему, претендующий на более высокое, не провинциальное место в структуре европейских народов.

Причина этого иерархического сбоя состоит именно в существовании в нашем случае альтернативного источника культурной иррадиации – Византии.

На момент рождения и начала культурного развития Руси именно Византия представляла собой самый мощный источник культурной энергии в мире. Это была трансляция опыта античности, восточных культур и самого исторического пути Византии, который был гораздо насыщенней, чем опыт Запада за V-X вв.

Византия и теснейшее взаимодействие с нею «сэкономила» русским 1,5 тысячелетия развития, позволив нам начать с аналогичных западным стартовых, а по сравнению с Центральной Европой даже приоритетных позиций. Тот факт, что Реймс старше Владимира на целое тысячелетие отчасти нивелировался мощнейшим культурным излучением из Константинополя. Именно подаренная Византией экономия усилий в цивилизационном развитии помогала нам не раз и не два держаться наравне со «старой Европой» и никогда ни при каких обстоятельствах не скатываться в ситуацию культурного мелководья.

Наше отставание было бы еще меньше (если бы вообще ощущалось), если бы источник культурной иррадиации из Византии не пресекся бы так рано – после взятия Константинополя в 1204 году, после которого уже пошли судороги Византии. И если бы не мощная экспансия Азии, уничтожившая целый пласт материальной и духовной культуры Руси после Батыева нашествия, а в Византийском мире подавив как культуры посредники – Болгарию и Сербию, так и саму Византию в ходе Османского завоевания.

Представим себе, что Русь продолжает развиваться в домонгольском темпе, при этом сохраняя плодотворную коммуникацию с Западом. Представим себе, что Византия, не сокрушенная крестоносцами, продолжает оказывать свое культурное влияние и, если и гибнет под ударами турок, у её политической, духовной и культурной элиты есть выбор –

отправиться ли в Италию, или же на Русь. Совершенно очевидно, что сравнительные темпы развития России и Запада были бы совсем иными, корректировались бы в нашу пользу.

Поэтому ничего более нелепого и абсурдного, чем призывы «сбросить византийское наследие», чем стремление горько оплакать «ошибку князя Владимира», который не позвал немецких попов с крыжами, попросту не существует. Отречение от византизма для России – это не «вступление в Европу», а выпадение из неё, уничтожение того фактора, который компенсирует стадильное отставание нашей цивилизации от цивилизации западного ядра. Наше место в Европе, наша претензия на культурное равноправие в Европе, обеспечивается именно тем фактом, что наша цивилизация восходит к античному источнику через другие, в чем-то даже более аутентичные каналы, чем цивилизация Запада. В нашем культурном коде есть участки, на которых мы можем не заимствовать у Запада и не догонять его, а просто спокойно продолжать собственное развитие.

Византизм стал одной из базовых категорий русской цивилизации. Даже исчезнувшая и полузабытая Византия – это те «нули», через которые наша русская «единица» имеет совсем другой культурный и цивилизационный номинал.

Принятие Христианства от Византии, вхождение в православный религиозный и византийский цивилизационный мир с одной стороны обеспечило Руси впечатляющий культурный скачок, а с другой, - предопределило её своеобразное историческое лицо и идентичность, которые уже не могли быть растворены среди других народов и цивилизаций.

Начав цивилизационное развитие практически с нуля, лишь с незначительного влияния на часть славян положения в качестве балканской периферии Византии, Русь получила в своё распоряжение самую сложную и развитую цивилизацию тогдашней ойкумены. В её городах стоились роскошные крестово-купольные

храмы, украшенные сияющие золотом мозаиками и иконами, в скрипториях архиерейских резиденций, дворцов и быстро размножившихся монастырей переписывались книги, расцветали ремёсла и торговля, мальчики в далеком северном Новгороде осваивали письмо на берестяных грамотах (скорее всего то же самое происходило и в других регионах Руси, просто береста в большинстве случаев не сохранилась). Культурный уровень домонгольской Руси поражал западных современников.

Если нельзя однозначно сравнивать собор в Реймсе с Успенским и Дмитриевским соборами во Владимире, утверждая, что они показывают одинаковый уровень развития цивилизации, то, вспоминая полуторатысячелетний исторический путь Реймса и стремительный взлет Владимира мы можем только изумляться тому, какую скорость приобрели на Руси процессы культурогенеза. Страны, периферией которых должна была быть Русь в случае «европейского выбора», она с очевидностью долгое время обгоняла.

Слово «Православие» может пониматься нами двояко. Во-первых, как ортодоксальное христианское вероучение, система разъяснений христианского Откровения, выработанная на вселенских соборах в ходе нескольких веков борьбы с ересями и закреплённая в строгих и ясных догматах. Во-вторых, как религиозное мировоззрение и церковная практика восточного Христианства, отличающаяся от Христианства западного, исторически приобретшего наименование католичества. Это восточное Христианство составило особенности церковно-исторического и духовного облика Византии, Руси и других народов «византийского содружества».

Важно понимать, что в первом смысле выработка и оформление Православия к моменту соприкосновения Руси и Византии были закончены. Окончательная победа иконопочитателей, «торжество Православия», состоялось в 843 г., через 4 года после первого задокументированного контакта Руси и Византии, отмеченного в Бертинских анналах под 839 г., и всего за 17 лет до первой

зафиксированной попытки принятия Русью Христианства в 860 г., - фотиева крещения Руси.

Православие Вселенских Соборов, догматическая система, церковного христианства, было полностью выработано и принесено на Русь в готовом виде. Да и те уточнения, которые вносились в поздневизантийский период, включая исихастские споры, были приняты Русью в том виде, в котором их сформулировала Церковь в Константинополе.

А вот на попытки изменения догматов и отступления от православия во втором смысле, смысле Восточного Христианства, Русь реагировала без всякого всепрятия, предельно решительно. Мы можем связать это с тем, что формативный период Православия в этом смысле пришелся как раз на момент Крещения Руси и наши предки были сами активными участниками этого процесса. Византийское Православие, ещё только вырабатывая особую историческую реальность и самосознание, по сравнению с западным папизмом, одновременно с этим самосозиданием формировало и Русь.

Первое крещение Русь приняла от св. патриарха Фотия, который может по праву считаться «отцом основателем» восточного Православия, так как именно он предельно резко, вплоть до «фотианской схизмы» выступил против канонической экспансии и богословских ошибок Рима, включая основополагающую проблему «филиокве».

В нараставшем в XI-XIII веках отчуждение Византии и Запада, Русские земли занимали сперва очень сдержанную позицию, о чем говорит, например, введение Мономахичами празднования перенесения мощей святителя Николая Чудотворца в Бари, чисто западного праздника, имевшего, по сути, антивизантийскую направленность. Однако после разгрома крестоносцами Константинополя это отчуждение стало, по сути, необратимым и, соответственно, обеспечило устойчивую идентичность Руси, поставившую

практически непреодолимую границу романо-германской колониционной экспансии. Немецкий орден еще мог силой отбить у ослабленного Полоцкого княжества контроль над Прибалтикой, однако даже после монгольского разгрома попытка части псковичей перейти под покровительство латинян была стремительно пресечена Александром Невским, отбившим Псков и разгромившим орден и армию дерптского епископа на льду Чудского озера.

Православие предотвратило эрозию национально-культурных границ Русского мира с Запада, зафиксировав их на долгие столетия, сохранив русскую идентичность даже в составе других государств, прежде всего Литвы, а затем – Речи Посполитой, и создав возможность ирредентистского контрнаступления сперва столетия после прекращения политической связи этих земель с Северо-Восточной Русью. В своем непосредственном, пограничном геополитическом окружении русские маркировались как славяне, исповедующие византийское Православие, и это поддерживало русскую идентичность на долгие столетия. Даже память о былом исповедании Православия после навязывания Речью Посполитой Брестской унии выступала как мощный рычаг реинтеграции русских земель, шедшей одновременно под религиозными и национальными лозунгами. К примеру, именно такой генезис имеет понятие Малой Руси, выработанное Иваном Вишенским и принятое в окружении Богдана Хмельницкого как программа воссоединения с Россией.

Принятие византийского Православия поставило Русь в парадоксальную ситуацию. В далекие, подчас экстремальные, северные условия была пересажена полноформатная южная, средиземноморская цивилизация с исключительно сложной нюансированной культурой, базировавшаяся на совершенно иных хозяйственных, психологических, бытовых основаниях и требовавшая значительных энергозатрат для своего поддержания.

Обратим внимание на то, что первые семьсот лет своей истории русская культура жила в своего рода воображаемом мире воображаемой Византии. В этом мире происходило действие большинства икон (включая и тех, которые были посвящены русским житийным сюжетам, но подчинялись византийскому канону). В этом мире протекали события подавляющего большинства всенародно любимых житий святых. Лишь с XVI века Русь окончательно оформила свой оригинальный, невизантийский архитектурный стиль – шатровое зодчество. При этом с середины XV века внешняя реальность, соответствовавшая этой воображаемой Византии окончательно прекратила своё существование. Однако еще более двух столетий византийская культурная голограмма безоговорочно определяла эстетику и миропонимание русской цивилизации, да и по сей день имеет огромное значение.

Поддержание такой сложной и разветвленной виртуальной реальности должно казаться совершенно непродуктивным с прагматической точки зрения. А «естественной» и укладывающейся в рамки здравого смысла реакцией на такое положение вещей стало бы значительное культурное и религиозное упрощение. Его не избежали даже северные области западного Христианского мира, несмотря на то, что имели ресурс постоянной культурной поддержки в виде связей с Римом. Именно это постепенно накапливавшееся упрощение стало предпосылкой начавшейся еще в XIV в. (вспомним деятельность Джона Уиклифа), а открыто вышедшей на поверхность в XVI Реформации.

В ходе развития русской культуры такой тенденции к упрощению не намечалось ни в домонгольский, ни, что еще удивительней, в послемонгольский период. Особенно показательна в этом смысле была культура русского Севера, даже технологическая примитивность, порой обнаруживаемая в новгородской и псковской иконе, соединяется со структурной сложностью. Иногда мы видим еще большее усложнение культуры, как в случае с появлением северной деревянной скульптуры-иконы, не имеющей византийских

аналогов. Шедевры северной русской архитектуры обладают вычурной сложностью и изощренным художественным исполнением.

В целом древнерусская культура ни на одном этапе своего развития, включая и самые тяжелые, не показывает ни малейших признаков дегенерации и упрощения. Напротив, при каждом удобном случае она изыскивает способы достичь увеличения сложности за счет привлечения внешних влияний – будь то второе южнославянское литературное влияние в XIV веке или мощнейшие культурные связи с Италией в XV начале XVI века, сделавшие Москву фактической участницей итальянского Ренессанса. Сохраняя базовую византийски-православную идентичность Россия раз за разом добивалась обогащения своего культурного багажа, в известном смысле противостоя процессам энтропии в своей культурной системе.

Когда в петровскую эпоху пришел черед заимствовать культурные и научно-технические достижения у протестантской Северной Европы, так что порой создавалось впечатление настоящего культурного псевдоморфоза, полной утраты Россией своего культурного лица, именно фактор Православия делал этот псевдоморфоз ограниченным в пространстве-времени и частично обратимым. Культурные стратегии неоромантизма и модерна на рубеже XIX и XX веков так же немедленно были использованы для подновления русского «византизма».

Мало того, разрушительный для большей части культурного наследия России советский период оказался по меньшей мере двусмысленным в отношении древнерусского периода – вес «древнерусской», а стало быть и византийской составляющей в общем представлении о русской культуре не уменьшился, а неожиданно увеличился за счет падения престижа и частичной дискриминации петербургского периода. Реставрация древнерусских памятников, превращение их в символы этничности, рост внимания к древнерусской литературе, повсеместное

увлечение старой русской иконой, стали неотъемлемой частью русского этнического возрождения в 1960-70-е годы.

Византийское православие стало для русской цивилизации постоянно действующим фактором исключавшим вероятность примитивизации религиозных, культурных и жизненных форм. «Культурная голограмма» Византии создавала ту избыточную сложность, необъяснимую с позиций культурного эволюционизма, которая позволяла России создавать и поддерживать структуры государства, общества и цивилизации, казалось бы не соответствующие скудному аграрному базису. Изначально внесенное в русский менталитет представление об идеальной цивилизации, которую являла византийская «голограмма», вынуждало русских изыскивать ресурсы для достижения соответствия этому идеалу. Воображая Византию, Русь как бы сама себя вытаскивала за волосы из болота непростых исторических обстоятельств.

Особенно важной была при этом роль русских монастырей, особенно той общежительной традиции, начало которой связано с именем преподобного Сергия Радонежского. В истории западного Христианского мира монастыри тоже играли роль очагов цивилизации. Однако в условиях ограниченного пространства большинства западных стран их роль маяков культуры быстро перехватили города, монастыри оказались только их спутниками. На Руси монастырь столетиями оставался во многих районах, прежде всего на севере, единственной известной формой цивилизованной жизни. Он был не только центром грамотности, культуры и просвещения, не только страховочным сельскохозяйственным банком на случай неурожая, но и хранителем навыков интенсивной хозяйственной деятельности, позволявших добиваться результатов далеко превосходящих обычные показатели для северного климата. Монастыри внедряли совершенные аграрные технологии и формы организации труда, добивались устойчивого контроля за производительностью и урожайностью. При этом монахи как

правило избегали того brutального насилия, к которому зачастую указывались склонны в отношении крестьян сельские землевладельцы. Нравственное влияние монастыря было не пустыми словами. Символом монастырской колонизации русского Севера и его своеобразной столицей стал Соловецкий монастырь, духовная и хозяйственная «империя» которого раскинулась по берегам Белого моря.

Не менее значимым для хода русской истории фактором была систематическая борьба за полноту канонической власти русских иерархов, прежде всего – митрополитов, сперва Киевских, затем Владимирских и, наконец, Московских. Если посягательства на разрыв канонического подчинения Константинопольским патриархам были единичными, то стремление подавить «сепаратизм» тех или иных церковных округов и восстановить единство митрополичьей власти проходит красной нитью через всю русскую церковную историю.

Митрополиты интенсивно сопротивлялись любым попыткам разделения Русской митрополии вслед за разделением княжеств. Два столетия вели борьбу против попыток оторвать от Русской митрополии Галицкую Русь и территории подвластные Великому Княжеству Литовскому, включая Киев, не приветствовали и образование сепаратных княжеств, ведших к ослаблению церковных связей и разрыву церковной власти. Посягательства сумевших в конце-концов отделиться Литовских митрополитов на Новгород послужили одним из основных предлогов и мотивов для ликвидации независимости Новгородской республики, причем в летописях поход на Новгород подается как едва ли не религиозная война.

Рано сформированная единая русская церковная организация выступала в качестве постоянного центростремительного политического фактора, содействуя установлению или восстановлению единой княжеской и царской власти. Не случайно великокняжеский титул Всея Руси был скопирован с титула Русских

митрополитов и именно в митрополичьей канцелярии начинает употребляться в отношении к Московским князьям слово «господарь», позднее превратившееся в «государь». Без особого преувеличения можно сказать, что позднесредневековый образ «Росии» как единого суверенного государства возглавляемого собственным царем и самодержцем был без остатка сконструирован институтами Русской митрополии. Стараниями же митрополита Макария был провозглашен и царский титул, а менее полувека спустя царство отблагодарило священство добившись для русских митрополитов патриаршего титула. Священство и Царство наперегонки конструировали Россию, приводя в соответствие её политические и канонические границы.

ЛЕСТВИЦА В НЕБО

Русская шатровая архитектура и наследие преп. Иосифа Волоцкого

Духовное влияние преподобного Иосифа Волоцкого и его традиции на русскую культуру и историческую жизнь поистине огромно и не вполне еще оценено. Именно под воздействием его идей в XVI веке Русь начала развивать и культивировать не просто византизм как определенный комплекс религиозных-социальных и культурных идей, тесно связанных с принесенным на Русь из Византии православием. Влияние иосифлянства пробуждает стилистическое, культурное оформление «русскости» в качестве особой, уникальной формы православной цивилизации. Россия начинает не только правильно и талантливо повторять греческое, но и создавать собственное — своеобразное и уникальное...

Определить культурное значение этого течения непросто. Слишком много здесь накоплено предубеждений, слишком часто победа иосифлян над их оппонентами (мнимыми, заметим, оппонентами) — нестяжателями, якобы руководимыми, как утверждают, преподобным Нилом Сорским (на самом деле, перед нами историографическая легенда, основанная на некритическом восприятии источников середины XVI в.), считается едва ли не главной причиной упадка древнерусской духовности и культуры.

Иосифлянство якобы «засушило» древнерусскую культуру своим «обрядоверием» и «формализмом», своей «политической ангажированностью». Мы не будем специально возражать на эти утверждения — мы это сделали в другом месте, показав, что политическая борьба Иосифа Волоцкого и Нила Сорского является историографическим мифом, созданным еще в XVI веке князем-иноком Вассианом Патрикеевым в целях его собственной борьбы за духовное влияние на политический курс князей московских.

Никаких достоверных сведений об идейном и политическом оппонировании двух преподобных не сохранилось. Зато есть вполне

достоверные и материальные свидетельства их согласия — например, «Просветитель», рукопись преподобного Иосифа, переписанная рукой преподобного Нила.

Ни о каких равнозначных «партиях» в русском православии XVI века речь идти не может. В политическом и социальном плане именно иосифлянство с его идеей о России как своеобразной «сверхдержаве благочестия» является средоточием русской православной традиции XVI века.

В то же время традиция Нила Сорского представляется нам вполне аутентичным и плодотворным продолжением всей древнерусской духовной традиции, имеющей своим истоком боговидение преподобного Сергия Радонежского и его мистику Троицы. Эти духовные течения просто развивают разные стороны этого идеала в условиях, когда социальные и исторические обстоятельства не оставили возможности сохранить целостность «Сергиева» видения и каждый конкретный церковный деятель вынужден был выбирать между исихазмом пустыни и благовествованием миру.

Вводные замечания об иосифлянкой эстетике

Рассуждать об отражении тех или иных идей в архитектуре всегда непросто. По мысли Гегеля единство идеального и реального в символе может быть дано в трех возможных комбинациях: с преобладанием идеи — в литературе и музыке, с равновесием идеи и материи — в живописи, и с преобладанием материи над идеей — в архитектуре.

Древнерусская эстетика является прежде всего эстетикой духовного и идеального, а значит, она будет прежде всего эстетикой словесного и музыкального образа, затем — эстетикой образа иконописного, и уже в последнюю очередь — эстетикой архитектуры.

При довольно развитой теории, скажем, иконописи, у того же Иосифа практически нет высказываний об архитектуре.

Архитектурный образ не просто поддается идеологической расшифровке, потому нам представляется более уместным начать с установления ключевых эстетических идей иосифлянства, а уже затем искать их отражение в различных архитектурных памятниках.

Средневековая архитектура строго канонична, в ней почти нет места для субъективного вкуса. Практически все в ней определяется фундаментальными мировоззренческими мотивами, общими принципами эстетики.

Прежде всего, иосифлянская эстетика — это эстетика богословская. О ней трудно говорить как о теории или философии искусства. Искусство занимает отнюдь не первое место в числе эстетических феноменов. Да и в самом искусстве ценится не столько отражение реальной жизни, не аристотелевский «мимесис», сколько непосредственное выражение движений души, восславляющей Бога.

Если и можно говорить о подражании, то это подражание прежде всего духовным реальностям, в первую очередь Богу. Не случайно, что высшим проявлением творчества считается творчество подвижника по созданию в своей душе подобия Богу.

Затем, эстетика иосифлянства сугубо традиционна. Для средневековой, как и для всякой традиционной культуры, новизна и оригинальность являются не достоинством, а пороком и свидетельством гордыни. Поэтому мы не найдем у преподобного Иосифа каких бы то ни было новых и неожиданных идей.

Он предстает скорее собирателем и систематизатором предшествующей богословской и эстетической традиции, он не столько создает, сколько оформляет и формулирует. Своеобразие волоцкого игумена в тонких оттенках, неуловимой перестановке акцентов, предпочтении одних мотивов другим. Мы и будем обращать внимание на такие оттенки, чтобы найти в них возможные причины изменений в древнерусской архитектуре XVI века.

Наконец, весьма важным представляется тот факт, что эстетика иосифлянства — это эстетика аскетическая. Иосиф — прежде всего монах и организатор монашества. Он смотрит на мир и на красоту глазами монаха. Для него прекрасное одновременно и обязательно душеполезное. И здесь возникает первая крупная проблема. Как вообще возможно прекрасное, как возможно искусство с точки зрения монаха, полностью отрешившегося от мира?

Как возможна красота?

Полезно будет сопоставить здесь подходы преподобного Нила Сорского и преподобного Иосифа. Нил оказывается наследником древнехристианского мироотрицания не только в отношении к церковному имуществу, но и в подходе к красоте. Он решительно отрицает всякую внешнюю красоту, будь то искусство или природа, даже красоту человеческого тела. Вся эта красота брэнна, ибо «преходит образ мира сего».

Он перефразирует преподобного Феодора Студита: «Се бо зрим во гробы и видим созданную нашу красоту безобразну и бессловесну не имущу вида». Единственная подлинная красота — это красота духовная, красота, стяжаемая молитвой, постом, многотрудными аскетическими подвигами. Только несотворенный свет, видимый подвижниками-исихастами, является подлинно прекрасным, искусство может дать только его слабое отражение.

Для преподобного Иосифа красота духовная также стоит на первом месте — без чистой души и духовно собранного ума никто не прекрасен. Однако Иосифу близок более гармоничский эстетический идеал, чем преподобному Нилу. Внутреннему прекрасному устройению должен соответствовать и прекрасный внешний облик.

Хотя человек и должен «не точию телесное показати, но и ум весь собрати с сердечным чувством», но достигается это путем постепенного преображения человека от внешнего к внутреннему:

«Прежде о телесном благообразии и благочинии попечемся, потом же и о внутреннем хранении».

В «Просветителе» он так поучает инока: «Ступание имей кротко, глас умерен, слово благочинно, пищу и питание немятежно, потребне зри, потребне глаголи, будь в ответах сладок, не излишествуй беседу, да будет беседование твое в светле лице, да даст веселие беседующим тебе».

Облик самого Иосифа вполне соответствовал этому идеалу — лицом «уподобися древнему Иосифу», с темно-русыми волосами, с округленной, не слишком длинной бородой, он был великолепным чтецом и певцом: «Бе же у Иосифа в языке чистота и в очех быстрость, и в гласе сладость и в чтении умиление: никто бо в те времена нигде таков явися».

Не менее определенны и его воззрения на красоту рукотворную. Для Иосифа это прежде всего красота храма, красота богослужения. Для человека Древней Руси посещение церковного богослужения являлось праздником. Сама храмовая среда и процесс богослужения были ориентированы на нравственное очищение и духовное совершенствование человека, причем далеко не в последнюю очередь с помощью художественно-эстетических средств — возвышенного храмового действия и красоты.

Храм — место, где царят «благочиние» и порядок, место, где человек встречается с Церковью как одной из высших нравственных и эстетических ценностей. «Ничто же тако образованну нашу не устраивает жизнь, яко же еже в церкви красование... В церкви печальным веселие, в церкви труждающимся успокоение, в церкви насилуемым отдохновение», — пишет Иосиф.

В церковном единстве Иосиф хотел бы охватить весь мир, сделать всю жизнь единой космической литургией. Не случайно и общую храмовую молитву он предпочитает уединенной молитве отшельника. В церкви «отцем множество... пение единодушно к Богу воссылается, и единомыслие и согласие и любовь союз». В церкви

молятся «не человеци точию, но ангели припадают владыце, и архангели молятся».

Из этих эстетических принципов с необходимостью вытекает и разный подход к архитектуре Нилова и Иосифова направлений. Нилово направление не оставило после себя никакого архитектурного наследия. Пышный каменный храм, которого не построить без суеты, без денег, добытых с церковных земель, пустынною не нужен: он есть только свидетельство тщеславия, упования не на нетленного Бога, а на брентную и легкоразрушимую видимую красоту: «не лепо чюдитися делом человеческих рук и о красоте зданий своих величатися».

Не зря в конце XV века, в период жизни Нила в Кириллово-Белозерском монастыре в качестве духовного наставника там прекратилось всякое каменное строительство. С преобладающим влиянием иосифлянства это строительство возобновилось: за короткое время с 1519 по 1523 год были возведены церковь Введения, трапезный храм, казнохранилище, Святые ворота, мощные стены, превратившие монастырь в один из значительнейших и прекраснейших памятников архитектуры XVI столетия. Иосифлянской идее преображения мира в Церковь (в обоих значениях этого слова) соответствовала максимально широкая строительная программа.

Красота в ее воплощении

Для преподобного Иосифа Бог является величайшим Художником, Архитектором, Мастером. Богосотворенная красота природы ставится очень высоко в иерархии эстетических ценностей. Человек позднего Средневековья с неменьшим восторгом и изумлением радуется и красоте человека, и красоте пейзажа и небесных светил, и красоте творений рук человеческих.

Творения рук человеческих, особенно это касается архитектуры, должны гармонировать с природой. Соответственно и в

архитектурной практике исключительное место отводится ландшафту. С самого зарождения русского христианства древнерусские мастера придают важное значение экстерьеру.

Греческий храм, обычно зажатый на тесных улочках шумного города, предназначен не для внешнего, а для внутреннего созерцания. Это — храм-эклисия, то есть собрание, храм, главная функция которого — в собирании людей из мира и в возведении их к Богу.

Главное в нем — это интерьер, в особенности его иконописная программа, долженствующая дать человеку целостный образ сотворенного Богом и одухотворенного космоса. И сама архитектура крестово-купольного храма должна прежде всего отразить совершенство мира и попечение Бога о нем. Храм должен соединить внутри себя небо и землю.

Древнерусский храм более ориентирован на внешнее восприятие и соотнесен прежде всего с окружающей его природой. Постепенно эта ландшафтность и декоративность, это преобладание экстерьера над интерьером возрастают, и решительный перелом приходится именно на иосифлянскую эпоху.

Возникает принципиально новый, не имеющий византийских аналогов тип шатрового храма. Этот храм меньше всего предназначен для молитвы внутри него: молятся на него, находясь снаружи. В нем собственно почти нет места для молящихся, и интерьер его крайне беден. Это по существу храм-знак, храм-символ, определенным образом организующий природное пространство вокруг, обозначающий видимым образом невидимое присутствие Творца и Его Церкви.

Боговидение у Иосифа, продолжателя дела Сергия Радонежского, — это мистическое созерцание Святой Троицы, единосущной в трех лицах. Причем Иосиф склонен подчеркивать в Троице именно аспект единства: «Троица присно Бог именуется, аще и три лица, но едино существо, и едино естество, и едино божество, едина премудрость, и едина сила, и едино хотение».

Причем Иосиф проецирует отношения внутри Троицы на человеческое общество. В его «социологии» преобладают общественное и унитарное над личным и частным. Избранный игуменом Пафнутие-Боровского монастыря, он выражает желание восстановить строгий общежительный устав: «единство и всем общее во всем», идеалом монастыря для него является Кирилло-Белозерский — «не словом общий, а делы».

Для преподобного Иосифа высочайшим проявлением жизни является единая Церковь, поэтому он так ревностно ополчается на нарушающих церковное единство еретиков. Предназначение мира для него состоит в том, чтобы духовно преобразиться в Церковь, а значит, и Церковь должна не уходить от мира, но быть «Церковью воинствующей», смело обращаться к миру, изменять, нравственно преобразовывать его, очищать и возвышать до Бога.

Вопреки установившемуся в историографии мифу, преп. Иосиф никогда не защищал церковных «стяжаний» от планируемой Иваном III при поддержке Нила Сорского секуляризации. Просто потому, что Иван ничего подобного не планировал, а Нил ничего подобного не поддерживал. Спор между Вассианом Патрикеевым и митрополитом Даниилом был задним числом опрокинут в прошлое, изготовлены были из подлинных посланий Иосифа и Нила их «мнения» по не возникавшему при их жизни вопросу (они если и спорили, то по другой теме — следует ли еретиков-жидовствующих казнить, или же побуждать к покаянию).

Зачем монастырю нужны богатства, сам Иосиф объяснял в совсем другой связи — возражая на попытки удельных князей захватить церковные имущества на том основании, что они некогда были подарены Церкви. Церковное добро защищалось против феодального хищничества. Иосиф такое мнение решительно отвергал. «Надобно церковные вещи строити, св. иконы и св. сосуды и книги, и ризы, и братство кормити... и нищим и странним и мимоходящим давати и кормити». Как духовный отец, игумен вмешивается в отношения бояр с холопами, требуя человеческого

отношения к подневольным и подкрепляя рациональные аргументы угрозой Страшного Суда, где «сицевые властители имуть мучимы быти в веки».

От дмитровского князя преподобный Иосиф требует в голодную годину установления твердых цен на хлеб. Для окрестного населения монастырь всегда являлся источником хозяйственной помощи. Отдельно речь пойдет и о теснейшем союзе иосифлянского направления в Церкви с государственной властью.

Храм-знак

Идея обращенного вовне, на площадь, к толпе, храма, — храма, приходящего почти непрошенным к человеку, доминирующего над всем пространством человеческой жизни, как нельзя лучше гармонирует с церковной и общественной позицией преподобного Иосифа. Не случайно в последнее время высказано предположение о том, что храм Покрова на Рву служил только алтарем, или даже престолом для храма, который представляла из себя вся Красная площадь. Внутри него молилось только духовенство.

Такие памятники, как столпообразная церковь святого Иоанна Лествичника в Кремле (1508), чьим возможным прототипом была колокольня Иосифо-Волоколамского монастыря (1495), собор Покрова на Рву (1555), церковь Вознесения в Коломенском (1532), церковь святого Иоанна Предтечи в Дьякове (середина XVI века), церковь Богоявления в селе Красном (1592) хотя и построены после смерти преподобного Иосифа, но достаточно точно выражают его общественный и эстетический идеал.

Сколь велико оказалось влияние иосифлянской эстетики на нормативное восприятие древнерусской архитектуры последующими веками, показывает судьба знаменитого храма Покрова на Нерли, ставшего сравнительно недавно, уже в позднесоветский период, своеобразным символом древнерусской архитектуры.

Для современной репрезентации этого храма характерна выделенность, соотнесенность с ландшафтом. Он кажется стоящим одиноко, как свечка, посреди бескрайнего поля. Он полностью развернут вовне — в него практически невозможно зайти, да и кажется ненужным это делать. Он не столько приглашает на богослужение, сколько напоминает о Божием присутствии в мире. Так этот храм выглядит и воспринимается сейчас.

Но исходно это типичный храм-эклисия — небольшой, первоначально обнесенный внешней колоннадой. В его исходном, нереставрированном облике были лишь зачатки знаковости, обращенности вовне, хотя, несомненно, традиции «боголюбивской» архитектуры оказали мощное влияние на иосифлянскую архитектуру XVI века. «Храмом-знаком» храм Покрова сделало архитектурное сознание нашего времени, сформированное под мощным воздействием «иосифлянской» эпохи русской архитектуры.

Храм-знак, гордо вознесшийся над землей, был еще и храмом-знаменем, храмом-знаменем, стягом, поднятым над воинством Христовым и указывающим ему путь к Царствию Небесному.

Воинская символика очень важна для православных подвижников — она находит свой исток еще в словах евангельских: «Царствие Небесное силою нудится и употребляющие усилие восхищают его» — и апостола Павла: «Наша брань не против плоти и крови, но против духов злобы поднебесной».

Путь аскета именуется «духовной бранью», сами монахи — «воинством Христовым». Даже одежда монашеская, в древней Церкви именуемая «схима», происходит от греческого «схема», обозначающего военный строй и военную униформу. Уставы общежительных монастырей изображают жизнь братии в терминах военного распорядка, подчиненного строгой дисциплине и неукоснительному послушанию старшим.

Преподобный Иосиф — сам автор монастырского устава, был ревнителем общежитного монашества. Он строго следит за

ношением всеми единообразных одежд и вкушением единообразной пищи. Никто не смеет покидать монастырь без благословения игумена и даже нести аскетические труды сверх положенной игуменом меры.

Вообще понятие меры, соразмерности, разумной дисциплины тела и духа играет очень важную роль в мировоззрении игумена Волоцкого. Неукоснительно требуя от всех подчинения общему уставу, преподобный Иосиф в то же время разделяет монахов на три категории по степени добровольно принятых ими на себя духовных подвигов. Не только мужественные подвижники, но и люди более слабые, но все же жаждущие подвизаться, не должны лишаться возможности сражаться за свое спасение.

В XVI веке военная символика находит свое выражение не только подсознательно, через храм-знак, вознесенный над землей подобно сторожевой башне или военному трофею, но и прямо, в иконографии «Церкви Воинствующей» (1550-е годы), в широком распространении образов святых воинов (святого Георгия Победоносца, архангела Михаила) с подчеркнутой военной символикой.

Наконец, крупнейшие русские монастыри даже видимым образом превращаются в крепости, вокруг этих духовных крепостей выстраиваются вполне материальные неприступные стены. Кириллово-Белозерский, Ферапонтов, Иосифо-Волоколамский, Симонов в Москве, Соловецкий — вот немногие монастыри, обзаведшиеся мощными стенами в XVI веке. Москва обзаводится целым кольцом из «сторожевых» монастырей, играющих ключевую роль в ее обороне.

Храм-знак несет на себе и еще одну функцию — для той эпохи это и храм-памятник, храм-монумент, причем увековечивает он политические события. Форма столпа здесь ассоциируется с античной памятной колонной, а шатер с «трофеем».

Известна теснейшая связь иосифлян с русскими великими князьями и царями: эта связь была обусловлена не угодничеством перед властью придерживающимися, а принципиальной позицией. Иосифлянство не мыслило упрочнения христианского общества без содействия государственной власти.

После падения Константинополя и гибели Византии Иосиф видел в русском князе единственного защитника правой веры, подлинного православного царя, который «естеством подобен во всем человеком, властью же подобен Богу». Именно в иосифлянских кругах утверждается эсхатологическая концепция Москвы — «Третьего Рима». Понятно, что польза и успехи Русского государства были для иосифлян пользой и успехами православия.

Здесь и находится исток возникновения храма-памятника, наиболее ярким примером которого является Покровский собор, воздвигнутый в 1555–1561 годах в память о взятии Казани, то есть, по существу, в ознаменование победы православия над неверными, как символ своеобразного отмщения русских царей за взятие агарянами Царьграда.

Иосифлянская установка на значимость внешней, а не только внутренней духовной красоты вызвала значительный всплеск в архитектуре, иконописи и вообще церковной древнерусской культуре того времени. Иосифлянство, как преобладающее духовное течение эпохи, выступало в роли заказчика практически всего церковного строительства и оказывало на него существенное влияние.

Влияние иосифлянства сыграло существенную роль в возникновении храма-знака в противоположность храму-эклисии, где внутреннее пространство преобладает над внешним, с такими его существенными признаками, как преобладание экстерьера над интерьером, вписанность в природный ландшафт, ориентированность не на пребывание внутри, а на созерцание извне.

Итак, мы можем выделить выделить три иосифлянских идеи в храме-знаке.

Идея первая. Социальная ориентированность, обращенность иосифлянства к миру, идея превращения всего мира в Церковь ведут к доминированию храма над окружающим пространством. Храм-знак своей обращенностью вовне символизирует присутствие и власть Бога в мире, включение всего мирского в священное пространство храма.

Идея вторая. Важная роль в монашеской и в частности иосифлянской эстетике военной символики, идеи церкви и монашества как воинства продуцируют понимание храма-знака как храма-знамени, военного обелиска и монастыря как крепости, укрепленной мощными стенами.

Идея третья. Понимание иосифлянами Москвы как «Третьего Рима», а русского князя как единственного православного царя обусловило восприятие политических событий как событий в то же время церковных. Отсюда и третья функция храма-знака — функция храма-памятника, сооружаемого в честь успехов государства.

Иосифлянство и эпоха русского расцвета

Духовное влияние преподобного Иосифа и его традиции на русскую культуру и историческую жизнь поистине огромно и не вполне еще оценено. Именно под воздействием его идей в XVI веке Русь начала развивать и культивировать не просто византизм как определенный комплекс религиозных-социальных и культурных идей, тесно связанных с принесенным на Русь из Византии православием.

Влияние иосифлянства пробуждает стилистическое, культурное оформление «русскости» в качестве особой, уникальной формы православной цивилизации. Россия начинает не только правильно и талантливо повторять греческое, но и создавать собственное — своеобразное и уникальное.

Культурное и духовное своеобразие средневековой Руси по сравнению с Византией стало фактом еще в XIV веке. Однако это внутреннее своеобразие было скрыто под внешней строго византийской формой, закрыто от глаза исследователей теснейшим внешним срастанием с Византией в эпоху «второго южнославянского влияния».

Творец внутреннего своеобразия русского православия, преподобный Сергей Радонежский свою жизнь посвятил монашескому деланию и государственному строительству, а не изменению культурных форм. Поэтому миссия инициатора стилистического и культурного поворота выпала на долю преподобного Иосифа.

Под иосифлянским влиянием сформировались и русская идеология государственной церковности и церковной государственности, и исключительно своеобразная шатровая архитектура, и символический стиль иконописи (поклонником которого сам преподобный Иосиф, в общем-то, не был). Именно иосифляне, прежде всего святитель митрополит Макарий, выступили инициаторами синтеза двух великих культурных традиций — владимирско-московской и новгородской, синтеза, который и создал, собственно, великорусскую культуру XVI–XVII веков, освободив ее от провинциализма.

Середина XVI века стала временем создания Великой Россией своего первого большого стиля. В каком-то смысле, именно в середине XVI века великорусская культура была в наибольшей степени равна себе.

С одной стороны — внутренняя интеграция, обобщение региональных культурных достижений и культурного опыта. С другой — свобода от внутреннего надлома, от кризисных явлений смуты и XVII века и принесенных ими мощных иноземных влияний. А поскольку именно архитектура традиционно является важнейшим символом культурной и цивилизационной идентичности, то факт формирования под иосифлянским влиянием уникальной, не

имеющей ни византийских, ни западных аналогов архитектуры храма-знака, является свидетельством оформления из Московской Руси особого цивилизационного феномена Великой России.

Не менее характерна судьба этой своеобразной самоидентичной русской культуры. Она очень скоро оказалась под гонениями и запретом. Причем главной причиной гонений стала её своеобразность, непохожесть ни на европейские, ни на византийские образцы.

Во влиянии на русскую культуру соперничали «западное влияние» и «поствизантийский синдром», причем, вопреки широко распространенному мнению, они не были противниками. Очень часто принятие «поствизантийских» аксиом, отрицающих возможность и необходимость русской самобытности в общественной жизни, в религиозной жизни, в культуре, было только первым шагом на пути к открытию Руси для западного влияния.

Комплекс запретительных мер против якобы «неканоничной» русской шатровой архитектуры, предпринятый сперва патриархом Никоном, а затем подтвержденный сместившими его соборами, наряду с репрессиями против старообрядчества был лишь первым этапом на пути сперва к «малороссийскому», полузападному влиянию на русскую культуру и Церковь, а затем и к западному «псевдоморфозу» русской культуры.

Весьма любопытен следующий факт — запретивший шатры Никон сам возвел в своем Ново-Иерусалимском монастыре грандиозный шатровый храм Воскресения Христова.

Очевидно, что «поствизантийская» идеология Никона находилась в значительном противоречии с его личными, сформированными русской традицией, культурными предпочтениями. Примерно так же Никон относился и к старообрядчеству — он воспринимал его как помеху на пути к осуществлению большого проекта по выдвигению Москвы на первое место во вселенском православии, но сам по обряду был типичным представителем русской традиции,

старообрядцем, служившим после оставления патриаршества по старым книгам.

Ставшая в XVII–XVIII веке жертвой реформаторских запретов великороссийская культурная церковная традиция, идущая от преподобного Иосифа, стала в XIX и XX веке предметом третирования со стороны русской интеллигенции и в частности исследователей церковной истории.

Преподобному Иосифу досталось и за «государственную церковность» и за «поддержку крепостничества» в форме защиты монастырских «стяжаний», и особенно за «церковный национализм», которого, кстати, он был практически чужд.

Всё то своеобразное, что было создано под влиянием иосифлянства в русской культуре, было объявлено «упадком», «вырождением», отступлением от «канона», то есть византийских образцов. В историософии многих авторов XX века эпоха после падения Константинополя стала временем «кризиса русского византизма», якобы неизбежно приведшего к «западному пленению».

Другими словами, за Россией и за русским православием отрицалось право на особую цивилизационную форму, особое историческое существование. Русская цивилизация должна была существовать либо в византийской (точнее, поствизантийской, ввиду гибели ромейской державы) сфере, либо в сфере западной.

Возможности создания картины, в которой Русь была бы центром культурного космоса, попросту не предусматривалось. И здесь стоит сказать доброе слово о советской культурологии и историографии — они постарались увидеть в архитектуре и живописи XVI века глубокое национальное своеобразие, большой стиль, который оказал серьезное влияние и на большой стиль советской архитектуры в эпоху её высшего расцвета.

Однако это своеобразие, в соответствии с антиклерикальными установками советской историографии, было ошибочно увязано не с иосифлянкой идеологией храма-знака, а с мнимым

«обмирщением». Что дало только лишние козыри в руки исследователей, отрицающих с православных позиций связанную с иосифлянством своеобразную русскую традицию XVI века.

Лествица в Небо

В результате сфальсифицированности русской культурной и архитектурной традиции русская культура представляется внешнему наблюдателю значительно более примитивной, вторичной и безликой, чем есть на самом деле.

Освальд Шпенглер, с исключительной тонкостью и наблюдательностью выстраивающий соответствия между архитектурой и цивилизационным устройством, вывел свое представление о «прасимволе» русской цивилизации — бесконечной равнине, именно отталкиваясь от сфальсифицированного представления о том, что «канонично», а что «неканонично» для русской архитектуры.

Он многократно говорит об «отсутствии какой-либо вертикальной тенденции в русском жизнечувствии». И аргументирует это, в частности, на архитектурном материале:

«Прасимвол русскости — бесконечная равнина, не находит пока твердого выражения как в религиозном, так и в архитектоническом отношении. Холмообразная церковная крыша почти не выделяется на фоне ландшафта, и торчат на ней шатровые коньки с «кокошником», маскирующие и нейтрализующие обращенность вверх. Они не возносятся подобно готическим башням, и не покрывают, подобно куполам мечети, но именно «торчат», подчеркивая этим горизонтальность строения, которому угодно быть на виду с исключительно внешней стороны. Когда Синод в 1670 году запретил шатровые крыши и предписал ортодоксальные луковичи, на тонкий цилиндр были насажены тяжелые купола, в каком угодно количестве «торчащие» на плоскости крыши».

Шпенглер отмечает особенность шатрового искусства, но принимает за «ортодоксальное» выражение русской архитектуры, за попытку «русского стиля» — то, что было результатом его разрушения, что являлось попыткой сохранить хотя бы часть запрещенного своеобразия, выразить то, что было запрещено выражать.

«Храм-знак» в его наиболее чистом и строгом воплощении в Вознесенской церкви в Коломенском без остатка устремлен вверх. Он не «торчит», он возвышается. Однако в отличие от нервного схоластического экстаза готики, шатровый храм спокоен и собран, он призван передавать не чувственные мистические озарения западных святых, а идею и дух «Лествицы», подъема человека по ступеням святости к соединению с Богом.

Не случайно, что один из первых замечательных образцов храма-знака, знаменитый «Иван Великий» в Кремле посвящен именно преподобному Иоанну Лествичнику. Храм-знак отсылает нас и к ареопагитической идее «Небесной иерархии», обращенной сверху вниз, передающей по «чинам» от высших к низшим Божественный Свет и Божественное ведение.

Архитектурный стиль, наиболее своеобразный и характерный для собственно русского мировидения, не распластан по горизонтали, не приплюснут к земле. Напротив, он собран и направлен вверх. Наиболее характерная для самобытного русского сознания архитектурная фигура — это фигура «храма вверху горы», являющегося той свечой, которую невозможно укрыть под сосудом.

Гора, доминирующая над ландшафтом, устремленный ввысь храм, доминирующий над горой — вот архитектурный ход, совершенно чуждый западной готике, в которой Шпенглер видит выражение западного, устремленного в бесконечность мировидения, мировидения беспокойной западной души.

На самом деле, Шпенглер очень сильно преувеличил «вертикальный» характер готики. Это восприятие вытекало из его немецкого происхождения и знакомства преимущественно с

немецкими памятниками и в самом деле вытянутыми ввысь, порой до абсурдности.

В готическом искусстве Франции горизонталь доминирует над вертикалью, а роза уравнивает стрельчатые арки и горизонтальные ряды скульптур. Французская готика — это чисто городская архитектура. Кафедральный собор призван господствовать над убогой реальностью средневекового города как образ Небесного Царства, залитого светом витражей и населенного бесчисленными статуями святых.

Серьезная оптическая ошибка Шпенглера состоит в том, что он забывает: готический собор практически невозможно воспринять целиком. Он облеплен со всех сторон домами, воспринимается частями, фрагментами. То ты видишь портал, то башню, то частичку внутреннего интерьера, где взгляд теряется в сумрачном лесу колонн, лишь пробиваемом лучами из витражных окон. Готика — феномен не «фаустовской», а схоластической души. Сумма Теологии, которая по определению не может быть никогда дописана.

Русский храм XVI–XVII веков — это знак божественного присутствия в мире, это знамя, вокруг которого собираются верные, это памятник Христовой победы над миром, повторяемой в духовных победах святых.

Абсолютно естественно для храма-знака его целостное, одномоментно схватывающее восприятие. Он призван быть ясной фигурой на развернутом пространственном фоне. В этом смысле он интегрирует иосфлянскую и нетяжательскую идеи, поскольку символизирует еще и фигуру одинокого отшельника. Особенно это заметно, когда внезапно глаз находит церковный шатер посреди сельского пейзажа.

Доведенная до логического предела идея «знакового» характера храма в городской среде была воплощена в златоглавой Москве, где купола и шатровые колокольни храмов переглядывались так, что не было, казалось, в городе места, в котором взгляд не был бы освящен

видом храма, в котором не виднелась бы одна или несколько церковных глав и вознесенных над ними крестов.

Даже и сейчас еще — прореженные атеистическим террором, заслоненные бездарными небоскребами московские церкви «переглядываются» одна с другой, не отпуская, не позволяя спрятаться, уйти от их свидетельства. Они становятся теми «вопиющими камнями», которые свидетельствуют миру о Христе, когда люди трусливо замолкают. Еще и в сегодняшней Москве эстетика «осифлянского» храма-знака не позволяет окончательно расцерковиться пространству.

И точно так же — идеи и дух русского православия, его цивилизационного и идейного своеобразия, в значительной степени созданного осифлянством, не дают окончательно «расцерковиться» России. Они остаются свидетельством того уникального единства церковного и национального начала, которое было достигнуто на Святой Руси, и которое и по сей день остается забытой и часто отвергаемой, но по-прежнему живой и жизненной основой русского национального существования.

ПРИЛОЖЕНИЕ I. ПОСОБИЕ ДЛЯ ПЯТИКЛАССНИКОВ

ПЛАН ПОСОБИЯ

Что такое история

- 1) История – память народа
- 2) История России в мировой истории
- 3) Как изучают историю
- 4) Кто вредит исторической науке
- 5) История и достоверность
- 6) Как объясняют историю
- 7) Что такое цивилизационный подход
- 8) Роль личности в истории
- 9) Теория суперструктур

1. Древние люди

- 1) Спор о происхождении человека
- 2) Каменный век
- 3) Древнейшие орудия
- 4) Охота и собирательство
- 5) Внешность древних людей
- 6) Быт древних людей
- 7) Мораль и религия

2. Охотники на мамонтов

- 1) Ледниковый период
- 2) Распространение современных людей
- 3) Верхний палеолит
- 4) Охотники на мамонтов на Русской равнине

3. Первобытные искусство и религия

- 1) Первобытное искусство
- 2) Религия палеолита
- 3) Первая этическая система
- 4) Мир в конце верхнего палеолита

4. Неолит

- 1) Таяние ледников. Мезолит
- 2) Неолит. Возникновение земледелия и скотоводства
- 3) Первые города
- 4) Новые ремесла и навыки. Металлургия
- 5) Возникновение власти. Мегалиты
- 6) Трипольская культура

5. Древний Египет

- 1) Что такое цивилизация
- 2) Природа и культура Египта
- 3) Власть фараонов и писцов
- 4) Египетская религия
- 5) Строительство пирамид

6. Древняя Месопотамия

- 1) Природа Месопотамии
- 2) Шумеры и семиты
- 3) Аккад – первая империя
- 4) Царство Ура
- 5) Хаммурапи и его законы
- 6) Месопотамская религия и культура

7. Древние индоевропейцы

- 1) Язык и культура древних индоевропейцев
- 2) Переселения индоевропейцев на Запад
- 3) Индоевропейцы в Восточной Европе
- 4) Движение индоевропейцев на Восток
- 5) Страна городов и изобретение колесниц
- 6) Эпоха колесниц на Востоке

8. Закат Бронзового века

- 1) Мир бронзового века
- 2) Египетская держава Нового царства
- 3) Переселение «народов моря»
- 4) Древняя Финикия
- 5) Происхождение ветхозаветной религии
- 6) Израильское царство

9. Ассирия и Нововавилонское царство

- 1) Железный век
- 2) Ассирийская военная держава
- 3) Организация ассирийского войска
- 4) Гибель Ассирии
- 5) Нововавилонское царство
- 6) Эпоха пророков в Израиле

10. Персидская Империя и скифы

- 1) Заратуштра и его учение
- 2) Кир Великий и персидские завоевания
- 3) Дарий Великий: оформление империи
- 4) Общество и культура скифов
- 5) Скифо-персидские войны

- 6) Скифы и окружавшие их народы

11. Развитие Древней Греции

- 1) Природа Греции
- 2) Греческая религия и мифология
- 3) Микенская Греция
- 4) Поэмы Гомера
- 5) Особенности греческой культуры
- 6) Греческая колонизация

12. Расцвет Древней Греции

- 1) Древняя Спарта
- 2) Греческая военная организация
- 3) Греко-персидские войны
- 4) Древние Афины
- 5) Междоусобная война греков
- 6) Расцвет греческой культуры

13. Завоевания Александра Македонского

- 1) Упадок греческих полисов
- 2) Филипп Македонский
- 3) Александр Македонский и начало его похода
- 4) Разгром и завоевание Персии
- 5) Поход в Среднюю Азию и Индию
- 6) Замыслы и смерть Александра

14. Эпоха эллинизма

- 1) Борьба наследников Александра
- 2) Империя Селевкидов

- 3) Египет Птолемеев
- 4) Эллинистический мир
- 5) Боспорское царство
- 6) Семь чудес света

15. Индия в древности. Буддизм

- 1) Природа и древнейшее прошлое Индии
- 2) Заселение Индии ариями
- 3) Ведийская религия
- 4) Варновая и кастовая система
- 5) Эпические поэмы
- 6) Возникновение буддизма
- 7) Древнейшие империи Индии

16. Китай в древности

- 1) Природа и древнейшее прошлое Китая
- 2) Эпоха борющихся царств
- 3) Конфуцианство, даосизм и легизм
- 4) Империя Цинь Шихуанди
- 5) Империя Хань
- 6) Борьба Китая с хуннами
- 7) Эпоха Троецарствия

17. Древний Рим

- 1) Западное Средиземноморье в древности
- 2) Легенды о начале Рима
- 3) Борьба патрициев и плебеев
- 4) Римская республика
- 5) Военная организация Рима
- 6) Религия и право Рима

18. Римские завоевания

- 1) Завоевание Римом Италии
- 2) Борьба Рима с Карфагеном
- 3) Создание Средиземноморской державы
- 4) Рабовладельческая система
- 5) Гражданские войны в Риме
- 6) Юлий Цезарь

19. Римская Империя

- 1) Император Август
- 2) Первые императоры и их политика
- 3) Римская империя на вершине могущества
- 4) Кризисные явления в Империи
- 5) Военная анархия
- 6) Установление домината

20. Христианство

- 1) Жизнь Иисуса Христа
- 2) Создание Церкви. Апостол Павел
- 3) Оформление организации и вероучения Церкви
- 4) Гонения на христиан
- 5) Император Константин
- 6) Основание Константинополя

21. Упадок Запада и начало Византии

- 1) Сасанидский Иран
- 2) Готы
- 3) Гунны
- 4) Великое переселение народов

- 5) Падение Западной Империи
- 6) Варварские королевства
- 7) Восточная Римская Империя

22. Расцвет Византии при Юстиниане

- 1) Особенности византийской цивилизации
- 2) Вселенские соборы
- 3) Юстиниан и его преобразования
- 4) Восстановление Империи
- 5) Тюркский каганат
- 6) Ираклий и войны с персами

23. Арабские завоевания и их последствия

- 1) Основание ислама
- 2) Арабские завоевания
- 3) Арабский халифат
- 4) Арабская культура
- 5) Смещение торговых путей
- 6) «Темные века» на Западе
- 7) Хазарский каганат

24. Византия от упадка к новому расцвету

- 1) Иконоборческий период
- 2) Болгарское царство
- 3) Торжество Православия
- 4) Отвоевание земель
- 5) Василий II и его эпоха
- 6) Кризис Империи
- 7) Династия Комнинов
- 8) Расцвет византийской культуры

25. Запад и империя Каролингов

- 1) Христианство в Ирландии и Англии
- 2) Создание Каролингской империи
- 3) «Каролингское возрождение»
- 4) Упадок и разделение империи
- 5) Венгерское вторжение
- 6) Империя Оттонов

26. Славяне и их историческое развитие

- 1) Происхождение славян
- 2) Расселение славян
- 3) Склавины и анты
- 4) Славяне и Аварский каганат
- 5) Западные славяне
- 6) Южные славяне
- 7) Восточные славяне

27. Походы викингов и их последствия

- 1) Общество и религия скандинавов
- 2) Тактика викингов
- 3) Начало походов викингов
- 4) Открытие Исландии и Гренландии
- 5) Трансформация Европы
- 6) Нормандия и завоевание Англии
- 7) Нормандское королевство на Сицилии

28. Древняя Русь

- 1) Начало русского государства и варяги
- 2) Оформление древнерусского государства

- 3) Походы Святослава
- 4) Владимир и Крещение Руси
- 5) Ярослав Мудрый
- 6) Эпоха Владимира Мономаха
- 7) Русь в эпоху «Слова о полку Игореве»

29. Крестовые походы и расцвет Запада

- 1) Римское папство
- 2) Начало крестовых походов
- 3) Четвертый крестовый поход и разгром Константинополя
- 4) Крестоносцы против Руси
- 5) Реконкиста в Испании
- 6) Общество средневековой Европы
- 7) Культура средневекового Запада

30. Средневековый Китай и Дальний Восток

- 1) Варварские завоевания и их преодоление
- 2) Династия Тан
- 3) Расцвет классической китайской культуры
- 4) Династия Сун
- 5) Китайские изобретения
- 6) Средневековая Япония

31. Эпоха монгольских завоеваний

- 1) Чингисхан и его завоевания
- 2) Поход Батые на Русь и в Европу
- 3) Александр Невский
- 4) Русь под игом
- 5) Монгольские завоевания в Азии
- 6) Запад от расцвета к кризису

32. Столетняя война

- 1) Начало столетней войны
- 2) Черная смерть
- 3) Европа после Черной Смерти
- 4) Война роз в Англии
- 5) Жанна д Арк
- 6) Начало формирования национальных государств в Европе

33. Возрождение славянских народов

- 1) Усиление Московского княжества
- 2) Сергей Радонежский
- 3) Куликовская битва
- 4) Великое княжество Литовское
- 5) Грюнвальдская битва
- 6) Ян Гус
- 7) Гуситские войны

34. Возрождение Китая

- 1) Китай при династии Юань
- 2) Путешествие Марко Поло
- 3) Установление династии Мин
- 4) Плавания Чжэн Хэ
- 5) Упадок Мин и манчжурское завоевание
- 6) Япония

35. Тимуриды и Османы

- 1) Начало Османской империи
- 2) Завоевание Балкан
- 3) Тамерлан и его завоевания

- 4) Флорентийская уния
- 5) Падение Константинополя
- 6) Османская империя

36. Изменения в мировоззрении на Западе

- 1) Антропоцентризм
- 2) Идеи и творческие достижения Возрождения
- 3) Реформация. Мартин Лютер
- 4) Кальвин и кальвинизм
- 5) Контрреформация
- 6) Орден иезуитов

37. Географические открытия начало европейской экспансии

- 1) Энрике мореплаватель
- 2) Португальская империя в Индийском океане
- 3) Плавания Колумба
- 4) Цивилизации Америки
- 5) Испанское завоевание Америки
- 6) Испанская империя

38. Русское национальное государство

- 1) Отвержение Россией унии
- 2) Иван III
- 3) Собираание земель
- 4) Стояние на Угре
- 5) Начало отвоевания русских земель
- 6) Культура и общество России
- 7) Идея Третьего Рима

39. Габсбургская империя в Европе и Средиземноморье

- 1) Итальянские войны
- 2) Карл V
- 3) Филипп II
- 4) Битва при Лепанто
- 5) Реформация в Англии
- 6) Нидерландское восстание
- 7) Варфоломеевская ночь

40. Русское царство

- 1) Венчание на царство Ивана Грозного
- 2) Взятие Казани
- 3) Начало Ливонской войны
- 4) Опричнина
- 5) Битва при Молодях
- 6) Царь Федор Иоаннович
- 7) Присоединение Сибири

41. Абсолютизм и классицизм в Европе

- 1) Кардинал Ришелье
- 2) Тридцатилетняя война
- 3) Великий мятеж в Англии
- 4) Политика абсолютизма
- 5) Меркантилизм
- 6) Классицистическая культура
- 7) Людовик XIV

42. Россия от Смуты к евразийской державе

- 1) Речь Посполитая
- 2) Смутное время в России
- 3) Начало династии Романовых

- 4) Земские соборы
- 5) Русские землепроходцы в Сибири
- 6) Воссоединение Малой Руси
- 7) Церковная реформа и Раскол

43. Эпоха петровских реформ

- 1) Приход к власти Петра
- 2) Великое посольство и начало преобразований
- 3) Начало Северной войны
- 4) Полтавская битва
- 5) Образование Российской Империи
- 6) Культурные последствия петровских преобразований

44. Английская торговая гегемония

- 1) «Славная революция»
- 2) Война за испанское наследство
- 3) Англия экономический центр мира
- 4) Семилетняя война
- 5) Завоевание Индии
- 6) Война за независимость США
- 7) Начало промышленной революции

45. Екатерининская эпоха в России

- 1) Дворцовые перевороты
- 2) Россия при Елизавете Петровне
- 3) Внутренняя политика Екатерины
- 4) Присоединение Крыма
- 5) Воссоединение Западной Руси
- 6) Общество екатерининской эпохи

46. Французская революция и Наполеоновские войны

- 1) Идеология Просвещения
- 2) Начало французской революции
- 3) Цареубийство и террор
- 4) Царствование Павла I в России
- 5) Создание наполеоновской империи
- 6) Царствование Александра I в России
- 7) Крах наполеоновской империи

47. Национализм, капитализм и революции

- 1) Консервативные идеи
- 2) Священный союз и политика Реставрации
- 3) Национализм в Европе
- 4) Борьба за независимость Латинской Америки
- 5) Железные дороги
- 6) Промышленный и финансовый капитализм
- 7) Социалистическая идеология

48. Россия в эпоху Николая I

- 1) Мятеж декабристов
- 2) Николай I и его консервативная программа
- 3) «Православие. Самодержавие. Народность»
- 4) Кризис крепостничества
- 5) Жандарм Европы, покоритель Азии
- 6) «Где раз поднят русский флаг, там он спускаться не должен»
- 7) Крымская война

49. Россия в эпоху великих реформ

- 1) Отмена крепостного права
- 2) Великие Реформы

- 3) Польский мятеж и его подавление
- 4) Завоевание Средней Азии
- 5) Освобождение славян
- 6) Революционный террор
- 7) Расцвет русской культуры

50. Европа и объединение Германии

- 1) Объединение Италии
- 2) Бисмарк и Франко-прусская война
- 3) Третья республика во Франции
- 4) Север и Юг США
- 5) Гражданская война в США
- 6) Промышленный рывок США
- 7) Социализм и марксизм

51. Мир в эпоху империализма

- 1) Британская Империя
- 2) Большая игра
- 3) Россия при Александре III
- 4) Строительство Транссиба
- 5) Раздел Африки
- 6) Русско-японская война
- 7) Реформы Столыпина

52. Первая мировая война

- 1) Предпосылки и противостоящие блоки
- 2) Изменения в вооружениях
- 3) Начало войны
- 4) Позиционный кризис
- 5) Атака мертвецов

- 6) Брусиловский прорыв
- 7) Завершение войны

53. Революция и гражданская война в России

- 1) Борьба против русской монархии
- 2) Февральский переворот
- 3) От февраля к октябрю
- 4) Установление большевистской диктатуры
- 5) Брестский мир и начало гражданской войны
- 6) Белые против красных
- 7) Крестьяне против большевиков

54. «Век джаза», депрессия, антиколониализм, фашизм

- 1) Версальский мир
- 2) Антиколониальные движения
- 3) Фашизм в Европе
- 4) Америка в «век джаза»
- 5) Великая депрессия
- 6) Пути выхода из великой депрессии
- 7) Национал-социализм в Германии

55. СССР в 1920-30-е годы

- 1) Образование СССР
- 2) Сталин
- 3) Коллективизация
- 4) Индустриализация
- 5) Репрессии
- 6) Антицерковная политика
- 7) Идеологический поворот 1930-х

56. Вторая мировая война

- 1) Предпосылки войны
- 2) Начальный период войны
- 3) Нападение Германии на СССР
- 4) Нападение Японии на США
- 5) Коренной перелом в войне
- 6) Уничтожение агрессоров
- 7) Послевоенный миропорядок

57. Эпоха холодной войны и антиколониальное движение

- 1) Ядерное оружие
- 2) СССР и Восточная Европа
- 3) Коммунистический Китай
- 4) Война в Корее
- 5) Деколонизация
- 6) СССР в эпоху «оттепели»
- 7) Европа между национализмом и интеграцией

58. «Разрядка» и её последствия

- 1) Вьетнамские войны
- 2) Революции 1968 года
- 3) Маоизм в Китае
- 4) Брежнев и советское общество
- 5) Разрядка
- 6) Нефтяной кризис
- 7) Западники и почвенники в СССР

59. Распад СССР

- 1) Тэтчеризм и рейганомика
- 2) Перестройка и распад СССР

- 3) Рыночные реформы и их последствия
- 4) Глобальный диктат США
- 5) Международный терроризм
- 6) «Цветные революции»
- 7) Новая «повестка»

60. Возрождение России и сопротивление американскому миропорядку

- 1) Владимир Путин
- 2) Победа над терроризмом и олигархией
- 3) Курс на суверенитет
- 4) Усиление Китая
- 5) Сопротивление «повестке» на Западе
- 6) Индия вступает в новую эпоху
- 7) Воссоединение Крыма и начало СВО

ЧТО ТАКОЕ ИСТОРИЯ

История – память народа. История – это наука, изучающая прошлое человеческих обществ: народов, государств, религиозных и общественных объединений.

У каждого из нас есть своя история – то, что мы пережили за свою жизнь. История нашей семьи является неразрывной частью истории нашего народа и нашей страны. Знать историю мира и место нашей Родины в этой истории так же важно, как иметь собственную память – знать где наш дом, где наши любимые места, кто наши родные и близкие, а кого и чего следует опасаться.

История – это общая память страны и народа. Это то, что мы не имеем права забыть.

Россия в мировой истории. История нашей Родины – России является исключительно важной частью всеобщей истории человечества. С древнейших времен на территории нашей страны происходили многие поворотные для судеб людских события. С очень давних времен на этой земле жили наши предки. Государство, именовавшееся сперва Русью, а затем Россией, играло и продолжает играть выдающуюся роль в мировой истории. Оно занимает огромную территорию, бросающуюся в глаза на любой карте мира.

Достаточно напомнить, что именно русские люди построили самую длинную в мире железную дорогу – Великий Сибирский Путь (Транссиб), и именно наш человек, Юрий Гагарин, 12 апреля 1961 года впервые совершил космический полет. Огромен вклад России в мировую культуру во всех её областях: литературе, музыке, живописи, науке и технике, спорте.

Как изучается история. Невозможно держать всю информацию в памяти – многие важные факты со временем забывают даже те, кто был их свидетелем, не говоря уж о потомках. Наука история позволяет сохранять историческую память и изучать наше прошлое.

Применяя научные методы анализа историки могут понять в прошлом то, чего не осознавали и не могли осознать жившие тогда люди.

История изучается с опорой на исторические источники. Прежде всего – это письменные источники, которые оставили жившие в прошлом люди: летописи и хроники, письма и деловые бумаги, литературные произведения разных жанров. Изучая эти источники при помощи строгих методов, историк может не только передать нам их рассказ о прошлом, но и отсеять бессознательные ошибки и осознанные искажения, отделить правду от лжи. Это умение истории устанавливать факты при помощи исследовательских методов делает её наукой.

Когда письменные источники отсутствуют на помощь истории приходит наука археология. Археологи - не охотники за сокровищами, а ученые, которые в ходе раскопок тщательно исследуют все материальные остатки прошлого. Для археологов нет разницы в важности между золотой чашей и рыбьими косточками, найденными в кухонных отбросах. При определенных условиях косточки могут оказать даже большую помощь науке.

Кто вредит исторической науке. Нет большего ущерба знаниям о прошлом, нежели тот, который наносят самозванные «кладоискатели», рыскающие с аппаратурой по древним городищам ради наживы или развлечения. Они разрушают культурный слой памятников древности, лишая ученых возможности установить, как всё было на самом деле. Выкопанные ими из земли находки обычно бесполезны для науки, так как мы не знаем где, на какой глубине и в каком контексте они найдены. Самопальные раскопки – не только серьезное правонарушение, но и преступление перед памятью наших предков.

Наносит вред исторической памяти и поведение тех людей, которые, не владея основами исторического метода изобретают самопальные исторические теории о «древности, которой никогда

не было», о «пирамидах, построенных инопланетянами». Вместо исторических источников они используют популярные книги современных авторов и даже художественную литературу. Пытаются подкупить обывателей обращением к мнимому «здравому смыслу», который, на деле, оказывается недостатком знаний. Благодаря таким безграмотным теориям люди теряют веру в историческую науку и перестают интересоваться подлинным прошлым.

История и достоверность. На самом деле, историческая наука открыта к новым идеям, версиям, спорам, если они вырастают на основе научных методов. История не терпит лжи и призвана очищать себя от ошибок, сделанных исследователями в прошлом. Новые методы, исследования и подходы позволяют сделать знания о событиях прошлого более точными.

Однако историческая правда не равнозначна изображению прошлого в черном цвете. Иногда приходится сталкиваться с тем, как клеветники выдают себя за «правдорубов», изображая прошлое наших страны и народа в черном цвете, при этом сознательно искажая, фальсифицируя исторические факты.

Историк не должен ставить себя выше людей прошлых эпох, считая себя нравственно выше или умнее их. Он должен понимать, чтобы знать, хотя, разумеется, имеет право на собственные оценки. С древности сохранился идеал римского историка Корнелия Тацита: писать историю нужно «без гнева и пристрастия». Однако в полной мере следование этому идеалу редко кому удавалось.

Каждый историк дает свои оценки прошлому, важно, чтобы он при этом не искажал известных ему фактов и стремился знать этих фактов как можно больше.

Среди историков прошлого и настоящего немало талантливых писателей – Геродот и Тацит, Прокопий Кесарийский и Нестор Летописец, Николай Карамзин и Теодор Моммзен, Василий Ключевский и Фернан Бродель. Каждый из них не только излагал факты, но и, с помощью своего литературного таланта, рисовал

целостную картину прошлого. Читать такие исторические труды – настоящее наслаждение. Однако настоящий историк никогда не переходит грань между историей и литературой, не придумывает фактов и деталей, которых нет в исторических источниках, на которые он опирается.

Как объясняют историю. Большинство историков считает своей обязанностью не только фиксировать исторические факты, но и объяснять их. С глубокой древности существует много различных моделей исторического объяснения, в одних случаях они взаимно дополняют друг друга, в других – противоречат друг другу.

С древности широко распространен взгляд, что история управляется вмешательством божественных сил, влияющих на судьбы людей во имя своего замысла. В христианской традиции, в которой возникла русская историческая мысль, Бог ведет людей ко спасению, однако дьявол старается склонить нас ко греху и гибели. На протяжении столетий наши предки видели в истории проявления многочисленных божественных чудес, совершившихся непосредственно или через действия особо угодных Богу людей – святых. Если не учитывать эту веру в чудеса, то многое в исторических источниках, рассказывающих об истории России, будет непонятным.

В последние столетия большое популярностью пользуются материалистические теории, связанные с влиянием на историю различных материальных факторов. Многие исследователи считали, что характер народов и направление их поступков предопределяются климатом.

Другие ставили во главу угла экономику – чем больше производится продукции, тем больше усложняются отношения в обществе. Именно такой взгляд лежал в основе теории марксизма, господствовавшей в нашей стране в советскую эпоху. На рост же производства, в таком случае, влияет научно-технический прогресс, новые изобретения и открытия. Часто обращают внимание на особую

роль развития вооружений, так как военная мощь влияет на силу государств и их способность добиться своих целей за счет других.

Есть такие исследователи, которые полагают, что развитие экономики ведет к улучшению жизни общества не всегда – напротив, оно может привести к перенаселенности и экономическому краху общества, которое не может прокормить свои членов. Гибель многих выдающихся государств можно объяснить таким экономическим крахом.

Что такое цивилизационный подход. Значительная часть историков ставит во главу угла при изучении прошлого культуру. Культура - это не только искусство и литература. Культура - это людские обычаи, нормы поведения, психологический тип, повседневный образ жизни. Разные человеческие общности отличаются во многом непохожей культурой. На это обратил особое внимание русский мыслитель Николай Яковлевич Данилевский, который отметил, что разные цивилизации, или «культурно-исторические типы» делают совершенно разный вклад в историю.

До Данилевского считалось, что цивилизация, то есть образ жизни высокоразвитых человеческих обществ – едина, причем вершиной этой цивилизации является западная, или европейская культура, а прочие культуры являются отстающими. Данилевский указал, что высокоразвитых культур много и они значительно не похожи друг на друга – древнеегипетская, китайская, индийская, античная греко-римская, западная романо-германская, русская славянская. Мерить одну цивилизацию меркой другой – недопустимо. Как правило цивилизация охватывает больше чем одну страну и народ задавая разным этносам единый образ жизни и мысли. Эту мысль Данилевского подхватили и развили в России и на Западе: Константин Леонтьев, Освальд Шпенглер, Арнольд Тойнби, Фернан Бродель, Сэмюэль Хантингтон и многие другие.

Особенность цивилизаций может определяться не только культурой, но и особыми установками человеческого поведения – этическими

системами. Теорию этических систем сформулировал русский философ Константин Анатольевич Крылов. Он выделил четыре этические системы, которые определяют поведение человеческих обществ: Южную, Восточную, Западную и Северную, каждая из них возникает и доминирует в развитых обществах чуть позже остальных, однако в настоящее время в мире есть люди и общества придерживающиеся одной из четырех систем.

Роль личности в истории. Всегда было много историков, которые были уверены в том, что на первом месте стоит личность и воля выдающихся исторических героев, людей, умеющих вести за собой остальных. Вклад в историю отдельных исторических личностей неоспорим, поэтому не случайно биография является одним из самых важных исторических жанров.

Однако не только энергия великих людей движет историю. Русский исторический мыслитель Лев Николаевич Гумилев предложил термин, который обозначает энергию, присущую людям, которые могут и умеют делать больше, чем другие – пассионарность. Пассионарный человек готов рисковать жизнью ради своей веры, стремления к истине, воли к власти и других сильных мотивов. Гумилев полагал, что если пассионарность у народа (этноса) на подъеме, то он совершает великие дела. А если она падает, то он становится жертвой других этносов.

Теория суперструктур. Предлагаемый юному читателю учебник написан в рамках взгляда на историю, который можно назвать суперструктурным. Людям присуща способность создавать, изобретать общественные структуры более сложные, чем окружающий их мир: государства, религиозные общины, рыцарские ордена, торговые и промышленные компании и многое другое.

Это свойство присуще людям благодаря наличию у них интеллекта и особой душевной тревоги, напоминающей нам, что наша жизнь совсем не так идеальна, как нам хотелось бы и что мы призваны к большему и достойны большего. Возникнув один раз те или иные

суперструктуры усложняют мир и общество вокруг себя, поскольку иначе им не выжить.

Вспомним шуточный рассказ о бароне Мюнхгаузене, который, на службе российским императорам во время войны за Новороссию попал вместе с лошадью в болото и вытянул себя вместе с лошадью за косу. Такая ситуация совершенно невозможна по законам физики. А вот в истории такое случается сплошь и рядом – воля, мысль и настойчивостью людей позволяют переломить самые безнадежные ситуации.

Именно поэтому некоторые факты истории с трудом поддаются голому материалистическому объяснению и больше похожи на чудо. Например – возникновение и существование такой огромной и высокоразвитой страны как Россия в таком суровом климате, на не очень урожайных землях, в окружении множества врагов. Некоторые писатели не случайно говорили о «чуде русской истории». В этой истории и в самом деле немало чудесного и в религиозном и в историческом смысле.

Наша история, как мы уже сказали, играет важную роль во всемирной истории, к изучению которой мы с вами и приступаем.

§1. ДРЕВНИЕ ЛЮДИ

Спор о происхождении человека. Происхождение человека является предметом спора между религиозным и эволюционистским мировоззрениями.

Религиозный подход предполагает, что особые свойства человека, такие как ум, совесть, способность к искусству, умение ставить перед собой сложные и кажущиеся невыполнимыми задачи, свидетельствуют о том, что человек создан высшей силой.

Эволюционный подход предполагает, что человек – часть животного мира, а наши высшие способности – результат накопившихся за сотни тысяч лет случайных изменений в генах.

Наука история этого спора разрешить не может. Она имеет дело с уже свершившимся фактом появления человека на земле.

Каменный век. Древнейшее прошлое людей до появления письменности исследуется прежде всего по данным науки археологии. Эта наука исследует материальные остатки жизни людей давно ушедших эпох. Археологи разделили древность на три эпохи: каменный, бронзовый и железный век, в зависимости от главного материала, из которого делались самые важные орудия труда и оружие. В каменном веке важнейшие орудия изготавливались из камня, в бронзовом – из меди и бронзы - сплава меди с мышьяком или оловом, в железном - из железа.

Каменный век, в свою очередь, подразделяется на древний каменный век - палеолит, эпоху охотников и собирателей, и новый каменный век - неолит, эпоху перехода к земледелию и скотоводству. Между этими периодами для многих регионов земли выделяется средний каменный век – мезолит, эпоха охотников и собирателей, живших тогда, когда в других регионах планеты люди уже перешли к земледелию и скотоводству.

В палеолите археологи выделили ранний, или нижний палеолит – эпоху древнейших людей, и поздний, или верхний палеолит, - эпоху людей с современным генетическим типом

Древнейшие орудия. Изготовление даже самых простых каменных орудий животным недоступно. Для того, чтобы создать их, требовалось осознавать цель и порядок своих действий, знать будущее назначение орудия, помнить технологию изготовления и уметь передать эту технологию следующим поколениям. Всё это свойства - человеческого ума.

Самые ранние орудия труда люди изготавливали из гальки. Несколько ударов одним камнем о другой – и готово простейшее

орудие с лезвием, которым можно за несколько часов разделать тушу слона.

Такие древнейшие орудия найдены не только в Африке и Азии, но и на территории нашей страны – в Дагестане и Краснодарском крае.

Затем наступила эпоха орудий из прочного кремня. Для того, чтобы их изготовить требовалось тщательно выбрать камень-заготовку. Для добычи кремня древние люди создавали настоящие шахты, а лучший материал, иногда передавали соседям на сотни километров - в дар или в обмен.

Удары по камню следовало наносить не сильные. От мастера требовалось хорошо знать закономерности распространения в камне трещины, иначе заготовка будет испорчена.

В результате этой сложной, требовавшей напряжения всех умственных сил работы, получались невероятно красивые орудия - ручные рубила, некоторые из которых представляют собой настоящие произведения искусства.

Древнейшее на территории России ручное рубило найдено недалеко от города Амвросиевка (Донецкая народная республика) и даже изображено на гербе города.

Производство каменных орудий в палеолите совершенствовалось. Для их изготовления требовалось всё больше операций и всё более точное предвидение последствий действий мастера.

Охота и собирательство. Древние люди добывали себе пропитание охотой и собирательством. В густых лесах они себя чувствовали неуютно. Местом их первоначального обитания были саванны и степи, природа которых характерна тем, что растут там преимущественно травы, а обитают травоядные копытные животные, способные дать большое количество мяса. Таких животных в древних саваннах и степях было много, поэтому первые охотники жили в изобилии, если не сталкивались с внезапными изменениями климата.

Женщины собирали травы и зерна злаков, на берегах морей – раковины моллюсков. Мужчины охотились. Чаще всего охота была загонной – стада антилоп, оленей, лошадей загоняли к крутому обрыву или в болото, после чего добивали выживших животных. Для загона применялся огонь, которым люди пользовались с древнейших этапов своей истории.

Иногда охотники перекрывали животным засеками проход через узкие ущелья и создавали для них долгосрочный загон. С помощью деревянных копий люди охотились даже на таких огромных животных, как слоны, – их ранили, а потом ожидали, пока животное истечет кровью.

Однако для того, чтобы охота была удачной, требовались сложные усилия по её планированию – необходимо было знать маршруты и повадки животных, понимать – какое оружие против них будет эффективно. Женщинам для собирательства требовалось знать места, где растут те или иные злаки, время их плодоношения, отличать ядовитые от не ядовитых. Древним людям требовалось держать в уме настоящую энциклопедию знаний об окружающем их мире.

Внешность древних людей. Было время, когда по страницам журналов, популярных книг и даже учебников гуляли изображения угрюмых сгорбленных волосатых полуобезьян с палками в руках. Эти изображения были подписаны «Древнейшие люди». Современные исследователи все чаще отказываются от подобных реконструкций.

Древние люди не имели густого волосяного покрова, их кожа была обычной, похожей на нашу. Осанка была прямой, руки ловкими. Объем мозга некоторых древних людей был даже больше нашего. Их фигуры показались бы нам коренастыми, а черты лица – грубоватыми, но, как иногда отмечают ученые, если их одеть в современную одежду, они бы вполне растворились в большом городе. Нужный для изготовления орудий труда и охоты интеллект

тесно связан с речью и нет сомнений в том, что древние люди говорили, хотя, возможно, не так быстро, как мы.

Наглядное отличие человека от животных выразалось в том, что человеческие дети выросли исключительно долго. Для достижения ими минимальной самостоятельности требовались годы, а для настоящего взросления - полтора десятилетия. А значит, чтобы прокормить и воспитать их необходима была семья, а также более крупная группа из нескольких семей.

Большую часть времени люди жили и собирали пропитание семьями или отдельными охотничьими группами. Однако на часть года собирались для совместной охоты и общих ритуалов.

Быт древних людей. Дома строились из веток, придавленных снизу камнями или даже опиравшихся на каменные столбы. Также люди жили в удобных сухих пещерах, но только там, где они имелись. Внутри жилищ или у их входа сооружались костры. Огонь добывали с помощью трения одного куска сухого дерева о другой.

На кострах жарили мясо, предпочитая самые жирные куски. В кусок мяса вцеплялись зубами и энергично отрезали его каменным ножом. Но богатой была и растительная пища – уже тогда употребляли даже вареный ячмень.

Горячая пища экономила усилия организма на переваривание и давала организму нашего предка колоссальную экономию энергии, которая теперь шла на улучшение работы мозга.

Одежду делали из тщательно обработанной кожи или меха, которую сшивали жилами животных. Одежду надевали мехом внутрь, чтобы она дольше сохраняла тепло. Вещи носили с собой в кожаных мешках.

Собравшись вместе большой группой люди не только пели, танцевали, рассказывали интересные случаи на охоте, но и устраивали браки молодых, посвящали юношей во взрослые охотники, исполняли иные ритуалы.

Мораль и религия. Ошибочно представлять древних людей необузданными людоедами, постоянно проявляющими агрессию и живущими по праву сильного. Уровень солидарности в общинах древних людей был довольно высоким.

Археологи обнаружили в пещере Шанидар в Ираке скелет мужчины со множеством травм и следов болезней: перелом плеча, ампутация руки, бактериальная инфекция, удар, разможживший верхнюю левую часть лица, частичная утрата зрения, тугоухость. Однако этот инвалид продолжал работать, в частности - обрабатывать орудия из кремня и скончался в почтенном для тех времен возрасте. Прожить так долго он мог только при поддержке семьи и общины. Люди отчетливо понимали, что выжить они могут только помогая друг другу.

Другой человек из пещеры Шанидар был похоронен на подстилке из вечно зеленой хвои, а его тело было усыпано цветами. Зримое свидетельство того, что люди отрицали смерть как нечто должное и мечтали о вечной и лучшей жизни для своих соплеменников. К глубокой древности восходят следы духовной жизни и религиозных представлений.

§2. ОХОТНИКИ НА МАМОНТОВ

Ледниковый период. Древнейшие этапы истории человечества были связаны с ледниковыми периодами – явлениями в истории планеты, которым еще не дано окончательного научного объяснения. Раз в несколько десятков тысяч лет ледники в горах Скандинавии, Урала, Альпах, гор Канады начинали увеличиваться, создавая огромные ледниковые щиты, настоящие ледяные стены, двигавшиеся далеко на юг. Климат планеты становился холодным. Так как значительная часть воды была скована ледниками, моря и океаны мелели, а снега, несмотря на холод, было мало.

Эти суровые эпохи были, как ни удивительно, довольно благоприятными для древних охотников и собирателей. В

приледниковой зоне образовывались обширные безлесные тундростепи, в которых росли травы и обитали северные олени, бизоны, дикие лошади, шерстистые носороги, а главное - огромные поросшие шерстью родичи слонов, мамонты.

Людям приходилось надевать очень теплую одежду из меха и строить утепленные дома, жить в изматывающем холоде было утомительно, но, зато, в добыче не было недостатка. Суровая холодная степь была настоящим охотничьим раем.

В ледниковый период наступали короткие периоды относительного потепления, особенно благоприятные для людей, потом приходили эпохи крайнего похолодания, когда выжить оказывалось очень сложно.

Распространение современных людей. Несколько десятков тысячелетий назад по Земле широко расселились люди современного генетического типа, археологи привыкли называть их «кроманьонцами». Они вытеснили живших в Европе и на Ближнем Востоке «неандертальцев», частично включив их в свой состав. Возможно именно неандертальцам некоторые из нас обязаны светлой кожей, рыжими волосами и «совиным» распорядком дня.

Кроманьонцы заселили всю Евразию и Африку, проникли в Австралию и, даже, в далекую Америку, куда, как полагает большинство ученых, пришли по сухопутному мосту, образовавшемуся в результате обмеления Берингова пролива.

Расселение по Земле человеческих групп, имевших общего предка-мужчину. Чем раньше стоит обозначающая буква в латинском алфавите, тем раньше появилась, по мнению генетиков, обозначаемая ею группа.

Данные современной генетики позволяют увидеть родство отдельных древних человеческих групп как друг с другом, так и с нашими современниками. Так, человек из погребения Мальта в Восточной Сибири является дальним родственником как

индоевропейских народов Европы включая русских, так и целого ряда племен индейцев Северной Америки.

Верхний палеолит. Примерно 50 тысяч лет назад наступила эпоха, которую археологи называют поздним, или верхним палеолитом. Жизнь людей в это время значительно усовершенствовалась. Мастера научились отделять от кремневой заготовки длинные и узкие пластины, которые служили ножами и наконечниками копий. Стало много орудий из кости и рога.

Популярными стали копьеметалки, усиливавшие дальность броска копья. Это орудие заботливо покрывали затейливой резьбой. А сами копья иногда делались из выпрямленных мамонтовых бивней.

Одежда шилась из меха, в частности считающегося сейчас очень дорогим меха песца, на которого специально охотились из-за шкурки. Эта одежда, по всей видимости, была похожа на ту, которую и по сей день носят народы, живущие на крайнем Севере. Из кости делались многочисленные украшения – нашивавшиеся на одежду бусины, резные фигурки животных и людей. Из мамонтовых костей делали даже ударные музыкальные инструменты.

Изобилие пищи вело к увеличению населения, - охотничьи группы превращались в крупные племена, говорившие на разных языках. Между разными племенами теперь часто случались конфликты за охотничьи угодья.

В таких конфликтах потребовалось новое оружие – лук. Это было первое оружие, которое не повторяло движений человеческой руки. Его изготовление и использование требовало знания законов физики. Для массовой загонной охоты лук не годился, зато люди охотно применяли его друг против друга. Подходил лук и для индивидуальной охоты на зверей, в которой верным помощником человека стала собака - первое одомашненное животное.

В столкновениях с чужаками племени требовался предводитель. Появилась власть вождя, которым сперва становился самый отважный, расчетливый и удачливый охотник. Находимые

археологами загадочные кости с резьбой иногда считают символами власти этих вождей – «жезлами начальников».

Охотники на мамонтов на Русской равнине. На территории будущей России в примыкавших к леднику степях появилась удивительная культура, которую археологи называют «охотниками на мамонтов». Их поселения существовали на одном и том же месте по многу тысяч лет, так как никакой необходимости никуда переселяться эти люди не чувствовали.

Мамонт давал охотникам всё – пищу, шкуры для одежды, сырье для орудий и поделок, стройматериал для домов, даже топливо для костра.

Дома сооружались из мамонтовых костей, покрытых сверху шкурами. В них было тепло в самую суровую стужу. Одни дома были большими, на несколько очагов, другие – маленькими полуземлянками на одну семью. Поселения, построенные из мамонтовых костей, открыты археологами в Костенках на Дону, Зарайске под Москвой, Мезине под Черниговым, Мальте в Прибайкалье.

В Сунгири, рядом с Владимиром, открыты погребения взрослого мужчины и двух лежащих голова к голове мальчиков. Их меховая одежда и шапки были богато расшиты костяными бусинами. Рядом были положены оружие из мамонтовой кости, резная фигурка лошади, костяное колесико со спицами (символ солнечного диска?). Ученым удалось выяснить многое и о мальчиках, и о мужчине: как они работали, чем питались.

Ученых удивило строение тела мужчины – очень высокий рост и очень большое пространство занимаемое костным мозгом, отвечающим за производство в организме крови. Тело этого богатыря работало как живая печка – настоящий северный человек приспособленный к жизни рядом с ледником.

Как же охотились на огромных мамонтов? При помощи копий и даже стрел. Найдено большое количество костей мамонтов с

застрявшими в них каменными наконечниками. Технология охоты на слонов была ведь разработана еще древними людьми. Возможно, иногда животных загоняли к краю обрыва или в топкое место.

Однако если бы люди истребляли мамонтов тысячами, то те просто ушли бы из этих мест. Некоторые археологи полагают, что обитатели Русской равнины не столько охотились на мамонтов, сколько жили с ними в своеобразном симбиозе, частично их приручив. Аналогичные предположения высказываются и относительно отношений человека с лошадью в ряде регионов Западной Европе. На некоторых изображениях лошадей ученым видятся уздечка и поводья.

Жившие на одном месте сотни и сотни лет, не испытывая недостатка в пище, охотники на мамонтов и их соседи – охотники на бизонов, оленей, лошадей, близко подошли к порогу оседлой культуры, цивилизации, зримым символом которой стало искусство.

§3. ПЕРВОБЫТНЫЕ ИСКУССТВО И РЕЛИГИЯ

Первобытное искусство. Первооткрывателю древнего искусства в пещере Альтамира в Испании, Марселино Саутуоле, ученые сперва не поверили и обвинили в обмане.

Казалось невозможным, что примитивные дикари, «едва произошедшие от обезьяны», могли рисовать с такой тонкостью и изяществом. Саутуола не пережил клеветы, и умер.

Но вскоре во множестве пещер в Испании, на юге Франции (Ласко, Шове), в Каповой пещере на Урале найдены были многочисленные рисунки древних художников, а также каменные рельефы и скульптуры из глины.

Древние художники с удивительным мастерством и чуткостью к движению и ритму изображали животных, используя черную, красную и желтую краски. Бизоны, олени, мамонты, лошади, кабаны

мирно пасутся, бредут куда-то, а иногда бегут. Фигуры людей и сцены охоты изображены очень редко.

Ученых удивляло, что эти рисунки размещены в пещерах так, что обычному человеку даже в древности их было трудно, порой почти невозможно увидеть. Они явно не предназначались ни для осмотра, ни для охотничьих тренировок. Быть может, древние охотники пытались заклясть будущую добычу? Или перед нами древнейшие храмы, в которых поклонялись охотничьим божествам? Или, возможно, рисовали изобильные охотничьи уголья для душ умерших соплеменников, создавали для них загробный рай, как его представлял себе охотник?

Не менее удивительна и малая скульптура верхнего палеолита. До нас дошли десятки и десятки вырезанных из кости и камня фигурок, так называемых «венер».

У одних фигурок имеются только выразительно подчеркнутые признаки женственности, в других очевидна попытка изобразить одежду и лицо. Что это? Куклы для девочек? Женские божества? Фигурки, в которые могли переселиться души прародительниц? Некоторые из фигурок со стоянки Мальта так и хочется назвать "бабушка".

Открыв для себя искусство, поняв, что увиденное во внешнем мире можно перенести в миниатюре к себе в дом, люди охотно стали украшать орудия и оружие, и просто хранить красивые фигурки. Вскачь стремится лошадь на «жезле начальника». Вырезанный из рога бизон повернулся, чтобы лизнуть свой бок. Умиляют резные птички, положенные в могилу скорбящими родителями ребенка в восточносибирской Мальте.

В Дольне Вестонице (Чехия) найдена мастерская по обжигу фигурок из глины – львиные головы, носороги, лошади, и, конечно, «венеры». Люди еще не умели делать из глины посуду, но уже создавали статуэтки. Этих фигурок в мастерской было так много, что, волей-неволей, возникает предположение, что часть из них

производилась для обмена с другими поселениями, а может быть и другими племенами.

Завораживающее по красоте искусство было свидетельством того, что рядом с повседневной жизнью человек создает особый мир высокой культуры. И большую роль при создании этого мира играла религия.

Религия палеолита. В верхнем палеолите выработались религиозные представления, которые почти до нашего времени сохранились у народов, продолжавших заниматься охотой и собирательством - австралийцев, полинезийцев, народов Сибири и Америки...

Религия – это представления человека о силах, находящихся вне человеческой власти и выше её. В религии человек соприкасается со священным, то есть тем, что не принадлежит к нашему обычному миру.

У древних людей имелось представление о Боге, сотворившем мир – это показало исследование мифов и легенд древних народов. Но постепенно такой Бог начал казаться им чем-то очень далеким.

Обладая сами душой и разумом, люди приписывали душу и разум явлениям окружающего мира – животным, камням, деревьям, огню, воде. Некоторые места и предметы начали рассматриваться как связанные с высшей силой. Особо почитались духи умерших предков. Многие духи считались злыми и способными нанести вред человеку – их стремились изгнать или умилоствить.

Чтобы не рассердить духов и не лишиться удачи люди стали вводить запреты на некоторые действия. Такие запреты мы сегодня называем полинезийским словом «табу». Ряд таких табу, уже необъяснимых для нас, сохранились в виде суеверий - например - запрет здороваться или передавать вещи через порог.

Люди верили, что параллельно миру, данному нашим чувствам, существует другой, духовный мир. В этот мир можно попасть и по

нему путешествовать, если обладать особыми свойствами. Такие свойства приписывались шаманам, умевшим впадать в особое состояние - транс и в этом состоянии изгонять злых духов, лечить болезни.

В погребениях этой эпохи находится большое количество красивых вещей, иногда специально изготовленных для похорон. Люди верили, что умершие однажды оживут или отправятся в некий лучший мир, где им всё это пригодится.

Род или племя нуждались в символе, который обозначал бы их родство и сплоченность. Таким символом становилась фигура животного, которое именуется тотемом. Люди, входившие в одну группу, верили, что происходят от волка, ворона, медведя и других животных. О деяниях этого предка рассказывали сказочные истории - мифы.

Чтобы почтить мифического предка устраивались празднества, танцы и пиры. На этих празднествах в честь предка приносили жертвы – растения, животных, а иногда и людей - чаще всего поработанных вражеских пленников.

А чтобы стать членами тотемической группы мальчики должны были пройти сложные и опасные испытания - инициации. Их разлучали с матерями, изолировали в специальных домах и пещерах, наносили им надрезы и татуировки на коже, давали рискованные задания. Инициацию переживали не все, но только она делала юношу полноправным членом племени.

Наряду с религией, связанной с верой в высшие силы, у некоторых людей появилась уверенность в том, что совершая особые действия они сами могут получить силу и власть: приманить животное на охоте, навредить другому человеку, приворожить красавицу. Такие воззрения и связанные с ними действия получили название магии. Смерть и болезни приписывали колдовству врагов и даже затевали с ними войны, чтобы отомстить.

Первая этическая система. В верхнем палеолите сформировался и неформальный свод правил поведения человека в обществе, прежде всего по отношению к членам своего племени - первая этическая система.

Суть этих правил была довольно проста. Будь всегда за своих соплеменников, помогай им в любом случае. Сородичи - прежде всего. Подчиняйся во всем правилам своего общества и старайся быть как все. Не давай спуску чужакам. За зло воздавай злом, а за добро - добром.

К высшим силам обращались, чтобы увеличить жизненную силу своего племени. Вождей начали рассматривать как ответственных за то, чтобы его людям сопутствовала удача. В противном случае вождь мог ответить за неудачу головой.

Эта этическая система вполне соответствовала тому образу жизни, который вели племена охотников древности. Но сохраняется она и у многих современных народов. А в особых ситуациях, например во время войн, эти правила поведения выходят на первый план и в обществах, далеко ушедших от охотничьего быта.

Мир в конце верхнего палеолита. Эпоха верхнего палеолита длилась, по расчетам современных археологов, с 50 до 12 тысяч лет назад. Всё это время на земле продолжался последний ледниковый период.

За это время численность людей значительно выросла, они заселили всю планету, разделились на племена и культурные группы. Там, где охотничья добыча была стабильной, возникли начатки цивилизации – постоянные поселки, искусство, сложная языческая религия.

Однако прокормить все возраставшее население массовой охотой было невозможно. Древние австралийцы перебили 85% животных на континенте. Переселенцы в Америку истребили в ней всех лошадей и множество других видов. Массовое истребление людьми сыграло свою роль в исчезновении мамонтов, хотя на крайнем севере эти животные вымерли лишь 4 тысячи лет назад.

Как это ни покажется удивительным, но исчерпались и запасы камней. Месторождений кремня было известно не так много, при этом камня для орудий требовалось все больше. Один и тот же камень люди начали использовать по второму и третьему разу. А главное, устоявшийся охотничий мир ждало страшное несчастье – таяние ледников.

КАК СТАТЬ ИСТОРИКОМ БЕЗ ПОСТОРОННЕЙ ПОМОЩИ

Исторический дилетантизм – настоящий бич интернет-эпохи. Блоги, форумы, комментарии к статьям полны самоназначенных историков, которые с ожесточением спорят обо всем, от египетских пирамид до танковых клиньев вермахта.

Время от времени на спорщиков, подобно сметающим всё на своем пути ордам кочевников, налетают исторические конспирологи с чем-нибудь вроде: «Всю историю подделали при Романовых! Все главные герои раздвоились! Читайте правду у Морозова и Фоменко!», «Попы сожгли наши подлинные исторические книги, заменив их своей жалкой летописью! Приобретайте «Русские веды»! На Карачун скидка!», «Видели новый пост Галковского? Вы в курсе, что не только берестяные грамоты подделаны Зализняком, но и Полное собрание сочинений Ленина сочинили в М1-6?».

Популярность деструктивных исторических культов, занимающихся «деконструкцией» всевозможных «исторических фальсификаций» совершенно понятна – она освобождает незнайку от необходимости хоть что-то узнавать о реальной истории, методологии исторического исследования, зато дает возможность ехать на самовозбуждающейся энергии ненависти к традиционным историкам. Когда еще появится такая уникальная возможность выдавать собственное невежество за обладание тайным знанием?

Но как, всё-таки, быть человеку доброй воли, которого действительно интересует история, который хотел бы начать в ней разбираться, с удовольствием применял бы исторические аргументы в спорах, к примеру, о политике, но, как на грех, все уроки в школе проспал, а позднее получил (или не получил) образование, которое никаких исторических знаний не требовало. Не все имеют возможность во взрослом возрасте пойти получать второе образование, особенно с учетом его платности.

Тем не менее, человек никогда не получавший академического исторического образования может стать не просто успешным «форумным бойцом». Пример исследователя Второй мировой войны Алексея Исаева показывает, что начав как «дилетант» можно превратиться в крупнейшего специалиста в той или иной отрасли исторической науки, двинуть её далеко вперед. В частности за счет контркритики варварского дилетантизма, каковой была критика Исаевым построений Резуна-«Суворова».

Итак, стать историком «с нуля» можно. Для этого нужно иметь некоторые природные таланты (каковые распределяются на Небесах, тут уж ничего не попишешь), искренний интерес к истории, желание учиться, следование определенным правилам и... некоторая начитанность. Именно на такой случай автор этих строк и составил небольшое руководство, в котором указал 10 книг, вдумчивое прочтение которых сделает вас начинающим историком даже без посторонней помощи (не великим, но уж точно более компетентным, чем иные шарлатаны, пусть и с учеными степенями). От полного незнания, через обзаведение определенной исторической эрудицией можно перейти к постижению методов и приемов исторической науки.

По принципу «каши из топора» к этим 10 книгам я приварил несколько, обращение к которым еще больше расширит вашу компетенцию историка доброй воли. Практически все эти книги легко найти сегодня в интернете простым поиском. Печатные издания я указывал, по большей части, последние из мне известных, а значит – наиболее доступные.

1. Сергей Нефедов. «История древнего мира». «История средних веков». «История нового времени. Эпоха возрождения». М.: Владос, 1996

Трехтомный учебник знаменитого русского историка, работающего в Екатеринбурге, Сергея Нефедова, это именно та книга, которая лучше всего подойдет для изучения истории «с нуля». Изложение автора красочно и увлекательно, порой читается как роман, но базируется на хорошо известных автору и, по большей части установленных наукой фактах и украшено подлинными цитатами из исторических источников. Хотя определенные фактологические возражения, в том числе и категорические, конечно вызывает и эта книга. Иногда автор волен в изложении фактов и достаточно часто – в их интерпретации. Однако то же возражение может быть отнесено к большинству первоначальных исторических пособий, в том числе и официальных школьных учебников, которые, однако, не настолько увлекательны. Книга отлично читается с детьми вслух и её материал очень хорошо усваивается, гораздо лучше, чем содержание стандартного школьного учебника. Древность, средние века и начало нового времени проходят перед читателями как единая запоминающаяся картина.

Нефедов, известный представитель российского «неомальтузианства» строит свое изложение вокруг концепции демографических циклов, в ходе которых перенаселенность приводит к экологическим и социальным катастрофам, если от них не спасают «фундаментальные открытия» в хозяйственной и военной сфере, расширяющие экологическую нишу человеческих обществ и позволяющие прокормить больше населения с помощью земледелия, промышленности или грабежа соседей. Одним из основных явлений «фазы сжатия», когда ресурсов начинает не хватать населению, Нефедов не без оснований считает государственные реформы и народные движения направленные на поиск справедливости. Иногда его теория заставляет Нефедова относиться с большим сочувствием, чем они того заслуживают, к народным еретическим движениям, типа павликиан Византии, которые оказываются у него «следующим подлинным заветам Христа», что, конечно, абсолютно неверно.

Подробно эта концепция изложена автором в работе «Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока» (М.: Территория будущего, 2008), представляющей собой довольно подробную историю человеческих обществ за пределами Европы с древности по XVIII век. Эта книга так же обязательна к прочтению. Значительный интерес представляет и двухтомная «История России. Факторный анализ» (тт. 1-2. М.: Территория будущего, 2010, 2011), в которой он пытается применить свою концепцию кризисов перенаселения к объяснению русской истории и, в частности, событий 1917 года, хотя на этот счет существует и противоположная точка зрения систематически оппонировавшего Нефедову известного историка Б.Н. Миронова в работе «Российская империя. От традиции к модерну». 3 тт. (Спб.: Дмитрий Буланин, 2015).

2. Сергей Смирнов. Годовые кольца истории. М.: Языки славянских культур, 2000

Московский преподаватель истории и математики Сергей Георгиевич Смирнов широко известен как автор феноменальных задачник по истории. Эти задачники содержат вопросы для самостоятельной проверки знаний и обдумывания, а также забавные «тексты с ошибками» – содержащие заведомые неточности и анахронизмы исторические рассказы, умение «выловить» которые говорит о том, что вы владеете фактическим материалом. Это три книги: «Задачник по истории древнего мира» (М.: Междунар. Отношения, Мирос, 1994), «Задачник по истории средних веков» (М.: Междунар. Отношения, Мирос, 1995) и «Задачник по истории России» (М.: Междунар. Отношения, Мирос, 1995). К сожалению они давно не переиздавались, но их можно без труда найти в интернете.

В книге «Годовые кольца истории» Смирнов дает историческую панораму человечества «срезами» идущими шагом, как правило в

250 лет. 750, 500 и 250 годы до нашей эры, Начало нашей эры, 250, 487, 750, 1000, 1250, 1485, 1667, 1821 и 1969 годы. Для каждого года Смирнов рисует широкую панораму жизни человеческих обществ Востока, России и Запада в политической, военной, экономической истории и истории науки, вызывающей его особый интерес. Смирнов – один из учеников Л.Н. Гумилева и, несомненно, исповедует его теорию пассионарности, но в книге эта точка зрения представлена без всякого доктринерства и фанатизма – основное место уделено качественному изложению фактов.

Метод исторических срезов был заимствован Смирновым у известного писателя и историка Игоря Можейко (Кира Булычева), автора великолепной книги «1185 год». Она представляет собой увлекательную историческую панораму от Японии, Китая и Бирмы, через Русь и Византию, до Германии и Англии, включающая собой судьбу дома Тайра, козни ассасинов, злодеяния Андроника Комнина, поход Игоря на половцев, войны Фридриха Барбароссы и приключения Ричарда Львиное сердце. Эта и еще одна книга Можейко, «7 и 37 чудес», посвященная историческим памятникам Востока – Пальмире, Баальбеку, Тассили и т.д, выдержали множество переизданий и заслужено любимы всеми, кто увлекается историей.

3. Всемирная история (Российская Академия Наук. Институт всеобщей истории. М.: Изд-во «Наука»). Т.1. Древний мир (2011); Т. 2. Средневековые цивилизации Запада и Востока (2012); Т. 3. Мир в раннее Новое время (2013); Т.4. Мир в XVIII веке (2013); Т.5. Мир в XIX веке (2014).

От популярных книг по истории переходим к её научному, академическому изложению, составленному ведущими современными российскими учеными, сотрудниками головного исторического института Российской Академии Наук, уже

успевшими предложить нам общую историческую картину до начала XX века.

«Всемирные истории» это почтенный и, в свое время, весьма любимый читателями жанр, вызывавший к жизни многотомные произведения, такие как восьмитомная всемирная история Фридриха Шлоссера, перевод которой издан в России в 1868 году, или четыре огромных тома «Всемирной истории» Оскара Йегера, переведенных в 1894 году и периодически перепечатываемых ушлыми издателями и по сей день.

Невероятных размеров получилась «Всеобщая история» под редакцией французских профессоров Эрнеста Лависса и Альфреда Рамбо, десятки томов, написанные разными специалистами, из которых на русский язык переведены «Эпоха крестовых походов» и восьмитомная «История XIX века», неоднократно переиздававшаяся у нас в XX веке. Наконец, в 1955-1965 годах была выпущена десятитомная «Всемирная история» АН СССР, её отдельные главы писали крупнейшие специалисты мирового уровня, такие как египтолог Ю.В. Перепелкин, но в целом книга была настолько безнадежно испорчена доктринерским марксизмом, настолько игнорировала все факты и процессы не укладывавшиеся в шаблоны «теории классовой борьбы», что сейчас практически непригодна для использования.

Современная «Всемирная история» ИВИ РАН написана живым языком, содержит массу интересных как хрестоматийных, так и малоизвестных фактов, ориентируется, прежде всего, на надежный цивилизационный подход, всемирная история рассматривается как путь «цепи цивилизаций» постепенно движущихся к взаимному общению. Очень качественно написаны главы по русской истории, грамотно поставленной во всемирный контекст. При этом авторы свободны от абсурдной политкорректности и сообщают, что «русские осваивали просторы Сибири». Имеются, впрочем и отдельные необъяснимые ошибки и погрешности, например рассказывая о битве Цезаря и Помпея при Фарсале автор главы

сообщает, что «силы были неравны» и Помпей был разбит. Силы были действительно неравны – войск у Помпея было почти вдвое больше и Цезарь одержал победу не числом, а умением.

4. Уильям Мак-Нил. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Киев, Ника-Центр, 2013

Для современного концептуального осмысления всемирной истории до сих пор не имеет равных работа американского историка Уильяма Мак-Нила (1917-2016). Вопреки названию это не только и не столько панегирик исторической уникальности Запада, сколько глубокое концептуальное осмысление пути множественных цивилизаций, постепенно смыкающихся в единую историческую ойкумену. Опираясь на концепцию существования локальных цивилизаций, предложенную британцем Арнольдом Тойнби в его многотомном труде «Исследование истории», Мак-Нил попытался рассмотреть эти цивилизации не как «вещи в себе», а как взаимодействующие сообщества, конкурирующие и заимствующие друг у друга идеи.

Мак-Нил был католиком и, как не без раздражения заметила в некрологе «Нью-Йорк Таймс», «пролайфером», то есть противником аборт и эвтаназии. И это очень важно, поскольку его осмысление мировой истории – это взгляд пусть и довольно либерального и западного, но все-таки христианина с последовательными убеждениями. Мак-Нил уделяет большое внимание духовному фактору в истории, подробно рассматривает взаимодействие религии и общества.

Редкий из западных ученых он правильно оценил значение исихазма – принятие учения святителя Григория Паламы помогло православному населению Балкан не утратить свою веру под властью турок-османов. Вообще, Мак-Нил уделяет Византии и России гораздо больше внимания, и делает это с куда большим

пониманием (хотя и не без ошибок), чем большинство западных исследователей.

Большое значение для мировой исторической мысли имели две работы Мак-Нила, развивающие темы, намеченные в «Восхождении Запада». Книга «В погоне за мощью» (М.: Территория будущего, 2008), посвящена влиянию эволюции военных изобретений и развития вооружений на человеческое общество.

В работе «Эпидемии и народы» рассматривается воздействие на историю массовых эпидемий и особенно великих моров, возникавших при смыкании частей ойкумены, когда болезни эндемичные для одних обществ выкашивали миллионы человек в других, не имевших иммунитета.

5. Фернан Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV-XVIII вв. М.: Прогресс. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное (1986); Т.2. Игры обмена (1988); Т.3. Время мира (1992).

Труд великого французского историка Фернана Броделя (1902-1985) представляет собой вершину исторической науки XX века. Это поразительная по фактической насыщенности, богатству идеями и феноменальному мастерству исторического изложения работа, дающая общую картину социально-экономической истории охватывающих участки планеты миров-экономик, прежде всего – европейского.

Бродель то погружается в детали хлебопечения, функционирования открытых продовольственных рынков, сложностей выпуска и учета переводных векселей, то предлагает читателю сложнейшие теоретические построения посвященные пространственной организации экономик, тонкостей устройства доиндустриального капитализма и взаимодействия финансовых олигархий и государств.

Бродель показывает сколь богатой, насыщенной и разносторонней может быть историческая наука в наше время и что совсем не обязательно привязывать себя к шумным политическим событиям, чтобы вести увлекательный исторический рассказ.

Центральная идея Броделя выражена в понятии «длительной временной протяженности». Есть исторические факторы и процессы, которые работают лишь очень медленно, столетиями и тысячелетиями, и именно они определяют границы возможного и невозможного в истории. Ход истории задается почти неподвижными глубинными структурами – географией, климатом, распределением человеческих масс, долгосрочными цивилизационными особенностями. Кстати, феномену цивилизаций посвящена другая важная книга Броделя «Грамматика цивилизаций» (М.: Весь мир, 2008).

Бродель раскрывает взятую им тему через историю миров-экономик, структур в границах которых экономические процессы синхронизированы и которые до недавнего времени были плохо проницаемы друг для друга. В европейской мир-экономике Бродель выделяет эпоху смены гегемонии торговых центров – Венеции, Антверпена, Генуи, Амстердама, Лондона, Нью-Йорка, которые, контролируясь как правило финансовыми олигархиями – капиталистами, диктуют параметры экономического порядка. Россию, кстати, Бродель рассматривает как «сам по себе мир экономику», причем отнюдь не считает нас отсталыми, напротив, с вниманием и интересом относится к очень специфичной русской структуре, сохранившейся и после установления тесных контактов России и Европы.

Коллегами Броделя при разработке мир-системного подхода к истории стали два неомарксиста — американский социолог Иммануил Валлерстайн и итальянский историк экономики Джованни Арриги. Первому принадлежит фундаментальная работа «Мир-система Модерна» (т. 1-4. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2015-2017), основанная на во многом схожих с

броделевскими постулатах о существовании локальных миров-экономик, в развитии которых Валлерстайн уделяет центральное внимание взаимоотношениям между развитым ядром, полупериферией и отсталой, эксплуатируемой периферией.

Работа Арриги «Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени» (М.: Территория будущего, 2006) является очень интересной попыткой распространить вглубь средневековой истории и уточнить тезисы Броделя о смене центров-гегемонов европейской мир-экономики, расцвет и упадок которых связаны с циклами накопления капитала.

6. Нил Макгрегор. История мира в 100 предметах. М.: Эксмо, 2012

Эта книга возвращает нас к более легкому стилю изложения, зато позволяет сменить угол зрения. Вместо истории как череды политических и военных событий или экономических и социальных процессов, — история данная через материальные предметы в которых отражается эпоха. Нил Макгрегор – директор Британского Музея, который, напомним, является не художественной галереей, а обширнейшим в мире собранием предметов по археологии и этнографии.

Каждому из предметов, от раннего палеолита до современной кредитной карты, посвящена краткая характеристика, из которой мы узнаем что-то о нем самом и о той эпохе, том историческом контексте, который его породил. Познавательная ценность этих эссе просто огромна – на читателя обрушивается поток фактов о которых, чаще всего, он даже не подозревал. Скажем, все знают о человеческих жертвоприношениях у майя. Но лишь единицы знают о ритуале, когда жена правителя пропускала через язык веревку с острыми шипами и, впадая в экстаз от боли, пророчествовала о будущем. Мало кто мог бы даже предположить, что коровы, которых в Древнем Египте было довольно много, давали египтянам не мясо или молоко, а... кровь, которую пили или использовали как белковую

добавку к овощным блюдам. Далек не каждый сможет вам ответить на вопрос о том, почему на эллинистических монетах Александр Македонский изображался рогатым и вошел в восточные предания как Искандер Двурогий.

Для примера возьмем британский чайный сервиз XIX века. Чай как он понимается в современном мире – продукт Британского имперского пространства, объединившего плантации Индии с фарфором Китая и сахаром Ямайки стал важнейшим вкладом Британии в мировую цивилизацию. Именно вместе с чаем в жизнь бедных слоев общества вошла трезвость. Алкогольные напитки были единственным способом доставить в организм воду избегая бесконечных инфекций из зараженных источников. Чашка сладкого чая с молоком стала настоящим родником свежей воды в инфекционной пустыне. Наконец-то можно было пить воду и не быть пьяным. Поэтому британские филантропические общества, роль которых в формировании современного жизненного стандарта во всем мире огромна, внедряли чай с такой настойчивостью. Наконец-то простой человек был трезв, подтянут и согрет глотком горячего чая. Хотелось бы однажды дожить и до «Истории России» в 100 предметах.

7. История частной жизни. Под редакцией Филиппа Арьеса и Жоржа Дюби. М.: Новое литературное обозрение. (т.1. От Римской Империи до начала Второго тысячелетия. 2014; т. 2. Европа от феодализма до Ренессанса; т.3. От ренессанса до эпохи Просвещения. 2016).

Большая часть истории людей проходит вне поля зрения историков, за закрытыми дверями домов. Эта частная жизнь и частная история в течение столетий оказывались без всякого исторического внимания, лишь в XIX веке начали появляться исследования домашнего быта по крайней мере монархов, такие как «Домашний

быт русских царей» и «Домашний быт русских цариц» И.Е. Забелина, однако цари это все-таки публичные фигуры.

По настоящему заглянуть в тайники частной жизни историки решились лишь когда начали выходить работы французского историка Филиппа Арьеса (1914-1984) «Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке» (Екатеринбург, издательство Уральского университета, 1999) и «Человек перед лицом смерти» (М.: Прогресс-Академия, 1992) в которых было показано как исторически формируется восприятие ребенка как невинного ангельского существа, которое надо ограждать от всякой грязи, кажущееся нам сегодня очевидным, или как смерть из публичного пространства торжественного ритуала вытесняется в частное, зачастую одинокое, умирание, упрятанное подальше от глаз благопристойной публики, полагающей, что будет жить вечно. Кстати сам Арьес был «правым анархистом-традиционалистом» близким к известной правой организации «Аксьен франсез» — одной из предшественниц «Национального фронта».

Именно Арьес выступил инициатором создания развернутого пятитомного исследования истории частного человека и частной жизни, выполненного коллективом французских ученых. После его смерти дело довел один из крупнейших французских историков-медиевистов Жорж Дюби. Рассмотрена частная жизнь Рима и Византии, средневековой Европы и Нового времени, и так практически до наших дней. Можно увидеть в чем частный человек повторял свою публичную роль, а в чем противоречил ей, какую роль играли в его жизни семья, дружба, письма и интимные дневники.

8. Л.А. Тихомиров. Религиозно-философские основы истории. Составление М.Б. Смолина. М.: Аспект-Пресс, 2004 (или любое другое издание).

В течение столетий Божественный промысел лежал в основе объяснения истории как целого и конкретных исторических событий. Достаточно здесь упомянуть блаженного Августина и его трактат «О граде Божием» (Киев, Спб.: Алетейя, УЦИММ, 1998) центральная мысль которого состояла в полемике с язычниками, которые полагали, что их боги даровали Риму расцвет, а приняв христианство он склонился к упадку. Напротив, ложные языческие боги, бесы, поработили Рим и мир и принесли неисчислимы страдания, а Христианство освободило человека от власти демонов.

Ученик Августина, Павел Орозий, составил «Историю против язычников» (Спб.: Издательство Олега Абышко, 2004), в которой изложил события в Греции и Риме как череду принесенных демонами бедствий и актов проявления божественного провидения.

Этот же подход мы можем встретить и в XX веке у Гилберта Кийта Честертона (1874-1936), великого английского писателя и христианского католического апологета в его замечательной работе «Вечный человек» (М., Издательство политической литературы, 1991), где история рассматривается как противопоставление «карфагенского» начала бесслужения и римского начала ведущего через цивилизацию к принятию Христа.

Современные исторические исследования как правило исключают провидение и агиополитические факторы из исторического исследования – как историческое рассматривается либо человек, либо то, что ниже человека – неживая и живая природа. И это совершенно искажает наше восприятие истории. Но есть и редкие исключения, возвращающие нашему пониманию истории религиозную перспективу. Это, в частности, обширная работа Льва Александровича Тихомирова (1852-1923) – русского консервативного мыслителя, раскаявшегося революционера-народовольца и православного монархиста «Религиозно-философские основы истории».

В этом труде Тихомиров охватывает всю историю человечества вплоть до грядущих эсхатологических последних событий, показывает её как противоположность двух начал – трансцендентного, признающего Бога существующим и действующим вне мира, и имманентистского, считающего, что высшая реальность слита с миром, что проявляет себя в язычестве, гностицизме, масонстве, социалистическом и либеральном человекобожии. Борьба двух этих начал, с точки зрения Тихомирова, пронизывает всю земную историю, определяя в ней высшие смыслы.

Если говорить об истории религий, рассмотренной с более секулярной точки зрения, то здесь совершенно незаменим трехтомный труд родившегося в Румынии и православного по крайней мере по рождению исследователя Мирчи Элиаде (1907-1986) — «История веры и религиозных идей» тт. 1-3. (М.: Академический проект, 2015). В этой работе подробно рассмотрена история всех основных религиозных направлений от анимизма и шаманизма до протестантизма нового времени.

9. Робин Дж. Коллингвуд. Идея истории. Автобиография. М.: Наука, 1980

Составив себе общее представление о ходе истории в целом и некоторых её «этажах», таких как экономика, религия, быт, частная жизнь, пора приниматься за твердую пищу, то есть за изучение исторического метода, понимание того как и для чего работает историк.

Лучшей работой, посвященной анализу теоретической стороны работы историка является книга британского археолога Робина Джорджа Коллингвуда (1889-1943) «Идея истории». Коллингвуд был как историком и археологом, так и философом, и ему удалось с удивительным мастерством передать не только суть того поворота, который совершила в XX веке историческая наука, перейдя от

«истории ножниц и клея», когда считалось достаточным с максимальной полнотой вырезать из источников данные и склеить их между собой в единую историю, к истории «проблем», когда историк задает вопросы источнику и использует любые способы, чтобы получить ответ на волнующие его темы. Коллингвуду удалось в одной книге соединить историю философии истории, то есть тех способов осмысления прошлого, которые человеческая мысль порождала в течение столетий, и собственную философию исторической науки как поля решения проблем.

Работ по теории истории и сущности исторического метода, конечно, гораздо больше. Достаточно здесь назвать труд «Историка» (Спб., 2004) знаменитого немецкого специалиста по истории эллинизма Иоганна Дройзена. Влиятельный русский ученый либерального направления Н.И. Кареев (1850-1931) написал свой труд с аналогичным названием: «Историка. Теория исторического знания» (М.: URSS, 2010), где подробно изложил теоретические и методологические основы этой науки.

Наконец, своеобразным классическим памятником «позитивистской» историографии стала работа французов Шарля-Виктора Ланглуа и Шарля Сеньобоса — «Введение в изучение истории» (М.: Гос. Публ. Историч. Библиотека России, 2004), где теоретическая парадигма, в основе которой лежала надежда максимально точно и достоверно установить и изложить все факты нашла свое высшее выражение.

В XX веке начался переход исторической науки от истории пересказа фактов к истории как постановке проблем. Лидером этой историографической революции стала французская школа «Анналов», основанная Марком Блоком и Люсьеном Февром (учеником последнего был Фернан Бродель). Марку Блоку (1886-1944) принадлежит незаконченный из-за его расстрела в Лионском гестапо как участника сопротивления труд «Апология истории» (М.: Наука, 1973), мысли изложенные в нем стали своеобразным символом новой историографии.

Большое значение имели и работы итальянского философа-гегельянца Бенедетто Кроче (1866-1952), прежде всего «Теория и история историографии» (М.: Школа «Языки русской культуры», 1998). Идеи Кроче оказали большое влияние на Коллингвуда. Работы Блока, Кроче и Коллингвуда оказали влияние на русского богослова и церковного историка о. Георгия Флоровского, который в небольшой работе «Положение христианского историка» (в книге «Догмат и история» М.: Изд-во Свято-Владимирского братства, 1998) изложил базовые принципы проблематизирующей истории применительно к церковной науке.

Из современных работ по теории истории следует, прежде всего, указать на книги англичанина Джона Тоша «Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка» (М.: Весь мир, 2000) и француза Антуана Про «12 уроков по истории» (М.: РГУ, 2000), дающих своеобразный синтез традиционной позитивистской модели «истории фактов» и современной модели «истории проблем».

10. Лихачев Д. С. Текстология: (На материале русской литературы X-XVII веков). Спб.: Алетейя, 2001.

Наконец последний труд из нашего списка, который поможет сформировать из любого желающего историка доброй воли, это работа знаменитого русского филолога, специалиста по древней русской литературе, академика Д.С. Лихачева (1906-1999) «Текстология». Этот труд позволяет не только освоить основные навыки анализа текстов (прежде всего русских летописей и иных древнерусских литературных источников), он дает представление об общих принципах функционирования источников – помогает понять, что рукописей с которыми работает историк довольно много, что не существует никакого «в летописи написано», так одна рукопись отличается от другой тысячами разночтений, что причинами этих

разночтений могут быть как сознательные искажения, так и ошибки, описки, сбои внутреннего диктанта, когда человек вместо «колеса» пишет «колбаса» и т.д.

Человек знакомый с текстологией никогда не поведется на бредовые постулаты фоменковщины о тотальной подделке нарративных источников древности и средневековья, поскольку отлично знает насколько много в реальности этих источников, насколько велики разночтения между двумя рукописями одного и того же источника, так что их невозможно подделать нарочно и незачем подделывать случайно. «Текстология» Лихачева позволяет прикоснуться к тому колодцу из которого черпается первоначальное историческое знание.

Более подробно разобраться в проблеме помогут такие издания, как «Методика исторического источниковедения» (Ростов-наДону, 1976) советского исследователя А.П. Пронштейна. А в понимании методов работы с визуальными источниками поможет работа известного русского археолога А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник» (М., 2004).

В завершение обзора его автор хотел бы подчеркнуть, что, на его взгляд, любому начинающему историку, профессионалу или любителю необходимы пять качеств, без которых категорически не обойтись.

1. Широкая историческая эрудиция. Часто говорят, что историку не надо забивать себе голову датами и фактами, необходимо понимание метода. Это не так – сущность истории в установлении максимально широких причинных, смысловых и ассоциативных связей между великим множеством фактов. Невозможно установить связь между тем, чего не знаешь. История состоит из множества индивидуальных фактов и, хочешь не хочешь, их надо знать. Однажды мне пришлось услышать видеолекцию доктора исторических наук, который построил целую теорию на выдуманной

им вражде между Францией и Османской империей в XVI веке, хотя тесный франко-османский союз – реальность известная любому, кто интересовался этой эпохой. Лектор, бывший специалистом по истории СССР XX века, но взявшийся раскрывать тайны мировой закулисы века XVI, этого факта не знал.

2. Безусловное преклонение перед точно установленным фактом.

Разумеется, не все факты можно установить надежно, многие так и останутся лишь гипотетическими. Зато почти все ошибочные факты можно надежно опровергнуть. Историк не должен использовать заведомо ошибочные факты, скомпрометированные источники, не может не оговаривать гипотетических фактов, не имеет право одну гипотезу базировать на другой гипотезе, а дальше исходить из гипотезы как из самоочевидного факта. Любые исторические теории всегда должны капитулировать перед фактом их опровергающим. Сделал вольную или невольную ошибку – признай и исправь. Историк, отговаривающийся тем, что «фактов нет, есть лишь интерпретации» — шарлатан.

3. Приоритет источника над литературой.

Современные историки зачастую заражены историографической болезнью. Они попадают в замкнутый круг воспроизведения точек зрения высказанных исследователями до них, принимают без проверки их интерпретации и даже фактические утверждения. В итоге современная историческая работа зачастую состоит в пересказе других исторических работ. Между тем, всюду, где это возможно, источник должен быть для исследователя на первом месте. К нему следует подойти со свежим взглядом, перечитать каждую строчку, осмотреть еще раз каждый предмет, не успокаиваться на том, что кто-то до тебя это уже объяснил – потому что именно из такой лени и вырастают мифы, которые кочуют из одной исторической работы в другую десятилетиями.

4. Чувство исторического времени.

Нормальная работа историка невозможна без рационального или интуитивного понимания такой реальности как историческое время. Нужно чувствовать

исторические ритмы. Необходимо желание и умение заглянуть в объяснении любой исторической проблемы на большую глубину, увидеть в казалось бы случайном обстоятельстве схождение столетних, а то и тысячелетних временных пластов. «Законов истории» в том виде, в котором существуют законы физики, по счастью никто еще не открыл (а те, кто утверждал, что открыл, оказались обманщиками). Но существуют долгосрочные временные цепочки, тенденции, потоки плотно взаимодействующих лиц и событий. Разглядеть их среди моря исторических фактов – одна из важнейших задач историка.

5. Понимание смысла истории. Историк, который не задумывается о смысле тех событий и процессов которые изучает – ленив и нелюбопытен. Существует множество философских и религиозных интерпретаций истории, стройных и не очень концепций исторического процесса. Не каждый может и должен быть философом, но каждый должен дать себе отчет в том какова его собственная философия истории. Отказ от этого не порождает «историю свободную от философствований». Он порождает обычное ленивое следование насильственно насаждаемым «мейнстримным» концепциям – марксизму как в СССР, или либеральному эволюционизму, а то и вовсе «политкорректности» как на Западе. Историк нужно мужество мыслить самостоятельно.

ПРОЛЕГОМЭНЫ КО ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ

Устоявшийся за последние столетия принцип формирования философий истории (как материалистических, так, порой, и идеалистических) делает их довольно однообразными. Осмысление истории строится снизу – некий признак, обычно материальный, накапливается с течением времени и через это накопление порождаются, эволюционно или революционно, новые социальные структуры.

Классическим примером такой теории является марксизм с его движением производительных сил меняющим производственные отношения, но подобных теорий, связанных с марксизмом генетически или общностью хода мысли – множество.

В некоторых случаях эта историческая логика именуется прогрессом, которому приписывается линейный характер. В других – берутся на вооружение циклические теории из подъема, расцвета и упадка, иногда по органическому образцу. Циклические теории, в значительной степени, погребли под собой весьма перспективную теорию цивилизаций, поскольку этим цивилизациям (у Данилевского и Тойнби), культурам (у Леонтьева и Шпенглера), этносам и суперэтносам (Гумилев) зачастую приписывается принудительная неизбежность органического цикла рождение-расцвет-умирание.

В данной работе исповедуется другой подход к истории. Он предполагает, что существование простых элементов на протяжении сколь угодно долгого времени и накопление их в каком угодно количестве не порождает и не может породить более сложных структур. Появление таких структур, мы назовем их суперструктурами, является не следствием накопления простых элементов, а их первопричиной.

Теория суперструктур

Особенностью суперструктур является то, что они слишком сложны для своего окружения – в них заложены слишком сложные идеи, в них действуют слишком сложные организационные и экономические механизмы, у них слишком большие амбиции и притязания. В результате текущий уровень экономической, общественной, политической и человеческой базы их устроить не может. Либо эти суперструктуры рухнут так как висят в воздухе, либо они подведут фундамент под себя.

Действительный прогресс строится не снизу, а сверху. Он начинается не с избытка ресурсов, а напротив, с их недостатка для поддержания более сложной суперструктуры. Суперструктура вынуждена извлекать и перерабатывать больше ресурсов, повышать уровень человеческого капитала, развивать все более сложные технологии (причем не только производственные и военные, но и гуманитарные, включая новые модели поведения), потому что для неё это единственный шанс обрести почву и избежать коллапса.

Если приводить самые примитивные примеры, не сукнодельная промышленность появилась от того, что в Англии было слишком много овец, а напротив – «овцы съели людей» и лендлорды начали огораживания потому, что суконное производство пошло вверх и продавать шерсть суконщикам для лендлордов стало выгодней, чем получать жалкий оброк от крестьян с грехом пополам сеявших пшеницу в сырой британской земле. Точно так же, не ткацкая фабрика появилась от переизбытка хлопка, а хлопковые плантации появились от того, что ткацким фабрикам не хватало ресурсов, и рабов из Африки начали активно завозить на Юг США именно под потребности английской текстильной промышленности.

В чем-то деятельность суперструктур напоминает агрикультуру, где сама такая структура вступает в роли фермера, а материальная цивилизация, духовная культура, государства и армии – в роли выращиваемых им на поле пшеницы, ржи, риса или кукурузы. Если

фермер не преуспеет, то с некоторой вероятностью он умрет с голоду. В отношениях фермера с зерном в этом смысле есть определенная романтика, но нет никакой благотворительности. Либо он вырастит урожай на этом поле, либо он сдохнет. Но первичен, при этом, всё-таки земледelec, а не урожай. Иногда этот земледelec выращивает этот урожай в совершенно непригодных для этого местах, вроде террас в Андах.

Кукуруза, которая решила бы, что это она сама развилась до трехметровой высоты и ей надо только освободиться от назойливого человека – была бы глупа. Если ей удастся человека прогнать, то почва истощится, ее всходы забьют сорняки, а зерна склюют птицы. Богатая почва, жирные зерна, стройные ряды на поле, крутые комбайны – всё это результат не саморазвития кукурузы, а продукт действия суперструктуры, действия человека.

Озарение человеческого ума порождает идеи, замыслы, проекты, социальные связи и технологии более сложные, чем окружающая их материальная и социальная действительность. Для того, чтобы выжить, эти суперструктуры вынуждены усложнять реальность вокруг себя, подводить под себя соответствующий материальный, социальный, культурный и духовный фундамент. Одни из возникших суперструктур гибнут, не справившись с этой задачей, другие развиваются, добиваясь новых степеней усложнения, сами становятся основанием для еще более сложных суперструктур.

В человеческом мире, в социальной жизни, простые элементы могут образовать более сложную структуру только благодаря наличию замысла этой сложной структуры. Способность воображать и воплощать свойства таких сложных структур присуща человеческому уму и является, присущим человеку свойством божественного ума. По загадочным причинам наш ум способен понимать устройство мира правильно, а его изобретения “работают” – аппараты тяжелее воздуха летают, атомные бомбы уничтожают всё вокруг, пироги съедобны, а песни – приносят удовольствие.

Ум человека способен понимать окружающую действительность и “перешивать” её в соответствии со своими целями. То есть наш ум сложнее данной нам в непосредственных ощущениях действительности. Этого достаточно, для того, чтобы сделать появление суперструктур гораздо менее загадочным. Они появляются там, где люди пользуются своим умом хорошенько, следуя своим целям и желаниям, а не просто приспособляясь к окружающему миру.

Какие же цели ставит себе человеческий ум, выражающийся в строительстве суперструктур? Тут опять придется отказаться от навязанной нам иллюзии строительства мира “снизу”. Собака не мечтает о том, чтобы стать суперсобакой. Рыба не стремится к тому, чтобы стать чудо-юдо-рыбой китом. В то время как человеку присуще неистребимое свойство стать сверхчеловеком. Не обязательно в ницшеанском смысле. Возможно напротив – в смысле достижения святости и единения с Богом. Просто возможности нашего разума, пусть и далекого от всезнания и всемогущества, все-таки буквально кричат нам о том, что мы должны быть большим, чем мы есть.

Возможность существования суперструктур связана с присущим человеческому уму свойством быть сложнее и больше самого себя, присущей человеческому интеллекту и воле способности творчески перешивать реальность, создавать нечто, прежде не существовавшее. Это свойство человеческого ума богословское сознание связывает с божественностью его происхождения, с тем, что человек создан по образу и подобию Бога-Творца и наделен им, в доступной для творения степени, характерными для божественного ума возможностями и способностями. Человеку присуще сознательное стремление создать из себя и своей жизни нечто более сложное, чем ему дано. Именно поэтому применение к человеку и человеческой истории эволюционной гипотезы лишено смысла – собака не мечтает о том, чтобы стать сверхсобакой, напротив, осознание своего сверхчеловеческого статуса характерно

для человеческого ума с той древности, с которой мы можем различить хоть какие-то свойства, присущие человеку.

Самосознание человека в мире определяется парадоксом, сформулированным великим русским философом В.И. Несмеловым:

«Человек неизбежно вступает в замкнутый круг загадочных противоречий. Он сознает, что в пределах и условиях наличного мира он живет именно так, как только и можно ему жить по физической природе. И в то же самое время он сознает, что эта единственно возможная для него жизнь не соответствует его духовной природе. Между тем, та идеальная жизнь, которая бы соответствовала его духовной природе, не может быть достигнута потому что она противоречит условиям физической жизни. В сознании и переживании этих взаимных противоречий человек необходимо приходит к сознанию себя как загадки в мире».

Иными словами, наше человеческое “Я”, наш ум, ощущает, что он гораздо больше данного мира, и хотел бы жить как-то по другому. Но физическая жизнь этому нашему самосознанию не соответствует и не поддается. Вот из переживания этого противоречия, тем более саднящего, чем более развит конкретный человеческий ум, и появляется мотивация к действию людей. Мы объединяем физические и умственные усилия, чтобы сделать вместе то, что мы не можем сделать поодиночке и ощутить себя несколько ближе к своему недостижимому “естественному состоянию” – могуществу, познанию и постижению Божьего мира и Самого Бога.

Именно здесь, в мучительной жажде самопревосхождения, и способности к такому самопревосхождению, присущей нашему уму, и содержится секрет формирования суперструктур. Есть люди и группы людей, которые додумываются и договариваются до слишком сложных вещей и “всё усложняют”. А дальше, после возникновения суперструктуры, либо погружение в болото и смерть, либо усложнение окружающего их мира.

Итак, возможность возникновения суперструктур создается божественностью нашего ума. Причиной возникновения суперструктур является более или менее ясно сознаваемое противоречие между ощущением нами своего истинного бытия и убогими условиями данной нам действительности. Суперструктуры оказываются возможностью для нас стать больше себя.

Направление формирования этих суперструктур задают, ведущие человеческие стремления, можно сказать страсти. Кто-то стремится к постижению Бога, кто-то к власти, кто-то к богатству, кто-то хочет постичь истину, кто-то хочет добиться признания своей ценности другими, кто-то без ума от любви, кто-то стремится к комфорту (хотя любители комфорта как самоцели редко создают что-то ценное, обычно нужно нечто большее), кто-то превыше всего ставит свободу, кто-то хочет управлять миром при помощи демонов. Разумеется, в реальных суперструктурах эти мотивы-страсти перепутываются и сливаются в той или иной пропорции, хотя, как правило, один из мотивов является доминирующим и выступает как фактор ограничения других. Например, система, построенная на властолюбии всегда будет ограничивать корыстолюбие. А богопознания никто еще не пытался достичь через комфорт.

При генезисе суперструктур сперва следует умственный скачок, постижение или оформление новой идеи, концепции, программы, на худой конец – стратегемы. Поэтому Платон не случайно считал, что государством должны управлять философы, то есть те, кто видит идеи, и способен придумать суперструктуру. Затем, подчиняясь идее, суперструктура оформляется как нечто более сложное, чем её окружение. А затем уже она начинает с большим или меньшим успехом поднимать реальность до себя – при помощи проповеди, имперских завоеваний или захвата рынка, распространения идей или приобретения восхищения красотой, или как-нибудь еще.

Разумеется, далеко не каждой суперструктуре удастся поднять свое окружение до себя. Освещенная сторона мировой истории – это музей успешных суперструктур, но её теневая сторона – это свалка

высохших гусениц, которые так и не стали бабочками. Однако успех суперструктуры – это шаг той или иной человеческой общности вперед.

За любым рывком прогресса в нашем мире – неважно экономическим, политическим, моральным, культурным, религиозным, стоит суперструктура, которая буквально тянет общество за волосы вверх, как барон на русской службе Мюнхгаузен тянул самого себя из болота.

Попытка привести в соответствие свою физическую природу своей идеальной духовной природе составляет суть и смысл человеческой деятельности в ходе истории. Эта деятельность развивается в трех планах.

Прежде всего, посредством религии, человек пытается восстановить свою связь с высшей реальностью и обрести свое место в духовном мире, в частности – стать достойным прямого Откровения Бога. Религию сопровождает как тень её темная соседка магия, – попытка овладеть тайными силами, которые позволяют человеку обрести власть и контроль над миром без и помимо согласия с высшей реальностью.

Третьим путем преодоления противоречия человеческого ума и физической действительности является деятельность человека по преобразованию окружающего мира и созданию более сложных структур по координации деятельности между людьми для достижения общих целей. Иными словами, – создание тех суперструктур, которое упомянуто выше (оговоримся, впрочем, что и в религии, и в магии роль суперструктур так же огромна, если не сказать является решающей).

Многотысячелетний ход человеческой истории – это битва божественного человеческого ума с неподатливым окружающим его «материалом», причем прежде всего с собственным телом, со своей душой и с самим собой, поскольку присущая самому уму и другим душевным и духовным способностям человека ограниченность (в

богословии она именуется греховностью) является важнейшим отягчающим обстоятельством, мешающим человеку реализовать свои цели, как самые возвышенные, так и самые земные. Наконец, радикальным препятствием для человека на пути реализации его устремлений является его смертность. Смертность человека является наиболее существенным ограничителем для его деятельности, а стремление к бессмертию, к победе над смертью, является наиболее значительным из двигателей этой деятельности.

Сознание божественности человеческой природы и человеческого разума может привести к жизнеотрицанию, к ненависти к материи, как «неподатливой» и «отягощающей». В этом случае, вместо стремления преобразовать жизнь в соответствии с идеальной природой человека формируется установка на то, чтобы «освободить» разум и дух из темницы «злой материи». На основе этой идеологии, ярко проявляющейся в таких религиозных течениях как манихейство и его многочисленные продолжатели, формируется особый тип суперструктур, которые Л.Н. Гумилев называл «антисистемами». Конечной целью антисистем является подавление, прекращение человеческой жизни. Методы действия таких антисистем бывают, порой, весьма изощренными, от пропаганды квази-аскетических религиозных сект, до провозглашения разрушительных для общества утопических идеологий, влияющих на социально-экономическую и политическую жизнь.

Разумеется, далеко не всем людям в одинаковой степени присуще стремление вырваться «за горизонт». Да и качество этих стремлений различно – кто-то стремится к постижению последних тайн бытия, кто-то хотел бы повелевать массами людей, принуждая их исполнять свои мечты или капризы, а кому-то вполне достаточно немного более сытного ужина за счет соседа и забытья с хмельной чашей в руках.

Качество и направление стремлений людей в тех или иных обществах определяют именно контролирующие эти общества

суперструктуры – вождества, государства, великие империи, жреческие коллегии, церкви, тайные общества, купеческие корпорации, идеологические течения, политические партии и многие-многие другие. Далеко не все из этих суперструктур стремятся к субъективному или объективному благу контролируемых ими людей, тем более далеко не все ориентированы на добро как цель или как средство достижения этой цели. Но все эти структуры сложнее, более интеллектуально насыщены, чем базовый для них социум и, в том или ином отношении, тянут его вверх.

Политические суперструктуры. Империи и нации

В большинстве случаев такое движение вверх невозможно без той или иной формы политической власти, то есть возможности принуждать массы людей при помощи авторитета, харизмы, престижа, насилия (точнее потенциальной угрозы насилия), энтузиазма к тому, что не является для них их личной жизненной необходимостью и что требует значительных трудозатрат, а во многих случаях и риска для жизни. Завоевание прямой или косвенной власти является, поэтому, важнейшей целью существующих суперструктур и, чаще всего, обуславливает их выживание. Поэтому государства (политии) являются важнейшими игроками на поле истории. Именно деятельность государств традиционно являлось, и, несмотря ни на что, является и по сей день основным содержанием истории как способа познания прошлого и как науки. Собственно государства и создали историописание прежде всего для своих целей, для закрепления себя во времени, для обеспечения своей суперструктурной устойчивости.

Особенно сложную форму среди политических суперструктур имеют империи, царства царств, государства государств, охватывающие, порой, гигантские пространства, включающие в себя множество политических меньшего уровня – стран, народов, вассальных государств.

Разумеется, такие сложные суперструктуры, которые, к тому же, вынуждены постоянно принуждать людей воевать и делать работу, которую они делать не хотели бы, могут показаться очень неустойчивыми. Отсюда навязшая в зубах либеральная мантра: «все империи распадаются». Однако на деле, для той чрезвычайной сложности стоящих перед ними задач, империи необычайно устойчивы и жизнеспособны, а порой способны к самовосстановлению. Достаточно привести пример Восточной Римской Империи (Византии), просуществовавшей более тысячелетия, долгое время успешно отражавшей бесчисленные угрозы со всех сторон, периодически восстанавливавшей контроль за своими утраченными территориями и сохранявшей высочайший уровень религиозной и светской культуры. Только намеренным зложелательством можно объяснить тот факт, что одну из величайших историй успеха западные авторы уже не первое столетие изображают как «историю упадка».

Трудность исторического существования суперструктур имперского типа связана с тем, что на протяжении большей части своего исторического пути они действовали на пределах современных им логистических возможностей, а порой и за их пределами. Определенной, хотя и низкоуровневой устойчивостью обладали локальные политические сообщества – общины, города, племена, провинции и сатрапии, в которых могло существовать нечто вроде естественно сложившейся социальной, экономической и культурной жизни. Империи могли казаться с уровня этих сообществ навязчивым сторожем, а то и назойливым эксплуататором. Поэтому реальная история всех сколько-нибудь крупных государств – это история мятежей, выходов из подчинения, заговоров и сепаратизма.

История крупных государств и империй напоминает попытку сложить высокую башню (не обязательно Вавилонскую) из большого количества необтесанных, плохо прилегающих друг к другу камней. Разумеется они будут стараться осыпаться при первой же возможности и нужно исключительное мастерство, чтобы поднять

здание на большую высоту и удерживать его достаточно долго, особенно в условиях, когда рядом то и дело появляются конкуренты и стремятся обрушить вашу башню или утащить часть камней себе для своих собственных башен.

Со временем изобретались новые способы сохранить устойчивость конструкции – камни обтесываются и плотно подгоняются друг к другу при помощи создания более эффективных систем центрального и местного административного управления, камни соединяются вместе раствором в роли которого выступают общая идеология, общая религия, общая культура, общий рынок.

Наконец, в ход идут новые материалы, политический железобетон, к каковым относится, к примеру концепция нации. Этническое единство изначально могло служить фактором для создания государства, хотя бы потому, что позволяло противопоставить своих и чужих. Однако для большинства этносов была характерна крайняя племенная раздробленность, а возникавшие первоначально государства были, зачастую, меньше даже создавших их этносов. Со временем, прежде всего в странах христианской Европы от Руси до Англии была сформулирована концепция нации как изначально единого народа, определяющего границы и историческое лицо той или иной политики.

Понятие нации позволяло не доказывать долго причину, по которой большое количество людей и земель должны входить в одно государство, наоборот, составлявшие государство люди изначально рассматривались как единый народ, мало того, как священный народ, которому предназначено определенное место в истории. Концепция нации, начавшая вырабатываться в христианском мире в X-XI веках, позволила успешно решить проблему единства большого пространства над которой тысячелетиями бились империи.

С другой стороны, идея нации накладывала определенные ограничения на величину того государства, которое можно было

создать с этим столкнулись такие нации как французы и немцы. Англосаксы пошли по пути создания заморских наций-клонов. Испанцы передали свой язык и элементы культуры (прежде всего религию) новым нациям, которые не захотели иметь с нацией-митрополией ничего общего. Однако русская нация, одна из древнейших в Европе, провозгласившая свое самосознание в таких замечательных памятниках как Слово о законе и благодати (XI в.) и Слово о полку Игореве (XII в.), создав в ходе своей сухопутной экспансии исключительное по размерам территориальное государство-империю и сохранив при этом абсолютное этническое, культурное и национальное единство. Чему, впрочем, немало способствовал исторический успех русской имперской государственности.

Этические системы и цивилизации

Однако государства являются не столько основной деятельностью человека, сколько условием возможности подобной деятельности. Человеческое самопревосхождение осуществляется прежде всего в том, что мы именуем цивилизацией. Цивилизация это единство культуры, религии и образа жизни, чаще всего осуществляющееся в городских сообществах. Город является той средой, в которой взаимодействие между людьми – кооперация и разделение труда, а главное, – кооперация идей и смыслов, достигают особенно высокой интенсивности. Возможны чисто аграрные или даже кочевые цивилизации, но высокого уровня и настоящей творческой оригинальности они не достигают.

Для каждой цивилизации характерен особый стиль, особенная матрица, отпечаток которой лежит на всех творениях человеческого духа, созданных в её рамках. Цивилизации достаточно устойчивы – границы между ними преодолимы лишь с большим трудом. Наиболее экспансионистские цивилизации, впрочем, добивались и добиваются изменения цивилизационных границ при помощи своих

империй (для исторического процесса характерно стремление одной империи охватить все пространство одной цивилизации, или, напротив, оформить цивилизацию в своих границах) – арабский Халифат раздвинул границу исламской цивилизации, а его преемница Османская империя полностью уничтожила историческую теорию византийской цивилизации, вынудив её сохраняться в подчиненном положении или за пределами. Впрочем, если потесненная цивилизация выжила, то, в длительной временной протяженности, она зачастую возвращает себе утраченное пространство.

Исключительно экспансионистской является западная цивилизация, долгое время стремившаяся добиться признания себя глобальной. Для неё характерно стремление остаться Цивилизацией в единственном числе, отождествить свой культурно-исторический тип с человечеством как таковым. В форме европейского колониализма или в форме современной «американской империи», дополненной «империей Евросоюза», Запад стремится осуществить свой глобальный суверенитет.

Именно для цивилизаций как суперструктур над суперструктурами характерны те исключительно высокие уровни сложности человеческой деятельности, которые и подтверждают величие и божественность человеческого разума. Для них характерна способность поддерживать большое число сложных и оригинальных суперструктур, интегрируя их и содействуя их взаимной поддержке.

Своего рода платой за эту цивилизационную интеграцию является единство стиля, лежащее на всех суперструктурах, охваченных этой цивилизацией. Цивилизация создает то лица необщее выражение, которое характерно для всех охваченных ею суперструктур, и в то же время – ту колею, которая определяет их движение, порой – чрезвычайно жестко. Каждая цивилизация дает возможность думать определенные вещи и поступать в соответствии со своей мыслью, в то время как другие ходы мысли она помещает в когнитивную тень, так что количество доступных в рамках любой

цивилизации поведенческих, умственных и творческих ходов, велико, но не неограниченно. Чем больше современная западная цивилизация кричит о безграничной широте своего мышления, тем в большей степени остальному миру становится очевидна ограниченность её предпосылок.

Горизонт возможностей цивилизаций сильно зависит от присущего им поведенческого типа, связанного с доминирующей этической системой. Русский философ К.А. Крылов выделил, опираясь на строгую логику, четыре этические системы, каждая из которых определяет основные параметры формируемого ею цивилизационного блока. Эти связанные с четырьмя этическими системами цивилизационные блоки Крылов обозначил по сторонам света, причем обозначения получились предельно узнаваемыми: Юг, Восток, Запад, Север. Крылов отметил, что для реального поведения большинства носителей этических систем характерна упрощенная этическая модель, которую, в противоположность моральному долгу, он назвал «полюдьем».

Первая этическая система. Юг. «Я должен вести себя по отношению к другим так, как другие ведут себя по отношению ко мне». Полюдьё этой этической системы гласит: «Будь как все». По загадочным причинам большинство обществ, которые придерживаются такой этики сосредоточены на юге или так или иначе ассоциируются у нас с Югом. Перед нами этика сплочения. И это, конечно, самая архаичная и старая поведенческая модель, которая наблюдается и у примитивных племен и у самых древних или архаичных цивилизаций. Хотя и сейчас такого типа поведение мы можем наблюдать по всему миру.

Вторая этическая система. Восток. Её формула: «Я не должен вести себя по отношению к другим так, как другие не ведут себя по отношению ко мне». Это того типа этика, которая описывается знаменитым золотым правилом: «Чего не хочешь себе, того не делай другим». Полюдьё этой этической системы: «Чего другие не

делают, того и ты не делай. Не высывайся». Это этика ценностно обоснованного самоограничения.

Эту этическую систему мы и в самом деле обнаруживаем во всех странах, которые традиционно относятся к Востоку – Китай, Индия. По моему мнению переход к новой, восточной этической системе произошел в эпоху, которую немецкий философ Карл Ясперс назвал «Осевым временем» – эру, когда действовали Библейские пророки, Конфуций, греческие философы, в частности Сократ – заложившие основы продуманной и ответственной этики. Этика древних и средневековых христианских обществ Европы – Византии и католического Запада, – это тоже «восточная» этика. Суть этой поведенческой модели в том, чтобы сохранять традиции, сокращать количество допустимого, ограничивать, по крайней мере публично, возможные модели поведения, чтобы избежать зла.

Третья этическая система. Запад. Формула этой этической системы: «Другие должны вести себя по отношению ко мне так, как я веду себя по отношению к другим». Эту этику описывает «категорический императив» Иммануила Канта, который часто путают с «золотым правилом», хотя по сути он прямо противоположен: «Поступай так, чтобы максима твоего поведения могла служить всеобщим законом». То есть это не ты должен не делать того, что делают другие, это ты должен делать такое, чтобы и другие могли поступать так же. Это этика преодоления ограничений (которое, на мой взгляд, не следует путать со свободой). Полюдье этой этической системы в том и состоит: пусть все поступают так же, как я. Если, конечно, могут себе позволить это.

Этот тип поведения абсолютно узнаваем для западной цивилизации. Ростки такой этики обозначились еще в Древней Греции, но там они были очень ограничены религиозностью и благочестием. А вот с наступлением Ренессанса, Реформации и Нового времени западная этическая система, а вместе с нею и цивилизация, начала расти как раковая опухоль. Сущность западной поведенческой модели в том, чтобы постоянно снимать все новые и

новые ограничения, уничтожать любые этические барьеры, да и вообще любые барьеры. Разрешать, разрешать и разрешать. Именно поэтому главной западной идеологией стал либерализм.

Четвертая этическая система. Север. Её формула: «Другие не должны вести себя по отношению ко мне так, как я не веду себя по отношению к ним». Не допускай. Не позволяй. Пусть все, но не я.

Если Запад – это Восток вывернутый наизнанку – он разрешает то, что Восток запрещает, то Север, это Восток поставленный с головы на ноги – или, если хотите, наоборот. Здесь точкой отсчета того, что можно и что нельзя, выступают не другие, а «Я». Человек, который хочет следовать определенной модели поведения несмотря ни на что и никому не позволит навязать себе свою волю и обращаться иначе. Ему никто не может ничего ни запрещать, ни навязывать. Такой человек не должен ни скрывать то, чем он является, как на востоке, ни притворяться тем, чем он не является, как на Западе. Если он видит угрозу, опасность, потенциальную агрессию, он старается её предотвратить, потому что никто не должен со мной поступать так, как я с ним не поступаю. Ну и толпой, как люди Юга, носители северной этики, разумеется, не ходят, напротив, довольно индивидуалистичны.

Перед нами этика отбора и разграничения. Крылов подчеркивает, что этика Севера – это этика ненависти ко злу и предвидения того, что может случиться, предотвращения будущих угроз. Чего требует такая, северная модель поведения? Прежде всего строжайшего отбора – что тебе нужно, а что тебе не нужно. Что твое, а что чужое. Если Запад все больше и больше расширял сферу допустимого, то Север логически требует четко разграничить допустимое от недопустимого, то, что мне надо, от того, что мне не надо. Мир основанный на четвертой этической системе по Крылову, основанный на контрсуггестии по Поршневу – это мир, который требует очень жестких и труднопроницаемых границ. Причем границ не только и не столько географических, сколько ментальных. Этого я не буду делать, каким бы соблазнительным это мне ни

казалось. Даже если все так делают, я все равно не стану. А вот это я сделаю, даже если весь мир против меня, потому что это я считаю правильным.

Так же Крылов выделил некоторые формы внеэтического поведения. Во-первых, асоциальность и внесоциальность, характерные для не интегрированных с обществом диаспор. Во-вторых- варварство, действующее по принципу «чего другие мне не делают, то я им буду делать». Крылов не отметил, впрочем, что эта этическая формула может существовать как со знаком плюс («не противься злему, подставь другую щеку, раздай свое имение»), так и со знаком минус (грабь, насилуй, убивай), впрочем, в исторической действительности второе встречается гораздо чаще. Целые этносы, регионы, хозяйственно культурные типы могут существовать на принципах варварской этики, развивая набеговую экономику и не видя в этом ничего зазорного.

Цивилизационные блоки возникают в истории не одновременно. Древнейшей этической системой, характерной для архаических обществ была первая этическая система – Юг. С периодом, который Карл Ясперс назвал «осевым временем», и характерной для него религиозно-философской и этической мыслью, связано становление второй этической системы – Востока. Античная цивилизация или цивилизация средневекового Запада содержали в себе определенные предпосылки третьей этической системы, однако полноценное её оформление началось, видимо, лишь в период ренессанса. Отличие западного цивилизационного блока в том, что он не столько порождает различные западные цивилизации, сколько вынуждает мутировать цивилизации предшествующих типов, распространяя среди них поведенческие установки «западничества». Наконец четвертая этическая система, Север, пока находится скорее на горизонте прогнозируемых возможностей, которые могут осуществиться в ближайшем будущем, но будущее может нас и обмануть.

При этом появление новой этической системы, нового типа цивилизации, не отменяет ранних типов, включая возможность зарождения новых цивилизаций, базирующихся на старой этической системе. Таким рождением цивилизации юга посреди отчасти одряхлевших цивилизаций восточного типа было явление в VII веке ислама с характерным для него свойством, которое арабский мыслитель Ибн Хальдун назвал «асабией» – сплоченностью, уровнем которой определяется эффективность общественной и военной организации характерных для первой этической системы (как, впрочем, и для многих ориентирующихся на неё варварских сообществ). Точно так же нет ничего невозможного в появлении «восточных» сообществ в западном мире и, тем более, «западных» в мире северном.

Военные технологии и исторический процесс

Какой механизм приводит в действие запуск новых этических систем? Возможно важным определяющим фактором является развитие вооружений. Война является одним из базовых этических регуляторов человеческих обществ. Она создает и расширяет власть, то есть способность принуждать к определенному поведению. Она ставит человека перед лицом смерти и вынуждает отвечать на вопросы о бытии и ничто. Она сплачивает одни сообщества и противопоставляет их другим.

«Есть лишь одна область технологии, где прогресс – конечно, не безвозмездный – оказывает непосредственное влияние на смену производственных отношений. Это прогресс в производстве оружия. Где нет металлического оружия, там не может быть классового общества» – подчеркивал крупный отечественный востоковед И.М. Дьяконов, автор оригинальной теории исторического процесса.

При этом Дьяконов отмечал:

«Изменения и в военной технологии сами по себе не обуславливают смену общественных отношений (производственных отношений). Их обуславливают только

такие изменения, которые сопровождаются сменой ценностной ориентации. И наоборот, перемена ценностей не приводит к коренной смене общественных отношений, если она не подкреплена революцией в технологии производства оружия».

Иными словами, прогресс вооружений и формирование новых ценностных и поведенческих систем связаны между собой двусторонней взаимообуславливающей связью. Каждый тип вооружений связан с определенной метафизикой, с отношением человека к жизни и смерти, к своей и чужой человеческой общности. При этом важно подчеркнуть, что возникнув в связи с определенным характером вооружения философия жизни и этика продолжает существовать и тогда, когда тип оружия сменяется значительно более совершенным.

Сам по себе прогресс вооружений линейен (возможно – это единственный действительно линейный прогресс среди всех человеческих технологий) и подчиняется простой формуле: возрастание возможностей убить одной единицей оружия максимальное количество людей самому оставаясь в максимальной безопасности.

Разумеется, каждая инновация в вооружениях имеет серьезные социальные последствия, как это блистательно показали Уильям Макнил в работе «В погоне за мощью» и Сергей Нефедов в работе «Война и общество». Однако мы можем выделить некоторые наиболее общие изменения и перевороты в самих принципах создания нового оружия. Эти перевороты связаны с изменением материальной основы самого оружия, изменением в характере энергии, приводящей его в действие, а также с тем, что на каждом этапе истории вооружений можно выделить этап появления надежных мобильных платформ для новых видов вооружений принципиально изменяющих степень их действенности.

Какие процессы характерны для прогресса вооружений? Прежде всего: вытеснение материи энергией: сперва живая мускульная энергия приводит в действие слегка обработанные естественные материалы, в конечном счете все придет к самодоставляющейся физической энергии. Далее – дематериализация и денатурализация поражающих факторов: природные материалы заменяются искусственно создаваемым металлом, а тот искусственно вызываемым энергетическим импульсом. В ходе военного прогресса происходит одновременное возрастание как числа поражаемых противников, так и числа заменяемых техническим средством бойцов. Параллельность этих двух процессов ведет к тому, что численность армий не сокращается, а растет, так как каждая сторона нуждается во все большем резерве бойцов.

Мы можем выделить четыре ключевых эпохи в истории оружия и четыре дополнительных эпохи, связанных с появлением мобильных платформ.

Архаическая эпоха

Оружие является продолжением естественного оружия, доступного человеку (палок, камней, рук) и имеет эффект сравнимый с воздействием одного человеческого тела на другое. Его поражающая мощь создается физическим усилием и равна живой энергии приводящей его в действие, человеческой мускульной на ранней стадии и животной на поздней. Поражающая сила оружия в среднем равна энергии одного человека и способна одновременно в короткий срок поразить лишь одного противника. Ранняя архаика: луки, дубины, дротики и копья с каменными и медными наконечниками. Поздняя архаика – появление мобильных платформ для вооружений: боевые колесницы и всадники лучники. Архаическая эпоха способствует оформлению первой этической системы – «Юга» и связанного с этой системой типа цивилизаций. Этот этап соотносится и с определенной метафизикой, утверждающей, что бытие это лишь то, что действительно есть, а небытия нет. Священное слито с мирским и пронизывает мирское,

может быть использовано для мирского – отсюда характерная для архаической эпохи вера в магию как едва ли не самое совершенное оружие.

Железный век

В эту эпоху сохраняется тип приводящей оружие в действие энергии, но материальная основа самого вооружения значительно изменяется. Перед нами железо (на раннем этапе еще соседствующее с бронзой). Оружие за счет прочности своего материала приобретает значительную независимую от прилагаемой энергии мощь – клинком можно даже случайно порезаться, броня отражает удар даже металла. Металл становится ведущим поражающим фактором. Вооруженный металлическим оружием и доспехами воин значительно сильнее тех, у кого такого оружия нет. Живая энергия человека и, затем, лошади суммируется с поражающей силой металла, создавая превосходящую ударную мощь. Поражающая сила оружия равна энергии нескольких человек и способна в короткий срок поразить до десятка противников. Ранний железный век: копья, мечи, кинжалы с бронзовым и железным наконечником, панцирное вооружение и шлемы.

Поздний железный век – оружие на мобильных боевых платформах: бронированная ударная кавалерия для которой характерно совершенствование системы управления лошадью и всё более высокий уровень защищенности всадника, альтернативными вариантами развития мобильной платформы являлись монгольские лучники, железные стрелы которых пробивали доспехи, и дальние десантные корабли викингов, позволявшие доставить и десантировать хорошо вооруженных воинов на значительные расстояния.

Железный век, по всей видимости, выступает предпосылкой религиозно-философской и этической революции «Осевого времени», в ходе которой оформляется вторая этическая система.

Метафизические предпосылки этической системы состоят в осознании различия между сущим и должным, между имманентным и трансцендентным. Впервые идеальный порядок бытия осознается как отдельный от данности нашего мира и ставится вопрос о возможности приближения к идеалу на пути нравственного делания или политической организации – не случайно железный век, особенно поздний его период, это эпоха империй-церквей стремящихся открыть своим подданным путь к трансцендентному.

Век огня

Поражающим фактором в эту эпоху остается металл, но его усиление и доставка теперь связаны с заменой действующей энергии с живой мускульной силы на энергию порохового взрыва на раннем этапе и прибавляющуюся к ней энергию внутреннего сгорания, приводящую в движение средства доставки на позднем этапе. Прочность металла теперь суммируется не с мускульной энергией, а с энергией физико-химического процесса. Убивает еще материя, но движет ею уже нечеловеческая энергия. Поражающая сила равна силе десятков людей и способна уничтожить одним ударом несколько десятков противников. Раннее огнестрельное оружие: ружье, пистолет, пушка, парусный корабль, вооруженный пушками.

Позднее огнестрельное оружие на мобильных платформах: танк, боевой самолет, дредноут, авианосец. С наступлением века огня связана реализация предпосылок третьей этической системы. Расширяются боевые возможности индивида, расширяются возможности вооруженных огнестрельным оружием обществ принуждать других «быть такими как они». В метафизике эта эпоха выступает как период секуляризации – священное вновь спускается на землю, священное и мирское, трансцендентное и имманентное перепутываются, но теперь при безусловном главенстве ценностей мирского. Вооруженные огнестрельным оружием цивилизации стремятся обустроить мир уже не ради прорыва к священному, а ради мирского самого по себе. Причем, в соответствии с третьей этической системой, в этом мире потенциальное становится важнее

уже реализованного. Перед нами эпоха бесконечного поиска новых возможностей.

Атомный век

Поражающим фактором становится энергия высвобождающаяся в ходе физического процесса. Металл используется только для упаковки и доставки компонентов для последующего акта высвобождения энергии. Само поражающее воздействие – энергетический процесс огромной мощности. Поражающее воздействие равно силе сотен тысяч человек и уничтожает сотни тысяч. На позднем этапе можно предположить освобождение энергии от материальных компонентов доставки, превращение в главный поражающий фактор чистой самотранспортирующейся энергии. Ранний атомный век: атомная и термоядерная бомбы, межконтинентальные баллистические ракеты. Поздний атомный век – какие конечные формы может привести мобилизация ядерного/энергетического оружия мы можем пока только гадать. Да и в целом мир вооружений пока строится на сосуществовании ядерного оружия и по прежнему более чем актуального огнестрельного. По настоящему переход между оружейными эпохами совершится когда и если будет внедрено ядерное/энергетическое оружие не угрожающее последствиями своего применения тому, кто его применил. До этого момента мир будет продолжать существовать в режиме огнестрельно-ядерного дуализма.

Атомный век с его стратегией недопущения агрессии и сдерживания угрозы создает самые благоприятные предпосылки для становления четвертой этической системы по Крылову. Перед нами этика и метафизика выбора и отказа. Есть возможности, которые должны быть отвергнуты, есть поведение, которое неприемлемо. Трансцендентное и имманентное вновь расходятся, но теперь на первый план выходит метафизический выбор, совершаемый здесь,

на земле. Наступающий мир – это мир границ, мир этических кодексов приемлемого и неприемлемого, разделения на свой-чужой. С одной стороны, в нем возрождаются традиционалистские течения, задавленные вседозволенностью предыдущей эпохи. Но и либеральная доктрина Запада становится, по сути, селективной – списки того, что неприемлемо, недопустимо, должно быть отменено, растут в либеральной среде с гораздо большей скоростью, чем в консервативной. Сегодня, как можно судить, мы находимся посреди фазового перехода к раскрытию потенциала атомного века и коррелирующей с ним четвертой этической системе и метафизике.

Ни в коем случае не следует трактовать прогресс вооружений и его влияние на этику и метафизику как своего рода аналог марксистского движения базиса меняющего надстройку. Прежде всего, вооружения, война, военная организация – не материальный «базис», а сами по себе весьма действенные суперструктуры, которые обеспечивают возможность принуждать огромные массы людей к тому, чего они в противном случае делать бы ни в коем случае не стали. Именно способность некоторых суперструктур раньше остальных изобретать и внедрять новые виды оружия и использовать их для усиления своей мощи ведет к появлению масштабного неравенства между государствами, империями и цивилизациями. Игра на этом неравенстве составляет собой значительную часть всемирного исторического процесса.

СПОР О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЧЕЛОВЕКА

Мы имеем несколько трудносовместимых между собой картин начала человеческой истории. Первая из них – библейская. Она имеет то преимущество, что рассматривается верующими как божественное откровение. В этом откровении понятно объясняется происхождение движущего историю основного противоречия.

Созданный по образу Божию Адам предназначен был для соединения сотворенного мира с Богом, однако по наущению восставшего против Бога дьявола уклонился от своей задачи, впал в магизм – попытку достичь божественности через вкушение плодов. За это первые люди были изгнаны из Эдемского сада, облечены в плотные материальные тела, лишены большей части божественных сил, обречены на труд в поте лица и продолжение рода в муках и слезах, наконец, стали подвержены закону смерти. Таково наследие первородного греха, тяготеющее над человечеством и материальным миром.

Это падение человека было усугублено на следующих этапах через совершенное Каином братоубийство (именно наследники Каина рассматриваются в Библии как изобретатели основных аспектов материальной цивилизации), затем через извращение всех законов божественных и природных, приведшее к истреблению почти всего человечества во Всемирном Потопе и отнятию от человека остатка присущих ему сверхъестественных сил, в частности - долголетия. Потомки праведного Ноя расселились по земле, получили божественное благословение на охоту и вкушение мяса, однако их попытка бросить новый вызов Богу привела к смешению языков и раздробленности народов, отныне неспособных всем человечеством уклониться в общее нечестие.

Библейская картина совершенно ясно объясняет возникновение известных нам условий существования человечества – смертность, слабость, зависимость от материальных условий, трудность приобретения пропитания, этнолингвистическая раздробленность,

и, в то же время, представление о своей предназначенности к чему-то большему. Однако мы не можем однозначно соотнести эту символически однозначную картину с имеющимися у нас историческими данными.

Можно допустить, что так же, как при соотношении евангельского рассказа с реалиями Римской Империи, или рассказа о Ветхом Израиле с реалиями истории Древнего Востока, этот рассказ о древнейшем человечестве является точным, но фрагментарным, призванным нарисовать не историческую панораму целиком, а передать те факты, которые имеют значение для спасения души тех, кто живет согласно Писанию. Удастся ли ученым когда-то установить более полный исторический контекст библейского рассказа о начале человеческой истории, как им удалось в XIX веке установить контекст библейских рассказов о Древнем Востоке, - вопрос открытый.

Особенностью противостоящей религиозной картине начала человеческой истории картины светской является то, что она так же основана на вере, которая предопределяет подбор и интерпретацию фактов. Это вера в эволюцию – то есть длительный процесс слепого развития материи в результате которого материя самоусложняется, под воздействием генетических мутаций возникают все новые и новые виды существ, одним из которых оказался развившийся из обезьяны в результате долгой эволюции человек.

Далеко не все ученые принимали и принимают эволюционизм, особенно в его дарвиновской интерпретации. Крупными критиками эволюционизма и дарвинизма были в XIX веке крупнейший естествоиспытатель, автор ледниковой теории Ж.Л. Агассис, и выдающийся ихтиолог и философ истории Н.Я. Данилевский. Далеко не все сторонники эволюции разделяют неodarвинистскую теорию эволюции, исключаящую из понятия о ней целенаправленность и закономерности. Наконец, далеко не все ученые эволюционисты отрицают Бога и Его воздействие на эволюцию. Другими словами, ставить знак равенства между современной эволюционной концепцией и наукой как таковой – невозможно.

Главной философской уязвимостью эволюционной концепции является, на наш взгляд, то, что она, в отличие от концепции библейской, не дает никакого объяснения основному противоречию истории и феномену суперструктур. Будучи самым совершенным на сегодняшний момент продуктом эволюции человек не мог бы мыслить нечто бесконечно более совершенное, чем он сам, не мог бы стремиться к этому более совершенному состоянию. Ни одно животное не ставит себе эволюционных целей за пределами самого себя, собака не стремится стать сверхсобакой. Сверхчеловеческие устремления человека, выходящие за границы даже теоретически мыслимого в рамках эволюции (например претензия на бессмертие духа переходящее в бессмертие тела), в эволюционной логике необъяснимы. А между тем, судя по характеру древнейших известных нам погребений, упорное отрицание своей смертности характерно было для людей уже в древнейшую эпоху.

Антропологическая доказательная база для теории превращения обезьяны в человека также крайне ненадежна и противоречива. Фактически, она убедительна только для того, что уже верит в эволюцию. А сама эта вера во многих случаях достигалась недобросовестной пропагандой – например искусственным расчеловечиванием облика тех существ, которые возводились в ранг «предков человека», необоснованным приданием их вымышленным изображениям (выдававшимся за реконструкции) обезьяноподобных черт в частности за счет воображаемого обильного волосяного покрова. В последние десятилетия наметилась противоположная тенденция к очеловечиванию представлений о «ранних людях». Но в массовых представлениях уже закрепился образ, сформированный картинками с «обезьянолюдьми».

При построении «эволюционного дерева» все антропологически засвидетельствованные виды потенциальных предков человека рано или поздно понижаются в статусе до боковых ветвей. Нам предлагается верить в по прежнему неуловимого для

палеоантропологов прямого предка, требовать предъявить которого неприлично, так как «эволюция это не стадии, а процесс». Фактически мы имеем дело с альтернативной религиозной верой, которая, к тому же, не может объяснить главного – описанного нами выше противоречия, выступающего источником исторического движения.

Более надежный фундамент, чем эволюционистская антропология, предоставляет для нас научная археология. Она тоже может носить эволюционистский по объяснениям характер, но она имеет дело с фактами. Такими фактами, зримым свидетельством присутствия человека в истории, являются изготавливаемые им орудия. По условиям сохранности археологических артефактов до нас дошли преимущественно каменные орудия, благодаря которым древнейшие этапы истории человечества мы именуем каменным веком.

Даже древнейшие и примитивнейшие из этих орудий, относящиеся к олдованскому и ашельскому типу каменной индустрии несут на себе отпечаток фундаментальных свойств человеческого ума: целесообразность, предвидение последствий своих действий, волевое стремление достичь нужного результата, тенденция к неутилитарной эстетичности, а вместе с тем – необходимость социальной и индивидуальной памяти для того, чтобы передавать знания о технологии изготовления орудий из поколения в поколение, поскольку никакой инстинктивной программы орудийной деятельности в человеке не заложено.

Орудия являются свидетельством о наличии в человеческом сознании основного противоречия истории. Они позволяют человеку изменить действительность и добиться того результата, который без орудий, с помощью лишь биологического механизма, попросту недостижим. Орудийная деятельность ставит человека как историческое существо выше биологии и выводит за её пределы. Даже самые примитивные орудия, такие как рубила и скребки, предназначены для того типа действий, которые человек бы не мог

совершить с помощью своих конечностей. Орудия позволяли и позволяют выдержать такую физическую и нервную нагрузку, которая для человека биологически невыносима. От бионических орудий, которые в той или иной степени являлись продолжением конечностей и усиливали их действие, человек перешел к инженерным орудиям, таким как лук. Способ действия лука ничего общего со способом действия человеческих конечностей не имеет. Он основан на понимании принципов механики и баллистики.

Установлено, что мозговые центры, отвечающие за изготовление орудий и за речь во многом перекрывают друг друга. Знаковая деятельность является другой, идеальной формой орудийной деятельности и развивается параллельно. Она позволяет человеку оперировать понятиями, образами, идеальными объектами, обрабатывать мысли так же, как орудия обрабатывают материю. Совершенствование орудий и совершенствование речи шли параллельно.

Шло ли параллельно совершенствование и телесной оболочки? Исключать этого нельзя. Возможно, библейский образ «риз кожаных», в которые облечены были Адам и Ева после изгнания из Рая относится не к одежде, а к физическим телам, которые могли быть и в значительной степени грубее, чем наши. Однако этот процесс не мог быть процессом выработки человеческого разума. Напротив, базовые свойства разума мы отмечаем даже в древнейших орудиях. Разум, если угодно, не вырабатывался, а прорезался, в каком-то смысле - вспоминался.

Разум мог выступать в качестве суперструктуры, модифицирующей связанное с ним тело. Мы можем допустить, что в ходе палеоантропологической «доистории» имел место не столько процесс выработки разума, так называемой «сапиентации», происходившей благодаря генетическим случайностям, сколько процесс адаптации к разуму его материальной оболочки. Причем эта адаптация могла иметь характер автоселекции, то есть сознательного отбора человеческими популяциями необходимых

для них свойств. Отказ человеку в способности сознательно влиять на собственное развитие противоречил бы и нашему эмпирическому опыту и принципам научности.

Взгляд с точки зрения теории суперструктур может объяснить для нас многие аспекты полученных археологами данных о древнейших этапах орудийной и хозяйственной деятельности человека, развития его культуры и даже, не исключено, изменение его внешнего облика.